D610
A 87
2. 8 т. III 1909
A 8

АРХИВЪ
ЮГО-ЗАПАДНОЙ РОССІИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

КОММИССІЕЮ ДЛЯ РАЗБОРА ДРЕВНИХЪ АКТОВЪ,

состоящей при Кіевскомъ, Подольскомъ и Волынскомъ Генералъ-Губернаторѣ.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ.

ТОМЪ III.

Акты о брачномъ правѣ и семейномъ бытѣ въ Юго-западной Руси въ XVI—XVII вв.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра Акц. Общ.
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго. Меринговская, 6.
1909.

1105

АРХИВЪ
ЮГО-ЗАПАДНОЙ РОССІИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

КОММИССІЕЮ ДЛЯ РАЗБОРА ДРЕВНИХЪ АКТОВЪ,

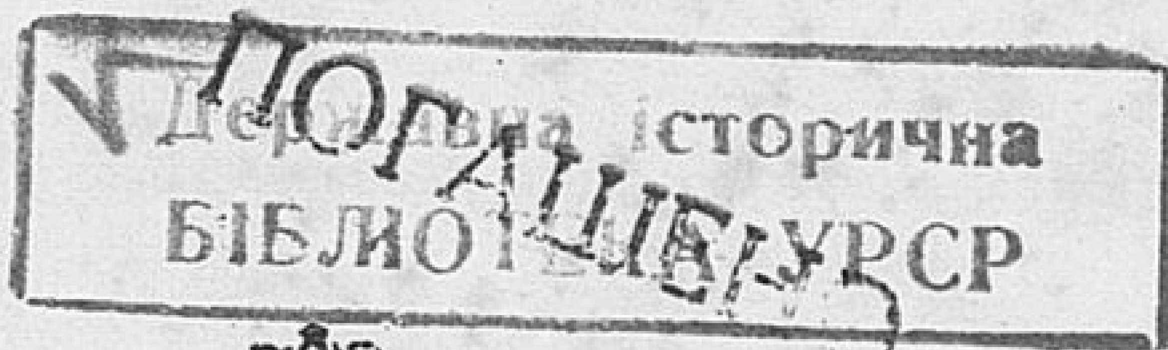
состоящей при Кіевскомъ, Подольскомъ и Волынскомъ Генералъ-Губернаторѣ.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ,

ТОМЪ III.

Акты о брачномъ правѣ и семейномъ бытѣ въ Юго-западной Руси въ XVI—XVII вв.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра Акц. Общ.
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская, 6.
1909.

993150

Экз. полный, проверила

Печатано по распоряженію Предсѣдателя Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ.

№ 1105

Черты семейнаго быта въ Юго-западной Руси въ XVI—XVII вв.

Собранные въ настоящемъ томѣ акты представляютъ столь богатый и разнообразный историко-юридическій матеріалъ, что обозрѣть его весь во вступительной статьѣ (какъ принято въ изданіяхъ нашей Коммиссіи) нѣтъ никакой возможности, поэтому мы по необходимости должны съузить рамки нашего обзора. Главное содержаніе обозрѣваемыхъ нами актовъ—брачное право и семейный бытъ въ Юго-западной Руси въ XVI и первой половинѣ XVII ст. Та и другая тема находятъ въ нихъ обильный матерьялъ для своего рѣшенія, но послѣдняя получаетъ особенно яркое освѣщеніе въ виду чрезвычайнаго богатства и разнообразія данныхъ, рельефно рисующихъ оригинальныя черты тогдашняго семейнаго быта. Сгруппировать эти данныя въ извѣстной системѣ такъ, чтобы предъ читателемъ предстала возможно полная картина семейной жизни того времени, и составитъ задачу настоящаго очерка.

При этомъ мы должны сдѣлать одну оговорку. Наши матеріалы извлечены почти исключительно изъ актовыхъ книгъ гродскихъ (замковыхъ) и земскихъ судовъ, потому что акты другихъ судебныхъ учрежденій тѣхъ вѣковъ или вовсе не сохранились (наприм., акты судовъ духовныхъ, доминіальныхъ), или сохранились въ весьма незначительномъ числѣ и при томъ изъ болѣе поздняго времени

(книги магистратскія и ратушныя). Земскіе суды и акты учреждены были исключительно для шляхетскаго сословія; въ книги замковыя, или гродскія, вносили свои документы тоже преимущественно шляхтичи, точно такъ же, какъ и судились въ гродскомъ судѣ лица непривилегированныхъ классовъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. Поэтому, при всемъ богатствѣ собранныхъ нами матеріаловъ, они имѣютъ тотъ недостатокъ, что касаются главнымъ образомъ быта привилегированныхъ классовъ и лишь изрѣдка въ нихъ выступаютъ представители мѣщанскаго и крестьянскаго сословій. Въ виду этого и мы, изображая черты семейнаго быта, будемъ имѣть въ виду главнымъ образомъ высшіе классы тогдашняго южно-русскаго общества, касаясь остальныхъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой позволяютъ это матеріалы.

Въ ту пору, съ которой начинается наше изслѣдованіе, высшіе классы въ Юго-западной Руси не успѣли еще объединиться и обособиться отъ остального населенія въ видѣ равноправнаго и политически полноправнаго шляхетскаго сословія, какъ это случилось послѣ Люблинской уніи [1]). Обозрѣвая тогдашній общественный строй, мы можемъ указать лишь сословныя группы, столь слабо разграниченныя одна отъ другой, что не всегда можно провести между ними точную демаркаціонную черту. Въ первой линіи стояли многочисленные княжескіе роды, по большей части потомки древнихъ удѣльныхъ князей; ихъ было особенно много на Волыни. Были между ними очень вліятельные магнаты, члены литовской великокняжеской рады, какъ князья Острожскіе, Вишневецкіе, Чорторый-

---

[1]) Предупреждаемъ читателя, что въ настоящемъ очеркѣ мы совсѣмъ не будемъ касаться Подолья, такъ какъ оно еще въ первой половинѣ XV ст. вошло въ составъ Польскаго государства, послѣ чего здѣсь введено было польское право и начался наплывъ коренной польской шляхты, благодаря чему исконныя начала древне-русскаго права и быта скоро подверглись здѣсь измѣненіямъ. Въ виду этого мы не включили въ нашъ томъ актовъ Каменецкаго земскаго суда, сохранившихся съ 1521 года.

скіе, Сангушки и др., но много было и захудалыхъ княжескихъ фамилій, не игравшихъ никакой общественной роли. За князьями слѣдовалъ самый многочисленный военно-служилый классъ землевладѣльцевъ, именовавшихся земянами; ихъ общественное значеніе опредѣлялось не знатностью рода, какъ первой группы, а исключительно службой и состояніемъ: кто изъ нихъ былъ богатъ или занималъ должности старостъ и другихъ велико-княжескихъ урядниковъ, тѣ ни въ чемъ не уступали князьямъ средней руки, а болѣе бѣдные земяне примыкали къ третьей группѣ —боярамъ. Это былъ классъ мелкихъ землевладѣльцевъ, подобно земянамъ обязанный военной службой, но по условіямъ быта составлявшій какъ бы переходную ступень къ мѣщанамъ, тоже именовавшимся тогда «панами», и крестьянамъ, еще свободнымъ въ то время отъ крѣпостной зависимости. Всѣ эти общественныя группы, связанныя единствомъ вѣры, національности и старыхъ вѣчевыхъ преданій, были чужды понятій сословной исключительности, жили однимъ бытомъ и постоянно сливались и смѣшивались между собою: князья роднились съ земянами и боярами, земяне и бояре—съ мѣщанами; земяне нерѣдко переходили въ мѣщанское сословіе, и наоборотъ—богатые мѣщане, пріобрѣтая земли, становились въ ряды земянъ, и т. под. Никакой классовой отчужденности не было еще въ то время. Когда въ 1471 году богатая волынская земянка Марья Вохнова выдавала дочь въ замужество, то свидѣтелями сговора она пригласила четырехъ земянъ, двухъ священниковъ, ксендза, мѣстнаго войта и двухъ мѣщанъ: «пана Тина Горчицу и пана Маска» [1]). Присутствіе католическаго ксендза наряду съ православными священниками достаточно свидѣтельствуетъ объ отсутствіи вѣроисповѣдной отчужденности: но эта же черта и сто лѣтъ спустя ярко выступаетъ въ извѣстной грамотѣ короля Стефана Баторія 1579 г., изъ которой видно, что даже послѣ Люблинской уніи католики на Волыни весьма часто обращались къ православнымъ священникамъ за по-

---

[1]) См. въ приложеніи № CLIV.

ученіемъ христіанскихъ таинствъ и совершеніемъ всевозможныхъ требъ, до брачныхъ разводовъ включительно [1]).

Съ половины XVI ст. въ жизни высшихъ западно-русскихъ классовъ обнаруживается знаменательный процессъ, разрѣшеніе котораго составило поворотную эпоху въ политической, общественной и бытовой исторіи страны. Съ одной стороны, здѣсь пробуждается сильное умственное движеніе, вызванное наплывомъ идей реформаціи и усвоеніемъ европейскаго образованія, а съ другой—открывается безпрепятственный доступъ вліянію польской культуры и общественности, чему особенно содѣйствовала Люблинская унія. Успѣхъ этой уніи, задуманной еще при Ягеллѣ и съ особенною энергіею подготовляемой въ правленіе обоихъ Сигизмундовъ, былъ разсчитанъ на поддержку и сочувствіе многочисленнаго въ Литовскомъ государствѣ сословія земянъ, хотя и владѣвшихъ землею, но лишь на ленномъ правѣ, а не на правѣ полной собственности и поставленныхъ не только въ полное подчиненіе по отношенію къ великому князю, но сверхъ того находившихся въ извѣстной зависимости отъ болѣе крупныхъ ленниковъ, потомковъ бывшихъ удѣльныхъ князей и другихъ литовско-русскихъ магнатовъ. Дѣйствительно, польскій сословно-общественный и политическій порядокъ, съ его пресловутою шляхетскою вольностью и равноправностью, долженъ былъ дѣйствовать на членовъ этого сословія весьма заманчиво, такъ какъ водвореніе того же порядка въ Литовскомъ вел. княжествѣ и соединенныхъ съ нимъ русскихъ земляхъ сулило земянамъ рядъ такихъ важныхъ выгодъ, какъ уравненіе ихъ съ магнатскими родами, пріобрѣтеніе права полной земельной собственности, закрѣпощеніе жившихъ на ихъ земляхъ крестьянъ, ограниченіе зависимости отъ велико-княжеской власти и пріобрѣтеніе вліянія на ходъ и направленіе государственныхъ дѣлъ. И точно, все это принесла съ собою Люблинская унія, и въ этомъ смыслѣ она справедливо считается поворотнымъ пунктомъ въ исторіи Литвы и Юго-западной

---

[1]) Архивъ Юго-зап. Россіи, часть I, т. 1, № 117.

Руси, открывшимъ собою эпоху коренного измѣненія существовавшихъ здѣсь раньше политическихъ, сословно общественныхъ и экономическимъ отношеній. Она уничтожила прежнее разнообразіе сословныхъ группъ, чуждыхъ строгаго разграниченія, и разбила все населеніе на двѣ рѣзко отдѣленныя одна отъ другой сословныя категоріи: шляхтичей и людей «простого стану». Заимствованіе формъ польскаго общественнаго строя повлекло за собою перенесеніе цѣлой атмосферы понятій, выработанныхъ въ польско-шляхетскомъ обществѣ; началось усвоеніе польской образованности и языка, обычаевъ и вообще формъ шляхетскаго общежитія. Исчезла прежняя простота жизни и уступила мѣсто роскоши и тщеславію. Тѣсное сближеніе западно-русскихъ дворянъ съ поляками, въ особенности же брачныя между ними связи, все чаще стали приводить ихъ къ перемѣнѣ старой, русской вѣры на новую, шляхетскую, т. е. католическую.

Казалось бы, что всѣ эти важныя перемѣны должны были повлечь за собою рѣзкія измѣненія и въ семейномъ бытѣ, но собранные нами акты не подтверждаютъ этого предположенія. Правда, кое-какія черты древне-русскаго патріархальнаго быта замѣтно начали исчезать, но чаще всего это были такого рода пережитки глубокой старины (наприм., брачный сговоръ малолѣтнихъ), которые сами по себѣ въ XVI в. являлись уже анахронизмами и по закону естественной эволюціи подлежали исчезновенію: основныя же черты семейнаго быта, какимъ застаемъ его въ Юго-западной Руси до Люблинской уніи, долго еще и затѣмъ оставались неизмѣнными. Этому содѣйствовало, прежде всего, то важное обстоятельство, что старинный семейный укладъ здѣсь находилъ для себя точку опоры въ Литовскомъ статутѣ, который сохранилъ въ Юго-зап. Руси силу дѣйствующаго права и послѣ присоединенія ея къ Польшѣ въ 1569 г.; вовторыхъ, не надо забывать, что ни въ какой области права обычаи не обнаруживаютъ столько жизненности и живучести, какъ именно въ семейной сферѣ. Потребовалась смѣна нѣсколькихъ поколѣній, приведшая южно-русское дворянство къ поголовному почти

ренегатству и денаціонализиціи,—и тогда только старый семейный быть подвергся разложенію, да и то лишь въ высшихъ шляхетскихъ кругахъ, а никакъ не среди мелкой шляхты. Но это произошло уже за предѣлами тѣхъ хронологическихъ рамокъ, какими мы ограничиваемъ наше изслѣдованіе.

Говоря о семейномъ бытѣ въ извѣстномъ обществѣ, нельзя обойти вопроса о положеніи женщины въ этомъ обществѣ, такъ какъ оба эти явленія несомнѣнно находятся между собою въ ближайшей связи и взаимодѣйствіи. Здѣсь мы покамѣстъ будемъ говорить не о юридической правоспособности женщины (объ этомъ рѣчь будетъ ниже), а только о положеніи ея, какъ члена общества, и о той роли, какую она занимала въ немъ.

Вообще говоря, южно-русская женщина XVI—XVII вв. пользовалась широкою свободою и независимостью, почти не уступая въ полнотѣ своихъ гражданскихъ правъ мужчинѣ. Не знала она ни теремнаго затвора, ни монастырскаго заключенія, ни той горькой домостроевской неволи и порабощенія, какія выпали на долю ея сестры—великороссіянки; напротивъ, консерваторы XVI в. горько жаловались, что въ высшей средѣ западно-русскаго общества жены взяли рѣшительный перевѣсъ надъ мужьями съ тѣхъ поръ, какъ Литовскій Статутъ обезпечилъ ихъ имущественныя права. Жила она среди свободнаго общества, которое лишь въ слабой степени ощущало надъ собою правительственную опеку литовскаго князя и его намѣстниковъ и собственными средствами и силами должно было охранять внутренній порядокъ и защищаться отъ постоянныхъ вторженій степныхъ хищниковъ; а въ такихъ условіяхъ жизни вырабатываются энергичныя личности, не терпящія ни въ чемъ стѣсненія своей независимости, предпріимчивости и права инициативы. И точно, южноруссы того времени всѣхъ классовъ и состояній, можетъ быть, даже въ излишествѣ обладали всѣми этими качествами, и женщины ни въ чемъ не уступали мужчинамъ, одинаково проявляя эту силу и энергію въ добрыхъ и дурныхъ поступкахъ.

Играя вполнѣ активную роль въ тогдашней общественной жизни, женщина столь же воспріимчиво, какъ и мужчина, отзывалась на всѣ вѣянія своего вѣка, страстно проникалась его интересами и едва ли не рѣзче отражала въ своей жизни и дѣятельности какъ свѣтлыя, такъ равно и темныя черты эпохи. Каждая общественная идея и направленіе, каждая господствовавшая въ данную эпоху добродѣтель или порокъ находили въ южно-русской женщинѣ не менѣе полное и страстное выраженіе, какъ и въ представителяхъ грубаго пола. Такъ, напримѣръ, когда во второй половинѣ XVI ст. на Волыни и Украинѣ началось увлеченіе протестантскими идеями, оно не замедлило найти для себя жаркихъ поборницъ въ средѣ знатныхъ женщинъ, изъ коихъ иныя, подобно, напримѣръ, умной и образованной волынской княгинѣ Аннѣ Корецкой, по нѣскольку разъ перемѣняли вѣру, пробовали всѣхъ существовавшихъ въ то время здѣсь протестантскихъ сектъ и толковъ и нерѣдко оканчивали тѣмъ, что снова возвращались къ предковской вѣрѣ и становились ея горячими поборницами; укажемъ, сверхъ того, на усердныхъ социніанокъ изъ фамилій Чапличъ-Шпановскихъ, Сенютъ, Немиричей, Войнаровскихъ и др. Съ другой стороны, когда, подъ вліяніемъ борьбы съ уніей и католичествомъ, въ южно-русскомъ обществѣ возникло религіозно-просвѣтительное движеніе, появилось немало достойныхъ женщинъ, дѣятельно подвизавшихся на пользу православной церкви, просвѣщенія и христіанской благотворительности: онѣ записывались въ члены церковныхъ братствъ, основывали монастыри, школы, богадѣльни, а иныя и сами становились инокинями. Таковы, наприм., были: Елена Горностаева, урожденная княжна Чорторыйская, фундаторка Пересопницкаго монастыря, составившая для него прекрасный уставъ (общежительный) и устроившая при немъ «шпиталь для убогихъ и недужныхъ и школу для науки дѣтей» [1]; столь извѣстная въ исторіи Кіево-братскаго училища и монастыря Гальшка Гулевичъ, а равно основательницы во-

[1]) Архивъ Юго-зап. Россіи, часть I, т. 1, № 118.

лынскихъ монастырей: Почаевскаго—Ганна Гойская, Загаецкаго—Раина Ярмолинская, и многія другія. Къ нимъ же должна быть причислена просвѣщенная княжна Софья Михайловна Чорторыйская, бывшая въ замужествѣ за хорунжимъ волынскимъ Вацлавомъ Боговитиномъ, которая основала въ своемъ имѣніи, м. Рахмановѣ, типографію и сама занималась переводомъ съ греческаго на славянскій языкъ евангельскихъ и апостольскихъ бесѣдъ [1]).

Были между южно-русскими женщинами того времени и такія, которыя совмѣщали въ себѣ высшія типическія черты семейныхъ добродѣтелей; другія славились, какъ образцовыя хозяйки, лично управлявшія громадными имѣніями и съ успѣхомъ замѣнявшія своихъ мужей въ «господарскихъ» обязанностяхъ. Но, вообще говоря, въ тотъ жестокій вѣкъ пороковъ было больше, нежели добродѣтелей, и потому отрицательные типы южно-русскихъ женщинъ XVI—XVII ст. отличаются изобиліемъ и разнообразіемъ. Вотъ предъ нами типъ волынской Мессалины конца XVI в., въ лицѣ земянки Ганны Монтовтъ, которая вела открыто развратную жизнь и не гнушалась прибѣгать къ тайнымъ средствамъ отравы, когда хотѣла отдѣлаться отъ нелюбимаго человѣка [2]). Къ тому же отчасти типу могутъ быть отнесены Настасья Пузовская и Елена Харлинская, жестоко расправившіяся съ нелюбимыми мужьями [4]). Впрочемъ, личности, подобныя двумъ послѣднимъ дамамъ, и въ тѣ времена въ южно-русскомъ обществѣ были явленіемъ исключительнымъ. Зато въ немъ широко распространенъ былъ типъ женщины, выросшей и воспитанной въ сферѣ безграничнаго своеволія шляхетской среды,

---

[1]) Въ этой типографіи въ 1619 г., было напечатано Учительное евангеліе извѣстнаго Кирилла Транквиліона; въ посвященіи этой книги князю Юрію Михайловичу Чорторыйскому говорится, что многія евангельскія и апостольскія бесѣды „преложила зъ грецкого языка на словенскій стараннямъ, промысломъ и коштомъ своимъ светои памети ее милость кнежна Чорторыйская Софія, сестра вашей княжей милости“.

[2]) См. нашъ бытовой очеркъ: „Ганна Монтовтъ“, въ „Кіев. Старинѣ“ 1889 г. О ней же—въ настоящемъ томѣ №№ X, XXVII XLIX, CXVII.

[3]) О нихъ см. №№ CXX и CXXV.

не сдерживаемаго ни извнѣ — властью и закономъ, ни извнутри — твердыми нравственными принципами и сознаніемъ долга. Для примѣра укажемъ на біографію одной изъ такихъ энергичныхъ женщинъ — волынской земянки конца XVI в. Ганны Борзобогатой-Красенской, которая сумѣла подчинить своему вліянію и слабохарактернаго мужа, и престарѣлаго тестя — владыку, управляла самопроизвольно имѣніями и казной Луцкой епископіи, вела многочисленныя тяжбы, предпринимала безпрестанные наѣзды на имѣнія сосѣдей, отказывалась исполнять законныя требованія властей, даже распоряженія самого короля, и когда однажды, по королевскому приказанію, поднято было противъ нея поголовное ополченіе цѣлаго воеводства, то эта неустрашимая женщина, одѣтая въ панцырь и предводительствуя гайдуками и артиллеріей, мужественно отразила ополчившихся дворянъ и нанесла имъ рѣшительное пораженіе [1]). Такихъ воинственныхъ дамъ было очень много въ XVI—XVII вв., и мы, минуя другихъ, назовемъ лишь еще одну — волынскую княгиню Софью Ружинскую, которая въ 1608 г., лично предводительствуя отрядомъ въ 6000 человѣкъ пѣхоты и конницы, съ развѣвающимися знаменами и военною музыкою, приступомъ взяла замокъ князей Корецкихъ въ м. Черемошнѣ, сожгла его и разграбила мѣстечко [2]). Конечно, своеволіе въ такихъ размѣрахъ могли дозволять себѣ лишь магнатки; шляхтянки средняго состоянія и положенія могли вести, такъ сказать, малую войну съ сосѣдями, да еще любили предаваться сутяжничеству. Этой страсти — вести судебные процессы — вообще предавалась до излишества тогдашняя шляхта, и женщины не уступали въ ней мужьямъ и братьямъ. Бывали между ними такіе завзятые юристы, которые только и дѣлали, что ѣздили по судамъ и трибуналамъ, знали хорошо статутъ и др. законы, постигали всѣ тонкости судебной казуистики и лично, а

---

[1]) См. о ней въ историч. разсказахъ д-ра Антонія J: Niewiasty kresowe. Варшава, 1883.

[2]) Архивъ Юго-зап. Россіи, часть VI, т. 1, № CVII.

не черезъ повѣренныхъ, выступали въ сложныхъ и трудныхъ процессахъ [1]).

Столь широкая женская самодѣятельность и активная роль въ общественной жизни, строго говоря, не вполнѣ согласовалась съ духомъ Лит. Статута, по смыслу котораго женщина считалась всю жизнь состоящею въ опекѣ: до замужества ея опекунами являлись родители или, за ихъ смертью, близкіе родственники, въ замужествѣ—мужъ, въ вдовствѣ—нарочитые опекуны. Но жизнь и тогда уже опередила это патріархальное воззрѣніе на женщину, какъ на полуправное существо, и такъ же мало считалась съ нимъ, какъ и современная жизнь мало считается съ подобнымъ воззрѣніемъ устарѣвшаго законодательства. Вообще же говоря, Лит. Статутъ весьма мало ограничивалъ гражданскую правоспособность женщины, въ полной мѣрѣ признавалъ за нею права имущественныя, право вступать въ обязательства и вообще всю сумму частныхъ правъ, и сугубо охранялъ ея жизнь, здоровье, честь и личную неприкосновенность [2]). Ниже мы подробнѣе коснемся этого предмета, когда будемъ говорить о положеніи замужней женщины и вдовы, а теперь лишь замѣтимъ, что даже дѣвушки, оставаясь еще въ родительскомъ домѣ, по достиженіи «дорослыхъ лѣтъ», т. е. гражданскаго совершеннолѣтія, уже пользовались широкою правоспособностью. Срокъ совершеннолѣтія еще въ Статутѣ 1529 г. былъ опредѣленъ для

---

[1]) Для образца вотъ маленькая бытовая сценка. Въ маѣ 1570 г. въ Луцкомъ гродскомъ судѣ происходилъ разборъ дѣла по обвиненію князя Марка Сокольскаго въ сопротивленіи судебному декрету относительно отобранія отъ него имѣнія для передачи другому лицу. Среди судебныхъ преній выступила мать Марка, княгиня Олена Сокольская, и сказала: „Слышу, ижъ тутъ мовятъ, якобы я намовяла (подговаривала) сына. Ино я не намовяла, а коли и заборонила увезаня, то ми того вчинити волно водле Статуту, яко о томъ учитъ въ розделе четвертомъ, въ артыкуле тридцять первомъ". Актов. кн. Кіев. Центр. Архива, № 2044, л. 253.

[2]) По Лит. Статуту „навязка" за пораненіе женщины и „головщина" за ея убійство взыскивалась „совито" (вдвойнѣ), и это постановленіе касалось не однѣхъ шляхтянокъ, но и женщинъ „простого стану".

мужчинъ въ 18 лѣтъ, для дѣвушекъ въ 15 лѣтъ [1]). Съ этого возраста дѣвушка не только становилась владѣтельницей наслѣдственнаго имущества въ случаѣ сиротства, но могла имѣть отдѣльную собственность и при жизни родителей, которую она пріобрѣтала путемъ раздѣла съ замужними сестрами или же получала въ даръ отъ родителей. Въ 1573 г. дочь земянина, «панна» Татьяна Бѣлостоцкая сдѣлала формальное заявленіе въ Луцкомъ гродѣ: «што дей которые части въ йменю нашомъ отчизномъ Любитове поделили есмо з сестрою моею, панею Марьею Михайловою Микулинскою, а ижъ дей на сесь часъ отсель зъ Волыня с панею маткою моею до зятя моего пана Микулинского на Подолье отъежчамъ, тогды дей тые люди свои (крестьянъ) части моее Любитовское в опеку, в моцъ и в оборону даю зятю моему пану Михайлу Дрозденскому» [2]). Изъ словъ заявительницы видно, что въ то время была еще жива ея мать, которой по закону принадлежало право опеки надъ незамужнею дочерью, но это какъ будто не ограничивало права «панны» распоряжаться своею собственностью. Еще яснѣе звучитъ сознаніе такого права въ записи 1570 г. княжны Ганны Четвертенской объ условіяхъ ея имущественной сдѣлки съ невѣсткою, вдовою брата, княгинею Богданою Четвертенскою. Дѣйствуя также при жизни своей матери (съ ея вѣдома и согласія), княжна Ганна рѣзко подчеркиваетъ свои имущественныя права, заявляя, что «маючи лѣта зуполные и могучи именьемъ своимъ ку своему пожиточному шафовати», она такъ-то распредѣлила съ невѣсткой родовыя свои имѣнія [3]). Въ обоихъ этихъ случаяхъ дѣвушки распоряжаются, имѣя въ живыхъ лишь матерей; но то же могло быть и при жизни обоихъ родителей, ибо въ то время нерѣдко случалось, что одинъ изъ родителей, при жизни другого, выдавалъ своей дочери въ на-

---

[1]) Разд. I, арт. 18. То же во 2-мъ Стат. разд, Ш, арт. 38. Въ 3-мъ Статутѣ срокъ совершеннолѣтія для дѣвушекъ пониженъ до 13-ти лѣтъ. Разд. VI, арт. 1.

[2]) Актовая книга Кіев. Центр. Архива № 2047, л. 446.

[3]) № LXII, стр. 217.

граду за «милость (любовь), зычливость и всякую поволность, якъ доброй дѣтяти належитъ», дарственную запись на имѣніе или денежныя суммы, съ правомъ немедленно вступить во владѣніе даромъ и распоряжаться какъ полною собственностью [1]). Такимъ образомъ имущественныя права незамужней дѣвушки были почти тѣ же, что и права неженатыхъ мужчинъ. Лишь въ наслѣдственномъ правѣ законъ полагалъ рѣзкое различіе между полами. Подобно всѣмъ кодексамъ древне-славянскаго (и германскаго) права, Лит. Статутъ въ принципѣ исключалъ дочерей отъ наслѣдства родовыми имѣніями при сыновьяхъ. что вытекало изъ древне-русскаго понятія о первоначальной семейной основѣ права наслѣдства и что вполнѣ согласовалось съ требованіями феодальнаго строя Литовскаго государства, въ которомъ владѣніе земельною собственностью всегда было сопряжено съ обязанностью военной службы. Впрочемъ, исключеніе это не было безусловнымъ: материнскія имѣнія дочери и сыновья наслѣдовали въ равныхъ доляхъ, изъ отцовскихъ же дочери, сколько бы ихъ ни было, получали въ приданное деньгами и вещами на сумму, равную стоимости четвертой части этихъ имѣній; но если не было сыновей, дочери наслѣдовали и отцовскія имѣнія. Такъ было узаконено еще въ первомъ Статутѣ, и то же узаконеніе удержано въ послѣдующихъ его редакціяхъ и отсюда цѣликомъ перенесено въ нынѣ дѣйствующее русское законодательство въ видѣ мѣстныхъ законовъ для малороссійскихъ губерній (Черниг. и Полтавской).

Теперь посмотримъ, насколько южно-русская женщина была свободна въ выборѣ себѣ мужа и вообще при вступленіи въ бракъ.

---

[1]) Для образца можно указать на дарственную запись 1579 г. пана Василія Гулевича дочери своей паннѣ Ганнѣ на имѣніе с. Княгининъ— Луцкая гр. книга. № 2095, л. 466, и на такую же запись 1564 г. княгини Варвары Збаражской дочери своей паннѣ Катеринѣ на денежную сумму— Луцкая замковая книга № 2038, л. 282 и 283 обор.—Бывали случаи, что отецъ одарялъ такимъ образомъ совсѣмъ малолѣтнюю, даже новорожденную дочь; см., напр. № X настоящаго тома.

Было время, когда древне-русскіе, а по ихъ примѣру и литовскіе князья активно устраивали браки своихъ подданныхъ, сочетавая ихъ по своей волѣ и усмотрѣнію; но уже Сигизмундъ I рѣшительно отрекся за себя и за своихъ преемниковъ отъ этого патріархальнаго права и внесъ въ Лит. Статутъ 1529 г. торжественное обѣщаніе: вдовъ и дѣвущекъ не выдавать замужъ противъ ихъ воли, «нижли кождой зъ нихъ, за кого хотя, за того волно пойти» [1]). Этимъ былъ установленъ въ литовско-русскомъ правѣ принципъ свободнаго произволенія женщины (какъ и мужчины) при вступленіи въ бракъ, какъ того требовало и древне-русское каноническое право. Правда, въ томъ же Статутѣ заключалось постановленіе, что дѣвушка, вышедшая замужъ «безъ воли отцовскои и матчинои», а сирота—безъ воли родственниковъ-опекуновъ, лишалась права на полученіе приданаго и теряла наслѣдственныя имѣнія [2]); но то же самое грозило ей и въ томъ случаѣ, когда она, будучи шляхтянкой, выходила замужъ за человѣка «простого стану» [3]), прямого же запрещенія вступать въ бракъ ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не было, и законность такихъ браковъ, если они совершались, не подвергалась сомнѣюію. Мало того, законъ такъ далеко шелъ въ огражденіи свободнаго произволенія невѣсты, что предусматривалъ случаи, когда ея опекуны, или даже кто-либо изъ ея родителей, по корыстнымъ побужденіямъ, желая продлить управленіе имѣніями невѣсты, стали бы препятствовать ей вступить въ бракъ съ избраннымъ ею лицомъ; въ такомъ случаѣ дѣвушка могла заявить о такомъ препятствіи гродскому суду и отъ него получить

---

[1]) Разд. IV, арт. 18. Это постановленіе, первоначально касавшееся лишь женщинъ высшихъ классовъ, въ послѣдующихъ редакціяхъ Статута было распространено и на лицъ „всякого иного стану". 2-й Ст. разд. III, арт. 31, 3-й Ст. разд. III, арт. 39. Въ уставныхъ земскихъ грамотахъ, данныхъ Витебской землѣ въ 1503 г., Смоленской въ 1505 и Полоцкой въ 1511 г. встрѣчается такое же королевское обязательство, но оно касается лишь вдовъ, владѣющихъ вотчинами умершихъ мужей.

[2]) 1-й Ст. разд. IV, арт. 11 и 12, 2-й Ст. разд. V, арт. 7 и 8; 3-й Ст. разд. V, арт. 8 и 9.

[3]) 2-й Ст. разд. V, арт. 11, 3-й Ст. разд. V, арт. 12.

дозволеніе на замужество, не считаясь съ волею опекуновъ и не подвергаясь уже никакимъ имущественнымъ ограниченіямъ [1]). Слѣдовательно, по смыслу литовско-русскаго законодательства, добрая воля и непринужденное согласіе невѣсты (какъ и жениха) признавались существеннымъ условіемъ при заключеніи браковъ. Таковъ же былъ взглядъ на это и тогдашняго общества. Въ предбрачныхъ, вѣновныхъ, дарственныхъ и др. записяхъ, какія женихъ и невѣста (или новобрачные мужъ и жена) выдавали другъ другу, первый обыкновенно писалъ: «Я N чиню вѣдомо, ижъ з воли, ласки Божое и зъ дару Духа святого, за позволенемъ (или «за порадою») пана отца моего и пани матки и радою кревныхъ и приятелей, съ хути и милости моее (или «съ правое любве и приуподобаня моего»), понялъ есми за себе въ станъ святый малженский панну N» [2]). Жена въ такихъ записяхъ тоже упоминала, что вышла замужъ «за позволеньемъ» родителей, «съ порады и зъ вѣдомостю» родственниковъ «и за властнымъ позволеньемъ моимъ» [3]). Бывало и такъ, что родственники—опекуны, а иногда и сами родители невѣсты, прежде ея свадьбы, требовали, чтобы она формально, передъ судомъ, заявила о своемъ непринужденномъ согласіи на вступленіе въ бракъ съ извѣстнымъ лицемъ. Такъ въ 1564 г. волынскій земянинъ Монтовтъ, явившись въ Луцкій замокъ, заявилъ, что онъ сговорилъ дочь свою Ганну за князя Василія Солтановича Сокольскаго, и при этомъ потребовалъ, чтобы послѣдняя въ присутствіи суда подтвердила, что сама выбрала себѣ въ мужья названное лицо. И «стоячи передъ урядомъ», невѣста заявила: «я никгди (никогда) ни за кого въ малженство пойти не пошлюбовала а ни ся ни за кого не отдавала, одно жъ теперъ то собѣ вмыслила и позволяю съ правого умыслу

---

[1]) Въ 1-мъ и во 2-мъ Статутахъ это постановленіе имѣло въ виду лишь злоупотребленіе опекуновъ, но 3-мъ Статутомъ (разд. V, арт, 8) оно распространено и на родителей.

[2]) См. напр. NN XII, стр. 27, XVI, стр. 39, LVI, стр. 200, LXXIV, стр. 272 и мн. др.

[3]) Для примѣра—№ LXXVII, стр. 251.

сердца моего мети собѣ за малжонка его милость князя Василія Солтановича Сокольскаго, съ которымъ и животъ свой хочу доконати» [1]). Такъ же поступилъ въ 1572 г. волынскій земянинъ Рогозенскій, выдавая замужъ падчерицу Варвару Угриновскую. Онъ явился въ гродскій судъ вмѣстѣ съ женою, матерью невѣсты, и оба они заявили: «я Дмитръ Рогозенский пасербицу свою, а я Орина Болбасовна дочку свою панну Барбару, за радою приятелей своихъ и тежъ за хутю и позволенемъ ее самое, за чоловека доброго, почтивого шляхтича, пана Яна Ворону, въ малженство отдати хочемъ». Здѣсь же находились и женихъ съ невѣстою и «доброволне вызнали тыми словы: «я Янъ Ворона панну Барбару Угриновского за себе в малженство взяти, а я Барбара за пана Яна Ворону въ малжонство пойти хочу, хуть и волю маю». И просили всѣ, «абы то было записано» въ гродскія книги, что и было сдѣлано [2]). Нужно замѣтить, что подобныя заявленія, нерѣдкія во 2-й половинѣ XVI ст., уже не встрѣчаются въ XVII в., что можно объяснить лишь тѣмъ, что принципъ свободнаго произволенія обоихъ брачущихся настолько окрѣпъ въ общественномъ сознаніи и въ практикѣ, что не было уже и надобности формально передъ судомъ заявлять о томъ, что получило общее признаніе.

Въ странномъ противорѣчіи съ этимъ принципомъ находился обычай, исчезнувшій въ концѣ XVI ст., но еще изрѣдка практиковавшійся въ половинѣ и даже въ третьей четверти этого вѣка: разумѣемъ—сговоръ малолѣтнихъ, когда родители сосватывали своихъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей и заключали между собою на этотъ предметъ формальные договоры, въ которыхъ за нѣсколько лѣтъ впередъ обозначался срокъ свадьбы, выговаривалось приданое невѣсты и вѣно со стороны жениха и договоръ обезпечивался круп-

---

[1]) № XXVII, стр. 81. Такое же заявленіе той же Ганны Монтовтъ при послѣдующемъ бракѣ, № XLIX, стр. 179.

[2]) № LXVIII, стр. 254. См. подобное же заявленіе невѣсты Ганны Осекровской (въ 1574 г.), ея матери и дядей—опекуновъ № LXXX, стр. 288.

ными неустойками на случай его нарушенія одною изъ сторонъ [1]). По нашему мнѣнію, это былъ пережитокъ предшествовавшихъ вѣковъ, когда браки на Руси совершались въ столь малолѣтнемъ возрастѣ (м. 11 лѣтъ, дѣв. 10), что не могло быть и рѣчи о свободномъ произволеніи бракущихся, и активными сторонами въ предбрачномъ сговорѣ естественно являлись не женихъ и невѣста, а ихъ родители или опекуны [2]). Позже, когда возрастъ для брака былъ повышенъ, сговоръ малолѣтнихъ продолжалъ практиковаться и даже въ иныхъ случаяхъ сопровождался церковнымъ вѣнчаньемъ сговоренныхъ, устанавливавшимъ между ними и ихъ семьями формальное родство со всѣми юридическими его послѣдствіями. Такъ, когда панъ Мартинъ Хребтовичъ, въ самомъ началѣ XVI в., сосваталъ и «заручилъ» своего малолѣтняго сына съ такою же дочерью умершаго п. Сенка Олизаровича, то король Александръ I призналъ, что «иному никому не прийдеть имени (имѣніями) пани Сенковое Олизаровича опекатися, только пану Мартину», и разрѣшилъ послѣднему, до возраста и вступленія въ бракъ его сына, взять въ опеку имѣнія Олизаровича, устранивъ вдову его отъ права распоряжаться ими; а когда возникъ споръ по этому дѣлу, то король Сигизмундъ I въ 1507 г. не только подтвердилъ рѣшеніе своего предшественника, но дозволилъ также п. Мартину поселить въ своемъ домѣ и сговоренную невѣсту его сына, а матери ея, вдовѣ, приказалъ жить особо, гдѣ укажетъ п. Мартинъ [3]). То же мы видимъ и въ процессѣ волынскаго земянина Януша Угриновскаго (1563 г.), только въ обратномъ порядкѣ: сговоренный женихъ, потерявъ отца и не имѣя чѣмъ платить его долги, самъ отдаетъ себя и свое имѣніе въ опеку на-

---

[1]) Образцы такихъ договоровъ см. №№ XX и LXXI.

[2]) См., напримѣръ, подобный договоръ 1471 г. въ Приложеніи, № CLVI.

[3]) № IV, стр. 5. Изъ другого декрета кор. Сигизмунда I по тому же дѣлу (23 іюля, 1507 г.) видно, что малолѣтняя дочь Сенка Олизаровича была нетолько „заручона", но и „вѣнчана за п. Богдана Хребтовича", но до совершеннолѣтія была помѣщена не въ домѣ жениха, а въ семьѣ своей тетки съ отцовской стороны. Русская Истор. Библіотека, т. XX, Лит. Метрика, т. I, стр. 5ſ2.

реченному тестю до совершеннолѣтія невѣсты [1]). Пока подобные сговоры сопровождались церковнымъ обрученіемъ и даже вѣнчаньемъ, въ случаѣ ихъ нарушенія дѣло поступало въ духовный судъ, который сторону, устоявшую въ договорѣ, нерѣдко «вызволялъ» отъ обязательствъ, данныхъ при сговорѣ, а съ виновной стороны присуждалъ «заруку», т. е. неустойку [2]). Во 2-й половинѣ XVI ст. мы уже не видимъ вѣнчанья малолѣтнихъ, и вся крѣпость подобныхъ сговоровъ единственно обусловливалась крупными неустойками, уплата которыхъ очевидно освобождала отъ необходимости совершать бракъ. Мало того, подъ вліяніемъ новыхъ, болѣе раціональныхъ понятій о правѣ личности, стали возникать сомнѣнія: насколько обязателенъ сговоръ для жениха и невѣсты, активно въ немъ не участвовавшихъ? Когда князь Александръ Чорторыйскій, сговорившій свою малолѣтнюю дочь за такого же сына князя Александра Сангушка-Коширскаго, требовалъ въ 1565 г. исполненія договора или уплаты неустойки, то послѣдній отвѣтилъ: «еще рокъ веселю (срокъ свадьбѣ) не пришолъ, нехай князь Чорторыйский року назначоного въ листехъ нашихъ ждеть, а мешковъ на заклады (неустойки) нехай не шиеть; одно жъ если я умру або князь Чорторыйский, то ся все ни во што обернеть, бо сынъ мой ему ся не записовалъ и печатей къ тому запису не прикладалъ: сынъ мой од того воленъ» [2]); другими словами: князь Сангушко, признавая договоръ обязательнымъ лично для себя, считалъ его вовсе не обязательнымъ для своего сына, который по малолѣтству не принималъ въ сговорѣ никакого участія. По мѣрѣ усвоенія обществомъ подобной точки зрѣнія на данный предметъ, обычай сговора малолѣтнихъ долженъ былъ прекратить свое существованіе, какъ пережитокъ старины. Не могъ онъ найти для себя поддержки и въ дѣйствовавшемъ законодательствѣ, требовавшемъ, какъ мы видѣли, свободнаго произволенія брачущихся.

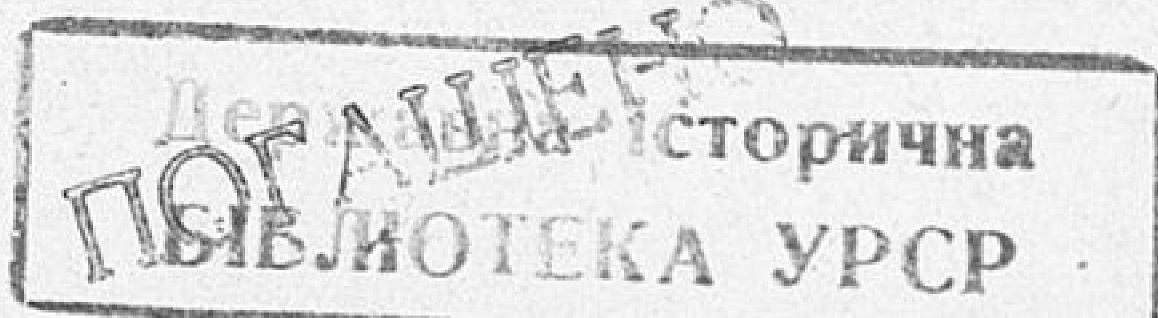
[1]) № XXI, стр. 51—62.

[2]) № VI, стр. 8.

[3]) Приложеніе, дополненіе къ акту № XX, стр. 635—636.

Зб 1/б
2968

Когда возникали споры по поводу такихъ сговоровъ, то заинтересованная сторона, минуя мѣстные суды, обыкновенно обращалась прямо къ королю и просила его побудить противную сторону къ уплатѣ неустойки. Короля нетрудно было склонить къ удовлетворенію такой просьбы, такъ какъ онъ и самъ былъ въ ней заинтересованъ: дѣло въ томъ, что стороны, договаривавшіяся о сговорѣ своихъ малолѣтнихъ дѣтей, въ видахъ большей крѣпости договора, всегда включали въ него такое условіе, что сторона, отказывающаяся отъ совершенія брака, обязывалась заплатить крупную «заруку» не только сторонѣ, устоявшей въ договорѣ, но также и «господару королю его милости» [1]); поэтому король, не столько въ качествѣ верховнаго блюстителя закона, сколько въ роли какъ бы посредника въ частномъ договорѣ, охотно выдавалъ просителю «напоминальный листъ» для предъявленія отвѣтчику съ приказаніемъ послѣднему исполнить договоръ или платить неустойку. Но такія «напоминанія» обыкновенно ни къ чему не приводили, и послѣ долголѣтнихъ препирательствъ, а нерѣдко и кровопролитныхъ усобицъ, воюющія стороны заключали миръ, а ихъ дѣти вступали въ бракъ съ кѣмъ хотѣли [2]).

Такъ самъ собою, по закону естественной эволюціи, исчезъ въ концѣ XVI ст. архаическій обычай, явно противный духу времени. Любопытно, что всего дольше онъ удержался въ знатныхъ южнорусскихъ домахъ, именно въ княжескихъ семьяхъ, такъ какъ подобные сговоры чаще всего заключались по соображеніямъ родовымъ, фамильнымъ: «приймуючи промежку себе вѣчное приятелство» [3]). Послѣдній по времени такой сговоръ, сколько намъ извѣстно, былъ совершенъ въ 1576 г. между волынскимъ воеводой княземъ Богушемъ Корецкимъ и виленскимъ каштеляномъ Яномъ

---

[1]) См. №№ XX, стр. 48, XXI, стр. 58, XL, стр. 124, и LXXXI, стр. 292.

[2]) См. образецъ такой распри между князьями Сангушкомъ и Чарторыйскимъ въ 1563—1565 гг. № XX и къ нему дополненіе стр. 634 -637.

[3]) № XX, стр. 49.

Ходкевичемъ относительно женитьбы сына перваго князя Якима на дочери послѣдняго Ганнѣ, впослѣдствіи пріобрѣвшей извѣстность тѣмъ, что она нѣсколько разъ мѣняла религію. Такъ какъ во время сговора «обѣдве парсуны (женихъ и невѣста) зуполныхъ лѣтъ» далеко еще не достигли, то срокъ свадьбѣ былъ назначенъ черезъ шесть лѣтъ. Договоръ скрѣпленъ «зарукой»: «на господаря короля его милость» 15,000 копъ грошей литовскихъ и противной сторонѣ столько же, и подписанъ не только родителями сговоренныхъ, но и малолѣтнимъ женихомъ, очевидно уже грамотнымъ въ то время [1]). Можетъ быть, отчасти поэтому договоръ этотъ, едва ли не въ видѣ единственнаго исключенія, не возбудилъ впослѣдствіи никакихъ споровъ и былъ съ точностью приведенъ въ исполненіе.

Если сговоръ малолѣтнихъ, совершаемый ихъ родителями, являлся уже въ XVI в. анахронизмомъ, то когда такой сговоръ устраивали опекуны—это было уже формальнымъ злоупотребленіемъ, источникъ котораго крылся въ извѣстной особенности опеки по Лит. Статуту, состоявшей въ томъ, что опекунъ не только управлялъ, но и владѣлъ опекаемымъ имуществомъ, и такая опека продолжалась не до совершеннолѣтія дѣвушки, а до выхода ея въ замужество. Это и было причиною того, что недобросовѣстные опекуны заранѣе искали для опекаемой дѣвушки такого жениха, который готовъ былъ войти съ ними въ миролюбивое соглашеніе относительно отчета по опекѣ, причемъ нерѣдко сосватывали даже малолѣтнихъ, а если невѣста противилась ихъ планамъ и хотѣла выйти за другого, то они просто не давали согласія на ея бракъ съ цѣлью продлить срокъ опеки. Вотъ одинъ изъ характернѣйшихъ случаевъ такого рода, въ которомъ между прочимъ ярко выразилось отношеніе лучшихъ представителей общества къ подобнымъ злоупотребленіямъ.

Луцкій замковый судья Василій Михайловичъ Семашко, умирая (въ 1561 г.), поручилъ дѣтей и имѣніе въ опеку женѣ и сверхъ

---

[1]) № LXXXI. стр. 290.

того назначилъ особыхъ опекуновъ. Спустя нѣсколько лѣтъ сыновья его всѣ умерли и осталась лишь дочь Богдана. Тѣмъ временемъ вдова Семашка вышла замужъ за п. Ивана Чаплича и хотя удержала при себѣ малолѣтнюю дочь, но ея отцовскія имѣнія должна была передать въ опеку ближайшему родственнику умершаго мужа, двоюродному брату Богданы, владимирскому подкоморію Александру Семашку, формально при этомъ обязавшемуся въ день выхода замужъ Богданы возвратить ей въ цѣлости эти имѣнія и сдать отчетъ въ управленіи ими. Семашко былъ жадный, жестокій и своевольный человѣкъ и потому заранѣе сталъ придумывать способъ, какъ бы ему уклониться отъ исполненія этого обязательства. Онъ началъ съ того, что въ 1566 г. заключилъ съ мелницкимъ старостою Григоріемъ Воловичемъ формальное условіе относительно выдачи малолѣтней Богданы въ замужество за сына Воловича, въ то время тоже малолѣтняго, съ отсрочкой свадьбы до 1571 г. и съ обязательствомъ возвратить ей въ день брака ея отцовскія имѣнія, но уже безъ представленія отчета. Мать Богданы считала себя въ правѣ игнорировать этотъ сговоръ, заключенный безъ ея воли и участія, и когда дочери ея исполнилось 15 лѣтъ, то она, «за власнымъ позволеньемъ» самой невѣсты и съ согласія назначенныхъ отцомъ ея опекуновъ, сговорила ее въ замужество за князя Януша Четвертынскаго и послала Ал. Семашку приглашеніе пожаловать на свадьбу. Но Семашко успѣлъ съѣздить въ Варшаву и привезъ королевскій листъ съ запрещеніемъ Ивану Чапличу и его женѣ выдавать Богдану Семашковну за князя Четвертынскаго, такъ какъ-де опекунъ ея Ал. Семашко раньше еще сговорилъ ее за своего шурина п. Воловича. Пришлось Чапличамъ отложить свадьбу и вступить въ переговоры съ Семашкомъ. Послѣдній не прочь былъ пойти на уступки, но откровенно требовалъ, «абы онъ зъ личбы былъ воленъ», т. е. освобожденъ отъ представленія отчета по опекѣ, на что другая сторона не хотѣла согласиться, а Семашко грозилъ, что если Богдана вступитъ въ бракъ противъ его воли, то, согласно Статуту [1],

[1]) Статутъ 1566 г., разд. 5, арт. 7.

потеряетъ право на отцовскія имѣнія и они перейдутъ ближайшимъ родственникамъ, т. е. достанутся ему же самому. Чтобы положить конецъ этимъ домогательствамъ, Ив. Чапличъ обратился къ суду. Видимо, это дѣло и по предмету спора, и по личности участниковъ, представляло живѣйшій интересъ, и потому въ засѣданіе луцкаго гродскаго суда прибыли почетнѣйшіе обыватели Волынскаго воеводства, которыхъ председатель суда, староста князь Богушъ Корецкій, пригласилъ принять участіе въ обсужденіи самого дѣла. Жалобщицами явились—Богдана Семашковна и ея мать, жена Чаплича, которому онѣ поручили защиту своихъ интересовъ. Такъ какъ Семашко противился браку своей двоюродной сестры съ княземъ Четвертынскимъ на томъ основаніи, что раньше сговорилъ ее за сына Воловича, то возраженія Чаплича и были направлены къ тому, чтобы доказать юридическую ничтожность этого сговора, какъ заключеннаго безъ вѣдома и участія матери, а главное—безъ воли и согласія самой невѣсты. Если (говорилъ защитникъ) «его королевская милость нашъ милостивый господаръ и сам николи дивок и вдов ни за кого безъ воленя их влостного не отдаетъ и Статутом то обваровати рачил, тогды поготову (тѣмъ болѣе) и панъ Семашко жадное змовы заочное о сестру свою безъ позволеня панны чинити не мог, бо панна Богдана сына пана Григоря Воловича николи не видела и онъ ее». Что же касается ссылки Семашка на 7-й артыкулъ 5-го разд. Статута, запрещающій дѣвушкамъ выходить замужъ «безъ воли братьевъ и стрыевъ» (дядей), то, во-первыхъ, это постановленіе закона касается лишь круглыхъ сиротъ, а у панны Богданы жива мать; во-вторыхъ—оно имѣетъ въ виду невѣстъ, которыя «не водли боязни Божои за неровныхъ собѣ ку зелженю дому своего» идутъ замужъ, а панна Богдана «зъ боязни Божои, зъ волею родителки своеи“ и съ согласія назначенныхъ ея отцомъ опекуновъ «за собѣ ровного, зацного, родового чоловека в малженство ест змовена и сама доброволне позволила, и тым дому своего намний не полжила» (нимало не опорочила); поэтому Чапличъ просилъ судъ, согласно артикулу, «который на лакомую братю и

стрыевъ в Статуте есть описанъ» [1]), дать ей предписанное закономъ урядовое дозволеніе на бракъ съ княземъ Четвертынскимъ.

Послѣ рѣчи повѣреннаго говорила мать невѣсты; она «со слезами просила ихъ милостей пановъ радъ»—знатныхъ лицъ, присутствовавшихъ въ судѣ, побудить Семашка не препятствовать ея дочери вступить въ бракъ съ избраннымъ ею лицомъ, «бо дей панъ Семашко, улакомившися на имѣня девки моеи, ей в томъ переказу чинитъ, што ему Богъ мстити будетъ». Дошла очередь и до самой Богданы; она подтвердила все, что сказалъ передъ судомъ отъ ея имени вотчимъ, и съ своей стороны заявила: «я сама доброволне, з волею вашои милости, княже старосто, опекуна своего [2]), и пани матки своее, за князя Януша, маючи лета заполные, позволила и теперь позволяю».

Отвѣтчикъ Александръ Семашко съ своей стороны представилъ лишь такое объясненіе: «Я для того ей за князя Януша ити не позволяю, же не толко я, але и стрый мой (отецъ Богданы) еще з отцемъ моимъ за пана Воловича панну Богдану змовилъ, а ей тепер нет болшей, только одиннадцать летъ»; но противъ этого мать Богданы съ горячностью возразила: «Отецъ твой умеръ, а моя дочка еще не родилася; тут, ваша милость, обачте справедливость его! А о лета, тогда я лепей вѣдома, же есть девце моей шостыйнадцать годъ". Тутъ всѣ знатныя лица, присутствовавшія въ судѣ, видя, что «панъ Семашко жадное причины слушное не далъ», а «взростъ паннинъ оказовалъ, же вже лета маетъ, и сама матка лета еи признала», стали «упоминать» (уговаривать) Семашка, чтобы онъ добровольно, не ожидая судебнаго постановленія и не навлекая на себя подозрѣнія, что дѣйствуетъ по корыстнымъ побужденіямъ, не чинилъ препятствій браку своей сестры съ княземъ Четвертынскимъ, но упорный Семашко «того упоминання не услухалъ». Тогда тѣ же

---

[1]) Рѣчь идетъ о 8-мъ артыкулѣ 5-го раздѣла Статута 1566 г.

[2]) Князь Богушъ Корецкій былъ однимъ изъ опекуновъ, назначенныхъ умершимъ отцомъ Богданы.

«панове рада и панове маршалки, врядники и все рыцерство» въ одинъ голосъ стали совѣтовать старостѣ князю Корецкому, чтобы онъ «той почтивой паннѣ, которая слушне въ томъ з волею опекуна и матки своее поступуетъ, за князя Януша, в зацности и шляхетствѣ еи ровного, водле Статута пойти въ малженство позволилъ». Князь Корецкій, раньше въ качествѣ опекуна давшій уже такое позволеніе, счелъ нужнымъ вторично спросить Богдану: вѣрно ли, что она «зъ доброи воли, а не за намовою чиею, князю Янушу Четвертенскому въ малженство быти хочетъ» и на то позволенія проситъ? на что она отвѣтила: «Я сама доброволне, за радою матки моеи, князю Янушу малжонкою быти шлюбила (обѣщала) и тепер быти хочу и прошу, абы ми ваша милость позволити рачилъ». Послѣ этого староста велѣлъ прочесть въ слухъ 8-й арт. 5-го разд. Статута и объявилъ постановленіе, что, согласно этому закону, онъ даетъ урядовое дозволеніе паннѣ Богданѣ вступить въ бракъ съ избраннымъ ею женихомъ [1]).

Въ этомъ процессѣ достойна вниманія одна подробность: судъ совершенно игнорируетъ сговоръ Богданы съ сыномъ Воловича, совершенный Семашкомъ по всей формѣ, съ выдачей обоюдныхъ обязательствъ съ крупными неустойками и «зарукой» въ пользу короля, и самъ Семашко на судѣ какъ бы теряетъ увѣренность въ своемъ правѣ совершенія этого сговора и прячется за авторитетъ отца невѣсты, который будто бы еще при жизни сговорилъ ее за того же Воловича. Очевидно, подобный актъ, грубо нарушавшій личныя права опекаемой дѣвушки, по суду тогдашняго общества,

---

[1]) № XL, стр. 122—133. Такое же дозволеніе дано было гродскимъ урядомъ въ 1584 г. княжнѣ Ганнѣ Збаражской-Воронецкой, жаловавшейся, что ея братья-опекуны препятствуютъ ей выйти замужъ за „человѣка зацного, шляхтича почтивого". № CII, стр. 415. Въ подобныхъ случаяхъ урядъ справлялся лишь о томъ: имѣетъ ли невѣста „зуполныи лѣта", дѣйствуетъ ли по свободному произволенію и выходитъ ли за человѣка „собѣ ровного", и если всѣ эти условія оказывались на лицо, то въ выдачѣ разрѣшенія не было отказа.

представлялся явнымъ беззаконіемъ. Выбирая себѣ мужа, дѣвушка была обязана въ извѣстной мѣрѣ считаться съ волею родителей или опекуновъ, чтобы легкомысленнымъ выборомъ не причинить безчестья своему роду, но никто не имѣлъ права навязывать ей въ мужья кого-либо противъ ея воли и желанія.

Выше было упомянуто, что въ вѣновныхъ и дарственныхъ записяхъ новобрачный мужъ обыкновенно заявлялъ, что взялъ себѣ жену «съ правое любве и приуподобаня своего», или же: «дознавши ее до себе в паненствѣ (во время дѣвичества) прихилную и вмилованши (полюбивъ) ее» [1]), а часто и такъ: «зъ воли Божеи а любости нашей сполной» (взаимной любви) [2]). Чтобы зародилась между молодыми эта «правая любовь» и «любость сполная», они должны были предварительно хорошо узнать другъ друга. Такъ и бывало на дѣлѣ. Обычай дозволялъ, чтобы молодой человѣкъ свободно посѣщалъ домъ, гдѣ намѣтилъ себѣ панну по сердцу, и «учтиво старался о еи хуть и милость» (любовь). Въ одной вѣновной записи 1624 г. новобрачный заявляетъ, что взялъ себѣ жену «за волею Божею и за учтивымъ стараннемъ моимъ» [3]). Въ чемъ именно выражалось это «старанье» —можно отчасти видѣть изъ другого акта, заключающаго въ себѣ жалобу отвергнутаго жениха, что онъ, «стараючися собѣ о приятеля до стану святого малженского, немалый коштъ и утрату поднялъ, упоминки (подарки) паннѣ даючи и отсылаючи» [4]). Это «учтивое старанье» нерѣдко принимало формы

---

[1]) Для примѣра см. №№ XVI, стр. 39, и LXI, стр. 213.

[2]) Вѣновная запись волынскаго земянина Гермогена Яскевича-Ясеницкаго 1567 г.—актовая книга Кіев. Центр. Архива № 2094, л. 16 обор. и такая же запись вол. земянина Андрея Хмары 1580 г.—актовая книга № 2047, л. 385.

[3]) Актовая книга Кіев. Центр. Архива № 2823, л. 162.

[4]) № CXIII, стр. 453. Такая же жалоба жениха, тратившагося на подарки невѣстѣ и ея роднымъ, № XLIV, стр. 146, Бывало, что и невѣста дѣлала подарки жениху. № IX, стр. 14—16.

изысканнаго ухаживанья за дамой сердца по всѣмъ правиламъ рыцарской galanterie. Изъ одного судебнаго дѣла конца XVI ст. мы узнаемъ такую подробность: луцкій мѣщанинъ, желая доказать любимой женщинѣ силу своей страсти и тронуть ея сердце, однажды на ея глазахъ бросился съ моста въ р. Стыръ во время весенняго разлива, а въ другой разъ «за здоровье ея» топоромъ отрубилъ себѣ палецъ на лѣвой рукѣ [1]). Если въ мѣщанской средѣ любовная эксцентричность достигала иногда такихъ предѣловъ, то тѣмъ чаще могла она встрѣчаться у дворянъ, посѣщавшихъ чужія страны и усвоившихъ рыцарскіе обычаи.

Заручившись согласіемъ невѣсты и ея родителей, женихъ въ условленное время (обыкновенно въ воскресный день) пріѣзжалъ въ ихъ домъ вмѣстѣ съ своимъ отцомъ и родственниками, а родители невѣсты въ свою очередь созывали родню и пріятелей, и на этомъ семейномъ совѣтѣ совершались такъ называемыя «*змо́вины*» или сговоръ. Обычными предметами сговора были: срокъ свадьбы, приданое невѣсты и вѣно со стороны жениха; если женихъ и невѣста принадлежали къ различнымъ христіанскимъ исповѣданіямъ, то при «змо́винахъ» сверхъ того договаривались и о томъ, въ чью вѣру, отцовскую или материнскую, должны быть окрещены дѣти [2]). Результаты сговора обыкновенно оформливались письменными договорными обязательствами, въ которыхъ контрагентами являлись: съ одной стороны женихъ, а съ другой—отецъ невѣсты, а когда его не было въ живыхъ, то мать ея и братья или опекуны. Такія обязательства именовались «змо́вными листами», а въ XVII ст. ихъ звали «шлюбными интерцызами». Въ нихъ стороны главнымъ образомъ условливались, что одинъ изъ контрагентовъ долженъ выдать дочь (или сестру), а другой долженъ на ней жениться въ назначенный день, а кто не исполнитъ своего обязательства, тотъ долженъ заплатить другому условленную денежную «заруку» или не-

---

[1]) № CXVIII, стр. 474.

[2]) Упоминаніе объ этомъ см. № X, стр. 19 и 20

устойку [1]). «Змовные листы», или интерцызы, скрѣплялись подписями и печатями самихъ контрагентовъ и присутствовавшихъ при сговорѣ свидѣтелей и нерѣдко, для большей прочности договора, предъявлялись затѣмъ въ судъ и вносились въ актовыя книги [2]).

Обыкновенно разомъ съ «змовинами» совершались и «*заручины*». Подъ этимъ именемъ нужно разумѣть не церковный обрядъ обрученія, о которомъ рѣчь будетъ ниже, а особое символическое дѣйствіе, посредствомъ котораго выражалась воля на бракъ какъ самими брачущимися, такъ и ихъ родителями, и вмѣстѣ съ тѣмъ—передача послѣдними своей власти надъ невѣстой ея будущему мужу. Къ сожалѣнію, наши документы не даютъ полнаго описанія обряда «заручинъ», и лишь по нѣкоторымъ отрывочнымъ указаніямъ можно возстановить приблизительную форму совершенія этого несомнѣнно древняго народнаго обычая. Въ одномъ документѣ 1616 г. женихъ упоминаетъ, что его нареченная теща, вдова, «змовивши» за него дочь свою, «руки даньемъ оную обручила» [3]). Для выясненія этого неопредѣленнаго выраженія слѣдуетъ его сопоставить съ указаніемъ другого документа (1649 г.), въ которомъ упоминается, что сговоренные женихъ и невѣста «ру́ки и перстени, же (что) одне другому слова дотрымати мѣло, при людехъ зацныхъ, на тотъ часъ будучихъ, дали» [4]). А вотъ болѣе подробная «реляція» вознаго, посыланнаго въ 1585 г. луцкимъ старостою въ домъ вдовы земянки Ганны Хребтовичевой для присутствія при заручинахъ ея дочери Настасьи съ п. Станиславомъ Кавезскимъ. Тамъ были собраны родственники и пріятели семьи невѣсты, въ присутствіи которыхъ Кавезскій, очевидно исполняя обрядъ, троекратно опрашивалъ свою нареченную: «если хочешъ, панно Настасе, за мене?». «Панна мовчала», но видно по всему, что ея молчаніе было лишь

---

[1]) Иногда такая „зарука“ назначалась и въ пользу короля, какъ то бывало при сговорѣ малолѣтнихъ; см. №№ LX, LXIV и LXVII.

[2]) Образцы „змовныхъ листовъ“ см. №№ XXVI, XXXII, LVIII и CXLIII.

[3]) № CXXXIII, стр. 535.

[4]) № CL, стр. 614.

слѣдствіемъ дѣвичьяго смущенія, а вовсе не выраженіемъ несогласія на бракъ. Тогда мать обратилась къ старшему сыну, луцкому подстаростѣ Ивану Хребтовичу, съ просьбой, чтобы онъ, какъ старшій братъ и представитель семьи, «помогъ ей» исполнить обрядъ— «дѣвку пану Кавезскому до рукъ дать за жону». И тогда п. Иванъ Хребтовичъ вмѣстѣ съ матерью, «взявшы панну Настасю за руки, пану Кавезскому дали», за что послѣдній ихъ «подяковалъ». И вслѣдъ за тѣмъ «просила панна Настася пана Кавезского, ижбы пустилъ до приятелей (родственниковъ), до его милости пана Адама Боговитина; якожъ пустилъ панну на побыванье» [1]). Отмѣтимъ последнюю подробность: только что заученная невѣста проситъ у жениха дозволенія на такое маловажное дѣло, какъ посѣщеніе родственниковъ. Очевидно, обрядъ передачи невѣсты жениху знаменовалъ собою передачу ему той власти или опеки надъ нею, какая до того времени принадлежала родителямъ.

Иногда одновременно съ «змовинами» и «заручинами» было совершаемо и обрученіе молодыхъ по церковному обряду. Въ нашихъ актахъ имѣется, впрочемъ, единственное указаніе на такой случай, что церковное обрученіе было совершено одновременно съ сговоромъ, а вѣнчанье отложено на годъ и два мѣсяца до совершенія свадьбы: въ «змовномъ» листѣ 1565 г. кіевскій земянинъ Іосифъ Немиричъ писалъ, что «змовилъ за пана Лазора Иваниц-

[1]) № CVI, стр. 430. Слѣдуетъ замѣтить, что какъ *змовины*, такъ и *заручины* и въ настоящее время бытуютъ въ народныхъ обычаяхъ Малороссіи. Послѣдній обрядъ въ наиболѣе старинной формѣ сохранился на Волыни, Подольи и въ Полѣсьи. Сущность его состоитъ въ томъ, что на этомъ семейномъ торжествѣ, всегда происходящемъ въ домѣ невѣсты, окончательно изъявляется согласіе на бракъ какъ со стороны молодыхъ, такъ равно и со стороны ихъ родителей, послѣ чего съ извѣстными церемоніями молодымъ соединяютъ руки и сажаютъ ихъ въ парѣ за столъ, при чемъ они мѣняются перстнями и подарками. Здѣсь же, на заручинахъ, назначается день свадьбы и опредѣляется, какой штрафъ обязана платить сторона, которая захотѣла бы отказаться отъ брака. См. „Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ Западнор. край, югозап. отдѣлъ, т. IV, стр. 65, 603, 615, 645 и 659.

каго дочку свою Настасю у малженство светое дати, съ которою дочкою моею вже водле закону нашого хрестиянского и обручепье его милость принялъ", въ силу чего эта Настасья въ актѣ именуется уже «жоною обручоною» пана Иваницкаго [1]).

Наконецъ, мы имѣемъ рядъ документальныхъ указаній на то, что и церковное вѣнчанье нерѣдко совершалось одновременно съ сговоромъ, задолго до свадьбы. Въ 1570 г. князь Яковъ Четвертынскій заявилъ луцкому гродскому уряду, что «змовилъ онъ за себе в малженство» дочь землянки-вдовы Богданы Гораиновой панну Ганну, «съ которою и шлюбъ з нею бралъ», т. е. обвѣнчался, и заключилъ съ ея матерью такой договоръ: свадьбѣ быть черезъ годъ; если бы онъ не пожелалъ «Ганны за себе въ малженство взяти», то долженъ заплатить «заруки» королю 150 копъ грошей, а если мать невѣсты не захочетъ отдать за него дочери, то обязана безденежно возвратить ему имѣніе, которое онъ ей заставилъ въ обезпеченіе 170-ти копъ грошей, выданныхъ ему при сговорѣ въ счетъ будущаго приданаго [2]). Изъ этого документа (и изъ другихъ подобныхъ) можно заключить, что вѣнчанье нисколько не измѣняло сущности предбрачнаго сговора и не дѣлало его болѣе обязательнымъ, чѣмъ простой сговоръ, не сопровождаемый церковнымъ освященіемъ. Все-таки это былъ не болѣе, какъ договоръ о *будущемъ* совершеніи брака, обезпеченный лишь денежной неустойкой.

По условіямъ предбрачныхъ договоровъ, въ срокъ, назначенный для совершенія свадьбы, женихъ долженъ былъ прибыть въ домъ невѣсты «для доконаня скутечного малженства», а родные невѣсты обязывались приготовить къ этому дню все необходимое для «акта весельного». Только болѣзнь или военная служба признавались уважительными препятствіями къ выполненію этихъ обязательствъ, но и въ такомъ случаѣ сторона, встрѣтившая препят-

---

[1]) № XXXII, стр. 95.

[2]) № LX, стр. 211. Такія же указанія о церковномъ вѣнчаньи при сговорѣ, задолго до свадьбы, содержатся въ документахъ №№ LXVII, стр. 251, LXXX, стр 288, CXLIII, стр. 590—594.

ствіе, должна была письменно, за четыре или за шесть недѣль до срока [1]), извѣстить другую о своей «недоспѣшности» и просить отсрочки, иначе—возникалъ поводъ для иска о взысканіи неустойки и пополненіи убытковъ, понесенныхъ стороною, напрасно готовившеюся къ свадьбѣ. Когда въ 1570 г. п. Василій Петровичъ Загоровскій за нѣсколько дней до своей свадьбы заболѣлъ, то прежде, чѣмъ увѣдомить о томъ мать невѣсты, княгиню Чорторыйскую, онъ формально донесъ о постигшей его болѣзни гродскому и земскому урядамъ, истребовалъ вознаго и понятыхъ, чтобы они личнымъ осмотромъ удостовѣрились въ его «хоробѣ» и донесли уряду, затѣмъ выпросилъ урядовые листы и формальнымъ порядкомъ, черезъ того же вознаго, вручилъ ихъ княгинѣ вмѣстѣ съ своимъ письмомъ [2]). Могла одна изъ сторонъ просить другую отсрочить свадьбу и по другимъ причинамъ, кромѣ болѣзни и военной службы [3]), но это было уже дѣломъ ихъ частнаго соглашенія, и если такая отсрочка получалась, то сторона, о ней просившая, иногда выдавала новое письменное обязательство, или «интерцызу», съ оговоркой, что прежняя остается въ своей силѣ [4]). Такъ какъ между сговоромъ и свадьбой проходилъ обыкновенно весьма значительный промежутокъ времени (отъ полугода до двухъ лѣтъ и болѣе), то нерѣдко случалось, что одна изъ сторонъ измѣняла свое первоначальное намѣреніе и подъ разными предлогами уклонялась отъ совершенія брака. Въ такихъ случаяхъ другая сторона обращалась въ гродскій урядъ и получала отъ него «напоминальный листъ» для врученія черезъ вознаго сторонѣ уклоняющейся; но это не всегда

---

[1]) №№ XXVI, стр. 78, и XXXII, стр. 95.

[2]) № LIX, стр. 209.

[3]) Напримѣръ, княгиня Марья Ружинская въ 1567 г. дважды отсрочивала свадьбу своей дочери: въ первый разъ потому, что хотѣла послать сына въ домъ жениха, чтобы „ведомость взяти о оселости его“, т.-е. сдѣлать такъ называемыя нынѣ въ Малороссіи „*розглядыны*“, а во второй—потому, что не успѣла во время „пашню посѣяти“. № XLIV, стр. 145.

[4]) За исключеніемъ, конечно, измѣненнаго срока свадьбы. №№ LXIV, стр. 227, и XCVII, 358.

помогало дѣлу, и нерѣдко случалось, что женихъ въ день свадьбы, въ сопровожденіи родственниковъ и свадебныхъ гостей, пріѣзжалъ въ домъ невѣсты—и не заставалъ тамъ никого дома [1]), или находилъ «ворота замкненые и добре челядью субординованою опатроные» [2]), или же ему сообщали, что невѣста уже выдана за другого [3]). А бывало и такъ, что сторона, уклонявшаяся отъ брака, старалась выманить хитростью или отнять силою у другой стороны предбрачную запись («интерцызу»), чтобы имѣть возможность, въ случаѣ иска, отречься отъ своего обязательства и не платить неустойки [4]). Въ концѣ концовъ, если стороны не приходили къ миролюбивому соглашенію, дѣло поступало въ судъ, что бывало, впрочемъ, рѣдко. Въ собранныхъ нами документахъ имѣется лишь одинъ судебный декретъ по такому дѣлу. Волынскій земянинъ Ильяшъ Несвицкій сговорилъ дочь свою за земянина Януша Угриновскаго, но когда наступилъ срокъ свадьбы, сталъ уклоняться отъ совершенія брака. По жалобѣ Угриновскаго, луцкій староста послалъ черезъ вижа Несвицкому «напоминальный листъ», чтобы онъ «дочку свою панну Богдану за Угриновского выдалъ», но эта мѣра не привела ни къ чему, и послѣ трехлѣтней волокиты луцкій земскій судъ въ 1568 г., разсмотрѣвъ дѣло и основываясь исключительно на томъ, что Несвицкій въ «змовномъ листѣ» обязался, въ случаѣ нарушенія имъ условій сговора, заплатить «заруки» королю 500 копъ грошей и Угриновскому 300 копъ и удовлетворить послѣдняго за «вси шкоды и наклады» по приготовленію къ несостоявшейся свадьбѣ и веденію иска, постановилъ декретъ: относительно королевской «заруки» донести королю, а въ пользу Угриновскаго взыскать съ Несвицкаго «заруку 300 копъ за неданье дѣвки» и 400 копъ «за шкоды и наклады» [5]). Ни о какомъ принужденіи къ браку

---

[1]) №№ XXI, стр. 54, и LXXXIV, 300.

[2]) № CXLV, стр. 598.

[3]) №№ CXIII и CXXXIII.

[4]) № CXLIV, стр. 595.

[5]) № XXI, стр. 51—62.

нѣтъ въ этомъ декретѣ и упоминанія; самый декретъ мотивируется ссылкою на параграфъ Статута, трактующій вообще о договорныхъ обязательствахъ. Ясно, что судъ смотрѣлъ на брачный сговоръ, какъ на всякій другой имущественный договоръ, неисполненіе котораго вело лишь къ уплатѣ неустойки и вознагражденію за убытки.

Но какъ рѣшилъ бы земскій судъ данное дѣло, если бы Угриновскій былъ не только помолвленъ, но и обвѣнчанъ съ своею невѣстою? Къ сожалѣнію, намъ не случилось встрѣтить въ актовыхъ книгахъ судебный приговоръ по такому именно дѣлу; но вотъ предъ нами документъ, ясно говорящій о томъ, какъ мало значенія придавалъ тогдашній свѣтскій судъ вѣнчанью, совершенному до свадьбы. Въ 1575 г. волынская землянка Александра Цетковская и ея братья, опекуны дочери ея отъ перваго брака Ганны Болобановны, прибыли во владимирскій гродскій судъ и заявили, что по общему совѣту, съ согласія самой панны Ганны, они сговорили ее за землянина Өедора Шишку «и водле обычаю закону нашого хрестянского звѣнчати дали", а теперь просятъ урядъ дать ей позволеніе на этотъ бракъ. Съ современной точки зрѣнія подобная просьба показалась бы абсурдной: какой смыслъ можетъ имѣть разрѣшеніе или запрещеніе вступить въ бракъ, когда невѣста уже обвѣнчана? Но гродскій урядъ не нашелъ ничего страннаго въ такой просьбѣ и поступилъ такъ, какъ всегда поступалъ въ случаяхъ, когда опекуны дѣвушки испрашивали урядового дозволенія на ея замужество: онъ хотѣлъ лишь удостовѣриться въ томъ, имѣетъ ли невѣста совершенный возрастъ и не терпитъ ли она принужденія. И когда панна Ганна была поставлена предъ урядомъ и лично заявила, что «не сама своволне, а ни тежъ поневолне, одно по доброй воли своей, за позволеньемъ панеи матки» и опекуновъ, она дала слово п. Шишкѣ быть его женой, то гродскій урядъ безпрепятственно далъ ей просимое дозволеніе и, согласно съ желаніемъ ея матери и опекуновъ, постановилъ быть свадьбѣ въ

назначенный ими срокъ [1]). Итакъ гродскій урядъ совершенно игнорировалъ то обстоятельство, что невѣста уже была обвѣнчана, и поступилъ такъ, какъ если бы вѣнчанья не было вовсе. Спрашивается, какую же юридическую силу и важность имѣло въ то время церковное вѣнчанье? Этотъ вопросъ требуетъ детальнаго разсмотрѣнія.

Извѣстно, что въ древней Руси еще въ языческую пору была выработана опредѣленная форма брака, основанная на свободномъ соглашеніи и религіозныхъ обрядахъ. По мнѣнію проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова, уцѣлѣвшіе понынѣ народные свадебные обряды служатъ самымъ вѣрнымъ и самымъ точнымъ историческимъ свидѣтельствомъ объ этой древне-языческой религіозной формѣ [2]). Христіанство съ самаго начала стремилось замѣнить ее церковнымъ вѣнчаньемъ, но духовенству пришлось долго и безуспѣшно бороться съ противоположными понятіями и обычаями, вѣками выработанными въ народномъ быту. Еще въ концѣ XI ст. народъ, по свидѣтельству кіевопечерскаго черноризца Іакова, думалъ, что только князьямъ и боярамъ подобаетъ вѣнчаться по церковному обряду, а простымъ людямъ достаточно брать своихъ женъ «съ плясаніемъ и гудѣніемъ, и плесканіемъ», т. е. по стариннымъ языческимъ обычаямъ [3]). Однако и въ то время бракъ простыхъ людей былъ бракомъ не только въ глазахъ государства, но и церкви, вѣдавшей семейныя отношенія и права, вытекавшія изъ такихъ браковъ. Нѣчто подобное тому, что происходило въ XI в., мы находимъ въ южной Руси и въ XVI ст. Здѣсь, именно въ украинныхъ повѣтахъ Подолья, по даннымъ одного оффиціальнаго документа, все брачное право сводилось къ двумъ пунктамъ: 1) «когда который человѣкъ обычаемъ пограничнымъ, самовольнымъ, возьметъ себѣ чью дѣвку

---

[1]) № LXXX, стр. 288.

[2]) Обзоръ исторіи русскаго права, изд. 2-е, стр. 350.

[3]) Въ означенномъ Обзорѣ это свидѣтельство ошибочно отнесено къ XII в.; митроп. Іоаннъ II, въ „Правилѣ“ котораго оно содержится, занималъ кіевскую каѳедру въ 1077—1089 гг.

или вдову, или разведенную, въ качествѣ жены и съ нею желаетъ жить, тогда даетъ три гривны на за́мокъ»; и 2) «кто хочетъ жену отпустить или жена мужа, то тотъ, кто даетъ тому причину (т. е. поводъ), платитъ три гривны»,[1])—т. е. сдѣлки брака и развода жители заключали безъ участія церкви и даже безъ участія свѣтской власти, а лишь заявляли послѣдней о состоявшихся сдѣлкахъ и при этомъ уплачивали пошлины; такія пошлины именовались «поемщина» и «розводы» и собирались въ селахъ атаманами, а въ городахъ войтами. Уже самымъ фактомъ взыманія пошлинъ государственная власть признавала и санкціонировала эти «пограничные» обычаи, представлявшіеся королевскимъ чиновникамъ «своевольными». Но, видно, не въ однихъ украинныхъ повѣтахъ существовали такіе «своевольные» порядки въ дѣлѣ заключенія браковъ;[2]) иначе чѣмъ объяснить частыя жалобы высшаго православнаго духовенства XVI—XVII в. в. на то, что «многіи люди Русь незаконне мешкаютъ, жоны поймуючи не вѣнчаются»?[3]) Дѣло очевидное, что въ этихъ жалобахъ рѣчь идетъ не о блудномъ сожительствѣ, а о настоящихъ бракахъ, всѣми за таковые признаваемыхъ, но не освященныхъ церковнымъ благословеніемъ. Съ канонической точки зрѣнія такіе брачные союзы должны были представляться беззаконнымъ сожительствомъ, но простой народъ, а отчасти и высшіе классы южнорусскаго общества, вовсе не считали ихъ таковыми. Здѣсь сталкивались два различныя воззрѣнія на бракъ и форму его совершенія: церковь понимала бракъ какъ таинство и единственно законною формою совершенія его признавала церковное вѣнчанье, а обычное право вѣками выработало взглядъ на бракъ,

---

[1]) Люстрація Барскаго староства 1565 г. Архивъ Югозап. Россіи, часть VII, т. 2, стр. 261.

[2]) Равно и въ дѣлѣ ихъ расторженія, какъ о томъ скажемъ ниже.

[3]) Жалоба митроп. Іосифа, вызвавшая королевскую грамоту 1509 г. съ приказомъ урядникамъ не препятствовать выдачѣ такихъ лицъ на судъ духовный. Акты Зап. Россіи т. II, стр. 63. О томъ же—ibid. т. III, стр. 20 и т. IV, стр. 526.

какъ на договоръ, свободно заключаемый и расторгаемый по волѣ брачущихся; а чтобы такой договоръ пріобрѣлъ въ глазахъ общества силу законнаго брачнаго союза, требовалось публичное совершеніе вѣками установленнаго брачнаго ритуала, распадавшагося на два акта: а) предварительный—«змовины» (договоръ жениха съ родителями невѣсты) и «заручины» (символическое подтвержденіе договора самими брачущимися) и б) собственно брачный, «весельный актъ», сопровождаемый традиціонными обрядами, сложившимися еще въ до-христіанскую пору и знаменовавшими нѣкогда религіозное освященіе брачнаго союза; послѣдній актъ признавался опредѣляющимъ моментомъ въ бракѣ, «доконаньемъ скутечного малженства». Борьба церковнаго воззрѣнія на бракъ съ народнымъ едвали можетъ считаться поконченной и въ настоящее время, а въ тѣ вѣка не могло быть и рѣчи о полномъ торжествѣ церковной идеи. Безусловная обязательность народныхъ брачныхъ обрядовъ и ихъ юридическая сила признавалась всѣми классами тогдашняго общества, и съ этимъ фактомъ вынуждено было до извѣстной степени считаться и государственное право, въ общемъ раздѣлявшее церковную точку зрѣнія на бракъ. Признавая единственно законнымъ «вѣнчальный», или «шлюбный» бракъ, Лит. статутъ не разъ упоминаетъ о бракѣ съ «невѣнчальной», «нешлюбной женой», какъ о чемъ-то полулегальномъ и во всякомъ случаѣ не подлежащемъ уголовному преслѣдованію наравнѣ съ явнымъ прелюбодѣяніемъ, а въ параграфѣ о незаконнорожденныхъ Статутъ выдѣляетъ дѣтей, прижитыхъ «зъ невѣнчальною женою», въ особую категорію, менѣе безправную сравнительно съ дѣтьми, рожденными отъ прелюбодѣянія. Но Статутъ, какъ извѣстно, далеко недостаточно охватилъ собою семейныя нормы, и уже по одной этой причинѣ его постановленія далеко не сразу оттѣснили противоположныя имъ нормы обычнаго права; поэтому мы наблюдаемъ, что свѣтскіе суды XVI—XVII вв., руководствовавшіеся въ своихъ опредѣленіяхъ не однимъ писаннымъ закономъ, но и обычнымъ правомъ, шли гораздо дальше въ снисходительномъ отношеніи къ «невѣнчальнымъ» бракамъ. Не входя здѣсь

въ подробное разсмотрѣніе этого вопроса, сошлемся на заключенія проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова, который, изслѣдуя относящіяся къ брачному праву документы Могилевскаго магистрата и Гродненскаго земскаго суда, пришелъ къ выводамъ, что въ западно-русскомъ правѣ XVI—XVII вв. господствовала двойственность воззрѣній на условія правильнаго совершенія брака, что среди населенія, рядомъ съ браками «вѣнчальными», существовали и «невѣнчальные», и что всѣ отношенія, вытекавшія изъ невѣнчальнаго брака, признаваемы были въ той же силѣ, какъ и послѣдствія церковнаго брака, но въ случаяхъ споровъ о правахъ, вытекающихъ изъ того или другого брака, суды отдавали предпочтеніе браку вѣнчальному.[1]) Все это наблюдается и въ Южной Руси въ тѣ же вѣка. И здѣсь существовали «невѣнчальные» браки, и не только въ средѣ простого народа, какъ въ Бѣлоруссіи, но и въ земянской, даже въ княжеской средѣ. Въ 1564 г. волынскій земянинъ Ѳедоръ Хомякъ за что-то удалилъ изъ своего дома жену, а когда за нее вступился ея родственникъ п. Красовскій и вмѣстѣ съ нею и вознымъ прибылъ въ имѣніе Хомяка, чтобы разслѣдовать это дѣло, то урядникъ послѣдняго не пустилъ ихъ въ дворъ, такъ объясняя поступокъ своего пана: «панъ мой не маетъ въ себе жоны, одно кухарку, и тамъ ее отослалъ, где былъ взялъ»; между тѣмъ Красовскій, занося жалобу объ этомъ луцкому гродскому суду, свидѣтельствовалъ, что п. Хомякъ «зъ раженя Божого и своее любви» взялъ эту жену изъ его дома, получилъ за нею приданое и записалъ ей вѣно на третьей части своей вотчины. Ясно, что это было не простое сожительство, а настоящій бракъ, только невѣнчаный, въ противномъ случаѣ жалобщикъ не преминулъ бы сослаться на эту важную подробность.[2]) Къ сожалѣнію, мы не нашли въ актовыхъ кни-

---

[1]) Чтенія въ Историч. Общ. Нестора Лѣтоп., кн. IV, „Черты семейнаго права Зап. Россіи". Кіевскія Университетскія Извѣстія, 1878 г., № 4. Отчетъ объ „Историко-юридич. матеріалахъ" Витебскаго Центр. Архива.

[2]) № XXXI, стр. 91.

гахъ продолженія этого дѣла; вѣроятно, оно окончилось миромъ. Другой случай еще характернѣе. Князь Станиславъ Воронецкій (православный) много лѣтъ прожилъ въ бракѣ съ Мариной Гулевичевной,[1]) выдалъ ей нѣсколько записей на свои имѣнія, самъ получилъ отъ нея дарственную запись на денежную сумму, и во всѣхъ этихъ актахъ Марина титулуется »малжонкою, княгинею Станиславовою Воронецкою», какой титулъ признаютъ за нею и уряды, принимавшіе къ явкѣ означенныя записи. Но затѣмъ между супругами возникли распри, и въ 1594 г. князь Воронецкій, занося въ луцкомъ гродскомъ судѣ жалобу на жену, уже такъ ее титулуетъ: «пани Марина Гулевичевна, которая се менитъ быти жоною моею, а не есть, бо-мъ *шлюбу зъ нею не бралъ*» (т. е. не вѣнчался); впрочемъ, въ дальнѣйшихъ жалобахъ онъ все-таки именуетъ ее «жоною», только «нешлюбною». А Марина, являясь съ своими жалобами въ тотъ же судъ, по прежнему продолжаетъ называть князя Воронецкаго своимъ «малженкомъ», и урядъ, какъ и раньше, титулуетъ ее «княгинею Станиславовою Воронецкою».[2])

Нѣтъ сомнѣнія, что такихъ невѣнчаныхъ браковъ было много въ то время во всѣхъ классахъ населенія,[3]) но обнаружить ихъ по документамъ весьма трудно. Только въ случаѣ распрей между супругами кто-нибудь изъ нихъ самъ проговаривался, что его союзъ былъ «нешлюбный», но и въ такихъ случаяхъ, пока дѣло между супругами не доходило до судебнаго рѣшенія, и сами они пользо-

---

[1]) Дочь ея отъ перваго брака въ то же время состояла въ замужествѣ за сыномъ князя Станислава отъ первой жены.

[2]) № CXVI; стр. 462—468. До судебнаго декрета и здѣсь, кажется, дѣло не дошло, да и претензіи между супругами были имущественнаго характера.

[3]) Даже среди духовенства; по крайней мѣрѣ пребываніе въ такомъ невѣнчаномъ бракѣ не считалось препятствіемъ къ полученію духовнаго сана. Антіохійскій патріархъ Іоакимъ, побывавъ въ 1586 г. въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Львовской епархіи, замѣтилъ нерѣдкіе случаи поставленія во священники и діаконы лицъ, жившихъ прежде съ женами безъ вѣнчанья, что и поставилъ на видъ мѣстному епископу. Архивъ Югоз. Россіи, ч. I, т. X, стр. 433.

вались всѣми гражданскими правами законныхъ супруговъ, и всѣ отношенія, вытекавшія изъ ихъ брака, признаваемы были въ той же силѣ, какъ и послѣдствія брака церковнаго.

Безспорно, однако, что и въ то время громадное большинство не отказывалось отъ церковнаго вѣнчанья; къ тому побуждало и религіозное чувство, и прямыя настоянія духовенства. Въ наказѣ кіевскаго митрополита Исаіи Копинскаго (1631 г.) приходскимъ священникамъ категорически предписывалось: «которые мешкаютъ безъ шлюбу (т. е. невѣнчаные), абы тѣхъ отлучали отъ церкви». [1]) Можно сомнѣваться въ томъ, примѣнялась ли эта мѣра къ лицамъ высшихъ классовъ, но въ примѣненіи къ простому народу она должна была производить устрашающее дѣйствіе. А для шляхтичей такое же дѣйствіе имѣли предписанія Лит. Статута, въ силу которыхъ дѣти, рожденныя отъ невѣнчаныхъ браковъ, признавались незаконнорожденными и лишались почти всѣхъ гражданскихъ правъ. Хотя, какъ было сказано выше, подобныя предписанія, рѣзко расходившіяся съ воззрѣніями обычнаго права, обыкновенно игнорировались, но стоило кому-нибудь потребовать ихъ примѣненія, и никакой судъ не могъ бы отказать въ этомъ; въ виду такой опасности естественная заботливость о судьбѣ дѣтей побуждала не уклоняться отъ церковнаго вѣнчанья. И что же, можно ли утверждать, что церковь, при содѣйствіи государственнаго закона, успѣла наконецъ въ XVI—XVII вв. провести въ жизнь свое ученіе о бракѣ, какъ о таинствѣ, и о единственно законной формѣ его совершенія—вѣнчаньи? Мы этого отнюдь не думаемъ и склонны, напротивъ, утверждать, что и при вѣнчаньи сущность брака въ понятіяхъ тогдашняго общества осталась прежнею и форма его совершенія не потерпѣла существеннаго измѣненія и ни на іоту не потеряла традиціоннаго значенія. Развѣ при вѣнчаньи исчезли старые брачные обряды—«змовины», «заручины« и «веселье» или сдѣлались пустою, ни для кого необязательною формальностью? Напро-

---

[1]) Акты Зап. Россіи, т IV, стр. 526.

тивъ, мы видѣли, что, разъ совершены были всѣ эти старовѣчные «звычаи», бракъ въ глазахъ общества почитался законно состоявшимся и безъ церковнаго вѣнчанья, но едва ли могло быть наоборотъ. Ясно, что рѣчь можетъ итти не о побѣдѣ церковныхъ воззрѣній надъ народными, а лишь объ извѣстномъ компромиссѣ между ними. Въ число другихъ брачныхъ обрядовъ вошелъ и обрядъ церковный—вѣнчанье, но ему не было дано рѣшающаго значенія; даже опредѣленнаго мѣста для него не находилось въ сложившемся вѣками брачномъ ритуалѣ: вѣнчанье въ то время происходило то одновременно съ сговоромъ, при чемъ неисполненіе послѣдняго по прежнему вело лишь къ уплатѣ неустойки, то между сговоромъ и свадьбой, «обачивши часъ слушный и доспѣшный», [1]) т. е. когда женихъ и родные невѣсты находили это удобнымъ, то, наконецъ, въ день самой свадьбы. [2]) А какую юридическую силу придавали вѣнчанью—объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ хотя бы приведенный выше случай, что мать и дяди сначала повѣнчали невѣсту, а затѣмъ отправились въ судъ просить урядоваго дозволенія «дати ее въ малженство святое». А вотъ другой случай: крестьянка Орышка Дорогичанка 22-го февраля 1650 г. повѣнчалась въ Зименскомъ монастырѣ съ крест. Андреемъ Кондратенятемъ, а 24-го передумала и обвѣнчалась съ Грицемъ Галайдою, и хотя мѣстный епископъ призналъ этотъ бракъ недѣйствительнымъ и запретилъ Орышкѣ жить съ Галайдою, но они и послѣ того продолжали супружеское сожитіе, за что и были позваны въ свѣтскій судъ. [3]) Положимъ, это были простецы, не понимавшіе каноническихъ тонкостей; но вотъ случай въ шляхетской средѣ. Въ 1571 г. княгиня Ганна Масальская сговорила и разомъ обвѣнчала дочь свою княжну Марину съ п. Константиномъ Еловичемъ-Малинскимъ, назначивъ свадьбу черезъ годъ съ лишнимъ, но за этотъ долгій срокъ измѣнила преж-

---

[1]) № XXVI, стр. 78.

[2]) Напримѣръ, № XXXII, стр. 93.

[3]) № CLIII, стр. 620.

нее намѣреніе и увезла дочь къ старшему своему сыну (отъ перваго брака), владимирскому подкоморію Александру Семашку, который, подвергнувъ свою сестру тяжкому заключенію и угрожая выдать ее за своего «машталѣра» (конюшаго), вынудилъ отъ нея и п. Еловича уступочныя записи на имѣнія и только тогда дозволилъ имъ вступить въ бракъ, но при этомъ заставилъ ихъ вторично вѣнчаться, чему они не оказали сопротивленія.[1]) Конечно, это былъ капризъ своевольнаго пана, желавшаго выразить этимъ, что онъ не признаетъ перваго вѣнчанья, совершеннаго безъ его соизволенія. Но вотъ вполнѣ нормальный случай, представлявшій обычное явленіе въ то время и дающій понятіе о томъ, какое юридическое значеніе придавали вѣнчанью даже лучшіе люди, въ томъ числѣ и представители высшаго православнаго духовенства. Въ декабрѣ 1634 г. въ с. Березовицѣ,[2]) въ домѣ православныхъ земянъ Стрыбылей, происходили «змовины» дочери ихъ Катерины съ п. Яномъ Ярмолинскимъ, сыномъ извѣстной Раины Ярмолинской, строительницы Загаецкаго монастыря. Обѣ фамиліи славились старожитностью и благочестіемъ, и потому въ числѣ другихъ знатныхъ гостей, прибывшихъ на семейное торжество, встрѣчаемъ здѣсь кіевскаго митрополита Петра Могилу, овручскаго архимандрита Филона Кизаревича и другихъ «зацныхъ людей». Одновременно съ сговоромъ женихъ и невѣста были обвѣнчаны, при чемъ вѣнчанье совершалъ самъ митрополитъ, а затѣмъ была составлена «шлюбная интерцыза», главные пункты которой таковы: а) свадьба («актъ весельный») назначается въ Духовъ день 1637 г., т. е. отсрочивается почти на два съ половиною года со дня сговора и вѣнчанья; б) до свадьбы панна Катерина будетъ жить по прежнему въ домѣ своей бабки; и в) обѣ стороны, заключившія интерцызу, обязываются «сдержать слово и вѣру» другъ другу, «подъ закладомъ 100,000 злотыхъ польскихъ и вознагражденіемъ шкодъ». Эту интерцызу, въ числѣ дру-

---

[1]) № LXVII, стр. 234—254.

[2]) Нынѣ с. Березовка, Радомысльскаго у. Кіев. губ.

гихъ свидѣтелей, скрѣпили своими подписями и печатями митрополитъ Могила и архимандритъ Кизаревичъ. [1]) Такимъ образомъ мы видимъ, что даже въ благочестивой дворянской семьѣ церковное вѣнчанье ни въ чемъ не измѣнило положенія молодыхъ сравнительно съ тѣмъ, въ какомъ они обычно оставались послѣ сговора: до свадьбы невѣста по прежнему остается въ родительскомъ домѣ, по прежнему именуется «панною», хотя и «пошлюбленою малжонкою» своего жениха; даже союзъ между ними вовсе не почитается неразрывнымъ: какъ и при всякомъ договорѣ, его прочность гарантирована лишь денежной неустойкой. Все это мало согласовалось съ церковнымъ понятіемъ о вѣнчаньѣ, какъ о таинствѣ, которое само по себѣ неразрывно соединяетъ брачущихся, и однако высшіе представители южнорусской церкви не только не протестовали противъ условій сговора, но и сами санкціонировали его своими подписями.

Все сказанное, полагаемъ, даетъ основаніе для вывода, что въ то время, въ глазахъ не только простого народа, но и высшихъ классовъ, церковное вѣнчанье само по себѣ, безъ выполненія традиціонныхъ свадебныхъ обрядовъ, не имѣло рѣшающаго значенія въ дѣлѣ брака, а исполнялось лишь какъ религіозный актъ; оно юридически не скрѣпляло союза между сговоренными женихомъ и невѣстою, и обвѣнчанные молодые такъ же легко могли разойтись до свадьбы, какъ и не вѣнчанные; наконецъ, не вѣнчанье установляло моментъ дѣйствительнаго супружескаго сожитія, а свадьба.—Напомнимъ, что такъ смотрѣли на вѣнчанье въ Малороссіи и въ позднѣйшее время. Въ царствованіе Елисаветы Петровны синодъ обратилъ вниманіе на то, что здѣсь вѣнчанье обыкновенно предваряетъ свадьбу и затѣмъ повѣнчанные не считаются еще мужемъ и женою, но «по отправленіи церковномъ брачнаго таинства, того жъ времени разлучився, по нѣскольку лѣтъ до называемаго по ихъ обычаю брачнаго *веселія* живутъ въ разныхъ домахъ, и нѣкіе изъ нихъ,

---

[1]) № CXLIII, стр. 590—594.

послѣ онаго таинства, къ вѣчному между собою разлученію поступаютъ». Строго осуждая этотъ обычай, синодъ указомъ 1744 г., 18 октября, предписалъ, чтобы брачущіеся въ Малороссіи были обязываемы подписками въ томъ, что они тотчасъ послѣ вѣнчанья, не ожидая свадьбы, станутъ жить вмѣстѣ, какъ прилично супругамъ. Эта мѣра повела лишь къ тому, что въ Малороссіи стали вѣнчаться въ самый день свадьбы; однако и теперь, если почему-либо свадьба отсрочивается, повѣнчанные молодые не живутъ вмѣстѣ, а остаются въ домахъ родителей, и если одинъ изъ нихъ умретъ до свадьбы, то его хоронятъ какъ парня или дѣвушку. [1]).

Чтобы не возвращаться больше къ вопросу о церковномъ вѣнчаньи, отмѣтимъ нѣкоторыя особенности тогдашняго совершенія этого обряда сравнительно съ нынѣшнимъ. Мы уже упоминали, что п. Яна Ярмолинскаго вѣнчалъ въ 1634 г. самъ митрополитъ Петръ Могила. Въ 1571 г. Василій Петровичъ Загоровскій, каштелянъ брацлавскій, былъ повѣнчанъ съ княжной Катериной Чорторыйской игуменомъ Пересопницкаго монастыря, при чемъ вѣнчанье происходило въ домѣ, а не въ церкви. [2]) Вѣнчались въ то время не только въ приходскихъ церквяхъ, но и въ монастыряхъ, [3]) при чемъ въ послѣднемъ случаѣ вѣнчанье совершали монахи, что было впервые запрещено лишь на Кіевскомъ соборѣ 1640 г., созванномъ по иниціативѣ П. Могилы. [4]) Если одинъ изъ брачущихся принадлежалъ къ православному исповѣданію, а другой къ католическому, то вѣнчанье совершалось совмѣстно православнымъ священникомъ и католическимъ ксендзомъ, [5]) но въ иныхъ случаяхъ такіе смѣшанные браки вѣнчались и однимъ православнымъ священникомъ. [6]) Такъ какъ въ то время вѣнчанье обычно совершалось задолго до свадьбы,

---

[1]) Труды Этнографически-статист. Экспедиціи въ Западнор. край, т. 6, стр. 41.

[2]) № XCIV, стр. 344.

[3]) №№ CIII, стр. 417 и CLIII, стр. 622.

[4]) Русская Историч. Библіотека, т. IV, стр. 43.

[5]) № CVII, стр. 440.

[6]) № CXLII, стр. 589.

то духовенство находило возможнымъ совершать его не въ опредѣленные дни, какъ теперь, а во всякое время, даже въ посты; такъ поступилъ между прочимъ и самъ митрополитъ П. Могила, повѣнчавшій п. Ярмолинскаго 21 декабря, т. е. въ Филипповъ постъ.[1]) Любопытно, что до времени Петра Могилы въ чинѣ церковнаго вѣнчанья въ Югозападной Руси совсѣмъ отсутствовали обычные нынѣ вопросы священника о согласіи жениха и невѣсты на бракъ, не существовавшіе и нынѣ не существующіе въ евхологіяхъ греческихъ. Это вполнѣ соотвѣтствовало характеру брака какъ гражданскаго договора, какимъ онъ былъ и въ Византіи. Тамъ вѣнчанью предшествовалъ сговоръ, происходившій въ присутствіи почетныхъ особъ, свидѣтелей, и гражданскаго чиновника, который писалъ предбрачное условіе, прикладывалъ къ нему печати договаривавшихся, и затѣмъ условіе это подписывалось женихомъ и невѣстою, чѣмъ и выражалось ихъ добровольное согласіе на бракъ;[2]) въ Южной Руси то же происходило на «заручинахъ», когда женихъ и невѣста, въ присутствіи родни и свидѣтелей, устно, а иногда и письменно въ «интерцызахъ», достаточно явственно выражали свое взаимное согласіе. И тамъ, и здѣсь церковь лишь благословляла и освящала то, что было сдѣлано уже гражданскимъ порядкомъ, и потому священнику не было нужды спрашивать вѣнчавшихся объ ихъ свободномъ произволеніи. Эти вопросы впервые введены въ чинъ вѣнчанья митрополитомъ П. Могилой, въ его извѣстномъ Требникѣ, изд. въ 1646 г., и сдѣлано имъ это, безъ сомнѣнія, подъ вліяніемъ упрековъ со стороны католическихъ богослововъ, будто въ чинѣ совершенія брака по православному обряду недо-

---

[1]) Не ссылаемся на факты обвѣнчанія въ 1634 г. п. Яна Дробота тоже въ Филипповъ постъ (№ CXLII) и п. Яна Слончевскаго въ 1649 г. на 2-й недѣлѣ Великаго поста (№ CL), такъ какъ въ обоихъ этихъ случаяхъ можно предполагать насиліе надъ священниками, когда, по свидѣтельству автора „Лиѳоса", священнику приказывали: „albo szlub day popie, alboć w łeb strzelę".

[2]) Христіанское Чтеніе, 1856 г., сент., стр. 263.

ставало самаго существеннаго: матеріи и формы таинства, такъ какъ, по толкованію тогдашней богословской схоластики, матерія и форма таинства брака заключается не въ чемъ иномъ, какъ во внутреннемъ соизволеніи брачущихся и въ произносимыхъ ими словахъ, выражающихъ это соизволеніе. [1]) Точно такъ же, и по тѣмъ же причинамъ, до временъ П. Могилы въ южно-русской церкви не было обычая производить предварительное «оглашеніе», или такъ называемый нынѣ «обыскъ» о брачущихся, равно не велись при церквяхъ и брачныя метрики, что также ставилось православнымъ въ упрекъ со стороны католиковъ. [2]) Метрики впервые введены П. Могилой, давшимъ въ своемъ Требникѣ и форму для ихъ составленія. [3])

Въ томъ же Требникѣ къ чину брака приложены особыя «Молитвы на разрѣшеніе вѣнцевъ въ осьмый день», съ замѣчаніемъ, что «сія молитвы чтутся тамо, идѣже даже до осмаго дне (молодые) въ вѣнцахъ не снемлюще ходятъ; но идѣже абіе снимаются по предъуказанному (въ чинѣ вѣнчанья), не требѣ есть чести я". [4]) Здѣсь мы имѣемъ интересное свидѣтельство о томъ, что еще въ половинѣ XVII ст. кое-гдѣ въ Малороссіи удержался какой-то, вѣроятно, древній обычай, въ силу котораго новобрачные въ теченіе

---

[1]) См. полемику по этому предмету между К. Саковичемъ, въ его Perspektiw'ѣ, изд. 1642 г., и составителями книги Лиѳосъ, изд. 1644 г.

[2]) Perspectiwa К. Саковича. Въ этомъ же сочиненіи Саковичъ, осмѣивая православный обрядъ вѣнчанья, утверждалъ, будто при этомъ бываютъ удивительныя церемоніи: „попъ обводитъ брачущихся, съ ихъ дружками, дружбами и старостами, вокругъ аналоя и танцуетъ съ ними, распѣвая: „Святые мученицы", потомъ поитъ ихъ пивомъ, а богатыхъ виномъ, и велитъ имъ цѣловаться въ церкви, какъ будто не нацѣловались въ иныхъ мѣстахъ; а кое-гдѣ и волосы стригутъ брачущимся.—Авторъ „Лиѳоса" отвергаетъ это; тѣмъ не менѣе, подъ вліяніемъ подобныхъ издѣвокъ, П. Могила, въ своемъ Требникѣ, уничтожилъ въ чинѣ вѣнчанья „общую чашу" и хожденіе вокругъ аналоя, хотя то и другое было раньше въ требникахъ, какъ существуетъ и нынѣ.

[3]) А въ Московской Руси брачныя метрики установлены еще позже: по опредѣленію собора 1666 года.

[4]) Требникъ, стр. 427.

цѣлой недѣли не снимали съ головы вѣнцовъ, возложенныхъ на нихъ во время вѣнчанья. [1]) Впрочемъ, подобный обычай существовалъ и въ Византіи, и въ греческихъ требникахъ тоже полагаются молитвы на разрѣшеніе вѣнцовъ въ 8-й день.

Относительно того, сколько разъ могъ быть повторяемъ бракъ однимъ лицомъ, въ литовскомъ законодательствѣ не было опредѣленныхъ предписаній. Судя по одному выраженію Статута 1529 года, [2]) можно бы думать, что для вдовца бракъ могъ быть повторяемъ неограниченное число разъ, какъ то допускалось и древне-русскимъ (языческимъ) обычнымъ правомъ; но въ послѣдующихъ редакціяхъ Статута, въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ, рѣчь идетъ лишь о вдовцѣ, который бы *«з двѣма або с трома жонами* дѣти мѣлъ", а о четвертой нигдѣ уже не упоминается. [3]) Въ этомъ измѣненіи текста нельзя не видѣть тенденціи законодателя согласовать свои предписанія съ каноническими правилами. Впрочемъ, если вѣрить католическимъ полемистамъ XVII ст., южнорусская церковь не отказывалась благословлять и четвертый бракъ, но на вступающихъ въ такой бракъ (и даже въ третій) налагала епитемью. [4])

[1]) Не отсюда ли возникъ и понынѣ существующій въ Украинѣ обычай титуловать новобрачныхъ: „князь" и „княгиня"?

[2]) Разд. IV, арт. 15: „Хто бы мелъ с первою жоною дети, а потомъ, кгды жона умреть, и онъ пойметь другую, а с тою другою также дети мети буде: тогды дети яко первое жоны, такъ и другое, и третее, *и четвертое, и колько ихъ мети будеть*, ровную часть во всѣхъ именяхъ его... мети будуть".

[3]) 2-й Стат. разд. V, арт. 9; 3-й Стат. разд. V, арт. 10.

[4]) Въ этомъ упрекалъ православныхъ все тотъ же К. Саковичъ въ своей Perspectiw'ѣ, и любопытно, что составители „Лиѳоса" почему-то обошли молчаніемъ этотъ упрекъ. Архивъ Югозап. Россіи, ч I, т. 9, предисл. стр 51. И въ документахъ XVI—XVII вв. нерѣдко можно встрѣтить лицъ, вступавшихъ въ 4-й и даже въ 5-й браки. Для примѣра назовемъ лишь тѣхъ лицъ, о которыхъ имѣются указанія въ настоящемъ томѣ: 1) Зем. Томило Ворона былъ женатъ: а) на Раинѣ Смоковнѣ, б) Софьѣ Козинской, в) Немилѣ Джусянкѣ и г) Марушкѣ Ильяшовнѣ (См. Указатель лицъ). 2) Ганна Монтовтъ была въ замужествѣ: а) за кн. Богушемъ Любецкимъ, б) за кн. Василіемъ Сокольскимъ, в) за двор. Казимиромъ Ледницкимъ и г) за дв. Павломъ Зглнчинскимъ. 3) Княжна Любецкая Ганна Романовна: а) за

То же самое приходится сказать и относительно браковъ между родственниками. До изданія Статута 1588 года свѣтское законодательство не вмѣшивалось въ эту часть брачнаго права, всецѣло предоставляя ее компетенціи церкви, а при тогдашней дезорганизаціи духовнаго суда и управленія можно было совершать безнаказанно какія угодно нарушенія каноническихъ правилъ—даже съ вѣдома и благословенія духовныхъ властей. Жившій въ концѣ XV ст. князь Иванъ Борятинскій, желая вступить въ бракъ съ родной племянницей, долженъ былъ выхлопотать разрѣшеніе на то у константинопольскаго патріарха [1]), но въ послѣдующее время подобныя разрѣшенія безъ труда пріобрѣтались и на мѣстѣ. Въ 1575 г. къ львовскому епископу Іонѣ поступилъ доносъ, что его намѣстникъ и крылошане благословили нѣсколько браковъ въ близкихъ степеняхъ родства, въ томъ числѣ обвѣнчали родныхъ братьевъ на родныхъ сестрахъ. Епископъ расторгъ незаконные браки, но не подвергъ намѣстника и крылошанъ никакому взысканію, да и самый проступокъ ихъ былъ раскрытъ лишь благодаря тому, что нарушены были интересы приходскаго священника [2]). Въ 1573 г. внукъ луцкаго епископа Ѳеодосія, Демьянъ Романовичъ Гулевичъ женился на дочери кременецкаго подкоморія Ивана Патрикія-Курозвонскаго, несмотря на то, что нѣсколькими годами раньше родная его мать, оставшись вдовой, вышла за того же Курозвонскаго [3]). Насколько обычны были въ тѣ времена браки въ недозволенныхъ церковью степеняхъ родства и свойства и какъ безплодна была борьба духовенства съ этимъ обычаемъ, о томъ отчасти свидѣтельствуетъ «Поученіе» митроп. Сильвестра новопоставленному іерею (1562 г.), внушающее ему по крайней мѣрѣ личнымъ своимъ присутствіемъ

дв. Матв. Дубровскимъ, б) за М. Левартомъ, в) за Андр. Непржецкимъ, г) за Ник. Остиковичемъ и д) за кн. Павломъ Соколинскимъ (См. Poczet Rodów, стр. 1.7, и наст, тома стр. 14—16, 185, 187).

[1]) Папроцкій, Herby, стр. 683.

[2]) Архивъ Юго-зап. Россіи, часть I, т. X, № XXIX.

[3]) №№ XXXIV и LXXVII. Актовая кн. Кіев. Центр. Архива № 2047, л. 263 и 625.

на такихъ свадьбахъ не давать повода думать, будто подобные браки непротивны законамъ церковнымъ: «а на бракъ не ходи, гдѣ въ сватовствѣ или во племени поймутся, или въ кумовствѣ» [1]). При изданіи 3-го Статута включенъ былъ въ него спеціальный параграфъ, воспрещавшій браки до 8-й степени кровнаго родства и до 6-й степени свойства и угрожавшій нарушителямъ этого закона расторженіемъ брака, конфискаціей имѣній и признаніемъ незаконнорожденными дѣтей, рожденныхъ отъ такихъ браковъ [2]); но и эта мѣра оказалась не вполнѣ дѣйствительной въ борьбѣ съ укоренившимся обычаемъ, и не далѣе какъ три года спустя львовскій епископъ Гедеонъ Болобанъ, посѣтивъ, по порученію митрополита, перемышльскую епархію, нашелъ, что многіе священники „беззаконные браки, кровосмѣшенія, въ сватствахъ и кумствахъ понятія допущають и таковыхъ въ малженство вѣнчають» [3]). Особенно мало считались въ то время съ родствомъ, возникающимъ изъ свойства, какъ это выше указано на примѣрѣ брака Курозвонскаго и Гулевича. Немного позже совершенно такой же случай повторился въ семьѣ князей Воронецкихъ, гдѣ сынъ вступилъ въ бракъ съ дочерью мачихи, т. е. съ сводной сестрой [4]). Безъ сомнѣнія, на заключеніе такихъ браковъ должна была оказывать извѣстное вліяніе практика католической церкви, въ которой подобные браки считаются дозволенными [5]).

---

[1]) Акты Зап. Россіи, т. III, стр. 116.

[2]) Раздѣлъ V, артык. 22.

[3]) Акты Зап. Россіи, т. IV, № 29. Въ томъ же обвинялъ православныхъ и К. Саковичъ въ своей „Перспективѣ".

[4]) № CXVI. Правда, мачиха эта была „нешлюбной" женой стараго князя.

[5]) Подражая католикамъ, и уніатская церковь со временемъ приняла правило, по которому родственники мужа и жены не состоятъ между собою въ родствѣ, препятствующемъ браку, и потому „могутъ побраты вдовецъ вдову, а его сынъ вдовину дщерь, зъ инаго рожденную, такожде два братія могутъ поняты двѣ сестри чуждіе". („Богословія Нравоучительная", Почаевское изд. 1756 г.).

Но все это были требованія формальнаго закона, церковнаго или государственнаго; обычай же для признанія брака законно совершившимся требовалъ одного: чтобы сполна былъ выполненъ вѣками установленный брачный обрядъ, въ особенности же самый важный и существенный его актъ—«*веселье*» (свадьба), признаваемое въ то время «доконченьемъ скутечного малженства», опредѣляющимъ моментомъ въ бракѣ.

Какъ именно справлялась въ то время свадьба—объ этомъ, по самому свойству актоваго матеріала, какимъ мы пользуемся, нельзя сказать ничего точно опредѣленнаго; судя же по отрывочнымъ указаніямъ, можно съ увѣренностью предполагать, что тогдашнее «*веселье*» въ общихъ чертахъ справлялось по тому же ритуалу, какой и нынѣ свято выполняется въ крестьянскомъ «*весіллі*» (свадьбѣ) на Украинѣ, только въ то время ритуалъ этотъ былъ, вѣроятно, еще сложнѣе и считался обязательнымъ для всѣхъ классовъ общества.

Какъ и нынѣ самый бѣдный крестьянинъ считаетъ долгомъ чести созвать на свадьбу не только всю родню, кумовей и пріятелей, но, если можно, то и всѣхъ односельчанъ [1]), такъ и въ то время признавалось обязательнымъ, чтобы «веселье не потаемне, але при бытности людей зацныхъ, на то везванныхъ, было учинено и звычаемъ пристойнымъ отправлено» [2]); поэтому для пріема многочисленныхъ гостей дѣлались большія приготовленія. Такъ какъ свадебное пиршество, начавшись въ домѣ невѣсты, переходило затѣмъ (вмѣстѣ съ ея переѣздомъ) въ домъ жениха, то приготовленія

---

[1]) Накануне свадьбы женихъ съ „дружбами", а невѣста съ „дружками" обходятъ все село и съ поклонами приглашаютъ всѣхъ, отъ мала до велика, на свадьбу. Возвратившись въ домъ невѣсты, „дружки" поютъ:

Ой гаразд ми зробили:
Всю родину спросили,
Все село обходили,
Від кілочка до кілочка,
Не минули ні дворочка.

(Чубинскій. „Труды Этногр. Экспед." т. IV, стр. 133, 134, 144 и 145).

[2]) № CVII, стр. 437.

къ свадьбѣ происходили одновременно въ обоихъ домахъ, и издержки по нимъ нерѣдко достигали значительной суммы [1]).

Какъ и теперь, днемъ свадьбы обыкновенно назначалось воскресенье и лишь въ исключительныхъ случаяхъ другой день недѣли [2]). Утромъ въ домъ невѣсты пріѣзжалъ женихъ съ большой свитой пріятелей. Вѣроятно, они пріѣзжали вооруженные и вели себя шумно, какъ люди, отправляющіеся въ военный походъ; иначе нельзя объяснить, почему въ одну изъ предбрачныхъ интерцызъ включено особое условіе, что женихъ обязывается прибыть съ пріятелями «до того акту святобливого звычаемъ старожитнымъ христіанскимъ, вшелякую заховуючи пристойность» [3]) Въ другомъ документѣ упоминается, что женихъ, ѣдучи со своей свитой «до акту весельного», послалъ впереди себя въ домъ невѣсты двухъ пріятелей «зъ вѣнцомъ, яко звычай есть» [4]). Вслѣдъ за женихомъ пріѣзжалъ его отецъ, а если лично не могъ почему-либо пріѣхать, то

---

[1]) О такихъ приготовленіяхъ см. стран. 95, 170, 228, 453. Въ одномъ документѣ 1563 г. подробно исчисляются и самые припасы къ свадьбѣ, заготовленные женихомъ; тамъ были: „меды, пива, горелка, рыбы, мяса воловые, яловичие, зверина, заяцы, тетеричъ, гуси и кури набитые; перцу, шафрану и иншого кореня полна скриня; также овсы, сена, муки пшеничные и житные“,—всего на сумму „большей ста копъ грошей“. № XXI, стр. 55—56. Въ другомъ документѣ (1638 г.) упоминается, что женихъ, готовясь къ свадьбѣ, между прочимъ, заказалъ луцкимъ аптекарямъ приготовить „марцепаны“ (родъ пирожнаго) № CXLIV, стр. 596.

[2]) Въ собранныхъ нами актахъ въ 24-хъ случаяхъ точно опредѣленъ день свадьбы, и изъ нихъ 19 указаній падаетъ на воскресеніе. См. стран. 28, 94, 128, 131, 169, 207, 227, 235, 299, 302, 309, 316, 358, 535, 537, 591, 596, 598.

[3]) № CXLIII, стр. 592. И въ современной украинской свадьбѣ, когда „бояре“ съ женихомъ отправляются въ домъ невѣсты, они дѣлаютъ видъ, будто ѣдутъ завоевать ее для своего „князя“, и поютъ:

„Будемо замки ламати,
Марусеньку доставати“.

А „дружки“ напутствуютъ ихъ пѣсней:

„Зтиха, бояре, йідьте,
Явора не ломіте“ и т. д.

Это - отзвукъ сѣдой старины, когда похищеніе было обычной формой брака у славянъ.

[4]) № CXLV, стр 398 и 399.

присылалъ вмѣсто себя особыхъ уполномоченныхъ «зъ листами умоцоваными и вѣрущими», т. е. съ формальными довѣренностями [1]). А въ домѣ невѣсты были уже въ сборѣ родные, пріятели и званые гости, въ числѣ коихъ (въ домахъ знатныхъ людей) нерѣдко бывали и высшія духовныя лица, даже владыки. Прибывъ сюда, женихъ вмѣстѣ съ своимъ отцемъ или заступающими его уполномоченными «чинилъ просьбу» предъ отцемъ невѣсты о томъ, что хочетъ онъ «зъ его милостью кревное звязанье, зъ домомъ его милости вѣчистую приязнь и водле закону Божого зъ девкою его милости, панною N, малженство приняти». Отецъ невѣсты отвѣчалъ, что, «будучи того з воли Божое по немъ (зятю) вдяченъ (благодаренъ), а помнечи на все застановленіе и змову (т. е. предбрачный договоръ) около таковое вѣчистое зъ нимъ приязни,» готовъ «все выполнити: дочку въ малженство дати» и условленное приданое выдать,—«и заразъ то чинилъ:» тутъ же, предъ всѣми гостями, вручалъ жениху приданое въ деньгахъ и вещахъ и передавалъ дочь, чтобы тотъ велъ ее къ вѣнцу. А женихъ, все то «къ рукамъ своимъ вземши и заховываючися въ томъ подле правъ посполитыхъ земскихъ», прежде чѣмъ вступить «подле обычая християнского въ малженство скутечное» съ невѣстой, выдавалъ ей установленную закономъ и обычаемъ вѣновную запись.—Такъ было, напримѣръ, на свадьбѣ знатнаго волынскаго пана Мих. Боговитина-Шумбарскаго, въ 1552 г., въ домѣ его тестя Олехна Борзобогатаго, гдѣ въ числѣ гостей присутствовали оба волынскіе владыки, луцкій Ѳеодосій и владимирскій Іосифъ, и другая знать [2]); но можно съ увѣренностью сказать, что подобная сцена была обычнымъ предвареніемъ свадебнаго торжества: въ большей части предбрачныхъ интерцызъ и вѣновныхъ записей прямо говорится, что женихъ, прибывъ на свадьбу, прежде всего получалъ изъ рукъ тестя приданое невѣсты и формальнымъ документомъ обезпечивалъ ея вѣно, и затѣмъ уже велъ ее «до

---

[1]) №№ XI, стр. 26, и LXIII. стр. 225—226.

[2]) № XII, стр. 28—29.

шлюбу». [1]) О вѣнѣ и приданомъ рѣчь будетъ ниже, а пока доскажемъ, что намъ извѣстно о свадебныхъ обычаяхъ того времени.

Мы уже цитировали свидѣтельство К. Саковича о томъ, что въ церемоніи вѣнчанья, вмѣстѣ съ женихомъ и невѣстой, участвовали и ихъ «дружки, дружбы и старосты», т. е. тѣ же свадебные чины, которые и теперь играютъ важную роль въ украинскомъ «весільномъ» ритуалѣ. Тотъ же Саковичъ, смѣясь надъ обычаемъ канонарханья у православныхъ, говоритъ, что оно похоже на то, какъ бываетъ «на свадьбахъ, или весильяхъ, гдѣ, именно послѣ обѣда, одинъ, сидя за столомъ, начинаетъ пѣть и благодарить хозяина и хозяйку за обѣдъ, а другіе за нимъ поютъ то же» [2]); слѣдовательно, и въ то время, какъ и теперь, всѣ свадебныя дѣйствія сопровождались хоровымъ пѣніемъ. Въ самый день свадьбы невѣсту вмѣстѣ съ ея приданымъ перевозили въ домъ жениха, куда слѣдовали и свадебные гости; это называлось «преносины», или «приносины» [3]). Обычай этотъ и теперь исполняется въ крестьянскихъ свадьбахъ на Украинѣ [4]). Извѣстно также, съ какими церемоніями отводятъ теперь невѣсту въ «комору», на первый ночлегъ съ новобрачнымъ мужемъ [5]); нѣчто подобное было въ обычаѣ и въ то время: въ одномъ документѣ 1572 г., гдѣ рѣчь идетъ о ссорѣ между свадебными гостями, отмѣчается, что ссора началась въ томъ моментъ, «коли вже есмо панну до ложка отпровадили» [6]). Можно полагать, что и въ то время, даже въ знатныхъ домахъ, соблюдался обычай, нынѣ практикуемый лишь въ крестьянскихъ свадьбахъ на Украинѣ и состоящій въ томъ, что знаки дѣвичьей непорочности новобрачной (такъ называемая «покраса») демонстрируются передъ гостями, и всѣ начинаютъ въ пѣсняхъ величать новобрачную и благодарить ея родителей [7]). Въ тѣ времена

---

[1]) Въ нашихъ документахъ страницы 78, 95, 195, 227, 291, 302, 316.

[2]) Архивъ Югозап. Россіи, часть I, т. 9, стр. 305.

[3]) № LXXIX, стр. 286—287.

[4]) Чубинскій, Труды Этногр. Экспед., т. IV, стр. 434.

[5]) Ibidem, стр. 434—438.

[6]) Актовая кн. Кіев. Центр. Архива № 2046, л. 20 обор.

[7]) Чубинскій, Труды Этногр. Экспед., т. IV, стр. 443—455.

новобрачный, на другой день свадьбы, торжественно благодарилъ за то же тестя и тещу и дѣлалъ цѣнный подарокъ молодой женѣ; такъ въ 1568 г. князь Иванъ Дмитріевичъ Буремскій подарилъ новобрачной женѣ «по доброй ночи» золотую цѣпь [1]); въ 1570 г. панъ Андрей Хмара, въ подобномъ же случаѣ, выдалъ женѣ дарственную запись на «весь статокъ» свой въ награду за «цнотливое паненское ее выхованье и правую и верную милость (любовь) къ нему [2]). Такіе подарки назывались тогда «*обрадованьемъ*» [3]), а дарственныя записи, по этому случаю выдаваемыя мужемъ новобрачной женѣ и впослѣдствіи вносимыя въ актовыя книги, именовались «*обрадоваными листами*». Въ подобныхъ листахъ счастливый мужъ, желая документально засвидѣтельствовать предъ всѣми фактъ цѣломудрія своей жены, что ставилось въ заслугу и честь не только ей, но и всему ея роду [4]), обыкновенно писалъ такъ: «вызнаваю и чиню явно симъ моимъ листомъ, ижъ што з воли Божое и призренья Его святого, и з милости (любви) моее, понялъ есми за себе в стадло малжонское, водле закону нашого светого хрестянского, панну (такую-то), по которой я познавши доброе, верное а цнотливое въ ее паненствѣ захованье ку собе, ижъ она, малжонка моя милая, яко зацного отца и поцтивое матки своее, вышла, ни въ чомъ стану а особы паненства своего не нарушила,

---

[1]) Акт. книга Кіев. Центр. Архива № 2042, л. 383—385.

[2]) Актов. книга того же Архива № 2094, л. 535. Подобную же дарственную запись 1572 г, см. № LXIX настоящаго тома.

[3]) Въ 1564 г. вдова князя Богуша Любецкаго заявляла уряду о пропажѣ „скрынки з листами", между которыми находился и „листъ на *обрадованье* отъ небожчика малжонка моего милого мне речами рухомыми", т. е. дарственная на движимое имущество. Акт. книга Кіев. Центр. Архива № 2038, л. 228 обор.

[4]) Такъ и теперь поютъ на свадьбахъ въ честь оказавшейся цѣломудренною невѣсты:

А в лузі червона калина
Весь луг окрасила:
Доброго батька дитина
Весь рід звеселила.

Чубинскій, Труды, IV, 444.

але все то, што доброй а цнотливой паненцѣ належало, мнѣ въ станъ святобливый малжонский принесла и оказала [1]); а такъ я, познавши по ней, малжонцѣ моей милой, такую вѣрность, учтивое захованье ку собе, а будучи тому вдяченъ, и съ тое вдячности моее родичомъ ее, отцу и матце, великое подякованье (благодареніе) мое вчинилъ, а малжонце мое милой даю, дарую и записую» такую-то денежную сумму, обезпечивая ее на такомъ-то моемъ имѣніи [2]). Подобныя выраженія признательности за сохраненіе цѣломудрія нерѣдко встрѣчаются и въ вѣновныхъ записяхъ, если послѣднія составлялись не передъ свадьбой, а на другой или на третій день ея [3]).

Наконецъ, къ свадебнымъ обычаямъ того времени надо причислить и тотъ церковный обрядъ, который и въ настоящее время совершается въ одной только Малороссіи: разумѣемъ такъ называемое здѣсь «скрыванье молодыхъ», или «выводъ». Обрядъ состоитъ въ томъ, что на другой день свадьбы, утромъ, женихъ и невѣста, въ сопровожденіи свадебныхъ гостей, отправляются въ церковь, и здѣсь священникъ совершаетъ надъ ними молитвенный обрядъ, который

---

[1]) Удивительно, какъ эти выраженія актоваго „подякованья“ XVI в. совпадаютъ съ выраженіями современной свадебной пѣсни, какой величаютъ отца цѣломудренной невѣсты:

Ой спасибі тобі, таточку,
За твою учтиву дитину,
Що вона по ночам не ходила,
Своеі цноти не згубила,
Цноти не втеряла,
А для N (имя жениха) держала.

Чуб., Труды, IV, 451—452.

[2]) Такой „обрадованый листъ“ выдалъ 23 генваря 1570 г. (въ понедѣльникъ, т. е. на другой день свадьбы) своей новобрачной женѣ князь Станиславъ Воронницкій, записавъ ей въ даръ, независимо отъ вѣна, 200 червонцевъ угорскихъ. № LVII.

[3]) См., напр., вѣновную запись 1551 г., гдѣ отъ лица мужа говорится о новобрачной женѣ: „я то бачачи, ижъ (она) такъ цнотливого выхованя паненства своего ко мне малженства своего верность принесла...“ № XI, стр. 25. Запись эта писана 12 мая, во вторникъ, т. е. очевидно на третій день свадьбы.

въ требникѣ Петра Могилы именуется: «Молитва первобрачной невѣстѣ, хотящей ввестися по брацѣ въ церковь и пріяти благословеніе первому покровенію главѣ». О такомъ обрядѣ нѣтъ и упоминанія въ современномъ русскомъ требникѣ, такъ какъ онъ никогда не былъ извѣстенъ въ Великороссіи. Нѣтъ его чина и въ греческихъ требникахъ, но онъ встрѣчается въ требникахъ южнорусскихъ домогилинскаго періода, наприм. въ Стрятинскихъ и Львовскихъ, и очевидно съ очень давнихъ поръ существовалъ въ Малороссіи, какъ мѣстный обычай. Такъ смотрѣлъ на него и Петръ Могила, включившій чинъ его въ свой требникъ съ примѣчаніемъ: «не всюды сей обычай содержится, но точію въ нѣкіихъ церквахъ; тѣмъ же убо каяждо церковь въ силѣ своей древній обычай да содержитъ» [1]).

Выше было замѣчено, что началу свадебнаго обряда обычно предшествовало: а) врученіе жениху приданаго невѣсты и б) выдача женихомъ невѣстѣ такъ называемой «вѣновной» записи, обезпечивающей ея приданое.

Приданое еще и въ XVI ст. удерживало древнерусское названіе «вѣно» [2]), но чаще замѣнялось терминомъ «пóсагъ». Оно состояло обыкновенно на половину въ деньгахъ (собственно «посагъ», или «готовизна»), а на половину въ разнаго рода движимомъ имуществѣ: въ драгоцѣнныхъ украшеніяхъ, серебряной, мѣдной и оловянной посудѣ, бѣльѣ, одеждахъ, мѣхахъ, лошадяхъ и экипажахъ, стадахъ, «челяди невольной» (рабахъ) и проч., что называлось «выпрáвой». Въ XV ст. и вообще въ эпоху, предшествовавшую изданію Лит. Статута, въ составъ приданаго могла входить и недвижимая собственность изъ родовыхъ отцовскихъ имѣній [3]), но послѣ изданія Статута это сдѣлалось возможнымъ лишь въ томъ случаѣ,

---

[1]) Требникъ П. Могилы, изд. 1646 г., 428.
[2]) Стран. актовъ: 25, 68, 76, 171, 174, 183, 284, 303, 316, 326, 480.
[3]) См. Приложенія, № CLIV.

когда невѣста не имѣла братьевъ[1]). Цѣнность «посага» зависѣла, конечно, отъ состоянія родителей невѣсты, при чемъ, по закону, на снаряженіе дочерей приданымъ могла быть израсходована четвертая часть всего отцовскаго состоянія. Въ формѣ приданаго дочь получала какъ-бы выдѣлъ своей наслѣдственной части изъ состоянія родителей, и потому, тотчасъ послѣ свадьбы, она, вмѣстѣ съ мужемъ, обязана была выдать имъ формальнымъ порядкомъ особую запись, именовавшуюся «выреченье з добръ отчистых и материстых и всѣх спадковъ и припадковъ», въ которой навсегда отрекалась отъ права наслѣдства[2]).

Приданое приносилось не мужу, а семьѣ. По понятіямъ того времени, приданое—это былъ своего рода паевый капиталъ, вносимый женой на предметъ устройства новой семьи. Пока существовалъ бракъ, этимъ капиталомъ пользовались совмѣстно мужъ и жена въ цѣляхъ благосостоянія семьи; но лишь только бракъ прекращался—путемъ смерти одного изъ супруговъ или путемъ развода,—капиталъ этотъ полностью подлежалъ возврату: въ случаѣ смерти бездѣтной жены онъ возвращался въ ея родъ[3]), а въ случаѣ вдовства ея онъ возвращался ей самой и отъ нея по наслѣдству переходилъ къ дѣтямъ или, по завѣщанію, кому она хотѣла[4]). А для того, чтобы этотъ капиталъ не подвергся растратѣ и, когда потребуется, полностью былъ возвращенъ, для этого мужъ, получая въ день свадьбы изъ рукъ тестя приданое жены, одновременно съ этимъ выдавалъ ей формальный документъ, въ которомъ писалъ, что получилъ за ней приданое на такую-то сумму и обезпечиваетъ

---

[1]) Бывали, впрочемъ, и отступленія отъ этого законнаго порядка: въ 1564 г. волынскій земянинъ Петръ Кирдѣй Мыльскій далъ въ приданое за дочерью одно родовое имѣніе и обязался „того именья з *сынами своими*... выречи“ и формально отчудить его въ пользу дочери и зятя. № XXV.

[2]) Образцы такого отреченья см. въ №№ LXIII и CLV.

[3]) См. №№ LXI и LXXV.

[4]) При разводахъ вопросъ о приданомъ обыкновенно рѣшался путемъ взаимнаго соглашенія разводящихся супруговъ, о чемъ будетъ рѣчь ниже.

цѣлость его въ этой суммѣ на такой-то части своихъ имѣній съ тѣмъ, что, въ случаѣ его смерти, жена его въ правѣ будетъ владѣть этой частью, какъ заставной, до тѣхъ поръ, пока его наслѣдники не уплатятъ ей сполна означенную сумму. Это называлось «вѣно-ва́ти» жену, «записати ей вѣно», или «оправити вѣно», и такія записи именовались «листами вѣновными», или «оправными». По всему видно, что это былъ весьма древній обычай, узаконенный еще Вислицкимъ Статутомъ короля Казимира III въ 1347 г. и впослѣдствіи подробно регламентированный во всѣхъ трехъ редакціяхъ Литовскаго Статута, гдѣ помѣщена и угроза, что не вѣнованная жена, въ случаѣ вдовства, не въ правѣ требовать возвращенія своего приданаго [1]). Поэтому родители или родственники невѣсты, при сговорѣ, обычно требовали, чтобы женихъ формально обязался въ день свадьбы «оправити» ей вѣно, и если онъ впослѣдствіи медлилъ исполненіемъ такого обязательства, то это грозило тѣмъ, что бракъ, уже формально заключенный, могъ и не состояться. Въ собранныхъ нами актахъ встрѣчается интересное постановленіе третейскаго суда (1564 г.), согласно которому тесть удерживаетъ у себя обвѣнчанную дочь и ея приданое до тѣхъ поръ, пока зять не совершитъ законнымъ порядкомъ вѣновной записи [2]).

Почти во всѣхъ вѣновныхъ записяхъ цѣнность приданаго обезпечивалась въ двойной суммѣ, какъ то требовалось и Статутомъ; это называлось «записати вѣно съ привѣнкомъ. Впрочемъ, на практикѣ допускалось въ этомъ отношеніи такое разнообразіе: такъ какъ въ составѣ приданаго различали «по́сагъ» (деньги) и «выправу» (вещи), то иные удваивали только цѣнность «посага», обезпечивая «выправу» въ ея дѣйствительной стоимости [3]); другіе же обѣ части приданаго оцѣнивали съ «привѣнкомъ», т. е. въ двойной

---

[1]) I Статутъ, разд. IV, арт. 4; II Ст., разд. V, арт. 1; III Ст., разд. V, арт. 1.

[2]) Актъ № XXV.

[3]) См. №№ I, XIII, XXIII, XLII, LIV, LVI, LXI, LXXV, LXXXII, CXXX.

суммѣ [1]). Въ собранныхъ нами документахъ оказалась одна лишь вѣновная запись (1567 г.), въ которой «посагъ» и «выправа» обезпечены въ ихъ дѣйствительной стоимости, безъ привѣнка [2]); но бывало и такъ, что мужъ, записавъ новобрачной женѣ одно лишь вѣно, впослѣдствіи особымъ актомъ записывалъ ей и привѣнокъ [3]). Можно думать, что «привѣнокъ» былъ не чѣмъ инымъ, какъ даромъ невѣстѣ за цѣломудріе; въ одной вѣновной записи 1559 г. мужъ пишетъ, что беретъ за женою приданаго на такую-то сумму, «а за ея учтивое противко мне захованье записалъ ей (вѣно) совито», т. е. вдвойнѣ [4]). Какъ видимъ, здѣсь та же мотивировка дара, что и въ «обрадованыхъ» листахъ. И вообще во всѣхъ записяхъ привѣнокъ мотивируется какъ даръ, а не какъ должное, и записывается онъ только первобрачнымъ, а не вдовамъ или разводкамъ, вступающимъ въ новые браки.

Чтобы имѣть возможность «оправить вѣно» невѣстѣ, женихъ долженъ былъ обладать недвижимой собственностью и при томъ такой стоимости, чтобы ея третья часть вдвое превышала цѣнность приданаго. Это естественно вело къ тому, что браки заключались обычно между лицами, приблизительно ровными по состоянію. Если же невѣста оказывалась настолько богаче жениха, что ему нечѣмъ было обезпечить ея вѣно, въ такомъ случаѣ законъ предоставлялъ ея родителямъ или опекунамъ право—на тѣ деньги, какія предназначались въ приданое, купить ей имѣніе, и тогда женихъ обязанъ былъ «оправить» лишь ту часть приданаго, какую получалъ сверхъ того, «а того имѣнія, которое отецъ, купивши, дочцѣ своей дасть, маютъ (новобрачные) сполу уживати ажъ до живота мужнего, а по животе мужнемъ она яко свое власное маеть одержати весполокъ

---

[1]) См. №№ XII, XV, XVI, XXII, XXV, XXVI, XXXV, XLVIII, LI, LXXIV, LXXXVIII, CIV.

[2]) № XXXVIII.

[3]) См. № LXXXII.

[4]) Актъ № XV.

з вѣномъ своимъ» [1]). Если женихъ въ моментъ сватовства еще не получилъ выдѣла своей части изъ отцовскихъ имѣній, онъ обязанъ былъ позаботиться, чтобы ко дню свадьбы его родители выдѣлили и формально закрѣпили за нимъ по крайней мѣрѣ такую часть наслѣдства, на которой онъ могъ бы «оправить вѣно» невѣстѣ [2]); въ противномъ случаѣ свадьба отсрочивалась, или же родные невѣсты, выдавъ ее замужъ, удерживали ея приданое до тѣхъ поръ, пока зять не выполнитъ своего обязательства [3]). Если же выдѣлъ почему-либо не могъ быть совершенъ, тесть отъ своего имени выдавалъ невѣсткѣ «вѣновный листъ», обезпечивая вѣно ея на своихъ имѣніяхъ. Такъ поступилъ, между прочимъ, князь Конст. Острожскій, женивъ въ 1585 г. сына Януша на княжнѣ Зузанѣ Шередій [4]).

Могъ ли мужъ записать вѣно на всемъ имѣніи своемъ, или только на извѣстной его части? Такой вопросъ возникъ въ законодательной практикѣ Литовско-русскаго государства еще въ самомъ началѣ XVI ст., и чтобы понять, почему понадобилось вмѣшательство законодательной власти въ это дѣло, нужно знать, къ чему на практикѣ сводилась «оправа вѣна». Она сводилась къ тому, что вдова, по смерти мужа, вступала во владѣніе тою частью его имѣній, на какой было обезпечено ея вѣно, и самостоятельно распоряжалась ею пожизненно или до новаго замужества (это зависѣло отъ того, на какихъ условіяхъ мужъ записалъ ей вѣно), во всякомъ случаѣ до тѣхъ поръ, пока наслѣдники мужа не уплачивали ей сполна суммы, въ какую было оцѣнено ея вѣно. А такъ какъ деньги въ то время были рѣдки и ихъ трудно было достать при отсутствіи кредитныхъ учрежденій, то проходило обыкновенно много времени, пока наслѣдники выкупали свою отцовщину. Разумѣется,

---

[1]) 2-й Статутъ, разд. V, арт. 2, То же и въ 3 мъ Ст., разд. V, арт. 2.
[2]) См. №№ XLVIII, XCIX, CXLIII.
[3]) См. № LXXXV.
[4]) См. № CX.

такой порядокъ былъ крайне невыгоденъ для наслѣдниковъ, въ особенности, если таковыми являлись не родныя дѣти вдовы или же, при ея бездѣтности, родственники мужа; но онъ былъ такъ же мало выгоденъ и для государственныхъ интересовъ, такъ какъ тогдашнее землевладѣніе было связано съ несеніемъ земской военной службы, а правительство неоднократно убѣждалось, что когда вдовы владѣютъ помѣстьями, то «многія шкоды отъ нихъ дѣлаются рѣчипосполитой, а то тымъ обычаемъ, ижъ службы земскія отъ ихъ не бываютъ служоны такъ, яко бы мѣли быти, и тежъ ближнимъ много имѣнья утрачають» [1]). Чтобы ослабить вредныя послѣдствія такого порядка, оставалось ограничить «оправу вѣна» лишь извѣстною частью имѣній мужа. Въ уставной грамотѣ, данной Кіевской землѣ въ 1507 г., впервые введено было такое ограниченіе: «а записати вѣно на одной части, а всего имѣнья не записывати» [2]). Въ 1509 г. состоялось постановленіе великокняжеской рады о томъ, что «оправа вѣна» можетъ быть совершена только на третьей части имѣній мужа [3]), каковое постановленіе вошло впослѣдствіи и въ Лит. Статутъ [4]).

«Оправа вѣна» имѣла назначеніемъ имущественное обезпеченіе жены на случай ея вдовства. Но каковы были при жизни мужа юридическія права ея на имѣнія, записанныя ей въ вѣно? Въ Статутѣ объ этомъ говорится лишь, что мужъ «того имѣнія своего никому иншому ни которымъ правомъ а ни способомъ записовати а ни въ чужіе руки заводити не можетъ» безъ согласія жены, и что никакія взысканія за долги или за проступки мужа не могутъ быть

---

[1]) Лит. Статуть 1529 г., разд. IV, арт. 3. Тоже въ Стат. 1566 г., разд. V, арт. 5.

[2]) Акты Зап. Россіи, т. 2, № 30.

[3]) Литовская Метрика, т. I. стр. 595.

[4]) Однако, въ собранныхъ нами документахъ встрѣчаются двѣ вѣновныхъ записи (1564 и 1565 гг.), въ коихъ вѣно обезпечено на двухъ частяхъ имѣнія мужа, а третья часть записывается женѣ въ даръ на правахъ полной собственности. №№ XXIII и XXXV.

обращены на такое имѣніе [1]). Слѣдовательно, законъ приравнивалъ подобныя имѣнія къ залоговымъ. А нужно знать, что по тогдашнему обычаю имѣнія, поступавшія въ залогъ, формально передавались въ пользованіе кредитору впредь до выкупа, при чемъ послѣдній имѣлъ право перезаложить ихъ третьему лицу, чего не могъ уже сдѣлать собственникъ. Судя по указаніямъ нѣкоторыхъ вѣновныхъ записей, можно думать, что и жена вступала въ подобныя же права залогодержателя по отношенію къ имѣніямъ, записаннымъ ей въ вѣно. Такъ, въ одной записи мужъ пишетъ: «маеть малжонка моя третюю часть во всѣхъ именьях моих *такъ тепер, за живота моего*, яко и по животе моем, к рукам своимъ держати и того вживати яко влостности своее, а я самъ, при животе моемъ, не отдавши тое сумы пенезей (вѣна), в тую третюю часть ничим ся вступовати, з моцы и владности ее выймовати и никоторое кривды на том ей дѣлати не маю» [2]). Здѣсь ясно устанавливается право безпрепятственнаго пользованія, какъ и при залогѣ. Въ другой вѣновной записи говорится: «волна она (жена) будет тую третюю часть именей моих отчизных держати и вживати и в той сумѣ *за живота моего* и по животе моемъ заставити» [3]). Здѣсь, сверхъ пользованія, выговаривается и право перезалога при жизни мужа. Еще въ одной такой же записи мужъ, поименовавъ помѣстья, на коихъ онъ «оправилъ вѣно» новобрачной женѣ, пишетъ далѣе: «которые вышей помененые именя мои от того часу симъ листомъ, записомъ своимъ, *подаю и подалъ есми* въ спокойное держанье и вживанье предреченой малжонце моей милой, и тых же теж имеаей *посполу зо мною* она, малжонка моя, держати и вживати маетъ такъ при животѣ, яко и по животѣ моемъ; которых именей вже отъ сего часу, безъ воли и призволеня предреченои малжонки моеи, никому ниякимъ правомъ а ни в жадной суме заводити не маю и

---

[1]) Статутъ 1566 г., разд. V. арт. 16. Стат. 1588, разд. V, арт. 17.
[2]) № XXXVIII, стр. 117.
[3]) № LX, стр. 213.

мочи не буду» [1]). Здѣсь мы видимъ уже и формальную передачу женѣ записанныхъ ей въ вѣно имѣній, и отказъ мужа отъ права заложить ихъ другому лицу,—совсѣмъ такъ, какъ писалось въ тогдашнихъ залоговыхъ актахъ; но выраженіе «держати и вживати *посполу зо мною*» ясно указываетъ на отличительный характеръ этого залогодержанія. Безспорно, жена обладала всѣми правами залогодержателя по отношенію къ имѣніямъ, записаннымъ ей въ вѣно, но въ то же время, состоя въ брачномъ союзѣ съ мужемъ, она не могла устранить его отъ участія въ пользованіи этими имѣніями, такъ какъ, по литовско-русскому праву, имущества, предназначенныя при заключеніи брака на осуществленіе цѣлей семьи, должны были находиться въ общемъ распоряженіи обоихъ супруговъ, а не одного изъ нихъ; а къ такимъ имуществамъ именно и принадлежали: приданое со стороны жены и вѣно со стороны мужа. Историки русскаго права выводятъ отсюда общее положеніе, что въ литовско-русскомъ правѣ (какъ и въ московскомъ) въ разсматриваемую эпоху господствовало начало общности имущественныхъ правъ супруговъ [2]; но съ этимъ положеніемъ трудно, намъ кажется, согласовать рядъ другихъ фактовъ, скорѣе свидѣтельствующихъ въ пользу раздѣльности означенныхъ правъ: а) оба супруга владѣли имуществами, принадлежавшими каждому изъ нихъ въ отдѣльности; таковы были изъ имуществъ мужа—всѣ его родовыя и благопріобрѣтенныя имѣнія, за исключеніемъ той части ихъ, какая была записана въ вѣно, а изъ имуществъ жены—ея отцовскія и материнскія имѣнія, за исключеніемъ тѣхъ, какія входили въ составъ ея приданаго; б) эти имѣнія (и другія имущества) супруги обычно дарили, продавали и закладывали другъ другу и вообще заключали между собою договорныя сдѣлки объ имуществѣ, что было бы невозможно при общности имуществъ; и в) раздѣльность имуществен-

---

[1]) № CIV, стр. 421.

[2]) Обзоръ исторіи русскаго права, проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова, изд. 2, стр. 386—387.

ныхъ правъ супруговъ съ полною очевидностью проявляется въ отношенiи къ обязательствамъ: въ то время, какъ въ Московскомъ государствѣ еще въ 1688 году царскимъ указомъ велѣно было «выдавать (кредитору за долгъ) мужей съ женами, а женъ съ мужьями» [1]), въ Литовскомъ княжествѣ уже въ XVI ст. было установлено въ видѣ основного закона, что «не маеть нихто за чей-колвекъ учинокъ терпѣти, а ни... жона за мужа, а ни мужъ за жону, толко каждый самъ за свой выступъ маеть терпѣти» [2]), и потому, даже при конфискацiи имѣнiй за государственную измѣну, когда и малолѣтнiя дѣти измѣнниковъ лишались отцовскаго достоянiя, ихъ жены, не участвовавшiя въ преступленiи мужей, сохраняли въ неприкосновенности лично имъ принадлежавшiя имѣнiя, какъ равно и вѣно, «перед учинкомъ тое зрады (измѣны) имъ отъ мужей ихъ записанное» [3]). Такимъ образомъ, если и можно говорить о супружеской общности имуществъ въ литовско-русскомъ правѣ XVI—XVII вв., то только въ отношенiи приданаго и вѣна. Но и эта общность существовала только до тѣхъ поръ, пока продолжался брачный союзъ. Лишь только онъ прекращался смертью мужа, вдова становилась полной собственницей своего приданаго и вступала во всѣ права заставной владѣлицы по отношенiю къ имѣнiямъ, записаннымъ ей въ вѣно. По закону, она владѣла ими до тѣхъ поръ, пока наслѣдники мужа не уплачивали ей сполна суммы, въ какую было оцѣнено ея вѣно съ привѣнкомъ; но въ вѣновныхъ записяхъ этотъ пунктъ опредѣляется неодинаково: въ однѣхъ—вдовѣ предоставляется право пожизненно владѣть своимъ вѣномъ и только въ случаѣ вступленiя ея въ новый бракъ наслѣдники получаютъ право выкупа [4]); въ другихъ—право пожизненнаго владѣнiя предоставляется вдовѣ безусловно, т. е. если она и замужъ пойдетъ, наслѣдники

---

[1]) Полное Собр. Зак. № 1825.

[2]) Лит. Ст. 1566 г., разд. I, арт. 14; Ст. 1529 г., I, 7; Ст. 1588 г., I, 18.

[3]) Статутъ 1566 и 1588 гг., разд. I, арт. 3 и 6.

[4]) №№ I, XIII, XV, LXXVI.

не могутъ выкупить у нея вѣна, а могутъ выкупить лишь у того, кому она его завѣщаетъ или передастъ инымъ способомъ [1]); въ третьихъ—наслѣдникамъ предоставляется право выкупа во всякое время, не ожидая замужества вдовы [2]). Выкупная сумма признавалась полною собственностью вдовы, которую она въ правѣ была кому угодно «дати, даровати, и на церковъ дати, и куды хотя обернути» [3]).

Таково было въ то время имущественное положеніе женщины въ замужествѣ и во вдовствѣ. Какъ ни судить, его во всякомъ случаѣ нельзя признать мало обезпеченнымъ; быть можетъ, современная женщина любой страны могла бы позавидовать въ этомъ отношеніи южнорусской женщинѣ XVI—XVII вв. Прибавимъ еще, что послѣдняя, находясь въ замужествѣ (и во вдовствѣ), имѣла неограниченное право пріобрѣтать всякаго рода движимое и недвижимое имущество, равно и сама могла его дарить, продавать и закладывать, вступать въ обязательства, вести судебные иски, для чего лично являлась въ суды, а если поручала подобныя дѣла мужу, то выдавала ему на то формальную довѣренность, какъ и постороннему повѣренному [4]). Принимая фамилію мужа, она удерживала и свое родовое фамильное имя (и даже титулъ) [5]), и можно указать много актовъ, въ которыхъ замужнія женщины именовались однимъ урожденнымъ прозвищемъ [6]). Жена имѣла и свою отдѣльную пе-

---

[1]) №№ XII, LIV, LXVI.

[2]) №№ III, XI, XXIII, XXXVIII, LXI, LXXXVIII.

[3]) Актъ № III и др.

[4]) Въ актовыхъ книгахъ часто встрѣчаются такія довѣренности; для образца укажемъ въ акт. книгѣ Кіев. Центр. Архива № 2038 документы на 156 и 268 листахъ и въ книгѣ № 2039 документъ на 110 листѣ.

[5]) Наприм. княжна Марина Дмитріевна Буремская, выйдя замужъ за земянина Григорія Кольмовскаго, титулуется въ актахъ такъ: „пани Григоріевая Кольмовская *княжна* Марина Дмитровна Буремского". № LXXVIII.

[6]) Наприм. въ актѣ № XVIII земянка Ганна Богдановна Дчусянка, жена Андрея Добринскаго, именуется: „пани Ганна Богдановна Дчусянка Андрѣевая Добринская"—и въ томъ же актѣ однимъ урожденнымъ именемъ: „пани Ганна Богдановна Дчусянка". Подобное же въ актѣ № XXVIII и въ др.

чать, на которой были вырѣзаны ея имя и гербъ и которую она прикладывала къ выдаваемымъ ею разнаго рода записямъ и вообще документамъ [1]).

Весьма естественно, что, устраиваемые на началахъ свободнаго выбора и обоюдной личной и имущественной независимости мужа и жены, тогдашніе браки въ большинствѣ случаевъ отличались прочностью и постоянствомъ взаимной привязанности супруговъ и сопровождались мирной, согласной ихъ жизнью. Въ актахъ того времени очень нерѣдки записи, въ которыхъ мужъ, одаривая чѣмъ-нибудь жену, дѣлаетъ въ дарственной записи такого рода признаніе: «будучы мнѣ в малженствѣ с панею (такою-то) и мешкаючы з нею добре и цнотливе, яко прислуша на цнотливое а милое мешканье, и маючи еи ку собѣ великую милость (любовь) и цнотливое захованье»... [2]); а жена, записывая въ даръ мужу свое вѣно, объясняетъ, что оно ей не нужно, такъ какъ «Панъ Богъ з ласки своее святое доброго мешканя з малжонкомъ узычити ей рачилъ» [3]). Несмотря на то, что люди того вѣка вообще не отличались умѣньемъ сдерживать свои страсти и порочныя склонности, и судебные акты того времени переполнены дѣлами о самыхъ разнообразныхъ преступленіяхъ среди шляхетскаго общества, тѣмъ менѣе акты, свидѣтельствующіе о дурныхъ отношеніяхъ между супругами, о случаяхъ нарушенія ими своего долга, а тѣмъ болѣе о явныхъ между ними ссорахъ, тиранствѣ, насиліи и убійствахъ, встрѣчаются далеко не

---

[1]) №№ LXIII, стр. 224, CXV, стр. 461 и CLIV, стр. 628, документъ 1471 года. Въ 1564 году княгиня Ганна Любецкая жаловалась, что, убѣгая изъ дома Немирича, оставила тамъ шкатулку, въ которой между прочимъ хранилась „печать моя сребреная, на которой гербъ и имя мое вырыто“. Акт. книга № 2038, л. 228. Именныя печати употребляли не однѣ дворянки, но и мѣщанки. Акт. книга № 2045, л. 239.

[2]) № XXXVII, стр. 115; то же въ №№ XXIII, LIII и LXXXIX.

[3]) № LXX, стр. 258.

часто [1]); даже тяжбы между супругами по имущественнымъ искамъ случались очень рѣдко, несмотря на всеобщую въ то время склонность къ сутяжничеству [2]). Зато въ актовыхъ книгахъ въ изобиліи встрѣчаются положительныя указанія, свидѣтельствующія о наилучшихъ взаимныхъ отношеніяхъ между тогдашними супругами. Больше всего такихъ указаній нужно искать въ духовныхъ завѣщаніяхъ, а равно въ многочисленныхъ дарственныхъ и такъ называемыхъ «доживотныхъ» записяхъ, какія тогда весьма часто мужъ и жена выдавали другъ другу. Въ актахъ подобнаго родѣ мужъ, записывая женѣ въ даръ, наприм., движимое или недвижимое имущество или же предоставляя ей право пожизненнаго пользованія («доживотья») его родовыми имѣніями, отчужденіе коихъ воспрещено было закономъ, объяснялъ внутреннія побужденія своего дара такъ: «Мешкаючы з нею (женою) черезъ часъ немалый в станѣ малженскомъ а дознавши ее ку собѣ склонность, милость (любовь) и во всемъ статечное а цнотливое малженское захованье, теж службы, которыми мнѣ она уставичне (постоянно), пошедши за мене в станъ малженский, и в тяжких хоробах моих услугуеть и угожаеть; за што ее нагорожаючи з доброты и милости (любви) моее малженскои, даю и записую ей (то-то)» [3]). За такіе подарки жены отплачивали тѣмъ, что въ свою очередь дарили мужьямъ имѣнія, или вѣно, или денежныя суммы, обезпеченныя на родовомъ имѣніи, и свой даръ мотивировали такъ: «ижъ я вѣрне а правдиве умиловавши (полюбивъ) малжонка моего милого, а дознавши ласку, милость (любовь) а доброе, почтивое, а ласкавое и милое захованье его ку собѣ, иж онъ мене, малжонку свою, вѣрне милуючи (любя), в кождыхъ пригодах моих не опускалъ

---

[1]) Сравнительное обиліе такихъ актовъ въ нашемъ собраніи объясняется просто тѣмъ, что мы съ особенною тщательностью разыскивали ихъ въ сотняхъ актовыхъ книгъ, такъ какъ подобные акты намъ нужны для выясненія вопроса о брачныхъ разводахъ.

[2]) Въ нашемъ собраніи имѣется всего два такихъ документа, подъ №№ CXVI и CXXXV.

[3]) № LXXXIX; то же въ №№ XXIII, XXXVII и въ другихъ.

(не оставлялъ), одно во всемъ ласкаве а добротливе, як на вѣрного а доброго малжонка належитъ, показовалъ, и хотячи тэж я за милость и добродѣйство его свою хуть и милость сердечную противко его показати, даю, дарую и сим листом записую ему... (то-то)» [1]). Подобныя стремленія выразить посредствомъ дара признательность «за ласку, милость и доброе захованье», а еще болѣе, конечно, желаніе обезпечить независимое и безбѣдное положеніе милаго товарища на случай его вдовства, были столь сильны между тогдашними супругами, что въ тѣхъ случаяхъ, когда эти стремленія встрѣчали препятствія въ требованіяхъ закона (напр., когда супруги владѣли лишь родовыми имѣніями, коихъ по закону не имѣли права отчуждать), они обходили эти препятствія, прибѣгая чаще всего къ такой фиктивной сдѣлкѣ: мужъ, напр., выдавалъ женѣ долговую запись на извѣстную сумму и обезпечивалъ мнимый долгъ залогомъ родового имѣнія, предоставляя женѣ пользоваться имъ до уплаты долга со стороны наслѣдниковъ. Очевидно, что въ подобныхъ случаяхъ мужъ прямо нарушалъ интересы дѣтей, руководствуясь, конечно, тѣмъ соображеніемъ, что дѣти скорѣе могутъ обидѣть мать, чѣмъ она ихъ.

И какія возвышенныя мысли и трогательныя выраженія о святости брачнаго союза и о силѣ супружеской любви нерѣдко прорываются въ означенныхъ дарственныхъ записяхъ! Женщины въ особенности умѣли въ шаблонную форму документа внести проблескъ задушевнаго чувства. Волынская земянка Богдана Воловичъ, записывая (въ 1571 г.) мужу свое вѣно, такъ мотивируетъ свой даръ: «злучившися (съ мужемъ) малженствомъ святымъ, и маетностью хочу з нимъ едночить» [2]). Другая земянка, Катерина Басарабовна, даритъ мужу всю свою движимость, желая тѣмъ снискать еще большую его любовь, такъ какъ, по ея мнѣнію, «на свѣтѣ ништо не есть

---

[1]) №№ XVIII и XXX; см. также №№ XIII. XXVIII, XXXIII, LI, LV, LXV, LXVI, LXXXVI и др.

[2]) № LXV, стр. 229.

милшого, як стан малженский и милость (любовь)» [1]). Княжна Марина Буремская даритъ мужу свое вѣно въ тѣхъ видахъ, чтобы онъ, въ случаѣ смерти ея, не имѣлъ изъ-за него какихъ-либо хлопотъ и непріятностей со стороны ея матери и племянниковъ: «бо мя теж (поясняетъ она) и Слово Божее того научило, иж-ем не есть никому повиннѣйшая (т. е. никому я не роднѣе), только малжонку своему милому» [2]). Княгиня Ганна Сангушко-Коширская, руководимая чувствомъ горячей любви къ мужу и сердечной признательности за его любовь и попеченія о ней, даритъ ему свое вѣно (въ 17200 копъ грошей литовскихъ), скромно сознавая, что этотъ даръ ничтоженъ сравнительно съ «добродѣйствами» мужа по отношенію къ ней: «которое так великое добродейство его милости не только маетностью моею естем винна его милости отдавати и нагорожати, але бых рада и здоровьемъ моимъ такие ласки его милости оливала» [3]). Князь Константинъ Константиновичъ Острожскій, староста владимирскій, желая на дѣлѣ доказать горячую любовь «противко цнотливому милому товарышу, малжонцѣ своей милой», даритъ ей всю движимость [4]). Такъ и другой современный ему князь, Станиславъ Радзивилъ, завѣщая въ 1598 году своей женѣ право пожизненнаго пользованья его имѣніями, объясняетъ: «кгды ж она мнѣ милымъ товарышемъ, а не слугою была» [5]). И точно, многія изъ тогдашнихъ женъ являлись вѣрными и надежными товарищами своихъ мужей во всѣхъ обстоятельствахъ жизни. Хорошій мужъ ничего не дѣлалъ безъ совѣта съ женой. Читая разнаго рода записи южнорусскихъ земянъ, бояръ и мѣщанъ XVI—XVII вв., мы видимъ, что когда мужъ продавалъ или другимъ способомъ отчуждалъ даже собственное, лично ему принадлежавшее имущество, онъ и въ такомъ случаѣ признавалъ нужнымъ упомянуть въ

---

[1]) № LXVI, стр. 232.
[2]) № LXXXVIII, стр. 284.
[3]) № LI, стр. 184.
[4]) № XCV, стр. 350.
[5]) Актовая кн. Кіев. Центр. Архива № 2118, л. 310.

актѣ, что дѣлаетъ это «порадившися (посовѣтовавшись) з малжонкою своею милою» [1]). Тѣмъ съ большимъ основанiемъ онъ могъ довѣрить ей дѣло воспитанiя дѣтей и устройство ихъ участи на случай своей смерти. Волынскiй земянинъ Николай Боговитинъ-Шумбарскiй писалъ въ 1584 г., что «не маючи у себе лѣпшого, вѣрнѣйшого и зычлившого приятеля, яко малжонку свою милую», онъ, на случай своей смерти или отъѣзда за границу, записываетъ ей все состоянiе и ей одной предоставляетъ право опеки надъ дѣтьми, а въ случаѣ ихъ смерти—и право наслѣдованiя ихъ вотчинами, устраняя (вопреки закону) отъ опеки и отъ наслѣдства своихъ родственниковъ [2]). Въ 1609 году другой волынскiй земянинъ Николай Малыщинскiй завѣщалъ, чтобы жена его одна оставалась полною распорядительницей всего состоянiя его и воспитательницей дѣтей, опекуновъ же онъ назначаетъ единственно для ея защиты, «абы она з дѣточками въ сиротствѣ кривды ни отъ кого не мѣла»; если бы она и замужъ пошла, «дѣтки при ней же зостати маютъ», а когда вырастутъ, мать не будетъ обязана давать имъ отчетъ по распоряженiю состоянiемъ, «кгды ж то нашъ сполный сборъ з нею» [3]). Можно сказать: такъ распоряжались мужья, ослѣпленные любовью къ женамъ или дѣйствовавшiе по ихъ настоянiямъ; но вотъ предъ нами духовное завѣщанiе дѣда, озабоченнаго судьбой малолѣтнихъ внуковъ, потерявшихъ отца. Зная «статечность» своей невѣстки, вдовы,

---

[1]) А часто и актъ о такомъ отчужденiи выдавался отъ имени обоихъ супруговъ; напр., князь Дмитрiй Ивановичъ Ружинскiй, продавая въ 1588 г. свою „отчизну и дедизну", пишетъ въ продажной записи: „Я, князь (такой-то) и я, малжонка его Марья Хомяковна, змовившися есмо обое сполне и нерозделне", продаемъ такiя-то имѣнiя. (Акт. книга Кiев. Центр. Архива, № 927, л. 297).

[2]) № акта CV, см. также №№ XXXIV и XXXVI. Такое же завѣщанiе оставилъ въ 1582 г. земянинъ Борисъ Охлоповскiй, что настолько озлобило устраненныхъ отъ опеки двоюродныхъ братьевъ его, что они возбудили впослѣдствiи формальное обвиненiе его вдовы, будто она подговорила слугъ убить мужа. № CI, стр. 367—415.

[3]) Актовая книга Кiев. Центр. Архива, № 2118, л. 275. Такого же содержанiя два дух. завѣщанiя въ №№ XXXIV и XXXVI.

онъ ей одной передаетъ въ пожизненное распоряженіе всѣ имѣнія и полное право опеки надъ дѣтьми, а опекуновъ назначаетъ лишь для ея защиты и «обороны» съ тѣмъ, что если они станутъ вмѣшиваться въ ея управленіе имѣніями или въ дѣло воспитанія дѣтей, то вдова можетъ замѣнить ихъ другими по своему выбору[1]).

Но какъ бы ни были разумны условія и формы заключенія брака, при полномъ даже личномъ и имущественномъ полноправіи обоихъ супруговъ,—все же неизбѣжны будутъ случаи, когда лица, вступившія въ бракъ, по несходству ли характеровъ, или по другимъ причинамъ, могутъ оказаться рѣшительно неспособными къ сколько-нибудь согласной совмѣстной жизни. Въ тѣхъ обществахъ, гдѣ женщина считается низшимъ, безправнымъ существомъ, тамъ подобные брачные союзы приводятъ лишь къ тому, что болѣе сильный членъ, т. е. мужъ, на вѣки связанный съ женщиной, къ которой онъ не чувствуетъ никакой привязанности, въ короткое время порабощаетъ ее, низводитъ въ положеніе безотвѣтной рабы, покорной исполнительницы одной лишь его воли, послѣдняя же волей-неволей мирится съ своей горькой долей, отрекается отъ всѣхъ правъ свободной человѣческой личности и безусловно подчиняетъ себя волѣ своего повелителя, при чемъ въ концѣ концовъ, путемъ взаимнаго приспособленія, между ними устанавливается такой или иной modus vivendi, сохраняющій хоть съ внѣшней стороны нѣкоторое подобіе брачнаго союза. Но въ обществахъ, гдѣ женщина находится въ иномъ положеніи, тамъ подобный исходъ при данныхъ условіяхъ немыслимъ: неразрывный союзъ двухъ равноправныхъ, но взаимно не симпатичныхъ другъ другу лицъ неизбѣжно будетъ приводить къ такимъ печальнымъ послѣдствіямъ, что общество рано или поздно вынуждено будетъ если не вполнѣ отказаться отъ идеальнаго принципа неразрывности брачнаго союза, то, по крайней

---

[1]) № Акта XCI, стр. 324—331.

мѣрѣ, допустить извѣстнаго рода компромиссъ между его велѣніями и неумолимыми требованіями дѣйствительной жизни, т. е. въ данномъ случаѣ облегчить возможность разводовъ. Такъ было и въ Югозападной Руси, только здѣсь эта легкость разводовъ не столько возникла путемъ общественной эволюціи, сколько была унаслѣдована отъ временъ начальнаго періода русской исторіи. Древнерусское право, регулируя прежнюю безусловную свободу разводовъ, какая была допускаема обычаемъ въ дохристіанскую пору, должно было сдѣлать невольныя уступки вѣковымъ народнымъ обычаямъ и потому значительно расширило причины расторженія брака, допускаемыя церковью. Простой народъ, полагавшій (какъ свидѣтельствуетъ черноризецъ Іаковъ), что только князьямъ и боярамъ подобаетъ вѣнчаться по церковному обряду, а простымъ людямъ достаточно брать своихъ женъ «съ плясаніемъ и гудѣніемъ, и плесканіемъ», безъ сомнѣнія, и въ случаяхъ расторженія браковъ точно такъ же обходился безъ участія церковной власти. Но вѣдь то же самое мы видѣли и во 2-й половинѣ XVI ст. на южныхъ окраинахъ Кіевской и Подольской земли, гдѣ сдѣлки брака и развода жители заключали безъ участія церкви, и даже безъ участія свѣтской власти, а лишь заявляли о состоявщихся сдѣлкахъ старостинскому уряду, при чемъ уплачивали пошлины—«поемщину» и «розводы» [1]. Съ теченіемъ времени болѣе культурные классы постепенно становились на сторонѣ болѣе твердой и признанной нормы въ дѣлѣ расторженія браковъ, хотя, конечно, были еще далеки отъ точнаго слѣдованія каноническимъ предписаніямъ. Да и само западно-русское духовенство въ своихъ рѣшеніяхъ по бракоразводнымъ дѣламъ далеко не строго руководствовалось этими предписаніями, дѣлая уступки мѣстнымъ обычаямъ, за что и подвергалось постояннымъ упрекамъ со стороны представителей католической церкви, въ которой разводы ограничены до крайней степени. Между прочимъ, такіе

---

[1]) См. выше, стр. 32 и 33.

упреки высказывались на Флорентiйскомъ соборѣ (1438—1439 гг.) вмѣстѣ съ обвиненiемъ, что русская церковь, допуская легкомысленно расторгать брачные союзы, тѣмъ самымъ колеблетъ святость таинства брака [1]). Жившiй въ концѣ XV ст. краковскiй каноникъ И. Сокранъ, въ сочиненiи своемъ Elucidarius errorum rithus Ruthenici, тоже укорялъ южноруссовъ за то, что они расторгали браки безъ всякой основательной причины, полагая, что каждый, кто проситъ о разводѣ, можетъ развестись.

Съ половины XVI ст. мы имѣемъ уже довольно богатый запасъ документальныхъ свидѣтельствъ, рисующихъ съ достаточной полнотой тогдашнюю практику брачныхъ разводовъ, во многомъ рѣшительно не согласную съ каноническими правилами, принимаемыми за норму и дѣйствовавшимъ тогда государственнымъ закономъ [2]), и однако признаваемую мѣстными управленiями не только свѣтскими, но отчасти и духовными. Основнымъ руководящимъ началомъ въ ней является все тотъ же вѣками выработанный народнымъ правосознанiемъ взглядъ на бракъ, какъ на договоръ, свободно заключаемый и такъ же свободно расторгаемый по волѣ брачущихся. Всѣ частныя подробности тогдашней бракоразводной практики, а также форма совершенiя разводовъ [3]) и поводы къ нимъ яснѣе будутъ видны въ живыхъ примѣрахъ, взятыхъ изъ тогдашней жизни, къ которымъ мы и переходимъ.

Самый раннiй по времени и найболѣе характерный по содержанiю разводный актъ найденъ въ одной изъ самыхъ древнихъ

---

[1]) Русская Историч. Библiотека, т. VII, стр. 472.

[2]) По Лит. Статуту, разводъ всецѣло отнесенъ къ компетенцiи духовнаго суда, свѣтскому же суду было предоставлено лишь регулировать имущественныя отношенiя разведенныхъ, но и то на основанiи рѣшенiя духовнаго суда: если бракъ расторгался по винѣ жены, она теряла вѣно и приданое, въ противномъ же случаѣ—сохраняла то и другое. 2-й Ст., разд. V, арт. 18; 3-й Ст., разд. V, арт. 20.

[3]) Актъ расторженiя брака въ тогдашнихъ документахъ именовался различно: „*розводъ*“ (очень рѣдко), „*розлученье*“, „*розпустъ*“ или „*розпущенье* (и „*вызволенье*“) з малженства“, „*розстанье*“, а у мѣщанъ—„*розлука*“.

книгъ Кіевскаго Центр. Архива, именно въ луцкой замковой книгѣ 1564 года. Содержаніе его слѣдующее: 7-го іюня этого года явилась въ луцкій замковый урядъ земянка Марья Ивановна Борзобогатая-Красенская, дочь извѣстнаго Ивана Яцковича Борзобогатаго, впослѣдствіи епископа луцкаго, а въ то время нареченнаго владыки владимирскаго, и предъявила для внесенія въ актовыя книги слѣдующаго рода запись, подтвердивъ ее передъ урядомъ и устнымъ заявленіемъ: «Я, Марья Борзобогатовна-Красенская, объявляю этимъ листомъ, что, по волѣ Божьей и дару Его святой милости, я вступила въ бракъ съ паномъ Яцкомъ Стецковичемъ Добрылчицкимъ, съ которымъ живя въ супружествѣ немалое время, и дѣтей, отъ Бога Сотворителя намъ данныхъ, мы съ нимъ породили. Но вотъ уже почти два года, какъ съ гнѣва и попущенья Божьяго между нами завелись великіе розницы и раздоры, благодаря коимъ мы не могли уже жить, какъ подобаетъ супругамъ. Видя перемѣну въ расположеніи ко мнѣ моего мужа и замѣчая въ немъ «мысль отмѣнную и хуть ко мнѣ, женѣ своей, не такую, яко есть обычай малжонку противо малжонци показовать», я пришла къ убѣжденію, что добраго житья съ нимъ я уже не могу имѣть. Поэтому, не желая бо́льшихъ распрей и розницъ между нами множить, я не по чьему-либо принужденію или уговору, а совершенно добровольно, «въ цѣломъ а зуполномъ здоровьи будучи», объявляю, что съ этого времени и впредь навсегда вольнымъ чиню моего мужа пана Яцка Стецковича отъ супружества, въ коемъ мы съ нимъ доселѣ состояли: я отъ него свободна, а онъ отъ меня. И такъ какъ Господу Богу угодно было за грѣхи наши допустить расторгнуть супружескій союзъ, то я, поручивъ то волѣ Божьей, позволяю пану Яцку жениться на комъ онъ захочетъ, а мнѣ тоже вольно выйти за кого хочу замужъ. А что касается нашихъ дѣтей, то при мнѣ остаются двѣ дочери, Магдалина и Настасья, а при пану Яцку оба сына, Иванъ и Якимъ. Каждый изъ насъ обязывается до конца жизни своей заботиться, какъ того требуетъ христіанскій долгъ, о дѣтяхъ и прилагать о нихъ все стараніе, какое свойственно всѣмъ честнымъ родителямъ

въ отношеніи своихъ дѣтей. Сверхъ того, мы обязываемся ни въ чемъ не нарушать условій настоящаго нашего «ростання» и обоюднаго постановленія подъ угрозою «заруки» (неустойки) въ пользу его королевской милости 500 копъ грошей и противной сторонѣ тоже 500 копъ грошей, по уплатѣ коихъ настоящее постановленіе по прежнему должно навсегда оставаться для обѣихъ сторонъ въ полной силѣ. А при томъ были и это дѣло хорошо знаютъ панъ Андрей Русинъ, подстароста луцкій, и панъ Михайло Корытенскій, которые, по моей просьбѣ, печати свои къ настоящему листу приложили; и я сама тоже печать свою приложила и руку подписала. Писано въ Луцкѣ, лѣта 1564, мѣсяца мая 27 дня»[1]). Точно такого же содержанія запись выдалъ своей женѣ и п. Яцко Добрылчицкій[2]), и затѣмъ оба бывшіе супруги не замедлили вступить въ новые брачные союзы: Марія Борзобогатовна въ сентябрѣ того же года вышла за земянина Василія Рогозенскаго, а Добрылчицкій недолго спустя женился на Ганнѣ Малинской[3]).

Изъ приведенной записи, могущей служить наиболѣе типичнымъ образцемъ подобнаго рода документовъ, можно извлечь слѣдующія положенія: а) непремѣннымъ условіемъ развода является обоюдное согласіе на то супруговъ: оба супруга даютъ актъ развода одинъ другому; б) несогласная жизнь супруговъ признается вполнѣ достаточной причиной для расторженія брака; в) разводъ, въ противность церковнымъ и даже тогдашнимъ гражданскимъ законамъ, могъ совершаться и безъ участія духовной власти; для этого было достаточно, чтобы супруги въ присутствіи свидѣтелей выдали другъ другу такъ называемые тогда «роспутные листы» и затѣмъ лично ихъ заявили предъ урядомъ для внесенія въ актовыя книги; г) обѣ стороны, опять таки въ противность канонамъ, пре-

---

[1]) № XXIV, стр. 70.

[2]) Записи этой мы не нашли въ актовыхъ книгахъ, но о ней упоминаетъ Марья Борзобогатовна въ своемъ устномъ заявленіи о разводѣ. № XXIV, стр. 71.

[3]) См. примѣч. къ № XXIV, стр. 72.

доставляли другъ другу право вступить въ брачные союзы съ другими лицами; и д) если у разводящихся супруговъ были дѣти, послѣднія были распредѣляемы между отцемъ и матерью по взаимному ихъ соглашенію.

Слѣдующій бракоразводный случай въ общемъ подтверждаетъ эти положенія и кое въ чемъ ихъ пополняетъ.

Семенъ Ивановичъ Хребтовичъ-Богуринскій, писарь гродскій луцкій, въ 1567 г. женился на Раинѣ Русиновнѣ, дочери богатаго земянина Андрея Ивановича Русина-Берестецкаго, который въ 1571 г. выхлопоталъ себѣ у короля жалованную грамоту на епископію Пинскую и Туровскую и, уѣзжая въ Пинскъ, «до владыцтва своего», уступилъ зятю и дочери въ пользованіе свое имѣніе въ м. Берестечкѣ. Но недолго Хребтовичъ тѣшился тѣмъ, что, какъ онъ выразился въ вѣновной записи, «пришолъ в кровную а звечистую приязнь (родство) з домомъ ихъ милости пановъ Русиновъ»[1]: скоро у него начались нелады съ молодой женой, доходившіе до того, что Раина неоднократно пыталась отравить его. Скоро и тесть за что-то разгнѣвался на зятя и въ январѣ 1572 г. прислалъ въ Берестечко своего племянника Павла Корытенскаго съ отрядомъ вооруженныхъ слугъ, которые, воспользовавшись отсутствіемъ Хребтовича, пограбили его имущество и увезли съ собою его жену. Когда урядникъ и ключникъ Хребтовича спрашивалъ Корытенскаго: «для чого онъ то чинитъ?»—тотъ отвѣчалъ: «мнѣ дядько мой, владыка пинскій, казалъ жону пана Семенову и маетность побрати и его самого забити, а жону его Раину до себе прислати до Пинска». Узнавъ о случившемся, Хребтовичъ позвалъ тестя къ суду за «кгвалтовный» наѣздъ на дворъ Берестецкій, похищеніе жены и грабежъ имущества; сверхъ того Хребтовичъ претендовалъ о возмѣщеніи ему расходовъ, «што онъ выложилъ на лѣкарство, кгды былъ с причины жоны своее Раины, дочки пана Русиновы, по

[1]) № XLII, стр. 138.

колько кротъ трутъ (отравленъ)». Въ мартѣ того же 1572 года въ луцкомъ гродскомъ судѣ происходилъ разборъ этого сенсаціоннаго дѣла. Андрей Русинъ на судъ не явился, а прислалъ листы—суду и сторонѣ—съ извѣстіемъ о болѣзни, но «для хоробы боленья очью» не подписалъ ихъ, а лишь приложилъ къ нимъ свою печать. Судъ призналъ эти листы формально недѣйствительными, а самого Русина уклонившимся отъ явки, и присудилъ: а) чтобы Русинъ «пану Семену малжонку его и дочку свою Раину Русиновну отдалъ, а кгды бы ее не отдалъ, тогды яко за голову, ведлугъ Статуту, двѣсти копъ грошей пану Семену платити будетъ повиненъ» [1]); и б) чтобы онъ уплатилъ зятю «за кгвалтъ дому шляхецкого» 20 копъ и за грабежъ (по оцѣнкѣ) 1075 копъ грошей литовскихъ. Тогда А. Русинъ упросилъ зятя передать ихъ дѣло на рѣшеніе третейскаго суда, въ составъ коего стороны пригласили такихъ именитыхъ людей, какъ воевода волынскій князь Богушъ Корецкій, подсудокъ луцкаго земскаго суда князь Остафій Сокольскій и писарь того же суда Михайло Корытенскій. Третейскій судъ, обсудивъ дѣло во всѣхъ подробностяхъ, предложилъ сторонамъ слѣдующіе пункты «угоды», т. е. миролюбиваго соглашенія: а) панъ Хребтовичъ и его жена Раина должны «доброволне одно другого з малженства выпустити», для чего въ условленный срокъ они обязываются лично заявить объ этомъ передъ луцкимъ гродскимъ урядомъ и просить, чтобы ихъ устное о томъ заявленіе внесено было въ актовыя книги; б) тамъ же, передъ урядомъ, разводящіеся супруги должны назначить срокъ, когда они обязываются стать передъ луцкимъ владыкою Іоною и заявить ему о своемъ разводѣ; в) приданое Раины, въ суммѣ 600 копъ грошей литовскихъ, поступаетъ въ собственность ея бывшаго мужа, которому

---

[1]) № LXXIII, стр. 268. Стоитъ отмѣтить это любопытное постановленіе (неизвѣстно, впрочемъ, на какомъ законѣ основанное), что родители, противузаконно удерживавшіе свою дочь, оставившую мужа, подвергались уплатѣ штрафа, какъ за „*головщину*" (вознагражденіе за убійство). Такая именно головщина (200 копъ) и полагалась за убійство шляхтянки.

А. Русинъ обязанъ сверхъ того выдать долговую запись на сто копъ грошей, а панъ Хребтовичъ за это прекратитъ судебный съ нимъ процессъ и «на сторону отложитъ» состоявшійся уже въ его пользу приговоръ гродскаго суда.—Обѣ стороны приняли эти условія и дали судьямъ и другъ другу руки въ томъ, что обязуются въ точности ихъ выполнить, а п. Хребтовичъ сверхъ того «и слово свое шляхетское далъ на томъ», что «бывшая жена его» Раина и ея отецъ могутъ «безпечне для того до замку (гдѣ помѣщался гродскій урядъ) ехати, жадное небезпечности отъ него самого и ни от кого не выстерегаючись», изъ чего можно заключить, до какой остроты дошли ихъ взаимныя отношенія.

Когда наступилъ условленный срокъ, обѣ стороны (каждая въ сопровожденіи толпы своихъ пріятелей) прибыли въ луцкій замокъ и стали передъ гродскимъ урядомъ, чтобы сдѣлать заявленіе о разводѣ; но тутъ между ними возникъ споръ: Хребтовичъ требовалъ, чтобы Раина, помимо устнаго заявленія передъ урядомъ о «вызволеньи его з малженства», еще выдала ему и разводную запись («роспустный листъ») съ прописаніемъ въ ней своихъ винъ, приведшихъ къ разводу, а Русинъ утверждалъ, что на третейскомъ судѣ не было и рѣчи о выдачѣ такого листя, порочащаго «добрую а почтивую славу» его дочери и его самого, а было постановлено, чтобы Хребтовичъ и Раина, какъ передъ гродскимъ, такъ и передъ духовнымъ урядомъ, ограничились однимъ лишь устнымъ заявленіемъ о расторженіи ими брачнаго союза «и на томъ вѣчными часы перестававати мѣли». Хребтовичъ упорно настаивалъ на своемъ требованіи. Споръ разгорался; въ него вмѣшивались пріятели той и другой стороны, и въ концѣ концовъ дѣло окончилось грубой ссорой и дракой. Скоро послѣ того Андрей Русинъ умеръ, что еще больше затормозило дѣло о разводѣ.

Въ началѣ слѣдующаго 1573 года Хребтовичъ, черезъ посредство общихъ пріятелей, уговорилъ жену отправиться съ нимъ въ м. Берестечко, гдѣ въ мартѣ того же года происходилъ сеймиковый съѣздъ дворянъ Волынскаго воеводства, чтобы тамъ оконча-

тельно уговориться на счетъ условій развода. Что тамъ произошло— объ этомъ мы знаемъ лишь со словъ Раины, которая жаловалась, будто Хребтовичъ, пробывъ съ нею въ Берестечкѣ нѣсколько дней «и никоторого постановленья з нею не учинивши», бросилъ ее тамъ, строго наказавъ при прощаньи: «я тебе за жону мети и с тобою в малжонстве мешкати не хочу; а ни до мене бывай и жоною ся моею не озывай, бо тя певне окалѣчу». Между тѣмъ имѣются указанія, что если не на Берестецкомъ съѣздѣ, то въ скорости послѣ него разводъ совершился. Въ октябрѣ того же года «Раина Русиновна, бывшая Семеновая Хребтовичовая Богуринская» (такъ она съ тѣхъ поръ титулуется въ актахъ) жаловалась на членовъ волынскаго депутатскаго, или «каптуроваго» суда [1]), что они, «зпать змовившися з бывшимъ мужемъ моимъ, мене отъ вѣна 900 копъ грошей вѣчне отсудили и его пану Богуринскому, бывшому малжонку моему, присудили», т. е. формально утвердили одинъ изъ пунктовъ разводнаго соглашенія, предложеннаго и принятаго сторонами еще на первомъ третейскомъ судѣ по дѣлу развода, чего каптуровый судъ не сдѣлалъ бы, если бы разводъ формально не состоялся. Впрочемъ, въ духовномъ судѣ дѣло объ этомъ разводѣ тогда еще продолжалось, но приняло, какъ кажется, другое направленіе: годъ спустя Раина являлась къ луцкому владыкѣ, но не добровольно, какъ было условлено въ первоначальномъ разводномъ соглашеніи ея съ мужемъ, а для отвѣта на врученный ей позовъ къ духовному суду по дѣлу съ Хребтовичемъ. Очевидно, послѣдній убѣдился, что путь миролюбиваго соглашенія съ Раиной не приведетъ ни къ чему, и предъявилъ въ духовномъ судѣ искъ о расторженіи его брака, имѣя для этого достаточное основаніе хотя бы въ томъ, что Раина покушалась отравить его.

Къ сожалѣнію, конца этого дѣла мы не нашли въ актовыхъ книгахъ. Извѣстно лишь, что въ началѣ 1576 года Семенъ Хреб-

---

[1]) Избраннаго по случаю interregnum, наступившаго по смерти короля Сигизмунда-Августа.

товичъ-Богуринскій вступилъ въ бракъ съ Катериной Андреевной Бабинской, вдовой по земянинѣ Иванѣ Городецкомъ, и овдовѣлъ въ 1586 году; что же касается Раины, то она не вышла вторично замужъ и всегда титуловалась въ актахъ однимъ урожденнымъ именемъ: «Раина Русиновна Берестецкая», но въ одномъ документѣ 1604 года она почему-то вновь именуетъ себя «Раина Русиновна Семеновая Хребтовичовая Богуринская»[1]).

Въ переданномъ процессѣ заслуживаютъ вниманія слѣдующія черты тогдашней бракоразводной практики: а) при долговременныхъ несогласіяхъ въ супружеской жизни, когда мужъ и жена опытомъ убѣждались, что нѣтъ надежды вернуть былое согласіе, они обращались къ посредничеству близкихъ, обыкновенно почетныхъ лицъ, приглашали ихъ на роль полюбовныхъ судей и поручали имъ выработать наиболѣе справедливыя и для обѣихъ сторонъ безобидныя условія развода; б) такъ какъ съ прекращеніемъ брака наступало право жены на возстановленіе ея приданаго, то въ условія развода обыкновенно входило и рѣшеніе вопроса о приданомъ и вѣнѣ и вообще о ликвидаціи имущественныхъ отношеній разводящейся четы, причемъ полюбовные судьи неизбѣжно должны были входить въ оцѣнку причинъ и поводовъ, приведшихъ къ расторженію брака; въ данномъ случаѣ, напримѣръ, болѣе виновной стороной была признана жена, и потому ея приданое отсуживалось въ пользу мужа, причемъ, конечно, она теряла и свое вѣно[2]); в) выдача супругами другъ другу разводныхъ записей («роспустныхъ листовъ») не была обязательной: ихъ могла замѣнить личная явка обѣихъ сторонъ

---

[1]) № LXXIII, стр. 262—271.

[2]) Если супруги раньше дарили другъ другу какое-либо имущество, то при разводѣ они формально уничтожали такія дарственныя записи; такъ земянка Дорота Петровская, разводясь въ 1594 г. съ мужемъ, особымъ актомъ уничтожаетъ силу выданной имъ раньше „з ласки своей“ дарственной записи на денежную сумму и на право опеки дѣтьми и имѣніемъ, въ случаѣ его смерти, и обязуется не требовать отъ него своего приданаго. № CXV, стр. 459.

передъ гродскимъ урядомъ и одно устное заявленіе о томъ, что они взаимно освобождаютъ другъ друга отъ брачныхъ обязательствъ, причемъ это заявленіе вносилось въ актовыя книги; и г) иногда такую же явку разводящіеся чинили еще и передъ мѣстнымъ архіереемъ, причемъ и здѣсь дѣло ограничивалось однимъ лишь заявленіемъ о разводѣ и записью этого заявленія въ актовыя книги, какія велись въ то время при епископскихъ каѳедрахъ, т. е. разводъ и передъ духовнымъ урядомъ совершался, такъ сказать, явочнымъ порядкомъ.

Слѣдующій бракоразводный актъ даетъ новое указаніе на то, кому принадлежало право принимать заявленія о расторженіи брака. У пана Яна Лагодовскаго въ с. Затурцахъ [1]) служилъ «рукодайный» (т. е. поступившій на службу по личному договору) слуга, нѣкто Надъ Янушъ, венгерецъ, женатый на дочери боярина Лагодовскаго Аннѣ Едановской. Въ іюнѣ 1609 года оба супруга явились къ своему пану, пригласивъ свидѣтелей и вознаго отъ уряда гродскаго. Здѣсь, предъ лицемъ пана Лагодовскаго, Надъ Янушъ заявилъ, что такъ какъ жена его противъ воли была выдана за него замужъ, то между ними не было «доброго и слушного мешканья и милости (любви) малженской», поэтому онъ добровольно освобождаетъ ее «отъ малженства», равно какъ и жена его Анна также «вольнымъ учинила его од стану малженского». Все это было тамъ же запротоколировано въ формѣ записи отъ лица Надъ Януша и скрѣплено подписями и печатями свидѣтелей, послѣ чего Надъ Янушъ обратился къ возному съ просьбою внести его запись въ гродскія актовыя книги «для вѣчной памяти», что тотъ и сдѣлалъ потомъ [2]). Какъ видимъ, здѣсь заявленіе о разводѣ было сдѣлано предъ доминіальнымъ судомъ помѣщика, но въ присутствіи

---

[1]) Въ нынѣшнемъ Владиміръ-Волынскомъ уѣздѣ.

[2]) № CXXIX, стр. 525—528. Достойно замѣчанія, что въ числѣ пяти свидѣтелей, подписавшихся на этомъ разводномъ листѣ, оказалось три священника, одинъ мѣстный и два изъ сосѣднихъ селъ.

правительственнаго чиновника, вознаго, который приложилъ и свою печать къ разводному листу и затѣмъ предъявилъ его въ гродскомъ урядѣ для внесенія въ актовыя книги.

А вотъ случай развода, совершеннаго не передъ урядомъ, а просто въ семейномъ кругу, въ присутствіи родственниковъ. Случай этотъ представляетъ особый интересъ въ виду того, что произошелъ онъ въ семьѣ такъ называемой «околичной шляхты» Овручскаго повѣта, которая по своему быту ничѣмъ не отличалась отъ массы украинскаго мѣщанства и «посполитства». Бѣдная шляхтянка Оришка Федоровичевна жила несогласно съ мужемъ своимъ Ѳедоромъ Шкирипою. Виновницей этого несогласія была сама же Оришка, откровенно сознающаяся въ своемъ разводномъ листѣ, что «чрезъ свои проступки она утратила любовь къ себѣ со стороны мужа». Видя, что «между ними не будетъ добраго житья», она просила мужа о разводѣ, но тотъ не давалъ на то своего согласія. Тогда Оришка «пала къ ногамъ» своей матери, вотчима и дядей, прося ихъ слезно, чтобы они, сжалившись надъ ея несчастливымъ супружествомъ, уговорили мужа дать ей разводъ. Ѳедоръ Шкирипа сдался на ихъ уговоры и просьбы. Тогда (въ февралѣ 1682 г.) созваны были ближайшіе родственники, и въ ихъ присутствіи совершенъ былъ обрядъ «розлуки»: бывшіе мужъ и жена заявили, что они «одностайно» даютъ другъ другу «роспустъ з малженства». Послѣ этого здѣсь же были составлены и подписаны присутствовавшими свидѣтелями «розводные листы». Въ своемъ листѣ Оришка, изложивъ поводъ къ разводу, писала: «я тымъ листомъ увольняю отъ супружества бывшаго мужа моего Ѳедора Шкирипу: я ему больше не жена, а онъ мнѣ—не мужъ, и позволяю ему жениться,—пусть здоровъ съ другою женится и пусть Богъ благословитъ его съ другою въ лучшемъ супружествѣ пожить, нежели со мною, а я уже такъ буду страдать, какъ мнѣ Господь Богъ далъ. А что пани матка моя дала было намъ на вспоможеніе бычка, котораго ихъ милости паны пріятели (посредники развода) оцѣнили въ шесть злотыхъ, то деньги эти я сполна получила и настоящимъ листомъ

во всемъ его (мужа) квитую». Этимъ и закончился актъ развода. Ни передъ какимъ урядомъ, духовнымъ или свѣтскимъ, онъ не былъ заявленъ; лишь два года спустя Ѳедоръ Шкирина, вѣроятно по поводу вступленія своего въ новый бракъ, внесъ въ гродскія Овручскія книги разводный листъ, выданный ему бывшей его женою[1]).

Въ приведенныхъ доселѣ примѣрахъ поводомъ къ разводу служитъ несогласная жизнь супруговъ. Дѣйствительно, это былъ въ то время самый обыкновенный мотивъ для расторженія брака[2]). Но встрѣчаются, хотя и рѣдко, случаи, что разводъ совершался и по другимъ причинамъ, напримѣръ, вслѣдствіе тяжкой болѣзни одного изъ супруговъ. Болѣзнь долговременная и неизлѣчимая еще въ древнерусскомъ обычномъ правѣ признавалась достаточной причиной для развода; но древнее право, очевидно, допускало эту причину не по волѣ здороваго, а по волѣ больного супруга, если семейная жизнь для него была только тягостью[3]). Въ Московскомъ государствѣ установился порядокъ, что больной супругъ (чаще всего жена) обыкновенно принималъ монашеское постриженіе, и затѣмъ разводъ совершался по этой послѣдней причинѣ, хотя въ дѣйствительности болѣзнь, а не постриженіе, была здѣсь причиною развода. Въ южной Руси не было поводовъ для подобной маскировки, такъ какъ здѣсь разводъ по болѣзни не влекъ за собою обязательнаго постриженія. Да и по всему видно, что такіе разводы были здѣсь очень рѣдки; намъ удалось разыскать лишь одинъ разводный актъ такого рода, тогда какъ въ тѣхъ же актовыхъ книгахъ далеко не рѣдки свидѣтельства о томъ, что мужья и жены не оставляли другъ друга въ случаяхъ даже неисцѣлимыхъ болѣзней. Землянинъ Прокопъ Шелвовскій въ дарственной записи, выданной женѣ, выражаетъ ей

---

[1]) Архивъ Югозап. Россіи, часть IV, т. 1, № XLIV.

[2]) Древнерусское обычное право тоже допускало разводъ по этой причинѣ. „Обзоръ исторіи русскаго права“ проф. Владимірскаго-Буданова, 2 изданіе, стр. 376.

[3]) Тамъ же, стр. 375.

сердечную признательность за любовь и «за службы, которыми она мнѣ уставичне и въ тяжких хоробах моих, што от часу неблизкого терплю, услугуеть и угожаеть» [1]). Еще сердечнѣе благодарить княгиня Ганна Сангушковна Коширская своего мужа, князя Льва Александровича, «за великую литость (состраданіе) до хоробъ ея частых», что онъ «на лекарства и на докторы, улечаючи здоровье ея, великий коштъ и немалыми сумами для нея принялъ, не брыдячися ни въ чомъ ѳоробы ея сродзе страшливое, як належитъ вѣрному, цнотливому, правому малжонкови» [2]). При такихъ возвышенныхъ понятіяхъ о супружескомъ долгѣ, разводъ по болѣзненному состоянію одного изъ супруговъ былъ возможенъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ, по настойчивому желанію самого заболѣвшаго, какъ то и было въ томъ единственномъ случаѣ, какой намъ извѣстенъ. Въ февралѣ 1594 г. земянка Ѳедора Головинская, по первому браку Черевчіевая, предъявила въ гродскомъ луцкомъ урядѣ слѣдующаго содержанія запись: «Не такъ давно я, по волѣ Божьей, вступила въ бракъ съ паномъ Яномъ Волицкимъ. Но такъ какъ Богу угодно было посѣтить меня тяжкою болѣзнью, то я неоднократно просила моего мужа, чтобы онъ навсегда освободилъ меня отъ супружескаго союза съ нимъ. И панъ Волицкій, въ виду моей тяжкой болѣзни, уступая моей просьбѣ и видя, что я не могу уже жить съ нимъ въ супружествѣ, выдалъ мнѣ листъ, которымъ навсегда учинилъ меня вольною отъ супружества съ нимъ. Съ своей стороны и я настоящимъ листомъ на вѣчные часы освобождаю пана Волицкаго отъ брачнаго союза со мной и позволяю ему жениться съ другой, о чемъ я и передъ духовнымъ судомъ лично заявила и вольнымъ его отъ себя учинила. А если бы я, въ нарушеніе настоящей моей добровольной записи, стала чинить какія-либо трудности пану Волицкому «и его потомъ до малженства потягала», то должна буду заплатить ему «заруку» въ тысячу копъ грошей

¹) № LXXXIX, стр. 318—319.
²) № LI, стр. 184.

литовскихъ и возмѣстить всѣ «шкоды и наклады». Сверхъ того, помня расположенность ко мнѣ пана Волицкаго, его усердныя заботы о возстановленіи моего здоровья и понесенные имъ по этому поводу расходы, я подарила ему 442 копы грошей литовскихъ, возвратила все лично ему принадлежащее имущество, равно уступила ему все, что было справлено въ хозяйствѣ во время моего съ нимъ сожительства, чего уже ни я, ни мои родственники не въ правѣ будемъ взыскивать съ него».—Точно такого же содержанія разводную запись выдалъ своей бывшей женѣ и панъ Волицкій, подтвердивъ ее и устнымъ «сознаньемъ» передъ гродскимъ урядомъ, чего не сдѣлала его жена, вѣроятно, по своему болѣзненному состоянію [1]). Здѣсь видимъ, что разводящіеся супруги, прежде чѣмъ заявить о своемъ разводѣ въ гродскомъ урядѣ, сдѣлали это раньше въ духовномъ судѣ, причемъ отмѣтимъ любопытную подробность, что хотя Янъ Волицкій, какъ можно судить по его имени и польской подписи, былъ католикъ, но заявленіе о разводѣ онъ сдѣлалъ, совмѣстно съ женой, «въ ея парахвіи», т. е. передъ приходскими православными священниками. Роль этого «духовнаго суда» въ дѣлѣ расторженія брака чисто пассивная: супруги Волицкіе упоминаютъ, что они, «ставши очевисто въ судѣ духовномъ», лишь «вызнали» свое взаимное «вызволенье з малженства и вольными отъ себе учинили» другъ друга «вѣчными часы». О санкціи духовнаго суда не упоминается; очевидно, послѣдній въ этомъ случаѣ исполнилъ ту же роль, что въ приведенныхъ выше примѣрахъ замковый и гродскій суды и даже доминіальный судъ помѣщика, т. е. онъ принялъ лишь заявленіе о разводѣ; главнымъ же факторомъ въ дѣлѣ расторженія брака и въ послѣднемъ случаѣ является все та же обоюдная воля супруговъ.

Перемѣна религіи однимъ изъ супруговъ также могла служить въ то время достаточной причиной для расторженія брака, но разводъ и по этой причинѣ требовалъ взаимнаго согласія обоихъ

---

[1]) № CXIV, стр. 454—459.

супруговъ. Такъ, въ 1589 г. слуга князя Константина Острожскаго, крещенный еврей Константинъ изъ Преворска сдѣлалъ слѣдующее формальное заявленіе предъ гродскимъ владимирскимъ урядомъ: «По доброй волѣ моей я приступилъ до закона и вѣры христіанской, а жена моя Тиля Юсковна, не желая со мной въ вѣрѣ христіанской жить, просила меня, чтобы я ее «з стану малженьского выпустилъ». И такъ я, согласно учиненному между нами постановленію, ту жену мою «з стану малженьского добровольно вызволяю и уже ее вызволилъ», и съ этого времени не буду имѣть къ ней никакого дѣла, и настоящимъ заявленіемъ моимъ навсегда ее вызволяю и квитую». Заявленіе это, согласно просьбѣ заявителя, было записано въ гродскія актовыя книги [1]). Здѣсь интересно лишь то, что созданная мѣстнымъ обычаемъ форма развода примѣнена и къ расторженію брака, заключеннаго по обрядамъ нехристіанской религіи. Значитъ, возможны были разводы по той же причинѣ и между супругами христіанами, въ особенности при частыхъ въ тѣ времена переходахъ изъ одного исповѣданія въ другое и возникавшихъ отсюда семейныхъ раздорахъ. Въ 1649 г. шляхтичъ Андрей Коморовскій жаловался въ луцкомъ гродскомъ судѣ о томъ, что его теща Катерина Соколовая разлучила его съ женой, съ которой онъ прожилъ въ бракѣ 29 лѣтъ, обратила ее и дѣтей въ «рускую вѣру» (изъ католической) и намѣревается развести ее съ жалобщикомъ [2]). Конечно, разводъ въ данномъ случаѣ не могъ быть совершенъ безъ согласія самого же Коморовскаго, но онъ не напрасно тревожился: разъ въ его семьѣ разладъ изъ-за религіи принялъ такую острую форму, что уже привелъ ее къ фактическому распаду, не трудно было вынудить отъ него согласіе и на разводъ, при чемъ послѣдній могъ быть формулированъ просто несогласной жизнью супруговъ.

Отсутствіе одного супруга изъ мѣстожительства другого из-

[1]) № CXI, стр. 450.
[2]) № CLII, стр. 619.

древле признавалось законною причиною для развода, какъ оно признается и нынѣ дѣйствующимъ правомъ. Въ тѣ времена, о которыхъ мы говоримъ, въ Украинѣ никогда не прекращалось бѣдствіе, постоянно разлучавшее членовъ семьи: разумѣемъ почти ежегодныя татарскія вторженія и столь же частые военные походы, сопровождавшіеся для многихъ плѣномъ. Разсчитывать на выкупъ плѣнника или на случайный побѣгъ его изъ неволи было очень трудно, и потому оставшійся супругъ, не получая формальнаго развода по отсутствію другого, свободно заключалъ бракъ съ третьимъ лицомъ. Но когда плѣнный по какой-либо счастливой случайности возвращался на родину, тогда возникалъ трудный вопросъ, какой именно бракъ долженъ подлежать расторженію. Казалось бы, что, при тогдашнемъ взглядѣ на бракъ, какъ на гражданскій договоръ, заключаемый по свободному произволенію, преимущество должно быть отдано послѣднему браку, а не первому, уничтоженному силою несчастныхъ обстоятельствъ; но факты говорятъ другое. Въ 1563 г. волынскій земянинъ Иванъ Романовичъ Сенюта отправился въ походъ вмѣстѣ съ извѣстнымъ княземъ Дмитріемъ Вишневецкимъ (Байдой) добывать для него молдавскій престолъ, оставивъ дома молодую жену съ ребенкомъ. Эта авантюра окончилась неудачей, и Вишневецкій вмѣстѣ съ Сенютой были выданы туркамъ и отправлены въ Константинополь, гдѣ первый былъ казненъ, а второй остался въ плѣну. Тѣмъ временемъ жена Сенюты Марина Олехновна Борзобогатая, прождавъ его около трехъ лѣтъ и потерявъ надежду на его возвращеніе, вступила въ новый бракъ съ паномъ Александромъ Лесотой и осталась жить съ нимъ въ имѣніи перваго мужа, записавшаго ей вѣно на этомъ имѣніи. Минуло еще три года, и вдругъ Сенютѣ какимъ-то чудомъ удалось выйти на свободу и вернуться на родину. Прослышавъ, что онъ ѣдетъ въ свой домъ, Лесота бѣжалъ изъ имѣнія, а пани Марина съ дѣтьми отъ двухъ мужей осталась въ домѣ, съ волненіемъ ожидая, что то будетъ. Въѣхавъ во дворъ, Сенюта «за великимъ и незноснымъ жалемъ своимъ» не захотѣлъ видѣть жену, а послалъ

къ ней вознаго и одного изъ своихъ пріятелей, который объявилъ ей: «Панъ Сенюта казалъ тобѣ отъ себе мовити: кгды ж еси так своволне учинила а в небытности его, будучи ему в неволи, в рукахъ неприятелскихъ, замужъ за иншого пошла, дворъ и имѣнье и всю маетность спустошила и знищила, для тое причины тебе собѣ за жону мѣти и с тобою мешкати не хочетъ; а ижъ мужа твоего тутъ нѣтъ, теды и ты тутъ у дворѣ не мешкай, пойди собѣ за мужемъ своимъ, бо тежъ мужъ твой и ты сама до двора и именья моего ничого не маете». Пани Марина ничего на это не возразила, лишь отвѣтила въ свое оправданіе: «Я для того замужъ пошла, ижъ о томъ вѣдомости не мѣла, абы панъ Сенюта живъ былъ; а ижъ живъ и тутъ до именья своего приехалъ, теды я, ни в чомъ ся ему не спротивляючи, дворъ и именье ему поступую», и тотчасъ же положила на столъ связку ключей и, взявъ на руки меньшого ребенка, прижитаго отъ Лесоты, удалилась со двора, не заикнувшись даже о своемъ вѣнѣ [1]). Такъ она и осталась навсегда въ бракѣ съ Лесотой, а Сенюта въ слѣдующемъ же году вступилъ въ бракъ съ панною Ганною Хоболтовскою и до конца дней своихъ не могъ простить первой женѣ ея измѣну. Составляя въ 1578 году духовное завѣщаніе, онъ помянулъ и ее: «а што ся дотыче жоны моее першое Олехновны Борзобогатянки, теды, иж она, опустивши мене, мужа своего, а не ждучи мене, покол бы-мъ вышолъ з рукъ неприятелскихъ, кгды-мъ былъ пойманъ до Турокъ, за иного мужа пошла и дѣти з нимъ мѣла, а в томъ станъ малженский зрушила, и тымъ всякого от мене права и маетности моее отпала», т. е. потеряла свое право на вѣно [2]). Въ этихъ словахъ Сенюты слышится непреклонное убѣжденіе въ томъ, что Марина не имѣла права вступать въ новый бракъ, не выждавъ его возвращенія изъ плѣна и не получивъ отъ него развода; да и сама она оправдывается лишь тѣмъ, что, не имѣя отъ мужа вѣстей, считала его погибшимъ на-

[1]) Актовая книга Кіев. Центр. Архива № 966, № акта 213.

[2]) Такая же книга № 926, л. 135.

равнѣ съ другими участниками несчастливаго похода. Очевидно, таковъ былъ общій въ то время взглядъ на это дѣло, и обратись Сенюта къ духовному суду, бракъ его жены съ Лесотой несомнѣнно былъ бы расторгнутъ, несмотря на то, что между временемъ плѣна Сенюты и вторичнымъ замужествомъ Марины прошло болѣе трехъ лѣтъ [1]). Но Сенюта самъ отрекся отъ своихъ супружескихъ правъ по отношенію къ Маринѣ, и это отреченіе, сдѣланное въ присутствіи свидѣтелей и вознаго, какъ бы замѣнило собой формальный разводъ, послѣ чего вторичное замужество Марины пріобрѣло силу законнаго брака, да и самъ онъ получилъ свободу вступить въ бракъ съ третьимъ лицомъ.

Приведемъ еще нѣсколько подобныхъ случаевъ, происходившихъ уже въ XVII ст. и въ другомъ концѣ Малороссіи. Въ 1648 г. намѣстникъ черниговскаго старосты писалъ сѣвскому воеводѣ: подданный его Олихверъ, изъ с. Бобровицы, близъ Чернигова, выдалъ дочь свою за Супрона Котляра, который пожилъ съ нею не болѣе трехъ лѣтъ, а затѣмъ, «набравшися сваволи», бросилъ жену съ дѣтьми и пошелъ неизвѣстно куда, а только недавно стало слышно, что проживаетъ онъ въ Сѣвскѣ. Между тѣмъ жена его хотѣла бы замужъ пойти за другого мужа, но священники ей это забороняютъ и не хотятъ вѣнчать. Теперь отецъ покинутой женщины идетъ съ листомъ до вельможности вашей «и до того Котляра, абы вже мижъ собою а жоною своею який конець учинивъ: любо самъ до неи вернувся, любо ей листъ волный замужъ ити далъ» [2]). Итакъ безвѣстное отсутствіе даже явнаго бродяги не даетъ брошенной женѣ права выйти замужъ безъ разводнаго листа со стороны мужа.

Въ 1676 г. крестьянка с. Сасиновки [3]) Савчиха, мужъ которой находился въ татарскомъ плѣну, захотѣла обвѣнчаться съ за-

---

[1]) Срокъ давности для такихъ случаевъ (нахожденія въ плѣну), назначенный въ византійскомъ свѣтскомъ правѣ (Юстин. и Прохиронъ), съ постановленіями котораго считается и русское каноническое право.

[2]) Акты Ю. и Зап. Россіи, т. Ш, № 157.

[3]) Нынѣ с. Пирят. у. Полт. губ.

хожимъ изъ Подолья человѣкомъ, жена котораго также томилась въ крымской неволѣ. Но священникъ не рѣшался вѣнчать ихъ, опасаясь отвѣтственности въ случаѣ возвращенія кого-либо изъ плѣнниковъ. Между тѣмъ женихъ и невѣста не давали ему покоя, а главное—за нихъ усердно хлопотали «сваты», въ числѣ коихъ былъ и сельскій атаманъ, лице вліятельное въ то время; они же брались «переняти на себе вину» въ томъ случаѣ, если бы опасенія священника оправдались. Только подъ этимъ условіемъ осторожный священникъ согласился приступить къ вѣнчанью, но предварительно въ присутствіи заинтересованныхъ лицъ и многихъ «зацныхъ людей» составилъ запись о томъ, что «ежели Господь здарить, же оние неволники на волю повиходятъ, абы-мъ я не былъ в тимъ виненъ, за що оны (поручители) взявшися, на себе самихъ вину оную переняли» [1]).

Обыватель с. Голубичъ, черниговскаго полка, роисской сотни, Кондратъ Шаршановичъ въ духовномъ завѣщаніи, составленномъ въ 1691 г., распредѣляетъ свое имущество между дѣтьми, прижитыми отъ двухъ женъ, и при этомъ такъ объясняетъ фактъ своего двоеженства: «сынъ мой Иванъ спложеній з жоною моею втор879ою, которая за мною была подъ часъ забранія жони моеи першои отъ татаръ в неволю, але, за благодати Божой и пресвятой Богородицы, вышла з неволѣ жона моя першая; теди вторую жону понятую отправилемъ со всѣмъ учстиве», т. е. матеріально ее обезпечивъ, почему и «не маетъ она жадного уступку до убозства нашого» [2]).

Какъ видимъ, во всѣхъ этихъ случаяхъ ясно сказывается общее пониманіе, что пребываніе въ плѣну, какъ и вообще безсрочное отсутствіе супруга, само по себѣ не освобождало оставшагося отъ брачнаго союза съ нимъ; когда же отсутствовавшій супругъ неожиданно возвращался и находилъ остававшагося въ брачномъ союзѣ

---

[1]) „Кіев. Старина", 1903 г., № 12, стр. 127.

[2]) Обозрѣніе Румянцовской описи Малороссіи, Ал. Лазаревскаго, 67.

съ третьимъ лицомъ, то онъ могъ или потребовать возстановленія своихъ супружескихъ правъ, и тогда новый бракъ расторгался съ сохраненіемъ всѣхъ гражданскихъ правъ за дѣтьми, рожденными въ этомъ бракѣ,—или же онъ мирился съ совершившимся фактомъ и добровольно отрекался отъ супружескихъ правъ, и въ такомъ случаѣ заключенный въ его отсутствіе бракъ навсегда оставался въ своей силѣ. Такой порядокъ находилъ логическое оправданіе въ томъ общемъ принципѣ, что бракъ могъ быть расторгнутъ не иначе, какъ по волѣ и взаимному соглашенію *обоихъ* супруговъ.

Но если кто-либо выкупалъ изъ плѣна чужую жену, тотъ могъ свободно жениться на ней, не испрашивая ей развода со стороны мужа. Такой случай былъ на Волыни съ Александромъ Ѳедоровичемъ Владычкою, маршалкомъ господарскимъ. Бывая часто въ Крыму по дѣламъ посольскимъ, онъ выкупилъ тамъ изъ неволи овручскую шляхтянку Ганну Ивановну, жену кіевскаго земянина Михаила Халаима, и вернувшись на Волынь въ 1568 году, вѣнчался съ нею въ Зименскомъ монастырѣ. Прибывшій туда же п. Халаимъ требовалъ отъ него возвращенія жены, но Владычка отказалъ ему, говоря: «то не жона твоя, але неволница моя, же ее есми з неволи окупилъ». Такъ и прожилъ онъ въ брачномъ союзѣ съ Ганной до конца дней своихъ и передъ смертью завѣщалъ ей пять деревень, выслуженныхъ имъ на королевской службѣ [1]).

Любопытно, что самая обыденная причина, и по каноническому праву влекущая за собою расторженіе брака—прелюбодѣяніе отсутствуетъ въ числѣ формальныхъ мотивовъ, по которымъ въ то время совершались разводы. Оно и понятно, если вспомнимъ, что прелюбодѣяніе, по Статуту, считалось тяжкимъ уголовнымъ преступленіемъ и каралось смертью [2]). Поэтому, въ случаяхъ нарушенія супружеской вѣрности, потерпѣвшая сторона или прямо обращалась къ

---

[1]) № CIII, стр. 417—418.

[2]) 3-й Статутъ, разд. XIV, арт. 30. Въ нашихъ актахъ смертные приговоры за чужеложство. №№ CXVIII и CXXXIX.

духовному суду съ требованіемъ развода, подвергая этимъ виновную сторону уголовной отвѣтственности[1]), или (что бывало чаще всего) такіе супруги, скрывая свой позоръ, разводились по взаимному соглашенію подъ предлогомъ болѣзни или несогласной жизни. Такъ поступили, напримѣръ, князь Левъ Воронецкій и его жена Христина Боговитиновна. Долго они позорили другъ друга, засыпая свѣтскіе и духовные суды скандальными жалобами и обвиненіями, наконецъ взялись за умъ и въ 1621 году, при участіи родственниковъ, заключили между собою формальное «постановленіе», по которому обязались другъ передъ другомъ уничтожить всѣ прежнія жалобы и позвы и, ставши передъ судомъ духовнымъ, развестись подъ предлогомъ болѣзни или другой причины, но такой, которая не дѣлала бы безчестья ни той, ни другой сторонѣ[2]). Лица, болѣе равнодушныя къ такому безчестью, поступали въ подобныхъ случаяхъ иначе: мужъ, уличившій жену въ невѣрности, заявлялъ объ этомъ уряду и просилъ взять ее подъ арестъ впредь до судебнаго надъ нею приговора. Но онъ могъ и простить ее, или же дать ей разводъ, и тѣмъ освободить ее отъ уголовной отвѣтственности, такъ какъ въ тѣ времена даже на убійство и другія тяжкія преступленія смотрѣли прежде всего какъ на дѣянія, нарушающія частные интересы, и если, напримѣръ, убійца или соблазнитель чужой жены примирялись съ потерпѣвшими и получали отъ нихъ прощеніе, то судъ освобождалъ ихъ отъ наказанія[3]). Такой именно случай произошелъ въ 1581 г. въ семьѣ Януша Бенедиктовича Глинскаго, бывшаго, кажется, «служебникомъ» или бояриномъ князя Конст. Острожскаго. Въ февралѣ того года онъ сдѣлалъ слѣдующее заявленіе передъ гродскимъ владимирскимъ урядомъ: «Вашей милости,

---

[1]) По Статуту, декретъ духовнаго суда о разводѣ, съ прописаніемъ причины развода, обязательно сообщался въ свѣтскій судъ для руководства при рѣшеніи вопроса, кому изъ разведенныхъ супруговъ должно быть присуждено вѣно. Разд. V, арт. 20.

[2]) CXXXVIII, стр. 569.

[3]) См. подобный случай въ актѣ № XCIII, стр. 334.

пане подстаросто, извѣстно, что недавно, при помощи отряженныхъ вами служителей, я отыскалъ здѣсь, во Владимирѣ, бѣжавшую отъ меня жену мою Катерину Криковну и привелъ ее къ вашей милости для заключенія подъ стражу. Въ то время моя жена отказывалась признавать меня своимъ мужемъ и именовала таковымъ другого, именно Ивана Щаурскаго; но потомъ, одумавшись и «взявши Бога въ сердце», признала себя моей женой и чрезъ посредство своихъ и моихъ пріятелей стала упрашивать меня, чтобы я, простивъ ей все, что она мнѣ худого чинила, освободилъ ее отъ супружества со мной. Снисходя просьбѣ пріятелей и видя, что она настоящей любви супружеской и «щирого сердца» ко мнѣ не имѣетъ, я освобождаю ее нынѣ предъ вашей милостью на вѣчныя времена отъ себя «з стану святого малженского» и впредь отказываюсь имѣть къ ней какое-либо дѣло, и искать на ней ничего не буду. Вольна она съ тѣмъ мужемъ своимъ, котораго теперь имѣетъ, Иваномъ Щаурскимъ, какъ съ настоящимъ «шлюбнымъ» мужемъ жить въ супружествѣ до тѣхъ поръ, пока на это воля Божья будетъ. А если бы тотъ мужъ ея Щаурскій раньше ея умеръ, тогда она будетъ имѣть право снова замужъ пойти, но только «за нашу нацею», за человѣка «закону греческого, або рымского и иншихъ».— Присутствовавшая здѣсь же, на урядѣ, Катерина Щаурская (въ актѣ она называется этимъ именемъ) съ своей стороны изъявила согласіе на все выше изложенное, прибавивъ, что она въ свою очередь бывшаго своего мужа Януша Глинскаго на вѣчныя времена «з стану малженского выпустила и волнымъ учинила и дала ему вольность с другою жоною ся оженити», обѣщая въ томъ ему никакого затрудненія и «шкоды» не чинить подъ закладомъ на обѣ стороны по двѣсти копъ грошей литовскихъ и такой же суммы въ пользу короля: «А если бы я, присовокупила она, настоящаго постановленія не исполнила и, оставшись вдовой по смерти мужа моего Щаурскаго, пошла замужъ «за нацею народу цыганского» [1]),

---

[1]) Судя по этимъ словамъ, можно думать, что Щаурскій былъ цыганъ и что это обстоятельство было причиной, почему Глинскій не сразу со-

то не иначе, какъ только смертью имѣю быть за то карана». Наконецъ выступилъ присутствовавшій здѣсь же и самъ Иванъ Щаурскій и заявилъ, что отнынѣ онъ даетъ обѣщаніе не причинять никакого худа Янушу Глинскому, его братьямъ у родственникамъ, ихъ слугамъ и подданнымъ, и не посягать на ихъ здоровье, подъ закладомъ въ 200 копъ грошей; а Янушъ съ своей стороны далъ такое же обѣщаніе Щаурскому [1]).

Здѣсь, какъ видимъ, разводъ совершается въ гродскомъ судѣ посредствомъ одного лишь устнаго заявленія разводящихся и въ присутствіи третьяго лица, которому мужъ формально переуступаетъ свои супружескія права въ отношеніи къ своей прежней женѣ, при чемъ весьма характерно то обстоятельство, что незаконная связь Катерины съ Щаурскимъ, за которую она, по требованію мужа, была подвергнута заключенію и даже могла быть, по Статуту, казнена,—эта связь признается уже законнымъ бракомъ съ того момента, какъ только прежній мужъ призналъ за нею этотъ характеръ и освободилъ свою бывшую жену отъ супружества съ собой. Важно здѣсь еще и то, что расторженіе брака даже по причинѣ явнаго прелюбодѣянія жены основывается все таки на взаимномъ, формально выраженномъ согласіи на то обоихъ супруговъ, при чемъ обѣ стороны предоставляютъ другъ другу право вступать въ новые брачные союзы.

Но какъ примирить требованіе такого согласія съ категорическимъ предписаніемъ закона о разводѣ, какъ о мѣрѣ уголовнаго наказанія? Такое именно наказаніе за чужеложство полагалось по Магдебургскому праву, которымъ руководствовались въ то время суды магистратскіе, ратушные, а въ лѣвобережной Украинѣ сверхъ того суды полковые и сотенные. Въ одной изъ руководственныхъ книгъ Магдебургскаго права прямо предписывалось: «чужеложникъ

гласился переуступить ему свою невѣрную жену. Онъ хотѣлъ, чтобы она хотя бы вторично, въ случаѣ вдовства, не шла замужъ за цыгана.

[1]) № XCII, стр. 332.

долженъ быть на горлѣ каранъ, а чужеложница у позорнаго столба бита и отъ права малженскаго отдалена» [1]). И вотъ какъ примѣняли этотъ законъ козацкіе суды въ Гетманщинѣ. Въ 1691 г. въ полтавскомъ полковомъ судѣ разбиралось дѣло по обвиненію мѣщанки Насти Цымбалистой въ чужеложствѣ. Справившись съ законами и ссылаясь именно на цитированную статью Магдебургскаго права, судьи постановили приговоръ: соблазнителя Насти навсегда изгнать изъ города, а ее самое, наказавши кіями на торговой площади, «дать на волю» ея мужу: «коли не хоче, респектуючи на дѣти, зъ нею спложеныи, приняти онои Насти за жону, тогды, якъ доложено у «Порядку» на листѣ 132, одъ права малженского и мы отдаляемъ; а коли въ наступуючіи часы онъ моглъ бы приняти оную Настю за жону, то о тимъ впередъ въ суду духовного, потимъ намъ, врядови, повиненъ оповѣститися» [2]). Итакъ, безусловное предписаніе закона о расторженіи брака съ прелюбодѣйной женой козацкій судъ примѣняетъ условно, въ зависимости отъ желанія или нежеланія мужа. Ясно, что, кромѣ опасенія нарушить интересы и право невиновнаго супруга, судъ въ данномъ случаѣ невольно подчинился воззрѣніямъ обычнаго права, по которому главнымъ факторомъ въ дѣлѣ расторженія брака признавалась воля и согласіе самихъ супруговъ.

Можетъ быть, по аналогіи съ расторженіемъ брака по причинѣ прелюбодѣянія, обычное право допускало возможность развода и въ тѣхъ случаяхъ, когда одинъ изъ супруговъ опозорилъ себя и семью совершеніемъ какого-либо проступка, караемаго общественнымъ презрѣніемъ, и былъ въ томъ уличенъ на судѣ. Весьма цѣнное, хотя и единственное пока, указаніе на это находимъ въ одномъ рѣшеніи Бориспольскаго сотеннаго и вмѣстѣ ратушнаго суда 1665

---

[1]) Porządek sądow y spraw mieyskich prawa Maydeburskiego, часть 4-я.

[2]) Подлинная актовая книга полтавскаго полковаго суда конца XVII ст., хранящаяся въ библіотекѣ Кіев. Университета, въ собраніи рукописей А. М. Лазаревскаго.

года. Козачка Лихолапиха обвинялась въ кражѣ. Виновность ея была доказана на судѣ, но потерпѣвшая сторона заявила, что она не настаиваетъ на осужденіи своей обидчицы. Согласно обычаю, судьи спросили мнѣніе «мира», т. е. присутствовавшихъ на судѣ козаковъ и мѣщанъ, но «мир весь едностайно крикнулъ: «коли той не настоѣтъ, кому шкода, а намъ на що?» Въ виду этого судъ «даровалъ Лихолапиху жадною карностю», т. е. освободилъ отъ наказанія, но обратился къ присутствовавшему здѣсь же мужу ея Лукьяну съ вопросомъ: «чи приймеш еѣ собѣ за жону, як были-сте впрод?» Лукьянъ отвѣтилъ: «пане вряде, я не хочу еѣ мѣти собѣ за жону, кгды (пока) она с тих злих речий виводу собѣ не даст (т. е. пока не оправдается); а ежели бы дала вивод, же не она тому есть причинцею, можна бы тому рѣч, а тепер еѣ цураюся и не хочу за жону мѣть; а дѣти моѣ при мнѣ нехай зостаютъ». Судьи, «выслухавши мовы его, иж «я цураюся еѣ», казали оное дѣло признати и писару записати», т. е. узаконили заявленіе Лукьяна о расторженіи его брачнаго союза съ женой-воровкой на выраженныхъ имъ условіяхъ [1]). Какъ видимъ, и здѣсь разводъ ставится въ зависимость отъ воли и желанія невиновнаго супруга.

Наконецъ, обычное право на Украинѣ допускало возможность расторженія брака (и при томъ по рѣшенію свѣтскаго суда) и въ такихъ случаяхъ, когда одинъ изъ супруговъ совершалъ или только замышлялъ какія-либо преступныя дѣйствія, угрожавшія жизни и здоровью другого или его родителей. Въ 1701 г. полтавскій полковой судъ, разсмотрѣвъ жалобу Нехворощанскаго сотника Θедора Сухомлина, обвинявшаго своего зятя Данила Дробязку въ нанесеніи ему ранъ и въ угрозахъ «зогнати его зъ свѣта», постановилъ приговоръ: согласно 16-му арт. 11-го разд. Статута, отсѣчь Дробязкѣ руку. Когда же Сухомлинъ, внявъ просьбамъ каявшагося зятя, сталъ ходатайствовать о его помилованіи, судъ, «спустившись

---

[1]) Акты Бориспольскаго мѣйскаго уряда 1612—1699 гг., изданные въ приложеніи къ „Кіевской Старинѣ“, № 106.

на его волю», отмѣнилъ свой декретъ и отпустилъ Дробязку «безъ карности», но помиловалъ его условно, съ предупрежденіемъ, что если бы онъ, Дробязка, впредь «важился до якои незгоды противъ тестя своего прийти, то не тилко подлугъ нынѣшнего декрету будетъ скаранъ, але *и отъ права малженского, яко неприятель, будетъ отчужденъ»* [1]). Формальнаго основанія для послѣдней угрозы нельзя отыскать ни въ одномъ изъ дѣйствовавшихъ тогда въ Малороссіи кодексовъ; она лишь отчасти напоминаетъ ученіе византійскихъ законовъ о такихъ преступленіяхъ одного супруга противъ другого, какъ, напр., покушеніе на жизнь, которыя могутъ повести къ лишенію правъ, а потому и къ расторженію брака; между тѣмъ, по козацкому праву, послѣднее могло примѣняться и какъ самостоятельная кара.

Таковы были разнообразныя причины, признаваемыя въ то время законнымъ поводомъ для разводовъ. Въ сущности, ими исчерпывалось все, что могло служить препятствіемъ къ осуществленію физическихъ и особенно нравственныхъ цѣлей брака. Самый обрядъ развода состоялъ лишь въ томъ, что супруги, въ присутствіи свидѣтелей, выдавали другъ другу разводные листы и потомъ лично заявляли ихъ передъ тѣмъ урядомъ, подъ юрисдикціей коего они находились; кто хотѣлъ, заявлялъ ихъ еще и передъ духовнымъ урядомъ, приходскимъ или епархіальнымъ. Такой порядокъ одинаково противорѣчилъ какъ церковнымъ законамъ, такъ равно и дѣйствовавшему въ то время государственному праву, по силѣ котораго расторженіе браковъ было подчинено исключительно компетенціи духовнаго суда; тѣмъ не менѣе гродскіе, старостинскіе и другіе уряды, какъ мы видѣли, не колеблясь принимали заявленія о разводахъ и безпрепятственно вносили въ актовыя книги развод-

---

[1]) Подлинная актовая книга полт. полкового суда въ собраніи рукописей А. М. Лазаревскаго, хранящихся въ библіотекѣ Университета св. Владимира.

ные листы, какъ и всякіе другіе законно составленные акты,—знакъ, что этотъ порядокъ издавна пріобрѣлъ всеобщее признаніе и никому не казался беззаконіемъ. И точно, древнерусское обычное право тоже допускало очень широкую свободу разводовъ и практиковало ту же самую форму ихъ совершенія—письменный договоръ между супругами, явленный свѣтскому или духовному суду [1]). Вотъ почему и южно-русское духовенство терпимо относилось къ разводамъ, какъ и вообще оно слабо боролось противъ того, что брачныя отношенія регулировались не столько каноническими предписаніями, сколько обычаями и преданіями, унаслѣдованными отъ предшествовавшихъ вѣковъ. О сельскихъ причтахъ и говорить нечего: не составляя въ то время особой, замкнутой корпораціи и живя одной бытовой жизнью съ своей паствой, приходское духовенство въ своихъ отношеніяхъ къ брачнымъ дѣламъ вполнѣ подчинялось воззрѣніямъ обычнаго права и нисколько не думало вооружаться противъ нихъ во имя каноническихъ требованій, о которыхъ и само мало вѣдало. Припомнимъ, что въ одномъ изъ приведенныхъ нами бракоразводныхъ случаевъ мы встрѣтили приходскихъ священниковъ въ роли свидѣтелей развода, совершеннаго по обычному порядку. Что касается высшихъ представителей западнорусской церкви, то они тоже восходили на епископскіе уряды непосредственно изъ мірской среды и въ новомъ званіи удерживали всѣ понятія и привычки, свойственныя тогдашнему обществу. Сами они на каждомъ шагу грубо нарушали основныя требованія церковнаго права и дисциплины, и имъ ли было заботиться о точномъ исполненіи каноническихъ предписаній ихъ пасомыми? Вотъ почему, до конца XVI ст., мы не видимъ съ ихъ стороны сколько-нибудь энергичнаго протеста противъ народныхъ обычаевъ въ дѣлѣ разводовъ. Лишь слабое слово осужденія этимъ обычаямъ слышится въ наказѣ митрополита Сильвестра новопоставленному іерею (1562

[1]) Обзоръ исторіи русскаго права, проф. Владимірскаго-Буданова, изд. 2, стр. 375—377.

года): «а на бракъ не ходи, где мужъ жону пустить или жона мужа безъ вины, а инде ся поимають» [1]). Случалось, что сами короли, возмущаясь легкостью разводовъ, совершенно недопустимой по правиламъ католической церкви, ставили на видъ православному митрополиту и епископамъ, что среди ихъ пасомыхъ «частые и неслушные розводы в стадлѣ малженскомъ дѣются, што есть противъ Богу и приказанью Его святому» [2]). Въ отвѣтъ на это со стороны православныхъ іерарховъ слѣдовали жалобы, что они безсильны искоренить это зло, такъ какъ старосты и державцы въ королевскихъ имѣніяхъ и сами владѣльцы и ихъ урядники въ частныхъ маетностяхъ «въ справы духовные вступаются, мужовъ зъ жонами роспускаютъ и роспусты (доходы) берутъ, а до права и до казни духовноѣ ихъ не выдаютъ» [3]). Дѣйствительно, разводы въ то время облагались денежной пошлиной въ пользу лицъ или учрежденій, принимавшихъ заявленія о разводѣ, и составляли для нихъ важную статью дохода. Въ люстраціяхъ королевскихъ староствъ эти пошлины, подъ именемъ «роспустовъ» и «розводовъ», открыто фигурируютъ въ реестрахъ обычныхъ старостинскихъ доходовъ; то же, безъ сомнѣнія, было и въ частныхъ имѣніяхъ; поэтому, преслѣдуя обычные разводы, духовенство тѣмъ самымъ задѣвало матеріальные интересы старостъ и владѣльцевъ. Исполняя ходатайства митрополитовъ, короли неоднократно издавали окружныя грамоты князьямъ, воеводамъ, старостамъ, державцамъ, урядникамъ земскимъ и дворнымъ и ихъ намѣстникамъ, земянамъ и всей шляхтѣ духовнаго и свѣтскаго стану, равно войтамъ, бурмистрамъ и прочимъ магистратскимъ и ратушнымъ урядникамъ, съ строгимъ наказомъ, чтобы они «въ доходы церковные и во вси справы и суды духовные не вступовались и роспусковъ мужовъ съ жонами не чинили, кгдыжъ то не свѣтскому, але духовному суду належитъ» [4]). Такіе же приказы своимъ старостамъ и урядникамъ

---

[1]) Акты Зап. Россіи, т. III, № 31.

[2]) Акты Зап. Россіи, т. III, №№ 3 и 152.

[3]) Тамъ же, т. II, № 230, и т. III, №№ 22 и 149.

[4]) Тамъ же, и сверхъ того т. IV, № 31.

иногда издавали, по просьбамъ духовенства, и нѣкоторые благочестивые магнаты, въ родѣ князя Константина Острожскаго [1]). Но всѣ эти запрещенія оставались, конечно, безрезультатными, такъ какъ задѣвали матеріальные интересы могущественной шляхты, въ большинствѣ иновѣрной и потому сугубо равнодушной къ пользамъ православной церкви. Да и сами владыки, стремясь подчинить дѣла о разводахъ своей исключительной юрисдикціи, едва ли не больше ревновали объ умноженіи своихъ доходовъ, нежели о строгомъ исполненіи церковныхъ законовъ, такъ какъ и ихъ позвы и декреты по такимъ дѣламъ тоже облагались пошлинами и «винами» (штрафами) въ ихъ пользу; сами же они въ своихъ опредѣленіяхъ по бракоразводнымъ дѣламъ не всегда руководились каноническими правилами, а часто тѣми же мѣстными обычаями. Такъ, напримѣръ, извѣстенъ случай разрѣшенія епархіальной властью развода князя Андрея Курбскаго съ его женой Марьей Юрьевной Гольшанской въ 1578 году, единственнымъ поводомъ къ которому служили ихъ семейныя несогласія—причина, какъ извѣстно, по церковнымъ законамъ не дающая никакого основанія къ разводу, что, однако, не помѣшало Курбскому, годъ спустя, вступить во вторичный бракъ при жизни разведенной жены [2]). А еще раньше, въ 1570 г., кіевскій митрополитъ Іона далъ разводъ луцкому земскому судьѣ Гаврилу Бокію тоже по причинѣ несогласной жизни его съ женою. Но вотъ предъ нами случай, въ которомъ какъ нельзя болѣе ясно выразилось отношеніе тогдашней духовной власти къ обычнымъ разводамъ. Случай этотъ заслуживаетъ подробной передачи, такъ какъ онъ, кромѣ того, живо рисуетъ семейныя невзгоды одного изъ лучшихъ людей того вѣка, виднаго общественнаго дѣятеля на Волыни, глубоко преданнаго интересамъ родной церкви и народности, брацлавскаго каштеляна Василія Петровича Загоровскаго.

---

[1]) Тамъ же, т. IV, № 30, и Архивъ Югозап. Россіи, часть I, т. 1, № 64.

[2]) Жизнь князя А. М. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни, т. I, Предисловіе, стр. XVIII.

Въ своемъ завѣщаніи, писанномъ въ Крыму, въ татарской неволѣ, онъ наказывалъ сыновьямъ своимъ, чтобы они, при выборѣ себѣ женъ, «не сквапились на красу людскую а ни на маетность и славу чиего дому, велможного и оздобеного, и не смотрѣли по жонахъ великихъ посаговъ»; но самъ онъ не слѣдовалъ этому мудрому правилу, за что и поплатился полнымъ крушеніемъ своего семейнаго благополучія. Происходя изъ небогатаго земянскаго рода, но быстро преуспѣвая на королевской службѣ, Загоровскій задумалъ укрѣпить свое общественное положеніе, породнившись съ богатымъ и знатнымъ домомъ князей Збаражскихъ, въ то время еще не измѣнившихъ православію, но уже сильно тронутыхъ вліяніемъ польской культуры. Въ февралѣ 1566 года онъ вступилъ въ бракъ съ княжной Марушей [1]), дочерью кременецкаго старосты Николая Андреевича Збаражскаго, и въ предбрачномъ условіи выговорилъ, чтобы, сверхъ приданаго, ей были выдѣлены ея материнскія имѣнія [2]). Вначалѣ молодые супруги жили въ любви и согласіи и, по обычаю вѣка, одаривали другъ друга: княжна Маруша записала мужу третью часть своихъ имѣній въ даръ, а двѣ трети въ заставу за мнимый долгъ [3]); но скоро между ними, на почвѣ именно счетовъ имущественныхъ, возникли несогласія. Въ іюнѣ 1567 г. князь Збаражскій формально протестовалъ, что Загоровскій, «не маючи ведлугъ приказаня Божого и присеги своее доброго у малженстве светомъ мешканя» съ его дочерью, внесъ въ актовыя книги какія-то «поневолне учиненые» ею дарственныя записи [4]). Тогда же княгиня Збаражская, мачеха Маруши, захотѣла навѣстить ее въ отсутствіи мужа, но урядникъ Загоровскаго не пустилъ ее во дворъ и не позволилъ ей видѣться съ падчерицей [5]). Спустя нѣсколько дней самъ князь Збаражскій съ отрядомъ вооруженныхъ слугъ пріѣхалъ къ дочери

---

[1]) Въ актахъ она именуется также Мариной.

[2]) № XXVI, стр. 77.

[3]) № XLV, стр. 167.

[4]) № XXVI, стр. 76.

[5]) № XLV, стр. 147.

и увезъ ее къ себѣ. Загоровскій тотчасъ занесъ на него жалобу, въ которой изобразилъ дѣло такъ, что это былъ вооруженный наѣздъ со стороны князя Збаражскаго, сопровождавшійся разгромомъ двора и дома и грабежемъ имущества; по объясненію же послѣдняго, онъ вовсе и не былъ въ дворѣ своего зятя, а остановился въ селѣ и далъ знать дочери, что хочетъ видѣться съ нею. Маруша тотчасъ прибѣжала «и вмѣсто витаня, заразомъ падши передъ отцемъ, слезно просила его, абы ее з такъ великое и тяжкое неволи, которое дей отъ часу немалого отъ малжонка своего, яко одна неволница, вживаетъ и терпитъ, вызволити а ее з собою взяти рачилъ», что онъ и сдѣлалъ[1]). Прибывъ съ отцемъ во Владимиръ, княжна Маруша и передъ гродскимъ урядомъ жаловалась, будто она отъ мужа своего «везеня, бою и зраненя приймовала и терпѣла, которого зраненя и тепер дей знаки в себе в голове маетъ; а то дей все ни для чого иншого мне чинилъ, одно примушаючи мене, абых ему именя мои материстые поневолне записала», каковыхъ записей она, однако, никогда ему не выдавала, и если бы онѣ гдѣ-либо появились, то должны быть признаны недѣйствительными[2]). Такимъ образомъ одновременно начаты были въ судѣ два дѣла: Загоровскій обвинялъ тестя въ вооруженномъ наѣздѣ на его имѣніе, увозѣ жены и грабежѣ имущества, а княжна Маруша обвиняла мужа въ подложномъ составленіи отъ ея имени дарственныхъ записей. Прежде чѣмъ судиться, стороны согласились передать дѣло на рѣшеніе полюбовныхъ судей, которымъ, послѣ неоднократныхъ попытокъ, удалось примирить ихъ на такихъ условіяхъ: Загоровскій обязался прекратить начатое имъ въ гродскомъ судѣ дѣло по обвиненію тестя въ наѣздѣ и грабежѣ и вернуть женины имѣнія, а князь Збаражскій обѣщалъ прислать ему свою дочь. Загоровскій выполнилъ свое обязательство относительно прекращенія судебнаго иска, но имѣнія жены пока удержалъ, а князь Збаражскій не вернулъ ему дочери. Тогда (въ августѣ

---

[1]) Тамъ же, стр. 148—154.

[2]) Тамъ же, стр. 154.

1568 г.) Загоровскій позвалъ Марушу па судъ духовный, къ владимирскому епископу Ѳедосію Лазовскому, очевидно обвипяя ее въ самовольпомъ его оставлепіи, а Маруша, при содѣйствіи своего брата, князя Япуша Збаражскаго, силой отобрала у пего свои имѣнія [1]).

Тѣмъ времепемъ Маруша пропустила срокъ явки въ духовпый судъ, и слухъ прошелъ, будто владыка заочно развелъ ее съ Загоровскимъ. Когда кпязь Збаражскій послалъ спросить владыку, вѣрно ли это, тотъ отвѣтилъ, что «за пестаньемъ и пепослушепствомъ» Маруши онъ «вчипилъ волпымъ папа Загоровского от нее». Это было сказапо въ присутствіи вознаго, который такъ и допесъ гродскому уряду для впесенія въ актовыя кпиги [2]). Князь Збаражскій разсудилъ, что его дочери приличпѣе развестись съ мужемъ по добровольпому соглашепію, чѣмъ быть разведеппой по приговору духовпаго суда, и потому сталъ склонять зятя къ миролюбивому рѣшенію возникшихъ между пими песогласій и къ разводу. Загоровскій пе сталъ противиться. Спова были приглашены «едпачи» (полюбовпые судьи), которые, послѣ долгихъ переговоровъ, составили и написали «листъ угоды», или «застаповенье приятельское», принятое сторопами. Подлипный текстъ этого докумепта не дошелъ до насъ, по одипъ изъ свидѣтелей, видѣвшій его, такъ передавалъ его содержапіе: оба супруга учинили вызволенье другъ друга «з шлюбу и закопу малжепского», при чемъ «позволилъ панъ Василій княжнѣ Марушѣ за ипого мужа пойти, а кпяжпа Маруша папу Василію Загоровскому позволила доброволпе иную жону пояти, кого хотячи». Договоръ былъ обезпечепъ обычными «заруками, абы се тое вечными часы пе вспомипало перед жаднымъ правомъ, такъ духовнымъ, яко и свецкимъ», скрѣплепъ печатями свидѣтелей, «и сама ее милость княжпа Маруша, печать свою до опого листу, постановенья приятелского, приложивши, рукою своею власною

---

[1]) Тамъ же, стр. 156—166.

[2]) № XLV, стр. 160—161.

пополску подписати рачила» [1]). Тамъ же было оговорено, что разводящіеся супруги обязываются настоящій договоръ (или особые разводные листы) «до права духовного дати албо сознати», но почему-то пунктъ этотъ не былъ выполненъ [2]). Покончивъ съ разводомъ, Загоровскій возвратилъ Марушѣ ея дарственныя и заставныя записи на имѣнія, а она формально, передъ гродскимъ урядомъ, отреклась отъ обвиненія его въ томъ, будто онъ насильственно вынуждалъ онъ нея эти записи и составилъ ихъ безъ ея согласія [3]).

Такъ закончился первый актъ семейной драмы Загоровскаго. Прожилъ онъ въ бракѣ съ княжной Збаражской всего лишь два съ половиной года. Она ушла отъ него беременной [4]) и уже въ отцовскомъ домѣ родила дочь; но этотъ ребенокъ, по волѣ матери, никогда не видѣлъ своего отца.

А Загоровскій недолго оставался въ положеніи вдовца. Два года спустя онъ уже сосваталъ за себя княжну Катерину Ивановну Чорторыйскую и въ предбрачномъ условіи настоялъ, чтобы ея приданое было не меньше того, какое получила ея старшая сестра, княжна Олена, выходя за сына новогродскаго воеводы Остафья Горностая [5]). Свадьба Загоровскаго происходила въ январѣ 1571 года. Вѣнчалъ его игуменъ Пересопницкаго монастыря, владѣльцами и благотворителями коего издавна были князья Чорторыйскіе, Кириллъ Лясковскій; онъ-то впослѣдствіи свидѣтельствовалъ въ гродскомъ судѣ, что передъ вѣнчаньемъ видѣлъ подлинный актъ «угоды» о разводѣ Загоровскаго съ первой женой и, кромѣ того, читалъ еще какой-то «листъ» (письмо) владимирскаго епископа Ѳеодосія Лазовскаго, изъ котораго «зрозумѣлъ, иж не такъ Василей Загоровскій причину до розорваня малженства далъ, але ее милость кнежна Маруша Збаражская сама причиною розорваня малженства была»,

---

[1]) № XCIV, стр. 345.

[2]) № XCIV, стр. 338. Архивъ Югозап, Россіи, часть I, т. 1, стр. 176.

[3]) № XLV, стр. 167—168.

[4]) Тамъ же, стр. 155.

[5]) № LVIII, стр. 207.

почему онъ, игуменъ, съ спокойною совѣстью приступилъ къ вѣнчанью [1]). Очевидно, княгиня Чорторыйская, выдавая дочь за человѣка, состоявшаго въ разводѣ, находила нужнымъ удостовѣриться, правильно ли совершенъ его разводъ, и съ этою цѣлью собирала справки и у мѣстнаго архіерея.

Родъ князей Чорторыйскихъ былъ богаче и знатнѣе рода первой жены Загоровскаго. Сами они считали себя Гедиминовичами и еще въ половинѣ XV ст. получили отъ короля Владислава Ш особый привилей, коимъ онъ призналъ ихъ родство съ Ягеллонами и на этомъ основаніи даровалъ имъ право употреблять литовскій великокняжескій гербъ Погони [2]). Кромѣ того, князья Чорторыйскіе издавна отличались усердіемъ къ православной церкви и благотворительностью по отношенію къ монастырямъ, каковыхъ было нѣсколько въ ихъ имѣніяхъ. Родство съ такимъ домомъ, казалось, сулило всѣ блага честолюбивому и вмѣстѣ набожному Загоровскому. И точно, годъ спустя послѣ второго брака онъ получилъ рѣдкое въ то время для не титулованнаго русина служебное повышеніе: ему было пожаловано брацлавское каштелянство и вмѣстѣ съ тѣмъ кресло въ сенатѣ. Но семейное счастье не улыбнулось ему и во второй разъ. Начались недоразумѣнія съ тещей изъ-за имущественныхъ счетовъ: въ 1574 г. Загоровскій жаловался въ судѣ, что княгиня Ганна Чорторыйская отняла ею же записанныя ему имѣнія, а послѣдняя жаловалась, что Загоровскій, управляя этими имѣніями въ качествѣ опекуна ея несовершеннолѣтняго сына, разорилъ ихъ [3]). Эти пререканія не могли не отразиться дурно на взаимныхъ отношеніяхъ Загоровскаго и его жены, если только и раньше эти отношенія не были въ конецъ испорчены. Княжна Катерина, несомнѣнно, не любила мужа, тяготилась сожительствомъ съ нимъ и

---

[1]) № XCIV, стр. 344—346.

[2]) Грамота эта, подтвержденная впослѣдствіи кор. Сигизмундомъ Августомъ въ 1569 г. и Августомъ II въ 1713 г., напечатана въ Архивѣ Югозап. Россіи, ч. VШ, т. 4, № X.

[3]) Акт. книга Кіев. Центр. Архива № 2048, л. 196, 225 и 236.

только ожидала удобнаго случая, чтобы уйти отъ него. Въ іюнѣ 1576 года она, подъ предлогомъ посѣщенія больной матери, уѣхала къ ней и не захотѣла больше возвращаться къ мужу и малолѣтнимъ дѣтямъ. Напрасно Загоровскій посылалъ своихъ пріятелей, «зацныхъ людей», уговаривать ее, чтобы она «присязѣ своей досыть чинила и до малжонка и до дѣтей своихъ въ домъ ехала»; напрасно вручалъ ей и матери ея черезъ вознаго «напоминальные листы» отъ земскаго суда съ тѣмъ же требованіемъ. Старая княгиня отвѣчала на это: «я ей до малжонка и дѣтей ехати не бороню, але ее, яко детяти своего, з дому выганяти не годится»; а сама княжна напрямикъ отрѣзала: «видячи з грѣхомъ свое мешканье у малженстве съ паномъ каштеляномъ, до его милости ехати и зъ его милостю жити не хочу, аж бы его милость шлюбилъ (обѣщалъ) и добре мя упевнилъ жадное справы малженское до живота своего зо мною не мѣти [1]).

Послѣ этого Загоровскому оставалось только хлопотать о разводѣ; но прежде чѣмъ успѣлъ онъ это сдѣлать, его постигло неожиданное несчастье: въ мартѣ 1577 года, выступивъ съ ополченіемъ Волынской земли для отраженія татарскаго набѣга, онъ потерпѣлъ пораженіе, былъ раненъ и достался въ плѣнъ татарамъ. Томясь въ неволѣ, напрасно онъ писалъ трогательныя посланія къ своимъ друзьямъ [2]), умоляя ссудить его деньгами, нужными для выкупа: ни друзья, ни богатые родственники не помогли ему выкупиться изъ плѣна. Страдая отъ ранъ и не надѣясь уже «сложить свои кости возлѣ гробовъ родителей», Загоровскій прислалъ изъ Крыма духовное завѣщаніе, полное горькихъ упрековъ и жалобъ на «незычливость и нестатечность» жены, бросившей дѣтей въ такомъ возрастѣ, когда они «потребуютъ мети при нихъ сердоболного при-

---

[1]) № LXXXIII, стр. 296—298. Архивъ Югозап. Россіи, часть I, т. 1, стр. 70—71.

[2]) Напр., къ князю Андрею Курбскому. Письмо къ нему помѣщено во 2-мъ томѣ „Жизнь князя А. М. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни", № V.

ятеля, который бы ихъ не толко покормомъ телеснымъ ускормивалъ, але и добрыхъ нoрововъ уставичне приучивалъ»; она же, пренебрегши этимъ святымъ долгомъ «и домъ мой собѣ огидивши, а волочащый животъ улюбивши, тамъ, где ся ей подобало, мешкаетъ и проежчокъ уживаетъ»; поэтому Загоровскій совсѣмъ отстранилъ жену отъ опеки надъ дѣтьми и даже лишилъ ее права возвращаться къ нимъ до ихъ совершеннолѣтія, воспитаніе же дѣтей и полное распоряженіе его имѣніями онъ поручилъ теткѣ своей Софьѣ Загоровской. Не позабылъ онъ въ завѣщаніи и о дочери своей отъ перваго брака, Ганнѣ, «хотя я ее (жалуется онъ) про незычливость матки ее, николи очима моима не видилъ»: ей онъ завѣщалъ въ приданое тысячу копъ грошей и часть движимости [1]).

Василій Загоровскій умеръ въ Крыму 29 февраля, 1580 года. Едва вѣсть о его смерти достигла Волыни, какъ послужила здѣсь сигналомъ къ возбужденію безпримѣрнаго судебнаго иска. Тѣ самыя жены Загоровскаго, княжна Маруша Збаражская и княжна Катерина Чорторыйская, которыя такъ мало цѣнили его при жизни, теперь выступили ожесточенными соперницами за честь носить его имя. Инициатива въ этомъ непристойномъ процессѣ принадлежала княжнѣ Збаражской, и начала она его изъ корыстныхъ побужденій. Ей было мало того, что Загоровскій завѣщалъ въ приданое дочери его Ганнѣ; она захотѣла добиться, чтобы дочь эта была признана единственною наслѣдницею всего отцовскаго состоянія. Воспользовавшись тѣмъ обстоятельствомъ, что разводъ ея съ Загоровскимъ былъ совершенъ домашнимъ порядкомъ, при участіи лишь полюбовныхъ судей и даже безъ предъявленія акта о разводѣ въ какомъ-либо урядѣ, княжна Збаражская возбудила въ духовномъ судѣ искъ о недѣйствительности второго брака Загоровскаго и, слѣдовательно, о незаконнорожденности происшедшаго отъ этого брака потомства. Обвиненіе княжны Катерины Чорторыйской формулировалось такимъ образомъ,

---

[1]) Духовное завѣщаніе В. Загоровскаго напечатано въ Архивѣ Югозап. Россіи, ч. I, т. 1, № 16.

что она, «приписавши собѣ титулъ, якобы малжонкою пана Василя Загоровского, кашталяна браславского, быти мѣла, чимъ она мимо ее (истицу), живую жону, быти не можетъ, имепя и маетность всю небожчика малжонка ее милости (княжны Збаражской) забрала и при собѣ маетъ».

Въ первый разъ дѣло это разсматривалось владимирскимъ епископомъ Ѳеодосіемъ Лазовскимъ въ февралѣ 1583 г., но не было окончено и, по апелляціи княжны Чорторыйской, перенесено на судъ митрополита. Но тогдашній митрополитъ Онисифоръ Дѣвочка, разсмотрѣвъ это дѣло въ присутствіи сторонъ, призналъ, что оно ему не подсудно, а на основаніи апостольскихъ правилъ и соборныхъ постановленій, подлежитъ единственно суду епархіальнаго архіерея, т. е. того же Ѳеодосія Лазовскаго. Тогда король повелѣлъ еп. Ѳеодосію вторично разобрать и рѣшить это дѣло со своею капитулою, придавъ ему въ ассистенты холмскаго епископа Леонтія Зеновича-Полчицкаго. Нѣсколько дней (съ 1 по 7 ноября 1583 г.) продолжался разборъ этого необычайнаго дѣла, при участіи лучшихъ волынскихъ адвокатовъ, повѣренныхъ той и другой стороны. Положеніе обѣихъ соперницъ передъ судомъ было далеко не равно. Княжна Збаражская предстала во всеоружіи правъ церковныхъ и гражданскихъ. Она представила рядъ письменныхъ удостовѣреній отъ кіевскаго митрополита, епископовъ луцкаго и пинскаго и даже отъ самого патріарха константинопольскаго въ доказательство того, что никто изъ нихъ не давалъ ей законнаго развода съ Загоровскимъ. Мало того, она запаслась еще особымъ листомъ отъ патріарха, въ которомъ послѣдній рѣзко осуждалъ практиковавшіеся въ Южной Руси разводы, именовалъ блудомъ вторичные браки, основанные на подобныхъ разводахъ, и предавалъ проклятію священниковъ, осмѣливающихся вѣнчать такіе браки. Между тѣмъ княжна Чорторыйская въ свою защиту предъявила нѣсколько документовъ, доказательная сила коихъ легко была побиваема адвокатами противной стороны. Прежде всего она представила актовую выпись донесенія вознаго, присутствовавшаго при томъ, какъ въ августѣ 1568 г. епископъ Ѳеодосій будто бы

велѣлъ передать князю Збаражскому, что за неявку на судъ къ нему, по иску мужа, княжны Маруши онъ «вчинилъ волнымъ» пана Загоровскаго отъ брака съ нею [1]); но председатель суда отвергъ этотъ документъ, какъ «неслушный и неправный», а противная сторона предъявила актовую выпись донесенія другого вознаго о томъ, что въ апрѣлѣ 1581 года тотъ же еп. Ѳеодосій заявилъ князю Янушу Збаражскому, брату княжны Маруши, что никакого развода ея съ Загоровскимъ онъ не чинилъ и благословенія послѣднему на вторичный бракъ не давалъ [2]). Предъявила также княжна Чорторыйская выписи разныхъ документовъ, въ которыхъ княжна Збаражская, послѣ развода съ Загоровскимъ, всегда писалась однимъ урожденнымъ именемъ, не именуя себя женой Загоровскаго; ссылалась еще и на то, что въ продолженіе девятилѣтняго ея замужества, до самой смерти Загоровскаго, истица не оспаривала законности его второго брака. Сравнительно большее впечатлѣніе на судей произвелъ предъявленный отвѣтчицей подлинный актъ «угоды» или «застановенья приятельского» относительно развода Загоровскаго, подписанный самою княжною Збаражскою и скрѣпленный ея печатью, гдѣ, между прочимъ, значилось, что «кнежна Маруша его милости пану Василю Загоровскому позволила доброволне иную жону поняти, кого хотячи». Повѣренные истицы съ особенною энергіею старались подорвать силу и значеніе этого документа. Они критиковали его и со стороны формы, и по существу. Становясь всецѣло на каноническую точку зрѣнія, они настаивали, что духовный судъ не въ правѣ и разсматривать подобные документы. «Розводъ въ малженствѣ», доказывали они, «безъ причины, в писмѣ святомъ описаное, быти не могъ, а если бы за причиною, в писмѣ описаною, стался, то нигдѣ индей, только передъ судомъ духовнымъ», какъ учитъ и Статутъ; поэтому, «если бы хто таковые листы (разводные) за слушные розумѣти

---

[1]) Документъ этотъ помѣщенъ въ настоящемъ томѣ подъ № XLV, на стран. 160—161.

[2]) Тамъ же, № XCIV, стр. 336.

хотѣлъ, теды бы то было пожидовску, чого хрестиянство боронитъ. Теды и ты, отче владыко, яко пастыръ, того стеречи и того заборонити повиненъ, абы ся жаденъ блудъ въ хрестиянстве не дѣялъ». А хотя бы и былъ совершенъ разводъ Загоровскаго, чего исковая сторона не допускаетъ, то и въ такомъ случаѣ онъ «другое жоны, мимо ее, живую жону, ажъ до смерти своее поймовати не могъ, водлугъ писма и словъ Христовыхъ у Матфѣя, глава 19, и до Коринтовъ въ посланию Павла светого, глава сема». Въ согласіи съ этой «наукою писма Божого» владыка и обязанъ постановить свой приговоръ.

Но владыка Ѳеодосій былъ сыномъ своего вѣка и человѣкомъ своего общества, и потому для него было ясно, что строгое примѣненіе канонической мѣрки къ оцѣнкѣ даннаго случая было бы величайшею несправедливостью. У него не хватило рѣшимости лишить отвѣтчицу всѣми признанныхъ за нею правъ въ угоду истицѣ, добровольно отрекшейся отъ брака съ Загоровскимъ и формально давшей ему «дозволеніе оженитися з иншою жоною», [1] а потому онъ, призвавъ Бога во свидѣтельство того, что судитъ по совѣсти, объявилъ рѣшеніе, по которому княжна Катерина Чорторыйская была признана законной женой Загоровскаго, а ея малолѣтній сынъ [2]) законнымъ потомкомъ его. Съ этимъ рѣшеніемъ было согласно и засѣдавшее въ епископскомъ судѣ духовенство, за исключеніемъ холмскаго епископа Леонтія, оставшагося при особомъ мнѣніи. Княжна Збаражская заявила недовольство этимъ приговоромъ и апеллировала къ королевскому суду, но король не взялъ на себя рѣшенія этого дѣла, а передалъ его на судъ особой коммиссіи, состоявшей изъ львовскаго католическаго арцибискупа и православныхъ епископовъ холмскаго и львовскаго. Вѣроятно, и эта коммиссія не постановила окончательнаго рѣшенія, такъ какъ въ

---

[1]) Такъ мотивировалъ свой декретъ еп. Ѳеодосій. № XCIV, стр. 342.

[2]) Изъ двухъ сыновей Вас. Загоровскаго, Василія и Максима, о которыхъ онъ упоминаетъ въ своемъ завѣщаніи, во время настоящаго процесса въ живыхъ находился лишь старшій, Василій.

1588 г. княжна Збаражская звала епископа Өеодосія Лазовскаго на митрополичій судъ, обвиняя его въ неправильномъ рѣшеніи дѣла ея съ княжною Чорторыйскою [1]) Конца этого интереснаго процесса намъ не удалось прослѣдить по актамъ. Одно лишь извѣстно, что какъ княжна Маруша Збаражская, такъ и княжна Катерина Чорторыйская, каждая изъ нихъ до смерти своей именовалась «панею Василевою Загоровскою, каштеляновою браславскою», при чемъ княжна Чорторыйская владѣла с. Суходолами, родовымъ имѣніемъ Загоровскаго, а Ильинская церковь въ г. Владимирѣ съ ея землями и подданными, принадлежавшая раньше Василію Петровичу Загоровскому, въ 1596 и въ слѣдующихъ годахъ оказывается во владѣніи княжны Маруши Збаражской, изъ чего можно заключить, что обѣ соперницы въ концѣ концовъ миролюбиво подѣлили межъ собой наслѣдство ихъ бывшаго мужа. Такъ закончился этотъ интересный случай столкновенія каноническаго начала съ бытовымъ.

А вотъ и другой подобный случай, хотя и не столь опредѣлительный, какъ первый, но любопытный и въ другомъ отношеніи, какъ свидѣтельство того, что и въ то время попытка строгаго примѣненія каноническихъ требованій къ бракоразводнымъ дѣламъ вынуждала супруговъ взводить другъ на друга гнусныя обвиненія и сознательно прибѣгать къ услугамъ лжесвидѣтелей. Выше было упомянуто о разводѣ князя Андрея Курбскаго съ его первою женою, княжною Маріею Гольшанскою [2]). Хотя при этомъ Курбскій не выговорилъ себѣ права на вторичный бракъ, но, руководствуясь мѣстными обычаями, онъ не задумался годъ спустя снова жениться на Александрѣ Семашковнѣ, съ которой мирно прожилъ три года,

---

[1]) Процессъ между женами В. Загоровскаго напечатанъ въ Архивѣ Югозап. Россіи, ч. I, т. 1, № 35. Дополнительные къ нему документы въ настоящемъ томѣ, подъ № XCIV.

[2]) Собственно говоря, кн. Гольшанская была второй женой князя Курбскаго. Первая его жена, послѣ бѣгства его въ Литву, осталась въ Москвѣ, вслѣдъ за чѣмъ Грозный велѣлъ сослать ее съ малолѣтнимъ сыномъ Курбскаго въ отдаленное заточеніе, гдѣ они скоро умерли.

имѣлъ отъ нея дѣтей и, отправляясь въ военный походъ, составилъ въ 1581 г. завѣщаніе, въ коемъ записалъ ей съ дѣтьми всѣ свои имѣнія. Вдругъ княжна Гольшанская, съ которой у него и послѣ развода продолжались враждебныя отношенія, начала противъ него дѣло о незаконномъ расторженіи брака съ нею и потребовала его на судъ къ митрополиту. Этимъ князь Курбскій былъ поставленъ въ крайне затруднительное положеніе: приговоръ духовнаго суда могъ имѣть для него и въ особенности для его новой семьи очень опасныя послѣдствія. Видя бѣду неминучую и желая для своей защиты представить причину, которая и по церковнымъ законамъ оправдывала бы его разводъ съ первой женой, Курбскій прибѣгъ къ тому же средству, какое не безъ успѣха практикуется иногда въ такихъ случаяхъ и въ наши дни: онъ записалъ въ актовыя книги владимирскаго гродскаго суда доносъ, будто княжна Гольшанская, бывши еще женой его, измѣняла ему, и при этомъ представилъ въ судъ двухъ свидѣтелей, которые не обинуясь показали, будто собственными глазами видѣли, какъ послѣдняя предавалась блуду съ слугой своимъ Жданомъ Мироновичемъ. Дѣло не дошло, однако, до судебнаго приговора, такъ какъ Курбскій успѣлъ заключить съ Гольшанской мировую, и съ этого времени ни она сама, ни духовныя власти не оспаривали больше законности его второго брака и правъ рожденныхъ въ этомъ бракѣ дѣтей [1]).

Нужно замѣтить, однако, что подобные двумъ приведеннымъ случаи, когда одна изъ разведшихся сторонъ, становясь на почву каноническихъ предписаній, пыталась оспаривать законность собственнаго развода, были въ то время весьма рѣдки. Порождаемыя обычно побужденіями корысти или злобной мести, подобныя попытки едва ли могли встрѣчать моральную поддержку или сочувствіе въ тогдашнемъ обществѣ и, какъ мы видѣли въ процессѣ княжны

---

[1]) Жизнь кн. А. М. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни, Предисловіе, стр. XXIV—XXVI.

Збаражской, даже духовная власть не оказывала имъ особеннаго содѣйствія или покровительства.

Та же сила общественнаго мнѣнія удерживала людей того вѣка и отъ злоупотребленій легкостью разводовъ, хотя нѣкоторыя гарантіи противъ подобныхъ злоупотребленій заключались въ самой формѣ совершенія тогдашнихъ разводовъ, которымъ обыкновенно предшествовали переговоры родственниковъ и друзей той и другой стороны, въ присутствіи и при участіи коихъ составлялись и разводныя записи, а главное—что при этомъ требовалось добровольное и ясно выраженное согласіе непремѣнно *обоихъ* разводящихся супруговъ. И дѣйствительно, въ актовыхъ книгахъ бракоразводные документы встрѣчаются довольно рѣдко. Очевидно, къ разводамъ прибѣгали не какъ-нибудь зря, легкомысленно, а обдуманно, съ полнымъ сознаніемъ всей важности этого акта и только въ случаяхъ дѣйствительной необходимости. Этимъ объясняется и тотъ миролюбивый, дружелюбный характеръ, какимъ запечатлѣна бо́льшая часть извѣстныхъ доселѣ бракоразводныхъ записей. Въ нихъ нерѣдко слышится непритворное сожалѣніе разводящихся лицъ объ утраченномъ семейномъ согласіи и признательность другъ другу за былую любовь и взаимное попеченіе. Въ одной изъ цитированныхъ нами такихъ записей жена, освобождая мужа отъ супружества съ ней, напутствуетъ его трогательнымъ благожеланіемъ: «пусть здоровъ съ другою женится и пусть Богъ благословитъ его съ другою въ лучшемъ супружествѣ пожить, нежели со мною». Нерѣдко, какъ мы видѣли, бывало и такъ, что, разводясь, супруги одаривали другъ друга деньгами или инымъ способомъ.

Такой характеръ разводы удерживаютъ за собою въ теченіе всего своего существованія въ южной Руси и на Украинѣ, т. е. до начала XVIII ст., когда они, наконецъ, подверглись канонической регламентаціи. Благотворное вліяніе ихъ на семейный бытъ и общественную нравственность того времени несомнѣнно. Они представляли естественный и мирный исходъ для разнаго рода вольныхъ и невольныхъ столкновеній въ семейномъ быту, которыя безъ

нихъ неизбѣжно приводили бы къ страшнымъ преступленіямъ. Въ 1573 г. на Волыни былъ такой случай: земянка Ѳедора Холоневская, дурно жившая съ мужемъ, ушла отъ него къ матери, забравъ приданое. Мужъ посылаетъ «добрыхъ людей» требовать ея возврата. Теща отвѣчаетъ посланнымъ: «я къ нему жоны его не пошлю, але ему ражу (совѣтую), ижбы ей дал покой а ее вызволилъ з малженства, а она его: бо возметь собѣ не жону, одно *неприятеля*». Холоневскій хотѣлъ было противиться этому разумному совѣту: «з жоною своею венчанною без потребы роспускатися не мышлю», но перспектива имѣть въ домѣ, вмѣсто жены, «неприятеля» поколебала его упорство: начались переговоры при участіи «приятелей», и разводъ таки состоялся [1]). Подобныя уступки въ то время были неизбѣжны, такъ какъ бо́льшая часть тогдашнихъ семейныхъ трагедій происходила именно оттого, что одинъ изъ супруговъ упорно отказывалъ другому въ требованіи согласиться на добровольный разводъ. Мужья добивались такого согласія путемъ грубыхъ насилій, жены нерѣдко прибѣгали къ отравамъ или къ услугамъ наемныхъ убійцъ [2]). Если подобныя преступленія изрѣдка случались и при свободѣ разводовъ, то можно съ увѣренностью сказать, что безъ такой свободы, при тогдашнихъ нравахъ и характерахъ, всякій семейный конфликтъ приводилъ бы къ кровавой развязкѣ. Въ этомъ, можетъ быть, и заключалась одна изъ причинъ, почему южнорусскіе разводы, никогда не признаваемые государственными законами и явно противные каноническому праву, въ теченіе XVI—XVII, а можетъ быть, и болѣе раннихъ вѣковъ пользовались явнымъ покровительствомъ со стороны свѣтскихъ судовъ и снисходительной терпимостью даже со стороны духовной власти.

---

[1]) № LXXVII, стр. 280—282.
[2]) №№ XLI, CI, CXX, CXXV, CXLI.

Не то встрѣчаемъ мы въ XVIII вѣкѣ. Въ 1713 г. дворянка летичевскаго повѣта, на Подольи, Анастасія Томашевская, выдала мужу обычную разводную запись, въ которой писала: «не маючи помешканя належитого» съ мужемъ моимъ паномъ Яномъ-Агапіемъ Томашевскимъ, знать воли Божьей и ласки не было въ томъ нашемъ помешканю малженскомъ, я даю ему вольность отъ себя и добровольно позволяю ему жениться на другой, какъ ему будетъ угодно; а если бы я вздумала нарушить въ чемъ-либо настоящую запись, то должна буду отвѣчать передъ какимъ онъ захочетъ судомъ и заплатить заруку въ десять гривенъ». Это—послѣдняя по времени бракоразводная запись, извѣстная намъ по актамъ; но она была предъявлена гродскому летичевскому суду не супругами Томашевскими, а мѣстнымъ уніатскимъ деканомъ, заявившимъ при этомъ отъ имени львовскаго уніатскаго епископа энергическій протестъ противъ признанія этого развода; «противнаго божескимъ и церковнымъ законамъ» [1]). А двумя годами раньше магистратъ м. Выжвы приговорилъ мѣщанина Семена Гулика къ штрафу въ три фунта воску на церковь только за то, что онъ пытался уговорить зятя, тиранившаго его дочь, дать ей «розлуку» [2]). Какъ видимъ, не только уніатское духовенство, но и магистратскіе урядники уже прониклись совсѣмъ другими понятіями о законности стараго народнаго обычая «розлуки» и строго преслѣдуютъ его, какъ явное беззаконіе. Вѣроятно, такъ же неблагосклонно относились къ нему и другіе свѣтскіе суды и уряды, почему мы и не встрѣчаемъ больше разводныхъ записей въ актовыхъ книгахъ. Безъ сомнѣнія, эта перемѣна должна быть поставлена въ связь съ общимъ процессомъ разложенія стараго семейнаго быта въ югозападной Руси подъ вѣковымъ вліяніемъ польской общественности, наиболѣе же активную роль въ этомъ процессѣ слѣдуетъ приписать церковной уніи. Унія съ первыхъ дней своего возникновенія стала въ явно враждебныя

---

[1]) Актовая книга Кіев. Центр. Архива, № 5252, л. 20,

[2]) Такая же книга, № 1294, л. 27.

отношенія къ мѣстнымъ народнымъ обычаямъ въ области брачныхъ установленій. Это произошло, вѣроятно, оттого, что латино-польскіе полемисты, критикуя съ своей точки зрѣнія обычаи западнорусской церкви, съ особенною настойчивостью укоряли православныхъ за легкость разводовъ. Извѣстный іезуитъ П. Скарга признавалъ это однимъ изъ главныхъ «заблужденій» русской церкви [1]). Подъ вліяніемъ этихъ укоровъ, еще въ концѣ XVI ст. тѣ изъ православныхъ владыкъ, которые склонны были къ церковной уніи съ Римомъ, въ свою очередь проникались нетерпимостью къ обычнымъ разводамъ и старались искоренить ихъ. Не имѣя возможности вырвать изъ рукъ свѣтскихъ урядовъ право утверждать такіе разводы, они стремились вырвать его, по крайней мѣрѣ, изъ рукъ приходскаго духовенства, съ давнихъ поръ присвоившаго это право вопреки канонамъ. Извѣстный поборникъ уніи Ипатій Потѣй, еще въ бытность свою православнымъ епископомъ владимирскимъ и брестскимъ, издалъ въ 1594 г. соборную грамоту, въ которой подъ угрозою низверженія и анаѳемы предписывалъ священникамъ своей епархіи, чтобы они не смѣли никому давать «роспусты», а отсылали такія дѣла на его епископскій судъ [2]). А годъ спустя, когда владыки съѣхались для выработки условій предположенной уніи, то, въ числѣ другихъ пунктовъ, помѣстили просьбу къ королю, «чтобы свѣтскія особы, въ имѣніяхъ коихъ, часто по ихъ желанію, священники самовольно расторгаютъ браки, не защищали такихъ священниковъ, но выдавали ихъ владыкамъ для кары духовной» [3]). Особенною нетерпимостью по отношенію къ разводамъ отличался все тотъ же Ипатій Потѣй. Уже въ бытность уніатскимъ митрополитомъ онъ издалъ въ 1608 г. полемическое сочиненіе въ защиту уніи, подъ заглавіемъ: «Гармонія восточной церкви съ костеломъ римскимъ», въ которомъ, между прочимъ, писалъ: «Але ми ся овые

---

[1]) Русск. Историч. Библіотека, т. VII, стр. 472–473.
[2]) Акты Зап. Россіи, т. IV, № 47.
[3]) Theiner, Vetera Monumenta Poloniae et Lithuaniae, III, № 185.

розводы бѣсовские частые и о леда-што (изъ-за пустяковъ), которыхъ у насъ ни за што не маютъ, не подобаютъ (не нравятся)! Подобно, запаметали, што Христосъ повѣдилъ: «што Богъ злучылъ, человѣкъ да не розлучаетъ». И тутъ же онъ ставитъ въ образецъ практику католической церкви, въ которой «о разводахъ рѣдко и услышишь, и то не иначе, какъ по важнымъ причинамъ, указаннымъ въ церковныхъ канонахъ» [1]). Но такихъ пылкихъ ревнителей уніи, какъ И. Потѣй, было немного, да и они вынуждены были тратить всѣ свои силы не на то, чтобы перестроить жизнь своихъ пасомыхъ на какихъ-то новыхъ началахъ, а единственно на то, чтобы какъ-нибудь поддержать самое существованіе уніи, которая, будучи лишена жизненной силы со дня своего рожденія, долгое время пребывала въ состояніи жалкаго прозябанія. Лишь къ началу XVШ ст., когда православіе въ правобережной Украинѣ окончательно лишилось прежнихъ защитниковъ въ лицѣ козачества, единовѣрнаго дворянства и братствъ, унія, при поддержкѣ союзнаго съ ней католичества, стала насильственно распространяться въ краѣ и пріобрѣла такую силу, что ея установленія могли имѣть обязательный характеръ для ея невольныхъ послѣдователей. Тогда только уніатское духовенство и могло съ успѣхомъ заняться преслѣдованіемъ народнаго обычая «розлуки» и добиться того, что какъ заключеніе, такъ и расторженіе браковъ стало нормироваться церковными правилами. Но это не было возстановленіемъ силы древняго христіанскаго канона, такъ какъ въ свое ученіе о причинахъ, влекущихъ законное расторженіе брака, уніатство внесло много вымысловъ, совсѣмъ невѣдомыхъ древнему каноническому праву. Достаточно сказать, что въ уніатской каноникѣ насчитывалось шестнадцать причинъ, «которіе не токмо подъ грѣхомъ смертелнимъ возбраняютъ пріяти супружество, но и пріятое разоряютъ» [2]). Въ числѣ ихъ встрѣчаются и такія странныя причины, какъ, напримѣръ,

---

[1]) Русская Историч. Библіотека, т. VП, стр. 212.

[2]) „Богословія Нравоучительная“. Почаевское издан. 1756 г., стр. 77—83.

«поблужденіе, то-есть омилка (ошибка) имѣній: когда кто мнится быти богатъ, иже есть убогъ», или «поблужденіе свойства: когда кто мнится быти красенъ или добръ, иже есть студній или злій, албо тежъ: аще невѣста мнитъ ся быти дѣва, яже нѣсть таковая», и т. под. Безспорно, что эти схоластическія измышленія не самостоятельно придуманы уніатскими богословами, а цѣликомъ заимствованы у тогдашнихъ латинскихъ канонистовъ; по крайней мѣрѣ, намъ извѣстенъ случай, что въ 1776 году кіевская католическая консисторія свободно дала разводъ дворянкѣ Бригитѣ Яцковской только потому, что она тоже впала въ одно изъ упомянутыхъ «поблужденій»: выходя замужъ за нѣкоего пана Богдановича, панна Бригита полагала, что онъ природный шляхтичъ, а на дѣлѣ онъ не оказался таковымъ [1]).

Лѣвобережная Украина не знала уніи и была далека отъ католическаго вліянія, однако и здѣсь обычные разводы подверглись въ XVIII ст. суровому преслѣдованію. Иниціатива этого преслѣдованія исходила отнюдь не со стороны мѣстнаго духовенства, которое вообще терпимо относилось къ народнымъ обычаямъ въ области брачныхъ отношеній [2]). Выше мы упоминали, что козацкіе суды въ Гетманщинѣ безпрепятственно расторгали законные браки за проступки, не имѣвшіе никакого отношенія къ сферѣ супружескихъ обязанностей, напримѣръ, за кражу или за непочтительное отношеніе зятя къ тестю; однако мы не знаемъ случаевъ, чтобы тогдашнія духовныя власти протестовали противъ вторженія свѣтскаго суда въ такую область, которая по церковнымъ законамъ принадлежитъ всецѣло духовной юрисдикціи. Послѣдовавшее въ 1686 году подчиненіе кіевской митрополіи московскому патріархату ни въ чемъ не измѣнило внутреннихъ порядковъ, издавна царившихъ въ южнорусской церкви. Но со времени учрежденія синода и реформы

---

[1]) Актовая книга Кіев. Центр. Архива, № 87.

[2]) Въ 1667 г. гетманъ Брюховецкій доносилъ царю, что украинскіе духовные „людемъ обоея плоти безаконно жити и роспускатися дозволяютъ". Акты Ю. и З. Россіи, т. 6, № 58, стр. 162

церковнаго управленія на началахъ Духовнаго Регламента не только насталъ конецъ фактической автономіи южнорусской церкви, но и наступила безпощадная ломка всѣхъ особенностей ея строя и быта и замѣна ихъ великорусскими порядками. Въ первую очередь эта насильственная нивелировка коснулась именно бракоразводныхъ обычаевъ, что сразу же породило цѣлый рядъ конфликтовъ въ семейномъ быту козацкой старшины, до того времени широко пользовавшейся свободой разводовъ. Для примѣра разскажемъ одинъ случай подобнаго конфликта.

Нѣжинскій хорунжій Иванъ Величковскій въ 1715 г. вступилъ въ бракъ съ дочерью новгородъ-сѣверскаго протопопа Евфиміей Заруцкой, но жилъ съ нею несчастливо и всякій разъ, возвращаясь домой съ войсковыхъ походовъ, находилъ, что жена въ его отсутствіе пьянствовала, «жила непостоянно и въ такомъ пьянствѣ и непостоянствѣ безчинствовала и прелюбодѣйствовала, да еще и въ чародѣйство часто уклонялась». Пробовалъ онъ отсылать ее «для обличенія и наказанія» къ ея матери, вдовѣ, но она, «и при матери будучи, всегда чинила богомерзкое прелюбодѣйство». Тогда на семейномъ совѣтѣ было рѣшено, что, такъ какъ Евфимію исправить уже невозможно, а онъ, Величковскій, «многіе лѣта въ такомъ безчестіи и домъ его въ срамотѣ пребываетъ», то пусть онъ разведется и ищетъ другую жену. Въ такомъ смыслѣ Величковскій и подалъ прошеніе кіевскому митрополиту Варлааму Ванатовичу, а самъ сталъ искать себѣ невѣсту. Митрополитъ прислалъ члена своей консисторіи, игумена Ѳеодосія Хоминскаго, для производства дознанія по прошенію Величковскаго. Дознаніемъ были подтверждены факты преступнаго поведенія Евфиміи, и сама мать свидѣтельствовала противъ безпутной дочери и просила дать зятю разрѣшеніе «ко второбрачію», почему игуменъ Хоминскій приказалъ удалить преступную жену изъ дома мужа и отослать ее къ матери. Величковскій рѣшилъ, что этимъ актомъ бракъ его съ Евфиміей расторгнутъ духовной властью, да и въ консисторіи «нѣкоторые члены, равно и мірская старшина, совѣтовали ему сочетаться бракомъ съ другою»,

что онъ и сдѣлалъ, не дождавшись митрополичьяго на то разрѣшенія. Между тѣмъ скоро выяснилось, что митрополитъ потому и медлилъ съ выдачей такого разрѣшенія, что опасался, угодитъ ли онъ синоду, если своею властью дастъ разводъ и разрѣшитъ второй бракъ, и потому представилъ все дѣло на усмотрѣніе синода. Онъ поступилъ такъ еще и потому, что случай съ Величковскимъ далеко не былъ единичнымъ въ его епархіи: «такожде и другіе (писалъ Ванатовичъ), съ четверолѣтнего походу [1]) пришедши въ домы своя, просятъ на женъ своихъ, въ прелюбодѣяніе впадшихъ и беззаконно родившихъ, допустить ихъ другихъ поняти, и много обрѣтается таковыхъ служилыхъ людей, которые, оставивши первую или вторую законную свою жену, другую беззаконно до себе принимаютъ». Въ отвѣтъ на это представленіе послѣдовалъ синодальный указъ съ рѣшительнымъ предписаніемъ, чтобы какъ Величковскому, такъ и другимъ, ему подобнымъ, «отъ живыя жены къ второму браку приступать было запрещено; понеже, ежели то учинить, то жены пущенницы востребуютъ благословенія посягнути законныхъ мужей; такожде и другіе, кромѣ словеси прелюбодѣйнаго, вознегодовавши законними женами, начнутъ беззаконовать, а жены, кромѣ всякой вины, возгнушавшись мужами своими, тоежде начнутъ дѣлати, чтобы беззаконіе ихъ было виною розлученія». Такимъ образомъ синодъ высказался въ смыслѣ совершеннаго воспрещенія разводовъ, даже въ случаѣ явнаго прелюбодѣянія одного изъ супруговъ. Получивъ этотъ грозный указъ, митрополитъ Ванатовичъ велѣлъ немедленно привлечь Величковскаго къ консисторскому суду по обвиненію въ томъ, что онъ, «по своей самовольной волѣ отринувши кромѣ всякой вины первую жену, принялъ къ прелюбодѣйному своему сожитію другую, Анну Новицковну». Судъ приговорилъ: разлучить Величковскаго «с тою мнимою женою» и послать его для покаянія въ Максаковскій монастырь, а ее въ Великобудищскій дѣвичій мона-

---

[1]) Рѣчь идетъ о походѣ въ Гилянъ 20000 козаковъ, подъ начальствомъ Семена Лизогуба, въ 1725 году.

стырь, лишивъ обоихъ св. причастія, пока не раскаются. Но Величковскій не подчинился консисторскому декрету: подъ разными предлогами онъ сталъ уклоняться отъ наложенной на него «покуты», а затѣмъ и жену взялъ изъ монастыря въ домъ свой и «дерзнулъ по прежнему съ нею беззаконно жить». Тогда митрополитъ, по синодальному наказу, предалъ его «и оную прелюбодѣйцу Анну Новицковну» церковному отлученію [1]), при чемъ, «для лучшаго извѣстія общенароднаго и ради побужденія прелюбодѣевъ къ покаянію», указы объ этомъ были разосланы по всѣмъ церквямъ и монастырямъ епархіи для прочтенія народу по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, а копіи съ нихъ были прибиты къ дверямъ церковнымъ. Около пяти лѣтъ Величковскій, съ женой и со всѣми домочадцами, оставался внѣ церковнаго общенія, и только въ 1731 году, когда умерла его первая жена Евфимія Заруцкая, ему удалось выхлопотать въ синодѣ снятіе клятвы и разрѣшеніе «съ оною второю женою Анною въ супружествѣ законномъ жить безъ всякаго препятствія». [2])

Подобными крутыми мѣрами, нарочито оглашаемыми притомъ съ церковныхъ каѳедръ по всей епархіи, можно было отучить населеніе Украины отъ старыхъ обычаевъ въ бракоразводныхъ дѣлахъ, но и то не сразу. Простой народъ упорно не хотѣлъ отъ нихъ отказаться, хотя виновные, въ случаѣ раскрытія дѣла, неизбѣжно расплачивались монастырскимъ заточеніемъ. Не далѣе, какъ въ 1743 г. козакъ миргородскаго полка Никифоръ Донецъ, бывшій сѣчевикъ, развелся съ женой по добровольному съ нею соглашенію, такъ какъ они не ладили другъ съ другомъ. Разводъ былъ совершенъ съ соблюденіемъ тѣхъ самыхъ формальностей, какія намъ уже извѣстны по волынскимъ актамъ XVI ст.: въ присутствіи и съ согласія свидѣтелей—родственниковъ, супруги выдали одинъ другому «розводные

---

[1]) А съ ними разомъ и значковаго товарища нѣжинскаго полка Ивана Дудченка за самовольное вступленіе въ 4-й бракъ и отказъ разойтись съ женой.

[2]) Изложенныя о Величковскомъ свѣдѣнія заимствованы изъ старыхъ „указныхъ книгъ“, хранящихся при многихъ церквяхъ Полт. губерніи.

листы» и предоставили другъ другу право вступить въ новые браки, а одинъ изъ родственниковъ жены, сверхъ того, выдалъ мужу отъ имени ея рода письменное поручительство въ томъ, что ни сама она, ни кто либо изъ ея родныхъ никогда не будутъ предъявлять къ нему какія-нибудь претензіи по поводу настоящаго развода. Послѣ этого Донецъ вступилъ въ новый, по счету четвертый бракъ и могъ бы спокойно жить въ немъ, но кто-то изъ личной мести сдѣлалъ на него доносъ митрополиту, по суду котораго разводъ и новый бракъ Донца признаны были недѣйствительными, а самъ онъ приговоренъ къ двухгодичному покаянію въ монастырѣ [1]). Любопытна одна подробность въ этомъ дѣлѣ: актъ развода Донца совершился въ домѣ и въ присутствіи приходскаго священника, который затѣмъ и повѣнчалъ его съ четвертой женой. Очевидно, сельское духовенство на Украинѣ и въ половинѣ XVIII ст. попрежнему раздѣляло народный взглядъ на бракъ, какъ на свободный союзъ, заключаемый и расторгаемый единственно по взаимному согласію мужа и жены. Съ этимъ понятіемъ о существѣ брака не разставался украинскій народъ и въ новыхъ мѣстахъ, куда направлялось его колонизаціонное движеніе: въ Слободской Украинѣ разводы по взаимному согласію супруговъ практиковались и въ XVIII ст., хотя епархіальныя власти строго ихъ преслѣдовали [2]).

Едва-ли можно утверждать, что и въ настоящее время простой народъ на Украинѣ совсѣмъ разстался съ этимъ понятіемъ. Помнитъ онъ, что въ старину можно было свободно разойтись съ «нелюбою дружиною», и изрѣдка пытается воскресить старый обычай. Въ газетныхъ корреспонденціяхъ изъ глухихъ захолустій иногда выплываютъ такія странныя сообщенія изъ области обычнаго права, что невольно кажется, будто они выхвачены изъ быта давно минувшихъ вѣковъ. Вотъ, напримѣръ, что приходилось читать намъ въ одной изъ

---

[1]) Чтенія въ истор. обществѣ Нестора Лѣтописца, кн. XV, вып. 1, отд. 5.

[2]) См. интересную брошюру проф. А. Лебедева: „О брачныхъ разводахъ по архивнымъ документамъ Харьк. и Курской дух. консисторій". Москва, 1887 г.

кіевскихъ газетъ четверть вѣка назадъ: «Въ Каневскомъ уѣздѣ, Корсунской волости, 5 іюля 1881 г. крестьянская дѣвушка с. Карашина, Александра Раченко, праздновала свою свадьбу съ *женатымъ* крестьяниномъ Калиникомъ Савицкимъ. Объ этой свадьбѣ знало все село, а главное, знала и сама первая жена Савицкаго, но всѣ считали этотъ бракъ мужа при живой женѣ вполнѣ законнымъ. Дѣло въ томъ, что годомъ раньше первая жена Савицкаго послѣ родовъ заболѣла и пользовалась совѣтами кіевскихъ врачей. Когда здоровье ея поправилось, то, по ея же просьбѣ, выдано было ей врачебное свидѣтельство, что она неспособна болѣе къ брачному сожительству. Считая этотъ документъ вполнѣ достаточнымъ для совершенія развода, супруги уже не находили нужнымъ обращаться за расторженіемъ брака къ бракоразводнымъ инстанціямъ, и порѣшили сами развестись. Они раздѣлились всѣмъ своимъ имуществомъ и стали жить врозь. Затѣмъ Калиникъ Савицкій пріискалъ себѣ невѣсту и, какъ сказано уже, 5 іюля женился. Правда, бракъ совершенъ былъ не въ мѣстной церкви, но это лишь потому, что въ цѣнѣ не сошлись съ причтомъ,—вѣнчалъ священникъ сосѣдняго села. Супруги жили бы мирно и до-днесь, но недавно полицейскія власти узнали объ этомъ дѣлѣ и возбудили преслѣдованіе. Теперь Савицкій обвиняется въ двоеженствѣ, вторая жена его въ выходѣ замужъ за него при жизни первой его жены, а четверо поручителей—въ томъ, что знали объ этомъ и не сообщили священнику» [1]). Не правда ли, что это—почти буквальное повтореніе исторіи развода волынскихъ земянъ Волицкихъ, разсказанной нами по документу 1594 года?

Такъ живуча въ народѣ привязанность къ обычаямъ, которые онъ признаетъ разумными и справедливыми.

Орестъ Левицкій.

---

[1]) Газета „Заря", 1884 г, № 273.

I.

Вѣновная запись волынскаго земянина Дмитра Порыцкаго, обезпечивающая приданое жены его Гальшки, дочери п. Грицька Кирдѣевича. Документъ половины XV ст.

Я пан Дмитръ Порыцкий, пана Ильинъ сын Вячьковича, сознаваю сим моим листомъ кождому доброму, кому одно его потреб слухати: узял есми по своей женѣ по панеи Галзьце, по пана Грицьковои доцьце Кирьдѣевича, полтораста коп широких грощи чеськои монѣты, а полтораста коп выправою; а про то ж ей записываю на своихъ имѣньех, на своей . . . [1]) дъву Порыцьких, а на третих Гриковичех триста коп широких грощи чеськои монеты со всим с тым, што . . . . ю [2]) слушаеть, как есми сам держал, а полстада дал есми ей вѣчно и домовыи рѣчи по своем животѣ. А што есми ей записал, у тое не надобе ся уступати ни сыну моему, а ни дочкам моим, а ни ближним моим. А коли жона моя . . . . . замужъ, тогды бълижнии мои, отложивши ей то, што есми ей записал, имѣнье озми (sic!) тое, што есми ей записал. А хъто бы ей кривду учинил у том имѣньи черес мой запис, тогды осподарю королю тисячу коп заплатит. А при том были.. (све)тъки: княз Олександро Сонкушькович, а пан Михайло Олександрович, а пан Ламан хоружий Луцький, а брат его пан

---

[1]) Вѣроятно „отчинѣ". Мѣста, означенныя точками, въ подлинномъ документѣ совсѣмъ стерлись и прочесть ихъ не возможно.

[2]) Должно быть „к тому имѣнью".

Лазорь, а пан Михайло Ляховский; а надъ то про лѣпшее потверженье къ сему листу и печати есмо свои приложили.

Подлинникъ, писанный на пергаментѣ, съ привѣсною восковою печатью, хранится въ собраніи Коммиссіи подъ № 13.

Примѣч. Документъ не имѣетъ никакой даты. Мы относимъ его къ половинѣ XV ст. на основаніи слѣдующихъ соображеній: а) Отецъ Дмитра Порыцкаго, Илья Вячковичъ служилъ еще князю Витовту и за вѣрную службу получилъ отъ него имѣнія на Волыни: Порыцкъ и Грековичи во Владимірскомъ повѣтѣ и Ворончинъ, Тристень и Стыдень—въ Луцкомъ повѣтѣ (Метр. Лит. 36. Ad. Boniecki, Poczet Rodów стр. 256). б) Тесть Порыцкаго, панъ Грицько Кирдѣевичъ состоялъ членомъ „вѣрной рады" при вел. князѣ Свидригайлѣ и въ этомъ званіи подписался на одной грамотѣ, выданной Свидригайломъ 9 Декабря 1433 г. въ Кіевѣ (Акты Ю. и Зап. Россіи, т. I, № 21; Archiwum ksiąz. Lubartowiczów-Sanguszków, t. I. № XXXVIII. в) Въ числѣ свидѣтелей въ нашемъ документѣ упоминается князь Александръ Сангушковичъ, который въ 1469 г. титулуется старостою Кременецкимъ (Arch. ks. Sang .№ LXVIII), а раньше (до 1451 г.) онъ будто-бы былъ старостою Владимірскимъ (Źr. Dz. VI. f. 6). Такъ какъ въ нашемъ документѣ онъ упомянутъ безъ всякаго титула, то изъ этого можно вывести заключеніе, что самый документъ писанъ ранѣе по крайней мѣрѣ 1469 года.

II.

Запись волынскаго земянина Волчка Хренницкаго о томъ, что въ обезпеченіе денежной суммы, условленной въ приданое за дочерью его Мариною при выдачѣ ея замужъ за земян. Пашка Посяговецкаго, онъ впредь до уплаты таковой суммы уступаетъ зятю и дочери въ пользованіе имѣніе Лопавши. Опредѣленіе границъ этого имѣнія и условій пользованія имъ. 1472 г., сентября 15.

Во йм̃я святые единосущные и нероздилимые Тройцы Отца и Сына и Светого Духа, аминь. Я пан Волчко Хренницкій объявляю и чиню ведомо сим моим листом кождому доброму, хто на него посмотрит, або чтучи его услышит: отдал есми по Божой воли а по моей любъви дочку мою Марину за пана Пашка Побя-

говецкого ему за жону и поступил есми ему у вѣне, у петидесятъ копах грошей широких чеськое монеты, именейцо мое Лопавши; а обрубъ земленый тому именицу моему Лопавшомъ по старине: от имени моего Хренникъ, почен нижей синожати Хренницкое луки, от реки Стыра межою мимо нивы дворища Ляхова и межою конецъ нивъ подворищныхъ Хренницкихъ до Могилокъ и Язвинокъ, от Язвинокъ до дороги, што з Лопавшъ идетъ до Корытна, а черезъ тую дорогу краем нив церковных Хренницких у Смыжаль, которая въстала нижей озерца Линева, у верхъ тое Смыжали посеред речки аж до веръхов тое Смыжали, а оттол жолобомъ до Пропастищъ, а от Пропастищъ до Демидова рову,—тотъ обрубъ землица Лопавъшская. А зятю моему и дочцѣ моей и их дѣтем и никому не надобе через тот обруб и границу з Лопавшъ у мою землю Хренницъкую уступати и переходити николи; одно ж позволяю зятю моему и дочце моей на потребу имъ самим на селидбу з ведомомъ моим у дуброве моей Хренницкой дерева утяти и травы укосити, а дубровы моей Хренницкой не копати и сѣна въ стоги не кидати и не мают далей у дуброву мою Хренницкую уходу по дерево и по траву мети, одно по Роскопаницу—могилу до воли моей; а мнѣ самому, а по смерти моей никому, не надобе у зятя и у дочки моей того именица Лопавшъ брати, аж имъ пятдесят копъ грошей отдавши. И на то давамъ зятю моему и дочце моей сесь мой лист под моею печатъю. А при тых моих умовеных речах, при сем моем записном листе были панове люде добрые: пан Семашъко, пан Гринко Мукосѣевич, а братанич мой родный пана Богдановъ сын Немѣра, которые панове на твердость сего моего листу за чоломбитьем моим печати свои приложили к сему моему листу. Писанъ в Хренникох, в лѣто шестое тисечи деветьсотное осмъдесятое, месеца сентебра пятогонадцат дня.

Книга земская Луцкая, 1585 г. № 2067, листъ 266 на обор.

III.

Вѣновная запись князя Ивана Семеновича Кобринскаго, выданная имъ женѣ своей княгинѣ Ѳедкѣ, дочери Ивана Рогатинскаго, на сумму 2000 золотыхъ угорскихъ, съ обезпеченіемъ этой суммы на двухъ частяхъ его отчины. 1487 года, января 25, индиктъ 5.

Во имя святыя Троица станься.

Се я князь Иванъ Семенович Кобрынский, будучи у полном своемь розумѣ, безь кождого припужѣнья, чиню знакомито симь моимь листом кождому доброму, нинѣшним и потом будучим, кому будет потрѣбь того видѣти алибо чтучи слышати: записую и вѣную женѣ моеи княгинѣ Ѳедцѣ, дочьцѣ пана Ивана Рогатинского а князя Андрѣя Володимировича внуцѣ, на тых двух дѣлницах отчизны моеѣ, которых же есми еи не записал, двѣ тисячи золотых угорскихь; а она имаеть держати тыѣ двѣ дѣлници отчизны моеѣ и поживати со всѣми доходы и приходы, как я сам имѣлъ, до тых мѣстъ, доколь еи отложит двѣ тисячи золотых, кто будет ближшіи к тым двѣма дѣлницам отчизны моеѣ; а коли ближниѣ мои отложат тыѣ двѣ тисячи золотых, и она имаеть тых двух дѣлниць отчизны моеѣ поступити имь. А жона моя княгини Ѳедка, взявши тых двѣ тисячи золотых, волна даровати и отдати, и на церковь дати, и куды хотя обернути кь своеи воли. А при том моемь записном листу был отець нашь Даміанъ, владыка Володимирскій, а князь Михаило Сенгушковичь, а ловчіи королевь пан Янъ Мишкович, а дворянинь королевь панъ Юрьии Кондратович, а дворянинь королевь пан Богушь Боговитинович, а пан Завиша Романович, а пан Млѣчко Сачкович, а писарь королевь, ключникь Берестіискіи, пан Левъ Боговитинович, а бояре наши: Сугакь Бѣликович, Сенко Проступчичь, Пронко а Мрочко. А про утвержѣнье сего моего листа и печат есми свою приложил кь сему моему листу и тых добрых людии есми просил, штобы и свои печати приложили кь сему моему листу; и ихь милость приложили: отца владыки Володимирского Даміанова печат, князя Михаилова печат,

пана Янова печат, пана Юрьева печат, пана Богушова печат, пана Завишина печат, пана Млѣчкова печат, пана Львова печать. Писана у Добучинах, в лѣтѣ 6995, мѣсяца генваря 25, индикта 5.

На оборотѣ надпись: Inscriptio in duabus partibus Kobrin et Dubuczin, seu totius patrimonii sui 2000 aureos per Iwan Kobrinski uxori Theodora $\frac{6995}{1487}$ 25 Januarii, w Dobuczynach.

Подлинникъ на пергаментѣ, съ привѣшенными печатями, хранится въ Архивѣ Литовской Метрики, отд. X, № 54.

IV.

Грамота Сигизмунда I о подтвержденіи пану Мартину Хребтовичу права опеки надъ дочерью и имѣніями умершаго намѣстника Брестскаго Сенка Олизаровича съ устраненіемъ вдовы послѣдняго отъ распоряженія этими имѣніями. Основаніемъ такому праву служило то обстоятельство, что сынъ Хребтовича Богданъ, не достигшій совершеннолѣтія, былъ сосватанъ съ означенной дочерью Сенковича. 1507 года, декабря 28, индиктъ 10.

Листъ, данный наместнику Жолудскому пану Мартину Хребтовичу на опеканье се всими именями пани Сенковое Олизаровича до того часу, покул сын его Богдан, который змовил за себе дочку у пани Сенковое, летъ доростет.

„Жикгимонт Божю милостю великий князь. Билъ намъ чоломъ ловчий и конюшый нашъ дворный, наместник Жолудский, пан Мартин Хребтович и поведил перед нами: што ж дей сынъ его Богданъ заручилъ дочку у пани Сенковое Олизаровича, которую жъ маеть и поняти за себе, а братъ дей нашъ Александръ, корол и великий князь, убачивши тое, што ж иному никому не прийдеть

имени пани Сенковое Олизаровича опекати ся, толко пану Мартину, и полетил дей вси именя ее у моц и в опеку ему и отъ кривдъ их велел боронити, а паней Сенковой в тые именя вжо не казал его милость вступати ся для того, абы их не пустошила, а велелъ его милость пану Мартину ж обрати ей который двор на мешкане. И на то листъ брата нашого, короля его милости, перед нами вказывал, и просил нас, абыхмо дали ему нашъ листъ по тому ж. Ино мы, выслухавши того листа брата нашого короля его милости на то, дали ему сей нашъ листъ, иж маеть он вси именя панее Сенковое Олизаровича у своей моцы мети и ими опекатися и от кривдъ их боронити, и тую дочку ее панее Сенковое, которую сынъ его пойметь, маетъ в себе заховати до тых часовъ, поки сынъ его Богданъ летъ своихъ доростетъ, а пани Сенковая маетъ ув одномъ дворе мешкати, который ей пан Мартин обереть, подле листу брата нашого Александра, короля его милости. Писан в Мен...(?), декабря 28 день, индикт 10.

Литовская Метрика, книга Записей 1506—1513 г., № 8/8 листъ 132 на оборотъ.

V.

Королевскій декретъ по дѣлу о приданомъ княжны Ганны Васильевны Полубенской, бывшей въ замужествѣ за княземъ Александромъ Андреевичемъ Сангушковичемъ-Кошырскимъ и потомъ разведенной съ нимъ. 1534 года, марта 12, индиктъ 7.

Жаловал князь Андрей Кошырский зъ сыномъ своим на князя Василя Полубенского о речы, внесенье дочки князя Василевы, што принесла в домъ их, и коли князь Василей взял дочку свою кгвалтомъ, перенемшы на доброволной дорозе, у сына его, в он

час тые вси речы погинули; где ж на он час князь Кошырский жаловал о том господару его милости на князя Полубенского, а затым згоду межы себе вчынили и дали то на розсудокъ прыятелский, с которого ж розсудку князь Коширъский зъ сыномъ своимъ заплатили князю Полубенскому деветь соть копъ и осмъ копъ грошей. То пак дей я некоторые речы с тых принесеных ее речей, за которые есмо князю Василю платил, в тое дочки его, которая за моимъ сыномъ была, познал. И положил перед господаремъ его милостью списокъ дочки его, яко ся она ку онымъ речамъ прызнала. Его милость велел тот список чести; в томъ списку выписуеть, иж она, тые речы побравшы, внесла в дом отъца своего, а отецъ дей мой и матка тому не были сведоми. Князь Василей на то поведил: „вже дей мне о томъ с тобою было право перед полюбовными судьями и во всемъ есмо с тобою конецъ приняли и речей твоих никоторых в себе не маю, а ни есми тому зведомъ“. Господаръ его милость рачыл на то казати вырокъ вчинити: кгды князь Кошырский на князя Полубенского жаловал и списокъ дочки его положыл, в томъ списку оная дочка князя Полубенского вызнаваеть, иж оные речы забрала, а отецъ и матка ее о томъ не ведаютъ,—его милость господаръ князя Василья Полубенского найдуеть в томъ правого, а князь Кошырский тых речей на немъ не дойскался, нижли усхочеть ли князь Кошырский з дочкою князя Полубенского, которая за сыномъ его была, говорити, тогды можетъ с нею о томъ мовити.

Литовская Метрика, книга Судныхъ Дѣлъ 1533—1540 г., № 8/26, листъ 120.

VI.

„Судовый листъ" кіевскаго митрополита Макарія по дѣлу объ отказѣ земянки Юражиной выдать въ замужество за князя Богдана Пузыну дочь свою Өедю, раньше уже „змовленную" и „зарученную" съ нимъ. 1536 года, генваря 11.

То естъ листъ судовый митрополита Макарія, который князь Богдан Пузына передъ королемъ его милостью покладал, в справе его с пани Михайловою Юражиною о дочку ее, за него змовенную в малженство.

„Милостію Божьею и пречистое его Матери мы Макарей, архіепископъ митрополит киевский и галицкий и всея Руси, смотрели есмо того дела. Стояли передъ нами очевисто в нашомъ духовномъ праве: жаловалъ намъ дворянин господаръский князь Богданъ Тимофеевичь Пузына на земянку господаръскую пани Михайловую Юражиную о том, што ж дей она такъ три года змовила и заручила за него дочку свою старшую панну Өедю и записалася дей з нимъ записомъ своимъ под зарукою господарскою и на сторону другою: еслибы она дочки своее за него дати або дочка ее за него пойти не хотела, тая сторона повинна была платити заруку две тисячи копъ грошей. Якъ же он ее в томъ позвы нашими позывал, абы она ку праву стала и дочку свою поставила, и пани Михайловая сама стала, а дочки своее не поставила, поведаючи в тот обычай, иж тая дочька ее не въ ее моцы есть, але в Богдана Юраги. Где ж Юрага, стоячи тут же очевисто, жедал насъ о то, абыхмо ему дозволили с княземъ Пузыною от нее реч мовити; где ж мы ему того допустили. Какъ же тот сам Богдан, передъ нами стоячи, то знал: „ачъ колвекъ дей пани Михайловая к тому ся знаетъ, иж за тебе оную дочку свою змовила и заручила и записомъ своимъ под зарукою ся описала,

нижли тая панна не в пани Михайловое в опецѣ, але в мене". И князь Богдан вказывал перед нами листы господарскии и пановъ радъ и тое панее запис, в которых листех от господаря короля и от пановъ рад и водле запису ее князь Богданъ ее зъ детьми и з ымени у своей опеце маеть. Гдежъ Богданъ Юрага восполок с пани Михайловою просили насъ, абыхмо имъ дали другий рокъ земъский под страченемъ права. И мы на жеданье ей то вчинили, зложили есмо им рок за чотыри недели по Крещени Господни на завтре, под страченемъ права, на который жо рокъ мел пан Богданъ самъ стати и пани Михайловую и тую панну поставити; а которая бъ сторона з них на тот рок не стала, тая была повинна платити господарю королю его милости и стороне тую ж заруку, водле запису того, две тисячи копъ грошей, и вину нашу духовную, на што ж с обу сторон зволили. И кгды оный рокъ пришол, князь Богданъ Пузына передъ нами на тот рокъ сталъ, а пан Богданъ Юрага, якъ ся подвезал на оный рокъ передъ нами, и пани Михайловая, и тое панны поставити не хотели, и сами не стали. И мы, помысливши зъ нашыми духовными, кдыж на тот рокъ пан Богданъ Юрага, якъ ся подвезалъ, и с панею и з оною панною не стали, князя Богдана в томъ есмо нашли правого, и во всемъ есмо его при листех господаръских и пановъ радъ и запису ее зоставили, и тую заруку тисячу копъ грошей князю Богдану всказали есмо на пану Богдану Юразе и на пани Михайловой Юражиной, дядиной его, Марине Өедоровне. А што ся дотычеть оное панны, которую был князь Богданъ Пузына в пани Михайловое змовил и заручилъ, ино мы его от тое панны вызволяемъ и благословляемъ его малженку поняти где ся ему придасть. А при том были: князь Өедор Василевич Соломирицкий, а войский и подстаростий Слонимский Гринько Михайлович, а пан Борыс Өедорович Колонтай, мостовничий господаръский, а Мартин Михайлович, дворянин господаръский, Мудрейко. И на то есмо князю Богдану Пузыне дали сей нашъ лист судовый з нашою печатью. Писанъ у Слониме, под леты Божего нароженья

1536, мѣсяца генвара 11 ден, инъдикта 9.—Волею Божьею архиепискуп митрополит Киевъский и Галицъкий и всея Руси".

Литовская Метрика, книга Записей 1536—1537 г., № 21/23, листъ 201 на оборотѣ.

Примѣч. Изъ той же Литовской Метрики мы узнаемъ, что бракъ князя Богдана Пузыны съ Федею Юражиною впослѣдствіи состоялся. Adam Boniecki, Poczet Rodów, стран. 267.

VII.

Запись князя Солтана Михайловича Сокольскаго, выданная имъ женѣ своей Оленѣ Коптевнѣ въ дополненіе къ первоначальному вѣновному ея листу, съ обозначеніемъ тѣхъ имѣній, какія должны перейти ей въ вѣно въ случаѣ ея вдовства. 1538 г., августа 16.

Я Солтан Михайлович Соколский вызнаваю то сим моим листом, кому будеть потреба того ведати, албо чтучи его слышати, нинешним и напотом будучим: иж што есми жоне моей княгини Олене Копътевне записал вено на всих именьях моихъ, на третей части, шесть сотъ копъ грошей подлуг обычаю, на што и лист есми ей дал под печатю людей добрых и своею; ино жона моя Олена просила мене черезъ братью свою, видечы, же дети нашы тогды еще лет не мають, а я есми чоловекомъ хорым, жебы по животе моем от диверей своих, а от братьи моее, и от сынов наших, коли доростут, даст ли Богъ, летъ своих, клопоту якого не мела, абых еи на которых именьях моих отделеных зоставилъ подлугъ листу моего, которого есми еи далъ. А такъ я на прозбу ее а приятелей моихъ вделал, а сам есми то обачилъ, же то реч прыстойная, абы жона моя от братьи моее и от дитей моих, коли, дасть Богъ, лет доростуть, клопоту не мела, выделяю и записую

и на том листе моем ознаймую: маеть жона моя, скоро по животе моем, в той же суме пенезей, што в листе первом, ей от мене даном, описано, в шестисот копах грошей личбы литовскоей и ведлугъ его ся справуючи, якъ на третей части седить в тыхъ именьях моих, то есть напервей, на Сѣтовичахъ и на частех всих в Копылех, в Суску, в Корсыню, в Подлесех, выймуючи то за третюю часть зо всих имений моих; маеть жона моя Олена тые именья мои, скоро по животе моем, к рукам своим взяти и ихъ держати зо всими платы и доходы и роботами, так яко я сам тепер держу, а братья моя и дети, сыны и дочки, и нихто з близких моих не мають ся уступовати в тые именя вышей описаные, одно их маеть жона моя Олена держати подлугъ опису моего, што есми первей ей дал. А при томъ были и того добре сведоми братья моя: князь Василий а князь Анъдрей Федоровичи Четвертенские, а пан Тихно Кисиль Дорогиницъкий, а дворенинъ господарский пан Андрей Коровай; и я их милости просилъ о приложенье печатей, и их милости на прозбу мою то вчинили и печати свои приложили, и для лепшого сведомя и твердости и я Солтан печать свою приложил къ сему моему листу. Писанъ в Соколи, под леты Божого нароженья тисеча пятьсот трыдцать осмого, месеца августа шостогонадцать, индикта одиннадъцатого.

Книга земская Луцкая 1570—1575 г., № 2094, л. 48 об.; а также книга гродская Луцк. 1570 г., № 2044, л. 95.

VIII.

Запись волынскаго земянина Боговитина Петровича Шумбарскаго и его жены, выданная ихъ зятю Яну Богдановичу Загоровскому на право владѣнія имѣніями Кокоревымъ и Динятиномъ впредь до уплаты ему трехсотъ копъ грошей, обѣщанныхъ ими въ приданое за своею дочерью. 1538 года, ноября 6.

Я Боговитинъ Петровичъ Шумбарский и з жоною своею Зофѣею Андреевною вызнаваемъ симъ нашимъ листомъ, кому будет потреб того вѣдати: што есмо з ласки милого Бога зволили и дали дочку нашу панну Өедору за пана Яна Богдановича Загоровского, а так который посагъ—готовых пѣнязей триста копъ грошей—мѣло пану Яну, зятю нашому, за дочкою нашою прити водле обецаня нашого, мы, на тот час готовых пѣнязей не маючи, поступили есмо ему именья нашого Кокорева и Динятина, которое имене маемъ мы в пѣнязех в пяти сот копах грошей литовское монеты и полосмадесят золотых черленых от небожчика князя Яна, бискупа Познанского. Мает пан Ян Загоровский, зят нашъ, тое имене в той суме у трех сот копах грошей держати и вживати со всими ставы и пожитки и доходы, которыи с того именя идут, и спусты ставов, которыи мают на первый час прийти; а мы не маемъ до першого испусту ставовъ тыхъ пѣнязей пану Яну отдавати и того именя в него окупати и з рук его выймовати, поки онъ первый испустъ з ставов того именя возмет; а как онъ первый спустъ с тых дву ставов к пожитку своему приведет, тогды мы маемъ тыи пѣнязи триста копъ грошей зятю нашому отложити, а онъ мает того именя намъ зася со всимъ поступити. Нижли естли бы мѣла волю королевая ее милость за тое имене тыи пѣнязи пят сот копъ грошей и полосмадесят золотых черленых намъ отложити, мы напротивку того стояти не можемъ, и коли колвек ее милости господарини нашое на то воля будет пѣнязи намъ отдати, мы маемъ тыи пѣнязи к руком своимъ взяти и пану Яну триста копъ грошей маемъ дати; а он, хотя бы дождалъ, або не дождал

спусту с тых ставовъ, тогды предся мает пѣнязи свои триста копъ грошей приняти, а того именя королевой еи милости поступити. А того Боже вховай, естли бы над зятем нашимъ паномъ Яномъ або дочкою нашою, жоною его, Божя воля стала, смерть зашла, детей не мевши, а мы быхмо того именя в него не окупили, тогды въ той суме у трех сот копах грошей маемъ с паномъ Яномъ або братею его заховатися водле статуту прав земскихъ и подлугъ листу его веновного, который он жоне своей, дочце нашой, дал; а в остатку сумы пѣнязей, то есть у дву сот копахъ грошей и в полосмадесят золотых черленых, которыи мы на томъ имени маемъ, мает намъ пан Ян Загоровский того именя поступити без кождого гамованя. И того теж Боже милый рач вховати, естли бы на нас обеюх смерть пришла, а тое бы имене в пана Яна, зятя нашого, предся в той суме было, тогды сынове и дочки або зяти наши мают ся в томъ с ним справовати водлугъ того листу и теперешнее вмовы нашое. И на то есмо пану Яну Загоровскому, зятю нашому, дали сей наш листъ з нашою печатю. А при томъ были и тому добре сведоми и печати свои на нашу прозбу к сему нашому листу приложили: князь Василей Ѳедорович Четвертенский, пан Станислав Ѳалчовскій, староста Кремянецкий, пан Лев Патеевич Тишкевича, пан Семен Цата. Писанъ в Шумбаре, под лет Бож. нарож. 1538, мѣсяца ноября 6 ден, индикт 12.

Подлинникъ на бумагѣ, съ пятью притиснутыми печатями, хранится въ Архивѣ Литовской Метрики, отдѣлъ X, № 211.

IX.

Дарственная запись, выданная п. Миколаемъ Юрьевичемъ Остиковичемъ женѣ своей, княжнѣ Ганнѣ Романовнѣ Любецкой, на имѣніе с. Свержно, въ благодарность за супружескую любовь ея, а равно и за то, что она, не будучи еще женой Остиковича, ссужала его деньгами и дѣлала ему разнаго рода цѣнные подарки. 1546 г. октября 10.

Я Миколай Юревич Остикович явно чиню и вызнаваю сим моимъ листом нинешънмм и напотом будучимъ, кому будеть потреба того ведати, албо чтучи его слышати, што ж есми никим не намовеный а ни примушоный, одно сам по своей доброй воли и с порадою приятелей моих, а бачечи цнотливое захованье и поволность к собе малжонки моее Ганны Романовны княжны Любецкое, а звлаща маючи на бачности, иж она, ач колвекъ еще не будучи мне малжонкою, многими речми в потребах моих спомагала и даровывала, так шатами, як кони, сребром, и теж позычала мне готовыми грошми чотыриста копъ грошей монеты и личбы литовское по десети пенезей у грошъ, а к тому позычила ми сто золотых черленых угорских добреважных и ланцух золотый важностю сто золотых черленых, а серебра десеть гривен с позлотою, а перстени золотых чотыри с каменьем коштовным, важностю семдесят копъ грошей и шест золотых портукгалских, в кождом по десети золотых чирвоных, яко ж на вси тые вышей писаные речи лист мой писаня власное руки моее и на тую суму пенезей под печатю моею и инших людей добрых, веры годныхъ, печатьми се то в себе маеть; подъле которого листу моего на тое даного и в совитость был есми ей впал для того, иж-ем был на рок и день положоный оной сумы пенезей и тых всих речей, вышей писаных, ей не отдал; где ж она за прозбою моею оную совитость мне отпустила и во ймене мое Свержно подле запису моего не увязовалася, а повторе позычила мне триста копъ грошей личбы литовское, и двадцать гривенъ серебра, и полтораста золотых

черъленых угорских, и перстень золотый важностю осмъ золотыхъ черъленых, а шубу окъсамиту чорного, кунами подшиту, с тканицами золотыми и с кнафлями сребрными позлотистыми, шацунком пятдесят копъ грошей литовских; якож и на тую триста коп грошей и на вси тые речи другий лист мой писаня власное руки моее под печатъю моею в себе маеть. Гдеж я, Миколай, тую вышей описаную суму пенезей и тые вси речи, на оныхъ листех моих вызнаныхъ описаные, к рукам своим взялъ и на свой пожиток обернул и власные долги мои тыми пенезями платил, а потом з дару Духа Светого кгды она зостала власною малжонкою моею, даровала мя тым листом, который есми повторе на себе далъ, иж мелъ есми ей платити триста копъ грошей, и двадцать гривен сребра, и перстен золотый, и полтораста золотых черленых, и шубу оксамитную, кунами подшитую. Где ж я, вбачивши таковые ее ку мне любости и цнотливое захованье малжонства, иж она немало речей для мене, малжонка своего, чинила и ведле первого листу моего совитость ми отпустила, хотечи ей, яко малжонце своей, любост малжонскую оказати и отдаровати..., дарую и вечно тым моим листом записую ей самой и потомкомъ ее именье мое Свержно, всю часть мою, которая ся мне в делу остала по матце моей небожчицы панее Ганне Литаворовне, в той суме пенезей ее власных и во всих тых вышей писаныхъ речах, на листе моемъ описаных; маеть малжонка моя Анна, княжна Любецкая, тое именье мое Свержно держати и вживати на вечные часы и от даты того моего листу тую часть мою именя Свержна в руки и в моцъ ей подаю, то есть часть мою в замку, будованьи и в дворцох, с пашнями дворными, с челедью неволною, з бояры, з слугами путными, з людми тяглыми и огородними, з мещаны, з ставы, з млыны, з озеры, з реками, з лесы, з гаи и земли пустовскими, звериными и пташими ловы, бобровыми гоны, з данми грошовыми, медовыми и куничными, со всим тым, яко ся тое имене мое само в собе маеть, ничого на себе и на близких моих не оставуючи, а ни выймуючы. Волна вжо будеть малжонка моя Анъна тую всю

часть мою именья Свержна отдати, продати, променити и ку своему налепъшому пожитку обернути; а я сам и ближнии мои не мають ся ничим в тое именье мое Свержно во всю часть мою уступовати. А при том были велможные панове а рада его кролевское милости: бискупъ жомоитский князь Венцлавъ, а маршалокъ земский великого князства Литовского, пан Миколай Миколаевич Радивил, и воевода киевский князь Фредрых Пронский, а маршалокъ дворный, подскарбий земский, староста Слонимский и Мстибоговский пан Иванъ Горностай; которые ж панове их милости за прозбою моею печати свои приложили къ сему моему листу. А на твердость того моего листу я Миколай Остикович свою печать есми приложил къ сему моему листу и с подписю руки моее малжонце моей Ганне тот мой лист есми дал.

Писан у Вилни, лета Божого нароженя тисеча пятсотъ сорокъ шестого, месеца октебра десятого дня, индикта четвертого.

Книга земская Луцкая 1570—1575 г., № 2094, л. 18.

X.

Дарственная запись п. Яна Якубовича Монтовта-Коблинскаго въ пользу малолѣтней дочери своей Ганны на имѣнія с. Млыновъ съ приселками, выданная въ видѣ удовлетворенія отчасти за дурное обращеніе его съ женою, а главнымъ образомъ за нарушеніе имъ предбрачнаго условія, по которому означенная дочь должна была быть окрещенной въ вѣру матери, т. е. въ православіе; объясненіе п. Монтовта относительно побужденій, въ силу которыхъ онъ рѣшился окрестить дочь по католическому обряду. 1547 г., августа 22.

Лѣта Божого нароженя 1570, месяца сентебра 6 дня, у вовторокъ.

Передо мною Иваномъ Хребтовичомъ Богуринскимъ, подстаростимъ Луцким, постановившися обличне в замку его королевское

милости Луцком, пан Янъ его милость Якубович Монтолътъ Коблинский оповедал и доброволне до книгъ кгродских тыми словы созналъ: иж дей якожъ я вжо от часу немалого з доброе воли своее а умиловавши дочку свою властную, теперешнюю панюю Казимеровую Ледъницкую, панюю Ганну, которую я сплодилъ з небожъчицею малжонкою своею а маткою ее панею Оленою Мацкевичовною, далъ и даровалъ есми еи именя мои отчизные, тутъ в повете Луцкомъ лежачие: двор Млыновъ и з некоторыми селми, то естъ: село Млыновъ, Озлиевъ, Пекаловъ, Беневщизну и половицу села Аршичина, в которые жъ то помененые именъя и увезане я самъ доброволне вжо отъ немалого часу поступилъ, зоставивши собе одно тое, иж с тых именей вышей помененыхъ я, поки, даст Богъ, буду надолжей на том свете жив, не маю быти рушонъ; яко жъ я на то далъ и листъ дочце моей милой панеи Ганне Казимеровои Лядницкой и на тутошнемъ уряде Луцкомъ то есми созналъ, около чого тамъ есть досыть широко доложоно. Который выписъ сознаня моего ижъ былъ в захованю у тещи моее и у небожчика пана Василя Мацкевича з инъшими листы записными на вено и на выправу небожъчицы першое жоны моее а матки панее Ледницкое, а иж ся тот выписъ достал до рукъ вжо еи самои, просила мене дочка моя, абым я тое вызнанъе свое тепер знову поновилъ и то на вряде кгродскомъ Луцком вызнал. А такъ я, перестерегаючи того, абы около именей моихъ якие зайштъя и посварки по смерти моей не были, кгды ж болшей потомства не маю, одно тую одну дочку свою милую панюю Ганну, теперешнюю Ледницкую, хотячи тую милость противку еи показати, которуюмъ мелъ ку еи з молодости летъ ее, и не откладаючи в томъ прозбы ее, такъ и мужа ее а зятя своего пана Казимера Ледницкого, который тежъ противко мене, тестеви своемъ, досыть значне з немалымъ коштомъ и накладомъ своимъ послуги чинит,—тот выпис знову тепер, будучи здоровымъ на тѣле и на умыслу своемъ, не примушоный, але доброволне до вѣдомости твоеи, пане подстаростий, яко до вряду кгродского, принесл есми и оповедам и прошу,

абы тот выпис, в которомъ есть и листъ мой властный, вжо давно тои дочце моеи даный, был вычитанъ и до книгъ кгродских Луцкихъ вписанъ, а тотъ выписъ с теперешнихъ книгъ кгродских Луцкихъ жона его, а дочка моя пани Ганна взявши, коли похочетъ, до книг земских Луцкихъ мает перенести и дати въписати, которое вписанъе, за показанемъ от нихъ до книг земских Луцких, мает то так моцно быти, яко бых я самъ очевисто перед судом зуполнымъ земским Луцкимъ вызналъ.—А такъ я Иванъ Богуринский, подстаростий луцкий, взявши з рукъ пана Монтолтовыхъ вы(пис) с книг замку господарского Луцкого, под датою року тисеча пят сот чотырдесятъ семого, месеца декабра десятого дня, индикта пятого, почавши с початку ажъ до конца вычиталъ и до книг кгродскихъ Луцкихъ вписати росказалъ, который слово от слова такъ ся в собе мает: Выпис с книгъ замку господарского Луцкого, лета Божого нароженя тисяча пятъ сотъ чотырдесят семого, месеца декабра десятого дня, индикта пятого. Пришодчы и постановившеся обличне в замку господарскомъ Луцкомъ, передо мною Михаиломъ Ощовским Ивановичемъ, подстаростим Луцкимъ, дворенин господарский пан Янъ Якубовичъ Монтолт оповедалъ и доброволне передо мною до книг замковых Луцких тыми словы созналъ: Ижъ што з воли Божое и за радою и намовою ее милости пани матки своее и их милости пановъ приятелей и кревныхъ своихъ понялъ и взялъ некоторого часу в стан малъжонский дочку небожчика Андрея Мацковича панну Олену у еи милости панее Богданы Юревны, с которою то дочкою ихъ милости а малжонкою моею панею Оленою мешкаючи з нею в стане малженскомъ, познал есми по ее милости досыт учтивое а цнотливое малъжонство, и хотячи ее ку собе тымъ хутлившую въ милости, в той жо вѣрной милости малжонской учинити, бо ся она такъ цнотливе заховала противко мнѣ, яко на поцтивую з народу зацного приналежит, которая тежъ досыт и безвинъне битья от мене терпила, што она мне, яко цнотливая малжонка, приймуючи то на собе, вдячне отпустила; ку тому тежъ, цнотливе а верне со мною

мешкаючи, сплодила и на светъ уродила мнѣ детя милое, девку панъну Ганъну, тымъ именемъ охрищеную подлугъ обычаю римъского, а такъ тая дѣвка моя, подлугъ опису моего, который я учинилъ при змовинах с панею тещею своею, мела была быти охрищона по вѣри матки своее и по обычаю греческого закону, за што я попал въ заруки жоне моей и панеи тещи, а иж тая девка моя охрищена ку воли моеи, а што наболшая, иж ся уродила во всихъ подобенствахъ, яко в лице мое, такъ и знаками, которые тежъ на теле моемъ на мнѣ есть, и у нее ся притрахвили; а я то жонѣ своей обецовал, ижъ естлибы ку подобенстъву моему детя мнѣ уродила, ижъ тое детя мело быть обдаровано от мене надъ иншие дети. А такъ я тые вси речы вышей менованые уваживши у себе и розмыслившися на то, даю, дарую зовсимъ тои дочце моей милои, недавных часовъ нарожонои, панне Ганне имѣнъя мои отчизные, Млыновъ з дворцемъ Млыновскимъ и з Озлиевомъ, Пекаловомъ, Беневщизною и половицу Аршичина непорушне, якожъ есми по которыхъ . . . . тые именя от иншихъ именей моихъ дѣвка моя . . . . (*истлѣвшія мѣста въ подлинникѣ*) въ листе своемъ того меновите . . . . поступил, выкладаючи то в листе своемъ, ижъ я с тых именей вышей помененыхъ до живота своего, поки ми Богъ судить на томъ свѣте надолжъшей живому быти, не маю с того быти порушонъ, што ширей а достаточней тот мой лист, который я, справивши и написавши на тые именя дочце моей милой, даломъ его до схованя панеи тещи моеи а бабце ее; который жо то листъ яко при моем животе, так и по моем животе маетъ быти захован во всем в моцы ани в чомъ непорушне вѣчными часы тепер и напотомъ вѣку будучихъ.—И просилъ пан Монтолтъ, абых я тот листъ, который онъ, отъ пана Василя Мацкевича з рукъ взявши, до рукъ моих далъ, передъ собою вычитати казалъ, и до ведомости врядовое припустивши, въ книги замковые записати казалъ. А такъ я, Михайло Ощовский, на прозбу пана Монтолтову то вчинилъ и тот листъ вычитати казалъ и до книгъ замковыхъ вписати велелъ; который листъ слово в слово такъ ся

в собѣ маетъ: „Я Янъ Якубовичъ Монтолтъ вызнаваю самъ на себе тымъ моимъ листомъ, кому будетъ потреба того ведати, алъбо чтучи его слышати, сесь вѣкъ и напотомъ будучий, ижъ што из справы Божеи а съ презреня Духа светого, такъ с порады и дозволеня ее милости панеи матки моее и иныхъ кревныхъ а повиноватыхъ своихъ, понял и взялъ есми за себе у станъ малжонский дочку небожчика Андрея Мацкевича панъну Олену у ее милости панеи Богданы Юревны, тещи своее, с которою малъжонкою моею панею Оленою отдавшися мнѣ и мешкавши с нею час немалый, а хотячи ее ку собе тымъ хутливщую в милости малжонскои учинити, гдежъ она ку мнѣ такъ ся заховала, яко на поцтивую панюю з народу зацного пристоить, не беручи того перед себе, ижемъ я противко неи такъ се не заховалъ, яко на станъ ее пристоит, алемъ еи колъко разовъ безвинне, с пъянства своего о горло мало не приправилъ, што она, такъ и всѣ безвинные битья, мнѣ, яко цнотливая, верная а поволная малжонка, отпустила; а иж цнотливе со мною мешкаючи, сплодила и на съветъ со мною уродила мнѣ девку панну Ганъну, тымъ именемъ охрищеную водлугъ обычаю римского, которая подлугъ опису и постановеня моего, которое я учинил изъ ее милостю пани тещою своею, мила быти охрищона у веру греческую, тогды и в том я выступил яко противку приятелъ малжонки моее, такъ и противъ ее милости пани тещи своеи и сыномъ их милости, по которых я великое запоможене и помоч у правахъ, которые есми мелъ, узнал, гдем я малжонце своеи верне милой за тое, иж есми похрыстилъ в закон римский дочку нашу, першую в народе моемъ, в заруку (попалъ), розумеючи, иж есми виненъ мелъ зостати, бо мене о тую заруку позвати мѣлъ шурин мой пан Василей Мацковичъ позвы господаръскими. А такъ я, уваживаючи у себе тые вси помененые речи, а наболшей, иж малжонка моя верне милая уродила мнѣ зо мною спложеную дочку панну Ганну, которая ся во всемъ тели своемъ, такъ в лицу, яко и в знаках, которые у мене естъ, притрахвила и уродила,—тогды маючи я на то добрую паметь, а хо-

тячи тежъ малжонку свою милую, такъ и приятелей ее, утешити, приставуючи теж до обычаев зацных пановъ, такъ паметаючи на то, иж есми цнотливым своимъ словомъ малжонце моей милой обѣцывалъ, ижъ естлибы ку подобенству моему дѣтя мнѣ, такъ сына, або дѣвку, уродила, тогды тое дѣтя мело быти от мене добре обрадовано, ниж иншие дѣти; а так я, полнечи обецность свою и паметаючи на вси тые речи вышей в томъ листе моемъ помененые, даю, дарую тую намелованую дочку мою панну Ганъну, ново мне нарожоную, именъе мое Млыновское з дворцемъ, який есть тепер, такъ и с приселками моими: Озлиевомъ, Пекаловомъ, Беневщизною и половицу Аршичина, которымъ именямъ тые границы такъ тымъ моим листомъ описую: напервей, почавши от реки Иквы, под самую греблю Аршичицкую, зоставуючи поправе греблю ку Коблину, у верхъ ставу, аж до узножи того ставу Коблинского взгору, а черезъ тую узножь переехавши до дороги, которая идетъ надъ узножъю до Погорелецъ, зоставуючи поливе узнож зо всими кгрунты у сторону Млыновскую, а поправе за дорогою ку кгрунту Коблинскому, аж до границы сел Дубенскихъ, а от того мѣстца, где тая дорога увошла у кгрунты Дубенскии, села Иваня грани ажъ до граней князя Головниных села Кошарева, а от пяты остатнее села Кошарева аж до граней Дорогостайскихъ, а гранми Дорогостайскими ажъ до граней Муравицкихъ и в долину, а потомъ в болото Ужинецъ названое, а Ужинцемъ ажъ до реки опять Иквы, грани Муравицкое, и через реку, а на другую сторону реки Иквы на дол рекою Иквою половицою аж опять до граней Смордовскихъ, а граню Смордовскою аж до гостинца, который идет изъ Смордвы до Аршичина, через гостинецъ Дубенский великий на греблю Аршичинскую, а тамъ опять под греблю аж до реки Иквы, зоставуючи греблю зовсимъ поправи за тымъ гостинцомъ, и гай и поля ку половици Аршичина и къ Коблину; гдежъ по тымъ местцамъ и врочищамъ, такъ село Млыновъ и Озлиевъ, Пекаловъ, Беневщизну и пол-Аршичина, тот увес кгрунт, который одно есть межи тыми границами описаный, тот я даю, дарую тои

дочци моей милой панъне Ганъне, якож я маю и повиненъ буду передъ вижемъ луцкимъ тых именей вышей помененыхъ поступити и в держанъе доброволное дати тои дочце моей милои; а коли я увезане поступлю, маетъ мнѣ ее милость пани теща моя через сына своего пана Василя опят всих тыхъ именей дочки моеи поступити и въ держане подати, а я, взявши тое опят в держане свое, маю то держати толко до живота своего; одно ж, естлибы она с того свѣта первей мене зошла а то бы кому листомъ своим записала, не маю я быти рушонъ с тыхъ именей аж до живота своего, так теж поки она жива не маетъ того з рукъ моихъ выймовати аж до живота моего; а естли тежъ я первей с того свѣта зыйду, а она жива по животи моемъ зостанет, не мает ся увязывати в тые именя вышей помененые, поки тѣла моего грѣшного не погребут, але тогож часу, по погребе, взявши вижа з уряду замку Луцкого, або отъ маршалъка земли Волынское, моцъна будет уехати у дворецъ и в села вышей помененые, яко у свое властное, от мене ей дарованое, и того уживати и на себе держати вѣчными часы и ими шафовати водле воли и вподобаня своего маеть, кгдыж я то не обчому, але дитяти своему, которое есми умиловалъ, дарую и вечне тымъ моимъ листомъ записую; але предся выправа с четвертое части межи иншими дѣтми моими, естли ихъ ми Бог дасть, мает быти дана албо именъемъ, албо грошми, якъ она похочетъ. И уже от того часу я самъ того именъя вышей помененого в тых границахъ описаных не могу ани маю моцы заставляти и записывати, и хотябы якие листы от мене кому жъ колвекъ даные показалися, так вперед того, яко и посли даты того листу моего, тогды таковые листы, яко перед господаромъ королемъ его милостю, так и перед паны воеводами Троцкими, перед которыми Волынская ся земля судитъ, и ни у якогожъ колвекъ права моцы не будутъ и не маютъ мѣти; где мнѣ уже самому тых именей неволно никому записывати, ани до рукъ кому иншому пущати. А естлибы тежъ дѣвка моя панна Ганъна, не дождавши смерти моее, с того света зошла, тогды,

естлибы того не записала, тое имене Млыновъ и с приселками ни на кого иншого, одно на дом мой прийти мает; а если бы давность земъская водлугъ статуту тому листу зашла, то есть, естлибы тыи именя, которыи з доброи воли мнѣ до живота моего даны, а я бых тые именя летъ болшей десяти, албо поки Богъ мнѣ надалей продолжитъ здоровъя и живота моего держалъ, тогды тая давность хотя бы наболшими леты, бы была и колъкодесятъ лѣтъ, тому запису моему шкодити не маетъ, бо уже мнѣ одно доживоте за ласкою ее милости панее тещи моее, такъ и малжонки моей милой и пана Василя, брата еи, дано, што я от их милости вдячне принемши, дяковалъ. И волна будетъ дочка моя тых именей вышей помененыхъ уживати, яко своихъ властныхъ, а их кому хотя, такъ при животи, яко и по животи моем записати, отдати, даровати и на церковъ записати зо всими землями, пашными, дворными и сеножатми, такъ з людми и их роботами, чиншами, подачками и зо всими их повинностями, ставы, ставищами и зъ их уловами, з млыны и з млынищами и их вымелками, з реками и з речками и з бобровыми гоны, з гайми, з дубровами, з лесы и з хворощами, такъ из людми и зъ их селищами, которыи бы за держаня моего на тыхъ кгрунтехъ осели, такъ зо всимъ, яко ся тыи именя подлугъ описаня моего в собѣ маютъ и по доброи воли моеи есть означены и объведены, якож я на себе и на иншие дѣти мои, такъ кревные и потомки и щадки мои, ничого не зоставую вѣчными часы. А для твердости того моего листу и печат мою приложилъ есми къ сему моему листу. А при томъ были ихъ милость панове приятели мои, дворане господаръские, панъ Петръ Кирдий Мылский, панъ Иванъ Александровичъ Солтанъ, панъ Андрей Якубовичъ Монтолтъ, а панъ Михайло Тихновичъ Козынский, панъ Марко Жоравницкий, а пан Василей Иванович (Андреевичъ?) Мацкевич, панове за чоломбитьемъ моимъ печати свои приложили к тому моему листу, который я далъ дочце своеи панне Ганне. Писанъ у Коблини, лета Божого нароженя тисеча пятсотъ чотырдесятъ семого, месеца августа двадцат вторый денъ, инъдикта пятого".—А по вы-

читаню и вписаню в книги замковые Луцкие вызнаня и листу его милости пана Монтолътова, и коли я то, яко вряд, до вѣдомости своеи зуполнои принял, просил мене, Михайла Ивановича Оцовского, подстаростего Луцкого, панъ Янъ Монтолтъ и панъ Василей Мацкевича, абых пану Мацкевичу выпис с книгъ под печатю моею дал; а такъ я того доброволного сознаня пана Монтолтова выпис с книг Луцких давши выписати, под печатю своею пану Василю Мацкевичу далъ. Писан в Луцку, року и даты вышей описаного.—А такъ я Иванъ Богуринский, подстаростий Луцкий, тое очевистое оповедане, доброволное сознане пана Яна Якубовича Монтолта Коблинского и выпис с книг замку Луцкого, за прозбою пана Монтолта, слово от слова, с початку ажъ до конца в книги кгродские замку Луцкого записати казалъ.

Книга гродск. Луцкая 1570 г. № 2044, л. 462.

XI.

Вѣновная запись земянина Ѳедора Воютинскаго, выданная имъ новобрачной женѣ своей Оленѣ Промчейковичевой-Деревянецкой въ обезпеченіе приданаго и въ награду за сохраненіе цѣломудрія. 1551 года, мая 12.

Лета Божего нароженя 1570, месяца сентебра пятого дня.

Постановившися очевисто в замку господарскомъ Луцкомъ, передо мною Иваномъ Хребтовичом Богуринскимъ, подстаростимъ Луцким, земенинъ господарьский пан Федор Гаврилович Воютинский оповедал и тыми словы доброволне до книг кгродских сознал: иж што дей за зраженем дару Духа светого понялъ есми дочку в малженъство подле закону нашого греческого в пана Грицька Промчейковича Деревянецкого, панну Олену, за которою

панъною его милость рачилъ мне дати вена: грошей готовых сто копъ грошей монеты и личбы литовское, в шатах и в перлах, в золоте, сребре, в конех и в ыншихъ домовых речах дал мне его милость двесте копъ грошей, то ест всего от его милости мне за дочкою его милости дано триста копъ грошей; то мне все дошло и вже в руках своих тое все и з малжонкою моею панею Оленою маю. Я то бачачи, ижъ так цнотливого выховання паненства своего ко мне малженства своего верност принесла, и тежъ таковыи и дары и посаг знаменитые от пана Грицка, отца нашого, намъ даны есть, з волею пана отца моего пана Гаврила Воютинского даю и записую жоне моей милой панее Олене на имению моемъ отчизном Воютине и на имениях материстых моих у Серхове и в Цевове третюю часть всих тых трех имений моих в суме певнои въ чотырох сот копах грошей монеты и личбы литовское, што ширей а достаточней на листе моемъ вызнаном, малъжонце моеи от мене данóмъ, ест описано и доложоно. И тотъ лист свой пан Федоръ Воютинский передо мною покладалъ, просячи, абы был вычитан и в книги кгродские былъ вписанъ; который лист так ся в собе мает: „Я Федоръ Гаврилович Воютинский вызнаваю симъ моимъ листомъ перед кождым, хто бы хотел ведати або чтучи его слышати, иж за зраженемъ дару Духа святого понял есми дочку в малженство подле закону нашого греческого в пана Грицка Промчейковича Деревяницкого, панну Олену, за которою панною его милость рачилъ мне дати вена: грошей готовых сто копъ грошей монеты и личбы литовское, в шатех, в перлах, в золоте, сребре, въ конехъ и в иншихъ домовыхъ речах далъ мне его милост двесте копъ грошей, то ест всего от его милости мне за дочкою его милости дано три ста копъ грошей; то мене все дошло и вже въ руках своих тое все и з малжонъкою моею панею Оленою маю. Я то бачачи, иж так цнотливого выховання паненства своего ко мне малжонства своего верность принесла, и теж таковый посагъ и дары знаменитые от пана Грицка, пана отца нашого, намъ данъ есть, з волею пана отца моего пана Гаврыла Воютинского даю и записую жоне моеи милои панеи

Олене на имени моемъ отчизном Воютине и на именях моих материстых у Серхове и въ Цевове третюю часть всих тых трех именей моихъ в суме певнои в чотырох сот копах грошей и монеты личбы литовское, и еще еслибы панъ Богъ створителъ нашъ рачилъ нас з моею милою малжонкою панею Оленою Грицковною спомоч где што прислужит, або купить и якимъ колвек обычаем набыти именъя, земли, якогож колвек кгрунту земеного, того всего третюю част моеи милои жоне даю, записую в тои суме вышей мененои чотыри ста копах грошей, отдаляючи всихъ своих близкихъ; и еслибых з милосердя Божого мел потомки з жоною моею, а, чого Боже вховай, часу смерти, а хотели бы потомки наши албо близкие мои што з неласки и трудного жоне моеи вчинити, а с тое третее части всих тых именей моих отчизныхъ и набытых чимъ порушити, тогды мают ажъ чотыриста копъ грошей жонѣ моеи милои Олене отдати, а не отдавши тое сумы, не мают ничим ся в третюю часть всих именей моих отчизныхъ Воютина и материстых Серхова и Цевова, в которых я маю часть окромъ отца моего, и што бы за милосердемъ Божимъ мелъ якимъ колвекъ обычаемъ набыти, къ рукамъ своимъ брати, а ни якими причинами вживать, а ни чимъ ся вступовать не маютъ, ажъ чотыриста копъ грошей отдавши, тожъ до рукъ своихъ тую третюю часть въ моцы своеи, и похотели-лъ бы мои властныи потомки албо близъкие мети, взяти маютъ. А для твердости сего моего листу вызнанъя и отправы отданя и внесеня в руки мои всихъ тыхъ речей вышей мененыхъ, яко грошей готовыхъ, и золота, и сребра, шаты и всякого домовства, панъ отецъ мой пан Гаврило Воютинский печатъ свою приложилъ, и я тежъ свою печатъ къ сему листу моему приложилъ и руку свою подписалъ. А при томъ были и того добре сведоми: панъ Еско Есенницкий и панъ Романъ Белостоцкий, а панъ Петръ Костюшкович Хоболтовский, которыи з руки пана Гаврила, отца моего, за листом моцованнымъ и верущимъ, въ дом пана Грицка Промчейковича ку браню панны приезчали; панъ Иванъ Окорский, а панъ Яцко Дрозденский, а

пан Олехно Белостоцкий, а Миско Долбуновъский, которыхъ есми просилъ о приложене печатей; ихъ милости на мою прозбу печати свои къ сему моему листу приложили. Писанъ у Д. (*невозможно прочесть*), подъ лета Божого нароженя тисеча пят сот пятдесятъ первого року, месяца мая второгонадцат дня, индикта первогонадцать" [1]).— А такъ я тое оповедане, доброволное сознане его милости пана Федора Воютинского, слово от слова, с початкy аж до конца в книги кгродские записати казалъ.

Книга гродск. Луцкая 1570 г., № 2044, л. 466 об.

XII.

Предбрачная вѣновная запись, выданная п. Михайломъ Боговитиномъ-Шумбарскимъ невѣстѣ своей, паннѣ Ганнѣ Олехновнѣ Борзобогатовнѣ, въ обезпеченіе обѣщаннаго за нею приданаго. 1552 г. февраля 27.

Року 1583, месеца февраля 25 дня.

Присылалъ на врядъ кгродский Луцкий, до мене Станислава Петровского, подстаростего Луцкого, пан Иван Борздобогатый-Красенский, мостовничий Луцкий, Есифа Андрѣевича з листомъ, просечи, абы былъ до книгъ кгродскихъ Луцкихъ уписанъ; которого я листу огледавши, передъ собою читати казалъ, и такъ ся в собе маетъ: „Я Михайло Боговитин Шумбарский чиню явно и вызнаваю симъ моимъ листомъ нинешнимъ и напотомъ будучимъ кождому, кому бы одъно была того потреба ведати, албо чтучи его слышати: ижъ што з воли Божое а за статечною порадою ихъ милости панов и приятелей моих, а звлаща ее велможное милости кнегини Васильевое Санкгушковича Ковелского, старостиное Свислоцкое, кнегини Зофеи Лозчанки, панее матки моее, а з милости

---

[1]) Индиктъ означенъ невѣрно: въ 1551 г. былъ индиктъ 9-й.

уприймое, змовиломъ за себе въ малженство дочку его милости пана Олехна Борзобогатого-Красенского, целника господарского, панъну Ганъну, по которой дей обецалъ мне былъ его милост панъ Олехно вѣна дати готовыхъ пенезей чотыриста копъ грошей, а выправу другую чотыриста копъ грошей личбы литовское. Ино я, хотечи за судом и волею Божею а за порадою ихъ милости пановъ и приятелей моихъ и ее милости кнегини матки своее, а з милости моее уприймое, зъ его милостю паномъ Олехномъ кревное звязанье и з домом его милости вечистую приязнь, а водле закону Божого з девкою его милости панъною Ганъною малженство приняти, яко дня нинешнего, в недѣлю, году петдесять второго, месеца февраля двадцать семого дня, приехалемъ в дом его милости до Красного зъ ихъ милостями паны и приятелми моими: его милостю паномъ Петромъ Михайловичомъ Семашкомъ, старостою Кремянецкимъ, а его милостью княземъ Андрѣем Козѣкою и з братомъ своимъ паномъ Стефаномъ Шумскимъ, и теж с паном Андреем Русином Берестецким и всполок зъ их милостями прозбу о томъ до пана Олехна вчинилом. Ино его милость пан Олехно, маючи при собе в дому своемъ пановъ и приятелей своихъ, яко ихъ милости велебных в Бози отца владыку Володимерского и Берестейского Иосифа, а его милость отца Феодосия Гулевича, владыку Луцкого и Острозского, а ихъ милость князя Александра Санькгушковича Кошерского, а князя Ивана Четвертенского, а пана Станислава Залеского Медведя, будучи того з воли Божое по мне вдячон, а помнечи на все помененое застановъленье и змову около таковое вечистое приязни моее зъ его милостью все выполнити, якъ грошей готовыхъ, и выправу, и мне в малженство дочку дати рекъ и обецалъ, и заразъ то учинил: пенезей готовых чотыриста копъ грошей, а выправы другую чотыриста копъ грошей в золоте, серебре, в клейнотох, в перстенех, в перлахъ и в шатах мне перед ихъ милостями всими поменеными паны и приятели моими и своими отдалъ. Што я к рукамъ своимъ вземши, а в томъ заховываючися подле звыклости и бѣгу в таковой мере правъ посполитыхъ земских, перво нижелимъ подле обы-

чая хрестиянского з дочкою пана Олехновою а мне от Бога обецанною малжонкою панъною Ганъною в малженство скутечное вступилъ, записую и оправую малъжонце моей з милости уприймое, которую до приязни дому пана отца ее и до нее, от Бога обецаное малжонки своее, маю, все внесене ее, такъ грошей готовыхъ, яко и выправы, осмъ сотъ копъ грошей, штомъ по ней от пана отца ее взялъ, совито, тоест шестнадцати сотъ копъ грошей личъбы Литовскоей, личачи по десяти пенезей бѣлыхъ у грошъ, на третей части замку и места Шумбара и всѣхъ дворахъ и именьяхъ моихъ Волынскихъ и Подляшских отчизныхъ и материстых и на всѣх иных пожиткох, якимъ колвекъ именемъ мают быти названы або именованы, которые тепер суть и напотомъ прибавлены и розширены быти могуть, тое всее части, што я от брата моего пана Павла в оделе деръжу, або еще з делу вечного держати буду, маетъ малжонка моя пани Ганъна на търетей части всѣхъ помененых имене моих за живота моего тое всее оправы шестинадцати сотъ копъ грошей гледѣти и певна быти и яко именей, пожитков якимъ колвекъ именемъ могуть быти назъваны, нине и напотомъ, третее части зо мною сполне до живота своего уживати. А если бы Панъ Богъ на мене смерть допустил, тогды она на тое своее оправе на третее части замку и места Шумбара и всѣх именей моихъ Волынскихъ и Подляшскихъ, маючи то при животе и по животе моемъ от мене симъ моимъ листом записано, будь на вдовъемъ столци, або и замужъ пошедши, спокойне держати и того яко влостности своее подле воли и баченя своего уживати, пожитки на тое третее части множити, прибавляти, розширати и уживати, ажъ до живота своего, и по животе ее кому хотя отдати, даровати и записати волно их будет, а нихто з детей моихъ, если мне ихъ Пан Богъ дасть, такъ з брати, кревныхъ, прирожоныхъ и близкихъ моих в то ей трудности задавати ани скуповати с помененое третее части не мають. И на том дал сес мой лист з моею печатю. Писанъ у Шумбару, лѣта Божого нароження тисеча пятсотъ петдесятъ семого, месеца июня первого

дня [1])".—А такъ я тое оповедане его милости пана Михайла Богдановича Шумбаръского и тот листъ записный за прозбою его слово у слово в книги замковые записати казалъ.

Книга гродская Луцкая 1583 г. № 2062, листъ 71.

XIII.

Вѣновная запись, выданная п. Василіемъ Михайловичемъ Семашкомъ своей женѣ Оленѣ Есифовичевой въ обезпеченіе ея приданаго. 1554 года, іюня 29.

Лѣта Божого нароженя 1567, месеца октебра 28 дня.

Ставши очевисте передо мною Андреемъ Ивановичомъ Русиномъ, подстаростимъ Луцкимъ, земянка земли Волынское пани Ивановая Чапличовая Галена Карповна зознала тыми словы: што дей записала малжонку своему пану Ивану Чапличу тисячу коп грошей на имени Зденежи и Березолупех, вено внесене мое, што по мнѣ небожчикъ пан Семашко, перший малжонок мой, взялъ и мнѣ на имени Зденежи и Березолупехъ полторы тисячи коп гро-

[1]) Признаемъ эту дату не болѣе, какъ ошибкой писца, вносившаго настоящій документъ въ актовую книгу. Выше, въ самомъ текстѣ настоящей записи ясно означено, что она была составлена въ день свадьбы, когда женихъ прибылъ въ домъ невѣсты „дня нинешнего, *в недѣлю, году петдесять второго, месеца февраля двадцать семого дня*", и не въ Шумбарѣ, а въ Красномъ, гдѣ происходила самая свадьба. Вѣнчанье и свадьба въ то время всегда совершались въ *воскресеніе*, а не въ другіе дни недѣли; и точно, 27-е февраля въ 1552 г. приходилось въ воскресеніе, тогда какъ 1-е іюня 1557 г. падаетъ на вторникъ. Ошибка переписчика произошла, вѣроятно, оттого, что, кромѣ настоящей записи, ему пришлось въ 1583 г. одновременно вносить въ актовую книгу и другую—дарственную запись того же Мих. Боговитина женѣ, датированную *1557 г. 1 іюня* и помѣщаемую нами ниже, подъ № XIV. Что обѣ эти записи никакъ не могли быть выданы въ одинъ и тотъ же день и ктому же въ разныхъ мѣстахъ (одна въ Шумбарѣ, а другая въ Красномъ), а что, напротивъ, между совершеніемъ той и другой изъ нихъ должно было пройти значительное время—это вполнѣ очевидно изъ содержанія обѣихъ записей и изъ сопоставленія лицъ, поименованныхъ и тамъ и здѣсь въ качествѣ свидѣтелей или участниковъ событія.

шей за вено и внесене мое з ласки своее записал, якож есми, умоцнивши малжонка моего пана Ивана Чаплича листомъ своимъ, и лист свой веновный, который от пана Семашка, першого малжонка моего, маю, на котором ми на имени Зденежи и Березолупех записалъ полтори тисячи коп грошей, ему ж малжонку моему пану Ивану Чапличу дала. И принесши перед мене лист тот свой веновный, просила, абы слово в слово до книг замку Луцкого вписан был; который лист так ся в собе мает: „Я Василей Михайлович Семашко вызнаваю самъ на себе сим моимъ листомъ кождому доброму, кому того буде потреба ведати, або чтучи его слышати, нинешнимъ и напотомъ будучимъ: штож з воли Божее понялем собе жону, дочку пана Карпа Есифовича панну Олену, и узял есми по неи посагу пятсот коп грошей монеты и личбы великого князства Литовского готовых, а другую пятсот коп грошей у выправе: в ланцугох, в клейнотахъ, в золоте, в серебре, в перлах, в шатах и в инших многих речах; где я, милуючи жену свою, а бачачи ку себе ее доброе а цнотливое заховане, и чинечи досыт обычаю, як ест в панстве пана нашого великого князьства Литовского на третей части всего именя оправу вчинити, записую и дарую еи, жоне моеи, выймуючи з двох частей именей моихъ, третюю част именей моих Зденеж и Березолупы, з дворомъ и с пашнею дворною и зо всимь с тымъ, яко ми ся от брати моеи з дѣлу зостало, яко ся здавна в собе мает, полторы тисячи коп грошей Литовских; которыи то именя мои Зденеж и Березолупы мает она, жона моя, по животе моемъ в тых полторы тисячи копах грошей держати и вживати, аж до живота своего, а по животе своемъ волно ей будет тое вено свое отдати и продати, яко сама похочет тую суму обернути. А дети мои, если бы она замуж не пошла, с того именя не мают рушати, ани ся в него вступовати, одно она яко власност свою держати аж до живота своего; а если бы замуж хотела пойти, або и пошла, тогды дети мои, которые з нею малжонкою моею мети буду, не повинни будут болшей давати от полторы тисячи коп грошей. И чого Боже вховай на мене

смерти, а детей быхъ з нею, малжонкою моею, не мел, тогды братъя и нихто з близких моихъ, не отдавши ей сумы пенезей полторы тисячи копъ грошей, во имене Зденеж и Березолупы уступовати не мают, а еслижбы замуж пошла, тых имен́ей не мают в нее з рукъ брати, алиж ей тую суму пенезей отложать и всѣ речи рухомые при ней зоставят, которые ест вышей на том листе менованые. И то тежъ на томъ листе моемъ докладамъ: если бы замуж пойти не хотела, тогды мает седети и на тыхъ двохъ частех именъя моего так отчизного, яко набытого, ажъ до живота своего, а по животе своемъ мает в целости зостати братьи моей або тому, кому быхъ по животе своемъ и ее записати мел. А што ся дотычет тое третее части именъя моего Зденежа и Березолупъ, кому она тое вено свое по животе своемъ отпишет, теды братъя моя повинни будут тому тое вено, от мене записаное, полторы тисячи копъ грошей отдати, а не отдавши тое сумы пенезей, не мают тыхъ имен́ей брати. На што давамъ еи, малжонце моеи, сес мой листъ з моею печатъю и с подъписъю властъное руки моее. А при томъ были и того добре сведоми: господинъ и отецъ нашъ владыка Луцкий и Острозский Феодосей, пан Петръ Киръдей, маршалок господарский, а брат мой пан Петръ Михайловичъ Семашко, староста Кремянецкий, панъ Марко Василевич Жоравницкий, панъ Михно Ощовъский, подстаростий Луцкий, и брат мой пан Дмитръ Олехновичъ Козинъский; гдеж ихъ милост за чоломъбитъемъ моимъ печати свои приложили к сему моему листу. Писан у Зденежи, под летъ Божого нароженя тисяча пятъсотъ пятъдесят четвертый, месеца июня двадцат девятого дня“.—А так я тот лист ее милости веновъный, за очевистымъ сознанемъ, с конъца в конецъ прочетши, слово в слово до книгъ замку Луцкого записати казалъ и выпис с книгъ подъ печатю моею пану Ивану Чапличу Шпановскому на то далъ.

Книга гродск. Луцкая 1563—1564 г. №2037, л. 189 об.

XIV.

Дарственная запись п. Михайла Боговитина-Шумбарскаго на значительную денежную сумму, выданная имъ въ пользу своей жены Ганны Борзобогатовны въ награду за вѣрную супружескую любовь и изъ желанія имущественно обезпечить ея положеніе на случай его смерти, 1557 года, іюня 1.

Року тисеча петсот осмдесят третего, месяца февраля двадцать осмого дня.

Присылал на вряд кгродский Луцкий, до мене Станислава Петровского, подстаростего Луцкого, пан Иванъ Борзобогатый Красенский, мостовничий Луцкий, лист для вписованя пана Михайла Боговитина Шумъбарского, просечи, абы былъ до книгъ кгродских Луцкихъ уписанъ, которого я читати казалъ и такъ ся в собе маеть: Выписъ с книгъ замку господаръского Луцкого, лѣта Божого нароженя тисеча пят сот петдесятъ семого, месеца июня осмого дня. Пришедши перед мене обличне Михайла Ивановича Оцовского, подстаростего Луцкого, дворенинъ господарский его милость панъ Михайло Боговитинъ Шумъбарский оповедалъ и до книгъ вызналъ самъ доброволне, ижъ дей есми малжонце своей, панеи Ганъне Олехновне Борздобогатовне, на двох частех именей моихъ всѣхъ отчизных и материстых, Волынских и Подляшских, которыхъ тепер в держаныо моимъ ест и по животе матки своее и иншихъ в держаню быти маю, далъ и даровалъ и листомъ своимъ под сведомъемъ и печатми людей добрыхъ певную суму пенезей две тисечи копъ грошей личбы литовское записалъ; который лист передо мною на вряде господарскомъ покладалъ и просилъ, абы тот листъ до книгъ записанъ былъ, который такъ ся в собе маеть: „Я Михайло Боговитин Шумъбарский чиню явно и вызнаваю то листом моимъ кождому, кому бы была того потреба ведати, або чтучи его слышати, нинешним и напотомъ завжды, ижъ я, знаючи ку собе милость и великие, пилные, правдивые,

зычливые а верные послуги малжонки своее панее Ганъны Олехновны Борзобогатовны Красенского, и ктому ижемъ тежъ на потребы свои отъ нее никоторую суму пенезей позычилъ и взялъ, так тежъ маючи ласку и запоможенъе от отца ее, а тестя своего, пана Олехна Яцковича Красенского, ключника, городничого и мостовничого Луцкого, целника господара короля его милости коморы Волынское, такъ при ожененъю моемъ, и в отпущенъю значное немалое позычоное на потребы мое сумы пенезей, и в иныхъ каждыхъ а долеглых потребахъ и припадкох моих, а звлаща едучи теперъ на службу господарскую и земскую военъную при освеценомъ и велможномъ кнежати его милости пану воеводе Виленскомъ пану Миколаю Радивилу до земли Ифлянтское, помнечи на пригоду и на часъ смертелный, а хотечи то малъжонце своеи еще при животе своемъ нагородити и вперед ку милости и службамъ своим тымъ охотнейшую и прихилнейшую способити, на то ся добремъ розмысливши, даю, дарую и симъ листом моимъ, яко властного а позычоного долгу, записую малжонце своей панеи Ганъне на двохъ частех именей моих отчизныхъ и материстыхъ, Волынских и Подляшских, всее части моее, которую в отделе от брата моего пана Павла на сесь час держу и еще вечне держати буду, то естъ на половицы замку и места Шумъбара, на селе Горбовцахъ, на селе Загайцохъ и на всей половине всѣхъ именей наших Волынских и Подляшскихъ, которые на насъ по матце нашое припасти маютъ, и на всѣх иных именях наших, пожитках якимъ колвекъ именемъ названых або менованых, которые теперъ суть и напотом прибавлены и розширены быти могут, певъную суму пенезей две тисечи копъ грошей личбы Литовское. Маеть и волна будеть малжонка моя пани Ганъна Олехновна на двохъ частех всѣхъ именей моих отчизных и материстых, Волынскихъ и Подляшскихъ, вышей помененых, и по животе матки моее кнегини Василевое Михайловича Санкгушковича Ковелское на мене або дѣти мое припалых, и всѣхъ пожиткохъ именей моих, при животе и по животе моемъ, ихъ певна быти и того водле воли и зданья

своего налепшого уживати и кому хотя иному, будь деткамъ своимъ, або кому с приятел, з близких и далеких своихъ и обчихъ, дати, даровати и записати, такъ при животе, яко и по животе своемъ; а я вжо самъ и по мне дети мое и нихто з близкихъ и далеких моих ее, малжонки моее, не отдавши и не заплативши еи тое от мене дарованое и записаное сумы пенезей, всее сполна двохъ тисечей копъ грошей личбы литовъское, с тых двох частей имеией моих всѣхъ, отчизных и материстыхъ, Волынскихъ и Подляшских, рушити не мають; якож таковое дароване и записанье малжонце своей оповедалъ на вряде господаръском Луцкомъ. И на то есми малжонце своей панеи Ганъне Олехновне далъ сесь мой лист з моею печатю и с подписомъ руки моее. И просиломъ ихъ милости князя Ивана а князя Богдана Масалскихъ, пана Януша Федоровича Гулевича, пана Станислава Залеского Медведя, дворенина королевского, а пана Яцка Ивановича Русина о приложене печатей; их милость то вчинили и печати свои за прозбою моею приложили к сему моему листу. Писанъ у Красномъ, лета Божого нароженя тисяча пятсотъ петдесять семого року, месеца июня первого дня“.—А такъ я тое оповеданъе его милости пана Михайла Боговитина Шумъбарского и тотъ листъ записный, за прозбою его, слово у слово в книги замковыи записати казалъ, на што собе пани Ганъна Олехновна Боговитиновая и выпис съ книгъ под печатю моею на то взяла. Писанъ у Луцку. Романъ Перевеский.

Книга гродск. Луцкая 1583 г. № 2062, л. 73 об.

XV.

Вѣновная запись п. Өедора Бѣлинскаго, выданная имъ женѣ своей Ганнѣ съ Парцова въ обезпеченіе принесеннаго ею приданаго. 1559 года, февраля 20.

Лета Божого нароженя 1570, месеца генвара 18 дня.

Ставши очевисто в замъку господарскомъ Луцкомъ, земенин господарский пан Янъ Тупичовский оповедалъ, ижъ што року прошлого тисеча пятсот пятдесят девятого нинешний тесть его пан Федор Белинский записал малжонце своей, а тещы его, паней Ганне пять сот золотыхъ польских, в кождый золотый по трыдъцати грошей польских личачы, на йменью своем Любини, под Ковлемъ лежачомъ, даючы ей волность тую суму ни на шчо иншого, одно на дети свои влити и дати; яко-ж дей того-ж року пятьдесят девятого зараз панъ Белинский тое дарованье и записане свое на вряде замъку господаръского оповедавши, до книгъ врядовыхъ оный лист запис свой уписати далъ, с которых и выпис жона его Ганна одержавши, а будучи тымъ волна шафовати, ему тую пятьсот золотых записала и оное право свое на него и на жону его, а дочку свою Раину влила, и выписъ Володимерский зъ уписаньем того листу мужа своего ему дала; а Ян Тупичовский, заховываючыся в том ведле права и статуту и уфалъ соймовых, оный выпис Володимерский перед нами, яко судом земъским, покладал, просечы, абы вычитанъ и в книги справъ земъских обычаем перенесеня уписан был; которого мы огледавшы, перед собою вычитати казали, и так ся в собе маетъ: Выпис с книгъ Михайла Тихновича Козинского, городничого и подстаростего Володимерского, лета Божого нароженя тисеча пятсот пятдесят девятого, месеца февраля двадцат пятого дня. Пришедши передъ мене обличне на вряд замку господарского Володимеръского пан Федор Белинъский, никим не припужон, а никоторым правомъ не притисненъ, одно по своей доброй воли поведалъ и вызналъ передо

мною, иж онъ жоне своей Ганъне, которую с Парцова за себе взял в малженство, на третей части именя своего Любина под Ковлем пятсот золотых польских, по трыдцати грошей в золотый личачы, записал, на што и лист свой записный литерами полскими писаный, под печатми и сведомемъ людей добрых и своею печатью, передо мною покладал, просечы, абы тот листъ в книги замковые записан былъ, который так ся в собе маеть: „Я Федоръ Белинский сознавам тым моим листом, кому того будеть потреба ведати, албо чтучы его слышати, иж-ем записал жоне своей паней Ганне, которую-м взялъ с Парцова за малжонку собе, на йменью моем Любини под Ковлем пятсот золотых полских, по трыдцати грошей в золотый личачы, под таким обычаем, иж она, яко добрая а вчтивая молжонка моя, которое узналом противку собе верную а скутечную милость и во всем пристойное захованье, будет волна на третей части того именья моего Любина, так в пашни, в людех, в лесех, сеножатех и в ыных пожиткох, якъ колвекъ . . . . . обычаем названы быти могли, в той суме пятисот золотых тримати, оного вживати, яко власности своее, ни в чом не порушне и неотменъне, ено такъ, яко тут в том листе своем добрым розмыслом застановлям и описую; а, чого Боже вховай, на мене смеръти первей, нижли на жону мою, тогды сынове и цорки мои, або которые з ближних моих не мают оное рушати зо всего именя, яко ся в собе маеть, Любина, ено пани Ганна, малжонка моя, маеть седети и того всего именыя моего Любина во всем уживати, яко ся в собе маеть, аж до живота своего, а тую суму, от мене ей описаную, не мает она ни на кого вливати и оное отдаляти, одно на дѣти наши, и то юж ма быть, естли она зохцеть по животе ее . . . . . . , нижли естлибы по смерти моей пошла замуж, тогды в он час, кгды дети мои тую пятьсот золотых полских вѣна оной заплатять, тогды до того именя Любина ничого не будеть мети и в жадной речи . . . не будеть волна в том владнути, яко-м вышей описалъ, бо-м то учинил с причин слушныхъ . . . жем взял посагу от отца панее Ганны готовыхъ пенезей полъ третя

ста золотых, а за ее учтивое противко мне захованье записалем совито, водле обычаю и статуту земского, другую пол третя ста золотых полских, ведле вышъшого описанья, бо м то на йменю своем дал, даровал, але она естли замуж пойдеть, тую пятсот золотых будеть волна обротити, яко ся ей подобаеть. При том были и того добре зведоми его милость пан Францышекъ Фаличовъский, староста Ковельский, а пан Михайло Козенский Тихнович, подстаростий и городничий Володимерский, а пан Станислав Кграевский, его княжчее милости пана Яна Миколая Радивила, воеводы Виленского, служебник; которых пановъ, верху описаныхъ, просилемъ, абы печати свои приложити рачили ку тому моему листу, и их милости на прозбу мою печати свои приложили ку тому моему з добрым розмыслом учиненому листу, и я сам для лепъшое твердости печат свою естемъ приложил, хотечи то моцне малжонце моей стрымати з детми и з близкими своими. Писан у Ковли, двадцатого дня февраля, року панского тисеча пятсот пятдесят девятого".— А такъ я тое очевистое сознанье пана Федора Белинского ку ведомости врядовой припустившы, и лист записный слово в слово у книги замковые записати казалъ, и выпис с книгъ под печатю моею жоне его Ганне на то есть дан. Писан у Володимери. Михайло Козинский, городничий Володимерский, власная рука". Которое ж то оповеданье пана Яна Тупичовского и теж выпис с книгъ замку Володимерского менованый у книги справъ земских слово от слова, с початку аж до конца у пренесеню записати есмо казали.

Книга земская Луцкая 1570 г., № 2094, л. 212 об.

XVI.

Вѣновная запись, выданная п. Михайломъ Шостаковскимъ своей женѣ Настасьи Бронницкой въ обезпеченіе внесеннаго ею приданаго. 1560 г., февраля 5.

Року тисеча шестсот чотырдесят третего, месеца июля семнадцатого дня.

На вѣряде кгродскомъ, в замѣку его королевской милости Луцѣкомъ, передо мѣною Гавриломъ Коритынскимъ, букграбимъ и наместѣником староства Луцѣкого, постановившися очевисѣто урожоный его милость панъ Григорий Гавовичъ Шостаковский для вписаня до книг нинешних кгродских Луцѣкихъ подал пер облятамъ листъ записъ зошлого некгды урожоного пана Михайла Гавовича Шостаковского, с печатю и с подписом руки его и теж при том с печатми людей зацных, от него урожоной паней Настазии Бронницкого Шостаковской, малѣжонце своей, а то на речъ певѣную, нижей в том записе актикованом меновите выражоную, даный и служачий, яко о томъ тотъ записъ шырей в собе маетъ; которого подаючи в томъ, кумъ протесѣтационе противѣко пану Иванови Юразичови Зарицѣкому о затриманѣе до того часу запису того и иншихъ справъ собе повероныхъ а и до того часу их неакѣтикованѣя, на тот час просилъ, абы принятъ и до книг уписан былъ. А такъ я вряд тот записъ, за прозбою вышѣреченого его милости пана Шостаковского, для вписяня до книг принявши, читаломъ, который такъ в собе маетъ: „Я Михайло Гавовичъ Шостаковѣский ознаймую то симъ моимъ листѣтомъ, иж з воли, ласки Божое и презреня его светого, к тому правой любве а приуподобаня своего, понял есми в малженство у пана Ждана Гневошевича Бронницкого дивку его милости панну Настасю, по которой взял есми готовыми пинезми сто золотых полѣскихъ, а в срибри, перлахъ, клейнотах, в шатах и в виншой выправе з дому его милости шацункомъ пултретяста золотыхъ полѣскихъ, тоестъ всего

яко пулъчетвертаста золотых полскихъ. А такъ я напротивку тое полчетвертаста золотых, которых яко готовизъною, такъ и внесенем рухомых речей побрал, записую жоне моей милой паней Настазии з совитостю тых пинезей яко семсотъ золотых полскихъ: шестсот золотыхъ, которые яко на долъгахъ, такъ и в готовизъне там в схованю моемъ и на всей маетности моей, яко въ шатахъ, в конехъ, въ быдъле и на всякихъ рухомыхъ речахъ, а сто золотыхъ на именицу моемъ Шостакове, которое мне его милость славъное памети князъ Иванъ Чоръторыский, панъ мой милосътивый, за службы мое обдаровати и записати мне, яко слузе своему, рачил. А иж я зъ воли Божее мешкаючи во всемъ зъ жоною моею панею Настасею, за тую суму пенезей, верху помененую, або и за болшую суму где бы колвекъ досътал имене зъ кгрунтами, зъ людми, тогды вона при животе моем восполокъ зо мною мает того именю уживат, а по животи моем, хотя бы м и потомство мел, тогды она будет волна, яко на своем власном мешкаючи, на всякие пожитки оборочати, шафовати, отдати, продати, записат, дароват и къ своему тое все пожитечъному обернути; а дети мое, потомки и близкие въ тое имене не мают се вступуват, ани его зъ рук ее будут могли одиймоват. А кгды бы я до того часу, мешкаючи з нею, именю або оселости якое за тую суму вышъпомененую не купил, або не закупил, потом быхъ зъ воли Божее с того света зъшол, тогды дети мое, которые бы-м з нею мел, будут повинни жоне моей паней Настасии, матце своей, тую суму верху помененую зо всее маетности моей сполна платит, тоест семсотъ золотых полских; а еслибы з нею потомства не мал, а по животе моем тая маетность моя спадывала бы на близких моих правом прирожоным, тогды и близкие мои мают жоне моей паней Настасии тую суму верху мененую сполна заплатити. А гдебы з воли Божее по животе моем жона моя замуж пойти не хотела, тогды мает мешкати до живота своего на выслузе моей, на именю моем Шостакове, а дети мои и близкие мои не будутъ моцы мети с того именъя рушати; а еслибы замужъ пошъла по животе моем,

тогды будетъ повинна, възявъши тую суму пенезей вышей помененую от дитей, або от близких моих, тое имене мое Шостаков им до рук их поступит. На што есми дал сесь лист мой жоне моей вызнаный, под моею печатю и подъписанъю властное руки моее; а для липъшое певности сего листу моего просил есми о приложене печатей их милость пановъ, на тот час при том будучихъ и того добре сведомихъ, на йме: пана Гермогена Ясениницкого, а пана Анъдрея Хмары, пана Яцка Гуленицкого, а брата моего пана Анъдрея; которые на прозбу мою вчинили, печати свое приложили къ сему моему вызнаному листу. Писанъ въ Бронникахъ, року тисеча пятсотъ шестдесятого, месеца февъраля пятого дня".—У того запису печатей притисненыхъ пят, а подпис руки тыми словы: „Михайло Гавъсович Шостаковъский рукою своею подписал".—Который-же то запис, за поданем и при том осветченем вышъ речоное особы, а за принятемъ моим урядовым, увесь, с почастку аж до конца, слово до слова до книгъ кгродских Луцких ест уписан.

Книга гродская Луцкая 1643 г. № 2160, л. 352.

XVII.

Декретъ Луцкаго замковаго суда по жалобѣ земянина Ивана Ставецкаго на свою тещу Татьяну Порванецкую объ удержаніи обѣщаннаго за ея дочерью приданаго. 1561 года, марта 21.

Лѣта Божого нароженя 1561, месеца марта 21 дня.

Запис судовый Гаврила Василевича Бокѣя, суди повету Луцкого, а Бориса Ивановича Совы, подстаростего Луцкого. Што земенин господарский повѣту Володимерского пан Иван Богданович Ставецкий позывал позвы врядовыми и децкимъ до замку Луцкого тещу свою панюю Овдотю Тихновую Порванецкую о вѣно жоны своее панеи Татяны Тихновны Порванецкого, ижъ дей кгды ее у малженство за него выдала, тогды по неи вѣна обецала и листомъ ся своимъ описала ему за нею посагу дати сорок коп грошей личбы и монеты литовское напротивку тои оправы, которую онъ на именях своих жоне своеи а дочце ее ведле обычаю права описал, которыми сорокма копами грошей она сама у листе своемъ записномъ и роки заплате положила под совитостю, иж естлибы на роки описаные она тых пенезей сорока коп грошей ему не отдала, тогды мела ему поступити в тых пенезех чотыри службы людей своих подворищных во именю своем Порванецкомъ; а пак ли бы ему людей своих в держане его не поступила, описала ся тые пенези совито ему заплатити, то ест осмъдесят коп грошей, к тому шкоды и наклады не на жаден довод, одно на приречене слова его ему досыт чинити. Которые роки в листе описаные вже давно проминули, а она водле запису своего тых сорока коп грошей и до сих часов ему не заплатила и увязаня в люди свои Порванецкие ему не поступила; што ширей а достаточней на позвех его и на листе децкованом и на листе ее записном ест описано. За которыми позвы, так теж и за децким, пан Иван Ставецкий перед нами ся становил ку праву, зо всимъ доводом своимъ готов был и пилност в том чинил, хотячи водле позвов, листу

децкованого и листу ее записного справедливости своее собе доводити; а пани Овдотя Тихновая Порванецкая, яко за позвы на рок припалый, так тежъ и за децкимъ на рок зложоный ку праву сама не стала и никого ку отказу з моцю зуполною на местцо свое не присылала, а никоторое причины слушное перед роком до вряду о собе знати не дала. Пан Иван Ставецкий, показавши лист ее записный под печатми людей добрых, просил, абы был захован обычаем правным. А так мы, заховываючися водле обычаю права посполитого и статуту земского, за нестанем ку праву панеи Овдоти Тихновои Порванецкое, усказали есмо ему на неи водле листу ее записного вѣна сорок коп грошей, а совитост другую сорок коп грошей, за шкоды и наклады водле приреченя слова его пятнадцат коп грошей, того всего сумою усказали есмо ему до права деветдесят коп и пят коп грошей; которое усказане наше до книг замковых записат есмо казали.

Книга замков. Луцкая 1561 г., № 2035, л. 79 об., актъ 9.

XVIII.

Дарственная запись землянки Ганны Добринской на третью часть родовыхъ ея имѣній, выданная ею мужу своему Андрею Добринскому въ благодарность за его любовь и попеченіе о ней. 1562 года, генваря 16.

Лета Божого нароженя 1562, месеца генвара девятогонадцат дня.

Пришодчи и постановившися обличне в замку Луцком, передо мною Борисомъ Ивановичом Совою, подстаростимъ Луцкимъ, земянка господаръская пани Ганна ее милость Богдановна Дчусянка Андрѣевая Добринская оповедала и сознавала: ижъ дей я, познавши малжонка моего милого пана Андрея Добринского доброе а почтивое а ласкавое и милое заховане ку собе, иж его милость мене,

малжонку свою, милуючи, въ кождых пригодах и форобах моих не опускалъ, одно во всемъ ласкаве а добротливе, яко на верного а доброго малжонка належит, показовалъ, и хотечи тежъ я за добродейство его милости зычливост мою противко его милости малжонка моего пана Андрея Добрынъского показат, протож што именя мои, отчизна моя, Бочаница, Бухаров и пол Садковъ, часть Вилгор, в руках нашихъ есть, третюю часть тых именей моих отчизных з дворы, с пашнею дворною, полми, сеножатми, дубрoгами, з гаи, з ставы, з млыны, з людми тяглыми, з слугами путными и зо всякими пожитки малыми и великими даю, дарую и записую малжонку моему милому пану Андрею Добрынскому до живота его милости; мает его милост тую третюю часть тых именей моих вышей помененых держати и вживати до живота своего непорушно, ку своему лепшому а вжиточному обернути. А нихто зъ детей, з близких и кревных моих не мают ся в тую третюю част тых именей моих вступовати, ани которое перекази и поволоки ку праву его милости чинити аж до живота его милости; што ширей и достаточней на листе моемъ записном ест описано. Якож и листъ свой на то малжонку своему пану Андрею Добрынскому от себе даный передо мною покладала, и был вычитанъ с початку аж до конца, который лист так ся в собе мает: „Я Ганна Богдановна Дчусянка Андрѣевая Добринская ознаймую то симъ моимъ листом кождому, кому того будет потреба ведати, або чтучи его слышати, сесь часъ и напотомъ завжды: познавши есми малжонка моего милого пана Андрея Добринского доброе а почтивое, ласкавое и милое заховане ку собѣ, ижъ его милость мене, малжонку свою, милуючи, в кождых пригодах и в форобахъ не опускалъ, едно во всем ласкаве а добротливе, яко на верного а доброго малжонка належит, показовал, и хотечи тежъ я за тое добродейство его милости зычливость мою противко его милости малжонка моего пана Андрея Добринского показати, ино што которыи имена отчизна моя: Бочаница, Бухаров и пол Садков, часть Вилгоръ, в руках нашихъ есть, третюю часть тых именей моих

отчизных з дворы, с пашнею дворною, полми, сеножатми, дубровами, гаи, ставы, млыны, з людми тяглыми, з слугами путными и всякими пожитки малыми и великими, даю, дарую и записую малжонку моему милому пану Андрею Добринскому до живота его милости. Мает его милост тую третюю част тыхъ именей моих вышей писаных держати и вживати до живота своего непорушно и ку своему лепшому а вжиточному обернути, а нихто з детей, з близких и кровных моих не мают ся в тую третюю часть имѣней моих Бочаницы, Бухарова и Садков и части у Вилгори вступовати, ани которое его милости переказы и поволоки ку праву чинити аж до живота его милости; а по животе его милости малжонка моего пана Андрея Добрынского мает тая вся третяя часть спасти и прислухати на дети мои, такъ на два сыны, яко и на дочку, без жадного права. На то есми его милости малжонку моему милому пану Андрею Добрынскому дала сесь мой лист под моею печатю и прохала есми о приложене печатей князя Федора Петровича Острожецкого а пана Ярофѣя и пана Романа Гостских, пана Михайла Еловича Малинского, и их милости за прозбами моими печати свои приложити рачили к сему моему листу. Писан в Луцку, лет Божого нарожевъя тисяча пят сот шестдесят второго, месяца генвара шостогонадцат дня".—А по вычитаню листа ее милости, пани Ганна Богдановна Дчусянка просила, абы то было записано. А такъ я тое очевистое сознане, доброволное оповедане и лист ее милости записный слово от слова до книг замковых записати казалъ.

Книга замк. Луцкая 1562 г., № 2036, л. 21.

Примѣч. Въ тотъ же самый день и п. Андрей Добринскій выдалъ женѣ дарственную запись на все благопріобрѣтенное движимое и недвижимое свое имущество, мотивируя этотъ даръ такъ: „Познавши есми доброе а почтивое и вѣрное захованье малжонки моее милое панеи Ганны Богдановны Дчусянки до себе и хотячи еи, малжонце моеи, за таковую добротливую милость и зычливость а поволность еи нагородити слушне и во всемъ от приятел а кревных и дѣтей наших убезпечити, ижбы ей, малжонце моей милой, по животе моемъ якое трудности не чинили а спокойне ся заховали"...' (Ibidem, л. 20).

XIX.

I. Жалоба земянина Михайла Лабунскаго о томъ, что его жена Марья Гулевичевна въ его отсутствіе уѣхала изъ дому, забравъ цѣнное имущество, и отказывается возвратиться къ жалобщику. 1563 года, февраля 23.

II. Жалоба жены Лабунскаго о томъ, что мужъ наносилъ ей частые побои, отобралъ ея имущество, выпуждалъ отъ нея въ свою пользу дарственную запись на ея вѣно и приданое и грозилъ въ случаѣ отказа взвести на нее позорное обвиненіе въ нарушеніи супружеской вѣрности. 1563 г., марта 31.

I.

Лѣта Божого нароженя 1563, месеца февраля 23 дня.

Присылал до мене Бориса Ивановича Совы, подстаростего Луцкого, земенин господарський пан Михайло Богухвалович Лабунский, оповедаючи, иж дей тых часов о Громницах малжонка его милости пани Маря Михайловна Гулевичовна, зобравшися зо всим на все, побравши вси речи свои и к тому всю маетност его, то ест злото, сребро, перла, шаты и гроши готовые, без бытности его з дому его выехала и вже дей колко недел мешъкает в замку дядка своего его милости пана Михаила Мышки Варковскомъ. Где ж дей его милост пан Михайло Лабунский уже не однократ до нее посылал, ижебы до него в дом его поехала, а она дей того вчинити и до него ехат не хочет, поведаючи, иж дей ми дядко мой его милост пан Михайло Мышка до себе к Мозыру приехати казалъ, и для тое дей причины до малжонка своего пана Лабунского теперешних часов не поеду, аж первей у Мозыру у пана дядка своего побываю. И просил пан Михайло Лабунский, абы то было записано; а так я тое оповедане его в книги замковые записати казал.

II.

Лѣта Божого нароженя 1563, месеца марца 31 дня.

Писала и присылала до мене, Бориса Ивановича Совы, подстаростего Луцкого, земянка господарьская пани Михайловая Богуфаловича Лабунская пани Марина Михайловна Гулевича, жалуючи великого жалю и надзы[1]) своеи на малжонка своего пана Михайла Богуфаловича Лабунского, оповедаючи тым обычаем: иж дей он, выехавши от дядка ее пана Михайла Мышки з Мозыра, таковые окрутенства и мордерства над нею чинил, чого дей каждому почтивому не толко над малжонкою своею, але и над подлейшою служебничкою того чинит не пристойно: иж дей каждого дня окрутне сам ее бивал и кгермкови[2]) своему бити ее казал, так же дей обадва завжды ее бивали; а потом дей малжонок ее пан Михайло Лабунский золото, сребро, перла, шаты, так теж кони и все внесене ее милости, што з собою в дом его была унесла, от нее отобрал, и там дей в дому своем окрутне а безвинне ее бивалъ, и мордерства над нею чинивал и праве дей ее за одну неволницу в себе ховал, и еще надто приневолял ее, ажебы ему вси речи свои, которые в дом его внесла, и тое дей вено, што он еи напротивку вношеня ее на именях своих семсот коп грошей записал, ему даровала и записала и то перед урядом в замку Луцкомъ сознала, грозячи еи тым способом, иж если бы того не вчинила, тогды дей мел ее с тым же кгермком своим на одном местцу замкнути а то приятелем ее и своим обявити, хотячи на нее водлугъ невинности ее злую славу положити. А так дей она, терпечи отъ него бои и окрутное мордырство, а наболшей выстерегаючися пригрозы малжонка своего злого ославованя, с тых причин, уже дей и бременем поступивши от пана малжонка своего, по своеи тяжкои неволи мусила зъехати до Аркович, то ест до

[1]) Съ польскаго „nędzy“.

[2]) Польск. giermek (съ венгерскаго)—оруженосецъ.

именя дядка своего пана Михайла Мышки, так же дей и до сих часов там мешкает, а до малжонка своего пана Михайла Лабунского ехати не смеет. И просила, абы то было записано; а так я тую жалобу и оповедане панеи Марины Михайловое Лабунское в книги замковые записати казал.

Книга замк. Луцкая 1563 г. № 2037, л. 38 обор. актъ 26 и л. 49 об., актъ 12.

XX.

Условіе, заключенное княземъ Александромъ Андреевичемъ Сангушковичемъ-Коширскимъ съ княземъ Александромъ Өедоровичемъ Чорторыйскимъ, воеводою Волынскимъ, по которому сынъ перваго, князь Левъ, имѣлъ вступить въ бракъ съ дочерью послѣдняго, княжною Мариною, съ назначеніемъ срока свадьбы черезъ три года. 1563 года.— Жалоба князя Чорторыйскаго о нарушеніи княземъ Сангушковичемъ означеннаго условія. 1564 г., марта 7.

Лѣта Божого нароженья 1564, месяца марца семого дня.

Писалъ и присылал до мене Андрея Ивановича Русина, подстаростего Луцкого, его милость князь Александро Федоровичъ Чорторыский врадовника своего Чорторыского пана Яцка Сушка, оповедаючи на князя Александра его милость Андрѣевича Санкгушковича Кошерского, марьшалка господарьского, ижъ дей его милость за частокротными а пилными прозбами своими змовилъ у мене дочку мою княжну Марину за сына своего князя Лва водле закону светого нашого хрестянского у малженьство, якожъ и рокъ певный есмо водле того змовенья нашого тому веселю зложили, отъ змовеня за три годы, который рок припасти маетъ въ року по лѣтъ Божого нароженья тисеча пят сотъ шестьдесят семомъ; гдежъ

дей есмо тое застановене наше з обех сторонъ держати а статочне и скутечне выполнити прирекли, на што есми промежку себе и листы свои под печатми и с подписми власных рукъ наших и под печатми людей зацныхъ собе роздали, въ которых дей листех естъ заруки описано на стороне того поставеня не держачое: господарю королю его милости десят тисячей коп грошей, а стороне тое застановене наше державчои другую десятъ тисячей коп грошей, што ширей а достаточней на листех наших естъ описано. То пакъ дей его милость князь Александро Санкгушковичъ Кошерский, пропомневши доброго а почтивого княжеского приреченя своего, не дбаючи на листъ свой, так тежъ на заруки въ нем описаные, тое наше постановене, не хотячи его полнити, розрывает и за сына своего иншую панну в малженство еднаетъ, о чомъ дей его милост князь Александро Кошерский тых часов, на мясопустъ нашъ руский, присылал до мене тебе, пане подстаростий, и брата твоего, пана Федора, писара замку Луцкого, и дворенина его кролевское милости пана Григоря Бутка з листомъ своимъ, просячи мене за то, абых я тое постановене наше, з ним скутечне застановеное, на сторону опустилъ и листъ его записный, которымъ ся его милость самъ за себе и за сына своего князя Лва под заруками описалъ, ему вернул, а свой от него до себе взялъ; чого дей мне вчинити а слова своего отступити не пристояло, абых то мел зрушити, одно якомъ з княземъ Александромъ Кошерскимъ змовил, так то статечне держу и скутечне выполнити хочу.—Якожъ его милост князь Александро Чорторыский и копѣю з листу его милости князя Александра Кошерского под печатю своею до мене на врядъ замку господаръского присылалъ, жедаючи, абы былъ вычитанъ и в книги замковые записанъ; который листъ так ся в собе маетъ: „Я Александро Андрѣевичъ Санкгушковича Кошерский, маршалокъ господарский, даю ведати и вызнавамъ тымъ листомъ моимъ, ижъ з воли Божее и з ряженя его светое милости, так теж з воли сполное нашое, приймуючи промежку себе вѣчное приятелство, змовил и постановилъ есми з его милостю княземъ

Александромъ Федоровичемъ Чорторыскимъ, ижъ его милость за жаданем моимъ и сына моего маетъ дати дѣвку свою княжну Марину за сына моего Лва в малженство, которому веселю первый рок зложили есмо от пришлых мясопустъ великих за три годы, который рок припасти маетъ в року тисеча (пят сотъ) шестъдесятъ семомъ; якож тое застановене гды бы я самъ, або сын мой того постановеня водле змовы нашое здержати не хотел, а сесь листъ мой чимъ колвек нарушити мел, тогды маю заруки заплатити господару королю его милости десят тисячей копъ грошей, а его милости князю Алекъсандру Чорторыскому, яко стороне тое постановене державои, другую десят тисечей коп грошей, и въ тои заруце десяти тисечох копах грошей воленъ будет его милость князь Александро Чорторыский, або сынъ его милости, в ыймене мое замок Кошер и во вси села к нему прислухаючие моцно въехати и того держати и со всѣми пожитки вживати до того часу, поки тая сума вышей мененая десят тисячей копъ грошей вся сполна от мене або от сына моего его милости будет заплачона. И на то есми его милости князю Александру Чорторыскому дал сесь мой листъ з моею печатю и с подписю властное руки моее. А при томъ были и того добре свѣдомѣ их милости: панъ Миколай Харлинский, панъ Бартошъ Витвинский а панъ Михайло Оцовский, которые за прозбою моею печати свои к сему моему листу приложити рачили. Писан в селцы Подлѣсехъ, Божего нароженъя тысеча пятсотъ шестдесят третего".—И хотечи его милость князь Александро Федоровичъ Чорторыский с княземъ Кошерскимъ о то мовити, просилъ, абы то было записано. А такъ я тое оповеданъе его милости князя Чорторыского и копею з листу князя Александра Кошерского слово от слова, с початку ажъ до конъца в книги замковые записати казалъ.

Книга замк. Луцк. 1565 г. № 2039, л. 43 об.

XXI.

I. Жалоба земянина Януша Угриновскаго объ уклоненіи земянина Ильяша Несвѣцкаго отъ исполненія условія, заключеннаго имъ первоначально съ отцемъ жалобщика, а затѣмъ вторично съ нимъ самимъ относительно выдачи въ замужество за него дочери своей Богданы. Донесеніе вижа о врученіи имъ п. Несвѣцкому урядоваго „напоминальнаго листа" по этому дѣлу и о рѣшительномъ его отказѣ выдать дочь за п. Угриновскаго. Свидѣтельство того же вижа относительно приготовленій, сдѣланныхъ Угриновскимъ къ несостоявшейся свадьбѣ. 1563 года, октября 5.

II. Декретъ Луцкаго земскаго суда по означенной жалобѣ. 1568 года, августа 28.

I.

Лѣта Божого нароженя 1563, месяца октебра пятого дня.

В небытности пана Бориса Ивановича Совы, подстаростего Луцкого, на тот час будучи на местцы его Войтех Красовский, што перво сего приежчал до мене на вряд замку господарьского Луцкого земянинъ господаръский панъ Янушъ Прокоповичъ Угриновский, оповедаючи тымъ обычаемъ: иж дей панъ Иляшъ Богушевичъ Несвѣцкий вчинил застановенъе з небожчикомъ отцемъ моим паномъ Прокопом черезъ листы свои записныи, хотячы з собою повиноватство вечистое мети а за мене в малжонство дочку свою панну Богдану дати, а потомъ дей кгды небожчик отецъ мой з того свѣта зшолъ, тогды панъ Иляшъ Несвѣцъкий, по смерти отца моего, потвержаючи оного застановеня, з отцемъ моимъ учиненого, знову со мною постановене вчинилъ, хотячи тому застановеню досыт чинити а дочку свою за мене в малженство дати, на што есмо промежку себе и листы свои под печатми и с подписанемъ рукъ своихъ, под заруками описаными, собе роздали; гдеж и листъ пана Иляша Несвѣцкого подъ печатю и с подписомъ властное руки его в себе маючи, передо мною на вряде оказовалъ,

и был вычитанъ; въ которомъ такъ описано: ижъ панъ Иляшъ Несвѣцкий маетъ за него дочку свою панну Богдану в малжонство дати въ року теперешнемъ шестдесят третемъ, яко на день Покровы Пречистое Богородицы; а еслибы на тот рокъ описаный панъ Иляшъ Несвецкий за пана Януша Угриновского дочки своее не отдалъ, тогды обовязался листомъ своимъ заруки платити: господарю королю его милости пят сот копъ грошей, а пану Угриновскому триста копъ грошей, к тому шкоды и наклады на приречене слова его мает ему платити; што ширей а достаточней на листе пана Иляша Несвецъкого записомъ есть описано и доложоно. Кгдыжъ тот рокъ описаный день Покрова Пречистое Богородицы припадалъ, панъ Янушъ Угриновъский, будучи готовъ ку тому веселю, просилъ мене о лист з уряду навпоминалный и о вижа, при которомъ бы черезъ листъ врядовый мел пана Иляша Несвецкого в томъ навпоменути и при тои всеи справе своеи мети; ино я з уряду Луцкого посылал есми на то вижомъ боярина господаръского Красноселского Михна Павловича, который вижъ тамъ былъ и оттоля приехалъ, и ставши передо мною в замку Луцкомъ, до книгъ тыми словы созналъ: ижъ тыхъ часовъ у середу прошлую, месяца сентебра двадцат девятого дня панъ Угриновский зо мною вижомъ и з сторонами ездилъ до пана Иляша Несвецкого до Несвеча, и скоро есмо до двора его приехали и зседши с коней ишли до светлицы, тогды насъ поткала пани Иляшовая Несвецкая перед сенми, поведаючи, же пана Иляша Несвецкого в дому немашъ. А панъ Угриновский почалъ ей мовити: „Госпоже пани Несвецкая! Якомъ я через людей добрых и самъ через себе малжонъка твоего и твою милость не по однокрот навпоминалъ, ижебы есте водлугъ змовы и застановеня своего з небожчикомъ отцемъ моимъ, на листех записныхъ вчиненым, а потомъ и зо мною также черезъ листы свои под заруками, в листехъ нашихъ меновите описаными, застановеньемъ, дочку свою панну Богдану на рокъ близко припалый за мене в малжонство выдали, такъ и теперечи васъ через листъ врядовый и самъ черезъ себе навпоминам,

абы есте, чинячи досыт опису своему, ку тому року на веселе ся готовали и дочку свою за мене в малженство выдали, бо дей вже рокъ нашъ день Покрова Пречистое Богородицы недалеко!“ И далъ ей лист навпоминалный врядовый, до мужа ее пана Иляша Несвецкого писаный, ижебы дочку свою панну Богдану в малжонство за него выдал. А пани Иляшовая Несвецкая, взявши листъ врядовый напоминалный, под заруками до них писаный, отказала тымъ обычаемъ: „Я дей сама листовъ чести не вмѣю и дяка, который бы его чести мелъ, не маю, але то тобе, пане Угриновский, поведаю, иж мы дочки своее за тебе не дамо, и ку тому ся року не готуемо“. А за тымъ оный листъ пану Угриновскому отдала, а копѣю с того листа списаную собе взяла. Што панъ Угриновский мною вижом врядовым и людми сторонними осветчивши, ехалъ з Несвѣча до именя князей Соколских Михлина, бо ся самъ в дворе къ тому веселю былъ добре зготовал и немало людей добрых, панов а приятелей своихъ мелъ. А потомъ назавтрие, в четвергъ дано пану Угриновскому знати, ижъ пан Иляшъ Несвецкий приехалъ до Угринова; тогды панъ Угриновский тогожъ часу послалъ мене, вижа, з людми сторонними и служебника своего Яна до пана Иляша Несвецкого з листомъ врядовым навпоминалнымъ; и кгдыжъ есмо пана Иляша Несвецкого ув Угринове знашли, тогды я далъ ему до рукъ его лист врядовый навпоминалный, ижебы дочку свою в малжонство за пана Угриновского водле опису своего на рокъ прыпалый выдалъ и именъе его Угриново з дворомъ, з людми и зо всим на все, як от него ув опеку взялъ, ему в держане поступилъ, так тежъ привиля, листы и твердости, которыи от него з жоною своею до схованя взялъ, абы пану Угриновскому поворочалъ, и именя того Угриновского, под зарукою господарскою пятма сты копами грошей, штобы никому иншому в руки пустити не смѣлъ. А пан Иляшъ Несвецкий, давши собе тотъ листъ писару ее милости паней Кгнезненское пану Бенедыкту вычитати, зась его мне отдалъ и поведилъ тыми словы: „Я дей пану Угриновскому жаднымъ ся листом не описовалъ дочки своеи за него

выдавати; а што дей панъ Угриновский на то в себе листъ мой под печатю и с подписомъ руки моее быти менитъ, я дей дали-Богъ писати не вмѣю, листу есми ему своего не давал, печати не прикладалъ и руки своеи не подписовалъ; а нехай дей о томъ пан твой вѣдает, ижъ я за него дочки своее не дам!“ А служебникъ пана Угриновского тыи слова, отказъ пана Иляша Несвецкого, мною вижомъ врядовымъ и людми сторонними осветчилъ. А потомъ назавтрие, в пятницу прошлую, на рок веселю припалый, яко на день Покрова Пречистое Богородицы, месяца октебра первого дня, панъ Янушъ Угриновский, маючи при собе людей добрыхъ, то есть дворенина королевского пана Михала Болгака, пана Гаврыла Ѳедоровича Селецкого, а пана Левка Шпрастского и иншых людей добрыхъ немало, ездил с ними и зо мною вижомъ врядовымъ до пана Иляша Несвецкого до Несвеча, хотячи водле застановеня и опису своего досыт вчинити, а дочку пана Иляшову панну Богдану за себе въ малжонство взяти. Ино есмо тамъ в Несвечу пана Иляша Несвецкого, ни жоны, ани дочки его не застали, и пытали есмо: где бы панъ Иляшъ Несвецкий (былъ)? Врядникъ его намъ поведилъ, иж панъ Иляшъ Несвецкий з жоною и з дочкою своею в Угринове. И тамъ же пан Угриновский пыталъ жонки дворное на йимя Люцы о двохъ дѣвкахъ их неволныхъ, которых дей далъ былъ панеи Иляшовои ховати до того часу, покол бы дочку свою за него в малжонство выдала; тая жонка повѣдила, ижъ тыи дѣвки есть обедве в панее Иляшовое, где есмо одну девку Огафю очима своими видели. З Несвеча ехали есмо до Угринова, ино и тамъ есмо пана Иляша Несвецкого, ни жоны, ани дочки его панны Богданы не знашли; а потом з Угринова ехали есмо до именя князей Соколских Михлина, а тамъ будучи в Михлине, довѣдал ся пан Угриновский, ижъ панъ Иляшъ Несвецкий з жоною своею в Склѣни, так же панъ Угриновский тогож часу послалъ зо мною врядника князей Соколскихъ Михлинского, Богдана, до Склѣня, и знашли есмо тамъ пана Иляша Несвѣцкого и жону его перед дворомъ панее Кгнезненское. Тогда врядникъ Михлинский Богданъ

сталъ мовити пану Иляшу Несвецкому от пана Угриновского, поведаючи тыми словы: иж дей твоя милость, пане Иляшу Несвецкий, описал ся пану Угриновскому листомъ своимъ и под заруками яко нинешнего дня, на свято Покрова Пречистое Богородицы, дочку свою панну Богдану за него в малженство выдати, при котором дей выданю дочки своее мелъ твоя милость имене Угриново з дворомъ, с пашнею дворною, з людми и зо всякими пожитки, яко твоя милость от него в опеку свою до того часу взялъ, ему в держанъе его в целости поступити, так тежъ привилля, листы и твердости на йменя его прислухаючие, и иншие листы его потребные ему поворочати мелъ. Отожъ дей панъ Януш Угриновский к тому веселю зготовался, яко потреба, хотя застановеню опису своему на рок припалый досыт чинити, а дочку твоее милости за себе взяти, до йменя твоего Несвѣча и до Угринова до твоеи милости ездилъ; але ижъ там тебе самого, ани малжонки твоее милости не знашол, для того и тутъ мене з вижомъ врядовымъ и з людми сторонними прислалъ.—А панъ Иляшъ Несвецкий на то отказалъ: „Я дей пану Угриновскому жадным листом своимъ на то не описовался и то вам поведаю, иж я дочки своее за пана Угриновского не дамъ, йменя ему не поступлю, нехай о томъ пан Угриновский ведает; а што ся дей дотычет привиля и листовъ пана Угриновского, тыи вси листы его в дворе моемъ Несвѣцкомъ погорѣли, коли дворъ мой горелъ. А ведже, поведаетъ, естли чого пану Угриновскому до мене потреба, нехай же мене где хочетъ позываетъ; я ему хочу отказати тамъ, где ему потреба будетъ". Што врядникъ Михлинский Богданъ то все мною вижомъ врядовым и людми сторонними освтчил. А кгдыж есмо приехали до Михлина, тогды пан Угриновский показовалъ намъ меды, пива, горелку, рыбы, мяса воловые, яловичие, зверину: заяцы, тетеричъ, гуси и кури набитых множство; перцу, шафрану и иншого кореня полну скриню; так теж овсы, сена, муки пшеничные и житные, поведаючи, иж на томъ шкодуетъ болшей ста копъ грошей, што ку тому веселю готуючися наложилъ; чого реестръ вшеляких речей

пан Янушъ Угриновский в себе мает и то все водле реестру своего паномъ а приятелемъ своимъ и мне вижу врядовому и людемъ стороннимъ показовалъ и через колко дней всих приятелей своих и людей добрыхъ меды, пивы и всими достатками честовалъ мало не тыждень.—Хотячи о тое мовити, просилъ пан Януш Угриновский, абы то было записано. А такъ я тое оповедане его и вижово сознане в книги замковые записати казалъ.

Книга замк. Луцк. 1563 г. № 2037, л. 170.

II.

Лѣта Божого нароження 1568, месеца августа двадцат осмого дня.

Ставши очевисто в замку господаръском Луцкомъ, перед судом земскимъ, на роках перших судовых, от господаря короля его милости по службе господаръской земской военной и по выволаню сойму валного Городенского зложоных, передо мною Гаврилом Василевичомъ Бокиемъ, судею земским повету Луцкого, а передо мною Остафъемъ Василевичом Соколским, подсудком земскимъ Луцкимъ, земенин господаръский пан Янушъ Прокопович Угриновский жаловал ведле позву своего на пана Иляша Несвицкаго о томъ, што ж дей он часовъ прошлыхъ, учинивши застановене з небожчикомъ отцемъ моимъ паномъ Прокопомъ Угриновским через листы свои записные, хотечи повиноватество вечистое з собою мети, за мене, яко за сына его, дочку свою пану Богдану в малженство дать, а потом дей, кгды небожчикъ отецъ с того света зшолъ, тогды дей он, вже по смерти отца моего, потвержаючи оного застановеня, з отцемъ моим учиненого, знову зо мною постановене учинил, хотечи опису своему досыт вчинити, а дочку свою за мене в малжонство дати; на што и листы есмо промижку себе, под печатми и с подписанемъ рук наших, под заруками на господаря короля его милости и сторона стороне описаными, дали, ктому о шкоды и наклады на слова преречене

описался платити; а кгды ж дей тот рок, ведле зложеня, был припал, я дей, зготовившися на веселе в дому приятелей своих, ихъ милости князей Соколскихъ, у Михлине, зо всими приятелми своими и з вижом врядовым, яко на рок, до него до Несвеча ездил, хотечи опису своему досыт чинити а дочку его панну Богдану за себе в малжонство взяти, нижли дей на он час его самого, жоны и дочки его у дворе его Несвецкомъ, так и в Угринове, не знашли; а потом дей з Угринова приехавши до Михлина, послышавши, же он на тот час з жоною своею был в Скленю, посылал дей до него врядника ихъ милости князей Соколских и з вижом врядовымъ, навпоминаючи его, абы ему ведле опису своего досыт вчинил и дочку свою панну Богдану за него в малжонство выдал, так теж имене его Угриновское з двором, з людми, с пашнею дворною, засеяною и в гумне оставленою, и зо всими домовыми статки, што онъ опекою до того часу, ним бы веселю рок припал, до рук своихъ взял, все в целости мне поступил и подал, к тому листы, привилья, которые до схованя своего в него взял, поворочал. То пак дей, пробачивши постановеня своего, не дбаючи ничого на заруки господаръские и сторона стороне, на себе доброволне описаные, тому листу своему досыт не вчинил, дочки своее за него в малжонство не дал, именя своего Угриновского зо всими речами, верху писаными, не поступил, в чэм собе от него не мало на том шкодует, штом дей заразом того-ж часу на вряде господаръскомъ в замку Луцкомъ оповедал и то записати далъ, на што и выпис в себе мает. Якож дей вже пана Иляша Несвецкого позвы господаръскими, так теж и врядовыми позывал, нижли дей за службами господаръскими земскими военными о то собе справедливости з ним звести и до того часу не мог; где ж дей и тых часов недавно прошлыхъ, в року теперешнем шестдесят осмом, о томъ же позывал его перед суд земский Луцкий на роки прошлые, на день Светое Тройцы римского свята, которые роки за соймомъ Городейскимъ судовне дойти не могли; але дей там же на сойме в Городне то уфалено и постановено, же тые всѣ справы, хто

одно кого на оные роки прошлые позывал, переложоны на суд земский теперечий по выволаню сойму в шести недѣлях справовати. Я дей того року за позвы своими уставаю и пилность в том чиню. Яко ж панъ Янушъ Угриновский, положивши перед нами позов свой и выпис с книг вызнаня возного, доводечи року того, на который его позвалъ, а другий выписъ сознаня вижова на вряде готовости его на веселе учиненое, к тому теж положил два листы записных пана Иляша Несвецкого, оден што ся был описал з отцем его паном Прокопом Угриновским о отдане дочки своеи панны Богданы за него, яко за сына его, а другий лист ктому вже по смерти отца его, знову потвержаючи того ж постановеня своего, з ним учиненого, тое свое застановене при моцы заховываючи, под такими ж заруками умоцнилъ; и просил, абы есмо тые вси лысты, право его, прочитали и его в том, яко сторону жалобливую, обычаем правным заховали. Где ж мы позов и выпис врядовый сознаня возного на рокохъ за позвы станя ихъ ку праву, теж выпис вижова сознаня о готовости его на веселе вчиненое, а потом два листы записных пана Иляша Несвецкого под печатю и с подписом руки его властъное читати есмо перед собою казали. Тогды в першомъ листе его, которым ся пану Прокопу Угриновскому обвязал, такъ вызнавает, иж змовил и пошлюбил дочку свою панну Богдану за сына его пана Януша выдать, котороей естли бы за него не дал, тогды мает господару королю его милости заруки платити петсот коп грошей, пану Прокопу Угриновскому триста коп грошей, ктому вси шкоды и наклады на слова речене платить, што ширей а достаточней ест на тому листе его описано; а другий лист, вже по смерти отца его, постановеня знову з ним учиненого, так ся в собе мает: „Я Иляшъ Богушевич Несвицкий вызнаваю сам на себе сим моимъ листом, кому будет потреба того ведати, або чтучи его слышати, иж з воли Бозкое а намовы прителское, змовил есми дочку свою панну Богдану в малженство его милости пану Янушу Угриновскому, где ж я, не отступуючи першого запису небожчика отца его пана Прокопа Угриновского

и тых зарук, которые на нем естъ описаны, на господаря короля его милости петсот коп грошей, а сторонѣ триста коп грошей, вси шкоды и наклады ведлуг приреченя слова, и заплативши тые вси шкоды и наклады, так и заруки доброволне на себе принятые, предця тые листы при моцы захованы быти мают, и я теж Иляшъ Богушевич Несвецкий теперешнего часу тот лист записный отца его для лепшое твердости своимъ листомъ есми потвердил и в моцы их заховал под тыми ж заруками, доброволне на себе принятыми, на господаря короля его милость петмасты копами грошей, а пану Янушу триста коп грошей, вси шкоды и наклады ведлуг приреченя слова его. А што ся дотычет посагу девки моей, тогды я маю триста коп грошей готовыхъ, а выправы сто коп грошей ему дати перед Крещениемъ за тыждень, а скоро тые гроши пану Янушу до рук дойдут, тогды он девцы моей вѣно оправити мает, которому веселю и рок есми певный промежко себе приняли на ден Покрова Пречистое Богородицы свята прийдучого, которое быти мает в року шестдесят третем, а нигде индей, одно в дому моемъ Несвечу. И на то есми пану Янушу Угриновскому дал тот мой лист под моею печатю и с подписю руки моей влостное. Писан в Луцку, лета Божого нароженя тисяча пятсот шестдесятого, месеца декабря осмого дня“.—При том теж пан Янушъ Вгриновский положил выпис под печатю врядовою, в котором такъ пишет: „Лета Божого нароженя тисяча пятсот шестдесят первого, месеца февраля первого дня. Казано записати: пришодъши и постановившися обличне передо мъною Борисомъ Ивановичомъ Совою, подстаростим Луцким, земенинъ господарский пан Янушъ Прокоповичъ Угриновский оповедал и вызнал тым обычаем, што ж дей небожъчикъ отец мой с того света зшол, оставивши по собе долги немалые, о што мене по смерти небожчика отца моего многокрот ку праву перед вряд позывано, а вряд присужовал платити з ымени своего отчизного, которого ми ся велми мало по смерти отца моего остало, и не маючи я с чого тых долговъ отцевскихъ платити, утекломся в томъ до ласъкавого

приятеля своего пана Иляша Несъвицъкого и малжонки его панее Олены, иж оны дочку свою панну Богъдану за мене в малжонство заручили, по которой паненцы своей мели мнѣ дати вѣна готовых пенезей триста коп грошей готовыхъ, а выправы за сто коп грошей,—просил есми ихъ, абы мънѣ тые пенези на долги отцевские выплачовати дали. Оны, ужаливъшися мене, не хотечи мънѣ шъкоды моей узычати, абых я остаток отчизны моей на долги отцевские мел заставляти, дали мнѣ триста коп грошей готовыхъ. А иж тот час еще не пришол и рок весиля моего не припал, я до того ж часу в той суме пънезей далъ есми именъе мое Угриновское з людми и зо всякими пожитки и сам ся есми его милости, яко пану отцу своему, ув опеку дал; мает его милость мене самого ув опеце своей мети, именя моего держати до того часу, покул ихъ милость дочку свою за мене в малжонство выдаст, а при выдани вже девки своей панны Богданы одно ми его милость мает дати выправы за сто копъ грошей, а я тые пенези триста коп и выправы сто копъ грошей дочце ихъ милости а малъжонце своей панне Богдане Илъяшовне Несвицкой на третей части именя моего Угриновского совито оправу вчинити маю; а естлибы в том часе, з допущенъя Божого, на мене смерть зашла, тогды сестры мои рожоные винны будут тые пенези пану Илъяшу Несвецкому дати, а имене мое Угриновское к рукамъ своимъ взяти. И просилъ, абы было записано“; што ширей а достаточъней на тыхъ всѣхъ листех справы его естъ написано и доложоно. За которыми позвы и за тою справою своею панъ Янушъ Прокоповичъ Угриновский перед нами на року ся становил и зо всим доводомъ своимъ ку праву былъ готов и пилность в том с поранъку ажъ до вечора чинил, хотечи собе в том справедливости своей доводити з ним, а пан Иляш Несвецкий самъ ку пъраву не сталъ и никого ку отказу з моцю зуполною на месце свое не присылал и жадное ведомости тут до вряду о собе знати не дал. А так мы, присмотревъшися добре записом пана Иляша Несвецкого и угълянувши в статут земский, всему панству его кролевской милости великому князъству Литовскому

наданый, в розъделе четвертомъ артыкул двадцат вторый такъ опевает: „естли бы ся хто добъроволне кому записалъ и рок в листе своемъ ознаймил, а не вчинил бы тому досыт, тогды за позвы на першом року, яко на завитомъ, естли не станет, вовсе упадывает водлуг листу або запису своего, а суд вже мает отправу вчинити водлуг листу, жадныхъ роков не складаючи“. Про то с тыхъ причин, вышей помененых, за нестанемъ пана Иляша Несвецкого на рокъ завитый ку праву, всказали есмо и присудили на нем, кром заруки его милости господарской, о которой мы вряд господару королю его милости дать знати маем, пану Янушу Угриновскому заруку, водле листу его записного, триста коп грошей о недане девки его за него, а шкод и накладов его як на веселе, так и на наклад, собе доводечи справедливости, чотырисъта копъ грошей, такъ тежъ именье его въластъное отъчизъное Угриновъ, которое панъ Илъяшъ Несвецкий только до выданъя дочъки своее за него ув опеце своеи держати мелъ, з двором, з людми, зо всим на все так, яко ся тое именье само в собе в кгрунътехъ и в пожиткохъ своихъ мает, ему заразомъ в моцъ, въ деръжане его есъмо присудили; а за навязъку людей Угриновскихъ тридцати и шесъти чоловѣковъ подъворищъныхъ а шесъти огородъниковъ, которые через семъ лѣтъ ему не робили, от кождого чоловѣка тяглого на кожъдый тыжъденъ по шести грошей, то чинитъ на годъ по пяти коп и по дванадцатъ грошей, а сума того выноситъ тисячу триста сорокъ и сем копъ грошей пятдесят и чотыри гроши; а от огородниковъ шести на кожъдый год по две копе по тридцати по шести грошей, чинит сто коп чотырнадцат копъ и тридцат грошей; тые люди давали плату вѣрочистого на кождый год три копы тридцат и шест грошей, то чинит двадъцат пятъ копъ и десят грошей; корчма на рок по двадцати копъ, чинитъ за семъ лет сто сорокъ копъ грошей; млынъ на кожъдый год по пети копъ, чинитъ за семъ лет тридцат и пят копъ грошей; два спусты ставу, спуст по десети копъ грошей, чинит двадцат копъ грошей; сеножати и огороды дворные по двадъцати копъ, чинитъ за сем год

сто и двадцат коп грошей; овса за сем год семъдесят колод, шацуючи мацу по шесть грошей, чинит сумою за сем лет сто коп и двѣ копе грошей; того всего сумою водле шацунку статутового всказали и присудили есъмо за несътанъемъ, яко на рокъ завитый, на пану Илъяшу Несъвицъкомъ пану Янушу Пърокоповичу Угриновъскому на въпадъ дъви тисячи пятъ сотъ сорокъ копъ чотыри копы тридъцат и чотыри гроши, которой суме пенежьной, от насъ судовъне всказаной, и роки есмо на заплату, водле статуту земского, положили: каждой стома копам грошей дванадцат неделъ; а што ся дотычеть дворного будованя в дворе, так теж пашънѣ, быдъла рогатого и дробъного, всѣхъ статков домовыхъ, с чим былъ панъ Иляшъ Несвецкий тое имене Угриновское от него опекою възялъ, и тежъ о въси шъкоды именъю, подданымъ его Угриновскимъ черезъ тые семъ летъ, которые бы за держанъя пана Иляша Несвецкого поделаныи, о то ему обо въсе право волного мовеня вцеле заховано. Якожъ есмо тое судовъное въсказане наше въ книги справъ земъскихъ записати есъмо казали и выпис с книгъ под печатми нашими пану Янушу Прокоповичу Угриновскому на то дали. Писан в Луцку.

Книга земская Луцкая 1565—1569 г., № 2093, листъ 208.

XXII.

Духовное завѣщаніе князя Якова Васильевича Крокотки-Еловицкаго, въ которомъ онъ, между прочимъ, обезпечиваетъ вѣно своей жены, такъ какъ она при выходѣ замужъ не получила отъ него обычной вѣновной записи. 1564 года, марта 18.

Лѣта Божого нароженя 1564, месеца ноября девятого дня.

Присылалъ до мене Андрея Ивановича Русина, подстаростего Луцкого, князь Яков его милост Василевич Крокотка Еловицкий приятеля своего пана Станислава Деменского, подключочого Луцкого, оповедаючи, иж з Божого допущеня есть навежон обложною хоробою, и розумеючи собе то, иж на сем свѣте кождому чоловеку ничого певнейшого, яко час смертелный, што кождого минути не можетъ, а протож дей он еще за доброе памети и зуполного розуму своего, хотячи малжонку и дѣти свои по животе своем в добром опатреню и слушном порадку зоставити, справивши тастамент водлуг доброе бачности и мысли своее под печатю своею и теж под ведомостю и печатми людей добрых, тут на врядъ его королевское милости до замку Луцкого присылалъ, просячи, абы был вычитанъ и в кънигии замковые записан, который тастамент его так ся в собе маетъ: „Во ймя Божое святое и живоначалное Тройцы станся. Я Яковъ Василевич Крокотка Еловицкий ознаймую то и чиню явно всимъ посполите, кому того потреба будет вказовати, албо чтучи его послухати, нинешнимъ и напотомъ будучимъ, штож з навеженя Божого будучи мне обложон форобою и розумеючи то, иж кождый чоловек естъ смертелный, который ся на тот свет народил, тот и умрет, и взнавши самъ по собе, иж с тое форобы жив не могу быти, але хотечи самъ по доброй воли своей, без жадного примушеня и намовеня людского приятелского, при животе и по смерти живота своего малжонку и промежку детей своихъ порадност, вы йменяхъ своих во всей отчизне поровнане и покой вечный вделати, иж бы по животе моемъ спокой-

ное и вечное мешкане промежку собою мели, то вчинити и зоставити не на словехъ, што под часом с памети людское выходит, толко на писме, под сведомом врядовымъ и приятелскимъ, будучи в доброи памети, целомъ и зуполномъ розуме, врозумевши самъ в себе и остаточное воли своеи, пишу тот тастамент мой. Напервей поручаю и даю в руки душу свою Богу сотворителю в Тройцы единому, а тело мое грешное мает жона и дети мои почтиве, ведле закону нашого хрестианского, погрести и по души моей на церкви Божие роздат на сорокоусты и памети чинити. И ку тому теж то на томъ тастаменти докладаю, иж маючи я за собою у малженстве светомъ з дому зацного, почтивого, до-ку небожчика пана Олехна Грынковича Козинского на йимя Овдотю, по которой взялъ есми в посагу, въношеня ее в домъ мой, сто коп грошей готовых личбы и монеты Литовское, а сто коп в золоте, в серебри, в шатах, перлах, клейнотах и в иншых многих рухомых речах, што ся то все до рук своих взял и ку своему пожитку обернулъ, а иншие речи, бываючи частокрот на службах господарских и земских, утратил, и на то есми ей малжонцы своей никоторое слушное оправы и твердости на йменяхъ моих отчизных не вчинилъ; а будучи в томъ малженстве светомъ з нею малжонкою моею и маючи ку собе аж до того часу службы, склоности и сердечную милость, яко на малженский святый станъ прыналежитъ, паметуючи тые службы ее, цнотливое захованe, теперешней остаточной воли часу своего смертелного показавши еи ласку свою, якъ напротивко того вѣна, вношеня ее въ домъ мой двох сот коп грошей, и ку тому зъ ласки своее привенку другую двесте копъ грошей личбы литовское, такъ теж и за цнотливые службы и склонности ее напротивко мене, малжонка своего, заховываючи в том ведле звыклости нашое хрестянское и ничимъ не отступаючи статуту права земского, хотячи ей малжонцы и детемъ моимъ по животе своемъ покой вечный вчинити, ижбы жона и дети мои на мене не плакали, але спокойное мешкане мели, ведаючи вшелякие пожитки вы йменяхъ моихъ: Еловичох, у Ворсине, в Чекне и в

Котелеви, выймуючи зо всих тых именей моих за третюю част двор мой Еловицкий зо всимъ будованемъ и имене Еловичи, з бояры путными, з людми тяглыми, з дворищы пустовскими, с полми и з сеножатми музскими, так яко которое дворище за отца моего и за мене держано было, и ку тому став и млын Чеконский зо всими пожитки, и в гаи дерево бортное со бъчолами и въ котором бчол нет, и бчолы всѣ в пасецы, пашня в гумнехъ нежатая и на поли засеяная, и подворе в замку господаръском Луцком, шаты, цынъ, медь,—а грошей готовыхъ и сребра того ничого не маю,— кони ездные, стадо сверѣпъе, быдло рогатое, овцы, козы, свини, куры, гуси и вшелякие малые и великие, якимъ колвекъ именемъ названые домовые речи и привиля господарские на вси имена, отъчизну мою,—то все даю, дарую и на вечност тым тастаментомъ моимъ описую, отделяючи то ото всихъ детей, дочокъ и зятей моихъ и их потомковъ, малжонце моей кнегини Овдотьи Олехновне на вечност; и ку тому пол и сеножатей дворных, которые я къ тому двору Еловицкому за живота своего держалъ и вживал, так тежъ въ гаех на будоване дерева и на рубане дровъ, в рецы Стыру бобровыхъ гонъ и на поли ловы звериные и пташие, на всемъ на том записую малжонце своей третюю част такъже на вечност; а малжонка моя с тое третее части, от мене ей на том тастаменте вышшей на вечност меновите описаное, детемъ, дочкам моим, не мает и не будет повинна никоторое выправы и посагу давати, толко спокойное мешкане мети мает и то все держати и поживати на вечные часы, и волно будет по животе и при животе своем дѣтем, дочкам своимъ, которои з нихъ, албо тому, кому хуть и воля на то ее будет, отдати, продати, даровати, на церковь Божию записати и такъ з тымъ шафовать водле воли и мысли своеи; а дети, дочки мои вси и зети мои не мают еи того заборо-няти и в тое ся вступовати, толко вечное молчане мети маютъ. А внука моя Овдюхна, дочка небожчика зятя моего Василя Красовского, ту маетъ малжонка моя княгиня Овдотя до себе взяти и ховати до лет ее, а коли лета свои мети будет, тогды маеть еи

и повинна будет с части своее дати петнадцат копъ грошей готовых, две сверѣпе стадныхъ, пет волов а три корови. А што ся дотычеть тых полъ и сеножатей, и дерева бортного, и гаевъ, што предки мои и я самъ надали на церкви Божие: на церковь чесного Креста и на церков светого Дмитрея, в тое земьли и в гаи церковные жона, дети, дочки и зяти мои ничимъ ся не мают вступовати и от церквей Божих отыймовати. К тому теж, што ся дотычеть именя моего Ворсина, Чекня и двох ставовъ верхнихъ, пол, сыножатей, гаевъ, бобровых гонъ, лововъ звериных и пташиих и дворища пустовского на Гнидаве, которое лежитъ недалеко от двора кролевского, и вшелякиx пожитковъ малых и великих, што ся к тымъ именям на тые две части приналежит, то все отписую дѣтемъ, дочкамъ моимъ: Марухне, Настаси, Ганне, Масцы и Палагне, которые лѣта мают и которые лет не мают; естли замуж пойдут, тогды то промежку собою на части ровные розделити ведле права прирожоного мают, а которые еще замуж не шли, тыи мают с частями своими, што на нихъ прийти мают, зо всим с тымъ кождая з них при малжонце моеи а матце своеи кнегини Овдоти мешкати, а жона моя и матка ихъ тыхъ именей всих пожитковъ ничимъ утратити не маетъ; але коли замуж пойдут, тогды то все имъ, кождои з них, в целости вернути маетъ. Ку тому тежъ, которуюмъ сорокъ копъ грошей литовъскихъ, едучи на послугу господарьскую до Ифлянт, взялъ и позычилъ в зятя своего небожчика Василя Красовского и записал есми ему тую суму пенезей на именю моемъ отчизномъ Котелеви, то и тепер тымъ тестаментом моимъ, остаточною волею своею, записую и тотъ лист мой записный на тую сорокъ коп грошей потвержаю, которое имене Котелевъ дочка моя Марухна Василевая Привередовская в тое суме въ сороку копахъ грошей и до сего часу держит,—тогды дочки и сестры ее, коли замужъ пойдутъ, а будет ли имъ в томъ кривда ся увидет, напервей они сами и зяти мои тую сорокъ копъ грошей власного долгу моего дочце моей и сестри своеи Марухне вси ровными частми заплативши, тож тое имене Котелевъ

на ровные части ведле права прироженого розделити и поровнати на вечъные и потомные часы мают, а не отдавши тыхъ сорока копъ грошей, ничимъ ся въ тое имене Котелев вступовати не мают, аж до зуполнои заплаты. А в опеку поручаю жону и дети мои приятелемъ своимъ: их милости пану Михайлу Ѳедоровичу Сербину Хорохорынскому, хорунжому земли Волынское, суди повету Луцкого, а пану Андрею Ивановичу Русину, подстаростему Луцкому, а шурыну своему пану Дмитру Олехновичу Козинскому. Якож есми тот тастамент остаточную волю на вряде замку господаръском Луцкомъ черезъ приятеля своего и черезъ лист свой оповедал и до книг врядовыхъ земских записати далъ. И на то дал есми малжонцы моей кнегини Овдоти Олехновне тот мой тастамент з моею печатю. А при томъ были и тому добре сведоми: пан Войтехъ Красовъский, воротный Луцкий, на тот часъ будучи на местцу пана Андрея Русина, подстаростего Луцкого, в Луцку, а панъ Федоръ Русинъ, писар Луцъкий, а панъ Томило Ворона Боротинский, которые за прозбою моею печати свои приложили к сему моему тастаменту. Писан у Еловичах, лет Божого нароженя тисяча пят сот шестдесят четвертого, месеца марца осмогонадцат дня".—А такъ я тое оповедане и тастамент князя Якова Василевича Крокотки Еловицкаго, черезъ пана Станислава Даменского, подключочого Луцкого, до вряду присланый, в книги замковые записати казал, и выпис с книг под печатю моею князю Якову его милости Василевичу Крокотце Еловицкому на то послалъ.

Книга земская Луцкая 1564 г, № 2038, л. 255.

XXIII.

Заявленіе земянина Брестскаго повѣта Василія Збѣрожскаго о томъ, чѣмъ онъ обязывается обезпечить вѣно новобрачной женѣ своей, дочери Волынскаго земянина Галенѣ Бокіевнѣ. Заявленіе это должно было временно замѣнить собою установленную вѣновную запись, каковую Збѣрожскій обязывается выдать впослѣдствіи и внести ее въ актовыя книги своего повѣта. 1564 г., мая 18.

Лѣта Божого нароженя 1564, месеца мая 18 дня.

Пришодчи и постановившися очевисто в замку господарьскомъ Луцкомъ, передо мною Войтехомъ Красовскимъ, в тот часъ будучим на местцу пана Андрея Ивановича Русина, подстаростего Луцкого, земенин господарьский повету Берестейского пан Василей Офанасьевич Збѣрожский оповедал и созналъ тымъ обычаем: „Иж дей я, з воли Божои а з дару Духа светого и с порадою приятелей моих, понял есми за себе в малжонство панну Галену Семеновну Бокиевну, по которои взялъ есми от брата еи пана Яна Семеновича Бокиевича Зарѣцкого вѣна готовыми пенезми сорок коп грошей мониты и личбы литовское, кроме выправы, то есть золота, серебра, перелъ, шатъ, коней, быдла и инших рухомых речей; напротивку которого вѣна и всего вношеня ее, с чимъ есми ее за себе взялъ, даю, дарую и записую ей малжонце своей милои панеи Галене на именю моемъ отчизномъ Збѣрозехъ, в повете Берестейскомъ, которое мне от брати моее с поровняня и з дѣлу вечистого зостало, осмдесят копъ грошей личбы литовское на двох частех того имени моего Збѣрожского. Ку тому тежъ, дознавши я по неи ку собе почтивое захован, вѣрную милость и поволность ее, ижъ ся она, яко верная а почтивая, напротивку мнѣ, малжонку своему, статочне заховываетъ, протож я з милости моее малжонское даю, дарую и записую еи, малжонце своеи милои панеи Галене Бокиевне, на вечность третюю част тогож именя моего отчизного Збѣрожского з дворомъ, с пашнею дворною, с

полми и сеножатми дворными, зъ их роботами, с подачками, с платы, з доходы и зъ ихъ повинностями и зо всими пожитками, ничого такъ с тое третее части самъ на себе, на братю, на близкихъ и кревных моих не оставуючи; так теж домы, фолварки и огороды, которые маю в заставе у месте Берестейскомъ, и штобых еще именей, з нею мешкаючи, набылъ, выслужил, прибавил, або прикупил; к тому статки мое, яко гроши готовые, так теж золото, серебро, цын, мѣд, кони ездные, быдло рогатое и дробное и иншые речи рухомые и вси статки домовые от мала и до велика, то все еи, жоне моеи милои, ку тои третеи части именя моего Збѣрожского на вѣчные часы даю, дарую и то на вряде записую; которое третее части, так теж и тую суму пенезей осмъдесят коп грошей личбы литовское, от мене ей на двох частех тогож именя моего Збѣрожского описаную, жона моя милая пани Галена Бокиевна мает держати, вживати на вечные часы и то по моемъ животе кому хотечи отдати, продати, даровати, записати, ку пожитку своему оборотити и тымъ водлугъ наменшое воли своее, яко сама налепей розумеючи, шафовати; а братя моя и нихто з близких и кревных моих в тые две части именя моего Збѣрожского, не отдавши еи тое сумы пенезей осмидесят коп грошей личбы литовское, жадными причинами никоторое переказы за держаня еи чинити и ничим ся в то вступовати не мают, до отданя зуполное заплаты тых пенезей осмидесят копъ грошей личбы литовское. А еслибых я самъ, братя моя и хто ж бы колвекъ з близкихъ и кровныхъ моих, не отдавъши тых пенезей еи, жоне моеи милои, панеи Галене, або тому, кому бы то она отдати, даровати и записати мѣла, в тые двѣ части чимъ колвекъ уступовати, албо перед который колвек врядъ ку праву притегати мели, тогды з нас кождый таковый, хто бы одно то смелъ вчинити, будем винни заруки заплатити господарю королю его милости двѣ сте коп грошей, тому вряду господаръскому, перед который бы колвекъ ее самую и потомков ее ку праву притягати мели, сто копъ грошей, а еи самои и потомком ее вси шкоды наклады, кром жадного права и доводу,

толко на речене слова, ихъ маем платити, а заплативши заруки, так тежъ за шкоды и наклады стороне досыт вчинивши, предся она, жона моя милая, дети и потомки ее мают две части имени моего Збѣрожского держати и вживати до зуполное заплаты тое сумы пенезей осмидесят коп грошей личбы литовское; на што еи жоне моей милои панеи Галене и лист веновный под печатми людей зацных обецую и прирекам справити и то в повете своем до книг замку господарьского Берестейского вызнати и дати записати."—И просил, абы то было на вряде здешнемъ замку Луцкого до книг записано. А так я тое очевистое оповедане и добролное сознане пана Василя Збѣрожского в книги замковые записати казалъ.

Книга замков. Луцкая 1564 г., № 2038, л. 79.

XXIV.

Запись п. Марьи Борзобогатовны Красенской объ условіяхъ добровольнаго расторженія брака ея съ п. Яцкомъ Добрылчицкимъ, съ предоставленіемъ обѣимъ сторонамъ права вступленія въ новые брачные союзы. Поводъ къ разводу—несогласная жизнь супруговъ. Судьба дѣтей. 1564 г., мая 27.

Лѣта Божого нароженя 1564, месяца июня 7 дня.

Пришодши и постановившися очевисто в замку господарскомъ Луцкомъ, передо мною Андреемъ Ивановичомъ Русином, подстаростим Луцкимъ, пани Маря Ивановна Борзобогатовна Красенского сознала тымъ обычаемъ: иж дей я з воли Божое и дару его святое милости пошла есми в малженство за пана Яцка Стецковича Добрылчицского, с которым мешкаючи часъ немалый в стане малжонскомъ, потомство от Бога Сотворителя нам даное межи собою

маючи, узявши росторгнене и разность я з мужом своим, мешканя жадного в деле стану малженского мети не могли есмо; и розумевши то, жем с нимъ мешканя доброго вже мети не могли, а не хотечи болшого зашстя и розниц промежку собою множити, с тыхъ причин малжонка своего пана Яцка от сего часа и на потомные часы с того мешканя моего малжонского, которое я з ним по вси часы мѣла, от себе и от малжонства своего волным вчинила, и позволяю ему за себе в малжонство кого хотячи поняти, а и мне теж волно будет замуж за кого хотя пойти; на што есмо промежку себе листы роздали, на которых тое наше доброволное розлучене шерей а достаточней ест описано. Якож и листъ свой под печатми зацных панов и с подписом руки, на то от себе малжонку своему даный, передо мною на вряде показовала, просячи, абы был вычитан и в книги замковые записан, который лист так ся в собе маетъ: „Я Маря Борзобогатовна Красенского ознаймую тым моим листом нинешнымъ и напотом будучим, кому потреба будет вѣдати, штомъ я была з воли Божое и дару его святое милости пошла в малжонство за пана Яцка Стецковича Добрылчицкого, с которым мешкаючи час немалый в стане малжонскомъ, потомство от Бога Сотворителя нам даное межи собою сплодилисмо; а иж отъ годов мало не двох, з гнѣву и допущеня Божого, якоесь нетрафное мешкане межи собою маючи, узявши розницы великие и росторгнене я з мужом своим, мешканя жадного ведле стану малжонского мѣти не могли есмо. Бачачи то я по мужу своем мысль отменную и хуть ку мне, жонѣ своей, не такую, яко есть обычай малжонку противо малжонци показоват, и розумелам то, же я мешканя доброго з нимъ вже по сесь часъ мети не могла, не з жадного примушеня ани понуженя, одно доброволно, в целом а зуполномъ здоровю будучи, а не хотячи болшого зайштя и розницъ межи собою множити, по сесь часъ и на потомные часы малжонка своего пана Яцка Стецковича с того мешканя моего малжонского, которое с нимъ по всѣ часы мѣла, от себе от малжонства волным чиню: я от него прожна, а он от мене. А иж нас Пан Богъ за

грехи наши тым наведити и малжонство розлучить рачил, я, Пану Богу поручивши, позволям пану Яцку кого хотя поняти, а мне теж волно замуж за кого хотя пойти. А што ся тычет детей наших, тые мают быти: при мне двѣ дочце, Макгдалена а Настасия, а при пану Яцку сыны два, Иван а Яким. Тыми так я, яко и онъ, водле повинности хрестъянское, опекатися и старати о них, яко цнотливымъ родицамъ о детех своих пристоитъ, маемъ вѣчне, в жадном артикуле того ростаня и постановеня нашого не зърушаючи, под зарукою его королевское милости пяти сот копами грошей, а стороне пана Яцковои такеж пят сот копами грошей, а заплативши тые заруки, предся тое постановене вечно держано и в покою на обе стороне заховано быт маетъ. А при томъ были и того добре свѣдоми: его милость панъ Андрей Русин, подстаростий Луцкий, а панъ Михайло Корытенский, которые ихъ милости панове вышшей помененые печати свои за прозбою моею к тому моему вызнаному листу приложили, а и я тежъ сама печат свою приложила и руку подписала. Писан в Луцку, лета Божого нароженя тисяча пят сот шестдесят четвертого, месяца мая двадцат семого дня".—А так я тое очевистое сознане и доброволное оповедане и лист панеи Мари Борзобогатовны вызнаный слово от слова, с початку аж до конца в книги замковые записати казалъ.

Книга замковая Луцкая 1564 г., № 2038, л. 94.

Примѣч. Изъ тѣхъ же актовыхъ книгъ Луцкаго замка намъ извѣстна отчасти и послѣдующая судьба разведшихся супруговъ. Марья Борзобогатовна очень скоро вышла вторично замужъ. Въ томъ же 1564 году, 25 сентября отецъ ея, нареченный владыка Владимірскій, п. Иванъ Борзобогатый-Красенскій выдалъ зятю своему п. Василію *Рогозенскому* заставную запись на имѣнія Мусоры и Ставки въ обезпеченіе 500 копъ грошей, обѣщанныхъ имъ въ качествѣ приданаго за своею дочерью „панею *Марухною*"; а 26-го того же сент. имъ была выдана долговая запись на 500 копъ той же дочери „панеи Марухнѣ *Рогозенской*. (Книга замков. Луцк. № 2039, л. 251 обор. и 253 обор.). Что же касается п. Яцка Стецковича Добрылчицкаго, то въ 1571 г. въ Луцк. земскія книги былъ внесенъ его „тестаментъ", которымъ онъ все имущество записываетъ женѣ своей *Ганнѣ*, племянницѣ п. Михаила Малинскаго, и прижитымъ съ нею дѣтямъ; сыновьямъ же отъ „первшой малжонки" его,

„*Марьи Ивановны Борзобогатой*“, предоставляетъ лишь право участія въ раздѣлѣ его *родового* имѣнія, наравнѣ съ младшими (сводными) братьями,— на томъ основаніи, какъ объясняетъ завѣщатель, „ижъ коли-мъ еще з жоною своею першою, ихъ маткою, мешкалъ, теды-мъ досыть немало от нее труд-ности, небезпечности, шкодъ и утратъ приймовалъ, иж отъ всее маетности моее былъ отпалъ для утратъ ее своволныхъ“. (Книга Луцк. земская, № 2094, л. 734).

XXV.

Соглашеніе, заключенное передъ третейскимъ судомъ между маршалкомъ королевскимъ Петромъ Кирдѣемъ-Мыльскимъ и его зятемъ Янушемъ Крупскимъ, подчашимъ Холмскимъ, по которому жена послѣдняго Маруша Кирдѣевна имѣла оставаться въ домѣ отца, вмѣстѣ съ своимъ приданымъ, до того времени, пока мужъ ея, согласно предбрачному условію, совершитъ законнымъ порядкомъ вѣновную запись и вручитъ ее тестю. 1564 года, іюня 14.

Року 1582, месеца генъваря 25 дня.

Пришодчи на врядъ кгродский Луцкий, до мене Станислава Петровского, подстаростего Луцкого, от его вельможное милости пана Александра Пронского, столника великого князства Литовского, старосты Луцкого, служебникъ его милости пана Романа Гостьского Михайло Лаврентиевичъ Пѣшко положилъ передо мною листъ под печатьми и с подъписомъ рук ихъ милости пана Ольбрыхта Лаского, пана Петра Кирдѣя Мылского, маршалка его королевское милости, а пана Януша Крупского, и просилъименемъ пана своего, абы тотъ листъ до книгъ уписанъ былъ; которого я до книгъ для вписованя принял, и такъ ся в собе маетъ: „Передо мною, Ольбрыхтомъ Ласкимъ сего дня, в середу, месеца июня четвертогонадцать дня, року шестьдесятъ четвертого, сталася есть угода и постановене певное, которое маршалокъ его коро-

левъское милости панъ Петръ Кирдѣй Мылский з зятемъ своимъ паномъ Янушемъ Крупскимъ, подчашимъ Хелмскимъ, учинити около оправы дочки своее панее Маруши Кирдѣевъны, которую у малъженство тому зятю своему пану Янушу дати рачил, а то в томъ: ижъ яко при отданью дочки своее пану Янушу Крупскому с певного постановення, за листы записными, панъ Кирдѣй обецал и прирекъ именье свое власное Чать на вечность дати, записати и к тому на Киселине чотыриста копъ грошей, на части братаничов своихъ панов Киръдѣевъ Мнишинскихъ записати, а особливе за тисечу копъ грошей литовъскихъ, яко злота, сребра, шатъ и инъшихъ речей, у выправе шацункомъ дати, што все упевънено и записано есть моцными записы; которого именья Чати, тое тисечи золотыхъ на Киселине, у выправе тисечи копъ грошей панъ Янушъ Крупский ся упоминалъ, хотечи то все мѣти в рукахъ и владности своей, а пан маршалокъ тежъ упоминалъся з стороны своее и дочки своее пану Крупскому, абы онъ на именяхъ своихъ отчизныхъ, материстыхъ, купныхъ и набытыхъ, ведле змовы, запису и постановенья своего, противко тому всему внесенью ее записалъ и оправил ей вено и привенокъ ведле обычаю права посполитого, статуту корунного, в кгроде до книгъ замковыхъ Хелмскихъ, а потомъ оттоль ижъ бы запис учинилъ и принес до книгъ земъскихъ, часъ перед выйштья року и шести недѣль, такъ яко статутъ коронный учить; на што все панъ Янушъ Крупский позволилъ и принялъ часъ певный, ижъ ехавши до Хелма с паны приятельми своими: паномъ Яномъ Ореховскимъ, подкоморим Холмскимъ, паномъ Станиславом Лащем Степанковскимъ, войскимъ Городенскимъ, таковый записъ в кгроде учинить и малъжонце своей вено и привенокъ еи оправити и записати маетъ на день светого Петра, на власныхъ именьяхъ своих таковое важъности, яко тая сума носити будеть, тоесть семъ тисечей золотыхъ и доживотное мешканье, владность, уживане и росказованье всего именья и добръ своихъ, ведле записов першихъ, и от тыхъ-же приятелей своих и с тыми записы кгродъскими, с книгъ Хелмскихъ до-

статочъне водле обычаю права коронного справлеными, в домъ пана Киръдѣевъ с тыми приятельми своими меноваными приехати маеть; на онъ же часъ панъ Ореховский и панъ Лащъ пану Кирдееви руками своими записатися мають, ижъ панъ Янушъ Крупский, подъчаший Хелмский, записъ и оправу малжонъце своей паней Маруши с книгъ кгродскихъ до земскихъ передъ выйштьемъ року и шести недель учинити и на власныхъ именьяхъ своихъ вѣно и привѣнокъ записати и оправити маеть, ведле статуту коронного, без жадного позванья ку праву; што кгды вчинить, на он час панъ Петръ Кирдей дочку свою а малжонъку его панюю Марушу ку згодному а милому малъженскому мешканью, обачивши такие записы и до себе ихъ взявши, пану Янушу Крупскому дати, именья Чати на вечность поступовати и оправу всю сполна, ведле обетници и постановенья певного, записами вчиненого, маеть и виненъ будеть, записъ до книгъ Луцкихъ учинити, того именья Чати з сыньми своими: паномъ Олизаромъ а паномъ Иваномъ Киръдѣемъ выречи и то певными записы умоцнити и утвердити ку вечному держанью и вживанью, ничого не отступаючи статуту права посполитого, маеть. А уховай, Пане Боже, подъ тымъ часомъ на пана Кирдѣя смерти, тогды сынове его милости тому всему досыть чинити будуть повинъни; тую жъ мерою и тые приятели пана Крупского, если бы на него подъ тымъ часом Панъ Богъ смерть допустити рачил, винны будуть малъжонъци его милости такую оправу вделати. А поки такое оправы панъ Крупский в домъ пана Кирдѣевъ не принесет, поты панъ Кирдей и дочки своее ему, именя Чати и тое всее выправы дати не будеть повиненъ. До которого листу и постановенья сыкгнит мой притиснувши, и руку мою есми подписал, где и панъ Киръдей печат свою приложилъ и руку свою подписал и панъ Янушъ Крупский. Писанъ ув Острозе, июня четвертогонадъцать дня, року шестьдесятъ четвертого. Laskij Olbrcht ręką swą. Петръ Кир. Мылский, мар. кор. его мил. Jan Krupskij, podczasz. Chel. wlasną ręką".—А такъ я тотъ листъ менованый, за прозбою менованого служебника пана

Гостьского, слово в слово, с початку аж до конъца, до книгъ кгродскихъ Луцкихъ записати казалъ.

Книга гродская Луцкая 1582 г., № 2060, л. 6.

XXVI.

I. Предбрачное условіе, заключенное п. Василіемъ Петровичемъ Загоровскимъ съ княземъ Николаемъ Андреевичемъ Збаражскимъ, старостою Кременецкимъ, относительно женитьбы его на дочери послѣдняго княжнѣ Маринѣ. 1564 года, іюля 10.

II. Вѣновная запись того же п. Загоровскаго, въ которой онъ обезпечиваетъ женѣ своей, княжнѣ Маринѣ Збаражской, денежную сумму, вдвойнѣ превышающую стоимость ея приданаго. 1566 года, февраля 12.

Лет Божого нароженя 1567, месеца июня 5 дня.

Писала и присылала до мене, Якима Василевича, на тот час будучого на местцу пана Михайла Павловича, подстаростего Володимерского, ее милость кнегини Миколаевая Збаражская, старостиная Кремянецкая, кнегини Анъна Деспотовна, врядника князя его милости малжонка своего Бужковского Богуша Заеца Луковского, именем его милости малжонка своего оповедаючи, ижъ дей пан Василей Петрович Загоровский, дворенинъ его королевское млти, на рокох прошлых о Трех Крулех ниякие поневолне учиненые записы от малжонки своее а дочки его милости князя, малжонка кнегини ее милости, панеи моее, кнежны Марины, с которою дей не маючи, ведлуг приказаня Божого и присеги своее, доброго у малжонстве светомъ мешканя, одержавши, у книги кгродские и земъские записати мелъ, менуючи, якобы ему всю майност свою, именя материстые и вено свое, которое у дом его унесла, ему записати и его тым даровати мела; а князь дей его милост, пан мой, мает

моц на одно имене, в листе пана Василя Загоровского записномъ, на то его милости князю пану моему даном, описаную: одно имене зо всихъ именей его з доживотемъ на себе вынемши, держати, што дей ширей на том листе описано ест; и як тот лист записный пана Василя Загоровского, так теж и другий лист егож милости веновный, который дей пан Василей Загоровский малжонце своей княжне Марине дал, Богушъ Заец передо мною на вряде показывал, которые ж листы были читаны достаточне, почавши с початку аж до конца, и так ся в собе мает: „Я Василей Петрович Загоровский вызнаваю сам на себе тым моим листом всим посполите и кому будет потреба того ведати, ижем змовил за себе в малженство светое з дому зацного дочку в его милости князя Миколая Андреевича Збаражского, старосты Кремянецкого, княжну Марину, которому веселю и доконаню скутечного малженства рачил ми его милост зложити рок певный, то ест ден свята римского светого Михаила, которое мает быт в року тисеча петсот шестдесят пятомъ, на который рок маю я и буду повиненъ приехати до его милости до именя его милости Збаража и там на тот же рок и ден с тою дочкою его милости княжною Мариною малженство светое, ведле закону хрестиянского, приняти; а его милост на тот же рок мает и будет повинен поступити мне и тои дочци его милости част именей ее материстых, на нее приходячих, одпож с тых всих именей ее материстых и части на нее приходячое маст его милост княз Миколай и будет волен на себе одно имене з доживотем своим взяти, а я его милости сам и так тая дочка его милости того боронити не маем и не будем мочи, а по животе его милости тогды и тое имене в ровный делъ на сына его милости князя Януша, так и на тую дочку его милости прийти мает. Што ся дотычет посагу по тои дочце его милости княжне Марине, тогды што колвекъ его милост на оный рокъ мне по неи з ласки своее, яко в пенезех готовых, в золоте, в серебре робленом и неробленом, так теж в перлах, клейнотах, в ношенях и во вшеляких иншых рухомых речахъ дати рачит, за то за все на тот же рок выше мененый маю я и буду

повиненъ, по тои дочце его милости кнежне Марине то к рукам своим вземши, первей нижли ее в скутечное малженство до себе озму, вѣно с привинкомъ ее милости на именях моих отчизных и ведле права великого князства Литовского описати. Веджо перед тым роком, обачивши час слушный и доспешный, маю я приехати в дом его милости, на Волын, и там с позволенемъ его милости с тою дочкою его милости кнежною Мариною ведле обычаю хрестиянского шлюб приняти. А где бых я на тот рок и денъ вышей описаный там до того именя его милости Збаража не приѣхалъ, або пак, и приѣхавши, тое дочки его милости кнежны Марины в малжонство светое за себе не взял и чимъ колвек тот запис мой нарушилъ, теды маю я и буду повинен заплатити заруки его милости князю Миколаю Збаражскому тисечу коп грошей на личбу литовскую, а заплативши тую заруку, предся тое теперешнее застановене и умова, ведле того листу нашого, при моцы захована и держана быти мает. А где бы в том часу и к тому року служба господарская и земская военная зашла, тогды мы маем и будем повинни оден другого о таковои недоспешности перед тым роком за чотыри недѣли ведомо вчинити и другий рок слушный, певный а неодволочный ку сконченю того малжонства, под таковою ж моцю и обовязком, яко и тот теперешний рок от нас принятый и зложоный ест, приняти маем, и, чого Боже уховай, на его милость князя Миколая в том року смерти, тогды я предся з сыном его милости княземъ Янушем маю и буду повинен тое умове и застановеню нашому досыт вчинити, справуючися во всем ведле того застановеня и обовязку моего, ни в чом того листу нашого не одступуючи а ни нарушиваючи. И на то есми его милости князю Миколаю Андреевичу Збаражскому, старосте Кремянецкому, дал тот мой лист з моею печатю и с подписом власное руки моее. А при той умове и застановеню нашом были и того добре сведоми их милости велможные панове: княз Степан Андреевич Збаражский, воевода Витебский, князь Роман Федоро́вич Санкгушкович, староста Житомирский, а отецъ мой пан Петръ Богданович Загоровский, маршалок госпо-

дарский, а пан Михайло Тихнович Козинский, маршалок господарский, городничий Володимерский; якож и их милости, за прозбою моею, и печати свои приложити рачили до сего моего листу. Писан у Межиречу, лета Божего нароженя тисеча пятсот шестдесят четвертого, месеца июля десятого дня. Василей Петрович Загоровский влостною рукою".—„Я Василей Петрович Загоровский вызнаваю сим моим листом, иж з воли Божое и з дару Духа светого понял есми за себе в малженство дочку его милости князя Миколая Андреевича Збаражского, старосты Кремянецкого, кнежну Марину, и взял есми у его милости по неи посагу чотыриста коп грошей личбы литовское, а в золоте, в сребре, в перлах, клейнотах триста и сем копъ грошей литовских. А так я, дознавши по малжонце своее почтивое выховане и милост малжонскую ку собе захованую, и хотечи еще вперед ее ку собе в милости малженское прихилити и способити, напротивко того внесеня вена ее вдом мой записую малжонце моей обычаем веновным, то ест вена с привенком, на третее части всих именей моих отчизных и материстых, дедичных и заставных, рухомых и нерухомых, которые на тот час маю: на Суходолех, на Дегтеве, на Перевалех и на Таврове и на тых, которые еще прикупити, выслужити, або яким колвек обычаем набыти могу, чотырнадцат сот коп и чотырнадцат коп грошей личбы литовское. Мает она, малжонка моя, тую третюю част всих именей моих вышей помененых в тои суме пенезей, от мене записанои, в чотырнадцат сот копах и в чотырнадцати копах грошей личбы литовское держати и вживати обычаем веновным, яко се то в светом малжонстве заховывает. И на то ей, панеи малжонце моее, кнежне Марине Збаражского, дал есми сесь мой лист з моею печатю и с подписом властное руки моее. А при том были и того добре сведоми, а за прозбою моею и печати свои приложити рачили их милости: пан Миколай Лысаковский, кашталян Любачовский, князь Януш Четвертенский, пан Лагодовский а пан Антон Гнивошевич Еловицкий.—Писан в Кремянцу, лета Божего нароженя тисеча пятсот шестдесят шостого, месеца февраля второгонадцат дня. Василей

Петрович Загоровский властною рукою".—И просил мене Богуш Заец, абы як тое оповедане его, так теж и тые листы пана Василя его милости Загоровского в книги замковые записаны были. Я тое оповедане его и листы записные пана Василя Загоровского перво помененые слово от слова в книги замковые записати казалъ.

Книга замковая Владимірская 1567 г. № 934, актъ 120, л. 91.

XXVII.

Заявленіе вдовы князя Богуша Любецкаго Ганны Монтовтовны о томъ, что она по своей волѣ и желанію выходитъ замужъ за князя Василія Солтановича Сокольскаго. 1564 года, сентября 26.

Лѣта Божого нароженя 1564, месеца сентебра 26 дня.

Пришодчи и постановившися очевисто в замку господарском Луцкомъ, передо мною Андреем Ивановичомъ Русиномъ, подстаростим Луцким, пан Ян Якубович Монтовтъ восполокъ з дочкою своею панею Ганною Богушевою Дмитровича Любецкою, оповедаючы тым обычаемъ: ижъ дей з ласки а презреня Бозского змовил есми дочку мою в малжонство за князя Василя Солтановича Соколского дати; а так опытывал ее передо мною врядом, естли же бы она з намовы а порады чиеи, або з милости своее за кого в малжонство пойти не пришлюбовала, або вже за кого ся не отдала? И кнегиня Ганна, дочка пана Яна Монтовтова, тут же стоячи передо мною на вряде, тыми словы сознала: иж дей „я никгды ни за кого в малжонство пойти не пошлюбовала, ани-м ся ни за кого сама не отдавала, едножъ тепер то собе вмыслила и позволяю зъ правого умыслу серца моего мети собе за малжонъка его милост князя Василя Солтановича Соколского, с которым и живот мой хочу доконати; якожъ то есми и перед Паномъ Богомъ то его

милости пошлюбовала его за малжонка собе мети. И просили як пан Ян Монтолтъ, так тежъ и дочка его милости кнегиня Ганна, абы то было записано. А такъ я тое пана Яна Монтолтово оповедане и дочки его милости кнегини Ганны очевистое сознане до книг замковых записати казал.

Книга гродск. Луцкая 1564 г. № 2038, л. 228, актъ 49.

XXVIII.

Дарственная запись земянки Олены Патрикіевой-Курозвонской на третью часть родовыхъ ея имѣній, выданная ею мужу своему Ивану Патрикію Курозвонскому въ благодарность за любовь и попеченіе. 1564 года, ноября 10.

Лѣта Божого нароженя 1564, месяца ноября 22 дня.

Пришодчи и постановившися очевисто на вряде его королевское милости, передо мною Андреемъ Ивановичемъ Русином, подстаростимъ Луцким, ее милость пани Ивановая Василевича Патрикиевая Курозвонская пани Олена Романовна Цатенка оповедала и сознала тымъ обычаемъ: иж дей што которые именя мои отчизные Борщовка а Лавров и люди у Мытищах, которые именя мои на мене, водлугъ права прирожоного, пришли по смерти небожчика отца и дяди моего, панов Цатъ, вечным вдѣлом от сестръ моих рожоныхъ и зятей моихъ, а так я, узнавши цнотливое а доброе захование малжонка моего милого пана Ивана Василевича Патрикия ку собе, иж его милость мне, яко верную а правдивую малжонку свою, верне а правдиве милует и всякие добродейства и зычливост по собе мне, малжонце своей, показует, так яко на его милост верного а правдивого пана малжонка прислухает, и вперед тежъ еще хотячи его милост мети такъ ласкавого, милого и зычливого

ку собе, по моеи доброй воли, не будучи никимъ намовена и добре ся на то розмысливши, даю, дарую и записую его милости малжонку моему милому пану Ивану Василевичу Патрикию третюю часть тых именей моих отчизных Борщовки, Лаврова и Мытищъ вечне, на веки, не порушно, его милости самому, его детемъ и напотомъ будучимъ счадкомъ, з дворы, с пашнями дворными, з людми тяглыми, з слугами путными, с полми, с сеножатми и дубровами, з лесы, з гаи, з деревомъ бортнымъ и зарослями и зо всими пожитками малыми и великими, яким колвекъ именемъ именованые и называемые, такъ и по тому, яко ся тые именя мои сами в собе, в пожитках, в границах и обыходех своих мают; што ширей а достаточней на листе моемъ записномъ есть описано. Якож и лист свой, на паркгамене писаный, с печатю своею властною и с печатми панов зацных завесистыми, на то от себе малжонку своему пану Ивану Василевичу Патрикию Курозвонскому даный, передо мною на вряде покладала, просячи, абы был вычитан и в книги замковые записанъ; который лист так ся в собе мает: „Я Олена Романовна Цатенка Ивановая Василевича Патрикиевая Курозвонского чиню явно и вызнавам тым моимъ листомъ кождому, кому того потреба будет ведати, албо чтучи его слышати, нинешнимъ и напотомъ будучимъ, ижъ што которые именя мои отчизные Борщовка и Лавровъ и люди у Мытищахъ, которые именя мои на мене, водлугъ права прирожоного, пришли по смерти небожчика отца и дяди моего, панов Цат, вечным делом от сестръ моих рожоных и зятей моих, а так я, узнавши цнотливое а доброе заховане малжонка моего милого пана Ивана Василевича Патрикия ку собе, ижъ его милость мне, яко веръную а правдивую малжонку свою, веръне а правдиве милуетъ и всякие добродейства и зычливост мне, малжонце своей, по себе показует, так яко на его милост верного а правдивого пана малжонка прислухает, и вперед теж хотячи его милост мети так ласкавого и милого и зычливого ку собе, по моеи доброй воли, никим не намовена, даю и дарую и записую его милости малжонку моему милому пану Ивану Ва-

силевичу Патрикию третюю част тых именей моих отчизных Борщовки и Лаврова и Мытищъ вечне и на веки непорушно, его милости самому, его милости дѣтемъ и напотом будучим счадком, з дворы, с пашнями дворными, з людми тяглыми, з слугами путными, с полми, сеножатми и дубровами, з лесы, з гаи, з деревом бортънымъ и з зарослями, зъ ставы и ставищи, з млыны и млыницы и з их вымелками, з ловы звериными и пташими, и з бобровыми гоны, зо всими пожитки и пошлинами, зо всим по тому, яко ся тые именъя мои сами в собе и в границах своих мают, што ку тои третее части прислухает. Мает его милост малжонок мой милый пан Иван Патрикий третюю част тых именей моих вышей писаных отчизных, водле того запису моего, держати и вживати, воленъ отдати, продати, заменити, прибавити и розширити, ку своему лепшому а вжиточнейшому обернути, яко сам его милост налепей розумеючи; а дѣти и сестры мои и нихто з близких моих не мают никоторыми причинами в третюю част тых именей моих вышей писаных вступати, ани под его милостю самым и под потомками его того поискивати, ани которое в том его милости переказы чинити, одно его милость самъ и потомки его милости мают тую третюю часть именей моих, ведле дару и запису моего, вечне держати и вживати, яко властъностю своею. И на то-мъ его милости малжонку моему милому дала сесь мой лист под моею печатю. А при томъ были и того добре сведоми их милост панове: панъ Петръ Кирдей Мылский, маршалокъ господаръский, а панъ Михайло Еловичъ Малинъский, а пан Яроѳей Василевич Гостский, а пан Иван Ивановичъ Городищенский, а пан Левъ Вилгорский. И просиламъ их милости о приложене печатей; их милости на мою прозбу то вчинили и печати свои приложили к сему моему листу. Писан в Новоселках, лет Божого нароженя тисеча пят сот шестдесят четвертого, месеца ноября десятого дня“.—А так я тое очевистое оповедане, доброволное сознане и лист панее Олены Романовны Цатенки, слово от слова, с початку аж до конца в книги вамковые записати

казал, и выпис с книгъ под печатю моею малжонку ее милости, его милости пану Ивану Василевичу Патрикию Курозвонскому на то далъ.

Книга земск. Луцкая 1564 г. № 2038, л. 273.

XXIX.

Дарственная (вмѣсто вѣновной) запись земянина Ивана Патрикія-Курозвонскаго женѣ своей Оленѣ Цатиной на денежную сумму съ обезпеченіемъ послѣдней на третьей части имѣнія дарителя. 1564 года, ноября 20.

Лѣта Божого нароженя 1564, месеца ноябра 22 дня.

Пришодчи и постановившися очевисто на вряде его кролевское милости, передо мною Андреемъ Ивановичом Русиномъ, подстаростимъ Луцким, пан Иванъ Василевич Патрикий Курозвонский оповедал и созналъ тымъ обычаемъ: иж дей я, з воли Божое и з ласки его светое милости, понял за себе в малжонство малжонку мою милую Олену, дочку его милости пана Романа Цаты, и ач не взял был есми по неи посагу готовыми пенезми ничого, одно именъе лежачое, и на то есми немало наложилъ, платечи вѣно яко першои жонѣ тестя моего, так тежъ и другои жонѣ пана Семена Цаты, дядиной жоны моее, против которому именю оправы есми еи былъ не вчинилъ; нижли вже я, мешкаючи з нею час немалый, дозналъ есми по неи, малжонце моеи милои, панеи Олене Цатенце, милое а цнотливое, верное и поволное захование, которое она противко мене, малжонкови своему, уставичне показует,—за такие поволности ее дарую и записую ей, малжонце моеи милои, панеи Олене Цатенце, водле обычаю права посполитого, по животе моемъ пят сот копъ грошей личбы литовское на третей части

отчизны моее Курозвонехъ. Мает она тую третюю част имени моего Курозвонского в тои суме пенезей держати и вживати аж до живота своего, а по животе ее мает ся тое остати детемъ нашимъ; што ширей а достаточней на листе моемъ записномъ есть описано. Якож и лист свой записный, под печатю и подписю властное руки своее и теж под печатми людей зацных, на то от себе малжонцы своеи панеи Олене Цатенце даный, передо мною на вряде покладалъ, просячи, абы был вычитанъ и в книги замковые записан; который лист так ся в собе мает: „Я Иван Василевич Патрикий Курозвонский чиню явно и сознаваю тымъ моим листом кождому, кому того будет потребъ ведати, або чтути его сълышати, нинешъним и напотом будучимъ, штож я понялъ за себе в малжонство малжонку мою милую Олену, дочку его милости пана Романа Цаты, и ач не взял есми былъ по неи посагу готовизны ничого, одно имене лежачое, и на тое есми не мало наложил, платечи вѣно яко першои жонѣ тестя моего, так теж и другои жоне пана Семена Цаты, дядинои жоны моее, против которому имению оправы есми ей былъ не вчинилъ. Нижли я, мешкаючи вжо, з ласки милого Бога, час немалый з малжонкою моею милою, панею Оленою Цатенкою, дозналъ есми по неи, малжонце моеи милои, милое а цнотливое, вѣрное и поволное захование, которое она против мене, малжонкови своему, уставичне показует; за такие поволности ее дарую и записую ей, малжонце моеи милои, панеи Олене Цатенце, водле обычаю права посполитого, по животе моемъ пят сот копъ грошей личбы литовское на третеи части отчизны моее Курозвонехъ. Мает она третюю часть того имени моего Курозвонского в тои суме пенезей держати и вживати, ажъ до живота своего, а по животе своемъ тое суме пенезей никому отписовати не мает, одно ся то мает дѣтемъ нашимъ остати. И на то есми ей, малжонце моеи милои, дал сесь мой лист, под моею печатю и с подписом власное руки моее. А при томъ были и того добре сведоми их милости панове: пан Петро Кирдей-Мылский, маршалокъ господаръский, а пан Михайло Елович Малин-

ский, а пан Андрей Семеновичъ Бабинский, а пан Яроѳей Василевич Гостцкий, а панъ Иван Иванович Городищский, а пан Лев Вилгорский. И просилъ есми их милости о приложене печатей; их милости на мою прозбу то вчинили и печати свои приложили к сему моему листу. Писан у Хмелеве, року Божого нароженя тисяча пят сот шестдесят четвертого, мѣсяца ноябра двадцатого дня".—А так я тое очевистое оповедане, доброволное сознане пана Ивана Василевича Патрикия Курозвонского, и лист его милости записный, слово от слова, с початку аж до конца в книги замковые записати казал и выпис с книг под печатю моею малжонце его милости панеи Олене Романовне Цатенце на то далъ.

Книга земск. Луцкая 1564 г. № 2038, л. 272 об.

XXX.

Дарственная запись княгини Ганны Масальской на свои родовыя имѣнія, выданная мужу ея князю Андрею Петровичу Масальскому въ благодарность за супружескую любовь и попеченія. 1564 г., декабря 1.

Лѣта Божого нароженъя 1565, месяца февраля осмогонадцат дня.

В небытности пана Андрея Ивановича Русина, подстаростего Луцкого, в Луцку, в тот часъ будучи на местъцы его Федоръ Русинъ, писаръ замку Луцкого, пришодчи и постановившися очевисто въ замку Луцкомъ ее милость кнегини Андреевая Петровича Масалская кнегини Ганна Богдановна Путятична оповедала мне и сознала тым обычаем: ижъ дей што которые именъя водлугъ права прирожоного на мене по панеи Ивановои, подскарбинои дворнои, панеи Богдане Федоровне кнежне Четвертенскои, тетце моее, отчизные и часть именей Хрыбтовских, то естъ у Четвертни на третей части, к тому двор и имене Вышково, Славожичи, Суско,

Копылъ, Навозъ, Носачевичи, Годомичи, Руды, Петрашевичи, Олишковичи, Гирсоновичи, Корсынъ, Подлесы, Бреховъ, Литогощъ и часть Уголницы спадкомъ пришли и спали, чогомъ я сама не могучи так барзо до тых имeней по смерти матки моее панее Ивановое подскарбиное прийти, влила есми тое все право свое малжонку моему милому князю Андрею Петровичу Масалскому, даючи ему моцъ и порученъе тых имеией вышей менованых, на мене близкостю а правомъ прирожонымъ спалыхъ, выисковати, держати и вживати и тымъ яко власностю своею шафовати; гдеж вже его милость малжонокъ мой князь Андрей Масалский за тымъ правомъ моимъ, ему от мене дарованым, никоторые именя, то естъ село Суско з людми, Руду, Носачевичи з людми, Петрашевичи, Олешковичи з людми и часть Вголницы, працою, коштомъ и накладомъ а властивыми пенезми своими окупаючи, выискалъ и в держаню своимъ маетъ и того посполъ зо мною, малжонкою своею, вживаетъ. А такъ я, дознавши ку собе ласку, милость и доброе в малженстве захован малжонка моего князя Андрея Масалского, иж его милость мене, малжонку свою, милуючи, в кождых пригодах и фробах моих никгды не опускалъ, одно во всемъ ласкаве и добротливе, яко на верного и почтивого малжонка належит, завже показовалъ; и хотячи тежъ я за добродейство его милости зычливость, склонность и знак поволности моее противко его милости малжонка моего показати, а таковую ласку и доброе захован его ку мене в малжонстве ему нагородити, без жадного примушеня, ани людского намовенъя, одно сама по доброе воли своее, заховываючися в томъ водле обычаю права посполитого и статуту земского, дала, даровала и записала есми его милости князю Андрею Масалскому, малжонку своему, тые села, которые онъ працою и накладомъ своимъ выискалъ и вже в держанъю своемъ маетъ, на веки вечно и непорушно, выймуючи то за третюю часть тых имеией моих, спадкомъ на мене припалыхъ, што ширей а достаточней на листе моемъ записномъ ест описано. Якожъ и листъ свой записный под печатю своею и под печатми людей зацных, на то от себе мал-

жонку своему князю Андрею его милости Петровичу Масалскому даный, передо мною на вряде покладала, просячи, абы был вычитан и в книги замковые записан, который листъ такъ ся в собе маетъ: „Я Андреевая Петровича Масалская княгини Ганна Богдановна Путятична чиню явно и вызнаваю симъ моим листомъ кождому доброму, кому одно того будетъ потреба вѣдати, або чтучи его слышати, нинешнего часу и напотомъ завжды, ижъ што которые именя водлугъ права прирожоного на мене по панеи Ивановои, подскарбиное дворное, панее Богдане Федоровне кнежне Четвертенскои, тетце моее, отчизные, частъ имений Хрыбтовскихъ, то есть у Четвертни на третеи части, к тому дворъ и имене Вышково, Славожычи, Суско, Копылъ, Навозъ, Носачевичы, Годомичи, Руды, Петрашевичы, Олишковичы, Орсоновичи, Корсын, Подлесы, Бреховъ, Литогощъ и часть Уголницы спадкомъ пришли и спали, о што-мъ я сама не могучи такъ борзо до тых имений по смерти тетки моеи панее Ивановое, подскарбиное, приити, влила есми тое все право свое малжонку моему милому князю Андрею Петровичу Масалскому, даючи ему моцъ и порученье тых имений вышей помененых, на мене близкостю и правомъ прирожонымъ спалых, выисковати, держати и вживати и тымъ, яко власностю своею, шафовати; гдежъ вже его милость малжонокъ мой князь Андрей Масалский, за тымъ правомъ моимъ, ему от мене дарованымъ, нѣкоторые именя, то есть село Суско з людми, Руду, Петрашевичи з людми, Олишковичи з людми, Носачевичи з людми и часть Вголницы, працою, коштомъ, накладомъ и властивыми пенезми своими окупаючи, выискалъ и в держанью своемъ мает и того поспол зо мною, малжонкою своею, вживаетъ. А такъ я, дознавши ку собе ласку, милость и доброе в малжонстве заховане малжонка моего милого князя Андрея Масалского, иж его милость мене, малжонку свою, милуючи, в кождыхъ пригодах и форобах моих никгды не опускалъ, едно во всемъ ласкаве а добротливе, яко на верного а почтивого малжонка належитъ, завше показовалъ, и хотечи тежъ я за добродейства его милости зычли-

вость, склонност и знак поволности моее противко его милости малжонка моего показат а таковую ласку и доброе заховане его ку мене в малжонстве ему нагородити, не з жадного примушенъя, ани людского намовеня, одно сама по доброи воли моее, заховываючися в томъ водле обычаю права посполитого и статуту земского, записала есми его милости малжонку моему князю Андрею Масалскому по животе моемъ чотыри тысечи коп грошей на двох частех тых именей, на мене спадкомъ припалых, на штомъ ему особливый листъ свой под печатю своею и подъ печатми людей зацныхъ на тую суму дала; а што ся дотычет тых именей вышей менованыхъ, села Суска, Петрашевичи, Олишковичи, Носачевичи, к тому части Уголницы, которые малжонок мой его милост князь Андрей Петрович Масалский працою, коштомъ и властивымъ накладомъ своимъ выискалъ и въ моцы своей держитъ, я вси тые села помененые з людми и ихъ роботами, съ платы, з доходы, с полми, з сеножатми, з лесы, з боры, з дубровами, проробками старыми и новыми, з ставы, з млыны, зъ их вымелками, з ставищами, з млынищами, з ловы звериными и пташими и зо всякими пожитки малыми и великими, которыми колвекъ имены именованы албо названы быти могутъ, яко ся тые именъя здавна сами в собе, в границах, в обыходехъ и въ пожиткахъ своихъ маютъ, выймуючи за третюю частъ всихъ тых именей спадковых вышей менованых, его милости малжонку моему милому князю Андрею Масалскому з милости моее малжонское даю, дарую и симъ моимъ листомъ на вечные часы записую, отдаляючи то сама от себе, от детей своихъ, от всихъ близких и кровных моих. Воленъ его милость малжонокъ мой князь Андрей Масалский тые имѣня, ему отъ мене на вечност дарованые и симъ моимъ листом записаные, держати и вживати, отдат, дароват, продать, заменить, кому хотечи отказать, ку своему лепшому а пожиточному оборочат и тым водлугналепшое воли а мысли своее, яко власностю своею, шафовати, а сын мой Александро Богданович Семашко, ани дочки мои и нихто з близкихъ и кровных моихъ до того жадного вступу ани которое пе-

реказы в томъ малжонку моему, ани потомкомъ его, чинити не маютъ; одно его милость малжонок мой с потомками своими мает то вечными часы спокойне держати и вживати. И на то есми его милости малжонку моему милому князю Анъдрею Петровичу Масалскому дала сесь мой листъ под моею печатю, а для лепшого сведомъя и твердости просила есми велеможного княжати его милости князя Алекъсандра Федоровича на Чарторыску, его милости отца Ионы архимандрита Жидичинского, а их милости пана Олизара Кирдеевича Мылского и пана Ивана Петровича Чаплыча Шпановского о приложене печатей; их милость на мою прозьбу то вчинити, печати свои к сему моему листу приложити рачили. Писан въ Тучинѣ, лет Божого нароженя тисеча пят сот шестдесят четвертого, месяца декабра первого дня".—А так я тое очевистое оповедане, доброволное сознане кнегини Андрѣевое Петровича Масалского кнегини Ганны Богдановны Путятинны и лист ее милости записный слово от слова, съ початку аж до конца в книги замковые записати казалъ, с которых и выписъ под печатю моею его милост князь Андрей Петровичъ Масалский собе на то взялъ.

Книга замк. Луцк. 1565 г. № 2039, л. 35.

XXXI.

Жалоба воротнаго замка Луцкаго Войтеха Красовскаго отъ имени родственницы своей Ганны Яцковны о томъ, что мужъ ея, земянинъ Өедоръ Хомякъ-Смордовскій удалилъ ее, беременную, изъ своего дома, забравъ ея приданое. Донесеніе вознаго, что урядникъ п. Хомяка, по его приказу, не пустилъ Ганны въ домъ ея мужа, именуя ее не женою, а кухаркою своего пана. 1564 года, декабря 12.

Лѣта Божого нароженя 1564, месеца декабра 12 дня.

Пришедши перед мене Андрея Ивановича Русина, подстаростего Луцкого, служебник его милости князя старосты Луцкого, пана моего, пан Войтехъ Красовский, воротный замку Луцкого, жалуючи и оповедаючи от приятелки своее пани Ганны Яцковны Федоровое Хомяковое, братанны жоны своее, на малжонка ее пана Федора Маскевича Хомяка Смордовского тым обычаемъ: штож дей он з реженя Божого, Духа Светого и своее любви взял ее в малжонство з дому его и по ней посагу в грошох готовых, в золоте, в серебре, в шатах и в иншых рухомых речах тридцат копъ грошей взял, напротивку которому унесеню ее даровал и записал еи вено с привенкомъ на третей части именя своего отчизного Смордовского, на части своей, которая отъ небожчика брата его роженого от пана Гурина Маскевича Хомяка Смордовского мела ся ему у делу зостати. То пак онъ тых часов, пропомневши боязни Бозкое и присяги своее, на шлюбе приреченое, тую жону свою а приятелку жоны моее з дому своего бременную, ув однои сукни а в кошули, до мене, до Луцка, тут в домъ мой прислал, обецуючи и самъ к ней приехати у сесь четвергъ прошлый, месеца декабра шестого дня, имене свое и маетност свою всю добре росправити и росписати, едучи на службу господаръскую жолнирскую до Киева. А такъ дей тот рокъ вже минулъ, на который мел быти до нее, а тую дей маетность ее всю вышей описаную, што колвек у мене по ней взял, от нее отобрал и до нее ехат не хочетъ,

што дей розумею по немъ, ижъ ее покинулъ. И хотечи ся на нем достаточней доведати того, вземши у мене з уряду замку господарьского Луцкого вижомъ служебъника моего Матъфея Ширея, с тою приятелкою жоны своее Ганною Федоровою Хомяковою ездили, который вижъ тамъ бывши и оттоля приехал, ставши передо мною до книг замковых, тыми словы сознал: иж кгды есмо до двора пана Федора Маскевича Хомяка, Посягвы, вземши з собою сторону людей добрых, приехали, ино тамъ в том дворе самого пана Федора Хомяка, а ни врядника его не застали,—вже был выехал на службу господаръскую военную; и мало погодивши, врядник его Грин Зарубейко до двора прийшол; в тот час его пан Войтех Красовъский пытал: „для чого дей пан твой жону свою а приятелъку жоны моее з дому своего выслал и до мене, до Луцка, до дому моего прислал?“ Врядник на то поведил: иж дей „пан мой не мает в себе жоны, одно дей у себе кухарку поведил, и там ее отослал, где был взял; а ты дей, пане Красовский, с тою приятелкою малжонки свое а кухаркою пана моего з двора паньского з учтивостю по доброи воли ед проч, а не хочеш ли по доброи воли ехати, тогды з непочтивостю з двора поедешъ и кий на собе понесешъ, бо мам на то росказане пана своего“. И того ж часу подданые пана его Посяговецкие почали ся збирати з рогатинами, с киями и з иншыми бронями их, хотячи легкость пану Красовскому и приятелцы жоны его выредити. И поведил тот урядник, иж дей „пан мой росказалъ вас, пане Красовский, з двора кийми выбити, а той кухарце своей панъ в дому своемъ мешкат не дозволил, и не толко хлеба ести, але воды пити не казал дат“. Панъ Красовский то все мною вижемъ и тыми людъми сторонними осветчивши и опеведил, и з двора поехали проч. И хотечи пан Красовский о всем том с паном Хомякомъ мовити, просил, абы то было записано. А так я тую жалобу, оповедане его и вижово очевистое сознане в книги замковые записати казалъ.

Книга замк. Луцкая 1564 г., № 2038, л. 289 об.

XXXII.

Предбрачное условіе, заключенное п. Іосифомъ Немиричемъ съ нареченнымъ и обрученнымъ зятемъ своимъ, земяниномъ Лазаремъ Иваницкимъ относительно выдачи за него въ замужество своей дочери, срока вѣнчанья и свадьбы и приданаго. 1565 г., марта 21.—Жалоба со стороны жениха о неисполненіи п. Немиричемъ означеннаго условія. 1566 г., іюля 11.

Лѣта Божого нароженя тисеча пятъ сотъ шестдесят шостого, месеца июля одинадцетого дня.

Присылал на вряд замку господарского Володимерского, до мене Якима Василевича, на тот час будучого на местцу его милости пана Василя Гулевича, войского и подстаростего Володимерского, земенин господарский пан Лазор Лаврѣнович Иваницкий боярина отца своего з Иванич Прокопа Даниловича, оповедаючи, иж што дей пан Есифъ Немирич, намовившися з жоною своею и приятелми своими, змовил и обручил, водле закону нашого хрестиянского, у светое малженство дочку свою панну Настасю за мене дати, и рок веселю, намовившися есмо сполне, зложили были в шести неделях по Великодню в року теперешнемъ шестдесят шостомъ, гдежъ в том и листы ся есмо своими промежку себе описали под зарукою господарскою тисяча копъ грошей, а другую тисяча копъ грошей сторона стороне. Гдеж я, ку тому року спобившися, зъ их милостю приятелы своими до пана Есифа Немирича, до именя его Олевского, до Городка ехалъ, и будучи в дорозе, послал есми приятеля своего пана Матыса Бережецкого до пана Немирича, даючи ведат, штож я на тое веселѣе ку тому року описаному с приятелы своими до него еду. Гдеж пан Матыс Бережецкий, бывши у пана Немирича, поведил мне, иж ся з ним поткалъ под селомъ Голышами и мовил ему от мене тые слова, иж я, будучи готовъ ку тому веселю, яко на рок зложоный а припалый, с приятелми своими еду. Он тыми словы черес тогож

приятеля моего пана Бережецького до мене отказал: „хотя и естъ пан Иваницький ку тому веселю и року готоъ, але я не готов с тых причинъ, иж мя пасынокъ мой позвалъ; и хотяж бых тежъ и на местъцу был, тогды бы ся тое веселье на сесъ час не сточило, бо ест дочъка моя а жона его обручоная фора, которую дей я форобу дочки моее на замку Мозырском отповедалъ и записати казалъ; а ведъже оставил есми жону свою и дочку вы йменю своем у Городку, а не вѣрит ли пан Иваницкий, нехай поехавши самъ ис приятелы своими огледаетъ, ижъ естъ дочка моя а жона его обручоная фора“. А так, кгдыж дей я на тотъ рокъ и ден назначоный, в неделю, мая двадъцат шостого дня, с приятелы своими до именя пана Немирѣчова, до Городка приѣхалъ, самого пана Немирича и жоны его и дочки их, а обручоное жоны своее, не застал, и пытал дей есми у во врядника Олевского: где бы был пан его и пани и девка их панна Настася? Врядникъ мнѣ отказал, ижъ дей „пан мой поехалъ до Берестъя: позвалъ его пасынокъ, а пани дей и дочка их милости весполок с паном поехали на Волын“. И за тым дей мене на тот рокъ описаный тое оженене мое не дошло, за которымъ дей недойтъемъ мнѣ того ожененя моего на рок описаный я, над запис пана Немиричовъ, не мало собѣ шкодую и тых всихъ шкодъ своих реестръ меновите писаный в себе дей маю и часу потребы на праве его положу. Якже и оный запис пана Есифа Немѣрича пан Лазор Иваницкий до мене присылалъ и просил через того посланца своего Прокопа, абы тое оповедане его и тот лист записный пана Немиричовъ в книги замковые записано. Я того листу записного пана Немирича огледивши и достаточне вычитавши, як тое оповедане пана Лазора Иваницкого, через посланца его Прокопа передо мною на вряде вчиненое, так и лист записный пана Немиричовъ слово от слова в книги замковые вписати казал, который так ся в собѣ мает: „Я Есифъ Иванович Немѣрич вызнаваю и явно чиню тымъ моимъ листомъ, хто его ку ведомости своее мети въсхочет, або чтучи его слышати, штожъ з воли Божее а з раженя его насвятшое

милости, и теж намовившися я з жоною моею и с приятелы своими, узнавши ку собѣ добродейство, схилную и зычливую милостъ, змовил есми за пана Лазора Лаврѣновича Иваницкого дочъку мою Настасю у малженство светое дати, ничимъ не отменне, с которою дочкою моею вже водле закону нашого хрестиянского и обручене его милостъ принял, и ку скутечному доконченъю оное змовы нашое, намовившися с паномъ Лазоремъ Иваницкимъ, сполне зложили есмо рок венчанъю и веселю в року шестдесять шостомъ по Великодни у шести неделях, на который рок и ден, в сем листе моемъ назначоный, маю и повинен буду ув ыймеию своемъ Олевъскомъ у Городку за его милость дочку свою Настасю у малженъство дат. А што ся дотычет посагу, то его милости на тот же рокъ вышей помененый, при шълюбе, якъ буде з дочкою моею брати, маю дати то естъ: пят сот коп грошей личбы литовъское, по десети пенезей белых личачи у грошъ, а другую пят сот коп грошей у выправе: в перлах, в золоте, серебре, шатах и в ынъших рухомых речах, а его милостъ также дочце моеи в тот же час оправу веновную, водле обычаю права, маеть и повиненъ будет записати. А еслибых нѣяко чимъ колвекъ того року пребачил и на тот рок помененый, чим колвекъ его отступивши, дочки своее за его милость дати не хотѣлъ, найдуючи на то причины, всякими имены помененые, тогды винен буду господару королю его милости вины заплатити тисячу копъ грошей литовскихъ, а пану Лазору Иваницкому другую тисячу коп грошей литовское ж личбы, а надто вси шкоды и наклады, штобы на тое веселе наложити мел, то все заплатити буду повиненъ без жадное присяги, одно на речене слова его милости, а поплативши, предся при тоеи же умове моее перъвшое мамъ дочку свою Настасю за его милость у малженство дати, кроме толко одну тую причину собѣ в том обовязку моемъ волную зоставую: естлибы о томъ року положеномъ веселю послуга господарская военная земъская, або, з допущенья Божого, хороба зашла, тогды предся ж перед тымъ рокомъ мам в том его милости за шест неделъ через писане свое вѣдомостъ вчинити; а

скоро по службе господарскои, або по хоробе, також у шести неделях, водле тое умовы и постановеня нашого теперешнего, дочку мою за его милость у малженство маю дати под тымъ же обовязком, на верху в семъ листе моемъ помененом, которого ничимъ иншимъ вменшати и прибавляти не могу и мочи не буду, едно во всемъ водле сего запису моего ку его милости заховатися маю и повинен буду. И на то есми пану Лазору Иваницкому на себе дал сесъ мой листъ, з моею печатю и с подписанъемъ властное руки моее. А при том были и того добре сведомы ихъ милости: княз староста Черкаский и Каневский князъ Михайло Александровичъ Вишневецкий, а пан Григорей Василевичъ Чапля, гдежъ их милости, за прозбою моею, и печати свои до сего моего листу приложити рачили. Писан ув Овручомъ, под лет Божого нароженя тисяча пятъ сотъ шестъдесятъ пятого, месеца марта двадъцать первого дня. Есифъ Немиричь властна рука".

Книга гродская Владимірская 1566 г. № 923, л. 85.

XXXIII.

Дарственная запись п. Галены Крушовой на родовыя имѣнія, движимость и суммы денежныя, выданная ею мужу своему въ знакъ искренней любви къ нему и признательности за такую же любовь съ его стороны. 1565 года, мая 7.

Лѣта Божего нароженъя 1565, месяца мая десятого дня.

Пришедчи и постановившися очевисто на вряде его кролевъское милости в замку Луцкомъ, передо мною Андреемъ Ивановичомъ Русиномъ, подстаростимъ Луцкимъ, земянка господаръская пани Галена Станиславовна Залеского Францова Крушова оповедала и доброволне сознала тыми словы: иж з волею мило-

сердъя Божого и презренемъ его святое милости, подле закону и звычаю хрестянского, за позволенъемъ пана отца моего а с порадою матки и всих приятелей моих, кровных, принявши я шлюбъ и скутечное малжонство з урожонымъ паномъ Фронцомъ Крушом, которого верне а правдиве умиловавши и знаючи его милость ку собе ласкавого и склонного на всемъ быти, и хотечи еще милость его малженскую наперед собе позыскати и то противко ему, малжонку своему, показати, што правдивои малжонцы належитъ, про-то я, не будучи ни кимъ намовена ани примушона, одно сама, по своей доброи воли, милуючи правдиве малжонка своего пана Фронца Круша, отдаляючи от панее матки своее, такъ теж отъ сестръ, от всих близкихъ, кревных и повиноватыхъ моих, малжонкови моему пану Фронцови Крушови спадок всего именя моего, отчизны и материзны своее, всю част свою, которая на мене правомъ природжонымъ по отцы моемъ, небожчику пану Станиславе Залескомъ. спала и пришла и прийти маетъ, то есть на имени Ляшковскомъ и Лещатовскомъ в людех, въ дворех, в полях, в сеножатех, в ставех, во млынех, в гаех, в садех, в дубровах, в запустех, в кгрунтех и во всих пожиткох великих и малых не вечностю, але двое доживоте даю, дарую и тым моимъ листомъ ему записую под тою мирою, иж естлибых я сама, чого Боже вховай, мешкаючи з нимъ в малженстве, з сего света, яко невеста хорая, без потомъства зышла, тогды по моее смерти держапе, владность, уживане и росказоване в тых обеех именях вышей помененых в Ляшках и в Лещатове, во властнои части моеи, ни панеи матцы моее, ани сестрамъ моимъ тремъ: панеи Зофѣи Пивовои и панне Анне и панне Раине, ани которым близкимъ и кровнымъ моимъ, одно ему самому, малжонку моему пану Фронцу Крушови, двое доживоте, то естъ до его живота самого и по его животе другое доживоте тому, кому ся ему, малжонкови моему милому, самому даровати, записати приподобает, даю, дарую, и и зо всимъ тымъ, яко ся тая част моя тых именей вышей менованых в собе в границах, обыходех и в пожиткох своих маетъ,

записую и то все в руки, в держане, владность, росказане и вживане его милости пану малжонку моему даю и пущаю зо всими пожитки и належностями; на што есми его милости и лист свой вызнанный, под печатю моею и под сведомостю и печатми зацных панов, дала, в котором ширей и достаточней есть описано и доложоно. Якожъ и лист свой, на то от себе его милости пану малжонку своему Фронцу Крушови даный, передо мною на вряде покладала, просячи, абы был вычитан и в книги замковые записан; который лист так ся в собе мает: „Я Галена Станиславовна Залеского Фронцова Крушова чиню явно и сознаваю симъ моимъ листомъ кождому вобец и кому бы одно того была потреба ведати, або чтучи его слышати, нынешнимъ и напотомъ завжды будучимъ, ижъ з воли и милосердъя Божого и презреня его святое милости, подле закону и звычаю светого закону хрестянского, за позволенемъ пана отца моего, а с порадою матки и всих приятелей моих кровных, принявши я шлюбъ и скутечное малженство з урожонымъ паном Фронцомъ Крушемъ, которого верне а правдиве умиловавши, и знаючи его милость ку собе ласкавого и склонного на всемъ быти, и хотячи еще милость его малжонскую наперед собе позыскати и то противко ему, пану малжонку своему, показати, што правдивои малжонцы приналежит, протож я менованая Галена Станиславовна, не будучи никимъ намовена ани примушона, одно сама по своеи доброи воли, милуючи правдиве малжонка своего пана Фронца Круша, отдаляючи от панее матки своее, так тежъ от сестръ, от всихъ близкихъ, кревных и повиноватых моих, малжонкови моему милому пану Фронцу Крушови спадок всего именя моего, отчизны и материзны своее, всю часть свою, которая на мене правомъ прирожонымъ по отцы моемъ небожчику пану Станиславе Залескомъ спала, пришла и прийти маетъ, то есть на именю Ляшковскомъ и Лещатовскомъ в людехъ, в дворех, в полях, в сеножатех, в ставех, в млынех, в гаех, в садох, въ дубровах, в запустех, в кгрунтех и во всих пожиткох великих и малых, не в вечность, але двое доживоте даю, дарую и тым моимъ листомъ

ему записую под тою мѣрою, ижъ если бых я сама, чого Пане Боже вховай, мешкаючи з нимъ в малжонстве, з сего света, яко невеста форая, без потомства зышла, тогды по моеи смерти держане, владност, уживане и росказане в тыхъ обеех именях вышей менованых в Ляшках и в Лещатове, во властнои части моеи, ни панеи матцы моеи, ани сестрамъ моимъ тремъ: панеи Зофѣи Пивовои, а панне Анне и панне Раине, ани которымъ близкимъ и кровнымъ моимъ, одно ему самому, малжонкови моему пану Фронцу Крушови, двое доживоте, то есть до его живота самого и по его животе другое доживоте тому, кому ся ему, малжонкови моему милому, самому даровати и списати приподобаетъ, даю, дарую и зо всимъ тым, яко ся тая часть моя тых именей вышей менованых в собе в границах, обыходех и в пожиткох своих мает, записую и то я все в руки, в держане, владность, росказане и вживане его милости пану малжонку моему даю и пусцаю, зо всѣми пожитками и належностями, иж нихто инший, толко онъ самъ до двойга доживотя тых частей моих в оныхъ именях вышей менованых держати и вживати мает, без жадного нагабаня и переказы от сестръ и близких кровных и повиноватых моих; однож по смерти малжонка моего пана Фронца Круша и засе по смерти того брата, або которого ближнего его, кому он по собе другое доживоте на тых именях а части моей, за симъ моимъ записомъ, пуститъ и запишетъ, тые обедве части мои в Ляшкахъ и в Лещетове, по томъ двойгу доживотю, даю, дарую и записую сестрамъ моим милым: панеи Зофѣи Пивовои, а панне Анне и панне Раине, яко влостнымъ отчичамъ того имени, на вечност, иж нихто инший по том двоим доживоти, толко они сами и с потомъствомъ своим до того прийти и, то до рук и владности своее вземши, того вечными часы держати и вживати маютъ. Ктому теж оправу мою три тисячи золотых полских, которую я от первшого мужа своего небожчика князя Матуша Александровича Порыцкого собе записаную маю на третеи части именей его милости отчизныхъ, которыи ему от брати его милости, князя Петра, князя Януша, князя

Михайла и князя Александра Порыцких ув отдѣли зостати мели, ему ж, малжонкови своему милому пану Фронцови Крушови, даю, дарую и симъ моимъ листомъ записую, якож и лист записьный онои оправы моее вже есми ему до рук его дала и то во владность его ему пустила. А особливе тымъ же моимъ листом даю, дарую и записую ему, малжонкови моему пану Фронцу Крушови, всю маетность свою и вси речи мои рухомые, то есть: золото, серебро, клейноты, перла, шаты, пенези готовые, цынъ, мѣдь, кони ездные, стадо, быдло и вси речи мои от велика и до мала, што бы одно колвекъ именемъ рухомыхъ речей названо або именовано быти могло. Притомъ тежъ, што есми была позычила никоторыхъ рухомыхъ речей своихъ до рукъ пана отца своего, в доброи памети его и панеи матки своее, на потребы сесътры моее панеи Зофѣи Пивовое, якъ у малжонство пану Пивови была отдавана, которыхъ речей, на онъ часъ от мене побраныхъ, реестръ меновите написаный в себе маю, ведле которого реестру певный а менованый шацунокъ есть пятсотъ золотыхъ монеты личъбы полъское, о чомъ вже и змѣнка перво сего перед его милостю паномъ Межирецъкимъ была,—што все небожчикъ панъ отецъ мой мне самъ платити мелъ и обецалъ восполокъ с панею маткою моею,—ино я и тую суму пять сотъ золотыхъ полскихъ, отдаляючи то от панее матки своее, такъ тежъ отъ сестръ, близкихъ и кровных своихъ, даю, дарую и симъ моимъ листомъ записую малжонкови моему милому пану Фронцови Крушови на вечное вживане. И волен будеть пан Крушъ, малжонокъ мой милый, тымъ именемъ моимъ Ляшками и Лещетовомъ, зо всими пожитки приналежачими, до двойга животовъ, а трема тисечма золотыми полскими, оправою моею, которую я от князя Матуша Порыцъкого маю, и тежъ тую пять сотъ золотыхъ, што мне пан отецъ и матъка моя платити за речи мои рухомые винъни зостали, и тыми всими рухомыми речами моими и власностю моею, ему от мене записаною, такъ теперъ за живота моего, яко и по моемъ животе, онъ сам владнути и тымъ водле воли и мысли своее, яко властъностю своею,

шафовати и то ку пожитку своему оборочати, держати и вживати вечне, отдати, даровати и кому хотячи записати, а я вже сама до того ничого мети, и вже черезъ тое другимъ записомъ ани тастаменътомъ моим того двойга доживотъя и тых трех тисечей золотых полских, оправы моее, так теж всих рухомых речей, властное маетности моее, и тых пяти сотъ золотых вышей мененых, хотя бых сама з сего свѣта, вховай Пане Боже, без потомства зышла, никому инчому записовати и отдавати не маю. И на то есми дала малжонку моему милому, пану Фронцу Крушови, сесь мой записный листъ под моею печатъю. А при том были и того добре сведоми их милост зацныи панове и добродеи мои ласкавые: князь Остафей Василевич Соколский, князь Янушъ Матфѣевичъ Четвертенский, панъ Иванъ Петрович Чапличъ Шпановский, панъ Иван Кадияновичъ Чапличъ, панъ Василей Петровичъ Загоровский, панъ Михайло Игнатович Дчуса, а панъ Федоръ Солтанъ, дворенинъ господаръский. И просила-мъ их милости о приложене печатей; их милость на мою прозбу то вчинити и печати свои к сему моему записному листу приложити рачили. Писан ув Острозе, лет Божого нароженъя тисеча пят сотъ шестдесят пятого року, месяца мая семого дня".—А так я тое очевистое ее оповедане и доброволное сознане панеи Галены Станиславовны Залеского Фронцовое Крушовое и лист ее записный, слово от слова, с початку аж до конца в книги замковые записати казалъ и выписъ с книгъ под печатю моею пану Фронцови Крушу на то далъ.

Книга замковая Луцк. 1565 г., № 2039, л. 93 об.

XXXIV.

Духовное завѣщаніе земянина Романа Гулевича, по которому онъ предоставляетъ женѣ своей право полнаго распоряженія его имѣніемъ Радошинымъ впредь до совершеннаго возраста ихъ сыновей, съ обязательствомъ изъ доходовъ означеннаго имѣнія собрать дочерямъ приданое. 1565 года, іюня 12.

Лѣта Божого нароженя 1565, месяца июня двадцатого дня.

Присылал до мене Андрея Ивановича Русина, подстаростего Луцкого, земенин господарский пан Романъ его милость Федоровичъ Гулевичъ служебника своего Стася, оповедаючи, иж з Божего допущеня естъ хворымъ чоловекомъ, и хотячи в тои хворобе своеи тастаментъ справити, абы жона и дети его милости вѣдали, яко ся, зоставши по животе его, справовати маютъ, и просилъ о вижа, при которомъ бы водле доброе памети и мысли своее тастамент справовати мѣлъ; ино я з уряду замку Луцкого посылалъ на то вижом служебника его милости пана моего, князя Богуша Федоровича Корецкого, старосты Луцкого, Бряславского и Вѣницкого, на йимя Павла Невишского, который виж там бывши, оттоля приехалъ и, ставши передо мною, до книгъ замковых тыми словы созналъ: ижъ пан Романъ Гулевичъ, будучи хворымъ, лежачи в дворе брата своего пана Григоревомъ, в Поддубцох, еще за доброе памети и зуполного розуму своего, при зацных людех и приятелех своихъ и при мне, вижу врядовомъ, справовалъ тастаментъ и тут его на врядъ замковый для записованя до книгъ замковых через служебника своего прислалъ. Где, тутъ же стоячи при вижовом сознани, служебник пана Гулевичов Стась оный тастаментъ пана своего передо мною на вряде покладалъ, просячи, абы былъ вычитанъ и в книги замковые записанъ; который тастаментъ такъ ся в собе маетъ: „Во имя Божое станся. Я Романъ Федорович Гулевич чиню и справую тотъ мой тастамент з доброю паметю а зъ целымъ розумомъ моимъ. Напервей, поручаю душу

мою Богу Вседержителю, а малжонку мою милую Полагю Матяшевну Суропятовну з детками моими злецаю в опеку и в оборону братии моее милои, пану Григорю и пану Василю Гулевичом, и прошу их милости, яко брати своее милое, ажебы их милости рачили малжонку и детки мои от кривдъ боронити. А што ся дотычет именя моего Радошина, стада, сброи, то жона моя Полагя ажъ до лѣтъ сынов моих держати маетъ, а держачи тое имене мое, збирати посагъ дѣвкам моимъ, што я припущаю до верное руки ее; што тое имене мое вчинит и з стада приплодок, то все оборочати на вѣно дѣвок наших, а чого бы имене и стадо не вынесло, тогды сыны повинни, лѣтъ доросши, додати, абы кождую дѣвку дошло сполна посагу по сту коп грошей. А ведже иж старшая цѣвочъка Настася лѣтъ дорастает, тоеи на посагъ остаток тых пенезей, которые до Кгданска за попелъ принесены будут, нижли первей панъ Василей, братъ мой, мает тыми пенезми долги мои поплатити ведле записов моихъ; а того попелу послалъ есми до Кгданска двадцат и шест лаштов и двѣ бочки. А братя и близкие мои тое опеки под жоною моею поисковат не мают, одно тому, што ся вышей поменило, з держаня именя моего Радошина и приплодку з стада вѣно дѣвкамъ нашимъ давати маетъ. А з держаня того именя моего Радошина малжонка моя Полагя, коли дѣти лѣтъ доростутъ, личбы чинити не будет повинна, бо ямъ еи то далъ, яко влостност свою, до шафунку и вживаня ее потол, покул сынове мои лѣтъ доростутъ. Што ся теж дотычет именей ее, малжонки моее Полаги, отчизных, то ест Грушовна а на Подоли Утески и другого приселка также на Подоли, которыи она мне, малжонку своему, записала, якож был я за тые именя жоны моее отчизные нѣкоторую суму пенезей людемъ дал, выкупуючи, ведле близкости жоны своее, тыи ее я именя вышей описаные жоны своее юй отдаю и от всих записов ее вызволяю, и от сумы пенезей, которуюм за тые именя откладалъ, волную чиню и зоставую, и тот записъ мой, на которомъ есми ее малжонце своее Полаги вѣно отписал, при моцы зоставую.

И на то есми еи, малжонце своее Полаги, дал сесь мой тастаментъ и з моею печатю. А при том были и того добре сведоми их милости панове а добродѣеве мои: его милость пан Ярофей Гостский, ротмистръ его королевское милости, а панъ Иванъ Чапличъ Шпановъский; и просил есми их милости о приложене печатей; их милост на мою прозбу то вчинили и печати свои к сему моему тастаменту приложити рачили. Писан у Поддубцох, лѣт Божого нароженя тисяча пят сот шестдесят пятого, месяца июня второгонадцат дня".—А так я тое вижово сознане и тастаментъ пана Романа Гулевичов, слово от слова, с початку аж до конца в книги замковые записати казалъ.

Книга замк. Луцкая 1565 г. № 2039, л. 161 об.

XXXV.

Вѣновная запись земянина Остафія Короваевича-Селецкаго, въ которой онъ, изъ особой любви къ женѣ, записываетъ ей вѣно (въ двойной суммѣ противъ приданаго), на двухъ частяхъ всѣхъ имѣній, какія имѣетъ или впредь имѣть будетъ, а третью часть тѣхъ же имѣній, равно какъ и всю движимость, записываетъ ей въ даръ съ правомъ полной собственности. 1565 года, іюня 24.

Року 1565, месяца июля семого дня.

Пришодчи и постановившися очевисто на вряде его королевское милости в замку Луцкомъ, передо мною Войтехом Красовскимъ, воротнымъ замковымъ, в тот часъ будучимъ на местцу пана Андрея Ивановича Русина, подстаростего Луцкого, земенин господарский панъ Остафей Андрѣевич Короваевич Селецкий оповедалъ и доброволне сознал тыми словы: Штож дей з воли Божое и презреня его светое милости понял есми за себе в малженство светое и благословенное дѣвку небожчика пана Ивана Покотила Петигор-

ского панну Галшку, по которое взялъ есми посагу от матки ее пани Ганны Юхновны Федоровича и от брати ее пана Богдана а Ивана Покотиловичов Петигорских пятдесят коп грошей готовых, а в серебре, в золоте, в перлах, в шатах, в стаде сверепемъ, в конех ездных, в быдле домовомъ и в иншых речах рухомых семъдесят пят копъ грошей личбы литовское, личачи в грошъ по десяти пенезей бѣлых. А так я, заховываючися водле обычаю права посполитого и статуту земского и теж немней з упреймое милости моее малжонское, которую ку ней, малжонцы своей, маю, напротивку того вѣна и всего внесеня ее в домъ мой даю, дарую и записую ей, малжонцы моеи милои, панеи Галшце Покотиловне на двох частех всих именей моих отчизных, то есть в Селцы в повѣте Луцкомъ, так тежъ на именях моих, которые есть в повѣте Браславскомъ, Дашове и Данилковцах, и к тому што бых еще за помочъю Божою, мешкаючи з нею сполечне, прибавити, прикупити, або на господаре короли его милости выслужити и яко колвекъ обычаемъ добрымъ набыти моглъ, на тых двох частех всих именей моих за вѣно ее з совитостю, то есть все сумою двѣсте копъ и пятдесятъ коп грошей личбы литовское, а третюю часть тых же всих именей моих отчизных або с права прирожоного мнѣ припалых даю, дарую и записую еи, малжонцы своеи милои панеи Галшце Покотиловне; а чого Пане Боже вховай на мене воли Божое, часу смертелного, тогды по смерти моеи мает жона моя пани Галшка Покотиловна тые двѣ части всихъ именей моихъ з дворами и з людми, з ставы, з полми, з сеножатми, з лесы, з дубровами, с платы грошовыми, з даню медовою и зо всими доходы, як ся в собе тые двѣ части всих именей моих мети будутъ, в моц свою взяти, держати и вживати и ку своему налѣпшому а пожиточному оборочати; а брат мой панъ Андрѣй Андрѣевич Короваевич Селецкий, ни сестры, ни зяти мои, ани теж близкие и кровные мои с тых двох частей всих именей моих ее жадными причинами стискати, ани якое переказы в томъ чинити, не отдавшы еи тое сумы пенезей от мене вышей описаное, не мают, аж перво отдавши

тую суму пенезей двѣсте и пятдесят коп грошей личбы литовское, тож тые двѣ части имений моих к рукамъ своимъ взяти мают, а в тую третюю част имений моих брат мой, ани дети, близкие и кровные приятели мои не мают ся ничимъ вступовати, одно она жона моя, естли ми з нею Бог сотворитель не даст потомства мети, волна будеть тую третюю част имений моих отдати, дароваты продат, заменить, кому хотячы отказати, записати и ку своему налепъшому а пожиточному оборочати и тымъ водлугъ налепшое воли своее шафовати, што ширей а достаточней на листе моемъ записномъ есть описано и обваровано. Якож и лист свой записный под печатю и с подписом влостное руки моее и под печатми людей добрых, на то от себе малжонце своей панеи Галшце Покотиловне даный, передо мною на вряде покладалъ, просячи, абы былъ вычитан и в книги замковые записанъ; который лист его так ся въ собе мает: „Я Остафей Андреевич Короваевич Селецкий сознаваю и чиню явне симъ моим листомъ, кому того потреба вѣдати, штож з воли и презреня Божого понял есми за себе въ малженство святое дѣвку небожчика пана Ивана Покотила Пятигорского панну Галшку, по которое взялъ есми от матки ее панее Ганны Юхновны Федоровича и от брати ее пана Богдана а Ивана Покотиловичов Пятигорских посагу пятдесят копъ грошей готовых, а в серебре, в золоте, в перлах, в шатах, в стаде сверепъемъ, в конех ездных, в быдле домовомъ и иншыхъ речах рухомых семъдесят коп и пят копъ грошей личбы литовского князства, личачи по десяти пенезей у грошъ; а так я, заховываючися водле права посполитого и не мней тежъ з упреймое милости моее, которую ку неи, малжонце моеи маю, хотячи ее, малжонку свою, поволную а зычливую в стадле малжонскомъ ку собе мети, якож и дознавши поволност и хутливую склонност а сердечную милость ее ку собе, напротив того внесеня ее даю и дарую и записую еи, малжонце моеи милои панеи Галшце Покотиловне на двох частех своих имений моих отчизных, то ест в Селцы, в повѣте Луцкомъ, так тежъ на именях моих, которые ест в повете Бряславскому, Дашови

и Данилковцах и штомъ я за помочю Божею, мешкаючи з нею сполечне, прибавити и якимъ колвек обычаемъ набыти, купнымъ або правомъ прирожонымъ и близкости якое дойти могу, або з ласки господарское за якии послуги мнѣ будуть даны, на тыхъ двох частех всих именей моих за вѣно совитостю, то ест всего сумою двѣ сте копъ и пятъ десят коп грошей личбы литовъское, а третюю част всих именей моих отчизных, або с права прирожоного мнѣ припалыхъ, даю и дарую и записую жоне моеи панее Галшце Покотиловне на вечность. Чого Боже вховай, на мене воли Божои, часу смертелного, по смерти моее мает жона моя пани Галшка Покотиловна тые две части всихъ именей моих з дворами, з людми, зъ ставы, с полми, з сеножатми, з лесы, з дубровами, с платы грошовыми, з даню медовою и зо всими доходы, якъ ся в собе тые две части всих именей моих мети будут, в моц свою взяти, держати и вживати и ку лепшому пожитку оборочат, а брат мой пан Андрѣй Андрѣевич Короваевич Селецкий, ани сестры мои, ани зятѣ мои, ани теж близкие мои с тых двох частей именей моих ее жадными причинами стискати, ани якое перекազы чинити, не отдавши ей тое сумы пенезей двѣсте копъ и пятдесятъ коп грошей литовское личбы; але отдавши тую сумму малжонцы моеи по животе моемъ брат мой, або сестры мои, або близкие мои тож, тую двѣ части именей моих братъ мой або близкие мои к рукамъ своим взяти мают, а в тую третюю част именей моих брат мой, ани близкие мои, ани приятели мои, ани дѣти мои не мают ничимъ ся вступовати. А если не буду мети з нею детей, тогды она тую третую часть всихъ именей моихъ со всимъ с тымъ, яко ся в собе мети будутъ, волна будет продати и отдати и ко всякому пожитку собе обернути и по животе своемъ на церков отдати; а естли ми з нею Пан Богъ дѣти дати рачитъ, тогды як тые две части всих именей моих вышшей описаные, так и тая третая часть именей моих по животе маетъ дѣтемъ моим остати, а што ся дотычетъ статку домового: коней, быдла, шат, злота, сребра и всих рухомых речей, тогды брат мой, ани близкие мои не мают ничимъ ся в тые речи всту-

повати, одно дѣтемъ моимъ по животе ее мают тые вси речи остати; а естлибы детей не было, тогды она тые вси статки, рухомые речи, волна будетъ где хотячи обернути, а брат мой, ани близкие мои, ани приятели мои в то ся не маютъ ничимъ вступовати. И на то есми дал малжонце моеи папее Галшце Покотиловне сесь мой лист з моею печатю, с подписомъ влостное руки моее. А при томъ были и того добре сведоми их милости панъ Павелъ а пан Маско Олехновичи Шпаковские, а пан Еско Гурковичъ Омелянский, а пан Федоръ Павлович Мезоцкий; якож для лепшое твердости сего моего листу просил есми их милости о приложене печатей, што их милости на прозбу мою вчинили, печати свои приложили к сему моему листу. Писанъ у Пятигорщине, року Божого нароженя тисяча пят сот шестдесятъ пятого, месяца июня двадцат четвертого дня".—А такъ я тое очевистое оповедане доброволное сознане пана Остафья Андрѣевича Короваевича Селецкого и лист его записный слово от слова, с початку ажъ до конца в книги замъковые записати казалъ.

Книга замк. Луцкая 1565 г., № 2039, л. 185.

XXXVI.

Духовное завѣщаніе земянина Ивана Жабокрицкаго, въ которомъ онъ, желая обезпечить положеніе своей жены послѣ его смерти, не только во всемъ подтверждаетъ раньше записанное ей вѣно на третьей части его родового имѣнія, но еще даритъ ей все движимое имущество и сверхъ того ей одной поручаетъ опеку надъ дѣтьми и полное распоряженіе его имѣніемъ, предоставляя ей право, по достиженіи всѣми дѣтьми совершеннолѣтія, распредѣлить между ними это имѣніе по своему усмотрѣнію. 1565 года, августа 6.

Лѣта Божого нароженя 1565, месяца августа осмого дня.

Ставши очевисто передо мною, Андреемъ Ивановичем Русиномъ, подстаростимъ Луцкимъ, земенин господарьский панъ Иван Ивановичъ Жабокрицкий оповедал тыми словы: ижъ дей будучы мне з Божого допущеня навежонымъ хоробою, в которои то собе зрозумевши, же на сем свете ничого певнейшого, яко часъ смертелный, што каждого минути не можетъ, и хотечи тежъ жону и дети свои в добромъ порядку зоставити, протожъ еще за доброе памети и зуполного розуму своего справилъ есми собѣ тастаментъ водлугъ воли и мысли своее, под печатю своею и теж под ведомостю и печатми людей добрыхъ; гдежъ тот тастамент пан Иванъ Жабокрицкий передо мною покладалъ, просячы, абы былъ вычитан и в книги замковые записан, который тастамент так ся в собе маетъ: „Во имя Божое станъся. Я Иванъ Иванович Жабокрицкий, знаючы то, ижъ на свете ничого такъ певнейшого нѣтъ, яко смерть, и будучы есми от Бога сотворителя хоробою наведенъ, за доброго а зуполного смыслу умыслиломъ то самъ по своеи доброи воли, никимъ будучи не намовенъ ани приневолен, без жадного примушеня, за целое памети живота моего хотячы на час пришлый жону мою панюю Катерину Промчейковну и з детми, сыны моими, застановити и впокой вчинити на конец, зознаваю и чиню явно симъ моимъ тастаментомъ нинешнимъ и напотомъ будучымъ, всѣмъ посполите, кому того потреба ведати, ижъ што первей сего,

поймуючи за себе малжонку мою панюю Катерину, и досыт доброго речей рухомых и к тому грошей готовых суму немалую за нею в домъ мой Жабокрицъкий был взялъ, и против которого вношеня ее в домъ мой в том ку ней подле права посполитого заховываючыся, листом первей сего суму на третеи части именя моего Жабокрикъ записалъ и ей тот лист мой и запис до рук дал; нижли я, зрозумевши ку собе ее повинную, такъ службы ее поволные, яко теж милость, поволность а цнотливое захование ее ку собѣ, дознавшы верное милости малжонское жоны своее панее Катерины аж до сего часу сталое, службы ее ку собе дознаваючи, и хотячы тое жоне моеи з себе вдячност при животе моемъ показати и то ей нагородити, а такъ я што маю коней ездныхъ, робочихъ, так теж быдла рогатого и дробного: овецъ, козъ, свиней и тежъ статок весь домовый, што колвекъ у дому моем Жабокрыцкомъ ест и штом з нею, жоною моею, воспол набылъ, тымъ всѣм жону мою милую дарую и то ей, жоне моей панеи Катерине, симъ моимъ тастаментомъ записую, от детей, сынов моих Дмитра, Януша, Василя и от всѣх приятелей, кревныхъ и повиноватых моихъ отдаляю. Волна она будетъ, жона моя милая пани Катерина, при животе моемъ, яко тежъ з сее хоробы моее мне не выздоровевши, по смерти, як прудко Пан Богъ сотворитель на мене смерть допустити рачитъ, по моемъ животе, водле запису и обрадованя моего, тымъ вѣномъ своимъ, што от мене на третеи части именя моего Жабокрицкого отчизного, которое я держу в отдѣле от братьи моее, мает записаного, так тежъ и тою маетностю и статком моимъ, штомъ еи, жоне моеи милои панеи Катерине, записал симъ тастаментомъ моим, тымъ всимъ шафовати и того вживати, отдати и записати и як хотячы ку пожитку своему оборочати, так яко воля ее будетъ; а дети, сыны всѣ и нихто з близких и кровных моихъ того у нее, жоны моее милое панее Катерины, поисковати не мают и о то вечне молчати мают. А што ся дотычет дѣти мои сынове естли бы хотели якихъ грошей готовых, або сребра, золота, шатъ, зброи и иншое маетности, або скарбу якого по мне у матери своее

а в жоны моее поисковати, або хто жъ колвек з близких моих, и ку якому праву ее, жону мою, позывати, тогды того ничого поисковати нихто не мает, бо я самъ того ничого не мелъ. Ку тому тежъ дѣти мои, которые я з нею, жоною моею, маю и которые еще лѣт не доросли, а так я розумѣючи то по нихъ, иж еще они на отчизне своей не вмѣетны жити, а так я имене то мое Жабокрики, яко тежъ и дети, сынове мои Дмитра, Януша, Василья никому иному, одно Пану Богу сотворителю а еи, жоне моеи милои панее Катерине, ув опеку и въ моцъ до зросту доброго лѣтъ и смыслу ихъ поручамъ: мает она, жона моя, дети мои и свои, всѣхъ трохъ сыновъ нашихъ, за тымъ порученемъ моимъ в моцы своее их держачы, на службу ведле убозства выправовати и на науку их давати, а имене мое все маеть у моцы своее и в опецы и шафунку своем держати аж до зросту и меншого сына моего Василя; не мает она, жона моя, старшимъ сыномъ моимъ Дмитру а Янушу именя моего Жабокрицкого, которое я державъ, ани жадного пожитку в немъ имъ поступовати и в моц и держане их подавати, а догодовавши лет и доброго смыслу детей моих, мает з ними, детми моими, то пристойного вчинити, што ся ей подобати будет. А ведже я, хотячи жону свою с пригодныхъ речей в томъ на пришлый часъ добре обваровати и во впокои заховати, ведаючы, ижъ веле неласкавых приятелей до именя своего мел, для того имене в опеку и в оборону поручам его милости пану Михаилу Хренницкому а пану Михаилу Корытенскому, писару земскому повету Луцкого, и пану Петру Костюшку Хоболтовскому, абы их милость для заслугъ моих то вчинити а ото всяких кривдъ, в чомъ бы она утечку жона моя до их милостей мела, ее боронити и в опецы своее мети рачили. И на то есми жоне моей милой панеи Катерине Промчейковъне дал сесь мой тастамент под моею печатю; а при томъ были и того добре сведоми их милости панове приятели мои: его милост пан Федоръ Русин, писар замку Луцкого, а пан Иван Павлович Птицкий, а пан Дмитръ Иванович Рогозинский, которые панове на прозбу мою печати свои к тому моему

тастаменту приложити рачили. Писан у Жабокриках, лет Божого нароженя тисяча пят сот шестдесят пятого, месяца августа шестого дня".—А так я тое очевистое оповедане и тастамент пана Ивана Ивановича Жабокрицкого слово от слова, с початку аж до конца в книги замковые записати казалъ, с которых и выпис под печатю моею пан Иванъ Жабокрицкий собе на то взялъ. Писан в Луцку.

Книга замк. Луцкая 1565 г. № 2039, л. 250.

XXXVII.

I. Дарственная запись земянки Ганны Воронянки Сокоровой, въ которой она, изъ чувства глубочайшей любви къ своему мужу п. Григорію Сокору и признательности за такую же любовь съ его стороны, записываетъ ему въ даръ свое приданое и все то, чѣмъ она лично владѣетъ или впредь владѣть будетъ. 1565 года, октября 30.

II. Такого же содержанія дарственная запись п. Григорія Сокора своей женѣ. 1565 года, октября 30.

I.

Лѣта Божого нароженъя 1565, месяца октебра 31 дня, в середу.

Пришодчи и постановившися очевисто на вряде его милости господарскомъ в замку Луцъком, передо мною Андрѣемъ Ивановичемъ Русином, подстаростимъ Луцкимъ, земянка господарская пани Ганна Юревна Воронянка пани Григоревая Сокоровая оповедала и доброволне сознала тыми словы: ижъ дей, будучи мнѣ в малженствѣ с паномъ Григоремъ Матфеевичемъ Сокором и мешкаючи с нимъ през час не малый добре а цнотливе, як прислуша на цнотливое а верное мешкане малжонское, и знаючи по нем ку собе великую милость и хотячи еще на пришлые часы его склоннейшого а милейшого

собѣ мети, про верную милость и великую склонность его, а к тому тежъ паметаючи на час смертелный, што каждого минути не можетъ, абых прожне малжонка своего при животе и по животе моемъ не опустила, с тых причинъ, не будучи никимъ намовена ани примушона, одно сама по своеи доброи воли, милуючи его, малжонка своего, то што колвекъ есть вношеня моего в дом его: золота, серебра и перелъ, клейнотов, грошей готовых и вшеляких рухомых речей, почонши от мала и до велика, яко колвекъ именованые быти могутъ, и што бых еще, мешкаючи з нимъ, малжонком моимъ, за влостныи пенези свои в кого-колвекъ купити и закупити мела, албо бы тежъ спадокъ який до рук моих припасти, и што бых колвекъ обычаемъ слушнымъ набыти могла, то все есми дала, даровала и на вечност малжонку моему милому пану Григорю Сокору записала, отдаляючи от брата моего рожоного пана Андрея и ото всихъ близких а кровных моих, то все малжонок мой по моемъ животе к рукам своимъ мети, держати и вживати мает аж до живота своего; а братъ мой рожоный и нихто з близкихъ и кровных моих в то ничимъ ся вступовати не мают; на што есми малжонку своему милому пану Григорю Сокору дала лист свой записный, подъ моею печатю и подъ печатми людей добрых, в которомъ ширей а достаточней есть описано и обваровано. Якожъ и листъ свой записный, на то от себе малжонку своему пану Григорю Сокору даный, передо мною на вряде показовала, просячи, абы был вычитанъ и в книги замковые записанъ; который листъ такъ ся в собе маетъ: „Я Ганна Юревна Воронянка ознаймую и чиню явно тымъ моимъ листомъ всѣмъ посполите, кому того потреба будет ведати або чтучы его слышати, нинешнимъ и напотом завды: штожъ будучи мне в малжонствѣ с паномъ Григоремъ Матфеевичом Сокоромъ и мешкаючи з нимъ добре а цнотливе, яко прислуша на цнотливое а милое мешкане, и маючи его ку собѣ великую милост а цнотливое заховане, умыслила есми собѣ, еще хотячи на потомные часы его поволнейшого а милшого малжонка собѣ мети, про великую милость его, кото-

рую онъ мнѣ чинитъ и чинити обецалъ, а звлаща бачачи на часъ пришлый смертелный, который есть кождому чоловеку паметати, абых прожне малжонка своего милого не опустила,—што ест колвекъ вношеня моего в дом его, то есть, злота, сребра, шат, перелъ, клейнотов, грошей готовых и вшелякиих рухомых речей, почонши отъ мала и до велика, яко колвекъ имены названые, и штобых теж еще, мешкаючи з малжонкомъ моим, мѣла за властные пенези свои в кого колвекъ имене купити, закупити, албо спадокъ який до рукъ моих припасти бы мелъ, и што колвекъ якимъ обычаемъ слушнымъ набыти могла, то все даю, дарую и тым листомъ моимъ малжонку моему милому пану Григорю Сокору, отдаляючи от брата моего рожоного пана Андрея и ото всихъ близких а кровных моих, записую; а чого Боже вховай на мене смерти, тогды то все малжонокъ мой милый мает к рукамъ своимъ мети, держати и вживати, ажъ до живота своего, а брат мой рожоный и нихто з близких а кровных моих в то ничимъ ся не мают уступовати и нигде до кождого права позывати; а еслибы брат мой рожоный, албо хто з близких а кровных моих о то его мели ку праву позывати, тогды маютъ заруки господару королю его милости заплатити сто копъ грошей, малжонку моему противен другую сто копъ грошей и всѣ шкоды и наклады без жадного доводу, толко на приречене слова его заплатити и за то досыт вчинити; а заплативши тые заруки и вси шкоды и наклады, предся малжонок мой мает захован быти водле того моего записного листу. А еслибы малжонок мой, по животе моемъ, малжонку другую за себе взялъ, тогды по животе своемъ никому иншому не мает тых всихъ речей, в семъ листе вышей описаных записовати ани даровати, толко мает записати и даровати тымъ детемъ, которые он зо мною, малжонкою своею, мает. И на то дала есми малжонку моему милому пану Григорю Сокору тот мой лист з моею печатю. А при томъ были и того добре сведоми их милост панове: пан Федор Иванович Русинъ Берестецкий, писар замку господарского Луцкого, пан Томило Ворона Боротинский, панъ

Василей Гнивошовичъ Бронницкий а пан Семенъ Иванович Свищовский. И для лепшое твердости того моего листу просила есми их милости верху писаных панов о приложене печатей, которые панове за прозбою моею печати свои к сему моему записному листу приложити рачили. Писан в Луцку, лета Божого нароженя тисеча пят сот шестдесят пятого, месяца октебра тридцатого дня".— А такъ я тое очевистое оповедане, доброволное сознане и лист панее Ганны Юревны Воронянкы в книги замковые записати казалъ.

II.

„Я Григорей Матфѣевичъ Сокоръ ознаймую и чиню явно тымъ моимъ листом всѣмъ посполите, кому будеть потреба того ведати, або чтучи его слышати, нинешнимъ и напотомъ завжды: штож будучы мне в малжонстве с панею Ганною Юревною Воронянъкою и мешкаючы з нею добре а цнотливе, яко прислуша на цнотливое а милое мешкане, и маючы ку собе великую милость и цнотливое заховане, умыслилъ есми собе, еще хотячы на потомные часы ее поволнейшую а милшею малъжонкою собе мети, про великую милость ее, которую она мне чинить, а звлаща бачачи на час пришлый смертелный, который есть кождому чоловеку паметати смерть, абых прожне малжонки моеи милои не опустилъ,— што есть колвекъ первои выслуги моеи и цнотливого набытъя моего, то есть: золота, серебра, шатъ, грошей готовых, коней, седелъ, зброи, панцыровъ, цену, меди и вшеляких рухомыхъ речей домовыхъ, почонши от мала и до велика, яко колвекъ имены назваными, и што бых тежъ еще, мешкаючы з нею, малжонкою моею, мелъ выслужити, або за пенези свои в кого колвекъ имене на вечность купити або закупити, албо спадокъ який до рукъ моих припасти бы мелъ, и што колвекъ якимъ обычаем слушнымъ набыти, то все даю, дарую и тым листом моимъ малжонце моее милои панеи Ганне Воронянце, отдаляючы от братьи моее рожоное и ото всих близких а кровных моихъ, записую; а чого Боже

вховай на мене смерти, тогды то все малжонка моя милая маеть к рукам своимъ мети, держати и вживати аж до живота своего, а братя моя рожоная и нихто з близких а кровныхъ моихъ в то ничимъ ся не мають вступовати и нигде до кождого права позывати; а если бы братя моя рожоная або хто з близкихъ а кровных моихъ о то ее мели ку праву позывати, тогды мают заруки господару королю его милости заплатити сто копъ грошей, а малжонце моее противне другую сто копъ грошей и вси шкоды и наклады без жадного доводу, толко на приречене слова ее, заплатити и за то досыть вчинити; а заплативши тые заруки и вси шкоды и наклады, предся малжонка моя маеть захована быти ведле того моего записного листу; а еслибы малжонка моя по животе моемъ замужъ пошла, тогды по животе своемъ никому иншому не маетъ тых всих речей в семъ листе вышей описаныхъ записовати, ани даровати, толко маеть записати и даровати тымъ детемъ, которыи я з нею, малжонкою моею милою, маю. И на то дал есми малжонце моее милои панеи Ганне Юревне Воронянце тот лист, з моею печатью и съ подписомъ руки моее власное; а при томъ были и того добре сведоми их милости панове: пан Федор Ивановичъ Русинъ Берестецкий, писар замку господарского Луцъкого, панъ Томило Ворона Боротинский, панъ Василей Гнивошевичъ Бронницкий, а панъ Семенъ Ивановичъ Свищовский. И для лепшое твердости того моего листу просилъ есми их милости верху писаныхъ пановъ о приложене печатей, которые панове, за прозбою моею, печати свои к сему моему записному листу приложити рачили. Писанъ в Луцку, лета Божого нароженъя тисеча пятсотъ шестьдесят пятого, месяца октебра тридцатого дня."—

Книга замковая Луцкая 1565 г. № 2039, л. 357 об. и 359.

XXXVIII.

Вѣновная запись зем. Лаврентія Оранскаго, выданная имъ своей женѣ Марьи, дочери зем. Семена Ласковича-Черничицкаго. 1566 г., мая 2.

Лѣта Божого нароженя 1567, месяца генваря 9 дня, в четвергъ.

Пришедши перед нас: Богдана Костюшковича Хоболтовского, суди земского повету Володимерского, а Павла Шпаковского, подсудка, землнинъ господарский повету Володимерского пан Лаврин Семенович Оранский, ставши обличне а очевисте стоячи, доброволне вызнал весполок з отцемъ своимъ паномъ Семеномъ Оранскимъ: иж што з суду и милосердъя Божого и зычливости приятелское и зо власного позволеня и з ведомостю и за листомъ его милости пана отца моего и водлуг закону нашого хрестиянского, поняломъ собе в малженство дочку его милости пана Семена Ласковича Чернъчицкого панну Марю и взяломъ за нею внесеня, вена: злота, сребра, пенезей готовыхъ, перелъ, шатъ, коней, быдла, платя белого, и внесъ есми то все у домъ его милости пана отца моего и теж мой; где ж напротивку того внесеня от панее малжонки моее, за дозволенем и ведомостю и за власнымъ листомъ его милости пана отца моего, на то пану тестю моему от его милости данымъ, и теж знаючи цнотливое малжонки моее ку мне учтивое захованe, напротивку того внесеня ее описую и даю и и дарую суму пенезей ей на именях его милости пана отца моего и моих, то естъ: на Оранех, на Лазкове, в повете Володимерскомъ лежачие, а в повете Кобринскомъ, в Литвѣ: на Линевцы, на третеи части, на тых трех именях наших первопомененых чотыриста копъ гроший личбы литовское, и так на моем записе, яко и на особливомъ записе его милости пана отца моего даномъ есть ширей и достаточней описано. И просилъ сын пана Семена Оранского пан Лаврин, абы тот лист его самого и отца его до книг земских был вписан; который лист мы, судъи, с почачку аж до конца его

вычитавши, казали есмо его до книгъ земских слово в слово вписати, который лист так ся в собе маеть: „Я Лавринъ Семеновичъ Оранский чиню явно и вызнаваю самъ на себе симъ моимъ листомъ кождому, кому бы была потреба о томъ ведати або чтучи сесь листъ мой слышати, тепер и напотомъ будучим: иж не з жадное намовы або примушеня, але з особливое ласки, милосердя и справы Божское а позволеня его милости пана отца моего пана Семена Григоревича Оранского, ведаючи я о доброй справе, милости людской и цнотливомъ захованю его милости пана Семена Ласковича Чернѣчицкого и вживаючи собе так его милости самого, яко и приятелей, повинных дому его милости, с правое мысли а охоты своее хотечи мети, абых себе в милост, повинность и приязнь вечистую пана Чернѣчицкого завелъ, якож з властное мысли и охоты своее, за позволенемъ его милости пана отца своего, дорадившися приятелей своихъ, сполечне зъ его милостью паномъ отцемъ своимъ и иншими приятелми своими приехавши в домъ его милости пана Семена Ласковича Чернѣчицкого, нашол и просил есми его, абы водле звыклости и доброе славы своее пану отцу моему и мне самому сприязливе ся показал, а мене ку собе доволне в милость и приязнь вечистую взялъ, што его милость пан Семенъ Чернѣчицкий не мней в себе уваживши и принемши насъ вдячне до дому своего, з волею и справою Бозскою на то позволил и за нашимъ властным прошенем, а причинами приятелей нашихъ, дочку свою панну Марю за мене в стадло светое малжонское далъ, за которою панною дочкою своею, панною Марею, з ласки и даня так его милости самого, яко и малжонки его, датку взялъ есми досыт немало, то есть: готовых грошей, злота, сребра, перелъ, шатъ, коней, быдла, платъя белого и иншихъ речей так много, яко чотыриста коп грошей литовское монеты, который датокъ оземши я з дому пана Чернѣчицкого до рук своих, в домъ так свой, яко и пана отца своего внесъ, и кгды ся за ласкою а справою Бозскою то все статечне скончило, и бачечи не мнейшую милость, ласку и добродейство его милости пана Семена Чернѣчицкого, которое

он пану отцу моему и мне показал, маючи теж милость и охотную склонность ку его милости, за властною хутю и позволенемъ пана отца моего, уважаючи добродейство цтя своего пана Семена Чернъчицкого, а милуючи малженку свою, дочку его милости панюю Марю, хотечи з себе поволность показати и водле обычаю повинного и звыклости нашое посполитое в том ся заховати,—даю, дарую и сим листомъ моимъ записую, за властнымъ позволенемъ и волею пана отца моего пана Семена Оранского, малженцы моей паней Мари за оный даток и внесене, которое я з дому отца ее за нею взял, на йменю своемъ властномъ отчизномъ и набытомъ Оранех, Лазкове и Линевце, на третей части властное части своее, чотыриста коп грошей монеты и личбы литовское, личечи по десяти пенязей белых в грошъ; в которой суме в чотырох сотъ копъ грошей литовских маеть малжонка моя пани Маря третюю часть во всих именях моих так отчизных, яко и набытых, з дворы, с полми и сеножатми, з людми и з их дворищами, землями пашными и бортными и со всимъ тымъ, што к оной части третей craприналежить, так тепер за живота моего, яко и по животе моемъ к рукам своимъ держати и того вживати, яко властности своее; а пан отец мой и я самъ при животе своемъ, потомки и близкие наши по животе нашом, не отдавши тое суммы пенязей чотырох сотъ коп грошей литовских, в тую третюю часть вы йменях наших Оранех, Лазкове и Линевце ничим ся вступовати, з моцы и владности ее выймовати и никоторое кривды на томъ ей делати не маемъ. И волна будет малжонка моя пани Маря так за живота своего, яко и по животе своемъ, оную суму пенязей чотыриста копъ грошей, за позволенемъ пана отца моего и моим ей записаную, к рукам своим сама держати и ее вживати, або кому хотя отдати, даровати и записати, кгдеколвек обернути, яко властность свою; а мы сами, потомки и близки наши ей того заборонятп и на жадное шкоде и переказе быти не маемо. И на то я с позволенемъ и властною волею пана отца моего малжонце своей, дочцы пана Семена Чернъчицкого, даю сес мой листъ под печатю моею,

с подписю властное руки моее; а при томъ были и того добре ведомы панове приятели наши: их милость панъ Василей Гулевича, подстаростий Володимерский, пан Өедоръ Солтанъ, писар земский повету Володимерского, панъ Иванъ Петровичъ Калусовский а пан Василей Дрывинский, которых есмо с паномъ отцемъ своимъ просили, жебы их милость за прозбами нашими печати свои приложити рачили; их милость за прозбою нашою то вчинили и печати свои приложити рачили к сему нашому листу; якож я то вделавши и статечне постановивши, для лепшого умоцънення и ведомости людское враду земскому и кгродскому тую властную волю и позволене отца моего и свое вызнал, оповедал и до книгъ записати далъ. Писанъ в Чернъчичох, лѣта Божого нарожения тисяча пятсот шестдесятъ шестого, мѣсяца мая второго дня".— Которое ж доброволное а очевистое вызнане сына пана Семена Оранского пана Лаврена и его властный листъ, малженцы его даный, казали есмо до книгъ земских судовых записати. Писанъ у Володимери.

Книга земская Володимерская 1567—1571 г. № 954, л. 8 обор.

XXXIX.

Жалоба княгини Настасьи Ружинской о томъ, что дочь ея княжна Катерина самовольно, безъ вѣдома матери, вышла замужъ за „нѣякого“ Яна Панковскаго и вмѣстѣ съ нимъ отняла у жалобщицы имѣніе въ с. Роговичахъ. 1566 года, іюля 15.

Лѣта Божего нароженя тисеча пятъ сотъ шестдесять шостого, месеца июля 15 дня.

Пришедъши на врядъ замъку господаръского Володимерского, до мене Якима Василевича, на тот час будучого на местцу его милости пана Василя Гулевича, войского и подстаростего Володимеръского, кнегини Василевая Ружинская Настася Лвовна Есмановна жаловала и оповедала на дочку свою Катерину Василевну: штожъ дей она, „не докладаючися мене, матки своее, понела собе за мужа, кром воли моее, нѣякого Яна Панковского и с тым дей то мужемъ своимъ, запомневши напред боязни Божее и добродейства моего, матъки своее, кгдым дей поехала з ыменя своего Ружина, отехавши дей всее маетности своее в Роговичах, то ест яко привилевъ и листов веновных и на долги не малые, так дей тежъ маетност свою всю рухомую, яко в злоте, въ сребре, в перлах, в шатах, чого дей всего шацую собе на шест сот коп грошей литовских, окром привилевъ и листов своихъ веновных и на долги. Якожъ дей, за онымъ отеханемъ моимъ, якъ двор мой в Роговичах дочка моя перво помененая Катерина с тымъ мужемъ своимъ с тою всею маетностю моею и з листы кгвалтомъ взяли и людей к собе подданых моих Роговицкихъ привернули моцю, и пашню дей дворную з ыншыми пожитки от мене отняли, не допускаючи дей ми в жадное речи воли и росказываня, и пашни мои помолотили в дворе Роговицкомъ, у гумне, кгвалтомъ, на колко сотъ мацъ жита и пшеницы вымолотили и ку пожитку своему обернули. Якож дей я, приехавши до Рогович, хотела-мъ водле перъвшого вживаня своего росказывати и о листах и маетности ся своее до-

ведати; то пакъ дей тот Панковский до кия ся на мене торгнулъ и проч мене з двора моего Роговицкого выгнал от всеи маетности моее, и кгды бы дей на тот час не люди его гамовали, тогды бы дей мог мене до смерти забити; ожъ есми, покинувши воз и кони свои, ледве на подводъце втекла тут до вряду господарского замку Володимерского".—И просила мене кнегини Василевая Ружинская Настася Есмановна, абы то было въ книги замковые записано; я тую жалобу и оповедане ее въ книги замковые записати казалъ.

Книга замковая Владимірская 1566 г. № 923, л. 92 об.

XL.

Дѣло о замужествѣ Богданы Семашковны:

1. Условіе, заключенное Владимірскимъ подкоморіемъ Александромъ Семашкомъ съ Мельницкимъ старостою Григоріемъ Воловичемъ относительно выдачи опекаемой Семашкомъ двоюродной сестры своей Богданы Васильевны Семашковны въ замужество за сына Воловича. Срокъ свадьбѣ назначается черезъ пять лѣтъ послѣ заключенія предбрачнаго условія. 1566 года, іюля 12.

Лѣта Божого нароженя 1566, месеца июля 12 дня.

Ставши очевисто на вряде его королевскои милости в замъку Луцкомъ, передо мною Андреемъ Ивановичомъ Русиномъ, подстаростим Луцъким, его милост пан Александро Богдановичъ Семашко, подкоморий Володимерский, оповедал и доброволне сознал тыми словы: ижъ дей з воли Божое и з дару Духа светого а с порадою повинных приятелей моих, учинилъ есми змову о выданъе у малъженство сестру свою стрыечную, которая у мене правомъ прироженымъ в опеце естъ, а на тот час у хованю в пана Ивана Чаплича, войского Луцкого, и в панее малжонъки его милости а

матки своее мешкает, панну Богдану Василевну Семашъковну за сына его милости пана Григоря Воловича, старосты Мелницкого и Мстибоговского, Ейшиского, Воранского, Коневского и Дубичского, городничого Городенского, за пана Григоря, на што есми з обу сторонъ позволивши, рок тому веселю постановили: от свята близко прийдучого светое Пречистое першое, которое свято быти мает в року теперешнемъ шестдесят шостомъ, за пет лет, и кгды даст Бог здоровъе, же до того прийдетъ, тогды мает его милост пан Григорей Волович, староста Мелницкий, сына своего пана Григоря, приводечи въ скуток до малжонства, а досыт чинечи запису и обовязку своему, яко ся его милост на листе своемъ мне описал и обовезал, и до именя моего Мелницы на тот рок описаный, то ест на денъ светое Пречистое, которое свято припасти мает в року семдесят первом, поставит; и кгды ся то мне от его милости пана Григоря Воловича, старосты Мелницкого и Мъстибоговского, выполнит, же ся сын его милости пан Григорей на тот рок назначоный ку веселю установит, повинен буду панну Богдану Семашковну, сестру мою, у малженство за пана Григоря, сына его милости пана старосты Мелницкого, выдати, а по выданю в тыжден вси именя ее, сестры моее, которые на нее прийти мают, што я на тот час ув опеце и в руках своих держу, в цѣлости зо всимъ на все, якося тые именя в собе мают, поступити, в моц и в держане к рукамъ сестре моее панне Богдане винен буду подати; што ширей а достаточней на листе моем вызнаном есть описано. Якож и лист свой, на то от себе его милости пану Григорю Воловичу, старосте Мелницкому и Мстибоговскому, даный, его милост пан Александро Богданович Семашко, подкоморый Володимерский, передо мною покладал, просечи, абы был вычитан и в книги замъковые записан; который листъ так ся в собе мает: „Я Александро Богданович Семашко, подкоморый Володимерский, чиню явно и вызнаваю симъ моимъ листомъ, кому одно о тым вѣдати належати будет, иж з воли Божое и з дару Духа светого а с порадою повинныхъ приятелей моих, учинил есми змову о

выдане у малженство сестру мою стрыечную, которая в мене правомъ природконымъ в опеце есть, а на тот час у хованю в пана Ивана Чаплича, войского Луцкого, и в панеи малжонки его милости а матки своее мешкаеть, панну Богдану Василевну Семашковъну за сына его милости пана Григоря Воловича, старосты Мелницкого и Мстибоговского, Ейшиского, Воранского, Коневского и Дубичского, городничого Городенского, за пана Григоря, на што есмо з обу сторон позволивши, и рок тому веселю постановили: от свята близко прийдучого светое Пречистое першое, которое свято припасти мает в року теперешнемъ шестдесятъ шостомъ, за пят лет, и коли дасть Бог здорове, же до того прийдетъ, мает его милост пан Григорей Волович, староста Мелницкий, сына своего пана Григоря, приводячи в скуток до малженства а досыт чинячы запису и обовязку своему, яко ся его милост на листе своемъ мне описал и обовязал, до именя моего Мелницы на тот рок, на ден светое Пречистое, которое свято быти мает в року осмдесят первшомъ, постановити. И кгды ся то мънѣ от его милости выполнит, же сын его милости пан Григорей на тот рок назначоный ку веселю установится, повинен буду панну Богдану Семашковну, сестру мою, у малженство за пана Григоря, сына его милости, выдати, а по выданю в тыжден всѣ именя ее, сестры моее, которые на нее прийти мают, што я на тот час в опеце и в руках своих держу, в целости зо всимъ, яко ся в собе мают, поступити, в моцъ и в держане к рукам сестре моей панне Богдане подати винен буду. А еслибых я Александро Семашко сему запису моему, от мене его милости пану Григорю Воловичу, старосте Мелницкому, даному, выполнити и ему досыт чинити не хотел, а сестры моеи панны Богданы Семашковны за сына его милости пана Григоря на тот рок, яком ся на сем листе моемъ описал, у малженство не выдал и якими колвек причинами от того обовязку моего волнымъ быти хотел, тогды повинен буду заруки платити господарю королю его милости тисячу копъ грошей, а стороне, то естъ пану Григорю Воловичу, старосте Мелницкому,

другую тисечу копъ грошей; а заплативши тые заруки господарю королю его милости и стороне, предся обовязуюся водлуг сего запису моего, от мене его милости даного, заховати, а сестру мою панну Богдану за сына его милости в малженство дати. И на то я Александро Семашко дал есми сес мой лист под моею печатю и с подъписом влостное руки моее; а для лепшое певности донесломъ и оповедал то вряду господарскому Луцкому, якож тое оповедане мое до книг замъку Луцкого ест записано; с которых я и выпис под печатю врядовою вземши, далом его з сим моимъ листом до рук его милости пану Григорю Воловичу, старосте Мелницкому и Мстибоговскому. Писан у Вышкове, лета Божого нароженя тисяча пятсот шестдесят шостого року, месеца июля второгонадцат дня".—А так я тое очевистое оповедане, доброволное сознане пана Александра Богдановича Семашка и лист его милости вызнаный, слово от слова, с початъку ажъ до конъца, в книги замковые записати казал, с которых и выпис под печатю моею пан Александро Семашко вземши, его милости пану Григорю Воловичу, старосте Мелницкому и Мстибоговскому, на то дал.

Книга замковая Луцкая 1566 г., № 2040. л. 245, актъ 27.

---

2. Протоколъ рѣшенія Луцкаго гродскаго суда (съ участіемъ почетнѣйшихъ обывателей Волынскаго воеводства) о дозволеніи Богданѣ Семашковнѣ, согласно ея личному желанію и дозволенію со стороны ея матери и опекуновъ, выйти замужъ за князя Януша Матвѣевича Четвертенскаго, не взирая на то, что ея двоюродный братъ Александръ Семашко, считая себя ея опекуномъ, противился этому браку и самовольно сговорилъ ее раньше за п. Григорія Воловича. 1569 года, мая 10.

Лѣта Божого нароженя 1569, месеца мая 10 дня.

Постановившися обличне в замку господаръскомъ Луцкомъ, передо мною Богушом Хведоровичомъ Корецкимъ, старостою Луц-

кимъ, Браславскимъ и Веницкимъ, пани Ивановая Чаплича Шпановского Галена Карповна из девкою своею панною Богданою Васильевною Семашковною, жаловал малжонок ее милости пан Иван Чапличъ Шпановский, войский Луцкий, именемъ еи самои и панны Богданы, за злеценемъ их очевистым и устным, перед их милостю паны радами, которые на тот час в замку Луцкомъ были: перед его милостю князем Викторином Вербицким, бискупом Луцким, а его милостю князем Александромъ Чорторыйскимъ, воеводою земли Волынское, а его милостю князем Романом Федоровичом Санкгушковичом, воеводою Браславскимъ, старостою Житомирскимъ и Веницкимъ, и перед всими врядники господаръскими, князи и паны, обывателъми того панъства земли Волынское, тыми словы: штож дей небожчикъ малжонокъ еи перший жоны моей пан Василей Семашко, зсходячи з сего света, записал был в опеку жону и дети свои князю Богушу Хведоровичу Корецкому, старосте Луцкому, Браславскому и Веницкому, князю Матфею Василевичу Четвертенскому а пану Михайлу Елу Малинскому, а именя свои малъжонце своей до летъ сынов детей своих в держане дал; а так по смерти пана Семашковой з воли Божои за себе жону его милости в малжонство взял. Ино в тот часъ, по смерти сынов пана Семашковых я, видечи, же пан Александро Семашко, даючи причины, абы через мене якая шкода в держани имеей панне Богдане не стала, мелся к тому, абы тые именя в руках своих мел, покол панна Богдана замуж пойдет, а скоро замуж пойдетъ, обецал ей тые именя в целости отдати и при отданю тыхъ имеей личбу ей вчинити, яко бы в томъ держаню панна Богдана ни в чом не шкодовала. Я, видечи такие обетници пана Семашковы и хочети быт того мниманя в кождого прожен, вчинилем з нимъ постановеня— за певным записом его пустилъ есми ему имене Подреж и вси иншие именя, которые он записался, скоро панна Богдана замуж пойдеть, еи в целости поступити и, личьбу вчинивши, досыть еи за то вделати, подъ заруками певными: господарю три тисечи копъ грошей, а мъне и панъне Богдане две тисечи коп грошей, в чом

бы колвекъ с того листу выступилъ, што ширей на том листе от него мне даномъ есть описано. А так малжонка моя, з волею вашое милости, княже старосто, яко опекуна описаного, учинила постановене с князем Янушом Четвертенским: змовила за его милост князя Януша Четвертенского дочку свою панну Богдану, за власным позволенемъ ее самои, вжо тому два годы, и колко роков вжо веселю складано, на которые роки часто я самъ, также и через приятели свои, пана Александра Семашка в дом мой на веселе просил, а пан Александро Семашко, не ведаю для якое причины, в томъ проволоку чинит, на веселю быт не хотел, уфаючи, жебы за тою небытностю своею панну Богдану в яку шкоду вправити мог, и хотечи того именя, маючи в руках своихъ, дользшей вживати, винес лист господаръский до мене, в которомъ пише, иж бых я и жона моя панны Богданы за князя Януша Четвертенского не выдали, бо дей панъ Александро Семашко змовил ее за шурина своего, пана Григоря, сына пана Григоря Воловича, старосты Мелницкого. Але иж его кролевская милост нашъ милостивый господаръ и сам николи дивок и вдов ни за кого без воленя их влостного не отдаеть, и Статутом то обвароват рачил, тогды поготову и пан Семашко жадное змовы заочное о сестру свою а девку жоны моей без позволеня панны чинити не мог, бо панна Богдана пана Григоря, сына пана Григоря Воловича, николи не видела и он ее, а звлаща и Статут на том ачбы досыт описует, иж аж по смерти отца и матки без воли брати и стрыев паненки ити не маютъ, и то для своволных девок уставено, абы не водли боязни Божои за также и собе неровных ку зелженю дому своего в малженство не шли; але панъна Богдана иж зезволила в малженство за его милост князя Януша Четвертенского, вчинила то за властным позволенемъ вашое милости, княже старосто, опекупа своего, также и матки своее влостное. Якож и я именемъ жоны своее пана Александра по тои змове просил; его милост вымовил ся мне пилными потребами, иж там быти не мог, але жоне моей скончити и змовити ее за князя Януша Четвертенского радил,

толко того просилъ, абы того постерегли, яко бы он з личбы был волен; а пана Михайла Малинского, другого опекуна, иж на тот час поблизку не было, затым при том постановеню вашей милости не был, але коли смо то его милости потомъ оповедали, тое постановене пофалив и на то зезволив и особливе при тых всих поступках, иж панна Богдана з боязни Божей, з волеи родителки своеи, за собе ровного, зацного, родового чоловека, з давных часов, с продков его господару и речи посполитое заслужоного, в малженство ест змовена, и сама доброволне позволила, и тым дому своего намний не полжила. И хотечи, абы брат ее панъ Александро Семашко причинъ жадных к удержаню именей и ее неласкаве славит не мог, утеклася на тот час до вашое милости, милостивые панове рады его королевскои милости, панов наших милостивых, и до вашое милости, княже старосто, яко вряду тутошнего, и просит за то, колиж пан Семашко подобно тот артыкул на помоч собе брал, за которымъ девки своволные от именя отпадают, а тот артикул ему не належит, бо першая: же панна Богдана з волею опекуна, другая: же властна родителка ее жива и з волею ее на то позволила; и еще хотечи собе тымъ слушней и безпечней от так неласкавого брата обваровати и безпечити, покорне а унижоне просит, абы ваша милост, княже старосто, заховавши ее водле артикулу, который на лакомую братю и сътрые в статуте ест описанъ: естлибы корыстечы именьемъ а сестры замуж ити не позволили, мает ся панна втечи до вряду, и пойдетъ ли за дозволенемъ вряду за собе ровного шляхтича, тая от именя не отпадаеть,—росказавши тот артикул вычести, матъце ее за князя Януша ее выдат позволитъ рачили. Потомъ, выступивъши сама пани Чапличовая, зо слезами просила их милости панов радъ, абы ся до него примовити рачили, абых ее девце водле Статуту за князя Януша в малженство ити на рокъ зложоный, то естъ месеца мая пятогонадцат дня в семъ року шестдесятъ девятомъ, позволил, бо дей пан Семашко, улакомившися на именя девки моеи, еи в томъ перепказу чинитъ, што ему Богъ мстити будетъ. Потомъ и сама панна

Богдана покорне просила, абысмо ее ведле прозбы, которую через пана войского Луцкого чинила, заховали, бо дей то все влостные слова его милост за прозбою моею мовил, также и водле примовы панее матъки ее; ктому зознала, же дей „я сама доброволне, з волею вашои милости, княже старосто, опекуна своего, и пани матъки своее, за князя Януша, маючи лета зуполные, позволила и теперь позволяю“.—Пан Семашко, слышачи тое оповедане, на то отказ чинил: же дей „я для того еи за князя Януша ити не позволяю, же не толко я, але и стрый мой еще з отцем моимъ за пана Воловича панну Богдану змовил, а еи тепер нет болшей, толко одиннадцат лет“. Пани Ивановая поведила: „отец твой умер, а моя дочка еще не родилася; тут, ваша милост, обачте справедливост его! А о лета, тогды я лепей ведома, же естъ девце моей шостыйнадцать годъ“. А видечи, же пан Семашко жадное причины слушное на то не дал, взрост теж паннинъ оказовал, же вже лета мает, к тому и сама матка лета еи признала, их милости панове рада, также и панове маршалкове, врядники и все рыцерство рачили пана Семашка в том упоминат, абы сам доброволне, не ждучи жадного дозволеня и не даючи о собе такового вниманъя, зволившися з паном Иваномъ Чапличомъ и с панею малжонкою его, панну Богдану на рок зложоный з дому пана Чаплича за князя Януша в малженство выдал; и коли пан Семашко того упоминаня их милости не услухал, брал то собе на угоду на инший час, их милост панове рада, за прозбою панеи Чапличовое и девки ее панны Богданы, и бачечи справедливост ее, рачили ся до того примовити и мне радит, абых я тои почтивой панне, котрая слушне в том з волею опекуна и матки своее поступует, за князя Януша, в зацности и шляхетстве ее ровного, водле Статута пойти на рок зложоный въ малженство позволилъ. Я знову панны Богданы пытал: естли же она з доброи воли, а не за намовою чиею, князю Янушу Четвертенскому в малженство быти хочет и мне о дозволене просит? Панна Богдана поведила: же „я сама доброволне, за радою матки моее, князю Янушу малжонъкою быти шлюбила и

тепер быт хочу и прошу, абы ми ваша милост позволити рачилъ". И уваживши я примову их милости панов радъ и всего рыцерства, также пилныи прозбы панеи Чапличовои и девки ее панны Богданы, а звлаща, ижем то водле права вчинит был повинен, казавши прочести в Статуте артыкул осмый в розделе пятом, за которым ся пани Чапличовая и девка ее панна Богдана дозволеня в мене домовяли, чинячи досыт повинности уряду моего, очевисте перед паномъ Семашкомъ дозволилем панне Богдане на рок зложоный за князя Януша в малженство пойти, также и пану Чапличу и малжонце его панеи Галепе выдат девку свою з дому своего за князя Януша Четвертенъского позволил. И для певнои ведомости тои справы, як ся точила, я то до книг записати казалъ.

Книга гродская Луцкая 1569 г., № 2043, л. 203, актъ 198.

---

3. Донесеніе вознаго, ѣздившаго къ п. Александру Семашку съ приглашеніемъ пожаловать на свадьбу его сестры Богданы Семашковны. Отвѣтъ Семашка. 1569 года, мая 20.

Лѣта Божого нароженя 1569, месеца мая 20 дня.

Пришедчы и постановивъшися очевисто в замку господарскомъ Луцкомъ, передо мною Петромъ Хомекомъ, подстаростимъ Луцкимъ, возный повѣту Луцкого Богдан Олехнович Кнегиненский оповедал и тыми словы до книг кгродскихъ сознал: иж дей будучи мне приданым от его милости князя Богуша Федоровича Корецъкого, старосты Луцкого, Браславского и Вѣницкого, на справы его милости пана Ивана Петровича Чаплича Шпановского, войского земли Волынское Луцкого, и малжонки его милости панее Олены Карповны, которую их милость мают зъ его милостю паном Александромъ Богдановичомъ Семашкомъ, подкоморимъ Володимеръскимъ, што пак кгдым приехалъ в дом его милости пана войского до Миловши месеца мая пятогонадцат дня, там его милост пан войский веспо-

лок з малжонкою своею оповедали мне, возъному: иж дей якосмы первей сего, будучи в Луцку, при зобраню их милости панов рад его кор. милости и иных панов, врядников господарских, земских и рыцерства, обывателей земъли Волынъское, потомъ дей я, войский, самъ есми будучи въ дому пана Семашковом, у Вышкове, перед их милостю паном Михайлом Малинъскимъ, паномъ Василемъ Загоровъскимъ, маршалкомъ его кролевскои милости, а передъ паном Григорем Гулевичем, хоружимъ земъли Волынъское, именемъ жоны своее в дом свой до Миловшъ пана подкоморого просил на веселе, яко на тот ден неделный месяца мая пятыйнадцат, иж дей ее милост панну Богдану Василевну Семашковну, дочку свою а сестру пана Александра Семашкову, за его милост князя Януша Матвеевича Четвертенъского жона моя в малъженство отдает, абы его милост при том веселю быти рачил. Которое повести я, возный, от их милости выслухавши и маючи при собе шляхту людей добрых, пана Андрея Хмару и пана Станислава Злонского, тогожъ дня в неделю ездил есми до его милости пана Александра Семашка, подкоморого Володимерского, до именя его Вышкова, и то все, яко ся вышей поменило, што ми пан войский и малжонка его милости оповедали, тыми ж словы его милости пану Александру Семашку мовил и на веселе панны Богданы от их милости просил. Его милост пан Семашко на тую повест мою: „Панны Богданы, состры своее, веселя не ведаю и при немъ быт не хочу; одно то вемъ добре, иж небожчикъ сътрый мой а отец сестры моее учинил то постановене около выданья в малженство дочки своее а сестры моее панны Богданы за сына его милости пана Воловича, пана Григоря, которого дей року чекамъ и пилновати буду“.— Который отказ я, возный, от пана Семашка слышачи, то шляхтою, людми добрыми вышей поменеными, осветчил. И просил его милость панъ войский, абы то было записано; а так я тое возного сознане до книгъ кгродских записати казалъ.

Книга гродск. Луцкая 1569 г., № 2043, л. 233 об., актъ 217.

---

4. Донесеніе возного объ отказѣ Александра Семашка возвратить своей сестрѣ Богданѣ родовыя ея имѣнія. 1569 года, мая 20.

Лѣта Божого нароженя 1569, месеца мая 20 дня.

Пришедчы и постановившеся очевисто в замъку господарскомъ Луцкомъ, передо мною Петромъ Хомекомъ, подстаростимъ Луцкимъ, возъный повѣту Луцкого Богданъ Олехнович Кнегиненский оповедал и тыми словы до книг кгродских созналъ: ижъ будучи мне приданымъ от его милости князя Богуша Хведоровича Корецкого, старосты Луцкого, Браславского и Вѣницкого, на справы его милости пана Ивана Петровича Чаплича Шпановского, войского земли Волынское Луцкого, панеи малжонъце его милости панеи Галене Карповне и князю Янушу Матѳеевичу Четвертенскому, которую справу их милости маютъ зъ его милостю паном Александромъ Семашкомъ, подкоморимъ Володимерскимъ, и будучи мнѣ в дому его милости пана войского в Миловшах и маючи при собе шляхту людей добрых: пана Андрея Хмару а пана Станислава Злонского, в сюю середу близко прошлую, месеца мая осмогонадцать дня, его милость пан войский, князь Янушъ Четвертенский, так тежъ ее милость пани Чапличовая и ее милост кнегини Янушовая Четвертеньская кнегини Богдана Василевна Семашковна посылали мене возъного и шляхту людей добрых до его милости пана Александра Семашка, подкоморого Володимерского, абых то его милости поведилъ, ижъ з воли Божое а презреня его светое милости, за врядовым и приятелским позволенемъ, ее милость панна Богдана Василевна Семашковна, сестра его милости, вже за его милость князя Януша Четвертенского в малжонство ест отдана, абы о томъ панъ Семашко вѣдал, а вспомневши на постановене и запис свой, который их милостямъ пану Ивану Чапличу, малжонъце его милости, так теж и ее милости панне Богдане Семашъковне, сестре своей, о именя, властпую отчизну ее милости панны Богданы, то ест Подрежъ и иншие именъя, кгдыжъ то до рукъ и держаня своего от пана Ивана

Чаплича, от малжонки его милости и от панны Богданы взялъ и в листе своемъ описалъ, скоро ее милость панна Богдана замуж пойдет, мел пан Семашко с тых всих именей, которые колвекъ в себе держитъ, яко влостную отчизну ее милости, панне Богдане в моц и в держане поступит и личъбу учинит и за нее досыт уделати за то, што через немалый час тые именя на собе держал и вшелякие доходы и пожитки собе бралъ; а где бы тежъ именей тых панъне Богдане не поступилъ, личбы не вчинил и за личбу досыт не вделал, тогды описал в листе своемъ заруки господарю королю его милости и стороне немалые платити. И кгдымъ то все его милости пану подкоморому от их милости ознаймилъ, на то ми пан Александро Семашко поведилъ: иж дей „еще стрый мой небожчикъ пан Василей Семашко дочку свою а сестру мою панну Богдану за сына его милости пана Воловича, пана Григоря змовил, а я тежъ именя его милости поступилъ, и ач тепер я их держу, яко будучи владаремъ от него, але поступит их не поступълю, а хтобы их хотел от мене взяти, тогды того боронити буду“.—Што я возъный шляхтою людъми добрыми вышепоменеными осветчил.—И просили их милости панъ войский и князь Янушъ, сами от себе и от малжонок своих, абы то было записано; а так я тое возного сознанъе до книгъ кгродских записати казалъ.

Книга гродск. Луцкая 1569 г., № 2043, л. 233, актъ 216.

XLI.

Жалоба отъ имени земянки Марины Мелешковны о томъ, что мужъ ея земянинъ Прокопъ Волчко-Жасковскій держалъ ее въ заключеніи, морилъ голодомъ и холодомъ, часто подвергалъ побоямъ и истязаніямъ, вынуждалъ отъ нея выдачу бракоразводной записи и наконецъ, мѣсяцъ спустя послѣ брака, приказалъ отправить ее къ матери, удержавъ у себя все приданое. 1567 года, марта 24.

Лета Божого нароженя 1567, месеца марца 24 дня.

Приходил до мене Якима Василевича, на тот час будучого на местцу пана Михайла Павловича, подстаростего Володимерского, служебник воеводы Берестейского, старосты Волковыйского, пана Юря, а маршалка господаръского, старосты Гомелского и Шерешовского, пана Каленика Василевичов Тишковича, Щасный Мартинович з листом ихъ милости отвороным до пана Михайла Павловича, подстаростего Володимерского, обтежливе жалуючи и оповедаючи на пана Прокопа Волъчка Жасъковского в речи сестреницы своее, дочки панее Ивановое Мелешковое панее Настаси Василевны Тишковича, малжонки пана Волчковы панее Марины Ивановны Мелешковича писаным, который ж и лист их милости на вряде подавши, копею жалобы и оповеданя их милости пана воеводы и пана маршалка, так теж сестры их милости панее Ивановое Мелешковое, панее Настаси Василевны Тишковича, и дочки ее, сестреницы их милости, малжонки пана Волчковы, панее Марины Ивановны Мелешковича, дал; на которое копеи жалоба и оповедане именем всѣх их милости описана, а наболшей пани Волчковая, пани Марина, меновите а достаточне жалобу и оповедане свое на малжонка своего пана Волчка доложила тым обычаем: Иж дей яко тых недавно прошлых часов, в року теперешнем шестдесят семом, месеца генвара семого дня, по Новом лете, мене, Марину, яко малжонку свою, от пани матки моее панее Ивановое Мелешковое в закон малженства светого взял з немалою маетностю моею, то ест грошей готовых внесеня моего по мне взял двесте копъ литов-

ское личбы, а другую двѣсте копъ грошей у выправе—в перлах, в золоте, в серебре, в шатах, в цине, в мѣди и в инших рухомых речах, не зоставуючи ничого тое маетности у панее матки моее, а к тому особливе што-м окром того шацунку от панее матки моее и от инших приятелей своих властности своеи мела двесте копъ литовское личбы грошей, а триста золотых черленых, а чотыри возники сѣрые друкганты, за которые ее милост пани матка моя двесте таляров дала, так и шатки и плате белое и инших не мало речей мела есми,—то все малжонок мой забравши, до именей своих на Волын со мною ехал. И еще дей скоро от пани матки моее з Бусези выехавши, обачила есми у Косове неволницу матки моее именем Ориницу, которую служебники его до Косова в ночи до него привезли, и на завтрие ж, в дорогу едучи, в одных санях з нею седел, а мене в иншие сани вкинено; и тогож дей часу, в дорозе едучи, от скрын и от всее маетности моее ключи в мене поотбирал, и мене за жону собе не мел, и частокрот мя збивал и окрутне мордовывал, которое нелюбости своее и знак оказовал, же девку тую, которую от пани матки моее есми мела, именем Татяну, еще в дорозе едучи, в местечку князя Кошерского, в Камени, зкгвалтовал. А потом, привезши дей мене на Волын, до йменя своего Жаскович, всю маетност мою, што колвек внесеня моего по мне от панее матки моее взял, так и тое, што-м окром шацунку от панее матки и от приятелей своих двесте коп грошей литовское личбы а триста золотых черленых и ланцух золотый, в котором было двесте золотых черленых, и к тому шатки и белое плате и иншие речи,—то все собе побрал, а мене самую с панею-старою моею именем Барбарою, которую пани матка моя при мне была послала, у светлочку малую до везеня осадил, которая светлочка николи не топливана, гдем великого зимна, недзы и голоду, через чотыри недел седечи, уживала, терпечи от него уставичне збитя, змордованя и наруганя, иж завжды упившися, пришедши до мене, до тое светлочки и разволокши нагую, сам мя пугами, тетивами бивал и хлопятом перед собою бити росказовал, и бивано по колку

раз, и дивные мордерства и окрутенства надо мною через колко недел чинил, чого ми встыд а ни ся годитъ передъ вашою милостю поведати, аж на праве, за пытанем врадовым, або тежъ и перед духовною особою, чого не тылко малжонку, але и жадному хрестянину не слуши, што злый чоловикъ надо мною чинил, то бых поведила. Так теж и ести мне давати заказывал, и коли хто мне, яко про Бога, хлеба до светлочки вкинул, он за то слуг, бояр и служебниц своих карал, бил и поранил; якож и панеи-старое моее, в том везеню седячое, насмеване чинечи, очи выпалил. А потомъ, взявши против мене злый умыслъ, тых недавно прошлых часов, месеца февраля, семого дня, у пятницу, мене збивши и окрутне змордовавши, ледве живую также у везени оставивши, а сам с того именя Жаскович не вем где выехавши, и в небытности своее, мене с того именя своего тром бояром своим, на ймя Мартину Семеновичу Стаховскому, а Тишку Ивановичу, а Давиду Петровичу, усадивши на сани простые, на дровни, соломы подославши, и сама не ведала есми, где мя везти казал: внимала-м, жебы мя на смерть где везъ. Где тые бояре, за росказанем пана своего, мене а панююстарую мою Барбару, нас двох, с того везеня взявши, не так яко на стан мой почтивый, малжонки его, пристояло, клячами мужицкими подводными, от всее маетности моее, толко в одном саянику бурнатном двуличном, белками подшитомъ, што м на собе уставичне мевала, а шубка опрятная брушковая лисяя, чорным сукном крыта,— и тут, до йменя панее матки моее, до Девяткович, в небытности ее милости панее матки моее в дому своем, будучи ее милости на тот час на Подляши, у пана брата своего, его милости пана воеводы Берестейского, привезли мене, а тую верхомененую маетност мою всю, штом колвек от панее матки моеи мела, так и мои властные речи, што м кром шацунку от панеи матки своее и от иншых приятелей своих, яко пенези готовые, и золотые, и ланцуг золотый, и чотыри возники, и шатки, и белое плате, и иншие многие речи, так и две служебницы мои, што ми пани матка моя подавала, девку Татяну, а прачку Малошицу,—то все у себе зоставил и чи-

нил с тыми служебницами моими обема в дому своем мешкане таковое, яко сам хотел; а мне маетности моее болшей жадные речи не дал, толко на подводы панее матки моее, которые там до Жаскович скрыни з маетностю моею за мною отвозили, вставивши две скрыни, одну чорную великую, а другую меншую белую, отлупавши замки, выбравши з них речи вси, через тых же бояр своих за мною послал, в которых дей скрынях ничого не было; што на потом и иншими врядами доведено будет. Где ж дей с тых ран, збитя и змордованя от малжонка своего, на дорозе мало не вмерла. Так теж дей, будучи мне у малжонка моего, в имени его Жасковичох, примусивши мене, по двакрот до вряду господаръского Володимерского в ночи мене возил и водил и с примушенем росказовал ми на вряде сознане чинити, абых я его от малженства волным учинила".—А так, як их милост пан Юрей, воевода Берестейский, и пан Каленикъ, маршалок короля его милости, через лист свой до пана Михайла Павловича, подстаростего Володимерского писаный, просили, так теж и тот служебник их милости Щасный, именем их милости панов своих и панеи Ивановои Мелешковои панеи Настаси и дочки ее милости панеи Прокоповои Волчковои панеи Марины, устне просил, абы тое обжалоbane и оповедане их милости до книг замковых записано было. Я текстъ тое жалобы и оповеданя ихъ милости, ведлуг копеи, от их милости через того Щасного на вряд посланое и мне от него даное, в книги замковые записати казалъ.

Книга замк. Владим. 1567 г., № 934, л. 55 об.

XLII.

Вѣновная запись п. Семена Хребтовича-Богуринскаго, выданная имъ своей женѣ Раинѣ, дочери п. Андрея Ивановича Русина-Берестецкаго. 1567 года, мая 22.

Я Семенъ Ивановичъ Хребьтовичъ Богуринский вызънаваю и чиню явъно симъ листомъ моимъ кожъдому з особъна и всимъ посполите, кому того потреба ведати або чътучи его слышати, нинешнимъ и напотомъ будучимъ завъжды, шъто з ласъки а с презърепъя Духа Божого, а тежъ за ведомостъю и с позволенъемъ ее милости панее Матухъны моее, а с порадою всихъ приятелей моихъ, пришолъ есми в кровъную а звечпстую приязнъ з домомъ ихъ милости панов Русинов, иж у его милости пана Андрея Ивановича Русина Берестецкого понял есми за себе в малжонство светое дочъку его милости панну Раину, по которой посагу взял есми триста копъ грошей готовых монеты и личбы великого князьства Литовского, личечы по десети пенезей белыхъ у грошъ, а в выправе—въ золоте, в серебре, в перлах, в клейнотах, в шатах, в стаде и в ынших многихъ речах рухомых так же взял есми другую триста копъ грошей, слушным шацункомъ ошацовавши, которую дочъку его милости а малъжонку мою панну Раину, иж-емъ дозналъ добрую, цнотливую и выхованя почтивого, особливе милость и склонность ее противку себе, а заховываючися в том водъле Статуту, тои малъжонце моей Раине симъ листомъ моимъ записую за внесене ее в домъ мой противко трохъ сотъ копъ грошей готовых совито, то естъ шест сотъ копъ грошей литовских, а противко рухомыхъ речей выправы, которая ся вышей поменила, триста копъ грошей, того всего деветъсот коп грошей на всей части именей моихъ отчизных Богурине и Куняткове, которая мает мне водле делу от брати моее рожоное прийти, и на той всей части моей тое вено и внесене малъжонки моее панее Раины Русиновны даю, дарую и симъ листомъ ей записую девет сотъ копъ грошей литовскихъ; и волъна она будет

того запису моего на тую суму, ей от мене на всей части моей записаного, уживати, щого такъ дѣти мои, которые кгды бызхмо межи собою сплодили, яко теж братъя моя рожоная а повиноватые и кревные мое рушати, ни тое части з рук ее, малжонки моей, ажъ до живота ее брати не мают и мочи не будут, а по смерътп моей, по животе своемъ, малжонка моя пани Раина Русиновна волна будет в той суме тую всю часть именей моихъ заставити и тую суму пѣнезей деветъ сотъ копъ грошей на пожитокъ обернути и тымъ водле мысли своее шафовати, а дети, братя и повиноватые а кревные мое за тую всю часть именей моих ей, малжонце моей, пенезей откладати не мают ажъ до живота ее. Ку тому обецую, иж кгды, да ли Бог, именей а отчизны своее, нижей меновите описаных, з братею своею дойду, которые именя в руки людей обчих в суме есть заведеные, то есть Счерсы, Гривда, Своритва, Путятичи, Яровая и Боровая, и теж што быхъ на господаря короля его милости або якомъ колвекъ пану выслужити, або прикупити мог, и якимъ бы колвекъ спадкомъ на мене прийти мело, тогды я на тот часъ маю и повинен буду сесь лист мой, от мене малжонце моей паней Раине даный, отменити и знову, ничимъ не отступуючи Статуту, на всих именях моих отчизныхъ, которые первей з братею съвоею деръжу и въживаю, яко теж которые нам дойти маютъ, так тежъ на выслузе, купълѣ и спадъку, вынемъши зо въсих именей моих третюю част с тое части, которая мъне в отделе от брати моей дойти маетъ, тую деветсотъ копъ грошей литовскихъ менену́ю, ей малжонце моей, мне верне милой, ...[1]) даю сесь мой листъ под печатъю моею и с подписом властное руки моее. А при томъ были и того добре сведомы и за прозбою моею печати свои к сему листу моему приложити рачили: его милость пан Петръ Богдановичъ Загоровский, маршалокъ его королевское милости, пан Михайло Корытенъский, писар земъский повету Луцкого, панъ Иван а пан Дахно Ивановичи Хрыбтовичы

[1]) Пропускъ въ подлинникѣ.

Богуринские, братя моя рожоные, пан Богданъ а панъ Иванъ Михайловичи Сватъковичи Хренъницкие. Писан в Берестечку, лета Божого нароженя тисеча петсот шестдесят семого, месеца мая двадцат второго дня. Подпис пана Семена Хребтовича: Семен Хрибтовичъ Богуринский, влостная рука.

Книга земская Луцкая 1565—1569 г., № 2093, л. 214 об.

XLIII.

Духовное завѣщаніе подстаросты Винницкаго Андрея Ѳедоровича Ельца, въ которомъ онъ, озабочиваясь судьбой остающейся послѣ него молодой жены и еще не родившагося потомка, подтверждаетъ ея вѣно и записываетъ ей въ даръ все свое движимое имущество. 1567 года, іюня 8.

Лета Божого нароженя 1568, месеца августа тридцатого дня.

Ставши очевисто в замъку господарском Луцком, передо мною Гаврилом Бокеемъ, судьею земскимъ Луцкимъ, а мною Остафьем Соколским, подсудъком земъским Луцким же, земянин господарский пан Роман Гостский покладал передъ нами тестаментъ зятя своего, небожчика пана Андрея Федоровича Елца, подстаростего Веницкого, даный и зоставленый дочце его а жоне того Елца, пани Мари, просечи, абы вычитанъ и в книги земские уписан был. Ино мы его огледавши, перед собою читати казали, который тестамент так ся в собе маеть: „Во ймя Боже, Святои Живоначальнои и Нерозделимой Тройцы, Отца, Сина и Святого Духа, станся. Я грешний раб Божий Адрей Федоровичъ Елецъ, подъстаростий Веницкий, вызнаваю и явно чиню сим моим тестаментом всимъ въ посполитость, нинешним и напотом будучим, кому того потреба ведати будетъ, што ж будучи мне з допущеня Божого велми форому, а лежачи на смертной постели, с которое форобы розумелом, иж

ближший есми ку смерти, а нижли ку здоровю, ведаючи теж то, же вси речи на свете сут дочасныи, толко смерть певнейшая, про то без жадное намовы и припуженя, одно по моей доброй воли, памети и з умыслу моего зуполного, хотечи то постановити и обаровати, абы по животе моем жона моя милая Маря, дочка пана Романа Ивановича Гостского, которая, еще за целого здоровя моего, от уласного ложа мене, мужа своего, з ласки милостивого Бога, плодомъ у животе своемъ зашла, и по мнѣ зостанет ли, от брати, сестръ, близкихъ и кревныхъ моихъ, ни отъ кого колвекъ трудности а ни которого принагабаня не мѣла и не приймовала, звлаща маючи в себе его милость пана отца моего милостивого лет зошлыхъ,—даю и поручаю якъ самую тую то жону мою милую Марю, такъ и тое дитя, признаваючи его за властного потомка моего, которое, хотя и по животе моем из живота тои то малжонки моеи народиться, и з ласки милостивого Бога будет ли живо, ув опеку и оборону зо всею тою маетностю, от мене ей обдарованою и в сем тистаменте моем нижей описаную, его милости велможному князю Андрею Тимофеевичу Капусте, кашталяну Браславскому, старосте Овруцкому, пану а добродею моему милостивому, а пану Богухвалу Михайловичу Павши, писарю земъскому повету Киевского, пану а зятю моему милому, и покорне так в сем тистаменте моем, яко и в листехъ моих до их милости, о том от мене особливе писаных, прошу и низко чолом бью, абых ихъ милость тую то жону мою верху помененую Марю и оное дѣтя мое, которое в животе ее зостало и, народившися, будет ли живо, въ моцы и обороне и в опеце своей маючи, их от вшеляких кривдъ и утисков от каждого боронити и в речахъ им потребныхъ во всемъ имъ допомогати рачили. А о похованю тела моего грешного, кгды Пан Богъ душу мою грешную с тела моего до хвалы своей светое зобрати рачит, покорне прошу его милости пана отца моего милостивого пана Федора Елца, абы его милость рачил вшелякое старане о похованю учстивомъ хрестянъскомъ тела моего грешного чинити и его поховати со всим собором Овруцким в монастыри

светого Спаса ув Овручом, а усю почтивость поминаня мает по мне жона моя Марья, подле закону нашого хрестянского греческого, справовати. Што ся тежъ дотычет самои то жоны моеи милое Мари Романовны, которая от поштштья своего за мене в малженство великую учтивость и поволныи службы з милостю статечною малженскою мне показывала и тепер ажъ и до конца живота моего показывати не переставает, которой ач есми, беручи ее за себе жоною, напротив внесеня ее в домъ мой, подле Статуту права посполитого и маючи на то позволене пана отца моего его милости пана Федора Елца, записал вена и с привинком всего сумою триста коп грошей личбы и монеты литовское на всихъ именяхъ моих отчизных, которые, по смерти пана отца моего, яким колвек обычаем через его милость набытые, з делу ровного от брати моей рожоное на часть мою придут и спадут, хотя бы то и по животе моим было, але для лепшое ведомости и сим тистаментом моим и остатнею волею моею, того первого запису моего, ей, жоне моей, от мене даного, потвержаючи, тую суму пенезей вышей помененую ей, жоне моей милой, записую, которую часть именей на мене прийдучую и тоеи то жоне моей от мене ув оных трех сот копахъ грошей записаную мает и волна будет тая жона моя милая Марья, подле первого запису и сего тистаменту моего, и по животе моем з делу ровного от брати моей со всим на все до рук своих взяти и ее держати и вживати до тых лит, поки аж детя мое, а в недостатку детей, братя, сестры и близкие мои тую суму пенезей не раз помененую триста коп грошей отдадут и сповна заплатят. А особливе, знаючи до себе почтивое захование и на всем поволныи службы тои то жоны моеи милое Мари и хотячи то з ласки и милости моей поровнати, даю дарую и сим тестаментом и остатнею волею моею описую той то жоне моей милой Мари Романовне Гостского вси речи мои рухомые, то ест: золото, серебро, шаты, кони ездные, седла, зброи, цин, медь и все от мала и до велика, што колвек тое маетности моей рухомое есть и по мне зостанет. Мает то все жона моя Марья, нераз по-

мененая, до рук своих взяти и тым всим, яко своимъ властным, шафовати а ку пожитку свому оборочати, яко налепей сама розумеючи; а отец мой, братя и сестры, нихто з близких моих, ани теж тот потомок мой, который тепер от мене, властного мужа ее, в животе еи зостал, по мне народится, хотя ему Пан Богъ и живота продолжить,—тых всихъ речей, от мене ей дарованыхъ и сим тастаментом моим отписанныхъ, не мают и не будут мочи на той то жоне моей Мари поискивати, а ни ее о то ку праву позывати вечными часы. Одно ж мает жона моя Маря за провод тела моего грешного дати священником на собор Овруцъский коня моего серого, прозвищом Кочуба, а зятю моему милому пану Богуфалу Павши мает дати коня находника моего мышастого а саблю турецъкую без сребра, а игумену Пречистскому Заручайскому мает дати кожух мой чабанский. Гдеж на твердость сего моего тестаменту и печать есми свою приложилъ и руку мою подписал; а при томъ были и того добре сведоми и на прозбу мою печати свои приложили к сему моему тестаменту их милости панове а приятели мои: свещеник Покровский Веницкий отецъ Андрей, духовник мой; пан Крыштофъ Кгавенский Масло, дворянин его королевское милости; пан Роман Красноселский, пан Андрей Семенович Садовский, пан Филон Кордыш, земяне повету Веницкого. До чого узвавши есми черезъ прозбы мое его милость пана Миска Петничанского, войского Веницкого, которому его милость князь Богушъ Корецкий, староста Луцкий, Браславский и Веницъкий, пан мой милостивый, местце свое старостинское се зде, у Веницы, в небытности своей, злецети рачил, сесь тестамент мой оповедал и о записане до книг замковых Веницких его милости есми просил. Писан у Веницы, лета Божого нароженя тисеча пятсот шестдесят семого, месеца июня осмого дня. Андрей Елецъ рукою власною".—А так мы тот тастамент слово въ слово до книг справ земъских вписати казали.

Книга земская Луцкая 1565—1569 г., № 2093, л. 293 на об.

XLIV.

Донесеніе вознаго о переговорахъ п. Станислава Даменскаго съ княгинею Марьей Ружинскою и ея сыновьями по дѣлу сватовства его съ княжною Ганною Ружинскою. 1567 года, ноября 13.

Лета Божого нароженя 1567-го года, месяца ноября третегонадцат дня.

Ставши обличне на вряде замковомъ, передо мною Михайломъ Привередовским, подстаростим Володимерскимъ, возный повету Володимерского пан Хацко Чуват Туличовский тыми словы до книг вызналъ: иж будучи мне от тебе з уряду замкового даным пану Станиславу Даменскому, служебнику велможного княжати Лва Александровича Санкгушка Коширского, на потребу его до кнегини Өедоровое Ружинское княгини Мари и сына ее князя Михайла Өедоровича Ружинского ку опытаню их о зложене року ку постановеню сватовства дочки княгини Өедоровое Ружинское, сестры князя Степановы а князя Михайловы молодшой, кнежны Ганны, был есми с паномъ Станиславомъ Даминскимъ в Ружине в неделю прошлую, месяца теперешнего ноября девятого дня, и пыталъ пан Даменский передо мною, возным, княгини Өедоровое Ружинское и сына ее князя Михайла Ружинского: если же зложили были рок ему який певный ку становеню сватовства о дочку ее, сестру молодшую князя Степанову и князя Михайлову, кнежну Ганну? Ипо княгиня Өедоровая Ружинская поведила: „правда, иж напервей зложила есми была весполок з сынми своими князем Степаном а княземъ Михайломъ Ружинскими тобе, пане Даминский, рок ку становеню сватовства о дочку свою а сестру сынов моих молодшую кнежну Ганну на ден Рожества Пречистое, свята прошлого, року тепер идучого шестдесят семого, на который рокъ мела есми за тебе дочку свою в малженство дати; а потомъ вси сполечне, як я сама, так и сынове мои, за непоспехомъ нашимъ того року помкнули есмо далей до Покрова Пречистое, так

же свята прошлого, под таким обычаемъ: ижесь мелъ на тот рок до нас, до Ружиня, в дом наш приехати, а я мела с тобою сына своего молодшого князя Михайла до дому твоего послати, хотечи ведати о оселости твоей, и взявши ведомост через того сына своего, тую дочку свою за тебе в малженство мела дати".—Як же сын ее княз Михайло таким же обычаемъ передо мною, возным, то вызналъ, же перший рокъ становеню того сватовства пану Даминскому на ден Рожества Пречистое весполок з маткою своею и братом своим старшим княземъ Степаном были зложили, а потом того року далей до Покровы Пречистое помкнули, на который он с паном Даминским до дому его мелъ ехати, хотечи ведомост взяти о оселости его, и взявши ведомост, донести матце своей и брату своему князю Степану, тогды на он часъ мели есмо дочку княгини матки своей, сестру нашу молодшую, кнежну Ганну сполечным обычаем з маткою своею за пана Даминского в малженство выдати. Пан Даминский передо мною, вознымъ, на тые слова княгини Ружинское и сына ее князя Михайла им поведил: „я будучи от вас в томъ убезпечоным, опустивши потребы а послуги пана своего, так теж не мало инших справъ своих, через так дорогу не близкую з войска, от князя его милости пана своего, з людми добрыми к тому року на Волынь ехалъ и на тот рок зложоный, на ден светое Покровы, в дому вашом тут, в Ружини, был, будучи готов тому постановеню досыт чинити, а до дому своего з сыномъ твоимъ (то княгини Өедоровои мовил) князем Михайломъ, то ест с тобою, княже Михайло, до дому моего ехати и оселост мою показат; ином самое тебе, княгине, на тот рок в дому твоем в Ружини не засталъ, одно сын твой молодший на тот час в Ружини в дворе твоем, то ест ты, княже Михайло, был и отложил ест то до приеханя княгини матки своей; и кгды на завтрее по светое Покрове приехала еси сама твоя милост, кнегине Өедоровая, тут до Ружина, тогды просили есте мене з сыном своим князем Михайлом, абых я поволил вамъ еще в том часу до дву недель, за чим бы есте пашню посеяли. Ино дей и на тот рок есте тому

досыт не вчинили, а зо мною кнегиня Ѳедоровая сына своего князя Михайла до дому моего не слала. Я и над тот рок, аж и до сего часу, вже через колко недел, для того тут на Волыни мешкаю и за тым до князя его милости, пана своего, до войска не еду и в том собе не мало шкодую, штом стравил от его милости на Волын едучи и тут мешкаючи и людей добрых на то способляючи и што дей ту жъ есми вамъ самым, як тобе, княгине, так сыном твоим и дочце твоей, княжне Ганне, подавал, и особливе дей зъ езченя твоего кон мой мышастый здох, которого дей еси в мене на потребу свою до Мышова ехати брала,—которых дей я всих шкод своих реестръ меновите писаный в себе маю".—Кнегиня Ѳедоровая Ружинская поведила: иж „штом мела сына своего князя Михайла с тобою, пане Даменский, слат до дому твоего, доведываючи ся оселости твоей, ино я а ни сынове мои того вже не потребуем и рок певный веселю весполок з сыном моим князем Михайломъ по роспущеню войска за две недели тобе складаем, на который без всякого вже откладу дочку мою кнежну Ганну за тебе в малженство выдамъ".—И просилъ мене пан Станислав Даминский, абы тое вызнане возного в книги замковые было записано; я тое в книги замковые записати казалъ.

Книга замковая Владимірская 1567 г., № 934, листъ 188.

XLV.

Документы, относящіеся къ дѣлу о разводѣ Василія Загоровскаго съ первою женою его, княжною Марьей (она же Марина) Збаражскою.

1. Донесеніе вознаго о томъ, что урядникъ п. Василія Загоровскаго, по его приказу, не дозволилъ княгинѣ Аннѣ Збаражской видѣться съ ея падчерицею, княжною Марьей Збаражскою, женою п. Загоровскаго. 1567 года, іюня 7.

Лет Божего нароженя 1567, месеца июня 7 дня.

Што первей сего дня вчорашнего, месеца июня шестого дня, в пятницу, писала и присылала до мене, Якима Василевича, на тот час будучого на местцу пана Михайла Павловича, подстаростего Володимерского, ее милость кнегиня Миколаевая Збаражская, старостиная Кремянецкая, кнегини Анъва Деспотовна, просечи о придане возного, меновите, абых ее милости лист мой дал до Тихна Радовицкого, што бы толко зъ ее милостю до пана Василя Загоровского до Суходол, здоровя панеи Загоровское наведити, яко ся на нем мает, ехал. Я з уряду замкового лист мой до Тихна Радовицкого, возного поветового, писаный ее милости послал, абы зъ ее милостю на тую потребу меновите ехалъ; который же возный сегодня, даты на верху написаное, ставши обличне на вряде, передо мною тыми словы до книг вызнал: иж за писанем листу твоего до мене, будучи мне от тебе з уряду замкового возным даным ее милости кнегини Миколаевои Збаражской, старостиной Кремянецкой, ку еханю зъ ее милостю до пана Василя Загоровского, до Суходол, здоровя панеи Загоровскои наведити, яко ся на нем мает,—дня вчорашнего, в пятницу, ездилъ есми зъ ее милости до Суходол; был теж при ее милости и служебник князя Александра его милости Чорторыйского, воеводы Волынского, Семен. Кгды ее милост приехала там до Суходол, хотечи здоровя

панеи Загоровскои наведити, яко ся на нем мает, врядникъ пана Василя Загоровского Суходолский кнегини ее милости самое, ани жадного чоловѣка з слуг ее милости до двора пустити не хотел, поведаючи, иж дей „пан мой пан Василей Загоровский мне такъ росказал, абых не так слуг вашеи милости, але вашеи милости и отца властного малжонки его милости, панеи нашее, до ее милости не пустил, так абы ее милост зъ двора нигде не бывала; а так я вашу мость до двора не пущу",—и не пустил. Кнегиня ее милость мне, возному, и служебнику его милости князя воеводы Волынского Семену то оповедавши тым способом: „кгдыж ся то мне стало, же мя до двора не пущоно, яко сами бачите, так розумею, иж тая дочка князя его милости, малжонка моего, пани Василевая Загоровская, ест у везеню". И з тым ее милост оттол з Суходол отехала.—И просила ее милост мене через писане листу и посланца своего, абы то было в книги замковые записано. Я тое вызнане возного в книги замковые записати казалъ.

Книга замк. Владимірская 1567 г., № 934, л. 93.

---

2. Жалоба урядника п. Василія Загоровскаго о вооруженномъ нападеніи князя Николая Збаражскаго на дворъ Загоровскаго въ с. Суходолахъ и увозѣ его жены. Перечень пограбленнаго при этомъ имущества. Дознаніе вознаго. 1567 года, іюля 17.

Лѣта Божего нароженя 1567, месеца июля 17 дня, в четвергъ.

Приходил до мене, Якима Василевича, на тот час будучого на местцу пана Михайла Павловича, подстаростего Володимерского, врядникъ пана Василя Петровича Загоровского Суходолский Михайло Мостенский, оповедаючи и жалуючи: штож дей дня сегоднешнего, месеца июля семогонадцать, в четвергъ, по рану, в не-

бытности пана моего, кгдыж его милость тых недавных часов для потреб своихъ ку его кролевское милости до Городна отехати рачил, князь Миколай Андреевич Збаражский, староста Кремянецкий, неведати для которое причины, способившися з многими помочниками, слугами и подданными своими, обычаемъ войны неприятелское, збройно, з гаковницами, з ручницами, умыслъне на дом пана моего до двора Суходолского моцно, кгвалтомъ, ворота в дворе росказавши выбить, въехалъ моцю у дворъ, панюю малжонку пана моего, дочку свою, панюю Марину з дому его милости кгвалтовне взялъ, при которомъ кгвалтовномъ с помочниками, слугами и подаными его до двора пана моего наеханю шкоды ся дей немалые пану моему стали, то ест: въ коморе з светлицы, где пани мешкала, и в другой коморе з болшое светлици двери выбиты и замки дей поламаны и скрыни порозбиваны, въ которых дей коморахъ сховане маетности панское и панее, которая дей маетностъ у ведомости моей была, за тымъ то кгвалтовнимъ князя Миколая Збаражского на дом пана моего наеханемъ не мало ест побрано, а меновите дей згинуло: шабелъ пана моего сребромъ оправных двенадцат, на которых дей было сребра по три гривны; шабел позлотистых три, на которых дей сребра по полчетверты гривны; кончировъ чотыри сребромъ оправных: два позлотистыхъ, на нихъ сребра дей по полчетверты гривны, а два кончиры без позлоты— по три гривны сребра; радов гусарскихъ сребромъ оправных два: один позлотистый, на котором дей было сребра гривенъ двадцат, а другий рядъ непозлотистый, на которомъ дей было сребра гривенъ осмъ; поводы сребрные, въ которых было сребра гривен чотыри; сидло оксамитом чирвоным крыто, сребром оправеное с позолотою, на котором дей сребра гривен десят; кубков сребреных дванадцат, въ которых дей было сребра гривенъ двадцат; ковшовъ яворовых, сребромъ оправныхъ, дванадцат, на которых дей было сребра гривенъ осмъ; ленцуговъ золотых два, в которых поведал, иж было двесте и сорокъ золотых чирвоныхъ; грошей готовых шестсот копъ литовскихъ, которые дей мне пан мой на войтовство

Володимерское пану Михайлу Дубницкому, дъяку канцлереи его кролевское милости, водлугъ запису его дати росказал, и лыжокъ сребрѣныхъ тюзиновъ два, в которыхъ дей важило сребра гривенъ осмъ; соболей сороковъ чотыри, куницъ сороковъ осмъ, рысей двадцат, бобров двадцат, волковъ сорокъ и чотыри; шату газуку оксамиту бурнатного, соболми подшитую; шату однорадку оксамиту чорного, куницами подшитую; кожух соболий новый, кожух сибирковый новый, жупанъ злотоглавовый, делея злотоглавовая, делея шарлатовая, жупанъ оксамиту чирвоного; зброи: панцеров дванадцат, шишаков дванадцат. Тые дей вси речи, маетност пана моего, за кгвалтовнымъ наеханемъ князя Миколая Збаражского с помочниками, слугами и поддаными его на дом пана моего, побраны естъ; а особо речи панее, шаты и плате белое—то дей все с тыми речми верху писаными на тот же час погинуло. И просил мене тот врядникъ пана Василя Загоровского Суходолский Михайло о придане возного на огледане кгвалтовного выбитя ворот дворныхъ и выламаня дверей в коморах светличныхъ. Я зъ уряду замку кгродского Володимерского давал ему на то возного повѣтового Тихъна Андреевича Оранъского, который возный там бывши и оттол приехавши, ставши обличне на вряде передо мною, тыми словы до книгъ вызналъ: иж маючи з собою сторону, шляхту людей добрых: пана Павла Григоревича а пана Григоря Семеновича Оранскихъ, был есми дня сегоднешнего, июля семогонадцат, в четверг, в дворе пана Василя Загоровского в Суходолех и виделъ есми: ворота двора Суходолского выбиты и порубаны, а в коморе з светлици, где пани мешкала, и в другое коморе зъ болшое светлицы двери порубаны и выбитые, и в оныхъ коморах видел есми скрыни порозбиваные, которые врядникъ пана Загоровского Михайло менил, иж за кгвалтовнымъ князя Миколая Збаражского на дом пана моего с помочниками, слугами и поддаными его наеханемъ естъ порозбиваны, и с тыхъ комор схованé, маетности панские: золото, сребро в роботе с позлотою, а иншое сребро без позолоты, и теж гроши готовые, соболи, куницы, волъ-

ки, шаты, зброи, панцыри, шишаки и иншие многие речи, што колвек в тых коморахъ было, отъ мала до велика естъ побрано; и тѣж панее маетность, шаты и плате белое в тот же час с тых комор за кгвалтовнымъ князя Миколая Збаражского на дом пана моего наеханем погинуло. Якожъ и тая вышей мененая шляхта, которую возный при собе мелъ, ставши обличне на вряде при возном, тыми ж словы, яко и возный, вызнали: иж видели якъ ворота в дворе пана Загоровского Суходолском выбитые и порубаные, такъ и в комор двери выламаные и скрыни порозбиваные, и оповедане от врядника пана Загоровского Михайла забраня тое маетности пана его за кгвалтовнымъ князя Миколая Збаражского на дом пана Загоровского наеханем и тежъ згиненя маетности, шат и платя белого панеи Загоровскои, которое згинуло на тот же час, слышали.—И просилъ мене врядникъ пана Василя Загоровского Суходолский Михайло Мостенский, абы тое оповедане и жалобу его и вызнанъе возного и тыхъ шляхтъ, которые при возъном были, в книги замковые было записано. Я то в книги замъковые записати казалъ.

Книга замков. Владимірская 1567 г., № 934, актъ 158, л. 121.

3. Заявленіе князя Николая Збаражскаго о томъ, что онъ не дѣлалъ никакого наѣзда на дворъ своего зятя Василія Загоровскаго, а былъ тамъ для свиданія съ дочерью, женою Загоровскаго, и взялъ ее съ собою потому, что она слезно просила о томъ, жалуясь на дурное обращеніе съ нею мужа. Подтвержденіе этого заявленія со стороны вознаго. Личная жалоба княжны Марины Збаражской на тиранство мужа и вынужденіе отъ нея дарственной записи на ея материнскія имѣнія. 1567 года, іюля 18.

Лѣта Божего нароженя 1567, месеца июля 18 дня, в пятницу.

Што дня вчорашнего, в четвергъ, приходил до мене Якима Василевича, на тот час будучого на местцу пана Михайла Павловича, подстаростего Володимерского, служебник его милости князя Миколая Андреевича Збаражского, старосты Кремянецкого, Богуш Заецъ Луковский, оповедаючи именемъ князя его милости пана своего, иж его милост дня сегоднешнего четвергового, маючи при собе возного повету тутошнего Володимерского, з уряду даного, Ивана Охълоповского, а вижа его милости князя Александра Чорторыйского, воеводы Волынского, Яна Гораина, а пана Семена Ласка Чернчицкого и иншых немало людей добрых, ехалъ до именя пана Василя Петровича Загоровского Суходол, хотечи здоровя дочки своее, малжонки пана Загоровского, кнежны Марины наведити, и кгды дей его милость тамъ до Суходол приехалъ, тогды, не едучи ани идучи до двора, ставши на селе, послалъ до дочки своее, малжонки пана Загоровского, кнежны Марины, абы ся зъ его милостю видела. Пани Загоровская з двора дей на село з врядником малжонка своего Суходолскимъ Михайломъ а служебникомъ его Жуховскимъ и с панею-старою и девкою служебною до его милости пана моего, отца своего, вышла, и вместо витаня, заразом падши передъ его милостю, слезне просила, абы ее з такъ великое а тяжкое неволи, которое дей от часу немалого от малжонка моего, яко одна неволница, вживаю и терплю, вызволити а ее з собою взяти рачилъ. Его милость, улитовавшися над нею, бачачи ее такъ велми слез-

ную, толко самую одну и ни с чимъ инъшимъ, одно в чомъ з двора вышла, взяти рачил. Якъ же и возный перво помененый Иван Охлоповский тымъ же способомъ, якъ служебникъ его милости князя старосты Кремянецкого Заецъ оповедалъ, передо мною вызналъ, ижъ будучи отъ пана Михайла Павловича, подстаростего Володимерского, за листомъ его, князю Миколаю его милости Збаражскому, старостѣ Кремянецкому, на потребу его милости данымъ, зъ его милостю в Суходолехъ сегодня былъ и то все виделъ и слышалъ, якъ Заецъ оповедалъ, и тот лист пана подстаростего, за которымъ тамъ ездилъ, передо мною показовалъ, который такъ ся в собе маетъ: „От Михайла Павловича, подстаростего Володимерского, возному повету Володимерского пану Ивану Охлоповскому. Писалъ и присылалъ до мене князь Миколай его милостъ Андреевичъ Збаражский, староста Кремянецкий, просячи о придане возного на потребу свою; а такъ я твою милость на потребу его милости таковую з уряду придавамъ, на которой бы ведле права и статуту посполитого твоеи милости быти пристояло, и тамъ будучи, во всемъ ся заховат, яко на вряд возного належи. Писан у Володимери, року шестдесят семого, месеца июля шестогонадцат дня. Якимъ Василевичъ“.—А потом на завтрие, яко дня сегоднешнего, в пятницу, по рану, его милост княз Миколай Андреевич Збаражский, староста Кремянецкий, самъ особою своею на вряд замку господарского Володимерского приехавши, передо мною досыт немало а широце жалъ свой а обылжене дочки своее, малжонки пана Василя Загоровского, кнежны Марины, которое дей от малжонка своего терпела, и якъ се перед вознымъ и вижомъ князя воеводы его милости Волынского и перед иншими людми добрыми толко одну самую и ни с чимъ иншимъ, одно в чом з двора на село в Суходолех до его милости вышла, взялъ, оповедати рачил, повторяючи вчерашнего оповеданъя своего, через служебника его милости Заеца передо мною вчиненого; гдеж и возный, як вчора, такъ и тепер, одностайне, же до Суходол зъ его милостю княземъ старостою Кремянецким ездилъ, и што князь староста в дворе не был, але дочка его ми-

лости, малъжонка пана Василя Загоровского, до его милости вышла тамъ же дей на селе, за великимъ плачемъ ее его милост з собою взяти рачил, осветчаючи оного всего первшого оповеданя Заецова и его милости самого, вызналъ. При которомъ же оповеданю его милости старосты Кремянецкого и вызнаню возного, дочка его милости, малжонка пана Василя Загоровского, кнежна Марина, тутже стоячи, очевисте передо мною жалостне то оповедала: иж дей „есми через час немалый, яко от полтора году, от малжонка моего великое недзы, будучи у неволи, яко одна невольница, вживала, везеня, бою и зраненя приймовала и терпѣла, которого зраненя и тепер дей знаки в себе в голове маю; а то дей все ни для чого иншого мне чинилъ, одно примушаючи мене, абых ему именя мои материстые поневолне записала, на што я кромъ воли и ведомости его милости князя отца моего, и сама з умыслу своего зволити и того вчинити не хотѣла; и где бы ся дей таковые записы напотомъ показали, тогды я о них, яко о таковых, на которыемъ никгды не зволяла, ничого ведати не хочу, бомъ теж по вси тые часы, якъ за пана Василя Загоровского в малженство от отца моего выдана, печати своее гербу князя отца моего в себе не мела.“—А потом теж его милост князь староста Кремянецкий передо мною оповедалъ: иж дей „при застановеню и отданю тое дочки моее кнежны Марины за него у малженство, собе одно имене Гривятко, вынемши с части на нее, дочку мою, приходячое, з доживотемъ спокойне держалъ, што дей и в листе его записномъ, мне от него на то даном, ширей описано естъ; то пак дей пан Василей Загоровский, нет ведома для которое причины, моцне кгвалтомъ ув оное имене Гривятко и в двор тамошний въехавши, врядника дей моего Андрея поймавши, у везенѣю час немалый держалъ, а потомъ вон з двора выгнавши, тое именъе зовсимъ аж и до сих часовъ на себе держит и вживаетъ“. И жадалъ его милость мене, абы тое оповедане его милости, через служебника его милости Заеца передо мною вчиненое, такъ теж его милости самого устное, и дочки его милости, малъжонки пана

Василя Загоровъского, кнежны Марины, и вызнане возного в книги замковые было записано; што в книги замковые записати казалъ.

Книга замков. Владимірская 1567 г., № 934, л. 122.

---

4. Заявленіе князя Николая Збаражскаго о беременности его дочери, жены Василія Загоровскаго. 1567 года, августа 3.

Лет Божего нарожения 1567, месеца августа 3 дня.

Писалъ и присылалъ до мене Михайла Павловича, подстаростего Володимерского, его милост князь Миколай Андреевичъ Збаражский, староста Кремянецкий, оповедаючи: што дей „дочка моя пани Василевая Загоровская Марина, будучи в малженстве за паном Василемъ Загоровским, в животе своемъ з нимъ детя почела и естъ бременъна; а чуючи ся быт в томъ початю и бременъю и будучи на тот час в мене, отца своего, без бытности малъжонка своего пана Василя Загоровского, не хотечи того занехат, абы напотомъ якого мниманя на собе не понесла, ку ведомости моее, отца своего, то припустила. И просилъ мене его милост князь Миколай Збаражский, староста Кремянецкий, через писанье листу и посланца своего, абы то было в книги замковые записано. Я тое оповедане его милости в книги замковые записати казалъ.

Книга замков. Владимірская 1567 г., № 934, л. 136.

---

5. Донесеніе вознаго о томъ, какъ происходилъ разборъ пріятельскимъ судомъ дѣла по обвиненію Василіемъ Загоровскимъ своего тестя князя Николая Збаражскаго въ наѣздѣ на его дворъ, грабежѣ имущества и увозѣ жены. 1568 года, марта 19.

Лѣта Божего нароженя 1568, месеца марца 19 дня.

Постановившися обличне на вряде замку господарского Володимерского, передо мною Михайломъ Павловичомъ, подъстаростим Володимеръским, возный повету Володимерского Тихно Радовицкий тыми словы до книг вызналъ: ижъ будучи мне отъ тебе з уряду замкового приданымъ на потребу князя Миколая его милости Анъдреевича Збаражского, старосты Кремянецкого, для прислуханя тое справы, яко ся его милость записалъ з паномъ Василемъ Загоровскимъ передъ приятельми в дому пана Михайла Козинского, кашталяна Луцкого, ув Осмеговичахъ стати по роспущеню войска за чотыри недели, былъ есми тамъ при его милости ув Осмеговичахъ дня оногдашнего, месеца маръца шостогонадцать дня, у волторокъ. Его милость, чинечи досыть записови своему, в Городне вчиненому, того дня, у волторокъ, тамъ ув Осмеговичахъ самъ ся становилъ и дочку свою, малъжонку пана Василя Загоровского, кнежну Марину ставилъ, и выслухавши жалобы пана Загоровского, во всем перед паны приятелми их милостю невинност и отвод свой показовал и того ся справити хотел. Якъ же сама пани Загоровъская тыми словы на особности перед приятелми князя его милости,—где тежъ и з стороны пана Загоровского были их милости панъ Григорей Гулевичъ, хоружий земли Волынъскос, пан Иван Чапличъ Шпановский, войский Луцкий,—сознала: ижъ дей „его милост князь отец мой никгды на двор мужа моего не наежчал, речей жадныхъ, такъ теж и мене самое з двора его не брал и в дворе не был, але дей я до его милости з двора на село сама вышла и слезне просила, абы мя его милость с тое неволи взяти рачил“. А пан Загоровский собе ку доводу брался.

А ижъ их милости панове приятели в томъ ихъ обычаем угодливымъ погодити не могли, то собе ведле записов своих з обух сторон до кгроду взять рачили за две недели.—И жадалъ его милост мене княз Миколай Збаражский, староста Кремянецкий, через служебника своего Богуша Заеца Луковского, абы тое вызнане возного в книги замковые было записано. Я то в книги замковые записати казалъ.

Книга замков. Владимірская 1568 г., № 935, л. 32 об.

---

6. Заявленіе Василія Загоровскаго о прекращеніи начатаго имъ въ судѣ дѣла по обвиненію князя Николая Збаражскаго въ наѣздѣ на его имѣніе, грабежѣ имущества и увозѣ его жены. 1568 года, апрѣля 1.

Лѣта Божего нароженя 1568, месеца априля 1 дня.

Постановивъшися обличне на враде замку господарского Володимерского, передо мною Михайломъ Павловичемъ, подстаростимъ Володимеръскимъ, пан Василей Петровичъ Загоровский то оповедилъ и до книгъ замковых доброволне а устне вызнал тыми словы: „Ижъ штомъ был обжаловалъ и позвы кгродскими до суду замку Володимерского позвалъ князя Миколая его милост Анъдреевича Збаражского, старосту Кремянецкого, о взяте жоны моее, дочки его милости, панее Марины и о шкоды, ведле даня справы врадника моего Суходолского Михайла, якъ онъ мне справу дал и на враде замку тутошнего Володимеръского оповедал и жаловалъ и в книги замковые записати далъ, жебы за приеханемъ его милости до двора моего Суходолъ и при взятю малжонки моее, в небытности моей на тотъ час в Суходолех, будучи мне при дворе его королевское милости в Городне, въ року шестдесятъ семомъ,

шкоды в дворе моемъ стати мели; ино я, приехавши до двора моего Суходолъ, взялемъ того справу и ведомость достаточную, штожъ за приеханем его милости и при взятю малъжонки моее шкоды никоторые в дворе моемъ от его милости мне не стали; якъ-жемъ я того врадника моего о то каралъ, а князя Миколая его милост Збаражского с того обжалованя моего вызволилъ и волнымъ вчинил, и вже на его милости самомъ и слугахъ его милости того поискивати не маю, якъ же и вси справы листовые, записованя и выписы с книгъ врадовыхъ в тое речи, которые есмо межи себе в обжаловани з обудву сторонъ, такъ я противку его милости, якъ его милость противку мене мели, ни во што обернули, и вже то на обѣ стороне промежку себе вечне умораемъ, абы то напотомъ в жадного права и на кождомъ местцу вспоминано не было и моцы никоторое не мело“.—Которого жъ доброволного а устного вызнаня, тутъ же стоячи обличне, его милость князь Миколай Андреевичъ Збаражский, староста Кремянецкий, выслухати рачилъ.

Книга замков. Владимірская 1568 г., № 935, л. 36.

---

7. Заявленіе Василія Загоровскаго о данномъ ему со стороны тестя его князя Николая Збаражскаго обѣщаніи возвратить ему свою дочь, жену заявителя. Донесеніе вознаго о томъ, что Загоровскій въ назначенный срокъ, въ сопровожденіи своихъ пріятелей, ѣздилъ за женою къ князю Збаражскому, но послѣдній не исполнилъ даннаго зятю обѣщанія. 1568 года, мая 17.

Лѣта Божого нароженя 1568, месеца мая 17 дня, в понеделокъ.

Што первей сего в суботу прошлую, месеца мая пятогонадцать дня, присылал на вряд замку господарского, до мене Якима

Василевича, будучи мне на местцу пана Михайла Павловича, подстаростего Володимерского, его милост панъ Василей Петрович Загоровский, городничий Володимерский, оповедаючи, ижъ его милост князь Миколай Збаражский, староста Кремянецкий, прирек словомъ своим и обецал его милости отдати дочку свою, жону его милости, панюю Марину кнежну Збаражскую, дня завтришнего, в неделю, месеца мая шестогонадцат дня, в чотырихъ неделях по Великодни, в ымeню своемъ дворе Жасковичах, на который рокъ хотечи его милост до князя Збаражского до Жасковичъ ехати и жону свою к собе от его милости взяти, потребовал, абым возного ку тои справе его милости з уряду дал. А так я з уряду замку господарского Володимерского давал его милости на то возного поветового Тихна Оранского, который же возный сегодня, в понеделок, постановивши ся обличне на вряде замковом передо мною, до книг замковых вызнал тыми словы: иж будучи мне от тебе з уряду замкового его милости пану Василю Петровичу Загоровскому приданымъ, былъ есми зъ его милостю дня вчорашнего, в неделю, месеца мая шестогонадцат дня, в дворе князя Миколая его милости Андреевича Збаражского, старосты Кремянецкого, в Жасковичахъ, кгды его милость пан Василей Загоровский, маючи при себе людей добрых: пана Григоря Гулевича, хоружого земли Волынское, пана Ивана Чаплича Шпановского, войского волынского Луцкого, князя Януша Матфеевича Четвертенского, пана Ивана Петровича Калусовского, судю кгродского Володимерского, пана Федора Солтана, писара земского повету Володимерского, пана Прокопа Волчковича Жасковского, пана Петра Костюшковича Хоболтовского, пана Ждана Коиленского, пана Войтеха Паевского, пана Ивана Обуховича Вощатинского, до двора его милости князя Збаражского до Жасковичъ ездил. И кгды его милост пан Загоровский тамъ приехал, на тот час князь Миколай Збаражский якъ самъ в том дворе не былъ, так и дочки своее, жоны пана Загоровского, его милости пану Загоровскому водлуг приреченя слова своего не отдал, и никого на тот ден до Жаско-

вич, даючи о себе пану Загоровскому ведати, не прислал.—Которое же оповедане свое его милост пан Василей Загоровский и вызнане возного в книги замковые дал записати.

Книга замков. Владимірская, 1568 г., № 935, л. 53 об.

---

8. Донесеніе вознаго о томъ, что князь Николай Збаражскій, чрезъ пріятеля своего князя Войну Вороницкаго, представилъ владимірскому епископу Өеодосію объясненіе причинъ, по которымъ онъ не могъ въ назначенный срокъ представить къ духовному суду своей дочери княжны Марины по дѣлу ея съ мужемъ, Василіемъ Загоровскимъ; на что епископъ объявилъ, что вслѣдствіе неявки и непослушанія отвѣтчицы онъ выдалъ декретъ, коимъ освободилъ Загоровскаго отъ брака съ нею. 1568 г., августа 30.

Лѣта Божого нароженя 1568, месеца августа 30 дня.

Постановившися обличне на вряде замку господарского Володимерского, передо мною Михайломъ Павловичомъ, подстаростим Володимерским, возный повету Володимерского Тихно Радовицкий до книг замковых вызнал тыми словы: Будучи мне отъ тебе з уряду замкового даным на потребу князя Миколая его милости Андреевича Збаражского, старосты Кремянецкого, до владыки его милости Володимерского и Берестейского Феодосия, был есми дня сегоднешнего, в понеделок, с княземъ Войною Вороницкимъ ув отца владыки его милости у Володимери, в замочку его милости владыченском. Тамъ же передо мною, вознымъ, княз Война Вороницкий от его милости князя Миколая Збаражского, старосты Кремянецкого, первей показовалъ два листы о небезпеченство от поганства татаръ военные, отвороные: один его кролевское милости, а другий велможного кнежати его милости кнежати Костентина

Острозского, воеводы Киевского, маршалка Волынское земли, старосты Володимеръского, в поветъ Кремянецкий по руски писаные, а третий лист затвороный отъ его ж милости князя воеводы Киевского до князя старосты его милости Кремянецкого, также по руски писаный,—и к тому копею з листу его милости пана воеводы Руского до князя воеводы его милости Киевского писаного, по полску писаную,—поведаючи, иж дей его милост княз староста Кремянецкий не без причины, але с причин слушныхъ за тыми листы воеными под час военный небезпечности от поганства татар дочъки своее панее Василевое Загоровское, княжны Марины, за позванемъ пана Загоровского, ку праву ставити не мог. А потом княз Война Вороницкий пытал владыки его милости: если же его милост владыка пана Василя Загоровского отъ дочки его милости волным вчинил? Отец дей владыка поведил: „за нестанъемъ и непослушенствомъ ее, вчинил есми волнымъ пана Загоровского от нее“.—И просил мене княз Война Вороницкий, абы тое вызнане возного в книги замковые было записано. Я то в книги замковые записати казалъ.

Книга замк. Владимірская 1568 г., № 935, л. 118.

---

9. Донесеніе вознаго о врученіи княжною Марушей (она же Марина) Збаражской бывшему ея мужу Василію Загоровскому урядоваго напоминальнаго листа о томъ, чтобы онъ возвратилъ ея приданое и материнскія ея имѣнія. 1568 года, сентября 16.

Лѣта Божого нароженя 1568, месеца сентебра 16 дня.

Постановившися обличне на вряде замку господарского Володимерского, передо мною Михайломъ Павловичомъ, подстаростимъ Володимерскимъ, возный повету Володимерского Тихно Радовицкий

до книг замковых вызнал тыми словы: будучи мне от тебе з ураду замкового данымъ панее Маруши Миколаевне княжне Збаражской ку поданю листу упоминалного врядового пану Василю Загоровскому, маршалку господарскому, городничому Володимерскому, о внесене и именя ее милости материстые, дня сегоднешнего в четвергъ был есми з служебником ее милости Василемъ Лубенецкимъ в имeню пана Василя Загоровского в Суходолех; ино его самого пана Загоровского в дворе не поведили. Служебник ее милости Василей тотъ лист упоминалный врядовый вряднику его милости пана Василя Загоровского Суходолскому Станиславу на дворцы подле двора очвисте в руки подал; он лист принявши и перед собою вычитат давши, зася тому служебнику ее милости Василю отдалъ, а Василей ему копею с того листу упоминалного дал. И просил мене тот служебник ее милости Василей Лубенецкий, абы тое вызнане возного в книги замковые было записано. Я то в книги замковые записати казалъ.

Книга замков. Владимірская 1568 г., № 935, л. 126.

---

10. Жалоба Василія Загоровскаго на князя Януша Збаражскаго и его сестру княжну Марину, бывшую жену жалобщика, о вооруженномъ захватѣ его двора въ с. Замличахъ и имѣній Войковичъ и Форостова. Перечень пограбленнаго имущѣства. Донесенія возныхъ по означенному дѣлу. 1568 года, сентября 22.

Лѣта Божого нарожeня 1568, месеца сентебра 22 дня, в середу.

Оповедал на вряде замку господарского Володимерского мне, Михайлу Павловичу, подстаростему Володимерскому, его милост пан Василей Петрович Загоровский, маршалок его кролевское милости, городничий Володимерский: иж дей дня вчорашнего, в

йолторок, месеца сентебра двадцат первого дня, князь Януш Миколаевич Збаражский, старостич Кремянецкий, змовившися з сестрою своею, папею Мариною Миколаевною кнежною Збаражскою, старостянкою Кремянецкою, а пребачивши срокгост права и нарушаючи покой посполитый, пославши умысне слуг своихъ—князь Януш Збаражский наместника своего Росновского Матея Стрыжовского а боярына своего Жасковицкого Станислава Бобровского, а пани Марина кнежна Збаражская, сестра его, служебников своих: Васка Лубенецкого а Грицка Новицкого, з иншими слугами и многими помочники своими моцне, кгвалтом в двор мой Замлицкий и в именя к тому двору прислухаючие: у Войковичи и Форостов, которые дей я от часу немалого спокойне держал, там же дей в том двори Замлицкомъ врядника моего Яна Пресмыцкого збити и зранити и з двора проч выгнати казавши, оный двор мой Замлицкий и именя Войковичи и Форостов через тых слуг и помочников своих зо всею маетностю домовою, которая в том дворе была, то ест из збожем, з быдлом и з иншими речми моими и врядничими, кгвалтовне в моц свою, выбивши мене з спокойного держаня, взяли. Якож тых шкодъ своих и врадничихъ, которые ся дей за тым кгвалтовным выбитемъ его милости в том дворе Замлицкомъ при взятю того двора и именей стали, его милост панъ Василей Загоровский реестръ на враде передо мною показовал, на котором меновите написано, што в тот час в том дворе было: Напервей дей, в гумне збожя: жита две стирте по сту коп, пшеницы коп двадцат, овса две стирте по сту коп, а три стоги по шестдесятъ коп, гороху стирта, проса коп двадцат, ячменю коп двадцат, гречки в гумне тридцат коп, а на пожне вязаное коп з сорок, сена шест стырт а стог отдал[1]); збожя молоченого в дворе, в свирне и в подклети: пшеницы мац пят, жита мац десет, муки житное корыто; сукна сермяжного местского петдесят локот, скура конская, котел великий, што есть варить; быдла дей дворского:

[1]) т. е. вдали, въ сторонѣ.

волов шест, коров шест, телят, кон гнедый, вепров десет, свиней пятеро, подсвинковъ пятеронадцетеро, поросят малих двадцатеро, гусей шестдесят, кур девяносто, петухов десят, каплунов петдесят; в пивницы стаговъ осмъ, бочок двадцат порожних а одна с квасом грушовым, барил пят; у бровари: котел пивный оденъ, горелчаных котлов два, кадей пивных две, горелчаныхъ кадей три. А врадника его милости Яна Пресмыцкого речей, которые дей были в малои коморце: однорадок сукна влоского зеленого з шнурами шолковыми, кожух бараний, ложник белый, аркабузов два, кошул три: две коленскихъ а третяя ткацкая, шапка чорная столбоватая, куницами подшитая; коробка с пенезми, з листы, с квиты и реестры потребными, которых дей пенезей дванадцат коп грошей литовскихъ было. И оповедал мне его милост пан Василей Загоровский, иж дей при том кгвалтовномъ выбитю моемъ с того двора и при збитю и зранепю и выгнаню врадника моего Яна Пресмыцкого возный повету Володимерского Тихно Оранский, которого дей есми для инших справ своих з ураду был взял, в том дворе моем трафился быт, которым возным врадникъ мой Ян Пресмыцкий тое кгвалтовное выбите мое с того двора и именей, збите и зранене и выгнане свое осветчал и раны свои оказовал. Як же и тот возный перво помененый Тихно Оранский, тут же стоячи очевисто на вряде передо мною, до книг замковыхъ вызнал тыми словы: будучи мне от тебе з уряду замкового приданым на иншие справы его милости пана Василя Загоровского, трафило ми ся быт дня вчорашнего, у волторок, в дворе его милости Замлицком; там же вчора врадник князя Януша Миколаевича Збаражского Росновский Матей Стрыжовский, а боярин его милости в Жасковичах мешкаючий Бобровский, а слуги панее Марины кнежны Збаражское, сестры его милости, Васко Лубенецкий а Грицко Новицкий з ыншими слугами и многими помочниками их, приехавши моцно, кгвалтом в двор его милости Замлицкий, там же в томъ дворе Замлицком врадника его милости Яна Пресмыцкого збили, зранили и з двора проч выгнали, а оный двор Замлицкий зо всею

маетностю домовою, которая в том дворе была, кгвалтовне в моцъ свою взяли, што врядник его милости пана Василя Загоровского Ян Пресмыцкий мною возным осветчил, и раны свои мне оказывал, которых я огледал и видел есми: одну рану на заде, на крыжу, нижей пояса, штыховую крывавую, скроз однорадок и кафътан проколотую, в голове на потылицы за левым ухом рану ударенную синюю, на левой руце на двох палцох, на великомъ и на другом подле тогож палца великого, две раны обрезаных крывавых.—А иж тот возный Тихно Оранский з уряду на то не был приданым, пан Василей его милост Загоровский брал в мене з уряду замкового другого возного Юхна Оранского на огледане того збитя и зраненя врадника своего Яна Пресмыцкого; который же возный Юхно Оранский, постановившисе обличне на вряде передо мною, до книг замковых о огледане збитя и зраненя врядника его милости пана Василя Загоровъского Яна Пресмыцкого так же, як и Тихно Оранский, вызнал, што тые раны в него видел, которые дей он менил собе быти от врядника князя Януша его милости Збаражского Росновского Матея Стрыжовъского, а боярина его милости Жасковицкого Бобровского, а слуг сестры его милости панее Марины кнежны Збаражское Васка Лубенецкого а Грицка Новицкого, за посланем и росказанем дей ихъ в дворе пана моего Замлицкомъ, при кгвалтовном выбитю его милости з спокойного держаня с того двора а именей Войковичъ и Форостова, мне тое збите и зранене стало; так дей теж на тот час шкоды немалые пану моему и мне стали, якъ дей мене збили, зранили и з двора ото всего проч выгнали, што дей все его милость пан мой меновите а достаточне на враде оповедал. А потом бралъ его милост пан Василей Загоровский в мене з ураду замкового возного поветового Тихна Оранского ку посланю до того двора Замлицкого, доведовалючися достаточне: хто в немъ естъ и на кого тот двор и именя держатъ? А такъ тотъ возный Тихно Оранский передо мною до книгъ вызналъ тыми словы: иж за приданем твоим врядовым а посланем его милости пана Василя Загоровского, ездил есми з

служебником его милости Себестианомъ Маковъским, маючи при собе шляхту людей добрых: пана Войтеха Паевского, а пана Ивана Обуха Вощатинского, до двора Замлицкого, и кгды есмо там приехали, вышли противку нас з двора служебники князя Януша Збаражского: Иван, Марко Кленский а Кгаласский з гаркабузы и в двор нас не пустили, поведаючи: „не маете тут жадное потребы!“ Служебник его милости пана Василя Загоровского Маковский передо мною возным и перед шляхтою перво помененою тых слуг князя Януша его милости Збаражского пытал: хто бы промежку их старший и на кого тот двор Замлицкий и именя Войковичи и Форостов держит? Ино оден з них Иванко поведил: „я дей тут ест врадником и тот двор Замлицкий и именя Войковичи а Форостов держу от князя Януша его милости Збаражского, пана моего, и сестры его милости панее Марины кнежны Збаражское“. Што служебник его милости пана Василя Загоровского Маковский мною возным осветчил. И хотечи о тое кгвалтовное выбите свое с того двора Замлицкого и именей Войкович и Форостова, збите и зранене врадника своего Яна Пресмыцкого и поделане шкод на он час в томъ дворе у права с князем Янушем Збаражским и сестрою его милости панею Мариною кнежною Збаражскою его милост пан Василей Загоровский мовити, просил, абы то было до книг замковых записано; которое я оповедане его милости и возных сознане в книги замковые записати казалъ.

Книга замковая Владимірская 1568 г., № 935, л. 130 об.

---

11. Заявленіе Василія Загоровскаго о томъ, что онъ добровольно возвратилъ бывшей своей женѣ княжнѣ Маринѣ Збаражской материнскія ея имѣнія, которыя она раньше записала ему въ даръ и въ заставу, и уничтожилъ самыя записи. 1568 года, ноября 10.

Лѣта Божого нароженя 1568, месеца ноябра десятого дня.

Постановившися обличне на враде замку господарского Володимерского, передо мною Михайломъ Павловичемъ, подстаростим Володимерским, а передо мною Иваномъ Петровичом Калусовским, судею кгродским Володимерскимъ, его милост пан Василей Петрович Загоровский, маршалок господарский, городничий Володимерский, самъ доброволне а устне до книгъ замковыхъ вызнал тыми словы: „Иж што пани Марина Миколаевна кнежна Збаражская, старостянка Кремянецкая, третюю част именей своих материстыхъ мне на вечностъ даровнымъ, а две части в суме пенезей заставным обычаем записала, на што и листы свои вызнаные подавала и на враде замку Володимерского то вызнала, которое вызнане ее милости в книгахъ замковыхъ естъ записано; ино я зася тые именя, яко третую частъ на вечност, так и две части в суме пенезей, от панее Марины Миколаевны кнежны Збаражское мне записаные, ее милости отдал и поступил и тые записы, которые мел от ее милости, поотдавал и покасовал, так теж и тые записы, которые ест в книгах замковых, вызнаня ее милости, касую, которые напотом жадное моцы мети и напротивку ее милости ничого шкодити не мают“.—И просил нас его милост пан Василей Загоровский, абы тое вызнане его милости в книги замковые было записано; мы тое доброволное а устное вызнане его милости в книги замковые записати казали.

Книга замков. Владимірская 1568 г., актъ 227, л. 147 об.

12. Заявленіе княжны Марины Збаражской о томъ, что она признаетъ недѣйствительною занесенную ею раньше жалобу на бывшаго ея мужа Василія Загоровскаго, будто онъ вынуждалъ отъ нея записи на ея материнскія имѣнія и „справилъ“ таковыя безъ ея воли. 1568 года, ноября 10.

Лѣта Божого нароженя 1568, месеца ноября десятого дня.

Постановившися обличне на вряде замку господарского Володимерского, передо мною Михайлом Павловичомъ, подстаростим Володимерскимъ, а передо мною Иваном Петровичом Калусовскимъ, судею кгродским Володимерским, пани Марина Миколаевна кнежна Збаражская, старостянка Кремянецкая, доброволне а устне до книг замковых вызнала тыми словы: „Ижъ штомъ первей того на вряде замку Володимерского на его милост пана Василя Петровича Загоровского, маршалъка господарского, городничого Володимерского, около записов на именя мои материстые оповедала, которое оповедане мое в книгахъ замковыхъ естъ записано, якобым от его милости бывала к тому примушивана и потом без воли моее справлены быт мели; ино иж ми его милост того не чинил, прото я тот запис оповеданя моего в книгах замковыхъ касую, который напотомъ жадное моцы мети и напротивку его милости пану Василю Загоровскому ничого его милости шкодити не маетъ“.—И просила нас ее милост пани Марина Миколаевна кнежна Збаражская, старостянка Кремянецкая, абы тое доброволное а устное вызнане ее в книги замковые было записано. Мы за прозбою ее милости тое доброволное а устное вызнанъе ее милости в книги замковые записати казали.

Книга замков. Владимірская 1568 г., актъ 228 л. 148.

XLVI.

Жалоба п. Ивана Болды объ отказѣ боярина Саввы Кондратовича отъ даннаго имъ обѣщанія выдать дочь свою въ замужество за сына жалобщика. Донесеніе вознаго о личныхъ переговорахъ п. Болды съ Кондратовичемъ по настоящему дѣлу и о наложеніи на послѣдняго „заруки" въ сто копъ грошей за нарушеніе слова. 1568 года, февраля 8.

Лѣта Божого нароженя 1568, месеца февраля осмого дня.

Пришедчы на врядъ его королевское милости, перед мене Петра Хомека, подстаростего Луцкого, именем велможного пана его милости пана Миколая Юревича Радивила, воеводы Виленского, Иванъ Иванович Болъда......*) оповедал на боярина ее милости панее Богушовое Ярославицъкого, на ймя Саву Кондратовича: „иж дей он мел дочъку свою дати за сына моего Ивана, якож дей, будучи в дому моемъ, тому веселю яко на сюю прийдучую неделю, которая будет месеца февраля пятогонадцат дня, рок зложилъ; на которое дей веселе ямъ ся был всим на все зготовалъ, то пак дей тотъ Сава Кондратовичъ через никоторых обчихъ приятелей моихъ дал ся в томъ слышат, не хотечи вже дочки своее за сына моего дати". Для чого жъ Иванъ Болъда брал в мене, подстаростего, вижомъ служебника моего Станислава Чаплинского, который, ставши передо мною, до книгъ кгродскихъ тыми словы созналь: ижъ нинешънего дня панъ Иванъ Болда, при мне вижу врядовомъ и при стороне людей добрых, поткавши тутъ в Луцъку на рынку боярина ее милости панее Богушовое Ярославицъкого Саву Кондратовича, пытал его тыми словы: „пане милый Саво, для которое причины твоя милость дочки своее за моего сына дати не хочешъ? якож дей твоя милост тому веселю, будучи в дому

*) Точками обозначены мѣста истлѣвшія или совершенно выцвѣтшія въ актовой книгѣ.

моемъ, рок на сюю близко пришлую неделю зложил“. На што вышепомененый Сава поведил пану Ивану: ижъ дей „я дочку свою (не за) твоего сына буду давати“. И повидил пан Иван при мне вижу врядовомъ, при стороне людей добрых: иж дей „я на тое веселе готовизны не мало выложил и так много собѣ шкодую, яко сорокъ коп грошей“. Яко ж пан Иванъ Болда, естлибы он слову своему досыт не вчинил и тое дивки своее за сына его не отдал, и на ее милост панюю Богушовую, панюю его, заручил сто коп грошей..... вижем и стороною людми добрыми осветчил. И просилъ пан Иван Болда, абы то было записано. А так я тое оповедане и вижово сознанъе до книг кгродскихъ зацисати казалъ.

Книга гродск. Луцкая 1568 г., № 2042, л. 33.

XLVII.

Заявленіе земянина Ивана Шпаковскаго о томъ, какимъ способомъ онъ обязался обезпечить вѣно своей невѣстки—вдовы его брата, не успѣвшаго при жизни выдать ей вѣновной записи и не оставившаго духовнаго завѣщанія. 1568 года, августа 18.

Лѣта Божого нароженя 1568, месеца августа 18 дня.

Пришодчи и постановившися очевисто на вряде его кролевское милости в замку Луцком, передо мною Федором Ивановичом Русиномъ, писаромъ кгродским замъку Луцъкого, в тот час будучимъ на местцу пана Петра Хомяка, подстаростего Луцкого, земенин господарьский повѣту Луцкого пан Иван Павлович Шпаковский оповедал и доброволне сознал тыми словы: „Иж дей брат мой старший пан Василей Шпаковский понял был за себе в мал-

женство дочку пана Семена Григоревича Подгороденского панну Ганну, по которои взял был вѣна на посаг: готовыми пенезми шестдесят золотыхъ полскихъ, а в выправе..... то быти могло, с которою малжонкою своею брат мой пан Василей толко одно полроку мешкал спокойне, а тых часов, с презреня и допущеня Божого, не вчинивши жоне своей водле права посполитого и статуту земского на именью своемъ оправы, з сего свѣта зшолъ и тастаменъту не чинячи; на которого похоронъ панъ Семенъ Подгороденский приехавши, всполокъ зо мною и з дочкою своею панею Ганною тѣла водле закону светого хрестянского поховал и обыход делал; а потом, маючи дбалост о дочце своеи и милуючи еи, дочку свою милую панюю Ганну, невестку мою, вчинил зо мною скутечное постановене под тым обычаемъ: ижъ што брат мой небожчикъ Василей взялъ былъ у пана Семена Подгороденского вѣна готовыми пенезми шестдесят золотых полских, тогды я с тых пенезей, которые ся были по смерти небожчика брата моего в дому его зостали, сорокъ и семъ копъ грошей личбы литовское, далъ есми пану Семену Подгороденскому двадцат и одну копу грошей личбы литовское, а остатокъ тых пенезей двадцат и шесть копъ я до рукъ своих взял, а выправу всю дочка его милости пани Ганна, невестка моя, собе побрати маеть. А што ся дотычет того, ижъ брат мой небожчик Василей, оправы напротивъку вѣна и вношеня еи в домъ нашъ водле пристойности не записавъши и тастаменъту не вчинивъши, самъ з сего свѣта зшолъ, тогды я, не хотечи с паномъ Семеномъ Подгороденскимъ доброе а повиноватое приязни розривати и нарушати, такъ есми з нимъ приятелъскимъ обычаемъ погодил и на том застановил: иж онъ маеть з дочкою своею а невесткою моею держати именъя нашого Шпакова, всее части небожчика брата моего Висилевы и братьи моеи молодшои Грицка и Гаврила Павловичовъ Шпаковскихъ, з двором, будованемъ дворнымъ, с пашънею дворною, с полми и сеножатми, зъ ихъ роботами, с платами и вшелякими ихъ повинностями, не выймуючи жадного вживаня в томъ именью части, ничого на нас не

зоставуючи, до року и до шести недел, то ест от часу даты теперешнее аж до свята Покровы Пречистое Богородицы, которое свято быти маеть в року прийдучом шестдесят девятомъ; а кгды тот рок описаный дочка его милости пани Ганна имене наше сполна выдержит, тогды я повинен буду дочце его а невѣстце своеи а пану Семену Подгороденскому, отцу ее, кром жадного права и позываня дати водле статуту земского вѣна неоправеного тридцат коп грошей личбы литовъское, тож тое имене свое к рукам своим взяти маю. А естли бых я на тот рокъ описаный яко на ден Покрова Пречистое Богородицы в року шестдесят девятомъ тых пенезей тридцат копъ грошей личбы литовское невестце своеи панеи Ганне Семеновъне не отдал и хотя одным днем того року описаного похибити мел, тогды невестка моя пани Ганна Семеновна, восполокъ з отцем своимъ паном Семеномъ Подгороденскимъ, тое имене наше Шпаков зо всѣмъ на все держати и вживати мает от року до року, от свята Покрова Пречистои Богородицы до таковое ж свята Покрова Пречистои Богородицы, и аж до отданя зуполное заплаты тых пенезей тридцати копъ грошей личбы литовскои; а я самъ, братья моя и нихто з близкихъ, кровных и повиноватых моих, без року и промежку роковъ того своего именя в него выкуповати и, не отдавши тои сумы пенезей, ничим ся в него уступовати и жадное переказы в томъ за. держаня ее чинити не маю и мочи не буду, под зарукою на сторону нарушоную тридцатма копъ грошей. А по колко лет невестка моя з отцом своим паном Семеномъ Подгороденскимъ того именя в держаню своем мети будутъ, тогды я по всѣ часы с того именя своего службу господарскую и земскую военную, отступуючи статуту, заступовати и служити маю толкокроть, иле того потреба вказовати будеть. Кгдыбы теж невестце моеи панеи Ганне Василевои Шпаковской была пилная потреба пенезей, тогды будет волно ее милости имене мое Шпаков в тои же суми пенезей, у тридцати копах грошей личбы литовское кому хотячи оставити, а я яко напротивко еи милости невестци своеи, так и напротивко

тому, хто после неи держати будетъ, водъле сего листу моего заховатися маю и буду повинен. А што ся дотычет пашнѣ в гумне стоячое сеголетнее, тое все мает быти обернено на насене и на потребу домовую, а давнее пашнѣ пустил и дал ее милости невестце своеи панеи Ганне Семеновне полпята с того жита старого, у гумне при дворе стоячого.—Якожъ то и пан Семен Подгороденский, тут же на тотъ час ставъши очевисто, передо мною тыми ж словы водле сознаня пана Ивана Павловича Шпаковского именемъ дочки своеи Ганны и самъ от себе до книгъ кгродских зозналъ, поведаючи, ижъ на томъ с паномъ Иваномъ Шпаковскимъ застановил. И просили обоя сторона, пан Иванъ Шпаковский и пан Семен Подгороденский, абы то было записано; а так я тое очевистое оповедане и доброволное сознане их в книги кгродские записати казал, с которых и выпис подъ печатю моею панъ Семен Подгороденский собе и дочце своеи панеи Ганне Шпаковской на то взялъ.

Кн. гродск. Луцкая 1568 г., № 2042, л. 271, актъ 275.

XLVIII.

1. Письмо п. Ивана Городищскаго къ п. Андрею Бабинскому съ изъявленіемъ согласія на бракъ своего сына Ивана съ дочерью послѣдняго Катериной и вмѣстѣ съ увѣдомленіемъ, что такъ какъ сынъ этотъ, по несовершеннолѣтію его младшаго брата, пока не получилъ еще своей наслѣдственной части въ родовыхъ имѣніяхъ, то онъ даетъ ему позволеніе записать вѣно своей невѣстѣ на третьей части имѣній, какія въ будущемъ достанутся ему по раздѣлу съ братомъ. 1569 г., 7 февраля.—**2.** Вѣновная запись п. Ивана Городищскаго (сына), выданная имъ новобрачной женѣ своей на основаніи означеннаго дозволенія со стороны его отца. 1569 г., февраля 9.

Року тисеча пят сот семдесятъ второго, месеца декабра третегонадцать дня.

Пришедши и постановившися обличне и очевисто на вряде кьгродком, в замку Луцкомъ, передо мною Петром Хомяком, подстаростим Луцким, а передо мною Титом Хомяком, судею кгродским Луцким, от его милости князя Богуша Корецкого, воеводы земли Волынское, старосты Луцкого, Браславского и Веницкого, пан Иван Городищъский оповедал и вызнал тыми словы: иж што з воли и з раженя Божого а с позволснем моим властным сын мой пан Иван Городищъский понял в малжонство дочку пана Андрея Семеновича Бабинского панну Катерину, по которои взял у его милости вена двесте копъ грошей готовых, а въ выправе—в золоте, в серебре, в перлах, в шатах, триста копъ грошей, того всего сумою пят сот копъ грошей, и заховываючися водле права посполитого и статуту земского, противко того внесеня ее дал, даровал и листом своим еи, малжонце своеи милои, а невестце моеи, на третеи части всего именя моего влостного и своего отчизного совито, то есть тисячу копъ грошей личбы и монеты литовское записал; который же листъ свой, с подписаниемъ руки своее, так теж под печатю моею, отца своего, и под печатю иншихъ не мало людей

зацныхъ, которых я сполне з сыном моим о приложене печатей до того вѣновного листа просили, на то малъжонце своей давши, мел и был повинен на рокох судовых земских, по дате того листа первшихъ пришлыхъ, ставши, вызнати и до книг дати записати; што все сын мой пан Иван вчинити а на тых рокох судовых вызнати и до книгъ тот листъ свой дати вписати был готов, нижли за соймом валным Любелским тые роки земские, то есть Троецкие, в року тисеча пят сотъ шестдесят девятом, по дати того листа припалые, не сужоны и книги судовые земские отвороны не были, а потом тое вызнане сына моего пана Иваново за иншими справами и теж про хоробу его до ведомости врядовое не было донесено и листу его веновного до книгъ записати не дано, а на сес час, вжо по зейшътю з сего свита короля его милости, и роки так земские, яко и кгродские устали и сужоны не бывають; и хотяж ся то так стало а вызнаня и листу веновного сына моего до книг земских за таковыми слушными причинами записати не дано, тогды предся тому праву невистки моее напотом везде на каждом местъцу и у всякого права шкодити не можеть, але за моцное и слушное приймовано быти маетъ, што я и на сес час поспол з сыном своим до вѣдомости вашей милости врядовое доношу. Где тут же стоячи обличне и очевисто перед нами, врядом зуполнымъ Луцкимъ кгродскимъ, сын пана Ивана Городищского пан Иван Иванович Городищъский до книг кгродскихъ Луцкихъ вызнал то: ижъ яко его милость пан отец мой позволил мнѣ в стадло светое малжонское взяти за себе дочку пана Андрея Бабинскаго панну Катерину, которую-м я, за дозволенемъ его милости листовнымъ, взявши за себе в малженство, противко внесеня ее записал есми еи, малжонце моеи милои, водле статуту, на третеи части всего именя своего отчизного тисячу копъ грошей литовскихъ, а иж ся тот лист запис мой за причинами вышей меноваными, которые его милость пан отец мой перед вашею милостю повѣдил, до книгъ судовых земскихъ не записал, тогды я то мети хочу, абы тот лист мой за слушный и правный при зуполнои моцы в каждого права и на

вшеляком местцу держанъ и хован быти могъ, и прошу, иж бы тые листы, то ест позволеный лист пана отца моего с печатю и с подписом руки его милости, мне на то даный, абы-мъ, взявши девку пана Бабинского панну Катерину за себе в малжепство, еи малжонци вѣно и внесене ее на третеи части всего имени моего отчизного, которая ся мне в делу от брата моего молодшого Кондрата зостанеть, листом записом моим записал, также и тот лист, который я еи противко внесеня ее вено ей, малжонци моеи, записал, до книг кгродских Луцкихъ слово в слово вписаны были. И тые листы, яко дозволеный на запис вѣна, так теж и листъ веновный, малжонце его ж даный, запис свой перед нами на вряде положил, которых мы огледавши, перед собою читати казали, и так ся в собе маеть: „Господине пане Андрею Бабинский, пане и добродею мни особливе ласкавый! Доброго здоровя и всего щастя восполок с панею малжонкою и з милыми дитками вашей милости отъ Пана Бога правдиве мети зычу. Так розумею, иж то есть вашей милости на доброи памети а не тайно всим приятелом нашим, иж ваша милост, з воли и раженя Божого, умиловавши сына моего Ивана, зложивши рок веселю, дочку свою панну Катерину в малженство давати рачил. А такъ я, Пану Богу хвалу давши и сердечно с того радуючи се, сына своего милого Ивана з благословенемъ Божимъ и позволенемъ моим в дом вашей милости до Бабина на тотъ рок с приятелы своими посылам и даю ему моц с тыми паны приятелы моими вѣно дочце вашей милости, невестце моей милой, на третеи части всих именей моихъ части его, которая се ему в делу отчизном от брата его, сына моего Кондрата, зостанет, суму отъ вашей милости взятую совито записати и въ всем томъ водлугъ статуту права земского поступовати безпечне. Затым ласце се вашей милости залецам, с которое не рач опускать. Писан у Городищу, року шестдесят девятого, месяца февраля семого дня. Иван Городищъский властною рукою своею подписал“.— „Я Иван Иванович Городищъский вызнаваю то сим моим листом перед кождым, хто бы хотел того ведаты, тепер и напотом зав-

жды, ижъ з воли и раженя Божого, с позволенем его милости пана Ивана Городищъского, пана отца моего милостивого, понял есми в малжонство дочку пана Андрея Семеновича Бабинского, панну Катерину, по которои взял есми у его милости вена двесте коп грошей готовых, а в выправе—в золоте, в серебре, в перлах, шатах, триста коп грошей, того всего сумою пятсот коп грошей. А так я, заховываючися водле права посполитого и статуту земского и видечи по неи цнотливое захование противко собе в том малжонстве моем, противко того внесеня ее даю, дарую и записую еи, малжонце моей милой, на третеи части всего именя моего отчизного совито, то есть тисячу коп грошей литовское личбы. Маеть она, малжонка моя милая пани Катерина, в тои суме третюю часть всихъ имений моих по животе моем к рукам своим взяти з ставы, з млыны, з дворы, з лесы, з дубровами, з боры, з гайми, з сеножатми, з людми тяглыми и служебными и з их платы, з роботами и всякими пожитками, яким колвек именем назваными, держати и вживати зо всим, як ся тая третяя част имений моих в собе маеть и мети будеть; а брат мой и вси ближние мои, не отдавши еи, малжонце моеи, тое сумы тисячи коп грошей, на тое третее части имений моих от мене еи записаное, з рук ее взяти иниякое переказы въ том чинити не мают; а еслибы брат мой або хто з близких моих малжонце моей в тои третеи части имений моих переказу якую чинити и в тое ся вступовати мели, таковый маеть малжонце моей панеи Катерине заруки заплатити пят сот копъ грошей, а заплативши заруку, сес мой лист предся при моцы маеть захован у кождого права быти. И волна будеть малжонка моя милая пани Катерина в тои суме, от мене еи дарованои и записанои, тою третею частю именя моего як хотячи шафовати, заставити и даровати, под тым же правом и сумою на сем листе моем написаною; а я теж сес лист и обовязок мой на сих пришлых рокох судовых земских в Луцку, ставши очевисто, вызнати и до книг записати маю. И на то малжонце моеи милои панеи Катерине Андреевне Бабинского давам сес мой лист под печатю

его милости пана Ивана Городищъского, пана отца моего милостивого, и с подписю руки моее. А при том были их милост люди зацные: пан Иван Павлович, пан Андрей Добринский, пан Янъ Гурко Омелянский, пан Ян Бокий Зарецкий, а з руки пана Бабинского: пан Ярофей Гостский, пан Лев а панъ Михайло Вилгорские, пан Иван Кирдей Мнишинский, пан Хведор Хомяк; и на прозбу мою ихъ милость печати свои к сему моему листу приложити рачили. Писан у Бабине, року Божого нароженя тисяча пят сот шестдесят девятого, месяца февраля девятого дня. Иван Иванович Городищъский, рука властная“.—А по вычитаню тыхъ листовъ, пан Иван Городищъский то теж перед нами из сыном своим паном Иваном же Городищъским одностайне вызнали то, иж если бы по обраню и коронации короля его милости пана нашого, который бы господарем нашим королем Полским обран и коронован был, справы и суды земские, подлуг обычаю права и статуту земского великого князъства Литовского, судити и отправовати почалися, а хотяжъ при животех и по животех наших того пани Катерина Бабинского, невѣстка моя Ивана Городищъского, а малжонка моя Ивана Ивановича Городищъского, потребовала, абы тые листы, так дозволенъе на запис вѣна и внесеня ее в дом нашъ именя Городищъского, яко и листъ запис вѣна ее описаный и даный, которыи есмо вызнали и на вси пришлые часы при зуполнои моцы, ни в чом ни нарушаючи опису вѣна и внесеня ее, зоставили, иж бы тые обадва листы наши до книг справ земских записаны были, тогды мы так сами при животех, як и пани Катерина Бабинского по животех нашихъ сама то пред суд земский Луцкий, в котором имене наше Городище лежит и до которого она вѣно свое внесла, донести и сего выпису до книг судовых земских Луцких записати дати маеть; а суд земский Луцкий, заховываючися в том подлуг обычаю права нашого, то так от нас самых, будемъ ли живи, яко и от пани Катерины Бабинского принемши, до книг справ земскихъ Луцкихъ уписати и выпис на то с книг дати мають, кгдыж о то ухвала права нашого

посполитого так учит, иж в том уряд урядови вѣрити маеть; а пани Катерина, за тым таковым теперешним вызнанем нашим, того права своего на вено и внесене ее описаного и урядовне вызнаного вѣчне а спокойне ани в чом не нарушоне от нас самыхъ и потомъков наших уживати маеть.—А так мы тое очевистое оповедане и доброволное сознане пана Ивана Городищъского и сына его пана Ивана Ивановича Городищъского-жъ, так и тот лист дозволеный вено записат и другий веновный, которым вено и внесенье панее Катерины Бабинского ей есть записано, за прозбою пана Ивана Городищъского и сына его пана Ивана, с початку аж до конца до книг кгродскихъ Луцкихъ записати казали есмо, с которых и сес выпис под печатми нашими панеи Ивановои Городищъскои панеи Катерине Бабинского на то дали. Писан в Луцку.

Книга гродск. Луцк, 1572 г., № 2046, л. 626 об.

XLIX.

Донесеніе вознаго о томъ, что вдова князя Василія Солтановича Сокольскаго Ганна Монтовтъ, спрошенная своимъ деверемъ, княземъ Маркомъ Сокольскимъ: не выходитъ ли она замужъ за п. Ледницкаго по его, Сокольскаго, уговору или принужденію,—отвѣтила, что она вступаетъ въ бракъ съ Ледницкимъ по своей доброй волѣ и съ согласія отца, и что князь Сокольскій не въ правѣ удержать ее отъ того, хотя бы и желалъ это сдѣлать; если же онъ жалѣетъ бочки меду и хлѣба, что съѣдятъ гости на свадьбѣ, то она можетъ то и другое достать у друзей своего будущаго мужа. 1569 года, февраля 22.

Лѣт Божого нароженя 1569, месеца февраля 22 дня.

Пришедчы на вряд его кор. милости, до мене Петра Хомека, подстаростего Луцкого, возный повету Луцкого Дмитръ Новоселецкий до книг кгродских, ставши очевисто, тымы словы вызналъ;

иж дей будучи мне приданым з уряду на справы его милости князю Марьку Сокольскому на тот час, коли шла невестка за его милость за пана Казимера Ледницкого в мальжонство, и кгды вже пришла до шлюбу невестка его милости теперешняя пани Ледницкая пани Ганна Монтолтовна, теды его милост князъ Марко передо мною и перед людьми почтивыми пыталъ ее тыми словы: „Оспоже кнегини невестко! твоя милость мнѣ ознайми перед возънымъ, перед вшисткими приятели моими, естли твоя милость идешъ замужъ за пана Ледницкого за намовою моею, або тежъ и за примушенемъ якимъ?“—Теды она перед мьною и перед тыми паны поведила: иж дей „я естли иду в стан малжонский за пана Ледницкого, теды не за жаднымъ примушенемъ, ани за намовою вашей милости, едно по доброи воли своей, а за писанем отца моего до мене, позволяючы мнѣ, абых за пана Ледницкого пошла; ведже хотя быс мя ваша милость, кнеже деверу, хотелъ гамовати, теды мя ваша милость вгамовати не можешъ, бо ми отец мой на то позволил; а естли же о бочку меду або о хлеб ти идетъ, што тут его зъедятъ на тот час приятели пана моего, который ми мает быт малжонкомъ, я его могу индей где в приятеля моего достати“. Гдеж то его милость князь Марко Соколский, слышачы такий отказ от невистки своей, мною вознымъ и людми добрыми сторонными освитчил. И просил его милость князь Марко Солтанович Соколский, абы то было записано; а такъ тое возъного сознане его до книг кгродских записати казалъ.

Книга гродск. Луцкая 1569 г., № 2043, л. 98 об.

L.

Донесеніе вознаго о врученіи кіевскимъ мѣщаниномъ Яцкомъ Евфимовичемъ судебнаго позва п. Василію Колядѣ по обвиненію его въ томъ, что онъ, вступивъ въ бракъ съ матерью Евфимовича Богданою, бросилъ ее, забравъ ея имущество. 1569 года, марта 23.

Лѣта Божого нароженя 1569, месеца марта 23 дня.

Пришедчы и постановившися очевисто передо мъною Петромъ Хомекомъ, подстаростимъ Луцкимъ, возный повѣту Луцкого Иван Тихнович Путошинский оповедал и тыми словы до книг кгродских сознал: иж теперешнего часу и дня даты верху писаное при мъне возномъ и при шляхте людей добрых, то ест при пану Степану Друченину, служебнику панее подскарбиное земъское, а при пану Богушу Ванъковичу, писару места Луцкого, мещанин киевский Яцко Евхимович далъ позовъ пану Василю Коледѣ в месте Луцком от его милости пана Остафъя Воловича, подканцълерого и маршалъка великого князства Литовъского, старосты Берестейского и Кобринского, о забране маетности матки того Яцъка Богданы Евхимовны, жоны его, с которою дей он шлюб принявъши, ее обобравъши, проч ехал, што ест ширей а достаточней на томъ позве описано и доложоно. Пан Василей Коледа позовъ и лист запитый его милости пана подъканцлерого принял, што пан Яцко мъною вознымъ и шляхтою людми добрыми осветчил; и просилъ Яцко мещанин киевский, абы то было записано; а так я тое сознане возного до книг кгродских записати казалъ.

Книга гродск. Луцкая 1569 г., № 2043, л. 131.

LI.

Запись княгини Ганны Сангушковой-Коширской, урожденной Остиковичевой, въ которой она, руководимая чувствомъ горячей любви къ мужу своему, князю Льву Александровичу Сангушку-Коширскому, и сердечной признательности къ нему за вѣрную любовь и усердную заботливость объ ея здоровьи, даритъ его своимъ вѣномъ, имъ же самимъ ей записаннымъ, въ суммѣ 17,200 копъ грошей литовскихъ. 1569 года, мая 11.

Лѣта Божого нароженя 1569, месеца мая первогонадцат дня.

Постановившися обличне на вряде замку господарского Володимерского, передо мною Павломъ Григоревичом Оранским, на тот час будучим подстаростим Володимерским, а передо мною Иваном Петровичом Калусовским, судею кгродским Володимерским, кнегиня Лвовая Александровича Санкгушка Коширского кнегиня Ганъна Миколаевна Остиковича лист свой вызнаный, его милости князю Лву Александровичу Санкгушку Коширскому, малженку своему, даный, перед нами на вряде показала и просила, абы яко устное доброволное вызнане, так и тот лист ее вызнаный в книги замковые было записано; а такъ мы, за очевистою а устною прозбою ее милости, так устное вызнане, яко и лист ее милости вызнаный, казавши его перед собою очевисте при ее милости самое всего достаточне, почавши с почтатку аж до конца, голосом вычитат, слово от слова в книги замковые записати казали; который же лист ее милости вызнаный так ся в собе маетъ: „Я Лвовая Александровича Санкгушковича Коширская Ганна Миколаевъна Остиковича вызнаваю и чиню явно сама на себе сим моим листом кождому, кому будет потреба того ведати або чтучи его слышати, нинешним и напотом завжды будучим: што малжонок мой милый, велможный князь его милост князъ Левъ Александрович Санкгушкович Коширский, понемши мене за себе у светое малжонство, по смерти отца моего небожчика пана Миколая Остика, у матки моее

панее Миколаевое Остиковое кнежны Ганьны Романовны Любецкого, взялъ по мне вено отъ панее матки моее суму пенезей, которую пани матка моя маючи записаную от малжонка своего а отца моего пана Миколая Остика на имѣнях его милости: на Косове две тисечи коп грошей, а на Упите, волости Шадовское, две тисячи коп грошей, тую чотыри тисячи копъ грошей на Косове и на Упите пани матка моя вышей менованая его милости князю Лву Санкгушку, малжонку моему, за мною у посагу записала, и на именю своемъ отчизномъ, на половицы Любча, которое ее милость окупила у его милости велможного пана пана Остафъя Воловича, подканцлерого великого князства Литовского, записати рачила две тисячи коп и сто коп грошей, того всего сумою учинило шест тисеч и сто копъ грошей литовское личбы; а напротив того вѣна, внесеня моего в дом его княжецкое милости, записал мне его милост князь Лев Санкгушко, малжонок мой намилший, водлуг права посполитого и статуту земского, совито, то ест дванадцат тисяч коп и две сте коп грошей монеты и личбы великого князства Литовского, личачи по десети пенезей белых у грош, на именю своемъ, замку и месте Каменском и на селах, ку тому замку и месту належачих и прислухающихъ; а ку тому, што его милост княз Лев Санкгушко, малжонок мой, рачилъ позычити у панее матки моее сем тичеч коп грошей на замок свой Перемелский, ино ее милост с тых семи тысечъ коп грошей рачила его милости отпустити две тисечи коп грошей, а пят тисяч копъ грошей еще его милост панеи матце моеи должонъ был зосталъ; тогды тую пят тисяч копъ грошей, знемши его милост с Перемеля, на тоеж имене свое Камен узнести и до тых дванадцати тисячей коп и двох сот коп грошей прилучити и приписати рачил, того всего сумою на Камени чинило семнадцат тисяч копъ и две сте копъ грошей. А так я, дознавши ку собе его милости кнежати Лва Санкгушка, малжонка моего намилшого, великую ласку и правую, вѣрную, сердечную и на всем статочную милост малжонскую и милостивую зычливост з наболшими добродействы его милости, которое

добродейство его милост ку мне рачил показовати з немалыми кошты и наклады его милости, маючи стан мой малженский у зацномъ а у почтивомъ, статечном, гойном выхованю своем княжецкомъ, так тежъ бачачи его милост, милостивую склонност и великую милост до хороб моих частых, иж на лекарства и на докторы, улечаючи здорове мое, великий коштъ и не малыми сумами пенезей для мене, малжонки его милости, принял, так теж доходечи именей моихъ отчизных подъ паны дядки моими, их милостю паны Остиками, рачил его милост маетности своее много утратити и уронитѝ и для мене, малжонки своее, з милости своеи малжонскои, многие скарбы дому своего княжецкого утратити, на остаток имения свое отчизные оставуючи и тепер того всего ведучи, великие утраты для мене, малжонки своее, чинити не переставает, не брыдячыся ни в чомъ форобы моее сродзе страшливое, от Пана Бога створителя з воли Его светое на мя допущеное, яко належит верному, цнотливому, правому малжонкови; которое так великое добродейство его милости не толко маетностю моею естем винна его милости отдавати и нагорожати, але бых рада и здоровем моим такие ласки его милости оливала. А ведже, хотечи теж мое хутливое службы и нагорожене за его милости малъжонка моего намилшого добродѣйство, за такъ великие милостивые ласки и утраты его милости и з себе показати и нагорожене вчинити, тогды, не будучи я, Ганна Миколаевна Остиковна, ни от кого намовлена и ничимъ примушона, одно властне по своей доброй воли и верное, милое хути моее, доброволного умыслу моего, милуючи верне его милост князя малжонка моего намилшого, намыслившисе сама доброволне и ростропне, трезво, здорово, з зуполною паметю и з целым розумом, тую всю суму пенезей семънадцат тисяч копъ и двесте копъ грошей литовское личбы, вено мое, его милости князю Лву Санкгушку Коширскому, малжонкови моему намилшому, даю и дарую и сим листом моим записую на вечные часы; которою сумою пенезей семнадцатма тисячма копами и двемасты копами грошей, веном моим, его милости князю малжонку

моему от мене дарованым, волно его милости шафовати и на свое пожитки оборочати, водлуг воли и мысли и налепшого подобаня своего, якъ сам налепей розумеючи, такъ при животе, якъ и по животе моемъ, вечно и на веки непорушно; и вже я сама, так и матка моя пани Миколаевая Остиковая, теперешняя кнегиня Павловая Соколинская, кнегиня Ганна Романовна Любецкая, и нихто с кревных, близкихъ и повиноватых моих тых семънадцати тисяч коп и двох сотъ копъ грошей у его милости князя Лва Санкгушка Коширского, малжонка моего намилшого, упоминатися и ку праву его милость позывати и на его милости поискивати не маем никоторыми причинами, так правными, в статуте через прокураторов вынайденными, так з розуму людского, врадового и прокураторского вымышлеными, от сего часу аж на веки ничим непорушно. А еслибых я, Ганна Миколаевна Остиковна, або матка моя предреченая и хто ж колвек с кревных, близких, повиноватых моих, сес подарок мой, его милости князю Лву, малжонку моему милому, дарованый и записаный, хотели зрушити и сего запису моего отступити и якими ж колвек причинами смели тое семънадцати тисячей коп и двох сот копъ грошей на его милости князю малжонку моем милом поискивати, албо о то ку праву якому ж колвек его милост позывати, тогды я Ганъна Миколаевна Остиковича, и матка моя вышей менованая, и кождый таковый упорный, хтобы ся того важити смелъ, маем и повинни будемъ господарю королю его милости заплатити заруки семнадцат тисячей копъ грошей, а князю Лву Санкгушку, малжонку моему милому, другую семнадцат тисяч копъ грошей и вси шкоды и наклады, которые бы его милость князь Левъ Санкгушко, малъжонок мой милый, для мене и для зрушенъя сего дару моего, его милости князю малжонку моему вчиненого, черезъ кого ж колвекъ з нас принялъ, тогды я и кождый приятел мой, хто бы сес запис мой зрушити смелъ в которомъ колвекъ артикуле, в семъ записе описаном, маем и повинни будемъ его милости князю Лву Санкгушку заплатити вси шкоды и наклады его милости з совитостю, без жадных позвовъ и без жадного пра-

ва, без кождого доводу и присяги его милости самого, так и шафара его милости, толко на голое слово его милости, што колвекъ его милост рачилъ будет словом своим речи и наболшую суму пенезей замерати, не выламуючися от сего запису моего и обовязковъ в нем описаных, так теж не отступуючи от зарук, винъ и от накладов, в сем листе записе моемъ вышей помененых, никоторыми причинами правными, врадовыми и в статуте вынайдеными, так теж и тыми причинами, которые люди звыкли через прокураторов вымышлят и право боронить, а не боронечися волностъю права своего шляхетского, ани закрываючися урадом господарским дворнымъ и кгродским и земским, и не вымовляючися форобою своею и послугою господарскою, ани жадною припалою и змышленою пригодою, толко вже моцно и на веки непорушно сес запис мой за слушный, за годный, за моцный у кождого права держан и захован быти мает, и вряд кождый, дворный господарский, кгродский и земский, толко за оказанемъ на враде сего запису моего, а не за позвы, мает моц зуполную мети его милост князя Сенкгушка, малжонка моего милого, при сем записе моемъ заховати; и в чомъ бых я против сего запису моего ку шкоде его милости князя Лва Санкгушка выступила и который артикулъ у семъ записе моемъ описаный нарушила, тогды теж врадъ кождый, не позываючи мене перед себе, тые всѣ заруки, вины, шкоды и наклады его милости князю Лву Санкгушку на мне всказовати маетъ, яко бых тежъ и очевисто, передъ урадом стоячи, и с права винна зостала, и под такие я всказы и выроки врадовые сама доброволне поддаюся и всказомъ врадовым во всем чинити маю досыт, якобы ся во всем шкодном от мене его милости князю Лву Санкгушку, малжонку моему, заплатою досыт стало, яко естъ в сем записе моем вышей достаточне описано. А еслибых я, Ганна Миколаевна Остиковна, о всказъ и вырокъ врадовый, буд якогож колвек вряду, не дбала и заплаты его милости князю Лву Санкгушку зарук, винъ и накладов не поплатила и сему запису моему досыт не вчинила, тогды ку тымъ первым featurearукам и винам и

шкодам, штом вышей сего въ сем записе моем поменила, еще на себе подношу особную вину на вряд, которому бы ся спротивила и всказу его послушна не была, тисячу копъ грошей, што все без милосердъя мает быти на маетности моей от ураду справлено; а заплативши тые заруки господару королю его милости, а его милости князю Лву Санкгушку таковые ж заруки, яко и господару его милости, так теж вси шкоды и наклады и на слово речене его милости, яко вышей описано, и теж заплативши вину врядовую, предся сес мой лист на семнадцат тисячей коп и на двесте копъ грошей, которыми я его милост князя Лва Санкгушка, малжонка моего милого, даровала, при целой зуполнои моцы у кождого права захованъ мает быти, яко ясное а на всемъ моцное право его милости князя Лва Санкгушка, малжонка моего милого, на вечные часы от мене доброволне его милости дарованное. И который я лист записаный его милости князя Лва малжонка моего оправный за внесене мое на семнадцат тисячей коп и на две сте коп грошей, у которых мне его милост замок свой Камен записати рачил, я в себе мела под печатю и с подписю руки его милости и под печатми людей добрых, и теж выпис с книг враду замку Луцкого сознане его милости, ижъ мне его милост за внесене мое оправу вчинилъ, тые я листы в захование была дала матце моей вышей менованои панеи Миколаевои Остиковой, кнежне Ганне Романовне Любецкой, ино я тот лист его милости князя малжонка моего записаный и выпис врадовый сознаня его милости маю от панее матки моее отыйскати и его милости князю малжонку моему тые листы отдати, яко пану и дедичу оное сумы семнадцати тисяч коп и двох сот копъ грошей, которыми есми его милост доброволне на вечные часы даровала. А еслибых я Ганна Миколаевна Остиковича, того листу записного его милости князя Лъва, малжонка моего милого, так теж и выпису с книг враду Луцкого сознаня его милости, в матки своее отыйскати и его милости князю Лву, малженку моему милому, отдати не могла, ино я Ганъна Миколаевна Остиковна тот лист его милости князя

малжонка моего, выпис враду луцкого на семнадцат тисяч коп и на две сте коп грошей, которые тежъ то листы первей мне прислухали, сим листомъ моимъ уморяю и ни въ што их оборочаю, и пустыми и не потребными собе и матце своей и всим кревным своим тые оба-два листы чиню, и хотяж бы ся потом у матки моее и в кого с кревных приятел моих тые два вышей менованые листы где колвекъ у якого права показали, тые никоторое моцы ани жадное вѣры в кождого права не мают мети, яко листы непотребные а через мене спустошоные; бом я того вена своего, ани тое сумы пенезей семнадцати тисяч коп и двох сот копъ грошей, которую мне его милост княз Лев Санкгушко, малжонок мой милый, напротив внесеня моего на замку Камени и на месте и селах Каменских записати был рачил, никому иному, ани матце своей, ани кревнымъ, близкимъ приятелемъ своимъ, не записовала, ани даровала, ани долгом завела, толко одному самому его милости князю Лву Санкгушку, малъжонку моему намилшому, тую семнадцат тисяч коп и двесте коп грошей дала, даровала и симъ листом моим вызнанымъ с правое милости и доброволное хути моее, яко властностъ свою, до которое ж то владности моее нихто иный над его милост князя Лва Санкгушка Коширского, малжонка моего намилшого, жадного вступу и жадного права и никоторое причины не мает ани может мети, так при животе, яко и по животе моем на векуистые часы. И вже я Ганна Миколаевна Остиковича с того именя его милости князя малжонъка моего милого, из замку Каменя и места и сел Каменских и зо всякое властности Каменское и зо всяких приходов и пожитков Каменских, а с тое сумы пенезей семнадцати тисячей коп грошей и двох сот коп грошей вышей писаных вырекам ся и права своего, которое-м на Камен от его милости малжонка моего милого мела, сим моим листомъ отступую и до того вже ничого не маю я сама, и пани матка моя, и кревные, близкие мое вже до того не мают ничого вечными часы. И на то я Ганна Миколаевна Остиковича доброволне, з милости и правое хути моее малжонское, дала его

милости князю Лву Санкгушку Коширскому, малжонкови моему, сес мой лист, припечатавши его властным секгнетомъ моим. А при том были и того добре сведоми и за прозбою моею очевистою устною печати свои к сему моему вызнаному листу приложити рачили их милост панове: пан Александръ Богданович Семашко, подкоморий Володимерский, пан Василей Гулевич Затурецкий, войский Володимерский, пан Станислав Кграевский, дворенин его кролевское милости, пан Петр Костюшкович Хоболтовский, пан Семен Дрозденский, пан Андрей Киверецкий а пан Матфей Клюский. Якож есми тот дар мой доброволный, князю Лву его милости Коширскому, малжонку моему намилшому, от мене дарованый, перед врядом кгродским замку господарского Володимерского ставши очевисто, сама особою своею, доброволне, в целом розуме и в зуполнои памети будучи, оповедала и зознала властными словы своими, и тые слова свое до книг кгродскихъ тут же на вряде уписати дала, и взявши выпис с книгъ, князю его милости Лву Санкгушку, малжонку моему милому, до рук есми его милости подала. Которое сознане и сес лист мой, такъ тежъ и выпис враду кгродского Володимерского, перед судом земским за моцне принято и до книг земских, хотя и без бытности моее, о рокох земскихъ судовых перенесено и уписано быти мает, а врад земский враду кгродскому в том во всем постановеню и вызнаню моем зуполную доскональую веру мает дати и то казати до книг земскихъ достаточне вписати. Писан у Володимери, под лѣты Божего нароженя тисяча пятсотъ шестдесят девятого, месеца мая первогонадцат дня“.

Кн. гродск. Владим. 1569 г., № 919, актъ 134, л. 90.

Примѣч. Далѣе въ той же актовой книгѣ слѣдуютъ еще *девять* дарственныхъ записей той же княгини Ганны Сангушковой мужу своему на разныя имѣнія ея въ Литвѣ и Бѣлоруссіи (№№ 135—145); во всѣхъ этихъ записяхъ мотивъ дара— тотъ же, что и въ помѣщенномъ документѣ.

LII.

Жалоба Кобринскаго земянина Щаснаго Верещаки о томъ, что земянинъ Волынскій Богданъ Дрозденскій, сговоривъ за себя дочь жалобщика Ганну и заключивъ съ нимъ предбрачное условіе, уклоняется отъ вступленія съ нею въ бракъ. 1569 года, сентября 9.

Лѣта Божого нароженя 1569, месеца сентебра 9-го дня.

Присылал до мене Петра Хомека, подстаростего Луцкого, земенин господарский повету Кобрынского пан Щасный Стецкевич Верещака сына своего пана Романа, оповедаючы тымъ обычаемъ: иж дей земенинъ господаръский повету Луцкого пан Богданъ Иванович Дрозденский змовилъ был у мене дочку мою паную Ганъну в малженство собе мети, которая была за небожчиком паном Григорем Пашкевичомъ Ёлцомъ, которому ж веселю и рокъ на листе есть назначон, мне от пана Богдана Дрозъденского даномъ; однож ест то на листех межи наши описано: естли бы который з нас был затрудненъ якими послугами господаръскими, албо теж якими пилными потребами своими, тогды на тот рок, в листех наших назначеный, мели дей есмо собе пофолкговати, а тому веселю на инший часъ рок зложити. Гдежъ дей есми был на тот час в Городне, на сойме Городенскомъ, року недавно минуломъ шестдесят осмомъ, послом от братъи своее всеи в потребах земских, так теж на тот час был в Городне и пан Богданъ Дрозденский; едучи з Городна, был в дому моемъ и зо мною о то жадное речи не постановивши в речи приятелской, з дому моего проч отехалъ и до сего дей часу мне о собе знати не дал ани даеть, якъ самъ через собе, такъ теж и через писане свое; а за тым непостановенемъ своим панъ Богданъ Дрозденский дочку мою паную Ганъну осадил, которая дей и до сего часу замуж не шла. И просил мене за то панъ Роман Верещака именем от пана отца своего, абы то

было до книг кгродских записано; а такъ я тое его оповедане до книг кгродскихъ записати казалъ.

Книга гродск. Луцкая 1569 г., № 2043, л. 459, актъ 434.

LIII.

Духовное завѣщаніе земянина Павла Черневскаго, которымъ онъ обезпечиваетъ положеніе своей жены, въ любви и добромъ согласіи прожившей въ бракѣ съ нимъ долгіе годы и не имѣвшей отъ него вѣновной записи. 1569 года, сентября 19.

Лета Божого нароженя 1569, месеца сенътебря 21 дня.

Постановившися обличне на вряде замку господарского Володимерского, передо мною Павломъ Оранскимъ, на тот час будучимъ подстаростим Володимерским, возный повету Володимерского Тихно Оранский до книгъ замковыхъ вызналъ тыми словы: иж за приданем твоим врядовым, был есми року тепер идучого шестдесят девятого, сентября девятогонадцат дня у пана Павла Черневского, у дворе его Войнине, тамже передо мною вознымъ и перед шляхтою, людми добрыми: князем Дмитремъ Ружинским, паномъ Иваномъ Шелвовским, паном Семеном Козинским а паномъ Михайломъ Линевским, пан Павелъ Черневский, будучи зложоный хворобою, з властных усть своих, за доброи памети а целого розуму, волю свою ознаймуючи, оповедалъ и на тастаменти написати казал, при котором справованю того тастаменту шляхта, люде добрые, зо мною были и за прозбою его к тому тастаменту печати свои приложили, до которого и он самъ пан Черневский своею властною рукою печат свою приложил и руку свою подписал, и мене возного о приложене печати просил; якоже-мъ я при печа-

тех их милости перво помененых пановъ и при его властной печати и подписаню руки, за прозбою его, печат свою приложил.—При котором вызнаню возного панъ Война Линевский тот тестамент тестя своего передо мною показал, и тутже очевисте при том же возномъ передо мною тот тестамент увесь достаточне, почавши с початку аж до конца, читан был, который так ся в собе маетъ: „Я Павелъ Черневский вызнавам неспособност свою, иж кгдым был еще всих тых прошлых лет в зуполном здоровю, розмышлял есми часто крот, якобых мог статотчне а порадне дом свой, жону и детки, на смерть паметаючи, росправити, а што найболшого и напотребнейшого, иж я, мешкаючи через так часъ немалый в малженстве з верною и милою жоною моею Катериною Якубовною Вакгленского и видечи по ней верное, почтивое и статочное захование и послуги ко мне, малжонкови ее, так въ упреймой а щирой милости, яко теж в почтивом а статочном выхованю деток наших, так теж в сполном набываню убогое маетности нашое, еще есми был и до сего часу ей того ничимъ не нагородил и оправы пристойное, што кождый муж жоне повинен, на маетности своей не вчинилъ, а иж часу теперешнего Богъ сотворител з воли и презреня своего светого мене хоробою доткнути рачил, в которой Он, яко всемогучий Панъ, ведает, што ся со мною деяти будет; а про то я, видечи в той хоробе небезпечный живот свой и паметаючи на то, иж вси справы и мысли человѣчие смертью докончене приймутъ, для чого посполите звыкли люде мыслъ и волю свою, звлаща остатнюю, на писме ку ведомости на часы потомные зоставляти, тым обычаем и с таковою преймою волею жону, дети и вес дом свой, яко ся тут нижей на том писме покажет, росправую: На первей то ест, иж жона моя милая Катерина мает спокойне держати и вживати до живота своего имене наше Марковичи, лежачое в повете Володимерском, которую част купили есмо весполок з нею, жоною моею, у пана Романа Марковского на вечност, а дети наши, доросши лет своих, так теж братя або близкие мои с того именя ее стискать и доброволного вживаня ей

боронити не мают до живота ее. И ку тому на том же имению нашом Марковичох записую и дарую ей, жоне моей милой, суму пенязей триста коп грошей личбы литовское, то ест полскихъ золотых полосмаста, личачи в каждый золотый по тридцати грошей полских; волна она будет тую триста коп грошей, на том имению Марковичах от мене ей записаную, такъ при животе, якъ и по животе своем отдати, даровати, кому хотечи записати и ку своему лепшому а пожиточному обернути. К тому, показуючи я зособна еще охотнейшую милост жоне моей милой Катерине, дарую и записую ей вси речи мои рухомые, так гроши готовые и на долзех, яко и золото, сребро, перла, цын, мѣдъ, шаты, кони ездные и все, што колвек рухомою речю названо быти и по смерти моей в дому моем показатися можетъ: волна она будет тым шафовати, яко властностю своею, водле воли и уподобаня своего, а дети наши або братя мои и нихто з близких и природных моих того боронити и ни которыми причинами переказы чинити не мают. А што ся дотычет имення нашого Войнина, которое нам дал за верные послуги наши небожчик панъ Михайло Свинуский, а потом и его королевская милост тое именечко от столу своего господарского подтвердити и упривелевати рачил, на том именечку жона моя Катерина мает седет и спокойне его уживати до лет детей наших; а коли дети наши лет доростут, на тот час она им будет повинна тое имене непенно поступити, нижли личбы никоторое детем и никому с того имения чинити не будет повинна. А если бы ся притрафило по зештью моем, жебы жона моя в рыхлом часе с того свѣта зышла, а дети наши зостали бы лет недорослые, тогды под тым трафункомъ детки наши, также имене наше Марковичи и всю маетност поручаю в моцъ, оборону и опеку зятю своему пану Войне Линевскому. Мает он, яко милый и верный приятел мой, тою всею опекою шафовати водле Бога и повинности своее хрестянское и дочки наши Раинук а Макгдалену с пожитков того имения замуж повыдавати, и сам он мает тое имене наше Марковичи держати и вживати на

себе дотол часу, докол тот наклад свой, што на дочки наши, выправуючи их замужъ, наложит, выберет; а покол ся тому накладу его досыт не станет, до того часу сынове мои, хотя и лет доростут, того именя з моцы, держаня и вживаня его брати не мают; а если бы имене до рук своих мети хотели, тогды, чого панъ Война накладу з ыменя не выберет, повинни будут тот наклад увес сполна ему отложити, тож на тот час к своим рукам имене взяти. А при томъ были и того добре сведоми их милости: князъ Дмитрей Ружинский, панъ Иван Шелвовский, панъ Семен Козинский, а панъ Михайло Линевский, а возный повету Володимерского, приданый з уряду кгродского, панъ Тихно Оранский; и за очевистою прозбою моею их милост верху мененные панове печати свои до сего тастаменту моего приложити рачили, а для лепшое твердости и я Павел Черневский печат свою к сему тастаменту моему приложил и руку свою подписал. Писан у Войнине, лѣта Божого нароженя тысеча пятсот шестдесят девятого, месеца сентебря девятогонадцат дня. Павел Черневский влостную руку подписалъ".—А так я тое вызнане возного и тот тестамент слово от слова в книги замковые записати казалъ.

Книга Владимірская 1569 г., № 954, л. 41 об.

LIV.

Вѣновная запись п. Василія Жоравницкаго, выданная имъ своей невѣстѣ, дочери Львовскаго стольника Ганнѣ Печихвостской, въ обезпеченіе полученнаго за нею приданаго. 1569 года, ноября 13.

Лета Божого нароженя 1570, месяца июля осмогонадцат дня.

Постановившися обличне в замку господарском Луцком, передо мною Иваномъ Хребтовичом Богуринским, подстаростим Луцкимъ, панъ Василей Маркович Жоравницкий оповедал доброволне....*) и листъ свой оправъный, подъ печатю и съ подписомъ власное руки своее и тежъ подъ сведомомъ, печатми и с подписми рук людей зацных малжонце своей даный, передо мною на вряде покладал, просечи, абы вычитанъ и в книги кгродские вписанъ; который лист такъ ся в собе маеть: „Я Василей Маркович Жоравницкий сознаваю и чиню явно тымъ листомъ моимъ всимъ вобецъ и кождому зособна, хто бы то ведати и слышати хотелъ, такъ нынешнего, яко и напотомъ завжды будучого веку людем, ижъ з воли а презренъя Божого и з дару Духа светого, с порадою пановъ брати а приятелей своихъ, змовил есми за себе в малъженство девку зацне врожоного пана Яна Печифостского, столника земли Лвовское, панну Ганъну, по которое, первей нижли ми дана до шлюбу, его милост панъ Ян Печифостский дал мне посагу: готовых пенезей тисечу золотых полских, то естъ чотыри ста копъ грошей личбы литовское, а у выправе—в золоте, в серебре, перлахъ, клейнотахъ, шатахъ и в иныхъ рухомыхъ речахъ явнымъ и певнымъ шацунком чотыри ж ста коп грошей литовское жъ личбы. Ино я тепер, скоро вземши тот посагъ и выправу менованую от его милости пана столника по неи, облюбеници своеи, а заховы-

*) Опускаемъ устное „оповеданье“ заявителя, составляющее буквальное повтореніе слѣдующей за симъ записи. *Ред.*

ваючися в том ведле обычаю права посполитого и статуту земъского прав и волностей наших великого князства Литовского и Волынского, заразъ тую суму готовизны совито, то есть осмъ сотъ копъ грошей литовъскихъ, а выправы, подле вена, шацункомъ чотыриста копъ грошей литовское жъ личъбы, чого всего сумою дванадцат сот коп грошей литовских, на третее части именей своихъ отчизныхъ: Жоравникъ, Ржищова и Кочкоровца и ктому Волицы до Журавникъ прислухаючое, и на тыхъ всих именяхъ третеи части, которые бы мне напотом, за куплею и выслугою моею, правомъ, спадкомъ и яким же колвек набытемъ приходити и припадати мели, еи, даст Бог пришлои малжонце моеи, панне Ганне Печихвостского записую и тым листом моим утвержаю, которое оправы своее, от мене еи на тых именяхъ моих ведлуг статуту вделаное, маетъ она быти иста и певна. А естъли бы Пан Богъ на мене первей, нижли на нее, смерт допустити рачил, тогды она скоро по моемъ животе, тую третюю часть оных именей моих помененых зо всимъ на все, яко ся в собе в дворех, в людех тяглых, слугах путных, кгрунтехъ, пашнях и вшеляких пожитках, доходех, можностях и широкостяхъ своих маеть, вземъши къ рукамъ своимъ, аж до живота своего ее держати и вживати, розширати и примножати и тымъ подле воли и мысли своее шафовати, а по животе своемъ оную суму пенезей дванадцати сотъ копъ грошей, от мене ей на третей части тыхъ именей наших помененых оправою записаную, кому похочетъ отписати и отказати она будет моцна; а дети мои и нихто з близкихъ кревныхъ моих, як у ее самое, за живота ее, так тежъ и по животе ее в того, кому теж она запишет, оное третее части именей моих вышей менованых, не отложивши тое верху писаное сумы пенезей дванадцати сот коп грошей, з рукъ и держанъя их выймовати не маютъ и мочи не будуть; што я маю и повинен буду перед врядомъ кгродским Луцким оповедати и сесь лист свой до книгъ замковых записати дати, а потомъ на роки судовые до книг справ земскихъ повету Луцкого перенести. И на то еи, даст Богъ, при-

шлои малжонце своеи панне Ганъне Печифостского даю сесь мой лист з моею печатю и с подписомъ властное руки моее. А при том были и того сут добре сведоми панове их милость: панъ Александро Жоравницкий, ключник и городничий Луцкий, пан Иоахимъ Сам, подстолий Львовский, пан Бартошъ Корытко, писар земский Львовский, а панъ Фронцъ Круш; которых же то вышей писаных панов просил есми о приложене печатей своих и подпису рук, и ихъ милость то на прозбу мою вчинити и печати свои к сему моему листу приложити и руки свои подписати рачили. Писан в Митровичох, лета Божого нароженья тисяча пят сот шестдесятого девятого, месяца ноябра третегонадцать дня. Василей Жоравницкий влостною рукою".—А такъ я тое очевистое оповедане, доброволное сознане и лист пана Василя Жоравницкого оправъный, слово от слова, с початку ажъ до конца до книгъ кгродскихъ записати казалъ.

Книга гродск. Луцк. 1570 г., № 2044, л. 384 об.

LV.

Дарственная запись землянки Настасьи Павловичевой, выданная ею мужу своему п. Василію Павловичу на вѣно, отъ него же ей записанное. 1569 года, ноября 22.

„Я Василевая Павловичовая Настася Петровъна Семашковна вызнаваю и чиню явно симъ моимъ листомъ нынешнимъ и напотомъ будучимъ, кому будеть потреба того ведати, иж кгды з воли Божеи и презреня Его светого, а з ведомостью и позволенемъ ее милости панее Петровое Семашковое, старостиное Кремянецкое, панее Зохвее Боговитиновны, панее а матухны моее намилшое, и

брата моего рожоного пана Ярошa Семашка и иных приятелей повиноватыхъ моих, была м выдана в стан светый малжонский за его милость пана Василя Павловича, тогды его милость пан малжонок мой, захowываючися водле обычаю права посполитого и милуючи мене, малжонку свою, противко внесеня вена моего, которое мъ я з дому ее милости панее матухны моее, за его милость идучи, внесла грошми готовыми и выправою шесть сотъ копъ грошей, записал ми листомъ своимъ то, што бы за тую суму от мене принесеную што колвек именя на вечность набылъ або закупил, и ктому если бы ему што Бог з ласки своее светое дал почтиве набыти имeней, такъ теж и вси речи рухомые, яко бы одно колвекъ назват и меноват се могли, то ми былъ все от мала и до велика на вечность по животе своемъ отписал и отдаляючи от того всего братю свою рожоную и всих кровных и повиноватых своихъ, о чомъ ширей а достаточъний на оном листе записномъ есть описано; што я вдячне от его милости пана малжонка своего принявши и уважаючи яко в том добродейство его милости к собе показаное, такъ теж не мней бачачи и узнаваючи милость и ласку его милости, которую в стане малъженскомъ от его милости узнавамъ, и не могучи того ничимъ инымъ его милость нагородити, одно повинною и поволною милостью своею малженъскою и службами моими, и на знакъ показуючи тое поволности своее, абых еще охотнейшого ку собѣ его позыскала, кромъ всее намовы и примушеня, леч по своей доброй воли, тое все, што одно кольвекъ мне он листомъ своимъ записал, от мала и до велика, жадъное речи на себе не зоставуючи, засъ есми его милость пана Василя Павловича, малжонъка своего милого, даровала и сим листомъ моимъ даю и дарую, и с того се вырекаю, и оный лист, веновный запис свой, которым мне то его милость записати рачилъ, на часы вечные уморяю и ни во што оборочаю, и хотя бы се по моемъ животе тот лист, запис пана малжонка моего мне даный, въ ее милости панее матухны моее, або брати моее, и в кого-ж колвекъ з близких, кровных и повиноватых моих показалъ, и хто ж

бы колвекъ хотел за тым листом того на пану Василю Павловичу, малжонку моему, або тежъ брати и повиноватыхъ его искати и до права поволокати и якую трудность задавати, тогды вже тот лист, от мене умороный, везде в каждого права моцы и местца не маючи, яко умороный и в ни во што оберненый, касован и на сторону отложен быти маеть, и то все, што мнѣ было от его милости записано, кождый врядъ при пану малжонку моемъ и повинныхъ дому его милости на вечные часы, яко властность его, заховати и сознавати маеть. И на то есми дала его милости пану малжонку моему милому пану Василю Павловичу сесь мой лист, з моею печатю и подписомъ властное руки моее. А при томъ были и того добре зведоми и за прозбою моею печати свои приложити рачили их милости панове а приятели мои: князь Янушъ Матвеевичъ Четвертенский, князь Марко Солтановичъ Соколский, а пан Алексáндро Жоравъницкий, ключникъ и городничий Луцкий. Писан у Луцку, лета Божого нароженя тисяча пятсоть шестдесят девятого, месеца ноебра двадцать второго дня. Василевая Павловичовая Настася Петровъна Семашковъна, влостная рука". — Што есть до книг, за очевистымъ оповеданемъ и вызнанемъ ее, записано.

Книга земская Луцкая 1570—1575 г.г., № 2094, л. 22 об.

LVI.

Вѣновная запись князя Станислава Вороницкаго, выданная имъ женѣ своей Ганнѣ Хомяковнѣ въ обезпеченіе (въ двойной суммѣ, т. е. съ „привѣнкомъ") ея приданаго. 1570 года, генваря 20.

Лѣта Божого нароженя 1570, месяца генвара 28 дня.

Ставши обличне на вряде его кролевское милости в замъку Луцкомъ, передо мною Петромъ Хомекомъ, подстаростимъ Луцкимъ, его милост князь Станислав Войнич Воронницкий зо Збаража оповедалъ....*) и лист свой вызнаный веновный, под печатъю своею и с подписомъ руки своее и с печатми людей зацных, малжонце своей даный передо мною на вряде покладал и просилъ, абы былъ читанъ и в книги городовые записанъ, который лист так ся в собе маетъ: „Я Станиславъ Войничъ Воронницкий зе Збаража ознаймую то симъ моимъ листомъ, кому того потреба будет въказовати сесь часъ и напотомъ завжды, штож з воли Божее и презреня Его светого, а з милости моее, понялъ есми за себе в стадло малъжонское, подле закону нашого светого хрестянского, дочку его милости пана Тихна Ивановича Хомека Смордовъского, судъи кгродского замку господарьского Луцкого, панъну Ганну, по которое взялъ есми готовых шесть сотъ копъ грошей и шесть десятъ коп грошей, а выправы сто копъ грошей; а такъ я Станиславъ Войничъ Воронницкий зе Збаража, взявши тот посагъ у пана Тихна Хомяка Смордовъского, суди кгродского Луцкого, по девце его милости а малъжонце моеи милои кнегине Ганъне, а взнавши малжонки моее милое кнегини Ганъны цнотливое а доброе, верное захованъе у ее паненъстве ку собе, и захowываючися в томъ подле статуту и права посполитого земъского, записую еи, малъжонце моеи, кнегине Ганне Тихновне Хомековича, на третеи части именей моихъ отчизныхъ, которые я маю ув отдѣли от брати моее родное, князя Лва а князя Матыса Воронницких зе Зба-

*) Опускаемъ устную передачу содержанія слѣдующей за симъ записи. *Ред.*

ража, то ест: на селе Щурине, Ясенови, Тристени, а к тому што бы на мя спадкомъ по которуи руце пришло, и тежъ што бых, мешкаючи з нею, малжонкою моею, набыл, прислужилъ, прикупил, на всем томъ, против внесеня ее в домъ мой готовыхъ шест сотъ копъ и шестдесятъ копъ грошей литовскихъ, с привенъком, тринадцат сот копъ грошей литовскихъ, личачи по десяти белых (пенезей) у грошъ, то есть на полскую личбу три тисячи золотых двесте пятдесятъ золотых полскихъ, а противъ выправы рухомыхъ речей сто копъ грошей литовских же, также личачи по десяти белых у грошъ, без привенъку, того всего сумою яко противъ готовых грошей с привенъкомъ, такъ и противъ выправы без привенъку, чотырнадцать сот копъ грошей, а на полскую личбу полчетверты тисечи золотыхъ полскихъ. Маетъ она, малъжонка моя милая, княжна Ганна Тихновна Хомековича, на тои третеи части именей моих вышей мененыхъ отчизных, спадковых, купленыхъ, выслужоных, якимъ колвек обычаемъ набытыхъ, з дворы, с пашнями дворными, полми, сеножатми, дубровами, лесы, боры, ставы, млыны и всякими пожитки седети, держати и вживати, ку своему пожитку привлащати, оборочати, ажъ до живота своего; а с того ее, малъжонки моее милое, кнегини Ганъны Тихновни Хомековича, не маеть нихто з детей моихъ, которые если Панъ Богъ даст з нею мѣти, ани з близкихъ, кревъных, повинных моихъ и объчихъ людей скуповати, а ни под нею того поискивати и никоторое перекавы и трудности, поволоки задавати, толко спокойне се в томъ кнегине малъжонце моеи милои кнегине Ганне заховати, ничимъ с того листу а опису моего веновного не выступаючи, до живота ее малъжонки моее; и волна она, малжонка моя милая, княгиня Ганна Тихновна Хомсковича, в тое суме пенезей чотырнадцати сотъ копъ грошей, личачи на литовскую личбу по десяти пенезей белых у грошъ, а на полскую личъбу полчетверты тисячи золотых полскихъ, на тое третее части именей моих отчизных, купленых, выслужоных, набытых, спадковыхъ, яко властное вено посагу свою (sic!), отдати кому хотя, записати, або на потомки свои за-

ставити, а я самъ, нихто з детей, зъ близкихъ, кревных моихъ, не маеть еи, малжонце моее милое, кнегине Ганъны Тихновъне Хомековича, никоторыми причинами того забороняти, перекасы чинити; а кому она, малъжонка моя милая, кнегиня Ганна Тихновна Хомековича, тую суму вышей мененую вѣна посагу свою, по животе своемъ, на тои третеи части имѣней моих запишеть, тогды дѣти, которые я буду з нею, малъжонкою моею, з ласки Божее мѣти, и кревные, а ни близкие мои, не отдавъши тое сумы пенезей вѣна посагу ее полчетверты тисечи золотых полских, не мають ся в тую третюю часть имений моихъ отчизных, ее веновных, вышей мененых, никоторыми причинами правными и неправными вступовати, искати, а ни ку праву поволоки чинити. На то есми малжонъце моеи милои кнегини Ганне Тихновне Хомековича, судъянце Луцкое, далъ сесь мой лист, записъ веновный, подъ моею печатъю и с подписомъ руки моее влостное; якожъ их милости панове а приятели наши: панъ Михайло Малинъский, маршалокъ его королевское милости, князь Юрей Воронницкий з Збаража, панъ Янъ Монтовтъ Коблинский, панъ Григорей Еловичъ Букоемский, бирчий господарский Луцкий, а панъ Андрей Лащъ Стрымилецъкий, а панъ Антон Яловицкий, панъ Фронцъ Крушъ, панъ Дмитръ Яловицкий, панъ Янъ Мнишковский, за прозбою моею, печати свои приложити рачили. Писан в Смордве, под леты Божего нароженя тисеча пятъ сотъ семдесятого, месяца генъваря двадцатого дня. Станиславъ Войничъ Воронницъкий зе Збаража, рука власна".—И просил мене его милость князь Станислав Войничъ Воронницъкий зе Збаража за то, абых его милости тое очевистое оповедане и доброволное сознане и листъ его веновный слово въ слово, с почтку ажъ до конца, до книгъ кгродскихъ записати казалъ. А такъ я то до книгъ кгродских записати казалъ и выписъ с книгъ, под печатю моею, малъжонце его милости кнегине Ганне Тихновне Хомековича далъ.

Книга гродск. Луцк. 1570 г., № 2044, л. 39 об.

LVII.

„Обрадованный листъ“ князя Станислава Вороницкаго, по которому онъ новобрачной женѣ своей Ганнѣ Хомяковнѣ, въ награду за сохраненіе ею цѣломудрія, записываетъ въ даръ, независимо отъ вѣна, двѣсти червонцевъ угорскихъ. 1570 года, генваря 23.

Лѣта Божего нароженя 1570, месяца генвара 28 дня.

Ставши обличне на вряде его кролевъское милости, в замку Луцъкомъ, передо мною Петромъ Хомекомъ, подстаростимъ Луцким, его милост князь Станиславъ Войничъ Воронѣницкий зе Збаража тыми словы до книгъ кгродских сознал: Иж дей, што з воли Божое и презренъя его святого, а з милости моее, понялъ есми за себе в стадло малжонъское, водле закону нашого светого хрестянского, дочку его милости пана Тихна Ивановича Хомека Смордовъского, судъи кгродского Луцкого, панну Ганну, по которое я малжонце моее милои кнегине Ганне Тихновне Хомяковича познавши доброе, верное а цнотливое въ ее паненъстве захованъе ку собе, ижъ она, малжонъка моя милая княгиня Ганна Тихновна Хомяковича, яко зацного отца и поцтивое матки своее, вышъла, ни в чомъ стану а особы паненъства своего не нарушила, але все то́, што доброе а цнотливое паненъце належало, мнѣ в станъ святобливый малжонский принесла; а так я, познавши по неи, малъжонце милои кнегине Ганне Тихновне Хомековича, такую верность и уцтивое захованe ку собе, а будучи тому вдячонъ непомалу, и с тое вдячности моее родичом ее, отцу и матце, велце подякованъе мое вчинил, а малжонце моеи милои даю, дарую и записую двѣсте золотых червоныхъ угорскихъ на имено моемъ лежачомъ. . . . (*пропускъ въ подлинникѣ*). Мають и повинъни будуть дети наши, если ми их Пан Богъ з нею дасть мети, або кревные, повинные и близкие мои тую суму двѣсте золотых червоных малжонце моеи милои кнегине Ганне Тихновне Хомековича

отдати и заплатити, яко влосного дару моего, мають, и ни которыми причинами, такъ правными, яко и неправными, того отбивати не мають. Якожъ и листъ свой обрадованный, под печатью своею и с подписом руки своее и под печатми людей зацных, передо мною на вряде покладалъ и просилъ, абы был читан и в книги городовые записанъ; который лист такъ ся в собе мает: „Я Станиславъ Войничъ Воронъницкий зе Збаража вызнаваю и чиню явно симъ моимъ листомъ, кому того потреба вѣдати будетъ, иж што з воли Божое и презренъя Его светого а з милости моее понял есми за себе в стадло малжонъское, водле закону нашого светого хрестянъского, дочку его милости пана Тихна Ивановича Хомека Смордовъского, суди кгродского Луцкого, панну Ганну, по которое я малжонце моее милое кнегине Ганъне Тихновне Хомековича познавши доброе, верное а цнотливое въ ее паненъстве захованъе ку собе, иж она, малъжонка моя милая кнегиня Ганна Тихновна Хомековича, яко зацного отца и поцтивое матки своее, вышла, ни въ чомъ стану а особы паненъства своего не нарушила, але все то, што доброе а цнотливои паненъце належало, мнѣ в станъ святобливый малъжонский принесла и оказала; а так я, познавши по неи, малжонъце милои княгине Ганъне Тихновни Хомековича, такую верность, уцтивое захование ку собе, а будучи тому вдячонъ, и с тое вдячности моее родичомъ ее, отцу и матце, велъце подякование мое вчинил, а малжонъце моеи милои даю, дарую и записую двѣсте золотых червоных угорских на имению моемъ лежачом ..... *(пропускъ)*. Мають и повинъни будуть дѣти наши, если ми ихъ Пан Богъ з нею дасть мети, або кревные, повинъные и близкие мои тую суму двѣсте золотых червоных малжонце моеи милои княгине Ганъне Тихновны Хомековича оддати и заплатити, яко властного дару моего мають, а ни которыми причинами, так правными, яко и неправными, того отбивати не мають. И на то даю малжонце моеи милои княгине Ганне Тихновне Хомековича сесь мой лист обрадованый, под моею печатю и с подписом руки моее влосное и тежъ под печатми и ведомостю

их милости пановъ а приятелъ наших: его милости пана Михайла Малинского, маршалка его кролевское милости, а пана Яна Монтовта Коблинского, а пана Григоря Еловича Букоемъского, бирчого господарского повѣту Луцкого, а пана Андрея Лаща Стрымилецкого, а пана Фронца Круша, а пана Антона Яловицького. Писан у Смордвѣ, лета Божего нароженъя тисеча пятсотъ семдесятого, месяца генвара двадцать третего дня. Станиславъ Войничъ Воронницкий зе Збаража, власная рука".—А такъ я тое доброволное и очевистое зознане его милости князя Станислава Войнича Воронницкого зе Збаража и листъ его милости обрадованый, с початку ажъ до конца, слово в слово, до книгъ кгродскихъ вписати казалъ.

Книга гродск. Луцк. 1570 г., № 2044, л. 42.

LVIII.

Предбрачное условіе п. Василія Петровича Загоровскаго, заключенное имъ съ княгинею Ганною Чорторыйскою относительно его женитьбы на дочери ея, княжнѣ Катеринѣ. 1570 года, марта 30.—Заявленіе княгини Чорторыйской о неявкѣ п. Загоровскаго къ условленному дню для совершенія брака. 1570 года, октября 17.

Лѣта Божего нароженя 1570, месеца октебра 17 дня.

Приподчи на вряд его кролевское милости замку господарского Луцъкого, перед мене Ивана Хрыбтовича Богуринского, подстаростего Луцкого, пан Остафей Горностаевич, воеводич Новгородский, зять велможное кнегини ее милости Ивановои Чорторыйскои кнегини Ганъны Кузминъны Жеславского, именемъ от ее милости кнегини Ивановое Чорторыйское, тещи своее, тыми словы

оповедалъ: „ижъ дей которую умову и постановене ее милость кнегиня Ивановая Чорторыйская, теща моя, вчинивши съ паном Василемъ Загоровскимъ, маршалкомъ его кролевское милости, городничимъ Володимерскимъ, и рокъ ведлугъ змовы и описовъ, з обу сторонъ на себе даныхъ, приняли были, яко на рокъ певный, день недели прошлое месяца октябра пятогонадцать дня, непохибне ку выданю девки своее в станъ малжонский за его милость, кнежъны Катерины, на который то рокъ принятый и зложоный, въ неделю.....*) еи милость княгиня теща..... ожидаючи с приятелями своими приеханя паня Василя Загоровского в домъ свой а выданя ее милости кнежъны Катерины, девъки своеи, за его милость, водле пошлюбеня и приреченя и запису своему досыть чиненья, а панъ Василей дей Загоровский, не ведати, для которое причины, пошлюбеню и приреченю ее милости, запису своему, досыт вчинити и на тот рокъ зложоный к веселю в домъ ее милости не приехалъ, толко дей ку великои шкоде и накладу ее милость привелъ". И тотъ листъ, записъ пана Загоровъского под печатю его властною и рукою подписаньемъ и печатми приятельскими, кромя однои его милости пана Михайла Ела, маръшалка его кролевское милости, не была приложена, покладалъ на вряде и оказывал, который в собе такъ ся маетъ: „Я Василей Загоровский, маршалокъ его кролевское милости, городничий Володимерский, сознавамъ симъ листомъ моимъ, кому бы треба того ведати, иж з воли и призреня Божого, а з намовы и порады пановъ приятелей моих, и тежъ за радою пановъ опекуновъ ее милости кнегини Ивановое Чорторыйское кнегини Ганны Кузминъны княжны Жеславское, а з волею ее милости самое кнегини Чорторыйское, змовилъ есми и пошлюбилъ въ стадло малъженское за себе девку ее милости кнегини Ивановое Чорторыйское кнегини Ганны Кузминъны Жославского, кнежну Катерину, и рокъ певный з ее

*) Точками обозначены мѣста истлѣвшія или совершенно выцвѣтшія въ актовой книгѣ.

милостью кнегинею Ивановою Чорторыйскою оному веселю на отдане девки ее милости кнежны Катерины за мене в станъ малъженский зложили и приняли: в року теперъ идучомъ семъдесятом, по святе греческого закону Покрове Пречистое светое у двухъ неделяхъ, то ест месяца октября пятогонадцать дня, в неделю; на который рокъ помененый и день маю я с прителми своими в дом до ее милости кнегини Ивановое Чорторыйское, до Клеваня, приехати и дѣвку ее милости кнежну Катерину, ведле обычаю и закону нашого хрестиянского, въ стадло малъженское за себе взяти, а ее милость, отдавши мнѣ дѣвку свою на оный рокъ вышей мененый у светое малженъство, з ласки своее таковый же посагъ и выправу з именей сыновъ своихъ, двѣ тисячи копъ грошей литовскихъ, яко и старшое дѣвъце своеи, ее милости кнежне Олене дала, дать обецат рачила, а я тежъ оправу напротивку внесеня дѣвъки ее милости на именяхъ своихъ отчизъныхъ и набытыхъ, водле обычаю права, оправити дѣвце ее милости кнежне Катерине обовязуюся. А естли быхъ я на тотъ рокъ, назначоный водле сего опису и застановенъя нашого, в дом ее милости кнегини Ивановое Чорторыйское, до Клеваня, кромя двох причинъ: хоробы своее, а служъбы господаръское земское, с приятелями своими приехати и оного веселя кончити не хотелъ и дѣвъки ее милости кнежны Катерины в малжонство за себе не взялъ, маю и повиненъ буду заруки заплатити ее милости кнегини Ивановои Чорторыйскои и дѣвце ее милости кнежне Катерине три тисячи копъ грошей, а шкоды и наклады, што бы ее милость для того мела, на реченъе слова ее милости буду виненъ; а заплативши оные заруки вышей мененые, такъ тежъ за шкоды и наклады ее милости досыть вчинивши, предся, водле пошлюбеня и сего опису моего, маю дочку ее милости кнежну Катерину за себе взяти, оправу напротивку внесеня ее милости на именяхъ своихъ, водле обычаю права посполитого, уделати. И на то далемъ ее милости кнегини Ивановои Чорторыйскои кнегини Ганьне Кузминича княжне Жославкои тот мой лист, под печатю моею и с подписомъ руки моее; а для леп-

шого утверженя того моего листу просилемъ о приложене печатей их милость пановъ а добродеевъ моихъ: пана Михайла Еловича Малинъского, маршалъка его кролевское милости, пана Ерофея Василевича Гостского, пана Гектора Кавачинского, старосты Олыцкого, отца Тимофея архимандрита Дорогобузского, пана Стефана Русина, коморника его кролевское милости, а пана Федора Калусовского; ихъ милость на мою прозбу то учинили и печати свои приложити рачили к сему моему листу. Писан у Клевани, тисяча пятсотъ семдесятого року, месяца марта тридцатого дня. Василей Петровичъ Загоровъский властною рукою."—И просилъ его милость пан Остафей Горностай именемъ ее милости кнегини Ивановои Чорторыйскои, тещи своеи, абы такъ листъ заручный, яко и листъ записный пана Василя Петровича Загоровского, для часу пришълого мовеня о то з нимъ у права, записано и до книгъ уведено было; якож тое оповедане, такъ и тот лист, слово в слово вычотши, до книгъ уписано, и выпис с книгъ ее милости кнегини Ивановои Чорторыйскои под печатю моею ест дан. Писанъ у Луцку.

Книга гродск. Луцк. 1570 г. № 2044, л. 537.

LIX.

Заявленіе п. Василія Загоровскаго о томъ, что онъ по причинѣ болѣзни не можетъ къ опредѣленному сроку прибыть въ м. Клевань для вступленія въ бракъ съ княжною Катериною Ивановною Чорторыйскою. Донесеніе вознаго, посыланнаго съ извѣщеніемъ о томъ къ матери невѣсты, княгинѣ Ганнѣ Чорторыйской. 1570 года, октября 18.

Року 1570, месяца октебра 18 дня.

Писалъ и посланца своего Богдана Беницкого присылалъ до мене Ивана Хрыбтовича Богуринского, подстаростего Луцкого, его милость панъ Василей Петровичъ Загоровский, маршалок его кролевское милости, городничий Володимерский, оповедаючи: иж што змовил его милост у святое малъженство за себе дочку ее милости кнегини Ивановое Чорторыйское, кнегини Ганны Кузминны Жеславского, кнежну Катерину, а обовязался дей его милость листом своим и под зарукою описал тую дочку ее милости на рок певный, месяца теперешнего октябра пятогонадцат дня, в неделю, у светое малженство от ее милости кнегини Чорторыйское за себе узяти, на который дей рокъ, опустивши его милост пилные справы господарские, ку ее милости ехати и девку ее милости, водълуг постановеня зъ ее милостю вделаного, у святое малженство за себе узяти готовался; нижли дей будучи его милость на сес час на здоровю своемъ хор и велми неспособенъ, съ приятелми своими в дом ее милости быти и тому постановеню своему про хоробу свою досыт чинити на тот рокъ не может. Якож на тое возный повѣту Луцкого панъ Богданъ Кнегининский з уряду замку Луцкого его милости пану маршалку даван былъ и ездил до его милости пана маршалка, а от его милости былъ въ Клевани, и с Клеваня опят в пана маршалка .... на вряде дня нинешнего в середу .... тыми словы вызналъ: ижъ дня недавно минулого в пятницу, месяца октебра третегонадцать дня, будучи мнѣ въ его милости пана Василя Загоровского, маючи при собѣ шляхъту людей добрых, земянъ

господаръских: пана Богдана Перекладовского, пана Станисълава Пресмыцкого, а пана Якуба Лесковского, во именю его милости Ставрове былемъ и его милость пана Загоровского хорого и на постели лежачого виделъ, а отътоль з Ставрова, за посланемъ его милости пана маршалковымъ, з листомъ князя старосты его милости Луцкого и з листомъ суду земского повѣту Луцкого, такъ же при мне з листом его милости пана маршалковымъ посланец его милости панъ Гневошъ Стахорский, и к тому маючи я при собѣ тых пановъ шъляхту: пана Перекладовского и пана Лесковского, того жъ дня въ пятницу до ее милости кнегини Ивановое Чорторыйское до Клеваня ездилемъ, ознаймучи ее милости о хоробе его милости пана Василя Загоровского и оповедаючи, же его милость с причины тое хоробы на тот рокъ, въ неделю..... и обовязку своего..... Чорторыйское..... дочки ее милости княжны Катерины за себе от ее милости у святое малжонство взяти не можетъ. Ее милост кнегини Чорторыйская на он час яко посланца пана Загоровского и лист его милости, также врядовые листы о ознайменю хоробы пана Загоровского, ку ее милости писаные, от мене принявши и ихъ прочитати перед собою казавши, а копею з них от мене под печатъю моею и съ подписом руки взявши, тыми словы повѣдила: „Иж кгды пан Загоровский, водлуг постановеня и записов, межи нами даных, про хоробу свою на тот рокъ, на который я отдати его милости дочку мою в малжонство была готова, ко мне в домъ мой с приятелми своими быти и дочъки в малжонство за себе възяти не может, тогды его милост кром тъвоее милости, пане возный и панове шъляхта, листом своим, давши мне о тое хоробе своее ведати, могъ бы то отправити, а хотя бы его милость и хор, чого его милости не зычу, в мой дом приехал, тогды бы его милости вшелякий вчас в дому моемъ вчинен был."—Потом, отехавши мнѣ возному от ее милости кнегини Чорторыйское с именя, былемъ есми с тою ж шъляхтою, паномъ Перекладовскимъ и паномъ Лесковскимъ, въ его милости пана Василя Загоровского дня оногдашного, в неделю, в именю

его милости Ставрове, и там теж в Ставрове хорого его милость видели есмо. Якожъ и шъляхта пан Богданъ Перекладовский а панъ Якубъ Лесковский, стамтол приехавши, на вряде в замку господарском Луцкомъ передо мною то жъ, яко возный, вызнали: же якъ пана Загоровского в пятницу хорого видели, такъ и в кнегини Чорторыйское при поданю тых листов урядовых будучи, то жъ, што и возъный зезнал, от кнегини Чорторыйское слышели, а потом и в неделю оногдашънего дня его милость пана Василя Загоровъского хорого в именю его милости Ставрове видели.—Которое ж оповедане его милости пана Василя Загоровского и сознане возного и тыхъ шъляхты вышей мененых, за прозбою его милости пана Загоровского, через листъ и служебъника его милости Богдана Беницкого покорне въчиненою, до книг кгродских ест записано.

Книга гродская Луцк. 1570 г., № 2044, л. 546 об.

LX.

Заявленіе князя Якова Андреевича Четвертенскаго объ условіяхъ предбрачнаго договора, заключеннаго имъ съ матерью его невѣсты п. Богданою Гораиновою. 1570 года, іюня 19.

Лѣта Божего нароженъя 1570, месяца июня 19 дня.

Постановившися очевисто на вряде его королевское милости в замку Луцком, передо мною Иваном Хребтовичем Богуринским, подстаростомъ Луцкимъ, князь Яковъ его милость Андреевичъ Четвертенский оповедалъ и доброволне до книгъ кгродскихъ тыми словы созналъ: „иж дей змовил есми за себе в малженство дочку панее Федоровое Гораиновое панее Богданы Мосѣевны панну Ган-

ну, с которокомъ и шлюбъ з нею бралъ, и тому веселю и рок есмо певный а ничимъ неотменный з обу сторонъ зложили, то ест на семую суботу в року прийдучом 1571. А где бых на тот рок менованый семую суботу в року 71 тое дочки панее Гораиновое панны Ганны за себе в малженство взяти не хотелъ и якими колвекъ причинами с того ся вымовлялъ, тогды маю и повинен буду заруки заплатити господару королю его милости полтораста копъ грошей. Якожем заразомъ теперешнего часу наперед взяломъ посагу в панее Гораиновое готовых пенезей сто и семдесят копъ грошей личбы литовское, в которое суме пенезей вышей менованой сту и семидесятъ копах грошей, выкупивши имене свое властное, ничимъ не пенное, в пана Петра Хомяка Смордовского, то ест на имя Боровичи, зо всим на все, так яко ся тое имене менованое в кгрунте, в границах, в межах и обыходех своихъ з давныхъ часов маеть, ее милости панеи Гораиновои есми до того року и дня вышей менованого семое суботы заставилъ, в моц и держане ее милости подал и поступилъ, а при отданю дочки своее панны Ганны за мене в малженство маеть мнѣ зась пани Гораиновая тое имене мое Боровичи до рук моих отдати и поступити, не беручи в мене тое сумы пенезей ста и семидесят копъ грошей. А чого Боже уховай на мене до того часу смерти, тогды тое имене мое Боровичи пани Гораиновая держати и вживати маеть, ажъ поки тая сума пенезей сто и семдесятъ копъ грошей панеи Гораиновои отъ брати, або близких кровных и повиноватых моих вся сполна отдана и заплачона будет. А кгдыбы теж на дочку панее Гораиновое панну Ганну до того ж року вышей менованого Панъ Богъ час смертелный допустити рачил, тогды я тую суму пенезей сто и семдесятъ коп грошей панеи Гораиновои отдати а тое имене свое Боровичи въ ее милости до рук своих взяти маю. Ку тому теж естли бы на тот рок менованый семую суботу в року прийдучомъ 71-мъ дочки своее пани Гораиновая за мене в малженство отдати не хотѣла, тогды я маю тое имене свое Боровичи въ ее милости без жадных пенезей взяти“.—И просилъ его

милость князь Яковъ Андреевичъ Четвертенский, абы то было записано. А такъ я тое очевистое оповедане, доброволное сознане его милости до книгъ кгродских записати казалъ.

Книга гродск. Луцкая 1570 г., № 2044, л. 316.

LXI.

Вѣновная запись князя Якова Четвертенскаго, выданная имъ женѣ своей Ганнѣ Гораиновой въ обезпеченіе принесеннаго ею приданаго. Обязательство мужа относительно возвращенія приданаго родственикамъ жены въ случаѣ бездѣтной ея смерти. 1570 года, ноября 12.

Лѣта Божего нароженя 1570, месяца ноябра 17 дня.

Пришедши и постановивъшися очевисъто на въряде его королевское милости, в замку Луцкомъ, передо мною Иваномъ Хребтовичомъ Богуринскимъ, подстаростимъ Луцкимъ, князь Яков Андреевич Четвертенский оповедал и доброволне до книг кгродских тыми словы сознал.... и лист свой передо мною на вряде покладалъ, просячи, абы былъ вычитанъ и в книги кгродские вписан; который лист так ся въ собе мает: „Я Яков Андреевич Четвертенский вызнаваю тымъ моимъ листомъ кождому, кому то потреба будеть ведати або чтути его слышати, иж з воли Божое и порады их милости приятелей моих ласъкавыхъ и дозволенемъ кнегини матъки моее, възялъ есми в малъженство светое дочъку у ее милости панее Федоровое Горяиновои Богданы Мойсеевны панну Ганъну, по котором взялъ есми вена триста копъ готовыхъ грошей, а сто копъ въ золоте, в серебъре, въ шатахъ; а такъ, дознавъши ее до себе вь панепъстве прихильную и въмиловавъши ее, яко малжонъку мою, ведаючи добре, ижъ кождый чоловек водлуг

обычаю права посполитого и статуту земского жоне своеи оправу чинити мает, а так теж я маючи именья свои отчизные от брата моего в каждом местцу наполы в частях нашихъ, то естъ в Боровичох, в Голузее, въ Яровицы, што на мене ровным деломъ от брата зостанет, и к тому што бых колвек прикупити, набыти, албо яким колвекъ обычаем або правом прирожоным спасти а достати мело, а так я с тых именей всих своих, што мне на делу от брата моего зостанет, и што бых к тому достати мел, вынемши з двух частей третю част, на третей противко того вена ее даю и записую жоне моеи панее Ганъне Гораиновне семъ сотъ копъ готовых грошей; волна будет тую третюю част именей моихъ отчизныхъ держати и вживати и в тои суме за живота моего и по животе моемъ в семи сот копах грошей заставити, дати, даровати и записати тую суму пенезей кому похочет; а близкие мои так брат, яко и сестры, и хто колвекъ с повинных моихъ, в тую третюю част, не отдавши тое сумы вышей помененое жоне моеи, або тому, кому бы она даровала, записала и тотъ лист мой записный дала, нихто ничим ся не маеть уступовати. А еслибы, чого Боже уховай, на жону мою смерти, не сплодивши зо мною деток, тогды я повинен буду вѣна чотыриста коп грошей панеи Федоровои Гораиновои, албо детемъ ее милости заплативши, або в дом ее милости и потомком ее милости вернена тая сума пенезей быти мает. А еслибы мне Пан Бог зъ нею плод дати рачил, тогды дети мои в тую третюю част именя моего вступовати, не отдавши тое сумы пенезей семи сотъ коп грошей, до живота ее не мают, а по животе своем волна она будет кому хотячи тую всю сполна суму пенезей сем сот коп грошей записати, отдати, даровати, а дети мои або хто колвекъ з брати и повиноватых моих гдыбы мели чим колвек в оную, не отдавши сполна тое сумы пенезей, уступовати або чим колвекъ тот записъ мой нарушити, тогды я самъ и кождый таковый повиненъ будетъ заруки заплатити полчетверта ста копъ грошей, а жоне моей албо тому, у кого сес мой листъ будетъ, другую полчетверта ста коп грошей, к тому шкоды и на-

клады на речене слова без жадного доводу заплатити и нагородити повиненъ буду; а заплативши заруки, так теж за шкоды наклады на реченя слова нагородивши, предся тот лист мой у кождого праза мает моцно захован и держан быти. И на том дал сесь мой лист, под моею печатю и з подписом руки моее влостное. А при том были и того добре сведоми ихъ милост панове приятели наши: пан Андрей Львович Свищовский, пан Андрей Коровай Селецкий, пан Иван Волынец, а пан Ян Грушецкий. И просилом их милости о приложене печати; их милость на прозбу мою учинили и печати свои приложили къ сему моему листу. Писан у Олыце, лета Божого нароженя тисеча пят сот семдесятого, месяца ноябра второгонадцат дня. Яков Четвертенский власная рука."—А так я тое очвистое оповедане, доброволное сознане и лист князя Якова Четвертенского слово от слова, с початку аж до конца, до книгъ кгродскихъ записати казал.

Книга гродск. Луцк. 1570 г. № 2044, л. 583.

LXII.

Запись княжны Ганны Матвѣевны Четвертенской объ условiяхъ миролюбиваго соглашенiя ея съ невѣсткою, вдовою по умершемъ братѣ ея князѣ Янушѣ, княгинею Богданою Четвертенскою, относительно обезпеченiя вѣна послѣдней, совмѣстной уплаты долговъ покойнаго и раздѣла родовыми его имѣнiями. 1570 года, iюня 27.

Лѣта Божого нароженя 1570, месяца июля семого дня.

Постановившися очевисто на вряде его королевское милости в замку Луцкомъ, передъ врядомъ зуполнымъ кгродскимъ Луцкимъ, передо мною Иваномъ Хребтовичемъ Богуринскимъ, подстаростимъ

Луцкимъ, а передо мною Титом Хомякомъ, судею кгродскимъ Луцкимъ, ее милост кнежна Ганна Матфеевна Четвертенская оповедала и доброволне до книгъ кгродских ку записаню тыми словы сознала:....*) на што и листъ свой вызнаный на вряде передъ нами покладала, просячи, абы былъ вычитанъ и в книги кгродские записанъ; который листъ так ся в собе маетъ: „Я Ганна Матфеевна Четвертенъская ознаймую то симъ моимъ листомъ, кому того будетъ потреба ведати, або чтучи слышати. Што дей з воли Божое, по несчастю моемъ, зоставшися мнѣ по его милости князю Матфею Четвертенскомъ, отцу моем миломъ, и з братом моимъ милымъ княземъ Янушемъ Четвертенъскимъ при матухне, еи милости кнегини Матфеевои Четвертенъскои кнегини Овдоти з Ваганова, якожъ его милост князь Янушъ Четвертенъский, братъ мой милый, две части именъя отчизны своее, и моее части четвертое, подле права на мене у вени посагу моего прислухаючие, до рук и держанъя своего взявши, держалъ, не давъши мнѣ никоторое выправы вена, посагу ани выхованъя съ четвертое части именя отчизъного; потомъ, подле закону нашого хрестянского, понялъ за себе в стадло малженское з дому зацного его милости пана Ивана Чаплича Шпановского, войского земли Волынское Луцкого, дочъку небожчика пана Василя Семашка, судьи Луцкого, панну Богдану, по котори взявши выправу в золоте, в серебре, в шатах и иных рухомых речах, которыи по отцу ее небожчику пану Семашку спали, на што князь Янушъ, братъ мой, и листъ свой вызнаный пану Ивану Чапличу дал; такъ тежъ именя влостные отчизные: Подрежъ с приселки к нему належачими, Стугу в Литве, взявши до рук своих, держалъ и их вживалъ, также и тые речи рухомые ку потребе своее оборочал, а в тых часех зъ воли и допущченя Божого з того света зышолъ, а малжонку свою милую и нас, кревных своих, в смутку и жалости оставилъ на именю Четвертенскимъ, отчизны своее и моее. Якожъ ее милость кнегиня Янушовая Четвер-

---

*) Слѣдуетъ буквальное повторенiе записи. *Ред.*

тенская кнегиня Богдана Василевна Семашковна при теперешнимъ часу, перед погребомъ, оповедала, ижъ то вырозумела, с повести жон старых статочныхъ, быт в животе своемъ початое и залеглое потомство от его милости князя Януша Четвертенъского, малжонка своего а брата моего милого. А иж яко четвертая част всего имени отчизного, по отцу нашом князю Матфею Четвертенскимъ на мене припалая, такъ и тые части именя, на князя Януша брата моего милого прислухаючие, в небытности потомка его милости на мя подле права прирожоного припалые, еи милость княгиня Янушовая Четверътенская Богдана Семашковна, зоставшися по малжонъку своемъ на вдовем столцу, з рухомыми речами держала, а такъ я в тых всих речах, яко о четвертую част именя, на мене правом прирожонымъ прислухаючую, так и о части именя брата моего милого и о посагъ ее зъ ее милостью кнегинею Янушовою Четвертенъскою кнегинею Богданою Семашковною не хотечи заводити и якие розницы мети, а до права ся позывати, толко приятелски згодливе, черезъ пановъ приятелъ нашихъ полюбовных в томъ наложити, назначивши часъ и рокъ певный ку тому, до места господарского Луцкого, въ домъ пана Михайла Малинского, войтовский, сего дня, то естъ месяца июня двадцат семого дня, року Божого нароженя тисеча пят сот семдесятого, с приятели нашими зъехали, маючи я лета зуполные и могучи именемъ своимъ ку своему пожиточному шафовати, вгодливымъ обычаемъ межи собою застановили: иж я, з волею и ведомостю, радою ее милости матухны моее милостивое, кнегини Матфеевое Четвертенъское кнегини Овдоти з Ваганова, также брати и приятелъ наших сполных, за вено посагу ее милости кнегини Янушовои Четвертенскои Богданы Семашковны, которое за речи рухомые и за держане, вживанъе именей ее влосных брат мой учинити мел, сама ся доброволне обовезую, ижъ если бы ее милость кнегиня Янушовая Четвертенская власного потомка князя Януша Четвертенского, брата моего, не мела, тогды яко влостный долгъ рукоданый ее милости кнегини Янушовои Четвертенскои тисячу копъ грошей личбы литовское, то

ест полтрети тисечи золотых личбы полское, заплатити маю, а в тои тисячи копах грошей литовских поступилам и подала в моцъ ее милости кнегини Янушовои Четвертенскои Богдане Семашковне, невестце моей милои, имене по брате моем спалое, двор Яровицу с пашнями дворными, з бояры, з людми, с приселки, меновите: село Сокиричи, село Чолница, село Озеро, к нему належачими, зо всею дедичностю кгрунту земленого, к тымъ именямъ належачого, якъ колвекъ названъ, поменен быти может; также з ставы, з озеры и з реками. Маеть ее милость седети на вдовемъ столцу на именях: дворе Яровици, з всимъ по тому, яко ся само в собе в границах мает, и на селе Сокиричах, и селе Чолницы, и Озери, до тых часов, поки ее милост в стадло малженское пойдет. А коли ее милост замужъ пойдет, тогды я повинна буду первей ее милости тисячу копъ грошей личбы литовское, то есть полтрети тисячи золотых полских личбы заплатити, тож тое имене Яровицу з селы вышей менеными к рукамъ своимъ взяти; а не отдавши сумы вышей мененои, именя Яровицы братъ от ее милости аж до отданя сумы, переказы жадное чинити не маю; а рухомые речи вси, по его милости князю Янушу Четвертенскомъ зосталыи, якъ колвекъ названы быти могутъ, мают при ее милости зостат, того я на еи милости поискиват и ку праву ее милости о тое позывати не маю вечными часы. А кгды ее милост замуж пойдет, тогды, не будет ли потомка, маю я ее милости тисячу коп грошей заплатити, а тые именя свое отчизные Яровицу зо всем из приселки, яко ся вышей поменило, до рук своих взяти и держати, яко власност маю; а если ее милость кнегиня Янушовая потомка брата моего мети будетъ, тогды, хотя бы и замуж пошла, я ее з именя Яровицы скуповати не маю: мает держати ажъ до летъ потомка брата моего; а я на именях отчизных, Четвертни и всих селах и приселках замку именя Четвертенского, так у четвертои части на мене ведле права моего прирожоного прислухаючое, якъ и в двох частех именя брата моего милого князя Януша Четвертенского спадкового седѣти, держати и вживати маю. А кгдыбы оного потомка

невестка моя, што оповедала, фортунне, з ласки Божое, доносивши, мела, тогды тое дитя, сын або дочка князя Януша Четвертенского, доросши лет своих, маетъ мне четверту част зо всих именей отчизны нашое, у вене посагу, подле права моего прирожоного, на мене прислухаючую, мнѣ выделити и за все досыт вчинити, тож тые части именя Четвертенского сел, приселков, к рукам своим, яко отчизну, взяти, держати мает; а не выделивши мнѣ тое части четвертое именей отчизны моее, не мает мене с тых именей, сел и приселков Четвертенских, никоторыми причинами рушити и стискати, ани которыми причинами правными и неправными у то уступовати, перекезы и поволоки чинити не мает; а хот бы тежъ и потомок былъ, тогды и тот, не доросши лет своих зуполных, подле права и статуту, и не выделивши мнѣ четвертое части и не вчинивши мнѣ за все досыт, мене зо всего именя Четвертни и всех селъ и приселковъ к нему прислухаючих, которые я за сим постановенемъ, то ест четвертую част за вено, посагъ, такъ и части по брате моемъ спалые, держати и вживати буду, стискати и скуповати и того в мене з моци брат он самъ и нихто не мает, ани мочи будет. А привиля, листы вси на вси именя отчизные, мают при мнѣ, именю головномъ Четвертни зостати, списавши на реестра под печатми приятел и нас самых. А што ся дотычет долговъ небожчика князя Януша Четвертенского, брата моего милого, которые ся по его милости на квитех и листех его милости и без листов людем шляхетским и купецким зостали, то ест меновите: пану Федору Рудецкому долгъ на одном квите сто копъ грошей личбы литовское, а на другомъ двадцат копъ грошей; а панеи Туровои панее Томиле Ванъковне з Лагодова сто и десять копъ грошей личбы литовское; Миску Клавши триста копъ и шестдесятъ копъ грошей; пану Петру Киселю осмъдесят копъ грошей,—то все чинит шестсотъ копъ грошей и деветъдесят копъ личбы литовское; а так тую шестсот копъ грошей розняли есмо водле важности именя: я Ганна Четвертенская з именя Четвертни маю заплатити две части долгов, чотыриста и шестдесятъ коп грошей личбы ли-

товское, а ее милость княгиня Янушовая Четвертенская Богдана Василевна Семашковна з имени Яровицкого третюю част долговъ заплатити мает, двесте копъ грошей и тридцат копъ личбы литовское, и такъ есмо постановили межи собою, хто кому долги платити мает: я Ганна Матфеевна Четвертенская вышей мененый долгъ Миску Клавъши заплатити маю и высвободити аренду, то ест лист записный его милости князя Януша Четвертенского, брата моего, ему даный, с печатми и подписми рукъ князя брата моего и малжонки его милости, которым ему был записалъ и арендовалъ ставъ на три спусти во имени малжонки своее Подреж(у) и тую аренду, за платою певною або листомъ своимъ Миску Клавъши записавши ся, высвободит и кнегини Янушовои, невестце своеи, отдати маю и так то заступити, яко бы княгиня Янушовая Богъдана Семашковна вже о то позывана отъ Миска Клавъши и о шкоду приправена вечне не будетъ; к тому заплатити пану Петру Киселю осмъдесят копъ грошей; а княгиня Янушовая мает заплатити пану Федору Рудецкому сто и двадцат копъ грошей, а панеи Туровои Томиле з Лагодова сто и десят копъ грошей, и то обваровати зараз маетъ, яко бы я о то позывана и о шкоду и накладъ приправена не была. Кгды ее милость княгиня Янушовая Четвертенская, не мевши потомка князя Януша, брата моего, в стадло малжонъское пойде, ино на тот час яко тисечу копъ грошей заплатити, так и тую двесте и тридцать коп грошей заплатитъ, што еи милость за долгъ князя Януша, брата моего, заплатила, ей маю заплатити а готовыми грошми отдати; а не заплативши тисечи копъ грошей вена посагу и двох сот и тридцати копъ грошей, небожчика князя Януша Четвертенского долгу должником заплаченого, не маю я сама, так тежъ и малжонокъ мой, если ми его Богъ даст, в тое имене Яровицкое, села, приселки и вси пожитки малые и великие, уступовати и никоторое переказы правнымъ и неправным обычаем чинити; а я також маю имене Четвертенъское зо всеми селы, приселки и всякими пожитки в томъ долгу чотырох сот копъ и шестидесятъ коп грошей долгу небожчика князя

Януша Четвертенского держати и вживати; а естли бы потомокъ князя Януша Четвертенского, з ласки Божое, былъ, тогды, не доросши летъ своих и не выделивъши мнѣ четвертое части зо всих имений наших отчизных вена, посагу моего, и не вчинивъши мнѣ досыт и не заплативши тых чотырехъ сотъ копъ и шестидесят копъ грошей долгу небожчика князя Януша Четвертенского, брата моего милого, подле квитов и листов его милости, не мает ся в имения Четвертенские во вси села и приселки имений отчизных вступовати и никоторое перекавы чинити правнымъ и неправнымъ обычаемъ. А если бы, кромъ сихъ теперешних образованых долговъ и списаныхъ, о которых мы вже болшъ не ведаемъ ку заплате, хтожъ колвекъ о долгъ князя Януша Четвертенского мелъ насъ ку праву позвати а што правне зыскати, тогды тот долгъ такимъ же обычаемъ маемо платити: ее милость княгиня Янушовая Четвертенская з именья Яровицкого третюю часть, а я з имения Четвертенского две части; а заплативши тогды тот долгъ, на именяхъ частехъ князя Януша Четвертенского з обу сторонъ до заплаты тыхъ всех сумъ вышей писаных, я на имени Четвертенскомъ, а княгиня Янушовая на Яровици, до заплаченя от потомка мети маем. А сее теперешнее постановене и угоду нашу маемъ и повинъни будемъ по погребе князя Януша, приехавши третего дня, на вряде замку его королевское милости Луцкого оповедати, до книгъ вызнати и записати дати, а подле сего постановенья, вгоды, доброволного зезволеня нашого сполного маю и повинна буду твердо а неотменно во всих описаных артыкулех сесь лист мой записный держати и полнити вечными часы, с того листу и опису моего ничимъ не выступуючи. А естли бым я, Ганна Четвертенская, або матухна моя милая, с котороим позволенем то все чинила и сесь запис на себе дала, также и малжонок мой, коли ми его Богъ дасть, чимъ колвек з сего постановеня выкрочили правнымъ або неправнымъ обычаемъ, а имене Яровицу, дворъ або и села вышей менѐные, к нему прислухаючие, з моцы княгини Янушовои або малжонъка ее, если его Богъ даст, также и хто

то за злеценемъ от нее держати будетъ, и не отдавши ее тисячи копъ грошей личбы литовское, также и тое сумы, яко на третюю часть долговъ брата моего а мужа своего платити будет, отнимали, або якую переказу в держани и вживани чинили, тогды повинна буду ее милости княгини Янушовои Четвертенскои Богдане Семашъковне, яко стороне образконои, заруки яко певного долгу заплатити три тисечи копъ грошей личбы литовское и досытъ учинити маю.... а заплативши тые заклады, тогды предся.... постановене, вгода и еднане наше.... повинна буду водлугъ сего листу моего держати, полнити. И на то есми, з ведомостю и волею матухны моее милое ее милости кнегини Матфеевое Четвертенское кнегини Овдоти з Ваганова, дала ее милости княгини Янушовои Четвертенскои сесь мой лист, с печатю ее милости кнегини матки моее и з моею печатю и с подписомъ власное руки моее. А при томъ были и того добре сведоми ихъ милость панове приятеле наши, и за прозбою моею къ сему моему вызнаному листу печати свои приложити рачили: его милост панъ Михайло Еловичъ Малинский, маршалок господарский, пан Григорей Гулевичъ, хорунжий земли Волынское, пан Василей Гулевич, войский Володимерский, пан Андрей Русинъ, нареченый владыка Пинский и Туровский, панъ Станиславъ Кграевский, князь Яковъ Четвертенский, панъ Дмитръ Яловицкий, панъ Иванъ Хренницкий. Писан в Луцку, лета Божого нароженя тисяча пят сотъ семдесятого, месяца июня двадцат семого дня. Ганна Матфеевна Четвертенская, власная рука.“—А так мы тое очевистое оповедане, доброволное сознане и лист княжны Ганны Матфеевны Четвертенское, слово от слова, с початку аж до конца, до книгъ кгродских записати казали.

Книга гродск. Луцк. 1570 г., № 2044, л. 360.

LXIII.

Заявленіе, подтвержденное формальною записью, п. Богдана Хренницкаго и новобрачной жены его, княжны Олены Андреевны Козѣчанки, о полученіи ими сполна приданаго отъ брата послѣдней, князя Дмитрія Козѣки и о формальномъ отреченіи ея отъ наслѣдственныхъ правъ на четвертую часть родовыхъ имѣній. 1570 года, октября 24.

Лета Божого нароженя 1570, месяца ноябра двадцатого дня.

Передо мною Иваном Хребтовичом Богуринским, подстаростим Луцким, пан Богдан Хренницкий, весполок з малжонкою своею панею Оленою Андреевною Козечанкою, постановившися в замку Луцком обличне, оповедали: „иж дей ся есмо описали листом своим князю Дмитру Андреевичу Козеце, иж есмо сегодня мели, постановившися тутъ на вряде кгродском, я Богдан сознат мел, иж есми увесь посаг сполна от князя Дмитра Козеки по сестри его а малжонце своеи Олене Козечанце не толко с части четвертое именя, которая бы на неи приходит, ведле обетницы князя Дмитровы, мела, але и болшей до рукъ есми своих взял, на што есми и листы тои малжонце своеи Олене Козечанце, противко того внесеня еи записуючи на части именя своего, з волею и ведомостю отца своего подавал; так теж и малжонка моя Олена сегодня ж мела то тут на вряде вызнати, иж еи сполна увес посагъ от брата ее князя Дмитра дошол, и мела ся четвертои части именя отчизного выречи. Нижли иж князя Дмитра Козеки тут на вряде не вижу, который того сознаня и выреченя нашого дозрети мел, варуючи то, абых у обовязки або в заруки князю Козеце не попали, подлуг квита того, которым есми с того внесеня малжонки моее Олены квитовал, сознаваю, ижъ посаг малжонки моее княжны Олены увес сполна, не толко ведле обетницы, але и болшей, от князя Дмитра Козеки, шурина моего, до рук моих дошол, против чого я, з волею отца своего, на части именя своего, которое ми ся з розделку от брати моеи остат мает, записал и листы тые до

рукъ малжонце своеи есми отдал". А пани Богдановая Хренницкая, тут же стоячи, заразом сознала: „иж дей ми ся от брата моего князя Дмитра Козеки с четвертое части именей отчизны нашое не толко ведле обетницы его милости досыт стало, але и болшей ми его милость дал, кром матухны моеи милои, и для того ся вже вырекаю части четвертое всеи отчизны моеи, которая бы одно мела на мене с поровнаня або шацунку приходити".—А потом, скоро то их милость вымовили, зараз постановившися служебник князя Дмитра Козечин Грицко Михайлович поведил: „иж дей хотя пана моего самого тутъ нѣтъ, але дей мене для того тут прислал, прислуховати того вызнаня вашей милости; я дей тое вызнане от вашей милости приймую". И показал лист пана Богдана Хренницкого, которым пан Богдан князя Козеку, пана его, з того квитовал. И просил тот Грицко, абы и тот лист до вызнаня их слово отъ слова был уписан, который я листъ зараз перед собою читати в голос казалъ, и такъ ся в собе маеть: „Я Богдан Михайлович Сватковича Хренницкий чиню явно и сознаваю тым моим листом кождому, кому того потреба была ведати або чтучи его слышати, нинешнего веку людем и напотом будучим завсегды, иж што з воли Божое и за радою а позволенемъ его милости пана отца моего милостивого понял есми за себе в малженство дочку ее милости кнегини, кнегини Андреевое Козечиное Настаси Кирдеевны, а сестру его милости князя Дмитра Козеки, княжну Олену Андреевну Козечанку, по которое есми взялъ от их милости посагу так готовизною, яко достаточною выправою, с четвертое части отчизны его милости князя Козеки, на штом лист свой малжонце своеи милои панее Олене особливый дал; и потребуючи его милост князь Дмитрей, шурин мой, по нас, абыхмо его квитовали, же нам вся выправа с четвертое части зъ отчизны именей его милости, водле права и статуту, достаточне дошла, нижли ижъ малжонка моя тепер, пошедчи за мене, так прудко печати своее не мела, абы мела восполок зо мною брата своего с того квитовати, але просила мене, абых я за нее ручил; про то я обе-

цую и печатю своею за малжонку свою милую Олену Козечанку ручу, иж маем от даты ведле листу моего за чотыри недели, то ест въ року теперешнем семдесятом, месяца ноября двадцатого дня, в замку Луцком, на вряде кгродском ставши, яко я самъ сознати, иж есми увес сполна посагъ от князя Дмитра, шурина своего, по малжонце своеи взял, так и малжонка моя Олена то сознати мает, иж не толко такий посагъ от брата своего, выправу зъ отчизны взяла, який бы на нее с четвертое части отчизны князя Дмитра, шурина моего, приходилъ, але и больщей, мает ся тамже на вряде городовом с четвертое части отчизны своеи выречи. А если быхмо яко я, так и малжонка моя, тому опису моему досыт не вчинили и чим колвек его не выполнили и тымъ ку шкоде, трудности або и накладом его милость князя Дмитра Козеку приправити мели, то повиненъ буду господару королю его милости заруки заплатити пят сот копъ грошей, а заплативши тыи заруки, предся тому обовязку и поруце моей во всемъ досыт чинити буду повинен. Нижли, чого Боже уховай, на тот рокъ на которого з насъ одного, албо обоих особ хороба, а также если-бы служба короля его милости якая мене зашла, тогды мы, хотя на тотъ рокъ, въ семъ листе нашомъ вышей помененый, тое речи до вряду не сознаемъ, тогды заруки платити князю Козеце не буду повиненъ, але по выздоровеню з хоробы, албо по служба короля его милости, маем за две недели то на вряде сознати, под тыми жъ обовязки вышей описаными, и на тот же часъ я буду повиненъ вписати до книг городовых запис мой, который есми малжонце моей дал на двадцат сот копъ грошей позычоных; которое сознане наше на вряде городовом в Луцку волно будет князю Дмитру до книг земских, яко в Луцку, так у Володимери, перенести. И на том есми дал его милости князю Дмитру Козеце сесь мой лист з моею печатю и с подписом властное руки моее; а при томъ были и того добре сведоми их милости панове а приятели наши: велможный пан Петръ Богданович Загоровский, маршалокъ его кролевское милости, который был приехалъ, за прозбою пана отца

моего милостивого, за листом его милости, место особы отца моего на веселе мое; князь Александръ Вишневецкий, князь Миколай Ярославовичъ, князь Янушъ Збаражский, панъ Андрей Ласчъ, панъ Станиславъ Кграевский, панъ Жданъ Коиленский, пан Ян Рудигир, а пан Миколай Палуский; которые их милост, за прозбою моею, печати свои приложити рачили къ сему моему листу. Писан в Замличах, лета Божого нароженя тисяча пят сот семдесятого, месяца октебра двадцат четвертого дня. Богдан Хренницкий властная рука".—А такъ я тое очевистое оповедане, доброволное сознане пана Богдана Хренницкого и малжонки его панее Олены Андреевны Козечанки, так и оповедане служебника князя Козечина Грицка Михайловича, и тот лист менованый пана Богдана Хренницкаго, слово от слова, с початку ажъ до конца до книг кгродскихъ Луцкихъ записати казалъ.

Книга гродская Луцкая 1570 года, № 2044, л. 584 об.

LXIV.

Жалоба подсудка земскаго Владимірскаго Гаврила Яковицкаго на жениха своей дочери п. Григорія Киселя о неявкѣ въ условленный срокъ для совершенія брака. 1570 года, ноября 7.

Лета Божого нароженья 1570, месеца ноябра семого дня.

Оповедалъ и жаловалъ мнѣ, Павлу Григоревичу Оранскому, на тотъ часъ будучому подстаростему Володимерскому, панъ Гаврило Ивановичъ Яковицкий, подъсудокъ земъский повѣту Володимерского, на пана Григорья Гневошевича Киселя, штожъ дей онъ року прошлого шестъдесятъ девятого, месеца генвара пятого дня

змовилъ в мене за себе в малженъство дочку мою Ѳедору и рокъ веселью по святе Рожества Пречистое прошломъ, в року теперъ идучомъ семъдесятомъ, третий день зложили, на который дей рокъ панъ Григорей Кисель мелъ с приятелми своими в домъ мой до мене приехати и дочку мою Ѳедору за себе в малжонство взяти, а я дей мелъ ему по ней дати посагу сто копъ готовыхъ грошей, а у выправе другую сто копъ грошей; а естлибы онъ на тотъ рокъ назначоный до мене с приятелми своими приехати не мелъ и дочки моее Ѳедоры за себе в малженство взяти не хотелъ, тогды положилъ на себе заруки господарю королю его милости триста копъ грошей, а мне двесте копъ грошей и увесь накладъ, што быхъ я, готуючися к тому року, наложити мелъ, мне заплатити; на што и листъ свой вызнаный подъ печатью и с подъписью властное руки своее и тежъ подъ сведомъемъ и печатми людей добрыхъ, приятелей своихъ, мне на себе далъ, на которомъ ширей а достаточней описано естъ. То пакъ дей передъ тымъ рокомъ, веселью зложономъ, приехалъ онъ в домъ мой до мене с приятелемъ своимъ паномъ Богданомъ Костюшковичомъ Хоболтовскимъ, судьею земъскимъ повѣту Володимерского, просечи мене, абыхъ я того року веселью ему далей, то естъ меновите до тои недѣли, яко дня позавчорашнего, месяца теперешнего ноября пятого дня помъкнулъ, обовезуючися уже певне а неотминне на тотъ рокъ с приятелми своими в домъ мой приехати и дочку мою Ѳеодору за себе в малженство взяти водле описанъя листу своего, ничимъ его не отступуючи, и еще надъ то и другий листъ свой, тотъ первший вцале при моцы зоставуючи, справилъ былъ, до которого печать свою приложилъ и руку подписалъ; нижли панъ судья, которого панъ Григорей Кисель печатовникомъ в томъ листе былъ описалъ, на тотъ часъ печати своее при собе не мелъ, и для того панъ Кисель тотъ листъ до себе взялъ, ижъ милъ его в пана судьи припечатовати, а припечатавши, мне отдати. Я за прозбою его, ачъ колвемъ ся былъ ку оному першому року зо всѣмъ зготовилъ, хочь з утратою и шкодою моею было, чинечи то к воли

ему, на онъ часъ року тому веселью далей, то есть до недѣли прошлое, якомъ перво поменилъ, помъкнулъ. Панъ Кисель оный листъ, который для приложенья печати пана судьины до себе взялъ, неведати где поделъ, а мне его не далъ и повестми своими мене о тотъ рокъ упевнялъ, ижъ милъ запевне на тотъ рокъ дочку мою Ѳедору, приехавши с приятелми своими в домъ мой, за себе в малженство поняти, подъ обовязки в первшомъ листе своемъ описаными. И я дей, будучи отъ него в томъ упевненымъ, на тотъ рокъ зложоный в неделю прошлую, месеца теперешнего ноябра пятого дня, к тому веселью зо всимъ ся былъ зготовилъ, дочку мою Ѳедору за пана Григорья Киселя с тымъ посагомъ перво помененымъ в малженство дати готовъ былъ. Нижли панъ Григорей Кисель, мене в томъ убезпечивши, на тотъ рокъ зложоный в неделю прошлую с приятелми своими а ни самъ до мене до дому моего не былъ, и дочки моее Ѳедоры за себе в малженство не понялъ, и мене ку немалому накладу и шкоде привелъ, которыхъ дей всихъ шкодъ своихъ реестръ меновите писаный в себе маю и часу потребы на праве его положу.—И просилъ мене его милость панъ Гаврило Яковицкий, подъсудокъ земъский Володимерский, абы тое оповеданъе и жалобу его в книги замъковые было записано; я тое оповеданъе и жалобу его милости в книги замъковые записати казалъ.

Книга замков. Владимірская 1570 года, № 966, актъ 296.

LXV.

Дарственная запись п. Богданы Семашковны мужу своему п. Григорію Воловичу на вѣно, записанное ей первымъ ея мужемъ, княземъ Янушемъ Четвертенскимъ; мотивъ этого дара: любовь къ мужу и желаніе слиться съ нимъ въ одно не только лично, но и имущественно. 1571 года, февраля 26.

Лѣта Божого нароженья тисяча пят сот семдесят первого, месяца марца второго дня, в пятницу.

Пришедши и постановивъшися очевисто на вряде в замку господарском Луцкомъ, передо мною Иваном Хребтовичемъ Богуриньским, подстаростимъ Луцким, а передо мною Титомъ Хомякомъ, судею кгродскимъ Луцкимъ, ее милост пани Григоръевая Воловича пани Богдана Василевна Семашковна оповедала и тыми словы до книгъ кгродских Луцких доброволне ку записованъю сознала.... и лист свой вызнаный перед нами на вряде покладала, просячи, абы былъ вычитан и в книги кгродские вписанъ; который лист слово от слова такъ ся в собе маетъ: „Я Григоревая Воловичовая Богдана Василевна Семашковна чиню явно и вызнаваю то тымъ моимъ листомъ кождому, кому бы того потреба ведати: иж вступивши мне, з воли и презренъя Божого, за милостивою радою и помочю их милости пановъ а добродѣевъ моих, его милости пана Ивана Чаплича Шпановского, войского земли Волынского Луцъкого, и панее малъжонки его милости, панее а матухны моее милостивое, в стан светый малжонский зъ его милостю паномъ Григоремъ Григоревичомъ Воловичом и хотячи его милости пану малжонку моему милому во всемъ хуть и поволност мою показати, а злучившися з его милостю малженством святым, тож и маетностю моею, которое ми Панъ Богъ з ласки своее святое узычит рачил, зъ его милостю єдночыт, звлаща узнаваючи ласку его милости ку собе и будучы певна тым болшого къ собѣ его мило-

сти бачення и слушное нагороды, суму пенезей тисячу двесте и тридцат копъ грошей монеты и личбы литовское, мне по смерьти малжонъка моего первшого, его милости небожчика князя Януша Четвертенъского, от сестры его милости княжны Ганъны Матфеевны Четвертенъское, з угоды и приятелского постановеня, за вено и внесенъе мое в дом небожчика брата ее а малъжонка моего зошълого и за речи мои рухомые, такъ теж што именей моих властных вживал, и теж штомъ я долгу небожчиковского две сте и тридцать коп грошей, ведле постановенъя нашого, у которомъ то все ширей описано естъ, заплатила, на именъю Яровицъком певным а властным долгомъ уищеную и записаную, его милости пану малжонъку моему милому пану Григорю Воловичу сим листомъ моимъ записую и яко все право мое на тую суму верху мененую тисячу двесте и тридцат коп грошей монеты и личбы литовское на его милост пана малжонъка моего цале и зуполне вливаю и оному того права моего уступую, такъ и оное именъе Яровицкое со всимъ на все, подле права и запису моего и яко мне подано было, в моц и в держанъе его милости пущаю и поступую, якожем вжо пустила и поступила и листы, право мое на то належачое, до рукъ его милости подала. И вжо я не маю а потомъкове мои, такъ же и нихто зъ близких и кровных моих, тое сумы помененое тисячи двух сотъ и тридцати копъ грошей на томъ именъю Яровицком николи вечне поискивати и в оное именъе Яровицкое вступовати ся; але то маетъ его милост панъ малжонокъ мой спокойне держати и вживати до отданъя сумы вышей помененое, которую взявши, волен и моцонъ будет куды хотячи ведле подобанъя своего обернути и яко своимъ властным шафовати, а я и потомъкове мои его милости в том жадное перекази и затрудненъя чинити не маемъ. Якож для утверженъя сего запису моего повинна я тое буду в сюю пятницю бълизко пришлую, месяца марта второго дня, на вряде господарскомъ в замку Луцкомъ оповедати, вызнати и до книгъ кгродских дати записати, а потомъ и на первших роцехъ земских до книг земскихъ Луцких

перенести. И на том дала его милости пану малжонъку моему сес мой лист з моею печатю и с подписомъ властное руки моее. А при томъ были и того добре зведоми и за прозбою моею печати свои къ сему моему листу приложити рачили их милости панове а приятеле мои: его милост панъ Григорей Гулевич, хорунжий земли Волынское, панъ Андрѣй Халецкий, писаръ земский Речицкий, панъ Миколай Дубровский, панъ Федор Кадъянович и панъ Федор Петрович Чапличи Шпановские, панъ Фронцъ Крушъ, а панъ Иванъ Львович Звертишкович. Писанъ в Миловъшах, лета Божего нароженья тисяча пят сотъ семдесят первого, месяца февраля двадцат шостого дня. Григоревая Воловичовая Богдана Семашковна влостною рукою подписала."—А такъ мы тое очевистое оповеданъе, доброволное сознанъе и листъ ее милости панеи Григоревое Воловича пани Богданы Семашковны слово от слова, с початку аж до конъца до книгъ кгродских записати есмо казали.

Книга гродск. Луцк. 1571 г. № 2045, л. 53.

LXVI.

Дарственная запись п. Катерины Басарабовны, по которой она, изъ любви къ мужу своему п. Мартину Прусинскому и признательности за его вѣрную къ ней любовь, даритъ ему все движимое свое имущество. 1571 года, апрѣля 29.

Року семдесят второго, месяца марца седмогонадцат дня.

Пришедши и постановившися очевисто на вряде его королевское милости в замку Луцкомъ, передо мною Иваномъ Хребтовичомъ Богуринскимъ, подстаростимъ Луцкимъ, пани Мартиновая

Прусинская, церуликовая, пани Катерина Федоровна Басарабовна поведала и доброволне до книг кгродскихъ вызнала водле листу своего, малжонъку своему под печатми людей добрых даного, и тот лист свой передо мною на вряде покладала, просечи, абы былъ вычитанъ и въ книги кгродские слово въ слово въписан; который лист так ся в собе мает: „Я Катерина Федоровна Басарабовна вызнавам сама на себе симъ моимъ листомъ каждому, кому то потреба будет ведати сес час и напотомъ завъжды, иж я, знаючи ку собе великую ласку малжонка моего милого пана Мартина Прусинского, церулика, у стане малжонскомъ цнотливе заховалого, и еще вперед хотячи болшей милости собе позыскати, кгдыж на свете ништо не ест милшого, яко стан малжонский а милость, прото я Катерина Басарабовна, не будучи ку тому намовена ани теж примушона, одно сама по своеи доброи воли, чинечи то з милости своее ку малженъку моему милому пану Мартину Прусинскому, его милости самому даю и дарую симъ моимъ листомъ на вечные часы, от всѣхъ сестръ, кровныхъ и ближънихъ моих отдаляючи, записую всѣ речи мои рухомые, то ест золото, серебро, гроши, перла, шаты, цын, мед, кони ездные и иные всякие речи мое, всѣ уздоймомъ, якимъ же колвекъ именемъ названы есть, от мала и до велика, ничого на себе самую, сестръ, кровъныхъ и никоторых близкихъ моих не зоставуючи ани выймуючи. Волен его милост будет тыми всѣми речъми моими рухомыми, от мене даными, дароваными и записаными сим моим листомъ, вечъно шафовати, продати и кому хотя отписати, водле воли а мысли своее оборочаючи ку лепшому а пожиточному своему; а я сама, сестры, кревные и нихто з близкихъ моих того всего вечными часы на его милости самомъ, детех, потомъству его милости, поискивати и ни которое поволоки ку праву, шкод, трудностей задавати о то не маем. А естли бых я сама, сестры, кревные, и хто ж колвек з близких моих, пробачивши и отступивъши сего опису моего доброволного, от мене пану малжонку моему даного, чимъ колвек нарушивши, пана малжонка моего або дети его о то до якого

вряду або суду позвати хотели, ку шкоде а накладу привели, тогды хтожъ колвек мети будет то учинити над сес опис мой, будет повиненъ на тотъ вряд або суд, до которого будет позван, заплатити вины сто копъ грошей, а его милости пану Мартину, малжонку моему милому, всѣ шкоды и наклады на речене слова, без усякое присяги и доводу, а заплативши то все, предсе сес мой листъ у кажъдого права при моцы вечъно, непорушно захован быти мает. И на том его милости пану Мартину Прусинскому даю сесь мой лист; а не маючи печати своее, просиламъ очевисто их милости панов: пана Романа Гостского, пана Ивана Кирдея Мнишинского, пана Михайла Вилгорского о приложене печатей к сему моему листу, што их милость, за очевистою моею прозбою, а того будучи добре свѣдоми, вчинити рачили, печати свои приложити рачили. Писан у Гощи, лета Божого нароженя тисяча пят сот семдесят первого, месяца апреля двадцат девятого дня".—А так я тое очевистое оповедане, доброволное сознане и лист панее Мартиновое Прусинское панее Катерины Федоровны Басарабовны, слово в слово, с початку аж до конца до книг кгродских Луцких записати казалъ.

Книга гродская Луцкая 1572 года. № 2046, л. 143 об.

LXVII.

Дѣло о замужествѣ княжны Маріи Масальской.

1. Княгиня Ганна Масальская обязывается въ условленный срокъ выдать дочь свою княжну Марію Андреевну въ замужество за п. Константина Еловича-Малинскаго. День свадьбы отсроченъ болѣе, нежели на годъ послѣ сговора. 1571 года, іюня 27.

Лета Божого нароженья тисяча пятсотъ семдесятъ первого, месяца июля двадцат пятого дня.

Постановившися обличне на вряде кгродском, в замку господарскомъ Луцкомъ, передо мною Титомъ Ивановичомъ Хомякомъ, судею кгродскимъ Луцкимъ, а Иваномъ Хребтовичомъ Богуринскимъ, подстаростимъ Луцкимъ, велможная ее милость княгини Андреевая Петровича Масалского кнегини Ганъна Путятина сама доброволне перед нами вызнала... и лист записный свой, пану Костентину Малинскому даный, подъ печатми людей добрыхъ, перед нами на вряде кгродском положивши, просила, абы был до книг кгродских врядовыхъ вписанъ; которого листу мы огледавши и достаточне его прочитавши, казали есмо до книгъ врядовыхъ слово въ слово вписати, который листъ такъ се в собе маеть и так се починает: „Я Андреевая Петровича Масалская Ганна Путятянка чиню явно и вызнаваю тым моим листом кождому доброму, кому бы того потреба была вѣдати, або чтучи его слышати, нинешъним и напотом будучим: штож з воли а презреня Бога сотворителя небесного, а за позволенемъ их милости пановъ опекуновъ, змовила есми и в шлюбъ светый малженский заручила дочку мою кнежну Марину Андреевну Масалскую, за прозбою и жаданемъ его милости велможного пана Михала Еловича Малинского, маршалка господарского, за сына его милости пана Костентина, якож час и рокъ певный веселю, намовившися есмо сполне зъ его милостю паномъ Малинскимъ, зложили и приняли на ден Роже-

ства пречистое Богородицы в року пришлом тисечномъ пятсотномъ семъдесят второмъ, сентебра осмого дня, в неделю, на который то помененый рокъ и день маю я Андреевая Масалская Ганна Путятянка, водле змовы и шлюбу, в малженство светое дочку мою кнежну Марину Андреевну Масалскую его милости пану Костентину Малинскому, маршалковичу господаръскому, отдати и у вечные часы то светое малъженство споити. То теж я Андреевая Масалская Ганна Путятянка симъ листом моим ознаймую, иж я, ведаючи верност и зычливые службы противку мне зятя моего пана Костентина Еловича Малинского, маршалковича господаръского, з ласки моее его милости именя мои всѣ отчизные, от небожчика отца моего его милости славное памети князя Богдана Путятича мнѣ правомъ прирожонымъ пришлые, то ест: Тучин, Коростятин, Чернично, Воронов, Моцѳн, Пустомыты, Красную Волю и всѣ кгрунты земъленые, всякие пожитки от мала до велика, так теж и данники село мое Космачов, его милости пану Костентину Еловичу Малинскому, зятю моему, и дочце моеи кнежне Марине Андреевне Масалскои дарую и симъ листом моимъ вечными часы записую..*) А если бых я Андреевая Масалская Ганна Путятянка мела в чомъ колвекъ сес мой запис взрушити а за пана Костентина Еловича Малинского, кгды Пан Бог здорове намъ дати рачит, на тот час и ден вышей помененый Рожества Богородицы дочки своее кнежны Марины Андреевны Масалское в малженство светое не отдала, або тыхъ именей в держане и вживане яко тепер, так и в тот час, в сем записе моем менованых не подала и не поступила и яко колвекъ сес мой лист нарушила, тогды заруки господару королю его милости маю двѣ тисечи копъ грошей заплатити, а пану Костентину Михайловичу Малинскому также другую две тисечи коп грошей заплатити, а заплативши, шкоды и наклады вси на приреченъе слова, кромъ права жадного и

*) Слѣдуетъ перечень другихъ даримыхъ вмѣнiй и денежныхъ суммъ, что подробнѣе изложено въ помѣщаемой вслѣдъ за симъ особой дарственной записи. *Ред.*

переводу маю его милости платити; а заплативши тые вси заруки и наклады вышей помененые, предсе кнежну Марину Андреевну Масалскую, дочку мою милую, повинна буду в стадло малжонское за пана Костентина Малинского выдати и тому всему, подле сего запису моего, досыт учинити, не найдуючи на то никоторых причин правных и неправных, и во всемъ сес мой лист при зуполнои моцы зостати и в кождого права приймован быти мает. Гдеж я Андреевая Масалская, утвержаючи сес мой запис, ставши есми на вряде господарскомъ кгродскомъ Луцком, сама очивисто перед врядом листы, привиля и всѣ записы и твердости на тые имения менованые и на вси справы зятю моему пану Костентину Малинскому до рук отдала и то до книгъ кгродских врядовых Луцкихъ очевисто вызнала, на штомъ и лист сес мой вызнаный записный его милости пану Костентину Малинскому подъ печатю моею дала; а для лепшое твердости и моцы сего моего листу просилам ихъ милости велможныхъ панов, то естъ: пана Григоря Гулевича, хорунжого повету Луцкого, пана Ярофея Гостского, пана Григоря Чаплича Шпановского, а пана Яна Бокея Зарецкого, дворенина господарского, о приложене печатей; их милость то, за очевистою прозбою моею, вчинити и печати свои приложити рачили к сему моему листу. Писан у Тучине, лета Божего нароженя тисеча пят сот семъдесят первого, месяца июня двадцат семого дня."—Што ест до книг записано. Которого сознанъя кнегини Андреевое Масалское и выпис с книг врядовых кгродскихъ Луцкихъ панъ Костенътин Малинский на то собе взялъ. Писан в Луцку.

Книга гродская Луцкая 1571 г., № 2045, л. 287.

2. Дарственная запись княгини Ганны Масальской нареченному зятю своему Константину Еловичу-Малинскому на все движимое и недвижимое свое состояніе, въ томъ числѣ и на вѣно, записанное ей умершимъ мужемъ ея, княземъ Андреемъ Петровичемъ Масальскимъ, а равно и на тѣ имѣнія, которыя перешли бы въ ея руки въ случаѣ смерти дочери—невѣсты п. Еловича-Малинскаго. 1571 года, іюля 12.

Я Андреевая Петровича Масалская Ганна Богдановна Путятянка чиню явно и вызнаваю сама на себе симъ моим листом, кому бы была потреба того ведати албо чтучи его слышати, нинешним и напотом будучим: иж я, дознавши ку собе великие ласки и зычливые приязни, так теж обачивши сердечную милость, статечност и почтивую прихилност пана Костентина Михайловича Малинского, зятя моего милого, ку дочце моей кнежне Мари Андреевнѣ Масалскои, и хотечи его и на потомные часы кровностю дому малжонка моего славное памети небожчика князя Андрея Масалского, так теж и своего дому, ку почтивому захованю противко дочки моее милое кнежьны Марины Андреевны Масалское привести а зычливымъ и вернымъ малжонкомъ ее мети,—з ласки моее, по смерти моей, так теж тепер и при животе моем, именями моими всѣми: отчизными, материстыми, спадковыми и якимъ колвекъ правом прирожонымъ набытыми, на мене приходячими, так теж и всеею маетностю рухомою, от мала и до велика, ничого на себе ани на жадного потомъка своего, кровного, близкого, повинного своего не оставуючи, тому зятю моему милому пану Костентину Малинскому даю, дарую и симъ листом моимъ записую. К тому теж которые именя свои отчизные, яко третюю част во всих именяхъ своихъ руских, князь малжонокъ мой князь Андрей Масалский мне вечностю записал, так теж и што на третее части вено мнѣ описал, яко ест на тестаменте остаточнои воли его милости означоно и описано, так теж и именемъ Счолномъ, мнѣ от малжонка моего записаным, и именемъ в-земли Жомоитскои, селомъ Линкгами, водлуг даты и опису малжонка моего, которое выслу-

жилъ на господару королю его милости, так теж и заслужоным в скарбу господарскомъ певною сумою то есть три тисечми тристами и двадцатми копами грошей, еще не выданою, так теж и всими рухомыми речами, от малжонка моего князя Андрея Масалского мне тестаментом записаными, от мала и до велика, зятя моего милого пана Костентина Малинского дарую и симъ листом моим ему записую. А иж теж его милость князь малжонок мой, чого бы пане Боже рач уховат, при животе моемъ на дочку мою кнежну Марину в том часе часу смертного, именя всѣ свои, так тежъ и маетности рухомые, на нее правомъ отчизнымъ а прирожонымъ приходячие, тестаментомъ своимъ а остаточною волею своею записати рачил, даючи мнѣ волност всѣми именями, такъ теж и маетностями рухомыми, на тую дочку мою кнежну Марину Масалскую приходячими, по смерти ее шафовати, продати, даровати и на што се хотячи от мала до велика обернути, албо кому записати; а так я Андреевая Масалская Ганна Путятянка, кгдыбы, чого Боже вховай, при животе моемъ дочку мою милую кнежну Марину Андреевну смерть зашла, а я того всего именя и маетности в держаню и спокойномъ уживаню будучи, потомъ бы мене самую смерть зашла, тогды и тые всѣ именя, по дочце моей от князя малжонка моего тестаментомъ, остаточною волею его милости, мнѣ записаные, так теж и маетностями рухомыми зятя моего пана Костентина Малинского дарую и у вечные часы в держане и уживане по смерти моее никому иншому, одно ему записую. Маеть пан Костентинъ Малинский, албо тот, кому тые всѣ именя мои отчизные, материстые, спадковые, маетности мои рухомые, так теж именя всѣ от малжонка моего князя Андрея Масалского мнѣ записаные, так теж и маетности всѣ, и теж именя на дочку мою кнежну Марину Масалскую приходячие, и маетности рухомые всѣ, по смерти ее мнѣ описаные, водле даты и сего опису моего, их держати, уживати, продати, даровати, заменити и ку своему доброму а пожиточному обернути, яко власностю своею; а по смерти моей потомъки мои, кровные, близкие а ни повинные мои, так

теж кровные, ближние а ни повинные князя малжонка моего, жадными причинами не мают се в то вступовати, ани з моцы, владзы и держаня его тыхъ именей всих помененыхъ, так теж и речей рухомыхъ от мала до велика, его милости симъ листомъ моим записаных, жаднымъ правом не мают отнимати. А естьли бы который потомок мой, близкий, кровный, так теж и который ближный, повинный князя малжонка моего князя Андрея Масалского пану Костентину Малинскому, зятю моему, в том якую трудность и переказу чинити мели, тогды таковый кождый заруки господару королю его милости две тисечи копъ грошей литовскихъ, а пану Костентину Малинскому другую две тисечи коп грошей литовскихъ мает заплатити, а шкоды всѣ и наклады на приречене слова его милости заплатити; и заплативши тые всѣ заруки вышей помененые, так теж и шкоды и наклады, предсе сес мой лист у кождого права захован и приймован быти мает. На штом есми я Андреевая Масалская Ганна Путятянка пану Костентину Малинскому дала сес мой лист з моею печатю, и для лепшого сведомъя и твердости сего моего листу просиламъ их милости велможныхъ панов: пана Миколая Дорогостайского, столника великого князства Литовского, державцы Веленского, тивуна Кондинского, а пана Михала Тишкевича, а пана Петра Хомека о приложене печатей; их милость, за очевистою прозбою моею, то вчинити, печати свои приложити рачили к сему моему листу. Писан у Тучине, лета Божего нароженя тисеча пят сот семъдесят первого, месяца июля второгонадцат дня.“—Што ест до книг записано.

Книга гродская Луцкая 1571 года, № 2045, л. 293.

3. Константинъ Еловичъ-Малинскій обязывается въ назначенный срокъ взять за себя въ замужество княжну Марію Масальскую и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ знакъ признательности къ будущей тещѣ за то, что она, еще до свадьбы, записала ему въ даръ все свое состояніе, предоставляетъ княгинѣ Ганнѣ Масальской право пожизненнаго пользованія нѣкоторыми изъ подаренныхъ ею имѣній, съ извѣстными, впрочемъ, ограниченіями. 1571 года, іюля 26.

Я Констентин Михайлович Малинский, маршалкович господарский, чиню явно и вызнаваю самъ на себе симъ моим листомъ каждому, кому бы того потреба ведати або слышати, нинешним и напотомъ будучимъ, штож з воли а презреня Бога Отца небесного, а за позволенемъ ихъ милости пановъ опекунов, а с порадою пана отца моего его милости пана Михаила Ела Малинского и приятелей моих, змовил есми и заручил в стан светый малженский дочку его милости славное памети велможного князя Андрея Петровича Масалского у ее милости кнегини Андреевое Масалское кнегини Ганны Богдановны Путятянки кнежну Марю Андреевну Масалскую, якож есмо, з обеюх сторон намовившися, рокъ и ден певный веселю зложили и назначили, то ест о Рожестве пречистое Богородицы святе в року прийдучомъ тисечном пятсотномъ семъдесят втором, месяца сентебра осмого дня, у неделю, и кгды тотъ ден и рокъ помененый придет, тогды кнегиня Андреевая Масалская кнегини Ганна Путятянка мает до шлюбу и в скуток малженский помененую дочку свою кнежну Марю Андреевну Масалскую мне дати и, ведле опису своего, который ее милость мнѣ дати рачила, въ тот час именей отчизныхъ властныхъ небожчика князя Андрея Масалского, так и кождое маетности, на кнежну Марю Андреевну Масалскую правом прирожонымъ приходячихъ, мает ми поступити и ку уживаню моему подати. А што ее милость кнегини Андреевая Масалская кнегини Ганна Путятянка з ласки своее мнѣ, зятю своему, и дочце своей кнежне Маре Андреевне Масалской, которую есми в стан светый малжен-

ский у ее милости заручил и змовил, именя свои отчизные, материстые, спадковые так теж и вси маетности властные свои и речи рухомые отъ мала до велика, и теж именя, которые его милость князь Андрей Масалский небожчик, малжонок ее милости, свое властные даровал и позаписовал, от мала до велика мнѣ, зятю своему, и дочце своей кнежне Мари Андреевне Масалской позаписовала, и листъ записный мнѣ давши, отъ сего часу у вечное держане и уживане подала, листы и всѣ твердости и записы до рук моих подала и то на вряде господарском кгродском Луцком вызнала и вси права прироженые и набитые на мене, зятя своего, и на дочку свою кнежну Марю Андреевну Масалскую влила, отдаляючи то от перших детей своих, близкихъ, кровныхъ и всѣхъ повинныхъ своих, што ест достаточне а меновите на листе ее милости записномъ, мнѣ от ее милости данымъ, ширей описано и доложено; а так я Костентин Михайловичъ Малинский, таковую ласку и милость видечи ку собе ее милости панеи тесчи моее кнегини Андреевое Масалское кнегини Ганны Путятянки и хотечи ее милости на вечные часы собе милостивою панюю а маткою мети и ее милости услужити, тые вси именя, яко отчизные, то ест Тучин, Коростятин, Мощон, Вороново, Пустомыты, село Космачов, Черънично и иншие вси приселки к тому Тучину принaлежачие, ее милости панеи тесчи моее кнегини Андреевои Масалскои даю, дарую и симъ листомъ моим записую; мает ее милость кнегини Андреевая Масалская кнегини Ганна Путятянка тыхъ именей помененыхъ сама уживати, на нихъ мешкати, радити до живота своего, а не мает их никому к рукам пускати, записовати, а ни даровати, а ни в сумах великих до рук чужих заставляти, окромъ естли бы кгвалтовная а пилная, знагла припалая якая потреба, тогды ее милость может и волна будет в певнои суме, и то з волею и ведомостю моею, которое имене с тых именей называемыхъ якое колвек в двесте копахъ грошей литовскихъ заставити.... А кгды бых дей я Костентин Малинский дочки ее милости кнегини Андреевое Масалское кнежны Мари Андреевны в

малженство светое, кгды тот час, рокъ и ден помененый прийдетъ, за себе не взял, альбо пак за живота ее милости кнегини Ганны Путятянки, панее матухны и тещи моее милое, в тыхъ именях ее милости, мнѣ от ее милости записаных, якое трудности и переказы в держаню ее милости учинил, тогды маю я заруки господару королю его милости двѣ тисечи коп грошей, а ее милости кнегини Андреевои Масалскои кнегини Ганне Путятянце другую двѣ тисечи коп грошей литовских заплатити, а шкоды и наклады маю на приречене слова ее милости заплатити, и заплативши тые помененые заруки, вси шкоды и наклады, предсе сес мой листъ у кождого права принят и захован быти мает. До которого листу сего моего его милост пан отецъ мой пан Михайло Малинский, маршалок господарский, печат свою приложивши, и руку свою властную подписати рачилъ; што и я Костентин Михайловичъ Малинский к сему моему листу печат свою приложил и руку свою подписал. А для лепшое моцы и потверженя сего моего листу просил есми их милости пана Ивана Семеновича Бокея Зарецкого, дворенина господарского, а пана Ярофея Гостского о приложене печатей своих; а так их милости, за очевистою моею прозбою, печати свои приложити рачили к сему моему листу. Писан въ Тучине, лета Божего нароженя тисеча пят сот семдесятом першомъ, месяца июля двадцат шостого дня.“

Книга гродская Луцкая 1571 года, № 2045, л 295.

---

4. Жалоба Константина Еловича-Малинскаго о томъ, что въ его отсутствіе п. Александръ Семашко (сводный братъ княжны Маріи Масальской), силою овладѣвъ Тучинскимъ замкомъ, похитилъ жену жалобщика и держитъ ее у себя въ суровомъ заключеніи. Перечень пограбленнаго при томъ имущества--приданаго княжны Масальской. 1573 года, февраля 21.

Лѣта по нароженю Исуса Хрыста, Сына Божого, тисеча пятсот семдесятъ третего, месеца февраля двадцат первого дня.

Приходил на врял до мене Павла Григоревича Оранского, на тот час будучого подстаростега Володимерского, его милост пан Костентин Ело Малинский, оповѣдаючи и велико обтежливе жалуючи: чтож дей тых часов будучи мне з малжонкою моею панею Марею Андреевною кнежною Масальского в замку Тучинском, там же дей немало маетности своее при собе есмо мели, а иж дей я сам для великих пилных потреб а справ своих с Тучина отъехал, а малжонку дей свою про неспособност здоровя ее в Тучине зо всею тою маетностю, которая на тот час там при нас была, зоставил; то пак дей по отъеханю моем с Тучина пан Александро Семашко, подкоморий Володимерский, з слугами и помочниками своими, року тепер идучого тисяча пятсот семдесят третего, месеца теперешнего февраля шостогонадцат дня, неведати которым духом будучи натхненым, наполнившися своволное мысли своее и не маючи до мене и малжонки моее причины никоторое, наехавши моцно, кгвалтомъ на тот замок Тучинский, где малжонка моя была, малжонку мою панюю Марю Андреевну кнежну Масальского збил, змордовал, так теж и слуг моих, которые при неи, малжонце моеи, были, позбивал, поранил, и в тот дей час шкоды им стали,—што дей при собе мели, то все в них панъ Алеќсандро Семашко побрал, а малжонку дей мою збивши, змордованную взявши и всю маетност нашу, што колвек при неи было, побравши, до именя своего Бужан отпровадил и яко дей одну не-

волницу у везене всадил, а мене и малжонку мою не помалу в том обележил, жал великий и шкоды немалые в побраню маетностей наших нам вчинил, то ест менoвите шкоды в побраню маетностей нашихъ, што пан Александро Семашко побрал: Найпервей дей взял скрынку черленую, в которой дей было: пятсот золотых черленых венкгерских, талярей чотыриста, старых позолотовых талярей двесте и шестьдесят, грошей потройных литовских коп двесте, монеты литовское грошей коп триста и к тому церокграфы на певные долги описанные; ланцухов золотых три золота венкгерского, в которых важило—в одном триста, в другом двесте, в третем сто золотых черленых; перстеней золотыхъ осмъ: оден шмаракгдъ не резанный, за которого-м дей дал тридцат коп грошей литовских; другий з дияментом острым, за которого-м дей дал двадцет коп грошей литовских; третий перстен, в нем шафер великий табличка, за которого-м дей дал двадцет коп грошей литовских; два перстени з дияменты табличками, за которые м дей дал шестнадцет коп грошей литовских; шостый перстен з рубином зернястым нерезаным, за которого-м дей дал осмъ коп грошей литовских; а два перстени с табличками рубиновыми, за одного дей дал шест коп, а за другого чотыри копы грошей литовских; завешене золотое с каменем: с трема дияменты, а з двема рубинами, которое дей коштовало тридцет коп грошей литовских; лыжок сребреных тузинов два, в одном важило гривен шест, в другом гривен пят; кубков дванадцет, в которых дей важило сребра гривен чотырнадцет; поясов сребреных позлотистых три, в которых дей важило гривен девят: в одном было гривен чотыри, в другом три, в третем две; обручъ сребреный позлотистый, в котором дей важило сребра гривен пят; брамок перловых чотыри, две с пунтали, которые коштовали двадцет чотыри копы грошей литовских, а две безъ пунталюв, которые коштовали двадцет чотыри копы грошей литовских. Другую дей скрынку зеленую взял, в которой дей было: кошулек перловых на золоте две, которые дей коштовали—одна тридцет коп, а другая двадцет коп грошей литовских; чепцов дей перловых на золоте два, оден коштовал двадцет коп,

другий петнадцат коп грошей литовских, а золотых чепцов без перел три, оден дей коштовал пят коп, другий чотыри копы, третий три копы грошей литовских; рубков дей флямских осмъ, за чотыри м дей дал по осми золотых полских, а за другие м дей чотыри дал по шести золотых полских; завиваней перловых на золоте двѣ, одно дей коштовало петнадцет коп, а другое десет коп грошей литовских. Скрыню великую чорную з шатами, в которой дей было: саянов оксамитных чотыри: оден чорного оксамиту рытого с трема брамами злотоглавовыми, который дей коштовал сорок коп грошей литовских, другий дей оксамиту брунатного, также с трема брамами злотоглавовыми, который дей коштовал сорок же коп грошей литовских, третий дей оксамиту гладкого чирвоного, без брамов, который дей коштовал тридцет коп грошей литовских, четвертый дей оксамиту чорного, без брамов, который дей коштовал двадцат пят коп грошей литовских; суконь файлюндышовых пят: одна сукна червоного, оксамитом чорным брамованая, которая дей коштовала дванадцет коп грошей литовских; другая—сукна брунатного, з брамами оксамиту чорного ж, которая дей коштовала дванадцет же коп грошей литовских; третяя—сукна чорного, з брамами оксамитными чорными ж, которая дей теж коштовала дванадцат коп грошей литовских; четвертая дей сукна чорного ж, з брамами оксамиту чорного ж, которая дей также коштовала дванадцет коп грошей литовских; пятая дей сукна брунатного, без брамов, которая дей коштовала осмъ коп грошей литовских; шат дей одегалных шестеро: напервей шубка куняя, оксамитом чорным крытая, которая дей коштовала сорок коп грошей литовских; другая дей шубка куняя ж, оксамитом брунатным рытым крытая, которая дей коштовала сорок коп грошей литовских; третяя дей куняя ж, адамашкою чорною крытая, которая дей коштовала двадцет пят коп грошей литовских; четвертая дей также куняя, одамашкою брунатною крытая, которая дей коштовала двадцет чотыри копы грошей литовских; шубок лисих две, файлюндышем чорным крытые, которые дей коштовали двад-

цет коп грошей литовских; въ той же дей скрыни было коберцов солгацких белых чотыри. Другую дей скрыню великую, чорную ж, с платем белым, то ест: с кошулями, кошулками, серветами, пологами, чохлами, стирками и иншим многим а розным платем белым; которого дей всего платя белого реестръ меновите в себе маю.—И запровадивши дей малжонку мою, збитую, змордованую, с тою всею маетностю нашею, которую дей при ней побрал, до именя своего Бужан, там же дей ее, яко одну неволницу, всадивши у везене, у великом а незносном утрапеню, нендзи, бедѣ, погрозках, знутах непомерных ее в себе у везеню держит, што дей я суседом околичнымъ и на вряде дей належномъ кгродском Луцкомъ оповедал и ожаловал и возного с тогож уряду Луцкого Адама Маевского ку посланю до пана Семашка, просечи и упоминаючи, абы малжонку мою з везеня выпустил и маетност при неи побраную поотдавалъ, и ку застатю ее малжонки своее у везеню и огледаню збитя и змордованя ее, и теж ку огледаню збитя и зраненя слуг моих брал; с которым дей возным и з шляхтою Станиславом Кобылским а Яном Бендковским служебника моего Ивана Григоревича до пана Александра Семашка, подкоморого Володимерского, до именя его Бужан посылал, упоминаючи и просечи, абы мне жону мою и маетност при неи побраную поотдавал; он дей яко жоны моее, так и маетности, при неи побраное, мне не отдалъ и перед тымъ дей вознымъ и шляхтою тому служебнику моему отказал: „я дей пану твоему жоны его и маетности, штом при неи побрал, не отдам, аж се дей умыслу моему досыт станет, же ми мусят листы такии на себе подавати, яких я от них буду потребовати.“ Служебник дей мой Иван Григоревич перед тым же возным и шляхтою пана Александра Семашка просил, абы его з возным и шляхтою до малжонки моее, где у везеню седит, абы ее могли видет, пустити казал; он дей их до нее пустити не казал, и с тым дей от него проч отехали. И просил мене пан Костентин Ело Малинский, абых я тое оповедане

и жалобу его в книги кгродские Володимерские записати казал. Я то все, за прозбою его милости пана Костентина Ела Малинского, в книги кгродские Володимерские записати велелъ.

Книга гродск. Владим. 1573 г., №937, л. 24.

---

5. Константинъ Еловичъ-Малинскій и его жена княжна Масальская жалуются, что п. Семашко, содержа послѣднюю въ тяжкомъ заключеніи и угрожая насильственно выдать ее замужъ за своего „маштал͡ѣра", вынудилъ отъ нихъ уступочную запись на третью часть родовыхъ имѣній княжны Масальской и принудилъ ихъ къ вторичному совершенію брака. 1573 года, сентября 3.

Лѣта по нароженю Исус Хрыста, Сына Божого, тисяча пятсот семъдесят третего, месеца сентебра третего дня.

Приходилъ на врядъ до мене Павла Григоревича Оранского, подстаростего Володимерского, его милост пан Костентин Ело Малинский весполок из малжонкою своею панею Марею Андреевною княжною Масальского, оповѣдаючи и велико обтежливе жалуючи: „Ижъ штом дей первей сего перед твоею милостю, яко врадом, оповедал и жаловал о збите и змордоване и кгвалтовное взяте чрез пана Александра Семашка, подкоморого Володимерского, малжонки моее панее Мари Андреевны княжны Масальского в замку Тучинскомъ з маетъностями нашими, которые м дей при неи, малжонце своеи, был зоставил, яко дей оповедане и жалоба моя и вызнане возного в книгах тутошних Володимерских ест записано, на што дей и выпис с книг в себе маю. А так дей я, маючи ведомост о тяжкомъ везеню и мордованю жоны своее а жалуючи того везеня и мордованя невинного ее, жоны моее, мусял есми, высво-

божаючи ее с того везеня, абы болшей того везеня и окрутного мордованя не терпела, позволил есми з нею, малжонкою своею, на такии записы, яких он сам от нас потребовал, иж есмо поневолне уступуючи третее части тых всих именей, которые по небожчику отцу малжонки моее князю Андрею Масалском еи, малжонце моей, яко властной отчице а потомъку, зостали, отписат. И входечи тежъ панъ Семашко того вниманя, иж жону мою в везеню в себе держал, так теж варуючи того запису нашого, который есмо, отступуючи третее части всих именей нашихъ, нам властне належачих, по неволи своеи ему дали, тогды мя и до того примусял, абых з нею, жоною своею, знову шлюб бралъ, по котором вже мне и малжонце моеи было ничого, и лист даровный жебых дал жоне своей, даруючи ее осмасты копами грошей; на што м я мусял зезволит: и знову шлюб из малжонкою своею брал и лист даровный на осм сотъ копъ грошей ей дал; а он дей предся жоны моее съ того везеня выпустити не хотѣл, аж дей ему и тотъ лист на осмъ сотъ коп грошей, ей от мене даный, ему отдат мусяла, тож дей ее с тое неволи пустил; але маетности, при неи побраное, мне а ни ей, жоне моей, ничого не вернул. О што дей о все, яко о квалтовное взяте ее, малъжонки моее, и побране маетностей, мордоване, бите, везене и инъшие многие незносные утрапеные речи и о поневолные записы, и она сама нехай перед твоею милостю, врадом, мовит и жалует".—Якже сама пани Малинская, очевисте а устне передо мъною мовечи, велико обтежливе а слезне оповедала и жаловала: штож дей року тепер идучого, месеца февраля шостогонадцат дня, будучи мне Костентиновое Малинское зъ малъжонкомъ своимъ его милостю паномъ Костентином Малинским в замку Тучинскомъ, там же дей немало маетности своее при собе з малжонкомъ своимъ есмо мели, а ижъ дей малжонокъ мой для великих а пилных потреб а справ своих с Тучина отъехалъ, а мене дей про неспособность здоровя моего в Тучине зо всею тою маетностю, которая на тот час там при нас была, зоставил; то пак дей по отъеханю пана малжонка моего с Тучина,

пан Александро Семашко, подкоморий Володимерский, з слугами и помочниками своими приехавши там до замку Тучина, неведати которымъ духомъ будучи натхненый, наполнившисе своволное мысли своее, а не маючи до малжонка моего и до мене причины никоторое, мене безъвинне збивши, змордовавши, зо всею маетностю нашею, што колвек при мне было, оттоль там с Тучина кгвалтовне взявши, до имени малжонки своее до Коблина, а с Коблина до имени своего Бужанъ, зо всею маетностю, через него при мне побраною, збитую, змордованую запровадил и яко одну неволницу у везенъе всадил и у великомъ а незноснымъ утрапеню, нендзи, бѣди, погрозках, знутах непомерных мене в себе ховалъ; а малжонку моему, за неоднокротнымъ упоминанемъ его милости через приятелей, мене и маетности при мне побраное отдати не хотел и не отдал; а мене до того поневолне примушал, абых я ему третее части тых всих именей, которые дей по небожчику отцу моемъ князю Андрею Масалскомъ мне, яко властное отчичце а потомку, зостали, уступила и ему на себе таковый опис, який бы ся одно ему подобал, дала: „а если же дей того не учинишъ, теды дей я тебе жадным обычаем мужу твоему не дам, але дей за якого чоловека простого або маштaлера своего, который ми ся не толко третее части, але и всее отчизны твоее отречет, тебе отдам.“ А так дей малжонокъ мой, маючи ведомост о тяжком везеню и мордованю моемъ, а жалуючи того везеня и мордованя моего невинного, мусял, высвобожаючи мене с того везеня, абым болшей того везеня и окрутного мордованя не терпила, и к тому уважаючи теж то собе, абых до таковог ж обелженя, якъ дѣвка небожчика пана Яна Монтовта, которая дей за Казимеромъ Ледницкимъ была, и маючи ее пан Семашко при собе, за маштaлера своего отдал,— не пришла, бо дей пан Семашко самъ, приходечи до мене, до того везеня, в котором есми в него седѣла, то ми мовлял и тым мя страшил, поведаючи: иж дей „я тебе так же, яко и Ледницкую за маштaлера своего отдал, выдам,“—мусяла есми ему з малжонком моим по неволи своей на таковые записы, яких он от нас

потребовал, зволити, уступуючи третее части тых всѣх именей, которые по небожчику отцу моем, князю Андрею Масалском, мне, яко властной отчичце а потомку, зостали, отписат. И въходечи теж того пан Семашко вниманя, иж мене в везеню держалъ, так теж варуючи того запису нашого, который есмо, отступуючи третее части всих именей нашихъ, нам властне належачих, по неволи своей ему дали, тогды малжонка моего и до того примусял, абы зо мною, жоною своею, знову шлюб брал, по котором вже малжонку моему и мне не было ничого, и лист даровный жебы далъ мне, жоне своей, даруючи мене осма сты копами грошей; на што дей пан малжонокъ мой мусялъ зезволити и знову зо мною, жоною своею, шлюб брал и лист свой даровный на осмъ сот копъ грошей мне дал, а пан Семашко дей предся мене малжонку моему пустити не хотел, аж дей ему и тот лист на осмъ сот копъ грошей, от него мне даный, отдат мусяла,—тож дей мене с того тяжкого везеня пустил; але маетности нашое, при мне побраное, малжонку моему и мне ничого не вернул.—Которое ж я оповедане и жалобу пана Костентина Малинского и малжонки его милости панее Мари Андреевны княжны Масалского, за прозбою ихъ, в книги кгродские тутошние Володимерские записати казалъ.

Книга гродск. Владим. 1573 г., № 937, л. 239.

---

6. Княжна Масальская уничтожаетъ выданную на ея имя Константиномъ Еловичемъ Малинскимъ дарственную запись на 800 копъ грошей лит., такъ какъ запись эта была вынуждена отъ него п. Семашкомъ, помимо ея воли и желанія, и удержана послѣднимъ у себя. 1576 года, іюля 19.

Року тисеча пятсот семдесят шостого, месеца июля двадцат первого дня.

Перед нами Михайломъ Вилгорскимъ, подстаростим, а Григорем Данилевичом, судъею, врядниками кгродскими судовыми повету Луцкого, ставши обличне в замку господаръском Луцком, ее милость пани Константиновая Еловая Малинская княжна Маря Андрѣевна Масалского оповедала и доброволне водле листу запису своего, от нее под печатю ее и под печатми людей зацныхъ малжонку ее пану Констентину Малинскому даного, вызнала и просила, абы тот лист вычитан и в книги кгродские Луцкие уписан; которого мы, огледавши, перед собою читати казали, и такъ ся в собе маеть: „Я Константиновая Малинская Маря Андрѣевна Масалского вызнаваю сама на себе и явно чиню тым моимъ листом, хто бы хотел того вѣдати, теперешний и потом будучий: што первей сего ее милость княгиня Андрѣевая Масалская, княгиня Ганна Путятина, матка моя, с порады приятелей своих и з вѣдомостю кревных моих, за властным позволенъем моимъ, мене в малженъство за пана Костенътина Михайловича Ела Малинского змовила, и водле закону нашого греческого мне з ним шлюб вчинивши, рок певный веселю была зложила и то все листом своимъ записным вмоцнила; а потом, невѣдати зъ яких причин, намовившися с паномъ Александром Семашком, сыномъ своимъ а братом моим, на рок зложоный веселью мене за пана Малинского в малженство оддати не хотела и тым пана Костентина Малинского под вѣдомостю моею ку великой пкоде приправила. И на том мало маючи, вчинивши намову с паномъ Семашкомъ, вземъши

мене из собою и приехавши в дом пана Семашковъ, до Бужанъ, мене кгвалтовне пану Семашку в моц подала, а сама заразом проч отъехала. А пан Семашко, с порады матки моее, ховаючи мене в дому своем болшей року, не такъ як почтивую шляхтянку а сестру свою, але яко неволницу, за великою а пилною сторожею, завжды через жону и приятел своих мене намовял и виставичне сам до того мене, просечи и грозечи, примушал, жебых третюю часть имеией моих Волынских, которые по небожчику отцу моем князю Андрѣю Масалском на мене правом прирожоным, яко на властного потомка еще прийти и спасти мели, ему на вечност записала. Ино ач кольвекъ я тых именей спадковых, которые на мене по отцы моем еще прийти мели, в моцы и в рукахъ своихъ на он часъ не мела и тепер не маю, нижли сходечи таковое невинное неволи и явного безправя, хотя есми ничого в руках своих не мѣла, предся, будучи в него в неволи, третюю часть ему над право по неволи записати и на вряде вызнати мусела. И еще на том записе и вызнаню моемъ мало маючи, предся мене в малженство за пана Малинского отдати не хотел, аж его до того примусил, што мнѣ на йменяхъ своихъ осмъсот копъ грошей записати мусил; и взявши в него тот запис, кроме вѣдомости моее, в себе заховал. То пак я, потом маючи вѣдомость от малжонка моего, иж он мнѣ на йменяхъ своих осмъсот коп грошей записал и тот лист до рук пану Семашку дал, заразом есми до пана Семашка приятелей своих, людей зацных, посылала, а потом и сама з возным и с шляхтою до его ездила, просечи, абы тот запис, от малжонка моего мнѣ на осмъсот копъ грошей даный, мнѣ отдал и вернул; он мнѣ на то никоторого отказу слушного не вчинил и того листу моего вернути и отдати не хотѣл. А так я, дознавши великую неприязнь до малжонка моего и до себе самое от пана Александра Семашка и постерегаючи того, абы тым листом моим малжонка моего и мене самое пан Семашко ку якой шкоде не привелъ, без жадное намовы и примушения, толко сама доброволне, з милости малжонское, пана

Костентина Малинского, малжонка моего, от того листу, которым мене кром воли и вѣдомости моее на именяхъ своихъ осмъсот коп грошей записал и пану Семашку до рукъ далъ, ото всее тое сумы осмисот копъ грошей и от всѣхъ обовязков, в том листе описаныхъ, вызволяю и волным чиню и тот лист касую и вморяю и в нивеч оборочаю вечными часы; и вже через то я сама, дети и потомки мои и нихто з близких и кревных моих тое сумы на малжонку моем, ни на потомках и близких его, за тым листом пойсковати не мают вечными часы. А естли бы хто-жъ кольвекъ, змыслывши собѣ якое право противку пана Костентина Малинского, малжонка моего, або на властное имя мое што ку тому листу причинивши, малжонка моего, або потомки и близких его за тым описом до права позвати и с тым листом в суду показатися смел, тогды суд, в которого ся тот лист, або иншие листы ку помочи тому листу покажут, не даючи всѣмъ тым листом моцы а местца, одно за неслушные и фалшивые приймовати и розумети мает, и еще тот, хто бы ся с тым листом моим, причинивши до его речи небылые, измышленые, в судѣ показался, тогды таковый кождый мает заплатити вины его кролевское милости тисячу коп грошей, а стороне ображоной, кого позовет, другую тисячу копъ грошей; бо я того листу николи от малжонка моего не бърала, а ни его вѣдала, и никого им не даровала и ничого о нем перво не вѣдала и тепер вѣдати не хочу вечными часы. И на то есми дала пану малжонку моему милому сесь мой листъ, подъ моею печатю, и для лѣпъшого сведомъя просила есми ихъ милости панов и приятелей моихъ о приложенъе печатей: его милости пана Федора Сенюты Ляховецъкого, войского Кремянецъкого, пана Анътона Яловицъкого, пана Михайла Павловича, пана Ивана Сенюту Хмелевъского, пана Василя Павловича, пана Павъла Корытенского, пана Остафъя Свищовского а пана Андрѣя Киверецкого, которые за устъною прозбою моею печати свои до сего моего листу приложити рачили. Писан в Луцку, лета Божого нароженъя тисяча пятьсотъ семъдесят шостого, месеца июля девятогонадцат

дня.“—А так мы, припустивши ку вѣдомости своей врядовой тое очевистое а добъроволное сознанье и листъ, записъ ее милости пани Костентиновое Малинское, панее Мари княжны Андрѣевъны Масалского, с початку аж до конца до книгъ кгродскихъ Луцкихъ записати казали.

Книга гродская Луцкая 1576 года, № 2050, л. 303 об.

LXVIII.

Заявленіе предъ гродскимъ урядомъ п. Дмитра Рогозенскаго и его жены о томъ, что они отдаютъ дочь послѣдней Варвару Угриновскую въ замужество за п. Яна Ворону съ ея личнаго на то согласія. Такое же заявленіе жениха и невѣсты о томъ, что они вступаютъ въ бракъ по доброй волѣ и личному желанію. 1572 года, генваря 23.

Лѣта Божого нароженя тисеча пят сот семдесятъ второго, месяца генвара двадцат третего дня.

Пришодчи и постановившися очевисто на вряде его кролевское милости в замку Луцком, передо мною Иваном Хребтовичом Богуринскимъ, подстаростимъ Луцким, земянин господарский пан Дмитръ Иванович Рогозенский, весполок з малжонкою своею панею Ориною Болбасовною оповедали и доброволне до книгъ кгродских Луцких тыми словы вызнали: Ижъ дей я Дмитръ Рогозенский пасербицу свою, а я Орина Болбасовна дочку свою панну Барбару, за радою приятелей своихъ и теж за хутю и позволенем ее самое, за човловека доброго, почътивого шляхтича, пана Яна Ворону в малжонство отдат хочем. Гдежъ и панъ Янъ Ворона и панна Барбара Угриновского, ставши очевисто жъ передо

мною, подстаростим Луцкимъ, доброволне вызнали тыми словы: Иж дей я Янъ Ворона панну Барбару Угриновского за себе в малжонство взяти, а я дей Барбара за пана Яна Ворону в малжонство пойти хочу, хуть и волю маю.—И просили, абы то было записано; а так я тое очевистое оповѣдане, доброволное сознане их милости всѣхъ вышей менованныхъ особъ до книг кгродских записати казалъ.

Книга гродская Луцкая 1572 г., № 2046, л. 51.

LXIX.

Дарственная запись п. Андрея Олизаровскаго новобрачной женѣ своей Ѳедорѣ Бѣлостоцкой на все движимое его имущество, въ награду за ея любовь къ нему и цѣломудріе. 1572 года, октября 19.

Року тисеча пят сот семдесят второго, месеца октебра двадцат осмого дня.

Князь его милость росказалъ записати, ижъ пришедши и постановивши очевисто перед его милостью земенинъ господарский панъ Андрей Олизаровъский, на зъезде теперешнемъ всихъ князей, пановъ, обывателей земли Волынъское в Количине, вызналъ водле листу своего властного и доброволного, од себе под печатю и подъ печатьми людей добрых жоне своей панеи Федоре Олехновне Белостоцкого даного, который листъ свой передъ княземъ его милостю положивши, просилъ, абы былъ вычитанъ и в книги кгродские Луцкие слово в слово вписанъ; которого князь его милость огледавъши, перед собою читати казалъ, и такъ ся в собе маетъ: „Я Андрей Олизаровъский ознаймую и явно чиню тымъ

моимъ листомъ каждому, кому того потреба вкажеть ведати, нинешнимъ и завжды напотом будучимъ, штожъ з воли Божое и за порадою и позволенъемъ пана отца моего милого Олехна Олизаровъского понялъ есми за себе в малжонство з дому пана Богдана Занковича Смыковъского свесть его милости а дочъку пана Олехна Белостоцкого панну Федору, по которой я дознавши склонность, милость и во всемъ статочное и учтивое противъ себе захованъе, так яко на станъ ее паненский належало, што хотячи еи нагородити и за таковую ее статочность знакъ ласки своее оказати и тымъ ее впередъ собе в таковои же статечности повольную мети и способити, не будучи никимъ намовенъ, толко по своеи доброи воли, даю, дарую и сим листомъ моимъ по животе моемъ ей, жоне моей милой панеи Федоре, всѣ речи мои рухомые от мала до велика, то есть: грoши готовые, золото, серебро, шаты, цынъ, мѣдь, кони ездные, возники, быдло рогатое и дробное и въвесь спрятъ домовый и то все, што бы ся одно по животе моемъ въ дому моемъ маетности моее оказало, на вечность записую. Маетъ жона моя милая тые вси речи мои рухомые по животе моемъ собе мети и вечне ихъ ку пожитку своему оборочати, маючи вечность за симъ листомъ моимъ тымъ, яко влостностю своею, по воли своеи шафовати, кому хотячи, будь по частямъ, або вси огуломъ, отдати, даровати и записати; а в томъ еи нихто ни которое трудности задавати и перекаазы чинити не маеть. Который я сесь мой описъ доброволный свой, ставши очевисто в замку Луцкимъ, оповедати и, давъши его до книгъ уписати и выписъ на то с книгъ одержавши, ей жонѣ моей милой дати; а то маю выполнити подъ закладомъ петима сты золотыхъ польскихъ. И на то-мъ далъ жоне моей милой панеи Федоре сесь мой лист подъ моею печатю; а при томъ были и того добре сведоми ихъ милость панове добродеи мои: панъ Федоръ Воютинский, панъ Яковъ Петровичъ Шибенский, панъ Иванъ Гавриловичъ Холоневъский, панъ Иванъ Лецковичъ Белостоцкий, панъ Микита Михайловичъ Оцовъский, панъ Иванъ Тихнович Поръванецкий, а панъ Богушъ Липлинъский, которыи за

прозбою моею печати свои приложити рачили к сему моему листу. Писанъ у Смыкове, лета Божого нароженъя тисеча пятъ сотъ семдесятъ второго, месеца октябра девятогонадцать дня".

Книга гродская Луцкая 1572 года, № 2046, л. 581.

LXX.

Запись земянки Марiи Гуляльницкой о томъ, что, проживъ немалое время въ замужествѣ за земяниномъ Яцкомъ Гуляльницкимъ въ любви и согласiи и не имѣя отъ него ни вѣновной, ни другой какой-либо записи въ обезпеченiе ея приданаго, она и впредь освобождаетъ мужа отъ выдачи ей вѣновной записи и навсегда отрекается отъ всякихъ правъ на ту часть его имѣнiй, которую должна была бы получить отъ него въ вѣно. 1572 года, ноября 15.

Року 1572, месеца ноябра 29 дня.

Приподчи и постановившися очевисто на вряде кгродскомъ, в замку Луцкомъ, передо мною Петром Хомякомъ, подстаростимъ Луцкимъ, от его милости князя Богуша Корецкого, воеводы земь Волынскихъ, старосты Луцкого, Браславъского и Вѣницкого, земянка земли Волынское повету Луцкого пани Яцковая Федоровича Поповчиная Гулялницкая Маря Яцъковна Тимоховича Гулялницкая доброволне до книг кгродских Луцких вызнала водле листу своего, под печатю своею и под печатми людей добрыхъ от себе малъжонку своему пану Яцку Гулялницкому даного, и тот лист свой передо мною, подстаростимъ, на вряде положивши, просила, абы был вычитан и въ книги кгродские Луцкие слово въ слово уписан. Которого я огледавъши, перед собою читати казалъ,

и так ся в собе маетъ: „Я Яцковая Федоровича Поповчиная Гулялницкая Маря Яцковна Тимоховича Гулялницкая явно чиню и вызнаваю сама на себе сим моимъ листомъ кождому, кому бы того была ведати потреба, ижъ я вступивши въ стан малжонский з малжонкомъ моим милым паномъ Яцком Федоровичом Поповкою Гулялницкимъ и мешкаючи з нимъ въ стане малжонском през немалый час, жадныхъ записовъ а ни жадное оправы посагу, вена на части именъя в Гулялниках малжонка моего пана Яцка я сама а ни братя не одержали; а ижъ ми Панъ Богъ, з ласки своее светое, доброго мешканя з малжонкомъ моим паномъ Яцкомъ Федоровичомъ Гулялницким узычити рачилъ, яко-м в него теперешнихъ часовъ жадныхъ записовъ а ни вена оправеного не одержала на части именя малжонка моего в Гулялникохъ, жадным писмом при брати моее нѣт и сама не маю, так и напотом никгды в малжонка моего жадных записовъ а ни вена оправеного на части именя его въ Гулялникохъ мети не хочу вечъными часы. Волен будет малжонокъ мой тую часть свою в Гулялникох самъ держати и ее вживати, и кому хотячи отдати, продати, даровати и записати, где хотечи ку пожитку своему оборочати, як самъ налепей розумеючи; а я, яко до того ничого не маючи, ему самому малжонку моему, так и кождому, хто бы тую част от малжонка моего держалъ, ни в чомъ и жаднымъ правомъ а ни жадными листы, естьли бы ся напотомъ в мене оказати мѣли або в брати моее, жадное трудности задавати не маемъ, а тые листы напотомъ або записы, естлибы ся або якая оправа посагу мнѣ от малжонка моего показали, везде въ каждого права жадное моцы мѣти не маютъ, кгдыжъ в мене самое а ни в брати моее жадных записов а ни оправы посагу, мнѣ от малжонка даных, нѣт и никгды жадных записов мѣти не хочу от малжонка моего пана Яцка Федоровича Гулялницкого. Якож я Яцковая Федоровича Гулялницкая Маря Яцковна Тимоховна Гулялницкая, сее доброволъное позволене, выречене и вызнане мое приводечи до моцнейшого и правънейшого скутку, обличне ставши перед вря-

дом замъку господарского Луцкого, до книгъ кгродскихъ Луцкихъ вызнала и записат дала, а потомъ, кгды суды земские, по коронации короля его милости новообраного, будут сужоны и справованы, волно будет малжонкови моему пану Яцку Федоровичу Гулялницкому, або естьли бы он комужъ колвекъ тую част именя своего в Гулялникохъ продал, тогды и тому волно будет оный выпис кгродский сознанъя моего, коли похочет, до книг справ судовыхъ земских Луцкихъ перенести и дати записати; который выпис кгродский вызнаня моего суд земский мает до книгъ судовых справъ земскихъ приняти и казати записати, так яко бых я сама, очевисто в суду земского Луцкого ставши, сознане учинила. И на то есми дала малжонку моему милому пану Яцку Федоровичу Гулялницкому сес мой лист з моею печатю. А для лепшое твердости и сведомъя сего листу моего просила их милости князя Григоря а князя Дмитра Ивановичов Ружинских, а пана Василя Ванъковича Вербъского, а пана Романа Василевича Марковъского о приложенъе печатей; ихъ милости, будучи того свѣдоми, то на прозбу мою очевистую вчинити, печати свои къ сему листу моему приложити рачили. Писан в Локачохъ, лета от нароженъя Исуса Христа Сына Божого тисеча пят сот семдесят второго, месеца ноября пятогонадцат дня.“—А так я, подстаростий, тое очевистое а доброволное сознане и лист панее Яцковое Федоровича Поповчиное Гулялницкое Мари Яцковны Тимоховича Гулялницкое слово в слово, с початку ажъ до конца до книгъ кгродскихъ Луцкихъ записати казалъ.

Книга гродская Луцкая 1572 года, № 2046, л. 605.

LXXI.

Жалоба епископа Владимірскаго Ѳеодосія Лазовскаго о томъ, что земянинъ Мануйло Болобанъ, будучи пьянымъ, жестоко избилъ и затѣмъ прогналъ изъ дому свою жену Марухну, внучку жалобщика, удержавъ ея имущество. 1572 года, ноября 21.

Лѣта по нароженю Исус Христовом 1572, месяца ноябра двадцат первого дня.

Присылал на вряд замку господарского Володимерского, до мене Якима Василевича, писара кгродского Володимерского, на тот час будучого на местцу пана Михайла Павловича, подстаростего Володимерского, велебный в Бозе отец Феодосей, владыка Володимерский и Берестейский, приятеля своего пана Михайла Дубницкого, войта Володимерского, жалуючи и оповедаючи на земенина повету Володимерского пана Мануйла Болобана Осекровского: иж дей сее ночи с четверга на пятницу тот то Болобан Осекровский внуку мою а жону свою властную Марухну Михайловну, в ночи, пъян з Свинарина приехавши до дому своего, до Осекрова, окрутне сбилъ и змордовал и, до стайни уведъчи, къ столпу у в одной кошули привезалъ был; а потом дей тое ж ночи, мало погодивши, зас убегши в стайню, а отвезавши ее, жону свою а внуку мою, повторе збивши и змордовавши посторонками, самъ рукою своею з двора и з села своего Осекрова у в одной кошули выгналъ и ее з дому своего кгвалтовне выбилъ отъ всее маетности ее, то ест золота и сребра, шат, клейнотов, пенезей готовых и иншое маетности ее, што дей набыла, идучи за него замуж, в домъ его принесла, и тую дей всю маетност ее при собе зоставилъ и ку пожиткови своему привлацил; которых маетностей внука моя реестръ написанный в себе мает и часу права у суду положити хочеть".—И просил владыка его милость, абы тую жа-

лобу и оповедане его до книг кгродских было записано; а так я то все за прозбою его милости у книги кгродские Володимерские записати велелъ.

Книга гродск. Владим. 1572 г., № 936, л. 210.

LXXII.

Донесеніе вознаго о врученіи п. Мануйлу Болобану позва къ духовному суду по дѣлу о „непристойномъ и нерядномъ“ сожительствѣ его съ женой. 1572 года, декабря 5.

Лѣта от нароженя Исус Хрыста Сына Божого 1572, месеца декабра месеца 5 дня.

Ставши очевисто на вряде замку Володимерского, передо мною Якимомъ Василъевичомъ, писаромъ кгродскимъ Володимерскимъ, на тот часъ будучимъ на местцу подстаростъскомъ, возный земъский повету Володимерского Демъянъ Мокренъский до книг кгродских тыми словы вызналъ: иж за приданъемъ твоимъ врядовымъ, маючи есми при собе двў особъ шляхту: Михайла Ставецкого а Станислава Кичинъского и духовную особу, протопопу Володимерского отца Федора Прокопенъского, на жалобу панее Марухны Михайловъны, сегодня, въ пятницу вышей датою помененую, подаломъ пану Манойлу Болобану Осекровскому, малжонъку ее, в дому его у в Осекрове позов духовный отъ его милости велебного отца Феодосия, владыки Володимерского и Берестейского, и от всего собору церкви столечъное епископъи Володимерское светое Пречистое; оклоло непристойного и нерядного в малжонстве мешканъя его з нею, яко ширей позовъ въ собе

обмовляетъ; за которым позвомъ зложиломъ пану Болобану рокъ передъ его милостю отцемъ владыкою и передъ духовенствомъ его милости въ замку его милости у Володимери стати месеца теперешънего декабря девятогонадцать дня. Ино дей панъ Болобанъ, оный позовъ духовъный учтиве от мене принявъши, на томъ року передъ его милостю владыкою и духовенствомъ его милости стати обецался.—И просила мене Марухна Михайловъна через приятеля своего пана Михайла Дубницкого, войта Володимерского, абы тое вызнане возного в книги кгродские записалъ.

Книга гродск. Владим. 1572 г., № 936, л. 224

LXXIII.

Дѣло о разводѣ Семена Хребтовича-Богуринскаго и Раины Русиновны.

1. Жалоба п. Андрея Русина-Берестецкаго, нареченнаго владыки Пинскаго и Туровскаго, о томъ, что когда онъ, вмѣстѣ съ дочерью своею Раиною и зятемъ Семеномъ Хребтовичемъ-Богуринскимъ, прибылъ въ Луцкъ съ тѣмъ, чтобы, согласно предварительному между ними соглашенію, Хребтовичъ и его жена формально, передъ урядомъ заявили о своемъ рѣшеніи расторгнуть брачный союзъ и „вызволили“ бы другъ друга „зъ малженства,“ то Хребтовичъ, не довольствуясь раньше принятыми условіями развода, сталъ домогаться отъ своей жены какой-то новой, обидной для ея чести записи, и получивъ отказъ, затѣялъ ссору въ присутствіи суда и нанесъ побои жалобщику и его дочери. 1572 года, апрѣля 14.

Року тисеча пятсот семдесят второго, месеца апреля четвертогонадцат дня.

Пришедши на вряд его кролевское милости в замок Луцкий, до мене Ивана Хребтовича Богуринъского, подстаростего Луцкого, его милост панъ Анъдрей Русинъ Берестецкий, нареченый вла-

дыка Пинский и Туровский, жаловалъ и оповедалъ велико обтяжливе и плачливе тымъ обычаемъ: „ижъ дей которое застановене и угода стала ся промежку насъ, мене Русина, а пана Семена Хребтовича Богуринского, писара кгродского Луцкого, черезъ властную особу его княжецкое милости князя Богуша Федоровича Корецкого, старосты Луцкого, Браславского и Веницкого, его милости князя Остафъя Соколского, подсудка земского Луцкого, а его милости пана Михайла Корытенъского, писара земского Луцкого, около розводу пана Семена Богуринъского и малжонки его а дочки моее Раины Русиновны, иж его милость князь староста, поспол с тыми приятелы нашими зобополными, верху менеными, выналезъкомъ своимъ а обычаемъ угодливымъ во именю Красномъ на томъ промежку насъ застановили, иж панъ Богуринский доброволне малжонъку свою а дочку мою Раину, такъ теж малъжонка его а дочка моя Раина его з малжонства доброволне одно другого выпустити мели, а дочка дей моя а жона его, я самъ и потомки мое о тотъ посаг шесть сотъ сто копъ грошей, который я по тои дочце своее а малжонце его пану Семену далъ, на немъ самомъ и потомкохъ его поискивати не мели и о то вечне молчати мели, и еще дей ку тому мел есми ему на ден всихъ светыхъ в року теперешнемъ семдесятъ второмъ сто копъ грошей литовскихъ дати, а онъ мене с тыхъ позвовъ кгродских, которыми мене тыхъ недавныхъ часовъ позвалъ, вызволити, обмовити, абы мне почтивому то не шкодило, и тую справу всю покасовати и вырокъ а всказъ его милости князя старосты Луцкого на сторону отложити мелъ; так тежъ вси листы мое на долги и на права розные, которые у него есми зоставил и тыхъ листовъ яко зятю своему зверил, вси поворочати мне приобецалъ. И за тымъ же дей застановенъемъ промежку насъ чрезъ его милость князя старосту и тыхъ приятелъ нашихъ, князя подсудка и пана писара земского, давши ихъ милости и сами промежку себе подъ добрымъ а цнотливымъ словомъ руки, приняли есмо собе рок на ден светого Юря, яко на нинешний день, тутъ перед вря-

домъ кгродскимъ, яко передъ особою твоеи милости, пане подстароста, в замку господарскомъ Луцкомъ стати и тую угоду и постановенъе, которое их милость промежку насъ учинити рачили, такъ пан Богуринский, яко и дочка моя а малъжонка его бывшая, одно другого с того малжонства вызволяючи, вызнати и то до книгъ кгродскихъ записати дати и тутъ же передъ врядомъ рокъ приняти, на который бы рокъ также обедве стороне, панъ Богуринъский, яко и дочка моя, передъ его милостю отцемъ Ионою, владыкою Луцкимъ и Острозскимъ, ставши, вызнати и оденъ другого отъ малженства вольными учинити мели. Якожъ дей я, чинечи досыть тому выналезку его милости князя старосты и приятел наших обополных, на тот рок, от их милости зложоный, а отъ насъ сторонъ принятый, з дочкою своею, малъжонкою его бывшою, тутъ, на врядъ его кролевское милости, в замок Луцкий хотечи то выполнити, приехалъ и перед твоею милостю, пане подстаростий, яко врядомъ кгродскимъ, того року ставалъ, и дочку свою Раину, которая была готова ведле выналезъку их милости, яко ся постановило, все вызнати, ставилъ; нижли дей панъ Семенъ Богуринъский, не хотечи тому выналезъку а угодливому постановенью его милости князя старосты и приятелъ верху мененыхъ досыт чинити, почалъ собе дивные причины вынайдовати и якогось листу от дочки моее, што бы было з уближеньемъ доброе а поцтивое славы моее и ее, домогати, чого дей никгды перед его милостю княземъ старостою и приятелы поменеными на постановленъю споминано не было, только дей на одномъ их очевистымъ врядовнымъ сознаню, кромъ жадныхъ листовъ, которое такъ на вряде кгродскомъ, яко и на вряде духовномъ, перед его милостю отцемъ владыкою, з обеюх сторонъ вызнати и на томъ вечными часы переставати мели, зъвлаща около вызволенъя от малженства и шести сот копъ грошей посаговых, што при пану Богуринъскомъ зостати мело; толко на сто копъ грошей вышей менованого долгу я ему лист дати мелъ. Якожъ дей и его милость князь Остафей Сокольский, подсудокъ земский Луцкий, яко роземца тое

речи, который то промежку насъ зъ его милостю княземъ старостою и паномъ писаромъ земскимъ становилъ, тутъ же на вряде передъ твоею милостю, пане подстаростий, очевисто вызналъ, иж на томъ есмо поцтивое слово и руки свое его милости князю старосте и приятеломъ нашимъ и тежъ сами промежку себе дали, же ся то такъ, а не инакъ все дня нинешнего передъ урядомъ кгродскимъ в замку Луцкомъ скончити мело; але дей панъ Семенъ Богуринъский, и того сведоцства его милости князя Соколского не слухаючи, зъгола ся листу домавлял. В чомъ я видечи таковый его упоръ, твоеи милости, пане подстаростий, в томъ оповедавшися, пану Богуринскому мовил, абы он у пятницу близко прийдучую до Красного ку его милости князю старосте ехал, где и я с паны приятелы и дочкою своею хотечи быти, же бы то его милость с паны приятелы вышей поменеными, водле застановленъя, менованое всее речи розознанъе и конецъ сполне учинити рачилъ. То пакъ панъ Семенъ Богуринский, закинувши на сторону вышей помененую угоду и постановенье и не маючи баченъя на зверхъность и на вряд его кролевское милости, а ни на покой посполитый, на волность шляхетскую, к тому особливе на убезъпеченъе, которое ся стало при вышеменованомъ постановенъю и угоде черезъ их милость князя старосту Луцкого, князя подсудка, пана писара земского, которымъ он руку и слово свое шляхетское на томъ далъ, ижъ я и дочка моя, бывшая жона его, мела зо мною безпечне для того до замку ехати и жадное небезпечности от него самого и ни от кого не выстерегаючися, того всего он занедбавши, мимо все тое, торгнувшися кгвалтовне а своволне, непристойне, яко цнотливому никгды ся не годило, на мене, чловека шедивого, старого, хорого, способивши собе пана Григоря Гулевича, хоружого Волыньское земли, пана Ивана Чаплича Шпановского, войского Луцкого, князя Дмитра Булыгу Курцевича, а пана Олехна Мощеницкого, пана Каховского, пана Понятовского, врядника пана Кищиного Воротневского, пана Речицкого, врядника столникова Дорогостайского, и иныхъ многихъ помочниковъ

своих, з ручницами долгими, з аркабузы, з луки и з ынымъ рознымъ оружемъ, в замку вышнемъ, у притворе церковномъ, где твоя милость, пане подстаростий, на тои вышо описанои справе заселъ былъ, мене самого рукою своею зъбилъ, сторгавъ и змордовалъ и шапку зъ головы зорвалъ, а дочку мою, бывшую жону свою, Раину, которая, тежъ будучи от него бита и шарпана, до мене ся под шубку уфатила и руками, яко отца своего, державлася, он, кромъ всее литости и баченъя, крикнувши на помочьниковъ и слуг своихъ, мене и ее бъючи, с под шубки, с под пахи моее вышарпнули, збили и змордовали, и приятелъ моихъ, которые зо мною сполне до вряду его кролевское милости перед твою милост, пане подстаростий, пришли были, их милости князя Остафъя Соколского, подсудка земского Луцкого, пана Михайла Хренъницкого и сына его пана Ивана Хренъницкого, а пана Ивана Борзобогатого Красенъского, мостовничого Луцкого, поляжили и никоторых зъшарпали, и панну Ганъну Холоневскую, почтивую шляхтянъку, к тому боярку слуги моего панцерного, жону небожчика Ивана Сушка, на имя Полагю, збили и зшарпали, в которомъ кгвалъте и гуку с хлопца моего Сасина торъбу мою, в которой было две тисечи золотыхъ черленых, таляровъ сто, монеты полское сорок золотых полскихъ, ланъцухъ золотый, в котором дей было двесте и двадцат золотых черленыхъ, перстеней золотыхъ с каменъемъ дорогимъ чотыри, два зъ шафермы, а два з рубинами, которые дей коштовали вси чотыриста золотых черленыхъ, крижъ золотый з каменъемъ дорогимъ и з ланцушкомъ золотымъ, который дей коштовалъ пятдесятъ золотых черленыхъ, листы на долги: оденъ листъ пана Василя Федюшка, хоружого Пинъского, на сто копъ грошей литовскихъ, листъ Войтеха Стелмахов на дванадцать копъ грошей литовскихъ, лист дворенина его кролевское милости Григоря Борковъ на дванадцать дукатов, лист Яна абътекара на осмъ копъ грошей литовскихъ, лист Евъхима кравъца Каменецъкого на десет копъ грошей литовскихъ, листы черцовъ, жидовъ за наймоване дому на дванадцать копъ грошей

литовскихъ, листъ Войтеха Коленовского на двенадцать копъ грошей литовских, лист Лаврина столяра на шест коп грошей литовских, ку тому дей тежъ листы господаръские и врядовые владычства Пинъского, с паном Михайломъ Теснокою и з ыными многими земяны повету Пинского в справах имеией церковных, которых дей я листов выличити и спаметовати на тот час не могу; которую дей торбу, для небезбечности злое дороги, перевоживаня черезъ воды, и не смеючи ее зо всимъ тымъ у мужика на передмости зоставити, казал есми тому хлопцу з собою до замку взяти; бо-м нигде ся у мести у господе не становил, але скоро-мъ ся через реку Стыр перевез, заразом есми для уставаня того року до замку пошол; якоже-м хотел, скоро быхъ ся с паномъ Богуринскимъ росправилъ, то есми заразомъ з Луцка до Варшавы в дорогу для пилныхъ потребъ своихъ ехати; и в тот дей час, при томъ кгвалту, гуку, крику и шарпаню, с того хлопца моего тая торба с тыми речми вышей поменеными оборвана; которое дей я шкоды не меную собе быти ни от кого иного, толко с причины самого пана Семена Богуринского.—И хотечи пан владыко о то мовити, просил, абы то было записано. А такъ я тое его милости оповеданъе и жалобу до книг кгродских записати казалъ.

Книга гродская Луцкая 1572 года, № 2046, л. 234 об.

Примѣч. Изложенному въ настоящемъ документѣ случаю предшествовали слѣдующія обстоятельства. Въ ноябрѣ 1571 года Андрей Русинъ, отъѣзжая въ Пинскъ, „до владыцтва своего“, уступилъ зятю и дочери въ пользованіе имѣніе въ м. Берестечкѣ, давъ имъ „вольность уживанья всякого, яко въ своемъ властномъ“. Обезпеченный этимъ, Хребтовичъ перевезъ въ Берестечко свое имущество и самъ съ женою „тамъ черезъ часъ немалый спокойне мешкалъ“. Тѣмъ временемъ А. Русинъ за что-то „розгнѣвался“ на зятя и въ концѣ января 1572 г. прислалъ въ Берестечко своего племянника Павла Корытенскаго съ отрядомъ вооруженныхъ слугъ, которые, пользуясь отсутствіемъ Хребтовича, пограбили его имущество и увезли съ собою жену его Раину. Когда урядникъ и ключникъ Хребтовича спрашивали Корытенскаго: „для чого онъ то чинитъ?“—тотъ отвѣчалъ: „мнѣ дядко мой, владыка Пинский, казал жону пана Семенову и маетность побрати и его самого забити, а жону его Раину до себе прислати, до Пинска“. Узнавъ о случившемся,

Хребтовичъ позвалъ тестя къ суду „о квалтовное насланье на дворъ Берестецкий, о взятье жоны его Раины“ и грабежъ имущества; сверхъ того Хребтовичъ претендовалъ о возмѣщенiи ему убытковъ, „што онъ выложилъ на лѣкарство, кгды былъ с причины жоны своее Раины а дочки пана Русиновы *по колько кротъ трутъ*“. 10 марта въ Луцк. гр. судѣ происходило разбирательство этого дѣла. А. Русинъ прислалъ „листы“—суду и сторонѣ—съ извѣстiемъ о болѣзни, но „для хоробы боленья очью“ не подписалъ ихъ, а лишь приложилъ къ нимъ свою печать. Судъ, видимо мирволя Хребтовичу, призналъ эти листы недѣйствительными, а самого Русина—неявившимся и присудилъ: а) чтобы Русинъ „пану Семену малжонку его а дочку свою Раину Русиновну отдал, а кгдыбы ее не отдал, тогды яко за голову, водлугъ статуту, 200 копъ грошей пану Семену платити будет повиненъ“; б) чтобы онъ уплатилъ зятю „за кгвалт дому шляхецкого“ 20 копъ и за „шкоды“ (по оцѣнкѣ)—1075 копъ гр. лит. (Книга Центр. Архива № 2046, л. 193 и слѣд.)—Тогда А. Русинъ упросилъ зятя передать ихъ дѣло на судъ „приятелей“, которые „постановили угоду“ между ними на условiяхъ, изложенныхъ въ помѣщаемомъ документѣ.—Въ августѣ того же года Андрей Русинъ умеръ, но дѣло о разводѣ его дочери продолжалось и по его смерти (Кн. № 2046, л. 443, 465 и др.).

---

2. Жалоба Раины Русиновны о томъ, что мужъ ея Семенъ Хребтовичъ-Богуринскiй возилъ ее въ Берестечко на сеймикъ Волынскiй, чтобы тамъ развестись съ нею, и не учинивъ съ нею никакого „постановенья“, бросилъ ее тамъ, строго запретивъ ей возвращаться къ нему и именоваться его женою. 1573 года, марта 25.

Лѣта Божого нароженя тисеча пятсот семдесят третего, месеца марта двадцат пятого дня.

Князь его милость рачилъ казати до книгъ записати, ижъ постановившися передъ его милостью очевисто в замку Луцкомъ, пани Семеновая Хребтовича Богуринская, писаровая кгродская Луцкая, Раина Андреевна Русиновна жаловала и оповедала на малжонъка своего пана Семена Хребтовича Богуринского о томъ, што дей онъ году тепер идучого семъдесятъ третего, месеца

февраля осмогонадцат дня, будучи порушонъ неякоюсь нелюбостью против мене и не хотечи зо мною в стане малъжонском мешкати, намавялъ мене черезъ никоторыхъ прителъ, абых я его доброволне з малжонства вызволила, и хотечи онъ тому предъсявзятю своему досыт учинити, на зъѣздъ всихъ обывателей здешнего паньства земли Волынское, до Берестечка, именъя пана Дзялынъского, в году нынешнемъ же семъдесят третем, месеца марта семогонадцат дня, мене з собою привезъ и там о томъ, яко бы ся зо мною розвелъ, с приятели моими намовити мелъ. То пакъ дей, будучи тамъ у Берестечку через колько дней, никоторого постановленъя зо мъною не вчинивши, самъ з Берестечъка проч поехал, а мене оттол не брал з собою, не велелъ, мовечи мне, ижъ „я тебе за жону мети и с тобою в малжонстве мешкати не хочу; а ни дей до мене бывай и жоною дей ся моею не озывай, бо дей тя певне окалечу“; и возницу того на имя Анъдрейка, который мене до Берестечъка был привезъ, от мене з собою взялъ, а мене одну самую, в однои только шубчине, не давши мнѣ ни гроша и не оставивши при мне ни одного слуги, безъ всего жити у Берестечъку, имени пана Дзялынского, покинул; а маетъность мою всю от мала до велика, такъ гроши готовые, яко золото, серебро, шаты, перла и речи рухомые, стадо сверепъе, быдло и што колвекъ одно з дому пана отца моего зошлого, пана Анъдрея Русина, по мъне онъ взялъ, такъже листы на именъя мои материстые Миръковъ и Браны и иные листы, справы, квиты небожчика отца моего, то все при собе он зоставилъ и въсе в него и тепер есть. Якожъ дей тамъ в Берестечку вашей милости, милостивый княже воеводо Волынский, и всему рыцерству, которые на он час при вашей милости были, таковый свой незносный жаль и великую кривду и долеглость оповедала; и не маючи ся я где подети, ажъ мусила дей есми тамъ у Берестечку чоловека наняти, который мене до брати моее, до пановъ Корытенскихъ отвез.—О што все хотечи она с паномъ Семеномъ Богуринскимъ, малъжонкомъ своимъ, мовити, просила, абы то было записано; а такъ князь его милость, при-

пустивши то ку ведомости своее, таковое пани Семеновое Богуринское Раины Русиновны оповеданье рачилъ казати до книгъ кгродских Луцкихъ записати.

Книга гродская Луцкая 1573 года, № 2047, л. 44.

Примѣч. Въ этой жалобѣ Раина совсѣмъ умалчиваетъ о томъ, былъ ли совершенъ въ Берестечкѣ, на сеймикѣ всего Волынскаго воеводства, разводъ ея съ мужемъ? Въ актахъ не сохранилось самаго постановленія объ этомъ разводѣ, но есть указанія, что разводъ былъ совершенъ. Въ октябрѣ того же 1573 года Раина Русиновна, „*бывшая* Семеновая Хребтовичовая Богуринская" (такъ она съ тѣхъ поръ титулуется въ актахъ) жаловалась на членовъ Волынскаго депутатскаго или каптуроваго суда (избраннаго по случаю смерти короля Сигизмунда-Августа), что они, „знать змовившися з *бывшимъ* мужемъ" ея, „отъ вѣна ея 900 копъ грошей вечне отсудили и его пану Богуринскому, бывшому малжонку" ея, присудили,—т. е. уничтожили силу вѣновной записи п. Хребтовича (см эту запись выше подъ № XLII), что не могло быть сдѣлано судомъ раньше расторженія брака. Впрочемъ, дѣло о разводѣ въ духовномъ судѣ, какъ видно изъ нижеслѣдующаго документа, въ то время еще не было окончено. (Кн. № 2047, л. 424 и 425).

---

3. Заявленіе Раины Русиновны, что она являлась въ срокъ на судъ духовный, къ Луцкому владыкѣ Іонѣ Борзобогатому-Красенскому, по дѣлу ея съ мужемъ о разводѣ; но владыка не принялъ ея, а его намѣстникъ отказался записать явку ея въ книги. 1574 года, октября 22.

Року 1574, месеца октебра 22 дня.

Пришодчи на вряд кгродский в замокъ Луцкий, передъ мене Михайла Вильгорского, подстаростего Луцкого от его милости князя Богуша Корецкого, воеводы земли Волынское, старосты Луцкого, Браславского и Веницкого, пани Раина Русиновна опо-

ведала тыми словы: ижъ дей владыка Луцкий и Острозский, архимандърить Жидичинский, отецъ Иона Борзобогатый Красеньский зложилъ ми рокъ очевисто з мужемъ моимъ, паномъ Семеномъ Богуриньским, писаромъ кгродскимъ Луцкимъ, абых я за позвомъ перед нимъ сегодня у пятницу стала; яко же-мъ дей я тому досыть чинечи, становилася и пилность чинила и оповедила наместнику владыки его милости и просила, абы пилность и станье мое записати казалъ; але дей наместникъ, не вем для которое причины, записати не хотелъ, естли фолкгуючи стороне, мене до шкоды и накладу, до утраты привелъ, што мене то немало коштуеть, же-м ся же и приятели зобрала; а панъ владыка мнѣ а ни о собе жадное ведомости дати не хотел.—И просила пани Раина Русиновна, абы то было записано; а так я тое оповеданье ее до книг кгродских Луцкихъ записати казалъ.

Книга гродская Луцкая 1574 г., № 2048, л. 370.

Примѣч. Окончанія этого дѣла нѣтъ въ актовыхъ книгахъ. Извѣстно лишь, что въ началѣ 1576 года Семенъ Хребтовичъ-Богуринскій вступилъ въ бракъ съ Катериной Андреевной Бабинской, вдовой по зем. Ив Городищскомъ (Кн. № 2050, л. 6 об.) и овдовѣлъ десять лѣтъ спустя, въ 1586 г.; что же касается первой его жены, то она не выходила вторично замужъ и съ тѣхъ поръ титуловалась въ актахъ: „Раина Русиновна Берестецкая"; но въ одномъ документѣ 1604 года она почему-то именуетъ себя такъ: „Раина Русиновна Семеновая Хребтовичовая Богуринская" (книга № 969, л. 678):

LXXIV.

Вѣновная запись п. Михайла Витонижскаго, которой онъ обезпечиваетъ въ двойной суммѣ приданое жены своей Софьи Окорской и сверхъ того даритъ ей третью часть своего движимаго имущества. 1573 года, генваря 8.

Року тисеча пят сот семдесят третего, месеца февраля двадцат третего дня.

Постановившися очевисто на вряде въ замку Луцкомъ, передо мною Петромъ Хомекомъ, подстаростим Луцкимъ от его милости князя Богуша Корецкого, воеводы земли Волынское, земенинъ повету Луцкого пан Михайло Витонизский, водлугъ листа своего веновного малжонъце своеи панеи Зофѣи Олехновне Окорского, до книг кгродских Луцкихъ вызнал, который лист положивши передо мною, просил, абы был читан, и тотъ лист так ся в собе маетъ: „Я Михайло Василевичъ Витонизский чиню явно и сознаваю симъ моимъ листомъ кождому, кому будетъ потреба того ведати альбо чтучи его слышати, ижъ з воли Божои, и с хути и милости моее, и за дозволенем его милости пана отца моего, пана Василья Витонизского, и с порадою кревных и приятелей моих, понял есми за себе в малжонство панну Зофѣю, дочку небожчика пана Олехна Окорского, з дому дядковъ ее пана Ивана а пана Юря Окорскихъ, по которои есми взялъ посагу двѣсте копъ грошей литовское личбы готовыхъ пенезей, а у выправи, то есть в золоти, в серебре, в шатахъ, в перлахъ, в конех, в быдле и въ иншихъ речахъ рухомыхъ, другую двѣ сте копъ грошей литовскихъ; а такъ я, видечи доброе а цнотливое жоны моее до себе захование и хотечи ее тымъ склоннийшую и поволнийшую до себе зневолити, протожъ напротивко того внесеня ее в дом мой записую еи, малжонце моеи милои, Зофѣи Олехновне Окорского симъ моимъ листомъ совито на третеи части всего именя моего, такъ

Витонизского, яко и если бых, з нею мешкаючи, што прикупил албо выслужил, то есть всего сумою осмъ сотъ копъ грошей личбы литовъской, личечи по десети пенезей белых у грошъ; также тежъ, з доброты моее, записую жоне моеи милои Зофѣи всѣхъ моихъ речей рухомых третюю часть; а чого Боже уховай вперед на мене, нижъ на жону мою, смерти, тогды жона моя милая Зофѣя Олехновна волна будеть кому хотечи тое вѣно свое, на имени моемъ от мене ей записаное, отдати, продати, даровати, записати и ку своему лепшому а пожиточнейшому оборочати, якъ едно воля ее на то будеть; того ей заборонити нихто з близкихъ, кревныхъ, повиноватыхъ моихъ и жаднои перекажы еи чинити в томъ не мають и не будуть мочи. И на то есми далъ малжонце моей милой, панеи Зофѣи Олехновне Окорского, сес мой лист з печатю и с подписом властное руки моее; а при томъ были и того добре сведомы их милость панове а приятели наши: его милост пан Иванъ Гулевич, подсудок земъский повету Володимерского, пан Семен Дрозденский, а пан Гаврило Гулевич, которыи за устною прозбою моею печати свои к сему моему листу приложити рачили. Писан у Витонижи, року от нароженья Исус Христа тисеча пят сот семдесятъ третего, месяца генвара осмого дня. Михайло Витонизский, рука власная.“—А такъ я тое очевистое а доброволное сознане и листъ пана Михайла Василевича Витонизского веновный, от него малжонце его панеи Зофѣи даный, слово от слова, с початку ажъ до конца до книгъ кгродских Луцкихъ записати казалъ.

Книга гродская Луцкая 1573 года, № 2047, л. 6.

LXXV.

Запись п. Михайла Сватковича Хренницкаго о томъ, что онъ, согласно рѣшенію третейскихъ судей, получилъ отъ зятя своего п. Януша Угриновскаго часть приданаго дочери своей Оксеніи, умершей не оставивъ потомства. Формальное уничтоженіе силы вѣновной и дарственной записей, выданныхъ нѣкогда п. Угриновскимъ женѣ своей. 1573 года, февраля 28.

Року тисеча пятсот семдесят третего, месеца февраля двадцат осмого дня.

Князь его милость росказал записати, ижъ постановившися очевисто перед его милостю в замку Луцкомъ, земенин земли Волынское, повету Луцкого, пан Михайло Сватковичь Хренницъкий до книг кгродскихъ Луцкихъ вызналъ, водле листу своего, пану Янушу Прокоповичу Угриновскому, подъ печатью своею и с подписомъ руки сына своего пана Ивана Хренницъкого, и тежъ под печатми людей зацныхъ, от себе даного, который лист перед княземъ его милостью положивши, просил, абы былъ вычитанъ и в книги кгродские Луцкие слово в слово вписанъ; которого князь его милост огледавши, перед собою читати казал, и так ся в собе маеть: „Я Михайло Сватковичь Хренницкий явно чиню и вызнаваю сим моимъ листом, ижъ што его милость пан Янушъ Прокопович Угриновский, з воли Божеи и тежъ за волею и позволенемъ моимъ и всих приятел моихъ, у мене взял в стан малженский дочку мою панну Оксиню, по которое дочце моее, выправуючи ее с четвертое части именей моих отчизных, далъ есми пану Угриновскому былъ готовыми грошми чотыриста копъ грошей личбы и монеты литовское, а въ выправе—золота, серебра, перел, клейнотовъ, шат, коней и иныхъ рухомыхъ речей, слушне ошацованых за триста копъ грошей тоежъ монеты литовское; и заховываючися пан Янушъ Угриновский, зять мой, водлугъ права посполитого и статуту, противъ того таковoго внесеня в домъ свой малжонки своее а

дочки моее записалъ и на вряде суду земского Луцкого был вызналъ еи, малжонце своей, противъ чотырох сотъ копъ готовыми грошми взятыхъ, осмъсотъ копъ, а против речей рухомых за триста копъ ошацованых, таковую жъ суму триста коп, того всего сумою одинадцать сот копъ грошей личъбы и монеты литовское, о чомъ всем ширей и меновите на листе веновъномъ и на выписехъ врядовых, в тои справе выданых, есть описано и доложоно. То пак будучи пану Угриновскому по закону хрестиянскому з дочкою моею въ стане малжонскомъ и учтиве а статечне час нѣкоторый з собою мешкаючи, съ прездренья Божого тая малжонка пана Угриновского, дочка моя, зъ сего света без потомства зышъла, а сходечи з сего света, тестаментомъ своимъ, слушъне учиненымъ, вѣно свое, гроши готовые и с привенкомъ, то есть осмъ сот копъ грошей, к тому кони ездные, возники и ложки сребреные отписала и тымъ пана Януша Угриновъского, малжонка своего, будучи волна властностью своею по воли своей шафовати, даровала и остаточною волею своею то потвердила, а речи рухомые, то есть: клейноты, золото, серебро, перла, шаты, то все засе мнѣ, яко отцу своему, в домъ мой на том же тестаменти своемъ малжонку своему пану Янушу отдати поручила и то так же волею своею остатечною потверъдила. А так я, Михайло Хренницъкий, по смерти дочки моее а малжонки пана Угриновъского, того всего внесеня в дом пана Угриновского, то ест вена с привенкомъ, от пана Угриновского дочце моей описаного, водлугъ листов записныхъ его, частокрот через приятел своихъ и пана Угриновъского упоминался, абы, не заводячися зо мною и не вдаючися в право, мнѣ то все, што по жоне своеи взял, в целости отдал. Тогды панъ Угриновский, не хотечи зо мною о то правоватися, але веспол со мною на розознане приятелское, а меновите на его милость пана Гаврила Бокия Печихвостского, судю земъского повету Луцкого, на пана Василя Гулевича, войского Володимерского, на князя Дмитра Козѣку и на пана Миколая Дубровского то пустили есмо, которые кгды на тои справе напои засѣли, тогды

напервей тестамент малжонки пана Угриновского вечне на всѣ пришлые и потомные часы при зуполнои моцы зоставили, и так знашли: иж то все, што на тестаменте было описано, таковым обычаем при кождомъ зостати мело, а тую суму пенезей, то ест вено с привенком осмъ сот коп грошей, тузинъ ложокъ сребраныхъ, кони ездные и возники при пану Угриновскому водлугъ тестаменту зоставили; речи тежъ рухомые, яко золото, серебро, клейноты, перла, шаты, хусты белые и иные речи мне, Михаилу Хренницкому, отдати знашли. Которому прителскому розсудку и застановеню пан Янушъ Угриновский досыт чинечи, всѣ тые рухомые речи, яко золото, серебро, клейноты, перла, шаты, хусты белые, што одно колвекъ было, водлугъ реистру, слушнымъ шацунъкомъ за триста копъ грошей ошацованы, до рукъ моих отдал; якожъ все вечне, на всѣ пришлые часы, никоторыхъ речей водлугъ листа веновного, такъ грошей готовых, яко золотыхъ чирвоныхъ и всякое якимъ колвекъ именемъ названое рухомое речи у пана Януша Угриновского и в потомъковъ его я самъ, Михайло Хренницкий, и нихто з сынов и детей и тежъ близких, кревных и повинныхъ моихъ упоминатися не маю и не мают, а тот тестаментъ малжонки пана Угриновского, дочки моее, вѣчне при зуполнои моци зоставую и николи против его ничего мовити и ни в чомъ его нарушивати и касовати я сам и все потомство мое и нихто с кревных моих не маю и не мают, але яко слушный, правдивый и правный завжды у кождого права приймован быти мает. А естли бых я, Михайло Хренницкий, и хтожъ колвекъ с кревных и повинныхъ моих тот тестаментъ малжонки пана Угриновского бурити и против него што мовити, або о тую суму осмъ сот копъ грошей, пану Угриновскому от малжонки его отписаную, з нимъ правоватися а тымъ трудност пану Угриновскому задавати хотел, тогды я сам и кождый, хто бы то чинити важился, будет повиненъ королю его милости пану нашому, который бы обранъ былъ, заруки тисечу копъ грошей, а пану Угриновскому также тисечу коп грошей заплатити, а заплативши заруки, предся то все, яко тут по-

менило, вечъне зостати и держано быти мает; якож и тот лист веновный, которым вено дочце моеи панъ Угриновъский записал был, к тому выписы земские и особливе лист тот, которым был панъ Угриновский вси речи и маетность свою рухомую дочце моеи по животе своемъ описал, и што одно листов ку тое справе належачихъ было, тые всѣ есми пану Угриновскому до рукъ оддалъ, не зоставуючи собе на то жадного права. А иж тые листы, на вено дочки моее зошлое належачие, в книги земские судовые есть уписаны, чого с книгъ выймовати вже нѣлзя, тогды варуючи пану Угриновскому, абы хто з стороны так сынов, яко и приятел моих, трудности не задавал, симъ листомъ описом моим тое все право вышей помененое касую и в нивеч его оборочаю, а пана Угриновского волным зо всего чиню, и хотя бы ся хтожъ колвек с тым правом у суду належачого, або гдеж колвек показати и о то с паном Угриновъскимъ або потомки его мовити хочет, тогды такowые записы, яко скасованые, у кождого суду везде за правные и слушные приймованы быти не мают. И на то есми пану Янушу Угриновскому дал сес мой вызнаный лист, под печатю моею и с подписом руки сына моего пана Ивана Хренницкого; а при том были и того добре сведоми их милость панове а приятели мои: пан Василей Гулевичъ, войский Володимерский, панъ Гаврило Бокий, судя земъский Луцкий, князь Дмитръ Козѣка, пан Миколай Дубровский а пан Иван Борзобогатый, мостовничий Луцкий, которые за устною прозбою моею печати свои к сему моему листу приложити рачили. Писан у Луцку, лета Божого нароженя тисеча пятсот семдесят третего, месеца февраля двадцат осмого дня.

Книга гродск. Луцкая 1573 г., № 2047, л. 11.

LXXVI.

Вѣновный листъ земянина Олехна Гулялыницкаго, выданный имъ женѣ своей Ѳеодорѣ въ обезпеченіе ея приданаго. Обязательства мужа по отношенію къ дѣтямъ жены отъ перваго брака. 1573 года, марта 10.

Року тисеча пят сот семъдесят третего, месяца марца третегонадцат дня.

Передо мною Петром Хомякомъ, подстаростимъ Луцкимъ от его милости князя Богуша Корецкого, воеводы земъли Волынское, старосты Луцкого, Браславского и Вѣницкого, земянинъ земли Волынское повету Луцкого Олехно Михайлович Гулялницкий доброволне до книгъ кгродских Луцких вызнал водле листу своего веновного, от него жонѣ его Федоре Останковича Игнатовне Ярмогеновича Гулялницкого, подъ печатю своею и теж под печатми людей добрых даного, и тот лист свой передо мною на вряде поloживъши, просилъ, абы былъ вычитанъ и въ книги кгродские Луцкие слово от слова вписан; которого я огледавши, перед собою читати казал, и так ся въ собе мает: „Я Олехно Михайловичъ Гулялницкий чиню явно и сознаваю самъ на себе симъ моимъ листомъ, кому будет потреба того ведати албо чтучи его слышати, нинешнимъ и напотомъ завжды будучимъ, ижъ з ласки Бога сотворителя нашого, не з жадного примушенъя, по доброй воли умысливши, взял есми собе у малженъство панюю Федору Ивановую Останковича Игнатовну Ярмогеновича Гулялъницкого, по которои жоне своей взял есми речей и маетъностий по ней, то естъ съ тою маетъностю, с которою она вышла з дому мужа своего небожчика пана Ивана Михайловича Останка Гулялницкого, то естъ з волы и с коровами, и с пашнею на поли засѣяною, и з готовою пашнею, што я ничого не шацуючи, одно хотячи ее за малжонку мети и у милости собе способити и симъ записомъ моимъ упевнити, не будучи ни од кого припужоный, ани намовленный, едно

сам, по своеи доброи воли, двадцат копъ грошей литовскихъ симъ листомъ моимъ жоне своей Федоре Игнатовне записую напротивку уношеня маетности ее у домъ мой на части именъя моего, от брати моее на мене прислухаючую, так влостнои части моеи третюю част записую во всемъ кгрунте, якъ у дворе, такъ и у полях и сеножатех, селищохъ, чертежох, дубровах и во всемъ, яко ся тая часть именя моего сама в собе мает; а вховай Боже часу смертелного на мене, потомъства бых из жоною моею не мел, тогды жона моя пани Федора на части именя от мене записаного до живота своего спокойне мешкати и тои части именъя моего вживати маетъ, а братя моя рожоная, такъ теж близкие, повиноватые мои ни в чомъ еи переказы чинити не мают; а еслиж бы замуж пойти хотела, теды братя моя або близкие, кревные, повиноватые мои маютъ заплатити жоне моей двадцат копъ грошей, а жона моя, взявши грошы, тую част именя моего брати моеи або близким в держане до рукъ поступити и подати маеть. Такъ теж, естли бы Богъ час смертелный на жону мою допустити рачил, а не мела бы потомъства зо мною малъжонкомъ своимъ, тогды я самъ маю и буду мочи тому двадцат копъ грошей тую отдати, кому жона моя, детемъ або близкимъ своимъ поручитъ. А што ся дотычет о дети тые, девки две, которые жона моя мела из небожчикомъ паномъ Иваномъ Останковичомъ, которых у моц взял есми изъ жоною моею Федорою, маткою их, при которых девках тых двохъ готовых грошей двадцат копъ грошей взял есми, маю ихъ в дому своемъ ведлуг обычаю ховати до летъ их, а доросши лет, естли бы они замужъ пойти хотели, тогды я маю, водлуг обычаю и водле можности своее, замуж их выдати и при выдаванъю якъ панне Татяне десет копъ грошей маю дати, такъ теж и панне Оксимъи также при выдаванъю другую десет копъ грошей дати маю. А до лет их маю я их у моцы и в поцтивости и в обороне своее мети, так тежъ и тые гроши при моцы мети восполокъ из малжонкою своею. А естлижъ быхъ я, розшафовавши тые гроши, на тот часъ имъ готовых гроший не дал, тогды на части именъя

моего записую тым обоимъ девкамъ по десяти копъ грошей. А при томъ были их милости: пан Иван Яцкович а пан Игнат Юшкович Гулялницкие, а пан Андрей Тарновский, которые за прозбою моею и печати свои приложили к сему моему листу записному. И на то-м дал жоне моей панеи Федоре Игнатовне Гулялъницкого сес мой лист, под печатъю моею властною и под печатми ихъ милости пановъ вышей в семъ листе описаных. Писан у Гулялницкохъ, року Божъего нароженя тисеча пят сот семъдесят третего, месеца марта десятого дня."—А такъ я тое очевистое а доброволное сознане и лист веновный Олехна Михайловича Гулялницкого, от него жонѣ его даный, слово в слово до книг кгродских Луцких записати казалъ.

Кн. гродская Луцкая 1573 года, № 2047, л. 30.

LXXVII.

Жалоба земянина Василія Холоневскаго на свою тещу Пелагею Матясовну и на мужа ея Кременецкаго подкоморія Ивана Патрикія-Курозвонскаго о томъ, что они содѣйствовали побѣгу жены жалобщика и, не смотря на его требованія, отказываются прислать ее обратно, настаивая, чтобы онъ далъ ей разводъ. 1573 года, сентября 8.

Року тисеча петсот семдесят третего, месеца сентебра осмого дня.

Будучи его милости князю Богушу Корецкому, воеводе земли Волынское, старосте Луцкому, Браславскому и Веницкому, на вряде его милости в замку Луцкомъ, приводчи перед его милость, земенин повету Луцкого панъ Василей Андреевичъ Холоневский жаловал и оповедал велико обтежливе на пана Ивана Патрикия Ку-

розвонского, подкоморого Кремянецкого, и малжонку его милости панюю Полагю Матясовну: иж яко дей есми взялъ за себе в малжонство дочку небожчика пана Романа Гулевича Хведору з дому пана Ивана Патрикия, з Борщовки, тогды-мъ дей по неи ку собе жадного доброго, зычливого малъжонского захованя не узнал, одно такъ, яко з однымъ неприятелемъ, она зо мною мешкала. Я-мъ дей не однокрот черезъ приятелей своихъ, панов зацныхъ, упоминалъ, абы она лепшою, зычливою и захованемъ до мене яко жона была; она о то ничого не дбаючи, предъся своего умыслу уживала, и еще матка ее пани Патрикиевая еи потуху в том чинила, не гамуючи ее от того, а она ся горшъ ку мъне оказовала. А потомъ дей року прошлого семдесят второго, месеца июля десятого дня, въ четвергъ, пани Патрикиевая, теща моя, прислала до жоны моее жонку свою служебную на имя Песчинскую, поведаючи, яко бы мела быти велми хора и за тымъ дей до вас листа не написала, же барзо хора, и мовечи, абы до нее ехала. Она дей у мене ку матце просилася; ямъ ее на малый часъ в суботу, июля второгонадцать дня, пустилъ и не досмотрил того, якимъ обычаемъ выбиралася, бо-мъ ся того по неи не сподивал, жебы тое надо мъною учинити смила, а еще-мъ на тот часъ был хор и заснул, а она тот час поехала до матки. А за тымъ мало не в тыжден слугъ моих, которые з нею тамъ на имя Петр а Мартин возничка ездили, пѣших пани Патрикиевая до мене з Радошина послала и с посмеванемъ отправила; слуги мои пеши пришли и то мне поведали, ижъ пани Патрикиевая не хорала, але на всемъ здорова была. Я до скрын пойду, коваля призвавши, бо ключи она з собою взяла, и посмотрю у скрынях, аж она мало не всю маетност мою без воли и ведомости моее, то ест золото, серебро, перла, шаты, ложки и ковшъ сребленый и иншие речи невестьи першои жоны моее небожчицы, яко полотна, рантухи, кошулки и иншие речи, выбрала и до матки своее отвезла; которые вси речи, што она з собою побрала, на реистре меновите пописаные в себе маю; и ач быхъ дей зараз то вряду оповедал, нижли-мъ их такъ борзо славити и

в книги уписовати не хотел, але-мъ ожидалъ, ач дей ко мъне ее пришлють. И посылалъ дей есми до пана Патрикия и до панее малжонки его милости, упросивши людей добрых, то есть его милость князя Остафъя Соколского, подъсудка земского Луцкого, пана Андрея Киверецкого, пана Богдана Смыковского, жебы ко мне жону мою зо всимъ, с чимъ от мене выбрала ся, послали; на што отказала до мене пани Патрикиевая: „я дей к нему жоны его не пошлю, але ему ражу, иж бы еи дал покой а ее вызволил з малженъства, а она его, бо возметь собе не жону, одно неприятеля." А потомъ дей пан Патрикий и пани малжонка его милости писали до мене лист свой через посланца своего, иж бых я, зъехавшися з ними до которого приятеля, а з жоною ся по доброи воли роспустилъ. Я, до жадного роспусту мысли и воли не маючи, послал есми до нихъ слугъ своих и описалъ до них, иж з жоною своею венчанною без потребы роспускатися не мышлю, але прошу, абы ми ее прислали; а до нее другий листъ послалъ, абы ко мъне, мужу своему, ехала. Их милость тое жъ до мене отписали, абых ся роспустилъ, а жоны ко мъне не прислали; а иж ми и до сих часов жоны их милость не прислали и в дому своемъ держат, а мне частокрот роки и посажене прителское в речи тое складаючи, тымъ мене зводят, яко и теперь у Луцку зо мною приятелей были высадили не мало, и ничого не скончивши, проч ся розъехали, а мене тымъ через увесь час о шкоду приправили болшъ нежли о сто копъ грошей литовскихъ.—И просилъ пан Василей Холоневский, абы то было записано. А такъ князь его милость тую жалобу и оповедане его до книг кгродских луцких записати росказалъ.

Книга гродск. Луцкая 1573 г. № 2047, л. 363.

Примъч. Курозвонскіе добились таки того, что Холоневскій развелся съ женою. Такъ можно утверждать на основаніи слѣдующаго отрывка изъ его жалобы, внесенной въ Луцк. гр. книгу отъ 21 января 1574 г. (№ 2048, л 1 обор): посылалъ де онъ, „ведле *постановеня приятелского*, остаточные двѣ коровы и девчину жоны моее *бывшое* Өедоры Романовны Гулевича до двора пана Патрикия..." Къ сожалѣнію, въ книгѣ не достаетъ листа, и жалоба на этихъ словахъ обрывается.

LXXVIII.

Княжна Марина Дмитріевна Буремская, находясь въ состояніи беременности и потому опасаясь за свою жизнь, записываетъ въ даръ мужу своему, земянину Григорію Колмовскому, свое приданое, желая тѣмъ отблагодарить за его любовь и попеченіе. 1574 года, февраля 12.

Року тисеча пятсот семдесят четвертого, месеца февраля дванадцатого дня.

Природчи и постановившися очевисто в замъку господарскомъ Луцкомъ, передо мною Михайломъ Вельгорскимъ, подстаростимъ Луцкимъ, от его милости князя Богуша Корецького, воеводы земли Волынское, старосты Луцкого, Браславского и Веницкого, земянка господарская повету Луцкого пани Григоревая Кольмовская кнежна Марина Дмитровна Буремъского доброволне до книгъ кгродских Луцких вызнала водле листу своего, который от себе дала малъжонку своему пану Григорю Кольмовскому, под печатю и съ подписомъ руки своее и тежъ под печатми людей зацныхъ, и тот лист свой передо мною, подстаростимъ, на вряде положивши, просила ее милост пани Кольмовская, абы был вычитан и в книги кгродские Луцкие уписан; которого я листу огледавши, перед собою читати казал, и так се в собе маетъ: „Я Марина Дмитровна Буремского Григоревая Енькевича Кольмовская чиню явно и вызнаваю симъ моимъ листомъ кождому, кому того потреба будеть ведати, або чтути его слышати, нинешънимъ и на потомъ будучимъ завъжды, ижъ я, будучи через увесь тот часъ в малъженстве за его милостью паномъ Григоремъ Кольмовскимъ, дознаваючи ласки а впреймей милости и всякихъ добродействъ по его милости пану Григорю Кольмовскомъ, малжонъку своемъ, которые его милость противку мене, яко верный цнотливый малжонокъ, показуеть, а ижъ в томъ часе Бог милосердъный з доброти своее обдаровати мене рачил, ижемъ от его милости обременела, слышачи то от людей и ведаючи о томъ певъне, яко то есть реч не безпечная, и

кождый человекъ, хоть же будучи и здоровый, години смерти есть небезъпечный; къ тому тежъ не помалу я то бачечи, же его милость пан Григорей Кольмовский, пан а малъжонокъ мой милый, взявши мене от ее милости кнегини матки моее в тот стан светый малженский, вытегаючи того вѣна моего от пана Ивана Хренницкого, который понял за себе в малъжонство жону брата моего рожоного князя Алекъсандра Буремъского Марю Соколинского, с которою побрал в моцъ свою дети князя Алекcанъдровы, того небожчика брата моего, на йимя князя Федора и князя Анъдрея, с которыми и всю маетност брата моего забрал; то пакъ его милость панъ Григорей Кольмовский, панъ а малъжонокъ мой милый, черезъ час немалый правуючися с паномъ Иваномъ Хренъницкимъ и малжонъкою его, такъ тежъ и опекунами братаничовъ моих, которых князь Алекъсандро, брат мой, дѣтемъ своимъ оставил, доходечи вѣна посагу моего, немалый наклад з утратою маетъности своее учинилъ, великое трудности ужилъ з небезпеченствомъ здоровя своего,—с тыхъ всих причинъ варуючи я, абы его милость пан Григорей Кольмовский, пан и малъжонокъ мой милый, по животи моемъ якои трудности зась зновъ повъторе от ее милости кнегини матки моеи, або от братаничовъ моихъ, такъ тежъ близких, кревных и повиноватых моих, або и от потомства нашого, если бы намъ его Богъ далъ, и отъ когожъ колвекъ съ стороны о тот посагъ мой и внесенъе мое в домъ его милости не ужилъ подле листу его милости записаного, которымъ его милость пан Григорей Кольмовский, пан и малъжонокъ мой милый, поимуючи мене за себе в малъжонство, вѣно мне записалъ, который я дала въ схованъе до рукъ ее милости кнегини матки моее,—бо мя тежъ и слово Божие того научило, ижемъ не есть никому повинънейшая, только малжонку своему милому,—с тых всих причин даю, дарую и тым листом моимъ вечъне записую въсе зуполна внесенье мое по животи моемъ, то есть: напервей тисечу копъ грошей литовское личбы, которую маю на половицы замку Буремецкого и въсего места Буремъля, и клячъ сорокъ от ее милости кнегини

Дмитровое Буремъское, матки моее, через опекунов в достаменте отца моего описаных, так тежъ и вси иные речи рухомые, которые одно есми мела з ласки ее милости кнегини матъки своее, яко золото, серебро, перла, клейноты, шаты, то есть вси вѣры свои, его милости пану Григорю Кольмовскому, малжонку своему милому, на вѣчъные часы. Маеть его милость пан Григорей Колмовский, панъ и малъжонок мой милый, тое усе внесенъе мое в домъ его милости, тисечу копъ грошей литовское личбы на полъзамъку Буремъского и на всемъ месте Буремскомъ, подле поровънаня с паномъ Хренъницкимъ и малжонкою его, якожъ и листъ его милость пан Григорей, малжонок мой, на то маеть, такъ тежъ клячи и въси иные речи рухомые, што кольвекъ одно есми мела и маю, по животи моемъ держати и въживати и ку своему лепъшому а пожиточнейшому то оборочати, яко самъ похочет. А того всего дару моего нихто з детей моих, если ми ихъ Богъ дасть, близкихъ, кревных и повиноватых моихъ на его милости пану малжонку моемъ, детех и потомъкохъ его милости, поискивати не мают на вечные часы, и половицы замъку Буремского и всего места Буремъля, не отдавши тое вышей помененое тисячи копъ грошей, з рукъ и держанъя его милости отнимати, шкоды и переказы и затрудненъя никому, хто бы за тымъ записомъ моимъ тую половину замъку Буремъского и въсе мѣсто Буремле держалъ и вживалъ, чинити и задавати не маеть. И на то есми тому малжонку моему милому, его милости пану Григорю Кольмовскому, дала сесь мой лист, под моею печатю и с подписом властное руки моее. А при томъ были и того добре сведоми их милость панове, то есть: его милость вельможный пан Михайло Мышка Варковский, кашталян земли Волынское, староста Овруцкий, а пан Григорей Гулевичъ, хоружий земли Волынское, пан Василей Гулевичъ, войский Володимерский, пан Миколай Харлинский, пан Янушъ Угриновъский; которые их милости за прозбою моею печати свои приложити рачили. Писанъ въ Луцку, лета Божого нароженъя тисяча пят сот семдесят четвертого, месяца февраля второгонад-

цать дня. Марина Дмитровна Буремъская Григоревая Янковичовая влостною рукою".—А такъ я тое очевистое а доброволное сознанье и лист ее милости панее Григоревое Кольмовское, кнежны Марины Дмитровны Буремъское, слово от слова, с початку ажъ до конца до книгъ кгродских Луцких записати казалъ.

Книга гродская Луцкая 1574 г., № 2048, л. 27.

LXXIX.

Жалоба земянки Өедоры Загоровской на сына своего Михайла Загоровскаго о присвоеніи двора въ с. Загоровѣ, уступленнаго ему жалобщицею лишь на короткое время, „для отправленья преносинъ"— обычая, совершаемаго во время свадьбы. 1574 года, іюля 22.

Лѣта по нароженю Исуса Христа Сына Божого тисеча пятсот семдесят четвертого, месяца июля двадцат второго дня.

Присылала до мене Михайла Привередовского, подстаростего Володимерского, пани Яновая Загоровская пани Федора Боговитиновна служебника своего Федора Шемета, оповедаючи и жалуючи на сына своего пана Михайла Яновича Загоровского: што дей кгды се он оженял, теды уживал мене прозбами своими через пана Федора Петровича Загоровского, абых я ему для приеханя з жоною его на преносины, до себе, до двора своего в Загорове, на час малый приехат дозволила; я дей то на прозбу его, яко сына своего, вчинила а до двора своего для отправеня тых преносин ему на час малый приехат дозволила; в которомъ дей он дворе моем аж и до сего часу мешкает, и мешкаючи в немъ, на мене безпрестани словы неучтивыми а сромот-

ными торгает, кривды и втиски ветикие, не даючи мне ни в чом воли, чинит; якож дей року тепер идучого тисяча пятсот семдесят четвертого, месеца теперешнего июля семогонадцат дня, в суботу, мене с того двора моего Загоровского кгвалтовне выбиватъ почал, в комор замки мои, которыми была позамыкала, поотбивал и слугу моего Федора Шемета збил, и над то дей еще подданых моих Загоровских в мене кгвалтовне отнял и мене з них, з спокойного держаня выбил и себе им послушным быти велел, а мене ни в чом послушным быти не казал.—И просила мене пани Яновая Загоровская пани Федора Боговитиновна через служебника своего звышпомененого, абых я тое оповедане и жалобу ее в книги кгродские записати казал; я тое оповедане и жалобу ее в книги кгродские записати велелъ.

Книга гродск. Владим. 1574 г., № 938. л. 164 об., актъ 159.

Примѣч. О томъ же обычаѣ—„*приносинахъ*“ мы нашли упоминаніе въ слѣдующихъ двухъ документахъ: а) въ 1566 г. земянинъ Владимірск. повѣта Ив Калусовскій жаловался: „што дей дня вчорашнего, в *неделю,* будучи мнѣ, за прозбою пана Семена Ораньского, в дому его, в Лазкове, на *приносинах* дочки пана Черчицкого за сына его, то пакъ дей“ земяне Лазаръ Иваницкій и Мих. Секунскій затѣяли съ жалобщикомъ ссору и нанесли ему побои: и б) присутствовавшій на тѣхъ же „*приносинахъ*“, по приглашенію отца невѣсты п. Семена Чернчицкаго, зем. Степанъ Гоголевскій жаловался, что поздно, ночью, когда онъ легъ уже спать, а его жена „зъ иншими паніями и паннами крутофиля собе вживали“ (т. е. развлекались), „яко белые головы“,—съ нимъ затѣялъ ссору п. Калусовскій. (Кн. № 923, л. 101 об. и 102.

LXXX.

Постановленіе гродскаго Владимірскаго уряда о дозволеніи дѣвицѣ-земянкѣ Ганнѣ Осекровской выйти замужъ за земянина Θедора Шишку, согласно ея личному желанію, формально предъ урядомъ заявленному, и согласію на этотъ бракъ со стороны ея матери и дядейопекуновъ. Изъ документа видно, что невѣста въ то время была уже обвѣнчана съ п. Шишкою, самая же свадьба должна была совершиться лишь черезъ восемь съ половиною мѣсяцевъ. 1575 года, февраля 19.

Лѣта по нароженю Исуса Христа Сына Божого тисеча пятсот семдесят пятого, месеца февраля девятогонадцать дня.

Постановившися обличне на вряде, передо мною Якимом Василевичом Стрывязским, писаром кгродским Володимерским, будучи мне на тот час на местцу его милости пана Станислава Кграевского, подстаростего Володимерского, пан Семен Ласкович Чернчицкий а пан Иван Берестский, весполок з сестрою своею панею Каспоровою Цетковскою панею Александрою Михайловною Берестскою, сами доброволне а устне то оповедали и до книг кгродских вызнали: иж што дей будучи тои сестре нашои панеи Александре в малженстве за першим мужемъ паном Иваном Болобаном Осекровскимъ, сплодила з ним двое детей, то ест две девце Овдотю а Ганну; ино одна, старшая Овдотя, з сего света зышла, вмерла, а молодшая Ганна при матце своей а сестре нашои, то ест при мне Цетковскои Александре, яко при матце зостала; которую дей мы девку, сестричну свою, будучи приятелми ее, в крве повинными, одностайне а згодне, зволившися з сестрою нашою а маткою ее панею Цетковского Александрою, з воли и презреня Божого, за доброволным позволенем самое девки, за пана Федора Ивановича Шишку в малженство светое дати змовили и пошлюбили и ведле обычаю закону нашого хрестянского звенчати дали. Як же и пани Цетковская Александра таковыми ж словы,

яко пан Чернчицкий и пан Берестский оповедали и вызнали, властными усты своими то вызнала, иж так ест, а не иначей. Где ж и тую девку панну Ганну передо мною на вряде ставили, которая очевисте а устне сама доброволне сознала, иж не сама своволне а ни теж поневолне, одно по доброи воли своеи, за позволенем панеи матки своее а за позволенемъ а волею и ведомостю приятелей своих звыш помененых и змовенемъ ихъ самых, за пана Федора Ивановича Шишку в малженство пойти зволила и пошлюбила. А иж на тую девку част именя, половина всего Осекрова зо всѣм, яко ся в собе мает, правом прирожоным отчизным приходит, которая дей половина того именя Осекрова, на нее приходячая, на тот час ест в заставе в пана Миколая Дубровского, иж небожчик пан Василей Болобан, стрый тое девки, будучи опекуном, пану Дубровскому в суме пенезей заставил,—просили мене яко пан Семен Ласко Чернчицкий, так и пан Иванъ Берестский и пани Каспоровая Цетковская Александра Михайловна Берестского, абых я з уряду кгродского им ведле змовы их тую девку панну Ганну Ивановну Болобановну за пана Федора Ивановича Шишку в малженство светое дати позволил и на всякие потребы на часы пришлые в книги кгродские то записал. Кгдыж оная девка панна Ганна з волею и ведомостю матки своее и их, кревных своих, пана Семена Ласка Чернчицкого а пана Ивана Берестского, через их самых за пана Федора Ивановича Шишку змовлена, а ее теж самое на то воля ест, я з уряду кгродского Володимерского онуи дѣвце панне Ганне в малженство светое за пана Федора Шишку звышпомененого пойти позволил и рок веселю, ведле зволеня их самых, о светом Михайле, свята нашого хрестянского руского прийдучого, которое мает быти въ року теперешнемъ тисячном петсотном семдесят пятом, зложилъ, и то для памети в книги кгродские записалъ.

Книга гродская Владимірская 1575 г., № 920, л. 31 об., актъ 33.

LXXXI.

Условіе, заключенное Волынскимъ воеводою княземъ Богушемъ Ѳедоровичемъ Корецкимъ относительно женитьбы сына его князя Якима на дочери каштеляна Виленскаго Яна Іеронимовича Ходкевича. По причинѣ несовершеннолѣтія жениха и невѣсты, свадьба назначается черезъ шесть лѣтъ послѣ сговора. 1576 года, іюня 16.

Року 1576, месеца июля 14 дня.

Перед нами Михайломъ Вильгорскимъ, подстаростим, а Григорем Данилевичом, судею, врядниками судовыми кгродскими Луцкими, его милость ясневелеможный князь Богуш Корецкий, воевода землѣ Волынское, староста Луцкий, Браславский и Веницкий, очевисто и доброволне в замку Луцкомъ вызнал водле листу запису своего, который от себе под печатю и с подписомъ руки своее и теж под печатьми людей зацных его милости ясневельможному пану пану Яну Ходкевичу, кграбе на Шклове и Мыши, пану Виленскому, старосте Жомойтскому, маршалку навышшому Великого Князьства Литовского, администратору и гетману землѣ Лифлянтское, старосте Ковенскому, державцы Телшовскому, дат рачил, и тот лист записъ свой его милость князь воевода Волынъский перед нами указавши и до рук наших давши, жедат его милость нас рачил, иж быхмо его с початку аж до конца до книг кгродскихъ Луцкихъ уписати казали. Которого-ж то мы листу огледавши, поред собою читати велели, и такъ ся в собе маеть: „Богуш Корецкий, воевода Волынский, староста Луцкий, Браславъский, Виницкий, чиню явно и ознаймую сим моимъ листомъ, иж з воли а зражения Бога сотворителя нашого змовилъ и пошлюбил есми взяти у закон светый малъженский за сына моего князя Яхима дочку его милости ясневелеможного пана, пана Виленского, старосты Жомойтъского, маршалка земъского Великого Князьства Литовского, администратора и гетмана землѣ Лифлянтское, старосты Ковен-

ского, державцы Тельшовского, пана Яна Еронимовича Ходкевича ее милость панну Ганну и рокъ веселю певный а неомылный на скутечное взяте ее в малженство за сына моего князя Яхима менованое дочки его милости пана Виленского панны Ганны, кгдыж зуполных лѣтъ обѣдве парсуны еще не мают, от свята теперешнего, близко прийдучого, дня светых верховных Апостолов Петра и Павла в року теперешънемъ тисяча пятсот семдесят шостом за шест лѣтъ зложил и принял есми ажъ до таковогo-ж свята и дня светыхъ Апостол Петра и Павла, которое быти и припасти маеть в року тисяча пятсот осмъдесят втором, на который часъ, кгды сын мой князь Яхим ку скутку взятя в стан малжонский дочки его милости пана Виленского панны Ганны на веселе в дом его милости пана Виленского до двора его милости Гнезное, даст Бог, приедеть и дочку его милости ее милость панну Ганну обычаем закону хрестянского в стан светый малженский первѣй нижли за себе озмет, там на он часъ, кгды сыну моему князю Яхиму его милость пан Виленский, ведлугъ обѣтницы и запису своего, посагу обецаного чтыри тисячи коп грошей литовскихъ готовыхъ, а в выправе, то ест в золоте, в серебре, клейнотах, перлах двѣ тисячи коп грошей даст, тогды маю я, або сын мой, за тое внесенье ее милости при моем и по моем животе, водлуг права посполитого и статуту, дочце его милости ее милости панне Ганне на третей части всѣхъ именей моих отчизных, купленых, выслужоных и якимъ колвекъ обычаем набытых оправу учинит и записами слушными водлугъ права утвердитъ, не зброняючися жадными причинами; а естли-же быхъ я або сын мой князь Яхим на оный вышей помененый рок, знайдуючи вымову якими-ж колвек причинами, службою господаръскою, або затруднением яким-же колвек домовым, хотели ся с того зрыват, а того сына моего князя Яхима на оный в сем описе моем укгрунтованый рок для скуточного взятя в стан малжонский дочки его милости пана Виленского ее милости панны Ганны в дом его милости до Гнезное не послал, або он сам по животе моем в дом его милости не приехал и дочки его

милости взяти и тому запису моему досыт чинити не хотел, тогды обовезуюсе, вскладаючи то сам на себе доброволне и на сына моего князя Яхима, также обовязокъ вкладаю заруки на господаря короля его милость петнадцат тисячей коп грошей литовскихъ, а сторонѣ противной образконой, его милости пану Виленскому, другую петнадцат тисячей копъ грошей литовскихъ заплатити маем а будем повинны и вси шкоды и наклады, кром всякого доводу и присяги телесное, одно на речене слова его милости оправити также будемо повинни. Якож, чого Боже сховай, абых се з сыном моим въ томъ его милости пану Виленскому подле сего запису моего зыстити не мел, тогды даю моц и сим листомъ описомъ моим утвержаю, иж в тых заруках, на особу его милости стороны обрaжонои приналежачих, мает се его милость пан Виленский, або по смерти его милости ее милость пани малжонка его милости, або панове опекунове тое панны Ганны, дочки его милости, кром всякого права и позываня, захователи толко одно, вземши возного з уряду которого кольвекъ, въехати в ыйменье мое, замок и место Межиреч и во всю волост, села, приселки и в фолварки, къ Межирѣчу належачие, и так замокъ и мѣсто Межиречъ, яко и всю волость, села, приселки, фолварки, в пашнѣ замковые и в фолварковые, засѣяные и незасѣяные, в бояре и в подъданые и во всѣ приналежные и яким-же колвекъ названые пожитки, здавна до того замку моего Межирецкого прислухаючие, который замок и все именье мое Межирецкое до тыхъ часов мает его милость пани малжонка и опекунове держати и уживати, покул я его милости, або сын мой князь Яхимъ, оную заруку петнадцат тисячей коп грошей отдати и вси шкоды и наклады на речене слова его милости заплатити маем. А што ся дотычет заруки господаря короля его милости, которая за оповеданъемъ стороны обрaжонои другая петнадцат тисячей копъ грошей на мне-ж, або на сыне моем князю Яхиме прийти и влитисе мусит, тогды, кром того замку моего Межиречa, волно будетъ королю его милости где индей, што бы за тую заруку стояло, у имене мое увезати се и то под

таковым-же обычаем и варункомъ до слушное от мене або от сына моего заплаты держати и вживати, чому я и сын мой всему противен, за сим обовязком и утвержоным описом моим, жадными причинами противни быти не маем. А гдебых я прречоный Богуш Корецкий, або сын мой князь Ахим, пропомневши того запису моего, у тое имене мое звыш помененое Межирецкое увязаня его милости самому пану Виленскому, пани малжонце, або опекуном по смерти его милости не поступили и в чом се колвекъ спротивили я або сын мой, тогды волно будет его милости пану Виленскому, пани малжонце его милости, по смерти его милости опекуном позвати мене, або сына моего, на суд его кролевъское милости властный до двору его кролевское милости, буд теж до которого колвек вряду суду земского, або кгродского, в короне Полской, або у Великомъ князьстве Литовском, а я и сын мой князь Ахим, не вымовляючи ся жадными причинами правными и не збиваючи позвовъ и не вымовляючися хоробою и службою господаръскою, там на оный рокъ постановивщисе, яко на року завитом, отказати и во всем усправедливитися их милости, на сторону врядового суду не откладаючи и до апеляций жадных не отзываючисе, будем повинъни; а если-бых я або сын мой перед таковым вышей помененым судомъ стати и отказовати их милости не хотели, тогды волно будет таковому суду сказане всякое и оправу ведля сего обовязку моего на мнѣ и на сыне моем Ахиме учинити, а я и сын мой тому сказаню под тыми-ж вышей поменеными заруками ни в чом спротивлятися не маем и не будем мочи. А чого, Пане Боже, рач уховат, на мене часу смертельного, тогды княгиня малжонка моя и сын мой князь Ахимъ и опекунове, которые з воли моее остаточное до всякого постановеня моего обраны будут, не отступуючи ни в чом сего опису моего и скутечного постановеня и обовязку моего, заховати и зыститися во всем том против его милости пана Виленского мают и будут повинны; который описъ, естли-бы се так через мене самого, княгиню малжонку мою и сына моего князя Ахима, або приятелей и опекунов

моихъ нарушити мѣлъ, тогды, по заплаченю зарукъ вышей помененыхъ и оправеню шкод, предсе во всем при зуполной моцы зоставен быти маетъ. Ведже в которой бы се речи з стороны его милости пана Виленского тому описови, мнѣ от его милости даного, досыт не стало, тогды от всѣхъ обовязков, в сем листе описаных, я сам и по смерти моей сын мой князь Яхимъ на вси пришлые часы волни быти маем. А при том были и того добре сведоми их милость панове приятелѣ мои: князь Михайло Александрович Чорторыский, староста Житомирский, князь Иван Иванович Чорторыский, а пан Иван Сенюта. И на то есми его милости пану Виленскому далъ сесь мой лист з моею печатю и с подписом руки властное, такъ же сына моего Яхима, писмом руским; а на твердост того и тые вышей помененые панове приятелѣ мои за прозбою моею печати свои приложити рачили к сему моему листу. Писан у Луцку, лѣта Божого нароженъя тисяча пятсот семдесят шостого, месеца июня шостогонадцат дня. Богуш Корецкий; Яхим Корецкий".—А так мы, врядники судовые кгродские Луцкие, припустивши ку ведомости своей врядовой тое очевистое а доброволное сознане и лист запис его милости князя воеводы Волынского, с початку ажъ до конца до книг кгродских Луцких записати казали.

Книга гродская Луцкая 1576 года, № 2050, л. 259.

LXXXII.

Иванъ Гулевичъ, подсудокъ земскій Владимірскій, записываетъ „привѣнокъ" женѣ своей Маринѣ Бѣлостоцкой; вѣно ей записалъ онъ раньше. 1576 года, іюля 1.

„Я Иван Михайлович Гулевич, подсудокъ земъский Володимерский, ознаймую и вобец кождому, кому бы то належало ведати, явно чиню сим моимъ листом нинешнимъ и напотом будучим, иж

што з воли Божое а презреня Его светого беручи мнѣ за себе в станъ светого малженства дочку у ее милости панее Ивановое Белостоцкое панее Олены Новоселецкого панну Марину, по которой есми взял до рук своих посагу грошми готовыми сто коп грошей личбы литовское, а в выправе, тоест в серебре, в золоте, в перлахъ, шатахъ, клейнотахъ и в иншихъ рухомых речех двесте коп грошей, того всего з готовыми грошъми триста коп грошей, которую суму пенезей вышшей описаную триста коп грошей записал есми малжонце своей паней Марине Ивановне Белостоцкого особливым листом моимъ позычоным обычаем на третей части именей моих властныхъ отчизных у Смолѣгове и у Качинѣ. А ижемъ в том листе моемъ напротивко тых ста коп грошей готовых, у посагу от ее милости панее Ивановое Белостоцкое через мене взятыхъ, привенку не учинил и на именю моем не описал а ни поменил, тогды я, заховываючися водле обычаю права посполитого и статуту земъского, напротивко тых ста коп грошей привенку другую сто коп грошей личбы и монеты литовское описую той малжонце моей паней Мари на третей части тых же обудву именей моих отчизных Смолегова и Качина; и гдебы, мешкаючи мнѣ з малжонкою моею теперешнею в малжонъстве светом панею Марею Ивановою, а потом естлибы первей Пан Бог з воли своее на мене час смертный допустит рачил, тогды по животе моем малжонка моя пани Маря Белостоцкого в той суме пенезей у сту копах грошей, яко у привенку, маеть третюю част именей моих вышше помененыхъ на себе держати и всяких пожитков, ку той третей части належачих, доброволне до живота своего уживати, а дети мои, с першою малжонкою моею в малженстве набитые, такъ и тые, которые, даст Бог, с теперешнею малжонкою моею з воли Божое мети буду, так тежъ нихто з брати, близких, кревных и повиноватых моих, не отдавши ей тых пенезей, в то ничим ся вступовати не мают. И на то дал малжонце моей паней Марине сесь мой лист, под печатю, з влостною подписъю руки моее. А при том были их милость пан Гаврило Гулевич, пан Остафей

Ковпытовский, пан Стефан Нешковский, староста Торчинский, пан Василей Семенович Воютинский. Яко-ж для лѣпъшого сведомтя и певности, утвержаючи сесь мой лист, просилом их милости о приложене печати; которые за очевистою прозбою моею то учинили, печати свои приложити рачили. Писан у Бѣломъ Стоку, року по нароженю Исус Хрыстовом тисяча пятсот семдесят шостого, месеца июля первого дня. Иван Гулевичъ рука влосная".

Книга гродская Луцкая 1576 года, № 2050, л. 270.

LXXXIII.

Донесеніе вознаго, посыланнаго къ княгинѣ Ганнѣ Чорторыйской и ея дочери княжнѣ Катеринѣ съ напоминальнымъ листомъ отъ Луцкаго земскаго суда, заключавщимъ требованіе, чтобы послѣдняя возвратилась въ домъ своего мужа, Брацлавскаго каштеляна Василія Загоровскаго, котораго она оставила съ малыми дѣтьми. Отвѣтъ Загоровской, что она согласна возвратиться къ мужу въ такомъ лишь случаѣ, если онъ дастъ обязательство никогда впредь не имѣть съ нею „справы малженской". 1576 года, ноября 4.

Року 1576, месеца ноябра 4 дня.

Передо мною Ярофѣемъ Гостским, сурокгатором або справцею замку и староства Луцкого, постановившися в замку очевисте па вряде, возный повету Луцкого Григорей Вербъский до книг тыми словы вызнал: Иж будучи я посланый з листом напоминалным от суду земъского Луцького в потребе его милости пана Василя Загоровъского, кашталяна Браславского, маршалка его кролевское милости, городничого Володимерского, до ее милости кнегини Ивановое Чорторыйское кнегини Ганны Кузмянны Же-

славского и до ее милости пани Василевое Загоровское, кнежны Катерины Ивановны Чорторыйского, малжонки вышей менованого его милости пана кашталяновы, упоминаючи ее милость кнегиню в том, иж што ее милость кнегиня Ивановая Чорторыйская, на ден светыхъ апостол Петра и Павла, приславши сына своего князя Юря Чорторыйского з манастыра Земенского, давши знат о великои а тяжкои хоробе своей и просечи его милости пана кашталяна Браславского, жебы малжонку свою а дѣвку ее милости наведити в так тяжкои хоробе ку ее милости послал, што его милость зараз, чинечи досыт воли и жеданю ее милости, упросивши панее дядиное своее ее милости пани Олехновое Загоровъское, кнежны Зофеи Ивановны Жеславского, тогож вышей менованого дня на ден светых апостол Петра и Павла до ее милости ку Зѣмну послал, которая назад и до сего часу до его милости не приехала,—абы ее милость дочку свою а малжонку его милости пана кашталяна Браславского до его милости отослала, такъ теж особливе упоминаючи ее милость самую панюю Загоровъскую, абы она, яко будучи жоною шлюбною его милости пану кашталяну Браславскому, до его милости и до деток своих в дом поехала и зъ его милостью, яко з малжонком своим, водле закону хрестянского и повинности своее в стане малженском мешкала. То пак, кгды есми тамъ году нинешънего семдесят шостого, месеца сентебра дванадцатого дня з шляхтою людми добрыми: паном Богданом Кнегининским а служебником пана Палуского паном Станиславом Неосинским, до двора кнегини ее милости до Сморжова, именя ее милости, приехали, поткавши мене сын ее милости князь Иван Чорторыский и пан Ждан Бронницкий, врядник Клеванъский, и повѣдили, иж ее милость кнегиня хвора и никого до себе не пускает, але естлибы-сте мели которую потребу, або листы до ее милости, нам повежте, або отдайте, же ее милости донесемо. Я возный поведил: „не одно до самое кнегини ее милости ест потреба, але и дочки ее милости, то ест пани Браславское, у которых мне и шляхте от его милости пана Бра-

славского з листомъ напоминалным врядовнымъ ест быти потреба“. Ино его милость князь Иван отказалъ: „там же дей при кнегини матце ест и пани Браславская, але васъ тамъ не пустятъ; про то, што, пане возный, маеш лист або мовене которое, мне повеж, а я кнегини ее милости и пани Браславскои донесу“. Ино я, то бачачи, иж инакъ быти не могло, отдал есми лист напоминалный его милости князю Ивану, с которым его милость пошол на впокуи до кнегини ее милости, и по малои године вышедчи его милость от кнегини ее милости с паномъ Жданом Бронницким, и поведил князь его милость тыми словы: „иж кнегиня ее милость матка моя пани кашталяновои до малжонка и детей ее ехати не боронит, але ее, яко детяти своего, з дому ее милости выганяти не годится“. А пан Ждан Бронницъкий поведил тыми словы: „ее милость пани кашталяновая такий отказ через мене учинити казала, иж ее милость, видечи з грехом свое мешкане у малженстве с паномъ кашталяном, до его милости ехати и з его милостю жити не хочет, аж бы его милость шлюбил и добре ее милость упевнил жадное справы малжонское до живота своего зъ ее милостью не мѣти“.—А такъ я тое очевистое сознане возного до книгъ кгродских Луцкихъ записати казалъ.

Книга гродская Луцкая 1576 г., № 2050, л. 483.

LXXXIV.

Жалоба зем. Семена Хомяка-Смордовскаго о томъ, что Марья Андреевна Еловая-Малинская, урожд. княжна Масальская, заключивъ съ жалобщикомъ письменное условіе относительно вступленія съ нимъ въ бракъ, въ день свадьбы уѣхала неизвѣстно куда, чѣмъ нарушила означенное условіе и ввела жалобщика въ напрасные расходы. Подтвержденіе возным справедливости жалобы. 1577 года, мая 21.

Лѣта по нароженю Исус Хрыста Сына Божого тисеча пятсот семдесят семого, месеца мая двадцат первого дня.

Присылал на вряд кгродский Володимерский, до мене Станислава Кграевского, столника Подляского, подстаростего Володимерского, земенин землѣ Волынское повету Луцкого пан Семен Тихнович Хомекъ Смордовский, оповедаючи и жалуючи на панюю Костентиновую Еловую Малинскую, панюю Марю Андрѣевну Масалского, о том, што ж дей она часов недавно прошлых сама доброволне, с порадою и ведомостю приятелей своих, позволила и шлюбила пойти за мене в малженство, и рок веселю водле воли и баченя своего зложила и зо мною приняла на ден певный, то ест в шести неделях по Велицедни, святе прошломъ, в року теперешнем семдесят семом, в неделю, месеца мая девятогонадцат дня, на местцу певном в дворе Радовицкомъ, в котором она на тот часъ мешкает, на што дей мне лист свой записный под печатю своею и под печатми людей добрых дала, в котором ся описала, если бы на тот рок и ден на местцу назначоном в Радовичох за мене в малженство не пошла, тогды мѣла мне заплатити заруки тисечу коп грошей литовских и всѣ шкоды и наклады на речене слова, што ширей а достаточней на том листе ее записном ест описано. То пак дей я, заховываючися в том водле шлюбу и власного опису ее, на тот рок, от нее самое зложоный, в неделю, месеца мая девятогонадцать дня, с приятелми своими на местце

назначоное, до двора ее Радовицкого ку веселю был приехал и все, штом был винен водле постановеня и опису, чинити и полнити был готов; нижли дей пани Малинская, запамятавши опису и шлюбу своего, не дбаючи на обовязки в нем описаные, на тот рок, который сама зложила и приняла и листом своим описным вмоцнила, за мене в малженство пойти не хотела и от того року, сподеваючися мене, з ыменя и з двора своего Радовицкого проч отехала, и не вем, где ся скрыла, и мене ку великои шкоде и накладом приправила, меновите шкодую от нее в том шестсот копъ грошей.—Якож и возный повету Володимерского Демян Мокренский, который з уряду от мене приданый на тои справе был, ставши очевисто, до книг вызнал тыми словы: штож дей пан Семен Хомекъ з многими зацными паны приятелми своими, а меновите: с паном Иваном Романовичом Сенютою Ляховецким, с паном Семеном Захаревичом Гутыром, старостою Муравицкимъ, с паном Илею Радовицкимъ, с паном Иваном Бурым, с паном Тихном Свищовским, в неделю, месеца мая девятогонадцать дня, водле опису панее Костентиновое Малинское, который читан был с початку аж до конца, до двора ее Радовицкого ку веселю был приехал, нижли дей панее Малинское в дому не застали, и ожидаючи ее, того дня с поранку аж до самое ночи в дворе ее Радовицкомъ мешкали, одною пани Малинская як сама того дня, в неделю, в дворе своемъ Радовицкомъ не была, и никого не присылала и никоторое вѣдомости о себе не вчинила.—А так я жалобу и оповедане пана Семена Хомека и возного сознане, за прозбою пана Хомековою, в книги кгродские записати казалъ.

Книга гродск. Владим. 1577 г., № 939, л. 53, актъ 56.

LXXXV.

Жалоба пп. Ивана и Семена Красенскихъ о томъ, что п. Иванъ Шельвовскій, вопреки заключенному съ ними предбрачному условію, не выдѣлилъ сыну своему Прокопу слѣдуемой ему части родового имѣнія, на которой онъ долженъ былъ обезпечить вѣно своей невѣсты – сестры жалобщиковъ, въ слѣдствіе чего послѣдніе сочли себя въ правѣ удержать часть обѣщаннаго приданаго. Свидѣтельство вознаго. 1577 года, іюля 8.

Року 1577, июля 8 дня.

Передо мною Андреемъ Киверецкимъ, подстаростимъ Луцкимъ, от его милости пана Александра Жоравницкого, старосты, ключника и городничого Луцкого, ставши очевисте на вряде кгродском, в замъку господарскомъ Луцкомъ, врожоный панъ Иванъ Красенский, мостовъничий Луцкий, самъ от себе и именем брата своего молодшого, врожоного пана Семена Красенского ж, жаловалъ и оповедалъ на врожоного пана Ивана Шелвовъского о томъ, штожъ дей его милост в году нинешнемъ тисяча пятъсотъ семъдесятъ семомъ, месеца февраля шостогонадцать дня, при бытности веля зацныхъ людей, приятелъ их сполных, в Луцку, учинивши дей з ними намову и певное постановлене тымъ обычаемъ, ижъ менованый панъ Иванъ Шелвовский змовилъ сестру ихъ рожоную панну Макгдалену Олехновъну за сына своего пана Прокопа Шелвовъского в станъ светый малженъский, и мелъ дей былъ сына своего помененого пана Прокопа в домъ их до Заборовля ку таковому веселю на рок певъный послати и тому, што ся з воли Божое а за радою приятелъ ихъ сполныхъ намовило и постановило, досыт учинити; а панъ Иванъ дей з братомъ своимъ паномъ Семеномъ мели были дати сыну его, пану Прокопу, по сестре своей панъне Макгдалене вена шестъсотъ копъ грошей, то ест в готовых грошох, у золоте и в серебре триста копъ грошей, а у выправе другую триста копъ грошей; што дей все мелъ

сынъ пана Ивана Шелвовъского панъ Прокопъ на именю своемъ отчизномъ Шелвовъскомъ, ему от него, отца его, пущономъ, сестре пановъ Красенских а облюбеницы своей панне Макгдалене, водле обычаю и права в статуте описаного, записати або оправу учинити. На што дей листы, записы с печатми и с подписанъем влостных рукъ своихъ, якожъ с печатъми людей зацных, приятелъ ихъ сполных, на обедве стороне межи себе роздали, утвержаючи дей то межи собою водле записовъ своихъ непорушъно держати, подъ закладомъ шестьмасты копами грошей и подъ нагороженемъ всихъ шкодъ на самое реченъе слова, хто бы дей с таковаго листу опису межи ними выступилъ и его нарушилъ, стороне таковое постановлене держачой платити; яко дей то ширей и достаточней на оныхъ листехъ записехъ ихъ, которые межи себе роздали, есть описано и доложоно. Ино кгды дей таковый рокъ веселя, водле листу опису и певного постановленя ихъ приятелского, дня вчорашнего, у неделю, припалъ, панъ Иванъ Шелвовъский сына своего пана Прокопа в домъ их до Заборовля на таковое веселе послалъ, а такъ дей панъ Иванъ Красенский самъ от себе и от брата своего пана Семена, маючи при собе приятелей людей зацныхъ и возного повету Луцкого пана Григоръя Вербъского и при немъ шляхту людей добрыхъ, на року веселя, чинечи досыть листу опису, з братомъ своимъ паномъ Семеномъ сполне пану Ивану Шелвовъскому даному и постановленю приятелскому, сестру свою панну Макгдалену обычаемъ звыклымъ хрестянскимъ в станъ светый малженьский сыну его пану Прокопу выдал и выправу з веномъ тромасты копами, то есть гроши готовые, золото, серебро, перла, шаты, к тому иные до того належачие рухомые речи, што дей все было ошацовано за шестъ сотъ копъ грошей личбы литовъское, все готово маючи, оказалъ и перед паны приятели такъ его, яко и своими, покладалъ и отдавати дей за менованою сестрою своею пану Шелвовскому готовъ былъ; одно ижъ дей панъ Прокопъ Шелвовъский, сынъ его, на чомъ бы водле статуту и права посполитого малъжонце своей а сестре пановъ Красенскихъ,

вземши за себе в стан светый малженьский, таковую суму пенезей шестьсотъ копъ грошей вено ее оправити и записати могъ, пущоного ему именя от отца своего, водле опису от него паномъ Красенскимъ даного и постановленя приятелского, не мелъ, для чого дей панъ Иванъ, с тое всее сумы шести сотъ копъ грошей вена и выправы двесте и двадцать копъ вынемъши, при собе зоставилъ, а остатокъ вена—гроши готовые и менованую выправу всю, з иными до того належачими речъми, што дей все водле шацунку сумою чинило триста осмдесятъ копъ грошей личбы литовское, сыну его пану Прокопу за менованою сестрою своею отдалъ, которых дей двесте и двадцат копъ грошей, остатокъ вена, панъ Иванъ при собе к схованю задержалъ до того часу, ажъ бы то все панъ Прокопъ Шелвовский на чомъ певъномъ малжонце своей записать и уистити мелъ; кгдыж дей до того причину самъ же пан Иванъ Шелвовъский, отец его, далъ, ижъ досыть учинити записови своему не хотелъ и помененому сыну своему, на чомъ бы онъ таковую суму пенезей шестьсотъ копъ грошей водле статуту и права посполитого сестре их а малжонъце своей записать и оправити мелъ, именя ему жадного не далъ и не поступилъ; а для того дей, водле листу опису своего, пану Ивану и брату его пану Семену Красенскимъ даного, в закладъ шесть сотъ копъ грошей личбы литовское имъ попалъ, а особливе дей их же о шкоды на чотыриста копъ грошей литовское личбы приправилъ. О што все панъ Иванъ с братомъ своимъ паномъ Семеномъ не хотечи молъчати а ѳ то с паномъ Иваном Шелвовъскимъ водле опису, от него имъ даного, правне поступовати, просилъ, абы таковая жалоба и оповедане его до книгъ кгродскихъ Луцкихъ было записано.—Якожъ и вышъменованый возный повету луцкого панъ Григорий Вербский, предо мною на вряде очевисто ставши, до книгъ кгродскихъ Луцкихъ ку записованю тыми словы вызналъ: Будучи дей мне от вашои милости, пане подстаростий, з уряду приданымъ а прошонымъ и возваннымъ на веселе и справу от

его милости пана Ивана Красенского в домъ его милости до Заборовля, в году нинешнемъ тисяча пятьсотъ семъдесять семого, месеца июля вчорашнего семого дня, в неделю, где панъ Иванъ Красенский самъ от себе и от брата своего рожоного молодшого пана Семена выдавалъ сестру свою рожоную панну Макгдалену Олехновну в станъ светый малженъский за сына его милости пана Ивана Шелвовского пана Прокопа Шелвовского ж, а маючи при собе мене возного, ктому шляхту людей добрых: служебника пана Василя Красенского Станислава Рудковского и Миколая Зеленского, служебника пана Станислава Држановского, на року веселя водле постановленя приятелского и опису своего, з братомъ паномъ Семеномъ пану Ивану Шелвовъскому сполне даного, пред их милостъю паны приятелы такъ пана Шелвовъского, яко и своими сполными, оказовалъ и покладалъ и выправу з веномъ тримасты копами грошей, то есть гроши готовые, золото, серебро, перла, шаты, к тому иные до того належачие рухомые речи, што все было ошацовано за шесть сотъ копъ грошей личбы литовское, все готово маючи, покладалъ и отдавати за менованою сестрою своею пану Прокопу Шелвовъскому готовъ былъ; але иж панъ Прокопъ Шелъвовский не мелъ от отца своего пущеного ему именя, на чомъ бы то малжонце своей а сестре панов Красенских уистилъ и записалъ, для того панъ Иванъ, с тое сумы шестисотъ копъ грошей двесте и двадцать копъ грошей вынемши, при собе зоставилъ, а остатокъ вена—гроши готовые и менованую выправу всю, з иными до того належачими речъми, што все водле шацунку сумою чинило триста и осмъдесять копъ грошей личбы литовъское, пану Прокопу Шелвовъскому за сестрою своею отдалъ, которых двесте и двадцать копъ грошей, остатокъ вена, панъ Иванъ ку схованю при собе зоставилъ и задержалъ до того часу, аж бы то все панъ Прокопъ Шелвовъский малжонъце своей на чомъ певномъ уистити и записати мелъ; што панъ Иванъ мною вознымъ и помененою шляхтою осветчилъ.—А такъ я, за прозбою

пана Ивана Красенского, таковое оповедане его и очевистое возного сознане до книгъ кгродских Луцкихъ записати казалъ.

Книга гродская Луцкая 1577 года, № 2051, актъ 562, л. 464 об.

LXXXVI.

Дарственная запись землянки Ганны Гостской[1]), выданная ею своему мужу Еровею Гостскому на вѣно, денежную сумму и на всю движимость. 1578 года, ноября 22.

Року 1578, месеца ноябра 26 дня.

На рокох судовых великих трибуналских, перед нами, депутатами на суды великие трибуналские у воеводстве Волынскомъ обраными... (*слѣдуетъ именной перечень*), постановивщися очевисто в замку господарском Луцком, ее милость пани Ярофеевая Гостская пани Ганна Тихновна Козинского сама устне доброволне до книгъ судовых трибуналских тыми словы вызнала: иж дей дала, даровала есми его милость пана Ярофея Гостского, пана малжонка моего, всѣмъ вѣном своим на вечные часы; ктому теж его ж милости пану малжонку моему дала, даровала и записала есми на часы вечные яко тую суму пенезей, што-м за Осмиговичи взяла, так и иную всю маетность мою, речи рухомые, што одно колвекъ маю и напотом мети буду, што ширей а достаточней на листе записе моем, на то от мене подъ печатю моею, так теж под печатми людей зацныхъ, пану малжонку моему даном, есть описано и доложоно; и тот лист запис свой ее милость пани Ярофе-

---

[1]) Или, какъ именовали ее въ XVII - XVIII ст., *Гойской*, извѣстной основательницы Почаевскаго монастыря.

евая Гостская перед нами покладала и просила, абы вычитан и до книгъ наших судовыхъ трибуналских слово от слова уписан был, которого мы огледавши, перед собою читати казали, и так се в собе маетъ: „Я Ярофеевая Гостская Ганна Тихновна Козинского вызнаваю и чиню явно сим моим листом кождому, кому будет потреба того ведати, нинешним и напотомъ будучим: иж што которое вено, оправу, беручи мене в малженство, его милость пан Ярофей Гостский, пан а малжонок мой милый, ведле права на третей части всех именей своих, то ест тисячу коп грошей с привенком записати мнѣ рачил и тот лист веновный в схованю брата моего рожоного, небожчика пана Михайла Козинского, канталяна Луцкого, зосталъ, тогды я, узнавши милость, ласку и добротливость его милости пана малжонка моего наймилшого и способляючи собе на пришлые часы еще ласкавшого ку собѣ, а не мней постерегаючи того, абы по моем животе от кревных, близких, брати и повинных моих до якои трудности не пришол, не будучи ни от кого прозбою намовена а ни примушона, леч по своей доброй воли, маючи волность ведле права властностю своею шафовати, даю, дарую его милость пана Ярофея Гостского на вечъные часы и тот лист мой веновный симъ теперешним листом моим касую, вмораю и в нивеч оборочаю, иж хотя бы ся где на котором местцу и в якого колвекъ вряду и права и от которое колвек особы, будь повинных и кревных моих, або и в кого обчого показал, тогды вжо жадное владзы и моцы мѣти не маетъ и мочи не будет и яко непотребный и от мене сим листом моим вмореный, на сторону отложен и за никчемного поличон быти маетъ на вечные часы. К тому теж также з доброе воли моее записую и дарую на часы вечные тому ж предреченому его милости пану малжонку моему милому яко тую суму пенезей, што-м за Осмиговичи взяла, так и иную всю маетность мою, речи рухомые, што одно колвек маю и напотом мети буду: золото, серебро, гроши готовые, перла, ланцухи, клейноты, шаты, цын, мѣдь и иншие всякие речи, найменшое не уймуючи а ни зоставуючи, толко то все, што одно

речю рухомою названо и менована быти мает, отдаляючи от того братанну мою рожоную и ее дѣти, также всих братю стрыечную и иншихъ кревных, близких и повинных моих, их детей вечне. Мает его милость пан малжонок мой милый по животе моем то все, што се одно вышей поменило, и хотя-ж бы се чого и не поменило, толко речю рухомою названо было, до рукы, моцы и владности своее взяти, того всего вживати, отдати, даровати и тым водле воли и найлепшого уподобаня своего шафовати, а братанна моя рожоная и ее дети, также нихто з брати, близких и повинных моих, детей, яко о тое вено мое, так о вси речи рухомые, маетность мою, его милость въпоминати, правом пойскувати и намнейшого вступу и трудности его милости задавати не мают и мочи не будутъ вечными часы. А где бы и хотели ся въ якую ж колвек реч вступовати, або до права позывати и в чом колвекъ, хотя найменшой речи, трудность и волокиту задавати, тогды таковый каждый, хто бы то учинил, мает и повинен будет его милости пану малжонку моему милому, або тому, кому бы то по его милости правом прирожоным пришло, або записом записано было, заруки заплатити две тисячи грошей, шкоды и наклады на речене слово, кром доводу и присяги, нагородити, а заплативши заруку и за шкоды досыт вчинивши, предсе сесь лист мой в каждого вряду и права во всих тых артикулех в целе, не нарушоне на часы вечные при моцы захованъ и зоставлен быти маетъ. И на то-м дала его милости пану Ярофею Гостскому, пану малжонку моему милому, сесь мой лист под моею печатю. А при том были и того добре сведоми и за устною прозбою моею печати свои к сему моему листу приложити рачили их милости панове а добродеи мое: велможный пан Михайло Мышка Варковский, каштялян Волынский, староста Гомелский, пан Олизар Кирдей Мылский, маршалок его королевское милости, князь Юрей Пузына, пан Федор Чаплич Шпановский, пан Богдан Костюшкович Хоболтовский, судья земский повету Володимерского, а пан Григорей Данилевич, судя кгродский Луцкий. Писан в Луцку, лѣта Божого

нароженя тисяча пятсот семдесятъ осмого, месеца ноября двадцат второго дня."—А так мы тое доброволное сознане ее милости панее Ярофеевое Гостское, панее Ганны Тихновны Козинского, и лист пану малжонку ее милости даный, с початку аж до конца, слово в слово до книг наших судовых трибуналских записати казали, с которых и сесь выпис под печатю его кролевское милости земскою повету Луцкого его милости пану Ярофею Гостскому есть дан. Писан у Луцку.

Книга земская Луцкая 1578 года, № 2095, л. 195.

Примѣч. Получивъ этотъ даръ, Ероѳей Васильевичъ Гостскій въ тотъ же день съ своей стороны выдалъ женѣ дарственную запись на имѣнія: м. Крупую съ замкомъ и села: Кулинъ, Расники, Любаши и половину Котова и Кобылья (Кн. № 2095, л. 196 обор.). Кромѣ того, еще въ 1564 г. тотъ же Гостскій, тогда носившій званіе ротмистра королевскаго, внесъ въ Луцкія замковыя книги запись, въ которой писалъ: „помнячы на часъ смертельный... а дознавши к собе во всемъ верное, цнотливое захованье и поволные службы малжонки моее милое панее Ганны Тихновны Козинского, за што хотячы по животе моемъ станъ ее, малжонки моее милое, такъ обваровати, якобы от сестры, братьи, кревных, близких а повинных моих нiякое трудности не ужила, не за жадными намовами, але з уприймое милости моее ку ней,—даю, дарую и записую ей... *Почаевъ*, Савчичы, Комнатковъ, Звѣровъ и Лидуховъ". (Кн. № 2039, л. 266 об. и 267 об.

LXXXVII.

I. Донесеніе вознаго о допросѣ земянки Марины Пузовской по поводу того, что она, въ противность Статуту, вступила во второй бракъ до истеченія шестимѣсячнаго срока по убіеніи ея мужа, не похоронивъ его тѣла и не окончивъ начатаго иска о взысканіи за убійство. 1580 года, генваря 29.

II. Жалоба со стороны братьевъ убитаго, что ихъ невѣстка, по выходѣ замужъ, удалила неизвѣстно куда дѣтей отъ перваго мужа и разоряетъ ихъ наслѣдственное имѣніе. Дознаніе вознаго по этой жалобѣ. 1580 года, марта 4.

I.

Року тисеча пятсотъ осмъдесятого, месеца генвара 29 дня.

Передо мъною Александромъ Курцевичом, подстаростим Володимерскимъ, на вряде кгродскомъ Володимерскомъ постановившися очевисто, возный повету Володимерского пан Ждан Чирский ку записаню до книг кгродских вызнал тыми словы: иж будучи мне з уряду приданым на потребу их милости пану Богдану, пану Авраму а пану Ивану Богушевичомъ Пузовскимъ, в року тепер идучомъ тисечномъ пятисотномъ осмдесятомъ, месеца генвара двадцать шостого дня, а маючи я при себе стороною людей добрых, шляхту тутошнего повету Володимерского, пана Василя Мировицкого, пана Прокопа Пузовского а пана Федора Росавского, пытали передо мною возным и при тое шляхте пан Богданъ Пузовский из братею своею попа Устилузского, церкви светого Юря, на йме Савы Клементовича: ижъ дей „дошла нас ведомость, попе Саво, же ты шлюбъ давал и венчалъ братовую нашу Семеновую Пузовскую с паном Яном Касперскимъ“. Попъ вышей мененый Устилузский Сава, передо мъною вознымъ и при тое стороне шляхте, паномъ Пузовскимъ поведилъ и сознал тымы словы: иж дей „дня оногдашнего въ недѣлю, руку теперешнего осмдесятого, месеца

генваря двадцат четвертого дня, давалъ есми шлюбъ и венчалъ пани Марину Ивановну, бывшую жону небожчика пана Семена Пузовского, брата вашого, с паномъ Яномъ Касперскимъ въ дому боярина его милости пана Яронима Крупского на йимя Уполицкого, который дей мешкаетъ у Нового Ставу на Тростянце, при котором дей шлюбе и венчаню были их милость пан Малхер и пан Ян Яронимовичи Крупские и иншых людей немало".—А потомъ на завтрие, месеца тогож генвара двадцать семого дня, пан Богдан, панъ Аврамъ а Иван Пузовские зо мною ж вознымъ и с тою жъ стороною, шляхтою вышей мененою, ехали в дом братовое своее бывъшое пани Семеновое Пузовское пани Марины Ивановны, и там передо мъною, приехавши, пытали ее, братовое своее, очевисто тыми словы: ижъ дей „маемо ведомость, же ты, пани Марино Ивановно, невѣстко наша, в томъ часе кромъ ведомости нашое, сама, своволне, препомневши еси наперед боязни Божое и права посполитого, а стыду своего, не выседевши по забитю мужа своего шести мѣсецей, то есть полрока, не довѣдши права о голову мужа своего всполок с нами и еще не поховавши до землѣ тѣла небожчиковского, але в семнадцати недѣляхъ по забытю мужа своего пошла еси замужъ за пана Яна Касперского, и если вже тебе маемъ з малжонкомъ твоимъ паномъ Яномъ в малженствѣ светом поздоровляти?" Пани Марина Ивановна при мне возномъ и при тое стороне шляхте паномъ Пузовскимъ, девери своей, поведила тыми словы: „Можете дей ваша милость вже запевне мене з малжонкомъ моимъ милым паном Яномъ Касперскимъ в стане светомъ малженскомъ поздоровляти"; и еще поведила, иж дей „вже з ласки Божое пана Яна Касперского малжонкомъ своимъ маю; а што ся дей дотычет о голову малжонка моего небожчика першого а брата вашого, о том дей о всемъ есми пану Яну Касперскому, теперешнему малжонкови своему, поведила и то ему злецила, як о голову небожчика мужа моего першого а брата вашого, так и о шкоды, которые ся стали при замордованю его небожчика, и теж о шкоды, которые ми ся стали по забитью мужа моего перв-

шого в дому моемъ от некоторыхъ суседов моих, жебы муж мой з вашею милостью споломъ того доходилъ и о то мовилъ".—Што все панове Пузовские мною возным и тою стороною, шляхтою вышей помененою, свѣтчили и обявляли. Которое жъ я сознане возного до книг кгродскихъ записати казалъ.

Книга гродская Владим. 1580 года, № 921, л 9.

Примѣч. Первый мужъ Марины Семенъ Пузовскій былъ убитъ 27 сентября 1579 г. въ гостяхъ, въ домѣ зем. Тимоша Пузовскаго, гдѣ онъ, будучи пьянъ, затѣялъ ссору съ хозяиномъ (Кн. № 941, л. 389 об., 391 и 395 об.

II.

1580 года, месяца марца четвертого дня.

Што первей сего месяца марца второго дня, пришедчи на врядъ кгродский Володимерский, до мене Александра Курцевича, подстаростего Володимерского, земяне господарьские повету Володимерского пан Богдан, а пан Аврамъ, а пан Иван Богушевичи Пузовские оповедали и обътежливе жаловали на бывшую невестку свою панюю Семеновую Пузовъскую Марину Ивановну Подгороденского, а теперешнюю Яновую Касперскую о том, иж дей она, не заховавшися водле права и повинности своее хрестянское, скоро по забитью небожчика брата нашого Семена а мужа своего, и тела его небожчиковского не поховавши до земли, и права о голову мужа своего на вряде не доведши, за пана Касперского замуж пошедчи, дѣти небожчика брата нашого не ведома гдѣ зы йменя от себе отослала, а маетност всю по небожчику брату нашомъ зосталую, яко злото, сребро, гроши готовые, шаты, зброи военные, цын, мѣдь, кони, быдло, нерядне тратит, пустошит, роспо-

рошает, гумна на трох местъцах зложоные: пшеницы, жита, овса, ячмени молотит, поддапые бъет, грабить, у везене сажает, а инших розганяеть съ тымъ теперешним мужем своим, ку не малой шкоде и кривде деткамъ небожчиковскимъ; и просили мене о придане возного, хотечи се въ нее доведати о детех небожчиковскихъ, где бы были, и хотечи их здоровых видети, а о тое нерадное роспрошене и знѣщене маетности, по небожчику брату их зосталое, ее передъ возным пытати, где бы его подела, и што она на то откажеть, возным то освечити и оповедати. Я имъ на то придал возного повету Володимерского пана Ярошa Котелницкого, который там бывши и тут на врядъ приехавши, даты вышей написаное очевисто ку записаню до книг кгродскихъ передо мною вызнал тыми словы: иж будучи мне з уряду Володимерского приданымъ на справу пану Богдану, пану Авраму а пану Ивану Богушевичомъ Пузовскимъ до бывшое братовое их панее Семеновое Марины Ивановны Подгороденского, а теперешнее Яновое Касперское, ино дей кгды я Ярош, возный, маючи при собе стороною шляхту людей добрых: пана Потея Михайловича Букрябу-Клюковицкого а пана Павла Тимофеевича Пузовского, року теперешнего осмъдесятого, месяца марца четвертого дня, с паном Аврамом Богушевичом Пузовскимъ в домъ небожчика пана Семена Пузовского приехал, тогды пан Аврамъ передо мною возным и при той стороне шляхте пыталъ панее Семеновое Марины Ивановны, а теперешнее Яковое Касперское, тымы словы: „иж дей еси, пани Марино, пошла замуж за Касперского, потреба мне и брати моей ведати: где еси дети небожчика брата нашого пана Семеновы Ѳедора а Кондрата и дочку Ганну, еще лѣт не маючих, отослала або поховала, абыхмо дей мы, яко стрыеве их, о их ведали, естли живы и здоровы есть?“ Пани дей Марина Семеновая, а теперешняя Касперская, пану Авраму передо мною возным и при стороне тыми словы отказала: иж дей „тобе, Авраме, и брати твоей до моихъ детей нѣтъ потребы; я дей свои дети отослала до Мазовша и там ся дей имъ о науку старати хочу“. Панъ Аврамъ

дей поведилъ: иже дей „сыновцы мои еще малые: одному пять лѣтъ, а другому два годы, до науки вымовы еще не мають; а иж еси пошла замуж не ведле права, и тела мужа першого не поховавши, и права о голову его не доведчи, потреба дей нам о детином здоровю ведати“. Пани Марина Касперская дей поведила: иж дей „детми своими я болела, а я о них ся добра стараю, а тебе до того нѣт потребы“.—Потом дей того ж дня и того ж часу тот же пан Аврамъ при мне возном и при той стороне мовил панеи Марине Ивановне Яновой Касперской: иж дей „пошедчи еси за теперешнего мужа своего, не заховываешъ ся пристойне на имению нашомъ, з детми твоими а братаничами нашими в сполномъ отчизномъ, на Пузови: подданных еси килка можных з волми, с конми и зо всимъ статком прочъ розогнала, а ув ынших быдло поотберала, и тепер дей двох чоловеков отчичов наших збивши, змордовавши их, у везеню держиш; гумна дей еси вси на трох местцех зложоные: пшеницы, жита и иншие ярины, которого было о колконадцат сот коп, то еси все помолотивши, нѣт ведома, где подела; колацыи и бесяды непотребные з мужемъ твоимъ теперешнимъ и з иншими своими приятельми маючи часто, дом дей еси увес спустошила и маетност небожчика брата нашого: злото, сребро, шаты, грошы готовые, кони, быдло, зброи военные, цин, мѣд и увес спрят домовый, до чого дей еси ничого не мела, то еси все з мужом своимъ теперешнимъ нѣт ведома где подевала и поотвозила и праве еси все дей детъкамъ своимъ утратила“. Пани Марина Яновая Касперская передо мною возным и при той шляхте вышей менованой поведила тымы словы: иж дей „тобе, пане Авраме, и брати твоей до того ничого нѣт; я дей то собе, а не вам, гумна напратала, и моя то сила робила, и то дей все, што при мне небожчикъ малжонок мой зоставил, мое есть; а подданый дей оден без даня причины моее проч пошол, а въ другого дей есми быдло побрала для того, абы и тотъ не втекъ; а естли дей есми тых двох чоловиков Харка а Пашка до везеня посадила, тогды для того, иж дей ми сѣти пану Богдану повыда-

вали". А пан Аврам дей поведил: „иж дей сети чотыри были у Харка, отчича нашого, в дому его, тые дей братъ мой панъ Богдан на тотъ часъ побралъ, кгды ты замуж за Яна Касперского пошла". Яко ж пан Аврам тых двох чоловиковъ Харка а Пашка мне возному и стороне у везеню, у ланцугу и в путех оказовалъ, и я-м их видил. А потомъ дей того ж дня и того ж часу пан Богданъ, а пан Аврамъ, а пан Иван Богушевичи Пузовские ехали и в полю мне возному при той стороне оказали на двох местцах поды и местца, где стырты—пшеница, жито и овсы были зложоны, и вказали подовъ стыртныхъ шест и одну стырту жита цалую, а другую стырту жита мужики молотили, которые поведили, иж за росказанемъ Касперское тое жито молотят, а стожокъ овса оденъ. Потом теж того ж дня и того ж часу передо мною возным и при той же стороне оказовали панове Богушевичи Пузовские подданого своего отизного Иева Гурбича, окрутне киями збитого и зраненого и над окомъ правымъ на чоле рану кривавую и на плечахъ раны синие битые, которые раны и збите меновали панове Богушевичи и тотъ чоловекъ их Иевъ от Яна Касперского сталые. Потом показовали теж мне панове Пузовские пустки, где чоловекъ на йм Веремей мешкалъ и самъ з жоною, з детми, з волы и конми и зо всимъ статкомъ проч пошолъ; а другого чоловека на йм Панаса поставили, который передо мною поведил, иж дей въ его пани Касперская четверо быдла нетъ ведома за што побрала, до двора пана Семенова к собе отогнала. А потомъ, за пытанемъ пановъ Богушевичов, всѣ мужи Пузовские старие на йм: Курило и Кас Конаховичи, Грицъ Гурбич, Олеш Кгелема и иншие люде поведили передо мною вознымъ и при стороне, иж дей збожя сего лѣта прошлого ужил был небожчикъ пан Семен Пузовский и в стырты зложоно было: пшеницы коп двесте и пятдесятъ, жита копъ чотыриста, овса коп триста и пятдесят, ячменю копъ сто, гороху, проса и иншого збожя не мало; а быдла дей у дворе по смерти небожчиковской зостало было великого и малого пятдесят овецъ и коз чотырдесятъ и инъшого статку домового не

мало. Што все пан Богдан, пан Аврамъ и пан Иванъ Богушевичи Пузовские мною Ярошомъ вознымъ и тою стороною, шляхтою вышше менованою, свитчили, объявляли и оказывали. Которое ж я сознане возного до книг кгродскихъ записати казалъ.

Книга гродск. Владим. 1580 г., № 921, л. 65.

LXXXVIII.

Вѣновная запись князя Матвѣя Вороницкаго, выданная имъ въ день свадьбы своей невѣстѣ Настасьи Гулевичевнѣ, съ обезпеченіемъ въ двойной суммѣ всего приданаго. 1580 года, генваря 31.

Лѣта по нароженю Исуса Христа Сына Божого 1580, месеца июня шостого дня.

На рокохъ судовыхъ земскихъ, от дня Светое Тройцы, римского свята, в году нинешнем осмъдесятом ведле статуту припалых и судовне отправованых, перед нами, то ест Ярофѣем Гостским, судею, а Иваном Хрѣнъницкимъ, подсудком, врядниками земскими судовыми повѣту Луцкого, постановившися очевисто в замку господаръском Луцком, его милость князь Матушъ зе Збаража Вороницъкий доброволне сознал: иж дей поймуючи я за себе въ стан малъженьский дочку зошълого пана Януша Гулевича, пасербицу его милости пана Алекъсанъдра Жоравъницъкого, старосты, ключника и городничого Луцъкого, панну Настасью, и взявши по ней, малъжонце моей милой, посагу такъ готовыхъ пенезей, яко и у выправе, в рухомых рѣчахъ, всего сумою семъсотъ и дванадцать копъ грошей, который увесь посаг совито, то есть чотырънадъцать сотъ коп и двадъцать чотыри копы грошей

личбы литовское, заховываючися ведле права посполитого, на третей части всѣхъ именей моихъ: Трыстеня, Ясеновъки, Панковъцовъ и Нового Села ей записалъ и на опъраву дей того вѣна ее листъ свой с печатю и с подписомъ властное руки своее и подъ печатми людей добрыхъ дал есми; который же то листъ веновъный князь Вороницъкий передъ нами положивши, просилъ, абы до книгъ уписанъ былъ. Ино мы тотъ листъ до книгъ дѣля вписованья приняли, который листъ такъ ся в собѣ маеть: „Я Матушъ зе Збаража Вороницъкий сознаваю и чиню явно симъ моимъ листомъ кожъдому, кому бы то вѣдати належало, иж з воли а презренья Пана Бога всемогущого и за радою пановъ приятелей моихъ, змовилъ есми за себе въ станъ светый малъженский дочъку зошълого пана Януша Гулевича панну Настасью з дому велможъного пана его милости пана Алекъсанъдра Жоравницъкого, старосты, ключъника и городничого Луцъкого, и малъжонки его милости пани Ганны Красенского, старостиное Луцкое, матки панны Настасины, з небожъчикомъ паномъ Янушомъ Гулевичомъ спложоное, и приехавъши дня нинешънего, в недѣлю, месеца генвара тридъцат перъвого дня, в року теперешнемъ тисяча пятъсотъ осмъдесятомъ, веселю зложоного, в домъ его милости пана старостин до Блудова, беручи за себе в малъжонъство менованую облюбленицу и пришлую, дасть Богъ, малжонъку свою панъну Настасю, взялъ есми по ней до рукъ своих посагу вѣна: готовыхъ пенезей триста копъ грошей личъбы литовъское, а у выправе, то есть в золоте, серебре, шатахъ, перълахъ, ланцухах и клейнотах шацункомъ чотыриста и дванадцать копъ грошей также на литовъскую личъбу, чого всего сумою чинит семъсотъ и дванадъцать копъ грошей личбы литовское; и заховываючися я ведъле обычаю права посполитого и статуту земского, передъ выданемъ за мене в стан светый малженский помененое панны Настаси, обълюбеници моее, напротивъко того вѣна, выправы ее, оный весь посагъ, выправу ее, совито, то есть с привенкомъ, чотырнадцать сотъ двадцатъ чотыри копы грошей литовское личбы записую ей

и уицаю на третей части всѣхъ именей моихъ отчизныхъ и бабизныхъ, которые се мнѣ в отделе от братьи моее рожоное князя Станислава и князя Лва Вороницъкихъ на вечъность зостали, тоесть Трыстеня, Ясеновъки, Панькoвъцов и Нового Села, которое сумы пенезей чотырънадъцати сотъ двадцати и чотырохъ копъ грошей литовъскихъ обълюбленица а, дасть Богъ, пришълая малъжонъка моя панна Настася Гулевичовъна на третей части помененыхъ имѣней моихъ, такъ при животѣ, яко и по животѣ моемъ, иста и певна быти, в той суме пенезей тую третюю часть помененыхъ имѣней моихъ з дворами, с пашнями дворными, з людми, кгрунты земъляными, ставы и из спустами, млыны, ихъ вымелками, гаи, лесы, дубровами и зо всими малыми и великими тых именей пожитки на себе держати и уживати маеть, волна будучи тую суму пенезей чотырънадцать сотъ двадъцат чотыри копы грошей по животѣ моемъ, такъ всю огуломъ, яко и по частемъ, кому хотечи отдати, даровати и записати и тымъ всѣмъ, яко влостъностью своею, по воли своей шафовати; а въ тое дѣти, потомъки мои, естъли-бы мнѣ Пан Бог з нею мѣти узычилъ, такъже братья, близкие, кровные мои ниякое перекazы и затрудненья чинити и задавати, и не отдавши ей, пришлой малъжонце моей, панне Настаси Гулевичовъне менованое сумы пенезей, тое третее части помененыхъ имѣней моих з рук, деръжаня и уживаня ее, и от того, кому бы она в той суме завела, выймовати не мають и мочи не будуть. И на то ее милости панне Настаси, пришлой малъжонце своей, даю сесь мой листъ с печатю и с подъписомъ руки моее влостное писмомъ полскимъ. А при томъ были и того добре сведоми и за устною прозбою моею печати свои до сего листа моего пъриложити рачили панове а приятелѣ мои, то ест их милости: князь Юрей зе Збаража Вороницъкий, панъ стрый мой, панъ Базылиусъ Древинский, писар короля его милости, панъ Михайло Жоравъницъкий, подъкоморий Луцкий, пан Алекъсандро Семашко, подкоморий Володимерский, пан Иван Хренницкий, подъсудок земъский Луцъкий, князь Станиславъ а князь Левъ зе Зба-

ража Вороницькие, панове братя мои, а пан Фронцъ Крушъ. Писан у Блудове, лѣта Божого нароженя тисяча пятсот осмъдесятого, месеца генвара тридцать первого дня".—В которого листу подпис руки князя Вороницького писмомъ полъскимъ, которую подписъ мы с полского писма на руское переложили и по руску до книгъ справъ наших судовыхъ земъскихъ весполъ с тым листомъ князя Вороницького уписати казали. Которая подъпис руки князя Вороницкого такъ ся в собѣ маеть: „Матушъ зе Збаража Вороницкий рукою властною". Яко жъ и выпис с книг земскихъ под печатьми нашими малъжонъце князя Вороницкого княгини Настаси Гулевичовне дали есмо. Писан в Луцку.

Книга земская Луцкая 1580 года, № 2095, л. 821.

LXXXIX.

Землнинъ Прокопъ Шельвовскій, въ благодарность женѣ своей Магдалинѣ Борзобогатовнѣ за любовь и попеченіе о немъ, даритъ ей двѣ трети родовыхъ своихъ имѣній и всю движимость. 1580 года, марта 20.

Я Прокоп Иванович Шелвовъский вызнаваю и чиню явъно сим моимъ листомъ, кому бы то была потреба вѣдати, иж што с презреня Божого а за статечною порадою пана отца и кревныхъ моих взявши я за себе въ стан светый малжонский врожоную и учтивую панну Макгдалену Олехновну Борзобогатовну Красеньского, теперешнюю жону мою, и мешкаючи з нею черезъ часъ немалый въ стане малженскомъ, а дозънавши ее ку собѣ склонность, милость и во всем статечное а цнотливое малъженское заховане, теж службы, которыми мне она уставичне, пошедчи за мене въ стан малженьский, и въ тяжкихъ хоробах моих, што от

часу неблизкого терплю, услугуеть и угожаеть, за што ее нагорожаючи з доброти и милости моее малъженъское, ей, малъжонъце своей милой паней Макгдалене Олехъновне Красенского, маючи волность, яко стан шляхетский, властностью своею шафовати, даю, дарую и симъ листомъ моимъ вечне записую третюю часть всего имѣнья моего дѣдизного и отчизного Шелвова з дворомъ; к тому даю, дарую и вѣчъне ей менованой малжонце своей паней Макгдалене записую сельцо Волицу Шелвовъскую з дворцемъ, гумны, бояры, людми, ставами, млынами, польми оремыми и неоремыми, засеяными и незасеяными, зъ гаями, садами, сеножатми, запустами, дубровами, кгрунты и въсими менованыхъ имeней моихъ Шелвова третее части и села Волицы пожитки, на себе самого, дети, естли мне ихъ Богъ дасть, тежъ сестры мои и детей моих, на кревныхъ и близкихъ своихъ, ничого от сего дня не зоставуючи, чого всего малъжонъка моя милая пани Макгъдалена Красенского от сего часу, даты нижей писаное, по воли своей маеть уживати и примножати водъле уподобанья своего, будучи волна тою третею частю имѣня Шелвова и село Волицу Шелвовъскую, от мене ей на вечность записаные, и въсих пожитковъ, въ немъ будучихъ, уживати и яко властностю своею шафовати, отдати, продати, записати и ведле налепшого уподобанья своего оборочати, в чомъ ей я самъ, дѣти, близъкие, кревные мои жадное трудности и перекázы чинити не мають и мочи не будут вечными часы. К тому теж, которую другую третюю часть того-ж менованого двора, имени моего отчизного Шелвовского з бояры, людми, ставы, млыны, кгрунты и всякими ку той части належачими..., которую годное памети зошлый отец мой пан Иванъ Шелвовский записалъ у двохсот копах грошей личбы литовское малжонце а матухъне моей паней Овдоти Шиловне, а мнѣ, яко отчичу, выкупити тую то другую менованую третюю часть, черезъ пана отца заведеную албо записаную, пришло, одно-ж я, будучи сыном и слугою панее матки своее, и в том ся ее милости не прикрачи и на сесь час тои части в нее не окупуючи, але маючи волность, водле ухвалы сойму Берестейского, в

году тисеча пятсот шестдесят шостом вчиненое....., даю, дарую и записую на менованой другой третей части у Шелвове вечность, яко в дворе, з бояры, в людех, ставех, млынех, кгрунтех и во всих менованое другое третее части именя моего отчизного Шелвовского пожитках жоне своей помененой паней Макгдалене Олехновне Борзобогатовне Красенского и свое прирожоное отчизное вечистое право на нее тое то помененое другое третее части у Шелвове вливаю и влил есми, отдаляючи от детей своих, если мнѣ их Бог даст, теж от сестръ своих и детей ихъ и от всих кревных и близких моих; которую вышей описаную другую третюю часть Шелвовскую зо всим, по животе помененое матки моее пани Овдоти Шиловъны, еслибы мимо мене, сына своего, або ее, жону мою, тую помененую коп двесте грошей кому иному записала, мает жона моя, отдавши и заплативши, к рукам своим, яко власт-ность ее, за такимъ от мене ей дарованым и на нее влитымъ правом взяти и того уживати, будучи волна так при животе, яко и по животе своем кому хотя записати, отдати, даровати, продати и заменити и ку своему налепъшому и вжиточнейшему обернути. Теж ей монованой малжонце своей милой записую зброи, панцыри, стадо, кони ездные и робочие, ктому всю рухомую маетность: золото, серебро, клейноты, перла, шаты, цынъ, мѣдь, быдло рогатое и нерогатое, теж увесь спрят домовый и што одно рухомою маетностью моею можеть быти названо, никому ничого с тых всих речей не зоставуючи; которою всею маетностью она, малжонка моя милая пани Макгдалена, як хотечи, по воли своей шафовати и такъ всю зараз, як теж и по частемъ розно кому хотя отдавати, продавати и меняти и водле налепшого уподобанья своего на пожиток свой оборочати мает и волна будет, в чом ей нихто з близких, кревных и повинныхъ моих жадное переказы чинити и никоторое трудности задавати не мают и мочи не будут. И на то есми малъжонце своей милой вышей менованой паней Макгдалене Красенского дал сесь лист з моею печатю и с подписомъ властное руки своее. А к тому за устною прозбою моею печати свои к сему

моему листу приложити рачили их милости: панъ Александро Семашко, подкоморий Володимерский, панъ Семенъ Козинский, пан Михайло Яновичъ Загоровский а панъ Иванъ Шпаковский. Писан у Шелвове, лѣта Божого нароженя тисеча пятсот осмдесятого, месеца марца двадцатого дня. Прокопъ Шелвовский".—А так мы, суд, за очевистым устным а доброволным сознанемъ пана Прокопа Шелъвовского, и менованый лист его, от него пани малжонце его, пани Макгдалене Красенского даный, слово от слова, с початку и увесь до конца до книг справ земских Луцких записати есмо казали.

Книга земская Луцкая 1580 года, № 2095, л. 811.

Примѣч. Въ отвѣтъ на эту запись, Магдалина Шельвовская въ тотъ же день записала мужу „доживотье" на тѣхъ же имѣніяхъ, т. е. право пожизненнаго ими пользованія. Ibidem, л. 813.

XC.

Земянка Марья Гулевичовна, въ знакъ признательности къ мужу, Яну Бокію-Печихвостскому, за его любовь и попеченіе, даритъ ему свои материнскія имѣнія. 1580 года, іюня 4.

Я Яновая Бокиевая Печифостская Марья Васильевъна Гулевичовъна сознаваю и чиню явно симъ моимъ листомъ кожъдому, кому бы то вѣдати належало, теперъ и напотомъ завъжды, ижъ мешъкаючи я за ласкою и милосеръдьемъ Пана Бога всемогущого з наймилъшим паномъ малжонкомъ своимъ его милостью паномъ Яномъ Федоровичомъ Бокиемъ Печифостъскимъ в стане малженъскомъ часъ немалый, и через весь часъ мешканъя моего зъ его милостью завжды, уставичне, без перестанъку, дознавала есми,

яко-жъ и тепер не отменъно дознаваю, отъ его милости ку собѣ великую и щодробливую ласку и милость малженскую а во всемъ цнотливое и праве доброе мешьканье и захованъе его милости до себе; чого я по его милости велице с покорнымъ и униженымъ уставичнымъ дякованъемъ вдячна будучи и тую такъ гойную ласку и добрость его милости поволностями и вшелякою щиростью моею ясне вызнати и значне нагородити, а тымъ вперед не отмѣнную, але также добрую бачность и ласку его милости ку собе способити хотечи, а вѣдаючи то добре, иж каждый чоловекъ рожаю шляхетского властною маетностью своею, ведлуг права посполитого и уфалы на сойме Берестейскомъ в року тисеча пятсотъ шестдесятъ шостомъ учиненое, шафовати естъ воленъ, не з жадного примушенья, а ни намовы, одно сама по своей доброй воли дала, даровала и симъ листом моим дарую и на вечность его милости пану малжонъку своему пану Яну Бокию по животе своемъ записую именъе свое материстое, в повете Берестейскомъ лежачое, называемое Камень, с приселками до Каменя належачими, тоест Турною, а Липниками, з двором Каменъскимъ, съ церквами, з гумном дворнымъ, з бояры, з людми тяглыми, огородниками и подсуседками и зо въсякими их пошлинами, повинъностями и подачъками, с полми, з сеножатьми, такъ мужыцкими, боярскыми, яко теж и дворными, з боры, лесы, дубровами и всякими хороцами, з млыны и з ихъ вымелками и зо всякими малыми и великыми, якымъ колвекъ именемъ назваными пожитками, ничого на себе и на жадную сторону не выймуючи а ни зоставуючи, просто все огулом, зо всѣм на все, як тое имене мое Камень с приселками поменеными само в собѣ и во всяких пожитках, широкостях и можностях своихъ тепер мает и напотом мети будет, его милости пану малжонку своему по животе своем дарую и сим листом моим записую вѣчно и на веки непорушно. Мает и волен есть панъ малжонок мой милый, его милость панъ Янъ Бокий Печихвостский тое верху менованое именъе Камень с приселками поменеными, от мене его милости на вечность дарованое и записаное, по моем

животе, если бых с презреня Божого напередъ з сего свѣта зошла, на себе его милость сам и потомство его милости держати и его по воли своей, якъ хотечи, вживати, будучи волни такъ по частем, розно, яко теж и все огулом тое имене кому хотечи отдати, продати, даровати, заставити, променяти, на церков записати, и яко-ж колвекъ хотечи завести; а вже нихто з близких, кревных и повинных моихъ музского и женского стану тых имений под паномъ малжонком моимъ и под кождымъ державчим по моем животѣ искати, правом доходити а ни вспоминатися не мають, але о то вѣчными часы молъчати повинъны будуть. Яко-жъ есми всѣ листы и привилъя, на тое именъе Каменъ належачие, што-мъ иле-кольвекъ ихъ в себе мѣла, его милости пану малъжонкови своему до рукъ, шафунъку и вживанья его милости при томъ именъю Каменю отдала и его милости ихъ зо всею моцъю и правомъ, в нихъ описанымъ, по своемъ животе привлащаю и тое право на его милость и на потомъковъ его милости по животѣ своемъ вѣчне вливаю и от всѣхъ близкихъ своихъ способомъ вышей помененымъ отдаляю вѣчными часы. И на то его милости пану малъжонку своему милому даю сесь мой лист с печатю и с подписом руки моее властное писмом полским. А при том были и того добре сведоми, а за устною и очевистою прозбою моею печати свои до сего листу моего приложити рачили ихъ милости: пан Григорей Гулевичъ, хоружий земли Волынское, пан дядко мой, пан Василей Красенский, секретар его королевское милости, пан Януш Угриновский а пан Иван Калусовский. Писан в Луцку, лѣта Божого нароженя тисеча пятсот осмъдесятого, месеца июня четвертого дня. Янова Бокѣова Печыфостска Маруша Василевна Гулевичовна властну ренку.

Книга земская Луцкая 1580 г., № 2095, л. 805.

Примѣч. Нѣсколько раньше та же Марья Гулевичовна въ такой же формѣ выдала мужу дарств запись на денежную сумму, завѣщанную ей первымъ ея мужемъ княземъ Ив. Буремскимъ, и на „вси речи рухомые". Ibid., л. 804.

XCI.

Духовное завѣщаніе дворянина королевскаго Семена Оранскаго, которымъ онъ обезпечиваетъ на случай своей смерти положеніе своей невѣстки, вдовы умершаго сына его Лаврина Оранскаго. 1581 года, генваря 12.

Лѣта Божого нароженя тисеча пятсот осмъдесят первого, месеца февраля 14 дня.

Постановившися обличне на вряде кгродскомъ Володимерскомъ, передо мною Костентиномъ Курцевичомъ, подстаростимъ Володимерскимъ, а передо мною Хведоромъ Курцевичомъ, на тот часъ засажонымъ на местъцу пана Лазара Иваницъского, суди кгродского Володимерского, ставши обличне пан Авдей Иванович Буховецъкий, будучи посланымъ отъ пана Семена Григоревича Оранского з листом отворонымъ, до нас, вряду кгродъского Володимеръского, писанымъ, при которомъ листе подал до нас тестамент, от пана Семена Григоревича Оранского, дворенина короля его милости, справленый, панеи Лавриновои Оранской Мари Семеновне Чернъчицкого, невестце его милости, даный; яко-жъ при томъ тестаменте панъ Буховецкий оповедал: иж дей сам пан Оранский, про старость летъ и про великую хоробу свою не могучи самъ тутъ до вряду ехати, мене дей, приятеля своего, послалъ, абым передъ вашою милостю тот тестаментъ и остатъню волю пана Оранского оповедал и в книги уписати далъ. Якожъ пан Буховецкий именемъ пана Семена Оранского просилъ, абы тот тестаментъ в книги кгродские былъ уписан и выпис с книгъ панеи Лавриновои Оранское былъ данъ. При чомъ и сама пани Оранская, сполечно з паны опекуны, в тестаменте описаными, паном Лазарем Иваницъкимъ, паном Семеном Чернъчицкимъ а паномъ Михайломъ Оранским будучи, до того тестаменту ничого не мовили, и его слушнымъ, певнымъ признавши, просили, абы былъ в

книги кгродские уписан; которого мы тестаменту огледавши и перед собою вычитат давши, слово от слова в книги кгродские записати велели. Который тестаментъ такъ ся в собе маетъ: „Во имя Божее единосущныя и животворящия, нерозделимыя Тройци, Отца и Сына и светого Духа, ку вечнои памети станся, аминь. Я Семен Григоревичъ Оранский, дворенин его королевское милости, ознаймую и чиню явно симъ моимъ тестаментомъ: иж всякие справы, умыслы и постановеня людъские, для памети и ведомости далшое писъмомъ неукгрунтованые, препоминаны рады бываютъ и с памети людъское рыхло сплывают, а которые справы на часы пришлые а потомные для лепъшое ведомости каждый хрестьянинъ а почтивый чоловекъ на писме по собе зоставуетъ, таковые справы кгрунтовныи трывалы вечне бываютъ, и к тому иж кождому чоловеку, на семъ свете нарожоному, ничого иншого не естъ такъ певнейшого, яко смерть, кгдыжъ иншие всѣ речы минуечие естъ и бываютъ, а часъ смертный никого минути и нихто его увойти не можетъ, про то и я, маючи то все перед очима своими, звлаща под такимъ часомъ, ижъ я на сесь часъ, будучи чоловекомъ хорымъ и в лѣтех зешлымъ, то есми перед себе взялъ не з жадного примушеня и ни с чиеи намовы, одно по своей доброй воли, хотечи порядокъ по животе своемъ вы йменях и в маетностях моих промежку невестъки моее и внуковъ моихъ а детей ее, по сыну моемъ небожчику пану Лаврину Семеновичу Оранъскомъ позосталых, зоставити, чиню сесь мой тестаментъ под такимъ обычаемъ: если бы Богъ милостивый з презреня своего светого Бозского рачилъ допустити на мене смерть, тогды душу мою Богу милостивому, а тѣло мое грѣшное землѣ полецаю; которое тѣло мое маетъ быти уцътиве поховано вы йменю моемъ Линовъце, в церкви в заложеню Воздвиженя Чесного Креста; а невестце моей Мари Семеновне Ласковича Чернъчицкого и внукомъ моимъ а дѣтемъ ее Михайлу а Павлу, а дочкамъ ее а внукамъ моимъ Марухне и Хведоре и именямъ моимъ Ораню и Лазкову, въ повете Володимерскомъ лежачимъ, и теж имеию моему Линовце, в повете Бе-

рестейскомъ лежачомъ, тепер за живота своего обравши и впросивши их милости пановъ а приятелей моих опекунами быти: пана Лазаря Иваницъкого, судю кгродъского Володимерского, а пана Семена Чернъчицкого, а пана Михайла Оранского, а пана Овдѣя Буховецкого, симъ тестаментомъ моимъ невестку мою Марю Семеновну Ласковича Чернъчицкого зъ детми ее а внуками моими, так теж и именя мои звыш помененые Орани и Лазково и Линовку в опеку и оборону их милости по животе своемъ злецилъ есми и злецаю. Мают их милости панове опекунове первопомененые и от мене очевисто на то упрошоные невестку мою Марю Семеновну Ласковича Чернъчицкого з детми и именями в опеце и в обороне своей по животе моемъ маютъ мети и от всих кривдъ их боронити повинни будутъ. А невѣстка моя Маря, седечи на вдовиномъ столцу, якъ дѣти въ себе в опеце, такъ и вси тые именя звышменованые мает держати и их уживати до живота своего, зо всими пожитками, к тымъ именямъ приналежачими; а панове опекунове той невѣстце моей Мари в томъ кривды ниякое и переказы жадное чинити не маютъ, и никоторыми причинами в то вступовати ся не мают и не будутъ мети моцы, одно повинни будутъ от вшелякихъ кривдъ боронити тые именя. А што сынъ мой небожчикъ пан Лавринъ Семеновичъ Оранский на третей части тыхъ всихъ именей моих Оранъ, Лазкова и Линовки, поймуючи за себе у малжонство, за дозволенемъ моимъ, дочку пана Семена Ласковича Чернъчицкого и малжонки его панеи Татяны Лавриновны Иваницъкого, взялъ по неи у пана Чернъчицкого и в панеи малжонки его вѣна: посагу готовыми грошми и в выправе всего сумою чотыриста коп грошей личбы литовское, и напротивку вѣна и внесеня ее в домъ мой на тых всих именяхъ моих звышъпомененыхъ Оран, Лазкова и Линовки невестце моей а жоне своей Мари Семеновне Ласковича Чернъчицкого в дворех, полях, в сеножатех, огородах, въ ставех, у млынех, у людех и их роботах, в платах и во всех до одех, яко ся тые всѣ именя мои сами в собе и в пожитках своихъ здавна маютъ и што на третюю часть

приходитъ, дал, даровал и листом своимъ, за дозволенемъ моимъ, записалъ, штo ширей а достаточней на тыхъ листех наших записных, ей от сына моего небожчика пана Лаврина и от мене под печатми нашими и сведомем и подъ печатми людей добрыхъ на то даныхъ, описано и доложоно естъ, якож уже тое доброволное дане наше вряду Володимерскому объявили, прото и я теперь, не занехиваючи того и дознавши невестки моеи и по въвес часъ мешканя из сыномъ моимъ небожчикомъ в малженствѣ склонность и милость ее верънуюю напротивку сына моего, так теж и в послугах цнотливыхъ ее напротивку мене, и маючи з нею сынъ мой небожчик дѣти, от Бога сотворителя даные, а такъ я, варуючи въ томъ невестку мою Марью, яко бы по животе сына моего, так теж и по животе моемъ, затрудъненя никоторого на йменяхъ и маетностяхъ, по мужу своемъ, такъ тежъ и по мне зосталых, от детей своих, кровных, близкихъ и далеких повиноватых моих и ни от кого иншого не мела, не толко перших записовъ нашихъ, ей от сына моего небожчика и от мене подаваных, не нарушаючи, але и овшемъ их во всем при моцы зоставуючи и еще надто симъ теперешним тестаментомъ моимъ остатное воли моеи тымъ моцъней их утверъжаючи, и не ведле статуту старого, але ведле поправы статуту нового, уфалы сойму Берестейского великого валного о волности шляхетское уживаючи шафованя именей своих земских, кромѣ третее части, которую вжо невестка моя от сына моего небожчика за дозволенемъ моимъ мает, але вси тые именя мои и сына моего властные отчизные, никому ни в чомъ не заведеные ани записаные, Орани и Лазково, в повете Володимерском лежачие, и тежъ имене мое выслужоное Линовку, въ повете Берестейскомъ лежачое, вси здоймомъ, з дворами и ихъ будованемъ дворным, з полми, з сеножатми дворными, з сады, огородами овощовыми, з ставы, млыны и их вымелками, и зъ сажавками, з хмелниками и з хмелищами, з гаи, лесы, боры и добровами, з людъми тяглыми и их роботами, с платы грошовыми и овсяными, зъ их полми и огородами и сеножатми и зо всими их пожитками,

и зо всѣмъ навсе, яко ся тые именя мои Орани и Лазковъ и Липовка сами в собе, в широкостях, в границах, в межах и обыходех и пожитках своих здавна и теперъ маютъ. К тому и всими маетностями, речами рухомыми: грошми, злотомъ, сребромъ, конми, зброями, и вшелякимъ рыштункомъ, который приналежатъ ку службе военнои, шатами, цыномъ, мѣдъю, стадомъ, быдломъ рогатымъ, так великимъ, яко и малымъ и дробнымъ, тымъ всимъ по животе моемъ невестка моя Маря Семеновна Чернчицкого з детми своими а внуками моими маетъ шафовати, кромъ шкоды внучатъ моих а детей своих, если она по животе моемъ замужъ не пойдет, а въсхочетъ на вдовиномъ столцѣ седѣти, тогды маетъ, с детми своими а внуками моими седечы на именях, аж до конца живота своего тыми всими именями вышей менеными, людми и пожитками, с тых имений приходячими, и детми своими, сынми и дѣвками, по тому ж и речами рухомыми, такъ малыми, яко и великими, рядити и справовати и в пожитокъ свой собе привлащати; а по животе моемъ внуки мои а дети ее, такъ сынове, яко и дочки, и никоторые кровные, близкие и далекие, повиноватые наши, такъ панове опекунове ей жадного принагабаня чинити и никоторое перекази вы йменях и в держаню и во вшеляких маетностяхъ и пожитках ей трудности жадное задавати не маютъ. А еслибы тые панове опекунове звышпомененые, от мене в сем тестаменте моемъ уставленые и описаные, не заховывали бы ся водле сего тестаменту моего, вместо обороны якую кривду и переказу и уближене невестце моей Мари а внукум моим а детемъ ее и именямъ тымъ чинити мели, або што еи з моцы выймовати за живота еи хотели, тогды даю невестце моеи Мари в томъ моц, ижъ ей волно будетъ на тое местце собе кого иншого опекуномъ обрати. А што ся дотычетъ детей ее а внуковъ моих, так сыновъ, яко и дочок, тогды они невестки моее а матки своее во всем послушни маютъ быти, а она мает старатися о учтивое выховане а науку: читане, писане и о всякое цвичене доброе а пожиточное дѣткам своимъ а внуком моимъ. К тому тежъ такъ мети хочу, иж внуки мои а

дочки ее Марухна и Хведора от брати своее, естлибы им Панъ Богъ того рачилъ дати дождати, маютъ быти с тых именей моих венованы, то ест каждои внуце, Марухне такъ и Хведоре, по двесте копъ грошей готовыхъ вѣна; а они, таковую выправу веновную оземши от брати своее, во всих тыхъ именяхъ моихъ отчизных дедичити не маютъ, хиба, Боже чого уховай, если бы внуки мои а сынове невестки моее Михайло а Павелъ, не сплодивъши по собе потомъства, мели с того света безплодне зыйти, тогды и тые девки Марья и Хведора правомъ прирожонымъ дедичити маютъ в тыхъ именяхъ. А если бы невестка моя Маря похотела замужъ пойти, тогды панове опекунове, або и внуки мои, маютъ еи дати чотыриста копъ грошей личбы литовское и третюю часть во всих речах рухомых вышей мененых; а она, то оземши, паномъ опекуномъ, або и дѣтемъ своимъ, такъ сыномъ, яко и дочкамъ, именя оные звышменованые, речей рухомых две части пустити маетъ и до тых двох частей именей и речей рухомых ничого мети не маетъ. А если бы такъ, чого Боже вховай, жебы внуки мои, дорошши зуполныхъ лет своих, невестце моеи а матце своей мели якие прикрости чинити, албо ей на всих именях на вдовиномъ столцѣ до живота ее мешкати ей допустити не хотели и ей кривду якую чинити мели, а она бы до того часу в тых именях, яко вдова на вдовиномъ столцѣ, нейдучи замужъ, порядне ся справовала, тогды мают панове опекунове и дети мои водлугъ сего тестаменту моего половицу именя еи отдати, а она бы, не хотечы и на тыхъ двох частех седити, а на той часъ хотела бы замуж пойти, або пакъ и не хотела, толко бы на тои половицы именяхъ мешкати не хотела, тогды панове опекуны, або внуки мои а дѣти ее, мают ей дати чотыриста копъ грошей личбы литовское, а она, оземши от них оную чотыриста копъ грошей, маетъ паномъ опекуновъ, або и детемъ своимъ, так сыномъ, яко и дочкам своимъ, оную половицу именей до рук их пустити, а речы рухомые вси оные две части вечными часы при ней зостати маютъ. А где бы дети ее оные чотыриста копъ грошей личбы литовское

ей не отдали, а она бы и на половицы именъях мешкати не хотела, тогды даю волю и допущаю, симъ тестаментомъ моимъ утвержаю и хочу по моемъ животе на вечные часы мети, волна будетъ невестка моя Маря Семеновъна Чернъчицкого на половицы всихъ имений моих оную чотыриста копъ грошей кому хотечи отдати, даровати, заставити и на церковъ Божью записати и ку своему налепшому а пожиточнейшому пожитку оборочати маетъ, такъ и две части речей рухомых при ней вечне зостати маютъ, а их милость панове опекунове, а ни дети ее и нихто инший в томъ переказы а ни взброненя жадного на вечные часы ей чинити не маютъ. И если бы дети ее летъ дорослых не мели, а невестка моя, матка их, пошла бы замуж, тогды тые жъ их милость панове опекунове, именя мои вышей реченые, дети, речи рухомые и маетности до рукъ, обороны своее, такъ яко ся первей поменило, оземъши, маютъ их милость старатися о ласковое выховане и о доброе цвичене внукомъ моимъ; а чого Боже вховай, на невестку мою Марю, будучи ей на вдовиномъ столцу, именями и детми нашими справуючи, часъ смертный на нее пришов, тогды тые ж их милость панове опекунове мои тыми именями и всими речами рухомыми и дѣтми нашими, кроме третее части именя, на которомъ невестка моя оправу веновную маетъ, до дорослыхъ летъ внуков моих радити и справовати маютъ и от вшелякихъ кривдъ заступовати и боронити повинни будут за власнымъ грошем и накладомъ с пожитковъ имений моих и с того личбы не повинни чинити будут и всяких пожитковъ з ымений наших внукумъ нашимъ привлащати маютъ. Которые внуки мое, будучи в опеце, в обороне и в моцы, за старанемъ ихъ милости панов опекуновъ, хованы быти маютъ ку чте и хвале Богу милостивому и ку послузе матки своее речи-посполитое, а тых имений вышей реченых и всих речей рухомых и пожитковъ, з имений приходячих, и внуковъ моих з моцы их милости пановъ опекуновъ нихто ничимъ до дорослых летъ детей наших выймовати не маетъ и моцы жадное ни в которого права мети не будетъ. А што ся дотычетъ приданя до церкви Бо-

жое землѣ, сеножатей, то маетъ быти при церкви Божои непорушно, вечными часы. А што ся дотычетъ о медѣ Спасский моее дворное, такъ тежъ с поданых моих дани медовое, тогъды так хочу завше мѣти, жебы сыта на дворѣ бывала, а воскъ увесь на церковную потребу мает быти завше оборочанъ, с чого бы мѣла быти Пану Богу чест и хвала. На што я сесь мой тестаментъ теперъ остатное воли моее под печатю моею и с подписом руки моее властное невестце моеи Марьи Семеновне Ласковича Чернъчицкого далъ. А при томъ были и того тестаменту моего добре сведоми и за очевистою а устною прозбою моею печати свои къ сему тестаменту моему приложити рачили, и которые их милости умели писати, руки свои властные поподписовали их милость панове а приятели мои: его милост пан Авдѣй Иванович Буховецкий, а панъ Миколай Гановицъкий, а пан Матей Збицъкий. Писан у Линовце, лета по нарожени Исусъ Христа сына Божего тисеча пят сот осмъдесят первого, месяца генвара второгонадцат дня. Семенъ Оранский рука властная, Авдѣй Иванович...“.

Примѣч. По причинѣ потери въ книгѣ листовъ, въ этомъ документѣ не достаетъ нѣскольких заключительныхъ строкъ.

Книга гродская Владимірская 1581 года, № 942, листъ 1 оборотъ.

XCII.

Разводъ Януша Глинскаго съ женою передъ гродскимъ урядомъ и передача ея въ супружество другому лицу. 1581 года, февраля 13 или 14.

[1]) . . . . . . маршалка землѣ Волынское, Януш Бенедиктович Глинский, не будучи ни од кого ничимъ примушон, самъ доброволне а устне до книг кгродских вызналъ тыми словы: „Иж што-мъ за посланемъ вашей милости, пане подъстаростий, потрахвивши тут в месте Володимерскомъ з слугами вашей милости жону свою на имя Катерину Ириковну, тут ку вашей милости привел и до везеня осадити дал, которая жона моя теды мене, яко мужа своего, перъво ся прела, але другого мужа собе Ивана Щауръского быт менила; а потом зас, узнавшися и взявши Бога в сердъце, мене за мужа собе признала и мене черезъ приятелей так своих, яко и моих, в том просила, абы-мъ я ей то все, што колвекъ она мне чинила, пробачил и отпустил, а ее з малжонства своего выпустилъ. Я, поважаючи прозбу приятелей ее и своих и теж видечи то, же она милости правое малженское и счирого серъца ку мне не маетъ, ее отъ себе з стану светого малжонского на часы векуистые волною перед вашею милостью чиню и вже напотомъ вечне жадного дела до нее мети не маю и мочы не буду, а ни ее о жадную речъ поискивати. Волна она з тым мужомъ своимъ, которого тепер маетъ, Иваномъ Щаурскимъ, яко властнымъ шлюбнымъ, в стане малженскомъ поты, поки воля Божая будетъ, меш-

---

[1]) Начала нѣтъ, такъ какъ въ актовой книгѣ не достаетъ первыхъ листовъ; но, судя по тексту слѣдующихъ записей въ книгѣ, начальныя строки настоящаго документа должны быть таковы: „Лѣта Божого нароженя тисеча пятсот осмъдесятъ первого, месеца февраля 13 (или 14) дня. Постановившися обличне на вряде кгродскомъ Володимерскомъ, передо мною Костентиномъ Курцевичомъ, подстаростимъ Володимерскимъ, ставши обличне, служебникъ (или, можетъ быть, земянинъ или бояринъ) его милости князя Костентина Острозского, воеводы киевского, маршалка“.... и т. д.

кати. А если же бы тот муж ее Щаурский, иж кождый чоловекъ теды естъ смертелный, наперед ниж она умер, теды она, то естъ тая Катерина Ириковна, маетъ замуж за нацею нашу ити одно, за чоловека закону греческого або рымского и иншых".—Якож и тая Щауръская, тут же стоячи очевисте, на то все, яко ся звышъ поменило, зезволила и того истого Януша Бенедиктовича з стану малженского выпустила и волнымъ учинила на часы вечные, и дала ему волность з другою жоною ся оженити, обецуючи ему в том жадное трудности и шкоды не задавати, под заклады на обедве стороны по двесте коп грошей литовских, а на его королевскую милость другими двесте копъ грошей. И то теж тая Катерина сознала: гдебы тому постановленю досытъ не учинила, а по смерти мужа своего Щаурского естлибы ся, оставшися, за нацею народу цыганского пошла замуж, тогды ничымъ иншимъ, одно горломъ маетъ быти карана, а врядъ кождый ее в томъ караню боронити не мает, але еще выдати маетъ. А по тых обу зознаняхъ, стоячи передо мною очевисто, Иван Щауръский зозналъ и шлюбовал тому Янушу Бенедиктовичу самому, брати, приятелем, слугамъ и подданым их за вшелякий покой и безпечностъ здоровя, а Янушъ такъ же тому Щауръскому шлюбовал под тыми ж заклады звышъ поменеными.—И просили з обудвух сторон, абы то все для памети до книгъ кгродскихъ записано было; я то записати велелъ.

Книга гродская Владим. 1581 г., № 942, л. 1.

XCIII.

Объявленіе осужденнаго на смерть за прелюбодѣяніе Яна Скурки о томъ, что онъ получилъ прощеніе отъ мужа соблазненной имъ жены 1582 года, апрѣля 30.

Року 1582, месеца апреля 30 дня.

Постановившися очевисто на вряде кгродскомъ, въ замку господарскомъ Луцкомъ, передо мною Войтехомъ Ветескимъ, будучимъ на местьцу пана Станислава Петровского, подстаростего Луцкого, отъ его вельможное милости пана Александра Пронского, столника Великого Князьства Литовского, старосты Луцкого, Янъ Скурка, явне устне и доброволне, кромъ вшелякого примушеня, по доброй воли своей, будучи здоровый на тѣли и на умысле своемъ, ку записанью до книгъ кгродскихъ Луцкихъ вызналъ тыми словы: ижъ дей, „будучи я посажонъ тутъ въ замку Луцкомъ, за обжалованьемъ балвера Луцкого Каспора, же былъ мене зъ жоною своею на имя Галжкою въ дому матки тое жоны его Рупинское на чужолозстве учиненомъ засталъ, за чимъ дей мене тутъ до замку и на горло былъ осадилъ; и то самъ сознаваю, ижъ не што инъшого за такий выступъ мой не заслужиломъ былъ, одно даньемъ горла. А такъ я, уходечи того срокгого караня а просечи напродъ милостивого Бога, а потомъ того пана Каспора о змиловане, абы онъ, яко хрестиянский чоловекъ, змиловавшися надо мною, горломъ даровалъ и вызволилъ, просилъ есми о причину до пана Каспора их милости: пана Дмитра Григоревича, наместника владыки его милости Луцкого, пана Богуша Ванковича, писара местьского Луцкого, а пана Есифа Андросовича, писара войтовъского, которые на прозбу мою, яко люде хрестиянские, учинить рачили и, въ то ся за мною вложивъши, пана Каспора упросили, же мене горломъ даровалъ. И будучи я отъ него въ томъ въ здоровю, за причиною тыхъ зацныхъ людей, захованъ, то на себе

зношу и доброволне вызнаваю, же потомъ вже въ мешканью его зъ тою малжонкою его такихъ ся своволенъствъ не допускать и мешканья имъ не псовать. А то, абы на мене зась потомъ якое мниманье от самого пана Каспора, от людей въ той же речи не было, теды маю оттоль зъ Луцка прочъ заразъ где в ынший край, въ пятницу пришлую, то есть месяца мая четвертого дня, кромъ вшелякое вже отволоки ехати и потомъ зась въ Луцку николи, будь самъ, або гдебыхъ у которого пана служачи, з нимъ, або гдебыхъ и за посланьемъ пана оного ехалъ теды, предся Луцко минути маю, и ему за то самъ черезъ себе, братью, приятелей и ни черезъ кого иншого обчого, якого колве стану, на здорове его не отповедать и жадныхъ пофалокъ, хлубячися съ того злого учинъку учиненого, не чинить, а ни того ни передъ кимъ не выявлятъ, але ся во всемъ скромъне заховать и добродѣйство пана Каспорово еще въ змилованью его надо мною выславлять. А гдебых потомъ въ томъ мешъканью ихъ малженскомъ якую прешкоду чинилъ и зъ Луцка если быхъ теперъ заразъ не выехалъ, и зась хоть и выехавши, тутъ бывалъ и заежъдчивалъ, на здоровье пана Каспорово гонилъ и отповеди и пофалъки самъ черезъ себе, приятелей и презъ когожъ кольвекъ чинилъ, тымъ ся хлубилъ, тутъ въ месте од оного часу промешкивалъ, то, гдебы въ томъ во всемъ былъ дозналъ, або ли теж на мене светками слушными было переведено, теды, гдебы мене колвекъ, въ которомъ колвекъ панстве, такъ въ короне Польской, яко тежъ и у Великомъ Князьстве Литовскомъ, яко теж на Волыню, и гдежъ колвекъ въ которомъ повѣти и до которого жъ колвекъ вряду и суду, такъ въ месте тутъ, въ Луцку, яко и в ыншыхъ местехъ, въ селе и на дорозе потрафилъ и до вряду за симъ сознаньемъ моимъ выдалъ и осадити далъ; тогды врядъ кождый, пригледившися во всемъ сему листу моему, хоть быхъ ся и якими жъ колвекъ причинами, будь правными, яко и неправными щитилъ, паномъ, у которого хоть быхъ и былъ, а ни врядомъ инымъ, але о все зъгола отступуючи всихъ оборонъ правныхъ, въ статутехъ такъ коронномъ и Великого князства

Литовского, яко и Майдеборъскомъ, описаныхъ, не откладаючи мне ничого вже болшей на проволоку, але заразъ на мънѣ, яко вже пересужоного правомъ, такъ яко-мъ первей горло понести мелъ, тогды на тотъ часъ мене горломъ карати и екзекуцыю остаточную на мнѣ выконати маеть; а тотъ врядъ, до которого буду пристигненъ, даю моцъ и воленъ во всемъ ся томъ справить ведле того доброволного сознанья моего".—Которое жъ то сознанье доброволное его до книгъ кгродъскихъ Луцкихъ записати казалъ.

Книга гродск. Луцкая 1582 г., № 2061, л. 376 на об.

XCIV.

Дѣло о недѣйствительности второго брака, заключеннаго Василіемъ Загоровскимъ при жизни первой жены.

I. Донесеніе вознаго о заявленіи Владимірскаго епископа Ѳеодосія Лазовскаго, что онъ не разводилъ Василія Загоровскаго съ первою его женою, княжною Збаражскою, и не давалъ благословенія на бракъ со второю—княжною Чорторыйскою. 1581 года, апрѣля 22.

Лѣта Божого нароженя 1581, месеца априля 22 дня.

Передо мною Адамом Мисевским, на тот час будучим на местцу его милости князя Костентина Курцевича, подстаростего Володимерского, в небытности его милости у Володимери, возный повету Володимерского панъ Жданъ Чирский ку записаню до книгъ кгродских вызналъ тыми словы: Будучи мне приданым з ураду кгродского Володимерского на потребу его милости князя Януша Збаражъского, воеводы Браславъского, старосты Кремянецъкого и Пинского, такъ тежъ на потребу ее милости панее Василевое Загоровъское, кашталяновое Браславское, кнежны Маруши Збаразское, был есми при том року теперешнего тисеча пятсотъ осмъдесятъ перъвого, месеца априля двадцат первого дня,

коли служебникъ его милости князя воеводы Браславъского Томашъ Белецкий от его милости пана своего пыталъ отъца Феодосия, епископа Володимерского и Берестейского: еслиж бы он самъ особою своею духовною, ведле обычаю права духовного, який розъводъ и росправу в малжонстве чинити мел межи небожчикомъ паномъ Василем Загоровскимъ и малъжонкою его милости княжною Марушею Збаразъскою? такъ тежъ если бы его милость отець владыка благословене якое на оженене пану Василю Загоровскому давал? На што его милость отец владыка таковое сознане учинил и повѣдил: ижъ дей „я николи у жадного суду своего духовного, ведле обычаю и права, а ни з доброе воли, не видилъ перед собою стоячи его милости небожчика пана Василя Загоровъского с панею малжонкою его милости кнежною Марушею Збаразъскою, росправуючисе о малжонъство, ни яко-мъ розводу жадного не чинил, также-м тежъ и благословеня жадного не давал на оженене иншою жоною пану Василию Загоровскому; одно один запис был и тепер естъ у книгах наших духовныхъ, што былъ позвалъ его милость пан Василей Загоровъский малжонку свою кнежну Марушу Збаразъскую на рок певный месеца августа пятого дня, року тисеча пятсотъ шестдесятъ осмого, ведле которого запису видимус ест дан его милости князю воеводе Браславъскому; а болшей дей тоее справы у нас и у книгах наших духовныхъ не было и тепер немаш". —Што мною, возным, служебник его милости князя воеводы Браславъского Томаш Белецкий светчил; а при нем была шляхта, пан Прокопъ Гуляницкий а пан Анъдрей Борятинский, которые того добре свѣдоми. Которое ж я сознане возного до книгъ кгродскихъ записати казалъ.

Кн. гродская Владим. 1581 года, № 942, л. 98 об.

Примъч. Подобнаго же рода справки княжна Збаражская получила: отъ кіевскаго митрополита, отъ епископовъ Луцкаго и Пинскаго и даже отъ самого Константинопольскаго патріарха, и на основаніи ихъ начала въ духовномъ судѣ дѣло о недѣйствительности второго брака, заключеннаго бывшимъ мужемъ ея Браславскимъ каштеляномъ Василіемъ Загоровскимъ (незадолго предъ тѣмъ умершимъ въ Крыму, въ татарской неволѣ) съ княжной Чорторыйскою. *Ред.*

2. Князь Юрій Чорторыйскій, именемъ сестры своей Катерины, требуетъ отъ Владимірскаго епископа Ѳеодосія выдачи „разводныхъ листовъ", которыми Василій Загоровскій и его первая жена, княжна Маруша Збаражская, обмѣнялись другъ съ другомъ, когда разводились передъ судомъ пріятелей. 1583 года, февраля 24.

Лѣта Божого нарожения 1583, месеца февраля 24 дня.

Передо мною Федоромъ Курцевичомъ, подстаростимъ Володимерскимъ, возный повету Володимерского Михайло Голубъ Сердятицкий до книгъ ку записованю сознал тыми словы: штож дей дня нинешнего, даты вышей помененое, будучи мнѣ з уряду приданымъ на справу и потребу ее милости панее Василевое Загоровское, кашталяновое Браславское, панее Катерины Ивановны княжны Чорторыское, и маючи я при собе шляхту, людей добрых: пана Лукаша Рогозу а пана Яна Окулича, был есми во владыки его милости Володимерского и Берестейского отца Феодосия, в замочку у его милости у Володимерскомъ, где кня Юрей Чорторыйский, именемъ ее милости пани Браславское, сестры своее, отцу владыце его милости мовил тыми словы: „иж дей кгды небожчикъ пан Василей Загоровский и княжна Маруша Збаражская чинили доброволне межи собою розвод о малженство перед приятелми, теды в том листе своемъ розводномъ зобополне признавають, иж листы розводные и в том розводе належачие до вашей милости, яко до права духовного, дали, которые прошу, абы ми од вашей милости отданы были". Отец владыка Володимерский жадных таких листов у себе быти не признавал а ни поведал. Его милость князь Юрий Чорторыйский и повторе поведил: „кгды бы дей их милость обедве стороне, пан Загоровский и княжна Маруша, розводячися з собою, тых листов вашей милости не давали, теды бы их и в том листе своем не споминали; але ижъ споминають, мам за то, же у вашей милости есть; теды прошу, абы ми их ваша милость вернул або списати позволил". Отец

владыка и повторе тых листовъ у себе быти не признавал и поведил, же „я о жадныхъ таких листехъ не вѣдаю, а ни м их у пана Загоровского и в кнежны Маруши брал, и в мене их нет“. Его милост княз Юрей Чорторыйский на тое отказалъ: „сестре моей мало, же се ваша милость до тых листовъ не признаваеш и в себе их быти запрел: сестра моя пани Загоровская о том з вашою милостю у далшого права о то мовити будет“; и тое все мною возным и менованою шляхтою светчил.—Которое ж я сознане возного до книг кгродских записати казалъ.

Книга гродская Владим. 1583 года, № 961, л 15.

---

3. Донесеніе вознаго о томъ, какъ производилось въ духовномъ судѣ дѣло по жалобѣ дочери Василія Загоровскаго Ганны на княжну Чорторыйскую о незаконномъ присвоеніи ею титула и правъ жены Загоровскаго 1583 года, ноября 9.

Лета Божого нароженя 1583, месеца ноябра девятого дня.

Передо мною Александром Курцевичом, подстаростим Володимерским, постановившися очевисто, возъный повету Володимерского Михайло Голубъ Сердятицкий очевисто ку записаню до книгъ кгродских тыми словы вызналъ и тое сознане на писми под печатю своею до книгъ кгродских Володимерских дал: иж дей року теперешнего тисеча пятсотъ осмъдесят третего, месеца ноябра первого дня, водлугъ нового римского календару, на року за позвы духовъными припалом, перед его милостю отъцем Феодосиемъ, владыкою Володимерскимъ и Берестейскимъ, и крилошаны Володимерскими, будучи мне при справе ее милости панны Ганны Ва-

силевъны Загоровское, кашталяновъны Браславское, якож того дня звышъ помененого, постановившися очевисто, велможная панна ее милость панна Ганна Василевъна Загоровъская, кашталяновна Браславская, злецила моц приятелем своим: пану Матею Лонцъкому, писару кгродскому Кременецкому, пану Томашу Белецкому а пану Григорю Дедеркалу, противко ее милости кнежны Катерины Чорторыское, даючи им во всемъ зыскъ и страту, которые умоцованые ее милости домовлялися того, абы позовъ по ее милост кнежну Катерину Чоргорискую, яко на року завитомъ, был читан; которую справу отецъ владыка под тою ж моцю отложилъ до росправы в головной речи з ее милостю панею Василевою Загоровскою кнежною Марушою Збаражскою и с кнежною Чорторискою. А дня сегоднешнего, в понеделок, то ест месеца октебра, водле старого календару, двадцат семого дня, по учиненю в той справе межи ее милостю кнежною Марушою Збаразскою и кнежною Катериною Чорторыскою головного декрету, умоцованые ее милости панны Ганъны Василевъны Загоровъское звышпомененые жаловали с позву ее милости на ее милост кнежну Катерину Чорторискую в том, иж кгды дей отца ее пана Василя Загоровъского, кашталяна Браславъского, татарове в року тисяча пятсотъ семъдесят семомъ взяли, который дей аж до сего часу в неволи в земли неприятелской седел и тых часовъ недавных зъ сего света зъшол, о чом ее милост ведати скутечне про далекост земли неприятелское не могла, аж недавно ведомост о смерти его взяла, а ваша дей милост [1]), приписавши собе титул тот, яко бы малжонкою отъца ее пана Василя Загоровъского быти мела, затым именъя ее милости отчизные Суходолы ис приселками, ку тому имению Суходолом приналежачими, также и зо всею маетностю, зъ золотом, зъ серебром, шатми, конми, стадом, быдлом, гумном и иншими

---

[1]) Т. е. княжна Чорторыйская. Очевидно, возный, при составленіи настоящаго донесенія, пользовался судебнымъ позвомъ, въ которомъ прописана была сущность обвиненія, въ формѣ личнаго обращенія къ отвѣтчику. *Ред.*

вшелякими пожитками, што одно в тых именях было, кгвалтовне и невидомо заграбила, и то дей аж до сего часу на себе кгвалтовне держиш, што дей ее милости правомъ прирожоным, яко на властного потомъка того небожчика пана Василя Загоровъского, кашталяна Браславского, припадает; и о то ее милост с тобою у суду належного целое право зоставуючи, толко о то с тобою у суду нашого духовъного мовити хочет, што дей ваша милост, не будучи никгды жоною отца ее, кгдыж кнежна Маруша Збаражская ест жива, над которую дей он иншое жоны мети не могъ; якож дей вжо ее милост панна Ганна Василевна Загоровъская о то вашу милост позвом нашим духовным позывала, якож дей и ваша милост на року зложоном перед нами становилася, и кгды дей ее на позовъ жалобы панны Ганны Загоровъское отказовати сказал, ваша дей милост умоцованого своего Подгороденского от себе против ее милости уставила и в право вступила, и не будучи до конца послушна сказаню нашого и не усправедлившися ее милости панне Ганне Загоровское, проч от суду нашого отошла, о што ее милост з вашою милостю у суду духовъного мовити хочет и до прислуханя головного декрету позывает.—А по вычитаню позъву, доводячи того, иж ее милост от суду, не слухаючи розъсудку нашого духовъного, упорне отошла, положил декрет суду нашого под датою року тисеча пятсот осмъдесят третего, месеца февраля первогонадцат дня, с которого ся то оказало, иж ее милост кнежна Катерина Чорторыйская, будучи от ее милости панны Ганъны Загоровъское позвана, на року ставши и въ право вступивъши, не слухаючи до конца розсудку нашого, проч отошла. И просили умоцованые ее милости панны Ганны Загоровское, абы на ее милости кнежне Катерине Чорториское, яко ся они и на першомъ року домовъляли, абы водле артикулу второго в розделе четвертомъ описаного, яко непослушная была здана, который артикулъ и теперъ до вашое милости подаемъ и просимо, абы ваша милост, отче владыко, декрет ведле Писма Божого у Матфея, глава девятаянадцат, и до Коринтив в посланию Павла святого,

глава осмая, учинити рачилъ. А владыка Володимерский и Берестейский, не слухаючи таковых выводовъ чиненых и не читаючи жадных доводов и статуту, от стороны поводовое показованых, але кгволи стороне позваное, неведати зъ якого права, не розсуживаючи тое справы, на узнане до его королевское милости отослал. Што все умоцованые ее милости панны Загоровское мною возным светчили о злый и неправный всказ и домовлялися того, указуючи правне, иж то вже иншая особа и о иншую реч чинит: бо то кнежна Марина Збаразская, жона пана Василя Загоровъского, а то зас панна Ганна Загоровъская, потомок. О то ж, ижесь всказал, признаваючи, якобы за яким еднанем пани матка ее милости панны Загоровское мела се дозволит оженити малжонкови своему а отцови ее милости иншою жоною, о чом ее милост не ведает и не о то чинит; але яко сторона перед тым, вступивши в право и не слухаючи далей права, отошла, так и тепер не стает и ничого не мовит, а ты ее милости декрету правного не чиниш, ку зволоце справедливости ее милости панны Ганны Загоровское. И оповедали о то з владыкою, яко о злый всказ, так и о шкоды, которых собе ее милость менит на десет тисечей золотых за тою проволокою справедливости ее милости, в праве належном чинити.—Которое ж я сознане возъного до книг кгродских записати казалъ.

Кн. гродск. Владим. 1583 г., № 961, л. 348 об., актъ 346.

Примѣч. Упоминаемая въ настоящемъ документѣ Ганна Загоровская имѣла въ то время не болѣе 12—13 лѣтъ отъ роду. Кажется, она родилась послѣ того, какъ ея мать, княжна Збаражская, разошлась съ мужемъ (см. выш. № XLV, стр. 155). Въ духовномъ завѣщаніи Василія Загоровскаго, писанномъ имъ въ 1577 г. въ татарскомъ плѣну, онъ упоминаетъ о ней въ слѣдующихъ словахъ: „А што ся дотычетъ дочки моее Ганны, которую-мъ мелъ съ первою жоною моею Мариною Збаразскою, той, ласку и милость мою повинную отцевскую цело отдаючи, хотя же-мъ, про незычливость матки ее, николи очима моима не видилъ, записую ей тымъ тестаментомъ моимъ, по животе моемъ, тисечу копъ грошей литовскихъ,... кгды ей Богъ милосердный чоловека доброго въ малженство дастъ“. Кромѣ того, онъ завѣщалъ ей дать, при выдачѣ въ за-

мужество, 30 лошадей, 100 овецъ и нѣсколько вещей изъ серебра (Архивъ Юго-зап. Россіи, ч. 1, т. I, стр. 77) Но княжна Збаражская хотѣла добиться того, чтобы ея дочь была признана единственной наслѣдницей значительнаго состоянія Василія Загоровскаго, и съ этой цѣлью начала въ духовномъ судѣ дѣло о недѣйствительности второго брака Загоровскаго и, слѣдовательно, о незаконнорожденности происшедшаго от этого брака потомства. Въ первый разъ дѣло это разсматривалось Владимірскимъ епископомъ Ѳеодосіемъ 11 февраля, 1583 года. Княжна Чорторыйская въ свое оправданіе представила документъ, помѣщенный въ настоящемъ томѣ выше, на стр. 160, въ доказательство того, что первый бракъ Загоровскаго былъ расторженъ законнымъ порядкомъ; но владыка, по настоянію обвинительницы, призналъ этотъ документъ „неслушнымъ" и „его, яко неслушный и неправный, скасовалъ и внивеч обернулъ". Отвѣтчица, „розумѣючи то собѣ быти з уближеньемъ права своего", потребовала перенесенія дѣла на судъ митрополита, что и было исполнено. Когда обѣ стороны явились къ митрополиту Онисифору, то онъ, разсмотрѣвъ „зо всѣми крилошаны своими" дѣло, призналъ, что оно ему не подсудно, а на основаніи апостольскихъ правилъ и церковныхъ каноновъ подлежитъ единственно суду епархіальнаго архіерея, т. е. того же Ѳеодосія Лазовскаго. Тогда король повелѣлъ епископу Ѳеодосію вторично разобрать дѣло, назначивъ ему въ ассистента Холмскаго епископа Леонтія Зеновича-Полчицкаго. Нѣсколько дней продолжалось разсмотрѣніе этого необычайнаго дѣла, и всѣ шансы выиграть его были несомнѣнно на сторонѣ княжны Збаражской; но когда настало время произнесенія приговора, то еп. Ѳеодосій, „осветчившись Богу и всимъ людемъ", что судитъ по совѣсти, объявилъ декретъ, которымъ призналъ княжну Катерину Чорторыйскую законною женою Василія Загоровскаго, а ея дѣтей—законными его дѣтьми и наслѣдниками. Княжна Збаражская заявила, что она признаетъ этотъ декретъ „неслушнымъ, писму Божому, праву посполитому и розумови противнымъ", и аппеллировала „до его королевской милости, яко до суду вышшого", тѣмъ болѣе, что участвовавшій въ разсмотрѣніи дѣла епископъ Холмскій Леонтій тутъ же объявилъ, что онъ „на таковый декретъ, который владыка Володимерский учинилъ, не зезволяетъ, видячи его быти противнымъ писму Божому и праву посполитому".—Подробный протоколъ этого интереснаго дѣла, по счастью, сохранившійся въ актовыхъ книгахъ, напечатанъ въ I т. 1-й части „Архива Юго-зап. Россіи" подъ № 35, поэтому мы ограничиваемся здѣсь лишь краткой передачей его содержанія, насколько это необходимо для поясненія помѣщаемыхъ нами другихъ документовъ, относящихся къ тому же дѣлу. *Ред.*

4. Удостовѣреніе, выданное бывшимъ игуменомъ Пересопницкимъ Кирилломъ Лясковскимъ, въ томъ, что онъ повѣнчалъ княжну Катерину Чорторыйскую съ Василіемъ Загоровскимъ, имѣя основаніе считать правильнымъ разводъ его съ первою женою, княжною Марушею Збаражскою. 1584 года, генваря 26.

Лѣта Божого нароженя 1584, месеца генвара 26 дня.

На рочкахъ кгродскихъ Володимерскихъ, дня онолгдашнего, в четвергъ, того ж месеца генвара двадцать шостого, за позвы кгродскими Володимерскими припалых и судовне отправовати зачатыхъ, перед нами Александромъ Курцевичомъ, подстаростимъ, а Хведоромъ Курцевичомъ, судею, врядники судовыми кгродскими Володимерскими, ставши очевисто в замку господарьскомъ Володимерскомъ, отецъ Кирило Лясковъский подал лист под печатью и с подписомъ руки своее и под печатьми и подписомъ рукъ людей добрыхъ, даный от него ку сведецству еи милости панеи Василевой Загоровской, каштеляновой Браславской, княжне Катерине Ивановне Чорториского, просячи, абы тотъ листъ его до книгъ кгродскихъ Володимерскихъ былъ вписанъ; которого мы огледавши и его перед собою вычитати давъши, за прозбою того отца Кирила, слово от слова, с почетку аж до конца до книгъ кгродскихъ Володимерскихъ вписати велели, который листъ так ся в собѣ маеть: „Я Кирилей Лясковский, богомолецъ господарьский, сознаваю симъ моимъ листомъ кождому, кому бы того ведати належало, ижъ будучи мне игуменомъ у манастыри Пересопницкомъ, былъ есми везванымъ от ее милости кнегини Ивановое Чорториское, кнежны Ганны Кузминны Жеславского, в року тисеча пятсотъ семъдесятъ первомъ, месеца генвара двадцать третего дня, в неделю, до имѣнья ее милости Сморжева. Тамъ же я, приехавши, засталъ есми людей зацныхъ: их милость пана Петра Богдановича Загоровского, маршалка его королевское милости, отца пана Василя Загоровского, и самого его милости пана Василья Загоровского, маршалка его королевское милости, пана Богдана Сопегу, пана

Остафъя Горностая, воеводича Новъгородского, пана Олизара Кирдѣя Мылского, маршалка его королевское милости, пана Василя Гулевича, войского Володимерского, пана Яроѳея Гостского, пана Гаврила Бокия, судью земского Луцъкого, пана Яна . . . .[1]) учинили з шлюбу и закону малженского, обое собѣ позволивши: позволил еи милости панъ Василей за иного мужа пойти, а кнежна Маруша его милости пану Василю Загоровскому позволила доброволне иную жону поняти, кого хотячи. Который листъ под зарунами справленъ, абы се тое вечными часы не вноминало перед жадным правомъ, такъ духовнымъ, яко и свецким, и тот лист печатми людей зацных был запечатованъ, и сама ее милость кнежна Маруша печат свою до оного листу, постановеня приятелского, приложивши, рукою своею власною по полску подписати рачила. Я, зрозумевши достаточно з листу его милости отца епископа Володимерского, иж не так Василей Загоровский причину до розорваня малжонства дал, але ее милость кнежна Маруша сама причиною розорванъя малженства была, так теж з листу угоды ихъ милостей, же ее милость кнежна Маруша Збаражская его милости пану Василю Загоровъскому, не хотечи ему водле присеги своеи быти малженкою, позволила доброволне иную жону поняти, с тыхъ тогды слушныхъ причинъ, чинечи я досит повинности моей духовной и жаданю их милостей, дал есми шлюб его милости пану Василю Загоровскому з ее милостю княжною Катериною Чорторискою у дворе ее милости кнегини Чорториское, у Сморжеве, при бытности менованыхъ их милостей пановъ приятелей, на то з обох сторонъ возваных, маючи при собѣ священника Троецкого, протопопу Клеванского, отца Трифония и священника е. м. Михайловского отца Ивана, водлуг закону нашого греческого шлюб давши, то ест звинчавши, их милостямъ в станъ светый малженский вступити есми благословил. На што я, для ведомости и потребы и жаданя ее милости панеи Василевое Загоровское, капта-

---

[1]) Средина акта утрачена. *Ред.*

ляновое Браславское, кнежны Катерины Чорториское, дал есми сесь мой лист под моею печатъю и с подписом властное руки моеи; до которого сего листу моего ихъ милости панове: его милость панъ Иванъ Гулевичъ Смолиговский, подсудок земский Володимерский, а пан Михайло Дубницкий, войт дедичный Володимерский, печати свои приложити и руки свои подписати рачили. Писан у Володимери, року по нароженю Исуса Христа Сына Божого тисеча пятсот осмдесят четвертого, месеца генваря двадцат шостого дня. Кирил Лясковский рука власна. Иван Гулевич власна рука. Михаил Дубницкий рукою власною подписалъ.

Начало документа—въ гродской Владим. книгѣ 1584 г., № 962, л. 29; окончаніе же найдено между отрывками этой книги, оставшимися во Владимірѣ-Волынскомъ Архивѣ послѣ перевода оттуда актовыхъ книгъ въ Кіевск. центр. Архивъ въ 1852 году, и сообщено священникомъ г. Владиміра-Волынскаго о. Даніиломъ Левицкимъ.

---

5. Донесеніе вознаго о врученіи княжнѣ Катеринѣ Чорторыйской позвовъ: отъ Львовскаго латинскаго архіепископа Яна-Дмитра Суликовскаго и православныхъ епископовъ: Холмскаго Леонтія Зеновича-Полчицкаго и Галицкаго Гедеона Болобана, по обвиненію ея княжной Марушей Збаражской въ незаконномъ присвоеніи титула жены Василія Загоровскаго. 1586 года, марта 4.

Року 1586, месеца марца 4 дня.

Постановившися очевисто на вряде кгродском Володимерском, передо мною Андреем Романовским, подстаростим Володимерским, возный повету Володимерского пан Михайло Голуб Сердятицкий ку записаню до книг кгродских вызналъ тыми словы: иж року теперешнего тисеча пятсот осмъдесят шостого, месеца марца четвертого дня, положиломъ тры позвы, слово в слово писаные, у

дворе Суходолскомъ, по ее милост княжну Катерину Чорторыйскую, в жалобе ее милости панее Василевое Загоровское, капталяновое Браславское, княжны Маруши Збаразское о неслушное собе приписане и зване ся титулом небожчика Василя Загоровского, кашталяна Браславского, яко то ширей и меновите на тых позвех ест описано, то ест: перший позов, писмом полскимъ писаный, от навелебнейшого в Хрыстусе Яна Дмитра Суликовского, з ласки Божое арцыбискупа Львовского, а другий позовъ, писмомъ рускимъ писаный, од велебного въ Хрыстусе Леонтия Зеновича Полчицкого, владыки Холмского и Белзского, а третий позов, писмом рускимъ писаный, од велебного Гедиона Болобана, владыки Галицкого, Лвовского и Каменца Подолского; а при мне на тот час были: ксендзъ с Порицка Адам Клопотовский, и поп Замлицкий Андрей Гервасевич, и сторона шляхта, люде добрые, пан Валентый Комнацкий а пан Григорей Олешковский. Якож, тут же будучи очевисто, при возном, ксендзъ с Порицка и свещеник Замлицкий и шляхта вышей помененая в тые ж слова вызнали, яко и возный сознал, же позвы положили. Которое очевистое возного сознане и теж вышей мененых особъ я-мъ до книг кгродских записати казалъ.

Книга гродская Владим. 1586 г., № 963, л. 83, актъ 58.

Примѣч. Очевидно, что король, на судъ котораго было перенесено дѣло о второмъ бракѣ В. Загоровскаго, не взялъ на себя его рѣшенія, а передалъ его на судъ особой коммиссіи, состоявшей изъ Львовскаго латинскаго архіепископа и двухъ православныхъ епископовъ. Въ половинѣ декабря того же 1586 года возный, съ участіемъ ксендза и священника, вторично вручаетъ княжнѣ Чорторыйской судебные позвы отъ членовъ этой коммиссіи и назначаетъ ей срокъ (7 января 1587 г.), въ который она должна „стать перед ихъ милостями“ въ г. Львовѣ. (Кн. гр. Владим. 1586 г., № 963, л. 911 обор.). Какое рѣшеніе постановлено было этой коммиссіей по данному дѣлу — въ актахъ нѣтъ свѣдѣній. *Ред.*

6. Врученіе епископу Θеодосію судебныхъ позвовъ отъ Кіевскаго митрополита Онисифора по жалобамъ княжны Маруши Збаражской и ея дочери Ганны Загоровской о неправильномъ рѣшеніи ихъ дѣла съ княжною Катериною Чорторыйскою. 1588 года, апрѣля 1.

Року 1588, месеца априля первого дня.

На вряде кгродкомъ Володимерскомъ, передо мною Яном Шостовицкимъ, на тот час будучим на местцу его милости пана Андрея Романовского, подстаростего Володимерского, в небытности его милости на тот час у Володимеру, ставши очевисто, возный повѣту Володимерского пан Исакий Долмацкий ку записаню до книг кгродских вызнал тыми словы: ижъ за приданемъ врядовымъ, маючи при собе двох свещеников: отца Андрея Гервасевича, презвитера Замлицкого, а отца Марка Подмокловича, Бискупицкого, приданых очевисто од его милости отца Феодосия Лазовского, епископа Володимерского и Берестейского, подалем очевисто в руки позвов три от его милости отца Онисифора, з ласки Божое архиепископа митрополита Киевского и Галицкого и всея Руси, его милости отцу Феодосию, епископу Володимерскому и Берестейскому, то ест: один позов в жалобе ее милости панее Василевое Загоровское панее Маруши княжны Збаразское о неслушный всказ с кнежною Катериною Чорторыскою, што ширей и достаточней на том позве отца митрополита его милости ест описано и доложоно, а два позвы от того ж отца митрополита по его-ж милость отца епископа Володимерского в жалобе ее милости панны Ганны Василевны Загоровское: оден позов, иж кнежна Катерина Чорторыская, мимо матку ее милости княжну Марину Збаразскую, живую жону отца ее милости Василя Загоровского, менит ся быти жоною помененого Василя Загоровского, отца ее милости, што дей водле права и писма Божого, прав хрестянских, быти не могло; а другий позовъ по его жъ милость отца Феодосия, епископа Володимерского и Берестейского, в жалобе ее жъ

милости панны Ганны Загоровское, иж помененая княжна Катерина Чорторыская, мимо матку ее милости, живую жону отца ее милости Василя Загоровского, кашталяна Браславъского, княжну Марину Збаразскую, менит ся быти жоною Василя Загоровского, отца ее милости, чимъ дей водле права, писма и права Божого быти не могла, и затым дей привлащает собе тытулу отца ее милости, которая справа на тых позвех ширей естъ описана и доложона. Которые позвы отдалем его милости целые, несъкробаные, незмазаные, в дате и во всемъ с тыми, которые при их милости зостали, зголливые; за которыми позвы зложилъ есми рокъ его милости отцу Феодосию, епископу Володимерскому, перед его милостю отцем митрополитом стати, яко в позвех естъ описано. Которое сознане возного до книг кгродских естъ записано.

Книга гродск. Владим. 1588 г., № 964, л. 145 об., актъ 136.

Примѣч. Дальнѣйшая судьба процесса о недѣйствительности второго брака В. Загоровскаго не извѣстна по актамъ. *Ред.*

XCV.

Дарственная запись князя Константина Константиновича Острожскаго, крайчаго Литовскаго, старосты Владимірскаго, выданная имъ своей женѣ Александрѣ Васильевнѣ Тишкевичевнѣ на право владѣнія всею его движимостью по его смерти. 1583 года, марта 2.

Року тисеча пятсот осмдесятъ третего, месеца марца семого дня.

Постановившися очевисто на вряде кгродскомъ Луцкомъ и книгами кгродскими Луцкими, передо мною Фалелѣемъ Бережецкимъ, будучимъ на местцу пана Станислава Петровского, подста-

ростего Луцкого, от его велможное милости пана Александра Пронского, столника Великого князства Литовского, старосты Луцкого, велможный его милость панъ Костентинъ Костентиновичъ княжа Острозское, крайчий Великого князства Литовского, староста Володимерский, созналъ водле листу запису своего, который от себе малжонце своей, ее милости панее Александре Василевъне Тишкевичовне, воеводянце Смоленской, на обдароване по животе своемъ еи милости малжонце своей всѣх речей рухомыхъ, которые колвекъ въ рухомости названы быти могутъ, яко ширей а достаточней на томъ листе, записе его милости, который его милость панеи малжонце своеи далъ, описано и доложоно естъ: и тот лист, записъ свой, подъ печатю своею и с подписомъ руки своее и под печатми и съ подписомъ рукъ людей зацныхъ, его милость князь Костентин Острозский на вряде положивши, просилъ, абы до книгъ уписанъ былъ, которого я для вписованъя до книгъ принялъ, и такъ ся в собе маетъ: „я Костентинъ Костентиновичъ княжа Острозское, крайчий Великого князства Литовского, староста Володимерский, ознаймую тымъ моимъ листомъ кождому, кому того потреба ведати або чтучи его слышати, нинешнимъ и напотомъ будучимъ: ижъ я, зъ воли и презренъя Бога сотворителя, будучи объвязаный стадломъ малженства светого з малжонкою моею милою панею Александрою Василъевною Тишкевичовною, воеводянкою Смоленъскою, а скутечне во всѣхъ поступках ее учтивыхъ дознавши цноты, повинъности, веры, всякое учинъности и праве уприймое повинъное милости малжонъское ку собе, и будучи тежъ ку неи, малжонце моей милой, таковою-жъ милостю порушонымъ, якою ся кождому доброму годит противко цнотливому милому товарышу, малжонце своей, показати, даю, дарую и вечне ей, малжонце моеи милои панеи Александре Тишкевичовне, воеводянце Смоленскои, записую по животе моемъ всѣ речи, которые колвекъ в рухомости названы быти могутъ и што бы се колвекъ в семъ листе моемъ поменило и не поменило, то естъ: гроши готовые и на долгахъ записаные и незаписаные, золото у

золотыхъ черленыхъ, ланцухохъ, клейнотахъ и всякое иное роботы; серебро всякое, ламаное, старое и новоприробленое на рядехъ, галжбантахъ, шабляхъ, кончерахъ, седлахъ, сагайдакох, въ мисахъ, полумискахъ, тарелех, ложках, наливках, конвяхъ, чарах, кубъкахъ и всякои же колвекъ роботы серебра позлотистого и белого клейноты всякие; колибки, кареты, камене дорогое, перла, шаты, возники, цынь, мѣдь, возы всякие, колибки, кареты и возы скарбные и всякие иные речи и спряты рухомые, которые якимъ же колвекъ способомъ поменити могутъ. Мает малжонка моя милая, скоро по животе моемъ, в моц, владност и в шафунокъ свой взявши, на пожитокъ оборочати и тымъ всимъ водлугъ воли и уподобанъя своего шафовати, волна будучи отдати, продати, заставити и кому хотя по своемъ животе записати, о што нихто з братьи, кровныхъ, близкихъ и повиноватых моих ей, малжонце моей милои, никоторое трудности чинити, а ни того поискивати от нее, а ни о то до права потегати не мають, кгдыжъ волно кождому власностю своего яко хотя шафовати. На што есми панеи Александре Василевне Тишковичовне, воеводянце Смоленскои, малжонце моей милой, далъ сесь листъ мой подъ моею печатю и съ подписанъемъ властное руки моее, а для лепшое твердости просилъ есми о приложенъе печатей их милости пановъ: велебного в Бозе его милости отца Феодосия Лазовского, епископа Володимерского и Берестейского, князя Костентина Курцевича а пана Станислава Вилчополского, которые их милости на жаданъе мое учинили и до сего листу моего печати приложили и руки свои подписати рачили. Писан у Володимери, лѣта Божого нароженъя тисеча пять сотъ осмдесятъ третего, месяца марца второго дня. Kostantin kxięże Ostrozskie, krayczy W. X. L., starosta Włodziemierzsky, ręką swą.—Феодосий, епископъ Володимерский, влостною рукою. — Костентинъ Курцевичъ власная рука.— Stanisław Wilczopolsky ręką“.—А такъ я тое очевистое сознанъе его милости княжати Костентина Острозского, крайчого Великого княжства Ли-

товского, старосты Володимерского, и менованый листъ, запись его милости, до книгъ кгродскихъ Луцкихъ записати казалъ.

Книга гродск. Луцкая 1583 г., № 2062, л. 87 об.

XCVI.

Дарственная запись княгини Александры Васильевны Острожской мужу своему князю Константину и потомкамъ его на право наслѣдованія, по ея смерти, всѣми родовыми ея имѣніями. 1583 года, марта 2.

Року тисеча пятсот осмдесятъ третего, месеца марца семого дня.

Постановившися очевисто... (*и проч., какъ въ предыдущемъ документѣ*) велможная ее милость кнегини Костентиновая Острозская, крайчиная Великого князства Литовского, старостиная Володимерская, пани Александра Василевна Тишковичовна, воеводянка Смоленская, доброволне водле листу, запису своего, которого от себе подъ печатъю и с подписми рукъ людей добрых велможному пану его милости кнежати Костентину Костентиновичу Острозскому, крайчому Великого князства Литовского, старосте Володимерскому, малжонку своему, на вечное дарованъе по животе своемъ именей еи милости отчизныхъ и материстых, у Великомъ князствѣ Литовскомъ лежачихъ, дала, што ширей и меновите на томъ листе, записе его милости, описано и доложоно естъ; который листъ передо мною на вряде покладала, просечи, абы былъ вычитанъ и в книги кгродские Луцкие уписанъ. Которого я листу огледавши и видячи тотъ листъ ее милости целый и ни в чомъ непарушоный, до книгъ кгродскихъ Луцкихъ для вписованя принялъ, и такъ ся в собе маетъ: „Я Костентиновая Костентиновича княжна Остроз-

ская, крайчиная Великого князства Литовского, старостиная Володимерская, Александра Василевна Тишковичовна, воеводянка Смоленская, чиню явно и сознаваю тым моимъ листомъ кождому, кому бы того потреба была ведати албо чтучи его слышати, нинешнимъ и напотомъ будучимъ вшелякого стану людемъ: ижъ дознаваючи я ку собе великое ласки, уприймое а щирое милости его милости кнежати малжонка своего, его милости кнежати Костентина Костентиновича Острозского, крайчого Великого князства Литовского, старосты Володимерского, и хотячи за то его милости вшелякую хуть и поволность мою оказати, а тым большей ласки и добротливости его милости собе приспорити, звлаща же-мъ тежъ его милости, яко пану и добродееви своему, наболшей повинъна служити и всего доброго зычити, не будучи на то от кого ничимъ намовена а ни примушона, и овшемъ з статечным розмысломъ моим а за радою и волею их милости пановъ приятелей моих, повинных, к тому маючи волност с права посполитого и поправы сойму Берестейского власностю своею шафовати, сама по доброи воле своей его милости княжати малжонку моему, его милости кнежати Костентину Костентиновичу Острозскому, крайчему Великого князсва Литовского, старосте Володимерскому, детемъ и потомком его милости, по животе моемъ, вси именя мои, мне отъ его милости пана отца моего, небожчика пана Василья Тишкевича, воеводы Смоленского, и ее милости пани матки моее, пани воеводиное Смоленское, вечностю записаные, въ повете Слонимскомъ и индей в панстве его королевъское милости у Великом князстве Литовскомъ лежачие, то естъ: дворъ и фолварокъ Белавичи з селы и приселки, дворец Сидоровский и вси дворы и фолварки, села и приселки, здавна и теперъ к тому именю Лososину, Белавичом и иншимъ фолваркомъ належачие, дворецъ въ повете Володимерскомъ Радобыльский и иные вси дворы, села и приселки, з бояры панцырными, путными, людми оселыми, тяглыми, данъными, огородниками, подсуседки, зъ их службами, платы, повинностями, с подачками, с полми, ролями, сеножатми, з борами, лесами, гаими,

дубровами, запустами и зарослями, з ставами, реками, з ставищами, озеры и болоты, з млынами, рудами, пилами, фолюшами, с корѣчмами, мостами, з ловы звериными, пташими, рыбными и бобровыми гоны, з деревомъ бортнымъ осажонымъ и пустымъ, з уходами и згола зо всими кгрунты, приналежностями и пожитки, яко ся оные именья Лососино зо всими селы и приселки, дворъ и фольварокъ Белавицкий зо всими селы и приселки, дворецъ Радобылский и всѣ дворы, села, приселки здавна и теперъ в своих границах, межахъ и обыходех и пожитках мают, ничого на кровъные и повиноватые мое не оставуючи, овшемъ отдаляючи то от пановъ брати, сестръ своихъ, кровъныхъ и повинъных моихъ,— его милости княжати малъжонку моему помененому, детемъ и потомком его милости, по животе моемъ, даю, дарую и симъ листомъ моимъ вечъне и на веки ничымъ не порушно записую. Маетъ его милость княжа Костентинъ Костентиновичъ Острозский, панъ а малжонок и добродей мой милостивый, также дети и потомки его милости, по животе моемъ, оное именъе Лососиную (sic!), дворъ Белавицкий, зо всими дворы, селы и приселки, и дворецъ Радобылский и иные зо всякими приналежностями и пожитки держати и уживати вечными часы, будучи воленъ и моценъ оное именъе Лососиную, дворъ и фольваркъ Белавицкий, дворец Родобылский и иные вси здоймомъ або и по частемъ кому хотечи отдати, продати, заменити, ку своему пожитку оборочати и тымъ, яко властностю своею, подле воли и уподобанъя своего, шафовати вечными часы; а панове братъя, сестры, близкие, кровные и повинъные мое в тое ничымъ ся вступовати, шкоды, переказы, ниякого затрудненъя княжати его милости, такъже детемъ и потомъком его милости, чинити и задавати и ни до якого права о то позывати не маютъ, под закладомъ на князя его милость пана малжонка моего, дети и потомки его милости двадцетма тисечми копами грошей литовскихъ. О который закладъ, будучи панове братя або сестры, такъ же кровные и повинъные мое, за нарушеньемъ сего запису моего, позвани до якого-колвекъ права и суду и вряду и в

который-колвекъ повет, тогды за першимъ позвом и на первшомъ року, яко на завитомъ, ничимъ позву и року не збиваючи и не закладаючи ся жадными причинами, правными и неправными, стати а оный заклад толко кротъ, колко бы в чомъ сего запису моего нарушили а позвани были, ничимъ не зникаючи, княжати его милости пану малжонку моему, детемъ и потомкомъ его милости платити повинъни будутъ, а по заплаченъю того закладу албо закладовъ, предъся сесь листъ, записъ мой, завжды держанъ и при моцы вечне захованъ быти маетъ. Которого запису ижъ про далекость дороги в поветехъ власныхъ вызнати не могу, тогды его на котором колвекъ уряде его королевское милости о то ведати и вызнати маю, даючи княжати его милости, пану малжонку своему, волность и моцъ до книгъ земских, коли одно его милость похочетъ, самому албо черезъ служебника его милости перенести и дати вписати, што такъ мает быти моцно и важно, якобымъ я сама у оного суду земского стала и вызнанъе учинила, а хотя бымъ тежъ и передъ урядомъ кгродскимъ сего листу, запису моего, зъ якое пригоды або припадку вызнати не могла, тогды то его милости, кнежати малжонку моему, и праву его милости шкодити ничого не маетъ, кгдыжъ яко кождому, такъ и мне именя набытые, з ласки его милости пана отца и пани матки моее мне записаные, не толко записомъ, але и тестаментом отписати волно. И на то-мъ дала княжати его милости, пану малжонку моему, сесь мой лист, записъ, з моею печатю и съ подписом власное руки моее. А при томъ были и того добре сведоми и за устною и очевистою прозбою моею печати свое к сему моему листу приложили и руки подписали их милости панове: велебный в Бозе его милост отецъ Феодосий Лазовский, епископъ Володимерский и Берестейский, князь Костентинъ Курцевичъ а панъ Станиславъ Вилчопольский. Писан у Володимери, лѣта Божого нароженъя тисяча пятсотъ осмдесятъ третего, месяца маръца второго дня. Костентиновая Острогская Александра Тишкевичовна рукою власною.—Ѳеодосий, епископъ Володимерский, властною рукою. — Костентинъ

Курцевичъ властная рука.—Stanisław Wilczepolsky ręką własną".—А такъ я тое очевистое сознанье ее милости кнегини Костентиновое и тотъ менованый листъ, запис ее милости, слово въ слово, с початку ажъ до конца до книгъ кгродскихъ Луцкихъ записати казалъ.

Книга гродская Луцкая 1583 года, № 2062, л. 82 об.

XCVII.

Жалоба земянина Григорія Володковича о томъ, что зем. Романъ Гостскій, сосватавъ за него свою дочь, подъ разными предлогами отсрочиваетъ день свадьбы и тѣмъ вводитъ жалобщика въ убытки. Заявленіе жалобщика, какъ происходило сватовство. 1583 года, іюня 7.

Року 1583, месеца июня 7 дня.

Приходилъ на врядъ кгродский Луцкий, до мене Фалелѣя Бережецкого, будучого на местъцу пана Станислава Петровъского, подстаростего Луцкого, земенин его кор. милости земли Жомоитское и Полоцкое пан Григорей Иванович Волотковичъ, оповедаючи о томъ, штожъ дей року прошлого тисяча пятсот осмъдесятъ первого, будучи ему тут на Волыню с приятелемъ своимъ паномъ Юремъ Юнъдиломъ, подкоморим Волъковыйским, кгды дей посполу одпроважали тут на Волын з Литвы малъжонъку его милости княжати Яхима Корецкого, воеводича Волынского, и мешкаючи час немалый в ыймeню их милости Межиречи, придалося дей ему быти в дому земенина повету Луцкого пана Романа Велегорского. Панъ Романъ Гоский, не маючи з ним знаемости никоторое, одно видаючи о бытности его тамъ, посылалъ не однокротъ, великими проз-

бами уживаючи его в дом свой, за которыми то он чинечи, в дом его до замку Госчи приехал. Тамъ дей, показавши оному хутъ, зычълевости, велце чтил и колъко дней от себе не пустил, способяючи дей его до вшелякое приязни: а кгды дей в тых днех там же до Госчы прибытъ рачил его милость княжа Костентин Острозский, крайчий Великого князства Литовского, староста Володимерский, тамъ дей значне то и словы оказалъ, жебы его вечнымъ приятелемъ в дому своем мети хотелъ, до чого дей се хутъливе чинилъ былъ и самъ княжа его милость причинил; потымъ дей и самъ панъ Романъ Гоский частокротъ оного намавялъ, не толко самъ, але и приятел его панъ Иванъ Чапличъ Шпановский, войский Луцкий, тые жъ слова не пооднокротъ плодечи, до спояня приязни приводилъ, обецуючи ему и девъце своеи вшелякую милость и наданье маетности. Зачимъ дей и за такимъ усилованъемъ схиливши за намовами хутъ свою, на то се привести далъ, жебы дочку того пана Романа Гоского а сестру пана Ярофея и Гаврила Госкихъ рожоную, панну Настазыю Госкую, в стан светый малъженский взяти позволил, за которою дей мели посагу дати тисечу золотых полъскихъ, то ест чотыриста копъ грошей литовских, кромъ выправы, и часть Радомля, именъя ее материстого, за прибытемъ его на Волынъ зо всемъ поступити. К тому дей тот пан Романъ Гоский, способяючи его до такое приязни и намавляючи пилъно, учинилъ ему таемъне присягу телесную, словне, под великими шлюбами, с проклятъемъ на душу и на тело свое, же дей мел дати и даровати вечным правом ему сто служобъ людей оселых от именя своего Госчи, на што при оной присязи своей а давши ему на то руку, малъжонку свою пани Дороту Корчминскую до того привелъ, абы тои справы святкомъ была, ено дей заказалъ, абы сыномъ его то ведати не дошло, и иншихъ дей обетницъ не мало ему чинил, и шкоды, которые бы для далекое проежъдчъки своее поднял, нагорожати прирекалъ. Зачимъ оная панна Настасыя Гоская кгды за него в стан малженский была змовена, там дей и листы межи собою записные дали, зложивши рокъ веселъю в ден

Сошествия светого Духа, то ест о святъкох, которое свято в року прошлом осмъдесятъ второмъ минуло. Передъ которым дей роком недел за чотырнадцать оный дей панъ Григорей Волоткович тут на Волынь прибыл и вже не отежъдчаючи того року пилновати дей умыслил был; лечъ кгды дей в дому у Госчи былъ, оный дей пан Романъ Гоский и сынове его Ярофей и Гаврыло Гоские сами и с приятели своими пилне в том его уживали, а прикладаючи трудъности свои, жебы тот рокъ веселю далей преложит ся могъ, на што дей он позволил, и рок зложили и описали собе в неделю первую по святе Вспения светое Пречистое в року прошлом осмъдесят втором, месеца августа деветнадцатого дня, чого дей пан Романъ Гоский присегою телесъною словъне подпирал, упевняючи пана Володковича, же тая справа зачатая дойти завжды муситъ. В тот дей часъ, за оным отложенемъ, едучи ему назад до Литвы, коней с стайнею немало в дорозе згорело, которые дей коштовали его осмъсот таляровъ старыхъ. А част именя Радомъля, тои панне Настасыи Госкои належачую, описалися дей они на денъ Сошествия светого Духа в року прошломъ осмъдесятъ втором, месеца июля третего дня, ему самому албо посланцу его поступити, под закладом тисечею золотых полскихъ; на который рокъ кгды дей онъ служебниковъ своихъ Якуба Куроша и Ивана Житинского послал, они дей, занедбавши опису своего и заруки в нем описаное, того именя имъ поступити не хотели и не поступили; которая дей справа о тое веселе, межи ними зачатая, через розные записы точила се аж до часу и дня тепер минулого, то ест до дня Сошествия светого Духа в року теперешнемъ тисяча пятъсотъ осмъдесятъ третем, на которых записех о всемъ ширей и достаточней естъ описано. За которыми дей и то уросло, же они, панъ Романъ Гоский и панъ Ярофей, сын его, шлюбили и прирекали и руки на то дали его милости пану Войтеху Стареховскому, старосте Вышокгродъскому, абы он от себе того пана Володъковича упевнил, кгдыж дей вжо он никоторымъ новымъ описомъ ихъ ухват далей не хотелъ. Кгды дей тепер тот ден и

рокъ помененый Сошествия светого Духа припал, тот дей панъ Володковичъ, чинечи досыт обликгацыи своее, с приятелы своими, то есть з его милостью паномъ старостою Вышокгродцъкимъ, а зъ его милостю паномъ Кадьяномъ Чапъличем Шпановъскимъ, судъею земскимъ Луцкимъ, с паномъ Гаврилом Голубом, ротмистром его королевское милости, и з ыншими многими приятелы своими в замку Госчы становил и тои справе зачатои, яко на року веселю зложоном, досыт во всемъ чинити готовъ был; нижъли дей оный панъ Романъ Гоский, запомневши присягъ своих, приреченя, руки даня, а тые сынове его панъ Ярофей и Гаврило Гоские веспол з ним, отцомъ своимъ, пробачивши обовязков и записов своихъ, на том року тое справы веселъя кончити и панъны Настазыи Гоское ему в малженъство дати забраняли, даючи причины хоробы отца своего и панны Настазыи, сестры свое, которые здоровыми на он час были, и уживали дей его з отъцомъ и приятелы своими прозбами о далъший рок, чого се ему над такое убезпечене далий для нихъ чинити не здало. Што осветъчивши людми зацъными, взял од нихъ сведецтво правдивое на писме, где о всемъ ширей и достаточней описано ест, иж для обетницъ их многих чинечи по трикрот на Волын дорогу з ымен своих Полоцкихъ и Жомоитски ъ, ув одну сторону по полтораста мил, упустившися через два годы службы его королевское милости, уставичъное на его почотъ заплаты и занехавъши пожитковъ домовых, а для тое дей таковое зволоки немало маетъности своее стратил, которых шкод всихъ менуетъ собе чотыри тисечи копъ грошей литовскихъ.— А такъ я тое оповедане его до книгъ кгродскихъ Луцких записати казалъ.

Кн. гродск. Луцкая 1583 г., № 2063, л. 593.

XCVIII.

Предсмертное заявленіе Раины Мироевской, что она умираетъ отъ побоевъ, нанесенныхъ ей мужемъ. Свидѣтельство вознаго. 1583 г., іюня 25.

Року 1583, месеца июня 25 дня.

Ставши очевисто на вряде короля его милости в замку Луцъкомъ, передо мною Станиславом Петровъским, подъстаростим Луцъким, возный повету Луцъкого шляхетный Матыс Славокгурский ку записованю до книг тыми словы сознал: ижъ дей я, будучи приданымъ от его милости пана Станислава Петровъского, подстаростего Луцкого, на справу слуги князя Юря Чорторыского, пану Павлу Заболоцкому и сыну его пану Антону, то ест на огледане ран, збитя и змордованя дочки пана Павла Заболоцкого Раины Мироевъское, которая была замужемъ в Торчини за слугою его милости князя бискупа Луцкого, и кгды есми в домъ пана Павла Заболоцъкого, до Заболотец, маючи при собе двох шляхтичовъ, людей добрых, приехал месеца июня петнадцатого дня, застал есми дочъку пану Павла Заболоцкого, Раину Мироевъскую, в пекарни лежачую, велъми збитую, зраненую и змордованую, на которой дочце пана Заболоцкого видилъ есми раны на боках, под самыми здухами, под ребрами, битые, синие, спухълые, а хрыбет битый, синий и спухлый; в голове видил теж есми раны битые, спухълые, и волосе оберваное, а на руце правой видилъ есъми рану битую, синюю. Которая дочка пана Заболоцкого Раина Мироевъская передо мною, возным, и перед шляхтою, людъми добрыми, повидила: иж дей „я тое тяжкое збите и змордоване маю безвинне от мужа своего Яна Мироевского, с которого дей бою ажъ кровъю хрипълю, бо дей во мнѣ внутри збивши, з горы светлици рострутил, не задаючи великих знаков на тѣли“. Якожъ есми видилъ, ижъ передо мною килъка разъ кровъю тяжъко храп-

нула а велъми тяжъко въздыхала, и такъ передо мною мовила и передъ шляхътою, людъми добрыми: же дей „я с того тяжъкого болю с того света зыйти мушу от змордованя мужа своего“. И просила пана отца своего, пана Павла Заболоцъкого, пани матки и всих приятелей своих передо мъною, возным, абы того мужу ее Яну Мироевъскому, по смерти ее, не пропустили, „бо дей я з рукъ его с того света зыйти мушу“. И тое дей мовила Раина Мироевъская: иж дей „я ниякое маетъности моее, которую муж мой по мъне у дом свой з дому пана отца моего взял, ему ни перед ким н: записовала а ни отказовала; если дей што по животе моемъ мужъ мой казати буде, не виръте ему, и все в него поберите“. И так передо мъною, возным, и перед шляхътою мовила: „коли бы дей мене пани матка моя з дому того злого мужа моего в томъ збитю моемъ не взяла с Торъчина, вже быx дей я давно з невчасов и без призору ее умеръла в томъ змордованю“.—А так я тое очевистое со.нане возного до книг кгродских Луцких записати казалъ.

Книга гродская Луцкая 1583 г., № 2063, л. 687.

Примѣч. Черезъ нѣсколько дней послѣ того Раина Мироевская дѣйствительно умерла. Возный былъ приглашенъ для освидѣтельствованія знаковъ отъ побоевъ на тѣлѣ умершей и присутствовалъ при томъ, какъ, во время похоронъ, отецъ Раины „чинилъ поволанье“, что дочь его умерла „отъ рукъ мужа своего“. Скоро послѣ похоронъ пріѣхалъ къ Заболоцкому Мироевскій и сталъ просить тестя и его сына, „абы его з того замордованя вызволили и не славили“. Какъ кажется, дѣло между ними окончилось мировой сдѣлкой. Кн. № 2063, л. 692; № 2064, л. 14. *Ред*

XCIX.

Земянинъ Василій Гнѣвошевичъ Бронницкій, сговоривъ невѣсту за сына своего Гаврила, выдѣляетъ ему часть родового имѣнія, чтобы онъ имѣлъ чѣмъ обезпечить вѣно своей женѣ. 1583 года, іюля 12.

Року тисеча пятсот осмдесятъ третего, месеца августа десятого дня.

Перед нами Станиславом Петровскимъ, подстаростимъ, а Остафъемъ Малинскимъ, судею, врядники кгродскими Луцкими, ставъши очевисто, земенинъ господарьский повету Луцкого панъ Василей Гневошович Бронницкий доброволне до книгъ вызналъ водлугъ листу, запису своего, который от себе сыну своему пану Гаврилу Бронъницкому на поступенъе ему части именя своего Бронникъ далъ, и тот лист, запис свой, перед нами на вряде покладалъ и просилъ, абы до книг уписан былъ, которого мы для вписованъя до книг приняли, и так се в собе маетъ: „Я Василей Гневошович Бронницкий вызнаваю самъ на себе симъ моимъ листомъ кождому, кому того потреба будетъ ведати або чтучи его слышати, сесь часъ и напотомъ завжды, ижъ я, з волею и презренъемъ Божимъ, приехавъши в домъ пана Ивана Еловича Букоемского, до Букоймы, за ласкою а добродействомъ его милости, змовиломъ в станъ светый малъжонский сестру его милости стрыечную панну Ганну Григоревну Еловну Букоемскую за сына своего Гаврила. А ижъ я Василей Бронъницкий, будучи еще в добромъ здоровъи, маючи и владнучи всею маетностю и отчизною своею самъ, не отделивъши сыновъ своихъ ни в чомъ, теды теперъ, ижемъ позволилъ и благословилъ сыну своему до стану светого малженъского уступити, якожъ есми за него панну Ганну Букоемскую змовилъ, и хотечи помените, ижъ бы он самъ и з малъжонкою своею на чом мешкати мелъ, даю и поступую ему, сыну моему милому Гаврилови Бронъницкому, часть именъя моего Бронникъ, в повете Луцкомъ лежа-

чого, которая бы на него з делу ровъного вечистого от брати его рожоное прийти мѣла, з людми тяглыми, з кгрунты и вшелякими пожитки и ужитки. Маетъ онъ тое части именъя моего Бронникъ, от мене ему поступленое, самъ албо и з малжонъкою своею при животе и по животе моемъ спокойне держати, вживати, малжонъце своей оправу вчинити, отдати, продати, записати, заставити и куды хотечи обернути, водлугъ мысли и уподобанъя своего шафовати, яко найлепей самъ похочетъ, а я ему того боронити не маю и мочи не буду. Якожъ есми третюю часть именя моего Бронникъ ему в держанъе до рукъ подалъ и поступилъ и, на реестръ списавъши, передъ возным повѣту Луцъкого люди подалъ, якожъ и на вряде въ Луцку, на рочкох кгродских Луцких, теперъ припалых, месяца августа четвертого дня, в семъ году тисеча пят сот осмъдесят третемъ, ставши, тое передъ врядомъ вызнати и до книгъ записати дати и сесь лист мой тымъ потвердити маю, и хотя жъ бы и роки не дошли и сужоны не были, теды хотя перед однымъ подстаростимъ ставши, предсе водълугъ сего листу данину свою вызнати маю, и што кгды сын мой передъ врядомъ земским ку записованъю до книгъ переношовати будет, вряд земский моцне то будеть . . . [1]) и зуполного суду кгродского, або и под одною врядовою печатъю принявъши, до книгъ записовати маетъ. Што кгды быхъ не учинил и водлугъ сего листу моего на рочкох перших кгродских Луцкихъ, месяца августа четвертого дня в року теперешнемъ осмъдесят третемъ, будь были и не были сужоны, хотя и перед однымъ подстаростимъ або наместникомъ до книгъ не вызналъ, теды маю и буду виненъ заруки его королевъское милости заплатити чотыриста копъ грошей, а сынови моему пану Гаврилу Бронницъкому другую копъ чотыриста грошей личбы литовское, всѣ шкоды и наклады его милости на слова речене заплатити, а заплативъши тые заруки, всѣ шкоды и наклады сынови моему пану Гаврилу, предсежъ и напотомъ на вряде, буд передъ кгродским, або земъ-

---

[1]) Здѣсь видимо не достаетъ нѣсколькихъ словъ. Такъ и въ подлинникѣ. *Ред.*

скимъ Луцъкимъ, вызнати буду виненъ, о што если бы . . . [1]) або если быхъ про упоръ свой великий и на потомъ того вызнати не хотел, теды сынъ мой панъ Гаврило, малжонъка, дети и потомки его, або тот, кому бы онъ то якожъ колвекъ пустилъ, маетъ и воленъ будеть тое части всего имѣнъя моего Бронникъ з людми и зо всѣми кгрунты, пожитки и вжитки за симъ моимъ листомъ держати и яко власности своее вжывати вечъными часы. И на то я Василей Гнивошовичъ Бронъницкий сыну своему пану Гаврилу Бронницкому далъ сесь мой лист з моею печатю. А при том были и того будучи добре сведоми, за властною устною а очевистою прозбою моею, до того листу моего печати свои приложити и руки свои подписати, которые умеють, рачили их милость панове а приятели мои: его милость панъ Михайло Мышка Варъковский, кашталянъ земли Волынское, староста Гомелский, а панъ Павелъ Козинъский, а панъ Семенъ Свищовъский, панъ Федоръ Бруяка. Писанъ в Букоймѣ, року Божого нароженъя тисеча пятьсотъ осмъдесятъ третего, месеца июля дванадцатого дня. Михалъ Мышка, кашталянъ, рукою властною. Федоръ Бруяка рукою властною".—А такъ мы тот лист вышей менованый слово от слова до книгъ кгродскихъ Луцких записати казали.

Книга грод. Луцк. 1583 г., № 2062, л. 242 обор.

---

[1]) Здѣсь тоже замѣтенъ пропускъ. *Ред.*

C.

Врученіе Владимірскому и Брестскому епископу Θеодосію королевскихъ листовъ по дѣлу о неправильномъ расторженіи подвѣдомственнымъ ему духовенствомъ брака „дьяка" королевской канцеляріи Кондрата Ивановича. 1583 года, декабря 9.

Лета Божого нароженя 1583, месеца декабря 9 дня.

Передо мною Александромъ Курцевичом, подстаростим Володимерскимъ, на вряде кгродскомъ ставши очевисто, возный повету Володимерского панъ Исакий Долматский ку записаню до книг кгродских вызнал тыми словы: иж в року тепер идучомъ тисеча пятсот осмъдесят третемъ, месеца декабра пятого дня, подаваломъ листы его королевское милости владыце Володимерскому и Берестейскому его милости отцу Феодосею в справе пана Кондрата Ивановича, дъяка канцелярыи его королевское милости, о учиненъе справедливости с попов: Берестейского Спаского Романа Андрѣевича а Каменецкого Леонтея Мартиновича Семеновского, иж они жону его венчалную Опрахну Григоревну, змыслиеши речи непристойные, заочне судили, водлугъ которого суду их наместник его милости отца владыки Берестейский пан Манойло Болобан, сполне с протопопою и крылошаны, волною от малженства учинили, зложивши толко ей час не йти замуж за сорокъ и за шест недель. То пак панъ Кондратъ, кгды о то з ними передъ тымъ же врядомъ духовнымъ Берестейскимъ правне чинилъ, на которомъ суде водлугъ жалобы своее довелъ на тых попов, иж они фалшиве в декрете своемъ на него писали, якобы он самъ, ставши передъ ними, жоны своее выречися и з малженства выпустити ее мелъ и рок чотыри недели становитися у Берестьи перед владыкою принялъ; а по доводе его, тые попы апелевали на розсудок его милости отца владыки, такъ тежъ и вряд на чинене выроку до его милости отослалъ. За которымъ отозванемъ ихъ и за отосланемъ

урядовымъ, кгды рокъ, за чотыри недѣли от суду духовного Берестейского зложоный, припал, пан Кондрат пилност чинил и через три дни их ожидал, а за нестанемъ их, яко на року завитом, домовлялся, абы тые суди зданы были и о то, иж несправедливе, водлуг речей подступных и змышленыхъ, судили водлугъ воли своее, ку шкоде его, скараны были, так теж шкоды, в которые его приправили, абы ему нагородили и жону его власную абы ему присудили, скасовавши тые вси декрета их, противко ему жоне его выданые от тых попов. Его милост отец владыка, принявши тые два листы его королевское милости, пану Кондрату поведил тыми словы, кгды всю справу его проглеедел: иж дей „я тых попов заочне судити не буду и выроку жадного на сесь час не учиню, хотяж дей вижу сам твою кривду и з шкодою немалою; але дей тепер дам я тобе по них позвы, позови дей их перед мене знову и того на них доводи; если же они што зле осудили, я дей за доводом твоимъ з них справедливост учиню; а жоны дей я твоее от тебе не отдаляю, бо дей и то причины не слушные ку розводу, которые в справе суду тых попов суть написаны“. За тым пан Кондрат, видечи то собе с кривдою и уближенъемъ справедливости своее, пошол был до вряду замку господарского Володимерского, хотечи то перед паномъ подстаростимъ оповедати, иж ему отецъ владыка с тых поповъ справедливости учинити не хотел. И будучи в замку при его милости пану подстаростим, пан Михайло Дубницкий, войтъ Володимерский, пану Кондратови поведилъ, абы ся еще с тым мало задержалъ и на его милост отца владыку не протестовался. На што пан Кондрат позволивши, знову до его милости отца владыки с паномъ войтом ходил и просилъ, абы водлугъ жалобы и доводу пана Кондратова отец владыка на тых попов своих, яко на року завитом, за отозвомъ и отосланемъ вряду духовного Берестейского припалым, вырок учинилъ. То пак его милост отецъ Феодосей, епископъ Володимерский и Берестейский, толко суды и декрета тых попов вышей помененых скасовал и, за никчемных их узнавши, на сторону их

отдалил, такъже и причины въ немъ описаные противко пану Кондратови в нивошто обернулъ; а на тыхъ попов такъ о каранъе, якое бы за то на собе понести мели, яко и о шкоды пана Кондратовы, выроку учинити не хотел, толко волное мовенье о то з ними передъ собою на другий час зоставилъ. Чого я всего будучи добре ведомъ, и штом слышалъ, то до вѣдомости вашое милости врядовое доношу.—Которое ж я сознане возного до книгъ кгродских записати казалъ.

Книга гродск. Владим. 1583 г., № 961, л. 369, актъ 381.

CI.

Судебное дло по обвиненію земянки Охлоповской въ убійствѣ мужа.

1. Обвинительный актъ, судебныя пренія сторонъ и допросъ „челяди“ Охлоповской, обвиняемой вмѣстѣ съ нею въ соучастіи въ убійствѣ. Постановленіе о производствѣ судебнаго слѣдствія. 1583 года, августа 10.

Року 1583, месеца августа 10 дня.

На рочкох судовыхъ кгродских Луцкихъ, дня оногдашнего в четвергъ, тогож месеца августа четвертого, за позвы кгродскими Луцкими припалыхъ и судовне отправовати зачатыхъ, передо мною Александром Пронскимъ, столником Великого Князства Литовского, старостою Луцким, ставши очевисто в замку господарскомъ Луцкомъ, пан Юзефъ Боришовъский, за моцю зуполною, ему очевисто у суду от пана Іоны Охлоповского даною, поклaдал позов кгрод-

ский Луцкий, которым ест позвана пани Борисовая Охлоповская Настася Михайловна Оцовского, просячи, абы был читанъ; я его читать казалъ, и так ся в собе маетъ: Александер Пронский, столник Великого Князства Литовского, староста Луцкий, земянце господарской повѣту Луцкого, жонѣ забитого пана Бориса Охлоповского, Настаси Михайловни Оцовского. Обтяжливе и плачливе жаловал у суду моего кгродского Луцкого земенинъ господарский повѣту Луцкого панъ Иона Якимович Охлоповский, самъ от себе и от брати своее рожоное молодшое, Костентина и Савы Якимовичов Охлоповскихъ о томъ, што ж дей ты, мешкаючи з небожчикомъ малжонкомъ своимъ паномъ Борисомъ Охлоповъскимъ а братомъ пана Ионы, Костентина и Савы Охлоповскихъ, и вземши дей ты перед себе запаметалый а злый умыслъ,—почала дей еси з ним ненавѣсное и незычливое и не такъ, яко на малжонку пристояло, мешкане мѣти, не маючи ку нему правого и сердечного умыслу и малжонского захованя, одно дей ку розорваню мешканя малжонского и ку роспусту, такъже ку якому злому и ганебному его, мужа своего, замордованю, волю и умыслъ свой склоняючи, старалася дей твоя милост в скрытом а потаемном умысле своемъ, якобы на него час свой усмотрѣти, а его яким колвекъ фортелнымъ и незбожнымъ способом здоровя позбавити и з сего света згладити могла. А навет, выбравши дей ты всѣ речи, маетност свою, в дому его, мужа своего, не держачи при собе, где индей на сторонѣ, яко он ведомост мает и на вряд кгродский Луцкий справу далъ, а в брати своее пановъ Оцовскихъ ховала и сама у нихъ по колку недель, отехавши от мужа своего, перемешкивала. Якожъ дей ты того злого умыслу и предсевзятя своего незбожного и скуткомъ дей еси доказала, то есть, ижъ в року прошломъ тисеча пятсот осмдесят второмъ, месеца марца осмогонадцать дня, в неделю, усмотрѣвши дей ты на него час собе погожий, кгды се был велми назбыт в дому своемъ у Охлопове спилъ и спати ся уклалъ, приведши дей до того дивными а хитрыми и злыми способы челяд свою, на ймя Федора Дюгтя, слугу своего небожчи-

ковского, а Васка хлопца, а дѣвок двох: Вуцю и Параску, и змовивши и порозумевшися с тою челядю вышей помененою, запомневши боязни Божое и срокгости, повинности хрестиянское и звирхности его королевское милости и срокгости права посполитого, за таковые выступки каранъя, в правах всѣхъ панов хрестиянских и в правах панствъ его королевской милости описаныхъ, зле а непристойне и незбожне, здрадливе оного малжонка своего пана Бориса Охлоповского, чоловѣка безпечного, а так твердо будучи велми спилого, спячого, в ночи сама своею власною рукою ножемъ его власнымъ, которым се он подголивал, у горло сколола, с которого зраненя и сколотя от тебе и от рукъ твоих з сего света зшолъ и от тебе забитъ и замордованъ естъ; а оная дей челядь верху менованая того тобе злого учинку, за приводом твоим, допомагала и тобе ку той твоей шкарадной работе служила: одна, свечу держачи, свитила, а иншие стерегли, жебы хто не подбачил; и скоро еси его сколола, свѣчи прудко погасивши, зараз розно з оное избы росперхнулися есте. Якож дей онъ самъ небожчикъ тое забите свое приятелем и суседом околичнымъ оповедалъ и по ономъ часе, кгды з сего света сходилъ, теды волал, ижъ забито его в дому спячого здрадою. А кгды дей, по частом а долгомъ выведанъю а тихомъ и промыслном опыте, отецъ пана Ионы Охлоповского, небожчикъ пан Яким Охлоповский, стрый рожоный мужа твоего, певне ся того выведал и допытался, ижъ дей ты оного мужа своего власными руками своими, ис тою челядью вышей помененою, забила и замордовала, и кгды дей вже по смерти его ты хотѣла тому тѣлу небожчиковскому погребъ учинити, тогды дей небожчикъ пан Якимъ Охлоповский, стрый рожоный небожчиковский, упоминал дей тебе приятелским обычаем, жебы еси того тѣла небожчика малъжонка своего так скваплива, спросне а никчемне не ховала для слушных а многих причин, и жебы се болшей приятелей для выведаня и лепшого досветченъя о забитъю и замордованъю того брата ихъ пана Бориса зобравшися, опыт коло того учинили, так же не хотечи тебе, яко шляхтянки, тымъ так

далеце ославити, а чим лепей того правдиве дойти и допытатися могли. Ты дей з братею своею, паны Оцовскими, и з иншими приятелми своими на опыт и на выведанъе не позволила, и от тѣла есте прочъ пошли а на цвинтару его покинули; тамже дей братя твое, панове Оцовские, будучи пъяными, мало дей пана Ионы Охлоповского на смерть не забили, от чого дей ледве ихъ иншие приятелѣ отвели и вгамовали; которое тѣло отец пана Ионинъ, панъ Якимъ Охлоповский, стрый рожоный небожчика малжонка твоего пана Бориса Охлоповского, будучи порушоный жалемъ, а вже маючи вѣдомост о таковомъ замордованъю небожчиковскомъ, оное тѣло на цвинтару взявши, опатрилъ его пристойне и возным тое тѣло обвел и оказал, же естъ забит, и осветчивши на уряде, то записати далъ, а оную челяд тобѣ в тисечи копах грошей до росправы приручилъ. А ижъ власне, водле права посполитого, братьи о голову чинити належит, тогды пан Иона Охлоповский, будучи братомъ стрыечнымъ пану Борису Охлоповскому, из оною братею своею, яко вышей описано ест, которым власне, яко ближнимъ, о голову чинити правомъ доходити належить, выведавшися певне они всѣ о томъ, ижъ дей ты мужа своего забила и замордовала, то на врядехъ розныхъ па тебе оповедали, записали, и возными тѣло осветчивши, знову тобѣ тую челяд у другое тисечи копахъ грошей приручили и о тое забите и замордоване брата их пана Бориса Охлоповского с тобою правом чинити хотят, и о то тебе сим позвом до суду кгродского Луцкого позывають, и с тобою очевисто мовити хочут. Проте приказую тобе, абы еси передо мною, а в небытности моее—перед судом моимъ кгродскимъ Луцкимъ, в замку господарскомъ Луцкомъ, на рочкох кгродскихъ Луцкихъ, которые припасти и сужоны быти мають в року тепер идучом осмдесятъ третемъ, месеца августа четвертого дня, сама, яко на року завитомъ, стала и тую челяд вышей помененую, то есть Федора Дюгтя, хлопца Васка а дѣвокъ двох Воцю и Параску, которых тобе перед вознымъ приручоно, и ты их перед врядом ставити прирекла, абысь поставила, и в том

абыс ся Ионе Охлоповскому и братьи его усправедливила. Писанъ у Луцку, року Божого нароженя тисеча пятсот осмдесятъ третего, месеца июня двадцать семого дня. Петръ Мложовский, писар.— По вычитаню позву, сторона поводовая, доведши оного позву и року выписом с книгъ сознанъя возного Ивана Жуковецкого, просила о возного ку приволанъю стороны позваное; я придалъ возного повѣту Луцкого Станислава Коломыйского, который возный, ставши, ку записаню до книгъ кгродскихъ Луцкихъ созналъ, иж пани Борисовую Охлоповскую на позовъ пана Ионы Охлоповского и брати его Костентина и Савы приволывалъ. За которымъ приволанемъ возного от стороны позваное, пани Борисовое Охлоповское пан Матей Стемпковский а пан Иван Порванецкий, озвавшися, поклидали моц от панее Борисовое Охлоповское, до тое справы им даную, хотечи в отказе быт. От стороны поводовое умоцованый поведил, ижъ дей то стороне позваной ити не может, абы через умоцованого мѣла в отказе быт, але сама очевисто отповедати естъ повинъна, и домовлялися, абы сама пани Охлоповская из челядю, которои теж однака вина дана, стала и оных поставила. Я, видячи с права посполитого, ижъ ся сторона поводовая слушное речи домовляла, абы Охлоповская сама стала и оную челяд, которои заровно вина ест дана, ставила, сказалъ есми. И кгды сторона позваная пани Охлоповская сама стала и оную челяд поставила, оным же очевисто у суду умоцованым, пану Стемпковскому и пану Порванецкому, моц до тое справы зуполную дала. Умоцованые от пани Охлоповское, приходячи ку отказу на позовъ, поведили: ижъ дей „тут видимъ одну особу пана Ионы Охлоповского, а братьи его Костентина и Савы в позве помененыхъ не видимъ; прото дей без тыхъ братьи его, водле артикулу двадцат пятого в розделе одинадцатомъ, сторона позваная не повинъна отповедать, ажъ и тые два братья его тут станут“. От стороны поводовое умоцованый поведилъ, иж дей пан Иона Охлоповский, хоть и тых двох братьи тут немашъ, самъ, яко старший брат и опекунъ оныхъ, того доходити есть виненъ, водле артикулу двадцат четвертого в

розделе одинадцатомъ, и домовлялъся абы сторона (позваная), не бавячи суду речми непотребными, в отказе была. Я, видечи и то, же сторона позваная домовлялася слушное речи, розумеючи, абы напотом трудности и от тых брати его не мела, сказалъ есми, абы ся пан Иона Охлоповский и за тых двох брати на пришлые часы стороне позваное, якобы жадное трудности не поносила, записалъ; на што сторона, пан Охлоповский, позволил и то на себе доброволне, под вшелякими варунками, заступаючи от тых брати своее Костентина и Савы сторону позваную, принялъ и заступити ся обовезалъ. Потомъ от стороны поводовое, поступуючи далей а попираючи жалобы своее, покладалъ напервей выпис с книг кгродскихъ Луцкихъ под датою року осмдесят второго, месеца апрѣля десятого дня, оповеданя своего, кгды небожчика Бориса Охлоповского зраненого видечи, до уряду донести не занехано, и тамъ же в том выписе и сознанье возного Станислава Коломыйского, ижъ до панее Охлоповское на поиманъе челяди, от которых тое зраненъе того небожчика Охлоповского быт меновалъ, поймат и оных приручит в тисечи копах грошей ходилъ, которых челяди а ни поймати дано, и в прируце приймовати пани Охлоповская не хотѣла; зас три выписы с книгъ: одинъ з гроду тутошнего Луцкого, другий Володимерского, а третий Кремянецкого—сознаня возныхъ: Станислава Коломыйского, Демяна Мокренского а Валентого Белобоцкого, под датою року осмдесят второго, которые у небожчика пана Бориса Охлоповского раны огледали и до панее Охлоповское ходили, абы о забитю небожчика малъжонка своего опыт и с тое челяди справедливость учинила и погребъ тѣла небожчиковского на иный час отложила; она а ни опыту, а ни справедливости не чинила и чинити не хотѣла и на иный час погребу тѣла не призволила, обецуючися оную челядь до права в себе задержать; а предся оные возные тую челяд еи в тисечи копахъ грошей приручили до росправы, в которой прируце она тую челяд приняла. Выпис теж покладалъ с книгъ кгродскихъ Луцкихъ, под датою року осмдесят второго, сознанье возного Матыса Славокгур-

ского—обволане тела небожчика Бориса Охлоповского, ижъ ни от кого не ест забит, одно от самое панее Борисовое Охлоповское и челяди ее: Федора Дюгтя, хлопца Васка а дѣвокъ двох Параски а Воцы. При том выпис с книгъ же тутошних кгродских Луцких, року осмдесятъ второго, оповеданя на вряде панее Михновое Порванецкое панее Опрахны Охлоповского, сестры рожоное небожчика Бориса Охлоповского, ижъ дей небожчик Охлоповский, будучи хорымъ, ни от кого иного того сколотя не мелъ, одно от челяди своее. Потомъ покладал два листы сведецких: одинъ от пана Кузмы и от пана Клима Порванецкихъ а пана Василя Олизаровского, а другий лист от пана Тимофѣя Зыка Князкого, в которых пишет, ижъ, за прысланемъ по нихъ от пана Бориса Охлоповского, были в дому его в Охлопове, которого знашли зраненого, лежачого на ложку, и оповедал перед ними, ижъ дей его в дому его, спячого, у светлицы пьяного, в ночи, могло дей было быт болшъ годины в ноч, ножемъ его власнымъ голелным, который уставичне у светлице на колку от часу немалого вишывалъ, у горло сколото, „и скоро дей мя уколото у горло, власне яко оса укусила, и зараз зашастѣло, из светлицы бегучи, которого м дей угонити не мог, бо была дей мене рана змогла“; и поведилъ, иж у него в дому его никого чужого не было и не винен никому ничого, а его забито; яко ширей о томъ всемъ на выписехъ врядовыхъ и сознаню томъ приятелскомъ ест описано и доложоно. По которых всѣхъ доводехъ, от стороны поводовое умоцованый поведилъ, иж дей водле тыхъ доводовъ и выводовъ, которые-мъ у суду покладалъ, пан Иона Охлоповский того замордованя небожчика пана Бориса Охлоповского быт ни от кого иного не менит, толко от самое панее Борисовое Охлоповское и челяди ее: Федора Дюгтя, Васка хлопца а девохъ двох—Воцы а Параски; бо где бы дей пани Борисовая Охлоповская в томъ не была винъна, а ужаловавшися жалю и невинъного забитя небожчика малжонъка своего, теды бы дей была зараз в томъ опыт учинила, справедливости челяди своее не боронила и зараз тѣла небожчиковского не хо-

вала, ажъ бы ся слушне в томъ выведала, и выведавшися, такового скарала; але дей пани Охлоповская, кгды бы дей была забитя небожчика малжонка своего жаловала а в томъ ся сама не чула, теды бы дей то зараз на уряде, водле артикулу второго в розделе одинадцатомъ, справившися, также и суседомъ околичнымъ и брати его оповедала и з ними того посполу жаловала, чому ся дей во всемъ пани Охлоповская не справила и всему противна была и того занехала. Прото дей, при тыхъ всѣхъ доводехъ, значне а ясне показаныхъ, пан Охлоповский, водле артикулу второго и десятого в розделе одиннадцатом, готов естъ, яко тое забитье того небожчика Бориса Охлоповского стало ни от кого иного, одно от самое пани Охлоповское и челяди ее: Федора Дюгтя, Васка хлопца и двохъ дѣвокъ Вуцы и Параски, самотреть на довод присягу учинит и ихъ поконать. Умоцованые от стороны позваное поведили: иж дей пани Охлоповская в томъ обжалованю, яко тут сторона поводовая твердит, не естъ винъна и в том ся не чует, вшакож для данъя справы в том теды о собе такъ обмову чинит: ижъ на тот час, кгды небожчику Борису Охлоповскому тое зраненье стало, дома не была, бо ее былъ небожчикъ до Порванча, до сестры своее панее Михновое Порванецкое отослалъ и самъ дома осталъ; и тамъ же оттоль пани Михновая Порванецкая взяла из собою пани Охлоповскую и ездили до Миркова, до панее Инвалское на хрыстины и вес тотъ ден там ся в Миркови забавили, и зас от панее Михновое, приехавши з Миркова, позно выехала с Порванча до дому. Пан Охлоповский в тотъ час, без жоны своее, рано вставши, до церкви ходилъ, и кгды было по службе Божой, взял до себе попа своего Охлоповского и с поранку почалъ з нимъ горѣлку пити, и кгды вже небожчик собе подпилъ, почалъ броити в дому, тот попъ, обачивши, ижъ броилъ, ублагавши его, спати положилъ на постели у светлицы, и коли попъ пошолъ от него до дому, панъ Борис, вставши и одомкнувши комору в светлицы и взявши скрынку и брамку з нее вынявши перловую, шаблею ее порубалъ на штуки, и иных речей не мало, што в скрынци

было, и не перестал шаблею рубат, ажъ ся ему зламала; потомъ взялъ полгакъ свой, с которымъ перед тымъ ездилъ на ярмарокъ до Володимера, на сбор, и набил былъ его набитемъ немалымъ, порохомъ и кулею, тамъ у Володимери того полгака не выстрелилъ и, приехавши до дому, не выстреливши, коло отпустилъ, который полгакъ аж до того часу набит лежалъ, и на тот час тотъ полгакъ другий раз на тое жъ набитье давное порохомъ и кулею набил и, накрутивши его, самъ седѣлъ у светлицы, на услони, перед столомъ, и коли оттоль стрелилъ с того полгака, полгакъ назадъ торгнулъ, ажъ на землю з услона спалъ, перси розбилъ, на правомъ боку кгуз ся учинилъ, в правом плечѣ и кост наполы переломилъ и с правого боку под бородою в горли щепа, от полгаку урвавшися, рану учинила, и по ономъ стреленъю, завинувши рану, зас знову лег; а панее Охлоповское еще не было. И кгды потомъ пани Охлоповская приехала до дому, небожчикъ еще спалъ у светлицы; она, вшедши до гридни, пыталася о небожчику пану челяди: где бы былъ?—Челяд поведила, же панъ пъяный и броил в дому, шкоды чинилъ; и она казала челяди ести дати; и коли ся челяд наедши розышла, она пошла з огнем до светлицы из челядю, нашла его ранъного, на ложку лежачого и, збудивши его, пытала: што бы ся ему дѣят мѣло? Он еи поведити не хотѣлъ, потомъ за ее докукою поведилъ: ижъ „самъ дей не ведаю, што мне ся деет; дай дей мнѣ покой, бо ся дей зле маю“. Она для опатреня его послала по барбера до Горухова; а кгды вже было назавтрее, она по братю свою панов Ощовскихъ послала, и коли приехали панове Ощовские с паном Иваном Селецкимъ, обачили, же балбѣръ Горуховский не может ему досыть учинит и помочи, послали по лепшого балбѣра до Свинюхъ, и тот вже балбѣръ ажъ до смерти при нем былъ. А он небожчикъ, бачачи, иж ся зле мялъ, термину назавтрее по зраненъю, в понеделок, на тестаментъ учинилъ и по пана Иону Охлоповского и пановъ Кузму и Клима Порванецкихъ и пана Василя Олизаровского посылал, которую термину и сам пан Иона поправовалъ;

а кгды была термина на тестаментъ списана, пан Иона и тые всѣ приятелѣ помененые, за прозбою его, печати до тестаменту приложили, а он небожчикъ печать приложилъ и руку свою подписалъ, по котором учиненю тестаменту ажъ в полтретѣ недели умер; на котором тестаменте жадное зменки небожчикъ не чинил, абы мелъ быт забит от жоны и челяди своее. И кгды тѣло небожчиковское ховат водле пристойности приятелѣ хотѣли, до которого погребу, чинячи почтивость тѣлу, трохъ попов: Охлоповского, Селецкого и Мирковского позвали, и коли тѣло до церкви провадити мели, пришол пан Иона Охлоповский до двора с паномъ Кузмою Порванецкимъ и с панею Михновою Порванецкою а с паны Тихном а Федоромъ Ржищовскими, взявши тѣло, провадили до церкви Охлоповское; а коли тѣло вже было на цвинтару и попове водле звычаю провод чинили и долъ на погребъ тѣла копати казали, тамъ панъ Иона, добывши шабли, с паномъ Кузмою Порванецкимъ и паном Тихномъ Ржищевскимъ, не ведати въ який обычай, скочили к тѣлу небожчиковскому, попов и мужиков розогнали и тело с труною и з марами кгвалтовне отняли, панее Борисовое и пановъ Ощовскихъ мало не позабияли, што ест в книги оповеданъе записано и о то панъ Иона до суду земского естъ позванъ; которого оповеданя своего и выпис с книг кгродскихъ Луцкихъ под датою року осмдесят второго, месеца апрѣля десятого дня, покладали. И выводячи ся далей, подавали тестаментъ небожчиковъский, менячи быти печатю пана Бориса Охловского запечатованый и рукою его подписаный и под печатми приятелей верху помененых, такъ теж и с подписомъ руки священника Охлоповского Карпа, под датою року тисеча пятсот осмдесятъ второго, месеца марта двадцатого дня, в которомъ тестаменъте о забитю своемъ, с чого и якимъ способомъ ему ся стало и от кого, не споминает; одно, заховуючися водле права посполитого, оправу малжонце, умиловавши ее, отписует. Потомъ покладалъ лист от пана Войтеха Кгрибовского, наместника Свинюского, под печатю и с подписом руки его, под датою року

осмдесят второго, месеца апрѣля дванадцатого дня — вызнанье барбѣра Свинюского на йимя Миколая, в которомъ пишет, ижъ кгды дей было по справованю тестаменту, был при небожчику пану Борису Охлоповскомъ мало не три недели, ажъ до смерти его, ино дей по вес час нѣ на кого жадное речи не поведал а ни волалъ, хто бы его ранити мелъ, одно все ся журилъ на полгакъ, с которого стрелялъ немернымъ набитемъ, иж был до половицы набит, перси собе барзо подле руки правое шкодливе былъ розбилъ и в плечѣ в томъ же правомъ кост ось зламалъ, и на то ся дей горшей журилъ; а што дей рану подле горла мелъ, то не паметал, если же ся самъ ранилъ, або щепа ударила, которая от того полгаку ся оторвала и в тотъ час, коли з него стрелилъ, от ложа отпала: „бо-мъ, поведа, был назбыт горѣлкою упилъ"; а потомъ дей у него кгуз на персяхъ великий учинился и казалъ его ему пропустить пущаломъ, который ему протял, а тот отокъ в него зараз внутръ пошолъ, и оттого умеръ. Зась покладали выпис с книг кгродскихъ Луцких, под датою року осмдесятъ второго, месеца апрѣля двадцат девятого дня, сознанье возного Каспра Богуша, ижъ перед онымъ возным священники три, одинъ Охлоповский Карпъ, а другий Феодосей Селецкий, а третий Мирковский Стефан вызнали, ижъ коли погребъ мелъ быти тѣлу небожчика Бориса Охлоповского и кгды на цвынтар до церкви Охлоповское принесено, и вже провод тѣлу чинили и долъ копати казали, тамъ дей пан Иона Охлоповский, не мовечи ничого, одно нафукавши, от тѣла панюю Борисовую Охлоповскую и приятел ее отбили, и порвавши тѣло з марами, з собою взяли; яко тежъ то у выписехъ врядовыхъ и на тестаменте все подостатку ширей ест описано и доложоно. По которыхъ выводех от стороны позваное умоцованые поведили, иж дей яко тутъ пани Борисовая Охлоповская значне невинность свою показуеть, же того замордованья мужа своего не естъ винъна, просили, абы была волна; а што дей тутъ сторона поводовая поведает, иж ся пани Борисовая водле права не заховала, на вряде не оповедала, кгдыж была невинна, и справедли-

вости с челяди своее не чинила и в томъ недбале починала, то вже дей знакъ винности по собе давала,—теды дей пани Охлоповская, яко белая голова, в томъ собе, яко правне почат, не могла и порады о то не мѣла; кгдыж дей и затым ся задержало, же небожчикъ былъ немалый час живъ и, не ведаючи, на кого бы мелъ тую пригоду оповедат, ее занехалъ, а над то и пан Иона самъ до тестаменту и иные приятелѣ небожчиковские печати прикладали, о чом жадное зменки перед ними, яко ся то с тестаменту значит, не чинилъ; але панъ Иона Охлоповский, звеснившися на нее гневомъ, о то з нею чинит и то на неи позыскати хочеть. От стороны поводовое умоцованый поведилъ: бы дей былъ панъ Охлоповский о то не дбалъ, теды бы дей о то не чинилъ, кгды ж до панее Охлоповское возных посылалъ, упоминал, абы была опыт в том и справедливост из челяди учинила, в чом ся не чула, але значне то кождому порозуменье давала, же тому сама причинцею была; а што дей тут тестаментъ кладет небожчика Бориса Охлоповского, менуючи там быть печать и подписъ небожчиковскую и иныхъ приятелей, пановъ Клима а Кузмы Порванецкихъ и пана Василя Олизаровского, и под печатъю пана Ионы Охлоповского, теды дей правда, же панъ Охлоповский клалъ печать и тые помененые приятели до тестаменту, але не до того, и если дей бы печати, которые тепер маетъ, до тых пришли, теды бы дей слушны быт мели: бо бачу, же печать и подписъ руки не пана Борисова, бо и печати своее на тотъ час не мелъ, и печат не пана Ионы Охлоповского, якожъ и самъ будучи до нее ся не зналъ; такъ-же тутъ же будучи и панъ Кузма Порванецкий в тые жъ слова до печати ся не зналъ, абы мѣла быт его; который дей я тестаментъ, яко неслушный и неправный, тутъ на уряде арестую и до него мовити хочу, заховуючи во всем целое мовене до него; теды ся и тым тестаментомъ, яко неправнымъ и неслушнымъ, боронити не можетъ, але водле доводовъ абы всказ судовый вышолъ. Другая, иж поведает сторона, же ся то ему от полъгака стало, которого тутъ не показует, а ни его показати может. И просилъ, абы тые

обмовы и обороны, которыми ся тут боронит и щитит, яко неправные и неслушные, на сторону были отложоны. От стороны позваное умоцованые поведили: што дей тут пан Иона Охлоповский поведает и до тестаменту пригану даеть, абы в него власная печать и подпис руки небожчика Бориса Охлоповского не была, и печать не его и не тыхъ приятелей, которые суть тамъ помены, показовали против того лист небожчика Бориса Охлоповского, подъ печатъю и с подписомъ руки его, кгды за себе змовилъ в станъ малженский теперешнюю малжонку свою, и другий лист тогож пана Бориса Охлоповского под печатю и с подписом руки его и с печатю Кузмы Порванецкого и иных приятелей, што вѣно той жонѣ своей небожчикъ записовал, под датою обадва року шестдесятъ осмого; прото дей власне у тых листовъ, яко и у тестаменту, рука одна и подписъ мы быт розумеемъ, и иначей потом ся не знайдеть, и для того дей слушне у права приймованъ быт маеть; а пани Охлоповская, яко невинъная, абы была волна. Умоцованый пана Охлоповского поведилъ: такъ, яко-м первей собе вцале заховалъ мовене до тестаменту, такъ и теперъ, кгдыжъ о то з стороною позву не маю, одно о забитье небожчика пана Бориса Охлоповского,—на то ми нехай отказ чинит и далей поступуеть, если што еще маеть; а кгды бачу, ижъ на доводе своемъ устаеть, абы была водле позву и жалобы сказана. Умоцованые от панее Охлоповское поведили: кгдыжъ дей ся сторона болшей выводовъ домагает, а ижъ пани Охлоповская на сес час не зготовала, теды, хотечи ясне а значне то показат и с того ся вывести, же в томъ обвиненъю не ест винна, просили, абы имъ еще на шкрутиниумъ ку выправованъю ся невинности ее было до пришлыхъ рочковъ дано, подаючи по собе декрет небожчика Волчка из Залесовскимъ, ижъ слушне маеть быть, кгды ся сторона выправити хочетъ, допущоно.—А такъ я, зрозумѣвши достаточне споровъ обеюх сторонъ а видечи то, ижъ сторона поводовая тягла по собе право и ясные доводы, против стороны позваное показованые, абы была каранье водле права понесла, а сторона позва-

ная выводила, ижъ в том обвиненъю не естъ винна, а просячи, абы далший рок ку оказанью невинности, то естъ на шкрутиниумъ, был ей допущонъ; што иж собе была сторона позваная на першомъ пункте права упустила и тым се не боронила, в чом бы слушне еи допущоно быт не могло, але догожаючи болшей справедливости и праву посполитому а не скваплаючися на срокгост правную, кгдыжъ и право позволяетъ, же суд кождый маеть быти близший ку вызволеню, нижли ку каранъю,—тое-мъ шкрутиниумъ стороне позваное допустилъ, ижъ сторона позваная на рочкохъ близко пришлыхъ, которые по тыхъ теперешнихъ наперъвей сужоны и отправованы будуть, маеть зо всими выводами своими быти готова и с того ся, яко не винъна, слушне выправити, а предся до того часу пани Охлоповская из замку выходити не маеть, оная челядь абы до везеня была врядового дана, и панъ Охлоповский тежъ при панеи Охлоповскои, яко сторона поводовая, на замку теж зостати до того жъ часу маеть. А што ся дотычет около спору о тестамент, теды стороне о то вцале правное мовенье заховалъ.—По которомъ скონченю декрету судового, зараз, хотечи тым лепшую ведомост о забитью того небожчика Бориса Охлоповского меть а в тотъ декретъ и то вложить, оную-мъ челяд, которымъ вина дана, поставити казалъ, которые по однои розно были пытаны; и за пытанемъ урядовымъ наперъвей Федор Дюготь вызналъ, иж на тот час, кгды пана Охлоповского ранено, не былъ дома, але ездилъ с панею до Миркова, и кгды приехалъ с панею до дому, пытала дей пани хлопа: што бы панъ чинилъ? Оный хлопъ поведил, иж о немъ ведомости не маеть, што бы чинити мелъ; она казала кони выпрагчи, а сама шла до избы, а я-мъ кони повелъ до маштарни и самъ ся есми з ыными товаришми поклали, бо-смо в тот час не ели, одно мне троха пирога Роговицкий зъести былъ далъ. А потом, кгды есмо легли, могло быт полгодины, прибегъ до мене Роговицъкий, братанич небожчиковский, и обудивши нас, поведилъ, ижъ дей, Федоре, не ведаемъ, што ся пану деетъ: увес у крвѣ. Там есмо дей пошли зараз и знашли есмо вже, а пани з дѣвъками Воцею и

Параскою и хлопцемъ Васкомъ рану завивають; и росказалъ мне небожчикъ, абых бегъ о двойгу коней по балвѣра до Горухова; и кгдым у барвѣра у Горухове былъ, тот балвѣръ ехати не хотел, мовечи, ижъ тому досыть учинить не может, абых шукалъ инъшого; я-мъ дей до другого, до Свинюхъ оттоль бежалъ, которого-м им дей привез, и виделом у небожчика рану у шии, якобы ножемъ проколотую, и на персах кгуз, што отокъ по-за скурю шолъ, который кгуз потомъ барвѣръ пусчалом протялъ, от которого протятя тая ся рана, яко зеркало, розширила; и во дви недели по протятью того кгуза умеръ.—Былъ тежъ пытанъ: если бы о томъ ведомост якую мелъ, хто бы его забилъ, або од него, небожчика, слышалъ, от кого бы ся то ему стати мело? Онъ поведилъ, иж небожчикъ ускаржался: „або дей мя ножемъ сколото, албо мя полгакъ образилъ“; якожъ в перси розумѣлъ, же от полгака, одно в шию не ведалъ певне, што ся ему стало; а при немъ дей в тотъ час былъ сестренецъ его Кожуховъский, который ся тогож часу скрылъ и ажъ его назавтрее в колешни, межи корчовъемъ нашли; и кгды былъ пытанъ, для чого ся скрылъ и што бы панъ броилъ, онъ поведилъ, ижъ дей есми ся пана боял, бо упившися шалѣлъ и з ручницы на заходе слонца стрелялъ, и стреляючи з лавки спалъ; который дей Кожуховский ест тепер у пана Клима Порванецкого. У полгака дей есми видил на пяд ложа урваного, з одного конца трѣска на два палцы, а з другого конца тоншей, нижли палецъ, а рура вся цѣла зостала. А попъ дей ему Охлоповский поведалъ, же небожчика добре здорового отшолъ и на постели пяного положилъ, а с того дей збитя теды дей руки поднести не могъ и кровю мочилъ.—Дѣвка Параска вызнала: ижъ дей пани у пана Инвалского в тот час одно з дѣтятемъ, с Федором Дюгтемъ а Роговицкимъ была и оттоль на смерканъю приехала; а кгды дей пан пъян былъ, мы-смы у него в избе не бывали, ажъ пани приехала, одно сестренецъ его Кожуховский был при немъ; кгды пани приехала, застала пана, вже ся был забил, и пытала его: што бы ся ему стало? Онъ еи по-

ведит не хотелъ, бо былъ барзо пъянъ, и зараз дей послала по балвѣра Федора Дюгтя, и былъ дей от того зраненъя живъ полъ-третѣ недели; и пан на Кожуховского мовилъ, ижъ дей „ты то мне, сестренче, учинилъ“; а он дей ся прѣлъ, ижъ ему не он то учинилъ. А коли дей пани раны завияла, тогды она не была, одно Воця, а Федор Дюгот, приехавши, тамъ в ызбе и не былъ, одно постѣль з воза зобралъ. А коли з ручницы стрелялъ, то-м дей я слышала, а по стреляню з ручницы, теды его Кожуховский, сестренецъ, на постели положилъ, и пани приехавши у него его застала, а о том зраненъю его в тотъ час нихто не ведалъ, ажъ пани приехала.—Воца дѣвка поведила и вызнала: ижъ пани на тотъ часъ у пана Инъвалского с панею Порванецкою была и ажъ дей у вечоръ, еще ся не смеркло, приехала; и приехавши, глянула до избы, а над ним дей Кожуховский у ложка стоялъ и завше при немъ былъ, и зараз дей потомъ утекъ и скрылся, и кгды былъ пойманъ и осажонъ, пытано: што бы з огнемъ там чинил в избе? Онъ поведилъ, ижъ по хлѣбъ ходилъ, а ножъ дей у него за холявою в тот час былъ. И то вызнала, ижъ панъ дей, упившися с попомъ, с полгака стрелялъ и самъ ся забилъ, а с панею дей нихто з них дѣвокъ не ездили, а мы-смы тамъ жадная у пана, ажъ пани приехала, не были; бо кгды пани приехала, в тот час есмо з нею до избы пошли и пана крывавого на постели вже застали; якожъ и пан часто мовилъ на Кожуховъского, ижъ дей „я теперъ маю рану, и ты ее от мене будешъ мѣть, бо дей могъ бы ты мене былъ стеречи, хто бы до мене шолъ и мене сколол“; и коли дей сестра небожчиковская Михновая Порванецкая у него бывала, теды ся ускаржалъ на полгакъ, же его забилъ.—Васко хлопецъ зозналъ: ижъ былъ в тот час у пана с трѣскою запаленою, а пан ранный на лаве седѣлъ, и пыталъ его: што бы ему было? Он дей мне поведилъ, ижъ дей „мя неприятель сколол“, и казалъ мне шукать хустки а хлѣба; и слышалъ дей есми, коли и стрелялъ; а пани дей приехала от панее Михновое Порванецкое с Порванча и Миркова в ночи, по которомъ

приеханю теды Кожуховский из светлицы выскочилъ и на гору ся сховалъ, которого ажъ на завтрее нашли под колешнею; а с панею дей в тот час ездил Федор Дюгот а Роговицкий, а дѣвка жадная не ездила.—Што все есми до книгъ кгродъскихъ Луцъкихъ для памети записати росказалъ.

Книга гродск. Луцкая 1583 г., № 2096, л. 62.

---

2. Показанія челяди Охлоповской, данныя подъ пыткой. 1583 года, августа 12.

Року 1583, месеца августа второгонадъцатъ дня.

На рочкох кгродскихъ Луцких, перед нами Станиславомъ Петровъским, подстаростим, а Остафъемъ Малинскимъ, судею, врядниками судовыми кгродскими Луцкими, ставши очевисто в замку господарскомъ Луцкомъ, возный повиту Луцкого Фронцъ Бромирский ку записаню до книг кгродских Луцких сознал тыми словы: ижъ будучи я при пробе челяди панее Борисовое Охлоповское, которым вина дана есть от пана Ионы Охлоповского о забите небожчика Бориса Охлоповъского, якожъ напервей дивъка Воца поведила: ижъ дей „небожчика пана нашого забилъ сесътренецъ небожъчиковский Василей Кожуховъский в ночи"; а потомъ повидила: ижъ дей „пани моя с Кожуховъскимъ сама в ночи ножомъ сколола власными руками своими, маючи на него гневъ, ижъ дей скрыни ее полупавши, золото и серебро побралъ; а то дей диялося в неделю, в ночи, а на тот дей час она была в летнику чорнымъ, мы дей, челядь, были при ней". И засъ повторе, потрете и по четвертый разъ повидила: иж дей „то она, пани, сама

учинила власными руками своими, ножомъ голеннымъ сколола, и ножъ дей тот жонка Олена у сеняхъ за колодою нашла крывавый". А слуга небожъчиковский Федоръ Дюготь поведилъ: ижъ дей „приехавши с панею, я-мъ дей пошолъ до маштарни и спати был люгъ, а потом дей дали ми в ночи знать, же панъ сколотъ; я-мъ дей тамъ хотел пойти, але ми пани не казала, и повторе кгды-мъ дей хотелъ до него дойти и его огледати, тогды дей ме пани не пустила". Васко Грицковичъ поведилъ еще до пробы: иж дей „пани сама заколола, а девки дей на тот часъ при неи были и светили Воца а Параска,—я-м дей видил черезъ окно; а кгды дей есмо зъехали до Луцка, тогды пан Яковъ Ощовский мовил ми, жебых не поведалъ ничого, кгды дей тебе хто будетъ пытати". Параска повидила: ижъ дей „Кожуховъский съ Федоромъ небожъчика пана нашого заморъдовалъ".—А такъ мы тое очевистое сознанъе возного до книгъ кгродскихъ Луцких записати есмо велили.

Книга гродск. Луцкая 1583 г., № 2064, л. 233.

---

3. Судебное слѣдствіе и декретъ въ пользу обвиняемой. По требованію истцовъ, дѣло переносится въ королевскій судъ. 1583 года, сентября 19.

Року 1583, месеца сентебра 19 дня.

На рочкох кгродскихъ Луцкихъ, дня оногдашнего, в четвергъ, тогож месеца сентебра пятогонадцать за позвы кгродскими Луцкими припалыхъ и судовне отправовати зачатых, перед нами Яномъ Госинскимъ, подстаростим, а Остафъем Еловичем Малинским, судею, урядники судовыми кродскими Луцкими, ставши очевисто в

замку господарскомъ Луцкомъ, умоцованый панее Борисовое Охлоповское пан Матей Стемпковский чинил примову, иж за обжалованемъ панее Охлоповское от пана Ионы Охлоповского о забитѣе якобы от нее малжонька ее, небожчика пана Бориса Охлоповского, естъ зостала первей через декрет судовый ку оказаню оное невинѣности своее, а то ест ку вывоженью шкрутиниумъ, из челядю своею, которымъ тежъ тутъ вину далъ, у везеню на замку; домовлялся, абы пани Охлоповская из челядю своею от везеня ку вывоженю шкрутиниумъ волна и тут у суду поставлена; а ижъ над декрет судовый везенѣе терпятъ, чого на собе поносити не мели, просили, абы з стороною поводовою целое право им было заховано, хотечи то ясне довести, же у везеню ее врядовне застано. Гдежъ тут же будучи, сторона поводовая пан Иона Охлоповский, через умоцованого своего пана Фронца Маковецкого, на то поведилъ: ижъ дей пани Охлоповская в жадном везеню не была и того показати не можетъ, бо и теперъ не естъ осажона; кгдыж одно водле декрету судового на замку в опатрности была, а жадного везеня не терпѣла; а если же до справы тое маеть быть ставена, теды, яко судъ узнаетъ, сторона переставати мусит.—Мы, узнавши то, иж жаден о собе заочне справы невинности своее оказати не можетъ, яко очевисто, сказали есмо, абы была з везеня волна и до суду до тое справы припущона; а што собе сторона обжалованая тяжет у везенью, о то целое право во всемъ есмо з стороною поводовою заховали. А кгды пани Охлоповская была поставлена, которая, даючи о собе справу невинности забитя небожчика малжонка своего, ставила зацныхъ шляхтичовъ и людей добрыхъ, которые, яко были сведоми, очевисто ставши, по доброи воли своеи, кромъ жадного примушенѣя, кгды были от суду поединкомъ пытаны, вызнали и оного вызнаня своего кождый лист под печатю и с подписом руки, яко хто умел, дали, и такое их свядецство ест. Напервей: „Я Лаврѣнъ Кглазовский кождому и кождого права и суду, так хтобы о том ведати хотел, сознаваю, што в року прошлом тисеча пятсотъ осмдесятъ второмъ, месеца

марца осмогонадцать дня, будучи мнѣ в Конотепех у пана Светослава Липского, подстаростего Белзского, и оттол едучи, стретел есми на гребли Мирковской панюю Борисовую Охлоповскую из иншими панями Порванецкими, которые мнѣ на пытанье мое поведили, ижъ ехали до панее Инвалское в наведины; а потом, будучи мнѣ в Горухове, въ уряде своимъ, с того ж дня недели на понеделокъ, быть могло ку полуночу, пришолъ ку мнѣ Якубъ барбѣръ, подданый кнежати его милости пана моего, с посланцемъ панее Борисовое Охлоповское, который собе имя передо мною призналъ Федоръ, и тотъ поведилъ передо мною, иж дей пан мой Борис Охлоповский на смеркани, в небытности малжонки его милости, панее моее, с полгака стреляючи, в перси и в горло свое ображене учинил, и приехавши дей до дому пани, заставши зраненого пана малжонка своего, послала мя тут до барбера до Горухова. А ижъ былъ тотъ обычай, иж барберъ без ведомости моее на сторону николи не ехалъ, на тот час, кгды пришолъ, тое жъ годины, за росказаньемъ моим, там до Охлопова поехалъ и там бывши, назад у понеделок приехавши, месеца марта девятогонадцат дня, тот же барберъ, пришедши до мене, созналъ тыми словы: иж есми был у Охлопове в дому пана Бориса Охлоповского, которого есми застал велми хорого, и видилъ есми у него рану одну крывавую в горле, которую знать, иж щепа от полгака отскочивши пробила, и другую, от тое шкодлившую, близко тое на персяхъ, синюю, снат ся кост спадала, которая горло окрывает; о котором зраненью своем поведилъ дей ми Борис Охлоповский, иж в небытности малъжонки своее стрелял с полгака здавна набитого, и в том ся есми, пьянъ будучи, за несчастьемъ моимъ и за необычайнымъ стрелянем своимъ, самъ зранилъ; я, видечи раны шкодливые, не поднялъ ся есми его опатровати. А так я с тоее прудкое а певное повести от барбера о таковомъ нефортуньном припадку небожчика Бориса Охлоповского, ижъ сам от себе смерть поднялъ, естем того певен, ижъ малжонка его, пани Настася Михновна Ощовского, не была и не ест причиною смерти

и зраненя его. Лаврин Кглазовский властною рукою".—„Я Иванъ Селецкий явне кождому сознаваю, ижъ в року прошломъ тисеча пятсотъ осмдесят второмъ, месеца марта девятогонадцать дня, в понеделокъ, будучи мнѣ уво йменицы своемъ в Селцы, перед полуднемъ, идучи зо млына моего Селецкого, поткалъ есми барбера Горуховского Якуба и пыталъ есми: откол бы ехалъ? Который мне поведилъ, ижъ дей есми былъ у пана Бориса Охлоповского, который хор естъ велми и поведил дей передо мною, ижъ ся есми самъ вчорашнего дня, на смерканьи, стреляючи с полгака, в небытности панее, самъ себе образилъ в перси и в горло, до которого вже и барбера Свинюского привезли. То пакъ я, заразомъ сам до Охлопова ехавши в дом небожчика Бориса Охлоповского, так, яко ми барберъ Горуховский поведил, то и он сам передо мною признал, иж тое зраненъе маю от Бога".—„Я Василей, а я Микита Ощовские явно сознаваем кождому, иж року прошлого осмдесятъ второго, месеца марта девятогонадцать дня, в понеделокъ, кгды приехал до нас посланецъ сестры нашое Настаси Борисовое Охлоповское, даючи нам знати о нефортунъномъ припадку зятя нашого и пана своего Бориса Охлоповского, тогожъ дня, кгды есмо к нему приехали, перед нами вызналъ сам небожчикъ Борис Охлоповский, иж тое зраненъе свое от Бога Сотворителя своего а з необычайного стрелянья своего с полгака маю. Мы, из его повести власное будучи того певни, ижъ малжонка его Настася не была и не ест причиною зраненя и смерти малжонка своего небожчика Бориса Охлоповского, готови есмо того и присягою нашою телесною потвердити. Василей Ощовский рука власная. Микита Ощовский рука власная".—„Я Антоний Визкгердъ Заболоцкий, служебникъ его милости велможного князя Юръя Чорторыского, верне, правдиве, под моим сумненъемъ, до ведомости вшелякое суду, чого-м свѣдомъ, доношу и при устном моем мовеню на писме даю, то ест: року прошлого тисеча пятсот осмдесятъ второго, кгдым приехал на Волын з службы его королевское милости з Москвы, с-подъ Пскова, и в том же року по-

мененомъ, маючи я потребу до их милости пановъ Оцовскихъ, месеца марца девятогонадцат дня, в понеделокъ, приехал есми в домъ пана Микиты Оцовского, самого есми пана Микиты Оцовского не засталъ, толко панюю малжонку его, и кгдым пыталъ о самом пану: где бы был? пани Оцовская поведила, ижъ дей дал знати до пана моего и до пана Василъя Оцовского панъ Борис Охлоповский, же упившися а съ пъянства якос ся сам образил и шкодливе ранен, там же дей до него побегли, бо ест велми хорый. Я, ач знаемости жадное с паном Борисом Охлоповъским не мел, поехалъ есми з дому Оцовского до пана Бориса, хотечи его наведити и тамъ ся с паны Оцовскими видити, и кгдым тогож дня выш помененого, вже позно в ночи, с понедѣлъка на волторокъ, в дом пана Бориса Охлоповского до Охлопова приехалъ, засталъ есми пана Бориса на ложку хворого лежачого и при нем в дому его пана Ивана Селецкого а пана Василя и пана Микиту Оцовскихъ седячихъ. Я, приступивши до пана Бориса Охлоповского, почал его пытати: што бы ему за хороба была? он поведилъ, иж дей з несчастья, упившися, сам ся есми образилъ, и не ведаю, если дей буду живъ. Там же есми в дому пана Борисовомъ в Охлопови и ночовалъ, а назавтрее, в олторокъ, раненко сам панъ Борисъ Охлоповский просил мене, абых ему тестаментъ написалъ. Я, водлугъ воли и властного росказаня его, тестамент написавши рукою моею, самому есми пану Борису Охлоповскому его подалъ в руки; а панъ Борисъ казалъ ми его перед собою читати; и кгдым его властне, якъ былъ написан, перед нимъ вычиталъ, выслухавши подостатку, похвалилъ тотъ тестаментъ и до него самъ панъ Борис Охлоповский руку свою подписалъ, я-м ему и каламаръ держалъ; а потомъ, подписавши руку, и печат свою приложити панъ Борис к тому тестаменту своему казалъ и заразом по пана Иону Охлоповского, брата своего стрыйнего, и теж доведалсе, же и панъ Василей Олизаровский у пана Ионы естъ, обох их до себе просити казалъ в дом свой. И кгды тот посланецъ пришол от пана Ионы, поведилъ пану Охлоповскому: былъ

дей есми за посланемъ твоимъ у пана Ионы Охлоповского, там же-м засталъ в дому его пана Василя Олизаровского, пана Кузму и пана Клима Порванецких, которые ото зараз до вас идуть. И кгды тые всѣ до пана Бориса пришли, пан Борис имъ тыми словы мовилъ: ижъ есми есмъ з допущенъя Божого хор, и не хотечи малжонки моее Настаси Михновъны Осчовского по животе моем наголе оставити, а то хотечи листы, записы еи, малжонце моей милой, от мене даные, остатнею волею моею потвердити симъ тестаментомъ моимъ, который ест з волею а властнымъ росказанемъ моим вже написан. И зараз панъ Борисъ Охлоповский казалъ тотъ тестаментъ перед нами читати, и кгды в голос былъ перед нами всими вычитан, зараз просилъ ихъ всѣхъ панъ Борис, абы они к тому тестаменту печати свои приложили; ино пан Иона Охлоповский, пан Василей Олизаровский, пан Кузма и панъ Климъ Порванецкие пытали передо мною пана Бориса Охлоповского: если ся ему тотъ тестаментъ самому подобаетъ, припоминаючи ему тое, же дей „еси дѣти свое погубилъ, а от детей все жонѣ отписуешъ“? Онъ имъ такъ отказалъ: „вамъ дей до того ничого, толко я вас прошу, абысте печати свои к сему тестаменту остатнее воли моее приложили“. Они, слышачи то от него, ему то обецали к тому тестаменту его печати свои приложити, и такъ мовили, же дей тепер при собе печатей своихъ не маемъ,—естъ в дому у пана Ионы Охлоповского печати наши, и тамъ ихъ приложимъ. Якожъ зараз всѣ есмо от пана Бориса Охлоповъского з дому его в домъ пана Ионы Охлоповского пошли; и кгды пришедши пан Иванъ Селецкий, пан Василей и пан Микита Оцовские, которых опекунами в том тестаменти написано и очевисто от пана Бориса перед ними признано, просили ихъ, абы они, якъ ся самому пану Борису Охлоповскому обецали, печати до тестаменту приложили. Они зновъ, пан Климъ и пан Кузма Порванецкие, паном Оцовскимъ и пану Селецкому мовили, же дей „мы еще до пана Бориса Охлоповского пана Иону Охлоповского пошлемъ, если намъ таки печати к тому тестаменту приложити роскаже,

якъ перво казалъ?“ и заразомъ пана Иону Охлоповского послали и у него есмо засъ были. Тогды и повторе пан Борисъ, якъ ихъ сам перво устне просилъ, такъ и через пана Иону сказалъ и просилъ, абы они всѣ печати свое къ его тестаменту приложили. Ино скоро то панъ Иона отказалъ, же на то панъ Борис позволилъ, тогды зараз в дому пана Ионы Охлоповского пан Кузма и пан Клим Порванецкие, пан Василей Олизаровский и пан Иона Охлоповский печати свои к тому тестаменту пана Бориса Охлоповского приложити рачили; а священникъ Охлоповский Карпъ, теж за прозбою пана Бориса Охлоповского, руку свою подписалъ. А при томъ моем правдивомъ свядецтве на том, што есми самъ з устъ небожчика Бориса Охлоповского слышалъ, будучи певен, ижъ не ест и не была причиною зраненя и смерти небожчика малжонка своего пани Настася Михновна Ощовского, и того ижъ есми свѣдомъ, же панъ Кузма, пан Клим Порванецкие, пан Василей Олизаровский, панъ Иона Охлоповский до тестаменту небожчика Охлоповского печати свои приложили, если бы того была потреба, готовъ есми тото сумненемъ своимъ поправити. Антоний Визкгердъ Заболоцкий власна рука“.—„Я Валентий Плонский сознаваю кождому, хто бы ведати о том хотелъ, до кождого уряду, ижъ в году прошлом, осмдесят второмъ, месеца марта девятогонадцат дня, посылал есми слугу пана Михайла Козинского, на ймя Мица Красовца, до пана Бориса Охлоповского перед полуднем, просечи о розкги на щепенье саду; который, там бывши и оттоль приехавши, передо мною поведил тыми словы, ижъ пан Борис Охлоповский, стреляючи з ручницъ, образилъ сам себе в перси и в горло шкодливе, в небытности панее малжонки своее, опившися горелъки, вчорашнего дня, в неделю, на смерканьи, што дей з устъ небожчика Бориса Охлоповского слышал; которые я слышачи, естем певенъ того, ижъ пани Настася Михновна Ощовского не винъна и причиною не естъ и не была зраненя и смерти небожчика малжонка своего Бориса Охлоповского, чого и присягою готовъ есми направити“.—„Я Ганъна Ванковна Белостоцкого Ивановая

Селецкая кождому явне сознаваю, яко я, доведавшися о нефортунъномъ припадку Бориса Охлоповского, была есми в дому его во второкъ, месеца марта двадцатого дня, року осмдесятъ второго, и на пытанъе мое небожчикъ Борисъ Охлоповский поведилъ тыми словы: иж „тое зраненъе маю за необычайным стрелянемъ моим с полгака“; а к тому тамъ же пани Михновая Порванецкая, сестра его родная, оказавши передо мною щепу дерева, от полгаку отскипленую, поведила, ижъ от тое щепы брат мой в горло зраненъ естъ, кгды стрелял с полгака в небытности панее малжонки своее, вчорашнего дня, на смерканъю; которого слышанъя моего тую повесть под присягою поведаю“.—„Я Янъ Длукгоборский сознаваю кождому, ижъ в року осмдесят второмъ, месеца марта двадцатого дня, у волторокъ, будучи я в Езерцахъ, во вряде своим на тотъ час от пана своего пана Мартина Менжинского, приехал ко мнѣ барберъ Свинюский Миколай по обетницу, ему от мене обецаную, по рыбы, который поведил передо мною, иж „теперъ еду до Свинюхъ, до дому, по свое начине ремесла моего барберского, абовем дей мя з недели на понеделокъ, перед свѣтомъ, взяли были до Охлопова, до пана Бориса Охлоповского, которого есми видил и застал хорого велми, и поведилъ передо мною, ижъ есми ся самъ зранилъ, стреляючи с полгака моего; и от того дей видилъ есми рану шкодливую на персяхъ, близко горла, битую, синюю, и кость перебита“. Я, с повести того барбера то слышачи, ижъ дей на тот часъ при зраненю Бориса Охлоповского малжонка его Настася Михновна Ощовского не была причиною зраненъя и смерти его, и тоее повести моее присягою моею, кгды того потреба будет, потвержу“.—„Я Федор, а я Андрей, я Левко Олизаровские явно всѣ сполечне вызнаваем, яко року тепер прошлого тисеча пятьсотъ осмдесятъ второго, месеца марта двадцатого дня, в олторок, приехавши, брат нашъ родный Василей Олизаровский поведил перед нами сполечне всими тыми словы: иж ехавши мне до швакгра моего пана Ионы Охлоповского в недѣлю прошлую, месеца марта осмогонадцат дня, и там будучи ув Охлопове, слы-

шал есми, ижъ пани Борисовая Охлоповская того дня поехала была до Миркова, и в небытности ее Борис Охлоповский, збыточне опившися горелки с попом Охлоповскимъ, былъ тошен малжонки своее небытя, и в томъ, взявши скрынку малжонки своее, розлупавши, копулки, брамку и пояс сребраный порубал, и с колку ручниц стреляючи, в небытности малжонки своее, вес ден недельный кончилъ; и потом, по одештью поповомъ, за своим необычайнымъ стрелянемъ, самъ себе с полгака образилъ и зранилъ в перси: полгакъ его забилъ, а в горло его ранила щепа, отскочивши от полгака; за которым своим припадком сегодня, в олторок, месеца марта двадцатого дня, пан Борис Охлоповский, приславши по пана Иону Охлоповского, через тогож посланца своего мне просилъ, абыхмо тамъ до дому его были; на тотъ час, ижъ были в дому сегодня пан Кузма а пан Климъ Порванецкие у пана Ионы Охлоповского, заразом з нами ишли до пана Бориса Охлоповского, и там пан Борис Охлоповский поведил перед всѣми нами, иж зраненье поднялъ через необычайное стреляне свое с полгака; где есмо и раны видили: одну крывавую на горле, знать от полгака щепою пробитую, а другую велми шкодливую, близко тое, на персях, битую, синюю; и тогож часу просилъ Борисъ Охлоповский, абы тестамент з волею его писан был. Там же при нас, за прозбою и з росказованя его, писалъ тестамент Антон Заболоцкий о всей маетности Бориса Охлоповского, который тестамент кгды был справенъ, зараз Борис Охлоповский печат приложил и руку свою подписал, оставивши опекунами на тестаменте жоне, детем и маетности своеи пана Василя и пана Микиту Ощовскихъ и пана Василя Селецкого; и просилъ нас, абыхмо к тому тестаменту его печати свое приложили. Мы, при том будучи, напервей пан Кузма и пан Клим Порванецкие, я Василей Олизаровский, по мнѣ Иона Охлоповский печати есмо свои приложили, и в том ся есмо розъехали. Ижъ есмо слышали тое от брата нашого Василя Олизаровского, готови есмо на том и присягнути, яко Настася Михновна Ощовского не была и не естъ причиною

смерти малжонка своего небожчика Бориса Охлоповского. Федор Олизаровский рука власная".—„Я Иван Гаврилович Холоневский сознаваю кождому до кождого уряду, што в року прошломъ осмдесят втором, месеца марта двадцатого дня, в олторокъ, стретил есми в ыменьи своемъ в Холоневе пана Василя Олизаровского о нешпорнои годинe, который ми поведил: ижъ дей „былем в Охлопове у пана Бориса Охлоповского тепер, с паном Кузмою и с паном Климомъ Порванецкими, с паном Ионою Охлоповскимъ,— который в прошлую неделю, в небытности малжонки своее, опившися горелки с попом Охлоповскимъ, з ручниц стрелялъ, и вже на смерканьи, по одештью поповомъ, с полгака, который был давно набитый, набивши другимъ набитемъ, стрелил, и там полгакъ забилъ его в перси, и щепа, отскочивши от ложа, ранила его в горло, и будучи велми хор, сегодня, упросивши нас, справил тестаментъ, до которого я и панъ Кузма, пан Клим Порванецкие и пан Иона Охлоповский печати свои есмо, за прозбою его, приложили, и самъ Борисъ Охлоповский печать свою приложилъ и руку свою подписалъ. Иж слышалъ есми з устъ Василя Олизаровского тыи слова, и на том готов есми присягнути".—„Я Василей Андреевич Холоневский, а я Андрей Григоревич Холоневский сознаваем кождому, хто бы о том ведати хотел, до кождого уряду, што в року прошлом тисеча пятьсот осмдесятъ второмъ, месеца марта двадцать первого дня, оповедалъ перед нами панъ Василей Олизаровский о нефортунъном припадъку небожчика Бориса Охлоповского, который в неделю прошлую, на смерканъи, опившися горелки, стреляючи з ручниц, и там сам себе з одного полгака, в небытности малжонки своее, зранилъ, то ест полгакъ в перси недалеко от горла шкодливе вдарилъ, а в горло щепа, отскочивши, его ранила; от чого будучи хор, вчорашнего дня в олторок чинил тестамент, который, достаточне справивши при нас, просилъ очевисте пана Кузмы и пана Клима Порванецкихъ, мене и пана Ионы Охлоповского о приложене печатей; мы, видячи его волю а на прозбу его, печати есмо свои к тестаменту его прило-

жили, а он сам яко печат свою приложил, такъ и руку свою подписал. Мы, ижъ есмо тые слова слышали з устъ пана Василя Олизаровского, естесмо певни, ижъ Настася Ощовского не ест и не была причиною зраненя и смерти малжонка своего Бориса Охлоповского, на чом есмо готови и присягнути".—„Я Иван Иванович Ощовский сознаваю явно кождому, што в року прошлом осмдесятъ втором, месеца марта двадцать первого дня, посылал есми служебника своего Ждана Гулялницкого до пана Бориса Охлоповского, просечи невода на ловенье рыбы в ставе моем Цевовскомъ; который, там бывши, передо мною поведил тыми словы: ижъ дей невода не привезъ, бо дей пан Борисъ хоръ, а то для того, иж в неделю на смерканьи прошлую, без бытности малжонки своее, опившися горелки, стрелялъ с полгака и самъ себе образил; и видил дей есми его раны: на персех, на правои стороне, рана велми синяя, снать и кость под горлом нарушена, другая крывавая в горле, знати, иж щепа, отскочивши от ложи, ранила. А такъ я, тое ижъ есми слышалъ, естем певенъ, ижъ Настася Ощовского не ест и не была причиною зраненъя и смерти малжонка своего, чого готовъ есми и сумненъем своим поправити. Иван Ощовский рука власная".—„Я Мартинъ Викгура сознаваю, иж што в року прошлом осмдесятъ второмъ, месеца марта двадцать второго дня, в середу, доведавшися о нефортунъной пригоде Бориса Охлоповского, был есми в дому его в Охлопове, навежаючи его, и тамъ на пытанъе мое самъ усты своими поведалъ, што в неделю, месеца марта осмогонадцать дня, опившися горелки, сам, с полгака стреляючи, образилъся в перси и в горло шкодливе, в небытъности малжонки своее; што з устъ его маючи я о том ведомост, ведаю о том певне, ижъ пани Настасья Михновна Ощовского не была причиною зраненъя и смерти его, чого и присягою своею потвердити хочу".—„Я Антонъ Рудецкий сознаваю кождому, хто бы о том ведати хотелъ, ижъ в году прошломъ осмдесятъ второмъ, месеца марта двадцать третего дня, в пятницу, маючи потребу свою, ездилъ есми до Ощова до пана Василя Ощовского, и кгды есми

его дома не засталъ, о которомъ ми сказали: в Охлопове; я тамъ, тогожъ дня поехавши за нимъ, знашолъ есми его в дому небожчика Бориса Охлоповского, который был велми хоръ, и будучи я тамъ, пыталъ есми самого Бориса Охлоповского, от кого бы то зранене свое мелъ? На пытанье мое самъ Борисъ Охлоповский поведилъ, иж дей „в неделю прошлую, месеца марта осмогонадцать дня, жена моя кгды отъехала до Миркова, я упивъся есми горелки, а в томъ пьянъ будучи, стрелял есми з ручниц, межи которыми полгак мой, с которым есми ездилъ до Володимера о зборы, был набитый и лежалъ не выстреленый, чого я пропомневши, яко пьяный, а другий раз набивши, стрелил, а в том мя в перси забилъ, а щепа, от ложа отскочивши, образила мя в горло, и того есми хор, а то в небытности малъжонки моее Настаси“. И маючи я з устъ его таковую ведомость певную о зраненью Бориса Охлоповского, естемъ певенъ и того свѣдомъ, ижъ Настася Михновна Оцовского не винъна и причиною не была зраненя и смерти малъжонка своего Бориса Охлоповского, и на томъ присягнути хочу“.—„Я Янъ Наполский сознаваю явне до кождого права и суду, ижъ в року прошломъ осмдесят второмъ, месеца марта двадцать третего дня, слышалъ есми з устъ попа Охлоповского Карпа о нефортунъном припадку небожчика Бориса Охлоповского в тые слова: ижъ дей в неделю прошлую, месеца марта осмогонадцать дня, пивши зо мною горелку и опившися, з ручниц стрелялъ, челяд розогналъ; а потомъ, кгдымъ я отышолъ, с полгака здавна набитого стрелил а в том сам себе за онымъ необычайнымъ стрелянемъ своим в перси и в горло образил, зранилъ, а то без бытности малжонки своее; с которого зраненья неведома, если жив будет. А потомъ слышалъ есми з устъ барбера Горуховского Якуба, который тежъ поведилъ в тые ж слова: яко ему панъ Борисъ Охлоповский сам поведалъ, ижъ сам себе в небытности малжонки своее в необычайном стреляню своем с полгака зранилъ в перси шкодливе, снат и кости нарушилъ. Што иж-ем так а не иначей слышалъ, яко от попа и от барбера, под сум-

неньемъ моим поведаю. Iaн Napolsky ręką swą".—„Я Федор Иржищовский сознаваю явне до кождого права и суду, што я, приехавши з Луцка в року прошлом осмдесят второмъ, месеца марта двадцать четвертого дня, въ суботу, до дому пана отца моего, до Иржищова, слышалъ есми от пана отца моего, ижъ панъ Борис Охлоповский в неделю прошлую, сам себе, стреляючи с полгака, шкодливе в перси и в горло образилъ, в небытности малжонки своее; я, будучи того певенъ, иж Настася Михновна Ощовского не была и не ест причиною зраненя и смерти малжонка своего Бориса Охлоповского, чого и присягою своею готовъ есми потвердити, до которого сознаня и руку-м свою подписал. Федор Львовичъ Ржищовский рука власная".—„Я Прокопъ Белостоцкий явне сознаваю, иж будучи мнѣ на торгу в Горухове в неделю, месеца марта двадцать пятого дня, в року прошломъ осмдесятъ второмъ, слышалъ есми з устъ отъ подданыхъ небожчика Бориса Охлоповского, ижъ дей панъ нашъ Борисъ Охлоповский сегодня в тыждень, в неделю, коли пани ездила до Миркова, и без нее опившися з нашимъ попомъ горелки, стрелял з ручниц, и тамъ, по одештю поповом, и скрынку панее розлупалъ, пояс сребреный и копулки порубалъ, и стреляючи вжо на смерканьи, в небытности панее, сам себе в перси и в горло образилъ, с чого не ведаемъ, если живъ будетъ. А с тоее певное повести подданыхъ небожчика Бориса Охлоповского естемъ певен, ижъ пани Настася Михновна Ощовского не ест и не была причиною зраненя и смерти малжонка своего Бориса Охлоповского, чого бых и сумненемъ своим поправилъ. Прокоп Белостоцкий рука власная".—„Я Томко Ощовский сознаваю явне кождому, што в року осмдесят второмъ, месеца марта двадцать семого дня, послышавши от пана Василя, брата моего, о нефортунѣномъ припадку небожчика Бориса Охлоповского, ездилъ есми до Охлопова, навежаючи его, который ми з устъ своихъ небожчик Борис Охлоповский поведилъ, ижъ тое зранене в перси и в горло за необычайнымъ стреляньемъ своимъ с полгака сам от себе маю, в небытности малжонки своее, в неделю

прошлую, месеца марта осмогонадцать дня; што я ижемъ слышалъ тые слова от небожчика Бориса Охлоповского, естемъ певен, иж Настасья, малжонка его, не естъ винна зраненья и смерти его, и на том готовъ есми присягнути. Томъко Оцовский рука власная".— „Я Станислав Кгуховский сознаваю явне кождому, ижъ мне будучи в Горухове в неделю, року прошлого осмдесятъ второго, месеца марта двадцать пятого дня, в дому мещанина Горуховского Юрка, там мнѣ и иншимъ многимъ людемъ поведал панъ Кузма Немиричъ Порванецкий, яко панъ Борис Охлоповский, опившися горелкою, в неделю прошлую месеца марта осмогонадцать дня, на смерканьи, в небытности малжонки своее, стреляючи с полгака, сам себе зранилъ, и будучи фор, в прошлый второкъ тогожъ месеца марта двадцатого дня чинилъ тестаментъ, до которого я и брат мой панъ Климъ Порванецкий, панъ Василей Олизаровский, панъ Иона Охлоповский, печати есмо свои приложили, и попъ Охлоповский руку свою подписалъ. Я, тые слова от пана Кузмы иж есми слышалъ, готовъ бых на том присягнути[1]".—„Я Миколай Стемпковский сознаваю явне кождому, ижъ року осмдесятъ второго слышалъ есми от подданых панее Якимовое О лоповское з Охлопова в Горухове, на торгу, в неделю, месеца марга двадцать пятого дня, яко Борисъ Охлоповский в неделю, ото тыждень, опившися з нашимъ попомъ Охлоповскимъ горелкою, а панее самое Борисовое дома не было, мало не вес ден з ручницъ стрелялъ, и вжо по одостью поповомъ на смерканью сам себе, стреляючи, образилъ в перси и в горло, яко то и сам перед всими поведает; я, маючи тую певную ведомость о томъ, естемъ певенъ, ижъ пани Настасья Михновна Оцовъского не винна и причиною не естъ и не была зраненья и смерти малжонька своего Бориса Охлоповского, на чомъ и присягнути хочу".—„Я Адам Рудавский правдиве, явне, кождому сознаваю, што-мъ слышалъ з устъ бар-

[1]) Далѣе слѣдуютъ совершенно такого же содержанія показанія свидѣтелей Яна и Парфена Саснновъ, которыя, въ виду однородности ихъ, здѣсь опускаются. *Ред.*

бера Горуховского Якуба тые слова: ижъ есми слышалъ от самого пана Бориса Охлоповского, што зранене в перси и в горло поднялъ сам от себе за необычайнымъ стрелянем своимъ с полгака, в небытности малжонки своее, на смерканьи, в неделю, месеца марта осмогонадцат дня, в року теперешнемъ осмдесят втором; а такъ я, иж слышалем тые слова з устъ барбера Горуховского Якуба, под сумненемъ моим сознаваю. Adam Rudawsky ręką swą". До того еще придал, иж тое слышал от барбера, которого тутъ поменил, иж поведел ему, же Иона Охлоповский пана Адама Рудавского по попа, которого мают на-полы с панею Борисовою, же онъ не ведати где задел, который при тестаменте был и подпис для (*пропускъ*) унес оного ест дей о том слышал и от многа людей, же не ест пани Борисовая в том обвиненю винна, хотячи то присягою своею поправити.—„Я Станислав Хрустицкий сознаваю, што есми слышал з уст попа Охлоповского Карпа в року прошломъ осмдесят второмъ, у вовторокъ волочебный, кгды приездилъ до зятя своего на Старый Ставъ, и в тые слова поведал, иж Борис Охлоповский в неделю прошлую, месеца марта осмогонадцать дня, упившися дей зо мною горелки, в небытности малжонки своее, стрелял з ручниц, от чого дей я его много гамовал, и вже по одештю моим на смеркани, с полгака стреляючи, сам себе образил в перси, его полгак забил и щепа; отскочивши от ложа полгакового, горло ему пробила; якожъ дей тогож дня, розлупавши скрынку панее, брамъку, кошулки, пояс сребреный порубал, а то все для того, иж панее дома не было. Я ижем слышалъ тые слова з устъ попа Охлоповского, готов есми на том присягнути".—„Я Никифор Насончикъ, войтъ Горуховский, чиню ведомо, явне сознаваю кождому, иж в року прошлом осмѣдесят втором, з недели на понеделокъ, о курех, приехал посланец панее Борисовое Охлоповское до Горухова и пытал: естли бы тут в Горухове был барбер Свинюский? который до дому моего кгды приехал, пытал есми: на що бы барбера шукалъ тут? за певную реч передо мною твердилъ тыми словы, ижъ дня вчорашнего в неделю, в не-

бытности панее, пан мой Борис Охлоповский, пивши снат ден увес вчорашный горелку непомерне с попомъ нашим Охлоповским, и там пиянъ будучи, нарекалъ, иж панее в дому не было, которая до Миркова отъехала до панее Инвалское, а тамъ увес ден з ручницъ стрелялъ; кгды вжо у вечеры, розогнавши всю челядь з дому, стреляючи, сам себе нет ведома якъ онымъ стреленемъ в перси и горло зранил; што приехавши пани малжонка з Миркова в ночи, обачивши пана зраненого, посылала по барбера вашого Горуховского, который тепер там естъ; нижли ся опатровати пана и з раненя его поднѣти не хочет, и послала тут пани барбера Свинюского пытати и другого посланца послала на Порванче до Свинюхъ, не ведаючи о барбери тутъ Свинюскомъ. Я казалъ есми тому посланцови панее Охлоповское, абы его тутъ взялъ; и маючи о томъ нефортунъномъ припадку пана Бориса Охлоповского ведомост тогож часу певную, будучи того певен, иж пани малжонка не ест причиною смерти его, естемъ готовъ на томъ присягнути".— „Я Иван правдиве и под присягою моею сознаваю, што в року осмъдесятъ второмъ, месеца марта девятогонадцать дня, былем при барберу Свинюскомъ, швакгру своимъ, в дому небожчика пана Бориса Охлоповского, при которомъ у нефортунномъ припадку его милости по увес часъ аж до смерти былем тамъ; снат кождого дня через полтрети недели кождому за живота своего, хто приежчалъ, навежаючи его, поведилъ о зраненю своемъ, яко опившися горелъки с попомъ Охлоповскимъ в неделю, месеца марта осмогонадцать дня, в небытности пани малжонки своее, на смерканъи, по одештю поповомъ, с полгака стрелил, сам себе образил, а то ест, иж полгакъ его у перси забил, и кост, которая горло окриваетъ, перебил, и щепа, отскочивши от полгака, в горло его ранила; а иж я тые слова от самого з устъ небожчика пана Бориса слышалъ, будучи при немъ аж до смерти, готов есми на том и присягнути".—„Я Миколай, барберъ, сознаваю кождому до права и до кождого суду, иж року прошлого осмдесятъ второго, месеца марта осмогонадцат дня, з недѣли на понеделокъ, в ночи,

о курех, будуче мнѣ в Горухове, и тамъ прибегъ по мене посланец панее Борисовое Охлоповское, просечи, абых тамъ до Охлопова ехалъ, поведаючи, ижъ пан нашъ Борис Охлоповский велъми фор, до которого были и барбера Горуховского повезли; я тогож часу, взявши из собою товарипа Ивана, там до Охлопова поехал, и там приехавши и раны его огледавъши, которые есми бачил быти шкодливые: на персех близко горла синяя, битая, а на горле кривавая; о котором зраненю своим поведал передо мною, ижъ дей, в отъеханю жоны моее до Миркова, опился есми горелки с попомъ и ведле обычаю своего стрелял есми з ручниц, и вжо на смеркани, по одештью поповомъ, взял есми полгакъ, который был здавна набитый, и в необаченю, знову другим набитем набивши, стрелил есми, и в том ся есми образилъ, якож по увес час живота своего перед кождымъ, кождого дня, хто к нему приежчалъ, навежаючи его, в тые ж слова о нефортунъномъ припадку и зраненю своимъ поведал, и кгды тестамент справовал во второкъ по зраненю своим, перед многими зацными людми, напервей перед паном Василемъ и паном Микитою Ощовскими, перед паном Кузмою а паном Климом Порванецкими, перед паном Антоном Заболоцкимъ а перед паном Василемъ Олизаровскимъ, перед паном Ионою Охлоповскимъ поведал, иж тое зранене в небытности малжонки своее за необачным стрелянемъ с полгака поднялъ, и до смерти своее в тые слова поведал; а што брамку, кошулку и пояс сребреный, розлупавши скрынку, порубалъ, кгды перед ним клали, и для чого бы тое вчинилъ, пытали,—иж дей „есми то с фрасунку а зъ пянства моего вделал, а то з нещастемъ моим, иж не было жоны и жадного, хто бы мя был в томъ гамовалъ“. А так я того слышаня моего з устъ власныхъ Бориса Охлоповского готов есми и присягою поправити“.—При том засъ показовали полгакъ, менячи, якобы с того полгака мил ся, з него стреляючи, иж был дей немирнымъ набитемъ набитъ, ранит и с тое раны умерти, которого видили есмо: рура вся цела, одно ку концеви, у самого замку, щепа ся не барзо великая отервала и костей не мало по-

отпадывало. При которыхъ всих доводехъ своихъ ясне невиности своее оказала и бралася сторона позваная, водле артыкулу двадцатъ третего в розделе первомънадцать, на отвод, то ест ку учиненю присяги самосема, яко в том учинку не винна, а оные светки тако ж, на сознаню своемъ яко вчинили, хотячи то присягами своими поправить, готовыми ся быт ставили.—От стороны поводовое умоцованый повидил: иж если стороне позваной на скрутиниумъ есть ку доводу або ку выводу допущоно, тымъ тежъ болшей стороне поводовои доводити оного морду допущоно, кгдыж еще и декрет не выйшов, быти мает, водле артыкулу десятого, в розделе первомънадцать; теды домовлялся, абы не было боронено. От стороны позваное умоцованый поведилъ: иж вже то стороне пойти не можеть, кгды ж вже на доводе своемъ устала и перед тым то собе на праве упустила; а хто собе што первей упустит, потомъ поправити ся не можетъ, водле артыкулу тридцатого в розделе четвертомъ; и просил, абы то стороне не ишло, кгдыж не стороне поводовои скрутиния ест декретомъ допущона, одно стороне позванои; отож иж дей вывела, готова водле права ку отводу. Мы, припатривши ся добре декретови першому судовому, в котором того не описано, але то сторонам обиюм скрутиниумъ заборонят не указано, узнали есмо, абы и тая сторона, што бы еще певного мила, показывала. Панъ Иона Охлоповский показалъ выпис с книг кгродскихъ Луцкихъ сознаня возного Матвея Витвицкого, под датою року теперешнего осмъдесятъ третего, в котором пишет, ижъ оный возный, за приданемъ врядовымъ, был у Горухове и барвера Горуховского на йимя Якуба пытал его есми: чи он при опатрованю небожчика Бориса Охлоповского был, который дей забит естъ от власное жоны своее Настаси Михайловны Оцовского, и якую бы онъ рану милъ? Ино оный Якуб барвиръ поведил, ижъ в тот час з недели на понеделокъ, коли панъ Охлоповский раненъ был, заразом, скоро по зраненю, прислали по мене Федора Дюгтя о дву кон; он сам до свижее раны ездил и пана Охлоповского оправовал, а рана дей была колотая ножемъ

у горли, с правое стороны; и кгдым дей выдил, иж была рана шкодливая, с которое жив быти не могъ, теды ся его лечити не поднялъ, и коли-мъ дей вышол из светлицы, его оправивши, тогды сама пани Борисовая пытала оного балвира тихо: если бы быв живъ? Онъ ей повидил, ижъ живъ быти не можетъ; и в тот же дей часъ, коли его, небожчика, оправилъ, голелного ножа шукано, и с тым ехал прочъ; яко ширей на выписе на вызнаню возного ест описано. Потом подал лист свидецкий от пана Яна Федоровича Бокия Печихвостского, подкоморего Володимерского, под печатю и с подписом руки его, который мы читат казали, и так ся в собе мает: „Я Ян Федорович Бокий Печихвостский, подкоморый Володимерский, сознаваю сим моим листом, иж я, слышачи о припадку, то ест о зраненю пана Бориса Охлоповского, ездил есми до него навежати его; кгды есми там до дому небожчика Бориса Охлоповского приехалъ, и выдил есми его барзо хорого, который зо мною мало мовил и о том зраненю своем повѣдити не мог, бо был велми хор; и пытал есми барбера, чи будет жив? Онъ поведил, ижъ дей жив быти не можетъ, бо рана велми шкодливая, колотая, у горле с правое стороны, и потравы дей, которые исть, тою раною идут; и на сведецтво того дал есми пану Ионе Охлоповскому сес мой лист з моею печатю и с подписомъ руки моее власное. Писан в Милятине, року тисеча пятсотъ осмъдесят третего, месеца августа двадцатъ осмого дня. Ян Федорович Бокий Печихвостский, подкоморый Володимерский“. Потомъ зас ставил очевисто свитки, которые порядне з особна у суду были пытаны; напервей: ставши очевисто, пан Кузма Порванецкий под сумненемъ своимъ вызналъ: иж будучи дей мне в дому своем з братомъ, приехалъ дей до нас подданый небожчиковский и просилъ от небожчика Охлоповского, абыхмо до него, поведаючи, иж ест ранен, приехали; и кгдысмо там в него зраненого были, там ся перед нами ускаржалъ, иж его ножем ранено, а не ведал хто; а потомъ, кгды есмо были у пана Богуша Липленского, там приехавши до нас Василей Опцовский, и по-

ведал намъ, иж небожчикъ Борис Охлоповский естъ сколот; и до того поведил, иж его панове Ощовские якобы в дому своем бити мели. Пан Богушъ Липленский сознаня своего цедулу под печатю своею дал, которая такъ ся в собе маетъ: „Я Богушъ Липленский сознаваю справедливе, ижъ року прошлого осмъдесят второго, перед запустами великими, трафилося, ижъ з рѣчи поведил ми пан Василей Холоневский, иж был в дому пана Василя Ощовского у Терешковцы, тамъ дей и братя его пан Томко и пан Микита были, и там же дей приехал до них пан Борис Охлоповский по жону свою, которая у брата своего пана Василя, час немалый, приехавши з Луцка, з мазаня мешкает, а до дому не едет; и седечи дей подле жоны, што одно ее зачепит, мовити ей што, албо облапити ее схочет, то се дей она от него по лаве умыкает, и потом от него из-за стула утекла до коморы. Он дей почал нарекати на панов Ощовскихъ, иж до него жоны не пускаютъ а в себе ее в домехъ передерживают. Панове дей Ощовские пана Бориса почали бити; онъ дей от нихъ ажъ утекъ з дому, и всѣдши на санки, побѣгъ из двора до дому своего, до Охлопова, а они дей на него кгвалту закликали были и гонити его, бити казали. Потом в том же року осмъдесят втором, месеца марца двадцатого дня, в олторок, сказалъ ми врядникъ мой Холоневский на ймя Миц кравецъ, иж будучи на селѣ, як заказывал на роботу мужиком моим, слышал от пана Ивана Холоневского, иж дей казано ему, што Борыс Охлоповский ножем у горло скололся. На завтрее, в середу, месеца марца двадцат первого дня, на самое середопосте, поехал есми до Луцка и пытал есми на гребли в Холоневе слугу пана Ивана Холоневского на ймя Демка, и пыталем его: „чи ест пан дома?“ Он поведил: „ест дей дома, сеи ночи с Княжа приехал“. Я его пытал: „чи был пан твой у Охлопове?“ Он поведилъ: „былъ“.—„Што ся, мовлю, дѣетъ с Борисомъ Охлоповскимъ? бо слышу, якобы ся мѣлъ сколоти ножемъ“. Он поведилъ: „лежит сколотъ, однож не вѣдати: чи сам сколол ся, чи пак его хто иный скололъ“. Потом в недѣлю, двадцат пятого дня марца, видился

есми с паном Иваном Холоневскимъ у церкви, у завтрини, там же есми его пыталъ: чи былъ у пана Борыса, чи навежал его? а што ся ему дѣетъ? Онъ ми повѣдил, жем дей его, едучи с Княжа, навежал. Пыталем его: чи сам сколослся, чи хто его скололъ? Он ми повѣдил, иж дей „кажут, што был пъян, пил с попомъ и дуровал пъян; там же дей, кажут, яко бы ся ножем сколоти мѣл, але дей не вѣдаю, от чого ся ему стало". Потом в олторокъ, двадцат семого дня марца, спросил есми до себе пана Кузму Порванецкого и пана Василя Ощовского на потребу свою, хотечи з ними пойти справедливости просити до пана Ивана Холоневского на подданых о покрадене коней своихъ, якожем и ходил; нижлим пана Ивана дома не застал. Тамъ же в тот час при них трафился в мене быти пан Станислав Защинский и з розмовы спыталем пана Василя Ощовского: што ся твоему зятю стало, же ся слышу ножем сколол? Он ми повѣдил: нешто дей с частого пъянства чинити; а то дей упившися, сколол ся ножемъ. Ям его пытал: чи будет, мовлю, жыв? Онъ ми повѣдил: Богъ то вѣдает, бо дей тою раною грибки, што едает, выходят". О полгаки небожчиковские, што вѣдаю, то сознаваю, иж одного полгака небожчиковского короткого, товстого, яко бы къшталтом бардабушки, ложе оправлено, позычил ми пан Микита Ощовский, взявши по смерти небожчиковское у сестры своее а жоны его, который полгакъ у мене мало не три чверти лѣта был; тот полгакъ, яко сама рура, такъ и ложе были цѣлы во всемъ, жадная штука не урвалася; а другого полгака великого товстого, которого небожчикъ Борисъ называл „шахомъ" и с которого, слышал есми, иж в тот часъ, коли то пъянъ, поведают, сколот, стрелял, позычал до потребы пану Костентину Копылскому пан Василей Ощовский; тот полгакъ видил есми не один раз, ижъ был на всем, яко рура, так и ложе цѣлы и жадная щепа от него не была урваная и отпалая. И на свидецство того всего даю сес мой лист власного рукописаня моего и под печатю моею до книг кгродских Луцкихъ. Писан у Луцку".—Пан Клим Порванецкий вызнал: иж „кгдымъ дей былъ у пана Бориса

Охлоповского въже зраненого, который поведил, иж его хтос ножем голилнымъ, который дей надо мною от колка лит на колку вишывал, проколото, а того дей ножа теперъ на колку не вижу и не видаю, где ся задити бы мел“.—Пан Федор Князский вызналъ: иже-м дей „ничого не видил, одно-мъ то слышалъ, кгды-м за посланемъ князя Крупского, пана своего, у Варшаве был, и оттол до князя пана своего приехавши и там дей будучи у князя, пана моего, был пан Волынец, который ему повидилъ, иж брата моего пана Бориса Охлоповского ранено; я-м ся допытовал, хто бы его ранил? Онъ мне повидилъ, иж о томъ не ведает, с ким бы ся заторгнути мел“.—Стахей Порванецкий сознал: иж видилъ у небожчика Бориса Охлоповского рану ножем у шии проколотую, бо было знат острые и тылец. И пытан был: коли бы то по том зраненю его, если зараз, або коли иногды бачил? Он часу повидить не хотелъ, неведомостю и запамяталостю ся вымовлял; и то теж повидил, ижъ и перед ним ся небожчик ускаржалъ, же был ножем ранен, але не ведал от кого.—При которыхъ тыхъ всих доводех сторона поводовая бралася, хотечи сторону позваную водле права, яко в том учинку винную, самосем поконат, и тыи свитки на том сведецтве готовостю ся быт ку присязе ставили; кгдыж дей того и знаки сут до того слушные, же и челед ее власная, кгды была на пробе, тот учинок на ее клала, иж тот пан Борыс Охлоповский ни от кого не ест забит, одно от самое панее Охлоповское, панее их; про то дей слушне маетъ бытъ поконана. От стороны позваное умоцованый повидил: ижъ што тут челяд менитъ, же ее поволать мели, теды просилъ, абы была на вряде, яко их до везеня своего взял, поставлена; а иж ее пан Охлоповский не ставил, сторона ся позваная светчила, иж о тое чинит будет готова, где ее позадивалъ; а иж ся ку доводу с тими свитками берет, то ему пойти не може, бо дей и тот учинок на нее змыслил для тое причины, иж ему опеки по небожчику мужу своему дати не хотела; а другая—иж сторона ся позваная близшая на тыхъ всих доводех, водле артыкулу тридцатого в розделе четвер-

томъ, отвести, а нижбы ее поконати мела. От стороны поводовое умоцованый поведил: ижъ то дей не з жадного лакомства на чужую маетность чинит, одно з щирое милости противко брата своего, жалуючи того невинного замордованя оного, прето с тых причин доходить а то и до конца, ужаловавши брата своего, просилъ, яко первей, такъ и тепер, абы ку доводу была припущона. А иж тая справа великого уваженя у себе ку розсудку потребовала, оную есмо справу на розмыслене и вырозумене ее достаточне на декрет до дня завтрешнего, волторъка, под тою ж моцю взяли. И кгды было назавтрее, мы, суд, заседши на местце свое, водле звычаю, судовое, такий декрет в тои справе есмо вчинили: Иж тая справа, видячи мы то, чуючи ся у суду, же была ку доводови стороны поводовое вотпливая, яко теж ку отведенъю обжалованое стороны не преспечная, приставаючи до декрету, которым первей было выправовать скрутиниумъ, через который такъ винностъ стороны обжалованое, яко теж попиране стороны поводовое слушные могли бы ся показатъ, которого выведованя, иж справа учинку такого, который сторона поводовая позваной ущеп(ил)а и в розсудок увела, и о што вже суд инфирмовала зознанъемъ людей свитковъ вири годныхъ, которые на свидецство свое готови сут телесную присягу вчинит, упатруючи зас з доводов, которые поводовая сторона за собою тягнетъ, непреспечностъ ку поконаню, кгдыж такъ з листовныхъ, яко и устъных продуктъ бачити ся ничого не може певного, и овшемъ вотпливого с повести, и ачъ поволанемъ ся щитит, вшакож яко слуга за паномъ свитчитъ, такъ теж и оного поконат и поволатъ не можетъ, и тая справа ни для чого иного не была отложона, одно для опыту, иж суди ку узнанъю безпечна не была, бо толко одно в вотпливых, а не в доводныхъ справахъ выведане бываетъ, доводных и явныхъ причинъ потребуют того, поневаж прихилнейшое обжалованому, за которымъ близшей кождый невинностъ свою показат и отвести ся, нижли жалуючи поконан, бо иначей, где сут ясные а значные речи, албо на свижумъ учинку кого поймают, там вже за тым

сторона жалуючая поконат близшая; а иж сторона обжалованая ставила свитков болшей далеко, нижли поводовая, которые готовыми ся быт оферовали довести на слова и повест свою, а бачачи есмо меншост свитков и вотпливост доводов, стороны поводовое до поконаня стороны позваное не допустили; але ижъ ся светки стороны позваное за присягу берут ся, которую они вчинити мають; а пани Борисовая Охлоповская, якъ того учинку а ни скутком, а ни радою, а ни жадною ведомостю и помочю не ест винна, але иж ся сам с пулгака забил, а причиною ни хто инший не былъ, одно самъ смерти своей,—самосема зъ свитками веры годными, в стане шляхетском ровными, мает присягнути и невинност свою показат.—Сторона поводовая, розумиючи собе тотъ декретъ нашъ надъ право учиненый, апеллевала до его королевъское милости; которое апелляции мы стороне допустили и рокъ станъю за тоею апелляциею перед его королевскою милостю за чотири недили зложили. А предся, догажаючи праву посполитому, свиткомъ, яко ся сами доброволне за присягу брали, тым зараз есмо учинит велили; а сторона, пани Борисовая Охлоповская, с тоею присегою своею, которую мает вчинит, задержати ся маетъ. Яко ж просила сторона позваная о роту и о возных ку прислуханю присяг от свитков; мы-смы от суду придавали возных повету Луцкого: Яцка Гуляпицкого а Григоря Вербского, которые тамъ бывши и присяг оных ся прислухавъши, ставши, ку записаню до книг вызнали, иж будучи имъ приданым от суду ку прислуханю присягъ, теды еще к тому маючи мы при собе возного повету Кремянецкого Андрия Керсновского и двох шляхтичовъ, и водле роты от суду выданое у церкви великои, в замку, вчинили присягу тыми словы: „Мы Иван Селецкий, Иван Холоневский, Янъ Напольский, Василей Оцовский, Микита Оцовский, Василей Холоневъский, Андрий Холоневъский, Федор, Левъко, Андрий Олизаровъские, Лаврин Кглазовский, Янъ Длукгоборский, Парфин Сасинъ, Ивановая Селецкая Ганъна Билостоцкого, Иванъ Цевовский, Станиславъ Кглуховъский, Томъко Оцовъский, Ян Сасинъ,

Прокопъ Билостоцъкий, Мартинъ Викгора, Станиславъ Хрустицкий, Миколай Стемпковъский, Адамъ Рудавъский, Валентый Плонский, Анътон Заболоцкий, Антон Рудецкий, Федор Ржицовский, Никипоръ войт Горуховский, Миколай балвиръ, Иванъ Перехриста, присягаем милостивому Богу во Тройци единому, иж яко есмо на писме и мовенемъ своим до вряду донесли о обжалованю панее Борисовое Охлоповъское о забите малъжонка ее, небожчика пана Бориса Охлоповского, ижъ не ест в том винъна, теды на томъ справедливе присягаемъ, иж водле тых повести и сознаня нашого ест такъ а не иначей; такъ нам, Пане Боже, помози!“— Которую тую всю справу, яко у суду точила и отправила, от почату аж до конца, до книг кгродскихъ Луцкихъ записати есмо казали.

Книга гродск. Луцкая 1583 г., № 2069, л. 144, актъ 7.

---

4. Жалоба истцовъ о томъ, что родственники и пріятели обвиняемой выкрали изъ Луцкаго замка «челядь» Охлоповской, уличавшую ее въ убійствѣ мужа, и неизвѣстно куда дѣвали ее. Представленіе на урядъ тѣла одной изъ челядницъ, съ явными признаками насильственной смерти, и его судебнополицейское свидѣтельствованіе. 1583 года, декабря 17.

Року 1583, месеца декабра 17 дня.

Пришедши в замок господаръский Луцкий, перед мене Станислава Петровского, подстаростего Луцъкого, от его милости пана Алекъсандра Пронского, столника Великого князства Литовского, старосты Луцкого, земенин господаръский повету Луцъкого пан Иона Якимовичъ Охлоповский обътяжливе и плачливе

оповедал и жаловалъ самъ от себе и от братъи своее молодъшое, панов Костентина а Савы Якимовичовъ Охлоповских, тыми словы: „яко дей есмо то и первей на жалобе нашой перед врядом тутошнимъ воеводъства Волынского донесли и позвы кгродскими Луцкими перед суд тутешний позывали бывъшую невѣстъку нашу, жону забитого и замордованого брата нашого Бориса Охлоповъского, Настасю Михайловну Ощовского, иж она з слугою Федором Дюгътем, з девками Воцею а Параскою и с хлопцомъ Васкомъ, зрадецки, спячого, менованого брата нашого а мужа своего Бориса Охлоповского ножемъ в горло сколола и на смеръть забила и змордовала сама власными руками своими, яко то ширей на позвехъ и на всихъ доводехъ наших листовных описано естъ; гдежъ тут у права, в суду кгродского, перед обличностю его милости пана старосты Луцкого, за позвы на нее о то жалобы нашое, озвалися при неи ниякиесь опекуны, то естъ Иванъ Селецкий и братя ее Василей а Микита Ощовские, способивши ку собе немало приятел, не толко повинныхъ, але и обчих людей, усиловали ведле думы, рады и зданья своего, неслушнымъ и непевнымъ отказомъ, менечи быти ее в томъ невинъною и щитячися ниякимъсь тестаментомъ, которого мы обачивши быти подейзраного, до него мовили и на вряде арестовали. Его дей милость пан староста справедливым и побожнымъ узнанемъ своимъ, обачивши во всемъ з стороны ее речи барзо вотпливые и праве подейзраные, звлаща порозумивши с тихого, поодинъкомъ, перед самымъ его милостю тое менованое, з нею весполокъ в томъ замордованъю обвиненое, челеди опытанъя, рачил то отложити на справедливый опытъ до других рокув; а ижъ речи были непомалу значные, не казал его милост пан староста Борисовои, яко тои, котрои о горло идетъ, до росправы зъ замъку сходити; такъже взгълядомъ того, ижъ се показывали и з ихъ стороны и с тое тихое повести онoеи челяди ричи значне подейзраные, росказатъ его милость рачил оную челядь зараз взяти на пробу, которая досыт значъне поволала ее, ижъ она мужа своего а брата нашого

своими власными руками забила и замордовала, ножомъ сколола. Зачимъ, на несчасте наше, и его милость пан староста сам, и вряд его милости з Луцка одъехати рачилъ, и роки вже выволаны были, же ся то зараз на он часъ декъретомъ его милости не скончило, и кгдыж не треба было болшого выведаня, якое ся на пробе оказало, и мусяло то за несчастемъ нашимъ, над право посполитое, до другихъ роковъ протягнути. А ижъ яко сама Борисовая на замъку от уряду задержана, такъ и тая челядь у везеню посажона была; к тому ижъ намъ урядъ стеречи не подънялся, надъ то тежъ видели есмо, што Оцовские сами и зъ жонами своими и съ приятелъми до Луцка приежъдъчали и зъ нею тихо розъмовляли, по чомъ добре то было знати, ижъ ее и челядь хотили, якъ могучи, зъ замъку выдъвигнути; мы, яко люде вбогие, ня почътъ слугъ и сторожовъ не способъные, яко могучи есмо самое Борисовое, звлаща в ночи, стерегивали, а тую челядь, которая была з оное катовское муки хора, не держали есмо у везеню, але имъ по воли, за скверкомъ и плачом ихъ, там, где собе в замъку похотели, сыпляти не боронили. То пакъ потомъ, ижъ обачили, же мы стережемо пильно, кинулися до злого, спросного фортелю, то естъ: наперъвей коней моих, Иониных, двое тутъ в Луцку на болоню з межи колкусот коней покрадено. Я-мъ, оставивши брата молодшого Саву з Стасем Порванецкимъ, сестренцомъ рожонымъ небожчика Бориса, брата нашого, тут в замку стеречи, самъ есми побег коней своих покраденых искати и о них ся пытати; то пак в той малой дружине брат мой Сава не мог, толко самое Борисовое ледво устеречи, а челяди тое ижъ некому было стеречи, одно того Дегтя, а Воцу, а хлопца Васка у склепикъ неваровный, бо двери были слабы, замъкнули на ночъ, а тую девъку Параску, ижъ ся менила быт баръзо хорою, ув избе на свободе мели; а ку томуж по тои челяди не сподивалися, абы, будучи так змучоными, могли утечи, звлаща в небеспечномъ месцу з муру спуститися. То пак менованые Оцовские и Селецкие, видечи, ижъ самое Борисовое достати и ослободити не могут,

альбо ж яких злых людей перекупили, албо тежъ и сами с помочъниками своими зъ замъку в ночи оных трое челяди с склепу выкрали и з муру спустили и, где хотели, тамъ ихъ запровадили и потратили; и коли вже оное челяди, то естъ самых езыков, которые на пробе Борисовую самую поволали, до рукъ своихъ достали, тожъ потом, уживши рады, собравши до себе в домъ, до Ощова, перед роками за тыйдень, то естъ в четвергъ, месеца сентебра осмого дня, немало своихъ приятелей и объчих людей и ку тому хлопов простых, тамъ же их через два дни честовали и ведле воли своее их великими просбами и плачем великим, а снат и дарами, намовили, упросили и по воли своей накеровали, которые, поехавши на роки, ниякуюсь шкрутинею неправъную, неслушную и несправедливую и барзо незгодную, мылную а значне вонтпливую и не ку речи, перед судом выправовали и незбожне за Борисовою, якобы она винна быти не мела, сознавати смели. Вряд тутошный, на он часъ будучий, то ест пан Янъ Кгесинъский, подстаростий, и пан Малинский Остафей, судя, а панъ Петръ Мложевский, писар кгродский Луцкий, мимо право посполитое, учинили декрет нам против неи, абы ся она отприсягла. Мы, видечи декрет собе з ублиҗенемъ и не водле права, а ижъ его милост пан староста на он час тут быти не рачил, апелевали есмо до его королевское милости. Суд нам апеляции ач допустил, але въ декрете много речей нам потъребных и в суду показованых, не ведаем, чи увесь вряд, чили пак пан писар, албо подписок, не докладал. А оная Борисовая из братею своею Ощовъскими и з Селецъким, як тую вышей менованую челяд у мене покрали, такъ же ее для езыка, чуючи ся в том быти винною, потопили; якожъ того вже и знаки явные показалисе, то ест: одну девку, на име Воцу, заслали до зятя своего Анътона Рудецъкого, который яко имъ всего противко насъ и всякое злое а незбожное рады их помагал, такъ же тежъ того шкарадного и спросного учинку имъ допомогъ и скуткомъ пополнилъ, иж оную то дѣвку Воцу, которая власне на нее самую, иж она брата на-

шого а мужа своего власными руками своими ножомъ сколола, на пробе волала, с каменемъ у криницы, недалеко дому своего, села Белогородки, где теперъ живеть, на кгрунте пановъ Павловичовъ, Птицком, зъ слугами и помочниками своими утопилъ, которую девку утопленую, с трафунку а праве з особливого презренъя и милосердъя Божого, ижъ Богъ винъного объявити хочет, знашли подданые пана Демяна Павловича Птицкие и оное тело выволокли и зараз познали, иж тую дѣвку у Антона Рудецкого видали, и пану своему дали знати, который оное тѣло до именя своего взялъ и не ховалъ, але опыт чинилъ. Ажъ потомъ, коли ся тое там у том краю, коло Кремянца, и по многих сторонах разголосили приятелѣ наши, которые неподалеку оттул там мешкают, довѣдавшися о томъ обо всемъ, дали намъ о томъ знати. Мы, тамъ поехавши, знашедши уво йменю пана Павловичовим тое тѣло и познавши его, иж оная дѣвка ест, оповедали есмо то на вряде кгродском Кремянецком, и возного з уряду упросивши, такъ тежъ и видомость и сведецтво от тых там людей вземши, то все возным и людми добрыми, шляхтичами зацными, обвели и осветчили; якож и тут на вряде вашое милости то все оповедаемъ и жалуемъ, и тое тѣло из оным каменем, с которым ее утоплено, тут на вряд есмо привезли, и просимъ о возного на огледане и осветчене того тѣла".—На што я им очевисто придавал возного повѣту Луцкого Станислава Коломыйского, который, огледавши того тѣла оное дѣвки, постановившися передо мною, до книг ку записованю тыми словы сознал: иж дей дня нинешнего, у пятницу, месеца декабра шостогонадцат дня, за приданем твоим врядовым, маючи я при собе двох шляхтичов, то естъ пана Орехву Поремницкого а пана Филона Котелницкого, огледали есмо тут, в замку Луцком, трупа, то ест тѣла мертвого, которое знат, иж была бѣлая голова, которую панъ Иона Охлоповский менилъ, иж дей то естъ дѣвка, на йми Воца, которая тут з замку Луцкого с Федоромъ Дюгтемъ а с хлопцом Васкомъ у мене украдены и на кгрунте Птицком,

межи Птичею и межи Белогородкою, у криницы, с каменем утоплена, и яко есть вѣдомост, иж ее Антон Рудецкий утопил, албо кому утопити казалъ; и за оказанемъ пана Ионинымъ видели есмо у того трупа: голова острыжона и на плечох и по боком раны, знати свечами паленые, и в оных ран скура висит; на ногах и на руках знати, што было повязано; што менил пан Иона тые знаки: иж дей коли ее кат в Луцку тут мучил, тогды еи голову острыг и косы уризалъ; а то раны на плечох и на бокох, што ее кат мучил, свечами пик; а то знаки на руках и на ногах, коли ее кат на драбине розвезавши тягнул. Якож и камень великий у чепъцы жоноцкомъ увиненый видели есмо; и повѣдил пан Иона, ижъ с тымъ каменемъ ее утопленую знайдено, привязаный тот камен у чепцы к персям, што вже на вряде кгродском Кременецкомъ оповедано и возным обведено и освѣтъчено ест; якож и мною, возным, и тою вышей менованою шляхтою пан Иона, ведле жалобы своее, тут перед врядом учиненое, обведши, освитчил и тое тѣло при мнѣ возном, тут, в Луцку, в замку околном, у церкви светого Дмитрия, в земли, за вѣдомостю и дозволенемъ попа Дмитровского, поставил и другому попу, который тое церкви пилнует, на йимя Михайлу, приказалъ и в дойзрене его тое тѣло поручилъ.—И просилъ мене, вряду, пан Охлоповский, абы то все было до книгъ записано; а такъ я тую жалобу его и сознане возного до книг кгродских Луцких записати казалъ.

Кн. гродск. Луцкая 1583 г., № 2064, л. 711, актъ 1218.

Примѣч. Жалоба эта не имѣла никакихъ послѣдствій въ дальнѣйшемъ ходѣ процесса. *Ред.*

5. Очистительная присяга Настасьи Охлоповской, исполненная согласно окончательному рѣшенію ея дѣла королевскимъ судомъ. 1586 года, февраля 20.

Року 1586, месеца февраля двадцатого дня.

На рочкох кгродских Луцкихъ, в року теперъ идучом тисеча пятсотъ осмъдесят шостомъ, месеца февраля третегонадцат дня, в четвергъ, зачатых и судовне отправòваных, передо мною Алексанром Пронским, столником у Великомъ князстве Литовскомъ, старостою Луцкимъ, ставши очевисто в замку господарскомъ Луцкомъ, возный повету Луцкого Войтех Яблонский ку записованю вызнал тыми словы: штож дей в року теперешнемъ осмъдесятъ шостомъ, месеца февраля двадцатого дня, ваша милост, пане старосто, очевисто в суду рачил мене придати панеи Настаси Оцовъского Борисовое Охлоповскои до прислуханя присяги ее, ведле декрету короля его милости, за обвиненемъ панов Ионы, Костентина и Савы Якимовичов Охлоповских о смерти мужа еи небожчика пана Бориса Охлоповъского, яко ширей и достаточней естъ меновите написано в роте суду вашей милости, еи на присягу выданой; которую присягу пани Охлоповская Настася Оцовского, з суду вашей милости отступивши, зъ шестма светками, людми добрыми, собе ровными, шляхтою: с паном Марътином Викгурою, с паном Яковомъ Оцовскимъ, с паномъ Олехномъ Холоневскимъ, с паномъ Томкомъ Оцовскимъ, с паном Ярмолою Грушевскимъ, с паном Войтехом Плонскимъ, чинила поединкомъ, оден по другомъ, она сама напервей, а по неи кождый з них з особна, тыми словы: „Во ймя Отца и Сына, Светого Духа. Я Настася Михайловна Оцòвского присягаю Господу Богу моему, в Тройцы единому, на то, иж што мене обвинили панове Иона, Костентин и Сава Охлоповские, абы-м я мѣла мужа своего небожчика пана Бориса Охлоповского сама, рукою своею влостною, и с челядю своею, спячого, пяного

ножемъ сколоти и забити и на смертъ замордовати мѣла; а иж я и с тою челядю своею не была причинцею и не ест до того морду мужа своего, а ни его колола, а ни скуткомъ, а ни радою, а ни ведомостю, а ни помочю, а ни жадною ведомостю, и о томъ не вѣдаю, и того-мъ николи не чинила, и яко-м на тот час дома не была, на том усемъ присегаю Господу Богу; и естли же по правди присегаю, так ми Боже помози; а естли же не по правди присягаю, Боже ми не помози и вбий мя Боже в сей вѣкъ и в будущий, на души и на тѣли моемъ". Петръ Мложовский, писар. Войтех Яблонский, возный.—А так я тое сознане возного до книг кгродских Луцких записати казалъ.

Книга гродск. Луцкая 1586 г., № 2110, л. 158.

CII.

Княжна Ганна Збаражская жалуется, что ея братья-опекуны по корыстнымъ побужденіямъ не хотятъ выдать ее замужъ. Въ виду этого гродскій урядъ, по ея просьбѣ, даетъ ей дозволеніе вступить въ бракъ помимо согласія опекуновъ. 1584 года, февраля 8.

Року 1584, месеца февраля 8-го дня.

Пришедши перед мене Стефана Кнегининского, будучого на местцу подстароства Луцкого, ее милост княжна Ганна Збаразская з Ворончина, через приятелей кревныхъ своихъ: ее милость кнегиню Андърѣевую Масалскую панюю Ганну Путятинку, тютку свою, его милость пана Ерофѣя Гостского, его милость пана Миколая Семашка, братанича своего, поведали тыми словы: ижъ

дей его милост княз Станиславъ а князъ Левъ и князъ Матысъ Збаразъские зъ Воронъчина, маючи ее милостъ кнежну Ганну у себе, сестру рожоную, в лѣтех зуполных дорослую, не вѣдаемъ, если собе упатруючи оттол який пожитокъ, ее милости кнежъны Ганны, сестры своее, замужъ не дають и дати не хотятъ; про то она, заховуючи ся в том водле права посполитого, статуту Великого Князства Литовского в розделе пятомъ, артыкулу осмомъ описаного, не чинечи того своволне, через нас, приятелей своих, кнегиню Анъдреевую Масалскую, пана Ерофея Гостъского, пана Миколая Семашъка, вашу милост, яко уряду, проситъ, абы ваша милост рачил позволене учинити, абы ее милост кнежна Ганъна Збаразская, за волею и вѣдомостю вашей милости урядовою, могла пойти замуж, кгдыж се ее милости трафляеть человекъ зацный, шляхтичъ почтивый, в стан малжонъский; а тую прозбу нашу, приятелей кревных ее милости кнежны Ганны, просим, абыс ваша милост до книг записати казалъ.—А такъ я, яко врядъ, ведле права и статуту, артыкулу осмого в розделе пятомъ описаного, ее милости княжне Ганне Збаразскои з Ворончина позволивши ее милости в стан светый малжонъский замуж пойти, тое оповедане и прозбу ихъ милости до книгъ кгродъскихъ Луцкихъ записати казалъ.

Книга гродская Луцкая 1584 года, № 2066, л. 146 об.

CIII.

Справка о происходившемъ въ Зименскомъ монастырѣ вѣнчаньи п. Александра Владычки съ чужою женою, выкупленной имъ изъ татарскаго плѣна. Переговоры съ ея мужемъ. 1584 года, іюня 11.

Лѣта Божего нароженя тисеча пятьсотъ осмъдесят четвертого, месеца июня первогонадцать дня.

Ставши очевисто в замъку господарьском Володимерском, передо мною Михайлом Дубницкимъ, на тот час будучим на местцу его милости князя Александра Курцевича, подстаростего Володимерского, в небытности его милости у Володимери, возный повету Володимерского Михайло Голубъ Сердятицкий ку записаню до книгъ кгродских сознал тыми словы: иж дей року теперешнего тисеча петсотъ осмъдесят четвертого, месеца июня десятого дня, маючи я при собе шляхту, людей добрых, пана Васка Зарембу а пана Миколая Ковалского, былом на справе и потребе его милости пана Каспера Стужиньского, войского Киевъского, въ ыменью ихъ милости кнежатъ Чарторыских в Земне, в монастыру; там же его милость самъ особою своею передо мною возным и тою шляхтою звышъпомененою пытал яко отца Андрея, архимандрита Земенского, и там свещеников иншых, крылошан: „если же бы есте того вашмост были сведоми, которого часу шлюбъ брал и которого року его милост пан Александер Владычка з бывшою Халаимовою панею Ганною Ивановною Шишъчанкою Ставецъкого, которую помененый Владычка з неволи с татар в неякое суме выкупил?“ Отец архидякон Аврамей Янъчинский перед архимандритомъ, такъ тежъ пан Семен и панъ Янъ Горечовские, слуги монастырские, сознали тыми словы: „было дей, пане Стужинский, иж есмо того были добре сведоми, же тут, в манастыри, шлюбъ брали, року не можемъ помнети, але ся нам так видит, року шестдесят девятого албо осмого, за архимандрита першого, небожчика отца Порхи-

рыя“. Там же отец Янъчинский и повторе поведил; иж того часу межи паном Александромъ Владычкою и паномъ Михайломъ, мужомъ ее, была розмова такая, жебы ся жону его вернулъ; а он поведилъ, же „то не жона твоя, але неволница моя, же ее есми з неволи окупил“.—А так я тое очевистое сознане возного до книг кгродских Володимерскихъ записати казалъ.

Книга гродская Владим. 1584 г., № 962, л. 309, актъ 362.

Примѣч. Другихъ документовъ объ этомъ интересномъ случаѣ въ книгахъ не найдено. Имѣется лишь „тестаментъ“, т. е. духовное завѣщаніе Александра Өедоровича Владычки, лично явленное имъ въ Владимірскомъ замкѣ 28 іюля 1573 г. Въ немъ п. Владычка, „маршалокъ господарский, войский Троцкий, державца Бирштанский“, записываетъ женѣ своей „Ганнѣ Ивановнѣ Шишчанцѣ, которую-мъ собѣ у малженство взялъ з народу учтивого, шляхетского, з землѣ Киевское, з Овручого“,—пять деревень, въ Пенянской волости, выслуженныхъ имъ у короля Сигизмунда-Августа. „Тестаментъ“ этотъ датированъ такъ: „Року 1570, генваря 15, у Земне, у манастыре Пречистое Богородицы“.—(Книга гр. Владимірская № 937, л. 182).—О посольствѣ Александра Владычки къ хану Крымскому—см. „Книга посольская Метрики Вел. Княжества Литовскаго“, изд. кн. М. Оболенскимъ и проф. И. Даниловичемъ, часть I.

CIV.

Сынъ Кіевскаго судьи Андрей Немиричъ, вступивъ въ бракъ съ сестрою Кіевопечерскаго архимандрита и нареченнаго епископа Владимірскаго Мелетія Хребтовича-Богуринскаго, записываетъ ей вѣно съ привѣнкомъ, съ ограниченіемъ своего права свободно распоряжаться тѣми имѣніями, которыми это вѣно обезпечено. 1584 года, іюля 15.

Лѣта Божого нароженя тисеча пятсотъ осмъдесятъ четвертого, месеца августа третегонадцать дня.

На вряде кгродскомъ, в замку господарскомъ Володимерском, передо мною Михайломъ Дубницкимъ, на тот час будучим подста-

ростим Володимерским, а Федором Курцевичем, судею, врядники кгродскими Володимерскими, ставши очевисто его милость пан Андрей Есифович Немирич, судичъ земский Киевский, явне, устне и доброволне ку записанъю до книгъ кгродских вызналъ, водлугъ листу, запису своего, которым записал малжонце своей ее милости панеи Марине Хребтовичовне Богуринской шесть тисячей золотых полскихъ на именяхъ Фостницы, дворе и приселкахъ Приборском, Ладыжичах и Теремцах и на суме пенезей шестисот копах грошей, которую пан отец его милости от небожчицы панее матки мел записаную, яко то ширей на томъ листе его милости есть описано и доложоно; и просил его милост, абы тот лист его до книг кгродских был уписанъ; которого мы листу огледавши и его перед собою вычитат давши, за прозбою его милости тот лист слово от слова до книг кгродских записати казали, и такъ ся в собе мает: „Я Андрей Есифович Немирич, судич земский Киевский, чиню явно и ознаймую тым листом, доброволнымъ описом своим, кождому, кому бы одно того ведат належало, тепер и напотом будучим, иж што з милосердья и призреня Бога Всемогучого, также за волею и ведомым благословенством пана отца своего милостивого, его милости велможного пана Есифа Ивановича Немирича, суди земского Киевского, застановивши и вчинивши слушное застановенъе зъ его милостью в Бозе велебнымъ отцемъ Мелетиемъ Хрибътовичомъ Литоворовича, епископом, владыкою Володимерским и Берестейским, архимандрытом Киевским, сестру его милости, зацную учътивую панну, ее милость панъну Марину Хрыбътовичовну з Богурина, которая панна отцу владыце в шафунокъ добрый и опеку слушную пришла ест, и ку тому за ведомостю и за ласкавым позволенемъ братьи иншое тое панны, их милости панов Хрыбтовичов, и всих кревных, повинных, водлуг приказанъя Божего в стан малженский собе есми змовил и пошлюбил и рокъ веселю, зложоный мнѣ от его милости отца владыки, принял, што естъ на листех описех наших з обудву сторонъ достаточне описано и ест доложоно, такъ внесене вѣна сума певъная, што его милост

отец владыка, яко опекунъ, по оной панне сестре своей мнѣ дати приобецал, яко тежь и то, иж я противко внесеня малжонки моеи совитую сумму на именъях моих отчизныхъ слушный запис учинити; чого я будучы пилен и хотечи себе завжды поволнымъ вечистым приятелем их милостям учинити и домъ весь родичовъ и повинных моих в приязнь вечистую злучити с такъ зацнымъ домомъ, за ведомомъ и благословенством его милости пана отца своего, приспособивши з собою на то зацных людей, панов приятелей моих, ку зложоному року на звыклое местце до именя ихъ милости Богурина есми прибыл и то, што было належного, зъ его милостю отцемъ владыкою, яко опекуномъ, такъ и з ынпшими паны братею его и приятелы всѣми в тои речи до конца ведомо учинил и застановил, и яко законъ нашъ хрестиянский нас учитъ, вчинивши присягу, то естъ шлюбъ, съ помененою панною Мариною Хребтовичовною в малженство святобливое есми уступил. Тогды тот час его милост отец Мелетий Хрыбътович, с повинности своей опекунское, будучы порушоным кревною милостю противко панны сестры своей, водлуг обетницы, застановеня, опису своего, яко отдавна в так зацных домех походит, вѣна по ней суму певную мне дал, такъ готовизны и въ выправе всего сумою три тисечи золотых личбы коруны Полское, а на личбу великого князъства Литовского дванадцат сотъ копъ грошей, которая ми веновная сума вся сполна от его милости отца владыки по малжонце моей ест дошла. Знаючи и видечи таковую милост и винность, которую отецъ владыка сестре своей, малжонце моей, з себе показат и вчинит рачил, будучи и я винным водлуг першого опису моего, а наболшей досыт чынечи праву посполитому, волностям нашимъ шляхетским, маючи и держачы в себе з данины и запису пана отца своего помененого, его милости пана Есифа Немирича, суди земъского Киевъского, именя мои отчизные, теперь никому ничим и ни в якои суме не заведеные, то есть: напервей имене Фостница, двор с приселком, лежачое в повѣте Овруцкомъ, другое село Приборско, в повѣте Киевъском лежачое, а ку тому две селе: Теремцы

и Ладыжичи, в том же повѣте Киевскомъ лежачые, над то ми теж панъ отец мой, што которую записаную суму пенезей шестсотъ копъ грошей литовских мел записаную от небожчицы малжонки своей, матки моей, панее Богданы Бабинского, даровавши ми тым, при тых же именяхъ записати и то, все моцно утвердивши, на вряде сознат рачил, давши ми волность на тых именях моих и суме поменено̆й совитую суму напротивку вена малжонки моее описати, што ест меновите ширей и достаточней в записе пана отца моего, мнѣ его милостю данымъ, доложоно и написано есть; водлуг того всего я, милуючи малжонку мою, напротивко внесеня вѣна ее помененых трех тисечей золотыхъ полскихъ, которую-м в дом свой внеслъ, на тых всих помененых именях моих отчизных, то ест на Фостницы с приселкомъ, Приборску, Теремцах, Ладыжичах, ку тому и на тои суме, милой малжонце своеи панеи Андреевое Немиричовое панее Марине Хрибътовичовне з Богурина утвержаю и симъ листомъ моим записую совитую суму: вено с привенкомъ, то ест шест тисечей золотых полское личбы, а на литовскую личбу две тисечи копъ и чотыриста копъ грошей. Которые вышей помененые именя мои от того часу симъ листомъ, записомъ своим, подаю и подал есми в спокойное држане и вживане предреченои малжонце моеи панеи Марине Хрыбътовичовне и тых же теж именей посполу зо мною она, малжонка моя, держати и вживати маетъ, так при животѣ, яко и по животе моем; которых именей вже от сего часу, без воли и призволеня предреченое малжонки моеи, никому ни яким правомъ, а ни в жадной суме заводити не маю и мочы не буду; а хотяж бы без призволеня ее, малжонки моеи, завелъ и якимъ же колвекъ обычаем кому пустил, таковое право мое жадное моцы не мает и мѣти не будет, кром того, иж кгды мене зъ их милостю паны братею моею дел ровный вечистый дойдет, тогды на оную част, которые именя на мене з делу таковаго припадут, оную вышепомененую суму внесеня малжонки моеи, менoвите шест тисечей золотых полских, перенести маю и тепер и симъ листомъ моим переношу и

вскладаю. До того теж и то прикладаю, иж тые помененые именя в краю тамошнем не естъ в пожиткохъ великих и таковое сумы на запис не зносят, на то-м особливый лист свой предреченои малжонце моеи дал; которых именей части моеи, мне в ровный дел прийдучое, такъ яко и теперешних вышей помененых именей, поспол зо мною она, малжонка моя, держати и вживати за сим описом моим маеть, а я тымъ же способом, яко и вышей помененых именей моих, тое части, з делу вечистого мне зосталых, без вѣдома и позволеня панее малжонки моеи ниякимъ правомъ и способомъ никому заводити не маю. А еслибых я самъ через себе, або брата моего и через иного кого меновите, помененые имѣня, из делу вечистого зосталые мне, на которых я вѣно малжонки моеи описал, з моцы, владности и спокойного держаня предреченое малжонки моее отнял, або якимъ же колвекъ обычаемъ в томъ еи перешказу вчинил и ку шкоде и накладом якимъ привел, тогды за то маю и повинен буду заруки еи, малжонце моеи, от мене сторонѣ укривжонои, шест тисечей золотых полских, ку тому шкоды и наклады, кромъ доводу, на слово речене, поводовои сторонѣ платит маю и буду винен; а по заплаченю оное заруки, шкод и накладов, предсе тот лист запис мой в кождого права при зуполное моцы держанъ и захованъ быти маетъ; о што все будет волно ей, малжонце моеи, и тому, кому тот запис мой належати будет, мене до якого колвек хотечы права позвати, будь до суду кгродского, або земъского, а я маю и повинен буду за пиршими позвы, яко на року завитомъ, перед судом стати и во всемъ том сторонѣ жалобливое успраедливити. А если бых ку праву не сталъ, суд тот, перед которого буду позванъ, заруку помененую, шкоды и наклады моцно на мне всказати и зараз отправу на именях моих вчинити; чому если же бых противен был, знову в такую ж другую заруку попадаю, и колко крот бых се в том спротивял, будучи в праве переконаным, толко заруку оных платити маю; а предсе таки сесь запис мой при зуполное моцы заховую. Так тежъ, еслибы Панъ Богъ на мене первей, нижли на малжонку мою, час

смертельный допустит бы рачилъ, тогды по моемъ животе помененая малжонка моя пани Марина Хрибътовичовна оных верху мененых именей моих в записанои сумѣ спокойне держати и вживати мает за тым доброволнымъ ѳписомъ моим, а ихѣ милост панове братя, близкие, кревные, повинные мои, на кого колвекъ отчызна моя правомъ прирожонымъ по мнѣ бы спала и пришла, таковый каждый, не беручи з держаня еи, малжонки моеи, тых именей, наперед повинен будет, водлуг сего запису моего, предреченои милои малжонъцы моеи панеи Марине Хребътовичовне тую вышьпомененую суму всю сполна, шест тисеч золотых полских отложити, дати и заплатити мают и будут винни. Пак ли бы тежъ оные братя, близкие, кревные, повинные, на которых бы такимъ прирожонымъ правомъ отчизна моя спадала, не откладуючы и не платечы тое звышъпомененое сумы панеи малжонцы моеи, тые записаные именя от малжонки моей отнять похотели, отняли и з спокойного держаня выбили и в чомъ бы колвекъ сесь запис мой нарушили, тогды туюжъ помененую заруку шест тисечъ золотыхъ з шкодами, накладами, еи, малжонцы моеи, платити мают и повинни будут; о што еслибы до права были позвани, под такими ж заруками и обовязками, вышей в семъ листе моемъ поменеными, малжонъцы моей, укривжонои сторонѣ, усправедливити и то, што суд вскаже, терпет и относит мают и будут повинни. И на то даю и дал есми еи, малжонцы моей, панеи Андреевои Немиричовои панеи Марине Хрибътовичовне з Богурина сес мой лист и доброволный запис, под моею печатю и с подписом власное руки моеи. А при том были и того добре сут сведоми их милост паны приятели мои: его милост велможный пан Михаилъ Мишъка Варковский, кашталян Волынский; пан Иван Чаплич Шпановский, войский Луцкий; пан Адам Боговитинъ Козирадский, подкоморий Кремянецкий; пан Федор Кадъян Чаплич Шпановский, судя земский Луцкий; панъ Абрам Мышка з Варкович, староста Овруцкий; пан Андрей Бабинский, пан Иванъ Кирдей Мнишинский, пан Василей Бабинъский, и для певное твердости и умоцненя сего моего

запису, за устною и очевистою прозбою моею, печати приложити и руки свои подписати рачили к сему моему записному листу. Писан у Богурине, року Божого нароженя тисеча пятсот осмъдесят четвертого, месеца июля пятогонадцать дня.

Кн. гродск. Владим. 1584 г., № 962, л. 463, актъ 499.

CV.

Землянинъ Николай Боговитинъ-Шумбарскій, „не имѣя лучшаго, вѣрнѣйшаго и благожелательнѣйшаго пріятеля“, кромѣ жены своей Евы, на случай своей смерти или отъѣзда за границу, записываетъ ей въ полную собственность все состояніе, ей одной предоставляетъ право опеки надъ дѣтьми, еслибы таковые родились, и совсѣмъ устраняетъ отъ наслѣдства его имѣніями всѣхъ своихъ родственниковъ. 1584 года, августа 2.

Лѣта Божого нароженья тисяча пятсотъ осмъдесятъ четвертого, месеца августа тридцатого дня, ведля календару рымъского.

Передъ нами Григоръемъ Лосятинъскимъ, подъстаросътимъ, а Львомъ Войничомъ зе Зъбаража Вороницкимъ, судьею, врядниками кгродскими Кремянецкими, от ясневельможного пана Януша, княжати Збаразского, воеводы Браславского, старосты Кремянецкого и Пинъского, засажоными, в рочки кгродские, тепер припалые, в року теперъ идучомъ тисяча пятсотъ осмъдесят четвертом, месеца августа тридъцатого дня, водле календару рымъского, даты вышей написаное, постановившися обличне в замку господаръском Кремянецъкомъ, урожоный панъ Миколай Михайловичъ Боговитинъ-Шумбарский оповедалъ доброволъне: ижъ дей я, не будучи ни

от кого примушоный ани намовленый, одно самъ по своей доброй воли, а розъмисливпшися статечне, для веле причинъ слушъных записалъ есъми, далъ и даровалъ малъжонъци моей милой, панеи Еви Павловичовъны, по животе моемъ, всѣ именя, маетность мою лежачую, яко ся в собѣ маетъ, ничого собе не зосътавуючи, на вечность, такъ-же и всѣ речи рухомые, што колвекъ речъю рухомою названо быти можетъ, и опеку по животе моемъ, если бы ми Пан Богъ з нею потомъство мети дати рачилъ, подъ певными варунъками, обовязъки и заруками, о чомъ на листе моемъ с печатью и с подъписомъ руки моее и подъ печатьми людей зацных ширей, достаточней и меновитей все по досътатъку естъ описано. И по таковомъ оповеданью своемъ положилъ и отдалъ намъ листъ свой и просилъ, абых-мо прочитат и до книгъ слово от слова вписати росъказали. Мы, сказавши прочитат, высълухали, который слово от слова такъ ся в собѣ маетъ: „Я Миколай Михайловичъ Боговитинъ-Шумъбарский доброволне сознавамъ самъ на себе кождому, кому того потреба ведати албо чтучи слышати, нинешънимъ и напотомъ завжды будучим: ижъ дознавши я великои нехути, немилосъти и незычливости отъ повинъныхъ и кровъныхъ моих противко собе, а помнячи на часъ смертелъный, ижъ жадного чловека, хто се едно на свѣтъ рожден, за презренемъ Божимъ, минути не може, постерегаючи, абы маетъность моя никому ку зъгоръшенью не стала, не была, с тыхъ теди всѣхъ слушъных причинъ вышей помененыхъ, а ктому особливе—дознавши я ку собѣ уприймую а щирую милость, зычъливость а повинность, услукгованъе малъжонъки моее милое панеи Евъвы Павъловичовъны и маючи вольность, водле статуту права посполитого и уфалы сойму Берестейского, иминьями, маетъностью своею, водле воли и уподобанья своего, вживаючи вольносъти шляхетское, шафовати, не будучи ни от кого намовленый а ни примушоный, едно за статечнымъ розмыслом и добърою волею моею такъ то мети хочу и тую волю мою всѣмъ посполите и каждому зособна, кому бы то ведать належало, ку ведомости зоставую: есъли же бы Панъ

Богъ вшехмокгонъцый за якимъ же кольвекъ припадъкомъ часъ смертелный, будь прирожоный, будь тежъ от кого колвекъ отъ рукъ неприятелъ моихъ, альбо якое отъеханье зъ земли тутошнеи на мне припустити рачилъ, теды я, не маючи у себе лепъшого, вернейшого и зычъливъшого приятеля, яко малъжонъку мою милую панюю Евъву Павловичовну, всю маетъность лежачую и рухомую, то естъ именья мои отчизныи и якъ колвекъ теперъ и напотомъ набытые всѣ, з кгрунъты вшилякими земълеными, з дворы, фолварки, пашънями, з ставы, з ставищами, реками, болоты, рудами, млыны, зъ их вымелками, з млынищи, с пасеками, бчолами, зъ садами, запусъты, з людьми, то естъ бояры панъцырными, путными, подворыщными, тяглыми, подъсуседки и огородъники, з цынъшами, роботами, повинъностями, платы, доходы и всякими пожитки, якъ кольвекъ теперъ и напотомъ назваными и меноваными, ничого собе не зоставуючи, такъ-же всѣ речи рухомые: злото, сребро, грошп готовые, перли, клейноты, шаты, зброи, стада, быдло, кони ездные, статки домовые и весь спрятъ, што бы одно колвекъ речъю рухомою названо и меновано быти мело,—малъжонцы моей милой паней Евъве Павловичовъне по животе альбо отъеханю моемъ зъ якои причины с панъства тутошнего даю, дарую и на вечъность отписую; а сестру мою рожоную панюю Барътошовую Лащовую, панюю Ганъну Михайловну Боговитянъку, потомъство еи и братью мою стрыечъную и их потомъство, сестры, кровъные, близкие и повинъныи мои, зъ якою-жъ бы колвекъ повинъностю хто озвати мел, яко отъ всѣхъ именей, маетъносъти лежачое, такъ-же и речей рухомых вечъными часы отъдаляю и от нихъ отписую, ижъ они по животе моемъ безъпотомъномъ, отъеханю, за правомъ прирожонымъ и ниякимъ кольвекъ в маетность мою лежачую и рухомую въежъдчати, з моцы, владъности выймовати, ку праву позывати, в кгрунъты, в люди, в пожитки малыи и великии вступовати, переказы намнейшои чинити сами черезъ себе а ни черезъ кого не маютъ и мочи николи не будутъ; але малъжонъка моя милая пани Евва Павловичовна, по животе альбо отъеханью моемъ,

всю маетность мою лежачую и рухомую вечным и яко отчизнымъ и дедичнымъ правомъ держати, записати и оною, яко властностю своею, водле воли и налепъшого уподобанья своего шафовати маетъ и вольна будетъ. Леч еслибы ми Панъ Богъ з ласки и милосеръдья своего светого рачилъ дати и презрети з нею, малъжонкою моею милою, мати потомъство, такъ сыны и дочки, теды малъжонка моя милая, маючи их в опеци, владзы и в хованью своемъ, тои маетносъти, отъ мене ей записанои лежачои, тратити, никому отдавати, даровати а ни записовати не маетъ и мочи не будетъ; але кгды сынове мои летъ своихъ зуполных доростутъ, а дочъки мои от малъжонъки моее, яко опекунъки, замужъ отданы будутъ, теды малъжонка моя, усътупивши того запису моего и права своего, будетъ повинъна потомъству, то ест детемъ моимъ, именья своего лежачого, кромъ того, на штo право особъливое отъ мене в себе маетъ, отъдати и поступити, речи рухомые—всѣ предся при собе зосътавити. А дети, потомъство мое, при доступъленъю отъ малъжонъки моее а матъки их именья лежачого, яко личъбы з опекы за держаня ее з ымеіней, зо всякихъ платовъ, доходовъ и пожитковъ, такъ розейштья подъданыхъ, крывдъ, шкодъ своихъ и подъданыхъ и вшелякого спустошенья и речей рухомыхъ малжонце моей упоминати, ку праву позывати и никоторои трудносъти ни в чомъ правомъ и ниякимъ иншимъ вшелякимъ обычаемъ ей задавати не маютъ и мочи николи не будут; а хоть жебы и ку праву, вынашедши собе якие-жъ колвекъ причины правные и неправные и яко кольвекъ иные розумы людскими вынайдеными, позвали, вряд кождый, до которого позвана будетъ, хот жебы што и найслушнийшого водле права показало, того всего приймовати не маетъ, але малъжонъку мою милую от позву и вшелякои жалобы вольною вчинити и при всемъ томъ зоставити маетъ. Где бы ми тежъ Панъ Богъ з ласки своее и презренья светого и потомъство з нею дати мети рачил, а тое-бы потомство з волею Божою з сего света зошло, теды она предся малжонка моя милая, пани Евъва Павъловичовна, при всей маетности моей лежачой, рухомой,

яко ся вышей поменило, вечъными часы зосътати, оную держати, вживати, владънути и по воли своей, яко ся вышей поменило, шафовати мает и вольна будетъ; а сесътру мою рожоную, еи потомъство, братью стрыечъную и ихъ потомъство и всѣхъ кровныхъ, близъких и повинъныхъ моихъ вечъными часы отъ всее маетносъти моее лежачои, рухомои, такъ-же особъливе и от опеки отдалямъ, только яко маетность лежачую и рухомую и опеку на малъжонъку мою милую влил есми а въливамъ, поручилъ и далъ есъми. Бы тежъ зъ якихъ кольвекъ причинъ коли до того пришъло, альбо потреба слушная водле права посъполитого вказовала, з сесътрою моею рожоною, братею стрыечъною, с их потомъствомъ и всими кровъными, близъкими и повинъными моими што становити, альбо розделокъ який приймовать, теды по животе, албо отеханью моемъ, все право мое отъчизъное, прирожоное на малъжонъку мою вливамъ и вместо себе моцъ зуполную давамъ правне, вгодою и вшелякимъ обычаемъ поступовати, вечнымъ и дочасънымъ обычаемъ конъчити; а то все такъ моцъно быти мает, яко бы-мъ властне и я самъ о то што чинил, и то, што ся зостанет на часть правомъ моимъ прирожоным малъжонъце моей милой, то все такимъ обычаемъ и правомъ, яко ся вышей написало и нижей напишетъ, вечными часы держати и въживати и по воли своей тымъ шафовати маетъ и вольна будетъ. И вже я сего листу моего ничимъ николи для жадных причин и припадъковъ отменяти и никому именья, маетности лежачои и рухомои, опеки записовати не маю; хоть же бым и записалъ, теды таковый листъ, запис мой, бы наслушнейший и направнейший былъ, моцы жадное мети и в жадного права за слушный приймованъ быти не мает; толко сесь мой лист в моцы в целой, ничим и ни в чом не нарушоный вечными часы зостати и в кождого вряду и суду захован быти маетъ. Где бы тежъ я албо потомъство мое, сесътра моя рожоная, еи потомство, братья стрыечъная и ихъ потомъство, кровные, близкие и повинъни мои, и хто жъ кольвекъ съ сего добровольного запису моего в чомъ же кольвекъ высътупил и его намней в якомъ артикули и

члонѣку нарушалъ, таковый кожъдый, иле разовъ нарушитъ, повиненъ будетъ заруки малъжонъце моей милой заплатити пятъ тисячий копъ грошей личъбы литовъское, к тому особливе шкоды, накълады, кромъ доводу присяги, только на голое реченье слова стороны, противко которои нарушитъ, альбо умоцованого, запълативъши заруки и вчинивъши досыть на реченье слова за шкоды, предъся сесь мой листъ в моцы в цалей, ничим не нарушоный, в кождого права и передъ кождымъ урядомъ захованъ и малъжонъка моя при томъ всемъ зосътавълена быти маетъ, и о то все вольно будетъ позъвати, до якого кольвекъ вряду и пърава сама похочет, до суду его королевъское милости, до земъского, кгродского и депутатъского, и якимъ кольвекъ рокомъ похочетъ; а позваный, не вымовляючися хоробою, службою господаръскою, военъною и нияксю иною, поветриемъ, соймомъ а ни жадными иными правными и неправными причинами, на перъшомъ року, яко на завитомъ, стати, не збываючи позвов рокомъ неслушнымъ а ни жадъными причинами, усправедъливити; а станетъ-ли позваный, хоть же и не станетъ, врядъ, не приймуючи жадныхъ оборонъ а ни объмовъ, не допусъкаючи апеляцыи ку его королевское милости, до трыбуналу, до жадного вряду и нигде инде, заруки, шкоды, накълады на реченье слова вказати, а то все, не складаючи роков статутовых, але заразъ на маетности лежачой и рухомой отправити моцно, а малъжонъку мою водле запису сего моего при всемъ вечными часы заховати и декретом вказати и присудити маетъ и повиненъ будетъ. И на том малжонце моей милой паней Евви Павловичовны далъ доброволне сесь мой листъ з моею печатю и с подъписомъ власное руки моее писмом польским. При томъ были и того добре сведоми и за устною а очевисътою прозбою моею печати свои приложити рачили их милости панове приятели мои: панъ Семенъ Денисъко Матфеевъский, староста Житомѣрский, панъ Матфѣй Малинский, секретарь его королевское милости, панъ Григорей Дедеркало. Писанъ у Загайцахъ, лѣта Божого нарожения тисяча пятсотъ осмъдесятъ четверътого, месеца августа второго

дня. Миколай Боговитинъ Шумбарский рукою власною.—Матфей Еловичъ Малинъский, секърэтар его королевъское милосъти, власною.—Григорей Дедеръкало власною рукою“.—А такъ мы, того листу огълядавши и его передъ собою вычитати казавши, тое оповедане и очевистое вызнане пана Миколая Боговитина и листъ, паней малъжонце его от него даный, слово в слово в книги кгродские записати казали, на што и выпис с книгъ под печатми нашими паней Евви Боговитиновой ест данъ. Писан у Кремянцу. Григорей Лосятинъский, подстаростый Кремянецкий, рука. Левъ Вороницкий, судя кгродский Кремянецкий, власною рукою своею. Матѣй Лонъцкий, писар.

Книга земская Луцкая, 1584 г., № 2067, л. 182.

CVI.

Донесеніе вознаго о томъ, какъ происходили „заручины“ п. Станислава Кавезскаго съ его невѣстой Настасьей Хребтовичевной. 1585 года, марта 11.

Року осмъдесят пятого, месеца марца первогонадцат дня.

Передо мною Стефаном Кнегининским, будучим на местцу подстаростого Луцкого, ставшы очевисто, шляхетный Андрей Жикрицкий, возный повету Луцкого, ку записаню до книг кгродских Луцкихъ тыми словы созналъ: иж року тепер идучого осмъдесят пятого, месеца февраля двадцат осмого дня, будучи мне з уряду приданым на потребу его милости пану Станиславу Кавезскому, то ест для прислуханя водлугъ опису ее милости панеи Василевои

Хребтовичевои панеи Ганны Дчусянъки и девки ее милости панны Настаси Василевны Хребтовичовны Богурынского, маючи я при собе двох шляхтичов: пана Войтеха Комовского а пана Зинка Лобоса, и при том были их милость панове: его милость пан Криштъофъ Лабунский, пан Иван Богуринский а пан Михайло Болгаринъ. Чинил пытане его милость пан Станиславъ Кавезский панны Настаси Василевны Богуринъского, водлугѣ постановеня першого приятеля и ее милости панны Настаси и ее милости пани Богуринское: „если хочеш, панно Настасе, за мене?“—повторе и потрете. Панна мовчала; матка ее милости панны Настаси просила его милость пана Ивана Богуринского, иж-бы в то ся вложити рачил, яко брат старшый, злецаючи моц, иж-бы ее милости помогъ девку пану Кавезскому до рукъ дат за жону, иж-бы шлюб брал. Панъ Богуринский поспол з панею Василевою, взявшы панну Настасю за руки, пану Кавезскому дали; пан Кавезский подяковал и светчил мною возным и шляхтою звышъ менованою их милостями, на тот час бывшими. И просила панна Настася пана Кавезского, иж бы пустил до приятелей, до его милости пана Адама Боговитина; яко-ж панну пустил на побыванье.— А такъ я тое очевистое сознанъе возного до книг кгродских Луцких записати казал.

Книга гродская Луцкая 1585 г., № 2068, л. 194.

CVII.

Бракъ польскаго жолнера Мартишевскаго съ княжною Сокольскою.

1. Жалоба опекуновъ дѣтей умершаго князя Максима Сокольскаго о томъ, что польскій жолнеръ Балцеръ Мартишевскій, втершись въ домъ вдовы княгини Сокольской и пользуясь слабоуміемъ сына ея Василія, насильственно взялъ за себя якобы въ замужество сестру его княжну Софію Сокольскую, расчитывая овладѣть ея наслѣдственными имѣніями. Показаніе княгини Александры Сокольской о томъ, что дочь ея, противясь браку, во время вѣнчанья выбила изъ рукъ ксендза книгу, и что Мартишевскій подвергалъ свидѣтельницу и ея дѣтей заключенію. 1585 года, іюня 19.

Року 1585, месеца июня 19 дня.

На рокох судовых земских, на завтрее светое Тройцы, свята рымъского, припалых и судовъне отправованых, ставши очевисто, его милост панъ Янушъ Угриновский, опекунъ детей и именей небожчика князя Макъсима Соколского, самъ отъ себе и именемъ князя Марка Соколского и иных близких, кровных и повинъныхъ дому их милости князей Соколскихъ, оповедалъ и обътяжливе жаловал о томъ: ижъ што перъво сего, взявъши они вѣдомость в рочкохъ кгродских Луцких от четверга, месеца июня шосътого дня у четвергъ припалыхъ, оповедали и возъного на осветчене взяли, ижъ Балцер называемый Мартишевский, который дей передъ тымъ жолънерскую службу служилъ в роте ротъмистра его королевъское милости пана Старенъского, а выехавши з роты оное, не идучи до дому своего, есълибы его где мелъ, але приехавши в дом ее милости кнегини Максимовое Соколское кнегини Алекъсандры Дользское до Холпнева, которая то кнегиня Максимовая Соколская, по смерти небожчика малжонка своего князя Максима Соколского, тамъ ув оном именю Холъпневе и иных именях ажъ

и до тых часов спокойне мешкала, тамъ приехавши, при ее милости если за прозбою, албо за слугу при неи, через часъ немалый, ажъ и до тыхъ часовъ мешкаетъ; то пак в року тепер идучом тысяча пятсот осмъдесят пятомъ, месеца мая двадцать осмого дня, в олъторокъ, пропомневши боязни Божее, а иж ся менит быти шляхтичом, повинности своее шляхетское, срокгости права посполитого и конъстытуций о том уфаленых, взявши перед себе злый умыселъ непобожъный, вшеляким правам противъный, способивши собѣ на помоч Андрея Кушку, товарышов и помочниковъ своих немало, такъ же и маючи змову з ксендземъ Кгрекгоремъ капитулы костела бисъкупства Луцкого, кромъ вѣдомости ксендза кустоса Луцкого, приехавши вже в ночи помененого дня з овторка на середу и способивши дей собѣ оных помененыхъ помочъниковъ о колькодесятъ особъ, которых он самъ лепей имена и назвиска вѣдает и их знает, хотечи осегнути маетност в надею спадку, а бачечи быт сына небожчика князя Максимова Соколского князя Василя Соколского недовстипного и не всего змыслу, дочку оное помененое кнегини Максимовое Соколское, потомка зошлого князя Максима Соколского, княжну Зофею Соколскую, форую и неспособного здоровья, которая про хоробу свою от нароженя межи людми не бывала, кром ведомости самое кнегини Макъсимовое Соколское, матки ее, нас, опекунов помененыхъ, и иных кревных и повинъных дому князей Соколских, якобы под поставою якого малъженства кгвалътовне взял и оную княжну Зофею Максимовую Соколского зкгвалтил. Якожъ и возного повету Луцкого Матыса Славокгурского на опытанъе и осветчене оного зкгвалченья и взятя черезъ помененого Балцера называемого Мартишевского и помочъников его княжны Зофѣи Соколского з уряду кгродского Луцкого брали, который возный помененый Матыс Славокгурский, постановивши ся очевисто перед нами, до книгъ земъскихъ тыми словы вызнал: иж в року теперешнем тысяча пятсот осмъдесятъ пятом, месеца июня девятото дня, у недѣлю, был если в ыймено его милости кнежати воеводы Браславского, Тростенцы, а маючи

тежъ при собе возного повѣту Кременецкого Григоря Гулялъницкого а шляхъту: пана Яна Анъдреевского а пана Станислава Рожковского, тамъ же передо мною возным, и тежъ возънымъ повету Кремянецъкого и шляхтою, его милость княз Яковъ Четверътенский пытал ее милости кнегини Максимовое Сокольское кнегини Александры Долъзское именемъ их милости князя Марка Солтановича Соколского а пана Януша Угриновского, яко опекунов детей и именей небожчика князя Максима Соколского: ижъ дошла их милостей такая ведомость, же Балцер называемый Мартишевъский, который перед тым жолнерскую службу служилъ в роте ротмистра его кор. милости пана Старенъского, и выехавши дей з роты оное, не идучи до дому своего, если бы его где мел, але дей приехавши в дом вашей милости, до Холпнева, который дей то дворъ и именъе Холъпневъ ваша милость по смерти небожчика малжонка своего князя Макъсима Соколского тамъ ув ономъ имению Холпневе и иных именъяхъ ажъ и до тых часов спокойне мешкаешъ, тамъ при вашои милости, если за прозбою албо за слугу, через час немалый, ажъ и до тых часов мешкал, то пакъ дей в року теперешнемъ, тисяча пятсот осмъдесят пятомъ, месеца мая двадцат осъмого дня, у волъторокъ, препомневши боязни Божее, а способивши дей собѣ на помочъ пана Андрея Кошку и товарышовъ и помочниковъ своих немало, такъже маючи змову з ксенъдземъ Кгрекгорем капитулы костела бисъкупъства Луцъкого, кромъ ведомости ксендза кустоша Луцкого, приехавъши дей вже в ночи з овъторка на середу и способивши собѣ оных помененых помочниковъ о колькодесятъ особъ, хотечи дей осегнути маетъность в надею спадъку, а бачечи быть сына небожчика Максима Сокольского и вашей милости князя Василя недовъстипного и не всего змыслу, дочъку вашей милости а потомъка зошлого князя Макъсима Сокольского княжну Зофею Соколскую форую и неспособъного здоровъя, кромъ ведомости дей вашои милости и их милости панов опекунов помененыхъ и иных кровныхъ и повинъных дому князей Соколских, якобы под поставою малъженства, кгвал-

товне взял и оную кнежну Зофѣю Макъсимовъну Соколъского зкгвалтил.—Якож ее милост кнегиня Максимовая Соколъская передо мною возным и при возном повету Кремянецкого Григорю Гуляльницком и шляхте, за пытанемъ князя Якова Четвертенского, поведила: ижъ дей „я еще скоро по смерти небожчика князя Максима Соколъского, малъжонка своего, в том именъю и въ дворе Холъпневе мешкаю; то пакъ дей не вѣдаю, для которое причины пан Балцер Мартишевский, спосбивши собѣ на помочъ пана Андрея Кошку, кромъ ведомости мене самое и опекуновъ и инших близких кровных, повинъных наших, дочку мою княжну Зофѣю моцно, кгвалтом за себе взял, которая дей про хоробу свою от давных часовъ и волосы свои паненъские на голове острыгла и николи их не мевала, и жадного дей шлюбу тамъ не было, кгдыжъ дочка моя тому ксендзу и книги з рукъ вытрутила и оному Балцеру жадного приспособеня не чинила, и мене дей вже самую, сына моего князя Василья и тую дочку мою Зофѣю зовсѣмъ у везенъю и в неволи держит, и ледве дей мене тут до церкви ажъ за шлюбомъ пустилъ и никого тамъ до двора до нас не пускает“. Што его милост князь Яковъ Четвертенъский мною вознымъ, так тежъ возным Кремянецкимъ Григоремъ Гулялницкимъ и шляхтою светчил.—И просилъ пан Угриновский, абы то до книг записано было; а такъ мы тую жалобу и оповедане его очевистое, возного сознане, до книг справ судовых земских Луцких записат велели.

Книга земск. Луцкая 1585 г., № 2067, л. 66 обор.

---

2. Вторичное показаніе княгини Александры (она же Ирина) Сокольской, будто она добровольно выдала дочь свою въ замужество за Мартишевскаго. Такое же показаніе князя Василія и самой княжны Софьи Сокольскихъ. 1585 года, іюня 19.

Року 1585, месеца июня 19 дня.

На рокох судовых земскихъ Луцкихъ, постановившесе очевисто в суду, пан Балцер Мартишевский оповедал и положил на письме сознанье возных повѣту Луцкого Войтеха Яблонъского а Яна Пещинъского, под печатми их и с подписом руки Войтѣха Яблонского, которое сознанье давши ку записованю, просил, абы было вычитано и до книгъ справ земских уписано, которое так се в собе мает: Року тисеча пятсотъ осмъдесят пятого, месеца июня двадцатого (sic!) дня, будучи нам Войтеху Яблонскому а Яну Пещинскому, возным господарским повету Луцкого, приданым з уряду кгродского Луцкого пану Балцеру Мартишевскому, маючи при собе двух шляхтичов: пана Яна Вроска а пана Станислава Ковзского, року и дня звышъ помененого ездили есмо до ее милости кнегини Максимовое Соколское пани Арины Довзское, до именя пана Балцера Мартишевского, Холпнева, пытаючи: еслибы кгвалтовне пан Балцер Мартишевский дочку ее милости кнежну Зофею, не з волею и хутью ее, яко о том ведомость никоторая от людей зацных и пана Балцера ест дошла, в малженство пошлюбил и за себе взял? А ее милост кнегини Максимовая Соколская поведила нам тыми словы: „ач дей был малжонок мой небожчик князь Максим Соколский, схилившися в том одною волею зо мною, малжонкою своею, и сыном нашим князем Василем, пошлюбили и записами своими упевнили были есмо дат в стан светый малженский пану Балцеру Мартишевскому дочку нашу княжну Марину, которую по смерти малжонка моего князь Марко Соколский, без вѣдомости моее и сына моего князя Василя, з дому

нашого до себе взял, тамже дей, водле воли своее намовивши тую дочку мою кнежну Марину, за пана Матея Лонцкого, писаря кгродского Кремянецкого, кромъ воли и вѣдомости моее и сына моего князя Василя в малженство отдалъ и имене наше Тростенецъ с приселками в моц и держане оному пустил; однак же дей я, корыстуючи собе в приязни пана Балцера Мартишевского, яко чоловека учтивого, а ку тому иж презрене Божее надышло, воля дей теж моя и сына моего князя Василя до того приступили, другую дочку мою кнежну Зофѣю Соколскую пану Балцеру Мартишевскому не кгвалтовне, але доброволне есмо в стан светый малженский пошлюбили и веселе дей не потаемне, але при бытности людей зацных, на то везваных, было учинено и звычаем пристойным есть отправлено".—Там же будучи и князь Василей Соколский, сын ее милости, в тые ж слова а неотменне есть волю свою объявилъ и сознал. Якож и кнежна Зофѣя, теперешная малжонка пана Балцерова Мартишевского, то перед нами сама вызнала, ижъ з доброю волею, а не з жадного примушенъя людского, малженство с паном Мартишевским есть приняла, якож за дозволенем матки своее и брата и приятелей своих".—На што дали есмо сознане под печатми нашими и с подписом руки моее. Войтех Яблонъский, возный повѣту Луцкого, рука власная.— А такъ мы, суд, тое сознане вышей менованых возных, перед нами на писме от пана Балцера покладаное, с початку аж до конца до книгъ справъ судовых земских записати казали.

Книга земск. Луцкая 1585 г., № 2067, л. 167.

---

3. Протестъ Мартишевскаго противъ обвиненія его въ томъ, будто онъ насильственно женился на княжнѣ Сокольской и держалъ ее, а равно ея мать и брата, въ заключеніи. Показанія о томъ его тещи, жены и шурина, а также показаніе православнаго священника, совершавшаго бракъ совмѣстно съ католическимъ ксендзомъ. 1585 года, іюня 22.

Року 1585, месеца июня 22 дня.

На рокох судовых земских Троецких, перед нами, то ест Федором Чапличом Шпановским, судею, а Иваном Хренницким, подсудком, врядниками судовыми земъскими повету Луцкого, ставши очевисто, возные повету Луцкого Григорей Вербъский, приданый от нас, суду земского Луцкого, а Демъянъ Мокренский, возный повету Володимерского, будучи ужитый от пана Балцера Мартишевского, ку записованъю до книгъ вызнали тыми словы: што жъ дей дня вчорашнего, месеца июня двадцать первого дня, маючи мы при собе шляхту людей добрых, то ест пана Ивана Путошинского а пана Станислава Орловъского, были есмо на съправе пана Балцера Мартишевского уво именъю его милости Холпневу, где поведил его милость перед нами в тые слова: иж дей „дня вчорашнего въ середу, месеца июня девятогонадцать дня, пан Матей Лонский, писар кгродский Кремянецкий, будучи у суду земского Луцкого, обжаловал и оповедал ся на мя, яко быхъ я мел ее милость княгиню Орину Максимовую Соколскую и сына ее милости князя Василъя Макъсимовича Соколского и дочку ее милости княжну Зофею, теперешнюю малжонку свою, у везеню своемъ держати, и яко бы за примушенемъ моим, кгвалтовне, кромъ воли и ведомости ее милосты кнегини Максимовое Сокольское Орины и сына ее милости князя Василя и теж кром воли и позволеня дочки ее милости княжны Зофеи, тую княжну Зофею за себе у малженство взялъ; тогды дей, яко николи кнегини Соколское, тещи, князя Василя Соколского, швакгра моего,

у жадномъ везенъю своемъ не держал, такъ теж за волею Божою и властнымъ позволенемъ ее милости кнегини Максимовое Соколское а сына ее милости князя Василя, за властною волею и позволенемъ кнежъны Зофеи, тоеи теперешнее малжонки моее, и теж з волею зобополных приятелей нашихъ, на тот час при нас будучихъ, в стан малженский за себе есми ее милость взял водле закону хърестиянского, принявши з нею шлюбъ, а не такимъ способомъ, яко мя его милость пан Матей Лонъский перед их милостю врядомъ суду земского Луцкого справил и обънесъ". И посылал пан Балцер Мартишевский нас, возных, с тою шляхтою вышей поменованою, до ее милости княгини Максимовое и до сына ее милости, князя Василъя Соколских, до тешчи и до швакгра своего, и теж до ее милости княжны Зофеи Максимовны Соколскои, до малжонки своее, пытаючи их милостей: если же так было, яко Матей Лонский на вряде справу дал? И коли есмо пришедши до двора его милости Холпневского, до ее милости кнегини Орины Максимовое и до сына ее милости князя Василъя и до малжонки его милости пани Балцеровы, княжны Зофеи Соколских, там же очевисте яко ее милости княгини Максимовое и сына ее милости князя Василя и дочки ее милости а сестры князя Василеви, княжны Зофеи, пытали есмо: естлибы пан Балцер Мартишевский, зять вашей милости, вас самых особъ у везеню своем мел, и трапечи везенемъ, яко бы за примушенемъ и кгвалтовне а по неволи тебе, княжно Зофее, без воли и выданя матки и брата вашей милости за себе у малженство взяти мел? А его милость князь Василей, сынъ ее милости, поведил: иж дей „пан Балцер Мартишевский, зят напъ, николи нас у везеню своемъ не держалъ и не мел и до жадное речи нас поневолне не примушалъ, але дей естли же дочку мою мене, Орины Максимовое, а сестру мою мене, Василя Максимовича Соколских, княжну Зофею Максимовича Соколских, княжну Зофею Максимовну Соколского, пан Балцер Мартишевский за себе в стан малжонский взял, то дей не поневолне, але за властною ведомостю, волею и

позволенъемъ и выданемъ нашим, родичовъ ее, и з ведомостю приятелей наших, в стан малжонский, водле закону нашого хърестиянского, шлюб и венец принявши, в малжонство уступилъ". А з особна ее милость княжна Зофея, пани Балцеровая Мартишевская, тутъ же будучи, при матце и брату своем, поведила и вызнала: иж дей „и я в жадном везеню пана Балцера Мартишевского, теперешнего пана малжонка моего, николи не была, а ни теж мене кгвалтом, поневолне в стан малжонский брал, толко за властным позволенем и волею княгини матки и князя Василя, брата, и родичов своих, так теж за властною волею моею, взявши первий з ним шлюб малженский, и за его милость в стан малженъский пошла". Яко ж и попъ закону хърестиянъского греческого Стефан, тут же очевисте перед нами стоячи, вызнал: иж дей „я ис стороны княжны Зофеи, яко попъ русъкий, ее милости с паномъ Балцеромъ Мартишевскимъ, а зъ стороны пана Балцера Мартишевского плебан лядский Кгрикгоръ кнезь Бедрицкий, викарий головного костела Луцкого, шлюбъ есъмо малженский их милости давали, за волею и ведомостью и выданемъ ее милости кнегини Максимовое и сына ее милости, князя Василя Соколскихъ, пановъ моихъ, и за властною волею и позволенъемъ ее милости кнежны Зофеи Макъсимовны Сокольского".—Которое мы очевисътое сознане возныхъ до книгъ справъ судовыхъ земъскихъ Луцкихъ записати есмо казали.

Книга земская Луцкая 1585 г., № 2067, л. 335.

Примѣч. Другихъ документовъ, относящихся къ этому дѣлу, не найдено въ актовыхъ книгахъ, кромѣ того, что еще въ августѣ 1583 г. князь Василій Сокольскій выдалъ Балцеру Мартишевскому дарств. запись на имѣніе Холпневъ съ приселками и усадьбу въ г. Луцкѣ - единственно „за склонный и хутный умыслъ его и пилное старанье до приязни" съ дарителемъ. Кн. гр. Луцкая 1583 г., № 2062. л. 238. *Ред.*

CVIII.

Жалоба п. Григорія Дублянскаго на земянъ Тишей-Быковскихъ о томъ, что они сманили къ себѣ въ замокъ его жену съ дѣтьми и имуществомъ. 1585 года, іюля 16.

Року по нароженю сына Божого 1585, месеца июля шостогонадцат дня.

Пришедши до вряду замку господарского Житомирского, перед мене Миколая Каменского, подстаростего Житомирского, от его милости пана Семена Дениска Матфеевского, старосты Житомирского, установленого, пан Григорей Степанович Дублянский, слуга его милости пана Летошинского, оповедал и жаловал о томъ, иж дей року прошлого тисеча пятсотъ осмъдесят четвертого приехал дей есми з Низу, з Запорожя, зъ его милостью княземъ Григоремъ Домонтомъ, до Ходоркова, до их милости панов Тишъ Быковскихъ, упоминаючисе о долгъ свой небожчика отца их, которого дей долгу их милость пан Александро а пан Василей и сами сведоми, и тот долгъ заведеный небожчика отца их за имене мое третюю част Вели; и в тот дей час есми их милости в Ходоркове не застал, бо были дей в Литве. И будучи дей мне въ Ходоркове, то пакъ ее милость кнегиня и з иншими приятелми своими, за прозбою Настаси Митрохановны, оную Настасю Митрохановну в малженство отдали, с которою дей и шлюб есми принял, которая дей служила ее милости панеи Александровое Тишиной. То пак я, Григорей, восполокъ из жоною моею Настасею и з детками ее, которые дей при неи были, мешкаючи в Ходоркове, ждучи щасливого приеханя их милости панов Тиш з Литвы, хотечи долгу оного упоменутсе, а потом дей, кгды их милост панове Тиши приехали з Литвы и забавили мене при собе час немалый,

обецуючися тот долгъ отца своего мне нагородити, то пак дей мне болшъ того долгу не дали, толко лошака, который коштовал три копы грошей, и за то-м дей имъ подяковал и попровадил есми живност свою, которую дей мне были здали панове земяне тутошние повету Киевского, то ест муки росходное и белое колод шест, до берега, до чолну, хотечи поехати до пана своего, до пана Летошинского, а жону дей свою из детми ее и маетностю моею и жоны моее, в скрыни зложоную, у подданого пана Василева Тиши, на йменя у Малца, зоставил, в которой дей скрыни пятдесят коп грошей литовских, тринадцат рублей денег московских, чарокъ сребреных две, которые-мъ дей был достал под Трубецкомъ, шубокъ сиберковых две, шлыков чотыри: два нурмарчатых, а два чирвоных, бобров пят чорных, праве добрых, полотна московского тонкого поставцов чотыри, в кождомъ дей поставцу по полтретядцат локот, сафянов чотыри жолтых, боты двои чирвоного сафяну, убране сукна каразѣи белое, кошул чотыри колинских а две простых, гаркабузов три, дежка масла, сыров осмъ, кожух бараний, полушкорни двои и иншых дей речей домовых немало. То пак, в небытности моее, яко-м пашню тую попровадил до берега, пан Александро Тиша, восполок с панею малжонкою своею, панею Марею, в року тепер идучом тисеча пятсот осмъдесят пятом, месеца июля второго дня, намовивши дей жону мою Настасю, жебы она со мною в дорогу из детми своими не ехала, бо дей, „небого, не ед за мужом своим: иж дей тебе самую продасть и дети твои; побери дей маетност его и свою от мала и до велика, а припровад до мене в замок; я дей тебе одошлю на сторону, до кнегини Воронецкое, до Киева“. То пак дей жона моя, послухавши их, сама, з детми и зо всею маетностю своею и моею, выбравши зъ скрыни, такъ тежъ што в господе было, вынесла до замку; то пак дей панъ Тиша з малжонкою своею заразом, нанемши подданого Бутовичова Брусиловского, тое ж ночи послали до Брусилова, а сам дей пан Тиша в тот час поехал до Литвы.—И просил пан Григорей Степанович, абы тое оповедане и жалоба его

в книги замковые Житомирские записано было; што-м был записати казалъ.

Книга гродск. Житом. 1585 г., № 8, л. 91 об., актъ 22.

CIX.

Жалоба земянки Евы Бутовичевой о томъ, что бывшій мужъ ея Матвѣй Немиричъ, вопреки условіямъ бракоразводной записи, по которой онъ обязался дать ей „во всемъ покой", напалъ на нее въ дорогѣ, пограбилъ имущество и нанесъ ей тяжкіе побои. Церечень пограбленныхъ вещей. 1585 года, іюля 17.

Року по нароженю Сына Божого 1585, месеца іюля 17 дня, с поправы календару рымского.

Писала и присылала до мене, Миколая Каменского, подстаростего Житомирского, от его милости пана Семена Дениска Матвеевского, старосты Житомирского, установленого, пани Григоревая Бутовичовая Ева Василевна Раевна, оповедаючи и жалуючи се на Матфѣя Немирича о томъ, што ж дей в року тепер идучомъ тисеча пятсотъ осмъдесятъ пятомъ, месеца июля пятогонадцат дня, с поправы календару рымского, едучи мнѣ до Киева за позвы своими, которыми есми была позвала пана Есифа Немирича на рочки кгродские Киевские, которые судитисе мели, гдеж я маючи певную ведомост о томъ, иж рочки дойти не мели, зас назад з Брусилова есми до дому ехала, то пак не маючи до мене Матфей Немирич жадное причины и потребы, до того не смотречи на доброволный опис свой, который Матфей Немирич мне, а я ему в розводе есмо межи собою дали, заховываючи собе з обу сторон

во всемъ покой, нижли Матфей Немирич не бачечи, а ни паметаючи на тот опис свой, перенемши тепер мене на доброволнои дорози подъ местомъ Коростешовом, над речкою Черемошною, в року семъ же осмъдесят пятомъ, месеца июля пятогонадцатого дня, с поправы календару римского, мне, яко невесте, учинивши кгвалтъ, бои, розбой, яко доброму каждому чоловеку учстивому, а звлаща будучи хлопомъ, з невестою жадных потреб, воен, чинити не пристои и не пристало, учинил, и мене, яко невѣсту безпечную, вывлекши з воза, сам особою своею розбивши, бичами окрутне з некоторыми слугами, помочниками своими, збил, змордовал и зранилъ. При которомъ том бою и розбою луп в маетности моее учинил и всю от мала и до велика, которая была со мною у возех, то все кгвалтовне мене розбивши, и маетност мою от мала и до велика на тот час побрал и пограбил, а то ест меновите: рыдван с конми, з возниками гнедыми чотырма узял, которые коштовали шестдесят коп грошей литовских; воз сукном крытый, кованый железом, который коштовал из сукном десет коп грошей литовских; а в том рыдване узято скрынку невеликую, в которои были ланцухи золотые, клейнотки, перстенки золотые, кошулки, брамки перловые; напрод в той скрыни узято клейноток золотый, коштовалъ сто золотых полских, кошулку перловую, которая коштовала осмъдесят копъ грошей литовских, до неи рукава з ниткового золота и серебра робленые, коштовали пятдесят коп грошей литовских; другую кошулку взял перловую, из золотом тягненым робленая, коштовала шестдесят копъ грошей литовских; брамокъ три узялъ, одна с перлы уриянскими белыми, с пунталы золотыми, коштовала коп осмъдесят грошей литовских, другая брамка перловая такъ же з фереты золотыми, коштовала сорокъ копъ грошей литовских, третяя брамка перловая, злотом тягненым роблена, коштовала двадцат коп грошей литовских; ланцухов золотых два, ув одном сто чирвоных, а в другом шестдесят чирвоных, тыи ланцухи из роботою коштовали золотых полских чотыриста; менелли двои—у них было золотых чирвоных сорок; перстенков шест зо-

лотых с каменми: перший перстенокъ з диаментомъ, а в ним было золотых чирвоных два, коштовал коп десят грошей литовских; другий з шафиромъ, а в нём было золотых чирвоных два, коштовал коп дванадцат грошей литовских; третий з рубином, в нем было золотых чирвоных три, коштовал коп шест грошей литовских; четвертый зъ жабинцомъ, в нем было золотых чирвоных пят, коштовал коп осмъ грошей литовских; сыкгнет золотый, в нем было золотых чирвоных шест; перстенокъ обручик золотый, в нем было золотых чирвоных два; чепцов перловых два, коштовали чотырнадцат грошей литовских; золотых чепцовъ нитковых плетеных два, коштовали осмъ коп грошей литовскихъ; рубков флямских три, коштовали девят коп грошей литовских; коленских рантухов осмъ, коштовали шест коп грошей литовских; рукавов ис кошулками флямских вышиваныхъ десет, коштовали дванадцат коп грошей литовских; листвы постелные, вышиваные шолком чорнымъ, коштовали сорокъ коп грошей литовских; в той же скрыни узято лыжок cребреных тузинов два, оден тузин позлотистых, в них было гривен сребра шест, коштовали з роботою, з позлотою копъ сорокъ грошей литовских; другий тузинъ лыжокъ непозлотистых, в них было сребра гривен чотыри, коштовали коп двадцат грошей литовских; поясов три обручов сребреных, у кождом з них было по три гривны сребра, злотистые, кождый з них з роботою коштовал по осмнадцати коп грошей литовских; чарокъ сребреных осмъ, в них у кождой было гривен по две, кождая з них з роботою коштовала коп пети грошей литовскихъ; кубков сребреных позлотистых дванадцат, у кождом было по гривне, а кождый з них коштовал з позлотою, з роботою по шести коп грошей литовских. Шаты мои, которые на тот час при мне были и Матфей Немирич того ж часу побрал, то ест: шата едамашки зеленое, злотогловом чирвоным брамованая, коштовала копъ сорок грошей литовских; до нее шубка оксамыту чорного, соболцами из бобром чорным подшитая, коштовала зо всим на все сто коп грошей литовских; отласъ чирвоный, окъсамитомъ чорным по подолу брамованый,

коштовалъ дванадцат коп грошей литовских; шубка одамашки чирвоное, кунами из бобромъ чорнымъ подшитая, коштовала тридцат коп грошей литовских; летник китайки мененои дупли чорный, чирвоный едвабъ, коштовал осмъ копъ грошей литовских; шубка китайки дупли зеленое, кунами подшитая, з бобром чорнымъ, коштовала коп двадцат чотыри грошей литовских; летник мухояру чорного з оксамитомъ, коштовал коп пят грошей литовскихъ; шубка чорная фалендышовая, лисицами подшитая, з бобромъ синекарымъ, коштовала коп дванадцать грошей литовскихъ. У другом возку узято, который ишолъ двоима конми з речами кухонными и стравными: коней в нем было гнедых два, коштовали десет коп грошей литовских; мис великих циновых взято шест, коштовали дванадцат золотых полских; пулмисков тузин циновых, коштовали коп чотыри грошей литовских; котлов кухонных чотыри, два великих, куплены по полкопы и по шести грошей литовских, а два невеликихъ, куплено по двадцати грошей литовских. То все Матфей Немирич кгвалтовне, розбойне мене збивши, змордовавши, и маетност мою всю, от мала и до велика, побрал и полупил и пограбил, с которого бою и великого мордованя ажемъ ледво пеша у дуброву от них утекла и пеша до места Коростешова вже на смерканю пришла.—Которое тое оповедане панее Григоревое Бутовичовое Евы Раевны слышачи, я Миколай Каменский казалом у книги замковые Житомирские записати.

Книга гродская Житомирская 1585 г., № 8, л. 93 об.

CX.

Князь Константинъ Острожскій записываетъ вѣно невѣсткѣ своей Зузанѣ, женѣ сына его князя Януша, на Чудновскихъ имѣніяхъ. 1585 года, октября 5.

Лѣта по нароженю Сына Божого 1585, месеца октебра 10 дня.

В рокох судовых земских Луцкихъ, ку отправованъю справъ судовне зачатых назавтрее по светом Михали, римском святи, в году тепер идучом осмъдесят пятом, перед нами Федором Кадяном Чапличемъ-Шпановским, судею, а Иваном Хренъницким, подсудком, врядниками земскими Луцкими, очевисто ставши у суду в замку Луцкомъ сам особою своею, ясневелможный панъ княжа его милость Костенътинъ Костентинович Острозский, воевода Киевский, маршалок земли Волынскои, ку записованъю до книгъ справ судовыхъ земских сознанъе свое уделалъ, иж з доброе воли и ласки своеи, милуючи сына своего княжа его милость Януша Острозского, воеводу Волынского, и малжонъку его милости кнежну Зузанъну Шередий, который то сынъ его милости ще был ничого водле звычаю нигде и ни на чом оправы той малжонъце своей не учинилъ и не записал, маючи волность тую с права посполитого, его милость княжа панъ воевода Киевский той малжонъце сына своего а невестце своей дал, даровалъ и листом своим записал певную суму пенезей осмъ тисечей коп грошей литовских на именъях своих отчизных, которых еще был тому сынови своему не уступил, лежачих в земли Волынской, в повете воеводства земли Киевской, на замку и двох местех Чудъновских и всих селех, к тому належных, которые-ж то именья поменены зараз в моц и держанъе еи милости подал и поступилъ, на што все ширей и лист, запис свой, ее милости под печатю и с подписомъ руки своее и под печатми людей добрых дати рачилъ, и тот листъ перед нами показавши, просилъ, абы читан былъ, которого мы

огледавши и достаточне его вычитавши, за прозбою княжати его милости пана воеводы Киевъского устною, до книг справ судовых земских Луцких вписати казали, и так ся в собе маетъ: „Я Костентин Костенътинович княжа Острозкое, воевода Киевский, маршалокъ земли Волынское, чиню явно и вызнаваю то сим моим листом всим посполито и каждому, кому бы того вѣдати была потреба, иж видечи то я, же сынъ мой, княжа его милость Янушъ Острозский, панъ воевода Волынский, до сего часу нигде оправы звыклое ни на чом малжонце своей а невестце моей милой, княжне Зузанне Шереде не вчинил и не описал ничого, тогды я тепер з доброи воли и ласки моее, хотячи тымъ болшей склоннейшую и зычливую милость малжонкови ее милости а ку сынови моему милому узнать, маючи тую волностъ с права посполитого властностю добръ моих яко хотячи шафовати, той малжонце сына моего, княжати его милости Януша, княжне Зузанне Шередий, вместо оправы ее милости, от сына моего не учиненое, даю, дарую и сим листом моим з ласки моее ее милости записую певную суму пенезей, тоестъ осмъ тисечей копъ грошей личбы и монеты великого князства Литовского, на именяхъ моих власных, отчизных, которых есми еще был сынови моему милому, княжати его милости Янушу вперед сего не уступил, лежачих в земли Волынской, в повети воеводства земли Киевъской, на замъку и двох местех Чудновских и всих селах, к тому належных, никому ничим непенные и вперед сего ни в чом не заведеныи, зовсимъ на все, яко ся тые именя сами в собе, в границах и обыходех а вшеляких пожитков своих мают и мети могут, зъ земяны, бояры, людми тяглыми и ихъ повинъностями вшелякими, не оставуючи вже тепер ничого на себе и инших потомков моих, так иж вже ее милости княжне сыновой моей милой волно тою сумою, вперед помененою, водле уподобаня своего, яко хотячи, вечне такъ всего, яко и порозно шафовати, кром кождых переказ и вступов от мене и потомковъ моих; и не отдавши тое сумы пенезей, всее вышей помененои, не маю вже я сам и потомки мои тых именей вышей

описаных з моцы и держаня ее милости и кому бы то яко колвекъ от ее милости заведено было, николи выймати, аж всю сполна заплативши тую суму пенезей вышей помененую ее милости самой, албо кому бы то от ее милости яко колвекъ так все, яко и порозну заведено было; на што ж есми ее милости княжне Янушовой Острозской, панеи воеводиной Волынской, сыновой моей милой, дал сесь мой лист, доброволный опис, под печатю и с подписом руки моее властное, до которого ж листу а опису моего, за очевистою а устьною прозбою моею, и свои печати приложити рачили их милости: панъ Григорей Гулевичъ, хоружий земли Волынское, а панъ Адам Боговитинъ Козирадский, подкоморий Кремянецкий. Писан у Крупой, лета по нароженю Сына Божего тисеча пятсотъ осмъдесят пятого, месеца октебра пятого дня. Костентин Острозский власная рука; Григорей Гулевич, хоружий земли Волынскои, власною рукою; Адам Боговитинъ с Козирад, подкоморий Кремянецкий, власною рукою".—А такъ мы тое доброволное очевистое вызнане княжати его милости пана воеводы Киевского и тотъ листъ, запис его милости, даный княжне ее милости панеи воеводинои Волынской, сыновой его милости, до книгъ справ судовых земскихъ Луцких записати есмо велели.

Книга земская Луцкая, 1585 г., № 2067, л. 636.

CXI.

Слуга князя Константина Острожскаго, крещенный еврей Константинъ изъ Преворска даетъ разводъ женѣ своей Тилѣ Юсковнѣ, оставшейся въ еврействѣ. 1589 года, іюня 15.

Року 1589, месеца июня пятогонадцат дня.

На вряде кгродскомъ, в замку господарскомъ Володимерскомъ, передо мною Яном Шостовицькимъ, будучимъ на местцу подстароства Володимерского, ставши очевисто служебникъ его милости ясневелможного пана, пана Костентина княжати Острозского, воеводы Киевского, маршалка земли Волынское, старосты Володимерского, на йме Костентинъ с Преворска ку записованъю до книгъ созналъ тыми словы: „иж дей я з доброе воли моее до закону або вѣры хрестянское приступилъ, а жона моя Тиля Юсковна, не хотечи зо мною в вѣре хрестиянской мешкати, просила мене, абы-мъ ее з стану малженьского выпустилъ. А такъ я, за певным постановенъем, тую жону мою з стану малженьского доброволне вызволяю и вже есми вызволилъ и от сего часу до нее самое и приятелъ ее, такъ же и обчих людей, которые ся по ней самой и по приятелех ее в Преворску были ручили, жадного дѣла мети не маю, але ихъ вечне симъ сознаньемъ моимъ вызволяю и квитую“. И просилъ, абы то до книгъ было записано. Которое я сознанье его до книгъ кгродскихъ Володимерскихъ записати казалъ.

Книга гродская Владимірская 1589 г., № 965, л. 324.

CXII.

Жалоба зем. Ивана Болобана-Осекровскаго о томъ, что его жена Раина Стакорская, потерявъ расположенность къ нему, прогнала его отъ себя и отказалась возвратить лично принадлежащее ему имущество. 1589 года, августа 17.

Року 1589, месяца августа 17 дня.

Пришедши на вряд кгродский Володимерский, до мене Мартина Приборского, будучого на местцу пана Романа Вилгорского, подстаростего Володимерского, пан Иванъ Болобанъ Осекровский оповедалъ на малжонку свою панюю Раину Стакорского тыми словы: ижъ дей часу прошлого взял есми панюю Раину Стакорского за себе в стан малженский, с которою мешкал во йменю нашом Ружиню часъ немалый, до которое есми внес маетности своее вшелякое немало, то есть: пенезей готовых сто копъ грошей литовских, шаблю сребромъ оправную позлотистую, которая мене коштовала двадцеть копъ грошей литовскихъ, чар две сребреных позлотистыхъ, которые мене коштовали сорок коп грошей литовских, лыжок сребрныхъ тузинь, которые мене коштовали двадцат чотыри копы грошей литовских, пару шат полкгранатовых китайкою подшитых, которые мене коштовали тридцать коп грошей литовскихъ, пару шатъ фалюндишовыхъ, которые мене коштовали дванадцат коп грошей литовских, возников гнедых чотыри, которые мене коштовали осмъдесят коп грошей литовских, воз котчий, который мене коштовал шести копъ грошей литовских, постел зо всим, которая мене коштовала осм коп грошей литовских, коберцовъ два солгацких, которые мене коштовали дванадцати копъ грошей литовских, полгаков два а ручниц коротких три, которые полгаки и ручници коштовали мене осм копъ грошей лиговских. То пак дей малжонка моя, не ведати для которое причины, запомневши боязни Божое и присеги своеи, на малженство зо мною

вчиненое, и срокгости права посполитого, взявши противку мене, малжонка своего, безъвинъне, если з умыслу своего, або з намовы людское, неприязни, немилост и змовившися з братею своею и с прителми своими, мене од оное всее маетности моее кгвалтовне выбила и отогнала, чим великий жал и оболжене и шкоду немалую мне вчинила. Якож дей я потом врыхле посылалъ до нее приятелей своих: пана Семена Резановича Летинского, пана Григорья Писочиньского а пана Федора Чувата Глуботиньского, пытаючи ее, для которое причины то мне учинила, и упоминаючи, абы ся в томъ неслушномъ а непристойномъ учинку своемъ узнала и маетность мою мне отдала, а зо мною водле присяги своее в стане малженскомъ мешкала. Она не толко абы ми маетност мою отдати и о мешканье зо мною в малженстви што слушного через тых приятелей моих отказати мела, але есче оных приятелей моих не учстивши отправила.—И просилъ пан Иванъ Болобанъ, абы тое оповедане его до книг кгродскихъ было записано; што я записати казалъ.

Книга гродская Владимірская 1589 г., № 965, л. 483.

CXIII.

Жалоба дв. Василія Васильевича Загоровскаго о томъ, что княгиня Магдалина Сокольская, обезпечивъ его формальнымъ обѣщаніемъ выдать за него въ замужество дочь свою княжну Ганну, на самомъ дѣлѣ выдала ее за другого и тѣмъ ввела жалобщика въ большіе убытки. 1593 года, сентября 22.

Року тисеча пятсот деветдесят третего, месеца сенгебра двадцат второго дня.

На вряде кгродском, в замку его королевское милости Луцком, передо мною Алекъсандром Семашком на Хупъкове, капта-

ляном Браславским, старостою Луцким, очевисто у книг постановившися, урожоный его милость пан Василей Василевич Загоровский, каштальянович Браславский, осветчался, жаловал и оповедал тыми словы: иж дей в року нинешнем деветдесят третем, в мясопусты посту великого, за неоднокротными и перед тым за старанем моим, обетницами и упевненем через певных панов а приятел моих, будучи мне не пооднокрот в дому еи милости кнегини Марковое Соколское панее Макгдалены Якацкого, стараючися собе о приятеля до стану светого малженского, о девку ее милости княжну Ганну, которая то ее милость кнегиня Соколская, за старанем моим, мене рукодайне через певных панов приятел моих в том упевнила и певное постановене через приятелей моих зо мною учинила, иж девку свою княжну Ганну певне за мене в стан светый малженский дати мела, прирекла и обецала; чого я будучи певен, уфаючи застановеню, обетници и приреченю слова ее милости, стараючися и готовячися на веселе, такъ же и упоминки панне даючи и отсылаючи, не малый коштъ и утрату поднял. А ее милость, пропомневши оного застановеня, обетници и приреченя слова своего, мене до немалых шкод, утрат, кошту и накладов приправивши, шацунком десят тисячей золотых полских, зо мною оного застановеня, обетницы, упевненя и приреченя слова не здержавши, оную девку свою княжну Ганну за его милость князя Чорторыского в стан малженский отдала. О которые то преречоные шкоды и утраты свои его милость пан Загоровский зъ ее милостью кнегинею Соколскою протестуючися и оповедаючи правом чинити, то себе записати дал.—А такъ я тое оповедане и осветчене его милости пана Загоровского до книг кгродских Луцких записати казал.

Книга гродская Луцкая 1593 г., № 2076, л. 432.

CXIV.

Разводъ дв. Волицкихъ.

I. Запись дв. Яна Волицкаго о томъ, что, въ виду болѣзненнаго состоянія жены его Θедоры Головинской и согласно ея желанію, онъ навсегда освобождаетъ ее отъ брачнаго союза съ нимъ. 1594 года, 26 генваря.

II. Такого же содержанія запись, выданная Θедорой Головинской мужу, съ предоставленіемъ ему права вступить въ бракъ съ другимъ лицемъ. 1594 года, 26 генваря.

I.

Року тисяча пятсот деветьдесятъ четвертого, месеца февраля второгонадцать дня.

На вряде кгродском, в замку господарскомъ Луцком, передо мною Щаснымъ Кгаленскимъ, подстаростим Луцъкимъ, постановивъшися очевисто, урожоный панъ Янъ Волицъкий з Волицы устне и доброволне сознане свое учинилъ, водлуг листу, доброволного запису своего, который от себе, подъ печатю и съ подъписомъ руки своее, под печатми и съ подписом рукъ людей зацныхъ, дал шляхетне урожонои панеи Федоре Головинъского, бывшои Федоровои Черевчеевои, которую былъ за малъжонъку собе взялъ,— на вызволенъе зъ стану малженъского, а то для хоробы ее, которою Пан Богъ ее наведити рачилъ, яко ширей в ономъ листе описано и доложоно есть, и водлугъ оного помененого листу своего сознанъе свое очевистое учинивъши и оный листъ свой на вряде, передо мною, положивши, просилъ, абы былъ до книг справъ кгродских вписанъ; которого для вписованя до книгъ приймуючи, перед собою читати казалъ, и такъ се в собе маютъ: „Я Янъ Волицкий з Волицы чиню явно и вызнаваю симъ моимъ доброволнымъ записомъ, кому бы то ведати належало, людем веку тепе-

решнего и напотомъ будучим: ижъ што-м былъ часовъ недавно минулых уступилъ, за презренемъ Божимъ, в станъ светый малженский и собе за малжонъку взял панюю Федору Головинского, бывшую Черевчиевую, а ижъ ее Панъ Богъ великою хоробою наведити рачилъ, частокрот прозбами усилуючи мене в том, абым ей того позволилъ и от себе з малженства моего вечными часы волною учинил, што я, помененый Янъ Волицъкий, бачечи такъ тую великую хоробу, яко тежъ и частые прозьбы ее ку собе, а розумеючи то, ижъ вже я з нею мешканя в стане светомъ малженскомъ мети не буду,—симъ листомъ моимъ, от мене, помененого Яна Волицкого, ей даным, з малженства моего помененую Федору Головинъского теперъ и на вси пришлые вечные часы от себе ее волною чиню и вже до жадного суду права духовного и свецкого о малженство позывати а ни якое причины в томъ до нее вечными часы мети не маю и мочи не буду, якоже-мъ и перед судом духовнымъ в парафии ее вызволенъе помененои Федоры, бывшое малъжонки моее, ставши, очевисто вызналъ и волною ее от себе учинилъ вечными часы. И побравъши всю маетностъ мою от мала и до велика, ничого не зоставуючи, о нее мовити самъ презъ себе и презъ жадную особу, в нее самое и въ брати и въ повинных впоминатисе не маю о то часы вечными. А если бымъ я, помененый Янъ Волицъкий, пропомневши сего листу, доброволного запису моего, знову якую трудность панеи Федоре Головинскои задавалъ и ее потомъ до малженъства своего притегал, тогды маю и повиненъ буду, яко певного и позычоного долгу, заруки ей самои, албо тому, в кого сесь листъ, запис мой, будетъ, заплатити тисечу копъ грошей литовскихъ и вси шкоды и наклады, што бы собе меновала, албо меновалъ, на голое реченъе платити; о што будет волно кождому, в кого сесь листъ мой будетъ, мене до кождого вряду и права позвати, якимъ колвекъ рокомъ похочетъ; а я, не отзываючисе волностъю правъ, а ни оселостю въ томъ повете, заразомъ стати, там же у того суду усправедливитися маю и повиненъ буду, не збиваючи позву, а ни буречи року;

а судъ кождый, до которого позванъ буду, воленъ и моц мети будет на вшелякои маетъности моеи, лежачои и рухомои, и на самои особе моей отправу учинити, в чомъ я не спротивлючисе, в томъ во всемъ иститисе маю и повиненъ буду, не беручи собе жадных оборонъ правных, в статуте и в констытуцыяхъ описаныхъ, а ни апелюючи до суду головного и до его королевъское милости, тое все выполнити маю; а предъсе сесь записъ мой во всимъ при зуполной моци за кождымъ разом зостати маетъ. Помнечи теж на зычливост и пилное старанъе и накладъ мой, приводечи ее ку доброму здоровю, дала мне, а я от нее взялъ, одиннадцать сотъ золотых полских и пят золотых полских, то ест чотыриста копъ и сорокъ две копе грошей личбы литовское. А на то есми дал панеи Федоре сесь мой листъ, доброволный записъ, с печатю моею и с подписомъ властное руки моее пополску. А при томъ были и того добре сведоми и за устною а очевистою прозбою моею печати свое к сему моему листу, доброволному запису, приложит и руки свое подписати рачили их милости панове: его милость пан Юрей Киръдей Мылский на Домбровицы, панъ Богданъ Омеляновичъ, староста Степанъский, панъ Янъ Тременский, панъ Самоель Повъченский, панъ Войтехъ Криницъкий а панъ Тимофей Браньский, енералъ воеводства Волынского. Писанъ у Степани, року от нароженъя Исусъ Христа тисеча пятсот деветьдесятъ четвертого, месеца генъвара двадцат шостого дня. У того листу печатей семъ, а подписъ рукъ в тые слова: Ian Wolicsky z Wolice ręką własną. Богданъ Омеляновичъ, староста Степаньский, рука власна. Ian Trzemiensky ręką swą. Самоелъ Повченъский власною рукою. Woyciech Krzynicky ręką swą. Тимофей Браньский, возный енералъ, рукою власною".—А такъ я тотъ листъ, записъ пана Яна Волицъкого, за доброволнымъ сознанъемъ его, до книгъ справъ кгродскихъ Луцких записати казалъ.

Книга гродск. Луцк. 1591—1594 г., № 2101, л. 656 об.

II.

Року 1594, месеца февраля второгонадцат дня.

На вряде... (*какъ выше*) постановившися очевисто, панъ Тимофей Головинъский, именемъ сестры своее, панее Федоры Яцковны Головинской, оповедал и ку записаню до книгъ покладалъ листъ, запис помененои сестры его, подъ печатъю ее и подъ печатми и с подписми рукъ людей зацныхъ, бывшому малжонку ее пану Яну Волицкому даный, вызволяючи его з малженства своего вечными часы, который лист, записъ, положивши передо мною, просил панъ Головинъский, абы былъ принятъ и в книги кгродские Луцкиѐ уписанъ. А такъ я того листу огледавши и его для вписованя до книгъ принявъши, перед собою читати казалъ, и такъ се в собе маетъ: „Я Федора Яцковна Головинского чиню явно и вызнаваю сим моимъ доброволнымъ записомъ, кому бы то ведати належало, людемъ веку теперешънего и напотомъ будучимъ: ижъ што-мъ была часовъ недавно минулыхъ уступила, за презренемъ Божимъ, в станъ светый малженъский за пана Яна Волицъкого, а ижъ мене Панъ Богъ барзо великою хоробою наведити рачилъ, о што частокротъ просила есми пана малъжонка своего в томъ, абы мне того позволилъ и от себе з малъженъства своего вечными часы волною учинилъ; што панъ малжонокъ мой, бачечи такъ тую барзо великую хоробу мою, яко тежъ уваживши частые прозбы мое ку собе, а розумеючи то, иж я вже з нимъ мешканя в стане малженскомъ мети не могу, листомъ своимъ, на то мне данымъ, з малженства своего теперъ и на вси пришлые вечные часы от себе мене волною учинилъ, также и я его милость пана Яна Волицкого от малженъства своего вызволяю, позволивши его милости оженитисе, и симъ листомъ моимъ на вси пришлые вечные часы волнымъ чиню и вже до жадного суду и права духовного и свецкого о малженство позывати его а ни якое причины в томъ до

него вечными часы мети не маю и не буду; якоже-м перед судомъ духовнымъ вызволенъе помененому пану Яну Волицкому, ставши, очевисто вызнала-мъ и волнымъ его от себе учинила есми. А еслибым я, пропомневши сего листу, доброволного запису моего, знову якую трудность пану Яну Волицъкому задавала и его потомъ до малъженства потегала, тогды маю и повинна буду, яко певного и позычоного долгу, заруки ему самому, албо тому, в кого сесь листъ, доброволный записъ мой, будетъ, заплатити тисячу копъ грошей литовъскихъ и вси шкоды и наклады, што бы собе меновалъ, на голое реченъе платити, о што волно будетъ кождому тому, в кого сесь листъ будет, мене до кождого вряду и права позвати, якимъ колвекъ рокомъ похочетъ, а я, не отзываючисе волностъю правъ, а ни оселостю в томъ повете, заразомъ стати и тамъ же, у того суду усправедливитися маю и повинъна буду, не збиваючи позву, а ни буречи року; а судъ кождый, до которого буду позвана, воленъ и моцъ мети будетъ на вшелякой маетности моей, лежачое и рухомое, и на самое особы моее отправу учинити, в чомъ я не спротивъляючисе, в томъ во всемъ иститисе маю и повинъна буду, не беручи собе жадных оборонъ правныхъ, в статуте и в констытуцыяхъ описаных, а ни апелюючи до суду головного и до его королевское милости, тое все выполнити маю; а предъсе сесь записъ мой во всемъ при зуполное моцы зостати маетъ. Помнечи тежъ зычливость и пилное старанъе и накладъ пана Волицкого, приводечи мене ку доброму здоровю, дала есми ему одиннадцать сотъ золотыхъ полскихъ и пят золотыхъ, то естъ чотыриста копъ, сорокъ копъ и две копе грошей литовское личбы, и всѣ тые речы, которые онъ при бытности и сполном мешканю нашомъ, так и от мене маючи, яко тежъ и без бытности моее отдалъ што кому и даровал и што се справило с коморы, з оборы и з гумна, за тое я а ни повинные мое и близкие того доходити не маютъ. И на то есми дала пану Яну Волицъкому сесь мой доброволный листъ подъ печатъю моею; а при томъ были и того добре сведоми и за устною очевистою прозьбою моею печати свое

к сему моему листу приложити и руки свое подъписати рачили ихъ милость панове: (*тѣ же, что въ предыдущемъ актѣ*). Писанъ у Степаню, року от нароженья Исусъ Христа тисяча пятсотъ деветьдесят четвертого, месяца генъвара двадцать шестого дня. У того листу печатей семъ, а подписъ рукъ тыми словы: (*слѣдуютъ подписи тѣхъ же лицъ*).—А такъ я, тот листъ пани Федоры Яцковъны Головинъского принявши, до книгъ кгродских Луцких записати казалъ.

Книга гродск. Луцк. 1591—1594 г., № 2101, л. 660 об.

CVX.

Дворянка Дорота Петровская, разведшись съ мужемъ, уничтожаетъ выданную имъ дарственную запись на денежную сумму и на право опеки дѣтьми, а равно обязывается не требовать отъ него своего приданаго. 1594 года, 29 генваря.

Року тисяча пятьсотъ деветьдесят четвертого, месеца генваря двадцат девятого дня.

На рочъках судовых кгродских Луцкихъ, дня двадцатого месеца генвара, в року звышънаписаном припалыхъ и судовне отправовати зачатых, перед нами Щасным Кгалезскимъ, подстаростимъ, а Матеемъ Стемпъковъскимъ, судьею, врядъниками судовыми кгродскими Луцкими, постановившися очевисто у суду, урожоная пани Дорота з Ратошина, бывшая пани Станиславовая Петровская, с позволенъемъ приятел своих, тут же особами у суду будучихъ, паномъ Криштофомъ и паномъ Томашемъ Сестритовъскими, на вси описаные речи призволяючими, доброволне сознала, водлугъ

листу, доброволного запису своего, который от себе, с печатъю своею и с печатми и с подъписомъ рукъ людей зацъных, бывшому помененому малжонъку своему пану Станиславу Петровъскому на выречене и вечное квитоване з сумы, которую записаную мела от пана Петровского, тисячу золотыхъ полскихъ, и з опеки детокъ и маетъности своее дала, яко ширей в ономъ листе описано естъ, и оный листъ передъ нами у суду покладала и просила, абы при устномъ сознанъю ее и тотъ листъ до книгъ кгродъскихъ Луцкихъ вписанъ былъ; которого мы для вписованъя до книгъ приймуючи, перед собою читати казали, и такъ ся в собе маетъ: „Я Дорота з Ратошина, бывъшая Петровъская, всимъ посполите и каждому з особна, кому бы одно того была потреба ведати або чтучи слышати, нинешънимъ и напотомъ будучимъ завжды, ознаймую и явно чиню тымъ листомъ, записом моимъ доброволнымъ: ижъ што мне был дал и записал, з ласки своее, листом, записом своимъ добровольнымъ, под датою в Люблине, року тысяча пятьсотъ деветьдесятъ третего, месеца июня двадъцать второго дня, подъ печатъю своею и с подъписомъ руки своее и под печатъю людей добрых и с подъписы рукъ их, тисячу золотыхъ полскихъ личъбы полское долъгу на маетности своее вшелякое, подъ кондыцыями, в записе оном описаными, урожоный панъ Станиславъ Петровский съ Сестретова, бывший малжонокъ мой, который тотъ листъ и выпис свой в року близко проминулом деветдесят третемъ на рокохъ земъскихъ Володимерскихъ, у Володимеру, о святе Троицы святои отправованых, месеца июля осмого дня, перед судом земъскимъ ставши, очевисто был созналъ и оного до книгъ земъских судовых Володимерскихъ слово в слово, яко ся в собе маеть, вписати казалъ; тогды я Дорота з Ратошина, за ведомостью, волею и радою и зезволеньемъ братьи, кровных и повинъных своихъ нижей помененых, он запис со въсими его кондыцыями во въсемъ касую, умораю и внивечъ оборочаю и з него пана Станислава Петровъского квитую и на вечные часы его самого и потомъки волными чиню, вкладаючи тымъ нинешним листомъ, записомъ моимъ, сама

на себе и на потомъки свое вечъное молчане: южъ отъ того часу дня и даты, нижей в томъ листе помененого, яко я сама, такъ и нихто з близкихъ, повиноватыхъ, кровъных и потомъков моих, в помененого пана Станислава Петровского и в потомъков его яко помененое тисячи золотых мне записаных, такъ опеки ниякое, яко болшъ тежъ золота, серебра, пенезей, цыны, меди, коней, шатъ, перел и иных речей рухомых, яким колвекъ назвискомъ названых, в дом его через мене внесеных, яко тежъ болшъ и на ким презен вытягненых и в дому его при нем зосталых, на веки вечъные николи ся ничого впоминати и оного и потомъков его о то до жадного права, суду, вряду, з жадное вымыслъное меры потегати и до права николи позывати и трудности ниякое задавати не маю и не буду могла с потомъками своими, под нагороженем шкод вшеляких на его и потомъковъ его, на голое реченъе слова, кромъ вшелякого доводу правъного и присяги телесное. И на то-мъ я Дорота з Ратошина дала тотъ листъ мой доброволный под моею печатъю и подъ печатьми панов брати и приятел моихъ, пана Криштофа и Томаша Сестретовъскихъ и пана Андрея Домората, пану Станиславови Петровъскому, которые за устною прозбою моею и за ихъ милости волею и позволеньем печати свое до того квиту, листу моего, приложили и руками ся своими, которые умели писати, подъписали. Дан и писанъ в Луцку, по нароженью Сына Божого тисяча пятсотъ деветьдесятъ четвертого, месеца генвара двадцат девятого дня".—У того листу печатей пят и подпис рукъ в тые слова: Za żądaniem pani Pietrowskiey, ręką się swą podpisałem Krzysztof Siostrzetowskij. Tomasz Siostrzetowskij.—Который же то лист, за жеданьемъ панее Дороты з Ратошина, бывшое пани Станиславовое Петровъское, естъ принят и слово от слова до книгъ справ кгродских Луцких уписанъ.

Книга гродск. Луцкая 1594 г., № 2101., л. 648.

CXVI.

Неурядица въ семьѣ князя Воронецкаго.

1. Жалоба княгини Марины Воронецкой о томъ, что мужъ ея князь Станиславъ безъ ея вѣдома перевелъ на имя брата имѣнія Щуринъ и Ясеновку, которыя раньше записалъ ей въ обезпеченіе долга и въ пожизненное пользованіе. 1594 года, 2 октября.

Року тисеча пятсот деветдесят четвертого, месеца октебра второго дня.

На вряде кгродскомъ, в замку господарском Луцком, передо мною Александромъ Семашкомъ на Хупъкове, кашталяномъ Браславскимъ, старостою Луцкимъ, ставши очевисто, ее милость пани Марина Ивановна Гулевичовна Смолиговского кнегиня Станиславовая зе Збаража Воронецкая оповедала и протестовала на его милостъ князя Станислава зе Збаража Воронецкого, малъжонка своего: ижъ дей тот то помененый малжонокъ муй княз Станиславъ Воронецкий, понявши мене собе в малженство и мешкаючи зо мною час немалый статочне и пристойне, взявши у мене сумы пѣнежныи, на записы свое позычоные, ку тому и всю маетность мою рухомую от мала до велика во владъност свою, на имѣнъяхъ своих и на всѣх добрах своих вароволъ; а потом, видечи по мнѣ вшелякую склонностъ и зычливост пристойную до себе, дал и даровалъ и до книг вызнал на добрах своих Щуринских мне дей доживотное и волное мешкане и уживане тых всѣхъ добръ своихъ, о чомъ всемъ ширей в оных записех, од его милости даных мне, естъ доложоно. То пакъ дей, взявши раду от приятелей своихъ и хотечи мене зо всѣхъ сумъ моих позычоныхъ рукоданых одъбити, а мою властностъ и зобране першого малжонка моего пана Себестияна Богушевича Приборовского детемъ своимъ обернути, а мне тое сумы абы не отдати и не заплатити, имѣнья свои одъ тыхъ записовъ высвободити и з доживотя моего выняти,

ку шкоде таковому праву моему, чинячи снат розные протестацые, и кому иному, такъ некоторым особам, яко мя ведомость доходит, записы ниякие и мемраны подавалъ и дае. Прото я, постерегаючи в том права моего, на тые добра маючого, абы до якое вонтпливости напотом не пришло, с таковым моим правом и держаньем тых добръ на вряде тутошнемъ протестую и оповедаю, же оного стеречи и тых добръ держати яко ест, такъ и буду.—Которое то оповедане кнегини Воронецкое естъ до книгъ кгродских записано.

Книга гродск. Луцк. 1594 г., № 2077, л. 1255 об.

Примѣч. Раньше, 4 іюля 1594 г., княгиня Марина жаловалась на брата своего мужа, князя Матуша Воронецкаго, о наѣздѣ на им. Щуринъ, причемъ онъ мужа ея кн. Станислава, „в лѣтехъ подойшлого, ктому здоровья неспособного, отъ нея зъ двора кгвалтомъ взялъ", имѣніе ограбилъ, даже „звонъ от церкви зъ звоницы взялъ". Книга № 2077, л. 850. *Ред.*

---

2. Князь Станиславъ Воронецкій жалуется, что незаконно титулующая себя его женой Марина Гулевичевна, вмѣстѣ съ зятемъ своимъ, а его сыномъ, кн. Станиславомъ, забравъ имущество жалобщика, оставила его безъ всего необходимаго и уѣхала въ свое имѣніе, вслѣдствіе чего онъ вынужденъ былъ искать пріюта у своего брата кн. Матуша и отдаться ему въ опеку. 1594 года, іюля 13.

Року тисеча пятьсотъ деветьдесятъ четвертого, месеца июля третегонадцат дня.

Пришодши на врядъ кгродский, в замок господарьский Луцкий, до мене Александра Семашка на Хупъкове, кашталяна Браславъского, старосты Луцкого, урожоный князь Станиславъ Зба-

разский на Щурыне, самъ обтежливе и жалосне оповедалъсе: иж дей дошла мя вѣдомость, же пани Марина Гулевичовна, которая се менит быти жоною моею, а не есть, бо-мъ шлюбу з нею не брал, оповедала на вряде тутошнем кгродском Луцкомъ, якобы братъ мой рожоный его милость княз Матушъ Збаразский, столникъ земъли Киевское, мѣлъ, наехавши на двор мой Щуринский, на имѣнье Щуринъ и Ясеновку, мене самого кгвалтовне з двора взяти, маетность ее и дочъки ее побрати, такъ тежъ подданым розные грабежи починити. Тогды дей с тым се перед вашмостю протестую, иж то на пана брата моего есть явная потвар змышленая, бо брат мой княз Матушъ николи на двор мой Щурин, на имене Щуринское и Ясеновку не наежджал и мене кгвалтом не брал, так теж маетности ее а ни дочки ее тамъ не бралъ, бо там они жадное маетности не мѣли, так тежъ и до Щурина жадное потребы а ни права не маютъ, а ни подданымъ жадных грабежов не чинил; але она сама, менечи се быти жоною моею, з сыномъ моим молодшимъ а з зятемъ своим Станиславом вперед̃ъ еще добре перед сим часомъ мене зрадила, маетность мою, золото, серебро, шаты, клейноты, листы, записы, привилея, мамрамы от мене одно потаемне, а другое кгвалтомъ побрали и пограбили от мала до веля, мене ни причомъ зоставили, рѣчи церковные всѣ такъ же съ церкви побрали и пограбили, а мене самого в дворѣ затворивши, не давши мнѣ ничого ни ѣсти, ни пити, а ни чимъ ся приодѣти, въ дворѣ покинули, ажемъ заледво, упросивши чоловека, на подводцы до князя Матуша, брата моего, приехалъ, и ажъ з особливое доброти своее ее милость кнегиня братовая моя кнегиня Матушовая одѣнем и иншими вшелякими потребами опатрыти мя рачила. И от того часу, милостивый пане старосто, Пану Богу всемогущому а его милости князю Матушу, брату моему, самъ себе и маетность мою лежачую, то ест именъе Щурин и часть в Ясеновце в опеку даю и подъ ласкавую оборону и опатрене поддаю, даючи ку тому право на имене Щурин, от мене князю Матушу на суму пенезей даное, нинешним сознаньемъ мо-

имъ при тои опеце стверждаю и змоцняю и с тым се перед вашмостю протестую. А што дей тая мниманая жона моя тут до вряду на князя брата моего вносит протестацыи, то суть рѣчи пленные, змышленые, и тым вѣры ваша милость давати не рач, бо я жадное кривъды от князя брата моего не маю, але от нее самое, тое мниманое жоны моее, и от зятя ее князя Станислава, яко о том по-достатку на протестацыях, реляцыях, записахъ, позвехъ и на всемъ поступъку правномъ, противко оной учиненомъ, есть описано и доложоно.—И просил его милость князь Станиславъ, абы то все для памети до книг было записано; што-мъ я записати росказалъ.

Книга гродск. Луцкая 1594 г., № 2077, л. 908.

---

3. Тотъ же князь Воронецкій жалуется на «жену свою нешлюбную» Марину о томъ, что она вмѣстѣ съ дочерью своею, а его невѣсткою, хотѣла силою увезти его въ свое имѣніе. 1594 года, іюля 24.

Року тисеча пятьсотъ деветьдесятъ четвертого, месеца июля двадцат четвертого дня.

Писал и присылал на вряд кгродский, в замокъ господарский Луцкий, до мене Александра Семашка на Хупъкове, кашталяна Браславского, старосты Луцкого, его милост княз Станиславъ зе Збаража Воронецкий, жалуючи и оповедаючи на Собковую Богушевичовую Марину Ивановну Гулевичовну, жону свою нешлюбную, тыми словы: Иж дей яко дня двадцат третего июля я, яко будучи чоловек волный и никому ничого не виненъ, во йменю своем Счурине, праве о полудню, яко чоловекъ волный а хорый, уклалсе спат, тая незбожная бѣлая-голова, наехавши кгвалтовне на двор

мой и на вес Счурин, маючи при собе лотровства килкадесят з оружемъ, войне належачим, такъ теж и хлоповъ с косами, которые припадши в двор, стали мене шарпать, и сама власными руками своими з дочкою своею, невѣсткою моею Станиславовою, шарпаючи и душечи и на инших волаючи, абы мене вволокли до воза. Тые наймиты мои Ярмошъ, Хома и третий Грицъ, обачивши кгвалт мой и чуючи голос мой, стали мене ратоват и кгвалту волать; теды они почали ихъ бит, сечъ. Теды тыхъ хлопов килка, которые позостали, слышачи то, до двора побѣгли. Она, услышавши, та жона моя нешлюбная из с тыми лотрами своими, теды почали утекат, сподеваючисе, иж суседи мои, почувши то, мели мя ратувать, и поутекали. Способу не мѣлъ до пойманъя ее, бо тые наймиты мои поранены юж были од них шкодливе".—А такъ я тое оповедане князя Станислава зе Збаража Вороницкого до книг кгродских Луцких записати есми казал.

Книга гродская Луцкая 1594 г., № 2077, л. 934 об.

---

4. Жалоба того же князя Воронецкаго на сына своего князя Станислава, что онъ, дѣйствуя по наущенію своей тещи и вмѣстѣ мачихи Марины Гулевичевны, «незбожной» жены жалобщика, наносилъ ему побои и выгналъ изъ имѣнія. 1600 года, ноября 7.

Року тисеча шестъсотъного, месеца ноябра семого дня.

На рочкох кгродских Луцъких, месеца ноябра второго дня в року теперешнем тисеча шестъсотном припалых и судовъне отправованыхъ, передо мною Миколаем Семашком на Хупкове, старостою и ключником Луцким, постановивъшися, урожоный его

милость князъ Станиславъ зе Збаража Воронецкий обтежливе ускаржался и оповедал на сына своего Станислава Станиславовича Воронецъкого и на жону свою Марину Гулевичовъну, тесчу того-то сына своего Станислава, который то „сын мой Станиславъ, пропомневъши боязъни Божое, ушанованъя мне, родича своего, в летех зошлого и уломного, и срокгости права посполитого, на таковых сынов злых постановеного, яко не пооднокротъ, часовъ розных, змовившися изъ жоною моею, абы мя из сего свѣта згладили, всю маетъност мою заграбивъши и посягнувши, мимо иншие сыны мое, молодшую братю его, хотечи их зо всего вытиснути, мне, чоловеку старому, кривды незносные чинил, бъючи, мордуючи мене, родича своего, з Мариною Гулевичовною, жоною моею а тешчою своею, и на руку мене схромил, выгнавъши мене з маетъности моее Щурина, жем се по чужих кутах вшенды волочити мусел, голод, зимно и недостаток терпилъ и праве у людей хлеба жебрал, и кгдым которого колвек часу до маетъности моее Щурина пришол, онъ, небачный сын мой Станиславъ, которого вже я за сына доброго и цнотливого не поличам, мене до маетности моеи пустит не хотел, але овшемъ за бороду торгалъ, киями бил и зъ двору моего псы пчвалъ, всю маетъност мою от мала до велика з жоною моею Мариною, тесчою своею, побравши. Которого то тиранства и нендзы своее уже болшъ знести есми на собѣ не могъ, промышлялемъ о то, абы до маетности своее пришол и болшъ нендзы тое вже не терпелъ, маючи Пана Избавителя своего на помочъ, ижъ ми поможетъ на незбожную жону и сына, року тисеча шестъсотного, месеца октебра двадцет девятого дня приехалем сам до своее власное маетъности, до именя своего Щурина; там же сын мой Станислав, обачивъши мене, ижем до двора приехал, там же, снат подпивши собе горѣлки, скочивъши до мене, замест витаня почал ме з дому в шию выпихат. Я-мъ теж, крикнувъши на челяд свою, которую на тот час при собе мел, порвавши есми того-то лотра, незбожного чоловека, сына своего, а ижъ ми Богъ помогъ, яко старому, на него, кием есми его приложивъши, з двора выгнал

зъ жоною и детми его; который то, слышу, знову збираетъсе изъ жоною моею, хотечи мене в дому моем наехати и мене замордоват, от которых есми частокрот ледве здоровем утекал. Если бы се што стало мне, то ни от кого, одно от жоны моее и от сына моего Станислава. И прошу, абы тое оповедане мое до книг было записано".—А так я, тое оповедане принявши, до книг кгродских Луцъких записати казал.

Книга гродск. Луцкая 1600 г. № 2111, л. 119.

Примѣч. Считаемъ излишнимъ помѣщать другіе документы изъ этого очень сложнаго и запутаннаго дѣла, длившагося много лѣтъ и окончившагося ничѣмъ. Для нашей цѣли важно лишь установить два факта, достаточно уясняемые приведенными документами: 1) Князь Станиславъ Воронецкій много лѣтъ прожилъ въ бракѣ съ Мариной Гулевичевной, вдовой дв. Собка (т. е. Севастьяна) Богушевича, выдалъ ей нѣсколько записей на свои имѣнія, самъ получилъ отъ нея дарств. запись на 500 копъ гр. лит. (кн. № 2077, л. 950)—и во всѣхъ этихъ актахъ Марина титулуется его „малжонкою", „княгинею Станиславовою Воронецкою". И только, разойдясь съ нею, вслѣдствіе ссоры, онъ одно время не хочетъ признавать ее своею женою, такъ какъ она „шлюбу (т. е. церковнаго брака) зъ нимъ не брала", или называетъ ее „нешлюбною жоною"; но въ дальнѣйшихъ жалобахъ онъ снова титулуетъ ее „жоною", хотя и „незбожною", т. е. не имѣющею Бога въ сердцѣ. 2) Въ то же время родной сынъ кн. Станислава Воронецкаго отъ первой жены, тоже Станиславъ былъ женатъ на дочери своей мачихи (отъ перваго ея мужа) Галшкѣ Собковнѣ Богушевичовнѣ, т. е. на своей сводной сестрѣ. Хотя въ то время браки не рѣдко заключались въ довольно близкихъ степеняхъ родства жениха и невѣсты, но другого, подобнаго настоящему, примѣра кровосмѣшенія намъ пока не приводилось встрѣтить въ актовыхъ книгахъ. *Ред.*

CXVII.

Не состоявшійся разводъ дв. Згличинскихъ.

1. Запись дв. Павла Згличинскаго о томъ, что, исполняя декретъ Луцкаго бискупа, отказавшагося развести его съ женою Ганною Монтовтовною, онъ испросилъ у жены прощеніе за жестокое обращеніе съ нею и, за поручительствомъ трехъ шляхтичей, далъ обязательство вести мирную супружескую жизнь. 1595 года, генваря 16.

Року тисеча пятсот деветдесят пятого, месеца генвара шестнадцатого дня.

На вряде кгродскомъ, в замъку господарском Луцком, передо мною Щаснымъ Кгалезскимъ, подстаростим Луцким, постановивпися очевисто, урожоный пан Павел Зкгличинъский устне а доброволне, водлугъ листу, запису своего, который от себе под печатю и с подписом руки своее, также под печатьми и с подписом рукъ людей зацных, малжонце своей панеи Ганне Монтолтовне Павловое Зкгличинское дал, сознане свое учинивши, же с помененою малжонкою своею в малжонстве мешкати и водле декрету его милости ксендза бискупа Луцкого противко нее во всем заховати мает, яко ширей меновите и по достатку о том всем описано и доложоно ест; якож и тот лист передо мною на вряде положивши, просил, абы был до книг кгродских Луцких вписан; которого я, для вписованъя до книг примуючи, перед собою читати казал, и так ся в собе маеть: „Я Павел Зкгличинъский явно чиню и сознаваю сим моим листом, доброволным записом, иж што первей сего о некоторые речи я з малжонкою моею панею Ганною Монтолтовною Павловою Зкгличинскою мели есмо росправу в суде духовном, перед ксендзом официялом костела столечного Луцкого светое Тройцы, а то за жалобою вперед речоное малжонки моее на мене о везенъе и о неслушное каране и охромене ее на члонку от мене, за чим есмо з обеюх сторон розводу ся домовляли, которая

справа за тым через декрет ксендза официялов скончона на он час не была и до его милости в Бозе велебного ксендза Берната Мациевского, бискупа Луцкого и Берестейского, отложона и завешона была. А кгды в року нинешнем, тисеча пятсот деветдесят пятом, месеца генвара третегонадцат дня, перед его милост ксендза бискупа Луцкого тая справа приточила, теды есмо з обеюх сторон перед его милостю тыежъ контроверсии учинивши, до розводу есмо ся мели; толко ж через декрет его милости кзенза бискупов с певных, в декрете менованых причин волни-сми з обу сторон розводом от себе быт не могли, але водле декрету его милости ксендза бискупа Луцкого повинен-ем был препросит малжонку мою, а препросивши, обручити трема шляхтичами, собе ровными, же юж от того часу мам в малженстве з малжонкою моею мешкат, яко декрет его милости ксендза бискупа Луцкого ширей в собе обмовляет. А прето ж я, помененый Павел Зкгличинский, чинечи досыт декретови его милости ксендза бискупа Луцкого, оную малжонку мою препросивши, трех шляхтичов способивши, то ест пана Юря Кошиковского, буркграбего Луцкого, пана Андрея Вилигорского и пана Станислава Янковского в поруце за себе дал, которые за мене рукойму врядовую учинили, и я тым листом, записом моим, обликгую, же с помененою малжонкою моею в малжонстве маю мешкати и во всем водле декрету его милости ксендза бискупа Луцкого заховати маю. И на том дал тот мой доброволный лист помененои малжонце моеи, под печатю и с подписом властное руки моее; а при том были и того добре ведоми и за устною а очевистою прозбою моею печати свое приложити и руки свое подписати рачили их милост панове: пан Иван Красенский, мостовничий Луцкий, пан Андрей Гулевич а пан Василей Ощовский. Писан у Луцку, року тисеча пятсот деветдесят пятого, месеца генвара шостогонадцат дня".—У того листу печатей чотыри и подпис руки в тые слова: Paweł Zgliczinsky ręką swą. Иван Красенский, мост. Луцкий, подписалъ. A. Hulewicz ręką swą własną. Василей Ощовский, рукою власною.—Который же то вышей ре-

чоный лист слово от слова, с початку ажъ до конца, до книг кгродских Луцких уписати есми казалъ.

Книга гродск. Луцкая 1595 г., № 2102, л. 30.

---

2. Примирившись съ мужемъ, Ганна Монтовтовна освобождаетъ его отъ судебной отвѣтственности за четырнадцатилѣтнее содержаніе ея въ тяжкомъ заключеніи, искалѣченіе и отнятіе имущества. 1595 года, генваря 15.

Року тисеча пятсот деветдесят пятого, месеца генвара шеснадъцатого дня.

На вряде кгродском, в замку его кор. милости Луцком, передо мною Александром Семашком на Хупкове, кашталяном Браславским, старостою Луцким, постановившися очевисто, врожоная пани Ганна Яновна Монтовтовна пани Павловая Зкгличинская устне и доброволне ку записаню до книг кгродских Луцких сознала, водле листу, доброволное квитанцыи своее, которую от себе, под печатю и с подписом руки своее и теж под печатми и с подписом рук людей добрыхъ, пану Павлу Зкгличинскому дала, и тот лист свой передо мною на вряде покладала и просила, абы был принят и до книг кгродскихъ Луцъких уписан; а так я, того листу огледавши и его для вписаня до книг приймуючи, перед собою читати казал, и так ся в собе маетъ: „Я Ганна Яновна Монтовтовна, малжонка пана Павла Зкгличинского, вызнаваю тым доброволным листом моим, иж штом я черезъ повинного приятеля своего пана Яна Кгалчинского, такъ теж и сама через себе до вряду

земского Луцкого внесла протестацые на малжонка своего пана Павла Зкгличинъского о побране маетности моее, которая ми ся немалая зосталася была по небожчику пану Казимиру Ледницким, малжонку моем першим, о побранъе сумы пенезей за маетност мою, от его милости пана Александра Семашка на Хупкове, кашталяна Браславского, старосты Луцкого, и малжонки его милости панее Барбары зе Збаража Порыцкое взятую, о тяжкое везене, почавши от року тисеча пятсот осмъдесятого, ажъ до року тисяча пятсот деветдесят четвертого, и уломъност на здоровъю, имъ охромене мое на чълонку, яко протестацые тые ширей в собе обмовляют. Теды я, взявши певную угоду о тые вси речи з малжонкомъ моим, з оных всих протестацый и объжалованъя, так от кревных и приятелей моих, яко и от мене самое учиненых, тым листом, доброволным записом моимъ, сама от себе, от братей, повинных, близких моих пана Павла Зкгличинского, малжонка моего, квитую и волным чиню часы вечными, а собе, потомком, близким, кревънымъ а щадкомъ моим вечное милчене зоставую; который лист, запис мой, на вряде кгродском Луцкомъ зознати маю, а его милости пану Павлу Зкгличинъскому, малжонку моему, волно будеть самому тот лист мой, с книг кгродских Луцких вынявши, до книг земских Луцких перенести. И на томъ дала пану Павлу Зкгличинскому сес мой лист под моею печатю и с подписом власное руки моее. А при том были и того добре сведоми и за устною и очевистою прозбою моею печати свое приложити и руки подписати рачили их милости панове и приятелѣ мои: его милость пан Иван Красенский, мостовничий Луцкий, пан Щасный Кгалезский, подстаростий Луцкий, а его милост пан Андрей Гулевич. Писан у Луцку, року от нароженя Сына Божого тисеча пятсот деветдесят пятого, месеца генваря пятогонадцат дня". У того листу печатей чотыри и подпис руки в тые слова: Hanna Montołtowna Pawłowa Zgliczinska własną ręką. Иван Красенский, мост. Луцкий, влостною рукою. Sczasny Galezskij, p. Ł., ręką własną. A. Hulewicz.—Который же то вышейменованый листъ, передо мною покладаный, за

прозбою панее Зкгличинское, слово от слова, с початку аж до конца до книг кгродских Луцких записати есми казалъ.

Книга гродск. Луцкая 1595 г., № 2102, л. 29.

CXVIII.

Декретъ Луцкаго магистратскаго суда по дѣлу о прелюбодѣяніи. 1596 года, ноября 20.

Року тисяча пятсотъ деветьдесят шостого, месеца ноябра двадцатого дня.

Передо мною Юремъ Кошиковскимъ, буркграбимъ и наместникомъ подстароства Луцкого, постановившися очевисто, Матысъ Славокгурский, енералъ воеводства Волынского, ку записаню до книгъ кгродскихъ созналъ: ижъ року теперь идучого деветдесятъ шостого, месеца июля двадцать третего дня, былемъ на вряде местскомъ, въ ратушу, на местъцу судовомъ, при врядникохъ въ месте его королевское милости Луцкомъ, славетныхъ панохъ: Богушу Ваньковичу, лантъвойту, Матфею Трушевичу, бурмистру, Михайлу Филиповичу, радце, и лавникохъ присяглыхъ: Семену, Михайлу Федоровичахъ а Савѣ Томиловичу, а на месту Кирила Демъяновича Павлу Брожковичу, тамъ же судъ потребный ведле права ихъ майдеборского былъ гаенъ, передъ которымъ судомъ загаенымъ балверчикъ, который ся называлъ быти именемъ Станиславъ, родомъ зъ места Велички, отъ Кракова, сынъ Яна Хрустеля, подданый короля его милости, и Ганна, жона столяра тутошнего Войтеха, мещанина Луцкого, были постановлены. Там же

очевисто будучи, опатрьный Войтехъ столяръ черезъ умоцованого, приятеля своего, шляхетного Криштофа Щуку, на того балверчика и жону свою жаловалъ тыми словы: ижъ сее ночи, о године третей, упросивши слугъ и сторожу у пана бурмистра, абы шолъ въ домъ свой, чуючи и бачечи не пооднокротъ жону свою стороны стану малженьского въ чужолозстве подойзреную, и кгдымъ тихо въ домъ свой зъ огнемъ пришолъ, засталемъ дей Станислава балверчика въ светлицы своей подъ лавою и жону свою надъ нимъ стоячую, закриваючи его, и зъ сторожами трома, на йимя Гаврило, Иванъ и Миско, черевики и капъци того балверъчика найшли подъ лужкомъ, а въ ложъку поясъ и шапку тогожъ балверчика; што и слуги врядовые Иванко и Федко подъ присягою сознали, же такъ было, а не иначей. А перъвей тотъ же балверчикъ за здоровье жоны моее палецъ середний у руки левое самъ собе утялъ, а потомъ не давно изъ мосту у Стыръ также за здоровье ее былъ ускочилъ. Якожъ не пооднокротъ такъ жону свою черезъ духовенство и приятели, повинные и суседы мое, яко и того балверъчика есми напоминалъ, абы въ дому моемъ не бывалъ, а она его не приймовала; але они не хотели въ томъ зломъ учинъку чужолозскомъ загамоватися. И надъ то показалъ сознане двохъ шляхтичовъ на писме: одного Ивана Жуковецкого, возного, а другого Лавринца Кглазовского, ижъ въ дому славетного Яна Шмоневского мелъ справу съ тою жоною своею Ганною о Войтеха шевчика стороны чужолозства, о чомъ достаточне на томъ сознаню есть доложоно. На которую жалобу Станиславъ балверчикъ, очевисто будучи, поведилъ: ижемъ „пилъ пиво въ дому Войтеха столяра, за которое-мъ зосталъ виненъ грошей пятъ, и тамъ есми обночовалъ и жадного учинку съ тою жоною Войтеховою сее ночи не пополнилъ, толко передъ тымъ сполокъ чужолозства зъ нею есми мелъ, палецъ утялъ и зъ мосту для нее въ реку скакалъ есми“. А Ганна, жона столярова, до жадного учинъку такового чужоложного се не знала, за которымъ ее непризнаньемъ сторона жалобливая Войтехъ въ томъ учинку поприсягнути ее

хотелъ, которому врядъ присягу учинити былъ наказалъ; которую Ганну врядъ разъ, два, три и четвертый надъ право пыталъ: если же бы того учинъку чужоложного была дейцею, албо нѣ? Ганна, не припускаючи Войтеха, мужа своего, до поприсягненья, поведила и сознала учинокъ свой чужоложный, ижъ съ тымъ балверчикомъ Станиславомъ мела. Врядъ, выслухавши жалобы и отпору обеехъ сторонъ, а бачечи то, ижъ о учинокъ чужоложный идетъ, прихиляючися до права посполитого Майдеборъского, листу пятдесятъ второму, въ Саксоне описаному, где стоитъ написано, ижъ „на чужоложъстве пойманый маетъ быти стятъ, а то тые суть, которые ся зъ мужатками лучатъ, албо сами, жоны маючи, з ынъшими ся кладутъ, и што такъ мужъчизна, яко и белая голова, однаково маютъ быти караны“. За которымъ доброволнымъ признаньемъ Станислава балверчика и Ганны Войтеховое, столяръки, жоны мужа тое, сказали, абы обое мечемъ были караны и за таковый учинокъ заплату взяли. Якожъ кгды на пляцъ передъ ратушъ обое сполне, Станиславъ балверчикъ и Ганна столярка, отъ мистра на екъзекуцыю были выведены, там же оная Ганна столяръка за тотъ выступокъ заплату взяла и презъ мечъ естъ скарана, а Станиславъ балверъчикъ, не ведати, если за якимъ уфолкгованемъ мистровымъ, чили такъ за припадъкомъ якимъ не стятъ, толко у шии ображонъ, съ пляцу живо увошолъ.—Которое то сознанье менованого возного до книгъ кгродскихъ Луцкихъ естъ записано.

Книга гродская Луцкая 1596 г., № 2104, листъ 868.

CXIX.

Жалоба вдовы Волынскаго подвоеводы Софьи Букоемской о похищеніи ея шляхтичемъ Войтехомъ Доманковскимъ и принужденіи, помощью угрозъ и насилія, ко вступленію въ бракъ съ нимъ. 1598 года, февраля 9.

Року тисеча пятсот деветдесят осмого, месеца февраля девятого дня.

Пришедши очевисто на уряд кгродский Луцкий, до замку господарского, до мене Щасного Кгалезского, подстаростего Луцкого, вже по смерти годное памети пана Александра Семашка на Хупкове, кашталяна Браславского, старосты Луцкого, ее милость пани Зофея з Свидна, позосталая малжонка некгды урожоного пана Адама Букоемского, подвоеводего Волынского, з великим жалем, плачливе светчилася и оповедала (а то прихиляючися до перших протестацый, тутъ, на тутошнем уряде кгродскомъ Луцкомъ через слугу своего, шляхетного Петра Доманского учиненых) в тые слова: „Мой ласкавый пане подстаростий! Плачливе светчуся и ускаржаю на ниякого Войтеха Доманковского, яко принципала учинку нижей описаного, а паны Яна Шлятковского и Матея Лешневского, помочниковъ,—которые, пропомневши боязни Божое, милости ближнего, не паметаючи ничого на срокгость права посполитого, на убойцы и кгвалтовники уфаленого, з много иных помочниковъ своих, которых они имена и назвиска лепей ведаютъ, з арматою, войне приналежачою, обычаемъ розбойничимъ, о колкодесят чоловека, на то умыслне приспособивши, засадившися непристойне, умыслне, здрадецке, з немалым оршаком людей, в лѣси, недалеко Щуровичъ, коли есмо ехала зе Лвовское земли, то ест в ден пятничный, дня тридцатого генвара, с приятелкою своею, панею Яновою Быстриковскою, в року теперешнемъ, до маетности своее Букоймы, мене кгвалтом, зле, непристойне от панее Быстри-

ковское з саней порвавъшы, яко чоловека покоем посполитым убезпечоного и ничого ся злого ни од кого не сподиваючы, которая-м толко з служкою однымъ ехала, над пристойность плащъ на мнѣ оборвавши, кгвалтом, зле, непристойне, обычаемъ розбойничимъ на сани вкинули, и кгдым кгвалъту волать почала, первей битемъ, а потомъ затыканемъ губы, хотячи мене забить, заборонили; потом до маетности пана Яна Шлятъковского, села Радзихова, привезши, напрод у нецнотливом, зломъ предсявзятю своемъ, кгвалтовне нецнотливый умыслъ свой выполнилъ, а потом дня соботнего, тридцать першого генвара, в том же року, кгвалтом се, обычаем тиранским, хотячи мене зараз забити, нос и уши обрѣзати, до шлюбу примусилъ и тамъ зо мною ажъ до дня першого февраля зле, непристойне обходячися, мешкалъ, о чом протестацые за свѣжа учиненые ширей в собе мають. А потом, приехавши со мною до маетности моее Букоймы, второго дня лютого, в ден святых Громниц, в везеню мя держал, не допускаючи жадному чоловѣкови со мною мовити и до мене приступовати. Потом дня четвертого лютого, кгды южъ повинным моим дано знати, обавяючися, жебы, того постерегши, мене не забил, в ночѣ, кгды сторожа уснула, до подданого своего ушла есми, который мя ночю ажъ до Олыки завезлъ; а постерегши уеханя моего, маетность мою всю рухомую, то есть срѣбро, злото, камене, также и всѣ шаты мои и небожчика пана Адама Букоемского, малжонка моего, скрынки и комнаты поотбивавши, также кони ездные и возники побралъ, и увесь дворъ мой в Букойми и подданых Букоемских обычаемъ поганскимъ злупил и сплюндровал, же згола ничого не зостало, толко яком в чом ходила и уехала. Ижъ теды сама очевисте засвѣжа для небезпечности од того злого чоловѣка до учиненя осветченя не прибыла, теды теперь с повинными своими прибывши, очевисте протестацыи, через слугу своего Петра Доманского учиненые, апробую и оные во вшелякои владзы и моцы мѣти хочу, якобы через мене самую были учиненые, теперешним очевистым сознанъемъ светченя своего во всим ствержаючи".—Которое жъ

го оповедане панее Букоемское я до книг кгродских Луцких записати казалъ.

Книга гродская Луцкая 1598 г., № 2106, л. 46.

Примѣч. Другихъ документовъ, относящихся къ этому дѣлу, не найдено въ актовыхъ книгахъ. *Ред.*

CXX.

Обвиненіе землянки Пузовской въ убійствѣ мужа.

1. Жалоба земянъ Пузовскихъ на свою невѣстку Настасью Пузовскую и ея родственниковъ объ убійствѣ ея мужа, брата жалобщиковъ, Карпа Пузовскаго. 1601 года, февраля 9.

Року тисеча пятсот первого, месеца февраля девятого дня.

Пришедши на вряд кгродский, в замок его кор. милости Володимерский, до мене Григоря Обуха Вощатинского, будучого на тот час на местцу подстароства Володимерского, урожоный пан Федор Семенович Пузовский оповедал и жаловал именемъ урожоных панов Павла и Михайла Тимошевичов Пузовских, брати своее, и сам от себе на братовую свою пани Карповую Пузовскую Настасю Михайловну Шабановну и на брата ее рожоного Василя Михайловича Шабановича, яко на принципалов, а на Михайла Шабана и на жону его Василису Лудовичовну и на сына их Ивана Шабановича, яко на помощников учинку нижей менованого, в тые слова: иж в року тепер идучом тисеча шестсот первом, месеца февраля осмого дня, с четверга на пятницю, в ночи, тые то впрод речоные Настасья Шабановна Карповая Пузовская и брат ее Ва-

силей Шабанович, принцыпалове, за радою, волею и ведомостю впрод речоных особъ, помочников своих, взявши перед себе злый а окрутный умыслъ свой, препомневши боязни Божое, срокгости права посполитого а милосердъя и литости хрестиянское, маючи способность свою, на тот час зготованую, кгды брат нашъ пан Карпъ Пузовский того дня, в четверг, будучи тут у Володимери по потребах своих, исправивши потребы, от сел з Володимера, яко човловикъ спокойный, безпечный и никому ничого невинный, до дому своего во имению Пузове, неведаючи о жадное здраде, приехал, оного брата нашого пана Карпа Пузовского, чоловика спокойного и, яко в дому своем, безпечного, кром вшелякого милосердъя и литости хрестиянское, в том дому его в Пузове здрадецке и окрутне на смертъ забили, замордовали и тѣло его небожчиковское, вложивши на сани, оттол з дому его и з села Пузова вывезши, под Ворчином, маетностью нашою, на дорозе покинули. И скоро тот злый и тиранский учинокъ пополнивши и скончивши, оден з них принципалъ, Василей Шабанович, проч утекълъ, а маетъност небожчиковскую всю, от мала и до велика, побравши и злупивши, в дом отца своего Михайла Шабана до Володимера отпровадил. Которое тѣло небожчиковское аж назавтрее, взявши вѣдомост о том злом и окрутном учинку их, яко братя небожчиковские, с тамътого местца, где было покинено, взявши, до дому его до Пузова припровадили. И просил первопомененый пан Федор Пузовский о придане возного на огледане того окрутного на смертъ забитя, замордованъя и обволаня брата своего пана Карпа Пузовского, а тое оповеданъе и жалоба его абы до книгъ кгродскихъ была записана; на штъо я ему з уряду на тую потребу возъного енерала, шляхетъного Исакия Долъмацъкого придалъ, а тое оповеданъе и жалобу пана Федора Пузовъского, за прозъбою его, до къниг кгродъских записати казалъ.

Книга гродская Владимірская 1601 г., № 957, л. 27.

---

2. Дознаніе вознаго. Показанія свидѣтелей о томъ, какъ произошло убійство. Публичное провозглашеніе именъ убійцъ надъ тѣломъ убитаго и заключеніе Настасьи Пузовской подъ стражу. 1601 года, февраля 23.

Року тисеча шестсотъ первого, месеца февраля двадцать третего дня.

Передо мною Матушомъ Збаразскимъ, столникомъ Киевскимъ, подстаростимъ Володимерскимъ, ставши очевисто, возный енералъ воеводства Волынского, шляхетъный Исакий Долъмацкий ку записаню до книгъ кгродскихъ созналъ тыми словы: ижъ въ року теперешънемъ тисеча шестъсотъномъ перъвомъ, месеца февраля девятого дня, будучи мне взятымъ, за приданемъ его милости князя Матыса Збаразского, на справу и потребу пановъ Федора, Павла и Михайла Пузовскихъ до имения Пузова, до двора небожчика пана Карпа Пузовского, и кгдымъ тамъ до Пузова приехалъ въ дворъ небожчика Карпа Пузовского въ томъ року теперешнемъ тисеча шестъсотномъ первомъ, месеца февраля девятого дня, мелъ есъми там же при собе шляхту: пана Петра Лудовича, а пана Станислава Верещинского и Адама Василевича Туминского; там же, за оказанемъ пановъ Павла и Федора Пузовскихъ, огледалъ есми тѣла, трупа забитого небожъчика пана Карпа Пузовского, въ которого виделъ есми раны: въ голове на розе левомъ рану битую крывавую, ажъ се кость спадала, другую рану подле тое жъ битую крывавую, а въ тылу головы рану велъми розбитую, ажъ мозокъ вылезъ, а посередъ головы чимсъ наскрозъ пробитую; там же въ дворе, въ светлице, на порозе и въ сеняхъ крови не мало, и верцимакъ весъ крывавый, который верцимакъ панове Пузовъские, яко знакъ певный того мужобойства, мне, возному, до рукъ отдали, абымъ его вашей милости на урядъ отдалъ. И оповедали мне, возному, и шляхте первопомененой панове Павелъ и Федоръ Пузовские, сами отъ себе и именемъ брата небожчиковского рожоного пана Михайла Пузовского, ижъ тотъ небожъ-

чикъ братъ нашъ, панъ Карпъ Пузовский естъ забитъ, замордованъ тутъ въ дому своемъ, въ Пузове, въ ночи теперъ прошлое съ четверга на пятницу, месеца февраля осмого дня, отъ власныхъ рукъ жоны своее Настаси Михайловны Шабановны и отъ брата ее рожоного а швакгра своего Василя Шабановича, яко принципаловъ, за радою, волею и ведомостъю отца, матъки и брати, яко помочъниковъ. А потомъ того жъ дня тые жъ панове Пузовские передо мною, вознымъ, при шляхте звышъ менованои, пытали, призвавши челеди небожчиковское дворное, которые на онъ часъ въ дому были, то естъ меновите: напередъ хлопца небожчиковского Миска, потомъ невѣсты, матери того хлопца, Васи Кузмихи и дочъки ее Христи, девки дорослое, и другое девки Гануски: отъ кого и якимъ способомъ панъ ихъ, панъ Карпъ Пузовский естъ забитъ, замордованъ? Теды тая вся челядь менованая сами доброволне, безъ жадъного примушеня, а одностайне а неотменне передо мною, вознымъ, и шляхтою менованою зознали въ тые слова: „Ижъ кгды дня вчорайшого въ четъверъ панъ нашъ небожъчикъ, панъ Карпъ Пузовъский, отъсел зъ дому своего, съ Пузова, поехалъ по потребахъ своихъ до Володимера, теды по одъеханю панскомъ тогожъ дня, въ четвергъ, тутъ до дому панъского приехалъ братъ панее нашее а швакгеръ панский Василей Шабановичъ съ хлопцемъ своимъ, а потомъ тогожъ дня, въ четвергъ, по приеханъю его и небожчикъ панъ нашъ зъ Володимера тутъ до дому своего приехалъ. И скоро панъ приехалъ, пани наша послала поясокъ свой сребръный до корчмы тутъ, въ Пузове, и отътоль, съ корчмы, на тотъ поясокъ принесли горелки и пива. И кгды тое пите принесено, теды тотъ братъ панее Василей Шабановичъ почалъ пана нашого горилкою принуждовати, абы пилъ; а онъ самъ барзо мало напивалсе. И кгды вже панъ нашъ гораздъ подпивати почалъ, теды тотъ Василей Шабановичъ пошолъ зъ светлици до сеней, а по одыйштю его до сеней панъ съ панею штось розмовяти почалъ. Въ томъ часе Василей Шабановичъ зъ сеней до светлицы увошолъ и зъ собою у рукахъ кий великий принюсъ.

Панъ нашъ, стоечи середъ светлици, почалъ его просити, абы доброе мысли былъ; а онъ заразомъ, скоро тое панъ нашъ вымовилъ, заразомъ тымъ киемъ пана нашого посередъ головы ударилъ такъ моцно, што панъ заразомъ на землю упалъ, и на земли сталъ его бити киемъ по голове. А кгды мы, челядь, хотели крычати, теды се пани порвала къ дверомъ; а Василей Шабановичъ казалъ своему хлопцеви подати верцимакъ *). И кгды ему хлопецъ подалъ верцимакъ, теды онъ тымъ верцимакомъ почалъ нашого пана бити, и одинъ зъ насъ, челядникъ, я Миско Кузмишинъ сынъ, до сеней зъ светлицы утекъ былъ. А Василей Шабановичъ, отшедши пана, на земли лежачого, за мною се погналъ, и мене поймавши, до светлици увелъ. А панъ нашъ на коленка почалъ былъ зводитисе зъ земли и, вставаючи, еще мовилъ, ижъ се то ему отъ него дѣетъ за намовою жоны его. А пани, порвавшисе, рекла до брата своего: „для Бога, еще живъ!“ и порвала пана за шию, не дала ему встати. А Василей Шабановичъ, знову порвавши верцимакъ, почалъ знову пана нашого верцимакомъ къ земли бити, мордовати; а пани, двери защепнувши, за защепку держала. И кгды вже панъ нашъ речъ замкнулъ, теды тотъ Василей Шабановичъ, запрягши въ сани коня панского и посполъ съ панею взявши тѣло панъское исъ светлици и вынешъши на дворъ, на сани вложили. Одножъ того не вѣдаемъ, где тое тѣло подѣли; бо кгды тѣло зъ светлици на дворъ вынесли, теды насъ пани зъ братомъ своимъ до коморы упхнули и защепнули; толкожъ, будучи въ коморе замкнени, то есьмо в уши свое слышали: кгды вже пана на сани вложили, то пакъ панъ, уже лежечи на саняхъ, зодхнулъ; теды пани на брата почала фукаючи мовити, жебы не волалъ. А потомъ, по маломъ часе, пани, пришедши, насъ съ коморы выпустила до светлици. А после приштя панее засъ въ килка годинъ тотъ Василей Шабановичъ знову санми тутъ до двора панского приехалъ и въ

---

*) Верцимакъ (польск. wiercimak)—макогонъ.

вокъно драпати сталъ, мовечи: „Насте!“ А пани къ нему вышла и штось грошей въ руки дала ему; а онъ, оседлавши коня своего сивого седломъ панскимъ, отошелъ зъ двора, не ведати где поехалъ. А пани, седши у дверей светличныхъ, двери защепнувши, черезъ усю ночъ, ажъ до самого света насъ зъ светлици не пустила“.—Теды я, возный, рекъ есми до панее: „Чому се тое, споже пани Карповая, такъ стало?“ А она поведила: „што мене тотъ злый чоловекъ, братъ мой, до того привелъ“. Што все пречоные панове Пузовские мною, вознымъ, и шляхтою перво помененою освѣтчили.—А потомъ сегожъ року теперешнего, тисеча шестсотъ первого, месеца февраля первогонадцатъ дня, за приданемъ врядовымъ, маючи я при собе туюжъ шляхъту: пана Петра Лудовича, а пана Станислава Верещинского и пана Адама Василевича Туминского, былемъ на справе тыхъ же пана Павла и Федора Пузовскихъ тутъ, у Володимери, где панове Пузовские панъ Павелъ и Федоръ черезъ мене, возного, при шляхте, въ месте Володимерскомъ на рынку на трохъ местъцахъ и на четвертомъ местцу въ замку о забите и замордованъе брата своего небожчика Карпа Пузовского чинили поволане тыми словы: ижъ тотъ небожчикъ братъ ихъ Карпъ Пузовский естъ забитъ, замордованъ въ дому своемъ, въ Пузове, отъ власныхъ рукъ жоны своее Настаси Шабановны и брата ее Василя Шабановича, принципаловъ, за радою, волею и ведомостю отца, матки и брата ихъ, то естъ Михайла Шабана и жоны его Васылисы Лудовичовны и сына ихъ Ивана Шабановича, яко помочниковъ ихъ. А по томъ обволаню пречоные панове Пузовские принципала одного, на гарачом и свежомъ учинку пойманого, жону небожчиковскую Шабановну, тут же, при теле маючи, при мне, возномъ, и при шляхте просили пана Обуха, наместника городового, о везене до далшого попартя, и оную въ томъ везенъю, за позволенемъ пана наместниковымъ, въ замку, такъ же и верцимакъ крывавый, знакъ того мужобойства, зоставили.—Которое жъ то оповедане и жалобу пана

Федора Пузовского и пана Павла Пузовского и возного очевистое сознане до книгъ естъ записано.

Книга гродская Владимірская 1601 г. № 957, л. 42 на об.

Примѣч. Февраля 12 того же года, черезъ четыре дня послѣ убійства, отецъ Настасьи, п. Михайло Шабанъ-Гноенскій занесъ въ судъ жалобу о томъ, что братья Пузовскіе дочь его „безправне, кгвалтовне, менуючи, якобы през нее забитье мужа ее стало, поймавши, збили, змордовали, маетность (на 3000 золотыхъ) пошарпали, а ее, под часомъ бременя, въ ланцуг за шию и въ оковы осадили, чинячи вшелякое мордерство водле воли своее". Возный доносилъ уряду, что видѣлъ Настасью „в Пузове въ везенью окрутнымъ, то есть за шию въ ланцуху всажоную у двори небожчика Карпа и в пута, албо в кайданы, за ноги окованую", и что ее затѣмъ „в томъ же ланцуху и с путомъ у замку Володимерскомъ осажоно", откуда 14 марта она была взята на поруки. (Кн. № 957, л. 29 и 75). Такимъ образомъ во Владим. гродскомъ судѣ одновременно возникло два дѣла: одно—по обвиненію Настасьи Пузовской въ убійствѣ мужа, и другое—по обвиненію братьевъ Пузовскихъ въ противозаконномъ арестѣ и оклеветаніи ихъ невѣстки. Нѣсколько разъ въ теченіе 1601 и 1602 г. были назначаемы сроки для судебнаго разбора этихъ дѣлъ, но разборъ не состоялся, такъ какъ въ мартѣ 1602 г. братья Пузовскіе примирились съ невѣсткою, причемъ она уступила въ ихъ пользованіе ту часть имѣнія въ с. Пузовѣ, на которой было обезпечено ея вѣно. Книга № 957, л. 129 и 342; № 958, л. 19, 20, 186 и 187.

CXXI.

Декретъ Луцкаго старосты по дѣлу объ армянинѣ Ѳеодорѣ, мѣщанинѣ Луцкомъ, обвиняемомъ въ сожительствѣ съ невѣнчанною женою. 1601 года, сентября 15.

Року тисеча шестсот первого, месеца сентебра пятогонадцат дня.

Передо мною Миколаем Семашком на Хупкове, старостою, ключником и войтом Луцъким, гди се приточила справа славетного

Федора орменина, мещанина Луцъкого, з отнесеня, якобы он без шлюбу мешкати мелъ з жоною своею Ганною, которого для певное ведомости до везеня, для загамованя злого прикладу людом, казалом был взяти, гди пришло до справы, озвали се ормене Лвовские, славетный Вашко Турошовичъ и Симон Аведик з привилеями своими, показуючи то, же тая справа розсудъкови духовному належи; которым привилеям я добре припатрившисе, а не хотечи никому безправя чинити, одослалем тую справу и тым декретом моим одсылам до права духовного бискупа орменского, до Львова; а што се дотыче рукоймы, которые за него взглядом станя до справы поручили, оных од того рукоемства волными учинилом и чиню. Дѣялося то в замку короля его милости Луцкомъ, пятогонадцет дня сентебра, року Панского тисеча шестсот первого.

Книга гродск. Луцкая 1601 г., № 2415, л. 721.

CXXII.

Жалоба княгини Ядвиги Чорторыйской о томъ, что мужъ ея князь Юрій Михайловичъ Чорторыйскій подвергалъ ее жестокимъ истязаніямъ, вынудилъ отъ нея рядъ записей на имѣнія и денежныя суммы, доставшіяся ей отъ перваго мужа, князя Кирика Ружинскаго, наконецъ подъ стражей отправилъ ее къ королю хлопотать о подтвержденіи насиліемъ исторгнутой отъ нея записи на право пожизненнаго пользованія ея состояніемъ по ея смерти, давъ при этомъ тайный наказъ своимъ слугамъ на обратномъ пути лишить ее жизни. Провѣдавъ о замыслахъ мужа, жалобщица во время проѣзда черезъ Люблинъ тайно бѣжала въ костелъ и нашла убѣжище въ женскомъ монастырѣ. 1602 года, генваря 31.

Року тисеча шестсот второго, месеца генваря тридцат первого дня.

Пришодши до вряду и книг кгродских Володимерских, перед мене Григоря Обуха, наместника подстароства Володимерского, урожоный Ян Лукомский, приятелъ а повинъный и пленипотентъ в справе нижей описаной, протестуючисе на урожоного Юрка князя Чорторыского именем урожоное Ядвикги з Фалчева, жоны менованого Чорторыского, иж он, запомневши того всего, що повинъност хрестиянская несет, и повинности прав светых, прудко по принятю з нею стану светого малженского, водлугъ порядку костела хрестиянского католицкого учиненого, оную взгордѣвши и покинувши, давшисе на вшелякие неряды и збытки, на здорове ее стоял, везенем трапил незносным, муки нижей описаные ей задавалъ, до чиненя розмаитых записов, мамбрамов и цирокграфовъ оную примушал, чим оную и дѣтки ее, з небожчиком Кириком Рожинским спложеные, з маетностей злыми и неслушными фортелями и способами злупил и оголотил, што се ясне показует з кривды и с тяжкости нижей описаных, которые юй (ей) починилъ, то ест, иж он, не контентуючисе на тым, што килкадесят тисячей золотых пенезей полских, которых выраженъе доводне, кгды того час и мѣстце буде, покаже, которые теды, кгды южъ была малжонкою его, до себе взял и где хотел обернул, которые пенези она с певных причин была повинъна обернутъ на потребу дочок своих, з небожчиком князем Ружинским, малжонкомъ своимъ, спложеных, о которые пенези часу и мѣстца своего з ним чинити хочу; и не контентуючисе на тым, што пят тисечей золотых пенезей, которые взявши за лесные товары на Бугу, з них чотыри тисечи золотых шляхетному Адамови Олизарови Волчковичови в воеводстве Киевским, з певного контракту за село Красноселку, у воеводстве Киевскомъ будучое, прудко по светум Шимоне Юды, в року прошлым минучим, през шафара своего на йме ниякогось Шоланского, послала, которые то пенези пят тисечей золотых тому Шоланскому, поймавши его у Секгини, взял и где хотѣлъ обернулъ, о которые также часу и мѣстца своего з нимъ чинити буде,—ушкодивши сам так много и ов збор, который, яко матка, дитям своим ховала,

оный побравши, ве второк перед Божим Нароженемъ руским в року прошлом, в Чорториску, где з Котелни, маетности од небожчика Кирика Ружинского в оный (т. е. у оной) за правом доживотным на тот час будучои, з розказанья до него приехала, оную везенем тяжкимъ осадилъ, окрутне и ганебне збилъ, седмъдесятъ и пят ран крывавых и синих ей задал и тамъ такое безправье способами незбожными и окрутными на ней вымучил: заставил певные маетности свое, въ воеводстве Волынскомъ, у Луцка будучие, то ест Сосницы Великие и Малые двое, Залучко и Сосны, до них приналежачие, небожчикови князеви Кирикови Ружинскому в суми осми тисечей золотых, которая ся оной за певным правом служит, тые добра абы она певным особам, права своего уступивши, в речи того то Чорторыского заставила, оную до того зневолил битъем, везеньем, голодом, вымыслъные мордерства, яко шрубованье палцовъ в курки ручничные, битье у пудошвы дубцами, у нугъ и шие, которых встыд менит, оний задаваючи, чим до того ее примусил, же мембрамы до тых речи служачие мусила му датъ и оные подписатъ; а он зас способилъ там собе певных особъ, которых он лепей знает, которые се при руце ее подписавши, якобы были свѣдками оного зезволеня ее доброволного водлуг там того права. Мел ее по тум часу в оным везеню аж до недели квитной в тым то Чорторыску, с которого места ее до Котелни пересадил и везенем огледѣл, там и контракты чинил с пасербом ее князем Романом, небожчика Кирика Ружинского сыном, стороны доживотя еи, которое мает на тое Котелни од небожчика князя Кирика, малжонка своего першого, учиненое; также стороны суммы, которую ей тот же то небожчик на той то маетности и всѣх до нее належачих записал; которые контракты же не могли быт варовны без призволеня еи, теды также учинене мембран и зезволене на то все, што бы одно до тых контрактов служило, муки и збитя розмаитые, яко и первей, еи задавал. В чомъ ему ач, видячи самый (т. е. самой) себе и дѣток своих оголочене, долго противна была, вшакже боли, кгвалтъ то на ней вытиснулъ,

же мусила на то все, што едно хотѣлъ, позволити: мембраны розмаитые, иле му их потреба было, чинити, печатоват и подписоватъ; на которых мембранах ест подписы руки ее и его и свядков, которых он собе сам зводил. А иж зараз по смерти небожчика малжонка ее, кгды была вдова, пан Пясковский, слуга его милости пана гетмана коронного, зачал был з нею право стороны маетности Романова и Жидовецъ, на кгрунте короля его милости будучих, в воеводстве Киевъскомъ, которое державы, маючи на них доживоте од короля его милости, осадила коштом своим, —и в тым затягу правном прето по сейме, который был в нинешнем року, судъ асесорский его королевское милости въ Варшаве наказал ей у двору присягу учинити в першую середу по святках в тым року прешлым; теды он, стороны того учиненя присеги еи, през (безъ) которое не мог до тых там добръ прийти, и стороны инших замысловъ, на которые се завзялъ, такъ собе поступилъ: ехал з нею напрод до замку Житомира, намовившисе с пасербомъ ее княземъ Романом, который тежъ тамъ на тот час ехал для скончення оных контрактов; тамъ битем и флякгами розмаитыми и мордирствы оную до того примусил, же оного доживотя и суммы, которую на Котелни мает, по неволи уступитъ мусила перед урядом тамошним; там же заразом две селѣ оные, вечностями належачие, в воеводстве Киевском, заставил ниякому Змиевскому в пултретю тисечу золотых и оную на позволене до таковой заставы приневолил; тамже взял мембран, печатми ее запечатованый и рукою подписаный з мусу и поневолне, который такъ подписавши и запечатавши, дал ниякому Лясоте на две селѣ: Пироговиче и Мойсейковиче, у воеводстве Киевъском, оный (т. е. оной) вечностями служачые, которые то тамъ села ему в суме двох тисечей золотых заставил. Потом также примусивши ее и поневоливши до подписаня и запечатованя килку мембрамъ, которых на што бы были, менованя немашъ, и оные мембраны до себе взявши, зъ Житомира послал ее для оныи присеги чиненя до двору, сторожувъ килкодесятъ чоловѣка пишых и езных оную осадивши, с которыми в пятницу

пред святками приехала до Люблина, где занемогши, хора лежала в господи през килка дний. Тамъ неякий Петръ Куколский, слуга его, над тамтумъ гардумъ, которая еи пилновала, старший, анимо делиберато указал и цедулу, которую тот то князь Чорторыский сам власною рукою до него писалъ, росказуючи, жебы, в дорозе будучи и у двору, перестерегал того, якобы жаденъ повинний ей и жаден духовный чоловек до розмовы з нею от них припущоный не был,—тые слова ачъ самъ з жалем на онымъ листе указуючи читал, але она далей инших дочиталасе, которые о тум (о томъ) были: якобы ено присегу она учинила а доживоте на оных селах, которое ей был приказал, зъеднала му у его королевское милости, абы ее где на дорозе, ворочаючисе з нею до Руси, албо он сам, албо который гайдукъ забил, а умерлую до него привезлъ. Што она видечи, нелзе еи было, ено радит о собе, яко бы могла оного окрученства уйти, до чого так пришла: в пятницу по святках, кгды южъ в дорогу далий мели з нею ехати, с тое там господы, в который ее мели в Люблине, утекла тылом до костела светого Духа; чого они постерегши, заразом до оного костела за нею войшли и кгвалтом почели ее оттоля тягнути; аж каплани и законници, которыи на тот час службу Божую отправовали, слышачи голос и волане ее плачливе и видячи он кгвалтъ и сепанье, которое ей чинили, а меновите тот Куколский, Ян Богушъ Марковский и иншие, которых она не знала, оную однели и в костеле замкнели; которыи слуги, ижъ имъ тые то каплани хотѣли пред их милостями паны депутаты на трибунале дати рокъ о кгвалтъ, костелови учиненый, и оттоля заразъ поутекали. Она тежъ, за радою тых там капланов, просила ксендза официяла тамошнего, в Люблине, жебы ю до мнишок, которых там кляштор есть, оддал и приняти росказал; што он учинил, и там якож колвек здоровя своего охронила, и для тыи причины до досыц учиненя декретови его королевское милости, для которого была ехала, прийти не могла; готова еднакъ ему естъ досыт чинити, кгды ее Пан Богъ освободитъ с такого небезпеченства и оголоченя, з стороны чого и ту на тум местцу

осведча. А иж од того там часу ажъ дотул, розмаитыми способами небезпеченства того уходечи, не могла до того прийти, абы так у свиюм кгроди, до которого то юрисдициеи належи, яко и в каждымъ иншимъ коронным так велико и кгвалтовне безправя пъротестоват и жаловатъ се могла, теды тепер перед Паном Богомъ наперед, урядом и книгами нинейшими и каждым особам то на тот час будучим протестуюся и жалую и плаче на того то урожоного Юря Чорторыского стороны тых кривдъ, станя на горле еи, битя, мук и мордерства, без встыду и боязни Божеи над нею чиненых, контрактов и чиненых мембрамув, на згубу оный (оной) и дѣток ее учиненых и на неи вытисненых,—обезуючисе з ним пред правом и судом, которому то узнавати буде належало, о то чинитъ.—И просил помененый Лукомский, абы тая протестация, через него именем менованое Ядвикги с Фалчева чиненая, до книг нинешних кгродских Володимерскихъ принята и записана была; што я принявши, записат казалъ.

Книга гродск. Владимірская 1602 г., № 958, л. 34.

CXXIII.

Жалоба панскаго слуги Ивана Татарина о томъ, что его жена, вступивъ въ преступную связь съ другимъ лицемъ, бѣжала съ нимъ изъ дому и унесла часть имущества. 1602 года, іюня 20.

Року тисеча шестъсот второго, месеца июня двадцатого дня.

Присылалъ на врядъ кгродский, в замок господаръский Луцкий, до мене Адама Олшамовского, буркграбего и наместника под-

староства Луцкого, приятеля своего Миколая Копътя Бережецкого служебник ее милости панее Ярофеевое Гостцкое, судиное земское Луцкое, с Крупой, на имя Иван Татаринъ, жалуючи и оповедаючи на жону свою Марю Татариновну с Корца о то: иж дей она, препомневши боязни Божое и стративши встыдъ стану своего малженского, неучтиве, зле и непристойне се справуе, которая от часу не малого наполнившисе тои злои воли своее, в року теперешнемъ тисеча шестсотъ втором, месеца февраля одиннадъцатого дня, намовившися и маючи здавна порозумене з неякимс Закгурским, побравши якъ готовых грошей, отлупивши скрыню, так и речей немало, на петдесятъ золотых полских, хотела было з ним проч уехати; нижли дей он, постерегши то, ее самую поймал, а тот дей Закгурский уехал. А потом дей она зас, знову чинечи не поoднокрот шкоду немалую в дому его, и тепер часу недавно прошлого, дня второго июня, не покинувши и не переставши того своего злого и неучтивого учинку и в стане малженским явного чужолозства, которую дей он заставши з ыншим на чужолозстве, не мог их поймать: утекли дей проч, починивши в небытности его шкод немало, так в грошах готовых, яко в сукнях и в бѣлых хустахъ на сто копъ грошей литовских. И просил, абы тая жалоба и оповедане его было принято и до книг кгродских Луцких записано; што я принявши, записати казалъ.

Книга гродск. Луцкая 1602 г., № 2416, л. 471 об.

CXXIV.

Жалоба дв. Оникія Мутыкальскаго о томъ, что жена его Ганна Еленская, проживъ съ нимъ 32 года въ полномъ согласіи и имѣя 11 человѣкъ дѣтей, по наущенію злыхъ людей вздумала разлучиться съ жалобщикомъ и, подговоривъ старшаго ихъ сына, вмѣстѣ съ нимъ тайно ушла изъ дому и унесла часть имущества. 1602 года, іюля 4

Року тисеча шестъсот второго, месеца июля четвертого дня.

Пришедши на вряд кгродский, в замокъ его кор. милости Володимеръский, до мене Григория Обуха Вощатинского, буркграбего и наместника подъстароства Володимеръского, шляхетный Оникий Мутыкалский оповедал и жаловал на жону свою в тые слова: „Иж дей мне то поткало в ночи теперешний, из середы на четъвергъ, в року теперешнемъ идучом, месеца июля четвертого дня, от малжонки моее панее Ганны Гавриловны Еленское и одъ сына моего Стефана, с нею, жоною моею, спложеного, ижъ та жона моя Ганна Гавриловна Еленская, мешъкавши зо мною час немалый, през тридцать лит и две лѣте, уцътиве и статечне, дѣти уцътиве есмо сплодили, шест сынов а пят дѣвокъ,—то пак року теперешнего, за намовенемъ пании Петровои Доброницъкои и за намовленемъ дочки ее, панеи Федоры Триполское, и за намовленемъ другое дочки ее Ориши Поплавское, иж тые три особы, перебачивши боязни Божое и встыду людского, которая естъ напротивко боязни Божое, тую малжонку мою намовивши собе невѣдомо для которыи причины, ку воли и незбожному умыслу своему чинечи доситъ, абы она, малжонка моя, Ганна Гавриловна Еленская в стане светомъ малженскомъ не мешъкала, и праве розлучаючи мене из жоною моею, яко се вышей поменило, сеи ночи тая жона моя, пополняючи злое порады их, могло быт пара годин в ноц, веспол из сыномъ своимъ звышъ помененымъ Стефаном, учинивши надо мною явную зраду и подступокъ, што се никому

доброму того не годитъ, а праве злодийскимъ обычаемъ зрадивши, окравши мене, малъжонка своего, такъ теж тот сын мой Стефан, за певъною намовою Федоры Триполское, мене, отца своего и родича, зрадилъ и крадлъ ночнымъ обычаемъ, а праве злодийскимъ: з ызбы окномъ выпровадил з дому Левка Олийника на Запятничьи, подданого его милости пана Юря Овлочимского, з господы моее, такъ теж и маетност мою убогую тот сын мой Стефан веспол из маткою своею а жоною моею выбрали и выкрали, взяли напершей: сукню бурнатъную женскую фалендишовую, куплена за шест копъ грошей; другая сукня женская чорная, коштовала чотырохъ копъ грошей; плащъ фалендышовый бурнатъный, лисами подъшитый, коштовалъ дванадцат копъ грошей; ку тому кобенякъ мой люнъский барщовый, коштовал три копы грошей; курта моя каразѣевая блакитная, з кгузками и з шнурками, коштовала полтрети копы грошей; убране фалендишовое буръnатное, коштовало три золотыхъ полскихъ; шапка женская окъсамитная, коштовала пят золотых полскихъ; а потому хуст белых и наволокъ из постели зобравши а готовых грошей петнадцет золотых, все одно з другим зобравши и покравши, израдивши мене, тая малжонка моя израдила веспол из сыном моим. А так я вашей милости прошу, абы тое оповедане мое до книг кгродских Володимерских было записано".—Которое оповедане его принявши, до книг кгродских Володимерских записати казалъ.

Книга гродск. Владимірская 1602 г., № 958, л. 469.

CXXV.

Судебное дѣло по обвиненію земянки Харлинской въ убійствѣ мужа.

1. Жалоба пп. Харлинскихъ, братьевъ убитаго, о томъ, что невѣстка ихъ Елена, издавна питая ненависть къ своему мужу Щасному Харлинскому, неоднократно покушалась на его жизнь и наконецъ подговорила своего слугу Рожковскаго задушить его. Дознаніе возныхъ по этой жалобѣ. 1604 года, сентября 10.

Року тисеча шестсот четвертого, месеца сентебра десятого дня.

Постановившися очевисто на вряде кгродском, в замку его королевское милости Луцком, передо мною Адамом Олшамовским, буркграбим и наместником подстароства Луцкого, урожоный его милость пан Криштофъ Харлезский именем своим, также и их милости панов брати своее рожоное: пана Яна Харлезского, подкоморого Луцкого, и пана Шимона Харлезского, ротмистра его корол. милости, урядовне, прихиляючисе до першое, ту жъ, на том же уряде часу недавного кротко учиненое протестацыи, осветчал и оповедал о то: иж в року теперешнем тисеча шестсот четвертом, месеца августа четвертогонадцат дня, в суботу, за взятемъ ведомости о смерти небожчика пана Счасного Харлинского, брата своего рожоного, кгды-м приехал до дому и до двора небожчиковского до Любча, обачилем брата моего зошлого небожчика пана Счасного Харлезского не так, яко хрестянского чоловека, смертъю доброволною зошлого, але и овшем окрутне замордованого и задушоного; а видечи знаки, так на голове раны, яко и на горле або на шии сине, яко бы винцем шию обложил, и три раны свежие, не гоеные за левым ухом, знати ножиками белоголовскими поколотые, на которых местцах засталем розмаитыми кветками и зелями для окритя знаков душоных обложоно и окрито. В томъ

и его милость пан Павел Монвид Дорогостайский того ж дня, в суботу, то ест чотырнадцатого августа в сем же року шестсот четвертомъ, з немалою кгвардиею слугъ своих власных там же до Любча приехал, при котором почалем се пытат и выведоват: што бы то на небожчику за знаки были и от кого бы,—звлаща же ни с ким в неприязни а ни в жадным заводе небожчик не жив,—за таковым окрутным и тиранским, здрадецким замордованъемъ брат нашъ небожчик пан Счасный Харлезский с того света зшол? Также и в братовое своее панее Галены Монвидовны з Дорогостай Счасное Харлинское почалем се пытати теж, яко у найпевнейшого сторожа здоровя малжонка своего, которая, автора патрати криминис охраняючи, на неведомость все складала; а кгдым засъ од челяди небожчиковское ведомость о такомъ замордованъю узяти и до везеня их всадити хотел, и абы также девки служебные свое для опыту и найденя винного до везеня ему выдала, теды она не толко мужобойцу оповедити, але такъ сама, яко и брат ее рожоный его милость пан Павел Монвид Дорогостайский, радший выступных охраняючи, нижли ся о них выведуючи, силомоцю выдат не хотели и моцно заборонили и при них се стат до горла оферовали, о што ест противко них правне поступлено и през певных возных при них тую белую челяд припоручоно и арештовано; по котором ареште девку, на йме Ганну, окном, час собе по тому упатривши, з избы высадивши, проч выславши, закрили и затаили, потаемне до Воротнева, села и двора брата своего рожоного пана Павла Монвида Дорогостайского, умыслне для утаеня выступку помененого выправили. Тамже удалемсе заразъ для опыту до иманя слугъ небожчиковских, а маючи их у везеню, взявши неякое домниманъе о некотором, руцилемсе, за инъстанциею самого пана Павла Монвида Дорогостайского и матки его милости, до тых вязнев, пытаючисе о замордованъю небожчика брата нашого, с которых посродку оден, неякийсь Андрей, который се называ быт Рожковскимъ, сам доброволне, безъ вшелякого мусу, при велю зацных людей и певных возных признал: „маючи

прожност, не хочу других, которые невинне сут до везеня зо мною осажоны, на свою душу брати, кгдыжем я ест тот, который за намовою, перенятьем, розными обетницами и власным росказанем, ведомостю панее Галены Монвидовны з Дорогостай, малжонки небожчиковское, панее своее, будучи от нее намовеный и принанетый, пана добродея своего восполок з Ганнускою и Каскою, служебных ее девок, забил, замордовалъ, задавил и задушил а з живого, кгволи панеи, мертвого учинил“. Што его милость пан Криштофъ Харлезский околичным суседом обвел и оскаржил и знаки того всего на теле замордованя оказав и на уряде кгродском Луцком кротюхно, яко он час знеслъ и того потребовал, ожаловал и то все возными певными, на то з уряду придаными, обвел и осветчил. Прето теды урожоный его милость пан Криштофъ Харлезский, именем своим и их милости панов брати своее звыш менованых, з великим жалем и плачливе ускаржал се и урядовне оповедал напротивко урожоное панее Галены Монвидовны с Дорогостай Счасное Харлезское, братовое своее, яко принципалови выступку помененого, и всем помочником ее: иж она, взявши перед себе злый умыслъ, Богу, воли, законови его, праву посполитому и товариству людскому противный а серца своего злого ненависный, не маючи до того жадное намнейшое причины слушное противко небожчикови пану Счасному Харлезскому з Харлежа, брату их милости рожоному а малжонкови засе своему власному, которая, покрываючи способы розмаитыми яд и ненавист свою противко небожчикови малжонкови своему, наперед в року тисеча шестъсот четвертомъ, месеца генвара четвертого дня, без воли, ведомости небожчика пана Счасного Харлезского, малжонка своего, з ымення двора Любча, побравши з собою все, до Воротнева, имения и двора его милости пана Павла Монвида Дорогостайского з Дорогостай, брата своего рожоного, одъехавши своволне, през час немалый без мужа своего так при матце своей ее милости панее Людомилы Ириковны Дорогостайское час барзо немалый мешкаючи, за писанем, посыланем и розным напоминанем ее до него, яко

мужа своего, приехати не хотела и мешкат се з ним, чинячи на него и на здорове его розмаитые похвалки и голосные погрозки, збороняла; в которой приязни и мешканю теж своем з нею и небожчик звонтъпивши, в дому своем въ Любчу сам без нее през час барзо долго немалый зоставал. А потом, намовившисе и нарадившисе с тым, с ким она сама розумела, будучому небожчикови в Скорчу, в дому их милости панов брати своих, в року нинешнем тисеча шестсот четвертом, месеца июня пятого дня, в ден светечный, под претекстомъ милости и повинности своее малженское, до звышменованого небожчика пана Счасного Харлезского, малжонка своего, несподиване приехавши, и през господаров и иных веле добрых и зацных людий, там на тот час в Скорчу в дому их милости панов Харлезских будучих, естъ се з небожчиком ркомо поеднала и з ним посполу з Скорча до именя и двора Любча поехала. А тамъ, до Любча приехавъши, зараз з розмаитых мер о здорове его перемышливаючи, наперед розмаитыми чарами и кгуслами дябелскими розмаитых чаровниц до себе потаемне зводит, и з ними скутечне порозумене маючи, оного чаровала, зкгуслила и оному над веру и мнимане людское на змыслех, памети и розуменю звела и зопсовала. А потом по розных местцах до бабъ и людей розных для розмаитых трутизнъ посылала, а оных набываючи, ними небожчика малжонка своего таемне, хитро и зрадливе, чого се цнотливой чинити не годило, так сама через себе в поливках, в потравах, яко и через иншие легкие и направные особы, дивчата и челядки свои, задаваючи, не пооднокрот таемне трула, кормила и поила. И тым еще злосливого и упорного предсявзятя своего не контентуючисе а о прудшом зглаженю его с того света радечи и перемышливаючи, вперед сего через Каску, девку свою, звышменованого Андрея, который ся называ быт Рожковский, слугу и зрайцу небожчика малжонка своего рукодайного, для далшого попартя злого умыслу и предсевзятя своего порозумеваючисе, намавяла, а потомъ и сама устне и очевисте оного намавяючи, упоминками и обетницами дивными, до того персвазиями розными

приводечи, наконец на коляна перед ним клекаючи и руки складаючи, жебы ее мужа а пана своего горла позбавил, а о здоровю его и нагороде певной широко за то оного упевняючи, а за то покутоват и зан Пана Бога до смерти просит оферуючи, приватим прозбы до оного Рожковского, стати при нем, яко брате рожоном и добродею своем, до горла своего и маетьности своее се ему обецовала, толко абы с тоею речю не мешкал, а в долго того не пусчаючи, то кончил и зробил, оного упоминала; якож его до того намовивши привела и того ему статечне допомогат се сама обецала и допомогала, а в том его никгды не выдават и не выявят оферовала. И то южъ так з нимъ заварши, застановивши, перепомневши боязни Божое и срокгости права посполитого, повинности, присеги и милости малженское и уцтивости своее шляхетское, наперве в року нинешнем тисеча шестсот четверътом, месеца августа шостого дня, кгды небожчикъ панъ Счасный Харлезский в коморе двора и покою своего в Любчу спал, за звышъ менованою намовою и перенанятемъ помененый Андрей Рожковский килка годинъ перед вечером, упатривши час, взявши пулгак од помененое панее Галены Монвидовны з Дорогостай Харлезское, черезъ руки Каски, девки и служебницы ее власное, Рожковскому до роботы нижей описаное посланому а с покою небожчиковского тихо с колка знятый и вынесеный, двема кулями добре набитый, тихо и таемне до оного покою и комори его вшедши, хотечи небожчика юж водлугъ панее своее намовы, воли и росказаня забит, з оного пулгака до небожчика спячого, на ложку своемъ лежачого, до головы просто змераючи стрелил, а стреливши, тым же пулгаком оного моцно у голову ударил, которым ударенъем ран две в голове шкодливых и смертелных небожчикови задал, а сам с покою и коморы его заразом утеклъ. Леч иж его кулями хибил, с которых одна куля над небожчиковскою головою в стену, а другая в вал подушки его, под головами будучое, упала, небожчик з оными ранами окривавленый на двор выбежал, а заразъ на жону свою звышменованую нарекаючи, скаржитися передъ челядю, иж

му ся то зъ ее направы черезъ якогос зрайцу стало, ускаржал и о то оное барзо лаял, а пославши по балвера, раны оные собе опатрити и завезати дал. А пани зася, на Рожковского нарекаючи, мовила: „ужа есмо на свою голову роздражнили прожно". А потом прудко в килка дний, в том же року и того ж месеца августа третегонадцать дня, кгды ся им в оным их злым предсявзятю першомъ не надало, повторе знову, упатривши погодный час, речи балверове и постель с покою небожчиковского,—абовем тот балвер при небожчику, лечачи его, сыпял,—выкинувши и самого на тот час проч з двора отогнавши, казавши служебници своей Касце з скрынки своее, которая в ее покою стояла, подвику албо запасницу, в воде змачавши, принести и помененому Рожковскому дат росказала; а засадивши страж и другими девчаты, сама вышедши з ызбы своее, челяд всю того там, того сам порозъсылала, а сама, зоставивши уже так в оным дому, в закритю певным, Рожковско о, слугу и зрайцу уже на то приготованого, давши му до оное роботы кгодло, до гумна на час малый, ркомо то для господарства, одешла. А в том девка, давши Рожковскому знати, же при пану никого нимаеш, толко карел на покою, умыслне от панее споеный, спячий, над которым с фартухом албо з радном девка Каска для наруценя му его на очи, естлибы ся был очкнулъ, поготовю станула, помененый Рожковский, до пана на покой его вшедши, небожчика пана Счасного Харлезского, хорого а черезъ него юж перед тым смертелне зраненого, пана своего оною хустою мокрою, вруцивши му ее несподевано с тылу на шию, оного торгаючи, давит и душит почал; а кгды о землю тварю ку долови окрутне ударил оного моцю великою, за помочю Гануски, девки и служебници панее Харлезское власное, которая небожчика, за ноги улапивши, моцно, Рожковскому помогаючи, тримала, окрутѣне, ганебне и немилосердне и зрадливе, усядши на нем, задушила, задавила, замордовала и забила, а зъ живого черезъ тот инструментумъ помененого Рожковского и девок своих мертвого учинила. На остатокъ его, такъ зовсим убраного и задушоного, з оною ж девкою

на ложко и постель его положивши, руку ему правую на чоле головы его переложивши и периною прикрывши, сами заразъ прудко с покою выперхнувши, на покою замордованого тихо зрадою одошли. А помененый Рожковский, з дому оного вышедши, до кухни просто пришол и там седел, якобы никгды ничого таковего не зробил, чекаючи, ажъ пани з гумна просто до него до кухни пришла, пытаючи, еслибы юж по его роботе было; которой он поведил тремебундус: „юж ци!“ Пытала: еслибы ся не затаил, албо помылка яка, яко ся было первей того придало, не стала? Поведил ей: „юж не оживет, буд того вашамость певна!“; которая на то ему поведила: „фала Пану Богу! то жем юж собе тепер волна! Давайте ж ести тепер!“.—Што все его милостъ пан Криштофъ Харлезский черезъ певные возные, з уряду на то приданые, и шляхтою при них будучою, также и черезъ околичные суседы осветчил и ожаловал, оферуючисе о такий выступъ дебито юрис ин форо фори з стороною обвиненою, звышменованою злою, окрутною и нелитостивою братовою своею, и с помочниками, от нее на то принанятыми, в суду належном правне, сполне зъ их милостю паны братею своею, о то чинит. При котором то таковом осветченю, постановил урядовне шляхетных Матыса Славокгурского, Сидора Гулялницкого и Андрея Жирицкого, Семена Яроцкого, возных енералов воеводства Волынского, урядови добре знаемых, которые то енералове, за приданъем урядовым до огледаня помененого морду, становъши очевисте перед книгами, на вряде нинешнем тыми словы сознали: иж мы, будучи на справе их милости звышменованых панов Яна, подкоморого Луцкого, пана Шимона, ротмистра его кор. милости, и пана Криштофа Харлезских, в Любчу, в дворе, в року нинешнем тисеча шестсот четвертомъ, месеца августа шостогонадцат дня, там же будучи в звыш менованым дворе Любчу и маючи при собе для свядецства шляхтичей, то ест пана Каспра Прушинского а пана Матея Жарновского, видели есмо, за показанъем его милости пана Криштофа Харлезского, тело небожчика пана Щастного Харлезского, брата их

милости рожоного, замордованого и задушеного, на которого теле виделисмы тые разы и знаки замордованя: наперед в голове две раны кривавые шкодливе, одна на чоле стороны правое, другая троха повышей на том же чоле, обе от балвера юж гоеные, при том теж раны колотые ножиками знати белоголовскими, свеже, не засхлые за левым ухом в голове три; потом виделихмы на шии знак душеня и давеня сине значне, яко венцем шию обложил, которую синост душеня квятками и зелями розмаитыми окрыто для знаку было; которые разы и зънаки кгдыхмы се пытали, през кого бы были небожчикови заданы, там за пытанем нашим его милость пан Криштофъ Харлезский, именем их милости панов брати своее, также и именем своим, поведил з жалостю немалою, иж та робота ест панее братовое нашое, панее Счасное Харлезское, яко принципалки, и от помочников ее, которых она на то собе способила и перенаняла, не огледаючисе на милост малженскую и повинност шляхетскую, зошлого пана Счасного Харлезского, брата их милости а малжонка своего, через руки помененого Рожковского, слугу небожчиковского рукоданого, также и девок ее служебных Ганны и Каски, которие при панее Галене Монвидовне з Дорогостай Харлезское през певные возные арештованы, обычаем вышей описаным забила и замордовала здрадецке, што се околичным суседом оповедило и показало. За которым таковым осветченемъ его милости пана Криштофа Харлезского и за усилным его милости пана Павла Монвида Дорогостайского и матки его милости жаданъем и прозбами и при бытности их самых, шли потым до избы, где тот помененый злочинца Рожковский осажоный был, которого так бачечи осажоного, кгдыхмы его, маючи при собе звышменованую шлях у и иных немало зацных людей, черезъ кого бы и яким колвекъ способом небожчикъ был замордованый—пытали, который, за пытаньем нашим и его милости пана Павла Дорогостайского самого и матки его милости, то все, што з ведомостю, росказанемъ и перенятьемъ панее своее з девками ее чинил и зробил, доброволне и непримушоне, з добрым розмыслом поведил

и признал се; штосмы все чотыри вознове, з шляхтою при нас будучою на тот час, особно все по достатку, яко што поведил тот то Рожковский, принаентый зрайца, списавши и печатми нашими запечатовавши, также и руками своими, которые з нас писати умели, подписавши, их милости паном Харлезским кождому з них з особна, в тые ж и одни слова естесмы их милости, для лепшое вери и сведецства того всего, три реляцие отдали, так яко то на оных реляциях наших о том всем по достатку ест ширей и достаточне описано и доложоно и до шкрутинии судовне будет через нас признано и введено. Якож повторе и потрете, при велю зацных людей и при бытности его милости пана Дорогостайского и матки его милости, помененого Рожковского, еслибы то так, а не иначей было,—пытали; который за пытаньем нашим тыми словы с плачем великим поведил: „иж и на смерть идучи, которое ми та пани ест албо будет причиною, иначей не повемъ". Што его милость пан Криштофъ Харлинский слышачи, нами и всими людми, на тот час будучими, осветчил и пани братовую свою, яко принципала учинку помененого, обвинил. Мы теж с повинности урядов наших зознаваем, жехмы там будучи, яко се вышей все описало, то все слышели и видели.—И просил помененый его милост пан Криштофъ Харленский, именем своим и им нем помененых их милости панов брати своих, абы то оповедане его милости и возных сознане принято и до книг кгродских Луцких записано было, што за принятем моим ест записано.

Книга гродск. Луцкая 1604 г., № 2418, л. 781.

---

2. Допросъ Рожковскаго и его показаніе о томъ, что убилъ п. Харлинскаго по подговору его жены. 1604 года, сентября 7.

Року тисеча шестъсот четвертого, месеца октобра осмого дня.

На рочкахъ судовыхъ кгродскихъ Луцкихъ, дня тридцатого месеца сенътебра в року звышъписаномъ припалыхъ и судовне отъправованыхъ, перед нами Матеемъ Стемпковскимъ, подъстаростимъ, а Остафъемъ Еловичомъ Малинскимъ, судьею, урядниками судовыми кгродскими Луцкими, постановившися очевисто шляхетный Матыс Славокгурский, возный енерал воеводства Волынского, для вписаня в книги кгродские Луцкие подал тестаментъ Анъдрея Рожковъского, здрайци небожчика пана Щасного Харлинъского, который при немъ, возномъ, и инъшихъ возъных и особахъ нижей в том тестаменъте менованых, будучи на муце, учинилъ, с печатю своею, такъже с печатъми и с подписми, которые писати умели, тыхъ нижей менованыхъ особъ, там на тот час будучихъ, просечи, абы принятъ и в книги вписан былъ; который тестаментъ, за поданемъ помененого возного, мы, принявши, до книгъ уписати есмо казали и такъ се в собе маетъ: „Мовене здрайцы небожчика пана Щасного Харлинъского, который на муце тые слова поведилъ: „Наперед, милостивые панове, штомъ первей поведилъ, и теперъ поведаю, и што ихъ милости дали писатъ и штомъ поведалъ перед правомъ, же пани сама и две дивъки, одъна Ганънуска, што ми небожчика помогала, за ноги небожчиковские тримаючи держала, а Каска вшистъко посылывала мне, намовяючи; другая засъ *), слуга пана Дорогостайского Шлепшинъский приходилъ до мене килъка разовъ, абымъ панюю отволалъ, поведаючи, же душу и горло твое отъкупимъ; третая, коли его милость панъ Криштофъ Харлинъский, взявъши вядомость о смеръти небожчиковъское, приехалъ до Любча, што в

---

*) Т. е. во-вторыхъ.

тотъ час и панове Хринъницъкие приехали в коний пятдесят алъбо болшей, тамъже пришъло до мене слугъ панов Хринъницъкихъ пахолковъ шесть албо семъ, почали ми мовитъ, абымъ на двор вышолъ, поведаючи, же тя порвемъ и коня тобе дамо, же уйдешъ; четвертая, присылала пани до мене ксенъдза мниха три разы одное ночи, абымъ панюю отволалъ, поведаючи, же душу и тело твое окупитъ; колимъ голосомъ мовилъ, тогды ми не казалъ волати, поведаючи: „тихо мовъ“.—Коли его (катъ) мучилъ и тягнулъ, поведилъ тыми словы: „О незбожная белая голова! не отъ пановъ Харълинских тую муку терплю, толъко от тебе! Пане Боже будъ тобѣ помстою!“ И повторе то мовилъ, просячи, жебы то и повинному его поведзяно, же с причины от тое небачное белое головы с тогомъ света зполъ. „А якомъ первей поведилъ, же Ганънуска за ноги держала, а Каскою мене намовяла на то“,—поведилъ засъ: „коли колвекъ намавяла на то, тогды ми ноги дързкали; але того дня, коли уже пана удавил с помочю панее, дала ми горилъки ся напити с фляшъки якоес мутъное; скором ся тое горилъки напил, страх мене уже оминулъ и безпеченъство ми приступило, и тогожъ дня знаку мъ ся не боялъ, пошедломъ на гору, на кганокъ; потомъ дѣвчина Каска послала Ганнуску до скрыни по рантухъ; коли ранътуха не нашъла, два фарътухи принесла, один фартух обедъве дивки змачивши у ваненъце на кганъку, поведаючи пани сама, же отъ мокърое хусты не будетъ знати; выслала всихъ з двора, живое души не зоставивши, толко мене а дивки, а сама пошла с Каскою до воротъ, жебы хто до двора не пришол алъбо не приехалъ, поведаючи, „же я буду пилъновати“; а мне росказала: „если на ложку будетъ, уфати его за горъло тою мокрою хустою; если будетъ волать, естъ тамъ мои великие подушъки, накинь ему на губу, штобы не волалъ“. Удушивши, пошолъ есми на долъ до воротъ, али пани идетъ с Каскою з гумна и почала пытать: чи уже? Поведилом, жемъ уже удавилъ; она мовила: „Хвала Богу!“ почала мя пытати, если ся не затаилъ а южъ неживый. Колим хотилъ утекатъ, просилом панее о подъиздка, поведила: „не бойся,

не треба утекать; еслибы тя и осажоно, мы тобе пофолкгуем, же и з везеня утечешъ“. Потомъ третего дня по удавеню, в недилю, на Небовзятъе Панъны насвятъшое, по обиди, пришовъ есми до панее, але она кошулки жалобни крае; мовилем ей: „зле есмо учинили, тръвожу собою“. Она рекла: „не бойся, будетъ и кунь *), толъко не вымавляйся ни перед кимъ; толко зле есмо учинили, жесмо его не обвисили по задушенъю: розумели бы братъя, же ся самъ обвесилъ“. Потомъ кгды мя поймано, поведилом все самъ, през (безъ) всего примушеня и муки, штом учинилъ“. При которых его всих повестях и вызнанъю на муках катовских были мы, возный Матыс Славокгурский, Петръ Бутовичъ, Иван Хвоинский и Григорей Суета; до того теж два присяжъные места Луцкого, то естъ Сава Томиловичъ и Михайло Федоровичъ. И просил насъ, возных, тот то Андрей Рожковский, мужобойца пана добродея своего, небожчика пана Щасного Харлинского, абысмы тое вызнанъе его реферовали до актъ кгродских Луцких, оповедаючися, жемъ „не щие (с чиеи) инъшое причины с того света схожу, одно за намовою, пренанятемъ и розными обетницами панее Галены Монъвидовны Дорогостайское, малжонки власное небожчиковское“. А для лепшое веры мы, вышъпомененые возные, тутъже тежъ и лавники звышъпомененые места Луцкого, которые з их умели, руки свои подписали ся, а которые-хмы не умели писати, печати свое приложилисмо, яко до власъного тестаменъту и остатънее воли и поволанъя звышъменованого Андрея Рожковъского. Писан в Луцку, року тисяча шестъсотъ четвертого, месеца сенътебра семого дня, годины семое в ночъ.—У того тестаменъту печатей притисненых две, а подпис рук в тые слова: Петръ Бутовичъ, енералъ, власная рука. Григорей Суета, енерал, рукою власною. Михайло Федорович рука власная.—Который же то тестаменътъ помененого Рожковского мужобойци, за поданъем помененого возного, за принятемъ нашимъ, естъ до книгъ кгродскихъ Луцкихъ уписанъ.

Книга гродск. Луцкая 1604 г., № 2418, л. 923 об.

---

*) Т. е. конь—очевидно, для побѣга.

3. Послѣднее заявленіе Рожковскаго о томъ же, публично сдѣланное во время совершенія надъ нимъ смертной казни (четвертованія). 1604 года, октября 8.

Року тисяча шестъсотъ четвертого, месеца октобра осмого дня.

На рочкохъ кгродскихъ Луцких, дня тридцатого месеца сенътебра в року звышъ написаномъ припалыхъ и судовне отъправоватъ зачатыхъ, передъ нами Матеемъ Стемъпковскимъ, подъстаростимъ, а Остафъемъ Еловичомъ Малинъскимъ, судею, урядъниками судовыми кгродскими Луцкими, становъши очевисто, возные енералове воеводства Волынского, шляхетные: Матыс Славокгурский, Петръ Бутович, Андрей Жирицъкий, Григорей Суета, Иван Хвоинский и Станиславъ Ставъский ку записанъю до книгъ кгродскихъ Луцкихъ созънали тыми словы: ижъ року теперъ идучого тисеча шестъсотъ четверътого, месеца окътебра осмого дня, былисмо при томъ, коли зрайца именемъ Андрей Рожковъский за свой учинокъ и зъ декрету вашои милости судового на горло былъ до мистра до екзекутора выданый, то естъ за зрадецъке замордованъе небожчика его милости пана Щасного Харлинъского. Тамъ же, коли есмо его пытали: еслибы з ненависти якое на панюю Щасную Харлинъскую помовил,—теды, коли уже его и екзекутор водлуг учинку его четвертовалъ и уже коли Пану Богу духа отдавал, власне такъ поведилъ: же „ни с чиих рукъ, толъко отъ панее Галены Монвидовъны Дорогостайское, малъжонки власное небожчика пана Щасного Харлинъского, которая мене на то намовила и перенаняла, с того света иду“; мовечи: „Пане Боже будъ тоби помъстою, небачная белая голово!“ и то мовечи, Пану Богу духа отъдал. Што мы видели и слышали, передъ вм. сознаваемъ.— Которое ж то сознанъе возных до книг кгродских Луцкихъ естъ записано.

Книга гродск. Луцкая 1604 г., № 2418, л. 922.

Примѣч. Въ виду особой важности дѣла, Харлинскіе позвали невѣстку, а равно ея брата п. Павла Монвида-Дорогостайскаго, въ качествѣ ея соучастника въ

преступленіи, непосредственно въ королевскій сеймовый судъ, который, согласно просьбамъ отвѣтчиковъ, отложилъ произнесеніе декрета до того времени, пока они выведутъ въ гродск. Луцкомъ судѣ „шкрутенѣю (scrutinium, слѣдствіе) и представятъ доказательства своей невинности. Такое scrutinium было произведено обѣими сторонами нѣсколько разъ, но протоколы слѣдственные не были внесены въ актовыя книги, а по обычаю того времени, вручены были сторонамъ въ закрытыхъ пакетахъ для представленія въ сеймовый судъ. Актов. книга № 2418, л 1039 и 1040; № 2419, л. 466 и 467; № 2985, л. 877-886; № 2986, л. 615--619.

---

4. Обвиненіе п. Павла Монвида-Дорогостайскаго, брата Елены Харлинской, въ соучастіи въ убійствѣ ея мужа. Судебныя пренія по этому дѣлу. 1605 года, мая 2.

Року тисеча шестсотъ пятого, месеца мая второго дня.

На рочках судовых кгродских Луцких, дня двадцет осмого месеца априля в року звышъ написаномъ припалыхъ и судовне отправовати зачатых, перед нами Матеем Стемпковским, подстаростим, а Остафьем Еловичем Малинским, судею, врядниками судовыми кгродскими Луцкими, кгды се приточила справа з реестру судового, за приволанемъ возного генералного, шляхетного Яхима Пристановского, межи урожоными: паном Яном, подкоморим Луцким, Шимоном, ротмистром его королевское милости, и Криштофом Харлинскими, поводами,—з одное, а урожоным паном Павлом Монвидом Дорогостайским, позваным, з другое стороны, а то за позвом кгродским Луцким, от поводов по позваного на рочки теперешние до прислуханя вывоженя шкрутинѣи их выданым, который за поднесенем поводов был читан и так се в собе маеть: Миколай Семашко на Хупкове, кашталян Браславский, староста и ключник Луцкий, урожоному его милости пану Павлу Монвиду Дорогостай-

скому. Зо всих добръ вашой милости лежачих и рухомых и з особы в. м. приказую, абы в. м. передо мною, а в небытности моее ино перед судом моим кгродским Луцким, на рочках кгродских Луцких, в року теперешнемъ тисеча шестсотъ пятом, месеца априля двадцат осмого дня, стал на жалобу и правное попиране урожоных их милости пана Яна, подкоморого Луцкого, Шимона, ротмистра его королевское милости, и Криштофа Харлинских с Харленжа и имъ усправедливил, которые в. м. позывают о то, иж в. м., пропомневши боязни Божее, срокгости права посполитого и повинности своее, взявши перед себе якийсь умыслъ злый и вазнь противъ небожчикови пану Щасному Харлинскому, швакгрови своему а брату их рожоному, а то взглядом певных поступковъ правных о неотдане посагу по сестре в. м., учинивши впрод пофалку на здорове небожчиковское, радою и вшелякою помочю панеи Галене Монвидовне з Дорогостай Щасной Харленской, сестре в. м. рожоной, будучи, которая за радою и отухою в. м. наперед от мужа своего з Любча до села Воротнева, до дому в. м., без вѣдомости и воли небожчика мужа ее была своволне отъехала и там, у в. м. рады набываючи и помочи просечи, через недел петнадцат албо шестнадцат мешкала, а до мужа за жаданемъ небожчиковскимъ звернутися не хотела; а здобывшися уже на раду и помочъ нижей описаную, через в. м. естъ до Скорча, дому поводов нинешних, кгды на тотъ час братъ их небожчикъ з ними былъ, то естъ в року прошломъ тисеча шестсот четвертомъ, месеца июня пятого дня, в ден светочный, умыслом недобрым от в. м. послана, от которое небожчикъ ничого таковою собе противного и от в. м. самого не сподеваючися, жону за жону принявши, з нею до Любча, дому своего, от поводовъ, яко брати своее, з Скорча отъехалъ; а тамъ мало што змешкавши, небожчика черезъ инструмента своего окрутне задушила и задавила и з живого мертвого учинила, такъ яко о томъ всем протестацые, оповеданя возных, обдукцые и реляцые в описаню своем ширей светчат и обмовляют, до чого уже и поступки правные з нею зачатые ест и на певных стопнях

правных зависли и стоят. По которого замордованю назавтрее, кгды се брат поводов теперешних молодший, урожоный пан Криштофъ Харлинский, о смерти брата их, не от нее, але от людей обчих доведал, а причины смерти его таковое на он час зразу еще се не домневаючи, кгды до Любча прибежал, раны срокгие на брате забитымъ обачил, теды се зараз такъ о опыхъ ранах, яко и о замордованю его у братовое свое, сестры в. м., яко у жоны его власное, наперед пытал, в которое яко о причине ран, такъ и смеръти, ничого се певного выпытат и доведит не мог; кгдыж раны од метаня кадуку, которое хоробы он был прожен, придат му ся поведала, а смерть бы зас откуля припала—все на невѣдомость свою вкладала, толко се вымовкою Каиновою вымовляла. Затым кгды му теж явне цо о причыне иншои от домовых тихо пошепнено, мусел ся уже до инших сродков удават, а межи слугами и челядю белою о мужобойцы се пытати и до инквизыцыи, яко ин рецენти кримине, хутне приступовати; при чом, ижес в. м. был з немалою личбою слуг и приятелъ, будучи до войны з бронями розмаитыми, войне належачими, готовый, наперед, кгды братъ поводовъ урожоный пан Крыштофъ Харлинский слуги усѣ и челядь до везеня побралъ, в котором за выткненем певным кгды се некий Андрей Рожковский до тое роботы признал, внет зараз и панюю сестру в. м. в той же роботе злой виновал, а девки ее две службистые Каску и Ганнуску веспол из сестрою твоею помовил и поволывал, которые дѣвки коли также до везеня брати их в року прошлом тисеча шестсотъ четвертомъ, месеца августа четвертогонадцат дня, побрат и оныс добре опатрити хотел, тож и о ней самой, братовой своей, бы был с тое силы мел промышливал, яко ин реценти факто, в. м. внет ся при оных дѣвках сестры своее моцно из нею, яко помочникъ ее того учинку, опарлъ, а до везеня их брату поводов теперешних брати не допустилъ и при них ся до горла своего стати оферовал и инквизыцыи чинити упорне заборонил. Видечи брат их, што бы оттол урости могло, оные девки певным возным енералом, водлуг права посполитого,

урядовне у сестры в. м. Щасное Харлинское арештовал и припоручил; а по учиненью потом протестацые их, иж се теж в. м. помочником сестре своей меноват мусел, внет их еднеpopulationемъ то таким, то оваким уходити хотел и в тых трактатех, кгды собе зъяздъ на угоду в Любчу зложили в том же року тисеча шестсотъ четвертом, месеца сентебра девятого дня, з дому и двора в. м. Воротнева и з ыншых маетностей с килкадесят слуг своих конно и избройно и пехоты немало с пулгаками до Любча для пожаданое угоды приехал и гаковниц полных возов три с порохи и с пушкарми з собою до Любча привез и припровадил, зачим поводовъ нинешних яко от справы, такъ от тела небожчиковского и от вязня Рожковского отстрашити и отпудити хотел и моцно усиловал; чого коли не допял, а в Луцку сам в. м. очевисте, яко и через слуги и приятелѣ свое, от здрайцы Рожковского слышал, же, сходечи з света, панюю Щасную Харлинскую Галену Монвидовну з Дорогостай, сестру в. м., виновал и на суд ее Божий з собою о то поволывал. До того, кгды на квестыях Рожковский был, признал, же в. м. слугу своего неякого Шлешинского до него тихо посылал, просечи его барзо, абы сестру в. м. отволал, обецуючи, же душа и горло его откуплено быти мело через в. м., если бы то был учинил; але кгды не отволал, овшем твердил то и повторал, же в Любчу слуга в. м. неякий Шлешинский до него приходил, намовляючи его, абы сестру в. м. отволал. До того теж в. м. коней килкадесятъ засажоных на отбите того здрайцы поготову недалеко двора мел. Тепер, по смерти здрайцы Рожковского, до протестацый противко ним ся удал, а не справившися им, о што был обвиненый, протестацыями ущипливыми, славе их доткливыми, оных з розмаитых мер полжил и помазал и веле инконвенцый в них наклал и потварне нагматвал, яко ширей а достаточней поступокъ их милости пановъ Харлинскихъ правне учиненый в собе обмовляет. И хотечи их милост панове Харлинские через певные сведецства и шкрутинѣум того на в. м. явне показати и довести, в. м. до прислуханя шкрутинѣум позывают; про то абыс

в. м. на час и местце звышъ описаное стал, шкрутынѣум, которое противъ в. м. вывожоно будеть, прислухал и свое, если бысь его в тои справе потребовал, за тым же позвом, не беручи ся на свой позов, выводил и в том ся всем, яко на року завитом, под винами, в праве посполитом описаными, усправедливил. Писан у Луцку, року тисеча шестсотъ пятого, месеца марта двадцат шостого дня.— А по вычитаню того позву, доведши его и року за ним слушне припалого ведлуг права, поводове домовлялисе, абы позваному на позов справоватися наказано было. А сторона позваная, пан Павел Дорогостайский, не признаваючи мниманого учинку, а ни актора, а ни форум в суде нинешнем тое справы, а ни акцыи належное, и овшем того всего остерегши и всѣ обороны правные вцале и отводы, также и шкрутынѣумъ з стороны своее, еслибы его сторона потребовала, албо и ему самому если с права прийде, и того собе не опущаючи, поведилъ: иж до слуханя шкрутинѣумъ од пановъ Харлинскихъ, до которого ест припозваный, не повинен, бо зо всего процесу и позву навет самого не показуется, абы его милость пан Дорогостайский мел быти в учинку яком обвиненъ, и не ест справа таковая, которая бы вывоженя шкрутинѣумъ якого потребовала; бо толко подобенствомъ албо мниманемъ якимсь доходят помочництва, а не речю самою, которого мниманя сведецствы подперты не могуть: кгдыжъ мыслей чоловечихъ нихто вѣдати и сведецства на них чинити не може. Другая, справа с принцыпалем еще не скончона, с которым кгды се покаже через право, же невинне ест ин пена компліцитатисъ обвиненымъ, теды позваный теперешний без вшелякого выводу волным од тое справы быт мусит. Третяя, бы теж поводовая сторона и слушност якую собе меть розумела до выправованья противъ мниманю своему якого шкрутынѣум, чого се ей не позваля, теды то собе вже ведлуг права посполитого упустила с тых рацый: першая, же нерыхло противъ позваному, здобывшися на якуюс раду, протестацыю учинила, але далей а нижли в чотырнадцат недел; а то мимо констытуцыю, бо констытуцыя позволяетъ до дванадцати недел

протестацые вносить и то там, где бы се забите стало далеко от приятел, а ту зас иначей; бо а ни о забите, а ни о росказ забитя вины не дают, але толко, же „с твоею сестрою справа“, и шкрутынѣя толко о забите бывают выправоване, а не о речи такове, которых мниманем албо подобенством доходят; другая, рочковъ килка проминуло сужоных, а позвов жадных не выдавано, и то над право и констытуцыю, бо констытуцыя пост обдуктум крименъ заразом каже шкрутынѣя на перших роках выправоват; зачим, бы теж якое чинене се мет розумели в той справе, теды его стратили, а протож не толко от шкрутынѣумъ, але и от самого обвиненя мает быти позваный волнымъ; третяя а немнейша и уваженя и консидерацыи рация годна, же, яко се поменило первей, протестацыю чинят, здобывшися на раду, по всихъ процесахъ и по всихъ инстанцыяхъ на его милости пана Дорогостайского в недел килканадцат, и то не о жадное забите, але толко мниманем чогос доходят, коли вже позваный теперешний о починенье на себе криминалных протестацый поводов теперешних на сеймъ позвалъ, доперо вже они протестацые якиес чинять и до тое протестацыи позывают до шкрутынѣумъ, што а ни ведле права, розуму и самое слушности быти и стати не може; четвертая, справа тая вже была на сейме сужона и ест суспендована через декретъ его королевское милости до того часу, аж се с принцыпалом поводове розопруть, под которою теды суспенсыею сторона ничого поступовати не може, а теж и на шкрутынѣум жадное не брала се, а ни взмянки жадное не было; але коли сторона с принцыпалом се розопреть а с теперешним позваным з року заховалого с права припадет, теды собе его милост пан Дорогостайский шкрутынѣумъ цале заховуетъ, если с права придетъ и если того потреба будет. Выведши то теды и показавши с тых рацый и инших, его милост панъ Дорогостайский просилъ, абы яко от слуханя того шкрутынѣумъ, до которого не повиненъ, такъ тожъ и от самое справы, не належне заданое, волным был учиненый, вшелякие иншие притом обороны правные вцале собе и отводы, якие одно с права належати будуть

могли, вцале захowуючи. А поводове поведили, же шкрутынѣумъ в тои мере слушне слухано и выwожоно быт маеть, кгдыж комплицитас того мужобойства через позваного оказуется с тых причинъ: першая, же позваный малжонку небожчика брата их, а сестру свою рожоную, которая о замордованье мужа своего принципалитер ест обвинена, кром воли небожчиковское в дому своемъ переховываючи, пофалки и прегрозки на здоровье небожчиковское чинил, о чомъ суть ясные противко нему документы, и там ее в себе в дому переховываючи через недел петнадцат, што се покажет с процесу правного, который небожчикъ о выдане жоны своее с позваным чинил, рады и помочи до таковогo учинку замордованя брата их сестре своей додавал, за которою радою выдавши небожчикови жону его, ркомо то за угодою, з оное рады, а принамней з набраня се своее воли, которое се она, у позваного мешкаючи, научила, и небожчикъ братъ поводовъ, водлуг оных пофалокъ позваного, заразом по оной ркомо угоде ве чтыри недѣли задавленъ и замордованъ ест, откул конъектура великая помочницства того учинку противко позваному оказуеся. Другая причина: скоро поводове панове Харлинъские довѣдалися о смерти брата своего небожчика, а в дом небожчиковский, до Любча, для учтивости и опатреня тѣла брата своего приехали, обачывшы пан Крыштофъ Харлинский, брат небожчиковский, оден з акторов нинешних, тѣло небожчиковское, нализлъ на нем знаки замордованя, а звлаща на горле од задавеня синости, а на иншихъ местцах раны колотые ножиками белоголовскими, для затаеня прикрытые квѣтками, а то обачивши, узналъ, же не смертью прирожоною, але через задушенъе и замордоване брат его с того света зшол; где с таковых конъектуръ инквизыцыю межи челядю небожчиковскою о смерти небожчиковской чинит хотел, там на тот час позваный панъ Дорогостайский, в Любчу будучи, инквизыцые тое был спротивный, и оное боронечи, на пана Крыштофа до слов вперед попудливых и до брони потом се торгнулъ и до горла своего боронити челяди небожчиковское оповедалсе и тое инквизызыи моцно заборонял,

чим се у великую суспицыю того помочництва подал. Третяя: иж позваный поводов в тои справе о голову небожчиковскую еднал, а еднаючи, местце оное еднаня людми и арматою розною осадил, и тыми людми и арматою сестре своей, которая естъ о тое мужобойство принципалитер обвинена, помочи додавал. На што все поводове шкрутынѣум вывести и позваного помоч и раду до того окрутного учинку сестре своей через свѣдки вѣры годные оказать хочуть. А што се дотыче оборон позваного, которые до тое справы через умоцованого его до суду вношоны были, то поводове через умоцованых своих такъ солвовали: наперед, иж в головной протестацыи, которая ест учинена, а учинена ест в час, скоро вѣдомост певная поводов дошла о правдивом помочництве того мужобойства через позваного, бо хот дванадцат недел минуло, ведлуг констытуцыи, чиненя протестацыи, але предсе прешкрипцыя о голову и другая прешкрипцыя рецентис не вышла; волно поводом чинити о тое протестацыю и по выйштю дванадцати недел, кгдыж и тая констытуцыя, которою позваный алекгуе, позволяет того не толко до дванадцати недел протестацые такие чинити, але от взятя вѣдомости о мужобойцѣ албо о помочнику яко напрудшей. Далей, боронит ся позваный тым, же не дана вина в протестацыи позваному о такое помочництво, жебы учинкомъ сам через себе помочи додавать, албо слугъ своих на тот час до того морду насылат мел, и тым шкрутынѣумъ того и акцые самое уходити хочет; але то латве заплатит: такъ поведают, же и тот, што чинит, и тот, што радит, одное казни годни. А иж ест обвиненый позваный о пофалку на здоровье небожчиковское, обвиненый и о тое, же,ховаючи у себе жону небожчиковскую, рады и причины до такого морду оной додавал,—слушне под вину помочництва подпалъ и слушне шкрутинѣумъ в тои мере слухано быт ма. Венцъ и то, што позваный алекгуе, же справу на сейме водлуг своее протестацыи про пена талионис противко поводом о обелжене стану своего протестацыями, через поводов противко нему учинеными, интентовал, и за тым уже розумееть, же акторове тых протестацый своих, про-

тивко нему починеных, попират и шкрутынѣумъ того выводит не могут,—та его борона болшей на сторону акторовъ, нижли на его, служит: бо иж он поведает, же акцыи своеи на сейме про пена талионис з акторами попирает, далеко болшей потреба, абы акторовъ шкрутынѣумъ в тои мере слухано было, бо алиас, если бы его не вывели, тым самым за непопартем протестацый своих криминалных под пенам талионис подпасть бы мусели. Нехай позваный попираеть акцыи своее сеймовое, яко хоче; але теж актором тою своею акцыею позву, который противко нему на сеймъ прошлый водлуг тых протестацый о тое помочництво в речи головной выданый был, на который лимитацыя зашла, и позву теперешнего, до шкрутынѣумъ выданого, гамоват не може. Поведает далей, же акторове шкрутынѣумъ того своего выводити не могуть с тое мѣры, же, ведлугъ констытуцыи, на першихъ рочках по протестацыи учиненю не выводили. Прожно и тым алекговат мает, бо та констытуцыя не то в собе замыка, абы се шкрутынѣум тратит мѣло, коли се его ведлуг часу, в констытуцыи описаного, не выведет; але на то учинена ест, абы стороны были готовы з шкрутынѣями своими на сеймѣ. Волно теды актором и тепер на тых рочках шкрутынѣумъ то выводить, поневаж жадная давность по протестацыи не зашла. С тых теды всѣх причин указавши быт позваного власным помочником того мужобойства и указавши, же шкрутынѣумъ ведлуг констытуцыи такъ противко помочником в справах криминалных и в справах о мужобойство вывожоно быт маеть, просили поводове, абы суд, отнявши всѣ обороны позваного, которые в справе шкрутынѣи не идуть, шкрутынѣумъ поводом и стороне позваной выводит наказал.—Мы, суд кгродский Луцкий, выслухавши и добре зрозумѣвши контроверсыи обудвух сторонъ, которые поводове и позваный очевисто до суду нинешнего вносили, иж поводове ведлуг протестацыи своее до шкрутынѣум запозвали, для того, обороны позваного на сторону отложивши, на позов поводов позваной стороне правне поступовати наказали есмо. Которого декрету сторона позваная за правный не приймуючи, од

него до суду головного трибуналу Любелского апелевала. Мы, тое апеляцыи, иж о шкрутынѣум идет, не допустили, о которое недопущенье апеляцыи, о попартье ее и о утяженье и о шкоды сторона позваная светчиласе. Мы, суд, также ся светчили, же над право ничого не выкрочили и овшем ведле него такъ розумѣли. А потом сторона позваная, стоячи под обороною апеляцыи и осветченя своего, а будучи утяжоный и примушоный декретом, еслибы того была потреба и еслибы с права яко пришло, просил о узычене дыляцыи до пришлых рочковъ на выправене теж своего шкрутынѣумъ, которого собе не опущает, але рачей, еслибы с права пришло, цале заховуеть, домовляючися, абы ему суд оное позволил, вшелякие иншие обороны и одводы правне вцале заховуючи. Мы, суд кгродский Луцкий, припатрившися праву посполитому, стороне позванои позволили дыляцыи до пришлых рочковъ кгродскихъ Луцких, по сих теперешних напервей сужоных, на выведене шкрутынѣумъ в обвиненю ее; а што се дотычет шкрутынѣумъ поводового, наказали есмо оное поводом выводит и на ставене светковъ водле констытуцыи присягнути. А позваный его милост пан Дорогостайский, где дыляцыи позволено, в тои части декретъ принял; а в тои части, где шкрутинѣумъ наказано выводити поводом, оного не приймуючи, до суду головного трибуналу Любелского апелевал; также и поводове в тои части, иж дыляцыи позволено позваному, того декрету за правный не приймуючи, од него до суду головного трибуналу Любелского апелевали. Мы, суд, што се ткне стороны позваное, апеляцыи не допустили; а поводом тое апеляцыи допустивши, рокъ обудвум сторонам у суду головного трибуналу Любелского на тот час, кгды справы воеводства Волынского порядком инших коронных по дате сего декрету нашого напервей припадуть и сужоны будуть, стати зложили и заховали. А сторона позваная о недопущене апеляцыи своее, о попартье ее и о утяжене, также и о неважности шкрутинѣум поводового светчиласе; а поводове водле пречоного наказаня судового на ставене светковъ присягу водле констытуцыеи, при бытности стороны позваное, всѣ згодне

выконали и светки до тое справы припозваные для выданя сведецства ставили; которых мы суд способом звыклым, на особливым местцу выслухавши и сведецства их порядне списавши, в завартом ротуле, печатми нашими запечатавши и руками подписавши, стороне поводовои отдали есмо. Што все для памети до книгъ кгродских Луцких записати есмо казали.

Книги гродск. Луцкая 1605 г., № 2986, л. 619 об.

---

5. Королевскій декретъ, которымъ Елена Харлинская за убійство мужа приговорена къ банниціи. Публикація этого декрета. 1606 года, марта 31.

Року тисеча шестсот шостого, месеца июля двадцат пятого.

На вряде кгродскомъ, в замку его королевскои милости Володымерскомъ, передо мною Иваном Шабаном Гноенским, буркграбим и наместником подстароства Володимерского, постановившисе обличне, урожоный пан Богданъ Кулик покладал декрет его корол. милости сеймовый межи их милостю паном Яномъ, подкоморим Луцкимъ, паном Симоном, ротмистром его корол. милости, и паном Крыштофомъ Харленскими—поводами, а Галеною Монвидовною з Дорогостай Щасною Харленскою—позваною, о окрутное замордоване малжонка ее, небожчика пана Щасного Харлинского учиненый,—просечи, абы до книгъ нинешних тот декрет принят, вписан и до вѣдомости всѣх приведеный и объволаный был; которого я принявши, до книгъ кгродских вписат росказал, и так ся в собе мает: „Жикгимонт Третей, Божю милостю корол Полский, великий княз Литовский, Руский, Пруский, Мазовецкий, Жомоитский,

Ифлянтский, Шведский, Вандалский дедичный корол. Ознаймуем тымъ декретомъ нашимъ сеймовымъ посполите и кождому зособна, нинешним и напотомъ будучим. Приточилася справа перед маестат и судъ нашъ сеймовый межи урожоным Яном, подкоморим Луцким, Шимономъ, ротмистром нашимъ, и Криштофом Харлинскими, яко поводами,—зъ одное, а межи урожоною Галеною Монвидовною з Дорогостай Щасною Харлинскою, братовою их, з другое стороны, о то: иж она, запомневши боязни Божое и срокгости права посполитого и винъ в нем описаных, милости ближнего, а што болшая, зневаживши и зламавъши вѣру малжонскую, на шлюбе мужу своему поприсяжоную, направивъши, прянанявъши и росказавши нѣякому Андриеви Рошковскому, слузе мужа своего, з двѣма дѣвками своими служебными з Ганускою и Каскою, урожоного Щасного Харлинского, секретара нашого и брата рожоного поводовъ нинешних, своего мужа, удавити и окрутне его на смерть задушити казала, о чомъ ширей и достаточней въ жалобе ихъ описано и доложоно ест. А так о тот выступокъ кгды была пречечоная Галена Монвидовна з Дорогостай Щасная Харлинская, братовая их, на близко прошлый соймъ запозвана, теды на выводъ невинности своее бралася до шкрутиниумъ, хотечи то з себе през выводъ шкрутаторовъ знести и невинност свою показат, которое иж имъ был час выводить не уплынул, позволили есмо были ей вывести и рокъ сторонамъ обеюмъ, безъ припозву, вырокомъ нашимъ сеймовымъ на нинешний соймъ зложили есмо. На року тогды нинешнем, з реестру и зъ арешту слушне припалымъ, за приволанемъ сторон обудву через возного енералного, шляхетного Крыштофа Чижевского, сторона поводовая—урожоные Харлинские сами очевисте и через умоцованого своего, шляхетного Яна Венкгерского, а от стороны позваное урожоный Ян Прилепский, подстаростий Володымеръский, приятел ее, маючи от нее моцъ зуполную, в той справе на зыскъ и страту собе даную, розные контроверсие перед маестат и суд нашъ втачали, и положивши обоя сторона шкрутиниумъ свое, Харлинъские до доводу бралисе, а вмоцованый приятел Галены

Монвидовны з Дорогостай Щасное Харлинское до отводу. А такъ мы, король, съ паны радами нашими, которые се на нинешний соймъ зъехали, при боку нашемъ седячими, вырозумевши тую справу с контроверсий, а наболей шкрутениумъ сторон обудву, перед нами покладаными, за радою пановъ радъ нашихъ, сказали есмо вырокомъ нашимъ поводов быт близких до доводу; якожъ до выслуханя присеги и выконаня декрету нашого того жъ возного, енералного Крыштофа Чижевского стороне поводовой придали есмо, который возный, ставши очевисто перед нами, зознал, ижъ пречеченые поводове, водлугъ роты написаное, самоседмь з шляхтичами, собе ровными, в тые слова присягнули: же з направы братовое их Галены Монвидовны з Дорогостай Щасное Харленское през Андрея Рожковского, слугу небожчиковского, и двух дѣвок Ганускы и Каски удушонъ и на смерть удавленъ есть. По которой присязе ижъ сторона позваная не стала и декрету нашого не слухала, теды поводове просили, абыхмы оную, яко несталую и права непослушную, въ вине чти отсужеию здати допустили и на публикацию возного придали. А такъ мы, король, с тыми жъ паны радами нашими, прихиляючися в томъ до права посполитого, помененую Галену Монвидовну з Дорогостай Щасную Харленскую за нестаную здат допустивши, оную з панствъ нашихъ, такъ с короны Полское, яко и з Великого князства Литовского и зо всѣх землъ, до короны належачихъ, выволаную и за безецную а чти отсужоную быт сказалисмы и тым декретомъ нашимъ сказуемъ, знайдуючи то, же тая то Галена з Дорогостай Харленская вшеляких правъ, свобод, волностей и прерокгатив шляхетских заживат не будет могла и не может. Якож возного енералного, шляхетного Крыштофа Чижевского до публикованя того декрету, иж помененая Галена Монвидовна з Дорогостай Харленская со всѣхъ панствъ наших выволана и чти отсужона ест, придали есмо, которому приданю нашому и урядови своему помененый возный досыт чинечи, пред нами сознал: иж дня дванадцатого месеца априля, при бытности многих людей, тут в замку и в месте тутошнемъ оную

быт чти отсужоною, безецною и выволаною обволалъ и то отсужене чти помененое Галены Харленское до ведомости людское привел. Што всѣмъ вобецъ и кождому з особна, якого ж колвек поволаня, духовного и светского стану людем, подданымъ нашим, в Короне и у Великом князстве Литовскомъ до ведомости приводечи, роскаʒуемъ, а звлаща урядомъ кгродскимъ и инымъ всѣм, абы есте оную Галену Харленскую, чти отсужоную, при брамах местских, замковых и при ратушах в местех и в местечкахъ, и везде в панствах наших, казавши карты поприбывати, обволат дали и тую то Галену Харлезскую, чти отсужоную, за безецную маючи, жадного сполкованя з нею мет не важилися и не мели, в домахъ своихъ оное не переховывали и не обцовали, подъ винами в праве описаными, иначей не чинячи с повинности своее и для ласки нашое королевское; до которого то декрету и печат наша коронная ест притиснена. Писан у Варшаве, на сойме валном коронном, лѣта Божого нароженя тисеча шестсот шостого, месеца марца тридцат первого дня, а панованя королевствъ наших: полского девятогонадцат, а шведского третегонадцат року". У того декрету его королевское милости печат коронная болшое канцелярии, а подпис рукъ тыми словы: Mateij episcopus Premisliensis, R. P cancIerz. Справа велебного в Бозе его милости ксендза Матея Пстроконского, бискупа Премыслского, канцлера коронного. Florian Oleszko mp.—Который же то декретъ слово от слова до книгъ кгродскихъ ест уписанъ.

Книга гродская Владимірск. 1606 г., № 959, л. 370 об.

CXXVI.

Слуга п. Николая Глѣбовича Янушъ Кобринецъ, преданный суду за убійство, освобождается отъ наказанія подъ условіемъ вступленія въ бракъ съ дѣвушкой, изъявившей желаніе имѣть его своимъ мужемъ. 1606 года, 15 марта.

Року тисеча шестсот шостого, месеца марца пятогонадцат дня.

На вряде кгродском, в замку его королевское милости Луцкомъ, передо мъною Ярошемъ Станишевъским, будучим на тот час наместником подстароства Луцкого, и книгами нинешними кгродскими Луцкими, постановившисе очевисто, возный енералный воеводства Волынского шляхетный Томашъ Брозовъский подалъ квитъ на копѣи устъного сознанья своего с подъписом руки своее, в тые слова писаный: „Я Томашъ Брозовъский, енералъ воеводъства Волынъского, чиню ведомо тоею реляцыею моею, иж дня четвертогонадцать месеца марца, в року тепер идучом тисеча шестсотъном шостом, будучи в месте Олыце запрошоным од уряду войтовского и радецъкого Олыцъкого до справы нижей описаное, о то: ижъ был осажоным на горъло неякий Янушъ Кобринецъ, который служил службу гайдуцъкую велможному пану Миколаеви Глебовичови, подстолему великого князства Литовского, старосте Оникъштенскому, о забитъе товарыша своего, также гайдука, Михала именем, венъкгрина, и юж на екзекуцыю слуга его милости панъ Станиславъ Целевич, который капитаном гайдуков его милости былъ, зосланымъ будучи а справе, яко се точила, прислухавшисе, же се то показовало, ижъ з нехотеня то учинил, по котором акте помененый панъ Телевичъ, тело забитого давши похователь, того знову аж до информацыи его милости пана своего, его милости пана подстолего великого князства Литовского, до везеня дал. Дня тогды звыш описаного был до уряду местъского отъ помененого пана Станислава Телевича, капитана, посланецъ Яхимъ Попъко, кароимъ Луцъкий, з листом, рукою власною писанымъ,

посланый, абы пречечоного Януша Кобринъца з везеня волъно пущоно. Еднакъ, ижъ на першомъ акъте, кгды его на онъ часъ сужоно, уцътивая девочъка местъская, хотечи его собе впросити в станъ святый малъженъский, велю людей шляхетныхъ и учътивыхъ причинъ уживала, того помененый Телевичъ в писаню своемъ не опустилъ и то про принъципали положил: иж гдебы с тою дѣвочъкою учътивою шлюбъ явне, в костеле католицъкимъ, взятъ не мелъ, южъ бы реч инъша з ним се деяла. Лечъ я и самъ очевисте при том з велю людей учътивых, веры годных, был, кгды в костеле католицъкомъ тотъ актъ се отъправовалъ. Которую я релящыю рукою своею подписал и до книг кгродъскихъ Луцъкихъ оддаю“.— И просил звыш помененый возный, абы тое сознане его до книг кгродъских Луцъкихъ записано было; што за принятъем моимъ естъ записано.

Книга гродская Луцкая 1606 г., № 2421, л. 230 об.

CXXVII.

Духовный судъ священниковъ мѣст. Бѣлиловки по жалобѣ Коденскаго мѣщанина Петра Гавриловича на своего тестя, Бѣлиловскаго войта Моноска, объ удержанiи жены жалобщика. 1606 года, марта 16.

Року 1606, месеца марца шестнадцатого дня.

На вряде его королевское милости замку Житомирского, передо мною Федором Щуровским, подстаростим Житомирским, постановившысе очевисто, енерал возный воеводства Киевского шляхетный Григорей Гуляницкий ку записованю до книг сознал и водлуг того сознаня своего квит под печатю и с подписом руки своее писаный тыми словы подал: Я Григорей Гуляницкий, возный

енералный, сознаваю тым квитом моимъ ку записованю до книгъ кгродских Житомирских, иж року тепер идучого тисеча шестсотъ шостого, месеца марца десятого дня, будучи мне на справе подданого велможного его милости пана Остафияна Тишъкевича, старосты Лидского, мещанина Коденского Петра Гавриловича в месте Белиловце, на зложоном року от пана Себестяна Яхимовича, старосты Белиловского, на подданого Белиловского прозываемого Ратавинского, на йимя Моноска, на тот час войта Новоместского, кгды приточилася справа перед судом духовным, перед попами тамошними Белиловскими, выш менованый Петръ Гаврылович вчинил жалобу на тестя своего Моноска, войта Новоместского: „для которое причины жоны моее мне не оддаешъ, што мне за причыну даешъ а мене до шкоды приводишъ и мене из жоною розводиш?"— Моноско то, из дочкою своею, жоною его, стоячы, поведил: иж „мы тобе причины жадное не даемъ, толко ж прийды до Белиловки ко мне на мешкане, из жоною своею мешкат, я тобе боронити ее не буду, а до Кодни ее не дамъ". Суд, обачившы то, иж причыны жадное слушное не дали, наказал, абы Петрови Гавриловичу, мещанину Коденскому, жону его ему тест его отдал. Оный вышменованый войтъ Новоместский росказаня оного не слухал и жоны оному зятеви своему не отдал; якожъ Петръ мною, возным, светчил и просил суду духовного, абы ему суду своего декрет написавши дали. Оный суд, написавши декретъ суду своего, и послали для стверженя декрету духовного до пана Себестияна Яхимовича, старосты вышменованого. Пан староста, оный декрет духовный ствердивши и доход свой с попами побравши, до шкоды приправивши, не ведати для которое причины декрету ему не выдали; якож тот Петръ вышменованый, видечи зволоку своее справедливости и кошт немалый, светчил мною возным и приручил оного Моноска тестя своего и жону свою Овдотю пану Себестиану Яхимовичу, старосте тамошнему, через мене возного на вряд высшый, перед который тая ся справа приточит, у пятисот копах гропей; а пан староста вышменованый у поруце принялъ; што все Петръ вышменованый

мною возным осветчивши, проч отехал. А так я, возный, штом видел и слышал, на том дал тот мой квит под печатю и с подписом власное руки моее. Писан в Житомиру.—Которое очевистое сознане возного и квит его до книг врядовыхъ замку господаръского Житомирского принято и записано ест.

Кн. Житомир. 1606 г., № 10, л. 273 об.

CXXVIII.

Жалоба крестьян. Тимоша Срипки о томъ, что дьячекъ Ив. Потаповичъ обольстилъ его дочь Куницу и уклоняется отъ брака съ нею. 1607 года, апрѣля 30.

Року 1607, месяца априля тридцатого дня.

Пришедши на вряд кгродский, в замокъ его кор. милости Володимерский, до мене Ивана Шабана Гноинского, буркграбего и наместника подстароства Володимерского, подданый его милости Петра Душѣ Подорецкого Тимошъ Скрипъка, посполу з дочъкою своею Куницою, оповедаючи и велико обтяжъливе жалуючи на Ивана Потаповича, дяка апостолъского, о то: иж онъ року тепер идучого тисеча шестсот семого, розных дней и мѣсецей, ходечи в дом мой обычаем приятелским, чого-мъ се я дорозумѣти не могъ, што бы за причина хоженя его в домъ мой; ажъ тепер довѣдаломсе от дочъки своее Кунки, же оную, обетницы великими уведши, паненства позбавил, обецуючи еи за то вшелякими ликгуминами: горохом, крупами, мясом полтевым опатривати; кототорых всѣхъ обѣтницъ своих не выполнил, толъко раз гороху и крупъ принес; за што тую дочъку мою паненства збавивъши, и до уроженья вже пруд-

кого потомъства привѣлъ. Што я в часъ забегаючи тому, абы се тот дякъ того учинку своего не заприсегши, зачим бы того ексцесу и взятя за себе в малженство дочъки моее с потомъством от него привалянымъ зникънути мѣлъ, то за часу до ведомости ваш. милости врядовое доношу.—И просилъ, абы то было в книги уписано. Яко и дочъка его тая то Кунка, тут же стоячи, жалобы отца своего потвердила и также просила, абы то было записано; што я, вряд, принявши, до книг записати казал, и ест записано.

Книга гродская Владим. 1607 г., № 971, л. 299 об.

CXXIX.

Двѣ записи слуги п. Яна Лагодовскаго, венгерца Януша Нада о добровольномъ расторженіи его брака съ дочерью боярина того же Лагодовскаго Анной Еданской вслѣдствіе несогласной жизни. Бракъ расторгается по взаимному соглашенію обоихъ супруговъ предъ лицемъ ихъ помѣщика и въ присутствіи свидѣтелей. 1609 года, іюня 19.

I.

Року тисеча шестъсотъ девятого, месяца июня 15 дня.

На вряде кгродскомъ Володимерском, передо мною Яномъ Каменецкимъ, буркграбимъ и наместъником подстароства Володимерского, постановившися очевисто, возный енералъ воеводства Волынского шляхетный Матыс Славокгурский подалъ лист до книгъ кгродских с печатъю своею, такъже теж с печатъми и с подписами рукъ людей добрых, которого просилъ, абы до книгъ былъ принят; я, его до книгъ приймуючи, передъ собою читати казалъ, и такъ се в собе маетъ: Ja Nad Ianusz Węgrzyn, bywszy sługa

jego mci pana Jana Łahodowskiego, oznaymuie y czynie jawno them listem moiem dobrowolnem każdemu, komu to potrzeba wiedzieć teraz y napotem, iż wziąwszy ia dziwkę Andrzeia Jedanskięgo, boiarzyna jego mci pana Jana Łahodowsziego, z Zaturzec, w stan swięty małżensky, na ymię Annę, pierwszego małzenstwa Raytkową a wtorego małżenstwa teraznieyszą żoną moią Nad Ianuszową Anną Iedanskiego, tedy iż tę żonę moię gwałtownie, a nie dobrowolnie za mnie oddano, i mieszkaiąc kilka lath z nią, nie było mieszkania miedzy nami według actu swiętobliwego i miłosci małżeńskiey, przeto ia, stanowszy dobrowolnie Nad Ianusz oczewiscze z tą to małżonką moią narzeczoną Anną Jedanskiego przed jego mcią panem Janem Łahodowskim, z dobrey woli, a nie po niewoli, ani z żadnego przymusu onę to żonę moie Annę Jedanskiego wolnę czynie od stanu małżenskiego i z nią mieszkać niechcę wiecznemy czasy, any u niey bywać y żadnego przenagabania nie czynić, gdyż mi się dosyć we wszystkim stało od tey to narzeczoney żony moiey y od Andrzeia Iedanskiego, tescia mego przerzeczonego, za szkody i utraty moie. I opisuie się tem listem moiem dobrowolnem, iesliby ia sam, przyiaciel abo kto kolwiek z moią wiadomoscią y rozkazaniem i za prosbą iakie przenagabania czynił, w Zaturczech i gdzie kolwiek by mieszkała, abo Andrzeiu Iedanskiemu, a było by to na mnie słusznemi dowodamy przewiedziono, tedy harło i wiezienie wszelakie tym listem obowiązuie, iesliby iakie przenagabanie było, nie czyniąc w tem folgi my żadney. I prosiłem pana Matysa Sławogurskiego, generała woiewodztwa Wołynskiego, aby ten list moy dobrowolny do xiąg grodzkich Włodzymerskich dla pamięci wieczney dał wpisać, przy bytnosci ich mosci panow przyiacioł y dobrodzieiow mych, także i o podpisy i pieczęci ich mosc panow prosiłem; ktorzy za prosbą moią uczynily ich mosć niżey wszyscy opisane dostatecznie. Pisan w Zaturcach, roku Bożego tisiącz szestseth dziewiątego, dnia dziewietnastego czerwca.—У того листу печатей пят а подпис рукъ тыми словы: Proszony od pana Nad Ianusza Węgrzyna swiadek Stefan Ianczewsky wlasną ręką; swiadek

proszony od pana Nad Ianusza Węgrzyna do tego listu Jan Matyszyński ręką własną, i pieczęc przyłożył. Iliasz pop Mikolinsky własną ręką; Евъстратий, попъ Коиленский, рука власная; Самъсонъ священникъ рука власная.—Который же то вышей менованый листъ, за поданемъ вышейменованого возного, до книгъ кгродских Володимерских ест вписанъ.

Книга гродск. Владимірская 1609 г., № 973, л. 228 об.

II.

Року тисеча шестсотъ девятого, месяца июня шостогонадцать дня.

На вряде кгродскомъ . . . (*какъ выше*) . . возный енералъ воеводства Волынского шляхетный Матысъ Славокгурский для вписаня до книг нинешних подалъ лист с печатъю своею, такъ же с печатми и съ подписми рукъ людей добрых, о роспущенъе з жоною Янупа Нада Венгрина, просечи, абы былъ принятъ и до книгъ вписан; которого я, для вписаня до книгъ приймуючи, перед собою читати казалъ, и такъ се в собе маетъ: Ia Nad Ianusz Węgrzin, bywszy sługa iego mosci pana Jana Łahodowskiedo, oznaymuie tym moim listem dobrowolnym każdemu, komu tego wiedzić potrzeba będzie: iż ja, stanowszy przed iegomoscią panem Janem Łahodowskim z żoną moią Anną Iedanskiego, dobrowolnie ja żonę swoię wolną uczyniłem od stanu małżenskiego, także i ona mnie żona moia Anna wolnym uczyniła od stanu małżenskiego, iż ten act nie dobrowolny, ale poniewolny był, i mieszkania dobrego i słusznego w miłosci małżenskiey miedzy nami, przez te kilka lat mieszkaiąc, miedzy nami nie było. Acz mi się od żony mey dosyc stało za szkody y utraty moie, pogotowiu od iegomosci pana Jana Łahodow-

skiego dosyc mi iegomosc uczynił za szkody y utraty moie, nagroda słuszna za posługi moie iest mi we wszystkim uczyniona od iegomosci, i to wiezenie za złe posługi moie, com cierpiał, za pochwałki i za gembę wszeteczną, co mi zli łudzi do tego przywiedli, tego mi wszytko odpisał, iako pan chrzescianski, y łaskawie mi się stawił i nagroda stała mi się wedle potrzeby moiey z contętacyą; przeto ia Nad Ianusz Węgrzyn za to dobrodzieystwo opisuię się tym listem moim dobrowolnym a nie przymuszonym tu na Wołyniu nikomu nie służyc panu żadnemu, ani iegomosci panu Benedyktowi Hulewiczowi, bobym trudnosć iaką ia sam abo iegomosc pan Hulewicz miał czynić na Zaturczech tesciowi abo żonie przeszłey, abo gdzie kolwiek, abo ia sam, tedy się opisuie zarazem iachać do Węgier na służbę, abo do przyiacioł. A ieslibym tu na Wołyniu był a według tego listu się nie uiscił, wolnosć daie sam na się mnie poimać, do wiezienia osadzić i gardłem mie karać za to nieposłuszenstwo iegomosci panu Łahodowskiemu, co żaden pan ani przyiaciel żadnego wstępu prawa mieć nie ma wiecznemi czasy. I prosiłem pana Matysa Sławogurskiego, ienerała Wołynskiego, aby ten list do xiąg grodskich Włodzimerskich dał wpisać dla pamięci y pieczęć przyłożył. I ichmosć panow a przyiacioł, także i duchownych o podpicy prosiłem i o pieczęci przyłożenie, niżey wszytkich podostatku opisanych. Pisan w Zaturcach, roku pańskiego tysiąc szesćset dziewiątego, dnia dziewietnastego czyrwca".—У того листу печатей притисненых пять, а подпис рукъ тыми словы: „Proszony swiadek od pana Nad Ianusza Węgrzyna Stefan Ianczewski ręką własną; swiadek proszony od pana Nad Ianusza Węgrzyna do tego listu Jan Matyszynsky ręką własną podpisał i pieczęc przyłożył; Iliasz, pop Mikolinsky, ręką własną; попъ Коиленский Евстратий рука власная; Самсонъ священникъ рука власная".—Который то вышей менованый листъ, за поданемъ возного вышей речоного, до книгъ кгродскихъ Володимерскихъ естъ уписанъ.

Книга гродск. Владимірская 1609 г., № 973, л. 232.

CXXX.

Новобрачная жена чашника Волынскаго Лаврентія Древинскаго Діанна Боговитиновна Шумбарская, въ знакъ особой расположенности къ мужу, записываетъ ему въ даръ свой посагъ. 1610 года, ноября 7.

Я Дианна з Козирад Боговитиновна Шумбарская Лавриновая Древинъская, чашниковая Волынъская, сознаваю и явно чиню тым моим листом, доброволным записом, кому того потреба ведати укаже: иж што з воли и с прейзренья Божого а за радою рожоного брата моего его милости пана Яна Яновича съ Козирад Боговитина Шумбарского, и теж их милости панов кревных, повинных наших: славное памети зошлого велможного его милости пана Яна Паца, воеводы Минского, пана Василя Семашка на Добратине, хоружого земли Волынское, пана Адама Кохановского, суди земского Любельского, вуев моих, пана Андрея с Козирад Боговитина, столника земли Волынское, стрыя моего, пана Бартоша Казановского, подстаростего Любелского, швакгра моего, а не мней за радою, старанемъ ясневелможного пана кнежати Януша з Острога Жаславского, воеводы Волынского, яко кревного и повинъного дому нашого, часу недавного в сем року шестсотном десятомъ, месеца августа двадцат первого дня, кгдым была въ Люблине в кляштори паненским през рожоного брата моего на мешканъю зоставлена, а стамтол за волею Божою до стану светобливого малженского за его милост змовена, и указано было его милости пану малжонкови моему на вено и посаг, на тот час суму пенезей през его милость пана Войтеха Собеского, подкоморого Любелского, мне записану, а то въ кгроде Любелским водле звычаю права коронъного, то естъ три тисячи золотых полских, которую на светый Янъ близко прошлый отдано и заплачено бытъ мело, а въ выправе постановлено было дат две тисячи золотых полских; противко чому его милост пан малжонок мой, водле обычаю права Волынского, унеслъ и записал мне на добрах своих осмъ тисечей

золотых полских. По котором то малжонку моем дознавши я впелякое учинности, поволности, милости малжонское, а хотечи теж то ему взаемно нагородить, з доброе воли моее, не будучи ни от кого намовена ани примушона, и овшемъ зъ радою ихъ милости вышей менованных кревных моих, повинных, суму звышъ помененую три тисечи золотых полскихъ, мне през его милость пана подкоморого Любелского винъную и записом перед книгами кгродскими Любелскими записаную, реченому малжонкови моему милому даю, дарую и вечными часы записую, ничого сама собе, потомкомъ, кревным, повинным с тое сумы не зоставуючи, и все право мое и запис зо всими кондициями, артикулами, паракграфами и обовязками, на тую суму служачый, на его милост пана малжонка моего вливаю, и з оного уступую, зрекам се вечно. Волно теды будет пinduречоному малжонкови моему милому тую суму три тисечи золотых полских, яко свою власную, одобрат и оною моцю того запису моего доброволного вливкового, яко свою власную, шафо́ват, отдат, дароват, записат кому хотечи, з одобраной квитоват, а в неотданю и незаплаченю оное, вже яко своее власное, правне, водле запису въ кгроде Любелскомъ учиненого, на тую суму служачого, у пречоного пана, пана подкоморого Любелского доходит, а дошедшы, оную одобрат, з одобраное и презысков квитоват и яко своею власною по воли своей шафоват; възглядомъ которое сумы и запису на мене служачого, в короне учиненого, я у пречоного пана малжонка моего, а по мне потомкове, близкие, кревные и повинные мои упоминат се не маемъ и не могут, и овшем милчене вечное сама собе и пречоным потомкомъ укладаючи; на што и пречоные их милост панове, пан Василей Семашко, хоружий Волынский, вуй мой, а его милост пан Анъдрей Боговитин съ Козирадъ, столник земли Волынское, стрый мой, зезволяючи, на тот запис мой, малжонкови моему милому даный, подписали се и печатми запечатовали. Деялосе то в Луцку, при бытности их милости панов, панов приятелъ моихъ, меновите: ясневелможного кнежати его милости Януша з Острога Заславского, воеводы

волынского, его милости пана Ивана Хренницкого, суди земского Луцкого, пана Анъдрея Гулевича. Которые их милост, за очевистою и устною прозбою моею, и теж за прозбою его милости пана хоружого и его милости пана столника, до сего моего листу печати приложити и руки подписати рачили. Писанъ въ Луцку, року тисеча шестсотъ десятого, месеца ноября семого дня. У того запису вливкового печатей шест, а подпис руки тыми словы: Dianna Bohowitinowna z Kozirad Szumbarska, czasznikowa Wołynska, ręką własną.—Василей Семашко, хоружий Волынъский. Анъдрей Боговитинъ, столникъ Волынский.—J. Zasławsky z Ostroga, woiewoda Wołynski, ręką swą.—Иванъ Хринъницкий, судъя земъский Луцъкий, рукою.—Andrzey Hulewicz.

Кн. гродск. Луцк. 1610 г., № 2119, л. 35.

CXXXI.

Земянинъ Янъ Павловичъ, женившись на вдовѣ князя Яна Ружинскаго Катеринѣ Шацкой, даетъ обязательство не вынуждать и не принимать отъ нея никакихъ дарственныхъ или иныхъ записей, сопряженныхъ съ нарушеніемъ интересовъ ея дѣтей отъ перваго брака, и не дозволять ей выдавать подобныя записи другимъ лицамъ. 1611 года, октября 3.

Року тисеча шестсотъ одинадцатого, месеца октебра шостого дня.

На вряде кгродском, въ замку его кор. милости Луцком, передо мною Якубом Окгродзевским, будучим на тот час намѣстником подстароства Луцкого, и книгами нынешними кгродскими Луцкими, постановившися очевисто, урожоный панъ Ян Павлович сознал лист, запис свой доброволный, с печатю и с подписом руки

своее, также с печатми и с подписами рук людей добрых справленый, на стрымане кондиции взглядом непримушеня малжонки до записованя маетности ему и никому иншому, о чом ширей и достаточней в том записе естъ описано и доложоно; который во всем очевистым и доброволным сознанъем своимъ ствердивши и змоцнивши, просил, абы принят и в книги кгродские Луцкие уписан был. А так я, тот записъ от него принявши и читаного выслухавши, въ книги вписати росказаломъ, который так се в собе маетъ: „Я Ян Павлович чиню явно и вызнаваю тым моим листом, доброволным записомъ, кому того потреба будет ведати теперъ и напотомъ завжды, ижъ што з воли и с прейзреня Божого взял есми в стан светый малженский малжонку зошлого князя Яна Ружинского панюю Катерину Шацкого из дѣтками небожчика князя Ружинского, лет недорослыми, теды постерегаючи то, яко ся годит доброму чоловекови, абы через мене або недбалост мою тые детки ее, з небожчиком князем Ружинским сплožоные, в добрах своих, по небожчику князю Ружинском зосталых, лежачих и рухомых, шкоды якое не поносили, сам з доброе воли моее варую и записую и сим листом, доброволным записомъ моимъ, обовезую, иж я сам через себе и через иншие направные особы жадным способом не маю до того малжонки моее приводити, намовляти и примушати, абы мне добра якие свое властные и по небожчику князю Ружинском зосталые записоват мела, и хотябы сама доброволне або мне самому, або кому колвек з близких, кровных своих и обчое особы записоват, дароват або и отдавати хотела, я на то ей позволеня жадного чинити и до сознаня таковых записов перед каждый вряд становити и признавати не маю и мочы не буду. А хотя бым запис який од нее одержал и на признане перед врядом ей позволил, то все за неважное и неправное розумено быти, и моци жадное мети не мает. Што все здержати и сему записови моему и кондициям всимъ въ немъ выражоным досыт чинити маю п зарукою на каждого таковоrо, у кого бы колвек сес запис мой был, семи тисечей золотых полских, и под шкодами на голое ре-

чене слова, кром присеги ошацованными; о которую заруку в недосыть учиненю в чом колвек сему записови моему даю волност кождому таковому, у кого бы сес запис мой был, себе позвати позвом правным и не правнымъ до которого колвек права, суду и вряду, кгродского, земского и трибуналского, задворного, а часу, чого Боже уховай, безкоролевя, каптурового, албо який бы на тот час уфаленый был; передъ которымъ то судом и врядомъ я сам с потомками моими, отступивши своее власное належное юриздиции повету и воеводства, поддавам, где ставши за позвом, яко на року завитом, который собе с потомками моими завжды завитый чиню, оборон правных и неправных, диляций, хоробы своее и умоцованого, болшое справы, до того апеляций и до них припозвов, ово згола всѣх и енере въ статуте и конституціях описаных вымовъ не заживаючи, справитисе маю и буду повинен, то есть заруку заплатити и шкоды нагородити; а заплативши заруку и шкоды нагородивши, предсе тому записови моему во всем досыт чинити маю и буду повинен тыле крот, иле крот бы того потреба указовала. И на том далъ сесь мой лист запис с печатю и с подписом руки моее; до которого за устною и очевистою прозбою моею печати свое приложити и руки властные подписати рачили панове приятеле мои, их милост пан Александер Жабокрыцкий, пан Каспер Матчинский а пан Богданъ Заецъ. Писан в Луцку, року тисеча шестсотъ одинадцатого, месеца октебра третего дня.—У того листу запису печатей чотыри, а подпис рук в тые слова: Ian Pawłowicz własną ręką. Proszony pieczętarz Alexander Zabokrzicki, ręką. Kasper Matczinsky mp. Proszony pieczętarz Bohdan Zaiąc ręką własną.—Который то лист запис, за очевистым признанем вышреченое особы, увес, с початку аж до конца, до книг кгродских Луцких есть уписанъ.

Кн. гродск. Луцк. 1611 г., № 2119, л. 522.

CXXXII.

Жалоба Владимірскаго мѣщанина Малуша Бѣлецкаго о томъ, что мѣщ. Хома Бачукъ, въ теченіе двухъ лѣтъ считавшійся женихомъ его дочери, взявъ отъ нея подарки, отказался вступить съ нею въ бракъ. 1612 года, февраля 21.

Року тисеча шестсот дванадцетого, месеца февраля 21.

Пришедши на вряд кгродский, в замок его королевское милости Володимерский, до мене Павла Кличевского, буркграбего и наместника подстароства Володимерского, подданый замку тутошнего Володимерского Малашъ Билецкий жалосне протестовалъ се на славетного Хоменяти Бачука, месчанина Володимерского, о то: ижъ тот то Бачукъ, ходечи в домъ мой от летъ двохъ або и болшей, в способъ, якобы хотечи взети дочъку мою Окъсинъю за себе в станъ малъженский, и будучи есмо вже от него словами и всякимъ способомъ упевънени, же вже певне возметъ тую дочъку мою Окъсинъю за себе, людей иншых, которые тежъ по килка кротъ до дочъки моее присылали зъ розныхъ мест, якъ з места Белза, такъ тежъ Торчина, и зъ места тутошнего людей не мало, от которого мы вже будучи праве вже обезъпечены, тымъ людюмъ отказовали; а кгды есмо ему мовили, жебы вже тую дочъку мою за себе бралъ и шлюбъ з оною взялъ, жебы вже от людей таковового довниманя не мели взглядомъ хоженъня такъ часто в домъ мой, теды тот Бачукъ, взявши способомъ добрымъ у дочки моее перъстенъковъ два сребныхъ, за ползолотого купъленыхъ, хустокъ три, по полъталяра купъленыхъ, из едвабом червонымъ, от того часу в дом нашъ не пошолъ и слову своему досыть учинити не хотелъ и не учинил, противко которому так о невъзяте дочъки моее за себе, яко тежъ и о тые речи побраные и не верненъе ихъ, якъ о вси шкоды, которых собе отъ него поношу на золотыхъ пятдесятъ... И просилъ, абы то было для часу пришлого в книги записано; которое есть записано.

Книга гродская Владимірская 1612 г., № 976, л. 62.

CXXXIII.

Донесеніе возныхъ, о томъ, что п. Галшка Циминская, заручивъ свою дочь Ядвигу за князя Адама Жижемскаго, тайно отъ него выдала ее замужъ за другого. 1616 года, февраля 3.

Року тисеча шестсот шестнадцетего, месеца февраля третего дня.

В роки судовые земские Володимерские, во три недели по Трех Кролях, рымском святе, в року теперешнем вышменованом припалые и судовне отправовати зачатые, передъ нами Андреем Заленским з Слубиц, судею, а Григорием Киселем Низкиницким, подсудком, врядниками судовыми земъскими Володимерскими, становши обличне, возные енералове воеводства Волынского, шляхетный Юско Клюйвода а Андрей Порецкий, для записаня до книг сознали тыми словы: Иж року теперешнего тисеча шестъсотъ шестнадцетого, месеца генвара тридцет первого дня, были есмо на справе и потребе урожоного его милости князя Адама Жижемского, а то: иж што урожоная ее милость пани Галшка с Харлежа Яновая Циминская, змовивши за него в стан светый малженский цорку свою панну Ядвикгу Циминскую и руки данемъ оную обручивши, часъ веселя въ дому, маетности своей Бранех, на ден вышменованый тридцат первый генвара в року нинешнем тисеча шестсот шестнадцетом назначила, обликговавшися записом своим тому всему досыт чинити под кондициями и закладами в том записе описанными; и кгды его милость на час назначеный тридцет первого генвара с приятелы своими и з нами, возными, до маетности двора ее милости Бранъ ку досыт учиненю записом и кондициямъ в ним описаным и конченю того акту светобливого приехал, теды, засталши ее милост панюю Циминскую в дому ее Бранех, способом пристойным, уживши съ посродку их милости панов приятел, при его милости будучих, их милост пана Крыштофа Шклинского а пана Вацлава Бокия, оповедаючи то ее ми-

лости, же водлуг постановеня, во всем будучи готовым, ставит се и кондициям в записех межи их милостями абъ утриускве даных чинити досыт оферует се. На которую премову ее милост пани Яновая Циминская отповедила: же уже его милост княз Жижемский по часе до конченя акту того светобливого с приятелы приехал, кгдыж бовем уже пошлюбилам за кого иншого, то естъ, за его милостъ пана... (*пропускъ*) Лаща цорку мою панну Ядвикгу в стан светый малженский, который дня оногдашнего двадцет осмого генвара, в четвергъ, шлюб з нею взял, зачим уже кондициям записовым досыт чинити не може ет. О што знову и через нас, возных, при бытности их милости панов приятел, при его милости на тот час будучих, реквировал, абы се ее милост слову, записомъ и кондициям въ нихъ описаным досыт чинила; леч иж ее милост на то уже не дбаючи, постановеню, записомъ и слову своему досыт чинити не хотела, о што се яко на он часъ нами, возными, и приятелы, при его милости будучими, то есть меновите: его милостю паномъ Криштофом Шимковичем Шклёнским, его милостю паном Юрем Будишевскимъ, его милостю паномъ Вацлавом Бокием, его милостю паном Александромъ Полубенскимъ, его милостю паном Миколаем Гораином, паномъ Яномъ Непокойчицким, паном Якубом Касиновским, паном Миколаем Бортковским, паном Станиславом Яцкевичем Маевским, паном Матияшем Касиновскимъ, осветчивши жал тот и недодержане постановеня оповедивши, тепер тое все через нас, возных, до уряду нинешнего тую контравенцию записом и слову до ведомости доносит и светчитсе, оферучи такъ о слово, яко о заклад и о шкоды ин форо фори чинити, иле с права прийдет. И просили, абы тое сознане их до книг было принято и записано, што естъ записано.

Кн. земск. Владим. 1616 г., № 1196, л. 395 об.

CXXXIV.

Жалоба дв. Ивана Козинскаго о томъ, что сестра его Настасья вышла замужъ безъ его воли, совѣта и позволенья и безъ вѣдома другихъ родственниковъ. 1616 года, 26 марта.

Року тисеча шестсот шестнадцатого, месеца марца двадцать шестого дня.

Присылал на вряд кгродский, в замок короля его милости Луцкий, до мене Якуба Окгродзинского, буркграбего и наместника подстароства Луцкого, урожоный панъ Иванъ Романович Козинский приятеля своего шляхетного, Алекъсандра Ритаронского, оповедаючи и протестуючися именем своим и именем брати, стриевъ, повинных своих, в тот способъ: иж дошло мене ведати, же часу недавно прошлого, въ месопусты, в року теперешънем тисеча шестсот шестнадцатом, сестра моя рожоная урожоная Настазия Козинского, без воли, рады и позволенъя моего и иных повиных, шла в станъ светый малженский за урожоного пана Адама Жоравницъкого з дому панее Осчовское, при которой на тот час мешкала. Иж се то противко праву и слушъности и з неушанованем нас, повинных, стало, ведомости вашей милости, пане уряде, през слугу моего вышменованого доношу и прошу, абы тое оповедане мое было принято и до книг записано.—Которое я, вряд, принявши, до книгъ записати казал и ест записано.

Книга гродск. Луцкая 1616 г., № 2122, л. 302.

CXXXV.

Декретъ Люблинскаго трибунала по иску двор. Катерины Модринской къ мужу своему Гавріилу Модринскому о томъ, что онъ, прогнавъ ее изъ дому, отказывается уплатить ей вѣно. 1616 г., августа 23.

Року тисеча шестсот шестнадцатого, месеца октобра четвертого дня.

На вряде кгродскомъ, в замку его королевское милости Володимерскомъ, передо мною Яном Цешковским, подстаростимъ Володимерскимъ, постановившися очевисто, урожоный панъ Базилей Мелешко Микулинский пер облятам, для вписаня до книг нинешънихъ кгродскихъ Володимерскихъ, подалъ декретъ суду головного трибуналу Любелского на воеводстве Браславскомъ, року теперешнего тисеча шестсот шеснадцатого, месеца августа двадцат третего дня, межи урожоною панею Катариною з Кграева Кгабриелевою Модринскою—поводом, а урожоным паномъ Кгабриелем Модринскимъ, позваным, в справе нижей в том декрете инсерованомъ описаной учиненый, просечи, абы принят и до книг уписан был. А так я, вряд, тот декрет для вписаня до книг приймуючи, перед собою читати казал, и тые сут его слова: Выпис с книгъ головныхъ трибуналских воеводства Браславского. Лѣта Божого нароженя тисеча шестсот шестнадцатого, месеца августа двадцат третего дня. Перед нами, депутаты суду головного трибуналу Любелского, зо всѣхъ воеводствъ короны полское на рок теперешний вышей менованый обраными и высажоными, приточилася справа з реестру судового, за приволанемъ возного опатрънаго Шимона Кгуминского, межи урожоною панею Катариною з Кграева Кгабриеловою Модринъскою—поводом, а урожоным паном Кгабриелем Модринъским позваным, за апеляциею от декрету суду земъского Володимеръского з роковъ, во три неделе по Трех Кролех, римским святе, в року теперешнем сужо-

ных, межи сторонами вышей меноваными учиненого выточоною, а то в справе через сторону поводовую позваному до листу доброволного запису, од позваного стороне поводовой на певную суму пенезей, то ест пят тисечей золотых полских даного, перед суд земский Володимерский на роки вышменованые интентованый, въ которой справе суд он, по контроверсияхъ сторон обудвухъ, вынесеня позву року доводити наказал, от которого декрету умоцованый поводовое стороны тую справу через апеляцию на трибунал термину теперешнего роком завитым без припозву выточил, о чом тот декрет апеляцыи ширей въ собе мает. На року теды нынешнем, слушне в той справе припалом, постановившися очевисто, умоцованый стороны поводовое, шляхетъный панъ Петръ Тринишевский позваного черезъ возного вышей менованого по трикрот ку праву приволатъ далъ, который иж се не отозвалъ, оного, яко несталого и права непослушного, менованый умоцованый стороны поводовое, з допущеня суду нынешнего, на упад в зыску речи, в позве описаное, з скасованем декрету земского Володимерского, з волнымъ, еднак, арештом до звыклое годыны, въздал на позов, въ апеляции земский Володимерской вписаный, который такъ ся въ собе мает: Жикгимонт Третий, Божию милостю корол полский. Урожоному Кгабриелови Модринскому, з особы и зо всихъ добръ верности твоее лежачихъ и рухомых приказуемъ, абы верностъ твоя на рокахъ судовыхъ земскихъ Володимерскихъ, во три неделе по Трех Кролех, святе римскомъ, въ року пришломъ тисеча шестсотъ шестнадцатомъ припадаючих, самъ обличне и завите стал на жалобу и правное попиране урожоное Катарины з Кграева Кгабриеловое Модринское, малжонки верности твоее, которая верностъ твою взглядом листу, доброволного запису верности твоее, еи даного, позываетъ о то, иж кгды она вступовала в дом твой за тебе в стан светый малженский, теды ты листомъ записомъ своим записал и обликговал ся еи вѣно суму пенезей пять тисечей золотыхъ полъскихъ на вшелякихъ добрахъ своихъ уистити и записати, подъ закладомъ таковое жъ

сумы пяти тисечей золотыхъ полъскихъ и подъ нагороженемъ шкодъ на голое речене слова, яко то тотъ записъ менованый ширей в собе обмовляетъ. Которого запису верѣность твоя пробачивъши, тое сумы еи на добрахъ своихъ не признавъ, ани тежъ ей готовыми пенезми заплатилъ, для чого се въ закладъ менованый пятъ тисечей золотыхъ полъскихъ попалъ, и оную зъ дому своего прочъ отогналъ, презъ што ее до шкодъ не малыхъ привелъ, которых собе на пятъ тисечей золотыхъ полъскихъ поднятыхъ быти менитъ; про-то абысь сталъ и записови своему досытъ учинилъ и на тое все, и штo тобе ширей у суду словѣне задано будетъ, судовне отъповедал и поводови усправедливился. Писанъ у Володимери, року тисеча шестъсот петънадцетого, месеца ноября двадцетъ третего дня.—Которого въздания ижъ позваный, будучи о години звыклой черезъ вышъречоного возъного до арешту тое справы приволываный, не арешътовалъ, а поводовое стороны умоцованый далъшого поступъку въ той справе на немъ домавлялъся, прото судъ нинешний головный трибуналъский, прихиляючися в томъ до права посъполитого, в далъшомъ тое справы в способъ зыску декретъ земъский Володимерский подноситъ и касуетъ, и наказуетъ, абы позваный тому записови своему поводови теперешнему, малъжонце своей даному, во въсемъ доситъ учинилъ, то естъ суму помененую пятъ тисечей золотыхъ полъскихъ на маетъности своей любъ в воеводъстве Волынъскомъ, любъ и въ воеводстве Белзскомъ лежачихъ, которые бы тую суму выносили, уистилъ, въneслъ и записалъ, алъбо готовыми пѣнезъми на певъномъ местцу, въ кгроде Володимерскомъ, однеслъ и тую суму, реалитеръ до рукъ ей отъдавъши, заплатилъ, а то учинити будетъ повиненъ от даты декрету нинешнего за неделъ шестъ, подъ закладомъ, в записе помененымъ, и таксою шкодъ, в позве ошацованыхъ, пяти тисечей золотыхъ полъскихъ, который закладъ и шкоды, в недосыт учиненю тому декретови, судъ нинешний на позванымъ вказуетъ и на отъправу тое сумы, за закладъ и за шкоды перепалое, до того-жъ суду земъского Володимеръского и

до иншихъ судовъ и урядовъ вшелякихъ, подъ которыхъ бы юризъдицею добра позваного были, одъсылаетъ; который то судъ земъский и инъший урядъ въшелякий отъправу за суму вышей въсказаную на добрахъ вшелякихъ позваного, за жаданемъ стороны поводовое и за показанемъ декрету нинешнего, учинити и выконати маетъ и будетъ повиненъ, подъ винами в праве посполитомъ описаными; што все для памети до книгъ естъ записано, с которыхъ и сесъ выпис подъ печатю земъскою воеводства Браславского естъ выданъ. Писанъ у Люблине. У того декрету трибунальского печатъ притисненая земъская воеводства Браславского, а подписъ рукъ ихъ милости пановъ депутатовъ и писаръское тыми словы: Piotr Goraiski z Goraiu, dep. woy. Send. mp. Andrzei Firley z Dubrowice, deputat w. Wołynskiego. Andrzei Sularzicky, woyski i deputat Podol. Krzysztoph Szymkowicz Szklinski, deputat Wołynski. Bartosz Bełzecky, d. w. Wołynskiego. Александеръ Кропивъницкий, писаръ земъский и депутат Браславъский.—Который же то декретъ, за поданемъ особы вышъ менованое, а за принятъемъ уряду нинешънего, с почататъку увесь ажъ до конъца въписаный до книгъ кгродскихъ Володимерскихъ естъ.

Книга гродская Владим. 1616 г., № 980, л. 114.

CXXXVI.

О бракѣ князя Юрія Чорторыйскаго съ дв. Ѳеодорой Колпытовской.

1. Жалоба п. Константина Колпытовскаго о томъ, что слуги князя Юрія Чорторыйскаго, козаки и татары, учинивъ ночной наѣздъ на имѣніе жалобщика с. Колпытовъ, схватили тамошняго священника о. Ивана и неизвѣстно куда увезли его вмѣстѣ съ семействомъ и имуществомъ. По мнѣнію жалобщика, поводомъ къ этому похищенію могло служить только то, что означенный священникъ вѣнчалъ князя Чорторыйскаго съ дочерью жалобщика и долженъ былъ выступить важнымъ свидѣтелемъ въ судебномъ процессѣ о самовольномъ расторженіи княземъ этого брака. Свидѣтельство вознаго 1615 г., апрѣля 29.

Року тисеча шестсот пятогонадцат, месеца априля двадцат девятого дня.

Пришедши на уряд кгродский, в замокъ его кор. милости Володимерский, до мене Григоря Дворецкого, буркграбего на сес часъ замку Володимерского, его милость пан Костентин Колпытовский ускаржал и протестовалъ се напротивко велможному кнежати Юрію Михайловичу Чарторыскому в тые слова: иж я, будучи се зде у Володимери, досытъ чинечи декретови короля его милости, а не будучи на тот час в дому своемъ въ Колпытове, дала ми знати малжонъка моя, ижъ в небытности моей року теперешънего тисеча шестсотъ пятогонадцатъ, месеца априля двадцатъ шостого дня, з недели на понеделокъ, могло дей быти о четвертой године в ноч, помененый велможный княз Юрий Михайлович Чарторийский, маючи затяг правный о вступъ шлюбу в стан светый малженский з царкою моею Феодорою Колпытовскою, а ведаючи то, иж попъ Колпытовский Иванъ, священникъ Николский, княжати Чарторискому шлюбъ давалъ, препомневши покою права посполитого и вин в нем описаных, наславши моцно, кгвалтомъ козаков, слугъ своихъ юркгелтныхъ, до того способивъши

собе обчого народу—татар о пятъдесят чоловека, з розным оружъемъ войне належачимъ, учинившы надъ ними старшим Яна Рибицкого, яко чоловека ведомого маетъности моее Колпытова, до того и подвод немало; которые то слуги, козаки, татарове, посланци княжати Юря Чарториского, за власнымъ посланемъ и росказанемъ пана своего, наехавши моцно, кгвалтом, в ночи на село Колпытов, на дом попа моего Колпытовского Ивана, свещенника Николинского, своволне а безправне а праве кгвалтовне оного попа впродречоного самого, жону и дети и въсю маетность его забрати казалъ; которые то слуги оного попа зо всим на все, яко се выш поменило, забравъши зо всею маетъностю его, с Колпытова отвезли и нетъ ведома, где запровадили, о которомъ то попе своемъ ничого не ведаю, где его подѣли, затрудняючи и затлумяючи справу и слушную справедливостъ цорки моее Феодоры Колпытовъское, на которомъ то попе сведецство даваня шлюбу княжати Чарторискому водлуг порядку хрестиянского до справы цорки моее належало. О которое то кгвалтовное взятъе попа своего Колпытовъского правне чинити не занехамъ. Которое то взятъе попа своего и возным, шляхетным Матияшомъ Березовским малжонъка моя, такъ в дому, где тот поп мешкал, яко и тор або шляк возовый и конный ездъный объводила.—Якожъ и возный, шляхетный Матияшъ Березовский, ставъши очевисто, ку записаню до книгъ кгродскихъ Володимерскихъ сознал тыми словы: ижъ року теперешнего тисеча шестсотъ пятогонадцатъ, месеца априля двадцат семого дня, будучи мне на справе и потребе его милости пана Костентина Колпытовъского в селе Колпытове, а маючи при собе шляхту: пана Марцина Прошинского а пана Томаша Кгорского, и за указанемъ ее милости панее Костентиновое Колпытовское, видилем халупу пустую в Колпытове, в которой то никого немаешъ, и поведила ее милость пани Колпытовская, же в той халупе попъ нашъ Колпытовский Иванъ, священникъ Николский, мешъкалъ, которого то попа нашого ночи сее, о године четвертой в ноч, з недели на понеделокъ, за росказанем велмож-

ного кнежати Юря Михайловича Чарториского, приехавши козаки и татарове, на подводы з жоною, з детми и зо всею маетъностю его забрали и нет ведома, где повезли и одпровадили; яко жъ и тор, або и шлякъ возовый и конный верховыхъ видилемъ з села Колпытова гостинцем ку Турему полю, знатъ же проважено. И просил пан Колпытовский, абы тое его оповедане, такъже и сознанъе возного, до книг принято и записано было; што я уряд принявъши, до книг кгродских Володимерских записати казал, и естъ записано.

Книга гродская Владимірск. 1615 г., № 979, л. 242.

---

2. Донесеніе вознаго о врученіи имъ трибунальскихъ позвовъ: а) князю Юрію Чорторыйскому по обвиненію его „шлюбной" женой его Өеодорой Колпытовской въ томъ, что оставилъ ее самовольно и женился на другой, и б) второй женѣ Чорторыйскаго Зузанѣ Борзобогатовнѣ Красенской, обвиняемой въ томъ, что она, зная о существованіи первой, законной жены князя Чорторыйскаго, дерзнула вступить съ нимъ въ бракъ. 1618 года, мая 7.

Року тисеча шестсотъ осмнадцатого, месеца мая семого дн я

Пришедши на вряд кгродский, в замокъ господарский Володимерский, до мене Томаша Кгозимирского, буркграбего и наместника подстароства Володимерского, возный енерал воеводства Волынского, шляхетный Янъ Комнацкий, ку записаню до книг кгродскихъ Володимерскихъ сознал тыми словы: иж року теперешнего тисеча шестъсот осмогонадцатого, месеца маръца двадцатъ шостого дня, отнеслом позвов два головных трибуналскихъ, на мемрамехъ земскихъ Луцких писаных, до села Сернъ и тыем позвы уткнул у ворота двора въ Сернахъ, то естъ: одинъ позов по вел-

можного его милостъ кнежати Юря Михайловича Чарториского в жалобе панее Федоры Чарториское Костенътиновны Колпытовъское о опущене ее, малжонки своее слюбное, з стану малженъского, и затым о вины походячие, яко о том жалоба ее милости на томъ позве естъ описана; а другий позовъ по кнежну Юревую Чарторискую панюю Зузанъну Борзобогатянъку Красенъскую, иж вона, ведаючи, же кнежа Юрый Чарторыский Федору Колъпытовъского за собою малжонъку маючи, за кнежа Чарторыского в станъ малженский пошла; яко о томъ жалоба ширей ее милости на позве естъ описана И за тыми позвы зложиломъ рокъ ку праву кнежати его милости Юрю Чарторыскому и малжонце его милости кнежне Юревой Чарториской панеи Зузанъне Борзобогатянъце Красенской в Люблине на трибунале перед судом головнымъ трибуналскимъ в року теперешнемъ тисеча шестъсот осмнадцатомъ, кгды справы воеводствъ Киевъского, Волынского и Браславского консерватные припадутъ и судитисе будутъ,登ановитисе. Которое ж то сознане возного я вряд принявши, записати казалъ, и естъ записано.

Книга гродская Владимірская 1618 г., № 982, л. 284.

Примѣч. Не извѣстно, разсматривалось ли это дѣло въ трибуналѣ и каково было его рѣшеніе; но въ скоромъ времени оно перенесено было Колпытовской въ высшую инстанцію—на сеймовый судъ. 21 ноября того же 1618 г. возный вручилъ два королевскіе *мандаты* (позвы) князю Юрію Чорторыйскому: а) „о опущенъе зъ малженства панее Θедоры Колпытовское, малжонки своее, безъ данья причины“, и б) „о ставенье на сеймъ попа отца Иоана, который слюбъ давалъ княжати его милости зъ панею Θедорою Колпытовскою,—и одинъ *мандатъ* Зузанѣ Борзобогатянкѣ-Красенской, „ижъ она, ведаючи о малжонце кнежати его милости Юрья Чорторыйского панее Θедоре Колпытовской, надъ право Божое за оного пошла“. Позванные обязывались стать „перед судом Е. К. М. на сейме близко пришломъ в року 1619“. Акт. книга № 982, л. 815. Въ это же время позванъ былъ къ королевскому суду п. Михайло Гулевичъ-Воютинскій, подсудокъ земскій Луцкій, обвиняемый Θедорой Колпытовской „о невыданье атестацыи *розсйму* своего, который учинилъ въ Люблине. на трибунале. в справе межи князем Юрьемъ Чорторыйскимъ а еи милостью Θедорою с Колпытова, малжонкою его милости князя Чорторыйского, о пущенье еи з малженства безъ дання ее прпчины“. Книга Владим. № 983, л. 34 об.

3. Донесеніе вознаго о врученіи Луцкому епископу Евгенію Еловичу-Малинскому королевскаго позва къ сеймовому суду по жалобѣ на него Ѳеодоры Колпытовской объ отказѣ его позвать къ своему духовному суду князя Юрія Чорторыйскаго и его вторую жену Зузанну Борзобогатовну-Красенскую по дѣлу о незаконномъ расторженіи брака жалобщицы. 1618 года, ноября 24.

Року тисеча шестъсотъ осмнадцатого, месеца ноябра двадцат четвертого дня.

На вряде кгродскомъ, в замку его кор. милости Луцком, передо мною Марцианом Олшамовъскимъ, буркграбим и наместником подстароства Луцкого, постановившися очевисто, возный енерал воеводства Волынъского, шляхетъный Марко Могиленъский, урядови нинешнему добре знаемый, ку записаню до книг нинешних кгродских Луцких сознал тыми словы: иж року теперешнего тисеча шестсотъ осмнадцатого, месеца ноябра двадцат четвертого дня, маючи я при собе сторону, шляхту людей добрых, шляхетных пана Станислава Косовъского и пана Миколая Хмелецкого, позовъ албо мандатъ его кор. милости с печатю коронъною меншое канъцелярии до замку вышшого однесши, оный при церкви соборной Луцъкой светого Иоана Богослова, где слуга алъбо уставникъ мешкает, на столе положивши, о положеню его дяконови на тот час там будучому и тому уставникови оповедилом; писаный тот позов албо мандат его кор. милости по велебного в Бозе его милост отца Евгениуша Еловича Малинъского, владыку Луцъкого и Острозского, в жалобе и кривде урожоное ее милости панее Федоры Костанътиновны Колпытовского кнежны Ериное Чарториское, а то о невыданъе позвов духовных по велможного кнежати его милости Ерого Чарториского, также по урожоную панъну Зузанъну Борзобогатянъку Красинъскую, од тое панее Федоры Колпытовъского, кгды матка поводовое стороны сама в року прошломъ тисеча шестсотъ петнадцатом, за обетницею его милости

отца владыки, до Рожищъ езъдила, а потомъ возного с терминами тамъ же до Рожищъ посылала, и о непридане свещенъника до розношеня тых позвов, затым о шкоды в том позве албо мандате его кор. милости помененые походячие, о чом тотъ позов албо мандат его кор. милости ширей в собе обмовляетъ; за которым то позвом албо мандатомъ рокъ обудвомъ сторонам пред его кор. милостъю и ихъ милостю паны радами на сейме валномъ, въ Варшаве, на ден двадцат вторый месеца генъвара в року, дастъ Пан Богъ, пришлом тисеча шестсот деветнадцатого, шостого дня од зачатя сейму, першии толко вынявши, ку росправе правнои и прислуханюсе декретови его кор. милости становитисе зложил и назначил. Которое ж то очевистое сознане возного выш менованого, за принятемъ моим урядовым, до книг кгродских Луцъких ест записано.

Книга гродская Луцкая 1618 г., № 2436, л. 722 об.

Примѣч. Въ тоже самое время Малинскому былъ врученъ и другой корол. мандатъ съ требованіемъ явиться на сеймовый судъ по жалобѣ Ѳедоры Колпытовской „до выдання сведецътва од попа Иоанна, свещенника Николского“, который передъ нимъ, епископомъ, „сознавалъ, ижъ шлюбъ княжати Юрею Чорторыскому съ панною Ѳедорою Колпытовскою водлугъ порядку хрестиянского давалъ“. Книга гр. Владим. 1618 г., № 982, л. 972.

---

4. Жалоба Θеодоры Колпытовской о томъ, что Луцкій епископъ Евгеній Еловичъ-Малинскій незаконно и заочно разбиралъ ея бракоразводное дѣло съ княземъ Юріемъ Чорторыйскимъ и выдалъ какіе-то невыгодные для жалобщицы декреты. Свидѣтельство вознаго. 1618 г., декабря 20.

Року тисеча шестъсот осмнадцатого, месеца декабра двадцатого дня.

Пришедши на вряд кгродский, в замок господарский Володимерский, до мене Томаша Кгозимиръского, буръкграбего и наместъника подстароства Володимеръского, ее милост пани Феодора с Колъпытова кнежна Юревая Чарториская обтежливе жаловала и протестовала се напротивко в Бозе велебъному отъцу Евгению Еловичу Малинъскому, владыце Луцъкому и Острозскому, в тот способъ: ижъ дошла мене ведомостъ была, же его милостъ панъ владыка Луцъкий выдал позов свой духовъный по мене кгволи его милости кнежати Юрю Чарторискому, малжонъкови моему, в том позве менуючи мене бытъ кнежа его милост Чарторыский, якобы въ малженъстве зо мною николи не был, назначаючи ми терминъ м-ца ноября двадцатъ пятого дня в Луцку становытысе, яко о томъ тотъ позовъ ширей в собе обмовляетъ; который позовъ положонъ был на маетности пана отца моего в Колпытове. На который терминъ, въ позве назначоный, я через возного листъ свой до его милости пана владыки Луцкого одослала, просечи и ознаймуючи его милости пану владыце Луцкому, абы до суду своего, яко неналежного мне[1]), не затегал и не судил, кгдыжъ з нимъ не в одномъ суде затягъ правный маю, такъ на трибунале, яко и перед суд его королевское милости на сеймъ о невыданъе

[1]) Въ письмѣ, посланномъ Колпытовской черезъ возного еп. Малинскому, въ отвѣтъ на его позовъ, она объясняетъ, почему считаетъ его судъ себѣ „не належнымъ“: она „не належитъ до диоцызии (т. е. епархіи) Луцкое, одно до Володимерское“. (Акт. кн. № 2436, л. 800 об.)

позвовъ по кнежати Юря Михайловича Чарторыского, малжонъка моего, иж выдати не хотелъ и не выдалъ, мандатомъ запозвала, яко о томъ процесъ справы моее съ паномъ владыкою Луцкимъ ширей в собе обмовляет; и кгды терминъ м-ца ноябра двадцатъ пятого дня в неделю припал, возный писанъе мое, за приволанъемъ возного до суду, его милости пану владыце Луцкому отдалъ, абы мя съ кнежатем Чарторыскимъ, малжонъкомъ моим, не судил, и реляцию положенъя мандату по пана владыку Луцкого перед суд его кор. милости показалъ, абы жадныхъ декретовъ суду своего, мне неналежныхъ, кгволи кнежати Чарторыскому не выдавал. Тееды его милост панъ владыка Луцкий, принявши отъ возного писанъе мое, перед возным судити мене с кнежатем Чарторыскимъ не обецовалъ, а потомъ заразъ через возного своего тые суды свое, кгволи кнежати Чарторискому, до дня другого отволал; и кгды на завтрие двадцат шостого дня месеца ноябра припал, кгды возный мой для прислуханъя тых судовъ до пана владыки Луцкого пришол, доведуючисе, што бы в той справе далшого было, а панъ владыка, обачивъши возного моего, до себе его призвалъ и кнежати Чарторискому оного указалъ, поведаючи, же тотъ возный отъ панее Федоры с Колъпытова листъ до него писаный отдалъ, абы оное з вашмостью, кнежа Чарториский, не судил. А его милост кнежа Чарторыский, оного возного моего за руку взялъ и слугамъ своимъ отдал и до господы отпровадити казалъ, который то возный за стражею в господе килка годинъ былъ. А потомъ якихсь два листы тому возъному подалъ и подписати и до книгъ сознати казалъ его милост кнежа Чарторыский, который, будучи под страхомъ, учинити мусил.—Якож и тот возный шляхетъный Марко Могиленъский, заразъ ставши передо мною, очевисте и подъ сумненъемъ вызнал, же такъ, а не иначей было, яко в протестации ее милости панее Федоры с Колъпытова выше ест описано.—А его милость панъ владыка Луцъкий, не огледаючисе на право посполитое и на правило светыхъ отецъ церкви восточное уставленое, иж деоцизии не его, ему неналежное, и на звирхностъ

его кор. милости, на позвы мандатомъ перед маестат и суды его королевское милости такъ его самого, яко и по княжати Чарторыского, в той справе зашлые, важилъ се, кгволи княжати Чарторыскому и малжонъце его а сестранъце своей, суды свое засадивши, мне неналежные декрета свое якиес ку великой кривде, жалю и деспектови моему, противко мне выдавал и выдалъ, приводячи мя до шкод немалых, которых собе в том шацую на пят тичечей золотыхъ полскихъ, о што зъ паном владыкою, яко и с княжатем Чарторыским, правне чинити не занехаю и чиню, иле ми с права будет належало. Якоже бымъ и давно была протестацию свою до вряду вашмости донесла, толко для хоробы своей ее отнести и отдати не могла, аж тепер, кгдым пришла до здоровъя, тую протестацию до ведомости и вряду вашмости доношу.—И просила ее милостъ пани Федора с Колпытова княжна Юревая Чарториская, абы тая протестация ее милости, также и сознанъе возного, до книг принято и записано было; я, вряд, принявши, до книг записати казал и ест записано.

Книга гродск. Владимірская 1618 г., № 982, л. 993 об.

Примѣч. Какъ видно изъ послѣдующаго, упоминаемый въ настоящей жалобѣ декретъ Луцкаго епископа Евг. Малинскаго былъ игнорированъ рѣшеніемъ сеймоваго суда, а взамѣнъ того поручено было Владимірскому епископу І. Мороховскому разобрать въ своемъ духовномъ судѣ дѣло князя Чорторыйскаго и, не постановляя по нему собственнаго приговора, представить всѣ обстоятельства дѣла, какія будутъ обнаружены судебнымъ слѣдствіемъ, на окончательное рѣшеніе королю.

---

5. Заявленіе Владимірскаго епископа Іоакима Мороховскаго о томъ, что онъ, исполняя королевскій декретъ, выданный на предыдущемъ сеймѣ, приступилъ къ разбору въ своемъ епископскомъ судѣ бракоразводнаго процесса князя Юрія Чорторыйскаго съ Ѳедорой Колпытовской и выдалъ надлежащіе позвы по этому дѣлу. 1619 года, іюня 18.

Року тисеча шестсотъ деветнадцетего, месеца июня осмнадцетого дня.

Присылал на вряд кгродский Володимерский, до мене Томаша Кгозимирского, буркграбего и наместника подстароства Володимерского, высоцевелебный в Бозе его милост отец Іоаким Мороховский, владыка Володимерский и Берестейский, слугу своего, шляхетного Яна Мрозовского, протестуючис напротив урожоное панеи Анны Костюшковичовны Хоболътовского Костентиновое Колпытовское и цорки ее панее Федоры Колпытовского о то, иж досыт чинил декретови его кор. милости сеймовому, прошлого сейму, и повинности вряду своего епископского: на афектацию тое то панеи Колпытовское албо цорки ее выдал позвы епископские и священника през лист и очевисте придал на подане тыхъ позвовъ по кнежати его милости. Постерегаючи однак того его милост отец епископ, абы ее милост пани Колпытовская и цорка ее милости противко его милости где на яком вряде, догожаючи справы своей, чого противного не внесла в том досыт чиненю повинности своей епископской и декретови его кор. милости, в том ся светчитъ, если бы што где таковово оказалося, теды ширшую на копии подат оферовался. И просил, абы то до книг на тот час записано было; што ест записано.

Книга гродская Владимірская 1619 г., № 983, л. 684 об.

6. Врученіе князю Юрію Чорторыйскому судебнаго позва отъ владыки Іоакима Мороховскаго по дѣлу о самовольномъ расторженіи имъ брака съ Ѳедорой Колпытовской. 1619 года, іюня 22.

Року тисеча шестсотъ деветнадцатого, месеца июля третего дня.

Пришедши на вряд кгродский, в замокъ господарский Володимерский, до мене Яна Цешковского, подстаростего Володимерского, возный енералъ воеводства Волынъского, шляхетъный Марко Могиленъский ку записанъю до книг кгродских Володимерских сознал тыми словы: ижъ року теперешънего тисеча шестъсотъ девятогонадцатъ, месеца июня двадцатъ второго дня, отънеслом позовъ духовъный епископии Володимерское до села Бискупичъ, маетъности держанъя его милости кнежати Юря Михайловича Чарториского, и тотъ позовъ утъкнуломъ у ворота дворные в селе Бискупичах и челяди дворнои оповедил; писаный тот позовъ по велможного его милост кнежати Юря Михайловича Чарториского в жалобе ее милости панее Федоры Колпытовское кнежны Юревое Михайловичвое Чарториское до прислуханя шкрутениумъ, которую выводити будетъ через людей зацных противъ кнежати Чарторискому о зламанъе шлюбу малженъского, яко о том ширей а достаточней на том позве духовном естъ описано; и за тымъ позвомъ зложилом рокъ велможному его милости кнежати Юрю Михайловичу Чарторискому перед судом духовным у Володимери, перед епископом Володимерскимъ, в замочку владычнем, на рокъ въ том позве описаный ку росправе становитисе.—Которое жъ то сознанъе возного я вряд принявши, до книг записати казалъ и естъ записано.

Кн. гродская Владимірская 1619 г., № 983, л. 901.

7. Свидѣтельское показаніе п. Петра Солоневскаго о бракѣ князя Юрія Чорторыйскаго съ Ѳедорою Колпытовскою. 1619 года, іюня 18.

Року тисеча шестсот деветнадцатого, месеца июня осмнадцатого дня.

Пришедши на уряд кгродский Володимерский, до мене Томаша Кгозимирского, буркграбего и наместника подстароства Володимерского, урожоный пан Петръ Солоневский ку записаню до книг кгродских сознал тыми словы: иж што мене позвала урожоная пани Федора с Колпытова кнежна Юрева Чарториска позвом владыки Володимерского перед суд его, в року теперешнем тисеча шестсотъ девятогонадцет, на ден осмый месеца липча припадаючий, до выданя шкрутении о зламане шлюбу ее от кнежати Чарториского, а иж маючи инъшие потребы свое, не могучи за тым позвом на тот денъ, в позве менованый, перед судъ владычий его милости Володимерского прибыти и того скрутениум вядомости своей выдати, теды чогом сведом и що добре слышалъ, а мяновите од пасерба своего пана Циприяна Медведцкого, который на тот час кнежати его милости Юрему Чарторискому служилъ, писаром покоювым был, коли его милост кнежа Чарториский панну Федору Колпытовскую змовил и шлюб з нею взял в Колпытове и лист запис на десет тисечей золотых полских юй дал; а потом и од еи милости паней Каменецкой, матки кнежати его милости Чарториского, слышал, которая ми власне в тые слова поведала: иж сын мой кнежа Чарториский взялъ шлюбъ с панною Федорою Колпытовскою; тож и од слуг никоторых кнежати его милости Чарториского слышалем и мяновите од панов Венцковских двох, иж князь его милость брал шлюб с панною Колпытовскою. То що слышал правдиве, под сумненем моим зознаваю правдиве.— Которое ж то очевисте сознане пана Солоневского я, уряд, принявши, до книг записати казал и ест записано.

Книга гродская Владимірская 1619 г., № 983, л. 682 об.

8. Показаніе о томъ же бракѣ другого свидѣтеля, п. Александра Сенюты-Ляховецкаго. 1619 года, іюля 15.

Року тисеча шестсотъ деветнадцатого, месеца июля петнадцатого дня.

На вряде кгродском Володимерском, передо мною Томашом Кгозимирскимъ, буркграбим и наместником подстароства Володимерского, постановившисе очевисто, урожоный его милост панъ Алексанъдер Сенюта Ляховецкий ку записаню до книг кгродских Володимерских зознал тыми словы: ижъ в року прошломъ тисеча шестсотъ тринадцатом, будучи в дому небожъчика пана отца моего его милости пана Грегора Сенюты Ляховецкаго в Олшаницы, небожчик пан Адамъ Яковицкий поведал то небожчикови пану отцу моему, же княжа Юрей Михайловичъ Чарторыский взял шлюбъ с панъною Федорою Колпытовскою, штом и я сам ушима своими слышал, кгды то небожчикови пану отцу моему поведал. Яко жем и повторе, кгдым ехалъ от пана Константого Колпытовского, отца малжонки моее, з Овлучима до дому своего до Олшаниці и вступилом до Колпытова, до попа Колпытовского отца Ивана, который се прозываетъ Теребинским, которогом умыслне пытал, еслибы кнежа Чарторыское с панною Колпытовскою шлюбъ брал? Теды ми поведил, же кнежа его милост брал шлюб с панною Колпытовскою и ям его сам давал; и шедши зо мною до церкви и одомкнувши церковъ, вопол в церковъ и оказал ми рызы злотоглавые и поведил, же тые ризы кнежа Чарториское надал на тутошнюю церковъ Колъпытовъскую, и благословил кнежа его милост в том стане святомъ малженском съ панною Колпытовскою. Штом слышал од того попа Колпытовъского правдиве, подъ сумненъем моим, же такъ а не иначей было, зознаваю, такъ яком и перед паном владыкою зознавал, а не иначей.—Которое то очевистое зознанъе его милости пана Сенюты Ляховецкого я, уряд, принявши, до книг записати казал, и ест записано.

Книга гродская Владимірская 1619 г., № 983, л. 940 об.

9. Жалоба князя Юрія Чорторыйскаго о томъ, что, явившись на судъ епископскій по дѣлу о „какомъ-то мнимомъ бракѣ“ его съ Ѳедорою Колпытовскою, онъ вынужденъ былъ выслушивать какъ отъ нея самой, такъ и отъ родственниковъ ея потоки бранныхъ рѣчей, крайне оскорбительныхъ для чести его имени и рода. Свидѣтельство вознаго. 1619 года, іюля 11.

Року тисеча шестсот деветнадцатого, месеца июля одинадцетого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку его кор. милости Володимеръском, передо мною Томашом Кгозимирскимъ, буркграбим и наместником подстароства Володимеръского, и книгами нинешними кгродскими Володимерскими, становши объличне, яснеосвецоный кнежа его милость Юрей Чарториский, такъ яко и заразъ тамъ, при суде духовном нижепомененомъ, и въсей громаде людей зацных учинил, и тутъ обътяжливо жаловалъ и осветъчалъся противъко шъляхетънымъ: Анъне Костюшъковичовне Костентиновое Колъпытовской, Овдоти Мартиновой Линъчевской и Федоре, такъже и Политанови, цоръкамъ и сынови ее, с помененым малъжонкомъ Колпытовским сплюжонымъ, о то: ижъ они дня сегоднешъного на дате вышменованого, въ року нинешънем тисеча шестсотъ деветнадцатомъ, при одправованъю судовъ през высоце въ Бозе велебъного отъца Иоахима Мороховского, епископа Володимерского и Берестейского, при бытности инъшого духовенства при его милости, на тот часъ на том же суде будучого, в справе певной межи помененою Федорою Колпытовскою а осведчаючимсе о якоес мниманое малъженъство, за декретом его кор. милости, которымъ его кор. милость до суду его милости духовного тую справу одослати до узнанъя рачил, не маючи жадное причины собе вышреченые особы, от кнежати его милости даное, словы непристойными, славе, гонорови, зацности дому и фамилиеи и дноте наветъ такъ кнежати его милости самого, яко и малжонки кнежати его ми-

лости княжъне Зузанъне с Красного щиплючими и шкодячими, на кшталтъ якогос пашъквилиушу, с окриком великим и при всюмъ згромаженъю велю людей зацных, такъ стану духовного, яко и свецкого, на тотъ часъ будучих, не маючи респекту жадного на зверхностъ его кор. милости и повагу декрету его кор. милости, не уважившии и суду помененого, всѣ одностайне, одно другого в том уципливом обмовиску и лаянъю княжатъ их милости малжонковъ подпомогаючи, злаяли, зсоромотили и зелжили; которыхъ-то словъ перед жалем великим и спросности их выразне споминати осветчаючому не здалосе на тотъ час; однакъ и повторе осветчившисе, княжа его милость оферовалсе с тыми поменеными особами зо всими в обецъ и с кождымъ з них зособна в суде належномъ, иле с права належати будетъ, чинити. Етъ инъ верификационем премиссорум ставил возного генерала воеводства Волынского шляхетного Анъдрея Клишчицкого, который тудежъ, перед урядом нинешним стоячи очевисте, явне и доброволне такъ а не иначей все быти правдиве, при чом был презенъсъ, и што естъ имъ от его княжацкое милости осведчоно, зознал и того всего потверъдилъ. И просилъ пречоный осведчаючий се, абы тая его жалоба и возного зознанъе было принято и до книгъ записано; што я, уряд, принявши, до книг кгродских Володимерских записати росказал и естъ записано.

Книга гродская Владимірская 1619 г. № 983, л. 923 об.

---

10. Жалоба Θедоры Колпытовской и ея родственниковъ о томъ, что во время разбора въ епископскомъ судѣ ея дѣла съ княземъ Юрьемъ Чорторыйскимъ, послѣдній публично поносилъ ихъ бранными словами и грозилъ лишить ихъ здоровья и самой жизни. Свидѣтельство вознаго. 1619 года, іюля 12.

Року тисеча шестсотъ деветнадцатого, месеца июля дванадцетого дня.

Пришедъши на врядъ кгродский, до замъку Володимеръского, урожоные Конъстанътий Колъпытовский и Анъна Костюшъковъна, малжонкове, и Федора съ Колъпытова, малъжонка велъможъного Юръя Михайловича кнежати Чарторискогo, Овъдотъя Колъпытовская, малъжонка урожоного Марцина Линъчевского, сесътры, и Политанъ Колъпытовский, сынъ и братъ, яко в суде духовномъ, передъ велебънымъ Иоахимомъ Мороховъскимъ, епископомъ Володимеръским и Берестейскимъ, такъ и тепер передо мною, Томашомъ Кгозимирскимъ, буркграбим и наместником подстароства Володимерского, жалосне на ясневелможъного Юръя Михайловича кнежати Чарториского светчилисе о то, ижъ его кнежацкая милость, при одправованъю справы межи помененою панею Федорою с Колъпытова а кнежатемъ его милостю о зламанъе шлюбу и недотрыманъе веры малженъское, ведлуг декрету его кор. милости до помененого отца владыки одосланои, такъ дня десятого, яко и одинадцатого июля, року тисеча шестсотъ деветнадъцатого, въ суде вышей менованого отца владыки, не памятаючи ани обаваючисе на лист закладъный, одъ его кор. милости даный, которымъ его кор. милост въшелякие покое тымъ протестуючимъ объваровати рачилъ, смелъ при велю людей зацныхъ зъгромаженъю тых протестуючихъ словы неучтивыми и ущипъливыми лжити, на славу и на уцтивое ихъ наступуючи, и тымъ ся не конътенътуючи, розъмаитые грозъбы, одъповеданъя забити, утопити и внивеч обернути обецуючи, шъто зараз тамъ же въ суде велебъного отца

владыки енераломъ нижей менованымъ естъ презъ тых пъротестуючих осветъчоно. Прото, ижъ ся тому листови закладъному его кор. милости спротивил, теды, прекавендо инъдемнитати суе, тую протестацию свою до уряду и книгъ теперешънх кгродъских Володимеръских подаютъ и просятъ, абы была принята, оферуючисе с кнежатемъ его милостю о то въсе юре медианъте чинити. Етъ инъ верификационемъ премиссорум тыежъ протесътуючие ставили енерала, шляхетъного Яна Комнацъкого, урядови добре знаемого, который перед урядомъ кгродскимъ Володимерскимъ очевисъто стоячи, въ способъ правъдивое реляции своее, ижъ то, о пъто през тыхъ протестуючихъ вышей осъветчоно естъ въ суде владычомъ и кгродъскомъ Володимерскомъ, такъ а не иначей въсе быти зозналъ и тое свое сведецъство до книгъ теперешънихъ кгродъскихъ Володимеръскихъ учинилъ. И просили вышъменованые особы, абы их тое осветчене до книг нинешних кгродских Володимерских, з очевистым зознанем возного, было принято и записано; што естъ принято и записано.

Книга гродская Владимірская 1619 года, № 983, л. 927 об.

Примѣч. Угрозы князя Чорторыйскаго не были пустыми словами: 15 ноября 1619 года была занесена жалоба отъ имени Политана Колпытовскаго о тяжкомъ избіеніи и израненіи его по приказу князя Ю. Чорторыйскаго Книга № 2436, л. 774

---

11. Жалоба Өедоры Колпытовской о неправильностяхъ и злоупотребленіяхъ, допущенныхъ епископомъ Мороховскимъ при разборѣ въ духовномъ судѣ дѣла ея съ княземъ Юріемъ Чорторыйскимъ. 1619 года, іюля 12.

Року тисеча шестсот деветнадцатого, месеца июля дванадцатого дня.

Урожоная ее милост пани Федора с Колпытова, малжонъка велможного Юря Михайловича кнежати Чарторыского, перед урядомъ и книгами кгродскими старостими Володимерскими и передо мною Томашомъ Кгозимирскимъ, буркграбим и наместником подстароства Володимерского, очевисто стоячи, жалобливе напротивко велебному Иоахимови Мороховскому, владыце Володимерскому и Берестейскому, светчила се о то, иж его милость отецъ владыка, на декрет короля его милости межи оною протестуючою а велможнымъ Юремъ кнежатем Чарторыскимъ, малжонком ее, стороны шлюбу и недотриманъя веры малженъское, до себе для вывоженъя сведецтва одосланого, ничого не паметаючи, але се оному спротививши, наперед не сам велебный отецъ владыка, яко належитъ, з ынъшою своею ксенъжою и попами, официалистами, скрутинии слухалъ и судил, але попа кнежати его милости, меновите названого Кгалазего[1]), слугу его кнежацкое милости, который ему служитъ, и инъших, которых на то его кнежецкая милост затягнул, до слуханъя скрутинии и ферованъя декретовъ приспособилъ и на судъ свой засадилъ, и декретъ з ними без жадное присяги, волнымъ чинечи кнежати его милости де пляно вечными часы, феровал и сказал; которого отецъ велебный владыка не мел сказывати ани феровати, але сведецтва выслухавши, скрутиния обом сторонам выдавши, до короля его милости, яко в головной справе, для узнаня ее (яко о томъ декретъ его корол. милости

[1]) Рѣчь идетъ о Геласіи, архимандритѣ Успенскаго Дорогобужскаго монастыря, существовавшаго въ с. Дорогобужѣ, что нынѣ деревня Остр. у. Вол. губ.

вышъшей менованый ширей обмовляет) одослати. А над то, кгды его кнежецкая милост сведки свои провадилъ и скрутинием вывел, теды, кгды пани Федора с Колпытова свои сведки вела, отецъ велебный владыка, по сконъченю его кнежецъкое милости скрутинии, перешкожаючи сведкомъ панее Федоры с Колпытова, которых до сведецтва провадила, знов сведки его кнежецкое милости коррумъпованые до зознаванъя припустил и того попа албо свещенъника Колпытовъского, который при кнежати его милости за сторожою естъ, знову до реассумованя присяги, перед велебнымъ отцем владыкою Луцкимъ учиненое, которая присяга декретом теперешним его королевское милости естъ оттятая и не мней суспикована, и не для тое присяги потверженъя, але на вывоженъе сведецтва естъ одослана. А што большая, скрутаторов моих, што того шлюбу певные и ведомы были, не ведати з якое причины припустити не хотелъ; навет и зознаванъя, которые в кгродех перед книгами, для далекости местца и акту теперешнего небытности, през сведки добре ведомые сутъ учиненые, выпису не хотел до суду приняти, а то за персвазиею такъ попа, слуги вышей менованого его кнежецкое милости, яко и инших, которые были през его кнежецкую милост на тое приспособленые, до суду засажоные. До того, обокъ с тое избы, где се скрутиниум одправовало, до покою выходити казал, зачим его кнежецкая милостъ так своих, яко и моих сведковъ зознаванъя слухал. На остатокъ отецъ владыка, при бороненъю справы, докуменътовъ жадных не хотелъ, которые се указовали, читати и контроверсии жадное слухати, ку великои кривъде, жалости и шкоде панее Федоры с Колпытова то чинечи. В чомъ забегаючи, абы тая справа, которая, якъ сонце ясна (поневаж и сам отецъ владыка Володимерский того шлюбу добре ведомъ, кгдыжъ его милости поведал перед тым тот попъ Колпытовский, который тот шлюбъ давалъ и тепер присяг, и которого отца владыку до аттестации в той справе манъдатомъ на сеймъ позвано, которая в ареште естъ), якого упадку не понесла, шацует собе на десетъ тисечей золотых пол-

ских и толко ж шкоды. О которые всѣ вышъменованые речи и о спротивенъе декрету его кор. милости повторе з жалостю на помененого отца владыку Володимерского се светчит и тую протестацию до актъ теперешних кгродских Володимерских, при одправованю тое справы вышей меноване, дня десятого и одиннадцатого июля, року тисеча шестсот деветнадцатого, перед его милостю отцемъ владыкою внесеную, подаетъ; которую просит, абы была принята и записана. Што я, уряд, принявши, до книг кгродских записати казалъ, и естъ записано.

Книга гродск. Владим. 1619 г. № 983, л. 929.

Примѣч. Любопытно, что въ числѣ свидѣтелей со стороны князя Чорторыйскаго былъ родной братъ Өедоры, Александръ Колпытовскій. На другой день послѣ суда Өедора занесла жалобу на него: „ижъ онъ, маючи маетность под княжатемъ Юрьемъ Чарторыйскимъ, а маючи неласку (за певною причиною) у родичовъ своихъ, за намовою князя его милости, смел и важилсе сведецтво фалшивое противко сестры перед владыкою Мороховскимъ выводити и сведчити“.—Ibidem, л. 930 обор.

---

12. Возраженіе епископа Мороховскаго противъ означенной жалобы Колпытовской. 1619 года, іюля 13.

Року тисеча шестсотъ деветнадцатого, месеца июля тринадцатого дня.

На вряде кгродскомъ, в замку его кор. милости Володимерскомъ, передо мною Томашомъ Кгозимирскимъ, буркграбим и наместникомъ подстароства Володимерского, велебный в Пану Христусе его милост отецъ Иоакимъ Мороховъский, епископъ Володимерский и Берестейский, якъ скоро взялъ ведомость о донесеной и до книг отданой протестации отъ урожоное Федоры с Колпы-

това, яко се она менитъ быти, малжонъки велможного кнежати Юря Михайловича Чарторыского, напротивъко оной жалосне се оповедал тыми словы: ижъ што тая то пречечоная Федора с Колпытова менует быти в той протестации своей, яко бым я в справе ее с кнежатем его милостю Чарторискимъ, за декретомъ его кор. милости, пана моего милостивого, сеймовымъ и позвомъ духовнымъ перед судом моим отправованой, взявши до себе попа Кгелазия, якобы слугу пречечоного княжати его милости, и инших, которыхъ бы княжа его милостъ з собою затягнулъ, до слуханъя шкрутиниумъ приспособити и на суд свой засадити мелъ, и надто, по скончен̂ю кнежати его милости шкрутинии, якобы перешкажаючи сведкомъ ее, которых до сведецтва приводила, знову сведкомъ княжати его милости корумпованых до зезнаванъя и того попа, або свещенъника Колпытовского, который бы при княжати его милости за сторожою был, знову до реассумованя присеги, которая бы уже декретом его корол. милости была оттята, припустити мел, и шкрутаторов оное, которые бы того шлюбу певны и ведомы были, до сведецтва не припустил; до того с тое избы, где се шкрутиниумъ отправовало, до покою выходити княжати казал, за чим бы княжа его милост своих, яко и оное, светъковъ зезнаванъя слухати мелъ, и якобым документътовъ жадныхъ при бороненю справы читати и контроверсии жадное слухати не хотел, и того шлюбу самъ бым ведом от того попа Колпытовского будучи, оного до присяги припустил, шацуючи собе затым шкод на десет тисечей золотых полских. Противъ которое протестации всим пунктом ее соленитер пречечоный его милост отецъ владыка репротестовал: ижъ в помененой справе той то протестуючийсе з кнежатем его милостю Чарторискимъ ничого отъ пристойности и права духовного и посполитого не одступовал и противного тому ничого в суде своемъ не чинилъ, з великим, годнымъ ушанованемъ декрет его корол. милости, пана нашого милостивого, до мене от стороны поводовои кнежати его милости Чарториского поданый, принявши, водле него и контроверсий, од сторонъ вношоных, поступоваломъ, возвавши

и упросивши до себе особъ духовных набоженства рымского костела и церкви всходное набоженства руского католицкого, людей зацных, права умѣетных: его милости в пану Бозе велебного ксенъдза и велебного отца Кгелазия Русовского, архимандрита Дорогобузкого, а не слугу жадного княжати его милости Чарторыского, яко она удаетъ, и отцовъ законниковъ, доминикановъ и презъбитеровъ капитулы Володимерское, а з особъ свецкихъ, которых было з обу сторонъ людей зацных немало, на жадные суды до себе не затегаючи ани ихъ взываючи; шкрутиниумъ обу сторонъ, до которое се отзывали и в той справе потребовали, по выконаню публичнымъ их присег, порядне оное без жадного уближенъя слухалом, кождой стороне з их светками местце особливое слушное давши, а то постерегаючи, абы жалювъ далшихъ межи собою не мели; которых се без жадного ушанованъя кожъдое особе при суде од тое то протестуючоесе наслухало; и по долгихъ контроверсиях оных и читанъю и выслуханъю доводовъ листовных, декретъ был на писме читаный, осведчаючи сумненъем моим, же не што иншого, только Пана Бога, права слушност и справедливостъ светую пред очима маючи, допустивши стороне апеляции там, где ми декретъ его корол. милости, пана нашого милостивого, спецификовал; а то, што колвекъ естъ в той протестации противко мене учиненой, речи сутъ на мене змышленые и жадного подобенства правды не маючие, которые абы гонорови и рядови моему не шкодили и злое естимации ни у кого на жадномъ местцу не чинили, тую репротестацию мою вношу. Которая абы принята и до книгъ записана была, пречечоный велебный его милост отецъ владыка Володимерский просил; што уряд принявши, до книг кгродских записати казал, и ест записано.

Книга гродск. Владим. 1619 г. № 983, л. 934.

---

13. Жалоба матери Колпытовской, Ганны Костюшковичовны, что владыка I. Мороховскій, постановивъ незаконное рѣшеніе по бракоразводному дѣлу ея дочери съ княземъ Ю. Чорторыйскимъ, отказался выдать ей копію протокола судебнаго слѣдствія по этому дѣлу для представленія королю. 1619 года, августа 17.

Року тисеча шестъсотъ деветнадцатого, мѣсяца августа семогонадцат дня.

Пришедши на врядъ кгродский, в замокъ его корол. милости Володимерский, до мене Томаша Кгозимирского, буркграбего и наместника подстароства Володимерского, ее милост пани Костентиновая Колпытовская Ганна Костюшковичовна с Хоболтовы, именемъ цорки своее панее Федоры Колпытовъское кнежны Юревое Чарторискseparate обътежливе жаловала и протестоваласе напротивко в Бозе велебному его милости отцу Иоакиму Мороховъскому, владыце Володимерскому и Берестейскому, в тот способъ: ижъ за одосланъемъ декрету его корол. милости сеймового до его милости пана владыки Володимерского на выведенъе шкрутиниумъ перед суд его духовный в справе цорки моее с кнежатемъ его милостю Юремъ Чарторыскимъ о зламанъе шлюбу малженского, ведле которого то декрету его корол. милости сеймового, а за позвомъ владыки его милости Володимерского по кнежати его милости Чарторыского до слуханъя, шкрутиниумъ свою через людей зацныхъ противко кнежати Чарторыскому слушне и справедливе выводила и вывела; нижли его милост пан владыка Володимерский, будучи фаворъ кнежати Чарторыскому, декретъ свой духовный ку кривде цорки моее выдал, а над то и шкрутинѣй их ин окклюзо ротуло ведле права, кгды цорка моя не пооднокротъ до пана владыки з возным и шляхтою ходила, абы ей выдалъ, выдати шкрутиниумъ не хотилъ и не выдалъ, потребуючи якогос запису от нее на тую шкрутиниум, о што се цорка моя противко пану владыце возным и шляхтою светчила. И просила ее милостъ пани Колпытовъская, абы тая протестация ее до книгъ принята и записана была. Я, врядъ,

принявши, до книгъ кгродскихъ Володимерскихъ записати казалъ, и естъ записано.

Книга гродск. Владим. 1619 г., № 983, л. 1025 об.

Примѣч. Въ отвѣтъ на эту жалобу Мороховскій внесъ въ гр. Владимірскія книги заявленіе, что онъ копіи „скрутиніи" не выдалъ Аннѣ Колпытовской за непредставленіемъ ею довѣренности отъ дочери.

Дѣло о бракѣ князя Чорторыйскаго не было разсмотрѣно на сеймѣ 1619 г. и грозило затянуться на неопредѣленное время. Между тѣмъ на Волыни исходомъ его интересовались не одни лишь прикосновенныя лица и ихъ родственники. Благодаря выдающемуся общественному положенію князя Юрія Чорторыйскаго, его бракоразводный процессъ выходилъ изъ предѣловъ частнаго дѣла и возводился на степень общественнаго явленія, настолько важнаго, что вопросъ объ его исходѣ интересовалъ все шляхетское сословіе. Поэтому волынскіе дворяне, собравшись 22 сентября 1620 г. на сеймикъ въ г. Луцкъ для составленія инструкціи депутатамъ, отправляемымъ ими на предстоявшій сеймъ Варшавскій, въ числѣ другихъ представленій о мѣстныхъ политическихъ и общественныхъ интересахъ и нуждахъ, включили въ эту инструкцію слѣдующее ходатайство по дѣлу кн. Чорторыйскаго: „Sprawa xzęcia jego mosci Jerzego Czartoryskiego ma być wielce zalecona pp. posłom naszym, ktorzy maią w koło poselskie to wniesć, że nie tylko w duchownym prawie decreta otrzymane, ale y to, iż w woiewodstwie naszym w tak wielkym zdromadzeniu ani z duchownych, ani z swieckych zacznieiszych y podleszych nikt taky nie był ani iest, ktory by mogł iako w kożdey inszey sprawie, tak i w tey, pogotowiu o życiu xzęcia j. m. ynakszego dać swiadectwa, ieno iako o człowieku zacnym s przodkow swych y siebie samego zasłużonym RPtey; za ktorym naszym swiadectwem maią się starać, aby xzę j. m. nie tylko sprawiedliwy dekret wolnosci od j—go kr. mosci, w czym nie wątpimy, otrzymał, ale żeby y ta osoba, ktora to wlokła niesłusznie na xzęcia j. m., karana była".—Актовая кн. № 2125, л. 894.

Было ли уважено это ходатайство и вообще какой былъ конецъ процесса князя Ю. Чорторыйскаго съ Ѳ. Колпытовской—объ этомъ мы не нашли данныхъ въ нашихъ матеріалахъ. *Ред.*

CXXXVII.

Запись, выданная священникомъ церкви св. Пятницы въ г. Владимірѣ-Вол. Михаиломъ Самсацкимъ дьячку своему Заку Онисковичу въ томъ, что если послѣдній вступитъ въ бракъ съ его племянницей, то онъ будетъ стараться о посвященіи его въ діаконы къ той же церкви и со временемъ обязывается передать ему свое „дѣдичное" право на означенную церковь. 1620 года, октября 24.

Року тисеча шестъсотъ двадцатъ первого, мѣсеца декабря тридъцатого дня.

На вряде кгродскомъ, в замку его кор. милости Володимеръскомъ, передо мною Каспромъ Шпоровскимъ, подстаростимъ Володимерскимъ, и книгами нинешъними кгродскими старостинъскими становъши очевисто, шляхетный пан Грегорий Завалский листъ, записъ доброволный одъ богомыслъного отца Михайла Самсацкого, презвитера церкви светое Пятницы, тут у Володимери на передъместю Запятничю лежачое, славетному Сакови Онисковичови, дякови своему, на речъ въ немъ меновите описаную и выражоную, тутъ въ месте Володимеру, року тисеча шестъсотъ двадцатого, месеца октобря двацатъ четвертого дня написаный и даный,именемъ шляхетныхъ Олены и Анъны Кацеровичовенъ, цорокъ зошлого шляхетъного пана Ивана Малофеевича, поповича Пятницкого, для вписанъя до книгъ нинешнихъ кгродскихъ Володимерскихъ перъ облятамъ подалъ так се в собе маючий: Я Михайло Самсацкий, презвитеръ церъкви светое Пятницы у Володимери, на передместю Запятничю лежачое, чиню явно и сознаваю тымъ моимъ листомъ, записомъ доброволнымъ, кождому, кому бы о томъ ведати належало теперъ и потомъ завъжды: ижъ што, за волею Господа Бога вшехмогучого и радою повинъных моихъ, понялемъ былъ въ станъ светый малженъский Ганъну Ивановну Кацеровича, дедичку добръ церкви светое Пятницы и инъших приналежностей заровно еи зъ сестрами ее рожоными Оленою Мойсеевою а Гасею Ми-

хайловою Пѣшковичевою, по отцу их зошломъ Ивану Малофеевичу, поповичу Пятницкомъ, приналежачую; а ижъ они обедъве сестры ее, маючи свое обестъя иншие, мне тое церкви до живота нас обойга уступили, за которымъ уступенъемъ ихъ я въ свещеничество пострижонъ будучи, часъ немалый зъ малжонкою моею зошлою Ганъною тое маетности уживалемъ, а по смерти ее и теперъ спокойне уживаю, диспонуючи добрами до тоее церкви приналежачими. Однак же упатрѣлем то, же кождый чоловек, таковый вѣкъ выживъши, яковый я выжилъ, ближъший уже естъ смерти, а нижели сегосвѣтного мешканя; што все я на добромъ баченъю маючи, а милуючи малжонку мою за живота ее, а по смерти хотечи таковую жъ милостъ и повинънымъ ее оказати и працу, которуюмъ коло тое маетности подънялъ, имъ в покою зоставити, яко власнымъ потомкомъ, а по смерти ихъ деткомъ ихъ; маючи тежъ взглядъ на заслуги мне одъдаваные и церкви Божое Сака Онисковича, дъяка на тот час церкви светое Пятницы, постановляю то: ижъ скоро бы, за волею Господа Бога вшехмогучого, тот-то Сакъ Онисковичъ, дъякъ мой, понялъ в станъ светый малженъский цорку у пана Мойсея Яковлевича и малжонки его панее Олены Кацеровичовны панъну Галену, которая уже за него естъ змовлена и час веселя певъный зложонъ, теды я оному таковую нагороду учинити маю: напродъ старатисе буду повиненъ, абы без жадного омешъканя въ дъяконы пострижонъ, а кгды бым уже я уставалъ в служенъю службы Божое и въ одъдаванъю фалы, теды и на свещенництво постановленъ былъ, а я оному привилей, на тую церковъ служачий а на мене одъ короля его милости, теперешъного пана нашого милостивого, потвержоный, зо всими апаратами церъковными ведле реестру, черезъ мене списаного, одъдати и всѣхъ приналежностей к той церъкви належачихъ уступити маю; а онъ толко мене предъсе при той церкви до смерти моее ховати и выживленъе слушъное, на мой станъ належачое, давати маетъ. А за одъданъемъ привилею и уступенъемъ церкви светое Пятницы зо всими приналежностями, маетъ онъ на том

спокойне мешкати и пожиткувъ вшелякихъ уживати безъ жадного импедиментъу одъ мене самого и повинныхъ моих, близкихъ и далекихъ, которые бы собе якую близкост в том быти розумели и трудностъ о то задавати хотели, што я од нихъ тымъ теперешним листомъ моим оддаляю часы вѣчными и трудности въ томъ чинити не мают, подъ закладомъ двадъцати копъ грошей литовских и под нагороженъемъ шкодъ и накладовъ на голое реченъе слова его самого; о который закладъ в неучиненъю досытъ которой колвекъ речи, такъ черезъ мене самого, яко и повинъных моих, въ задаванъю трудностий черезъ нихъ, даю волностъ таковогo кождого позвати до вшелякого суду, права и уряду, жебы одно тая справа зъ якое колвекъ кондиции въ томъ записе менованое форумъ мела, позвомъ якимъ хотечи; а онъ за першимъ позвомъ и на першимъ року стати, а ставши, жадных оборонъ не заживаючи, року, позву не буречи и ни чимъ его не збиваючи, неналежностъю жадною се не щитечи, хоробами се не закладаючи, усправедливитися маю и мающъ, то есть закладъ заплатити, шкоды нагородити; а заплативши закладъ и шкоды нагородивши, предсе тот листъ во всемъ при зупольной моцы хованъ и у кождого суду почитанъ быти маетъ и кондициямъ въ немъ выражонымъ досытъ чинити повинъни будутъ тылекротъ, илекротъ бы того потреба указовала, жадными давностями ани упадлостъю запису сего не щитечисе, ани жадное давности ему не задаваючи; варуючи то однакъ, ижъ на тот часъ естъ поля той церкви належачие, прозываемые Коцоръ, арендовани через мене пану Михайлу Вручинскому на лет три по собе идучихъ, которымъ тромъ летомъ конецъ маетъ быти о светомъ Спасе рускомъ в року пришломъ тисеча шестъсотъ двадъцатомъ второмъ, по которомъ ексъпированъю аренды тое и выйстъю тыхъ трохъ летъ уже панъ Вручинский не маетъ того поля на паренину орати а ни кому иншому продавати, але ихъ оному уступити и десятину зъ того поля в року томъ шестъсотъ двадъцат второмъ з озимины и ярины дати маетъ. И на том далъ Саку Онисковичу тотъ мой лист, доброволный записъ, с подписомъ

руки моее и с печатъю моею; до которого за устъною прозбою моею печати свое приложити и руки подписати рачили, то естъ: панъ Андрей Мисевский, панъ Иванъ зъ Добрска Стривязъский, а панъ Янъ Омецинский, также и с парафиянъ три, которие писати умели, руки свое подписали. Писан у Володимери, року тисеча шетстсотъ двадцатого, мѣсеца октобря двадцатъ четверътого дня.—У того запису местцъ на притисненъе печатей наготованыхъ три, а печатъ засъ притисненая одна, а подъписъ рукъ тыми словы: Михайло Самсацкий, презвитер Пятницкий, рукою власною. Jwan z Dobrska Strywiazsky ręką swą. Власъ Ивановичъ рукою власною. Устне прошоный Романъ Охримовичъ рукою власною.— А такъ я, подстаростий, тотъ записъ, за поданъемъ и прозбою вышъ менованого подаваючого, принявши, оный с почату увесь, ажъ до конца, такъ яко се в собе маетъ написаный и поданый естъ, до книгъ нинешнихъ кгродскихъ Володимерскихъ, самый ориналъ его тому жъ подаваючому выдати росказавъши, уписати есъми казалъ, и естъ уписанъ.

Кн. гродск. Владим. 1619 г. № 985, л. 1150.

CXXXVIII.

Предварительное условіе, заключенное княземъ Львомъ Воронецкимъ и его женой Христиной Боговитиновной относительно предположеннаго ими развода. 1621 года, апрѣля 28.

Року тисеча шестсот двадцет третего, месеца августа семнадцатого дня.

На вряде кгродскомъ, в замку его кор. милости, передо мною Яномъ Вылежинскимъ, подстаростимъ Луцким, постановившисе оче-

висто, урожоный княз Михал Воронецкий для вписаня до книгъ кгродских Луцких подал пер облятамъ интерцызу певного постановеня межи урожоным князем Лвом зе Збаража Воронецкимъ а урожоною панею Крыстиною Боговитянкою княгинею Лвовою зе Збаража Воронецкою, малжонками, с печатю и с подписомъ руки ее милости панее Кристины княгини Лвовое Воронецкое, также с печатми и с подписами рук людей добрых, о чом тая интерцыза шырей в собе мает, просечи, абы принята и до книг уписана была; которую я, для вписаня до книг приймуючи, передъ собою читат казалемъ, и так се в собе писмом полским писаная мает: Miedzy mną, kniaziem Lwem ze Zbaraża Woronieckym, a mną, Krystyną Bohowitianką kniehinią Lwową ze Zbaraża Woroniecką, małżonkami, stałosię takie postanowienie pewne: iż co miedzy nami małżonkami zaszły warchoły, rożnice w małżenskim stanie rożnemi czasy, w ktorych to warchołach naszych nieznosnych ja Krystyna Bohowitynowna, małżonka kniazia Lwa Zbarazkiego, uciekszy się s protestatiami do grodu Łuckiego, pozwałam była przed duchowny sąd małżąka swego do rozwodu y podała skargę swą y przyczynę na pismie przed sąd duchowny; tak też y ja Lew ze Zbaraża Woroniecky, na skargę małżąki swey, na terminie replikę swą, przeciwko terminu y skargi małżonki swey, podałem też na terminie skargę swą do sądu duchownego. Iakoż ja Lwowa ze Zbaraża Woroniecka pozywałam pozwy duchownemi przed sąd duchowny do rozwodu kilka razow, niżli za kożdym razem na terminach przypadłych ta się sprawa dla rożnych spraw nie skonczyłasię, a na ostatnim terminie małżonek moy wzdał mie in contumatiam, iakoż te wszystkie sprawy, tak skargi nasze, na terminie podane, zobopolnie, do akt duchownych wpisane, tak protestatie moie Lwowey Zbarazky tę sprawę szyrzey obmawiaią. A iż za pozwem ode mnie wyniesionym od sądu duchownego do małżonka mego kniazia Lwa Zbarazkiego przypadł termin na dzisieyszy dzien, aprila dwudziestego osmego, roku tysiąc szescset dwudziestego pirwszego, przed sądem dychownym Łuckim, tu w Łucku: tedy my spolnie, iednostainie,

tak ia kniaz Lew Zbarazsky, iako y ia kniehinia Lwowa Zbarazka, małżonkowie, nie przypuszczaiąc tę sprawę przed sąd duchowny, tak yz sobą zhodnie postanowilismy: iż ia Łew Zbarasky, co mam zapisy od sławney pamięci jmc. pana Andrzeia Bohowityna s Kozirad na summę pieniędzy dwa tysiąca złotych polskich, mam wrocić małżące mey; a ia kniehinia Lwowa z Zbaraża Woroniecka Krystyra Bohowitianka mam też wrocić małżonkowi memu zapis na summę cztery tyciąca złotych polskich y quitować powinnna urzędownie będę s tey summy wysz mianowaney w grodzie Łuckim, a drugi na przyznanie tey summy; tak też spolnie my oboie osoby powinni będzemy tak ze wszelakich protestatij, rellatiy woznych, tak ode mnie kniehini Lwowey Woronieckiey abo oyca mego w grodzie Łuckim poczynionych, quitować małżąka swego y prawo te kassować y wiecznie umorzyć; tak też cochmy skargi swe z obu stron podali dc xiąg duchownych, s tego się z obudwu stron quitować mamy. A co sie tknie rzeczy moich, pozostałych przy małżąku moim kniaziu Lwu Zbarazskim, te mnie według sumnienia swego ma mi wrocić, co rozumiem, że nie ostawi nic na sumnieniu swym. A to sobie wszystkie te condicie, w tey intercyzie opisany, mamy wypełnić y zyscić wodle tey intercyzy, to iest junia siodmego dnia, w pierwszy poniedziałok po Troicy swiętey rzymskiego swięta, tu w Łucku, w roku teraznieyszym tysiąc szescset dwudziestym pierwczym. A wypełniwszy te wszystkie condicie zobopolnie, mamy y powinni będziem tegoż dnia y roku wysz mianowanego u sądu duchownego my małżąkowie, obie osobie, stać bez żadnych zmaz, skalowania y sromoty u sądu duchownego tu w Łucku, gdzie sie sprawa poczeła, nię skaluiąc ieden drugiego, wynalazszy przyczynę choroby abo iakikolwiek, do rozwodu podobny, bez uszczyrbku uccivego na obie stronie przyczyny, rozwiesć się z małżęskiego stanu mamy. A to wszystko y wszystkie conditie, w tey intercyzie opisane tak wyżey, iako y niżey, wypełnić y zyscić mamy pod zaręką dwuch tysięcy złotych polskich y pod nagrodzeniem szkod na gołe rzeczenie słowa, bez przysięgi, o co forum u koždego sądu y prawa,

tak ziemskiego, grodzkiego, trybunalskiego, iako y duchownego obedwie stronie sobie zachowuiem; a to w niedosyc uczynieniu ktorey kolwiek condiciey, w tey intercyzie opisaney, przez nas, iesliby ktora strona ktorey condiciey chciała być przeciwna y dosic czynić nie chciała, a strona gdyby ukrzywdzona stronę sprzeczną pozwała, tedy w tym wszystkim za pirwszym pozwem sprawić sie u kożdego sądu wysz mianowanego powinna będzie pod zakładem wysz opisanym; a sprawiwszy sie, zakład y szkody zapłaciwszy, przecie ta inrercyza przy mocy swey ostawać ma. Co dla lepszey wiary te intercyze nasze, słowo w słowo pisane, miedzy się dalismy y rozebrali, a to z podpisem własnych rąk naszych y pieczęciami. Do ktorey to intercyzy, za ustną prozbą naszą, ich mosć panowie przyiaciele naszy ręce swe podpisać y pieczęci przyłożyć raczyli, to iest: j. mc. pan Mikołay Bohowityn s Kozirad, j. mc. pan Siemion Witonisky, j. mc. pan Piotr Hulewicz, j. mc. pan Krzysztoph Horain, j. mc. pan Jerzy Czerniewsky. Pisan w Łucku, aprila dwudziestego osmego dnia, anno tysiąc szescset dwudziestego pirwszego.—У тое интерцызы печатей шест, а подпис рук тыми словы: Krystyna Bohowitynowna Woroniecka ręką swą. Mikołay Bohowityn mp. Pieczętarz proszony Semion Witonisky mp. Piotr Hulewicz. Krzysztoph Horain mp. Jerzy Czerniewsky ręką swą.—Которая ж то интерцыза, за поданемъ и прозбою вышъпомененое особы, а за принятем моим, уся, с початку ажъ до конца, до книг кгродских Луцких ест уписана.

Книга гродск. Луцкая 1623 г., № 2132, л. 1071.

CXXXIX.

Судебное дѣло о прелюбодѣяніи въ шляхетской семьѣ.

1. Жалоба п. Яна Рѣзановича на жену свою Марушу и на п. Демьяна Воронича о томъ, что они открыто живутъ въ преступной связи между собою. 1621 года, ноября 22.

Року тисеча шестсотъ двадцат первого, месеца ноябра двадцат второго дня.

На вряде кгродском, въ замку его кор. милости Луцком, передо мною Марциянном Олшамовским, буркграбим и наместникомъ подстароства Луцкого, ставши очевисто, шляхетный панъ Янъ Резановичъ жалосливе светчилъ и оповедалсе напротивко шляхетное Маруши Жирицкого Яновое Резановичовое, малъжонце своеи, и напротивко урожоному пану Демъяну Вороничу о то, ижъ помененые особы, не конътентуючисе тым, што в небытности протестуючого предъ тым нерядне, под претекстом службы помененое малжонки его, през лет килка мешкали, але и недавно помененый пан Вороничъ, упросивши и намовившы протестуючого, яко чоловека убогого и уломного, абы в небытности его, ним бы ся з ексъледицыи посполитого рушеня звернулъ, в дому его з жоною своею при малжонце его урожоной панеи Галене Долматовне Исайковского Ворониной промешкал и робот в небытности его доглядал, обецуючи ему за тое и за першие лета, през которые служила жона его, по звроценюсе з посполитого рушеня заплатить, там же, мѣсто нагороды, по звроценюсе з експедицыи тое в року теперешнем тисеча шестъсотном двадцат первомъ, месеця ноябра пятого дня, помененый пан Вороничъ, порозумевшисе з помененою Марушею Жирицкого Резановичовою, малжонкою протестуючого, оного з дому своего од жоны его власное одогналъ, и так з собою обое тепер, не огледаючисе на боязнь Божую и срокгост права посполитого, такъже на веру малженъскую, при

шлюбе поприсяжоную, без встыду, при живой малжонъце панеи Ворониной урожоное панеи Галены Долматовны Исайковского, з великимъ преслядованемъ ее, в цудзолозстве явнымъ мешъкают и того поперестати не хочутъ; а надто еще панъ Воронич и пофалки на здорове протестуючого чинит; зачимъ не будучи безъпеченъ здоровъя своего, такъ о тые похвалки, яко и о такие шкарадъные учинъки цудзолозства, повторе се светъчилъ, оферуючисе о тое все в суде належном правне чинити. И просил помененый пан Янъ Резановичъ, абы тое его оповедане до книг кгродских Луцких записано было; што за принятемъ моим естъ записано.

Кн. гродск. Луцк., 1621 г. № 2442, л. 734 об.

---

2. Декретъ Луцкаго гродскаго суда, коимъ Демьянъ Вороничъ и Маруша Рѣзановичева за чужеложство приговорены къ лишенію жизни, а за неявку въ судъ—къ инфаміи. 1622 года, февраля 19.

Року тисеча шестсотъ двадцат второго, месеца февраля девятнадцатого дня.

На рочках судовых кгродских Луцъких, от дня десятого месеца февраля в року звышънаписаном припалых и судовне отправоват зачатых, перед нами Яномъ Вылежинскимъ, подстаростим, а Адамом Сопоткомъ, скарбником Волынским, судею, врядниками судовыми кгродским Луцъкими, кгды се приточила справа з реестру судового за приволанем возного, шляхетного Станислава Суского, межи шляхетным паномъ Яномъ Резановичомъ, поводом, а шляхетною панею Марушою Жирицъкого Яновою Резановичовою и опекунами ее, если бы якие претендовала, и урожоным паном Демяном Вороною, позъваными, за позвом кгродским Луцъкимъ, от

повода по позваныхъ на рочъки теперешные выданим, которие то позъваные, будучи от повода презъ возного вышъменованого приволывани, не стали и ведомости жадное о нестаню своемъ судови нинешнему и поводовои стороне не дали, зачим оных, яко нексталых и права посполитого непослушных, менований поводъ з допущеня судового на упадъ в зыску речи, в позве нижей инсерованомъ меновите выражоное, з волным однак тое справы арештом до звыклое години, възъдалъ на позов, который такъ се в собе маетъ: Албрыхт Станиславъ Радивил, кнежа на Олыце и Несвижу, подъканцлерый великого князства Литовъского, Луцъкий и Ковенский староста etc. шляхетнои Маруши Жирицъкого Янови Резановичовои и опекуномъ твоимъ, если их собе мети претендуешъ, которих тут имена за выражоные мети хочем, и урожоному пану Демяну Вороне, з особы и зо всихъ добръ ваших лежачих и рухомых и сумъ пенежных, где колвекъ и якимъ колвекъ способом вамъ належачих, приказую, абысте вм. передо мною албо урядомъ моимъ кгродзким в замку Луцъкимъ, на рочках кгродских Луцъких, которие в року теперешънем тисеча шестсотъ двадцат второмъ, месеца февраля десятого дня припадутъ и сужоны будутъ, сами очевисте и завите стали, на жалобу и правъное попиранъе шляхетного пана Яна Резановича, малжонка твоего, Резановичовая, который, прихиляючисе до протестации своее в кгроде Луцъкомъ учиненое, по выведенъю в земъстве Луцъкимъ шкрутениум своего[1]), вас обойга позываетъ о то, иж вы, не контентуючисе тым, што есте перед тымъ в небытности повода в неряде, под претекъстом службы помененое Резановичовое, малжонки поводовое, през килка лет мешъкали, але и недавно вм. пане Ворона, упросивши и намовивши повода, яко чоловека убогого и уломъного, абы под небытност твою, пане Ворона, ним быс се зъ екъспедиции поспо-

---

[1]) Протоколъ этого „шкрутениумъ", производившагося въ Луцкомъ земскомъ судѣ 13 генваря 1622 г., внесенъ въ Луцк. земск. книгу № 2820, л. 47. Судъ выслушалъ лишь свидѣтелей обвинителя, такъ какъ ни Вороничъ, ни жена Рѣзановича не явились на судъ.

литого рушенья звернулъ, в дому твоемъ з жоною своею при малжонце вм. урожоное панее Галене Долматовне Исайковъского Ворониное перемешъкал и робот в небытности твоее догледалъ, обецуючи ему за то и за перпие лета, през которие жона его служила, по зверненюсе с посполитого рушеня заплатити, тамъ же, место нагороды, по зъверненъюсе с тое екъспедиции в року прошлом тисеча шестсотъ двадцат первомъ, месеца ноябра пятого дня, вм. пане Ворона, порозумившися съ помененою Марушею Жирицъкого Резановичовою, малжонкою поводовою, и ты Резановичовая, порозумевшисе с помененымъ паномъ Демъяномъ Вороною, тепеpешънего повода з дому вм. пане Ворона, от жоны его одогнали есте, и такъ тепер обое, такъ вм. пане Ворона, яко и ты Резановичовая, з собою при живых малъжонъках своих, не огледаючисе на боязнь Божую и срокгость права посполитого, такъже на веру малженскую, пры шлюбе попрысяжоную, безъ всътыду, звлаща при малъжонце твоеи, пане Ворона, з великимъ преследованемъ ее, в цудзоложстве явънымъ мешъкаете, и того поперестати не хочете, але чинечи еще погрозки на горъло и здоровъе повода, чим есте въ вины в праве посполитым описаные попали. Зоставивъшы теды поводъ волное чинене правом о прегрозки, тепер толко до прислуханя се наказаня на васъ винъ правных позывает. Про то абысте стали и на то, што часу права вамъ ширей словы деклярованo будетъ, судовне отповедали. Писанъ в Луцку, року тисеча шестсотъ двадъцат второго, месеца генъвара тринадцатого дня.—Которого възданя ижъ позъваные, будучи о године звыклой до арешту тое справы през тогожъ возъного вышей менованого приволываны, не арештовали и арештоват не хотели, а превечоный поводъ далшого поступъку правъного в той справе на нихъ домавялъсе, про то суд нинешъний кгродский Луцъкий, за неста-нем позваных а за домовенемсе и правъными поступъками стороны поводовое, прихиляючисе в томъ до права посполитого, в далшом тое справы поступку, в съпособъ зыску вины караня на горле за учинокъ в позве вышей менованый на позъваных въска-

зуетъ. А ижъ не станули, теды оных на далшую екъзекуцию, то естъ на вськазанье на них вины инфамии и ее публикации до суду головъного трыбуналу Любелъского, на конъсерваты воеводствъ Киевского, Волынского и Браславъского, напервей по дате сего декрету припадаючие и сужоные, отсылаетъ, складаючи рокъ сторонам обомъ у менованого суду трыбуналъского такий, який с права прийдетъ. Што все для памети до книгъ кгродъских Луцкихъ естъ записано.

Кн. гродск. Луцк. 1622 г., № 2998, л. 364 об.

Примѣч. 11 апрѣля 1622 г. возный вручилъ Демьяну Воронѣ и Марушѣ Рѣзановичевой позовъ къ трибунальскому суду для „прислуханя наказанья и публикованья на нихъ инфамии албо одсуженья чти" за неподчиненіе декрету гродскаго суда. Изъ реляціи вознаго видно, что Маруша все еще продолжала жить въ домѣ Воронича.—Акт. кн. № 2444, л. 553 обор.

---

3. Возраженіе Маруши Рѣзановичевой противъ обвиненія ея мужемъ въ преступной связи съ п. Вороничемъ. Характеристика мужа, какъ праздношатающагося пьяницы, который нерѣдко подбивалъ ее на развратъ и намѣревался продать ее кому-либо или промѣнять на коня. 1622 года, марта 4.

Року тисеча шестсотъ двадцетъ второго, месеца маръца четвертого дня.

Пришедши на врядъ кгродский, в замок господарский Луцъкий, перед мене Марцияна Олшамовского, буркграбего и наместника подстароства Луцкого, урожоная Маруша Жирицкого Яновая Резановичовая сама обличне и доброволне сознала тыми словы: ижъ дошло мене ведати, ижъ тутъ, в кгроде Луцкомъ, у книгъ кгродских Луцкихъ учинена протестация в року прошлом тисеча шестсотъ двадцетъ первомъ, месеца ноябра, от Яна Резановича, мужа моего, который ся протестуетъ на мене и на его милость пана Демъяна Воронича, а то о якоес неучтивое мешкане и чужолство, якобы я з его милостю паномъ Вороничомъ мела в чужолстве мешкаючы, неуцтиве ся справовати; што то онъ на мене

и на его милость пана Демяна Воронича неслушне протестуеть, але то онъ чинить на его милости пана Воронича, уходячи того, абы с того выйшол, ижъ он отъ его милости пана Воронича утеклъ, пошкодивши барзо веле речей без бытности пана Воронича, кгды былъ на посполитомъ рушенъю, а онъ ся былъ упросилъ самъ до его милости пана Воронича, абы подъ тотъ час, такъ стислый, моглъ при его милости пробыти; а на мене подобно для того, жемъ обачивши таковую шкоду, што онъ чинил и ночнымъ обычаем збоже панъское по корчмах розносил, почалам през ее милость панее Вороничовое мовит и перестерегати, абы того болшъ не было; чого онъ доведавшися на мене, скоро его милост пан Вороничъ приехал з рушеня посполитого, обавяючися за то трудности, без жадное панское причины, зашкодивши есче и при пану самомъ, з одежею всею, што ему панъ далъ, и з грошми, не будучи болшъ у пана, одно недел з пят албо шестъ, што на целый рокъ был узял, от его милости пана Воронича утеклъ. Кгдыжъ онъ не звыклъ ничого инъшого тотъ-то мужъ мой чинити, кгды одно упросится до которого цнотливого пана, абы его, при его уломности и окаличнымъ здоровью, хто моглъ для его калецства штукою хлеба и чим иншимъ ратовати, то от кождого, выредившы што-колвекъ и зашкодивши, пропъетъ и утечетъ; а я тежъ также, штоколвекъ где могу, убогая невеста, крывавымъ потом моим выслужити, то онъ з мене зодравши пропъетъ, же одно ледве за часом грешное тело могу за его обычаем прикрыти. Яко тежъ, подпивши кгдымъ з нимъ коли в одном месцу, самъ мене, уцтивую жонъку, до речей непристойныхъ и вшетечных хотел бы привести, и частокротъ того бывало, же упившися, то мене ляда кому продаеть и в неволю подаеть, и его милости пану Андрееви Built Зброжкови хотел продати за коня; што такъ его милость пан Зброжокъ, обачивши его шаленство, ему того не хвалил, а я тежъ, з часом от его таковаго умыслу утекаючи, уходила и не позволяла; што то онъ все, на мене будучи злое воли, ижъ ему не позволялам се подати на речи неслушные, чинитъ. А о его милости пану

Вороничу то тымъ сознанемъ моимъ сознаваю, ижъ его милость панъ Вороничъ, штоколвекъ онъ, мужъ мой, писалъ на его милость пана Воронича в протестации своей, ни в чомъ не естъ в подейзраню и не виненъ мъне ест, а я его милости, и овшемъ: еслимъ коли была и служила в дому его милости и у ее милости панее Вороничовое, теды так ся зо мною, убогою невистою, справовали, яко ся добрим, цнотливымъ пану и панеп годит, не дознавши-мъ его милости ни в чомъ, што было бы противко Пану Богу и добрым людем, былам у их милости.—И просила менованая Маруша Жирицкого Резановичовая, абы ее тая протестация и сведецство до книг принято. Што я принявши, в книги записати казалъ, и естъ записано.

Кн. гродск. Луцк. 1622 г., № 2443, л. 295.

---

4. Заявленіе жены Воронича Гальшки, въ которомъ она энергично протестуетъ противъ ложнаго обвиненія ея мужа въ преступной связи съ женою Рѣзановича. 1622 года, марта 4.

Року тисеча шестсотъ двадцетъ второго, месеца маръца четвертого дня.

Пришедши на врядъ кгродский, в замокъ господарский Луцкий, перед мене Марцияна Олшамовского, буркграбего и наместника подстароства луцъкого, урожоная пани Галшка Исайковского Демяновая Вороничовая сама обличне, при бытности малжонка своего пана Демяна Воронича, явне, ясне и доброволне вызнала тыми словы: ижъ дей дошло мене ведати, ижъ тутъ в кгроде Луцкомъ, у книгъ кгродскихъ Луцкихъ, учинена протестация в року прошлом тисеча шестсот двадцетъ первомъ, месеца ноябра, от Яна Резановича, который у пана малжонъка моего служил, и зашкодившы барзо веле речей, без бытности его, кгды был на посполитомъ рушеню, и скоро панъ малжонокъ мой приехал, онъ, обавляючис снать якое трудности от малжонка моего, утеклъ, а

то абы малжонокъ мой милый панъ Демянъ Воронич мел зо мною непристойне мешкаючи и чужолоством ся бавечи, в дому своем, якобы изъ жоною его мелъ в цужолостве мешкати, яко и мене в той протестации вспоминаетъ, якобым я мела якоес преслядованъе от пана малжонка моего милого мети за жону того то Резановича, пяницы и волоцуги, што то тот Янъ Резановичъ, снатъ за намовою некоторого чловека, што ся можетъ показати, албо-ли и сам уходячи того, абы стонтъ могъ быти правъ, же зашкодивши, от пана малжонка моего утеклъ,—то чинитъ неслушне, и то подаеть, яко не есть. Але я з малжонкомъ моимъ милымъ паномъ Демяномъ Вороничомъ мешкаючи в стане светом малженъском от летъ двадцяти и далей такъ, яко ся намъ, добрым, цнотливымъ, на домъ шляхецкий годит, не дознаваламъ и не дозналамъ пана малжонка моего ни в чомъ непристойномъ противко собе, ани кому иншому, и овшемъ мешкает зо мною, яко доброму, цнотливому малжонъку на станъ его шляхецъкий належачи, уцтиве в стане светомъ малженскомъ, што естъ не тайно цнотливымъ добрымъ людемъ, которыи ведоми нашого мешканя, ани ся жаднымъ вшетеченъством, што бы противко Пану Богу и добрым людемъ мело прикро быти, такъ з жоною того то Резановича, яко и ни з кимъ иншимъ не дознавалам, ани ся тымъ бавит; але маючи уцтиве детокъ своих, яко нам добрым ся годит, о килкоро, такъ некоторых великих сыновъ и дочок, яко мы сами пристойне ся в убогомъ дому нашомъ шляхетскомъ, яко намъ Панъ Богъ поблагословить рачил, справуемъ; а тот то Резановичъ неслушне и не такъ, яко естъ, на пана малжонка моего и на мене таковую протестацию ку ославе дому нашого шляхецкого уцтивого внесл, што ся николи в дому нашом шляхецкомъ не показовало и не покажет.—И просила ее милостъ пани Вороничовая, абы тое ее очевистое сознанъе до книгъ было принято. Што я принявши, в книги записати казалъ, и естъ записано.

Кн. гродск. Луцк. 1622 г., № 2443, л. 296.

CXL.

Заявленіе Владимірской мѣщанки Анны Мрозовской о томъ, какъ ей жилось въ замужествѣ за шляхтичемъ. 1622 года, іюня 8.

Року тисеча шестсот двадцат второго, месеца июня осмого дня.

Пришедши на урядъ кгроский Володимерский, до мене Станислава Собанского, бургкграбего Володимерского, шляхетный Семен Заленский, яко приятел, именем славетней панеи Анны Мрозовское, мещданки Володимерское, през которого жалосне се оповедала и протестовала на богомыслных отцов Василия Хотячевского а Иакова Угриновского, свещеников, о то, же в року теперешным тисеча шестсот двадцат втором, месеца мая двадцет четвертого дня, учинивши протестацию, подали до книг войтовских мѣста Володимерского на мене, спадков неяких по небожчику Янѣ Мрозовскимъ, мужи моим, доходячи, не поглядаючи на жал мой и убозство мое, до которого небожчик привѣл, не пытаючисе о росходахъ и о выдатках, написали и сумы пенезей, якиес волы, кони, золото, сребро, шаты, розумѣли якобы то было без вѣдомости людское и без людей, же небожчик муж мой Ян Мрозовский не тылко сумы пѣняжных, волов, золота, сребра не мел, але о ных ани ведал; а пан Бог вѣдает и зацные люде, щом я сама готова показати часу своего, штом мела и по мне потомкове мои. А же се с тым одозвали мянованыи отцове, нехай вѣдают о тым, же небожчик муж мой, взявши мене в стан светый малженский, взял по мнѣ суму пѣнязей золотых пятсот, и погордивши мешканем моим и домом мѣщским моим, также и быти под зверхностю мѣсцкою, своей шляхецкои выгадзаючи пристойности, за тые мое пѣнязи купил на кгрунте Бискупей горы од Колбаски свитлицу с комнатою над волю мою, и сто золотых и пят за то, што не стояло и петнадцати копъ, дал, и так диспоновал тыми пѣнязми моими, на що сут розные мое доводы. И так дви лити, на бруку мешъкаючи в туи халупце купленой, потравил; а кгды ужъ не доставало, небожчик, вѣдаючи о суме пѣнезей, которую перший

малженокъ мой славной памети Мартинъ Станиславович Настазиеи, цурце зо мною спложеное, записав и дал и до рук шляхетному пану Андрееви Линевскому поручил, наступивши над волю мою всѣми способы, урадовне у пана Линевского, записавши се правне, взял тые, яко и инше пѣнязи готовые, будучи господарем и опекуном мене самэи, яко малжонки, также и менованои Настазиеи, справовал, позычал, куповалъ ляда-яко то тó, то ово, аж и до того пришло, же и у пана Ивана Оприлика, утчима моего, который ест жив, на двѣсти золотых полских узял, которые якъ мнѣ Стефановне, так Иванови, братови моему, от него правом отчистым приналежали, о чом ширей поступок наш в собе обмовляет. На остаток пришло до того, же позволил, занехавши противенства месцкого, под юрисдицию мисцкою, до моего дому з оного, за мое гроши на Бискупей Горѣ купленого, прийти. О чом всем хотя ж менованые отцеве, братия небожчика мужа моего, добрѣ вѣдали, а жадное помочи и ратунку не учинили, о што не пооднокрот отцу Василию так в дому его будучи зо мною, яко и в тей халупце на горѣ Бискупей з ним о отчизни кровным по отцу их подѣлку мовил, респонсу и декляраціи не учинили, окром обетници, и право прирожоное ему, яко братови, указовали, о чим сут доводы. На тен теды час домагаются якоесь сумы пенезей по небожчику Яне Мрозовском, малжонку моим, за чим до того пришло ми убогой сероте, же то все за причиною и побудкою впредреченых отцев. Тую мою репротестацию, погледаючи на замыслъ моих диверий, до книг кгродских вашей милости, пане буркграбий, даю и прошу, абы была принята и записана.—Которая естъ принята и записана.

Кн. гродск. Владим. 1622 г., № 986, л. 407.

CXLI.

Дворянка Урсула Лукаревская обвиняется въ отравленіи своего мужа. 1631 года, 20 февраля.

Року тисеча шестсотъ тридцат первого, месеца февраля двадъцатого дня.

На вряде кгродскомъ, в замку его кор. милости Луцъкомъ, передо мъною Александромъ Малиновъскимъ, буркграбимъ и наместникомъ подъстароства Луцъкого, станувъши очевисто, урожоный панъ Ерий Лукаревъский, братъ рожоный зошлого урожоного пана Алексанъдра Лукаревского, часы недавъными през нижей менованых особъ труцизною и ядомъ заразливымъ окрутне забитого и с того света зглажоного, сведчилъ жалосне и обътяжливе протестовалъсе противко урожонои панеи Оръшули Якубовъского Александровои Лукаревъскои, малъжонце помененого зошлого пана Алексанъдра Лукаревъского а братовои своеи, панее Галъжбете Юрковъне целюриковъне, першого малженства Якубовского, а теперешънего Криштофовое Чуриловое, матце ее, тудежъ и малжонъкови ее пану Криштофови Оленскому Чурилови,—принципаломъ и автором забитя и окрутъного а немилосердного замордованя способомъ нижей менованымъ помененого зошлого пана Алексанъдра Лукаревъского, брата протестанътис, и помочниковъ ихъ, которихъ имена и прозвиска они сами лепей ведаютъ, о то: ижъ помененые особы, не огледаючисе на боязънъ Божую, милост ближънего, остростъ права посполитого, которое межи инъшими ексъцесами еюсъ моди кримина севере ветатъ, а звласча малъжонка помененая небожчиковская, не огледаючисе ничого на присегу свою, которую небожъчикови, яко малъжонкови своему, ведълугъ трибу и обряду хрестиянъского выконала, свъшем гис омнибус флокъципенсисъ, вси згодне и одностайне од часу давного старалисе о то по килка разы, абы могълы небожчика такъ в питю, яко и в розмаитымъ еденъю трутизъною с того света зъгла-

дитъ; але за охороною Божою и перестереженъемъ установичъными людей добрихъ, завъше былъ охороненый. Теперъ, новиссиме, менованые особы, юж.ъ добре се на то приготовавъшы и прирадивъшы, по килъка разъ листами, самого пана Чурила руки писаными, просили менованого небожчика на света в домъ свой, до маетности и мешканъя своего села Жолобъного, где и менованая малъжонъка небожчиковская, опустивъши небожчика малъжонка своего, при матъце и отчиме менованомъ мешкала. Тамъ же небожчикъ, частъю прозбами их убезпечоный, частю для того, абы менованую малжонку свою моглъ вышукат и до дому своего зъ собою привезъти, в дом их дня тринадъцатого месеца генъвара, в року теперешнемъ тисеча шестсотъ тридцат первомъ, ставилъсе. Там же помененые особы, змышленую хуть дня помененого небожчикови оказавши, назавътрее, дня чотырнадъцатого генъвара, рано, помененый панъ Чурило самъ казал собе келишокъ горелъки налити и выпилъ до небожчика инъ децепционемъ оного; потомъ, выпивъши, далъ налитъ малжонъце своей а матце помененое панее Лукаревъское, которая, пошедши с келишком до комнаты, всула якогоъ белого порошъку посполу с цоркою своею, менованою панею Алексанъдровою Лукаревскою а малъжонкою небожчиковъскою, и такъ тоею трутизною, ядомъ велце заразливымъ, тую горелъку приправивъши, с комънаты вышедши, дала небожчикови. Небожчикъ. постерегши в горелце порошокъ, обавяючисе таковое зъдрады, кгды же южъ в том не раз перед тым был остережоный, тое горелъки пит не хотел, пытаючисе: што то белого в келишку? А менованая пани Чуриловая, упевъняючи его, же цукром ест приправлена и присоложона, примусила посполу зъ малъжонкомъ своимъ, который, офенъсе с того на небожъчика взявъши, словы се уразливыми на небожъчика кинувши, примусилъ его; который за примушенемъ менованыхъ особъ, а до того не розумеючи до конъца, абы то была труцизна, троха скошътовалъ, по котором скошътованъю, нулля инътерпозита мора, впалъ в великую болестъ, в которой болести вомиты ему тяжкие

припали, которие аж внутрѣности его зорвали. Там же заразъ небожчикъ, нарекаючи на помененыхъ особъ, авторовъ того злого, непристойного учинъку, зараз барзо хорий, великою болестю знятый, до дому се поспешилъ, до которого приехавъши, болестъ окрутъную терпячи, абовем тая трутизна и тотъ ядъ такъ его дренчилъ, же вонътробу и плюца вси кавалъками з него выкинуло, в килъка дни, то естъ дня двадцатъ третего, месеца и року тогожъ, кгдыжъ былъ од доктора лекарствы такъ долго затриманый, с того света смертю зшолъ. Таковымъ теды и такъ непристойнымъ способомъ менованые особы небожъчика с того света згладили. Чимъ се есче помененая пани братовая не контенътуючис, подчасъ хоробы небожчиковское до дому небожчиковского с челядю помененого пана Чурила, отчима своего, припадъши, речи нижей менованые в неведомости небожъчиковской выбрала, а меновите: ланцуховъ два золотыхъ, которие важили чиръвоных золотых деветъдесятъ; манелей золотых пару, которие важили чирвоных золотых двадцат пят; перстенъковъ золотых зъ рубинами два, кошътовали золотых сорокъ; перстенъ з дыяментомъ золотый, коштовалъ золотых пятъдесятъ; готовыхъ пенезей золотых двѣсти семъдесятъ; ложокъ дванадъцатъ сребрныхъ, важили гривенъ семъ; куфлевъ сребрныхъ три, важили гривенъ шестъ; чарокъ две, важили гривенъ полътрети; летникъ аксамиту чорного гладъкий, коштовалъ сто чотырдесятъ золотых; пласчикъ гатъласовый вишъневий, рысями подшитый, коштовалъ золотых осмдесятъ пятъ; пенезей готовых, которие был протестансъ до схованя далъ небожчикови, яко брату, золотых чотириста з шкатулою, с тою ж шкатулою справи розмаитые, записы, церокграфы, на розные суми служачие, забрала; доломан адамашъковый чирвоный шкарлатъный, зъ кгузиками срѣбраными зълоцистыми, шмалцами, з шнуркомъ золотым,—который коштовалъ золотых сто тридцатъ; ферезыю полкгранатовую туркусовое масти, адамашком чирвонымъ подъшитую, с петлицами золотыми, которая коштовала (золотых) чтырдесят; шабълю оправъную злоцистую,

которая коштовала золотыхъ сто тридъцат; цыни, мисъ срѣбраных одинадцатъ, талеровъ циновыхъ дванадцатъ, фляшъ циновых з олстромъ пят—коштовала тая вся цина золотыхъ сорокъ; котъловъ горелъчаных пятъ, коштовали по золотых двадцати пяти; котел пивъный шостый, коштовал золотых пятидесят; коней два гнедых, коштовали золотых сто деветдесят; коляса на пару коней кованая, коштовала золотых двадцат; шор юхтовый, коштовалъ золотых пятнатдцат; клячу гнедую с колясою поедынъковою, коштовала золотых сорокъ, и иншіе пенитус вси речи, увес збюр домовый забрала, такъ иж не было в чомъ и тела небожъчиковского поховатъ, але ажъ в позычоныхъ хустахъ естъ похованый; которие то речи частю зъ замъку Милятынъского, которие были для безъпечънейшого схованъя даные, частю зъ дому, мешканъя небожъчиковъского, в селе Милятине будучого, побрала, што все побравъши, до дому тогожъ пана Чурила, отчима своего, запровадила, небожъчика хорого, на смертелнои постели лежачого, одбегла и оного зо всего обнажила. О то все помененый панъ Ерий Лукаревъский, такъ о забите и окрутъное замордованъе способом выжей менованым, албо рачей струты брата своего небожчика пана Александра Лукаревъского, яко и о побранъе речей выжей менованых способомъ выжей выраженымъ, противко помененымъ особомъ итерум атъкве итерум протестовалъ се, оферуючи се о то все з ними кградибус юрис поступитъ. А верификуючи тую свою протестацию, ставилъ на уряде нинешънемъ возных двохъ, енераловъ воеводства Волынъского, шляхетъных Петра Качановъского и Миколая Понитовъского, которие очевисто передо мъною на уряде становши, явъне и доброволне зознали: иж року теперешънего тисеча шестсот тридцатъ первого, месеца генъвара тридцатого дня, былисмы в маетности селе Мылятыне, в дому небожчика пана Александра Лукаревъского, тамъ же, за приданъемъ от уряду кгродского Кременецкого на огледанъе и обволанъе тела небожъчиковского, маючи при собе двохъ шляхтичовъ, пана Александра Кгоздовского а пана Гелияша Плотъ-

ницкого, видили есмо тело небожъчиковъское, барзо трутизною попсованое, и языкъ и губа поторгана, дясъла и поднебенъе все выпало, внентрности з кровю спеклою на постели выкиданые и постелъ вся кровю сплынула; што менованою шляхтою осведъчили есмо. А потом, чинечи досытъ повинъности уряду нашого, дня девъятого месеца февъраля, в том же року теперешнемъ, с тою шляхтою были есмо на погребе тела того жъ небожчика пана Александра Лукаревъского в той же маетности селе Милятыне; тамъ же, за приданъемъ того жъ уряду кгродского Кременецъкого, напередъ раз, кгды тело зъ двору выношоно, потомъ другий раз в посеред села, а третий передъ церковъю на цъминтару, при бытности велю людей зацъных, которие се на тотъ погребъ згромадили, голосомъ вынесълымъ поволанъе учинили есъмо, приводечи то всимъ до ведомости, же небожъчикъ панъ Алекъсандер Лукаревъский зъ рукъ малъжонки своее панее Оръшули Якубовъское и матки ее панее Галжбеты Чуриловое, тудеж самого пана Кришътофа Чурила и помочъниковъ ихъ през трутизну окрутную смертъю з того света зъшолъ.—И просилъ выжей менований панъ Ерий Лукаревъский, абы тая его протестация и таковая реляция возныхъ до книг были принятые и записаные; которые сут записаные.

Книга гродская Луцкая 1631 г., № 2460, л. 153.

Примѣч. Въ маѣ 1631 года въ Луцкомъ гродскомъ судѣ разсматривалось это уголовное дѣло объ отравленіи Лукаревскаго; но едва лишь судъ, вопреки представленіямъ обвиняемыхъ, призналъ это дѣло себѣ подсуднымъ, какъ послѣдніе потребовали, путемъ аппеляціи, перенесенія дѣла въ Люблинскій трибуналъ, рѣшеніе котораго намъ остается неизвѣстнымъ.—Акт. книга № 3012, л. 201 об.

CXLII.

Жалоба дв. Катерины Черничцкой о томъ, что дв. Янъ Дроботъ, безъ ея вѣдома, заручившись согласіемъ ея дочери Маріанны, похитилъ ее изъ дома матери и тайно обвѣнчался съ нею у православнаго священника. 1634 года, 9 генваря.

Року тисеча шестсот тридцат четвертого, месеца генвара девятого дня.

До уряду и актъ кгродскихъ Луцъкихъ, до мене Александра Малиновъского, буркграбего и наместника подстароства Луцъкого, обълично пришедши, урожоная ее милость пани Катарина Чаплянка, позосталая малжонка некгды урожоного его милости пана Александра Волынъца Чернъчицкого, жалосливе перед тым-же урядомъ сведчиласе и протестовала на урожоных пана Яна зъ Чемурникъ Дробота и урожоную прошълую панъну Марианну Волынцовну, а теперешънюю панюю Яновую Дроботовую, цорку свою, в тотъ нижей описаный способъ: „иж помененые особы, такъ его милость папъ Дроботъ, яко тежъ и прошълая панъна Марианъна Волынъцовна, а теперешъняя пани Яновая Дроботовая, цорка моя, ничого не огледаючися на право посполитое и на вины, в них на таковых описаные, и овшемъ то собе легъце поваживши, никгды о то жадное озъменъки не чинячи, безъ благословенства протестуючое и позволенъя пановъ приятелъ, за сполънною намовою прибравши собе до учинъку, который нижей выразитъ, веле комприниципалов, оному самому имены и назвиски лепей ведомыхъ, противко которымъ теперешъняя протестуючая волъное чиненъе правомъ, за взятемъ ведомости, собе заховуетъ, важилсе и смелъ часу недавно прошълого, тоестъ в денъ светого Миколая, свята римского, в року прошъломъ тисеча шестъсот тридцат третем, на село Чернъчиче и двор властный протестуючои, маючи зъ собою сполъное на то, безъ ведомости родителъское и инъших панов приятелъ, порозумене, упатривши собе час и оказию до выконаня того учинку, з-рана, кгды вшистци люде

и сама протестуючая набоженствомъ в костеле в Луцъку забавеною была, способъный, а будучи южъ на то добре, арматъно, с помочъниками своими приготованый, на двор выжей менованый наехавши, урожоную панъну Марианъну прошлую, а теперешънюю малжонъку свою и урожоную Анъну Гуляницъкую, слугу ее, с позволенъемъ ее самым, взявъши, до дому урожоного его милости пана Абля Тошъковского, брата своего, до села Зелеництъ, въ воеводстве Волынском лежачое, завезълъ, и сътамтолъ, прибравъши собе болъшей компании, до Шепетовки, державы тогожъ пана Тошъковского, приехавши, попови рускому шлюбъ собе казалъ дат; где зараз по шлюбе, вернувшисе до Зелениц, веселе его милость панъ Тошъковский оным справивши, и тепер оных при собе трымает; противъко которому то пану Тошъковъскому, ижъ оныхъ в дому своемъ переховываетъ и онымъ до того учинъку помоцънымъ былъ, волъное чиненъе правомъ собе заховую. През который-то таковый учинок свой пополъненый помененые особы право посполитое зневажили и въ вины, в праве посполитомъ на таковыхъ описаные, попали, о што все обецуюсе з ними правомъ, иле с права будетъ належало, правне чинити и тыхъ винъ на нихъ винъдиковатъ". Зоставивъши еднакъ мелиорацию собе тое протестации, инъшое, ширъшое поданъя, было бы того потреба, просила на тотъ часъ, абы тое ее жалобъливое осведъченъе до книгъ было принято и записано. Што и принял.

Книга гродская Луцкая 1634 г., № 2147, л. 445 об.

CXLIII.

Брачное условіе, заключенное дв. Иваномъ Ярмолинскимъ съ опекунами его невѣсты Катерины Стрибылевны. Хотя молодые, въ моментъ заключенія условія, были уже обвѣнчаны (кіевск. митрополитомъ Петромъ Могилой), тѣмъ не менѣе свадьба откладывается на $2^1/_2$ года, а до тѣхъ поръ невѣста должна была оставаться попрежнему въ домѣ своей бабки, женихъ же обязывался тѣмъ временемъ выхлопотать, чтобы мать выдѣлила ему наслѣдственную часть отцовскихъ имѣній, на которой онъ могъ бы записать вѣно своей „будущей женѣ". 1634 г., 21 декабря.

Року тисеча шестсотъ тридъцатъ пятого, месеца февраля девятого дня.

На вряде кгродским, в замку его кор. милости Житомерским, перед нами Яном Витинским, подстаростим, а Михаилом Карботом, писаром, урядниками кгродскими житомерскими, ставши обличне, урожоный его милост пан Ян Ярмолинский для записаня до книг нинешних кгродских житомерских интерцизу межи ее милостю панею Марушею Елцовною Филоновою Стрыбыловою, чашниковою Киевскою, и его милостю паном Яном Ярмолинским и иншими опекунами, до тоеж справы належачими, нижей меноваными, подал и толко про парте суа оную очевистым сознанемъ своим ствердил и змоцнил, просечи нас, уряду, абысмо оную до книг приняли; а так мы уряд, на афектацыю его милости, тую интерцизу прочитавши, до книг вписат казали, и так ся в собе писмом полским писана мает: Za srzodkiem, radą, namową, perswazią y swiątobliwym postanowieniem ich mosciow przyiacioł spolnych, a osobliwie z uprzeimą prozbą, staraniem ich mosciow panow Jarmolinskich, miedzy jey moscią panią Maruszą Jelcowną Filonową Strybylową, czasznikową Kiiowską, opiekunką generalną, prawem pospolitym zapisaną, corki zeszłego urodzonego jmc pana Jana Strybyla, syna iey mosci, przy ktorey wole y pozwoleniu tuż będąc jey mosc pani Barbara Sokołowska, pirwszego

małżenstwa Janowa Strybylowa, a teraz wturego Abramowa Strybylowa, s przytomnoscią jmc pana małżonka swego, jako opiekuna małżenskiego, y s konsensem jch mosc panow przyiacioł ex linia paterna et materna, daiąc błogoslawienstwo macierzynskie swoie na też, iako sie niżei opiszą, condycie dobrowolnie, zezwalaiąc na pirwszy akt swiątobliwy, miedzy sakramenta cerkwi Bożey z wielką powagą y reverentią policzony, to iest szlub y iurament zakonu małżęstwa swiętego, iey mosc pani czasznikowa, iako opiekunka zapisana, przy ktorey suma rerum zostaie, a iey mosc pani Abramowa Strybylowa jure divino et humano do teyże opieki należąca, oddawszy błogoslawienstwo swoie iey mosci pannie Katarzynie Strybylownie, corce nigdy zeszlego urodzonego jmc pana Jana Strybyla, przy wielkim zgromadzeniu ludzi zacnych, tak duchownych, iako y swieckich utriusque sexus, przez confirmacyą błogosławienstwa y danie wyraznego szlubu wedle zwyczaiu cerkwie wschodniéy apostolskiey przez iasnieoswieconego y przewielebnego w Bogu jego mosc oyca Piotra Mohilę, metropolite Kiiowskiego, Halickiego y wszytkiey Rusi, w stan swięty małżensky jmc panu Janowi Jarmolinskiemu z Jarmoliniec, synowi nigdy zeszłego wrodzonego jmc pana Konstantego Jarmolinskiego, oddali y w stan swięty małżensky doskonale poszlubili, wesele iednak od daty tey intercyzy, z pewnych y poważnych przyczyn, ich mość oboia strona od swiąt chwalebnego zesłania Ducha świętego, wedle kalendara greckiego, w roku da pan Bóg przyszłym tysiąc szesćset trzydziestym piątym przypadaiących, za dwie lecie, to iest w roku da pan Bóg przyszłym tysiąc sześćset trzydziestym siódmym, na tož uroczyste święto zesłania Ducha świętego, pierwszy dzień niedzielny, aktowi temu zachowuiąc, mieć chcą, determinuią y pewne mieisce przyiazdowi spolnych, na ten akt wesoły wezwanych uproszonych, ich mość panów przyiacioł w domu y maiętności iey mość paniei czasznikowey kiiowskiey, siele Berezowicy naznaczaią, gdzie jmć pan Jarmolińsky spolnie z ichmość pany przyiacioły swemi na czas y mieisce wyżei naznaczone ziachać, sta-

wić się y do tego aktu świątobliwego zwyczaiem starożytnym chreściańskim, wszelaką zachowuiąc przystoyność, przystępować będzie powinien. Co się tknie condycyi na obiedwie stronie, te się takowym sposobem wyrażaią: jmć pan Jan Jarmolińsky, per instantiam ich mość panów przyiaciół y pilnym staraniem swoim, ma to na ieymośći paniey matce swoiey od daty tey intercyzy za niedziel sześć wymoć, aby iey mość dział wieczny miedzy ich mościami panem Janem y Włodzimirzem Jarmolinskimi, rodzoną bracią, tak respectem dobr oyczystych, iako y macierzystych, wedle uwagi y moderacij swey, wszelką y we wszystkich cirkumstancyach zachowuiąc equivalentią, uczyniła y takową divizią aktami teraż grodzkimi, a za nastąpieniem ziemstwa ziemskimi krzemienieckimi aprobowała y ex nunc w realną posessyą podała, z wolnym warunkiem dobr obligowanych arendownymi zapisami asz do expiracyi arend; a po otrzymaniu wiecznego y przyznanego działu jmc pan Jan Jarmolinsky iey mosci pannie Katarzynie Strybylownie, szlubney małżonce swoiey, na wszystkiei maiętnosci dziedziczney, z działu jego mosci przypadłey, summe pięddziesiąt tysięcy złotych polskich modo obligatorio zapisac powinien będzie y submituie się. To iest sobie iey mosc pani czasznikowa waruie, jmc pan Jan Jarmolinski, poszlubiony małżonek iey mosc panny Katarzyny Strybylowny, wnuki iey mosci paniey czasznikowey Kiiowskiey, a corki ich mosci wyżey pomienionych rodzicow, bez wiadomosci panow przyiacioł bliszych, a mianowicie domu ich mosciow panow Strybylow starszych, do żadnych opraw zapisu jego mosci samemu a nie żadnym inszym osobom przywodzić dobrymi sposobami, ani przymuszac nie ma y nie będzie mogł; a iesliby to nad condycye terazniеyszego postanowienia uczynic miał, tegy takowe zapisy nulitaty przypisane zostaną; wszak że ta condycya racione consensu ich mosc panow przyiacioł o wolney disposicyey circumscripta nie ma byc ważna, tylko do tego czasu, dokąd by ich mosc z sobą potomstwa nie mieli, a skoro Pan Bog ten związek małżenstwa swiętego pobłogosławi y potomstwa dac zechce y da przed oczy

ich mosci, tedy wolna dyspozytia przy iey moscie panie Katarzynie Strybylownie, szlubney małżonce jmc pana Jarmolinskiego, zostawa, excepto na potym zescia potomkow tak, żeby żadnego nie zostało, to by iuż in suo robore ta condycya wyszey opisana zostawac miała. Dożywocie spolnie, nie s przypadku choroby iakiei, abo okazyey testamentowey na dobrech takowych, ktore by equivalenter sobie corespondowali, bez wiadomosci powinnych zeznac y aktami aprobowac ich mosc wyżey pomienieni y poszlubieni małżonkowie zapisac sobie będą mogli, a po odprawieniu szczęsliwie, da Pan Bog, wesela, według dispositiey testamentu swiętei pamięci niebożczyka j. m. pana Fiłona Strybyla, czasznika woiewodstwa Kiiowskiego, iey mosc pani Marusza Ielcowna Fiłonowa Strybylowa, czasznikowa Kiiówska, dobr dziedzicznych, iure naturali iey mosci pannie Katarzynie Strybylownie, małżonce poszlubionei j. m. pana Jana Jarmolinskiego, należących, ustąpic, reformacyą y dożywocie swoie wcale zachowuiąc y w ni w czym nie naruszaiąc, insze circumstantie dobr ruchomych, sum pieniężnych, zbiorow, srybra, złota et alia przy łasce jey mosci zostawac maią. Małżonka poszlubiona jego mosci pana Jana Jarmolinskiego przy iey mosci paniey babce swoiey aż do nastąpienia, za łaską Bożą, wesela zostawac będzie, ktorey securitatem od wszelakiego niebezpieczęstwa y odwag ludzy niezbożnych, nie maiących względu na obowiązek małżenstwa swiętego, jei mosc pani czasznikowa Kijowska opatrowac, wszelaką ostrożnosc miec powinna będzie, do czego j. m. Jan Jarmolinsky, za namnieyszym oznaimieniem jey mosci, kosztem, potęgą y prezentyą swoią dopomagac obliguie się. W tym wszystkim, iako się wyżey opisało y pomieniło, ich mosc oboia strona słowa, wiary dotrzymac sobie maią y będą powinni, a to pod zakładem stu tysięcy złotych polskich y pod nagrodzeniem szkod, gołym słowem, bez przysięgi y wszelakiego dowodu oszacowanych, do kożdey z osobna condycyey zakład pomieniony stosuiąc y przykładaiąc, o ktory zakład y szkody w niedosyc uczynieniu condycyom wyżey opisanym ich mosc oboia

strona naznaczaią sobie forum u kożdego prawa, sądu y urzędu ziemskiego, grodzkiego y trybunalskiego, na woiewodztwie Kiiowskim, Wołynskim y Brasławskim miedzi conservatami pomienionych woiewodztw, gdzie stanowszy, nie zażywaiąc żadnych zwłok, excepcij, dilacij, appellacij, prosequucij, legacij, exemptu, submisyi, innomissyi, nie zakladaiąc się większoscią sprawy ani niedorosłoscią lat potomkow y wszytkich obron prawnych y nieprawnych, w statuciech y constytucyach opisanych, s praw y umysłow ludzkich wynaidzionych in genere, odpisuię się zakład pomieniony zaplacic y szkody nagrodzić gotowymi pieniedzmi, anie żadnymi fantami y niepodaniem w dobra intromissyey, nie odchodząc od sądu y urzędu wszelakiego, do ktorego pozwana będzie strona niedosyc czyniąca, zapłacic powinna będzie. Y na to dali te swoią dobrowolną intercyzą między się z pieczęciami y podpisami rąk swoich własnych, także s pieczęciami y podpisami rąk ich mosc panow przyiacioł swoich, ymiona nyżey podpisanych. Data w Berezowicy, dnia dwudziestego pirwszego decembra, roku tysiąc szescset trzydziestego czwartego. У тои интерцизы печатей притисненых шестъ, а подписъ рукъ тыми словы: Jan Jarmolinski z Jarmoliniec imieniem jey mosci paniey Maruszy Jelcowny Fiłonowey Strybylowey, czasznikowey Kiiowskiey, ktora pisac nie umie.—Ustnie y oczewisto proszony pieczętar Alexander Soltan mp.—Imieniem jey mosci paniei Barbary z Sokołowa Abramowey Strybylowey, ktora pisac nie umie, ustnie proszony pieczętarz Mikołay Niepokoiczycky ręką.—Abram Strybyl, iako tutor naturalis, na to, iako iest wyszey opisano, zezwalaiąc.—Mikołay Jarmolinsky mp.—Piotr Mohiła, archiepiskop mitropolit Kiiowsky, Halicky y wszystkiey Rusi, archimandryt Pieczarsky, iako proszony pieczętarz podpisuię ręką swą.—Филонъ Кизаровичъ, архимандритъ монастырей Овруцкихъ, наместникъ монастыря печарского, прошоный печатар, рукою власною.—Proszony pieczętarz Andrey Chalaim.—Ustnie proszony pieczętarz Marcin Pigłowsky mp.—Alexander Denisko Matwieiowsky mp.—Ustnie proszony pieczętarz Jan Pigłowsky mp.—Которая ж то интерциза такъ справленая, за оче-

вистымъ признанемъ урядовымъ, слово от слова, с почачку аж до конца, до книг нинешнихъ кгродъских Житомерских естъ уписана.

Кн. гродск. Житом. 1635 г., № 9, л. 279.

CXLIV.

Жалоба дв. Михаила Лисовицкаго о томъ, что дв. Макарскіе, сговоривъ за него дочь свою, неоднократно откладывали день свадьбы, мѣшали его свадебнымъ приготовленіямъ и наконецъ затѣяли хитростью выманить у него брачное условіе; когда же онъ не поддался уловкамъ, они силою вздумали отнять документъ, при чемъ нанесли жалобщику и его слугамъ тяжкіе побои. 1638 года, 23 ноября.

Року тисеча шестсот тридцат осмого, месеца ноябра двадцатъ третего дня.

До уряду и книгъ нинешъных кгродских, в замокъ его королевское милости Луцъкий, до мене Станислава Зброжка, буръкграбего и наместника подстароства Луцъкого, пришедъшы и перъсоналитер становъшы, урожоный панъ Михал Лисовицкий, одъ окрутного збитя и зраненя през нижей менованых особъ зболелый и схорелый, а праве наполы живый, противко урожонымъ пану Алекъсандрови Макарскому и паней Федоре Подберезкого, першого малженства Яновой Путошинъской, а теперешънего второго Алексанъдровой Макаръской, малъжонкомъ, принъцыпалом справы нижей выражоное, и инъшимъ: братъи, приятеломъ и кревънымъ, близкимъ, такъ самого его милости пана Макаръского, яко и самое малъжонки его, тудежъ слугомъ и подданымъ ихт, комъпринъцыпаломъ ихъ и помочъникомъ, жалостне ся светчилъ и протестовалъ о то: ижъ сведчачий, пристойнымъ способомъ през их милость пановъ приятел певъныхъ, чи старанемъ своимъ, пришедши до застановеня певного межи помемеными паны Макаръскими малъжонками а сведчачимъ стороны приязни доживотъное малженъское протестанътис зъ урожоною панною Але-

ксандрою Путошинъскою, цоръкою ее милости панее Макарское, з перъшимъ малжонъкомъ сплоконою, и того интерцызою сполною, печатми и подписами рукъ своихъ и певъныхъ ихъ милости пановъ приятелей и закладомъ на обедъве стороне в конъдициях, в ней выражоных, варовавши, кгды сведчачий, упевъненый будучи, кошътъ немалый на тое ложивши, перед часомъ, тому акътови веселному назначонымъ, водлугъ пристойности и конъдиции своее шляхецкое готуючий, такъ на маръцепаны, яко и инъшие потъребы тутъ в Луцъку реместникомъ пенязы подавалъ, хотячи той инътеръцызе екс паръте суа досытъ чинити, теръмину назначоного пилновалъ, в томъ поменены панове Макаръские малъжонкове, заживъши противъное сполное рады з своими комъпринъцыпалами и добре вже на тое нарадивъши, наперед од апътикаровъ тутошъных Луцъкихъ пенязы властные протестантис, на маръцепаны даные, под именем протестанътис, золотых килканадцатъ задатковыхъ взявъши, на себе и свое потребы оберънули, чинячи початокъ до розоръваня того акъту и до нижей выражоного учинъку; а кгды о томъ сведчачий, ничого не ведаючи о таковых противъныхъ замыслахъ, на денъ, инътерцызою назначоный, то ест пятнадцатого месеца и року теперешъныхъ, выжей на дате менованых, до села Ценерова ставившися, кондициомъ, которые бы юкста инътеръцызамъ про паръте оного належачимъ, хотячи досытъ чинити, вице веръса, абы теж оной досит чинили, упоминалсе, теды поменены панове Макарские малъжонъкове, спротивляючись впрод той интерцызе, маючи южъ раду свою и замыслы секретъные, тотъ терминъ и акътъ веселний зволокъши, способами розными протестанта уводили, абы тую инътеръцызу с подписами и печатми рукъ своихъ и приятелскихъ онымъ верънулъ; на остатокъ збавивши его и зволокъши до дня оногодашнего двадцатъ второго месеца и року теперешънихъ, выжей на акъте менованых, кгды протестанъсъ, видячи, ижъ с того вже не будетъ ничого, хотелъ с тамътол того дня ехати; в томъ поменены панове Макаръские малъжонъкове з своими при-

ятели, комъпринъцыпалами, ръкомо хутъ и приязнь свою оному оказуючы, затрымали, а кгды се вже смеръкло, челядю и поддаными своими дворъ тамошъный опатрывъши, аръматно сами серио наступовати и тое инътеръцызы у осведчачого упоминатися почали, абы была верънена; чого не могучи отрымати, впрод даючи причину до звады, сами принъцыпалес, ничого не респектуючи на право посполитое, которого безпеченствомъ кождый естъ обварованый, а ни на вины, въ немъ описаные, не обавляючисе ничого, сведчачого, чловека невинного, словами непристойными золъживши, потомъ се до шабел поръвавъши, панъ Макарский с приятели и иншими помоцъниками на сведчачого и челяд его сечи почали, который кгды до коней и колясы уходити хотелъ, в томъ же его самого поръвавъши и инътеръцизу выдераючи, подписы свои одшаръпънули, которую сведчачий, розумеючи, же есче цела, в рукахъ трымаючи и здоровье свое ратуючи, на двор уходилъ; тамъ же оного шаблями секъли, плазовали и киями, обухами челядъ и подданые, помоцъники, били; якож кгды-бы другие, бачънейшие, оного не ратовали и замысъловъ тамтых людей персвазиею своею не одвели, перъшы его оживили од разивъ тятыхъ: оденъ на руце правой, под великий палецъ, шкодливый, другий над окомъ правымъ, а киевых, плазовых и обуховых разовъ битых оных, кровъю набеглых, спухълых, по розъных тила его чълонъках немало позадавали, шаблю оправъную срибъную, одливаную, золотых семдесят кошътуючую, оборвавъши, въ корист свою обернули, челяди сведчачого, меновите шляхетных пановъ Миколая Отрембъского и Яна Янъчого руку киями, обухами збили и тому-жъ пану Янъчому раз тятый въ лобъ на чуприне задали; и такъ оных зранивъши, збивъши и здеспекътовавъши и одповедаючи пубълице далшим здоровя небезпеченъствомъ, уежъдзати с тамтолъ казали. О то теды въсе, яко и о кождую ричъ зособъна, менованый его милость панъ Лисовицъкий, оферуючисе правъне въ судех належъных, иле гъде с кимъ и о што с-права будетъ належало, правъне поступити, таковую свою протестацию чинилъ.

Книга гродская Луцкая, 1638 г., № 2473, л. 774.

CXLV.

Свидѣтельство вознаго о томъ, какъ двор. Якубъ Бранскій двукратно пріѣзжалъ съ боярами и *съ вѣнкомъ* (согласно обычаю) въ домъ своей невѣсты, въ дни, назначенные для его свадьбы, и оба раза не заставалъ дома ни невѣсты, ни ея родителей. 1638 года, 4 декабря.

Року тисеча шестьсотъ тридъцатъ осъмого, месеца декабра четъверътого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замъку его королевское милости Луцъкомъ, передо мъною Станиславомъ Зброжкомъ, буръкграбимъ и наместъникомъ подъстароства Луцъкого, становъши очевисъто, возъный енералъ воеводъства Волынъского шляхетъный Кришътофъ Шадзиновский для записаня до книгъ кгродъскихъ Луцъкихъ созналъ въ тые слова: ижъ он, будучи на справе урожоного его милости пана Якуба Бранского, дня десятого октобра, въ маетъности урожоное ее милости панее Шимоновое Павъловичовое и сына ее милости урожоного его милости пана Даниеля Павъловича, напередъ, кгды их милость панове приятеле его милости пана Бранского: урожоный его милость панъ Станислав Пречъковский и урожоный его милость пан Войцех Завацъкий з венъцомъ, яко звычай, до акту веселного приехали, ворота замъкненые и добре челядю субъоръдинованою опатъроные застали; где кгды, задивовавши, помененые ихъ милость панове приятеле пытали: „што бы то было? мы тутъ на терминъ назъначоный вже з венцомъ од его милости пана Бранского приехали“,—такий респонсъ одънесли: „их милости в дому не маешъ, не казали до дъвора никого пусчати“. О которых я енерал воеводъства Волынского Кришътофъ Шадзиновъский одъ люду тамошъныхъ слышалемъ, же были, яко жъ и черезъ ворота челядъник его милости пана Бранского урожоный Витославъ Кглазовский ее милость панюю Павъловичовую, незъначне убраную, позъналъ и мовилъ: „ото естъ ее милость“, которая до воротъ на тотъ часъ была пришъла. Потымъ и другий разъ былемъ на справе помененого

его милости пана Бранъского в той же маетъносъти ее милости панее Павъловичовое, Тесове, дня семого ноября, где кгды зъ венцемъ такъ же урожоный его милость панъ Анъдрей Ясеницкий з урожонымъ его милостю паномъ Михаломъ Куръковъским приехали в домъ их милости, никого не засътавъши, там же чекали; а потомъ, кгды помененый его милость панъ Бранский з их милостю паны приятели приехалъ, такъ же никого не засъставши, конътемъптомъ и въстидомъ и жалемъ зъ ихъ милостю паны приятели накорменый, стамътулъ одъехалъ; которого готовость, яко можетъ быти напристойнейшую, до акту веселного обадва рази видивши, што въсе мъною и тыми-жъ ихъ милостю, которые при томъ были, осъведъчил, оферуючись так з ее милостю панею Павъловичовою, яко з его милостю паномъ сыномъ ее милости о то правъне чинити. А я-мъ, што-мъ на тотъ часъ слышал и видил, то правъдиве созънавши, прошу, абы было принято и до книгъ записано.—Што за принятем моим урядовым до книг нинешъныхъ естъ принято и записано.

Книга гродская Луцкая 1638 г., № 2473, л. 836 об.

CXLVI

Шляхтичъ Ясинскій убиваетъ свою любовницу за то, что она, послѣ его женитьбы, отказалась продолжать съ нимъ прежнія отношенія. 1644 года, 12 октября.

Року тысеча шестсотъ чотырдесят четвертого, месяца октобра дванадцатаго дня.

На вряде кгродскомъ, в замку его королевской милости Луцъкомъ, передъ мъною Гавърыломъ Корытынскимъ, буркъграбимъ и намесникомъ староства Луцкого, становъши очевисто славетные панове: Войтехъ Малхеровичъ, Янъ Зыкгармистръ, Андрей Шляхта, райцы, Федоръ Паленица и Лаврѣнъ Мечникъ, лавники, месчане Острозские, перед урядомъ нинешнимъ то оповедали и заразомъ

шляхетного пана Марцина Ясинъского, забойцу, ис теломъ зошлое Зузанъны Куявинское, през него забитое, ту жъ на урядъ прыпроважоного, презентовали в способъ тутъ нижей описаный: ижъ в року нинешънемъ 1644, месеца сентебра 29 дня, то есть в день святого Михала, свята Рымъского, в месте Острогу, в замъку околномъ, передъ церквою святыхъ Глеба и Бориса, в дворку отцовъ францышкановъ Межирецъкихъ, выжей помененая Зузанъна Куявинская, с костела, бывъши на тот час набожъная и найсветший сакраментъ прыймуючая, додому, то естъ до того дворка, кгды пришла и, хотечы обедъ зъесты, у столу села была, ни о чомъ зломъ не ведаючы, ни од кого се тежъ не сподеваючы, убезъпечоная зоставала, толко з господынею того жъ дворка будучою, где тамъ же зо дворка тотъ то помененый Марцинъ Ясинъский прышедшы и небожъчку Куявинъскую, у столу седячую, заставшы, почалъ ее руками займоваты и руку на шыи кладучы, до небожъки тие слова мовилъ: „Зусенъку! конечне мусишъ ехаты зо мною до дому моего!“ Которая, яко набожъная и сакраментуючая будучы, руку его од себе зъ шыи и з головы зкинувъшы, тые слова до него мовила, просячы: „Дай ми покой и памятай на боязнь Божую, же ото нине зосталамъ набожъною; а до того маешъ южъ и жону свою, прето покинь и занехай южъ мыслий злыхъ першую и пуды прочъ собе одъ мене“. Которые слова и нехуть ее кгды услышалъ и обачылъ, доперо жъ, снатъ южъ въ собе афектъ злый и заятреный на выконанье злого учынъку маючы, заразомъ ее чеканомъ, самымъ дзюбасомъ, зверху въ голову ударылъ и голову такъ барзо пробылъ, же заразомъ и мозъкъ з головы добыватысь и иты почалъ. А кгды се на землю валыты почала, теды ее есче в перси тымъ же чеканомъ, обухомъ, ударылъ, которая на землю кгды южъ упала и, Пану Богу духа отдаючы, въ опеку се его святую полецала, а южъ рушытись и собою владнути не могучы, тамъ же лежала, што онъ бачачы, же южъ смертелная зостала, уходиты почалъ и уйты хотелъ былъ; который уходячый, за заволаньемъ о то кгвалту,

будучы улапленый и до уряду тамошънего местского Острозкого для ексътендованя на немъ, яко забойцы, винъ правныхъ, отданый зосталъ. Которого урядъ тамошъный любо яко явного розбойцу прынявшы, а же се шляхтычемъ быти одозвалъ, сами з него справедливости учинити обавяючись, однакъ же в томъ водлугъ науки права посполитого заховуючись, того то Ясинского забойцу и с теломъ тымъ небожъчки Куявинское, през него жъ забитое, тутъ ня урядъ нинешъный кгродский Луцъкий, до замку, припровадивъшы и впрод тое тело забитое перед урядомъ дня нинешънего, месяца теперешъного октобра, презенътовавшы, возного на огледанье того тела и проклямацию его просили. Яко жъ урядъ нинешъный, тело тое, на замку будучое и презенътованое, бачечы, возного на огледанье того жъ тела и проклямованье его прыдалъ; который возный, туде жъ очевисто становъшы, то есть шляхетный Янъ Пухалский, для записанья до книгъ сознал, ижъ онъ в року нинешънемъ 1644, месяца октобра дня нинешнего, будучи на тую справу урядовне прыданый, тое жъ то тело, на замъку тутошънемъ будучое, огледавшы а чинечы досыт повинности своей урядовой, ижъ тое тело небожъчки Куявинское не през кого иншого, толко през Марцина Ясинского, часу и способомъ выжей въ протестацыи описанымъ, есть забитое и замордованое въ Острогу, и тот таковый учынокъ его всимъ людемъ до ведомости прыводечы, объволалъ, публиковалъ, и о томъ прокламацыю учынившы и звернувшись перед урядомъ нинешънымъ, о томъ реляцыю свою сознал. И по сознаню реляцыи возного, тот же помененый панъ Марцинъ Ясинский, од уряду при бытности того жъ возного Яна Пухалского будучы инквированый, кгды поведилъ, же небожъчку чеканомъ в голову ударылъ и за тымъ умерла, теды тые жъ протестантесъ просили уряду о указанье вязеня таковымъ виновайцомъ тутъ в замку Луцкомъ, в браме, в турме здавна будучой, однакъ за стравою и стражою ихъ, протестуючихъ, до росправы правно указалъ, в которой его заразомъ и осадили, жадаючи, абы, яко явный забойца,

за таковый учынокъ свой злый былъ каранъ, и з онымъ такъ, иле одно с права будетъ належало, правне поступит оферовалисе и въ вязеню указаномъ оного зоставили ажъ до росправы правное, жадаючы, абы то все до книгъ прынято и записано было; што отрымали.

Книга гродская Луцкая 1644 г., № 2483, л. 1653.

CXLVII.

Жалоба шляхтича о нанесенiи ему побоевъ мѣщаниномъ, за невѣстой котораго онъ вздумалъ ухаживать. 1646 года, 28 февраля.

Року тисеча шестъсотъ сорокъ шостого, м-ца февраля двадцать осмого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замъку его королевскои м-ти Житомирскомъ, передо мъною Крыштофомъ Цисовскимъ, подъстаростимъ Житомерскимъ, становъши очевисто, панъ Василей Кохъновичъ сведчылъ и въ способъ акту протестовалъ се напротивъко пану Андрееви Хруленъковичови, войтовичови Вилъскому, о то, ижъ протестуючий, пустивши умыслъ свой до ожененъя и хотечы оный до скутъку самого привести, шолъ яко чоловекъ спокойный, никому ничого невинъный, с приятелемъ своимъ въ домъ въ месте Вилску до Юръпака, месчанина тамошнего Вилского, въ залоты, не ведаючы о жаднымъ залецанью того-то войтовича, и скоро тамъ пришедши, яко незнаемый, заставши тамъ войтовича того, привитъ зъ нымъ учинивъши, и за прошенемъ господарскимъ селъ, и мало што поседевши, пустилъ очы свое по хати всеей, хотечы тое обачитъ, о чомъ зъ умысломъ своимъ пришолъ. Теды тотъ войтовичъ, постерегши тое, не мовечы ничого, головою кивънувши, зъ хаты пошолъ. А протестуючый, по пойстю того войтовича, при охоте господарской, послалъ по музыку, несподеваючысе на себе жадного небезпеченства, з анимушомъ своимъ в танецъ былъ пошолъ, и мало што потанцовавши, разъ албо два

въколо танецъ звычайный обышедши, поверънутъ се в другую сторону хотелъ, и скоро се повернулъ, потъкалъ се на дверахъ с тымъ войтовичемъ, почалъ протестуючый зъ собою в танецъ просить. Тотъ войтовичъ, не мовечы ничого, заразъ протестуючого словами злыми лъжить, сромотить почалъ, потомъ и на помочниковъ своихъ, о которыхъ онъ самъ лепей ведаетъ и знаетъ кождого по йменю, якъ которого зовутъ, заволалъ, мовечы: „бийте, забийте такого а такого сына!“ якожъ побили и раны ему синие спухлые позадавали и за плотъ протестуючого выгнали и сромоты вечное набавилъ. Теды тое оведченье заносилъ до актъ тутошнихъ, што отрималъ.

Книга Житомирск. гродск., 1646 г., № 17, л. 181.

CXLVIII.

Жалоба на бискупа, суффрагана Луцкаго, Николая Красицкаго о вооруженномъ наѣздѣ на домъ дв. Петра Станишевскаго и убійствѣ послѣдняго. Поводомъ къ преступленію послужило намѣреніе бискупа похитить племянницу Станишевскаго и выдать ее замужъ за избраннаго имъ жениха. 1648 года, 15 февраля.

Року тисеча шестсот чотырдесят осмого, месеца февраля петнадцетого дня.

На рочъках судовых кгродских Луцъких, од дня шостого месеца февраля, в року зъвыш написаном припалых и судовъне отправоватъ зачатых, передъ нами Счаснымъ Збожнымъ-Лайсчевъским, подсудъкомъ, Сохачевъскимъ подстаростимъ, а Константим Казимиромъ з Добратина Семашкомъ, судъею, урядниками судовыми кгродскими Луцъкими, становшы обличъне, урожоный его милост пан Войцех Станишевъский, брат рожоный некгды урожоного его милости пана Петра Станишевъского а стрый рожоный позосталых потомъков небожъчиковъских, туде ж урожоная ее милост пани Галъшка Гулевичовна, малъжонка позосталая

того ж помененого его милости пана Петра Станишевъского, окрутъне, немилосердне и сродзе, тиранско, през способъ и особы нижей менованые зраненого, а потом врыхле од тых же ран с того света зошлого малжонка своего, в неспособном на тот часъ здоровю, при том же окрутном зраненю и замордованю малжонка своего збитая, зтлучоная и здеспектованая, сами од себе и именемъ позосталых потомковъ его милости пана Петра Станишевъского, то естъ Михала, сына, и Марьциянны, цорки, Станишевских, велъце жалосные будучы, судови нинешнему, прихиляючисе до словного оповеданя своего презъ урожоного его милост пана Марька Гулевича, писара земъского Луцъкого, есче за живота небожчиковского юре тенусъ занесеного, теперъ южъ с того света зошлого, соленнитеръ етъ кграви кумъ кверелъля сведъчили и ускаржалис на ясневелебъного его мл. ксенъдза Миколая Красицъкого, бискупа Арькгивенского, суфракгана Луцъкого, инъфулата Олыцъкого, яко учинокъ нижей менованый анимо делиберато, за одностайною радою и намовою особъ нижей менованых, выконываючого, такъже превелебного его мл. ксенъдза Франципъка Кгокголинъского, кустоша и каноника Луцъкого, при томъ же ексъцесъсе будучого и заровно з другими пополъняючого и о тыхъ замыслах и порозуменюсе добре ведаючого, такъже на урожоного его мл. пана Анъдрея Линевъского, судъю земъского Луцъкого, яко змову и досконалую раду з его мл. ксенъдзомъ суфракганомъ до учынъку непобожного маючого, и на велъможного его милост пана Кгабриеля на Несвичу Стемъпъковского, каштеляна Браславъского, яко сполъную раду и коинътелълиенъцию адъ идъ горрендумъ фацинусъ маючого, на помочъ люду своего инъ армис етъ кумъ армис на окрутное забитъе даваючого, яко принъципаломъ; такъже противъко Ганусови немцови, капитанови люду тогож то его мл. пана Брацлавъского, и инъшимъ всимъ слугомъ и челяди его милости ксенъдза суфракгана, меновите: Русецъкому, Радоминскому, Миклашевъскому, Свенъцицъкому, Дзевановп немъцови, Матияшови и Янушови, гайдукомъ, Захарияшови

Шолъцови з места Луцъка и пану Рохмановъскому, также Лакгановскому, слузе его мл. ксенъдза кустошовому, и всей инъшой згромажоной асъсистенъции помененых особъ: гайдукомъ, козакомъ, даракганомъ и инъшимъ всимъ (которых было чоловека венъцей ста), имъ самымъ по именах и прозвисках добре ведомымъ и знаемымъ, которыхъ протестуючыеся особы в той протестации имена за выражоные мети хочутъ, а за взятъемъ досконалое ведомости, позвами спецификованые будутъ,—компринъципаломъ и коопѳраторомъ, о то: иж менованый его милост ксенъдзъ суфъракганъ Луцъкий, завъзевши ранъкоръ и умыслъ свой злый и непристойный до его милости пана Петра Станишевъского, а претендуючы собе яковуюсъ туторию до цорки с того света зошлого урожоного его мл. пана Яна Станишевъского, ключъника Луцъкого, урожоное панъны Анъны Станишевъское, рожоное сыновици забитого его мл. пана Петра Станишевъского, а учинивъшы впърод змову и певное межи собою постановенъе з урожонымъ его мл. паномъ судьею земъскимъ Луцъкимъ, мимо волю и ведомостъ зошлого его мл. пана Петра Станишевъского, яко стрыя и прирожоного опекуна помененое панъны Анъны Станишевъское, жебы за сына его, урожоного пана Яна Линевского в станъ малъженъский безъ позволеня небожъчиковъского и протестуючогосе, сполъных и натуралъных опекуновъ тоежъ панъны, а особливе и безъ консенсу самое жъ ее милости панъны Станишевъское, выдана была, и певъную квоту в способъ яковоесъ за то контенътации намовивъшы и ексънункъ двесте черъвоных золотых тотъ же его милост ксенъдзъ суфракганъ од его милости пана Анъдрея Линевъского, суди земъского Луцъкого, взявъшы и далъшое есче нагороды сподиваючысе, тое постановене межи собою скритое а таемное мили; а тое рады и постановенъя своего для засегненъя помочи до выконанъя учынъку ныжей менованого велъможному его милости пану Браславъскому, яко брату того ж пана судьи и стриеви сына его милости, зверивъшысе, о помочъ и людъ обадва сполъне просили. И кгды то южъ межи собою укновали и

унанимитеръ постановили, теды его милост ксенъдзъ суфраканъ, яхавъшы до Несвича на погребъ с того света зошлое ее милости панее Стемъпковское, старостиное Володимеръское, и скоро тотъ актъ погребовый одправившы, асъсистенъции, то естъ козаковъ и даракгановъ с поменнымъ капитаномъ, аръматне, взявшы, сполъне с ксенъдзомъ кустошемъ умыслъ тотъ взятъя кгвалътовъного панъны маючы, а уже будучы готовыми на розлянъе кръве невинъное шляхецъкое, року теперешнего тысеча шестсотъ чотыръдесят осмого, месеца февраля осмого дни, под село Омеляникъ, где небожъчыкъ, яко шляхтичъ правомъ покою посполитого будучы обварованый, не ведаючы о таковых замыслах, безъпечъне в дому своемъ зоставалъ и таковрго неуважного поступъку ни од кого на свете, поготовъю од такъ зацных и высоких капланов костела Божого, не сподеваючысе, безъ жадное асъсистенъции, толко з домовою челядкою своею: однымъ пахолкомъ, хлопъцемъ выростъкомъ, и четверътимъ кухаромъ зоставалъ,—тамъ же, в полю, подъ Омеляникомъ, раду таковую межы собою учынили, жебы въпродъ ксенъдзъ кустошъ самъ, з килко тыя челяди верховых, на коню до двору ехалъ и жебы небожъчика инъ специе симуляте гуманитатисъ на приездъ того жъ его милости ксенъдза суфракгана затрымалъ; и ледво што трохи за прозбою его милости пана Станишевъского поседивъшы, теды в томъ часе и его милост ксенъдзъ суфракганъ з килъкою тежъ челяди конъно приехалъ, а тую асъсистенцию и людъ свой з каритою в гаю, подле двору Омеляницъкого будучимъ, зоставилъ. И заразъ, вшедъшы до избы и небожчыка словами мней уважными (што онъ пациенътисъсиме зносилъ) привитавъшы, а потомъ мало што поседивъшы, наперъсе того, жебы с панъною моглъ се видити и з нею розмовити, чого небожчикъ, яко неведомый таковоѓо замыслу, поготовю и о той асъсистенъции не ведаючы, того не боронилъ и панъне до избы прийты казалъ. Кгды пришла, помененый его милост ксенъдзъ суфракганъ, з его милостю ксенъдзомъ кустошомъ, тую жъ еи милост панъну Станишевъскую межи себе взяли и з нею розъмовляти почали, а на

остатокъ небожчикови з изъбы уступитъ казали, поведаючы, же маемо с панъною сами розмовити; а тымъ часомъ скрыте по кариту, в гаю подъ дворомъ зоставленую, и асъсистенъцию тамъ будучую послали. И кгды небожчикъ з тое избы уступилъ, панъны пытати почали, за кого бы в станъ малъженъский иты хотила и позволила, менуючы килъка особъ, межы которыми сына его милости судъи земъского Луцъкого меновали, жебы занъ позволила, выхваляючы, же то естъ домъ родовитый, можный, багатый; на которие слова и пытанъе кгды панъна выразными словы безпечъне поведила, же „я о томъ не мишлю, жебымъ шла за пана Линевъского, кгды жъ серъце мое од того естъ далекое",— теды его милостъ ксенъдзъ суфракганъ заразъ суровыми словы до панъны почалъ мовити, же „ты собѣ мужа обирати не будешъ; маю я до тебе претекстъ, яко туторъ: за кого хочу, за того тебе выдамъ". Пропомъневъшы права в костеле Божомъ канонице постановеного, же з доброволъное инътенъции и позволенъя млодзенъца и панъны звыкло се малъженство родити, и шлюбы безъ таковаго конъсенсу не бываютъ даваные, того всего не объсервовавъшы, а толъко самую умову и постановенъе зъ его милостъю паномъ судъею въ памети доброй маючы, постерегъшы, же южъ карита до двору пришла, панъну виоленътеръ самъ его милостъ ксенъдзъ суфракганъ за руку, посполу с ксенъдзомъ кустошомъ, взявъшы, з ызбы на дворъ до кареты почали провадити. В тым часе небожъчикови пану Станишевъскому дано знати, же люд немалый до двору приехалъ, и панъну кгвалътомъ его милост ксенъдзъ суфракганъ беретъ; самъ, стрвожоный и брони жадное не маючы, до избы тое поспешилъ и его милости ксенъдза суфракгана зъ его милостю ксенъдзомъ кустошомъ, южъ у порога провадячых панъну, поткалъ, и о то оныхъ почалъ упрошати, жебы таковое виоленъции в дому шляхецъкимъ, паметаючы и на свое уроженъе и волъность шляхецкую, не чынили, а панъны кгвалтомъ не брали и въ его природномъ праве таковое опъпресъсыи понехали. А такъ его милост ксенъдзъ суфракганъ, ро-

спасаный на такую злостъ и опъпресъсию невинъное крови шляхецкое, самъ заразъ, пястъю в губу давъшы, заволалъ: „бий, кто цнотливый!“ На которое заволанъе, его милост ксенъдзъ кустошъку порогови въ каръкъ пястъю небожчыка потрутивъшы, а козаки его милости пана Браславъского и челяд вся, з обухами до избы впадшы, небожъчика битъ почали. А небожчикъ, моцно унявъшыся панъны, од тых разовъ обуховых маючи руку левую збитую и зкгрухотаную, посполу с панъною на землю се обалилъ; где самъ его милость ксендзъ суфракганъ, ничого недъбаючы на право посполитое и вины въ немъ сурово описаные, ани на милостъ ближнего, постъпозито тиморе Деи, тудежъ запомънивъшы вокации своее капланъское, которому и право посполитое, и костелъ Божий, и станъ его пастеръский (которого бы добрый приклад мелъ быти даный) не позволяетъ таковых ексъцесъсовъ и виоленъций попольняти, добывшы тесака свого, который при боку своемъ скрите подъ сукънею мелъ, небожъчыка на земли лежачого, обухами южъ збитого, середъ головы окрутне и не милосердне, ажъ мозокъ по голове приснулъ, тялъ в полголову, не яко чоловикови, але яко быдляти розрубалъ, заволавъшы голосомъ великимъ: „бий, забий, хто цнотливый! Нехай се южъ кровъ, кгды почала, лъетъ!“ На которое заволанъе припавъшы и капитанъ его милости пана Браславъского менованый Ганусъ, рапиромъ разъ окрутный смерътельный през пулъсъ, з левое стороны, почавъшы од ока ажъ до тылу головы задалъ, и костъ всю также ажъ до самого мозъку перетялъ. Тамъ, где южъ видечы небожъчыка смерътелъне зраненого, кровъю сплынулого, а и самъ постерегъшы, же южъ далей жыти не можетъ, кгды ж мову заразъ былъ заварълъ, не беручы южъ и панъны (суфраганъ) заволалъ: „перетни, хто цнотливый, губу панъне!“. В томъ часе сама еи милост пани Станишевъская, услышавшы таковый кгвалтовъный и неслыханый поступокъ, сыначъка, в пултора летъ будучого, на руках трымаючы и прекгнанъсъ будучи, а праве одъ жалю запомнявъшыся, слышачы, же южъ небожчик забитый, до тое избы,

где лежал, впадъшы и сыночъка з рукъ опустивъшы, жебы небожчика, лежачого, обухами не добияли, на немъ пала, просечи про милосердъе Божое, жебы малъжонъка ее не забияли. Допероже домъ увесь наколо обступлено, в окна стреляти почато, якожъ печъ, окна, стены и увесь домъ з мушъкетовъ и кобылъ, на то приготованыхъ и од его милости пана Браславъского приспособленыхъ и посланых, постреляли. Панъна, поръвавъшысе вперед до покою, а стамътолъ презъ тылные двери на огородъ утекъшы, въ яму, где ярыны на зиму ховаютъ, скрылася. А самую протестуючую еи милост панюю Станишевъскую, на малъжонъку своемъ лежачую, ничого а ничого не респектуючы на станъ ее белоголовъский, ани на уроженъе ее зацное, шляхецъкое не погледаючы, въпродъ самъ ксенъдзъ суфракганъ, шапъку з голови ногою струтивъшы, за волосы взявъшы, з мужа звлекалъ, а тая приспособленная асъсистенция сродзе а нелитостиве обухами и плазами шабелъ збили, стлукли и здизгоноровали; сыначъка ее, в полътору летъ будучого, на земли покиненого, ногами и подъковками подоптали и утовъкли, также и цорочъку панну Маръциянъну Станишевъскую, которая за матъкою убегла была, потрутивъшы, на земли лежачую удопътали, самую протестуючую, шаръпаючы, зо всего ее оденъя обнажили, а толъко в счекгулъномъ оденю беломъ зоставили. Челяд зас домовую часу и дня вышъменованого, при том же кгвалтовномъ наезде, посекли, побили и поранили, меновите: Жикгмунтови Кгротовъскому в левую руку два палци затято, другого Миколая Ивановского, хлопца, руки левое в полписчел перетяли, од которого разу каликою зостати мусит, и того ж в голову разов чтири затято, которим салва акъцио юре аенъди резерватур. И таковых виоленъций, яко се поменило, неслыханых и никгды въ Речы-посполитой короны полъское не найдуючыхсе наробивъшы, панъны во въсемъ дому, абы, подобно, губу водлугъ воли и росказанъя того ж его милости ксенъдза суфракгана перетяли, шукаючы, а не налезъшы, стамтолъ, кровъю самыхъ себе насытивши, домъ шляхецъкий окръ-

вавившы, заледѣве одехали, зоставившы небожчика в полѣ уже умерѣлого и самую панюю окрутѣне и нелитостиве збитую. А его милост пан судѧ, того певен будучы, же тая панѣна, водлугѣ умовы и постановенѧ зѣ его милостю ксенѣдзем суфраганомѣ, взятая будетѣ, самѣ в Заборолю того ж дня и часу, неподалеку Омеляника, приехавѣшы, зоставалѣ; а доведавѣшысе од челяди своее, ад екзеквенѣдумѣ гокѣ фацинусѣ посыланое, о посеченѣю смертелѣномѣ небожѣчиковѣскомѣ и о всемѣ, што се в Омелянику стало, з Забороля до дому свого, села Холопечѣ повернулѣ; такѣже и его милост пан Браславѣский на Гнидаве во дворе того ж часу былѣ и на привезенѣе тое жѣ панѣны очекивалѣ, с которою до Несвича ехати, а тамѣ зас з нею водлугѣ замыслувѣ и умовѣ своихѣ поступити и за сына его милости пана судѣи, на остатные тры дни месопустовѣ, выдати мели. По котором таковомѣ злымѣ и неуважѣнымѣ поступѣку особѣ перечоных, од такѣ окрутѣного и тиранѣского зраненѧ, такѣже обухового збитя, вышѣречоный его милост панѣ Петрѣ Станишевѣскій дня пятого по зраненю, то естѣ вѣ середу, о одынадцатое године на полѣзикгару передѣ полуднемѣ, дванадцатого дня месеца февраля Пану Богу духа оддалѣ и тотѣ светѣ дочесный с тых счегулѣных, яко се поменило, причынѣ и окрутного морѣдерства пожегнал, а малжонѣку жалосную и детѣки осеротелые позоставилѣ; сама засѣ протестуючая се в неспособнымѣ здоровѣю своемѣ, а иле подѣ тотѣ часѣ обтяженѧ свого бременѣного зоставала и зостаетѣ, и Панѣ Богѣ ведаетѣ, што се далей з нею будетѣ деяло. А яко первей дня оногдайшого оповеданѣе свое урядови нинешнему учынила, а о приданѣе возѣного и шляхты такѣ окрутного зраненѧ и здесѣпекѣтованѧ на огледане просили и у уряду то отримали, такѣ и на тотѣ часѣ тому жѣ судови нынешнему забитого и заморѣдованого небожѣчика тело презенѣтовали, и насѣ, суду, о огледане и яко знову о придане возѣного судового на поволанѣе и проклямацию тела небожѣчиковѣского, яко право учитѣ, просили. Мы теды, судѣ, презенѣтованое тело огледавѣшы, ранѣ

две в голове, способомъ выжей в протестации выражонымъ заданых, такъже и сила знаковъ синых побитих выдели есмо, и с повинъности нашое возъного судового, енерала воеводъства Волынъского, шляхетъного Ивана Кучковского придали есмо, котоpий дня нынешнего, с повинъности уряду своего, впрод тутъ, в замъку, потомъ перед замъкомъ, и в месте разъ третий и четъверътий над право, приводечы всимъ до ведомости, обволалъ и проклямацию тела забитого учынилъ, же небожъчикъ панъ Петръ Станишевъский естъ окрутне забитый и заморъдованый, способомъ в протестации выражонымъ, за кгвалътовънымъ наездомъ на дворъ Омеляницъкий презъ его милост ксенъдза Миколая Красицъкого, бискупа Аркгивенъского, суфракгана Луцъкого, и его милость ксенъдза Францишка Кгокголинъского, кустоша Луцъкого, и презъ люд его милости пана Браславъского, на то умыслъне посланый, с прычыны и оказыи его милости пана судьи земъского Луцъкого, за сполною всихъ радою, помочъю и намовою естъ забитый и заморъдованый. О чомъ тотъ возъный, перед нами становъшы, релъляцию свою учынилъ и сознал: ижъ онъ вперед дня онегдайшого, то естъ десятого месеца февраля, маючы при собе шляхту людей добрих, его милост пана Якуба Кголембъевского и пана Станислава Кгостинъского, былъ во дворе Омеляницъкомъ; тамъ же, заставъшы небожъчика пана Станишевъского, есче на онъ часъ жывого, ничого уже не мовъячого, за указанъемъ ранъ две в голове шкодливых, смерътелъне заданых, до мозку перетятых, руку левую обухами зкгрухотаную и веле инъших разовъ обуховых, на розъных члонъках тела его огледалъ; самую ее милост панюю Станишевскую, такъ обухами, яко и плазали збитую и стлучоную и волосы потаръганые видилъ; сыначъка ее, в пулътора лет будучого, урожоного Михайла Станишевъского и цорочъку, ногами и подковъками подоптаную, огледалъ; домъ скрываненый, окна в нивечъ постреляные и повыбияные, такъже печъ и стены постреляные, кули в стенахъ будучые, такъже челяд при том же ексъцесъсе зраненую и здеспектованую, и раны у них в протестации

выжей менованые виделъ и огледал; на остатокъ, дня нынешънего, по огледанъю нашомъ трупа привезеного, проклямацию и поволанъе на помененых особъ, с приданъя нашого судового, яко се выжей поменило, учынилъ и публиковалъ, и о томъ всемъ, же то такъ, а неиначей было, што очыма своими ретелъне огледал, перед нами стоячы, релъляцию свою учынил и сознал; просечы менованые особы, абы тая их жалосне занесеная протестация (до которое салъвамъ собе мелиоранъди, алъбо учыненъя шыръшое протестации, инъ кванътумъ бы того потреба указовала, ресеръвантъ виям), возного реляция и проклямация были принятые и до книгъ записаны; што отримали.

Кн. грод. Луцк. 1648 г., № 2490, л. 436 об.

Примѣч. За нѣсколько дней до совершенія изложеннаго въ этой жалобѣ проступка, бискупъ Николай Красицкій съ своей стороны жаловался на Петра Станишевскаго, что онъ самовольно распоряжается имѣніями своей племянницы Анны Станишевской, опека которой поручена ея отцемъ главнымъ образомъ ему, бискупу, совмѣстно съ княземъ Альбрехтомъ-Станиславомъ Радзивиломъ, канцлеромъ литовскимъ, что онъ не заботится о пріисканіи ей приличной партіи, постыдно торгуется съ женихами, не заботится о ея воспитаніи, и что онъ, бискупъ, „сумненьемъ порушоный", не можетъ болѣе оставить свою „пупиллямъ" въ ея нынѣшнемъ положеніи: „в неволи, без цвиченья, без охендозства, праве зо всего обнажоную, и которая рада бы до кляштору паненъ законныхъ повернула, абы, будучы на свободи, о станѣ своимъ резолюцию учинила, маючы и до законного жытя вота от дезидерия свое, яко се некоторымъ особамъ духовнымъ зверила, и на то инъгибиция одъ уряду духовъного есть выдана, абы жаденъ се не важилъ ей шлюбу давати, ажъ бы, ведлугъ конъцилиумъ святого Трыденъского, ясневелможному его милости ксендзу бискупови Луцъкому, яко пастырови, достаточная воля ее милости панъны Станишевское объявлена была".—Актовая книга № 2490, л. 222.—Подробно исторія убійства П. Станишевскаго изложена въ нашихъ „Очеркахъ старинпаго быта Волыни и Украины"—въ январской книгѣ „Кіевской Старины" 1891 года.

CXLIX.

Шляхтичъ Славинскій, женившись на вдовѣ Еленѣ Тржасковской и взявши деньги за «голову» убитаго ея перваго мужа, бросаетъ ее среди дороги и ѣдетъ жениться на другой. 1648 года, 7 апрѣля.

Року тисеча шестсотъ чотырдесятъ осмого, месеца априля семого дня.

На вряде кродскомъ, в замку его кор. милости Луцкомъ, передо мною Рафаломъ Чаплинъскимъ, наместникомъ бурграбъства и замъку Луцъкого, становъши очевисто, шляхетный панъ Стефанъ Трушевичъ для записаня до книгъ нинешнихъ кгродскихъ Луцкихъ подалъ аттестацию одъ урожоного его мл. пана Войцеха Добруцкого, с печатю и с подписомъ руки его, урожоной панеи Галенѣ Славенъской в певной справе даную, о чомъ тая жъ атестация шырей в собе маетъ, просечы, абы принята и до книгъ вписана была; которую на урядъ приймуючы читалемъ, и такъ се в собе маетъ: Ja Woyciech Dobrucky czynię wiadomo tym moym pisaniem, iż na ten czas bywszy przyiacielem z obu stron miedzy ich mosciow: z iedney strony, miedzy urodzonym Żygmuntem Sławienskim, a drudzey strony—przy urodzoney Helenie Trzaskowskiey, iż w domu moym własnym, we dworze jego mosci pana Przyiemskiego, na ten czas dzierzący mego za własną moię summę, Berezołupe, przydał ym szlub; a na ten czas służył iego mosci panu Raphałowi Zbrożkowi, barwę wziąwszy, odstał, y z nią zaraz, wziąwszy ią ode mnie, poiachał, y do Łucka iachawszy z nią, odebrał pieniądze od pana Hulanickiego złotych polskich sto ośmdziesiąt za głowę nieboźczyka męża iey iednalnym sposobom; on z nią poiachawszy s temi pieniądzy, ktore należeli dziecięciu, corce nieboźczykowskiey, porzucił ią w drodze, pobrawszy pieniądze y insze rzeczy, poiachał się z ynszą żenić. Na co dla lepszey wiary daię tę moię atestatią, s podpisem ręki moiey. Działo się w Kisielinie, dnia wtorego decembris, anno tysiac szescset czterdziestego siodmego. Uniżenie upraszam w. m. moych mos-

ciwych panow o słuszną sprawiedliwość tey ubogiey sierocie, bo pod sumnieniem tą atestatią moię wydaię, gdyż się to u mnie w domu działo. У тое атестации подписъ руки тыми словы: Woycech Dobrucky.—Которая жъ то атестация, за поданъемъ и прозъбою вышъменованное особы и за принятемъ моимъ урядовымъ, до книгъ ест уписаная.

Книга гродск. Луцк. 1648 г., № 2169, л. 536.

CL.

Жалоба дв. Войтеха Брозки о томъ, что дв. Янъ Слончевскій, пользуясь его отъѣздомъ изъ Волыни на Украину, съ вооруженными людьми напалъ на квартиру жалобщика, въ г. Луцкѣ, избилъ до смерти его слугъ, похитилъ обрученную его невѣсту дв. Анну Приборовскую и обвѣнчался съ нею у православнаго священника, не взирая на то, что дѣло происходило великимъ постомъ. 1649 года, 17 марта.

Року тысеча шестсотъ чотырдесятъ девятого, месеца марца семнадцатого дня.

На вряде кгродскомъ, в замку его кор. милости Луцъкомъ, передо мною Гелиашомъ Малюшыцъкимъ, буркграбимъ Луцъкимъ, становшы очевисто, урожоный его милость панъ Войцехъ Брозка, товарышъ компании урожоного его милости пана Романа Загоровского, столника Черниговъского, ротмистра его кор. милости, противко урожоному пану Янови Слонъчевскому, принъципалови, такъже тежъ челяди и помочъникомъ его, ему самому имены и прозвиски лепей ведомымъ и знаемымъ, сведчылъ и з великимъ жалемъ своимъ протестовалсе въ тотъ способъ и о то: ижъ кгды протестуючый в року теперешнемъ тысеча шестсотъ чотырдесятъ девятомъ, урожоную панюю Анъну Кречовского Прыборовскую в станъ святый малженъский собе пошлюбивши, руки и перстени, же одне другому слова дотрымат мело, про людехъ зацныхъ з стану свецъкого и духовного на тотъ часъ будучыхъ, давшы, самъ

его милость з велможнымъ его милостю паномъ воеводою Браславскимъ и иншыми ихъ милостями на коммиссию з козаками, за универсаломъ его корол. милости данымъ, в томъ же теперешнемъ року одъезджаючы, оную, яко южъ власне малжонъку свою, прыдавшы ей челяды двохъ шляхты доброе, урожоныхъ пановъ Станислава Тресчковского и Крыштофа Буялского, в господе своей, в дому славетного пана Григорого, бурмистра и месчанина Луцкого, при речахъ розныхъ зоставилъ, а тые вси речи до шафунку и заведываня ей самой и челяды вышей реченой отдалъ, теды вышей мeнoваный панъ Слонъчевский, упатрывшы собе час до выконаня учынъку нижей менованого, кгды протестуючый, яко се вышей поменило, на Украину, на коммиссию отъехалъ, с челядю и с помочниками своими, не паметаючы ничого на право посполитое и вины в немъ на таковыхъ описаные, але того всего снат пропомънeвшы и за ништо собе маючы, в року теперешнемъ тысеча шестсотъ чотырдесятъ девятомъ, месеця февраля двадцат осмого дня, на менованую господу его милости протестуючого арматно, зъ стрелбою наехавшы, с помененою панею Прыборовъскою шлюбъ собе попу реллии руское, над заказъ права духовного, въ две неделе в постъ великий (з которымъ попомъ, по взятю ведомости о имeню и прозвиску его, о то волное право собе в суде ему належномъ зоставуетъ) дати казавъшы, порвалъ и за жону собе кгвалтовне взялъ и приневолилъ. Пры которой и речы вси, през протестуючогосе зоставленые... (*слѣдуетъ ихъ перечень*) забралъ и на пожытокъ свой неслушне и неправъне обернулъ. И кгды челядь вышей менованая, панъ Тресчъковский и панъ Буялский, именемъ протестуючого, пана своего, пану Слонъчевскому тыхъ речей брати не допушчали и не позволяли, теды преречоный панъ Слонъчевский с помененою челядю и помочниками своими оныхъ, ничого никому, а поготовю ему самому и помочъникомъ его, невинъныхъ, киями, обухами побили, потолкли и разовъ онымъ немало синихъ, спухлых, кровю натеклыхъ, которых и зличыти реч неподобна, позадавалъ, от которых разовъ и тыранского

збитя и змордованя оденъ з нихъ, панъ Тресчъковский осмого дня месеця марца, а другий, панъ Крыштофъ Буялский, пятнадцятого дня того жъ месяця марца, в року теперешномъ, Пану Богу духа поотдавали. През который таковый свой непрыстойный и неправный поступокъ панъ Слонъчевскій з челядю и помочниками своими, право посполитое зневажывшы, в вины в немъ на таковыхъ описаные попалъ и на особу свою доброволне завзялъ и затягнулъ, о што все з нимъ такъ, яко с права будетъ належало, его милость протестуючий правне чинити оферовалсе, зоставившы однакъ такъ собе, яко и кревнымъ вышей менованыхъ зошлыхъ слугъ своихъ, волное учинене инъшое, ширшое протестацыи и тое теперешное мелиорацию, еслибы того была потреба... (Далѣе слѣдуетъ „верификація“ вознаго, „презентація на урядъ“ умершихъ отъ ранъ п.п. Трещковскаго и Буяльскаго и „обволанье“ именъ виновниковъ ихъ смерти „разъ въ замку, другий перед замкомъ и в рынку места тутошнего, на местцахъ звычайныхъ“).

Книга гродская Луцкая 1648—1650 г.г., № 2951, л. 175 об.

CLI.

Жалоба на дв. Крыштофа Сестревитовскаго о томъ, что онъ умышленно оставилъ свою жену на произволъ судьбы въ виду вторженія козаковъ Хмельницкаго и его союзниковъ татаръ. Трагическая судьба покинутой женщины. 1649 года, 9 апрѣля.

Року тисеча шестсотъ чотырдесят девятого, месеца априля девятого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку его кор. мл. Луцъкомъ, передо мъною Гелиашомъ Малюшыцкимъ, буркграбимъ Луцъкимъ, становъшы очевисто урожоный его милость панъ Ерый Свенъцицкий, недавно зошлое с того света урожоное Анъны Свенъцицкое, урожоного пана Крышътофа Сесътревитовского малъжонки, братъ рожоный, напротивко тому жъ урожоному пану Кришътофови

Сесътревитовскому з великимъ жалемъ и соленитер сведчылсе о то, ижъ онъ, запомъневшы боязни Божое и милосъти близънего, и овшемъ противко праву и сповиноваченью и присязе своей малъженьской выкрочылъ: же понявъшы собе за малъжонъку помененую небосчъку, урожоную панъну Анъну Свенцицкую, за усилънымъ старанъемъ своимъ, есче въ стане паненъскимъ будучую, и водлугъ порядку костелъного по шлюбе мешъкаючы з нею въ стане малъженъскомъ летъ килка, чотири алъбо пять, яко з малъжонъкою присътойною, теперъ, недавными часы, коли тые великие небезпеченъства неприятелъские козацъкие наступовали, по розъгроменъю обозу и войска нашого полъского под Пилявъками, якось коло светого Михала прошлого, где по кожъдомъ праве воеводстве и повете почали о собе вси люде радити и купитысь кожъдый поветъ до обозовъ, а плетъ белоголовъскую, малъженъки свое, где яко могли найваровъней и найбезъпечъней до местъ и замъковъ увозити, тотъ помененый урожоный панъ Сесътревитовъский, на то ничого не дбаючы на такъ великое небеспеченъство неприятелъское, месъто увоженъя малъжонъки своее, самъ затягънувъшы под хороговъ его милости пана Петра Фалибовского, малъжонъку свою помененую урожоную Анъну Свенъцицкую умыслне в дому покинулъ, не увозечы ее никуда и не зоставивъшы ей жадного опатренья. Где якось прудко по томъ тотъ неприятел Хмелъницкий с потугою своею, такъ козаками, яко и ордою, под Замосътье наступилъ, скол тотъ же неприятел и по розъныхъ местцахъ загоны свои росъпушъчалъ, же тежъ певного часу в повете Хелъмскимъ и до села до Хойна тые жъ неприятеле козакы припали, где помененая пани Сестревитовъская, сестра теперешънего сведчачогось, утрапленая будучы и одступъленая одъ помененого малжонъка своего, такъ безъ коней, пинязей, яко и челяди, праве толъко неприятелеви в руки од малжонъка своего не даная, сама в томъ Хойне покинена будучы, стамътолъ яко могучы до села до Белъки пехотою уходила и тамъ у певъного хлопа, на йме Якуба Бакулы, гаевого, мешъ-

кала; а назавтрее албо другого дня и тамъ, до того села Белъки, козакы впадълы, где оная страпленая небога, хотечы яко-колъвокъ унесты здоровъе свое, уходила до болота и тамъ крыючысь перед тымъ неприятелемъ, през три дни по шыю седила в воде; которую тотъ же хлопъ Бакула, у которого то она передъ тымъ мешъвала, по одойстю южъ козаковъ, праве пер казумъ фортуитумъ, ходячы по боре, по надъ болотомъ, налезлъ ее в води ледве южъ жывую, сколъ ее ратовавъшы, взялъ до себе до халупы, где прудко по томъ в килка дни, якось коло Оферованья насвятъшое Панны, с перемерзненъя срокгого Пану Богу духа оддала. И такъ пер ганъкъ инъкурриамъ, фамемъ, ситымъ етъ медиумъ през умыслъное такое недбанъе и опусченъе малъжонъка своего помененая урожоная пани Сесътревитовская с того света зейти мусела, презъ што онъ за такимъ своимъ умыслънымъ и усилъным недбанъемъ и покиненъемъ малъжонъки своее юра вицинитатисъ етъ санъквинисъ поламалъ и покой посполитый зкгвалтилъ, за чимъ и въ вины в праве описаные юксъта квалитатемъ факты попалъ. Такъ теды помененый протесътантъ разъ и повторе соленитеръ и жалобливе сведчылъсе, оферуючысь о то правне чынити далей; а на тотъ часъ просилъ, абы тая его протесътацыя до книгъ была принята и записана; што отрымалъ.

Книга гр. Луцкая 1649 г., № 2491, л. 123.

CLII.

Жалоба шляхт. Андрея Коморовскаго о томъ, что теща его п. Катерина Соколовая разлучила его съ женой, съ которой онъ прожилъ въ бракѣ около тридцати лѣтъ, обратила ее и дѣтей въ православную вѣру (изъ католической) и намѣревается хлопотать о формальномъ расторженіи брака ея дочери съ жалобщикомъ. 1649 года, сентября 13.

Року тисеча шестсотъ чотырдесятъ девятого, месяца сенътебра тринадцатого дня.

На вряде кгродскомъ, в замку его корол. милости Луцъкомъ, передо мъною Гелиашомъ Малюшыцкимъ, буркграбимъ Луцъкимъ, становши очевисто, урожоный панъ Анъдрей Коморовъский в року теперешъномъ тисеча шестсот чотырдесять девятомъ, месеца сенътембра, дня тринадцатого, жалобливе скаръжылъсе и протестовалъ на урожоную панюю Катарыну Миколаевую Соколовую, которая, препомънявшы права посполитого и винъ въ немъ описаныхъ, которые покой суседъский взрушаютъ, о здорове и о худобу протестуючого мышлячы, якъ тая пани Соколовая, взявшы якоесь злое серце и замыслъ непрыстойный противко протестуючому, якобы его здоровья и худобы збавыты, напередъ протестуючому малжонъку взяла, которая зъ нимъ мешъкала въ вере католицъкое летъ двадъцать девять, розъмаитыми обитъницами зводячы ее, обецуючы ей дедыцътво свое даты, дароваты, записаты, „тылъко покинь веру католицъкую, а остань рускою"; чого доказала, же ее звела, же рускою зостала, и заразомъ братъи своей прыродъной, паномъ Жабокрицъкимъ, маетъность свою тестаменътомъ лекгуетъ. Выдечы малъжонъку протестуючого с такового ошуканя фрасовливую, взяла ее кгвалътовъне од протестуючого, абы з нимъ болъшей не мешъкала, абы се знову до веры католицъкое не наверънула, и долъго ее въ добрымъ секвестре пры собе трымаючы, и не уфаючы ей, одвозитъ ее до пана подкоморого Володымерского [1]), даючы ее за служебъницу а просечы его милости,

---

[1]) Должность эту въ то время занималъ князь Юрій Пузына, членъ православнаго братства Луцкаго, родной братъ тогдашьяго Луцкаго епископа Аѳанасія Пузыны.

абы ее мелъ на оку, абы католичъкою знову не остала, „а я се тымъ часомъ о розъводъ буду старала". Не досытъ на томъ маючы, же малъжонъку протестуючому взяла, але упатрывшы час, кгды протестуючого в дому не было, забрала протестуючому деты: цорокъ тры и сына четъвертого, и все домовъство з ними забрала, с которых заразъ две цорце прымусила на веру рускую, з великимъ тыранизованемъ тыхъ детокъ протестуючого, которые власне з неволи позоставали рускими. Не досыт на томъ маючы и не конътенътуючись тымъ, але ешъче жаль до жалю прычиняючы, росказала, под час бытья козаковъ, протестуючому збожа помолотыти, все домовъство межы себе побраты, и еслибы былъ дома на тотъ часъ протестуючый, самого забиты. Што видячы протестуючый, же здоровья не безъпеченъ, для того тую протестацию, яко и о инъшые кривды, заноситъ, оставуючы собе мелиорацию тое протестации, если бы была того потреба; а теперъ проситъ, абы тая протестация его до книгъ была принята и записана; што отрымалъ.

Книга гродск. Луцк. 1649 г., № 2491, л. 908.

CLIII.

Судъ надъ крестьянкой—двумужницей. 1652 года, 11 апрѣля.

Року тисеча шестсотъ пятдесят второго, месеца априля одинадцетого дня.

На рочъкахъ судовых кгродскихъ Володимерских, од дня четвертого месеца и року тепер идучихъ, вишей на акъте менованых, припалых и судовъне одправоват зачатых, перед нами Балтазаром з Раец Раецким, подстаростимъ, а Петромъ Зыковичом Князскимъ, городничимъ Луцкимъ, судею, урядниками кгродскими Володимерскими, приточиласе справа з реестру судового, за приволанемъ возъного шляхетного Стефана Высоцъкого, межы

инстикгаторомъ и роботъным Анъдреем Кондратенятем, подданым Хоровъским, его делятором, з бытностю и притомностю урожоного его милости пана Петра Загоровъского, подсудка Володимерского, пана своего, поводами, а роботными Орышъкою Дорогичъчанкою, жоною першого Левъка Олексеняти, подданою того ж помененого его мл. пана подсудка Володимерского дедичною, а теперъ в маетности урожоного его милости пана Романа Загоровъского, столника Черниговъского, будучою, и Грицом Галайдою, подданым того жъ его милости пана столника Черниговъского, зъ села Кремеша, з бытностю и притомъностю того ж пана их вышменованого, позъваными, за позвомъ кгродским Володимерским, од поводовъ по позваных на рочъки теперешъние въ справе нижей менованои выданым, который за поднесенем стороны поводовое у суду былъ читан, и такъ се в собе маетъ: Даниел на Несвичу Стемъпковский, староста Володимерский, вамъ роботным Оришце Дорогичанце, жене першого Левъка Олексеняты, презъ неприятеля Крыжа святого, то ест орду, в неволю взятого, праву Бозъкому и посполитому спротивъной, подданой его милости пана Петра Загоровъского, подсудка Володимерского, дедичъной, а теперъ въ маетности урожоного его милости пана Романа Загоровъского, столника Черниговъского, будучои, и Грицови Галайде, подданому того жъ его милости пана столника Черниговъского зъ Кремеша, зъ бытъностю и притомностю того жъ его милости пана вашого вышъменованого, зъ особ ваших власъных, моцъю зверхности его кор. милости а владзою уряду моего старостинъского приказую, абысте перед судом моим кгродским Володимерскимъ на рочкахъ кгродских Володимерскихъ, въ року теперешънем тисеча шестсотъ пятдесят вторым, месеца априля четвертого дня, въ замъку его кор. милости Володимерскимъ, до суженя припадаючихъ, сами очевисто и завите, яко на року завитом, станули на жалобу и правъное попарте инъстикгатора и роботъного Анъдрея Кондратеняти, подданого Хоровъского, его делятора, который делятор, з бытностю и притомностю выжей помененого

его милости пана подсудка Володимерского, пана своего, позываетъ о то: ижъ ты, Орышъко Дорогиччанко, доброволъне взявъшы шлюбъ зъ деляторомъ въ року тисеча шестсот пятдесятом, месеца февраля двадцатъ второго дня. въ манастыре Загоровским, при бытности велю людей, а препомъневъшы впрод боязни Божое и присяги своее, которую при шлюбе выконала, потом знову, того жъ року и месеца зъ дня двадцатъ четвертого на денъ двадцатъ пятый, въ денъ пятковый, в ночи, до Свинюх одехавъшы, зъ тобою, Грицу Галайдо, другий раз шлюбъ неслушъне, над заказ права хрестиянъского, взяти важылистеся; а ведаючи о том добре ты, Галайдо, же уже въ манастыре Загоровъском менованая Дорогичъчанка зъ менованым Кондратенятемъ, теперешнимъ деляторомъ, шлюбъ взяла, другий шлюбъ противъко всему окгуломъ праву Бозъкому и посполитому важылистесе взяти, якожъ де факто взялисте и до того часу за тым неслушным шлюбомъ зъ собою скутки малженству належачие, правомъ Бозъким и декретом духовным заказаные, пополняючи зоставаете, намней ничого не дбаючи на боязнъ Божую и срокгост декрету презъ высоце превелебного его милост ксендза Иозефа Мокосия Баковецкого, епископа Володимеръского и Бресского, прототронего метрополии Киевское, пастера епархии Володимерское, и капитулы его в той справе, межи поводовою стороною а вами, року прошлого тисеча шестсот пятдесятого, месеца априля четвертого дня, водлуг старого календара, за нестанем вас обойга ферованого, которым то декретомъ таковымъ своимъ судъ духовъный, за одосланем до себе презъ помененого его милост пана столника Черниговъского, пана вашого, и урожоных их милости пановъ Яна Маръковъского и Яна Скипора, прыятелей од панов ваших, на розсужене тое справы зъ обох сторонъ высажоных, и за позвомъ епископъским, видечи спротивенесе вашое и непослушенство права посполитого, декретовалъ правъне и узналъ важъный шлюбъ першый зъ деляторомъ, а вашъ тотъ теперешъний мнеманый вторый декретом своим неважъный быти узнавъшы, пожытя того малженьства ва-

шого непристойного заказалъ, а в спротивенюсе тому декретови, до суду належного на одправу екзекуции на особах ваших одослалъ; чимъ всемъ, а особливе боязню Божою и правом посполитымъ погоръдившы и ни за чъто собе маючи, того малженъства своего неважъного, непристойного и заказаного ажъ до того часу, зъ собою мешкаючы въ способъ малъженского стану, заживаете, зачым тым таковым своим упорнымъ, неправънымъ и непристойнымъ поступъком право Бозкое и посполитое, такъже и присягу свою перъшую ты, Дорогичъчанко, при шлюбе выконаную, нарушывъшы, въ вины за то все горловые, албо такие, якие зъ права посполитого презъ судъ мой кгродский Володимерский вашому таковому поступъкови ровъные и подобъные, вынайденые и деклярованые будутъ, попалисте, до которых сказаня и присуженя поводовая сторона вас тым моим позвомъ, реферуючис з ним во всем до права посполитого и декрету духовъного, также инквизиции през поводовую сторону перед судомъ духовъным о то противъко вамъ выведеное и стороне поводовой ин окълюзо ротуло выданое и всего генералитер поступку правъного, в той справе зашълого, о томъ всем широко и достатечъне в собе объмовляючого, на терминъ вышей профикъсованый позывают, на которомъ, яко на завитимъ, абысте стали, винамъ правъным, то ест горловым, презъ декрет судовый на вас с права посполитого вынайденым и деклярованымъ, прислухали, и на въсе, што часу права шире́й словы изъ доводов правъных дедуковано будет, судовъне одповедаючи, зъ поводовою стороною скуточъне розъправили. Писан в Володимеру, року тисеча шестсотъ пятдесят второго, месеца февраля двадцат девятого дня.—На термине нинешънем, з помененого позъву в тои справе препалом, стороны обедве, поводовая—подданий его милости пана подсудка Володимерского, з притомъностю пана своего, през шляхетного пана Александра Бялоберезъкого, а позвана зас, то ест Гриц Галайда зъ жоною своею, подданыи его милости пана столника Черъниговъского, з притомностю того жъ пана своего, презъ шляхетного пана Анътонего Домонътовского, умоцованых своих,

очевисто у суду становилисе и, в той справе розъправу правъную межи собою маючи, контровертовали; однакъ ижъ од позваное стороны контроверсий для вписаня ихъ до декрету, водлуг звичаю, до канцелярии не подано, для чого и не сут вписаные, теди се то противъко стороне позваноi урожоный его милост пан Адамъ Буркацкий, писар кгродский месца тутошъного, взглядом пилности своее светчит. А сторона поводовая поведила, же тут жадная суспенса позваных поткати не может, бо справа южъ осужоная, которая звлоки терпѣти не мает, и позваныи неслушъне тое суспенсы аффектуют, яко в речи осужоной, и овъшемъ се повинъни справити, албо рачей декретови, який будет ферованый, прислухатисе и оному подлегати, салвис дефенсис. Суд нинешнъний кгродский Володимерский, контроверсий сторон обохъ до суду своего вношоных выслухавъшы и оные вырозумевшы, справу теперешънюю ад кавъзам статуиционис суспендует; од которого декрету сторона поводовая, протестуючис о кгравамен и шкоды противъко судови, до суду головъного трибуналу коронного Любелского апелловала. Судъ ей тое апелляции, репротестовавъшысе, ижъ такъ водлугъ права быти розумелъ, допустилъ и терминъ за нею перед менованимъ судомъ головънымъ трибуналскимъ коронънымъ, в Люблине одправуючимсе, тамъ где з права прийдет и належати будет, напервей по акте сего декрету и вистю шести недел обом сторонам ку росправе правъной завитий, без припозъву становити се зложилъ и заховал и тым декретом складает и заховует. Што все для памети до книгъ нинешънихъ естъ записано.

Кн. гродск. Владим. 1652 г., № 1020, л. 772.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

CLIV.

Волынская землянка Марья Вохнова, выдавая дочь свою за племянника землянина Юшка Камки, заключаетъ съ послѣднимъ условіе относительно взаимнаго обезпеченія ими новобрачной четы. 1471 года, 11 сентября.

Во ймя Бога станъ ся то. Се я пани Вохнова пани Мария з своими детми, с паномъ Ивашкомъ а с паномъ Васкомъ, посваталися есмо с паномъ Юшкомъ Камкою за его сестренца, за пана Стецка за Шишкинича, мою девку панъну Матрушку, а даю и дала есми из своими детми, с паномъ Ивашкомъ а с паномъ Васкомъ, зятю нашому пану Стецку Шишкиничу и дотце своей панъне Матрухъне мужа своего дидину и отчину, селце на ймя Ставокъ, у Турисъкомъ повете; а змовившися есми зъ своими детми, дали есмо имъ вечно и непорушно зо всимъ с тым, што к тому селу слушаетъ и належитъ, какъ мужъ мой державъ, и мы ему по тому жъ дали; а панъ Юшко Камка далъ пану Стецку Шишкиничу, противъ нашого села, таково ж село сестренцу своему и дотце моей, на ймя Будятичи, со всимъ с тымъ, какъ онъ самъ державъ. А посватавшися есмо, дали своимъ детомъ тые селца свои имъ вечно и непорушно, дастъ имъ Богъ дети, ино ихъ детемъ и ихъ счеткомъ; а дали есмо имъ по тому, какъ и сами есмо ихъ держали, а имъ, нашимъ детемъ, по тому жъ держати, как и мы; ачъ не дастъ имъ Богъ детокъ, ино доложивши се у осподаря короля его милости, волныи собе продати и ближнымъ своимъ дати, и на церковъ дати. А при томъ были

добрые люди: панъ Взячъ, земенинъ Володимеръский, а панъ Ласко, а духовныхъ были: плебанъ Володимерский князъ Станиславъ, а духовникъ владыки Володимерского пупъ Прокопинский, а пупъ Иванъ Пятницъкий; а пана старостинъ, пана Шиловича дворянинъ панъ Яцко Ранъдиничъ, а Левъ Вороновичъ, а войтъ Володимерский панъ Миколай; а мешчане Володимерские: панъ Тинъ Горчица а панъ Маско, и иныхъ добрыхъ людей при томъ было много. А къ тому листу и печати свое привесили: пани Вохнова зъ своими детми свою печатъ, а панъ Юшко Камка свою печатъ. А писалъ листъ пупъ Левко Веръбский. А писанъ листъ у Володимери, сентября одинадцатого, инъдикта четвертого.—У того запису печатей привесистых на червоныхъ едвабныхъ шнурахъ въ воску притисненыхъ две.

Книга гродская Владим. 1621 г., № 985, л. 766.

Примѣч. Время составленія настоящаго документа мы опредѣляемъ 1471 годомъ на томъ основаніи, что въ числѣ свидѣтелей въ немъ поименованъ дворянинъ „пана старостинъ пана *Шиловича* панъ Яцко Рандиничъ". Олизаръ Шиловичъ упоминается въ актахъ съ титуломъ старосты Владимірскаго подъ 1461 г. (Stecki, Miasto Równe); въ 1480—1484 гг. онъ именуется уже старостой Луцкимъ (Акты Южн. и Зап. Россіи, т. II). Индиктъ 4, какимъ датированъ нашъ документъ, падаетъ на 1471 и 1486 годы; но послѣдній едвали можетъ быть принятъ въ данномъ случаѣ, такъ какъ Шиловичъ въ этомъ году былъ старостой въ другомъ городѣ.

CLV.

Дочери Кіевскаго воеводы Григорія Александровича Ходкевича, Александра и Анна Григорьевны, выйдя замужъ—первая за князя Романа Сангушка, а вторая за п. Павла Сапѣгу и получивъ въ приданое больше того, что по закону имъ слѣдовало бы, навсегда отрекаются отъ своихъ наслѣдственныхъ правъ на отцовскія и материнскія имѣнія. 1559 года, 25 марта.

Року тисеча шестьсотъ третего, месеца августа тринадцатого дня.

На рочкахъ судовых кгродских Луцкихъ, дня семого месеца августа, в року теперешнем тисеча шестсотъ третемъ, припалых и судовне отправовати зачатых, перед нами Матеемъ Стемпковским, подстаростимъ, а Остафъемъ Еловичомъ Малинскимъ, судею, врядниками судовыми кгродскими Луцкими, постановившися очевисто у суду велможный панъ Янъ Пацъ, воевода Минский, тивонъ Виленский, староста Каменецкий и Довкгялижский, чинечи досыт инътерцызе своей з велможнымъ княжатемъ Юремъ Черъторыскимъ, на сойме близко прошлом Краковскомъ з стороны актыкованя справъ на Муравицу належачих учиненой, оповедал и для вписаня в книги кгродскіе луцкие подалъ лист сознаня их милости паней Григоровенъ Ходкевичовенъ, воеводянок Кіевских, выреченъя се з добръ ойчистыхъ и материстыхъ перед его милостю паном Миколаемъ Радивилом княжатем на Олыце и Несвѣжу, воеводою Виленским, маршалъком и канъцлером В. К. Литовского . . . . признаный, на паркгамене писаный, с печатю привесистою, просечи, абы до ведомости врядовое принятъ и в книги кгродские луцкие уписанъ былъ; который мы видечи быть ни в чомъ не подейзраный, для вписаня в книги приймуючи, перед собою читати казали, и так се в собе маеть: „Мы Миколай Радивилъ на Олыце и Несвѣжу княжа, воевода Виленский, маршалокъ и канцлер великого князства Литовского, староста Берестейский и Ковенъский, державца Борисовский и Шавленский,

ознаймуемъ симъ нашимъ листом, ижъ будучи в насъ на замку Берестейскомъ кнегиня Романовая Санкгушковича, старостиная Житомирская, кнегиня Александра Григоревна Ходкевича, а пани Павловая Сапѣжиная, воеводичовая Подляская, пани Ганна Григоревна Ходкевича, воеводянки Киевские, сестры рожоные, при очевистой бытности панее матки своее, ее милости панее Катерины Ивановны Вишневецкого в Берести и за ведомостю пановъ малжонковъ своихъ, его милости князя Романа и пана Павла Сапѣги, которые очевисте того их милости перед нами позволили, не будучи к тому никим примушоныи, але по своей доброй воли сознали и оповедали перед нами врядовне: ижъ ихъ милост, дознавши великую а милостивую ласку и добродейство велможного пана, его милости пана Григоря Александровича Ходкевича, воеводы Киевского, подкоморего великого князства Литовского, старосты Кормяловского, пана и отца своего милостивого, которую его милость от пороженъя ихъ по увес час мешканя их милости, з милости своее отцовское, имъ з себе показовал, а ктому много з ласки своее, над обычай посполитый, чого бы ся ихъ милости водле права и статуту з ыменей отчистых и материстых дати не пришло, то его милост яко пенезми готовыми, золотомъ, серебром, клейнотами, перлами, шатами и иными речами рухомыми их милости за посагъ надалъ и надаровалъ особливе, над пристойност выправы, такъ ижъ далеко перевышшило четверту част отчизны, с которое выправа идет, а з материстого тые части именей, што бы ся потом з делу по животе пана отца и пани матки их милости мело достати, тые добра его милость имъ дочкам своимъ оплатил, и ачъ ведаючи о тое право пана отца своего, которым ее милост пани воеводиная Киевская, пани матка их милости, записала его милости пану воеводе Киевскому, малжонку своему, имення свои, то естъ: на Волыни Муравицу замокъ и место, а в Литве двор Берестовицу, двор Белавичи, а замокъ и место Пески, и ловы в пущи у Наровцы, што вже в руки и шафованъе его милости вечнымъ правомъ записала и даровала, даючи

волность его милости куды хотечи то обернути, отдати, продати и даровати; яко и на сес час ее милость пани воеводиная Киевская пани Катерина Вишневецкая, очевисто седечи, устне перед нами и врядовне потвердила того, же его милости пану малжонку своему ыйменъя свои на Волыни и в Литве отчизные и материстые в дедицтво вечное пустила, отдаляючи от дочокъ своих всѣхъ трох, а вливаючи право на пана малжонка своего и на сыны свои, зъ его милостью прибылые, и на потомки его милости. Тогды кнегиня Романовая и пани Павловая, дочки его милости пана воеводы Киевского, показуючи з себе поволност и послушенство ку родичом своимъ, выреклися теперешнимъ сознанем своим, яко естъ вышей описано, з ведомостю малжонковъ своих, которые очевисте того имъ перед нами позволили, всѣхъ частей в ыйменяхъ отчизных и материстыхъ вышей помененых тым обычаем, обовязокъ на себе и на дети свои, если имъ Панъ Богъ дати их рачитъ, кладучи: ижъ они при животе и по животе матки своее ее милости не мают се домагати частей своих в тых именъях помененыхъ материстыхъ у его милости пана воеводы Киевского, пана отца своего, а по зештью его милости з сего света, и у сынов его милости, брати своее, и потомковъ его милости,—они сами, дети и потомки, щадки ихъ,ниякими вынайдеными причинами, але то маетъ зостати вечно и на веки непорушно при его милости пану воеводе Киевскомъ и при сынех его милости; также теж и четвертая част именей ихъ милости отчизных, с которое выправа их милости болшей, нижли тая част ведле статуту стоит, дана, вечным дедицтвом маетъ быти при владности и в поживанъи его милости пана воеводы Киевского и сынех его милости, докладаючи волности тое, за позволенемъ малжонковъ своихъ, от особъ своих, детей и потомковъ своихъ пану отцу своему и брати своей роженой и потомком его милости, кому бы потомъ от его милости яким правом было заведено, тыми именъми отчизными и материстыми шафовати подле всякого приподобанъя их милости, отдати, продати, даровати, заменити и ку своему налепшому пожитку

обернути; бо и повторе на остатку вызнавали ласку и милость отца своего ку собе, же болшей над обычай дал их милости у выправе, ниж коли бы на них мело прийти з отчизны и з материстого. И просили кнегиня Романовая и пани Сапѣжиная, абыхмы то для речи вечистое велели до книгъ врядовых записати; мы, слышавши таковую волю и сознане их милости, казали есмо до книг наших справ судовых записати; с которых естъ выписанъ сесь наш листъ и выписъ данъ его милости пану воеводе Киевскому, з нашею печатю и с подписом руки нашое. Писанъ у Берести, лета Божого нароженя тисеча пятсот пятдесятъ девятого, месеца марца двадцатъ пятого дня.—У того листу печат привесистая одна, а подписъ рукъ тыми словы: Nicolaus Radziwil m. pprïa. Матыс Савицкий".—Который же то вышей менованый листъ, такъ яко се в собе маетъ, за прозбою и поданъем его милости пана воеводы Минского, до книгъ кгродскихъ Луцкихъ естъ уписанъ.

Кн. гродская Луцкая 1603 г., № 2113, л. 599.

CLVI.

Жалоба земянина Александра Вороны-Боротинскаго о томъ, что отецъ его п. Томило Ворона, принявъ къ себѣ за жену Туровскую мѣщанку Марушку Ильяшовну, вмѣстѣ съ нею пропиваетъ имущество и выдалъ ей какую-то запись на родовыя имѣнія жалобщика. Исторія похожденій этой вольной женщины. 1586 года, 1 апрѣля.

Року тисеча пятсотъ осмъдесять шостого, месеца априля первого дня.

На рочках судовых кгродских Луцких, в року теперешнем осмдесят шостом, месеца марца двадцат семого дня, в четвергъ, зачатыхъ и судовне отправованых, перед нами Станиславомъ Петровскимъ, подстаростимъ, Остафъемъ Малинскимъ, судею, врядниками судовыми кгродскими Луцкими, оповедался в суду земенинъ господарский повету Луцкого пан Александер Воронич

Боротинский тым обычаемъ: ижъ дей слышалъ есми дня сегоднешнего, даты верху писаное, кухарка пана отца моего, пана Томила Вороны Боротинского, ниякась Марушка Иляшовна, мещанка Туровская, которая дей первей сего была замужомъ в месте Турове за Зоркою, служебникомъ его милости велможного кнежати Константина Острозского, воеводы Киевского, маршалка Волынскои земли, потомъ, утекши оттоль тая невеста, збытечная пъяница, от мужа своего венчалного Зорки, пропивши всю маетность его, и ходила на козацтво до Киева, до Канева, до Черкасъ, до Белое Церкви, и бывши тамъ колконадцат лет, на Волынь пришодчы до Крупой, пана Ерофея Гостъского, суди земского Луцкого, за мелником Крупским замужомъ была, и в оного мелъника зашкодивши не мало, от него въте кла; як же пан отецъ мой оному мелънику пят копъ грошей за нее платилъ; мещанину Дубенскому штось теж немало была зашкодила, ино зъ еднанъя семъ копъ грошей пан отецъ заплатилъ; за шурином Перевеским теж была, и тому штось немало платилъ; Кохану, слузи пана Андрея Русина, коня доброго и шестъ копъ грошей дал за нее; Демяну Мокренскому, возному повету Володимерского, также за шкоды ее, што ему починила и от него втекла, десятъ коп грошей заплатил, —а теперъ дей оная невѣста з ниякимъсь правомъ на Боротинъ Передний показуеть в суду кгродского, менит собе быт суму пенезей осмъдесят копъ грошей и доживоте от пана отца якобы записаное. Ктому тежъ имене Туличово половицу за ее причиною и намовою злою, яко будучи пъяница, Михаилу Вороне у полътораста дей копахъ грошей литовскихъ заставилъ, до чого дей пан отецъ мой моцы ниякое не мелъ и не маетъ волъности ниякое продавати, ани заставляти, толъко до живота своего мешкати, бо на томъ вѣно небожчице панеи матце моей панеи Раине Смоковне записал, который листъ записный веновъный панее матки моее и по животе ее милости мне, сынови, потребный и въ дому ихъ милости пановъ Угровецких в захованъю естъ; а ижъ тежъ пан отец мой того з молодости лѣтъ своих не

чинилъ за первих жон своих, которыхъ мелъ зъ зацныхъ шляхетских домовъ: а напервей панюю матку з дому ихъ милости панов Угровецкихъ, тотку ихъ милости, потомъ другую малжонку панюю Зофѣю Козинского, а третью малжонку тежъ мелъ з собою в малъжэнстве Немилу Джусянку, за которыми дей учтиве мешкаючи, ничого не втратилъ, только теперешнего часу, маючи тую невѣсту збытечную, кухарку, а пъяницу великую, же рокъ от року з Луцка возечи[1]) . . . . . ко пити а втрату вести незмерную мает . . . же, розумею то по нем, не своею волею тое чинит, а звлаща в старости лѣтъ своихъ, бо вже и сам не помнит, што чинит, толко она его . . . . . . И просилъ нас записати пан Александер Вороничъ Боротинский тое его оповеданье до книгъ кгродскихъ . . . . што отрымалъ.

Книга Луцкая гродская 1586 года, № 2110, л. 315.

Дополненіе къ документу № XX.

Къ исторіи сватовства князя Льва Александровича Сангушка-Коширскаго съ княжной Мариной Александровной Чорторыйской. 1563—1565 гг.

Року 1563, м-ця декабря 10 дня.

Постановившися в замку господаръском у Володимери зъ стороны своее самъ его милость князь Александро Санкгушковичъ Коширский, маршалокъ господаръский, изъ сыномъ своимъ князем Илвом, а з стороны его милости князя Александра Ѳедоровича Чорторыйского панъ Бартошъ Витвинский и служебник его милости Андрей Куколский, оповедалъ его милость князь Александро Кошерский мне, Василю Ѳедоровичу Гулевичу, подстаростему Володимерскому, иж дей, з ласки милостивого Бога, принял дей

[1]) Точками означены совершенно выцвѣвшія слова въ актовой книгѣ.

есми у вечистое прителство з его милостю князем Александромъ Чорторыйским и змовил дей есми дочку его милости княжну Марину за сына моего князя Илва, которую дей, ведле змовы и постановеня нашого, сын мой князь Лев в малженство святобливое за себе взяти и поняти маетъ, которое тое постановене наше на листехъ нашихъ записныхъ, промежку себе один другому даных, ширей описано есть. А иж сын мой князь Лев вжо лет дорослый, лета свои маючи, тую княжну Марину, дочку его милости князя Александра Чорторыйского, полюбил, тогды тое постановене наше держати маетъ, и на што бы листы свои князь Лев, сынъ мой, тепер его милости князю Чорторыйскому давати мел, тогды тые листы при моцы своей зостати маютъ для того, иж сын мой князь Лев вже лета свои зуполные мает. А тое оповедане и очевистое сознане его милости князя Александра Коширского до книгъ записати велел, с которых его милость князь Чорторыйский через пана Бартоша Витвинского и черезъ того служебника своего Андрея выпис с книгъ под печатю моею взялъ.

Документъ этотъ разысканъ нами въ отрывкахъ замковой Владимірской книги 1563 г., оставшихся въ г. Владиміръ-Волынскомъ послѣ перевода оттуда актовыхъ книгъ и сообщенныхъ намъ тамошнимъ священникомъ (недавно умершимъ) о. Даніиломъ Левицкимъ.

Примѣч. Въ тѣхъ же отрывкахъ актовыхъ Владимірскихъ книгъ находятся еще слѣдующіе документы, относящіеся къ сватовству князя Льва Сангушковича съ княжною Мариною Чорторыйскою:

а) 1565 г., апрѣля 17. Панъ Иванъ Матвѣевичъ Ело-Букоемскій, въ качествѣ „вижа“, доноситъ старостинскому уряду, что вмѣстѣ съ п. Михайломъ Козинскимъ, маршалкомъ господарскимъ, и Волчкомъ Якимовичемъ Жасковскимъ, судьею Володимерскимъ, „ходилъ до Горухова, до князя Александра Сангушковича-Коширского и именемъ князя Александра Чорторыйского мовилъ князю в невыполненю записовъ и обовязковъ, которыми ся князь Коширский записалъ о взятье дочки князя Чорторыйского за сына своего, ижъ с того запису выступилъ“. Князь Коширский на тое отказалъ: „еще дей рокъ веселю не пришолъ: нехай дей князь Чорторыйский року назначоного

в листех наших ждеть, а мешковъ дей на заклады нехай не шиеть, бо дей сынъ мой его дочку, коли рок прийде, поймет; одно ж дей если я умру або князь Чорторыйский, то ся все ни во што обернеть, бо дей князь до сына моего не ласкав, а сынъ мой ему ся не записовал и печатей к тому запису не прикладал, сынъ мой од того воленъ."

б) 1565 г., мая 29. Тотъ же п. Ело Букоемскій, посланный „вижемъ" 25 мая къ князю Александру Сангушку-Коширскому, вмѣстѣ съ п. Солтаномъ Бутетицкимъ, п. Семеномъ Ласкомъ-Черчицкимъ и др., доноситъ, что п. Бутетицкій „подалъ до рукъ его милости князю Коширскому въ замку Горуховскомъ листъ Е. К. милости и мовилъ словне: што ваша милость, княже Александро Коширский, учинивши змову и листомъ утвердивши зъ его милостю княземъ Чорторыйскимъ, маючи волю за сына своего Илва дочку е. м. княжну Марину въ малженство поняти, которого листу и обовязку своего ваша милость выступилъ а сына своего князя Лва з иною оженилъ". Князь Коширскій листъ Е. Кор. милости взялъ и копію своему дьяку далъ, на подлинномъ же королевскомъ листѣ зверху написати казалъ: „не знаю ся до того, жебы ся сын мой з иною женою оженити мел". Посланные требовали, чтобы князь, за нарушеніе договора, добровольно уступилъ, согласно условію, князю Чорторыйскому замокъ Коширскій, на что князь отвѣтилъ: „той замокъ Коширский, на которомъ промежку насъ заруки описаны, поступилемъ в моц сыну своему князю Лву: онъ будет ведати, если его князю Чорторыйскому або сыну его князю Михайлу поступит, або ни". Посланные, „чинечи досыт листу королевскому и подле листу его милости князя Коширского", поѣхали оттуда „до Коширского замку, хотечи въехати и въ моц его взяти за 10,000 копъ заручныхъ", при чемъ къ нимъ присоединился и князь Михайло Чорторыйскій съ своими людьми. Но, пріѣхавъ, они увидѣли въ замкѣ множество людей „з ручницами, луками, рогатинами, зо всякими бронями, килка сотъ запущено было кобылинъ". На требованіе уступить замокъ оттуда отвѣчали: „не маючи листу от пана своего, никому увязовати себе не допустимо и на лист королевский ничого не дбаемо и слухати не хочемо и копии з него не беремо". „Видечи небезпечность (доноситъ вижъ), мы почали уходити: они з ручницъ, з гаковницъ почали на нас стреляти, бы на яких неприятелей. А кгды пришли къ Старому-Коширу для увязованья, то великое множество людей почали насъ перейматы и во вси звоны звонили"....

в) 1565 г., іюня 4. Жалуется князь Александръ Сангушко-Коширскій, что 27 мая, „в неделю", князь Александръ Чорторыйскій „зъ многими помочниками, приятелями, з сагайдаками, з рогатинами, ручницами, гаркабузы,— болшей тисечи коней,—наслалъ сына своего князя Михайла на замокъ Кошеръ,.... моцно кгвалтомъ замку добывали, стреляли", много людей поранили, „в мещанъ коморы поодбивали, гроши ихъ, товары: воски, лои, скуры, сукни, платье белое побрали, и отступивши отъ мѣста, наехали на Старый-Кошеръ, тамъ войта, людей позбивали, поранили, жонокъ, девокъ кгвалтовали, коморы поотбивали и всю маетность отъ мала до велика побрали. ... горей нижли отъ поганства Татаръ все имѣнье мое Коширское опустошили".

г) 1565 г., іюня 7. Вижъ доноситъ, что ѣздилъ къ князю Александру Ѳедоровичу Чорторыйскому для врученія ему отъ князя Сангушка-Коширскаго двухъ листовъ господарскихъ: „заручного (въ 10,000 копъ грошей лит.) о небезпеченство здоровья“ его самого, сына Льва, слугъ и бояръ, и „отрочоного“, въ которомъ объявлялось, что король, рвди службы военной и земской, „отрочаетъ“ обѣимъ сторонамъ срокъ явки къ суду по жалобѣ кн. Чорторыйскаго „о нѣякое доброволное позволенье за сына князя Лва взяти у его милости дочку княжну Марину и за непозволенье е. м. сыну дочки в малженство взяти“. Посланныхъ долго не пускали въ дворъ и не давали имъ никакого отвѣта. Наконецъ вышелъ къ нимъ слуга князя Чорторыйскаго и спросилъ: съ чѣмъ они пріѣхали отъ князя Коширскаго? Ему были показаны господарскіе листы. Посмотрѣвъ ихъ, слуга отдалъ ихъ обратно и сказалъ: „То—плетки, и хоть вы будете стоять три дни, князь не велѣлъ васъ пускати до себе“. „Освѣтчивши тое“, слуга князя Коширскаго „утknулъ у ворота“ копіи листовъ и уѣхалъ домой.

Весьма естественно, что разъ дѣло приняло такой оборотъ, сватовство окончательно разстроилось, и спустя короткое время князь Левъ Александровичъ Сангушко женился на Аннѣ *Остиковнѣ* (см. № LI настоящаго тома), а его бывшая невѣста, княжна Марина Чорторыйская вышла за п. Андрея Павловича *Сапѣгу*, воеводича Новогродскаго (Архивъ Юго-зап. Россіи, часть VII, т. I. стр. 26).

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ И ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ ИМЕНЪ,

встрѣчающихся въ настоящемъ томѣ.

I. Имена личныя.

А.

Александръ Ягеллоновичъ, великій князь Литовскій, 5.

Андреевичъ Романъ, священникъ Спасской церкви въ г. Брестѣ-Литовскомъ, 365—367.

Андреевскій Янъ, земянинъ Волынскій, 434.

Андрей, архимандритъ Зименскаго монастыря, 417.

Андрей Володимѣровичъ, князь (Полубенскій), 4.

Андрей, священникъ Покровской церкви въ г. Винницѣ, 143.

Андросовичъ Есифъ, писарь войтовскій Луцкій, 334.

Б.

Бабинскій Андрей Семеновичъ, земян. Волынскій, 86, 174—177, 178, 423.

— Его дочь Катерина—за земян. Ив. **Городищскимъ** (см. это имя).

— Василій, земян. Волынскій, 423.

Бачукъ Хома, мѣщанинъ Владим., 534.

Бедрицкій Грегоръ, ксендзъ капитулы бискупства Луцкаго, 433, 434, 440.

Белжецкій Бартошъ, депутатъ въ Люблинскомъ трибуналѣ отъ воеводства Волынскаго, 541.

Бендковскій Янъ, шляхтичъ, 246.

Бережицкій Матысъ, земянинъ Волынскій, 93, 94.

— Ѳалалей, земянинъ Волынскій, 349, 356.

Березовскій Матіашъ, возный Владим. повѣта, 543.

Билецкій Малашъ, мѣщанинъ Владимірскій, 534.
Берестскій Иванъ Михайловичъ, земян. Волынскій, 288—289.
— Его сестра Александра—за п. Ив. **Болобаномъ-Осекровскимъ** и 2-мъ бракомъ за п. Касперомъ **Цетковскимъ** (см. эти имена).
Бобровскій Станиславъ, бояринъ, 163, 164, 165.
Боговитиновичъ Богушъ, дворянинъ королевскій (XV в.), 4.
— Левъ, писарь королевскій, ключникъ Берестейскій, 4.
Боговитины-Козирадскіе, земяне Волынскіе:
— Адамъ, подкоморій Кременецкій, 423, 431, 449, 570.
— Андрей, стольникъ земли Волынской, 529, 530, 531.
Боговитины-Шумбарскіе, земяне Волынскіе:
— Боговитинъ Петровичъ 12—13. Его жена Софья Андреевна **Лозчанка**, 2-мъ бракомъ за кн. Вас. **Сангушкомъ-Ковельскимъ** (см. это имя).
— Ихъ дочь Ѳеодора—за п. Яномъ Богдановичемъ **Загоровскимъ** (см. это имя).
— Михайло Богдановичъ, 27—30, 33—35. Его жена Ганна Олехновна Борзобогатовна, 27—29, 33—35.
— Миколай Михайловичъ, сынъ предыдущаго, 424—430, 572. Его жена Ева Павловичевна, 425—430.
— Ганна Михайловна, сестра Миколая,—за п. Бартошемъ **Лащомъ** (см. это имя).
— Янъ, 529. Его дѣти: Янъ Яновичъ, 529; дочь Діана Яновна—за п. Лаврентіемъ **Древинскимъ** (см. это имя).
Буговитины-Шумскіе, земяне Волынскіе: братья Стефанъ, 29, и Павелъ, 29, 34.
Богушъ Касперъ, возный повѣта Луцкаго, 377.
Богушъ-Марковскій Янъ, шляхтичъ, 489.
Бокіи, иначе **Бокіи-Печихвостскіе**, зем. Волынскіе: Вацлавъ, 535, 536.
— Гаврило Васильевичъ, судья земскій Луцкій, 42, 56, 140, 275, 277, 345.
— Янъ Ѳедоровичъ, подкоморій Владимірскій, 321—323, 402. Его жена Марья Васильевна Гулевичъ, вдова по князѣ Ив. Буремскомъ, 321—323.

Бокіи-Зарѣцкіе, земяне Волынскіе: Семенъ, 68.
— Его сынъ Янъ (иначе Иванъ) Семеновичъ, дворянинъ господарскій, 68, 178, 236, 242; дочь Елена—за зем. Василіемъ **Збѣрожскимъ** (см. это имя).
Болгакъ Михайло, дворянинъ королевскій, 54.
Болгаринъ Михайло, земянинъ Волынскій, 431.
Болда Иванъ Ивановичъ, бояринъ Вол., и его сынъ Иванъ, 169—170.
Болобанъ Гедеонъ, епископъ Галицкій, Львовскій и Каменца-Подольскаго, 347.
Болобаны-Осекровскіе, земяне Волынскіе: Мануилъ, 260—262, 365. Его жена Марухна Михайловна, 260—262.
— Иванъ—288; его жена Александра Михайловна Берестская—288, 2-мъ бракомъ за п. Каспером Цетковскимъ.
— Ихъ дѣти: Овдотья—288; Ганна—за п. Мих. **Халаимомъ**, потомъ за п. Ѳедоромъ **Шишкою-Ставецкимъ** и наконецъ за п. Александромъ **Владычкою** (см. эти имена).
— Василій, братъ Ивана, 289.
— Иванъ, кажется, не одно лице съ предыдущимъ Иваномъ, 451, 452; его жена Раина **Стакорская**, 451—452.
Борзобогатые-Красенскіе, иначе просто **Красенскіе:**
— Олехно Яцковичъ, цельникъ господарскій на Волыни, потомъ ключникъ, городничій и мостовничій Луцкій, 28—29, 34.
— Его сынъ Иванъ Олехновичъ, мостовничій Луцкій, 27, 33, 266, 277, 301—305, 470, 472.
— Другой сынъ Семенъ Олехновичъ, 301—304.
— Дочери: Ганна Олехновна—за п. Мих. **Боговитиномъ-Шумбарскимъ** (см. это имя).
— Магдалина Олехновна—за зем. Прокопомъ **Шельвовскимъ** (см. это имя).
— Иванъ Яцковичъ—впослѣдствіи Іона, епископъ Луцкій и Острожскій, 72 (см. еще **Іона**).
— Его сынъ Василій Ивановичъ, секретарь королевскій, 304, 323.
— Дочь Марья Ивановна—за п. Яцкомъ **Добрылчицкимъ**, съ ко-

торымъ развелась и вторично вышла за п. Василія **Рогозенскаго**, 70—73.

Боришовскій Юзефъ, шляхтичъ, 367, 371.

Борко Григорій, дворянинъ королевскій, 266.

Бортковскій Миколай, шляхтичъ, 536.

Борятинскій Андрей, земянинъ Волынскій, 337.

Бранскій Тимоѳей, возный воеводства Волынскаго, 456.

— Якубъ, шляхтичъ, 598.

Брозка Войтехъ, шляхтичъ, 614—616.

Брозовскій Томашъ, возный воеводства Волынскаго, 521.

Бромирскій Францъ, возный повѣта Луцкаго, 383.

Бронницкій Василій Гнѣвошевичъ, зем. Вол., 114, 116, 362—364.

— Сынъ его Гаврило—362—364; жена—Ганна Григорьевна Букоемская, 362—364.

— Жданъ Гнѣвошевичъ, братъ Василія, 39, 297—298.

— Настасья Ждановна, его дочь,—за земяниномъ Мих. **Шостаковскимъ** (см. это имя).

Бруяка Ѳеодоръ, земянинъ Волынскій, 364.

Будишевскій Юрій, шляхтичъ, 536.

Букоемскій Адамъ, подвоевода Волынскій, 476—477.

— Его жена Софья Свидновская, 476—477.

Букряба-Клюковицкій Потѣй Михайловичъ, земян. Вол., 312.

Булыга-Курцевичъ князь Дмитрій, 265 (см. еще **Курцевичи** князья).

Буремскіе, князья на Волыни:

— Дмитрій и его жена N, 284—285.

— Ихъ дѣти: Марина Дмитріевна—за зем. Григоріемъ **Колмовскимъ** (см. это имя).

— Александръ Дмитріевичъ и его жена княжна Марія Соколинская, во 2-мъ бракѣ за Ив. Хренницкимъ, 284.

— Дѣти Александра: Ѳеодоръ и Андрей, 284.

— Иванъ (отчество не извѣстно) и его жена Марья Васильевна Гулевичъ, во 2-мъ бракѣ за п. Яномъ Бокіемъ-Печихвостскимъ, 323.

Буркацкій Адамъ, писарь гродскій Владимірскій, 624.

Бурый Иванъ, дворянинъ королевскій, 300.

Бутетицкій Солтанъ, земян. Волынскій, 636.

Бутко Григорій, дворянинъ королевскій, 49.

Бутовичъ Григорій, землнинъ Кіевскаго воеводства, и его жена Ева Васильевна Раевна, бывшая прежде за зем. Матвѣемъ Немиричемъ, 443—446.

Буховецкій Авдѣй Ивановичъ, земян. Волын., 324, 326, 331.

Быстриковскій Янъ, земян. Вол., и его жена N, 476.

Бѣлецкій Томашъ, шляхтичъ, 337, 340—342.

Бѣликовичъ Сугакъ, бояринъ князя Ив. Кобринскаго, 4.

Бѣлинскій Ѳеодоръ, землнинъ Волынскій, 36—38.

— Его жена Ганна Парцовская—36.

Бѣлобоцкій Валентій, возный повѣта Кременецкаго, 372.

Бѣлостоцкіе, земяне Волынскіе: Романъ, 26.

— Олехно, 27, 256. Дочь его Ѳеодора—за п. Андреемъ **Олизаровскимъ** (см. это имя).

— Иванъ Лецковичъ, 256. Его жена Олена Новоселецкая, 295. Ихъ дочь Марина Ивановна—за п. Ив. **Гулевичемъ** (см. это имя)

— Прокопъ, 396, 408.

Бялоберезскій Александръ, шляхтичъ, 623.

В.

Ванковичъ Богушъ, писарь мѣстскій Луцкій, 181, 384; ландвойтъ Луцкій, 473.

Василевичъ Якимъ—см. **Стрывязскій**.

Вельгорскіе (иначе **Велегорскіе** и **Вильгорскіе**), зем. Волынскіе:

— Левъ, 83, 86 178.

— Михайло, подстароста Луцкій (кажется, братъ Льва), 178, 233, 251, 270, 283, 290.

— Романъ, подстароста Владимірскій, 356, 451.

— Андрей, 470.

Венгерскій Янъ, шляхтичъ, 518.

Венцлавъ, бискупъ Жмудскій, 16.

Вербицкій Викторинъ, бискупъ Луцкій, 126.

Вербскій Василій Ванковичъ, земян. Волын., 259.

— Григорій, возный повѣта Луцкаго, 296—298, 302—303, 407, 438.

Верещака Щастный Стецкевичъ, зем. пов. Кобрынскаго, 190.

— Его сынъ Романъ, 190, и дочь Ганна—за п. Григоріемъ Пашкевичемъ **Ельцемъ** (см. это имя), за тѣмъ—невѣста земянина Богдана Дрозденскаго, 190.

Верещинскій Станиславъ, шляхтичъ, 180, 483.

Ветескій Войтехъ, шляхтичъ, 334.

Взячъ, земянинъ повѣта Владимірскаго (XV в.), 628.

Вигура Мартинъ, земянинъ Волынскій, 394, 408, 414.

Визгердъ-Заболоцкій (и просто **Заболоцкій**) Павелъ, земянинъ Волынскій, 360—361.

— Его сынъ Антонъ, 360, 387, 408, и дочь Раина—за п. Яномъ **Мироевскимъ** (см. это имя).

Вильчопольскій Станиславъ, шляхтичъ, 351, 355.

Витвинскій Бартошъ, шляхтичъ, 50, 634, 635.

Витинскій Янъ, подстароста Житомирскій, 590.

Витвицкій Матвѣй, возный повѣта Луцкаго, 401.

Витонижскій Василій, земянинъ Волынскій, 272.

— Его сынъ Михайло и жена послѣдняго Софья Олехновна Окорская, 272—273.

— Семенъ, 572

Вишневецкій князь Михайло Александровичъ, староста Черкасскій и Каневскій, 96.

— Его сынъ Александръ, впослѣдствіи также староста Черкасскій и Каневскій, 226.

— Катерина Ивановна—за п. Григоріемъ **Ходкевичемъ,** воеводою Кіевскимъ (см. это имя)

Владычка Александръ Ѳедоровичъ, маршалокъ господарскій, войскій Троцкій, 417—418.

— Еге жена Ганна Ивановна Болобановна-Осекровская, по 1-му

мужу Мих. Халаимовая, а по 2-му—Өедоровая Шипчанка-Ставецкая, 417—418.

Войтехъ, мѣщан. Луцкій, и его жена Ганна, 473—475.

Волицкій Янъ, зем. Волынскій, и его жена Өеодора Головинская, по 1-му браку Өедоровая Черевчеевая, 454—459.

Воловичъ Евстафій Богдановичъ, подканцлеръ и маршалокъ В. К. Литовскаго, староста Берестейскій и Кобринскій, 181, 183.

— Григорій Богдановичъ, братъ его, староста Мельницкій, Мстибоговскій и проч., городничій Городенскій, 123—125, 127, 131.

— Григорій Григорьевичъ, сынъ предыдущаго, 123—125, 127, 129, 131, 229—231.

— Жена послѣдняго Богдана Семашковна, вдова по князѣ Янушѣ Четвертинскомъ, 229—231.

Володковичъ, иначе **Волотковичъ**, Григорій Ивановичъ, земянинъ Жмудскій и Полоцкій, 356—359.

Волчко Якимовичъ Жасковскій (т. е. владѣлецъ с. Жасковецъ), судья гр. Владимірскій, 635.

Волчко-Жасковскій Прокопъ, земянинъ Волынскій, 134—137, 159.

— Его жена Марина Ивановна Тишкевичъ, 134—137.

Волынецъ Иванъ, земянинъ Волынскій, 215, и другой, по имени не названный, 405.

Волынецъ-Черничицкій Александръ, земянинъ Волынскій, и его жена Катерина Чаплянка, 588.

— Ихъ дочь Маріанна—за п. Яномъ **Дроботомъ** (см. это имя).

Вороны (иначе **Вороны-Боротинскіе**), земяне Волынскіе:

— Андрей Юрьевичъ, 113, 114.

— Томило, 114—116, 633, 634. Первая жена его—Раина Смоковна, вторая—Софья Козинская, третья—Немила Джусянка, а четвертая (незаконная)—Марушка Ильяшовна, мѣщанка Туровская, 633—634.

— Александръ Томиловичъ, сынъ предыдущаго, 632—634.

— Демьянъ, 573—580, и его жена Гальшка (Галена) Долматовна Исайковская, 573—574, 576, 578—580

— Михайло, 633.
— Янъ и его жена Барбара Угриновская, 254—255.
Воронецкіе или **Вороницкіе изъ Збаража**, князья, отрасль княжескаго рода **Збаражскихъ**:
— Война Өедоровичъ, 160, 161.
— Его сыновья: Левъ Войничъ, судья гродск. Кременецкій, 200, 317, 416, 424, 430, 570—572, и жена его Христина Боговитиновна, 570—572.
— Матвѣй (Матусъ) Войничъ, стольникъ Кіевскій, подстароста Владимірскій, 200, 315—318, 416, 463, 464, 480, и жена его Настасья Янушевна Гулевичъ, 315—318, 464.
— Михаилъ Войничъ, 570.
— Станиславъ Войничъ, 200—205, 317, 416, 462—468, и жена его Ганна Тихновна Хомяковна, 200—204, и другая жена, „не шлюбная", Марина Ивановна Гулевичевна-Смолиговская, 462—468.
— Станиславъ Станиславовичъ, сынъ предыдущаго, 464, 465, 467, 468, и жена его, дочь его мачехи Марины Гулевичевны, Гальшка Собковна Богушевичъ-Приборовская, 464, 466.
— Ганна Войновна, дочь Войны Өедоровича, 415—416.
Вороновичъ Левъ, земянинъ пов. Владимірскаго (XV в.), 628.
Вохнова Марья, земянка повѣта Володимірскаго (XV в.) и ея дѣти: Ивашко и Васко и дочь Матрушка—за п. Стецкомъ Шишкиничемъ, 627.
Воютинскій Василій Семеновичъ, земянинъ Волынскій, 296.
— Өедоръ Гавриловичъ, зем. Вол., 24—27, 256, и его жена Олена Григорьевна Промчейковичъ-Деревянецкая, 24—27.
Вросекъ Янъ, шляхтичъ, 436.
Вручинскій Михайло, шляхтичъ, 568.
Вылежинскій Янъ, подстароста Луцкій, 569, 574.
Высоцкій Стефанъ, возный пов. Луцкаго, 620.

Г.

Гавриловичъ Петръ, мѣщан. Коденскій, и жена его Овдотья, 523.

Галенскій (иначе **Галезскій**) Щастный, подстароста Луцкій, 454, 459.

Галчинскій Янъ, шляхтичъ, 471.

Гановицкій Миколай, земянинъ Берестейскій, 331.

Ганусъ, нѣмецъ, капитанъ надворной драгунской милиціи п. Стемпковскаго, 604, 608.

Гервасевичъ Андрей, священникъ с. Замличъ, Владимірскаго повѣта, 347—348.

Гесинскій Янъ, подстароста Луцкій, 411.

Глазовскій Лавринъ, земян. Вол., 385—387, 407, 474.

Глинскій Янушъ Бенедиктовичъ, шляхтичъ, и жена его Катерина Ириковна, послѣ развода съ нимъ вышедшая за Ив. Щаурскаго, 332—333.

Глуховскій Станиславъ, шляхтичъ, 397, 407.

Глѣбовичъ Миколай, подстолій Литовскій, староста Оникштенскій, 521.

Гоголевскій Степанъ, земянинъ Волынскій, 287.

Гоздовскій Александръ, возный Кременецкаго повѣта, 586.

Гозимирскій Томашъ, бургграбій Владимірскій, 544, 548, 551, 553, 554, 555, 557, 559, 561, 564.

Гоголинскій Францискъ, ксендзъ, кустошъ и каноникъ Луцкій, 604, 606, 607, 608, 611.

Голубъ Гаврило, ротмистръ королевскій, 359.

Голубъ-Сердятицкій Михайло, возный повѣта Владимірскаго, 338, 339, 346, 417.

Гораинъ Янъ, земянинъ Волынскій, 152.

— Ѳеодоръ и его жена Богдана Мосѣевна, 211—213.

— Дочь ихъ Ганна Ѳедоровна—за княземъ Яковомъ Андреевичемъ **Четвертинскимъ** (см. это имя).

— Крыштофъ, 572.

— Миколай, 536.

Горайскій Петръ, шляхтичъ, 541.

Горечовскіе Семенъ и Янъ, шляхтичи, 417.

Горностай Иванъ Горностаевичъ, воевода Новогродскій, маршалокъ дворный Литовскій, подскарбій земскій, староста Слонимскій и Мстибоговскій, 16.

— Сынъ его Остафій Ивановичъ, воеводичъ Новогродскій, 205—206, 208, 345.

— Жена Остафія, княжна Олена Ивановна Чорторыйская, 205, 207.

Городищскіе или **Городищенскіе**, земяне Волынскіе:

— Иванъ, 174, 179.

— Сынъ его Иванъ Ивановичъ, 83, 86, 174—179, и жена последняго Катерина Андреевна Бабинская, 174—179, во 2-мъ браке за Семеномъ **Хребтовичемъ-Богуринскимъ** (см. это имя).

— Другой сынъ, младшій, Кондратъ Ивановичъ, 176.

Горскій Томашъ, шляхтичъ, 543.

Горчица Тинъ, мещанинъ Владим. (XV в.), 628.

Госинскій Янъ, подстароста Луцкій, 384.

Гостскіе (или **Гощскіе** и **Гойскіе**), земяне Волынскіе:

— Ероѳей Васильевичъ, 45, 83, 86, 104, 178. 208, 236, 242; справца староства Луцкаго, 296, 305—308; судья земскій Луцкій, 315, 345, 633.

— Жена его Ганна Тихновна Козинская, основательница Почаевскаго монастыря, 305—308.

— Романъ, 45, 73, 140, 233, 356—359.

— Жена его Дорота Корчминская, 357.

— Дети ихъ: Ероѳей Романовичъ, 357, 358, 359, 415—416.

— Гаврило Романовичъ, 357, 358, 359.

— Настасья Романовна, 357—359.

— Марья Романовна—за Винницкимъ подстаростой Андреемъ **Ельцемъ** (см. это имя).

Граевскій Станиславъ, шляхтичъ, 38; дворянинъ королевскій, 189, 222, 226; подстароста Владимірскій, 288; стольникъ Подляшскій, 299.

Грибовскій Войтехъ, шляхтичъ, 376.

Григоревичъ Дмитрій, наместникъ владыки Луцкаго, 334.

Грушевскій Ярмола, земянинъ Волынскій, 414.

Грушецкій Янъ, шляхтичъ, 215.

Гулевичи (иногда съ прибавкой прозвищъ по имѣніямъ: **Затурецкіе, Воютинскіе** и **Смолиговскіе**), земяне Волынскіе:

— Θеодосій (въ мірѣ Θеодоръ), епископъ Луцкій и Острожскій, 28, 32.

— Его сыновья: Григорій Θедоровичъ, хоружій земли Волынской, 102, 103, 156, 159, 222, 123, 236, 265, 285, 323, 449.

— Романъ Θедоровичъ, 102—104, 281. Жена его Пелагея Матьяшовна Суропятовна, 103—104, во 2-мъ бракѣ за Иваномъ **Патрикіемъ-Курозвонскимъ**, подстар. Кременецкимъ, 281—282.

— Ихъ дѣти: Настасья—103, и Θеодора—за зем. Вас. **Холоневскимъ**, 281—282.

— Янушъ Θедоровичъ, 35, 315. Жена его Ганна Борзобогатовна Красенская, по смерти его вышла за Александра Жоравницкаго, старосту Луцкаго, 316.

— Дочь ихъ Настасья Янушевна—за княземъ Матвѣемъ **Вороницкимъ** (см. это имя).

— Василій Θедоровичъ, подстароста, затѣмъ войскій Владимірскій, 93, 103, 120, 189, 222, 275, 277, 285, 345, 634, 635.

— Дочь его Марья Васильевна—въ 1-мъ бракѣ за княземъ Иваномъ **Буремскимъ**, а во 2-мъ за зем. Яномъ **Бокіемъ-Печихвостскимъ** (см. эти имена).

— Иванъ Михайловичъ (кажется, внукъ епископа), подсудокъ земскій Владимірскій, 273, 294—296, 346; жена его Марина (Марья) Ивановна Бѣлостоцкая, 295—296.

— Андрей (Васильевичъ?), 470, 472, 531.

— Петръ, 572.

— Гаврило, 273, 295.

— Бенедиктъ, 528.

— Михайло (Янушевичъ) Гулевичъ-Воютинскій, подсудокъ земскій Луцкій, 545.

— Марко, писарь земскій Луцкій, 604.

— Гальшка—за п. Петромъ **Станишевскимъ** (см. это имя).
— Марина Ивановна Гулевичевна-Смолиговская, въ 1-мъ бракѣ за шляхт. Собестіаномъ (Собкомъ) Приборовскимъ, во 2-мъ—„не шлюбная" жена князя Станислава Воронецкаго, 462—465.
Гулялницкіе (или **Гуляницкіе**), земяне Волынскіе:
— Иванъ Яцковичъ, 280.
— Игнатъ Юшковичъ, 280.
— Яцко (отецъ Ивана?) 41.
— Олехно Михайловичъ и его жена Өеодора Игнатьевна, по 1-му браку Ивановая Останковичъ, 278—280.
— Прокопъ, 337.
— Григорій, возный, 434, 522.
— Сидоръ, возный воеводства Волынскаго, 500.
— Яцко, возный повѣта Луцкаго, 407.
Гурковичъ-Омелянскій Еско, земянинъ Волынскій, 108.
— Янъ, 178.
Гутыръ Семенъ Захарьевичъ, староста Муравицкій, 300.

Д.

Даменскій (Даминскій и Деменскій) Станиславъ, подключій Луцкій, 63, 144—146.
Даміанъ, епископъ Владимірскій и Брестскій, 4.
Данилевичъ Григорій, судья гродскій Луцкій, 251, 290, 307.
Дворецкій Григорій, земянинъ Волынскій, 542.
Дедеркало Григорій, земянинъ Волынскій, 340—342, 429, 430.
Дениско-Матвѣевскій Семенъ, староста Житомирскій, 429, 441, 443.
— Александръ, земянинъ Кіевскаго повѣта, 594.
Держановскій Станиславъ, шляхтичъ, 304.
Дзялынскій Михаилъ, староста Добрынскій, подкоморій Холмскій, 269.
Длугоборскій Янъ, шляхтичъ, 391, 407.
Доброницкій Петръ, земянинъ Волынскій, и его жена N, 492.
— Ихъ дочери: Өеодора—за земяниномъ **Трипольскимъ** и Оришка—за п. **Поплавскимъ** (см. эти имена).

Добруцкій Войтехъ, шляхтичъ, 613—614.
Добрылчицкій Яцко Стецковичъ, земянинъ Волынскій, 70—72.
— Его 1-я жена Марья Ивановна Борзобогатовна-Красенская, по разводѣ съ нимъ вышедшая за п. Василія Рогозенскаго, 70—73.
— Ихъ дѣти: Иванъ, Якимъ, Магдалина и Настасья, 72.
— Вторая жена Добрылчицкаго Ганна Малинская, 72.
Добрынскій Андрей, земянинъ Волынскій, 43—45, 178.
— Его жена Ганна Богдановна Дчусянка, 43—45.
Долбуновскій Миско, земянинъ Волынскій, 27.
Долмацкій Исаакій, возный пов. Владимірскаго, 348, 365, 479, 480.
Доманковскій Войтехъ, шляхтичъ, 476—477.
Доманскій Петръ, шляхтичъ, 476.
Домонтовскій Антонъ, шляхтичъ, 622.
Домонтъ князь Григорій, 441.
Доморатъ Андрей, шляхтичъ, 461.
Дорогостайскій Миколай, стольникъ В. К. Литовскаго, державца Веленскій, тивунъ Кондинскій, 239.
Древинскій Василій, земян. Вол., писарь королевскій, 120, 317.
— Его сынъ Лаврентій, чашникъ Волынскій, и 2-я (или 3-я) жена послѣдняго Діана Яновна Боговитиновна-Шумбарская, 529—531.
Дроботъ Янъ, шляхтичъ, и жена его Маріанна Александровна Волынцевна, 588, 589.
Дрозденскій Яцко, земянинъ Волынскій, 26.
— Семенъ, земянинъ Волынскій, 189, 273.
— Богданъ Ивановичъ, земянинъ Волынскій, 190.
Друченинъ Степанъ, шляхтичъ, 181.
Дублянскій Григорій Степановичъ, земянинъ воеводства Кіевскаго, и жена его Настасья Митрофановна, 441—442.
Дубницкій Михайло, дьякъ королевской канцеляріи, потомъ войтъ Владимірскій, 150, 260, 262, 346, 366, 417.
Дубровскій Миколай, шляхтичъ, 231, 275, 277, 289.
Душа-Подорецкій Петръ, земянинъ Волынскій, 524.

Джусянка Немила, жена земянина Томила **Вороны-Боротинскаго** (см. это имя).

Дчуса Михайло Игнатьевичъ, земянинъ Волынскій, 101.

Е.

Евфимовичъ Яцко, мѣщанинъ Кіевскій, 181.

Еданскій Андрей, бояринъ Волынскій, 526.

Елецъ Өеодоръ, земянинъ воеводства Кіевскаго, 141, 142.

— Андрей Өеодоровичъ, его сынъ, подстароста Винницкій, и жена послѣдняго Марья Романовна Гостская, 140—143.

— Григорій Пашкевичъ и жена его Ганна Щастновна Верещака, 190.

Еловицкій Антонъ Гнѣвошевичъ, земянинъ Волынскій, 79.

Еловичи-Букоемскіе (иначе **Елы-Букоемскіе**), земяне Волынскіе:

— Григорій, бирчій господарскій, 202, 205.

— Иванъ, 362; его „стрыечная" сестра Ганна Григорьевна—за п. Гавриломъ **Бронницкиимъ** (см. это имя).

— Иванъ Матвѣевичъ (можетъ быть, одно лицо съ предыдущимъ), 635, 636.

Еловичи-Малинскіе (иначе **Елы**, **Еловичи** и просто **Малинскіе**, земяне Волынскіе:

— Михайло, маршалокъ королевскій, 45, 83, 85, 126, 128, 131, 202, 205, 206, 208, 217, 222, 234, 240, 242.

— Константинъ Михайловичъ, сынъ его, 234—253.

— Жена Константина, княжна Марія (иначе Марина) Андреевна Масальская, 234—238, 240—254, 299—300.

— Евстафій, судья гродскій Луцкій, 362, 383, 411, 503, 506, 507, 629, 632. Онъ же **Евгеній**, уніатскій епископъ Луцкій и Острожскій, 546—547, 548—550, 560.

— Матвѣй, секретарь королевскій, 429, 430.

Есенницкій—см. **Ясениницкій**.

Есифовичъ Карпъ, земянинъ Волынскій, 31.

— Олена Карповна, дочь его,—за п. Василіемъ **Семашкомъ**, потомъ за п. Иваномъ **Чапличемъ** (см. эти имена).

Ж.

Жабокрицкій Иванъ Ивановичъ, земянинъ Волынскій, и его жена Катерина Промчейковна, 109—112.

— Сыновья ихъ: Дмитрій, Янушъ и Василій, 110—111.

— Александръ N, 533.

Жарновскій Матвѣй, шляхтичъ, 500.

Жижемскій князь Адамъ, 535—536.

Жирицкій (иначе **Жикрицкій**) Андрей, возный пов. Луцкаго, 430, 500, 506.

Журавницкіе, земяне Волынскіе:

— Маркъ Васильевичъ, впослѣдствіи нареченный епископъ Луцкій и Острожскій, 23, 32.

— Сыновья его: Василій Марковичъ и жена его Анна Яновна Печихвосткая, 195—197.

— Александръ Марковичъ, ключникъ и городничій Луцкій, а впослѣдствіи и староста Луцкій, 301, 315—316, и жена его Ганна Ивановна Борзобогатовна-Красенская, по 1-му браку Янушевая Гулевичъ, 316.

— Михайло N, подкоморій Луцкій, 317.

— Адамъ N и его жена Настасья Козинская, 537.

Жуковецкій Иванъ, возный пов. Луцкаго, 371, 474.

З.

Заболоцкій—см. **Визгердъ-Заболоцкій.**

Завальскій Григорій, земян. Вол., 566.

Завацкій Войтехъ, шляхтичъ, 598.

Завиша Романовичъ, земян. господарскій, 4.

Загоровскіе, земяне Волынскіе:

— Петръ Богдановичъ, маршалокъ королевскій, 78, 138, 225, 344.

— Василій Петровичъ, его старшій сынъ, маршалокъ королевскій, городничій Владимірскій и наконецъ каштелянъ Брацлавскій, 76—80, 101, 131, 147—168, 206—208, 209—211, 296—298, 337, 338—339, 340—343, 344—346, 347, 348, 349.

— Его первая жена, съ которою онъ потомъ развелся, княжна Маруша (иначе Марина) Николаевна Збаражская, 76—80, 147—168, 336—337, 338—339, 340—343, 345, 347, 348—349.

— Дочь отъ этого брака Ганна Васильевна, 339—343, 348—349.

— Вторая жена Василія Петровича, княжна Катерина Ивановна Чорторыйская, 206—207, 209—210; 297—298; 338, 340—343, 344—346, 347, 348—349.

— Сынъ отъ этого брака Василій Васильевичъ, 453.

— Янъ Богдановичъ, братъ Петра, 12—13; его жена Θеодора Боговитиновна, 12—13, 286—287.

— Михаилъ Яновичъ, сынъ ихъ, 286—287, 321.

— Олехно Богдановичъ (братъ Петра и Яна) и его жена княжна Софья Михайловна Жеславская, 297.

— Петръ Александровичъ, внукъ Петра Богдановича, подсудокъ Владимірскій, 621, 622, 623.

— Романъ (Θеодоровичъ или Андреевичъ), двоюродный братъ предыдущаго, стольникъ Черниговскій, 614, 621, 622, 623.

Заецъ Богданъ, шляхтичъ, 533.

Заленскій („зъ Слубицъ") Андрей, судья земскій Владимірскій, 535.

Заленскій Семенъ, шляхтичъ, 581.

Заремба Васко, шляхтичъ, 417.

Зарицкій—см. **Юразичъ-Зарицкій.**

Зарубейко Гринъ, бояринъ, 92.

Заславскій князь Янушъ Янушевичъ, воевода Волынскій, 529, 530, 531.

Защинскій Станиславъ, шляхтичъ, 404.

Заяцъ-Луковскій Богушъ, земян. Волынскій, 76, 77, 152—154.

Збаражскіе князья на Волыни:

— Миколай Андреевичъ, староста Кременецкій, 76, 77, 78, 79, 149—161.

— Его жена Анна Деспотовна, въ 1-мъ бракѣ бывшая за княземъ Θедоромъ Андреевичемъ Сангушкомъ, 76, 147—148.

— Янушъ Миколаевичъ, сынъ предыдущаго, воевода Брацлавскій,

староста Кременецкій и Пинскій, 77, 78, 163, 164, 166, 226, 336—337, 424, 433.

— Маруша (или Марина) Миколаевна—за п. Василіемъ **Загоровскимъ** (см. это имя).

— Степанъ Андреевичъ, братъ Миколая, воевода Витебскій, 78.

Збаражскіе изъ Ворончина **Воронецкіе**—см. князья **Воронецкіе**.

Збицкій Матей, земян. воеводства Берестейскаго, 331.

Зброжекъ Андрей, шляхтичъ, 578.

— Рафаилъ, шляхтичъ, 613.

— Станиславъ, бургграбій замка Луцкаго, 595.

Збѣрожскій Василій Аѳанасьевичъ, земян. повѣта Берестейскаго, и жена его Елена Семеновна Бокіевна, 68—70.

Звертишковичъ Иванъ Львовичъ, шляхтичъ, 231.

Згличинскій Павелъ, шляхтичъ, и его жена Ганна Монтовтъ, по 1-му браку княжна Богушевая Любецкая, по 2-му—княжна Васильевая Сокольская, по 3-му—Казимировая Ледницкая, 249, 469—472.

Зеленскій Миколай, шляхтичъ, 304.

Зеновичъ-Полчицкій Леонтій, епископъ Холмскій и Белзскій, 343, 347

Злонскій Станиславъ, шляхтичъ, 131—132.

Зорка, слуга князя Конст. Острожскаго, и его жена Марушка Ильяшовна, мѣщанка Туровская, 633—634.

Зыкгармистръ Янъ, райца Острожскій, 599.

Зыкъ-Князскій Тимоѳей, земян. Вол., 373.

Зыковичъ-Князскій Петръ, городничій Луцкій, судья гродскій Владимірскій, 620.

И-І.

Иваницкій Лазарь Лавриновичъ, судья гродскій Владимірскій, 93—96, 287; 324, 326. Его жена Настасья Есифовна Немиричъ, 93—96.

— Татьяна Лавриновна, его сестра,—за п. Сем. **Ласковичемъ-Чернчицкимъ** (см. это имя).

Ивановичъ Кондратъ, дьякъ королевской канцеляріи, и жена его Опрахна Григорьевна, 365—366.

Иванъ, священникъ Михайловской церкви въ м. Клевани, 345.
Иржищовскій Θедоръ Львовичъ, земянинъ Вол., 396, 408.
Іона, архимандритъ Жидичинскій, 90.
Іона Борзобогатый-Красенскій, епископъ Луцкій и Острожскій, архимандритъ Жидичинскій, 264, 271.
Іосифъ, епископъ Владимірскій и Брестскій, 28.

К.

Кавачинскій Гекторъ, староста Олыцкій, 208.
Кавезскій Станиславъ, шляхтичъ, и жена его Настасья Васильевна Хребтовичъ-Богуринская, 430—431.
Казановскій Бартошъ, подстароста Любельскій, 529.
Калусовскій Иванъ Петровичъ, зем. Вол., 120; судья гродскій Владимірскій, 159, 167, 168, 182, 287, 323.
— Θедоръ, земян. Волынскій, 208.
Каменецкій Янъ, бургграбій Владимірскій, 525.
Каменскій Миколай, подстароста Житомирскій, 441, 443.
Камка Юшко, земянинъ повѣта Владимірскаго (XV в.), 627.
Капуста князь Андрей Тимоѳеевичъ, каштелянъ Брацлавскій, староста Овруцкій, 141.
Карботъ Михаилъ, писарь гродскій Житомирскій, 590.
Касиновскій Матіашъ и его братъ Якубъ, шляхтичи, 536.
Касперскій Янъ, шляхт., и жена его Марина Ивановна Подгороденская, по 1-му браку Семенова Пузовская, 310—314.
Каспоръ, мѣщан., и жена его Гальшка Рупинская, 334—336.
Качановскій Петръ, возный воеводства Волынскаго, 586.
Керсновскій Андрей, возный Кременецкаго пов., 407.
Киверецкій Андрей, земян. Волынскій, подстароста Луцкій, 189, 253, 282, 301.
Кизаровичъ Филонъ, архимандритъ Овруцкихъ монастырей, намѣстникъ Кіево-Печерскаго монастыря, 594.
Кирдѣевичъ Грицько, земян. Волынскій, (XV в.), 1—2.
— Гальшка, его дочь,—за княземъ Дмитромъ **Порыцкимъ** (см. это имя).

Кирдѣй-Мнишинскій Иванъ, земян. Волынскій, 178, 233, 423.

Кирдѣй-Мыльскій Петръ, земян. Вол., маршалокъ господарскій, 23, 32, 73—75, 83, 85.

— Олизаръ Петровичъ, маршалокъ королевскій, 75, 90, 307, 345.

— Иванъ Петровичъ, братъ предыдущаго, 75.

— Маруша Петровна, ихъ сестра,—за Холмскимъ подчашимъ Яномъ **Крупскимъ** (см. это имя).

— Юрій, земянинъ Волынскій, 456.

Кисель Петръ, земян. Волынскій, 219, 220.

— Григорій Гнѣвошевичъ, зем. Вол., 226—228.

Кисель-Дорогиницкій Тихно, земян. Волын., 11.

Кисель-Низкиницкій Григорій, подсудокъ земскій Владимірскій, 535.

Кичинскій Станиславъ, шляхтичъ, 261.

Клавша Миско, земян. Волынскій, 219, 220.

Клементовичъ Савва, священникъ церкви св. Юрія, въ м. Устилугѣ, 309—310.

Кличевскій Павелъ, бурграбій Владимірскій, 534.

Клищицкій Андрей, возный Вол. воеводства, 556.

Клопотовскій Адамъ, ксендзъ м. Порыцка, 347.

Клюйвода Юско, возный воеводства Вол., 535.

Клюскій Матвѣй, земянинъ Волынскій, 189.

Кнегининскій (или **Княгининскій**) Богданъ Олехновичъ, возный пов. Луцкаго, 130, 131, 132, 133, 209, 297.

— Стефанъ, земянинъ Волынскій, 415, 430.

Князскій Ѳеодоръ, земян. Волынскій, 405.

Кобринецъ Янушъ, слуга, гайдукъ панскій, 521—522.

Кобринскій князь Иванъ Семеновичъ и жена его Ѳедка, дочь п. Ивана Рогатинскаго, 4.

Кобыльскій Станиславъ, шляхтичъ, 246.

Ковальскій Миколай, земян. Вол., 417.

Ковзскій Станиславъ, шляхтичъ, 436.

Кожуховскій Василій, земянинъ Волынскій, 381, 382, 383—384.

Козинскіе, земяне Волынскіе: Михайло Тихновичъ, городничій и под-

староста Владимірскій, потомъ каштелянъ Луцкій, 23, 36, 38, 79, 635.

— Его сестра Ганна Тихновна—за п. Ероѳеемъ **Гостскимъ** (см. это имя).

— Семенъ, 191, 194, 321.

— Олехно Гринковичъ, 64.

— Дмитро Олехновичъ, сынъ его, 32, 67.

— Овдотья Олехновна, сестра Дмитра,—за княземъ Яковомъ **Кроткой-Еловицкимъ** (см. это имя).

— Иванъ Романовичъ, 537.

— Настасья Романовна, сестра его, — за п. Адамомъ **Журавницкимъ** (см. это имя).

— Павелъ (отчество не извѣстно), 364.

— Софья—за п. Томиломъ **Вороною-Боротинскимъ** (см. это имя).

Козѣка князь Андрей Михайловичъ, 28.

— Его жена княгиня Настасья Кирдѣевна, 224.

— Дмитрій Андреевичъ, сынъ ихъ, 223—225, 275—277.

— Олена Андреевна, сестра Дмитрія,—за зем. Богданомъ **Сватковичемъ-Хренницкимъ** (см. это имя).

Коиленскій Жданъ, земянинъ Волынскій, 159, 226.

Коледа Василій, писарь королевской канцеляріи, 181.

— Богдана Евфимовна, жена его, мѣщанка Кіевская, 181.

Колмовскій Григорій Енковичъ, зем. Вол., 283—285.

— Марина Дмитріевна княжна Буремская, жена его, 283—285.

Коломыйскій Станиславъ, возный пов. Луцкаго, 371, 372, 412.

Колонтай Борисъ Ѳедоровичъ, мостовничій господарскій (Слонимскій?), 9.

Колпытовскій (или **Ковпытовскій**) Остафій, земян. Вол., 296.

— Константинъ, зем. Вол., 542—544, 554, 557.

— Жена его Анна Костюшковичевна-Хоболтовская, 543, 546—547, 551, 555, 557, 564.

— Дочери ихъ: Ѳеодора Константиновна—непризнанная жена князя Юрія **Чорторыйскаго** (см. это имя).

— Овдотья Константиновна—за п. Мартиномъ **Линчевскимъ** (смотр. это имя).

— Сыновья: Александръ—561 и Политанъ Константиновичи—555, 557—558.
Комнацкій Валентъ, земян. Вол., 347.
— Янъ, возный воеводства Волынскаго, 544, 558.
Комовскій Войтехъ, шляхтичъ, 431.
Коморовскій Андрей, шляхтичъ, 619—620.
Кондратовичъ Юрій, дворянинъ королевскій, 4.
— Савва, бояринъ Вол., 169—170.
Копоть-Бережецкій Миколай, земян. Вол., 491.
Копыльскій Константинъ, земян. Вол., 404.
Кордышъ Филонъ, землнинъ повѣта Винницкаго, 143.
Корецкій князь Богушъ Ѳедоровичъ, воевода Волынскій, староста Луцкій, Браславскій и Винницкій, 102, 125, 126, 127, 130, 263, 265, 270, 280, 290—294.
— Сынъ его, князь Якимъ Богушевичъ, 290—294, 356.
— Его жена Ганна Іеронимовна Ходкевичъ, 290—294.
Коровай Андрей, земян. Вол., дворянинъ господарскій, 11.
Коровай-Селецкій Андрей, зем. Вол. (можетъ быть, одно лице съ предыдущимъ), 215.
— Остафій Андреевичъ (**Короваевичъ**), 104—108.
— Жена его Гальшка Ивановна Покотило-Пятигорская, 105—108.
Корытенскій Гаврило, бурграбій Луцкій, 39, 599.
— Михайло, писарь земскій Луцкій, 72, 139, 263.
— Павелъ, землнинъ Волынскій, 253, 267.
Корытко Бартошъ, писарь земскій Львовскій, 197.
Косовскій Станиславъ, землнинъ Вол., 546.
Костюшковичъ-Хоболтовскій Петръ, зем. Вол., 26, 111, 159, 189.
— Богданъ, судья земскій Владимірскій, 117, 227, 307.
Котельницкій Филонъ, земян. Волынскій, 412.
— Ярошъ, возный Владимірскаго повѣта, 312.
Кохановскій Адамъ, судья земскій Люблинскій, 529.
Кохновичъ Василій, шляхтичъ, 602—603.
Кошиковскій Юрій, бурграбій Луцкій, 470, 473.

Красицкій Миколай, бискупъ Аргивенскій, суффраганъ Луцкій, инфулатъ Олыцкій, 604—605, 606, 607, 608—609, 611, 612.
Красносельскій Романъ, земянинъ пов. Винницкаго, 143.
Красовскій Войтехъ, воротный замка Луцкаго, 51, 67, 91.
— Василій, зем. Вол., женатый на княжнѣ Марухнѣ Яковлевнѣ Крокоткѣ-Еловицкой, 65—66.
— Овдюхна, дочь его, 65.
Криницкій Войтехъ, шляхтичъ, 456.
Крокотка-Еловицкій князь Яковъ Васильевичъ, 63—67.
— Овдотья Олехновна Козинская, его жена, 64, 65, 66.
— Марухна Яковлевна, старшая дочь ихъ,—въ 1-мъ бракѣ за паномъ Василіемъ Красовскимъ, а во 2-мъ—за п. Василіемъ Привередовскимъ, 66.
— Другія дочери князя Якова: Марухна, Настасья, Ганна, Маска и Пелагія—66.
Кропивницкій Александръ, писарь земскій Брацлавскій, 541.
Крупскій Янушъ, подчашій Холмскій, и жена его Маруша Петровна Кирдѣевна, 73—75.
— Еронимъ, шляхтичъ, и его сыновья: Мальхеръ и Янъ—310.
Крупскій князь Андрей—см. **Курбскій**.
Крушъ Францъ, шляхтичъ, 97—101, 197, 202, 205, 231, 318.
— Его жена Галена Станиславовна Залеская, по 1-му браку княгиня Матушевая Александровна Порыцкая, 96—101.
Кукольскій Петръ, шляхтичъ, 489.
— Андрей, шляхтичъ, 634, 635.
Куликъ Богданъ, земян. Волынскій, 517.
Курбскій (Крупскій) князь Андрей Михайловичъ, 405.
Курковскій Михаилъ, шляхтичъ, 599.
Курцевичи князья: Александръ, подстароста Владимірскій, 309, 311, 339, 344, 365, 417.
— Константинъ Дмитріевичъ, подстароста Владимірскій, 324, 336, 351, 355.
— Өеодоръ, подстароста, потомъ судья гродскій Владимірскій, 338, 344, 419.

Кучковскій Иванъ, возный Вол. воеводства, 611.
Кушка Андрей, шляхтичъ, 433, 434, 435.
Куявинская Зузанна, мѣщанка Острожская, 600—601.

Л.

Лабунскій Михайло Богухваловичъ, земян. Вол., 46—48.
— Жена его Марья (Марина) Михайловна Гулевичъ, 46—48.
— Крыштофъ, зем. Вол., 431.
Лагодовскій Янъ, зем. Вол., 79, 526, 527.
Лазовскій Өеодосій, епископъ Владимірскій и Брестскій, 160, 161, 260, 261—262, 337, 338—339, 340—343, 345, 348—349, 351, 355, 365—367.
Лайщевскій Щастный-Збожный, подсудокъ Сохачевскій, подстароста Луцкій, 603.
Ламанъ N, хоружій Луцкій, и братъ его Лазарь, 1.
Ласкій Альбрехтъ, воевода Сѣрадскій, 73, 75.
Ласко, земянинъ Владимірскаго повѣта (XV в.), 627.
Ласко—или **Ласковичъ-Чернчицкій** Семенъ, земян. Вол., 117—119, 152, 287, 288—289, 324, 326, 636.
— Жена его Татьяна Лавриновна Иваницкая, 326.
— Ихъ дочь Марія—за зем. Лавриномъ **Оранскимъ** (см. это имя).
Лащъ Бартошъ, шляхтичъ, 426.
— Жена его Ганна Михайловна Боговитиновна-Шумбарская, 426, 428.
Лащъ-Степанковскій Станиславъ, войскій Городенскій, 74, 75.
Лащъ-Стремилецкій Андрей, зем. Вол., 202, 205, 226.
Левко, священникъ Вербскій (XV в.), 628.
Ледницкій Казимиръ, шляхтичъ, 17, 180, 472.
— Ганна Монтовтъ, его жена, 17—23, 180, 249.
Лесковскій Якубъ, земян. Волынскій, 210, 211.
Лешневскій Матей, шляхтичъ, 476.
Линевскій Война, земян. Вол., 192, 193, 194.
— Михайло, 191, 194.
— Андрей, судья земскій Луцкій, 582, 604, 605, 607, 610, 611.

— Сынъ Андрея N, 605, 607, 610.
Линчевскій Мартинъ, шляхтичъ, 557. Его жена Овдотья Колпытовская, 555, 557.
Липлęнскій (и Липлинскій) Богушъ, земян. Вол., 256, 402—403.
Липскій Святославъ, подстароста Белзскій, 386.
Лисовицкій Михаилъ, шляхтичъ, 595—597.
Литаворы—см. **Хребтовичи-Литаворы**.
Лобосъ Зинко, землянинъ Вол., 431.
Лонцкій Матей, писарь гродскій Кременецкій. 340—342, 430, 437, 438, 439.
— Его жена Марина Максимовна княжна Сокольская, 436—437.
Лосятинскій Григорій, подстароста Кременецкій, 424, 430.
Лубенецкій Василій, бояринъ Вол., 162, 163, 164, 165.
Лудовичъ Петръ, земян. Вол., 480, 483.
Лукаревскій Юрій, землянинъ Вол., 583—587.
— Александръ и жена его Урсула Якубовская, 583—587.
Лукомскій Янъ, шляхтичъ, 486.
Лысаковскій Миколай, каштелянъ Любачовскій, 79.
Любецкій князь Богушъ Дмитріевичъ, 80; жена его Ганна **Монтовтъ** 80—81.
— князь Романъ Васильевичъ, 183.
— Ганна Романовна—за п. Миколаемъ **Остиковичемъ**, а во 2-мъ бракѣ за княземъ Павломъ **Соколинскимъ** (см. эти имена).
Лясковскій Кириллъ, игуменъ Пересопницкій, 344—346.
Лясота (Александръ), земян. Вол., 488.
Ляховскій Михайло, земян. Вол. (XV в.), 2.

М.

Маевскій Адамъ, возный повѣта Луцкаго, 246.
— Станиславъ Яцковичъ, землянинъ Вол., 536.
Макарій, митрополитъ Кіевскій, Галицкій и всея Руси, 8—10.
Макарскій Александръ, земян. Вол., 595—597.

— Его жена Өеодора, по 1-му браку Подберезская, по 2-му Яновая Путошинская, 595—597.

Маковецкій Францъ, шляхтичъ, 385.

Малиновскій Александръ, бургграбій Луцкій, 583, 588.

Малинскіе—см. **Еловичи-Малинскіе.**

Малоөеевичъ Иванъ, сынъ священника Пятницкой церкви въ г. Владимірѣ-Волынскомъ, 566—567.

— Его дочери: Ганна—за священникомъ той же церкви Михаиломъ **Самсацкимъ** (см. это имя).

— Олена—за п. Моисеемъ Яковлевичемъ, 566—567.

— Гася—за Михайломъ **Пѣшкевичемъ** (см. это имя).

Малхеровичъ Войтехъ, райца Острожскій, 599.

Малюшицкій Геліашъ, бургграбій Луцкій, 614, 616, 619.

Марковскій Романъ Васильевичъ, земян. Вол., 192, 259.

— Янъ, зем. Вол., 622.

Мартиновичъ Леонтій, священникъ церкви св. Симсона въ м. Камнѣ-Коширскомъ, 365—367.

— Щастный, служебникъ воеводы Брестскаго Юрія Тишковича, 134, 137.

Мартишевскій Балцеръ, шляхтичъ, 432—435, 436—437, 438—440.

— Его жена Софья Максимовна княжна Сокольская, 433—435, 436, 437, 438—440.

Масальскіе князья: Богданъ, 35.

— Иванъ (Петровичъ?), 37.

— Андрей Петровичъ, 87—90, 237, 238, 240, 248, 249, 250, 252.

— Его жена Ганна Богдановна Путятична, бывшая въ 1-мъ бракѣ за п. Богданомъ Семашкомъ, 86—90, 234—242, 415—416.

— Ихъ дочь Марія (иначе Марина)—за п. Константиномъ **Еловичемъ-Малинскимъ** (см. это имя).

Масло-Гавенскій Крыштофъ, дворянинъ королевскій, 143.

Матчинскій Касперъ, шляхтичъ, 533.

Матышинскій Янъ, шляхтичъ, 527, 528.

Мацієвскій Бернатъ, бискупъ Луцкій и Берестейскій, 470.
Мацковичъ Андрей, земянинъ Новогродскаго повѣта, и его жена Богдана Юрьевна, 18.
— Олена Андреевна, ихъ дочь,—за п. Яномъ Якубовичемъ **Монтовтомъ** (см. это имя).
— Василій Андреевичъ, братъ ея, 17, 20, 23, 24.
Медведскій Ципріанъ, шляхтичъ, 553.
Медвѣдь-Залѣскій Станиславъ, шляхтичъ, 28, 35.
Мезоцкій Ѳеодоръ Павловичъ, земянинъ Вол., 108.
Мелешко Иванъ, земян. Вол., и жена его Настасья Васильевна Тишковичъ, 134—137.
— Марина Ивановна, ихъ дочь,—за земян. Вол. Прокопомъ **Волчкомъ Жасковскимъ** (см. это имя).
Мелешко-Микулинскій Василій, земян. Вол., 538.
Менжинскій Мартинъ, шляхтичъ, 391.
Мечникъ Лавринъ, лавникъ Острожскій, 599.
Миколай, войтъ Владимірскій (XV в.), 628.
Мировицкій Василій, земян. Вол., 309.
Мироевскій Янъ, шляхт., и жена его Раина Павловна Заболоцкая, 360—361.
Мисевскій Адамъ, земянинъ Волынскій, 336.
— Андрей, 569.
Михайловичъ Гринько, войскій и подстароста Слонимскій, 9.
Мишковичъ Янъ, ловчій королевскій (XV в.), 4.
Мложовскій Петръ, писарь гродскій Луцкій, 371, 411, 415.
Мнишковскій Янъ, шляхтичъ, 202.
Могила Петръ, митрополитъ Кіевскій, 591, 594.
Могиленскій Марко, возный воев. Волынскаго, 546, 549, 552.
Модринскій Габріель, шляхтичъ, и жена его Катерина Граевская, 538—541.
Мокосій-Баковецкій Іосифъ, епископъ (уніатскій) Владимірскій и Брестскій, 622.
Мокренскій Демьянъ, возный земскій пов. Владимірскаго, 261. 300, 372, 438, 633.

Монвидъ-Дорогостайскій Павелъ, землн. Вол., 495, 501, 502, 503, 506—516.

— Галена, его сестра,—за зем. Щаснымъ **Харлинскимъ** (см. это имя).

— Людмила Ириковна, ихъ мать, 496, 501.

Монтовтъ-Коблинскій Янъ Якубовичъ, зем. Вол., 17—24, 80—81, 202, 205, 249.

— Жена его Олена Андреевна Мацкевичевна, 17—24.

— Ганна Яновна, дочь ихъ,—въ 1-мъ бракѣ за княземъ Богушемъ **Любецкимъ**, во 2-мъ—за княземъ Василіемъ **Сокольскимъ**, въ 3-мъ—за шляхт. Казимиромъ **Ледницкимъ** и въ 4-мъ—за шляхт. Павломъ **Зглячинскимъ** (см. эти имена).

— Андрей Якубовичъ, братъ Яна, 23.

Мороховскій Іоакимъ, уніатскій епископъ Владимірскій и Брестскій, 550—552, 555, 557, 559—560, 561—563, 564, 565.

Мощеницкій Олехно, землн. Волынскій, 265.

Мрозовскій Янъ, шляхтичъ, 551, 581—582.

— Его жена Анна, мѣщанка Владимірская, 581—582.

Мрочко, бояринъ Кобринскій (XV в.), 4.

Мудрейко Мартинъ Михайловичъ, дворянинъ господарскій, 9.

Мукосѣевичъ Гринко, землн. Волынскій (XV в.), 3.

Мутыкальскій Оникій, землн. Волынскій, 492—493.

— Ганна Гавриловна Еленская, его жена, 492—493.

— Стефанъ, ихъ сынъ, 492—493.

Мышка-Варковскій Михайло, каштелянъ Волынскій, староста Овручскій, потомъ Гомельскій, 46—47, 285, 307, 364, 423.

— Абрамъ, сынъ его, староста Овручскій, 423.

Н.

Надъ Янушъ, венгринъ, слуга панскій, и его жена Анна Едомская, дочь боярина Вол., 525—528.

Напольскій Янъ, шляхтичъ, 595, 407.

Насончикъ Никифоръ, войтъ Горуховскій, 398, 408.

Немиричъ Есифъ Ивановичъ, судья земскій Кіевскій, 93—96, 419, 420, 421, 443. Его жена Богдана Бабинская, 421.

— Андрей Есифовичъ, земянинъ Кіевскій, сынъ его, 419—423.

— Марина Хребтовичевна-Богуринская, (сестра епископа Мелетія), 419—423.

— Матвѣй Есифовичъ, земян. Кіевскій, братъ Андрея, 443—446.

— Его жена Ева Васильевна Раевна, по разводѣ съ нимъ вышла за зем. Григорія **Бутовича** (см. это имя).

— Настасья Есифовна—за п. Лазаремъ **Иваницкимъ** (см. это имя).

Неосинскій Станиславъ, шляхтичъ, 297.

Непокойчицкій Николай, зем. Кіевскаго воеводства, 594.

— Янъ, земянинъ того же воеводства, 536.

Несвицкій (Несвѣцкій и Несвичскій) Ильяшъ Богушевичъ, земянинъ Волынскій, 51—62.

— Дочь его Богдана, 51—62.

Нешковскій Стефанъ, староста Торчинскій, 296.

Новицкій Грицко, служебникъ княгини Маруши Збаражской, 163, 164, 165.

Новоселецкій Дмитрій, возный пов. Луцкаго, 179.

О.

Обухъ-Вощатинскій Григорій, земян. Вол., бургграбій Володимірскій, 478, 486, 492.

— Иванъ, земян. Вол., 159, 166.

Овлочимскій Юрій, земян. Вол , 493.

Огродзевскій (иначе **Огродзинскій**) Якубъ, шляхтичъ, 531, 537.

Окорскіе, земяне Волынскіе: Иванъ—26, Олехно и его братья: Иванъ и Юрій—272.

Окуличъ Янъ, шляхтичъ, 338.

Олешковскій Григорій, земян. Вол., 347.

Олизаровичъ Сенко, намѣстникъ Берестейскій; его дочь N—за п. Богданомъ Мартиновичемъ Хребтовичемъ, 5—6.

Олизаровскій Олехно, земянинъ Вол., 255—256.

— Андрей Олехновичъ, сынъ его, и жена Андрея, Өеодора Олехновна Бѣлостоцкая, 255—256.

Олизаровскій Василій, земян. Вол., 373, 375, 378, 388, 390, 391, 393, 397.

— Братья его: Өедоръ, Андрей и Левко, 391—393, 407.

Олизаръ-Волчковичъ Адамъ, земянинъ воев. Кіевскаго, 486.

Олшамовскій Адамъ, бурграбій Луцкій, 490, 494.

— Марціанъ, бурграбій и намѣстникъ подстароства Луцкаго, 546, 573.

Омеляновичъ Богданъ, староста Степанскій, 456.

Омецинскій Янъ, шляхтичъ, 569.

Онисифоръ (Дѣвочка), митрополитъ Кіевскій, 343, 348—349.

Онисковичъ Сакъ, дьякъ церкви св. Пятницы въ г. Владимірѣ, и его жена Галена Яковлевна, 567—568.

Оранскій Семенъ Григорьевичъ, дворянинъ королевскій, 117, 287, 324—331.

— Лавринъ Семеновичъ, его сынъ, земянинъ Вол., 117—120, 287, 325, 326.

— Жена Лаврина, Марья Семеновна Ласковичъ-Чернчицкая, 117—120, 287, 324—331.

— Ихъ дѣти: Михаилъ, Павелъ, Марухна и Өеодора, 325, 329.

Оранскій Тихно Андреевичъ, возный Владим. пов., 150, 159, 164, 191.

Оранскіе, земяне Волынскіе: Григорій Семеновичъ—150; Павелъ Григорьевичъ—150, 182, 191, 226; Михаилъ (не **Лавриновичъ**) 324, 326, и Юрій, возный пов. Владим., 165.

Орловскій Станиславъ, шляхтичъ, 438.

Орѣховскій Янъ, подкоморій Холмскій, 74, 75.

Останко—(**Останковичъ**) **Гуляльницкій** Иванъ Михайловичъ, земянинъ Вол., 278—279.

— Өеодора Игнатьевна Гуляльницкая, его жена, бывшая потомъ въ замужествѣ за зем. Олехномъ Гуляльницкимъ, 278—279.

— Дѣти ихъ: Татьяна и Оксимья, 279.

Остикъ (иначе **Остиковичъ**) Миколай Юрьевичъ, зем. Вол., 14—16, 182, 183.

— Его мать Ганна Литаворовна-Хребтовичевна, 15.
— Его жена Ганна Романовна княжна Любецкая, по 2-му браку княгиня Павловая Соколинская, 14—16, 185, 187.
— Ганна Миколаевна, ихъ дочь,—за княземъ Львомъ **Сангушкомъ-Коширскимъ** (см. это имя).
Острожецкій князь Ѳедоръ Петровичъ, 45.
Острожскій князь Константинъ (Василій) Константиновичъ II, воевода Кіевскій, маршалокъ Волынской земли, староста Владимірскій, 161, 447—449, 450, 633.
— Его сыновья: Константинъ Константиновичъ III, крайчій вел. кн. Литовскаго, староста Владимірскій, 350—355, 357.
— Жена его Александра Васильевна Тишкевичовна, дочь воеводы Смоленскаго, 350—355.
— Янушъ Константиновичъ, воевода Волынскій, 447—448.
— Жена его княжна Зузанна Шередій, 447—449.
Охлоповскіе, земяне Волынскіе:
— Якимъ—369, 370.
— Іона Якимовичъ, сынъ его, 367—380, 383, 385, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 397, 398, 400, 405, 408—413, 414.
— Константинъ Якимовичъ, 368, 370, 371, 372, 408, 414.
— Савва Якимовичъ, 368—370, 371, 372, 408, 410, 414.
— Борисъ, племянникъ Якима, 368—382, 383—384, 385—408, 409, 414.
— Жена его Настасья Михайловна Ощовская, 368—382, 383—384, 385—408, 409—411, 414—415.
— Опрахна, сестра Бориса,—за земян. Михномъ **Порванецкимъ** (см. это имя).
— Иванъ, возный Владим. пов., 152, 153.
Ощовскіе, земяне Волынскіе: 368, 369, 375, 376, 388.
— Михно (Михаилъ) Ивановичъ, подстароста Луцкій, 18, 32, 33, 50.
— Сыновья его: Василій, 387, 388, 389, 392, 394, 403, 404, 407, 409—411, 470.
— Микита, 256, 387, 388, 389, 392, 403, 404, 407, 409—411.

— Томко, 396, 403, 407, 414.
— Яковъ, 384, 414.
— Настасья Михновна—за п. Борисомъ **Охлоповскимъ** (см. это имя).
— Иванъ Ивановичъ, 394.

П.

Павловичъ Михно, бояринъ господарскій Красносельскій, 52.
— Михайло, подстароста Владимірскій (кажется, одно лице съ предыдущимъ), 134, 147, 152, 153, 167, 168.
— Василій, 197—199, 253.
— Жена его Настасья Петровна Семашковна, 197—199.
— Демянъ, 412.
— Иванъ, 178.
— Янъ (кажется, одно лице съ предыдущимъ), 531—533.
— Жена Яна Катерина Шацкая, по 1-му мужу княгиня Яновая Ружинская, 532—533.
— Шимонъ, его жена N и сынъ Даніилъ, 598—599.
Павша Богухвалъ Михайловичъ, писарь земскій Кіевскій, 141, 143.
Паевскій Войтехъ, шляхтичъ, 159, 166.
Паленица Өедоръ, лавникъ Острожскій, 599.
Палускій Миколай, шляхтичъ, 226, 297.
Панковскій Янъ, шляхтичъ, и его жена княжна Катерина Васильевна Ружинская, 121—122.
Патрикій-Курозвонскій Иванъ Васильевичъ, подкоморій Кременецкій, 81—86, 280—282.
— Олена Романовна Цатянка, 1-я жена его, 81—86.
— Пелагея Матьясовна, 2-я жена его, въ 1-мъ бракѣ бывшая за земяниномъ Романомъ Өедоровичемъ Гулевичемъ, 281—282.
Пацъ Янъ, воевода Минскій, тивонъ Виленскій, староста Каменецкій и Довгялижскій, 529, 629, 632.
Перевѣскій Романъ, писарь замковый Луцкій, 35.
Перекладовскій Богданъ, зем. Волынскій, 210—211.
Перехриста Иванъ, балвиръ (фельдшеръ-цырюльникъ) Горуховскій, 408.

Петничанскій Миско, войскій Винницкій, 143.
Петровскій Станиславъ, подстароста Луцкій, 27, 33, 73, 334, 349, 356, 360, 362, 383, 459—461, 632.
— Его жена (разведенная) Дорота Ратошинская, 459—461.
Печихвостскій Янъ, стольникъ земли Львовской, 195.
— Его дочь Ганна — за земян. Василіемъ **Жоравницкимъ** (см. это имя).
Пещинскій Янъ, возный Луцкаго повѣта, 436.
Пивовая Софья Станиславовна, земянка Волынская, 97.
Пигловскіе, шляхтичи, Янъ и Мартинъ, 594.
Писочинскій Григорій, земянинъ Волынскій, 452.
Плонскій Валентій, шляхтичъ, 320, 408.
— Войтехъ, шляхтичъ, 414.
Плотницкій Илья, возный Кременецкаго повѣта, 586.
Повченскій Самоилъ, земянинъ Волынскій, 456.
Подгороденскій Семенъ Григорьевичъ, зем. Волынскій, 171—173.
— Дочь его Ганна—за зем. Василіемъ **Шпаковскимъ** (см. это имя).
Подмокловичъ Маркъ, священникъ с. Бискупичъ, Владим. пов., 348.
Покотило-Петигорскій Иванъ, земянинъ Волынскій, 104—106.
— Жена его Ганна Юхновна, 105—106.
— Сыновья: Богданъ и Иванъ, 105, 106.
— Дочь Гальшка—за земян. Остафіемъ Андреевичемъ **Короваевичемъ-Селецкимъ** (см. это имя).
Полубенскій князь Василій Андреевичъ, маршалокъ Литовскій, 6—7.
— Ганна, дочь его, за княземъ Александромъ **Сангушковичемъ-Коширскимъ** (см. это имя).
— Александръ (безъ княжескаго титула), 536.
Понитовскій Миколай, возный воеводства Волынскаго, 586.
Поплавскій N; его жена Ориша Петровна Доброницкая, 492.
Поповка-Гуляльницкій Яцко Өедоровичъ, земян. Волын., 257—259.
— Жена его Марія Яцковна Тимоховичъ-Гуляльницкая, 257—259.
Порванецкій Тихно, зем. Вол.; его жена Овдотья, 42—43.
— Сынъ ихъ Иванъ Тихновичъ, земянинъ Волынскій, 256.

— Дочь Татьяна Тихновна—за земяниномъ Иваномъ **Ставецкимъ** (см. это имя).

Порванецкіе, земяне Вол.: Михновая Опрахна, урожд. Охлоповская, 373, 374, 376, 382, 391.

— Кузьма Немиричъ, 373, 375, 376, 378, 379, 389, 390, 392, 397, 402, 404.

— Климъ - 373, 375, 378, 381, 389, 390, 392, 397, 404.

— Стахей (Стась)—405, 410.

Поремницкій Арефа, земянинъ Волынскій, 412.

Порецкій Андрей, возный воеводства Волынскаго, 535.

Порфирій, архимандритъ Зименскаго монастыря, 417.

Порыцкій „панъ" Дмитръ Ильичъ, земянинъ Волынскій; его жена Гальшка, дочь земян. Грицька Кирдѣевича (XV в.), 1.

Порыцкій князь Матушъ Александровичъ и его жена Галена Залеская, вышедшая потомъ за шляхт. Франца Круша, 99.

— Его братья, князья Петръ, Янушъ, Михаилъ и Александръ, 99—100.

Посяговецкій Пашко, земянинъ Волынскій (XV в.), 2—3.

— Его жена Марина, дочь земянина Волчка-Хренницкаго, 2—3.

Потаповичъ Иванъ, дьякъ церкви св. Апостоловъ, въ г. Владимірѣ, 524—525.

Пресмыцкій Станиславъ, шляхтичъ, 210.

Пречковскій Станиславъ, шляхтичъ, 598.

Приборовскій Собестіанъ Богушевичъ, шляхтичъ; его жена Марина Ивановна Гулевичъ-Смолиговская, бывшая потомъ за княземъ Станиславомъ Вороницкимъ, 462.

— Дочь ихъ Гальшка—за княземъ Станиславомъ Станиславовичемъ **Вороницкиимъ** (см. это имя).

— Анна, урожд. Крычовская, вдова по п. N Приборовскомъ, 614—615.

Приборскій Мартинъ, шляхтичъ, 451.

Привередовскій Василій, земянинъ Волынскій, 66.

— Жена его Марухна, княжна Крокотка-Еловицкая, по 1-му браку п. Васильевая-Красовская, 66.

— Михайло, подстароста Владимірскій, 144, 286.
Прилепскій Янъ, подстароста Владимірскій, 518.
Пристановскій Яхимъ, возный воеводства Волынскаго, 507.
Промчейковичъ-Деревяницкій Грицько, зем. Волынскій, 24—27.
— Его дочь Олена—за земян. Өеодоромъ Гавриловичемъ **Воютинскимъ** (см. это имя).
Пронко, бояринъ Кобринскій (XV в.), 4.
Пронскій князь Фридрихъ (Глѣбовичъ), воевода Кіевскій, 16.
— Александръ, его сынъ, стольникъ Литовскій, староста Луцкій, 73, 334, 350, 367, 368, 408—409, 414.
Проступчичъ Сенко, бояринъ князя Ив. Кобринскаго (XV в.), 4.
Прошинскій Мартинъ, шляхтичъ, 543.
Прусинскій Мартинъ, шляхтичъ, и его жена Катерина Өеодоровна Басарабовна, 232—233.
Прушинскій Касперъ, шляхтичъ, 500.
Пстроконскій Матей, бискупъ Перемышльскій, канцлеръ коронный, 520.
Птицкій Иванъ Павловичъ, земянинъ Волынскій, 111.
Пузовскіе, земяне Волынскіе: Богданъ, Аврамъ, Иванъ и Семенъ Богушевичи, 309—315.
— Жена Семена, Марина Ивановна Поцгороденская, по 2-му браку Яновая Касперская, 309—315.
— Дѣти Семена и Марины—Кондратъ и Ганна, 312.
— Өеодоръ Семеновичъ, 478, 480, 483, 484.
— Карпъ Семеновичъ и жена его Настасья Михайловна Шабановна, 479—484.
— Тимошъ, 311; Прокопъ, 309.
— Павелъ Тимошевичъ, 312, 478, 480, 483, 484.
— Михайло Тимошевичъ, 478, 480.
Пузына князь Богданъ Тимоөеевичъ, дворян. господарскій, 8—9.
— Өедя Михайловна Юражина, его жена, 8—9.
— Юрій князь, подкоморій Волынскій, 307, 619.
Путошинскій Иванъ Тихновичъ, возный Луцк. пов., 181, 438.
Путятичъ князь Богданъ, 325.

— Ганна Богдановна, дочь его,—въ 1-мъ бракѣ за п. Богданомъ **Семашкомъ**, во 2-мъ—за княземъ Андреемъ **Масальскимъ** (см. эти имена).

Пухальскій Янъ, возный Луцкаго повѣта, 601.

Пѣшко (и **Пѣшкевичъ**) Михайло Лаврентьевичъ, земянинъ Вол., 73, 566—567.

— Его жена Гася Ивановна Малоѳеевичевна, 566—567.

Р.

Радивилъ (Радзивилъ) Миколай Миколаевичъ, маршалокъ земскій вел. княж. Литовскаго, воевода Виленскій, 16, 34.

— Янъ-Миколай, воевода Виленскій, 38.

— Миколай Юрьевичъ, воевода Виленскій, 169.

— Альбрехтъ-Станиславъ, князь на Олыкѣ и Несвижу, подканцлеръ и затѣмъ канцлеръ Литовскій, староста Луцкій и Ковенскій, 575, 612.

— Миколай, князь на Олыкѣ и Несвижу, воевода Виленскій, маршалокъ и канцлеръ Литовскій, староста Брестскій и проч., 629. 630, 632.

Радовицкій Илья, земян. Вол., 300.

— Тихно, возный Владимірскаго пов., 147. 148, 156, 160, 161.

Раецкій Балтазаръ, подстароста Владим., 620.

Рандиничъ Яцко, дворянинъ старосты Владимірскаго (XV в.), 628.

Ратавинскій Моноско, войтъ м. Бѣлиловки, 523.

Ржищовскій Тихно и братъ его Ѳеодоръ, земяне Вол., 376.

Ритаронскій Александръ, шляхтичъ, 537.

Рогатинскій Иванъ, земян. (XV в.); его дочь Ѳедка—за княземъ Ив. Семеновичемъ Кобринскимъ, 4.

Роговицкій N, земян. Вол., 380, 381, 383.

Рогоза Лукашъ, шляхтичъ, 338.

Рогозенскіе (иначе **Рогозинскіе**), земяне Волынскіе:

— Василій Ивановичъ, 72, 111.

— Жена его Марья Ивановна Борзобогатая-Красенская, въ 1-мъ бракѣ бывшая за п. Добрылчицкимъ, 72.

— Дмитрій Ивановичъ, и его жена Орина Болбасовна, по 1-му браку Угриновская, 254—255.
Рожковскій Станиславъ, шляхтичъ, 434.
— Андрей, 495, 497—498, 499, 500, 501, 502—506, 509, 510, 518.
Романовскій Андрей, зем. Вол., подстароста Владим., 346.
Росавскій Θеодоръ, землян. Вол., 309.
Рудавскій Адамъ, шляхтичъ, 397—398, 408.
Рудецкій Антонъ, землян. Вол., 394, 408, 411, 413.
— Θеодоръ, землян. Вол., 219, 220.
Рудигеръ Янъ, шляхтичъ, 226.
Рудковскій Станиславъ, шляхтичъ, 304.
Ружинскій князь Василій Михайловичъ; его вдова Настасья Львовна Есмановна, 121—122.
— Дочь ихъ Катерина Васильевна—за п. Яномъ **Панковскимъ** (см. это имя).
— Θедоръ Михайловичъ; его вдова княгиня Марья, 144—146.
— Сыновья ихъ: Степанъ и Михайло Θедоровичи, 144—146.
— Дочь Ганна Θедоровна, 144—146.
— Григорій Ивановичъ (племянникъ Василія и Θедора), 191, 194, 259.
— Дмитрій Ивановичъ (братъ Григорія), 259.
— Кирикъ Остафьевичъ (племянникъ Григорія и Дмитрія), 486, 487.
— Его жена (вторая) Ядвига Фальчевская, вышедшая потомъ за князя Юрія Чорторыйскаго, 486—490.
— Романъ Кириковичъ, 487, 488.
— Янъ (отчество не извѣстно), и его жена Катерина Шацкая, по 2-му браку Яновая Павловичъ, 532.
Русинъ Стефанъ, коморникъ королевскій, 208.
Русинъ-Берестецкій Андрей Ивановичъ, землян. Вол., подстароста Луцкій, нареченный владыка Пинскій и Туровскій, 28, 30, 48, 67, 72, 222, 263—268, 269, 633.
— Раина, дочь его,—за п. Семеномъ **Хребтовичемъ-Богуринскимъ** (см. это имя).

— Яцко Ивановичъ, братъ Андрея, 35.
— Ѳедоръ Ивановичъ, братъ предыдущихъ, писарь замковый Луцкій, 49, 67, 86, 111, 114, 116.
Русовскій Геласій, архимандритъ Усп. Дорогобужскаго монастыря, 559—560, 562, 563.
Рыбицкій Янъ, шляхтичъ, 543.
Рѣзановичъ Янъ, земянинъ Вол., и жена его Маруша Жирицкая, 573—580.
Рѣзановичъ-Летинскій Семенъ, зем. Вол., 452.

С.

Савицкій Матысъ, писарь староства Брестскаго, 632.
Садовскій Андрей Семеновичъ, земян. Винницкаго повѣта, 143.
Самсацкій Михаилъ, священникъ Пятницкой церкви въ г. Владимірѣ, и его жена Ганна Ивановна Кацеровичъ, 566—569.
Самъ Іоахимъ, подстолій Львовскій, 197.
Сангушки (Сангушковичи) князья:
— Александръ Сангушковичъ (XV в.), староста Владимірскій и затѣмъ Кременецкій, 1—2.
— Михайло Сангушковичъ (XV в.), 4.
— Романъ Ѳедоровичъ, староста Житомирскій и Винницкій, воевода Брацлавскій, 78, 126, 630, 631.
— Жена его Александра Григорьевна Ходкевичевна, 629—631.
Сангушко-Ковельскій Василій Михайловичъ, староста Свислочскій; его жена (вторая) Софія Лозчанка, въ 1-мъ бракѣ бывшая за п. Боговитиномъ Петровичемъ Шумбарскимъ, 27, 34.
Сангушко-Коширскій Андрей Михайловичъ, родоначальникъ этой линіи, 6—7.
— Александръ Андреевичъ, его сынъ, 6—7, 28, 48—50, 634—637.
— Его жена Ганна Васильевна княжна Полубенская, 6—7.
— Левъ Александровичъ, ихъ сынъ, 48—50, 144, 182—189, 634—637.

— Жена его Ганна Миколаевна Остиковичъ, 182—189.
Сапѣга (иначе **Сопѣга**) Богданъ Павловичъ, воевода Минскій, 344.
— Павелъ Ивановичъ, воеводичъ Подляшскій, и его жена Ганна Григорьевна Ходкевичевна, 629—632.
Сасинъ Янъ и Пароенъ, земяне Вол., 397, 407.
Сачковичъ Млечко, земян. (XV в.), 4.
Сватковичи-Хренницкіе (и просто **Хренницкіе**), земяне Волынскіе:
— Михаилъ, 111, 225—226, 266, 274—277.
— Сыновья его: Богданъ Михайловичъ, 140, 223—226.
— Жена Богдана, княжна Олена Андреевна Козѣчанка, 223—226.
— Иванъ Михайловичъ, подсудокъ и потомъ судья земскій Луцкій, 140, 222, 266, 277, 315, 317, 438, 447, 531.
— Жена Ивана, княжна Марья Соколинская, по 1-му браку княгиня Александровая Буремская, 284.
— Оксинья Михайловна, сестра предыдущихъ,—за зем. Янушемъ **Угриновскимъ** (см. это имя).
Свенцицкій Юрій, шляхтичъ, 616.
— Анна, его сестра,—за шляхт. Крыштофомъ **Сестревитовскимъ** (см. это имя).
Свинускій Михайло, земянинъ Вол., 193.
Свищовскій Андрей Львовичъ, земян. Вол., 215.
— Семенъ Ивановичъ, земян. Вол., 115, 116, 364.
— Остафій и Тихно, земяне Вол., 253 и 300.
Секунскій Михаилъ, земян. Вол., 287.
Селецкій Василій, земянинъ Волынскій, 392.
— Гаврило Өедоровичъ, земян. Вол., 54.
— Иванъ, земян. Вол., 375, 387, 388, 389, 407, 409, 410—411.
— Жена его Ганна Ванковна Бѣлостоцкая, 390—391, 407.
Семашко (Епимаховичъ), земян. Вол. (XV в.), родоначальникъ этой фамиліи, 3.
— Богданъ Михайловичъ, его внукъ, староста Ковельскій; его жена Ганна Богдановна княжна Путятична, во 2-мъ бракѣ княгиня Андреевая Масальская, 87—90.

— Александръ Богдановичъ (на Хупковѣ), подкоморій Владимірскій, затѣмъ каштелянъ Брацлавскій, староста Луцкій, 89, 122—123, 189, 243—253, 317, 321, 452, 462, 472, 476.

— Жена его княжна Барбара Александровна Порыцкая, 472.

— Василій Михайловичъ, братъ Богдана, судья Луцкій, 30—31, 126, 131, 133, 216.

— Жена его Олена Карповна Есифовичъ, по 2-му браку Ивановая Чапличъ, 30—31.

— Дочь ихъ Богдана Васильевна—въ 1-мъ бракѣ за княземъ Янушемъ **Четвертенскимъ**, а во 2-мъ за п. Григоріемъ **Воловичемъ** (см. эти имена).

— Петръ Михайловичъ, староста Кременецкій, братъ предыдущихъ, 28, 32, 197.

— Жена его Софія Боговитиновна, 197.

— Дѣти ихъ: Ярошъ—198 и Настасья—за зем. Василіемъ **Павловичемъ** (см. это имя).

— Василій (на Добрятинѣ), хорунжій Вол., 529, 530, 531.

— Миколай (на Хупковѣ), староста, ключникъ и войтъ Луцкій, каштелянъ Брацлавскій, 415—416, 484, 507.

— Константинъ-Казимиръ, судья гродскій Луцкій, 603.

Сенюты-Ляховецкіе и **Хмелевскіе**, земяне Волынскіе:

— Иванъ Романовичъ, 253, 294, 300.

— Ѳеодоръ Григорьевичъ, его двоюродный братъ, войскій Кременецкій, 253.

— Григорій N. и его сынъ Александръ, 554.

Сербинъ-Хорохоринскій Михайло Ѳеодоровичъ, хорунжій Волынскій, 67.

Сестревитовскій Крыштофъ, шляхтичъ, и его жена Анна Свенцицкая, 616—618.

Сестритовскіе Крыштофъ и Томашъ, шляхтичи, 459, 461.

Сигизмундъ I, великій князь Литовскій и король Польскій, 5—6.

Скипоръ Янъ, шляхтичъ, 622.

Скрипка Томашъ, крестьянинъ, и его дочь Куница, 524—525.

Скурка Янъ, шляхтичъ, 334—336.

Славенскій Жигмунтъ, шляхтичъ, и его жена Елена Тржасковская, 613—614.

Славогурскій Матысъ, возный Луцкаго пов., 360, 372, 433, 473, 500, 503, 505, 506, 525.

Слончевскій Янъ, шляхтичъ, 614—616.

Смыковскій Богданъ Занковичъ, земян. Вол., 256, 282.

Собанскій Станиславъ, бурграбій Владимірскій, 581.

Собѣскій Войтехъ, подкоморій Люблинскій, 529.

Сова Борисъ Ивановичъ, подстароста Луцкій, 42, 43, 46, 47, 51.

Соколинскій князь Павелъ Юрьевичъ, 185.

— Ганна Романовна, его жена, урожд. княжна Любецкая, въ 1-мъ бракѣ бывшая за п. Миколаемъ Остиковичемъ, 185, 187.

— Марья N, княжна,—въ 1-мъ бракѣ за княземъ Александромъ **Буремскимъ**, а во 2-мъ—за зем. Ив. **Сватковичемъ-Хренницкимъ** (см. эти имена).

Соколъ Миколай, земянинъ Вол., и его жена Катерина, 619—620.

Сокольскіе князья: Солтанъ Михайловичъ и его жена Олена Коптевна, 10—11.

— Василій Солтановичъ, сынъ его, 80. Жена его—Ганна Монтовтъ, 180.

— Маркъ Солтановичъ, братъ Василія, 180, 199, 432, 434, 436, 437. Жена его Магдалина Якацкая, 453.

— Дочь ихъ Ганна Марковна—за княземъ N... Чорторыйскимъ, 153.

— Евстафій Васильевичъ (племянникъ князя Солтана), подсудокъ земскій Луцкій, 56, 101, 140, 263, 264, 265, 266, 282.

— Максимъ Васильевичъ, братъ его, 432, 434, 435, 436.

— Его жена Александра (иначе Орина) Дольская (Довзская), 432—435, 436—437, 438-440.

— Ихъ дѣти: Василій Максимовичъ, 433—435, 436, 437, 438—440.

— Марина Васильевна—за п. Матеемъ **Лонцкимъ** (см. это имя).

— Софья Васильевна—за шляхт. Балцеромъ **Мартишевскимъ** (см. это имя).

Сокоръ Григорій Матвѣевичъ, земян. Волынскій, 112—116. Его жена Ганна Юрьевна Воронянка, 112—116.

Соломирецкій князь Ѳеодоръ Васильевичъ, 9.

Солоневскій Петръ, земян. Волынскій, 553.

Солтанъ Иванъ Александровичъ, дворянинъ господарскій, 23.

— Александръ Ивановичъ, земян. Кіевскаго воеводства, 594.

— Ѳеодоръ N..., дворянинъ господ., 101; писарь земскій Владимірскій, 120, 159.

Сопотко Адамъ, скарбникъ Вол., судья гродскій Луцкій, 574.

Сопѣга—см. **Сапѣга**.

Ставецкій Иванъ Богдановичъ, земян. Вол., и его жена Татьяна Тихновна Порванецкая, 42—43.

— Михайло, землнинъ Волынскій, 261.

Ставскій Станиславъ, возный Вол. воеводства, 506.

Станиславъ ксендзъ, плебанъ Владимірскій (XV в.), 628.

Станишевскіе, земяне Волынскіе: Ярошъ, 521.

— Янъ, ключникъ Луцкій, 605.

— Анна, его дочь, 605, 606, 607, 609, 610, 612.

— Петръ, братъ Яна, 603—612.

— Гальшка Гулевичевна, его жена, 603—604, 608—609, 610, 611.

— Михаилъ и Марціанна, ихъ дѣти, 604, 608, 609, 610, 611.

— Войтехъ, братъ Яна и Петра, 603.

Стареховскій Войтехъ, староста Вышогродскій, 358—359.

Стаховскій Мартинъ Семеновичъ, бояринъ Вол., 136.

Стахорскій Гнѣвошъ, шляхтичъ, 210.

Стельмахъ Войтехъ, шляхтичъ, 266.

Стемпковскій Габріель (на Несвичу), каштелянъ Брацлавскій, 604—605, 610, 611. Его мать N.., старостиная Владимірская, 606.

— Даніель (на Несвичу), староста Владимірскій, 621.

— Матей, судья гродскій Луцкій и вмѣстѣ подстароста, 371, 385, 459, 503, 506, 507, 629.

— Миколай, шляхтичъ, 397, 408.

Стрыбыли, земяне Кіевскаго воеводства:

— Филонъ, чашникъ Кіевскій, 590.
— Маруша Ельцовна, жена его, 590—594.
— Янъ Филоновичъ, ихъ сынъ, 590.
— Варвара Соколовская, его жена, во 2-мъ бракѣ за Абрамомъ Стрыбылемъ же, 590, 591, 594.
— Катерина Яновна, дочь ихъ,—за Яномъ **Ярмолинскимъ**(см. это имя).
— Абрамъ N... и его жена Варвара Соколовская, вдова Яна, 591, 594.
Стрывязскій Иванъ, земян. Вол., 569.
— Якимъ Васильевичъ, писарь гродскій Владимірскій, 121, 134, 147, 260, 288.
Стрыжовскій Матей, шляхтичъ, 163, 164, 165.
Стужинскій Касперъ, войскій Кіевскій, 417.
Суета Григорій, возный Вол. воеводства, 505, 506.
Суликовскій Янъ-Дмитръ, арцибискупъ Львовскій, 347.
Суляржицкій Андрей, войскій Подольской земли, 541.
Сускій Станиславъ, возный пов. Луцкаго, 574.
Сушко Яцко, землянинъ Волынскій, 48.

Т.

Тарновскій Андрей, шляхтичъ, 280.
Теребинскій Иванъ, священникъ Николаевской церкви с. Колпытова (Владимірскаго пов.), 542, 543, 545, 547, 554, 560, 562.
Теснока Михаилъ, земян. Пинскаго повѣта, 266.
Тимоѳей, архимандритъ Дорогобужскаго монастыря, 208.
Тиши-Быковскіе—см. **Тыши-Быковскіе**.
Тишкевичи—см. **Тышкевичи**.
Томиловичъ Савва, лавникъ магистрата Луцкаго, 473.
Тошковскій Абель, шляхтичъ, 589.
Тременскій Янъ, шляхтичъ, 456.
Тринишевскій Петръ, шляхтичъ, 539.
Трипольскій N... и его жена Ѳеодора Петровна Доброницкая, 492—493.
Триѳоній, священникъ церкви св. Тройцы въ м. Клевани, протопопъ Клеванскій, 345.

Трушевичъ Матвѣй, бурмистръ Луцкій, 473.
— Стефанъ, шляхтичъ, 613.
Туминскій Адамъ Васильевичъ, земян. Вол., 480, 483.
Тупичовскій Янъ, земян. Вол., и его жена Раина Парцовская, 36.
Туровая Томила Ванковна, урожд. Лагодовская, землянка Волынская, 219, 220.
Тыши (Тиши)-Быковскіе Александръ и Василій, земяне Кіевскіе, 441, 442.
— Марія, жена Александра, 442.
Тышкевичи, также **Тишкевичи** и **Тишковичи**:
— Левъ Патеевичъ, 13.
— Василій Тышковичъ, воевода Смоленскій, 353.
— Юрій Васильевичъ, (сынъ его), воевода Брестскій, староста Волковыйскій, 134, 136, 137.
— Каленикъ Васильевичъ (братъ Юрія), маршалокъ господарскій, староста Гомельскій и Шерешовскій, 134, 137.
— Настасья Васильевна, ихъ сестра,—за п. Иваномъ **Мелешкомъ** (см. это имя).
— Александра Васильевна, другая сестра,—за княземъ Константиномъ III **Острожскимъ** (см. это имя).
— Михаилъ N..., 239.
— Остафіанъ N..., староста Лидскій, 523.

У.

Угриновскіе, земяне Волынскіе: Прокопъ, 51, 56, 58.
— Янушъ Прокоповичъ, сынъ его, 51—62, 274—277, 285, 432, 434, 435.
— Оксинья Михайловна Сватковичъ-Хренницкая, жена Януша, 274—276.

Ѳ.

Ѳалибовскій Петръ, шляхтичъ, 617.
Ѳаличовскіе, они же и **Ѳальчевскіе**: Станиславъ, староста Кременецкій, 13.

— Францишекъ, староста Ковельскій, 38.

Федюшко Василій, хорунжій Пинскій, 266.

Филиповичъ Михайло, радца Луцк. магистрата, 473.

Фирлей Андрей изъ Дубровицы, Волынскій депутатъ въ Люблинскомъ трибуналѣ, 541.

Х.

Халаимъ Андрей, земян. Кіевскій, 594.

— Михайло, земян. Кіевскій, и его жена Ганна Ивановна Шишчанка-Ставецкая, во 2-мъ бракѣ за п. Александромъ Владычкою, 417—418.

Халецкій Андрей, писарь земскій Рѣчицкій, 231.

Харлезскіе, также **Харленскіе** и **Харлинскіе**:

— Миколай, 50, 285.

— Братья: Криштофъ, 494—502, 503—505, 507—508, 509—516, 517—519.

— Янъ, подкоморій Луцкій, 494, 500, 502, 507, 508—516, 517—519.

— Шимонъ, ротмистръ королевскій, 494, 500, 502, 507, 508—516, 517—519.

— Щастный, 494—502, 503—506, 508—514, 517—519.

— Его жена Галена Монвидъ-Дорогостайская, 495—502, 503—506, 508—514, 517—520.

Хвоинскій Иванъ, возный Вол. воеводства, 505—506.

Хмара Андрей, земян. Вол., 41, 131, 132.

Хмелецкій Миколай, земян. Вол., 546.

Хмельницкій Богданъ, гетманъ козацкій, 617.

Ходкевичъ Григорій Александровичъ, воевода Кіевскій, подкоморій вел. княжества Литовскаго, староста Кормяловскій, 630—632.

— Жена его Катерина Ивановна княжна Вишневецкая, 630—631.

— Дочери ихъ: Александра Григорьевна—за княземъ Романомъ **Сангушкомъ** (см. это имя).

— Ганна Григорьевна—за п. Павломъ **Сапѣгою** (см. это имя).

— Третья дочь N..., 631.
— Янъ-Іеронимъ Іеронимовичъ, графъ на Шкловѣ и Мышѣ, каштелянъ Виленскій, староста Жомоитскій, маршалокъ найвысшій вел. княж. Литовскаго, администраторъ и гетманъ земли Лифляндской, староста Ковенскій, 290—294.
— Ганна, дочь его,—за княземъ Яхимомъ **Корецкимъ** (см. это имя).
Холоневскіе, земяне Волынскіе:
— Андрей Григорьевичъ, 393—394, 407.
— Василій Андреевичъ, 280—282, 393—394, 403, 407.
— Ѳеодора Романовна Гулевичъ, его жена, 281—282.
— Иванъ Гавриловичъ, 256, 393, 403—404, 407.
— Олехно, 414.
— Ганна, „панна" (не извѣстно, чья дочь), 266.
Хомяки, земяне Волынскіе:
— Петръ, подстароста Луцкій, 130, 132, 169, 174, 212, 239, 278.
— Титъ, судья гродскій Луцкій, 174, 216.
— Ѳеодоръ, 178.
Хомяки-Смордовскіе, земяне Волынскіе:
— Гуринъ Маскевичъ, 91.
— Ѳеодоръ Маскевичъ, братъ его, 91—92.
— Ганна Яцковна, жена Ѳеодора, 91—92.
— Тихно Ивановичъ, судья гродскій Луцкій, 200, 203, 204.
— Ганна, его дочь,—за княземъ Станиславомъ **Вороницкимъ** (см. это имя).
— Семенъ Тихновичъ, братъ ея, 299—300.
Хребтовичи (также **Хребтовичи-Литаворовичи, Хребтовичи-Богуринскіе**):
— Мартинъ Богдановичъ, ловчій и конюшій короля Сигизмунда I, 5—6.
— Богданъ Мартиновичъ, его сынъ, женатый на дочери Сенка Олизаровича, намѣстника Брестскаго, 5—6.
— Мелетій, епископъ Владимірскій и Брестскій, архимандритъ Кіево-Печерскій, 419, 420.

— Марина, его сестра,—за п. Андреемъ **Немиричемъ** (см. это имя).
— Ганна Литаворовна—за п. Юріемъ Остиковичемъ, 15.
— Ганна Дчусянка, вдова Василія Хребтовича, 431.
— Настасья Васильевна, ея дочь,—за шляхт. Станиславомъ **Кавезскимъ** (см. это имя).
— Иванъ Васильевичъ, братъ Настасьи, подстароста Луцкій, 16, 18, 24, 195, 209, 216, 262—267, 431.
— Семенъ Ивановичъ, (не сынъ предыдущаго), писарь гродскій Луцкій, 138—140, 262—268, 269, 270, 271.
— Раина Андреевна Русиновна-Берестецкая, первая жена его, 138—139, 262—268, 269, 270, 271.
— Катерина Андреевна Бабинская, вдова по зем. Иванѣ Городищенскомъ,—вторая жена Семена (по разводѣ его съ первою), 271.
— Братья Семена: Иванъ и Дахно Ивановичи, 139.
Хренницкій Волчко, земян. Вол. (XV в.), 2.
— Немѣра Богдановичъ, его „братаничъ“ (сынъ брата), 3.
Хренницкіе — см. **Сватковичи-Хренницкіе**.
Хруленковичъ Андрей, мѣщанинъ, войтовичъ Вильскій, 602
Хрустель Станиславъ, мѣщан. Луцкій, 473—475.
Хрустицкій Станиславъ, шляхтичъ, 398, 408.

Ц.

Цата Романъ, земян, Волынскій, 81, 82, 84.
— Олена Романовна, дочь его,—за п. Иваномъ **Патрикіемъ-Курозвонскимъ** (см. это имя).
— Семенъ, братъ Романа, 13, 84.
Цевовскій Иванъ, земян. Волынскій, 407.
Целевичъ (также **Телевичъ**), шляхтичъ, 521.
Цетковскій Касперъ, шляхтичъ, 288.
— Жена его Александра Михайловна Берестская, по 1-му браку Болобанъ-Осекровская, 288--289.
Цешковскій Янъ, подстароста Владимірскій, 538, 552.

Циминская Яновая Гальшка Харлезская, шляхт., и ея дочь Ядвига, 535—536.

Цисовскій Крыштофъ, подстароста Владимірскій, 602.

Ч.

Чаплинскій Рафаилъ, шляхтичъ, 613.

Чапличи, также **Чапличи-Шпановскіе,** земяне Волынскіе:

— Иванъ Кадьяновичъ, войскій Луцкій, 31, 101, 122, 124, 126—133, 156, 159, 216, 229, 265, 357, 423.

— Жена его Олена Карповна Есифовичъ, въ 1-мъ бракѣ—за п. Василіемъ Михайловичемъ Семашкомъ, 31—32, 122, 124, 126—133, 229.

— Өеодоръ Кадьяновичъ (онъ же Өеодоръ-Кадьянъ и даже просто Кадьянъ), судья земскій Луцкій, 231, 359, 423, 438, 447.

— Иванъ Петровичъ, 90, 101, 104.

— Өеодоръ Петровичъ, 231, 307.

— Григорій (отчество не извѣстно), 236.

Чапля Григорій Васильевичъ, земян. Вол., 96.

Черневскій Павелъ, земян. Вол., 191—194.

— Катерина Якубовна Вагленская, его жена, 192—193.

— Дѣти ихъ: Раина и Магдалина, 193.

— Юрій, земян. Волынскій, 572.

Четвертинскіе (Четвертенскіе) князья:

— Андрей Өеодоровичъ, 11.

— Яковъ Андреевичъ, его сынъ, 211—215, 222, 434—435.

— Ганна Өеодоровна Гораиновая, жена Якова, 211—214.

— Василій Өеодоровичъ, братъ Андрея, 11, 13.

— Матвѣй Васильевичъ, его сынъ, 126, 216, 217.

— Его жена Овдотья Вагановская, 216—217, 221, 222.

— Янушъ Матвѣевичъ, ихъ сынъ, 79, 101, 127—133, 159, 199, 216—222, 230.

— Богдана Васильевна Семашковна, его жена, 122—133, 216—222.

— Ганна Матвѣевна, его сестра, 216—222, 230.

— Иванъ (Өедоровичъ?) 28.

— Богдана Өедоровна, сестра Андрея и Василія,—за п. Ив. Андреевичемъ N.., подскарбіемъ дворнымъ литовскимъ, 86, 88.

Чижевскій Крыштофъ, возный Вол. воеводства, 518, 519.

Чирскій Жданъ, возный Владим. повѣта, 309—310, 336.

Чорторыйскіе (также **Чарторійскіе**), князья:

— Александръ Өеодоровичъ, воевода Волынскій, 48—50, 90, 126, 634—637.

— Сынъ его Михайло Александровичъ, староста Житомирскій, 294, 636.

— Дочь—Марина Александровна, 48—50, 634—637.

— Юрій Михайловичъ, сынъ Михайла Александровича, 486 - 490, 542—565, 629.

— Его жены: Ядвига Фальчевская, въ 1-мъ бракѣ бывшая за княземъ Кирикомъ Ружинскимъ, 486--490.

— Өеодора Колпытовская, 542, 543, 545, 546, 548—550, 551—554, 555, 557, 559—565.

— Зузанна Борзобогатянка Красенская, 545, 546, 566.

— Иванъ Өеодоровичъ, братъ Александра, 40.

— Ганна Кузмична княжна Заславская, его жена, 205—208, 209—211, 296—298, 344.

— Дѣти ихъ: Катерина Ивановна—за п. Василіемъ **Загоровскимъ** (см. это имя).

— Олена Ивановна—за Остафіемъ **Горностаемъ** (см. это имя).

— Иванъ Иванович, 294, 297, 298.

— Юрій Ивановичъ, 297—298, 338—339.

— N.., женатый на княжнѣ Ганнѣ Марковнѣ Сокольской, 453.

Чуватъ-Глуботинскій Өеодоръ, земянинъ Вол., 452.

Чуватъ-Теличовскій Хацко, возный Владим. повѣта, 144.

Чурило-Оленскій Крыштофъ, земян. Вол., 583—587.

— Жена его Галжбета Юрковна, по 1-му браку Якубовская, 583—587.

— Урсула, ихъ дочь,—за зем. Александромъ **Лукаревскимъ** (см. это имя).

Ш.

Шабанъ Михайло, земян. Вол., 478, 479, 483, 484.
— Василиса Лудовичевна, его жена, 478, 483.
— Дѣти ихъ: Василій Михайловичъ, 478, 479, 481, 482, 483.
— Иванъ Михайловичъ, 478, 483.
— Настасья Михайловна—за зем. Карпомъ **Пузовскимъ** (см. это имя).
Шабанъ-Гноенскій Иванъ, бургграбій Владимірскій, 517, 524.
Шадзиновскій Крыштофъ, возный Вол. воеводства, 598.
Шельвовскій Иванъ, земян. Вол., 191, 194, 301—304, 319.
— Овдотья Шиловна, его жена, 319, 320.
— Прокопъ Ивановичъ, ихъ сынъ, 301—304, 318—321.
— Магдалина Олехновна Борзобогатовна-Красенская, его жена, 301—304, 318—321.
Шибенскій Яковъ Петровичъ, земян. Вол., 256.
Шиловичъ Олизаръ, староста Владимірскій (XV в.), 628.
Шимковичъ-Шклинскій (также **Скленскій**) Крыштофъ, зем. Вол., 535 536, 541.
Ширей Матвѣй, слуга замковый Луцкій, 92.
Шишка-Ставецкій Өедоръ Ивановичъ, земян. Кіевскаго воеводства, 288—289.
— Ганна Ивановна Болобанъ-Осекровская, его жена, бывшая въ 1-мъ бракѣ за п. Михайломъ Халаимомъ, и въ 3-мъ за п. Александромъ Владычкою, 288—289, 417—418.
Шишкиничъ Стецко, земянинъ Вол. (XV в.), и его жена Матрушка Вохнова, 627.
Шлятковскій Янъ, шляхтичъ, 476—477.
Шляхта Андрей, райца Острожскій, 599.
Шостаковскій Гаврило Гавовичъ, земян. Вол., 39.
— Михайло Гавовичъ (или Гавсовичъ), братъ его, 39—41.
— Жена послѣдняго Настасья Бронницкая, 39—41.
— Андрей, братъ предыдущихъ, 41.
Шостовицкій Янъ, земян. Вол., 348, 450.

Шпаковскіе, земяне Волынскіе:
— Маско Олехновичъ, 108.
— Павелъ Олехновичъ, подсудокъ Владим. земскаго суда, 108, 117
— Сыновья его: Василій Павловичъ и его жена Ганна Семеновна Подгороденская, 170—173.
— Иванъ Павловичъ, 170—173, 321.
— Грицко и Гаврило Павловичи, младшіе братья, 171.
Шпоровскій Касперъ, подстароста Владим., 566.
Шпрастскій Левко, земян. Вол., 54.

Щ.

Щаурскій Иванъ и его жена Катерина Ириковна, въ 1-мъ бракѣ за Янушемъ Глинскимъ, 332—333.
Щука Криштофъ, шляхтичъ, 474.
Щуровскій Ѳеодоръ, подстароста Житомирскій, 522.

Ю.

Юндило Юрій, подкоморій Волковыйскій, 356.
Юрага Михаилъ, земянинъ господарскій, и его жена Марина Ѳедоровна, 8—9.
— Ихъ дочь Ѳедя—за княземъ Богданомъ **Пузыною** (см. это имя).
Юразичъ-Зарицкій Иванъ, земян. Вол., 39.
Юрпакъ N.., мѣщанинъ Вильскій, 602.

Я.

Яблонскій Войтехъ, возный Луцкаго повѣта, 414, 415, 436.
Яковицкій Адамъ, земян. Вол., 554.
— Гаврило Ивановичъ, подсудокъ земскій Владим., 226—228.
— Ѳеодора Гавриловна, дочь его, 227—228.
Яловицкій Антонъ, земян. Вол., 202, 205, 253.
— Дмитръ, 202, 222.
Янковскій Станиславъ, шляхтичъ, 470.
Янчевскій Стефанъ, шляхтичъ, 526, 528.
Янчинскій Аврамій, архидіаконъ Зименскаго монастыря, 417—418.

Янъ, бискупъ Познанскій, 12.
Янъ, аптекарь Луцкій, 266.
Ярмолинскіе, земяне Волынскіе:
— Константинъ, 591.
— Раина Боговитиновна, его жена, 592.
— Ихъ сыновья: Владиміръ, 599.
— Николай, 594.
— Янъ и его жена Катерина Ивановна Стрыбылевна, 590—594.
Ярославовичъ князь Миколай, 226.
Яроцкій Семенъ, возный Вол. воеводства, 500.
Ясениницкій Гермогенъ, зем. Волынскій, 41.
— Андрей, 599.
— Еско (Ясениницкій), 26.
Ясинскій Мартинъ, шляхтичъ, 600—601.
Яхимовичъ Себастіанъ, староста Бѣлиловскій, 523.

Ѳ.

Ѳеодоръ, священникъ Прокопіевской церкви въ г. Владимірѣ, протопопъ Владимірскій, 261.
Ѳеодосій, епископъ Луцкій,—см. **Гулевичъ**.
Ѳеодосій, епископъ Владимірскій,—см. **Лазовскій**.

II. Имена географическія.

А.

Аршичинъ, село Дубенск. у., при р. Иквѣ, 17—24.

Б.

Бабинъ, деревня Острожскаго у., близъ м. Гощи, 178.

Белзъ, городъ въ Галиціи, нѣкогда главный городъ Белзскаго воеводства, 534.

Беневщизна, деревня въ нынѣшн. Дубенск. у., 17—24.

Березовица, нынѣ дер. **Березовка**, Радомысльск. у., 594.

Березолупы, с. Луцкаго уѣзда, 31—32, 613.

Берестечко, м. Дубенскаго у., при р. Стырѣ, 140, 267—268.

— Сеймъ Волынск. воеводства въ мартѣ 1573 г. (по случаю смерти короля Сигизмунда-Августа), 269.

Берестье—нынѣ **Брестъ-Литовскъ**, уѣздн. г. Гродн. губ., а прежде главный городъ Брестскаго воеводства, 365, 630, 632

— замокъ, 630.

— Сеймъ 1566 г., 319, 322, 353, 425

— Церковь св. Спаса, 365. Священникъ Романъ Андрѣевичъ.

Берестовица, имѣніе въ Литвѣ, 630, 631.

Бискупичи, с. Владиміро-Волынск. у., 348, 552.

— Церковь, 348; священникъ Маркъ Подмокловичъ.

Блудовъ, с. Острожск. у., 316, 318.

Богуринъ—нынѣ **Бугринъ**, с. Острожск. у, при р. Горыни, 138, 419, 420, 424.

Боровая—нынѣ **Боровое**, с. Овручскаго у., 139.
Боровичи—нынѣ **Боровицы**, с. Луцкаго у., 212, 214.
Боротинъ—нынѣ **Боратинъ**, дер. Луцк. у., 633.
Борщовка, дер. Кременецкаго у., при р. Иквѣ, 81, 82, 83, 281.
Бочаница, с. Острожскаго уѣзда, 44—45.
Браны, с. Владиміро-Вол. уѣзда, 269, 535.
Бреховъ—нынѣ **Бруховичи**, с. Ковельскаго у., 87, 88.
Бронники, с. Ровенскаго у., близъ м. Клевани, 362—364.
Брусиловъ, м. Радомысльск. у., при р. Здвижи, 442, 443.
Бугъ (Западный), рѣка, 486.
— Сплавъ по ней лѣсныхъ товаровъ изъ Волыни, 486.
Будятичи, село Владиміро-Вол. у., 627.
Бужаны, село Владиміро-Вол. уѣзда, 243, 246, 249, 252.
Букойма—нынѣ **Бокуйма**, с. Дубенск. у., 362, 364, 476, 477.
Буремль—нынѣ **Боромель**, мѣст. Дубенск. у., 284, 285.
— замокъ, 284, 285.
Бусезь, с. въ Литвѣ (на Подляшьи), 135.
Бухаровъ, с. Острожскаго у., при р. Горыни, 44, 45.
Бѣлавичи, с. въ Слонимскомъ повѣтѣ, въ Литвѣ, 353—354, 630, 631.
Бѣлая-Церковь, мѣст. Васильковск. у., при р. Роси, 633.
Бѣлиловка, мѣст. Бердичевскаго уѣзда, 523.
— Новое-мѣсто, имѣвшее особаго войта, 523.
Бѣлка, с. въ Холмскомъ повѣтѣ, 617, 618.
Бѣлогородка, с. Дубенскаго у., 412, 413.
Бѣлый-Стокъ—нынѣ **Бѣлостокъ**, с. Луцкаго у., 296.

В.

Варковичи, м. Дубенскаго уѣзда;—замокъ, 46, 47.
Варшава, г., 267, 405.
Величка, гор. въ Галиціи, близъ Кракова, 473.
Веля—нынѣ **Вилія**, село Радомысльск. у., 441.
Венгры—Венгрія, 527.
Вербы, село Владиміро-Вол. у. Церковь, священникъ Левко (XV в.), 628.
Вильгоры—нынѣ **Вильгоровъ**, с. Острожскаго у., 44—45.

Вильскъ, село Житомирскаго у. при рч. Каменкѣ, 602.
Винница, уѣздн. г. Подольск. губ., при р. Бугѣ, 143.
— Церковь св. Покровы, 143.—Священникъ Андрей.
Витонижъ, с. Луцкаго у., при р. Стоходѣ, 273.
Войковичи, село Владиміро-Вол. у., 163, 165, 166.
Войнинъ, село Владиміро-Вол. у., 191, 193, 194.
Волица, дер., гдѣ-то въ нынѣшнемъ Владиміро-Вол. у., 196.
Волица-Шельвовская, дер., гдѣ-то въ нынѣшн Кременецк. или Старо-Константин. уѣздѣ, 319.
Володимеръ—нынѣ **Владиміръ Волынскій**, уѣздн. г. Вол. губ., прежде повѣтовый городъ Волынскаго воеводства, 160, 189, 261—262, 346, 375, 395, 479, 483, 569, 628.
— Замокъ господарскій, 483.
— Замокъ епископскій, 160.
— Доминикане Володимірскіе, 563.
— Капитула бискупства Володимірскаго, 563.
— Плебанія (ксендзъ-плебанъ Володим. Станиславъ—XV в.), 628.
— Рынокъ, 483.
— Церкви: „столечная епископіи Володим." св. Пречистой (Успенія), 261.
— Церковь св. Апостоловъ, 524.
— Церковь св. Прокопія, 261, 628. (Ѳеодоръ протопопъ и N „пупъ" (XV в.).
— Церковь св. Пятницы, 628. („пупъ" Иванъ—XV в.) и еще: 566, 567, 568.
— Ярмарокъ „на сборъ", „о зборы" (въ сборную недѣлю), 375, 395.
— Предмѣстье—Запятничье, 493, 566.
— Урочище Бискупья-Гора, 581, 582.
Волынская земля и **Волынь**, 22, 126, 131, 135, 255, 630, 633.
Вороново-нынѣ **Воронова**, дер. Ровенскаго у., близъ м. Тучина, 235, 241.
Воротневъ, село Луцкаго у., 495, 496, 508, 510.
Ворсинъ—поселеніе, лежавшее гдѣ-то въ нынѣшн. Дубенск. или Луцк. у., 64, 66.

Ворчинъ, дер. Владиміро-Вол. у., 479.
Воютинъ, с. Луцкаго у., 25, 26.
Вышково — нынѣ **Выжговъ**, с. Луцк. у., при р. Стырѣ, 86, 88, 125, 131.

Г.

Гданскъ (Данцигъ), г. въ Пруссіи. Торговля съ нимъ Волынянъ лѣсными товарами, 103.
Гирсоновичи (иначе Орсоновичи), было поселеніе въ нынѣшн. Луцкомъ у., 87, 88.
Гнидава, с. Луцкаго у., близъ самаго города, 66, 610.
Гнѣзна — имѣніе въ Литвѣ, 291.
Годомичи, с. Луцкаго у., 87, 88.
Голузеи — нынѣ с. **Галузія**, Луцкаго у., 214.
Голыши, — вѣроятно, нынѣшній **Голышовъ**, с. Ровенск. у., 93.
Горбовцы, с. (нынѣ не существующее) въ Кременецкомъ повѣтѣ, 34.
Городище, село, нынѣ дер. Ровенскаго у., 176, 178.
Городно — нынѣ **Гродно**, губ. городъ, 57, 149, 157, 190.
— Сеймъ Городенскій 1568 г., 57, 190.
Городокъ — имѣніе въ Олевской волости, въ нынѣшн. Овручскомъ у., 93, 94, 95.
Горуховъ (нынѣ **Гороховъ**), м. Владиміро-Вол. у., 375, 381, 386, 396, 397, 398, 402, 635.
— Замокъ, 636.
Гоща, мѣст. Острожскаго у., 233, 357—359.
— Замокъ пановъ Гойскихъ, 359.
Гривда, имѣніе Хребтовичей-Богуринскихъ; намъ не удалось опредѣлить положеніе этого поселенія, 139.
Гривятко, имѣніе князей Збаражскихъ, 154.
Гриковичи — нынѣ **Гридки**, дер. Ковельскаго у., 1.
Грушовно, имѣніе пп. Суропятовъ, 103.
Гульальники — нынѣ **Уляники**, дер. Луцк. у., 258—259, 280.

Д.

Данилковцы, имѣніе въ Брацлавскомъ повѣтѣ, близъ нынѣшн. м. Дашева, 105, 107.
Дашовъ, нынѣ мѣст. Липовецкаго у., 105, 106.
Девятковичи, имѣніе (въ Подляхіи?), 136.
Дегтевъ, дер. Владиміро-Вол. у., 79.
Динятинъ, с. въ Кременецкомъ повѣтѣ, 12.
Добучины, с. въ Бѣлоруссіи, 5.
Дорогобужъ, дер. Острожскаго уѣзда.
— Монастырь прав., 208. Архимандритъ Тимоѳей.

Е.

Езерцы, с. Владиміро-Вол. у., 391.
Еловичи—нынѣ **Яловичи**, с. Дубенскаго у., 64, 65, 67.

Ж.

Жабокрики—нынѣ **Жабокрики-Великія**, с. Дубенск. у., 110, 111, 112.
Жасковичи—нынѣ **Зашкевичи**, с. Владиміро-Вол. у., 135—137, 159.
Жидовцы, с. Сквирскаго у., при р. Унавѣ, 488.
Жидичинскій монастырь, близъ г. Луцка; архимандритъ Іона, 90.
Житомиръ, губ. г. Вол. губ., прежде повѣтовый г. Кіевскаго воеводства, 488.
— Замокъ господарскій, 488.
Жолобное—нынѣ **Жолобово**, дер. Луцкаго у., при р. Стырѣ, 584.
Жомоитская земля—Жмудь, 237.
Журавники, село, находившееся въ юго-зап. углу нынѣшняго Владиміро-Вол. у., 196.

З.

Забороль, село Луцкаго уѣзда, 301—302, 304, 610.
Загайцы, с. Кременецкаго у., 34, 429.
Загоровъ, с. Владиміро-Волынск. у., 286—287.
— Монастырь, 622.

Залучко, дер. Луцкаго у., 487.
Замличи, с. Владиміро-Вол. у., 163, 164, 165, 166, 226.
— Церковь, 347, 348. Священникъ Андрей Гервасевичъ.
Замостье, уѣздн. г. Люблинской губ., 617.
Запорожье, 441
Затурцы, с. Владиміро-Вол. у., 526, 528.
— Церковь, 527, 528. Священникъ Самсонъ.
Збаражъ, г. въ Галиціи, 77, 78.
Збѣроги, имѣніе въ Берестейск. пов, 68, 69, 70.
Звѣровъ, дер. въ Кременецк. у., 308.
Зденежъ—нынѣ **Озденижъ**, с. Луцкаго у., 31—32.
Зеленицы—с. въ Вол. губ. (болѣе точное опредѣленіе не возможно) 589.
Зимно, с. Владиміро-Вол. у., 297, 417,
— Монастырь, 417. Архимандриты: Андрей, Порфирій.

И.

Иваничи, с. Владиміро-Вол. у., 93.
Ивань—нынѣ **Ивани-Пустые**, с. Дубенск. у., 21.
Иква, рѣка въ Вол. губ., правый притокъ Стыра, 21.
Инфлянты—Лифляндія, 66.
Иржищовъ—нынѣ **Ржищевъ**, с. Владиміро-Вол. у., 396.

К.

Камень, с. въ Берестейскомъ пов., 322, 323.
Камень-Коширскій, мѣст. Ковельск. у., 135, 183, 187, 188.
— Замокъ, 183, 187, 188.
— Церковь св. Симеона, 365. Свящ. Леонтій Мартиновичъ.
Каневъ, уѣздн г. Кіевск. губ., 633.
Качинъ, с. Ковельскаго у., 295.
Киселинъ, мѣст. Владиміро-Вол. у., 74, 613.
Кіевъ, губ. г., 91, 442, 443, 633.
Клевань, мѣст. Ровенск. у., 207, 208, 209, 210.
— Церковь св. Михаила, 345. Священникъ о. Иванъ.

— Церковь св. Троицы, 345. Свящ. Трифоній, протопопъ Клеванскій.
Княже, с. Владиміро-Вол. у., 403.
Коблинъ, с. Дубенск. у., 21, 23, 249.
Кобринъ, уѣздн. г. Гродн. губ., 5.
Кобылье, имѣніе Гойскихъ, близъ с. Котова (въ Луцк. или Дуб. у.) 308.
Ковель, уѣздн. г. Вол. губ., 36—38.
Кодня, мѣст. Житом. у., 523.
Коильно—нынѣ **Когильно**, с. Владиміро-Вол. у.
— Церковь, 527, 528. Священникъ Евстратій.
Кокоревъ—теперь **Старый** и **Новый**—деревня и село Кременецк. у., 12.
Количинъ—не есть ли это нынѣшній **Кульчинъ**, дер. Луцк. у.? 255.
— Сеймъ „князей, пановъ, обывателей земли Волынской" 1572 г., 255.
Колпытовъ, с. Владиміро-Вол. у., 542, 543, 544, 548, 553, 554.
— Церковь св. Николая, 542, 554. Священникъ Иванъ Теребинскій.
— Урочище **Турье-Поле**, 544.
Комнатковъ—нынѣ **Комнатка**, с. Кремен. у., 308.
Конотепы, с. лежавшее гдѣ-то близъ с. Миркова, Владиміро-Вол. у., 386.
Копылъ, иначе **Копыли**, с. Луцкаго у., при р. Стырѣ, 11, 87, 88.
Коростышевъ, мѣст. Радомысльск у., 444, 446.
Коростятинъ, дер. Ровенск. у., 235, 241.
Корсынь, поселеніе, лежавшее гдѣ-то въ предѣлахъ Ковельскаго или Луцк. уѣздовъ, 11, 87, 88.
Корытно, с. Дубенскаго у., 3.
Космачовъ, с. Ровенскаго у., 235, 241.
Косово—поселеніе, находившееся гдѣ-то въ южн части Гродн. губ, 135, 183.
Котелевъ—поселеніе, находившееся близъ с. Яловичъ, Дубенск. уѣзда, 65, 66, 67.
Котельня, мѣст. Житомирскаго у., 487, 488.
Котовъ—нынѣ **Котово**, дер. Ровенск. у., 308.
Кочкоровецъ, поселеніе, находившееся гдѣ-то въ нын. Луцк. у., 196.
Кошаревъ—нынѣ **Косаревъ**, с. Дубенск. у., 21.
Коширъ, иначе **Кошеръ**, нынѣ **Кошары-Новые** и **Старые**, село и дер. Ковельск. у., 50, 636.

— Замокъ, 50, 636.

Красная-Воля—нынѣ **Красноволя**, дер. Луцкаго у., 235.

Красное, дер., предмѣстье г. Луцка, 28, 35, 263, 265.

Красноселка, дер. Житомирскаго у., 486.

Кременецъ, уѣздн. г. Волынской губ., 79, 430.

— Замокъ господарскій, 424.

Крупая—нынѣ **Крупы**, с. Луцк. у., 308, 633.

— Замокъ, 308, 449.

Кунятково—поселеніе, находившееся близъ нын. с. Бугрина, Острожскаго у., 138.

Курозвоны, дер. Острожскаго у., 85.

Л.

Лавровъ, с. Луцкаго у., 81, 82, 83.

Ладыжичи, с. Радомысльск. у., 419—421.

Лазковъ—нынѣ **Ласковъ**, с. Владиміро-Вол. у., 17, 119, 287, 325, 326, 327, 328.

Лещатовъ, с., 97—100.

Лидуховъ—нынѣ **Ледуховъ**, с. Кременецкаго у., 308.

Линги—поселеніе въ „Жомоитской землѣ“, 237.

Линевка—въ Кобринскомъ повѣтѣ, 117, 119.

Линево, озерцо, въ нынѣшн. Дубенск. у., близъ с. Лопавшъ и Хринникъ, 3.

Линовка, с. въ Берестейскомъ повѣтѣ, 325, 326, 327, 328, 331.

— Церковь Воздвиженія Честнаго Креста, 325.

Липники, с. въ Берестейск. повѣтѣ, 322.

Литогощъ, с., 87, 89.

Локачи, мѣст. Владиміро-Вол. у., 259.

Лопавши, с. Дубенскаго у., при р. Стырѣ, 3.

— Урочище **Пропастища**.

Лососинъ, въ Литвѣ, въ повѣтѣ Слонимскомъ, 353, 354.

Луцкъ, уѣздн. г. Вол. губ., прежде—главный городъ воеводства Волынск. и повѣта Луцкаго, 59, 131, 179, 253, 264, 285, 307, 335, 410, 601.

— Замокъ вышній—264, 265, 266, 334, 411, 412, 546, 601.
— Замокъ окольный—413.
— Церковь соборная І. Богослова, 266, 546.
— Церковь св. Димитрія, 413. Священникъ Михаилъ.
— Костелъ каѳедральный св. Тройцы, 469.
— Ратуша, 475.
— Рынокъ, 169.
— Сеймъ Волынскихъ дворянъ, 126, 131.
— Тюрьма для заключенія преступниковъ, 601.
— Армяне Луцкіе, 485.
— Караимы Луцкіе, 521.
Львовская земля—Галичина, 476.
Львовъ, г. въ Галиціи, бывшій главн. городъ воеводства Русскаго, 485.
— Епископія Галицкая, Львовская и Каменца-Под.—см. Гедеонъ **Болобанъ**.
— Армяне Львовскіе и ихъ бискупъ, 485.
Любаши—не есть ли это нынѣшнія **Любахи**, дер. Луцк. у.? 308.
Любинъ, дер. близъ г. Ковля, Вол. губ., 36—37.
Люблинъ, губ. г., нѣкогда главный г. воеводства, 489, 529, 624.
— Кляшторъ мнишекъ, 489, 529.
— Костелъ св. Духа, 489.
— Сеймъ вальный Любельскій въ 1569 г., 175.
Любче, нынѣ **Любча**, с. Луцкаго у., 183, 495, 496, 497, 498, 500, 503, 508, 509, 510, 513.
Ляшки, дер. Владиміро-Вол. у., 97, 98, 99, 100.

М.

Мазовшъ—Мазовецкое воеводство, 312.
Марковичи, село Владиміро-Вол. у., 192, 193.
Межиричъ (Острожскій), м. Острожск. у, 79.
Межиричъ (Корецкій), м. Ровенскаго у., 292, 293, 356.
— Замокъ, 294.
Мельница, мѣст. Ковельскаго у., 123, 124.

Микуличи, с. Владиміро-Вол. у.; церковь—527, 528. Священникъ о. Илія.
Миловши—нынѣ **Милуши**, дер. Луцк. у., при р. Стырѣ, 130, 131, 132.
Милятинъ, мѣст. Владиміро-Вол. у., 402, 586, 587.
— Замокъ, 586.
Мирковъ, с. Владиміро-Вол. у., 269, 374, 386, 392.
— Церковь, 376, 377. Священникъ о. Стефанъ.
Митровичи, с. въ Галиціи, 197.
Михлинъ, с. Луцк. у., 53, 54, 55, 57.
Млыновъ, мѣст. Дубенскаго у., 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24.
Могилки, урочище (въ XV в.) между сс. Хринниками и Лопавшами, въ нын. Дубенск. у., 3.
Мозыръ, уѣздн. г. Минск. губ., 46, 47.
Мойсейковичи—нынѣ **Мойсейки**, дер. Радомысльск. у., 488.
Москва—Московское государство, 387.
Мощонъ—приселокъ м. Тучина, Ровенск. у., 235, 241.
Мусоры—нынѣ двѣ дер. **Мусоръ-Старый** и **Новый**, Ковельск. у., 72.
Муравица, м. Дубенск. у., 629, 630, 631.
— Замокъ, 630.
Мытища—нынѣ **Мытище**, дер. Луцк. у., 81, 82, 83.
Мышовъ, с. Владиміро-Вол. у., 146.

Н.

Навозъ, деревня Луцкаго у., 87, 88.
Несвижъ (Несвѣжъ), заштат. г. Слуцк. у., Минск. губ., 629.
Несвичъ, село Луцкаго у., 52, 53, 54, 55, 57, 59, 606, 610.
Низъ—Запорожье, 441.
Новое-Село, поселеніе, лежавшее гдѣ-то въ нынѣшн. Луцк. у., 316, 317.
Новоселки, дер. Кременецк. у., 83.
Носачевичи, было поселеніе въ нын. Луцкомъ у., 87, 88, 89.

О

Овлучимъ—нынѣ **Овлачимъ**, с. Владиміро-Вол. у., 554.
Овручъ, уѣздный гор. Вол. губ.; прежде повѣтовый г. Кіевскаго воеводства, 96, 142, 418.

— Монастырь Заручайскій св. Пречистой, 143.
— Монастырь св. Спаса, 142.
— „Соборъ Овруцкій“ (т. е. духовенство г. Овруча), 142.
Озеро—нынѣ **Озеры**, дер. Луцкаго у., 218.
Озліевъ, было поселеніе близъ м. Млынова, Дуб. у., 17—24.
Олевскъ, м. Овручск. у., 93, 94.
Олишковичи, было поселеніе, какъ кажется, въ нынѣшнемъ Луцк. у., 87, 88, 89.
Олыка, м. Дубенскаго у., 208, 215, 477, 521, 629.
— Магистратъ, 521.
Ольшаница, было село въ нынѣшнемъ Владиміро-Вол. у., 554.
Омеляникъ, дер. Луцкаго у., 606, 610, 611.
Ораны, дер. Владиміро-Вол. у., 117, 119, 325, 326, 327, 328.
Орсоновичи (и **Гирсоновичи**), было поселеніе, какъ кажется, въ нынѣшнемъ Луцк. у., 87, 88.
Осекровъ, дер. Владиміро-Вол. у., 260, 261, 289.
Осмиговичи, с. Владиміро-Вол. у., 156, 305, 306.
Острогъ, уѣздн. г. Вол. губ., 75, 101, 600, 601.
— Замокъ окольный, 600.
— Церковь св. Бориса и Глѣба, 600.
— Костелъ, 600.
— Дворъ францисканцевъ Межирицкихъ, 600.
Охлоповъ, с. Владиміро-Вол. у., 368, 373, 386, 387, 388, 391, 393, 394, 396, 397, 400, 403.
— Церковь (священникъ Карпъ), 376, 377, 381, 390, 392, 395, 398.
Ощовъ, с. Владиміро-Вол. у., 394, 411.

П.

Паньковцы, с. Кременецкаго у., при р. Горыни, 316—317.
Пекаловъ, с. Дубенскаго у., 17—24.
Перевалы, с. Владиміро-Вол. у., 79.
Перемыль, нынѣ **Перемель**, с. Дубенскаго у., 183.
— Замокъ, 183

Пересопница, дер. Ровенскаго у., 344.
— Монастырь, 344. Игуменъ Кирилло Лясковскій.
Пески, г. въ Бѣлоруссіи, 630, 631.
— Замокъ, 630.
Петрашевичи, было поселеніе, какъ кажется, въ предѣлахъ нынѣшняго Луцкаго у., 87, 88, 89.
Пилявки,—т. е. **Пилява**, мѣст. Литинск. у., 617.
— Разгромленіе польскаго войска Б. Хмельницкимъ, 617.
Пинскъ, уѣздн. г. Минской губ., 267.
Пироговичи, было поселеніе въ Кіевск. воеводствѣ, 488.
Погорѣльцы, было поселеніе близъ м. Млынова, въ нын. Дуб., у., 21.
Поддубцы, с. Луцкаго у., 102, 104.
Подлѣсы—нынѣ **Подлѣсье**, с. Ковельскаго у., 11, 50, 87, 88.
Подляшье—**Подляское** воеводство, 136.
Подрѣжъ—кажется, нынѣшнее **Подрыже**, с. Ковельск. у., 126, 132, 216, 220.
Порванче, деревня Владиміро-Вол. у., 42, 374, 399.
Порыцкъ, м. Владиміро-Вол. у., 343.
— Костелъ, 347.—Ксендзъ Адамъ Клопотовскій.
Порыцькъ одинъ и другой—нынѣ **Порскъ-Великій** и **Малый**, село и деревня Ковельскаго у., 1.
Посягва, с. Острожскаго у., 92.
Почаевъ,—нынѣ **Почаевъ-Новый** и **П.-Старый**, мѣст. и село Кременецкаго уѣзда, 308.
Приборско—нынѣ **Приборскъ**, с. Радомысльскаго у., 419, 420, 421.
Пропастища, урочище (XV в.) близъ с. Лопавшъ, въ Дубенск. у., 3.
Псковъ, губ. городъ, 387.
— Его осада въ 1582 г., 387.
Птиче, село Дубенскаго у., 412, 413.
Пузовъ, с. Владиміро-Вол. у., 313—314, 479, 480, 481, 483, 484.
Пустомыты, с. Ровенскаго у., 235, 241.
Путятичи, въ Мозырскомъ повѣтѣ, 139.
Пятигорщина, имѣніе земянъ Покотиловъ-Пятигорскихъ (?), 108.

Р.

Радзиховъ, с. въ Галиціи, 477.
Радобыль, было село въ повѣтѣ Владимірскомъ, 353—354.
Радовичи, дер. Владиміро-Вол. у., 299—300.
Радомль, с. Кременецкаго у., 357, 358.
Радошинъ, с. Ковельскаго у., 103, 281.
Расники, было поселеніе въ предѣлахъ, кажется, нын. Луцк. у., 308.
Ржищевъ, с. Владиміро-Вол. у., 196.
Роговичи, с. Владиміро-Вол. у., при р. Лугѣ, 121, 122.
Рожища—нынѣ **Рожище**, м. Луцкаго у., при р. Стырѣ, 547.
Романово—нынѣ **Романовка**, м. Сквирскаго у., 488.
Роскопаница-Могила, урочище (XV в.) близъ с. Хринникъ, въ нынѣшнемъ Дубенск. у., 3.
Росновъ—нынѣ **Руcновъ**, дер. Владиміро-Вол. у., 163.
Руда, дер. Владиміро-Вол. у., 87, 88.
Ружинъ, с. Ковельскаго у., 121, 144, 145, 452.

С.

Савчичи—нынѣ **Савчицы**, дер. Кременецкаго у., 308.
Садки, дер. Острожск. у., 44, 45.
Свержно, имѣніе п. Остиковича (?), 14, 15.
Свинаринъ, с. Владиміро-Вол. у., 260.
Свинюхи, м. Владиміро-Вол. у., 375, 381, 391, 622.
Селецъ, с. Владиміро-Вол. у., 105, 106, 387.
— Церковь, 376, 377. Священникъ о. Ѳеодосій.
Серны—нынѣ **Шарно**, дер. Овручск. у. (?), 544.
Серховъ, с. Луцкаго у., 25—26.
Склѣнь—нынѣ **Шклинъ**, дер. Луцкаго у., 54, 57.
Скорче—нынѣ **Скурче**, с. Луцкаго у., 497, 508.
Славожичи—было поселеніе, какъ кажется, въ нын. Луцкомъ у., 86, 88.
Слонимъ, уѣздн. г. Гродн. губ., 9.
Смолѣговъ—нынѣ **Смолиговъ**, с. Луцкаго у., 295.
Смордва, с. Дубенскаго у., 21, 91, 202, 205.

Сморжевъ, с. Ровенскаго у., 297, 344, 345.
Смыжаль, рѣчка (упомин. въ докум. XV к.) близъ с. Лопавшъ и Хринникъ, въ нын. Дубенскомъ у., 3.
Смыковъ, дер. Дубенскаго у., 257.
Сокиричи, село, находилось гдѣ-то близъ г. Луцка, 218.
Соколь—нынѣ **Сокуль**, мѣст. Луцкаго у., 11.
Сосницы-Великія и **Малыя** и еще **Сосны**, поселенія, находившіяся гдѣ-то близъ г. Луцка, 487.
Ставки, с. Владиміро-Вол. у., 72.
Ставокъ, дер. Ковельскаго у., при р. Турiѣ, 627.
Ставровъ, с. Дубенскаго у., 210, 211.
Старый-Ставъ—нынѣ **Староставъ**, предмѣстье м. Горохова (Владиміро-Вол. у.), 398.
Степань, м. Ровенскаго у., при р. Горыни, 456, 459.
— Староста Богданъ Омеляновичъ.
Стуга, поселеніе „въ Литвѣ", 216.
Стыръ, рѣка, притокъ Припети, 3, 65, 267, 474.
Сускъ, дер. Ровенскаго у., 11, 83, 86, 89.
Суходолы, с. Владиміро-Вол. у., 79, 147—154, 157—158, 162, 340, 347.
Сѣтовичи, имѣніе кн. Сокольскихъ въ Бѣлоруссіи, 11.

Т.

Тавровъ, было поселеніе въ предѣлахъ нын. Луцк. или Владиміро-Вол. у., 79.
Теремцы, дер. Радомысльскаго у., 419, 420, 421.
Терешковецъ, с. Владиміро-Вол. у., 403.
Тесовъ, с. Острожскаго у., 599.
Торчинъ, м. Луцкаго у., 361, 534.
Тристень, с. Луцкаго у., близъ м. Рожищъ, 201, 316—317.
Тростенецъ, с. Луцкаго у., 433, 437.
Трубецкъ—Трубчевскъ, уѣздн. г. Орловской губ., 442.
Туличовъ, дер. Владиміро-Вол. у.; есть и другая дер. того-же имени въ Ковельск. у., 633.

Турійскъ, м. Ковельскаго у.
— Турійскій повѣтъ (XV в.), 627.
Турна, приселокъ с. Каменя, въ Берестейскомъ повѣтѣ, 322.
Туровъ, м. Мозырск. у., Минской губ., 633.
Турье-Поле, урочище близъ с. Колпытова, Владиміро-Вол. у., 544.
Тучинъ, м. Ровенскаго у., 90, 235, 236, 239, 241, 242, 243, 248.
— Замокъ, 243, 247, 248, 249.

У.

Угольница, было поселеніе, какъ кажется, въ предѣлахъ нын. Луцкаго у., 87, 88, 89.
Угриновъ, дер. Луцкаго у., 53, 54, 55, 57, 61, 62.
— Церковь. Священникъ Іаковъ, 581.
Ужинецъ, болото, гдѣ нынѣ с. Ужинецъ, въ Дубенск. у., 21.
Украина, страна, 615.
Устилугъ, м. Владиміро-Вол. у., 309.
— Церковь св. Юрія, 209. Священникъ Савва Клементовичъ.
Утески, с. на Подольи (?), 103.

Ф.

Фостница—нынѣ села **Великая** и **Малая-Фосня**, Овручск. у., 419—420, 421.

Х.

Хворостовъ, с. Владиміро-Вол. у., 163, 165, 166.
Хмелевъ—нынѣ **Хмелево**, с. Владиміро-Вол. у., 86.
Ходорковъ, м. Сквирскаго у., 441.
— Замокъ пп. Тышей-Быковскихъ, 442.
Хойно, с. въ Холмскомъ повѣтѣ, 617.
Холмъ, уѣздн. г. Люблинск. губ., 74.
Холоневъ, дер. Владиміро-Вол. у., 393, 403.
Холопичи, с. Владиміро-Вол. у., 610.
Холпневъ—нынѣ **Хопневъ**, дер. Луцкаго у., 432, 434, 435, 436, 438

— Церковь; священникъ о. Стефанъ, 440.
Хоровъ, с. Владиміро-Вол. у., 621.
Хотячовъ—нынѣ **Хотешовъ**, с. Ковельскаго у.
— Церковь; священникъ о. Василій, 581.
Хренники—нынѣ **Хриники**, с. Дубенскаго у., при р. Стырѣ, 3.
— Урочища: **Могилки** и **Язвинки** (XV в.), 3.
— **Роскопаница**—могила въ дубравѣ Хренницкой, 3.
— Церковныя нивы (въ XV в.), 3.

Ц.

Цевовъ—кажется, нынѣшнее с. **Цегово**, Владиміро-Вол. у., 25—26, 394.
Цеперовъ, дер. Луцкаго у., 596.

Ч.

Чать, имѣніе п. Кирдѣя-Мыльскаго (?), 74—75.
Чекно, с. Дубенск. у., при р. Стырѣ, 64, 65, 66.
Черемошна, рѣчка, притокъ Тетерева, 444.
Чаркасы, уѣздн. г. Кіевск. губ., 633.
Чернично, приселокъ м. Тучина, Ровенск. у., 235, 241.
Черньчичи, с. близъ г. Луцка, на р. Стырѣ, 120, 588.
Четвертня, с. Луцкаго у., при р. Стырѣ, 86, 88, 218, 219, 220, 221.
— Замокъ, 218.
Чолница—поселеніе, находившееся, вѣроятно, въ нынѣшнемъ Луцкомъ уѣздѣ, 218.
Чорторыйскъ—нынѣ **Черторійскъ**, м. Луцкаго у., при р. Стырѣ, 487.
Чудновъ, м. Житомирскаго у., при р. Тетеревѣ, 447, 448.
— Замокъ, 447, 448.

Ш.

Шельвовъ—с. Владиміро-Волынскаго уѣзда, 302, 319—321.
Шепетовка, м. Заславскаго у., 589.

Шостаковъ, дер. Ровенскаго у., 40—41.
Шпаковъ, дер. Ровенскаго у., 171—172.
Шумбаръ, с. Кременецкаго у., при р. Виліи, 13, 29, 34.
— Замокъ, 29, 34.

Щ.

Щуринъ, с. Луцкаго у. 202, 462, 463, 464, 465, 467.
— Церковь, 463.
Щуровичи, с. въ Галиціи, 476.

Я.

Язвинки—урочище близъ с. Лопавшъ и Хренникъ, въ нынѣшнемъ Дубенск. у., 3.
Яровая—нынѣ с. **Юрово**, Овручскаго у., 139.
Яровица, село, нынѣ предмѣстье г. Луцка, 214, 218, 220, 221, 230.
Ярославичи, с. Дубенскаго у., 169.
Ясеновка, дер. Луцкаго у., 316—317, 464.
Ясеновъ, какъ кажется, то же, что и **Ясеновка**, 201.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стран.

Предисловіе къ актамъ.

I. Вѣновная запись волынскаго землянина Дмитра Порыцкаго, обезпечивающая приданое жены его Гальшки, дочери п. Грицька Кирдѣевича. Документъ половины XV ст. . . . . 1.

II. Запись волынскаго земянина Волчка Хренницкаго о томъ, что въ обезпеченіе денежной суммы, условленной въ приданое за дочерью его Мариною при выдачѣ ея замужъ за землян. Пашка Посяговецкаго, онъ впредь до уплаты таковой суммы уступаетъ зятю и дочери въ пользованіе имѣніе Лопавши. Опредѣленіе границъ этого имѣнія и условій пользованія имъ. 1472 г., сентября 15. 2.

III. Вѣновная запись князя Ивана Семеновича Кобринскаго, выданная имъ женѣ своей княгинѣ Ѳедкѣ, дочери Ивана Рогатинскаго, на сумму 2000 золотыхъ угорскихъ, съ обезпеченіемъ этой суммы на двухъ частяхъ его отчины. 1487 года, января 25, индиктъ 5. . . . . 4.

IV. Грамота Сигизмунда I о подтвержденіи пану Мартину Хребтовичу права опеки надъ дочерью и имѣніями умершаго намѣстника Брестскаго Сенка Олизаровича съ устраненіемъ вдовы послѣдняго отъ распоряженія этими имѣніями. Основаніемъ такому праву служило то обстоятельство, что сынъ Хребтовича Богданъ, не достигшій совершеннолѣтія, былъ сосватанъ съ означенной дочерью Олизаровича. 1507 года, декабря 28, индиктъ 10 . . 5.

V. Королевскій декретъ по дѣлу о приданомъ княжны Ганны Васильевны Полубенской, бывшей въ замужествѣ за княземъ Александромъ Андреевичемъ Сангушковичемъ-Копирскимъ и потомъ разведенной съ нимъ. 1534 года, марта 12, индиктъ 7 . . 6.

стран.

VI. «Судовый листъ» кіевскаго митрополита Макарія по дѣлу объ отказѣ земянки Юражиной выдать въ замужество за князя Богдана Пузыну дочь свою Ѳедю, раньше уже „змовленную“ и „зарученную“ съ нимъ. 1536 года, генваря 11. . . . . 8.

VII. Запись князя Солтана Михайловича Сокольскаго, выданная имъ женѣ своей Оленѣ Коптевнѣ въ дополненіе къ первоначальному вѣновному ея листу, съ обозначеніемъ тѣхъ имѣній, какія должны перейти ей въ вѣно въ случаѣ ея вдовства. 1538 г., августа 16. . . . . 10.

VIII. Запись волынскаго земянина Боговитина Петровича Шумбарскаго и его жены, выданная ихъ зятю Яну Богдановичу Загоровскому на право владѣнія имѣніями Кокоревымъ и Динятиномъ впредь до уплаты ему трехсотъ копъ грошей, обѣщанныхъ ими въ приданое за своею дочерью. 1538 года, ноября 6. . . . 12.

IX. Дарственная запись, выданная п. Миколаемъ Юрьевичемъ Остиковичемъ женѣ своей, княжнѣ Ганнѣ Романовнѣ Любецкой, на имѣніе с. Свержно, въ благодарность за супружескую любовь ея, а равно и за то, что она, не будучи еще женой Остиковича, ссужала его деньгами и дѣлала ему разнаго рода цѣнные подарки. 1546 г. октября 10. . . . . 14.

X. Дарственная запись п. Яна Якубовича Монтовта-Коблинскаго въ пользу малолѣтней дочери своей Ганны на имѣнія с. Млыновъ съ приселками, выданная въ видѣ удовлетворенія отчасти за дурное обращеніе его съ женою, а главнымъ образомъ за нарушеніе имъ предбрачнаго условія, по которому означенная дочь должна была быть окрещенной въ вѣру матери, т. е. въ православіе; объясненіе п. Монтовта относительно побужденій, въ силу которыхъ онъ рѣшился окрестить дочь по католическому обряду. 1547 г., августа 22. . . . . 16.

XI. Вѣновная запись земянина Ѳедора Воютинскаго, выданная имъ новобрачной женѣ своей Оленѣ Промчейковичевой-Деревянецкой въ обезпеченіе приданаго и въ награду за сохраненіе цѣломудрія. 1551 года, мая 12. . . . . 24.

XII. Предбрачная вѣновная запись, выданная п. Михайломъ Боговитиномъ-Шумбарскимъ невѣстѣ своей, паннѣ Ганнѣ Олехновнѣ Борзобогатовнѣ, въ обезпеченіе обѣщаннаго за нею приданаго. 1552 г. февраля 27. . . . . 27.

СТРАН.

XIII. Вѣновная запись, выданная п. Василіемъ Михайловичемъ Семашкомъ своей женѣ Оленѣ Есифовичевой въ обезпеченіе ея приданаго. 1554 года, іюня 29. . . . . 30.

XIV. Дарственная запись п. Михайла Боговитина-Шумбарскаго на значительную денежную сумму, выданная имъ въ пользу своей жены Ганны Борзобогатовны въ награду за вѣрную супружескую любовь и изъ желанія имущественно обезпечить ея положеніе на случай его смерти. 1557 годя, іюня 1. . . . . . 33.

XV. Вѣновная запись п. Өедора Бѣлинскаго, выданная имъ женѣ своей Ганнѣ изъ Парцова въ обезпеченіе принесеннаго ею приданаго. 1559 года, февраля 20. . . . . 36.

XVI. Вѣновная запись, выданная п. Михайломъ Шостаковскимъ своей женѣ Настасьи Бронницкой въ обезпеченіе внесеннаго ею приданаго. 1560 г., февраля 5. . . . . 39.

XVII. Декретъ Луцкаго замковаго суда по жалобѣ земянина Ивана Ставецкаго на свою тещу Татьяну Порванецкую объ удержаніи обѣщаннаго за ея дочерью приданаго. 1561 года, марта 21. 42.

XVIII. Дарственная запись земянки Ганны Добринской на третью часть родовыхъ ея имѣній, выданная ею мужу своему Андрею Добринскому въ благодарность за его любовь и попеченіе о ней. 1562 года, генваря 16. . . . . 43.

XIX. I. Жалоба земянина Михайла Лабунскаго о томъ, что его жена Марья Гулевичевна въ его отсутствіе уѣхала изъ дому, забравъ цѣнное имущество, и отказывается возвратиться къ жалобщику. 1563 года, февраля 23. . . . . 46.

II. Жалоба жены Лабунскаго о томъ, что мужъ наносилъ ей частые побои, отобралъ ея имущество, вынуждалъ отъ нея въ свою пользу дарственную запись на ея вѣно и приданое и грозилъ въ случаѣ отказа взвести на нее позорное обвиненіе въ нарушеніи супружеской вѣрности. 1563 г., марта 31. . . . . 47.

XX. Условіе, заключенное княземъ Александромъ Андреевичемъ Сангушковичемъ-Коширскимъ съ княземъ Александромъ Өедоровичемъ Чорторыйскимъ, воеводою Волынскимъ, по которому сынъ перваго, князь Левъ, имѣлъ вступить въ бракъ съ дочерью послѣдняго, княжною Мариною, съ назначеніемъ срока свадьбы черезъ три года. 1563 года.—Жалоба князя Чорторыйскаго о нарушеніи княземъ Сангушковичемъ означеннаго условія. 1564 г., марта 7 . . . . 48.

Стран.

XXI. Жалоба земянина Януша Угриновскаго объ уклоненіи земянина Ильяша Несвѣцкаго отъ исполненія условія, заключеннаго имъ первоначально съ отцемъ жалобщика, а затѣмъ вторично съ нимъ самимъ относительно выдачи въ замужество за него дочери своей Богданы. Донесеніе вижа о врученіи имъ п. Несвѣцкому урядоваго «напоминальнаго листа» по этому дѣлу и о рѣшительномъ его отказѣ выдать дочь за п. Угриновскаго. Свидѣтельство того же вижа относительно приготовленій, сдѣланныхъ Угриновскимъ къ несостоявшейся свадьбѣ. 1563 г., октября 5. 51.

II. Декретъ Луцкаго земскаго суда по означенной жалобѣ. 1568 года, августа 28. . . . . 56.

XXII. Духовное завѣщаніе князя Якова Васильевича Кроткаго-Еловицкаго, въ которомъ онъ, между прочимъ, обезпечиваетъ вѣно своей жены, такъ какъ она при выходѣ замужъ не получила отъ него обычной вѣновной записи. 1564 года, марта 18. . 63.

XXIII. Заявленіе земянина Брестскаго повѣта Василія Збѣрожскаго о томъ, чѣмъ онъ обязывается обезпечить вѣно новобрачной женѣ своей, дочери Волынскаго земянина Галенѣ Бокіевнѣ. Заявленіе это должно было временно замѣнить собою установленную вѣновную запись, каковую Збѣрожскій обязывается выдать впослѣдствіи и внести ее въ актовыя книги своего повѣта. 1564 г., мая 18. . . . . 68.

XXIV. Запись п. Марьи Борзобогатовны Красенской объ условіяхъ добровольнаго расторженія брака ея съ п. Яцкомъ Добрылчицкимъ, съ предоставленіемъ обѣимъ сторонамъ права вступленія въ новые брачные союзы. Поводъ къ разводу—несогласная жизнь супруговъ. Судьба дѣтей. 1564 г., мая 27. . . . 70.

XXV. Соглашеніе, заключенное передъ третейскимъ судомъ между маршалкомъ королевскимъ Петромъ Кирдѣемъ-Мыльскимъ и его зятемъ Янушемъ Крупскимъ, подчашимъ Холмскимъ, по которому жена послѣдняго Маруша Кирдѣевна имѣла оставаться въ домѣ отца, вмѣстѣ съ своимъ приданымъ, до того времени, пока мужъ ея, согласно предбрачному условію, совершитъ законнымъ порядкомъ вѣновную запись и вручитъ ее тестю. 1564 года, іюня 14 . . . . 73.

XXVI. I. Предбрачное условіе, заключенное п. Василіемъ Петровичемъ Загоровскимъ съ княземъ Николаемъ Андреевичемъ

СТРАН.

Збаражскимъ, старостою Кременецкимъ, относительно женитьбы его на дочери послѣдняго, княжнѣ Маринѣ. 1564 года, іюля 10.

II. Вѣновная запись того же п. Загоровскаго, въ которой онъ обезпечиваетъ женѣ своей, княжнѣ Маринѣ Збаражской, денежную сумму, вдвойнѣ превышающую стоимость ея приданаго. 1566 года, февраля 12. . . . . 76.

XXVII. Заявленіе вдовы князя Богуша Любецкаго Ганны Монтовтовны о томъ, что она по своей волѣ и желанію выходитъ замужъ за князя Василія Солтановича Сокольскаго. 1564 года, сентября 26. 80

XXVIII. Дарственная запись земянки Олены Патрикіевой-Курозвонской на третью часть родовыхъ ея имѣній, выданная ею мужу своему Ивану Патрикію Курозвонскому въ благодарность за любовь и попеченіе. 1564 года, ноября 10. . . . . 81.

XXIX. Дарственная (вмѣсто вѣновной) запись земянина Ивана Патрикія-Курозвонскаго женѣ своей Оленѣ Цатиной на денежную сумму съ обезпеченіемъ послѣдней на третьей части имѣнія дарителя. 1564 года, ноября 20 . . . . 84.

XXX. Дарственная запись княгини Ганны Масальской на свои родовыя имѣнія, выданная мужу ея князю Андрею Петровичу Масальскому въ благодарность за супружескую любовь и попеченія. 1564 г., декабря 1 . . . . 86.

XXXI. Жалоба воротнаго замка Луцкаго Войтеха Красовскаго отъ имени родственницы своей Ганны Яцковны о томъ, что мужъ ея, земянинъ Ѳедоръ Хомякъ-Смордовскій удалилъ ее, беременную, изъ своего дома, забравъ ея приданое. Донесеніе вознаго, что урядникъ п. Хомяка, по его приказу, не пустилъ Ганны въ домъ ея мужа, именуя ее не женою, а кухаркою своего пана. 1564 года, декабря 12. . . . . 91.

XXXII. Предбрачное условіе, заключенное п. Іосифомъ Немиричемъ съ нареченнымъ и обрученнымъ зятемъ своимъ, земяниномъ Лазаремъ Иваницкимъ относительно выдачи за него въ замужество своей дочери, срока вѣнчанья и свадьбы и приданаго. 1565 г., марта 21.—Жалоба со стороны жениха о неисполненіи п. Немиричемъ означеннаго условія. 1566 г., іюля 11 . . . . . 93.

XXXIII. Дарственная запись п. Галены Крушовой на родовыя имѣнія, движимость и суммы денежныя, выданная ею мужу сво-

СТРАН.

ему въ знакъ искренней любви къ нему и признательности за такую же любовь съ его стороны. 1565 года, мая 7. . . . . 96.

XXXIV. Духовное завѣщаніе земянина Романа Гулевича, по которому онъ предоставляетъ женѣ своей право полнаго распоряженія его имѣніемъ Радошинымъ впредь до совершеннаго возраста ихъ сыновей, съ обязательствомъ изъ доходовъ означеннаго имѣнія собрать дочерямъ приданое. 1565 года, іюня 12. . . 102.

XXXV. Вѣновная запись земянина Остафія Короваевича-Селецкаго, въ которой онъ, изъ особой любви къ женѣ, записываетъ ей вѣно (въ двойной суммѣ противъ приданаго) на двухъ частяхъ всѣхъ имѣній, какія имѣетъ или впредь имѣть будетъ, а третью часть тѣхъ же имѣній, равно какъ и всю движимость, записываетъ ей въ даръ съ правомъ полной собственности. 1565 года, іюня 24 104.

XXXVI. Духовное завѣщаніе земянина Ивана Жабокрицкаго, въ которомъ онъ, желая обезпечить положеніе своей жены послѣ его смерти, не только во всемъ подтверждаетъ раньше записанное ей вѣно на третьей части его родового имѣнія, но еще даритъ ей все движимое имущество и сверхъ того ей одной поручаетъ опеку надъ дѣтьми и полное распоряженіе его имѣніемъ, предоставляя ей право, по достиженіи всѣми дѣтьми совершеннолѣтія, распредѣлить между ними это имѣніе по своему усмотрѣнію. 1565 года, августа 6.. . . . . 109.

XXXVII. I. Дарственная запись земянки Ганны Воронянки Сокоровой, въ которой она, изъ чувства глубочайшей любви къ своему мужу п. Григорію Сокору и признательности за такую же любовь съ его стороны, записываетъ ему въ даръ свое приданое и все то, чѣмъ она лично владѣетъ или впредь владѣть будетъ. 1565 года, октября 30. . . . . 112.

II. Такого же содержанія дарственная запись п. Григорія Сокора своей женѣ. 1565 года, октября 30. . . . . 115.

XXXVIII. Вѣновная запись зем. Лаврентія Оранскаго, выданная имъ своей женѣ Марьи, дочери зем. Семена Ласковича-Черничцкаго. 1566 г, мая 2. . . . . 117.

XXXIX. Жалоба княгини Настасьи Ружинской о томъ, что дочь ея княжна Катерина самовольно, безъ вѣдома матери, вышла замужъ за «нѣякого» Яна Панковскаго и вмѣстѣ съ нимъ отняла у жалобщицы имѣніе въ с. Роговичахъ. 1566 года, іюля 15. . . 121.

СТРАН.

XL. **Дѣло о замужествѣ Богданы Семашковны:**

1. Условіе, заключенное Владимірскимъ подкоморіемъ Александромъ Семашкомъ съ Мельницкимъ старостою Григоріемъ Воловичемъ относительно выдачи опекаемой Семашкомъ двоюродной сестры своей Богданы Васильевны Самашковны въ замужество за сына Воловича. Срокъ свадьбѣ назначается черезъ пять лѣтъ послѣ заключенія предбрачнаго условія. 1566 года, іюля 12. . . . . 122.

2. Протоколъ рѣшенія Луцкаго гродскаго суда (съ участіемъ почетнѣйшихъ обывателей Волынскаго воеводства) о дозволеніи Богданѣ Семашковнѣ, согласно ея личному желанію и дозволенію со стороны ея матери и опекуновъ, выйти замужъ за князя Януша Матвѣевича Четвертенскаго, не взирая на то, что ея двоюродный братъ Александръ Семашко, считая себя ея опекуномъ, противился этому браку и самовольно сговорилъ ее раньше за п. Григорія Воловича. 1569 года, мая 10. . . . . 125.

3. Донесеніе вознаго, ѣздившаго къ п. Александру Семашку съ приглашеніемъ пожаловать на свадьбу его сестры Богданы Семашковны. Отвѣтъ Семашка. 1569 года, мая 10. . . . . . 130.

4. Донесеніе вознаго объ отказѣ Александра Семашка возвратить своей сестрѣ Богданѣ родовыя ея имѣнія. 1569 года, мая 20 . . . . 132.

XLI. Жалоба отъ имени земянки Марины Мелешковны о томъ, что мужъ ея земянинъ Прокопъ. Волчко-Жасковскій держалъ ее въ заключеніи, морилъ голодомъ и холодомъ, часто подвергалъ побоямъ и истязаніямъ, вынуждалъ отъ нея выдачу бракоразводной записи и наконецъ, мѣсяцъ спустя послѣ брака, приказалъ отправить ее къ матери, удержавъ у себя все приданое. 1567 года, марта 24. . . . . 134.

XLII. Вѣновная запись п. Семена Хребтовича-Богуринскаго, выданная имъ своей женѣ Раинѣ, дочери п. Андрея Ивановича Русина-Берестецкаго. 1567 года, мая 22. . . . . 138.

XLIII. Духовное завѣщаніе подстаросты Винницкаго Андрея Ѳедоровича Ельца, въ которомъ онъ, озабочиваясь судьбой остающейся послѣ него молодой жены и еще не родившагося потомка, подтверждаетъ ея вѣно и записываетъ ей въ даръ все свое движимое имущество. 1567 года, іюня 8. . . . . 140.

стран.

XLIV. Донесеніе вознаго о переговорахъ п. Станислава Даменскаго съ княгинею Марьей Ружинскою и ея сыновьями по дѣлу сватовства его съ княжною Ганною Ружинскою. 1567 года, ноября 13. . . . . 144.

XLV. Документы, относящіеся къ дѣлу о разводѣ Василія Загоровскаго съ первою женою его, княжною Марьей (она же Марина) Збаражскою:

1. Донесеніе вознаго о томъ, что урядникъ п. Василія Загоровскаго, по его приказу, не дозволилъ княгинѣ Аннѣ Збаражской видѣться съ ея падчерицею, княжною Марьей Збаражскою, женою п. Загоровскаго. 1567 года, іюня 7. . . . . 147.

2. Жалоба урядника п. Василія Загоровскаго о вооруженномъ нападеніи князя Николая Збаражскаго на дворъ Загоровскаго въ с. Суходолахъ и увозѣ его жены. Перечень пограбленнаго при этомъ имущества. Дознаніе вознаго. 1567 года, іюля 17. 148.

3. Заявленіе князя Николая Збаражскаго о томъ, что онъ не дѣлалъ никакого наѣзда на дворъ своего зятя Василія Загоровскаго, а былъ тамъ для свиданія съ дочерью, женою Загоровскаго, и взялъ ее съ собою потому, что она слезно просила о томъ, жалуясь на дурное обращеніе съ нею мужа. Подтвержденіе этого заявленія со стороны вознаго. Личная жалоба княжны Марины Збаражской на тиранство мужа и вынужденіе отъ нея дарственной записи на ея материнскія имѣнія. 1567 года, іюля 18. 152.

4. Заявленіе князя Николая Збаражскаго о беременности его дочери, жены Василія Загоровскаго. 1567 года, августа 3. . 155.

5. Донесеніе вознаго о томъ, какъ происходилъ разборъ пріятельскимъ судомъ дѣла по обвиненію Василіемъ Загоровскимъ своего тестя князя Николая Збаражскаго въ наѣздѣ на его дворъ, грабежѣ имущества и увозѣ жены. 1568 года, марта 19. . . . 156.

6. Заявленіе Василія Загоровскаго о прекращеніи начатаго имъ въ судѣ дѣла по обвиненію князя Николая Збаражскаго въ наѣздѣ на его имѣніе, грабежѣ имущества и увозѣ его жены. 1568 года, апрѣля 1. 157.

7. Заявленіе Василія Загоровскаго о данномъ ему со стороны тестя его князя Николая Збаражскаго обѣщаніи возвратить ему свою дочь, жену заявителя. Донесеніе вознаго о томъ, что Загоровскій въ назначенный срокъ, въ сопровожденіи своихъ пріяте-

стран.

лей, ѣздилъ за женою къ князю Збаражскому, но послѣдній не исполнилъ даннаго зятю обѣщанія. 1568 года, мая 17. . . . . . 158.

8. Донесеніе вознаго о томъ, что князь Николай Збаражскій, чрезъ пріятеля своего князя Войну Вороницкаго, представилъ владимірскому епископу Ѳеодосію объясненіе причинъ, по которымъ онъ не могъ въ назначенный срокъ представить къ духовному суду своей дочери княжны Марины по дѣлу ея съ мужемъ, Василіемъ Загоровскимъ; на что епископъ объявилъ, что вслѣдствіе неявки и непослушанія отвѣтчицы онъ выдалъ декретъ, коимъ освободилъ Загоровскаго отъ брака съ нею. 1568 года, августа 30. . . . . 160.

9. Донесеніе вознаго о врученіи княжною Марушей (она же Марина) Збаражской бывшему ея мужу Василію Загоровскому урядоваго напоминальнаго листа о томъ, чтобы онъ возвратилъ ея приданое и материнскія ея имѣнія. 1568 года, сентября 16. 161.

10. Жалоба Василія Загоровскаго на князя Януша Збаражскаго и его сестру княжну Марину, бывшую жену жалобщика, о вооруженномъ захватѣ его двора въ с. Замличахъ и имѣній Войковичъ и Хворостова. Перечень заграбленнаго имущества. Донесенія возныхъ по означенному дѣлу. 1568 года, сентября 22. . . 162.

11. Заявленіе Василія Загоровскаго о томъ, что онъ добровольно возвратилъ бывшей своей женѣ княжнѣ Маринѣ Збаражской материнскія ея имѣнія, которыя она раньше записала ему въ даръ и въ заставу, и уничтожилъ самыя записи. 1568 года, ноября 10. . . . . 167.

12. Заявленіе княжны Марины Збаражской о томъ, что она признаетъ недѣйствительною занесенную ею раньше жалобу на бывшаго ея мужа Василія Загоровскаго, будто онъ вынуждалъ отъ нея записи на ея материнскія имѣнія и «справилъ» таковыя безъ ея воли. 1568 года, ноября 10. . . . . 168.

XLVI. Жалоба п. Ивана Болды объ отказѣ боярина Саввы Кондратовича отъ даннаго имъ обѣщанія выдать дочь свою въ замужество за сына жалобщика. Донесеніе вознаго о личныхъ переговорахъ п. Болды съ Кондратовичемъ по настоящему дѣлу и о наложеніи на послѣдняго «заруки» въ сто копъ грошей за нарушеніе слова. 1568 года, февраля 8. . . . . 169.

XLVII. Заявленіе земянина Ивана Шпаковскаго о томъ, ка-

СТРАН.

кимъ способомъ онъ обязался обезпечить вѣно своей невѣстки—вдовы его брата, не успѣвшаго при жизни выдать ей вѣновной записи и не оставившаго духовнаго завѣщанія. 1568 г., августа 18. 170.

XLVIII. 1. Письмо п. Ивана Городищскаго къ п. Андрею Бабинскому съ изъявленіемъ согласія на бракъ своего сына Ивана съ дочерью послѣдняго Катериной и вмѣстѣ съ увѣдомленіемъ, что такъ какъ сынъ этотъ, по несовершеннолѣтію его младшаго брата, пока не получилъ еще своей наслѣдственной части въ родовыхъ имѣніяхъ, то онъ даетъ ему позволеніе записать вѣно своей невѣстѣ на третьей части имѣній, какія въ будущемъ достанутся ему по раздѣлу съ братомъ. 1569 г., 7 февраля.—2. Вѣновная запись п. Ивана Городищскаго (сына), выданная имъ новобрачной женѣ своей на основаніи означеннаго дозволенія со стороны его отца. 1569 г., февраля 9. 174

XLIX. Донесеніе вознаго о томъ, что вдова князя Василія Солтановича Сокольскаго Ганна Монтовтъ, спрошенная своимъ деверемъ княземъ Маркомъ Сокольскимъ: не выходитъ ли она замужъ за п. Ледницкаго по его, Сокольскаго, уговору или принужденію,—отвѣтила, что она вступаетъ въ бракъ съ Ледницкимъ по своей доброй волѣ и съ согласія отца, и что князь Сокольскій не въ правѣ удержать ее отъ того, хотя бы и желалъ это сдѣлать; если же онъ жалѣетъ бочки меду и хлѣба, что съѣдятъ гости на свадьбѣ, то она можетъ то и другое достать у друзей своего будущаго мужа. 1569 года, февраля 22. . . . . 179.

L. Донесеніе вознаго о врученіи кіевскимъ мѣщаниномъ Яцкомъ Евфимовичемъ судебнаго позва п. Василію Коледѣ по обвиненію его въ томъ, что онъ, вступивъ въ бракъ съ матерью Евфимовича Богданою, бросилъ ее, забравъ ея имущество. 1569 года, марта 23. . . . . 181.

LI. Запись княгини Ганны Сангушковой-Коширской, урожд. Остиковичевой, въ которой она, руководимая чувствомъ горячей любви къ мужу своему, князю Льву Александровичу Сангушку-Коширскому, и сердечной признательности къ нему за вѣрную любовь и усердную заботливость объ ея здоровьи, даритъ его своимъ вѣномъ, имъ же самимъ ей записаннымъ, въ суммѣ 17,200 копъ грошей литовскихъ. 1569 года, мая 11 . . . . 182.

LII. Жалоба Кобринскаго земянина Щаснаго Верещаки о

стран.

томъ, что земянинъ Волынскій Богданъ Дрозденскій, сговоривъ за себя дочь жалобщика Ганну и заключивъ съ нимъ предбрачное условіе, уклоняется отъ вступленія съ нею въ бракъ. 1569 г., сентября 9. . . . . 190.

LIII. Духовное завѣщаніе земянина Павла Черневскаго, которымъ онъ обезпечиваетъ положеніе своей жены, въ любви и добромъ согласіи прожившей въ бракѣ съ нимъ долгіе годы и не имѣвшей отъ него вѣновной записи. 1569 года, сентября 19. . . 191.

LIV. Вѣновная запись п. Василія Жоравницкаго, выданная имъ своей невѣстѣ, дочери Львовскаго стольника Ганнѣ Печихвостской, въ обезпеченіе полученнаго за нею приданаго. 1569 г., ноября 13. . . . . 195.

LV. Дарственная запись земянки Настасьи Павловичевой, выданная ею мужу своему п. Василію Павловичу на вѣно, отъ него же ей записанное. 1569 года, ноября 22. . . . . 197.

LVI. Вѣновная запись князя Станислава Вороницкаго, выданная имъ женѣ своей Ганнѣ Хомяковнѣ въ обезпеченіе (въ двойной сумѣ, т. е. съ «привѣнкомъ») ея приданаго. 1570 г., генваря 20. 200.

LVII. «Обрадованный листъ» князя Станислава Вороницкаго, по которому онъ новобрачной женѣ своей Ганнѣ Хомяковнѣ, въ награду за сохраненіе ею цѣломудрія, записываетъ въ даръ, независимо отъ вѣна, двѣсти червонцевъ угорскихъ. 1570 г., генваря 23 203.

LVIII. Предбрачное условіе п. Василія Петровича Загоровскаго, заключенное имъ съ княгинею Ганною Чорторыйскою относительно его женитьбы на дочери ея, княжнѣ Катеринѣ. 1570 года, марта 30.—Заявленіе княгини Чорторыйской о неявкѣ п. Загоровскаго къ условленному дню для совершенія брака. 1570 года, октября 17 . . . . 205.

LIX. Заявленіе п. Василія Загоровскаго о томъ, что онъ по причинѣ болѣзни не можетъ къ опредѣленному сроку прибыть въ м. Клевань для вступленія въ бракъ съ княжною Катериною Ивановною Чорторыйскою. Донесеніе вознаго, посыланнаго съ извѣщеніемъ о томъ къ матери невѣсты, княгинѣ Ганнѣ Чорторыйской. 1570 года, октября 18 . . . . 209.

LX. Заявленіе князя Якова Андреевича Четвертенскаго объ условіяхъ предбрачнаго договора, заключеннаго имъ съ матерью его невѣсты п. Богданою Гораиновою. 1570 года, іюня 19 . . . 211.

СТРАН.

LXI. Вѣновная запись князя Якова Четвертенскаго, выданная имъ женѣ своей Ганнѣ Гораиновой въ обезпеченіе принесеннаго ею приданаго. Обязательство мужа относительно возвращенія приданаго родственникамъ жены въ случаѣ бездѣтной ея смерти. 1570 года, ноября 12. . . . . 213.

LXII. Запись княжны Ганны Матвѣевны Четвертенской объ условіяхъ миролюбиваго соглашенія ея съ невѣсткою, вдовою по умершемъ братѣ ея князѣ Янушѣ, княгинею Богданою Четвертенскою, относительно обезпеченія вѣна послѣдней, совмѣстной уплаты долговъ покойнаго и раздѣла родовыми его имѣніями. 1570 года, іюня 27 . . . . 215.

LXIII. Заявленіе, подтвержденное формальною записью, п. Богдана Хренницкаго и новобрачной жены его, княжны Олены Андреевны Козѣчанки, о полученіи ими сполна приданаго отъ брата послѣдней, князя Дмитрія Козѣки и о формальномъ отреченіи ея отъ наслѣдственныхъ правъ на четвертую часть родовыхъ имѣній. 1570 года, октября 24. . . . . 223.

LXIV. Жалоба подсудка земскаго Владимірскаго Гаврила Яковицкаго на жениха своей дочери п. Григорія Киселя о неявкѣ въ условленный срокъ для совершенія брака. 1570 года, ноября 7. 226.

LXV. Дарственная запись п. Богданы Семашковны мужу своему п. Григорію Воловичу на вѣно, записанное ей первымъ ея мужемъ, княземъ Янушемъ Четвертенскимъ; мотивъ этого дара: любовь къ мужу и желаніе слиться съ нимъ въ одно не только лично, но и имущественно. 1571 года, февраля 26. . . . . . 229.

LXVI. Дарственная запись п. Катерины Басарабовны, по которой она, изъ любви къ мужу своему п. Мартину Прусинскому и признательности за его вѣрную къ ней любовь, даритъ ему все движимое свое имущество. 1571 года, апрѣля 29. . . . . . 231.

LXVII. Дѣло о замужествѣ княжны Маріи Масальской.

1. Княгиня Ганна Масальская обязывается въ условленный срокъ выдать дочь свою княжну Марію Андреевну въ замужество за п. Константина Еловича Малинскаго. День свадьбы отсроченъ болѣе нежели на годъ послѣ сговора. 1571 года, іюня 27 . . . 234.

2. Дарственная запись княгини Ганны Масальской нареченному зятю своему Константину Еловичу-Малинскому на все движимое и недвижимое свое состояніе, въ томъ числѣ и на вѣно,

СТРАН.

записанное ей умершимъ мужемъ ея, княземъ Андреемъ Петровичемъ Масальскимъ, а равно и на тѣ имѣнія, которыя перешли бы въ ея руки въ случаѣ смерти дочери—невѣсты п. Еловича-Малинскаго. 1571 года, іюля 12, ... 237.

3. Константинъ Еловичъ-Малинскій обязывается въ назначенный срокъ взять за себя въ замужество княжну Марію Масальскую и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ знакъ признательности къ будущей тещѣ за то, что она, еще до свадьбы, записала ему въ даръ все свое состояніе, предоставляетъ княгинѣ Ганнѣ Масальской право пожизненнаго пользованія нѣкоторыми изъ подаренныхъ ею имѣній, съ извѣстными, впрочемъ, ограниченіями. 1571 года, іюля 26 . 240

4. Жалоба Константина Еловича-Малинскаго о томъ, что въ его отсутствіе п. Александръ Семашко (сводный братъ княжны Маріи Масальской), силою овладѣвъ Тучинскимъ замкомъ, похитилъ жену жалобщика и держитъ ее у себя въ суровомъ заключеніи. Перечень пограбленнаго при томъ имущества, приданаго княжны Масальской. 1573 года, февраля 21 . . . . 243.

5. Константинъ Еловичъ-Малинскій и его жена княжна Масальская жалуются, что Семашко, содержа послѣднюю въ тяжкомъ заключеніи и угрожая насильственно выдать ее замужъ за своего «маштадѣра», вынудилъ отъ нихъ уступочную запись на третью часть родовыхъ имѣній княжны Масальской и принудилъ ихъ къ вторичному совершенію брака. 1573 года, сентября 3. . 247.

6. Княжна Масальская уничтожаетъ выданную на ея имя Константиномъ Еловичемъ Малинскимъ дарственную запись на 800 копъ грошей лит., такъ какъ запись эта была вынуждена отъ него п. Семашкомъ, помимо ея воли и желанія, и удержана послѣднимъ у себя. 1576 года, іюля 19. . . . . 251.

LXVIII. Заявленіе предъ гродскимъ урядомъ п. Дмитра Рогозенскаго и его жены о томъ, что они отдаютъ дочь послѣдней Варвару Угриновскую въ замужество за п. Яна Ворону съ ея личнаго на то согласія. Такое же заявленіе жениха и невѣсты о томъ, что они вступаютъ въ бракъ по доброй волѣ и личному желанію. 1572 года, генваря 23. . . . . 254.

LXIX. Дарственная запись п. Андрея Олизаровскаго новобрачной женѣ его Ѳедорѣ Бѣлостоцкой на все движимое его имущество, въ награду за ея любовь къ нему и цѣломудріе. 1572 года, октября 19. . . . . 255.

СТРАН.

LXX. Запись земянки Маріи Гуляльницкой о томъ, что, проживъ немалое время въ замужествѣ за земяниномъ Яцкомъ Гуляльницкимъ въ любви и согласіи и не имѣя отъ него ни вѣновной, ни другой какой-либо записи въ обезпеченіе ея приданаго, она и впредь освобождаетъ мужа отъ выдачи ей вѣновной записи и навсегда отрекается отъ всякихъ правъ на ту часть его имѣній, которую должна была бы получить отъ него въ вѣно. 1572 года, ноября 15. . . . . 257.

LXXI. Жалоба епископа Владимірскаго Θеодосія Лазовскаго о томъ, что земянинъ Мануйло Болобанъ, будучи пьянымъ, жестоко избилъ и затѣмъ прогналъ изъ дому свою жену Маруxну, внучку жалобщика, удержавъ ея имущество. 1572 года, ноября 21. . . 260.

LXXII. Донесеніе вознаго о врученіи п. Мануйлу Болобану позва къ духовному суду по дѣлу о „непристойномъ и нерядномъ“ сожительствѣ его съ женой. 1572 года, декабря 5. . . . . . . 261.

LXXIII Дѣло о разводѣ Семена Хребтовича-Богуринскаго и Раины Русиновны.

1. Жалоба п. Андрея Русина-Берестецкаго, нареченнаго владыки Пинскаго и Туровскаго, о томъ, что когда онъ, вмѣстѣ съ дочерью своею Раиною и зятемъ Семеномъ Хребтовичемъ-Богуринскимъ, прибылъ въ Луцкъ съ тѣмъ, чтобы, согласно предварительному между ними соглашенію, Хребтовичъ и его жена формально, передъ урядомъ, заявили о своемъ рѣшеніи расторгнуть брачный союзъ и „вызволили“ бы другъ друга „зъ малженства,“ то Хребтовичъ, не довольствуясь раньше принятыми условіями развода, сталъ домогаться отъ своей жены какой-то новой, обидной для ея чести записи, и получивъ отказъ, затѣялъ ссору въ присутствіи суда и нанесъ побои жалобщику и его дочери. 1572 года, апрѣля 14. . . . . 262.

2. Жалоба Раины Русиновны о томъ, что мужъ ея Семенъ Хребтовичъ-Богуринскій, возилъ ее въ Берестечко на соймикъ Волынскій, чтобы тамъ развестись съ нею, и не учинивъ съ нею никакого „постановленья“, бросилъ ее тамъ, строго запретивъ ей возвращаться къ нему и именоваться его женою. 1573 года, марта 25. . . . . 268.

3. Заявленіе Раины Русиновны, что она являлась въ срокъ на судъ духовный, къ Луцкому владыкѣ Іонѣ Борзобогатому-Кра-

СТРАН.

сенскому, по дѣлу ея съ мужемъ о разводѣ; но владыка не принялъ ея, а его намѣстникъ отказался записать явку ея въ книги. 1574 года, октября 22. 270.

LXXIV. Вѣновная запись п. Михайла Витонижскаго, которой онъ обезпечиваетъ въ двойной суммѣ приданое жены своей Софьи Окорской и сверхъ того даритъ ей третью часть своего движимаго имущества. 1573 года, генваря 8. . . . . 272.

LXXV. Запись п. Михайла Сватковича Хреницкаго о томъ, что онъ, согласно рѣшенію третейскихъ судей, получилъ отъ зятя своего п. Януша Угриновскаго часть приданаго дочери своей Оксеніи, умершей не оставивъ потомства. Формальное уничтоженіе силы вѣновной и дарственной записей, выданныхъ нѣкогда п. Угриновскимъ женѣ своей. 1573 года, февраля 28. . . . . 274.

LXXVI. Вѣновный листъ землянина Гуляльницкаго, выданный имъ женѣ своей Ѳеодорѣ въ обезпеченіе ея приданаго. Обязательства мужа по отношенію къ дѣтямъ жены отъ перваго брака. 1573 года, марта 10. . . . . 278.

LXXVII. Жалоба землянина Василія Холоневскаго на свою тещу Пелагею Матясовну и на мужа ея Кременецкаго подкоморія Ивана Патрикія-Курозвонскаго о томъ, что они содѣйствовали побѣгу жены жалобщика и, не смотря на его требованія, отказываются прислать ее обратно, настаивая, чтобы онъ далъ ей разводъ. 1573 года, сентября 8 . . . . 280.

LXXVIII. Княжна Марина Дмитріевна Буремская, находясь въ состояніи беременности и потому опасаясь за свою жизнь, записываетъ въ даръ мужу своему, землянину Григорію Колмовскому, свое приданое, желая тѣмъ отблагодарить за его любовь и попеченіе. 1574 года, февраля 12. . . . . 283.

LXXJX. Жалоба землянки Ѳедоры Загоровской на сына своего Михайла Загоровскаго о присвоеніи двора въ с. Загоровѣ, уступленнаго ему жалобщицею лишь на короткое время, „для отправленья преносинъ“—обычая, совершаемаго во время свадьбы. 1574 года, іюля 22 . . . . 286.

LXXX. Постановленіе гродскаго Владимірскаго уряда о дозволеніи дѣвицѣ-землянкѣ Ганнѣ Осекровской выйти замужъ за землянина Ѳедора Шишку, согласно ея личному желанію, формально предъ урядомъ заявленному, и согласію на этотъ бракъ со сто-

СТРАН.

роны ея матери и дядей-опекуновъ. Изъ документа видно, что невѣста въ то время была уже обвѣнчана съ п. Шишкою, самая же свадьба должна была совершиться лишь черезъ весемь съ половиною мѣсяцевъ. 1575 года, февраля 19. . . . . 288.

LXXXI. Условіе, заключенное Волынскимъ вооводою княземъ Богушемъ Өедоровичемъ Корецкимъ относительно женитьбы сына его князя Якима на дочери каштеляна Виленскаго Яна Іеронимовича Ходкевича. По причинѣ несовершеннолѣтія жениха и невѣсты, свадьба назначается черезъ шесть лѣтъ послѣ сговора. 1576 года, іюня 16. . . . . 290.

LXXXII. Иванъ Гулевичъ, подсудокъ земскій Владимірскій, записываетъ „привѣнокъ" женѣ своей Маринѣ Бѣлостоцкой; вѣно ей записалъ онъ раньше. 1576 года, іюля 1. . . . . 294.

LXXXIII. Донесеніе вознаго, посыланнаго къ княгинѣ Ганнѣ Чорторыйской и ея дочери княжнѣ Катеринѣ съ напоминальнымъ листомъ отъ Луцкаго земскаго суда, заключавшимъ требованіе, чтобы послѣдняя возвратилась въ домъ своего мужа, Брацлавскаго каштеляна Василія Загоровскаго, котораго она оставила съ малыми дѣтьми. Отвѣтъ Загоровской, что она согласна возвратиться къ мужу въ такомъ лишь случаѣ, если онъ дастъ обязательство никогда впредь не имѣть съ нею „справы малженской". 1576 года, ноября 4. . . . . 296.

LXXXIV. Жалоба зем. Семена Хомяка-Смордовскаго о томъ, что Марья Андреевна Еловая-Малинская, урожд. княжна Масальская, заключивъ съ жалобщикомъ письменное условіе относительно вступленія съ нимъ въ бракъ, въ день свадьбы уѣхала неизвѣстно куда, чѣмъ нарушила означенное условіе и ввела жалобщика въ напрасные расходы. Подтвержденіе вознымъ справедливости жалобы. 1577 года, мая 21. . . . . 299.

LXXXV. Жалоба пп. Ивана и Семена Красенскихъ о томъ, что п. Иванъ Шельвовскій, вопреки заключенному съ ними предбрачному условію, не выдѣлилъ сыну своему Прокопу слѣдуемой ему части родового имѣнія, на которой онъ долженъ былъ обезпечить вѣно своей невѣсты—сестры жалобщиковъ, въ слѣдствіе чего послѣдніе сочли себя въ правѣ удержать часть обѣщаннаго приданаго. Свидѣтельство вознаго. 1577 года, іюля 8. . . . . 301.

LXXXVI. Дарственная запись земянки Ганны Гостской, вы-

СТРАН.

данная ею своему мужу Ероѳею Госткому на вѣно, денежную сумму и на всю движимость. 1578 года, ноября 22. . . . . . . 305.

LXXXVII. I. Донесеніе вознаго о допросѣ земянки Марины Пузовской по поводу того, что она, въ противность Статуту, вступила во второй бракъ до истеченія шестимѣсячнаго срока по убіеніи ея мужа, не похоронивъ его тѣла и не окончивъ начатаго иска о взысканіи за убійство. 1580 года, генваря 29. . . . 309.

II. Жалоба со стороны братьевъ убитаго, что ихъ невѣстка, по выходѣ замужъ, удалила неизвѣстно куда дѣтей отъ перваго мужа и разоряетъ ихъ наслѣдственное имѣніе. Дознаніе вознаго по этой жалобѣ. 1580 года, марта 4. . . . . 311.

LXXXVIII. Вѣновная запись князя Матвѣя Вороницкаго, выданная имъ въ день свадьбы своей невѣстѣ Настасьи Гулевичевнѣ, съ обезпеченіемъ въ двойной суммѣ всего приданаго. 1580 года, генваря 31. . . . . 315.

LXXXIX. Земянинъ Прокопъ Шельвовскій, въ благодарность женѣ своей Магдалинѣ Борзобогатовнѣ за любовь и попеченіе о немъ, даритъ ей двѣ трети родовыхъ своихъ имѣній и всю движимость. 1580 года, марта 20. . . . . 318.

XC. Земянка Марья Гулевичовна, въ знакъ признательности къ мужу, Яну Бокію-Печихвостскому, за его любовь и попеченіе, даритъ ему свои материнскія имѣнія. 1580 года, іюня 4. . . . 321.

XCI. Духовное завѣщаніе дворянина королевскаго Семена Оранскаго, которымъ онъ обезпечиваетъ на случай своей смерти положеніе своей невѣстки, вдовы умершаго сына его Лаврина Оранскаго. 1581 года, генваря 12. . . . . 324.

XCII. Разводъ Януша Глинскаго съ женою передъ гродскимъ урядомъ и передача ея въ супружество другому лицу. 1581 года, февраля 13 или 14. . . . . 332.

XCIII. Объявленіе осужденнаго на смерть за прелюбодѣяніе Яна Скурки о томъ, что онъ получилъ прощеніе отъ мужа соблазненной имъ жены. 1582 года, апрѣля 30. . . . . 334.

XCIV. Дѣло о недѣйствительности второго брака, заключеннаго Василіемъ Загоровскимъ при жизни первой жены.

1. Донесеніе вознаго о заявленіи Владимірскаго епископа Ѳеодосія Лазовскаго, что онъ не разводилъ Василія Загоровскаго съ первою его женою, княжною Збаражскою, и не давалъ благо-

СТРАН.

словенія на бракъ со второю—княжною Чорторыйскою. 1581 года, апрѣля 22 . . . . 336.

2. Князь Юрій Чорторыйскій, именемъ сестры своей Катерины, требуетъ отъ Владимірскаго епископа Өеодосія выдачи „разводныхъ листовъ", которыми Василій Загоровскій и его первая жена, княжна Маруша Збаражская, обмѣнялись другъ съ другомъ, когда разводились передъ судомъ пріятелей. 1583 года, февраля 24. 338.

3. Донесеніе вознаго о томъ, какъ производилось въ духовномъ судѣ дѣло по жалобѣ дочери Василія Загоровскаго Ганны на княжну Чорторыйскую о незаконномъ присвоеніи ею титула и правъ жены Загоровскаго. 1583 года, ноября 9. . . . . . . 339.

4. Удостовѣреніе, выданное бывшимъ игуменомъ Пересопницкимъ Кирилломъ Лясковскимъ, въ томъ, что онъ повѣнчалъ княжну Катерину Чорторыйскую съ Василіемъ Загоровскимъ, имѣя основаніе считать правильнымъ разводъ его съ первою женою, княжною Марушею Збаражскою. 1584 года, генваря 26. . . . 344.

5. Донесеніе вознаго о врученіи княжнѣ Катеринѣ Чорторыйской позвовъ: отъ Львовскаго латинскаго архіепископа Яна-Дмитра Суликовскаго и православныхъ епископовъ: Холмскаго Леонтія Зеновича-Полчицкаго и Галицкаго Гедеона Болобана, по обвиненію ея княжной Марушей Збаражской въ незаконномъ присвоеніи титула жены Василія Загоровскаго. 1586 года, марта 4. . . . . 346.

6. Врученіе епископу Өеодосію судебныхъ позвовъ отъ Кіевскаго митрополита Онисифора по жалобамъ княжны Маруши Збаражской и ея дочери Ганны Загоровской о неправильномъ рѣшеніи ихъ дѣла съ княжною Катериною Чорторыйскою. 1588 года, апрѣля 1. . . . . 348.

XCV. Дарственная запись князя Константина Константиновича Острожскаго, крайчаго Литовскаго, старосты Владимірскаго, выданная имъ своей женѣ Александрѣ Васильевнѣ Тишкевичевнѣ на право владѣнія всею его движимостью по его смерти. 1583 года, марта 2. 349.

XCVI. Дарственная запись княгини Александры Васильевны Острожской мужу своему князю Константину и потомкамъ его на право наслѣдованія, по ея смерти, всѣми родовыми ея имѣніями. 1583 года, марта 2. 352.

XCVII. Жалоба земянина Григорія Володковича о томъ, что

стран.

зем. Романъ Гостскій, сосватавъ за него свою дочь, подъ разными предлогами отсрочиваетъ день свадьбы и тѣмъ вводитъ жалобщика въ убытки. Заявленіе жалобщика, какъ происходило сватовство. 1583 года, іюня 7. . . . . 356.

XCVIII. Предсмертное заявленіе Раины Мироевской, что она умираетъ отъ побоевъ, нанесенныхъ ей мужемъ. Свидѣтельство вознаго. 1583 года, іюня 25. . . . . 360.

XCIX. Землянинъ Василій Гнѣвошевичъ Бронницкій, сговоривъ невѣсту за сына своего Гаврила, выдѣляетъ ему часть родового имѣнія, чтобы онъ имѣлъ чѣмъ обезпечить вѣно своей женѣ. 1583 года, іюля 12. . . . . 362.

C. Врученіе Владимірскому и Брестскому епископу Ѳеодосію королевскихъ листовъ по дѣлу о неправильномъ расторженіи подвѣдомственнымъ ему духовенствомъ брака „дьяка“ королевской канцеляріи Кондрата Ивановича. 1583 года, декабря 9. . . . . 365.

CI. Судебное дѣло по обвиненію землянки Охлоповской въ убійствѣ мужа.

1. Обвинительный актъ, судебныя пренія сторонъ и допросъ „челяди“ Охлоповской, обвиняемой вмѣстѣ съ нею въ соучастіи въ убійствѣ. Постановленіе о производствѣ судебнаго слѣдствія. 1583 года, августа 10. 367.

2. Показанія челяди Охлоповской, данныя подъ пыткой. 1583 года, августа 12. . . . . 383.

3. Судебное слѣдствіе и декретъ въ пользу обвиняемой. По требованію истцовъ, дѣло переносится въ королевскій судъ. 1583 года, сентября 19. . . . . 384.

4. Жалоба истцовъ о томъ, что родственники и пріятели обвиняемой выкрали изъ Луцкаго замка „челядь“ Охлоповской, уличавшую ее въ убійствѣ мужа, и неизвѣстно куда дѣвали ее. Представленіе на урядъ тѣла одной изъ челядницъ, съ явными признаками насильственной смерти, и его судебно-полицейское свидѣтельствованіе. 1583 года, декабря 17. . . . . 408.

5. Очистительная присяга Настасьи Охлоповской, исполненная согласно окончательному рѣшенію ея дѣла королевскимъ судомъ. 1586 года, февраля 20. . . . . 414.

CII. Княжна Ганна Збаражская жалуется, что ея братья-опекуны по корыстнымъ побужденіямъ не хотятъ выдать ее за-

СТРАН.

мужъ. Въ виду этого гродскій урядъ, по ея просьбѣ, даетъ ей дозволеніе вступить въ бракъ помимо согласія опекуновъ. 1584 года, февраля 8. . . . . 415.

CIII. Справка о происходившемъ въ Зименскомъ монастырѣ вѣнчаньи п. Александра Владычки съ чужою женою, выкупленною имъ изъ татарскаго плѣна. Переговоры съ ея мужемъ. 1584 года, іюня 11 . . . . 417.

CIV. Сынъ Кіевскаго судьи Андрей Немиричъ, вступивъ въ бракъ съ сестрою Кіевопечерскаго архимандрита и нареченнаго епископа Владимірскаго Мелетія Хребтовича-Богуринскаго, записываетъ ей вѣно съ привѣнкомъ, съ ограниченіемъ своего права свободно распоряжаться тѣми имѣніями, которыми это вѣно обезпечено. 1584 года, іюля 15. . . . . 418.

CV. Земянинъ Николай Боговитинъ-Шумбарскій, «не имѣя лучшаго, вѣрнѣйшаго и благожелательнѣйшаго пріятеля», кромѣ жены своей Евы, на случай своей смерти или отъѣзда за границу, записываетъ ей въ полную собственность все состояніе, ей одной предоставляетъ право опеки надъ дѣтьми, еслибы таковыя родились, и совсѣмъ устраняетъ отъ наслѣдства его имѣніями всѣхъ своихъ родственниковъ. 1584 года, августа 2. . . . . 424.

CVI. Донесеніе вознаго о томъ, какъ происходили «ааручины» п. Станислава Кавезскаго съ его невѣстой Настасьей Хребтовичевной. 1585 года, марта 11. . . . . 430.

CVII. **Бракъ польскаго жолнера Мартишевскаго съ княжною Сокольскою.**

1. Жалоба опекуновъ дѣтей умершаго князя Максима Сокольскаго о томъ, что польскій жолнеръ Балцеръ Мартишевскій, втершись въ домъ вдовы княгини Сокольской и пользуясь слабоуміемъ сына ея Василія, насильственно взялъ за себя якобы въ замужество сестру его княжну Софію Сокольскую, расчитывая овладѣть ея наслѣдственными имѣніями. Показаніе княгини Александры Сокольской о томъ, что дочь ея, противясь браку, во время вѣнчанья выбила изъ рукъ ксендза книгу, и что Мартишевскій подвергалъ свидѣтельницу и ея дѣтей заключенію. 1585 года, іюня 19. 432.

2. Вторичное показаніе княгини Александры (она же Ирина) Сокольской, будто она добровольно выдала дочь свою въ замужество за Мартишевскаго. Такое же показаніе князя Василія и самой княжны Софьи Сокольскихъ. 1585 года, іюня 19 . . . . 436.

стран.

3. Протестъ Мартишевскаго противъ обвиненія его въ томъ, будто онъ насильственно женился на княжнѣ Сокольской и держалъ ее, а равно ея мать и брата, въ заключеніи. Показанія о томъ его тещи, жены и шурина, а также показаніе православнаго священника, совершавшаго бракъ совмѣстно съ католическимъ ксендзомъ. 1585 года, іюня 22. 438.

CVIII. Жалоба п. Григорія Дублянскаго на земянъ Тишей-Быковскихъ о томъ, что они сманили къ себѣ въ замокъ его жену съ дѣтьми и имуществомъ. 1585 года, іюля 16. . . . . 441.

CIX. Жалоба земянки Евы Бутовичевой о томъ, что бывшій мужъ ея Матвѣй Немиричъ, вопреки условіямъ бракоразводной записи, по которой онъ обязался дать ей «во всемъ покой», напалъ на нее въ дорогѣ, пограбилъ имущество и нанесъ ей тяжкіе побои. Перечень пограбленныхъ вещей. 1585 года, іюля 17. . . . . 443.

CX. Князь Константинъ Острожскій записываетъ вѣно невѣсткѣ своей Зузанѣ, женѣ сына его князя Януша, на Чудновскихъ имѣніяхъ. 1585 года, октября 5 . . . . 447.

CXI. Слуга князя Константина Острожскаго, крещенный еврей Константинъ изъ Преворска даетъ разводъ женѣ своей Тилѣ Юсковнѣ, оставшейся въ еврействѣ. 1589 года, іюня 15 . . . . . 450.

CXII. Жалоба зем. Ивана Болобана-Осекровскаго о томъ, что его жена Раина Стакорская, потерявъ расположенность къ нему, прогнала его отъ себя и отказалась возвратить лично принадлежащее ему имущество. 1589 года, августа 17. . . . . 451.

CXIII. Жалоба дв. Василія Васильевича Загоровскаго о томъ, что княгиня Магдалина Сокольская, обезпечивъ его формальнымъ обѣщаніемъ выдать за него въ замужество дочь свою княжну Ганну, на самомъ дѣлѣ выдала ее за другого и тѣмъ ввела жалобщика въ большіе убытки. 1593 года, сентября 22. . . . . 452.

CXIV. Разводъ дв. Волицкихъ.

1. Запись дв. Яна Волицкаго о томъ, что, въ виду болѣзненнаго состоянія жены его Ѳедоры Головинской и согласно ея желанію, онъ навсегда освобождаетъ ее отъ брачнаго союза съ нимъ. 1594 года, генваря 26. 454.

2. Такого же содержанія запись, выданная Ѳедорой Головинской мужу, съ предоставленіемъ ему права вступить въ бракъ съ другимъ лицемъ. 1594 года, 26 генваря. . . . . 457.

СТРАН.

CXV. Дворянка Дорота Петровская, разведшись съ мужемъ, уничтожаетъ выданную имъ дарственную запись на денежную сумму и на право опеки дѣтьми, а равно обязывается не требовать отъ него своего приданаго. 1594 года, 29 генваря. . . . . 459.

CXVI. Неурядица въ семьѣ князя Воронецкаго.

1. Жалоба княгини Марины Воронецкой о томъ, что мужъ ея князь Станиславъ безъ ея вѣдома перевелъ на имя брата имѣнія Щуринъ и Ясеновку, которыя раньше записалъ ей въ обезпеченіе долга и въ пожизненное пользованіе. 1594 года, 2 октября. . . 462.

2. Князь Станиславъ Воронецкій жалуется, что незаконно титулующая себя его женой Марина Гулевичевна, вмѣстѣ съ зятемъ своимъ, а его сыномъ, кн. Станиславомъ, забравъ имущество жалобщика, оставила его безъ всего необходимаго и уѣхала въ свое имѣніе, вслѣдствіе чего онъ вынужденъ былъ искать пріюта у своего брата кн. Матуша и отдаться ему въ опеку. 1594 года, іюля 13. . . . . 463.

3. Тотъ же князь Воронецкій жалуется на «жену свою нешлюбную» Марину о томъ, что она вмѣстѣ съ дочерью своею, а его невѣсткою, хотѣла силою увезти его въ свое имѣніе. 1594 года, іюля 24. . . . . 465.

4. Жалоба того же князя Воронецкаго на сына своего князя Станислава, что онъ, дѣйствуя по наущенію своей тещи и вмѣстѣ мачехи Марины Гулевичевны, «незбожной» жены жалобщика, наносилъ ему побои и выгналъ изъ имѣнія. 1600 года, ноября 7. . 466

CXVII. Не состоявшійся разводъ дв. Зглычинскихъ.

1. Запись дв. Павла Зглычинскаго о томъ, что, исполняя декретъ Луцкаго бискупа, отказавшагося развести его съ женою Ганною Монтовтовною, онъ испросилъ у жены прощеніе за жестокое обращеніе съ нею и, за поручительствомъ трехъ шляхтичей, далъ обязательство вести мирную супружескую жизнь. 1595 года, генваря 16 . 469.

2. Примирившись съ мужемъ, Ганна Монтовтовна освобождаетъ его отъ судебной отвѣтственности за четырнадцатилѣтнее содержаніе ея въ тяжкомъ заключеніи, искалѣченіе и отнятіе имущества. 1595 года, генваря 15. . . . . 471.

CXVIII. Декретъ Луцкаго магистратскаго суда по дѣлу о прелюбодѣяніи. 1596 года, ноября 20. . . . . 473.

СТРАН.

CXIX. Жалоба вдовы Волынскаго подвоеводы Софьи Букоемской о похищеніи ея шляхтичемъ Войтехомъ Доманковскимъ и принужденіи, помощью угрозъ и насилія, ко вступленію въ бракъ съ нимъ. 1598 года, февраля 9 . . . . 476.

CXX. Обвиненіе землянки Пузовской въ убійствѣ мужа.

1. Жалоба землянъ Пузовскихъ на свою невѣстку Настасью Пузовскую и ея родственниковъ объ убійствѣ ея мужа, брата жалобщиковъ, Карпа Пузовскаго. 1601 года, февраля 9. . . . . . . 478.

2 Дознаніе вознаго. Показанія свидѣтелей о томъ, какъ произошло убійство. Публичное провозглашеніе именъ убійцъ надъ тѣломъ убитаго и заключеніе Настасьи Пузовской подъ стражу. 1601 года, февраля 23. . . . . 480.

CXXI. Декретъ Луцкаго старосты по дѣлу объ армянинѣ Ѳедорѣ, мѣщанинѣ Луцкомъ, обвиняемомъ въ сожительствѣ съ невѣнчанною женою. 1601 года, сентября 15. . . . . 484.

CXXII. Жалоба княгини Ядвиги Чорторыйской о томъ, что мужъ ея князь Юрій Михайловичъ Чорторыйскій подвергалъ ее жестокимъ истязаніямъ, вынудилъ отъ нея рядъ записей на имѣнія и денежныя суммы, доставшіяся ей отъ перваго мужа, князя Кирика Ружинскаго, наконецъ подъ стражей отправилъ ее къ королю хлопотать о подтвержденіи насиліемъ исторгнутой отъ нея записи на право пожизненнаго пользованія ея состояніемъ по ея смерти, давъ при этомъ тайный наказъ своимъ слугамъ на обратномъ пути лишить ее жизни. Провѣдавъ о замыслахъ мужа, жалобщица во время проѣзда черезъ Люблинъ тайно бѣжала въ костелъ и нашла убѣжище въ женскомъ монастырѣ. 1602 года, генваря 31. . . . . 485.

CXXIII. Жалоба панскаго слуги Ивана Татарина о томъ, что его жена, вступивъ въ преступную связь съ другимъ лицемъ, бѣжала съ нимъ изъ дому и унесла часть имущества. 1602 года, іюня 20. . . . . 490.

CXXIV. Жалоба дв. Оникія Мутыкальскаго о томъ, что жена его Ганна Еленская, проживъ съ нимъ 32 года въ полномъ согласіи и имѣя 11 человѣкъ дѣтей, по наущенію злыхъ людей вздумала разлучиться съ жалобщикомъ и, подговоривъ старшаго ихъ сына, вмѣстѣ съ нимъ тайно ушла изъ дому и унесла часть имущества. 1602 года, іюля 4. . . . . 492.

СТРАН.

CXXV. **Судебное дѣло по обвиненію землянки Харлинской въ убійствѣ мужа.**

1. Жалоба пп. Харлинскихъ, братьевъ убитаго, о томъ, что невѣстка ихъ Елена, издавна питая ненависть къ своему мужу Щасному Харлинскому, неоднократно покушалась на его жизнь и наконецъ подговорила своего слугу Рожковскаго задушить его. Дознаніе возныхъ по этой жалобѣ. 1604 года, сентября 10. . . . . 494.

2. Допросъ Рожковскаго и его показаніе о томъ, что убилъ п. Харлинскаго по подговору его жены. 1604 года, сентября 7. . 503.

3. Послѣднее заявленіе Рожковскаго о томъ же, публично сдѣланное во время совершенія надъ нимъ смертной казни (четвертованія). 1604 года, октября 8. . . . . 506.

4. Обвиненіе п. Павла Монвида-Дорогостайскаго, брата Елены Харлинской, въ соучастіи въ убійствѣ ея мужа. Судебныя пренія по этому дѣлу. 1605 года, мая 2. . . . . 507.

5. Королевскій декретъ, которымъ Елена Харлинская за убійство мужа приговорена къ банниціи. Публикація этого декрета. 1606 года, марта 31. . . . . 517.

CXXVI. Слуга п. Николая Глѣбовича Янушъ Кобринецъ, преданный суду за убійство, освобождается отъ наказанія подъ условіемъ вступленія въ бракъ съ дѣвушкой, изъявившей желаніе имѣть его своимъ мужемъ. 1606 года, 15 марта. . . . . 521.

CXXVII. Духовный судъ священниковъ мѣст. Бѣлиловки по жалобѣ Коденскаго мѣщанина Петра Гавриловича на своего тестя, Бѣлиловскаго войта Моноска, объ удержаніи жены жалобщика. 1606 года, марта 16. . . . . 522.

CXXVIII. Жалоба крестьян. Тимоша Срипки о томъ, что дьячекъ Ив. Потаповичъ обольстилъ его дочь Куньцу и уклоняется отъ брака съ нею 1607 года, апрѣля 30. . . . . 524.

CXXIX. Двѣ записи слуги п. Яна Лагодовскаго венгерца Януша Нада о добровольномъ расторженіи его брака съ дочерью боярина того же Лагодовскаго Анной Еданской вслѣдствіе несогласной жизни. Бракъ расторгается по взаимному соглашенію обоихъ супруговъ предъ лицемъ ихъ помѣщика и въ присутствіи свидѣтелей. 1609 года, іюня 19. . . . . 525.

CXXX. Новобрачная жена чашника Волынскаго Лаврентія Древинскаго Діана Боговитиновка Шумбарская, въ знакъ особой

СТРАН.

расположенности къ мужу, записываетъ ему въ даръ свой посагъ. 1610 года, ноября 7. 529.

CXXXI. Земянинъ Янъ Павловичъ, женившись на вдовѣ князя Яна Ружинскаго Катеринѣ Шацкой, даетъ обязательство не вынуждать и не принимать отъ нея никакихъ дарственныхъ или иныхъ записей, сопряженныхъ съ нарушеніемъ интересовъ ея дѣтей отъ перваго брака, и не дозволять ей выдавать подобныя записи другимъ лицамъ. 1611 года, октября 3. . . . . 531.

CXXXII. Жалоба Владимірскаго мѣщанина Малуша Бѣлецкаго о томъ, что мѣщ. Хома Бачукъ, въ теченіе двухъ лѣтъ считавшійся женихомъ его дочери, взявъ отъ нея подарки, отказался вступить съ нею въ бракъ. 1612 года, февраля 21. . . . . 534.

CXXXIII. Донесеніе возныхъ о томъ, что п. Галшка Циминская, заручивъ свою дочь Ядвигу за князя Адама Жижемскаго, тайно отъ него выдала ее замужъ за другого. 1616 г., февраля 3. 535.

CXXXIV. Жалоба дв. Ивана Козинскаго о томъ, что сестра его Настасья вышла замужъ безъ его воли, совѣта и позволенья и безъ вѣдома другихъ родственниковъ. 1616 года, 26 марта. . . 537.

CXXXV. Декретъ Люблинскаго трибунала по иску двор. Катерины Модринской къ мужу своего Гаврiилу Модринскому о томъ, что онъ, прогнавъ ее изъ дому, отказывается уплатить ей вѣно. 1616 года, августа 23. 538.

CXXXVI. О бракѣ князя Юрія Чорторыйскаго съ дв. Өеодорой Колпытовской.

1. Жалоба п. Константина Колпытовскаго о томъ, что слуги князя Юрія Чорторыйскаго, козаки и татары, учинивъ ночной наѣздъ на имѣніе жалобщика с. Колпытовъ, схватили тамошняго священника о. Ивана и неизвѣстно куда увезли его вмѣстѣ съ семействомъ и имуществомъ. По мнѣнію жалобщика, поводомъ къ этому похищенію могло служить только то, что означенный священникъ вѣнчалъ князя Чорторыйскаго съ дочерью жалобщика и долженъ былъ выступить важнымъ свидѣтелемъ въ судебномъ процессѣ о самовольномъ расторженіи княземъ этого брака. Свидѣтельство вознаго. 1615 г., апрѣля 29 . . . . 542.

2. Донесеніе вознаго о врученіи имъ трибунальскихъ позвовъ: а) князю Юрію Чорторыйскому по обвиненію его «шлюбной» женой его Өеодорой Колпытовской въ томъ, что оставилъ ее самовольно

СТРАН.

и женился на другой, и б) второй женѣ Чорторыйскаго Зузаннѣ Борзобогатовнѣ Красенской, обвиняемой въ томъ, что она, зная о существованіи первой, законной жены князя Чорторыйскаго, дерзнула вступить съ нимъ въ бракъ. 1618 года, мая 7. . . . . . . 544.

3. Донесеніе вознаго о врученіи Луцкому епископу Евгенію Еловичу-Малинскому королевскаго позва къ сеймовому суду по жалобѣ на него Ѳеодоры Колпытовской объ отказѣ его позвать къ своему духовному суду князя Юрія Чорторыйскаго и его вторую жену Зузанну Борзобогатовну-Красенскую по дѣлу о незаконномъ расторженіи брака жалобщицы. 1618 года, ноября 24 . . . . . 546.

4. Жалоба Ѳеодоры Колпытовской о томъ, что Луцкій епископъ Евгеній Еловичъ-Малинскій незаконно и заочно разбиралъ ея бракоразводное дѣло съ княземъ Юріемъ Чорторыйскимъ и выдалъ какіе то невыгодные для жалобщицы декреты. Свидѣтельство вознаго. 1618 г., декабря 20. 548.

5. Заявленіе Владимірскаго епископа Іоакима Мороховскаго о томъ, что онъ, исполняя королевскій декретъ, выданный на предыдущемъ сеймѣ, приступилъ къ разбору въ своемъ епископскомъ судѣ бракоразводнаго процесса князя Юрія Чорторыйскаго съ Ѳеодорой Колпытовской и выдалъ надлежащіе позвы по этому дѣлу. 1619 года, іюня 18. . . . . 551.

6. Врученіе князю Юрію Чорторыйскому судебнаго позва отъ владыки Іоакима Мороховскаго по дѣлу о самовольномъ расторженіи имъ брака съ Ѳеодорой Колпытовской. 1619 года, іюня 22 . 552.

7. Свидѣтельское показаніе п. Петра Солоневскаго о бракѣ князя Юрія Чорторыйскаго съ Ѳеодорою Колпытовскою. 1619 года, іюня 18. . . . . 553.

8. Показаніе о томъ же бракѣ другого свидѣтеля, п. Александра Сенюты-Ляховецкаго. 1619 года, іюля 15. . . . . 554.

9. Жалоба князя Юрія Чорторыйскаго о томъ, что, явившись на судъ епископскій по дѣлу о «какомъ-то мнимомъ бракѣ» его съ Ѳеодорою Колпытовскою, онъ вынужденъ былъ выслушивать какъ отъ нея самой, такъ и отъ родственниковъ ея потоки бранныхъ рѣчей, крайне оскорбительныхъ для чести его имени и рода. Свидѣтельство вознаго. 1619 года, іюля 11. . . . . 555.

10. Жалоба Ѳеодоры Колпытовской и ея родственниковъ о томъ, что во время разбора въ епископскомъ судѣ ея дѣла съ кня-

СТРАН.

земъ Юрьемъ Чорторыйскимъ, послѣднiй публично поносилъ ихъ бранными словами и грозилъ лишить ихъ здоровья и самой жизни. Свидѣтельство возпаго. 1619 года, iюля 12. . . . . 557.

11. Жалоба Өеодоры Колпытовской о неправильностяхъ и злоупотребленiяхъ, допущенныхъ епископомъ Мороховскимъ при разборѣ въ духовномъ судѣ дѣла ея съ княземъ Юрiемъ Чорторыйскимъ. 1619 года, iюля 12. . . . . 559.

12. Возраженiе епископа Мороховскаго противъ означенной жалобы Колпытовской. 1619 года, iюля 13 . . . . 561.

13. Жалоба матери Колпытовской, Ганны Костюшковичовны, что владыка I. Мороховскiй, постановивъ незаконное рѣшенiе по бракоразводному дѣлу ея дочери съ княземъ Ю. Чорторыйскимъ, отказался выдать ей копiю протокола судебнаго слѣдствiя по этому дѣлу для представленiя королю. 1619 года, августа 17. . . . 564.

CXXXVII. Запись, выданная священникомъ церкви св. Пятницы въ г. Владимiрѣ-Вол. Михаиломъ Самсацкимъ дьячку своему Заку Онисковичу въ томъ, что если послѣднiй вступитъ въ бракъ съ его племянницей, то онъ будетъ стараться о посвященiи его въ дiаконы къ той же церкви и со временемъ обязывается передать ему свое «дѣдичное» право на означенную церковь. 1620 года, октября 24. . . . . 566.

CXXXVIII. Предварительное условiе, заключенное княземъ Львомъ Воронецкимъ и его женой Христиной Боговитиновной относительно предположеннаго ими развода. 1621 года, апрѣля 28. . 569.

CXXXIX. Судебное дѣло о прелюбодѣянiи въ шляхетской семьѣ.

1. Жалоба п. Яна Рѣзановича на жену свою Марушу и на п. Демьяна Воронича о томъ, что они открыто живутъ въ преступной связи между собою. 1621 года, ноября 22 . . . . 573.

2. Декретъ Луцкаго гродскаго суда, коимъ Демьянъ Воронич и Маруша Рѣзановичева за чужеложство приговорены къ лишенiю жизни, а за неявку въ судъ—къ инфамiи. 1622 года, февраля 19. 574.

3. Возраженiе Маруши Рѣзановичевой противъ обвиненiя ея мужемъ въ преступной связи съ п. Вороничемъ. Характеристика мужа, какъ праздношатающагося пьяницы, который нерѣдко подбивалъ ее на развратъ и намѣревался продать ее кому-либо или промѣнять на коня. 1622 года, марта 4 . . . . 577.

4. Заявленiе жены Воронича Гальшки въ которомъ она энер-

СТРАН.

гично протестуетъ противъ ложнаго обвиненія ея мужа въ преступной связи съ женою Рѣзановича. 1622 года, марта 4 . . . . . . 579.

CXL. Заявленіе Владимірской мѣщанки Анны Мрозовской о томъ, какъ ей жилось въ замужествѣ за шляхтитемъ. 1622 года, іюня 8 . . . . 581.

CXLI. Дворянка Урсула Лукаревская обвиняется въ отравленіи своего мужа. 1631 года, 20 февраля . . . . 583.

CXLII. Жалоба дв. Катерины Черничцкой о томъ, что дв. Дроботъ, безъ ея вѣдома, заручившись согласіемъ ея дочери Маріаны, похитилъ ее изъ дома матери и тайно обвѣнчался съ нею у православнаго священника. 1634 года, 9 генваря . . . . . . 588.

CXLIII. Брачное условіе, заключенное дв. Иваномъ Ярмолинскимъ съ опекунами его невѣсты Катерины Стрибылевны. Хотя молодые, въ моментъ заключенія условія, были уже обвѣнчаны (кіевскимъ митрополитомъ Петромъ Могилой), тѣмъ не менѣе свадьба откладывается на $2^1/_2$ года, а до тѣхъ поръ невѣста должна была оставаться попрежнему въ домѣ своей бабки, женихъ же обязывался тѣмъ временемъ выхлопотать, чтобы мать выдѣлила ему наслѣдственную часть отцовскихъ имѣній, на которой онъ могъ бы записать вѣно своей «будущей женѣ». 1634 г., 21 декабря . . . . . 590.

CXLIV. Жалоба дв. Лисовицкаго о томъ, что дв. Макарскіе, сговоривъ за него дочь свою, неоднократно откладывали день свадьбы, мѣшали его свадебнымъ приготовленіямъ и наконецъ затѣяли хитростью выманить у него брачное условіе; когда же онъ не поддался уловкамъ, они силою вздумали отнять документъ, при чемъ нанесли жалобщику и его слугамъ тяжкіе побои. 1638 года, 23 ноября. 595

CXLV. Свидѣтельство вознаго о томъ, какъ двор. Якубъ Бранскій двукратно пріѣзжалъ съ боярами и *съ вѣнкомъ* (согласно обычаю) въ домъ своей невѣсты, въ дни, назначенные для его свадьбы и оба раза не заставалъ дома ни невѣсты, ни ея родителей. 1638 года, 4 декабря. . . . . 598.

CXLVI. Шляхтичъ Ясинскій убиваетъ свою любовницу за то, что она, послѣ его женитьбы, отказалась продолжать съ нимъ прежнія отношенія. 1644 года, 12 октября. . . . . 599.

CXLVII. Жалоба шляхтича о нанесеніи ему побоевъ мѣщаниномъ, за невѣстой котораго онъ вздумалъ ухаживать. 1646 года, 28 февраля. . . . . .602.

СТРАН.

CXLVIII. Жалоба на бискупа, суффрагана Луцкаго, Николая Красицкаго о вооруженномъ наѣздѣ на домъ дв. Петра Станишевскаго и убійствѣ послѣдняго. Поводомъ къ преступленію послужило намѣреніе бискупа похитить племянницу Станишевскаго и выдать ее замужъ за избраннаго имъ жениха. 1648 года, 15 февраля. 603.

CXLIX. Шляхтичъ Славинскій, женившись на вдовѣ Еленѣ Тржасковской и взявши деньги за «голову» убитаго ея перваго мужа, бросаетъ ее среди дороги и ѣдетъ жениться на другой. 1648 года, 7 апрѣля. . . . . 613.

CL. Жалоба дв. Войтеха Брозки о томъ, что дв. Янъ Слончевскій, пользуясь его отъѣздомъ изъ Волыни на Украйну, съ вооруженными людьми напалъ на квартиру жалобщика, въ г. Луцкѣ, избилъ до смерти его слугъ, похитилъ обрученную его невѣсту дв. Анну Приборовскую и обвѣнчался съ нею у православнаго священника, на взирая на то, что дѣло происходило великимъ постомъ. 1649 года, 17 марта. . . . . 614.

CLI. Жалоба на дв. Крыштофа Сестревитовскаго о томъ, что онъ умышленно оставилъ свою жену на произволъ судьбы въ виду вторженія козаковъ Хмельницкаго и его союзниковъ татаръ. Трагическая судьба покинутой женщины. 1649 года, 9 апрѣля. 616.

CLII. Жалоба шляхт. Андрея Коморовскаго о томъ, что теща его п. Катерина Соколовая разлучила его съ женой, съ которой онъ прожилъ въ бракѣ около тридцати лѣтъ, обратила ее и дѣтей въ православную вѣру (изъ католической) и намѣревается хлопотать о формальномъ расторженіи брака ея дочери съ жалобщикомъ. 1649 года, сентября 13. . . . . 619.

CLIII. Судъ надъ крестьянкой—двумужницей. 1652 года, 11 апрѣля. . . . . 620.

Приложенія.

CLIV. Волынская земянка Марья Вохнова, выдавая дочь свою за племянника земянина Юшка Камки, заключаетъ съ послѣднимъ условіе относительно взаимнаго обезпеченія ими новобрачной четы. 1471 года, 11 сентября . . . . 627.

CLV. Дочери Кіевскаго воеводы Григорія Александровича Ходкевича, Александра и Анны Григорьевны, выйдя замужъ—первая за князя Романа Сангушка, а вторая за п. Павла Сапѣгу и получивъ въ приданое больше того, что по закону имъ слѣдовало бы,

СТРАН.

навсегда отрекаются отъ своихъ наслѣдственныхъ правъ на отцовскія и материнскія имѣнія. 1559 года, 25 марта 629

CLVI. Жалоба земянина Александра Вороны-Боротинскаго о томъ, что отецъ его п. Томило Ворона, принявъ къ себѣ за жену Туровскую мѣщанку Марушку Ильяшовну, вмѣстѣ съ нею пропиваетъ имущество и выдалъ ей какую-то запись на родовыя имѣнія жалобщика. Исторія похожденій этой вольной женщины. 1586 года, 1 апрѣля 632

Дополненіе къ документу № XX.

Къ исторіи сватовства князя Льва Александровича Сангушка-Коширскаго съ княжной Мариной Александровной Чорторыйской. 1563—1565 гг. 634

Указатель личныхъ и географическихъ именъ, встрѣчающихся въ настоящемъ томѣ.

I. Имена личныя . . . . 641.

II. Имена географическія . . . . 692.

Цѣна 2 рубля.